Krymskiĭ, Ahatanhel Iu. Ukrainska...

А. Крымскій.

УКРАИНСКАЯ ГРАММАТИКА

для

учениковъ высшихъ классовъ гимназій
и семинарій Приднѣпровья.

Научно-практическій курсъ сознательнаго изученія центрально-украинской рѣчи, освѣщенный указаніями на важнѣйшіе моменты изъ исторіи развитія малорусскаго языка начиная съ XI вѣка, особенно изъ исторіи нарѣчія восточно-малорусскаго (лѣтописнаго кіево-чернигово-переяславскаго).

Томъ I, выпускъ 1-й.

Изданіе составляетъ собственность общества «Просьвіта» въ Кіевѣ.
Складъ — въ книжномъ магазинѣ «Кіевской Старины» (Кіевъ, Безаковская, 14).

МОСКВА.
Типографія Вяч. Ал. Гатцукъ, Долгоруковская ул., д. Бутюгиной
1907.

Стр. 89—96, 137—200, 225—272 печатаны въ типографіи В. А. Гатцукъ въ Москвѣ (Долгоруковская улица, д. Бутюгиной). Стр. 17—88, 97—136 и 217—224—въ типографіи Русскаго товарищества (Мыльниковъ пер.).

Въ силу множества неожиданныхъ случайностей (такихъ, какъ профессіональныя печатныя забастовки, московскій локаутъ хозяевъ, кіевскія банкротства типографій и пр.) мнѣ пришлось вести печатаніе первыхъ двухъ томовъ «Украинской грамматики» не въ одной, а въ трехъ разныхъ типографіяхъ, и печатать книгу по частямъ, отдѣльными клочками, то здѣсь, то тамъ,—смотря по тому, гдѣ работа не стояла. Поэтому и въ свѣтъ выходить можетъ «Украинская грамматика» только отдѣльными выпусками (въ которыхъ, сказать кстати, даже шрифтъ не одинаковъ). Въ настоящее время, сверхъ той части I-го тома, которую читатель имѣетъ въ предлагаемомъ выпускѣ, одновременно выходитъ въ свѣтъ первый выпускъ II тома. За ними, по мѣрѣ изготовленія, послѣдуетъ выходъ прочихъ выпусковъ, число и порядокъ выхода которыхъ предугадать нельзя, потому-что дѣло зависитъ не отъ автора, а отъ типографій, изъ числа которыхъ искреннюю благодарность я могу принести только типографіи В. А. Гатцукъ.

Въ нынѣшнемъ выпускѣ недостаетъ двухъ печатныхъ листовъ (лл. 15—16 = стр. 201 слѣд.). Они погибли во время того хищническаго разгрома, которому подверглась типографія В. А. Гатцука въ ночь на 1-е апрѣля 1907 года. Эти листы вновь составляются и печатаются, и выйдутъ они въ свѣтъ, повидимому, въ самомъ непродолжительномъ времени; помѣчены они будутъ, какъ т. «I, вып. 2-й». Считаю нелишнимъ замѣтить, что издаваемые здѣсь лл. 11—14 (= стр. 137—200), освѣщающіе исторію перехода *ô* въ *i* (срв. «кiнь» изъ «кôнь»), тоже погибли въ ночь на 1-е апрѣля и, хотя ихъ кое-какъ удалось возстановить, но количество документальныхъ выписокъ изъ старинныхъ малорусскихъ памятниковъ оказывается теперь нѣсколько менѣе изобильнымъ, чѣмъ было сперва. Если и остальное, что утеряно, возстановить

мнѣ удастся (новой кропотливой работой по стариннымъ памятникамъ) ко дню выхода въ свѣтъ 2-го выпуска, то ко 2-му же выпуску будетъ дано особое приложеніе, спеціально старинно-документальнаго характера. Въ противномъ случаѣ можно будетъ это сдѣлать при послѣднемъ, заключительномъ выпускѣ I тома. Тамъ же будутъ указаны и замѣченныя опечатки.

Къ окончательному выпуску I тома приложенъ будетъ общій заголовный листъ, обзоръ содержанія и обстоятельное введеніе, гдѣ, между прочимъ. будутъ выяснены задачи и принципы издаваемой «Украинской грамматики». Покамѣстъ, ограничусь указаніемъ, что тѣсно-практическій курсъ изученія малорусскаго языка начинается, собственно, не съ I-го, но лишь со II-го тома, посвященнаго морфологіи (т. е. сперва склоненіямъ, потомъ спряженіямъ и т. д.) и раздѣленнаго на «уроки», въ которыхъ предлагаются и таблицы словъ для заучиванія, и упражненія для переводовъ съ русскаго на малорусскій и обратно, и діалоги, и попутныя синтактико-фразеологическія поясненія, и т. п. По анализъ и исторія звуковыхъ явленій и особенностей мр. языка, равно какъ связанные съ ними вопросы общемалорусскаго литературнаго правописанія,--все это почти исключено изъ II-го тома: по поводу этихъ пунктовъ тамъ, во II-омъ томѣ, дѣлаются постоянныя ссылки просто на соотвѣтствующіе §§-ы и страницы тома I-го, который посвященъ преимущественно фонетикѣ.

Считаю нужнымъ заранѣе предупредить читателя, что нынѣшнее «большое» изданіе моей Украинской Грамматики предназначено, по своему изложенію, для лицъ, получившихъ образованіе не ниже курса четырехъ первыхъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Лишь тогда, когда будетъ изданъ уже весь мой трудъ (4 тт.), или хотя бы два первыхъ тома, явится возможность составить чисто-популярный, вполнѣ общедоступный учебникъ малорусской грамматики.

Вступне слово.

(Подъ такимъ названіемъ мною было помѣщено введеніе въ тотъ (короткій) курсъ малорусской грамматики, который началъ печататься въ московскомъ журналѣ „Зоря" 1906 г. подъ заглавіемъ: „Практическій курсъ изученія малорусскаго языка". Не считаю нужнымъ предлагать „Вступне слово" въ русскомъ переводѣ, а перепечатываю его такъ, какъ оно было напечатано въ „Зорі". Пропускаю лишь нѣсколько фразъ, обращенныхъ спеціально къ читателямъ журнала).

I.

Найпередше — про терміни „малоруський“, „український“.

Найстарійша назва для наших прадідів-киїнлян була попросту „Русь“, а як одна людина — то звалася „русинъ“*). Треба завважити, що за часів Київської держави, за часів Ольгових, Володимирових, Ярославових і так далї, аж до XII віку, „Руссю“ звалася тілки сама Київщина (земля полян), себ-то терріторія теперішньої східньо-малоруської мови; а теперішня західня Вкраїна (себ-то Галичинà з Поділлям, Волинь і т. и.) ще була не звалася „Русь“. Так само не звалися тодї Руссю теперішні краї білоруські та великоруські. Тілки ж на прикінцї Удїльного періоду, ще й перед монгольским находом, потроху стали звати себе київсько-столичним ім'ям „Русь“ не тілки предки теперішнїх західнїх українців (що були таки найблизчі до киян своєю мовою), ба й предки теперішнїх білорусів і теперішнїх великорусів (що вже й тодї, ще перед татарськими часами, трохи одрізнялися своєю мовою од київлян-полян та од галичан з волинянами). В XIII в., як підупав Київ та натомість піднялося могутнє Галицько-Волинське князївство, дак воно, оте новітнє й міцне Галицько-Волинське князївство, зачало пишатися гордовитим титулом „Мала Русь“, аби й з титулу видко вже було, що теє князївство вважає себе не сугіршим од київського**). Тимчасом народилося на півночі Московське князївство тай заходилося гуртувати під собою всі північні землї, тай уже тілки ті північні землї вважало воно за „Русь“, забуваючи про

*) Див., прим., в тій умові, що поклав Олег із греками (912 р.): „Аще убьеть хрестьянина Русинъ или хрестьянинъ Русина—да умреть“.

**) От, приміром, Юрій II въ 1334 роцї гордо величає себе в свойому оффіціяльному титулові: Dei gratia natus dux totius Russiae Minoris=„з Божої ласки прирожденний князь цїлої Малої Руси“.

Київщину та Галичину з Волинню. От, приміром, у XIV столїттю московський князь Симеон Гордий (1341—1358), що володів тілки московськими землями, зве свої московські землї: „вся Русія“*). Тодї греки, щоб якось одрізняти московські землї од південних, од теперішньої Вкраїни, назвали московську Русь „**Велика** Россія“ (Μεγάλη Ρωσία); а **всю** південну Русь, себ-то разом і східню Вкраїну (Київщину) і західню Вкраїну (Галичину з Волинню) вони назвали одним спільним ім'ям: „**Мала** Россія“ (Μικρὰ Ρωσία), себ-то таким назвищем, яким досї титулувалося тілки Галицько-Волинське князївство; очевидячки, греки, через свої частї відносини з Київом та з Галичем, добре бачили, що в Київі і Галичинї люди говорять більше чи менче однаковою мовою; що між київською та галицькою мовою знати було деякі діялектичні одміни, дак про це грекам (або й хоч-кому) було байдуже. Назвище „Велика Россія“ (Μεγάλη Ρωσία) трапляється, приміром, коло 1347 року в грамотї Візантійського імператора**), а назвище „Мала Россія“ (Μικρὰ Ρωσία) перший раз прикладяно й до Київщини—в грецькій грамотї Царгородського синоду 1354 року, що на йому був і великоруський митрополит Алексій***); може, й Алексій (ставляник з Москви) пособив грекам записати чужу для нього Київщину до **Малої** Русї, щоб не плу-

---

*) Див. його грамоту, де він домовляється з братами, в „Собраніи грамотъ и догов.“, I, № 23.

**) Див. її в „Русской Исторической Библіотекѣ“, т. VI, стовпець 21—34.

***) От як сказано в тій грамотї: Εἶχε μὲν ἡ ἁγιωτάτη μητρόπολις Ρωσίας, μετὰ καὶ τῶν ἄλλων κάστρων καὶ χωρῶν ὑπὸ τὴν ἐνορίαν ταύτης τελούντων, καὶ τὸ ἐν τῇ Μικρᾷ Ρωσίᾳ κάστρον τὸ Κύεβον ἐπονομαζόμενον себ-то: „У найсьвятїйшої Російської митрополії, разом із инчими городами та селами, підвладними їй, був іще й у Малій Русї гòрод на ймення Київ“. Значиться, для греків „Россія“—то були всї землї вкупі, де колись панувала одна спільна „російська“ митрополія,—тілки що північні землї були „**Велика** Россія“, а всї південні—„Мала Россія“.

тати її із своєю рідною Великою Руссю. Як відомо, Київщина тай усенька східня Вкраїна (Чернигівщина, наддніпрянська Переяславщина) не захтіли опиратися проти такої назви, перенесеної на них з галичан та волинян; бо вже ж кияне (вкраїнці східні) добре почували свою з-давен-давню, предковічну близькість до України західньої (Галичини з Волинню). І отож, із того часу, з XIV столітя, ім'я „Мала Русь“ зробилося спільним для всієї України.

Що правда, оце имення „Мала Русь“, „Малая Россія“ завсіди було тілки книжним, письменським. Звичайний українець і письля XIV віку казав на себе по давньому: попросту „Русин“, тай був би звав себе отакечки аж до наших часів, коли б Україна не попалася въ XVII в. під володіння Москви. Московська держава казала на себе „Русь“, а через те Вкраїна, щоб одрізняти себе од великоросіян, одкинулася од своєї прадідньої назви „Русь“, „Руський край“, „русинѝ“. Скрізь, де над українцями запанувала Москва, вони одтоді не звуть уже себе „руським людом“: в їхній мові слово „руський“ зробилося тепер ім'ям для „великоруса“, якого вони часом дражнять іще й „кацап“*). Тілки в Австрії, де нема великорусів, українці звуть себе ще й досі „русинàми“, а свою мову—„руською“**).

Спитає хтось: а звідки повстало наше ім'я „Україна“? Воно давнє. В Іпатській літописі під 1187 роком читаємо про Україну Лівобережну, з приводу смерти переяславського князя Володимира Глібовича: „И плакашася по немь вси Переяславци,...—о немь Украина много постонà“***). Під 1213 р. читаємо за Вкраїну Правобережну, з приводу князювання Данила Галиць-

*) „Кацап“—з татарського слова „кассаб“, „кассап“=різник, деришкура.

**) А великоруську мову вони звуть „російською“ або „московською“.

***) Див. видання Археографічної Комісії, ст. 439.

кого: „Данило... ѣха с братомъ и прия Берестий и Угровескъ и Верещинъ и Столпъе, Комовъ, и всю Украину“ *). Бачимо звідси, що Україною попереду звалася не вся малоруська земля, а самі-но пограничні краї, котрі були близчі до половців, а потім до татар,—ті краї, де потім була Козаччина. Як настала ж Козаччина, то терріторія „України“ значно поширшала—і з правого і з лівого боку Дніпра. Нове наше письменство пішло не звідки, як з тиеї козацької Вкраїни (Котляревський, Гулак-Артемовський, Квітка-Основ'яненко, Шевченко і др.), а через те тепер усі сьвідомі малоруси, хоч би де вони жили, звуть себе українцями. Навіть Галичина (в Австрії), яка попереду була завсігди звала свою мову просто „руською“, почала за 80-х—90-х років минулого століття величати свою мову вже „русько-українською“, а тепер і галичане, котрі сьвідомі своеї національности, звуть себе українцями... От так, було колись, Наддніпрянщина позичила в Галичини ім'я „Мала Русь“, а тепер Галичина позичае в Наддніпрянщини ім'я „Україна“.

Дак виходить, що теперечки терміни „малоруський“ і „вкраїнський“ поробилися рівнозначними сінонімами, а незабаром напевне дійдеться до того, що термін „малорус“ зовсім призабудеться: всі зватимуться тілки „українці“. Тілки ж, доки ще воно до того зовсім дійдеться, для філолога часом вигіднійше бувае (побачимо далі, чому се так) триматися ще й досі, задля научної точности, терміну „малоруська мова“, а не „українська мова“. Здебільша й я так робитиму,—нехай читачі не здивують!

II.

Чи багато людей балакають українською (або, з-письменьська, „малоруською“) мовою?

А більше як 30 мілліонів люду, що живе в Европі під володінням імперій Россійської й Австрійської та Турець-

*) Див. в тім самім виданню, ст. 490.

кого султана та Румунського королївства, а почасти живе колоніями і в Америцї (в північній і в південній*). З земель Австрійської імперії по-малоруськи говорять Галичина́, Бу́ковина і Угорська Русь. В Російській державі малоруси живуть на Поділлю і трохи в Бесарабії, на Волиню, в Підляшшю, в Київщинї, в Київсько-Волинсько-Минсько-Чернигівському Полїссю, в Чернигівщинї, в Полтавщинї, в Харківщинї, в Катеринославщинї, Херсонщинї, в Таврії, на Кубанї і в Ставропільщинї на Кавказї, трохи в прибережній Черкещинї, потроху в Курщинї, Вороніжчинї, в Саратовській губернії і в Дінщинї; знов же чимало вкраїнців оселилося колоніями ще й у Сїбіру на Далекому Сходї.

Мова всїх оціх 30—35 мілліонів малоруського люду не скрізь однакова, не скрізь одностійна: вона роспадається на багацько говорів. Та всї ті говори можна гуртом поділити на дві великі группі, або на дві великі вітки: західньо-малоруську і східньо-малоруську. Західньо-малоруською мовою (або точнїш—несчисленими західньо-малоруськими *говорами*) балакає: вся Австрійська Вкраїна (Галичина̀, Бу́ковина, Угорська Русь) і русини-колонїсти в Америцї, а в Російській імперії—Подільщина з Бесарабщиною, Підляшше і значна частина Волиню. Всї опрочі малоруські краї (Київщина, Полтавщина, Полїсся, Чернигівщина і т. д.) балакають мовою східньо-малоруською (інакше: говорами східньо-малоруськими).

Треба знати, що і в західньо-малоруській мові і в східньо-малоруській мові є поміж говорами архаїчні (стародавні), себ-то такі, які менче порозвивалися на новітній лад. Приміром, в архаїчних говорах ще й досї позадержувалися дїфтонги (=двогласні): у͡о, у͡ы, ю͡о, ю͡ы, і͡э і т. и. Колись такі дїфтонги чулися геть в усій малоруській мові; тілки ж ми знаємо, що пізнїш, ік нашим часам, дїфтонги здебілша скрізь, і в Західній і в Східній

*) Великорусів є 63—65 мілліонів, білорусів—із семеро мілліонів.

Малорусї, позмінювалися на звук *г*, і тілки в небагатьох отих „архаїчних“ говорах заховалися діфтонги аж до нашого часу. Архаїчні говори західньо-малоруської мови—це ті, якими говорять гірські люди в Карпатах (в Австро-Угорщинї) та на Підляшшю (в Російській державі). Архаїчні говори східньо-малоруської мови—це ті, шо чуються на Поліссю (київсько-волинсько-мінсько-черни гівсько-полтавському).

Часом де-хто зве всї архаїчні (діфтонгові) говори одним спільним ім'ям: „північно-малоруське наріччє“, або „північно-малоруська мова“, бо ті архаїчні говори й справдї чуються лиш по північних закутках: одні—на півночі західньо-малоруської терріторії, другі—на півночі східньо-малоруської терріторії. В такім разї можна так само й усї опрочі говори (що без діфтонгів) гуртувати разом до однієї купи тай давати тій купі одне спілне найменння: „південно-малоруська мова“, або спеціалнїш—„українська мова“. Такий поділ—практично дуже вигідний, бай не зовсїм несправедливий, тілки ж він не органїчний: він буде не стілки діалектологічний, скілки географічний. Таку класіфікацію можна порівняти от з чим. Покладімо собі, на-сам-перед, що всї західньо-малоруські говори (разом з архаїчними)—то величезне поле, засїяне пшеницею, а геть усї східньо-малоруські говори (разом із своїми архаїчними)—то знов-таки велетенське поле, засїяне житом. На півночі, де холоднїш, і пшениця й жито ще не порозвивалися, а стоять зеленими парями, тай іще мало видко одміни між зеленим руном пшеницї і зеленим руном жита; а вже ж на півднї і пшениця і жито порозвивалися й поколосилися, тай одразу видко, з котрого боку котре. Сказати, що малоруська мова роспадається на північно-малоруську і південно-малоруську—це так само, як би сказати, що всеукраїнська нива на півночі зеленіє парями, а на півднї колоситься зерном, тай не сказати, що й на півночі єсть парі пшеничні

й житні і на півдні колоситься збіжжя пшеничне й житнє... Тілки ж будь що будь: не з філологічного, а з житейсько-практичного погляду єсть вигода ділити малоруську мову на північну й південну. Трохи згодом побачимо й сами, яка в тім вигода.

III.

Дак що ж то буде за „Практическій курсъ малорусскаго языка", що ми його маємо тут подати? Для якого наріччя служитиме наша грамматика? для західньо-малоруської мови чи для східньо-малоруської? І знов же: для котрих говорів? архаїчних чи неархаїчних?

Архаїчні (стародавні) говори дуже важні задля вченої філології, бо коли філолог научно розглядає карпатські та підляські говори, то на-віч бачить, якою була колись уся мова західньо-малоруська („галицько-волинське наріччe"), а коли він розглядає говори поліські, то бачить, якою була колись уся мова східньо-малоруська („київсько-чернигівсько-переяславське наріччe"*). Для філології всі архаїчні малоруські говори (ціле „сѣверно-малорусское нарѣчіе", як кажуть часом) — це дорогоцінна спадщина, це неоцінений скарб. В тих місцях свого „Практическаго курса", де я торкатимусь історії нашої мови, я неодмінно вдаватимусь до архаїчних говорів.

Тільки ж архаїчними говорами говорить дуже й дуже небагацько малорусів, тай для нової української літератури вони не послужили. Через те я із свого „Практическаго курса малорусскаго языка" повинен їх виключити.

Зістаються ті говори, якими говорять „південні малоруси" (спеціальніш — „українці") і які послужили для но-

*) Ще навіть у XVIII віці ціла Київщина і прибережна Полтавщина говорили отак, як тепер говорять тілки на Поліссю.

вітнього письменства. Ми знаємо вже, що вони належать до двох наріччевих групп: західньо-малоруської і східньо-малоруської. Мій „Практическій курсъ“ буде тілки для східньо-малоруського наріччя.

Та й то не для цілого. Треба, щоб читачі пам'ятали от що:

1) Граматика, яку в мойому „Практическомъ курсѣ“ читачі знайдуть (етімологія, сінтаксіс, фразеологія)—це буде граматика переважно для тієї української мови, якою говорить центр східньої Вкраїни і якою писали й пишуть найкращі наші письменники. Інакше сказати-це буде здебілша граматика тієї мови, що нею говорить Україна Наддніпрянська, а найбілше—Київщина та Полтавщина. Ба навіть і в Австрії, в Галичині та Буковині, де українці (русини) мають свої школи, гімназії тай універсітетські катедри, школярі по школах білше вчаться граматики українсько-наддніпрянської, а не своєї тамошньої галицької або буковинської.

2) Так само й словарний репертуар, якого я держуся в свойому курсі, це буде переважно спільний словар Наддніпрянської Вкраїни, обох боків Дніпра: і правого, і лівого,—звісно, настілки спільний, наскілки він справді являється спільним.

Тілки ж мусю застерегтися перед читачами, що, коли лівобережний і правобережний словар росходяться між собою, то я білше прихиляюся до словарного засобу Наддніпрянщини Правобережної, ніж Лівобережної. Це я роблю раз тому, що на Правобережжі (приміром у середній і південній Київщині) мова дуже чиста й однаковісінько вільна чи-то од москалізмів, чи-то од полонізмів, а друге—що правобережну наддніпрянську мову зовсім легко розуміють геть усі малоруси, чи будуть вони з лівого Дніпрового берега, чи будуть з Волині, з Поділля, з закордонної Австрійської України.... Та вжеж само собою розуміється, що я не пхав до свого курсу яких-небудь локалізмів з Наддніпрянщини, себ-то та-

ких слів, що можна почути в якому-небудь одному селі або повіті, а в других місьцях таких слів немає, і ніхто їх там не зрозуміє. Для локалізмів місце в діалектології, а не в практичному курсі спільно-вкраїнської Наддніпрянської мови... Ще ж мусю додати, що ті слова, котрі більше чуються в західній Україні, ніж у східній, я позначаю буквами в скобках: „зап.“ (=західний, западный*); а котрі слова більше лівобережні, ніж правобережні, то перед ними я ставлю в скобках зазначку: „вост.“ (=східний, восточный). Часом трапиться в мене ще й от яка зазначка: „гал.“; це значить: „галицьке слово“; тілки ж таких слів у мене обмаль.

3) За прінціп я собі поставив: користуватися самісінькою простонародньою мовою, себ-то мовою селян. Тямущі люди знають, що простонародня, селянська вкранська мова аж на-прочуд багата: всякі тонкі одтінки, всякі абстрактні поняття зовсім легко передаються щирими народніми вкраїнськими словами або зворотами,— треба тілки тії слова та звороти одшукати та знати. Але ж і вкраїнська сьвідома інтеллігенція, що не одцуралася рідної мови і балакає нею про всі свої інтереси, виробила самостійно деякі научні або абстрактні терміни, зовсім під дух народньої мови. Коли такі слова часом траплятимуться в мойому курсі, то читач знаходитиме коло них у скобках: „інт.“ (=інтеллігентне слово); приміром знайде отак: „содержаніе—(інт.) зміст“. Тілки ж я такі слова здебілша оминатиму тай вдаватимуся по них хіба в ряди-годи, коли не знаю відповідних простонародніх слів.—Мусю завважити, що під цю категорію не зовсім підходять чужоземні слова, отакі, як „автор“, „еффект“, „анахорет“, „теологія“, „декадент“, „модерніст“,

*) Під „зап.“ я розумію західну Наддніпрянщину (прим. Київщину), себ-то терріторію східньо-малоруської мови, хоч і Правобережної. Коли ж я захочу підкреслити, що якесь слово чується спеціально в зах.-мр. мові, то я зазначатиму його: „зап.-мр.“ (западно-малорусское).

„флірт“ і т. и., бо це слова міжнародні, а не спеціально інтеллігентні - вкраінські: нічим їх заміняти я не могтиму.

От і все, щó я тепер маю сказати читачам „Зорі“. А далі покину рідну мову тай писатиму по-російськи—задля тих читачів, що не знають іще вкраінської мови, а допіро хтять її вивчитися.

Глава первая.

О малорусской азбукѣ.

(Про вкраïнську áзбуку.)

§ 1. Азбука малорусская въ общемъ та же, что у всѣхъ православныхъ славянъ: болгаръ, сербовъ, русскихъ. Но если по внѣшнимъ очертаніямъ азбука у всѣхъ одна и та же, то по звуковому своему значенію многія буквы въ языкѣ каждой изъ перечисленныхъ славянскихъ группъ значительно отличаются. Нельзя малорусскія буквы читать такъ, какъ русскіе читаютъ свои буквы.

§ 2. Вотъ главныя особенности малорусскихъ гласныхъ буквъ:

Буква *е* читается твердо, какъ русское э; напр., мене́ (=меня) чит. „мэнэ́“, не́бо чит. „нэ́бо“. По этой причинѣ великорусская буква э совершенно отсутствуетъ въ малорусской азбукѣ, и если малоруссу нужно воспроизвести звукъ э въ началѣ слова или послѣ гласной, то онъ одинаково пишетъ букву е. Напр.: ет! (восклицаніе нетерпѣнія) чит. „этъ!“; еге ж (=ну, да) чит. „эhэ́ жъ“; поет (=поэтъ) чит. „поэ́тъ“.

Буква *є* читается какъ мягкое русское е или ѣ (а буквы ѣ, замѣтимъ кстати, малорусская азбука вовсе не имѣетъ) *); напр. питанне (=вопросъ)

---

*) Буква ѣ, какъ совершенно излишняя, выброшена была малоруссами изъ своей азбуки послѣ того, какъ русское правительство (въ концѣ XVIII вѣка) приказало учителямъ въ малорусскихъ школахъ читать эту букву на великорусскій ладъ, т. е. какъ е, и не читать ее какъ і. Впрочемъ сдѣлаться это могло не

чит. „пыта́ньнѣ“, сине (=синее) чит. „сы́нѣ“, мае (=имѣетъ) чит. „ма́ѣ“, е (=есть) чит. „ѣ“. Если требуется выразить, что согласная рѣзко отдѣляется въ произношеніи отъ слѣдующаго за нею е, то они разъединяются апострофомъ, или вмѣсто е пишется йе. Напр., въ смыслѣ „онъ бьетъ“ будетъ написано по-малорусски: він б'е, или він бйе (чит. „винъ бъѣ“); въ смыслѣ „пьетъ“ будетъ по-малорусски написано: п'е или пйе (чит. „пъѣ“).

Въ малорусской азбукѣ нѣтъ русской (вѣрнѣе, шведской) буквы *ё*. Она замѣняется черезъ йо и черезъ ьо, смотря по оттѣнку; напр. його́(=его) чит. „ёho“, до нього (=къ нему) чит. „до нёho“. Ни въ какомъ случаѣ нельзя въ такихъ случаяхъ писать іо *), потому что іо читается въ два слога; напр., піонѐр (=піонеръ) чит. „пі-о-нѣръ“. Обычай выражать звукъ *ё* послѣ согласныхъ черезъ ьо спорадически примѣнялся малоруссами еще въ документахъ козацкаго періода, когда, напр., діалектическое всё (=все) писалось „всьо“ и т. п. **); но въ постоянное употребленіе вошелъ этотъ пріемъ только въ XIX вѣкѣ.

Буква *и* читается твердо: въ однихъ мѣстностяхъ—совсѣмъ какъ русское ы, въ другихъ мѣстностяхъ—чуть-чуть мягче ***), но, во всякомъ случаѣ, отдѣльная буква ы для малорусса не нужна: вмѣсто ы всегда надо писать букву и. Напр., милий (=милый) про-

---

сразу, и буква ѣ почти до 30-хъ г.г. XIX вѣка читалась многими малоруссами все еще за і, а не за е, какъ требовалось по оффиціальному приказанію.

*) Такъ, написать іому, до ніого—это грубыя ошибки.

**) См. напр. въ кіевской книгѣ кгродской 1736 г. (№ 47, л. 263 об.=Антон. и Козловск. № 12, стр. 25: „потвердыты рачылъ, же въ то всьо ныхто уступоваты не маетъ“.

***) Особенно мягко слышится *и* въ Черниговщинѣ: тамъ этотъ звукъ легко путается съ *і*.

износится близко къ „мы́лый“, ми́ло (=мыло) произн. почти „мы́ло“, ходити (=ходить) произн. почти „ходы́ты“.

Буква ї читается какъ йотированное русское *и*, т.-е. йи, йі (=латинск. ji). Напр. їх (=ихъ) чит. „йихъ“ (jich), Україна (=Малороссія) чит. „Украйи́на“ (Ukrajina), моїй (=моей) чит. „мойий“ (mojij). Если требуется отчленить передъ буквой ї согласный звукъ, то между согласной и буквой ї вставляется апострофъ, или вмѣсто ї пишется йі. Напр. з'їзд или зйізд (=съѣздъ) чит. „зъйиздъ“ (zjizd).

Буква і произносится вообще какъ мягкое русское *и* или какъ мягкое французское или итальянское і. Напр. він (=онъ) чит. „винъ“, спасибі (=спасибо) чит. „спасы́би“, різати (=рѣзать) чит. „ри́заты“. Исключеніе составляютъ слоги ді, ті, зі, сі, ці, ні, лі. Они читаются съ нѣкоторымъ твердымъ призвукомъ послѣ д, т, з, с, ц, н, л, т.-е. какъ бы: дъі, тъі, зъі, съі, цъі, нъі, лъі. Если же требуется выразить полную мягкость для этихъ слоговъ, то надо писать букву ї (съ двумя точками), т.-е. писать: дї, тї, зї, сї, цї, нї, лї. Поэтому дїд (=дѣдъ) надо читать „дидъ“, но „діл“ (=долъ, полъ) или „дійка“ (=сосецъ) чит. „дъілъ“, „дъійка“. Тїло (=тѣло) чит. „ти́ло“, но стіл (=столъ) чит. „стъілъ“. Зїлля (=зелень) чит. „зи́лля“, но зірка (=звѣзда) чит. „зъірка“. Всїх носів (=всѣхъ носовъ) чит. „всихъ носъівъ“. Ку́ці зайцї (=кургузые зайцы) чит. „ку́цъі зайци́“. Нїс (=нёсъ) чит. „нисъ“, но ніс (=носъ) чит. „нъісъ“. Пожалїв волів (=пожалѣлъ воловъ) чит. „пожали́въ волъівъ“. Нѣтъ возможности вполнѣ точно объяснить способъ произношенія малорусскихъ слоговъ ді, ті, зі, сі, ці, ні, лі: для ихъ усвоенія надо непремѣнно услышать живое произношеніе природнаго ма-

лорусса. Для знающихъ нѣмецкое произношеніе можно замѣтить, что, напр., въ малорусскомъ словѣ „Дін" (=Донъ) звукъ і звучитъ среднимъ образомъ между нѣмецкими гласными звуками въ „dünn" и „dich" *).

Всѣ прочія гласныя буквы (*а*, *о*, *у*, *я*, *ю*) произносятся такъ, какъ и по-русски, но только всегда чисто и явственно; áканья нѣтъ, неударное *о* звучитъ какъ и ударное *о*. Если надо оттѣнить расчлененное произношеніе согласнаго звука передъ *я* и *ю*, то пишется апострофъ. Напр. взя́ти (=взять) читается: „взя́ты", а з'яви́тися (=появиться) чит. „зъявы́-

*) Надо замѣтить, что разницу въ правописаніи такихъ словъ, какъ ніс и нїс строго соблюдаютъ покамѣстъ только тамъ, гдѣ малорусскій языкъ преподается въ школахъ (напр., въ гимназіяхъ и университетахъ), т.-е. покамѣстъ только за границей, въ Австріи. Въ Россійской же державѣ, гдѣ малорусскій языкъ и правописаніе было до сихъ поръ въ загонѣ, даже многіе украинцы не успѣли привыкнуть къ мысли, что надо строго различать ні отъ нї, а вдобавокъ и типографіи не обзавелись буквою ї въ надлежащемъ количествѣ; оттого новонародившіяся кіевскія и другія газеты печатаютъ въ обоихъ такихъ случаяхъ, какъ ніс и нїс, одну и ту же букву і (съ одною точкою).— Нельзя не признаться, что этотъ пунктъ малорусскаго правописанія представляетъ собою извѣстныя трудности. Быть можетъ, со временемъ будетъ введенъ болѣе легкій способъ различенія, на письмѣ, твердоватыхъ слоговъ ді, ті, зі, сі, ці, ні, лі отъ мягкихъ слоговъ дї, тї, зї, сї, цї, нї, лї. Именно, можно было бы прибѣгнуть, для обозначенія твердости слога, къ написанію точки подъ согласной буквой (д, т, з, с, ц, н, л) и писать, напримѣръ, слово стіл съ подстрочной точкою подъ буквою т. Въ такомъ случаѣ слово, означающее по-малорусски „тѣло" и содержащее въ себѣ вполнѣ мягкій слогъ ti, можно было бы писать просто тіло, а не тїло, и употребленіе буквы ї съ двумя точками было бы въ такихъ случаяхъ излишнимъ. Подобный пріемъ (написаніе подстрочной точки подъ согласными буквами для обозначенія ихъ особой твердости) давно примѣняется въ оріенталистикѣ и могъ бы съ успѣхомъ быть примѣненъ и малоруссами (со временемъ, конечно,—не теперь) въ ихъ литературной орѳографіи.

тыся". Мертвя́к (=мертвецъ) читается „мэрт[ь]-вя́къ", а в'я́нути (=вянуть) читается „въя́нуты". Бюро́ (= бюро) чит. „бюро́", а б'ю (= бью) чит. „бъю". Нѣкоторые предпочитаютъ въ такихъ случаяхъ вмѣсто надстрочнаго знака—апострофа писать букву ъ (въ другихъ случахъ непримѣняемую) и пишутъ, напр., бъю, пъяний и т. п.

§ 3. Согласныя буквы произносятся у малоруссовъ почти всѣ сходно съ русскими, исключая буквы *г*: она произносится какъ h. Напр., рогами (=рогами) чит. „роhа́мы", багаття (=костеръ) чит. баhа́тьтя. Для выраженія твердаго звука g имѣется особая буква ґ (съ заостреніемъ кверху). напр., ґа́нок (=крыльцо) чит. га́нокъ; она придумана въ началѣ 17-го вѣка*). Если въ типографіи нѣтъ этой буквы, то малоруссы ставятъ вмѣсто нея двѣ буквы: кг,—напр. , кга́нок; этотъ пріемъ возникъ въ XIV вѣкѣ, когда малоруссамъ и бѣлоруссамъ понадобилось передавать своими буквами новоусвоенныя польскія, нѣмецкія и литовскія слова и имена **).

---

*) Если не ея изобрѣтателемъ, то во всякомъ случаѣ ея популяризаторомъ былъ лексикологъ Памва Берында; можетъ быть, онъ же ее и изобрѣлъ.

**) Напримѣръ, въ грамотѣ 1387 г. княжеское литовское имя воспроизведено черезъ Скиркгайло. (Иногда же малоруссы передавали въ немъ звукъ g черезъ букву к,—напр. въ жалованной грамотѣ 1403 г.: Швитрикайло Ѡлькирдовичь, находя, что для выраженія звука g именъ „Свитригайло" и „Ольгердъ" лучше будетъ написать даже букву к, лишь бы не букву г). Въ грам. 1388 г.: кголдовати. Въ грам. 1392—1429 года: Кгедройтьскии, Кгедройтьскимъ, къ Дынкгменомъ. Въ грам. 1393 г.: бѹркгимистрѹ. Въ грам. 1395 г.: кгды (=польск. gdy). И пр., пр.

Въ началѣ XV вѣка эта транскрипція проникаетъ и въ Буковину, жившую въ особыхъ политическихъ условіяхъ; въ господарской договорной грамотѣ 1433 года (=Улян. № 32) находимъ воспроизведеніе именъ и фамилій поляковъ, подписавшихъ договоръ: „Янъ Кыловачъ, Миколай Быдкгосцкий, Янъ Оканка Рокго-

Важное замѣчаніе. Звонкія согласныя (б, в. г, д, ж, з) ни въ концѣ слова, ни въ серединѣ передъ согласными глухими не обращаются въ глухія (п, ф, х, т, ж, с), но, напротивъ, онѣ всегда строго сохраняютъ свое звонкое произношеніе, въ противность русскому языку. Напр., русское „хлѣбъ“ звучитъ „хлѣпъ“, а въ малорусскомъ словѣ хліб обязательно сохраняется отчетливая звонкость звука б. По-великорусски „дѣвка“ произносится „дѣфка“, но по-малорусски не иначе, какъ дівка, съ самымъ яснымъ звукомъ *в* (т.-е. ближе къ *у* безъ малѣйшаго сходства съ ф).

зенский, Доброкюстъ с Колна, Шелика“. Тогда же проникаетъ это кг и въ церковныя рукописи для воспроизведенія библейскихъ именъ; въ Волынскомъ Антоновецкомъ Апостолѣ XV вѣка читаемъ: Кгоморov (л. 59 об.). Какъ видимъ, такіе примѣры— все въ чужихъ словахъ, не въ малорусскихъ. Правда, г. Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ“ (1903, стр. 124) и въ „Очеркахъ“ (стр. 107) преподноситъ своимъ слушателямъ лживое утвержденіе, будто въ Смотрицкой (подольской) грамотѣ 1375 г. употреблено буквенное сочетаніе кг въ неиностранномъ словѣ кгдѣ. и, кстати, тенденціозно заключаетъ отсюда, что, молъ, малоруссы еще XIV вѣка произносили гдѣ на великорусскій ладъ. Такъ говорить можетъ только человѣкъ, не видавшій этой грамоты. Въ ней вовсе нѣтъ начертанія кгдѣ, а написано въ ней на церковнославянскій ладъ: кдє, и узнать это г. Соболевскій могъ бы, даже не видавши подлинника грамоты. Съ нея изданъ снимокъ въ приложеніи къ I тому книги А. Пржездзѣцкаго: Podole, Wołyn', Ukraina (Вильно, 1841), и изданъ ея текстъ у акад. Срезневскаго въ „Древнихъ памятникахъ русскаго языка и письма“ (СПБ. 1863 = „Извѣстія“, т. X); затѣмъ эта грамота 1375 года переиздана, съ новой свѣркой по подлиннику, П. И. Житецкимъ въ его „Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ (Кіевъ, 1876, стр. 355—356), и наконецъ послѣдовало новое провѣренное изданіе этой грамоты и двукратное цитированіе интересующаго насъ мѣста—у Н. Молчановскаго: „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, (стр. 221 и 159). И во всѣхъ этихъ изданіяхъ г. Соболевскій нашелъ бы кдє, а не кгдѣ. Въ подлинникѣ—14-ая строка.

Изъ русскихъ согласныхъ буквъ отсутствуетъ въ малорусской азбукѣ ѳ, и не пишется безгласный ъ: въ концѣ словъ онъ совершенно отбрасывается, а въ серединѣ замѣняется черезъ апострофъ, напр з'óчити (=усмотрѣть, увидать) чит. „зъочыты", п'ю чит. „пъю". Впрочемъ, какъ я выше указывалъ, многіе малоруссы питаютъ отвращеніе къ апострофу (апострофъ, говорятъ они, „дробитъ" и „разбиваетъ" слово, которое должно быть одноцѣльнымъ), а потому въ серединѣ словъ они вмѣсто непріятнаго имъ апострофа пишутъ букву ъ (т.-е., напр., зъочити, пъю). Я ужъ указывалъ также, что вмѣсто з'їзд, б'є можно писать: зйізд, бйе,—способъ, посредствомъ котораго тоже устраняется апострофъ.

§ 4. Кромѣ того, надо помнить, что въ малорусскомъ языкѣ существуетъ три такихъ звука, для точнаго воспроизведенія которыхъ нѣтъ соотвѣтствующихъ буквъ въ нашей азбукѣ и которые поэтому передаются на письмѣ условно. Сюда относятся:

1) Сложный свистящій звукъ, средній между цз и дз. Напримѣръ, онъ слышится въ словахъ: дзвін (=колоколъ), дзвонúти (= звонить), дзúга (=волчекъ, кубарь), кіевс. діалект. дзмій (=змѣй) *), дзелéнькати (=дребезжать), а дзýськи! (запретительно-насмѣшливое междометіе=шалишь! прочь!) и т. п. Этотъ звукъ принято выражать, условнымъ образомъ, черезъ двѣ буквы: дз, такъ что на письмѣ не проводится никакая разница между этимъ однимъ сложнымъ звукомъ (близкимъ къ цз) и между раздѣльными двумя звуками д+з; одинаково мы пишемъ, напримѣръ, словá дзвін и одзивáти (=отзывать).

---

*) Кромѣ Кіевской губерніи можно слышать дзмій и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Украины. Но обыкновенная, преобладающая фонема есть всюду змій.

хотя первое слово звучитъ почти „цзвинъ", а во второмъ мы совершенно отчетливо и раздѣльно слышимъ: „од-зываты" *).

2) Аналогичный сложный шипящій звукъ,—средній между чж и дж, слышится, напримѣръ, въ словахъ: джеркотїти (=стрекотать, галдѣть), джигу́н (=повѣса) и т. п., а въ особенности—въ цѣломъ рядѣ западно-малорусскихъ глагольныхъ формъ, далеко не чуждыхъ и правобережной Наддніепрянщинѣ; напр.: зап. вихо́джу (=выхожу: вост.-мр. „вихо́дю", „вихо́жу"), зап. ра́джу (=совѣтую; вост.-мр. „ра́дю", „ра́жу"), зап. наса́джений (=насажденный, посаженный; вост.-мр. „наса́жений", „наса́дяний"), дріжджі (=дрожжи), виїжджати (=выѣзжать), дождж (наряду съ дощ=дождь) и пр., и пр. Была у малоруссовъ попытка ввести для воспроизведенія этого звука сербскую букву џ **), но попытка не имѣла успѣха, и малоруссы пишутъ въ такихъ случаяхъ двѣ буквы дж, хотя прекрасно сознаютъ, что въ джеркотїти или въ ра́джу совсѣмъ отсутствуетъ то расчлененное произношеніе звуковъ д + ж, какое слышится, положимъ, въ оджима́ти (=выжимать, напр., мокрое бѣлье) или въ підживи́тися (=подкрѣпиться ѣдою). Въ двухъ послѣднихъ словахъ мы отчетливо слышимъ: од-жи-

---

*) Въ церковно-славянскомъ, т.-е. въ древне-болгарскомъ языкѣ существовала для этого звука особая буква ѕ, называвшаяся ѕѣло́ (чит. дзѣло́). Ее мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ словѣ ѕміи (= змѣй; срв. малорусск. дзмій), на нозѣ (= на ногѣ; ср. польское na nodze) и т. п. Между тѣмъ въ такихъ словахъ, какъ земля (гдѣ слышится чистый звукъ з), писалась по-церковно-славянски другая буква: з, называвшаяся земля.

**) Она пишется какъ ц, но хвостикъ приходится не справа, а по срединѣ между двумя палочками, образующими эту букву.

мáти, під-живи́тися, тогда какъ джеркотїти или рáджу звучатъ почти „чжеркотїти“ и „рáчжу“ *).

Справедливость требуетъ сказать, что, какъ ни дефектенъ нынѣшній малорусскій условный способъ выражать вышеуказанный слитный звукъ черезъ двѣ буквы дж, онъ все же есть большой прогрессъ сравнительно съ тѣми графическими способами, къ которымъ прибѣгали малоруссы да и бѣлоруссы прежде, и притомъ прогрессъ сравнительно недавній. Впервые намъ извѣстно начертаніе дж въ „Апокрисисѣ“ Христофора Филалета (=Хр. Бронскаго, Вильно 1597): „проежджатися (л. 100), з'ежджаючися (л. 115 б), ежджоно (л. 121), з'ежджатися (л. 138 б), уежджалъ (л. 169)“ и др. Затѣмъ это правописаніе было популяризовано настольнымъ словаремъ Памвы Берынды (1-ое изд., Кіевъ 1627; 2-ое изд., Кутеин. 1653), который писалъ, напримѣръ: „приблуджую, брыджуся, горджу (=презираю), наѣжджаю, дрожджѣ (=дрожжи), дожджу (=дождю, дат. пад.) и пр. Съ этихъ поръ написаніе дж дѣлается въ малорусскихъ книгахъ и рукописяхъ болѣе или менѣе обычнымъ **). До того же времени, до начала XVII вѣка, малоруссы (какъ и бѣлоруссы) никакъ не могли сносно спра-

---

*) Итальянскими буквами малорусское „рàджу“ было бы написано въ видѣ: ragiu, „джеркотїти“ было бы написано: gercotite.

**) Напр., у Радивиловскаго, воспитанника Кіево-Могилянской Коллегіи XVII вѣка, можемъ въ его печатныхъ произведеніяхъ частенько найти дж въ глаголахъ „выѣжджати, наѣжджати“ и пр.; то же у Галятовскаго (въ его „Ключѣ разумѣнія“, Кіевъ 1659, и въ „Казан[н]яхъ“, Кіевъ 1660) и въ другихъ печатныхъ книгахъ XVII—XVIII вв. Еще чаще это мы встрѣчаемъ въ рукописяхъ зап.-мр. съ XVII в., гдѣ среди традиціонной церковно-славянской орѳографіи то и дѣло прорываются начертанія вродѣ „повѣджь (=повел. н-ніе отъ „повістй“=разсказать); напр., въ галицкомъ Борщевицкомъ Люцидаріи 1713 г. (изд. у Франка въ „Пам'ятках українсько-руської мови“, Львів 1906, т. IV, стр. 41).

виться на письмѣ съ воспроизведеніемъ звука дж. Чаще всего звукъ дж скрывался у нихъ подъ буквою ж: человѣкъ могъ произносить „выхо*дж*у“, а писалъ „выхожу“. Иногда прибѣгали для воспроизведенія звука дж къ буквамъ дѵ; напр., въ кіевской жалованной грамотѣ Свидригайла 1442 г.: „панъ Андрей Дѵюса“ (=Джуса); срв. въ бѣлорусскомъ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.: „наеждѵалъ, приеждѵаючи, приежъдѵые“ и т. п. Иногда писали одну букву ѵ; напр., вышеупомянутая кіевская фамилія Джуса вписана въ кіево-Михайловскій помянникъ XVI вѣка какъ „родъ Маріи Ѵюсиное“ (л. 10;=Джусиноі); въ Ипатьевской лѣтописи имя г. Меджибожье воспроизведено черезъ „Меѵибожиє“ (стр. 243),—параллельно съ „Межибожье“ (стр. 234, 257). Особенно часто прибѣгали къ буквѣ ѵ тогда, когда имѣли въ виду выразить не просто слитный звукъ дж, но сложное сочетаніе ждж: въ такихъ случаяхъ писали жѵ. Такъ, тотъ же Памва Берында, который, какъ мы указали, охотно писалъ въ своемъ словарѣ „дрождждѣ“ (л. 170, съ дж), одновременно писалъ это же слово по болѣе старому способу въ видѣ „дрожѵѣ“, „дрожѵи“ (л. 306); онъ писалъ съ одной стороны: „дождждý“ (207), „наѣжджаю“ (183), а параллельно писалъ по болѣе старому: „дожѵъ“ (35), „об’ѣжѵеный“ (109). Этотъ способъ—выражать звуки ждж посредствомъ начертанія жѵ—придуманъ былъ малоруссами *) не менѣе чѣмъ за полтысячи лѣтъ до Памвы Берынды и впервые встрѣчается въ Галицкомъ Четвероевангеліи 1144 года, гдѣ мы находимъ, напр., начертаніе „дъжѵь“ (л. 15=Матѳ., VII, 25, 27) со всѣми производными словами: „дъжѵить“ (Матѳ. V, 45), „одъжѵи“ (Лук.

---

*) И, вѣроятно, отъ нихъ усвоенъ также старыми бѣлоруссами и сѣверными русскими.

XVII, 29); „рожуье“ (л. 215=Іоанн. XV, 5)*); „въжуелѣете“ (Лук. XVII, 22=вождедѣете) и др. Такія же начертанія мы видимъ и въ галицкомъ Христинопольскомъ Апостолѣ XII—XIII в. („дъжуь, рожуья, изможуание“, и пр.), и въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г. („дожуь“ л. 33 об., „одъжуи“ л. 88 об., „бездожьуье“ л. 174, „ижуену вонъ“ л. 10=церк.-слав. ижденѫ, „въжуелѣша“ л. 39, и пр.), и въ вѣнскомъ Октоихѣ XIII—XIV в. (т. н. Codex Hankensteinianus), и въ волынскихъ Поученіяхъ Ефрема Сирина 1271—1288 (которыя дошли до насъ, правда, въ бѣлорусскомъ спискѣ XV в.), и въ подляшско-волынскомъ Холмскомъ Евангеліи XIII—XIV в., и въ волынскомъ Луцкомъ Евангеліи XIV в., и т. д. Изъ свѣтскихъ памятниковъ отмѣтимъ: „идяху стрѣлы, акы дожуь“ подъ 1097 г. въ кіевской лѣтописи по Ипатскому списку нач. XV в. (стр. 178); въ правой грамотѣ княгини Анны Слуцкой 1493—1494 г.: „я ѣжуивалъ“ **); въ межевой грамотѣ кн. Константина Острожскаго около полов. XVI в.: „князь Михайло разъѣжуалъ зъ люд[ь]ми“ ***); въ Луцкой книгѣ кгродской 1567 г.: „по тыхъ наежукахъ“ (№ 2042, л. 241) ****); во Владиміръ-Волынской книгѣ кгродской 1568 г.: „до мене приежуали“ (№ 935, л. 151) и тамъ же подъ 1569

---

*) Этотъ примѣръ, конечно, далеко не убѣдителенъ, потому что „рожчье“ (или „розъчье“) можетъ происходить не отъ формы „розъга“, но отъ формы „розъка“ (соврем. різка). Въ наст. вр. слово розъуье (рожуье) рефлектируется у западныхъ малоруссовъ въ видѣ ріщя, ріще, (=хворостъ). По церк.-славянски — раждие. То же надо сказать про «мозъкъ».

**) Грамота изд. въ „Актахъ“, относящ. къ исторіи Юж. и Зап. Росс.“, т. I, № 232 (=стр. 296).

***) Изд. тамъ же, т. II, № 126 (=стр. 145).

****) Издано въ „Грамотахъ“ Антоновича и Козловскаго, № 54, стр. 127.

годомъ: „потаемне проежѵаючихъ“ (№ 2042, л. 398 об., два раза) и „проежѵачи“ (дѣеприч.) *). Сверхъ того можно бы указать еще массу другихъ примѣровъ на такое жѵ вплоть до конца XVI вѣка, когда, наконецъ, въ „Апокрисисѣ“ 1597 года мы находимъ вмѣсто буквы ѵ болѣе удобное воспроизведенiе соотвѣтствующаго звука черезъ двѣ буквы дж, способъ, котораго мы съ тѣхъ поръ донынѣ придерживаемся въ своей письменной рѣчи.

Довольно удобно было бы для малорусской литературы, если не сейчасъ, то хоть впослѣдствiи, усвоить для выраженiя слитнаго звука дж ту букву, которую придумалъ извѣстный лингвистъ акад. Ѳ. Е. Коршъ и которую онъ съ успѣхомъ примѣнилъ въ своей „Персидской грамматикѣ“ и рядѣ другихъ ученыхъ работъ. Эта его единая буква представляетъ собою по своему начертанiю слiянiе буквы *д* съ буквою *ж* въ одну связную фигуру *дж*, суть которой заключается въ томъ, что при написанiи буквы *ж* мы вмѣсто лѣваго ея полукружка пишемъ цѣлую букву *д*, или иначе сказать: сперва мы пишемъ букву *д*—и сейчасъ же при помощи поперечной черточки-пояска слитно присоединяемъ къ ней двѣ трети буквы *ж*, т.-е. среднюю палочку и правый полукругъ буквы *ж*, а лѣваго полукруга вовсе не пишемъ. Практическое удобство Коршевскаго начертанiя заключается въ томъ, что эта изобрѣтенная имъ буква сразу же, безъ подготовки, легко будетъ прочитана каждымъ: каждый сразу узнаетъ въ ней присутствiе знакомыхъ ему буквъ *д* и *ж*—и въ то же время наглядно пойметъ, что это есть воспроизведенiе одного, слитнаго звука, а не д+ж.

3) Наконецъ, по-малорусски существуетъ особый плавно-язычный звукъ, занимающiй середину между

*) Тамъ же, № 57, стр. 143; № 58, стр. 147 и 148.

твердымъ л и мягкимъ ль. Онъ слышится въ слогахъ іл, ил, ел, равно какъ съ достаточной ясностью въ ал, ол, ул, при чемъ, однако, его индивидуальность особенно рѣзко выступаетъ въ первыхъ трехъ случаяхъ (въ съуженныхъ слогахъ іл, ил, ел) *). Этотъ средній звукъ, гораздо болѣе твердый, чѣмъ ль, мы слышимъ, напримѣръ, въ словахъ: більше (=больше), тілки (=только), спілний (=общій), вілний (=вольный, свободный), пожилції (=жильцы), прихи́лний (=благосклонный, ласковый, расположенный), силни́й (=сильный), силцé (=силокъ), сїлський (=сельскій), гилцé (=вѣтвь, преимущ. въ свадебномъ обрядѣ), пекéлний (=адскій), смертéлний (=смертельный, смертный), по-приятéлськи (по-пріятельски) и т. п.; во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ словахъ звукъ л рѣзко отличается отъ русскаго мягкаго ль и значительно приближается къ твердому л. Помягче и ближе къ ль звучитъ среднее л въ словахъ съ болѣе широкими гласными, напримѣръ, въ звóлна (=медленно, „съ-вольна), болни́ця (=больница), дошкýлно (=досадно, ѣдко), безпритýлний (=безпріютный), намýлний (илисто-наносный), навалний (=порывистый, сильный), загáлний (=огульный, массовой; інт. = всеобщій) и т. п. Въ словахъ этого типа (т.-е. по сосѣдству съ болѣе широкими гласными) звукъ л, въ силу противовѣса твердымъ гласнымъ, приближается скорѣе къ мягкому ль, чѣмъ къ твердому л, и тѣмъ не менѣе онъ и здѣсь

*) Есть, правда, мѣстности, гдѣ средняго элеваго звука нѣтъ и гдѣ существуютъ только два звука: твердое л и мягкое ль или же среднее л и мягкое ль (при отсутствіи твердаго л). Но въ подавляющемъ большинствѣ восточно-малорусскихъ говоровъ и во многихъ западно-малорусскихъ говорахъ звукъ л бываетъ трехъ оттѣнковъ, и мы въ своей грамматикѣ должны съ этимъ считаться.

обыкновенно представляетъ собою у малоруссовъ особый, средній звукъ, не совпадающій съ мягкимъ л; а ужъ если въ словахъ этого типа слѣдующій слогъ окажется вдругъ мягкимъ, то въ противовѣсъ послѣдующей мягкости предыдущіе слоги ал, ол, ул тоже отвердѣваютъ настолько же, насколько отвердѣлъ слогъ іл въ „більше"; такъ, въ словахъ: „з пáлця" (=съ пальца), „дошкулні́ш" (=досаднѣе) и пр. мы слышимъ гораздо болѣе твердое л, чѣмъ въ словахъ: навáлний и дошкýлно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяемъ, это восточно-малорусское л не есть твердое русское л. Какъ же воспроизводить буквами этотъ звукъ? Кто будетъ вести діалектологическія и этнографическія записи изъ устъ народа, тому мы совѣтуемъ выражать среднее л черезъ греческую букву ламбду (λ). Но вводить чужую букву λ въ литературную рѣчь было бы напрасной попыткой, заранѣе обреченной на неуспѣхъ; нужно обходиться буквами л и ль. У малорусскихъ литераторовъ не установилось единодушія насчетъ того, слѣдуетъ ли предпочитать въ такихъ случаяхъ букву л или буквы ль: одни малоруссы (преимущественно западные, въ частности галичане), пишутъ въ такихъ случаяхъ ль (напр., більше), другіе малоруссы (преимущественно восточные) пишутъ л (білше). Въ сущности не представляется ни малѣйшей практической необходимости устанавливать ограниченіе въ пользу исключительнаго перевѣса той или другой орѳографіи; справедливо будетъ признать обѣ орѳографіи одинаково законными и допустить въ литературной рѣчи параллельныя написанія: „білше" и „більше", „тілки" и „тільки", смотря по индивидуальности писателя и по тому кругу читателей, для котораго онъ пишетъ. Въ частности, что касается нашей грамматики, въ основу которой положена рѣчь Наддніѣпрянщины, то мы считаемъ безусловно нормальнымъ не уклоняться отъ орѳографій

вродѣ „білше“, „тілки“ и т. п., такъ какъ онѣ ближе передаютъ надднѣпрянское и вообще украинское произношеніе, чѣмъ его передаютъ орѳографіи съ ль.

Не мѣшаетъ замѣтить, что въ старыхъ малорусскихъ памятникахъ послѣдней полутысячи лѣтъ всецѣло господствовало въ такихъ случаяхъ написаніе одной буквы л (не ль); первыя же попытки писать только л, а не ль, начинаются у малоруссовъ сразу же въ ихъ самыхъ старыхъ памятникахъ. XI вѣка: въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 года *). Поэтому нынѣшніе восточные малоруссы, когда предпочитаютъ писать скілки (а не „скільки“), не вводятъ никакихъ новшествъ, а просто продолжаютъ свою девятьсотлѣтнюю традицію.

*) См. объ этомъ § 11, а.

Глава вторая.

Источники для изученія исторіи развитія малорусскаго языка отъ временъ кіевской державы.

(Звідки можна нам пізнати історію вкраїнської мови з найдавніших часів?)

§ 5. Изъ того всего, что нами было сказано въ предыдущей главѣ про малорусскую азбуку, про звуковое значеніе ея буквъ и про ея недостатки, выяснился и весь звуковой составъ современнаго украинскаго языка,— или, по крайней мѣрѣ центрально-приднѣпровскихъ его говоровъ. Могли мы убѣдиться при этомъ, что малорусскіе звуки, соотвѣтствующіе извѣстнымъ буквамъ, далеко не совпадаютъ съ тѣми звуками, которые соотвѣтствуютъ этимъ же буквамъ у русскихъ. Возникаетъ естественный вопросъ: чье же произношеніе древнѣе? Современный звуковой характеръ украинской рѣчи—новъ онъ или архаиченъ? Такое ли самое произношеніе звуковъ, соотвѣтствующихъ той или другой буквѣ, имѣли лѣтъ тысячу тому назадъ наши восточно-малорусскіе предки временъ Святослава, или, хотя бы, періода удѣльно-кіевскихъ междоусобицъ?

А это насъ приводитъ къ предварительному другому, болѣе широкому вопросу: какими для этого располагаемъ мы критеріями и какими обладаемъ старинными письменными памятниками, по которымъ можетъ быть изучена тысячелѣтняя исторія развитія малорусскаго языка?

§ 6. Наиболѣе старые памятники рѣчи малорусскихъ предковъ (XI—XII в.).

Дошедшіе до насъ старѣйшіе письменные восточно-малорусскіе памятники крупнаго размѣра мы имѣемъ не отъ самыхъ первыхъ историческихъ моментовъ полянскаго государства: то, что до насъ дошло, писано въ XI вѣкѣ, въ періодъ христіанскій, уже послѣ смерти Ярослава Мудраго. Имѣются, правда, болѣе раннія, но совсѣмъ мелкія—надписи на монетахъ Владиміра Святого, Святополка и Ярослава Мудраго *) и двухстрочная надпись 1068 года князя Глѣба Тмутороканскаго объ измѣреніи широты керченскаго пролива по замерзшему льду—на т. н. Тмутороканскомъ камнѣ возлѣ Керчи **). Крупные же старѣйшіе восточно-малорусскіе памятники—это кіевскіе Изборники великаго князя Святослава XI в.; одинъ очень большой—Изборникъ 1073 года***),

*) Изд. у гр. И. И. Толстого: Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества кіевскаго (съ 19 таблицами рисунковъ). СПБ. 1882.

**) Изд. Тмутороканская надпись у И. И. Срезневскаго: Древніе памятники русскаго письма и языка, 2-ое изд. (СПБ. 1882), стр. 24. Снимокъ—въ приложеніи къ 1-му изданію труда.

***) Фототипически Изб. 1073 г. изданъ въ 1880 г. въ Петербургѣ, но при изданіи допущены были нѣкоторыя подправки (срв. замѣчанія А. А. Шахматова въ Archiv für slavische Philologie, т. VII), а потому важное значеніе продолжаютъ имѣть тѣ выдержки, которыя прежде были напечатаны Буслаевымъ и другими (см. Срезневскій: Древн. пам., 2-ое изд. стр. 26—27). У А. Розенфельда—въ Русск. Филол. Вѣст. 1899 данъ (неисчерпывающій) анализъ языка Изборника 1073 года. Въ ссылкахъ А. Розенфельда оказывается, къ сожалѣнію, изрядное количество опечатокъ, и кто пожелаетъ что-нибудь строить на основаніи цитатъ, сообщенныхъ А. Розенфельдомъ, тотъ обязательно пусть провѣряетъ каждую ссылку по подлиннику. Въ рукописи, напр., написано „Галеонидись“ (л. 264 об., а), а у А. Розенфельда издано: „Геле-

другой значительно поменьше—Изборникъ 1076 года [2]). Оба писаны на языкѣ церковно-славянскомъ, но сквозь коручужой рѣчи успѣли проскользнуть наружу очень многія мѣстныя особенности кіевской рѣчи XI вѣка.—Лѣтъ 15 спустя, преп. Несторомъ составлено было Житіе Θеодосія Печерскаго (послѣ 1091) и Житіе Бориса и Глѣба (не позже 1093 г.). Въ подлинникѣ эти два житія до насъ не дошли, но мы имѣемъ съ нихъ повидимому очень тщательную копію XII—XIII в. въ т. н. Ус-

онидись" (РФВ., стр. 170); въ рукописи стоитъ „хороугъвъ" (л. 174 б), а у г. Розенфельда издано: „гороугъвъ" (стр. 168); въ рукописи: „фоуникии" (л. 230 об. б), у г. Розенфельда: „фуники" (стр. 177); въ рукописи: „качувьстьныихъ" (л. 133 об. б), у г. Розенфельда: „пачувьстьныихъ" (стр. 169) и пр. Есть опечатки и въ цифровыхъ ссылкахъ; напр., начертаніе „псалтира" которое въ подлинникѣ оказывается на л. 253 об. а, показано у г. Розенфельда (стр. 182, сноска 1-ая) какъ находящееся на л. 283. Нѣтъ сомнѣнія, что работа г. Розенфельда печаталась безъ авторской корректуры. Рукопись Изборника 1073 г. хранится въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

[2]) Издалъ Сборникъ 1076 г. В. Шимановскій; — первый разъ (съ погрѣшностями) въ книгѣ: „Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ" (Варш. 1887), гдѣ и анализъ языка; второй разъ (въ исправленномъ видѣ)—отдѣльной книгой (Варш. 1894). Рецензіи на второе изданіе (съ рецензентскими дополненіями и свѣрками)— въ „Журн. Мин. Нар. Просв.": а) Н. Некрасова (1897, окт., стр. 393—419) и С. Кульбакина (1898, февр., стр. 203—209). Очень важна подробная таблица В. А. Боброва: „Къ исправленію печатнаго текста Сборника 1076 года" въ Русск. Филол. Вѣст. 1902 (кн. I и II, т. XLVII, гдѣ перечислены подъ рядъ всѣ малѣйшія отступленія (даже въ черточкахъ начертаній буквъ), оказывающіяся въ изданіи Шимановскаго сравнительно съ рукописнымъ подлинникомъ; къ сожалѣнію, и таблицы А. Боброва не обошлись безъ типографскихъ опечатокъ.

О прежнихъ отрывочныхъ изданіяхъ см. Срезневскаго: Древн. пам., стр. 27—28. Рукопись Изборника 1076 г. хранится въ СПБ. Публичной Библіотекѣ.

пенскомъ Сборникѣ *), списанномъ не извѣстно гдѣ. При извѣстной осторожности, Успенскій Сборнимъ можетъ съ успѣхомъ быть употребленъ для выясненія не только словаря и синтаксиса кіевской рѣчи XI в., но иногда (и не одинъ разъ) для выясненія также тогдашней старокіевской фонетики **). Конечно, по степени своей филологической достовѣрности онъ, копія, совершенно не можетъ равняться съ Изборниками Святослава 1073 и 1076, собственноручно писанными кіевляниномъ дьякономъ Іоанномъ въ Кіевѣ.

Западно-малорусскіе старѣйшіе намятники, какіе дошли до насъ, начинаются (какъ неоспоримые) еще позже: съ XII вѣка. Изъ такихъ старѣйшій — Галицкое Евангеліе 1144 года ***); впрочемъ,

---

*) Онъ названъ такъ потому, что прежде принадлежалъ Московскому Успенскому собору. Теперь эта рукопись находится въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

**) Изданъ Успенскій Сборникъ XII—XIII лишь частями. Житіе Θеодосія, напечатанное О. Бодянскимъ, издалъ послѣ его смерти А. Поповъ въ московскихъ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей“ 1879 (кн. I), а Житіе Бориса и Глѣба еще раньше напечатано было въ „Чтеніяхъ“ 1870. Кое-какія другія статьи—въ I вып. „Библіографич. матеріаловъ“ Попова (М. 1879, отт. изъ тѣхъ же „Чтеній“, 1879, кн. I). Наконецъ первая половина Успенскаго Сборника напечатана была вновь въ 1899 г.— тоже въ „Чтеніяхъ“; и отдѣльнымъ оттискомъ. Мои ссылки въ „Украинской граматикѣ“ всѣ относятся къ изданію Бодянскаго-Попова. О степени значенія этого Сборника, какъ источника для исторіи кіевско-лѣтописной рѣчи, мнѣ уже приходилось говорить въ своей „Филологіи и Погодинской гипотезѣ“ (Кіевъ, 1904, стр. 66—69). Нѣкоторую характеристику языка Нестора (со стороны его малорусскости) можно найти въ статьѣ А. Шахматова въ Archiv für slavische Philologie, т. VII (=1884), стр.57—77 passim.

***) Изд. архим. Амфилохій: „Четвероевангеліе Галичское 1144 г. сличенное“ и т. д. (М. 1884, три тома). Характеристика языка, на основаніи этого изданія, сдѣлана акад. Ягичемъ въ „Четырехъ палеографическихъ статьяхъ“ (въ „Сборникѣ отд. русск. яз. и словесн. Академіи Наукъ“, т. 33, СПБ. 1884, стр. 74—102).

болѣе ранняя рукопись — 13 словъ Григорія Богослова конца XI или начала XII вѣка *)—писана повидимому тоже червонорусcомъ **).

Итакъ, писанные малоруссами объемистые памятники мы имѣемъ не раньше, чѣмъ отъ второй половины XI вѣка. Тѣмъ не менѣе и по нимъ, а кромѣ того по немногочисленнымъ даннымъ греческимъ, норманскимъ, восточнымъ, мы можемъ имѣть болѣе или менѣе ясное представленіе такъ же о рѣчи предыдущаго X-го вѣка, т.-е. о рѣчи временъ Олега, Игоря, Святослава и Владиміра Святого.

Неточности Амфилохіева изданія отмѣтилъ Г. Воскресенскій: „Къ вопросу о славянскомъ переводѣ евангелія“ (СПБ. 1886, въ 40-мъ томѣ „Сборника“ Акад. Н.). Отдѣльно евангеліе отъ Марка критически переиздано (со сличеніями) въ трудѣ Г. Воскресенскаго: Евангеліе отъ Марка по четыремъ слав. редакціямъ съ разночтеніями изъ 108 слав. рукописей“ (Сергіевъ Посадъ, 1894); библіографія предмета и т. п. свѣдѣнія здѣсь указаны на стр. 9—14. Хранится оно въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

*) 13 словъ Григорія Богослова изданы А. Будиловичемъ (СПБ. 1875). Предварительно имъ издано: „Изслѣдованіе языка древне-слав. перевода XIII Словъ Григорія Богослова по рукописи Имп. Публ. Библ. XI в. (СПБ. 1871; срв. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1872, кн. 8 и 11).

**) Собственно говоря, надпись 1276 года на рукописи Словъ Григорія Богослова XI в. ведетъ насъ къ Кіеву, а не къ Галичинѣ. Надпись сообщаетъ, что митрополитъ Климентъ (кіевлянинъ), прибывши изъ Кіева въ Новгородъ 3-го авг. 1276 года, посѣтилъ черезъ двѣ недѣли одну новгородскую церковь и пожертвовалъ туда эту рукопись, вручивши ее „сосудохранильнику“ Назаріи. Привезена рукопись, значитъ, изъ Кіева. Но въ ней єсть черты языка и правописанія, рѣзко отличающія ее отъ безусловно несомнѣнныхъ кіевскихъ памятниковъ—Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года, а общее впечатлѣніе отъ чтенія ея—такое, что это памятникъ западно-малорусскій и въ частности червонорусскій.

§ 7. Восточно-малорусскіе памятники XII—XVI вѣка.

Татарскій погромъ XVв. погубилъ ту массу рукописей, которою былъ богатъ старый Кіевъ.

а) Въ XI вѣкѣ, какъ извѣстно, получила у кіевлянъ широкое развитіе лѣтопись (завершена „Начальная“); продолжала она процвѣтать и *въ XII вѣкѣ* (лѣтопись „кіевская“). Она, со своимъ болѣе или менѣе народнымъ языкомъ (чего нѣтъ въ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г.), могла бы оказать историку восточно-малорусскаго языка ничѣмъ не замѣнимую услугу, если бы дошла до насъ въ подлинникѣ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ отъ нея лишь чужіе некіевскіе и немалорусскіе списки. Два старѣйшіе — Лаврентьевскій списокъ XIV вѣка (1377 г.), переписанный въ землѣ Суздальской *), и Ипатскій списокъ XV в. (судя по бумагѣ, ок. 1425), включившій въ себя и галицко-волынскую лѣтопись XII—XIII в.; этотъ переписанъ въ новгородской области **). Какъ въ суздальскій (Лаврентьевскій), такъ и въ новгородскій (Ипатскій) списки внесена писцами масса чертъ своей собственной

*) Изданъ Петербургской Археографической Комиссіей, какъ въ видѣ фото-литографскаго снимка (СПБ. 1872), такъ и печатнымъ образомъ, гражданкою. Мои ссылки на Лаврент. списокъ будутъ относиться ко 2-му изданію; но имѣется уже 3-е изданіе (СПБ. 1897). Важнѣйшее изслѣдованіе о языкѣ Лавр. лѣт.—проф. Некрасова въ „Извѣстіяхъ отдѣл. русск. яз. и слов. Акад. Н.“, т. I и II (1896—1897).

**) Фотолитографич. изданіе Ипатской лѣтописи сдѣлано Археографической Комиссіей въ СПБ. 1871. Ею же даны, и печатныя изданія (гражданкой). Обстоятельный и все же далеко не исчерпывающій анализъ языка — см. у А. Никольскаго: „О языкѣ Ипатской лѣтописи“ (Русск. Филолог. Вѣстн., 1899, кн. 1—2, стр. 238—275; кн. 3—4, стр. 23—110).

суздальской и новгородской рѣчи, и оттого для исторіи малорусскаго языка X—XIII в. главная важность и цѣнность этихъ списковъ представляется словарнымъ ихъ составомъ и фразеологіей, которые и при великорусской перепискѣ не должны были слишкомъ много пострадать [1]), фонетическія же (звуковыя) особенности кіевской лѣтописной рѣчи могутъ быть нами уловлены по Лаврентьевскому и Ипатскому спискамъ лишь путемъ строгой критики (напр., сличеніемъ одинаковыхъ мѣстъ по разнымъ спискамъ, свѣркою съ исторіей нарѣчія суздальскаго и новгородскаго, и т. п.)

Точно такъ же драгоцѣнный памятникъ черниговскаго (или, м. б., кіевскаго) національнаго творчества конца XII вѣка, Слово о Полку Игоревѣ, дошелъ до насъ въ чужомъ (новгородскомъ) спискѣ и притомъ еще болѣе поздняго времени, чѣмъ кіевская лѣтопись,—по соображеніямъ Н. С. Тихонравова, въ спискѣ второй полов. XVI вѣка! [2]). Переписываясь въ теченіи 400 лѣтъ, вдали отъ ю. Руси, „Слово о Полку Игоревѣ“ въ дошедшемъ до насъ видѣ совсѣмъ почти не пригодно для выясненія кіевско-черниговской фонетики XII в.,—и какая-нибудь совсѣмъ короткая надпись на чарѣ черниговскаго князя Владимира Давидовича (не позже 1151 г.) [3]), или надписи при фрескахъ кіев-

[1]) Нѣкоторые образцы замѣчательнаго неугасающаго совпаденія языка кіевской лѣтописи XI—XII в. съ нынѣшней рѣчью сѣверной и средней Кіевщины XX-го вѣка представлены мною въ V-ой главѣ моей работы: „Древне-кіевскій говоръ“ (оттискъ изъ „Извѣстій отдѣленія русскаго яз. и словесн. Императорской Академіи Наукъ“ 1906 г.).

[2]) Среди многочисленныхъ изданій „Слова о Полку Игоревѣ“ очень удобно малорусское комментированное покойнаго львовскаго проф. Огоновскаго.

[3]) Текстъ у Срезневскаго: Древніе памятники русск. яз., 2-ое изд., стр. 60—61.

скаго Кириловскаго монастыря XII в. или въ нѣкоторыхъ кіевскихъ пещерахъ [1])—при всей своей количественной скудости ярче и надежнѣе обрисовываютъ намъ черниговско-кіевскую фонетику XII вѣка, чѣмъ поздній новгородскій списокъ „Слова о Полку Игоревѣ“, драгоцѣнный однако для изученія старо-малорусскаго словаря и строя рѣчи.

б) Почти въ такомъ же положеніи стоимъ мы и по отношенію къ источникамъ для изученія кіевской рѣчи *XIII вѣка*. По всѣмъ признакамъ, въ XIII вѣкѣ (послѣ 1240 г.)редактированъ былъ Кіево-Печерскій Патерикъ, куда, кромѣ Несторова сказанія о Ѳеодосіи и первыхъ подвижникахъ (которыя внесены и въ лѣтопись), вошли также житія болѣе позднихъ святыхъ. При живости своего изложенія (часто простонароднаго), Патерикъ, дойди онъ до насъ въ тогдашнемъ кіевскомъ спискѣ XIII вѣка, занялъ бы одно изъ выдающихся мѣстъ въ числѣ источниковъ для изученія старо-кіевскаго нарѣчія. Къ сожалѣнію, дошелъ онъ до насъ только въ позднихъ спискахъ (съ XV в.) въ передѣланномъ видѣ [2]), и потому использованъ можетъ быть лишь такъ, какъ „Слово о Полку Игоревѣ“. Пожалѣть объ этомъ приходится особенно потому, что другіе кіевскіе памятники XIII (быть можетъ, еще XII) вѣка, изъ которыхъ двое дошли до насъ въ копіяхъ того же XIII вѣка, далеко не носятъ такого живого характера, какъ Кіево-Печерскій Патерикъ. Эти копіи: — а) домонгольское Повчѣнье Зарубьского (=Приднѣпровска-

---

[1]) См. Извѣстія СПБ. Археологическаго Общества, т. II, стр. 1—7.

[2]) Московскій списокъ 1462 г. съ одновременнаго (1460) кіевскаго списка издалъ В. Яковлевъ: „Памятники русской литературы XII и XIII в. (СПБ. 1872)“. Въ сноскахъ показаны варіанты другихъ рукописей „Печерскаго Патерика“ и Несторова „Житія Ѳеодосія“.

го) черноризьця Георгія XII—XIII в. [1]) въ бѣлорусской копіи 1492 года [2]); б) Рязанская Кормчая 1284 г., списанная съ кіевскаго оригинала отъ тогдашняго кіев. митрополита Максима, что прямо указано въ записи [3]), причемъ однимъ изъ переписчиковъ былъ сербъ, и в) дефектный новгородскій Церковный Уставъ XIII — XIV вѣка церкви св. Софіи, списанный съ кіевской рукописи митрополита Климента [4]). Пользованіе этими тремя памятниками для изученія исторіи вост.-мр. нарѣчія значительно затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что на всѣхъ трехъ рукописяхъ (бѣлорусской, рязанской и новгородской) сказалось сильное вліяніе своеобразной (повидимому, южнославянской) лжеорѳографіи, установившей, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣсто буквы є (да часто и вмѣсто ь) писалась буква ѣ. По этой лжеорѳографіи, пишется: „онъ нѣ будѣть", „нѣ убьѣть" вмѣсто „нє

---

¹) Зарубъ (теперь с. Зарубницы) лежалъ въ Кіевщинѣ противъ устья р. Трубежа.

²) Рукопись хранится въ Публичной СПБ. Библіотекѣ. Отрывокъ изданъ И. Срезневскимъ въ „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ", т. I, № VII, стр. 51—57. Срезневскій ошибается, считая рукопись „Зарубскаго Поучѣнья" за исполненную въ XIII вѣкѣ.

³) Запись издана И. Срезневскимъ: Древн. пам. русск. яз., 2-ое изд., стр. 145. Попытка дать характеристику языка Кормчей 1284 г. (примѣнительно къ кіевскому утерянному оригиналу) произведена И. Ягичемъ въ „Четырехъ статьяхъ" (=Сборникъ отдѣл. русск. яз. Акад. Наукъ, т. 33, СПБ. 1884), стр. 100—102; но она невѣрна въ своей основѣ (акад. Ягичъ видитъ въ написаніи буквы ѣ вм. буквы є малоруссизмъ, тогда какъ эта лжеорѳографія скорѣе всего принадлежитъ писцу-сербу, работавшему въ Рязани). Рукопись хранится въ СПБ. Публичной Библіотекѣ.

⁴) Изданъ А. Поповымъ въ „1-мъ прибавленіи къ описанію рукописей библіотеки А. И. Хлудова", № 16. Библіотека Хлудова принадлежитъ теперь Московскому Никольскому Единовѣрческому монастырю.

будєть“ и „нє убьєть“—по аналогіи, очевидно, съ буквою ѣ въ глаголѣ „нѣ“(=„нѣсть“); вмѣсто „чьтєнъ“ пишется „чьтѣнъ“ (по смѣшенію съ суффиксомъ ѣн): вмѣсто „на нєи, на нємь, на нашємь“ пишется „на нѣи, на нѣмь, на нашѣмь“ (по аналогіи съ „на трудьнѣи, на трудьнѣмь“); вмѣсто „рьку“, „рєкомый“ пишется „рѣку“, „рѣкомый“ (по аналогіи съ „рѣчь“); вмѣсто „омовєниє“ пишется „омовѣниє“ (по аналогіи съ „мьдьлѣниє“, „смотрѣниє“ и т. п.); вмѣсто „родитєль“ пишется „родитѣль“ (по аналогіи съ „обитѣль“, „купѣль“ и т. п.); а также вмѣсто „вєликый“ и вєлии“ пишется „вѣликый“ и „вѣлии“, вмѣсто „бєз“ пишется „бѣз“, вмѣсто „вѣрованиє“ пишется „вѣрованѣ“, вмѣсто „єдиный“ пишется „ѣдиный“, вмѣсто „трєтий“ пишется „трѣтий“, вмѣсто „блажєнство“—блажѣнство“, равно какъ вмѣсто „грѧдеть“ (гдѣ ѧ) пишется „грѣдѣть“, и т. п., и т. п.. Эта лжеорѳографія, источникъ которой отчасти, быть можетъ, заключался и въ нѣкоторыхъ живыхъ данныхъ рѣчи южныхъ славянъ [1]), широко распростра-

---

[1]) Такая орѳографія давно была указана между прочимъ по сербскимъ грамотамъ А. Майковымъ, въ его „Исторіи сербскаго языка“ (М. 1857). Напр., объ орѳографіи сербскихъ грамотъ „нѣ су [ть]“ см. у него стр. 457, стр. 459 (тутъ 29 указаній!) и др. О сербской орѳографіи типа „да будѣть! да узмѣть!“ и пр.—см. стр. 457, 458 и др. О начертаніяхъ „неизьчтѣнныи“ „вьвѣдѣниє“ (= въведениє) см. стр. 457. Орѳографіи типа „при нѣи“ „сѣи“, „вашѣи“—см. на стр. 457—458; типъ: „рѣку“ (=рьку, реку), рѣкоше, рѣкомѣмь“— см. стр. 448; типъ „родитѣль“— см. стр. 457; типъ „вѣликымь, вѣлицѣхь“—см. стр. 457. Изъ примѣровъ замѣны сербами окончанія иє черезъ ѣ или черезъ ьѣ отмѣтимъ сербскія: приложенѣ (=ниє), вированьѣ (=нье, вин. пад.), обарованьѣ (=нье) и даже вм. мѣстоименія „сиє“—„сѣ“, на стр. 458. Букву ѣ въ корнѣ „единъ“—см. стр. 459. Букву ѣ въ „грѣдеть“ (=грядеть) и т. п.—см. въ безчисленномъ количествѣ на стр. 448—450. И т. п., и т. п. Подобная замѣна

нилась въ церковныхъ книгахъ въ XII—XV вѣкѣ и среди прочихъ православныхъ, поддававшихся книжному балканскому вліянію: среди румынъ, писавшихъ по церковно-славянски [1]), среди малоруссовъ-буковинцевъ и южныхъ галичанъ, находившихся подъ властью Молдавскаго господаря, среди сосѣднихъ галичанъ и иногда (порѣже) среди волынянъ [2]), довольно

буквы є буквою ѣ, по замѣчанію А. Майкова, „начинается у сербовъ въ 12-мъ вѣкѣ и продолжается до конца 15-го; впрочемъ, въ послѣднемъ вѣкѣ она далеко не такъ обильна, какъ въ предыдущихъ“ (стр. 457). Болгарскимъ грамотамъ она тоже далеко не чужда. Такое присутствіе буквы ѣ (вмѣсто є) не исключительно въ церковныхъ рукописяхъ, но и въ грамотахъ, позволяетъ намъ предположить, что не всѣ изъ вышеприведенныхъ начертаній являются плодомъ южнославянской книжнической лжеэтимологіи, и что нѣкоторыя изъ нихъ могли быть основаны на фактахъ живой рѣчи южныхъ славянъ. А отъ южныхъ славянъ эти начертанія перешли и на Русь.

[1]) Таково, напр., явно-волошское евангеліе Верковича XIV в., описанное А. Никольскимъ въ „Русск. Филолог. Вѣстникѣ“ 1894, кн. 4, стр. 276—294.

[2]) Мы такую лжеороографію, придающую даже несомнѣннымъ малорусскимъ памятникамъ глубоко-антималорусскую окраску, находимъ: въ ю.-галицкомъ Евангеліи поповича Евсевія 1283 г., въ буковин. болг.-Софійскомъ Ев. XIII в., въ галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г., въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII—XIII в., въ (вѣроятно) галицкомъ Вѣнскомъ Октоихѣ XIII в., въ Холмскомъ Ев. XIII—XIV в., въ львовскихъ Пандектахъ Антіоха 1307, въ Бучацкомъ Евангеліи ок. XIV в., въ буковинскомъ Путенскомъ Евангеліи XIV в., въ Луцкомъ (волынскомъ) Евангеліи XIV в. Все это памятники исключительно церковные: живые галицкіе и волынскіе документы такой ороографіи не знаютъ. (А если она иногда, хотя лишь слегка, попадается въ живыхъ документахъ буковинскихъ, то это объясняется тѣмъ, что Буковина, часть Молдавіи, зависѣла и церковно-іерархически и культурно отъ южныхъ славянъ). О нихъ мы еще разъ упомянемъ ниже—въ отдѣлѣ источниковъ для исторіи нарѣчія западно-малорусскаго.

широко среди бѣлоруссовъ [1]), среди москвичей [2]), а особенно широко привилась эта орѳографія въ области сѣверно-великорусскихъ говоровъ: Новгородѣ,

[1]) У бѣлоруссовъ такое употребленіе буквы ѣ вмѣсто є проникло и въ грамоты или въ иные документы болѣе или менѣе народнаго характера. Указать, напримѣръ, можно: а) Полоцкую надпись на крестѣ св. Евфросиніи 1164 г., изд. неточно въ брошюрѣ „Истор. свѣд. о Евфрос. Пол." СПБ. 1841 и у Батюшкова: „Бѣлоруссія и Литва", СПБ. 1890 (стр. 39—42, прилож.); точно—у И. Срезневскаго въ Извѣст. Акад. Наукъ, (т. X, 500= 1-ое изд. „Древн. памятн.");—б) Смоленскую грамоту послѣ 1230 г. (изд. К. Напьерскій: „Русско-ливонскіе акты", СПБ. 1868, стр. 451—453);—в) Полоцкую грамоту еп. Іакова около 1300 г. (у Напьерскаго, стр. 19—20; у Буслаева: Истор. хрест. 1861, стр. 423);—г) Гродненскую грамоту 1463 г. (у Срезневскаго: „Свѣд. и зам.", т. X, стр. 82—86), и др. Изъ церковныхъ бѣлорусскихъ памятниковъ съ упомянутой лжеорѳографіей сюда относятся: а) Житіе Саввы Освященнаго XIII в. (см. у меня въ „Филологіи и Погодинской гипотезѣ", стр. III—VII);—б) не то бѣлорусское, не то псковское Поликарпово Евангеліе 1307 г. (см. характеристику языка у меня въ „Крітеріяхъ", стр. 1—5); в) а́кающая Архивская Лѣствица XIII—XIV в. (Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ; характеристику см. у меня въ изслѣдованіи: Деякі непевні крітерії для діалектольогічноï класіфікаціï старо-руських рукописів", Львовъ, 1906, стр. 59—60; это изслѣдованіе—оттискъ изъ юбилейнаго „Наукового Збірника" въ честь проф. М. С. Грушевскаго);—г) тоже а́кающій, списокъ 1492 г., Поученій Ефрема Сирина (см. мои „Крітеріï", стр. 55—58);—д) Четья-Минея 1489 г., писанная поповичемъ Березкою изъ Новгородка-Литовскаго (описана Карпинскимъ въ „Русск. Филол. Вѣстн.", 1889, кн. I). Къ бѣлорусскимъ памятникамъ относится навѣрное и Синодально-Типографское Евангеліе № 6-ой XII—XIII в. (см. „Крітеріï", стр. 20—21).

[2]) Съ такою орѳографіею написано Московское Евангеліе 1339 г. (Антоніева Сійскаго монастыря) съ типичнымъ московскимъ а́каньемъ. Есть много основаній считать Часословъ XIV в. (СПБ. Публичн. Библ.) за московскій, писанный во времена митрополита-серба Кипріана (см. мои „Крітеріï", стр. 21—24).

Псковѣ, Ростовѣ и т. п. [1]). Упомянутая южнославянская лжеороографія, практикуясь на Руси,

[1]) Сюда относятся напримѣръ: а) новгородское Добрилово Евангеліе 1164 г., писанное дьячкомъ церкви свв. Апостоловъ въ Новгородѣ (анализъ языка см. у меня въ „Крітеріях“, стр. 15—20; надо туда добавить еще указаніе на неопр. н-віе „рость“, л. 8 об.); б) собственноручно писанный Служебникъ св. Варлаама Хутынскаго XII в. (см. мои „Крітерії“, стр. 53—54);—в) Выголексинскій сборникъ XIII в. изъ новгородскаго Георгіевскаго монастыря, писанный однако повидимому новгородскимъ псковичемъ, а не урожденнымъ новгородцемъ (см. мои „Крітерії“, стр. 60-63);—г) Апостолъ XIII в. новгородской Софійской библіотеки (см. „Крітерії“, стр. 62—63);—д) Ростовскій Апостолъ 1220 г. (описанъ Г. Воскресенскимъ: „Древнеслав. переводъ Апостола“, М. 1879, стр. 50—93, и имъ же начато изданіе текста: „Посланія св. Апостола Павла“, вып. I, Серг. Посадъ 1892);—е) Духовная новгородца Климента до 1270 г. (изд. Срезневскій: „Свѣд. и зам.“, 1867, т. I, № XXXV);—ж) новгородскій (двинской) Паремейникъ 1271 г. Петерб. Публ. Библ. (отрывки изд. въ „Ист. хрест.“ Ѳ. Буслаева 1861, стр. 73—84; выписка у Срезневскаго въ 1-омъ изд. „Древн. памятн.“; 2-ое изд., см. стр. 138);—з) Новгородская Кормчая 1282 г. Софійскаго собора (см. Срезневск. „Древн. пам.“, 2-е изд., стр. 143; въ 1-омъ изд.—выдержки текста; также въ „Истор. хрест.“ Буслаева, 1861, стр. 379-407); і) Псалтирь 1296 г. московской Синодальной библіотеки, писанная „на Волоцѣ“ (см. Срезневск. „Древн. пам“., 2-е изд., стр. 154—155; Ягичъ: „Четыре статьи“, стр. 87. Соболевскій, „Лекціи“ 1903, стр. 14, почему-то называетъ эту псалтирь „западно-русской“); и проч., и проч. Перечислять всѣ новг. рукописи, имѣющія такую ороографію, было бы слишкомъ долго; срв. описанія сѣверныхъ книгохранилищъ—Купріянова, Барсова и др. Вѣроятно, суздальцемъ написано такое же Синодально-Типографское Евангеліе № 7-ой XII—XIII в. (см. мои „Крітерії“, стр. 39—41);—а Поликарпово Евангеліе 1307 г. (какъ видно по языку, см. „Крітерії“, стр. 1—5) могъ одинаково написать какъ псковичъ, такъ и пограничный бѣлоруссъ. Къ числу памятниковъ съ такимъ обильнымъ ѣ относится и списанная новгородцемъ Ипатская лѣтопись XV в. (попытку систематизировать эту ея ороографію примѣнительно къ особенностямъ живого сѣв.-великорусск. нарѣчія см. у А. Шахматова: „Изслѣд. въ области русск. фонетики“, Варш. 1893, стр. 145 и слѣд.).

усложнялась (особенно у сѣверныхъ великоруссовъ) мѣстнымъ обычаемъ — свободно писать букву ѣ вмѣсто буквы є (а часто и вмѣсто буквы ь) вообще-всюду передъ дальнѣйшимъ мягкимъ слогомъ, не слишкомъ стѣсняя себя научной этимологiей. При такихъ условiяхъ бѣлорусскiй, рязанскiй и новгородскiй списки съ тѣхъ трехъ кiевскихъ рукописей XII—XIII вѣка, о которыхъ мы выше упомянули (Зарубское „Повчѣнье", Кормчая и Церковный Уставъ) имѣютъ внѣшнiй видъ, крайне неудобный для изслѣдователя исторiи кiевскаго нарѣчiя: многоятевая оболочка закрываетъ собою, словно корою, судьбу подлиннаго кiевскаго звука ѣ въ XII—XIII в., а сверхъ того нельзя же не думать, чтобы переписчикъ-бѣлоруссъ, рязанецъ и новгородецъ машинально каждый не внесъ въ свою копiю съ кiевскихъ оригиналовъ кое-какiя черты своего родного нарѣчiя, чуждыя кiевскому оригиналу. Приходится поэтому, пользуясь Зарубьскимъ „Повчѣньемъ", Рязанской Кормчей 1284 года и дефектнымъ новгородскимъ спискомъ Церковнаго Устава XIII—XIV в. для цѣлей изученiя исторiи восточно-малорусскаго нарѣчiя, быть крайне разборчивымъ.

в) Была ли многоятевая лжеорѳографiя и въ тѣхъ кiевскихъ оригиналахъ, съ которыхъ списаны названные три памятника, рѣшить съ точностью нельзя. Правда, чисто-рязанскiя части Кормчей 1284 г. (напримѣръ, записи), которыхъ очевидно не могло быть въ кiевскомъ оригиналѣ и которыя написаны по той же многоятевой лжеорѳографической системѣ, проведенной въ цѣломъ памятникѣ, могли бы служить нѣкоторымъ свидѣтельствомъ, что вышеупомянутое написанiе буквы ѣ вмѣсто є внесено въ Рязанскую Кормчую 1284 г. самимъ рязанцемъ-копистомъ (а въ особенности тѣмъ сербомъ, который переписывалъ въ Рязани) и что кiевскiй оригиналъ былъ свободенъ отъ

этого лжеорѳографическаго ѣ. Но съ другой стороны нельзя даже апріорно предположить, чтобы Кіевъ XII—XIII в., при своихъ частыхъ отношеніяхъ съ балканскими славянами, могъ уберечься отъ вліянія той лжеорѳографіи, которой поддались и волохи, и галичане, и бѣлоруссы, и великоруссы. Да это и фактически подтверждается. Отъ *конца того же XIII-го вѣка,* когда переписана Рязанская Кормчая 1284 года, или, быть можетъ, *отъ начала XIV вѣка* дошелъ до насъ въ подлинникѣ [1]) одинъ церковный вост.-мр. памятникъ: Указатель Евангельскихъ Чтеній XIII—XIV в., съ такою же многоятевою лжеорѳографіею. Онъ переплетенъ вмѣстѣ съ Галицкимъ Евангеліемъ 1144 г., но по особенностямъ языка оказывается восточно-малорусскимъ [2]). Несмотря на свой небольшой объемъ и антималорусскую вышеуказанную многоятевую оболочку, Указатель Евангельскихъ Чтеній XIII—XIV вѣка представляетъ намъ нѣкоторыя чрезвычайно цѣнныя діалектологическія данныя, характеризующія тогдашнюю восточно-малорусскую рѣчь XIII—XIV вѣка [3]).—Въ очень многихъ чертахъ этотъ Указатель совпадаетъ съ Кіево-Печерскимъ Евангеліемъ ок. 1370 г. (вѣроятно, кіево-полѣсскимъ), которое однако не обе-

---

[1]) т.-е. не въ великорусскомъ спискѣ съ вост.-мр. оригинала, какъ Кормчая 1284, но въ вост.-мр. спискѣ (съ среднеболгарскаго оригинала).

[2]) См. кое-что у меня въ „Крітеріях", примѣч. къ стр. 26-ой (въ предисловіи стр. 7).

[3]) А. Соболевскій въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка" (Кіевъ 1884, отт. изъ кіевскихъ „Универ. Извѣстій" 1883, кн. 11-ая) далъ подъ № IX характеристику правописанія этого Указателя,—тенденціозную, конечно, какъ и все, что пишетъ г. Соболевскій. Рукопись хранится въ Московской Синодальной Типографіи.

зображено этимъ лжеэтимологическимъ многоятіемъ [1]).

г) *Съ конца XIV вѣка и въ XV-омъ* восточно-малорусское нарѣчіе очень недурно характеризуется памятниками ужъ не церковными, а болѣе или менѣе простонародными: черниговскими и кіевскими грамотами; само собою понятно, что того лжеэтимологическаго ѣ, которое уродуетъ собою вышеперечисленные церковные памятники и закрываетъ ихъ малорусскую суть, въ грамотахъ нѣтъ. Эти вост.-мр. грамоты: а) Присяга 1388 г. кіевскаго князя Димитрія Ольгердовича [2]), б) Стародубская грамота 1400 г. (князя Александра Патрикѣевича [3]);—в) Жалованная грамота 1424 г. кн. Швитрыкгайла Черниговскаго (кажется, писанная въ Острѣ [4]);—г) Вкладная кіевская запись 1427 г.

---

[1]) Описано у Г. Крыжановскаго: „Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ“ (Кіевъ 1889), стр. 53—82; о хронологической датѣ—см. у Срезневскаго: „Свѣд. и зам.“, т. II, № 79, стр. 555. Къ сожалѣнію, на рукописи не сказано, гдѣ именно она писана, а особенности языка писца прорвались въ ней лишь такія, какія одинаково свойственны и малоруссу-полѣшуку и бѣлоруссу.

[2]) Издана Срезневскимъ: „Свѣд. и замѣтки“, т. II, № 53 (стр. 213—214) и (плохо) Я. Головацкимъ въ львовскомъ „Науковомъ Сборникѣ“ 1867 подъ № 23 (то же въ отдѣльномъ оттискѣ: „Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русского“, Льв. 1867, стр. 22—23).

[3]) См. у меня въ „Филологіи и Погодинской гипотезѣ“, стр. 83—84. Текстъ (неисправно) изданъ Я. Головацкимъ: „Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русского“ (Львовъ 1867), стр. 20,—перепечатка изъ „Актовъ Западной Россіи“, т. I, стр. 28, Подлинникъ—въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

[4]) Грамота 1424 г. (по оригиналу Пулавской библіотеки) изд. въ „Актахъ, относ. къ ист. Южн. и Запад. Россіи“, т. I, стр. 8—9 (=№ 15). Перепечатана у Головацкаго, № 35 (=стр. 39—40).

князя Долголдата Долголдатовича [1]); д) Кіевская грамота 1442 г. кн. Швитрикгайла на имѣніе Михлинъ (=Мглинъ) [2]); — е) Кіево-Печерская духовная 1446 г. князя Андрея Владиміровича (Ольгердова внука [3]); — ж) Грамота 1459 г. Семена Олельковича, кіевскаго князя, выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ [4]). Немалую пользу приноситъ намъ для изученія судебъ вост.-мр. нарѣчія и оффиціальная опись кіевскихъ земель около

[1]) См. у меня въ „Филологіи и Погод. гипот.", стр. 79—80. Въ переизданный мною текстъ записи Долголдата Долголдатовича 1427 г. вкрались (въ виду отсутствія моей корректуры) опечатки. Онѣ отмѣчены въ предисловіи на стр. XVII. Впервые текстъ изданъ у Срезневскаго: „Свѣд. и замѣтки", т. II, 392. Грамота вписана на послѣднемъ листѣ Евангелія 1411 г. кіевскаго Никольскаго монастыря, которое однако къ исторіи кіевской рѣчи отношенія не имѣетъ, потому-что переписано захожимъ монахомъ-великоруссомъ. См. у меня въ „Филологіи и Погод. гипотезѣ", стр. 39—40).

[2]) Грам. 1442 г. изд. въ „Актахъ относ. къ ист. Юж. и Зап. Россіи", т. I, стр. 14—15 (=№ 21). Оттуда перепечатана Головацкимъ, № 49 (=стр. 58—59), причемъ Головацкій, по своему обычаю, внесъ въ текстъ свои поправки.

[3]) У меня въ „Филол. и Погод. гипот.", стр. 80 — 82, даны о грам. 1446 года невѣрныя свѣдѣнія, потому-что я тогда, когда писалъ о ней, пользовался не рукописнымъ подлинникомъ, а изданными печатными текстами. Издана она плохо въ I томѣ Актовъ Зап. Россіи, откуда ея текстъ (въ еще болѣе неисправномъ видѣ) перепечатанъ Я. Головацкимъ № 51 (=стр. 60—62). Но самое неточное ея изданіе—въ польскомъ „Athenaeum" 1842, т. II (стр. 32 об.), откуда она перепечатана у Антоновича съ Козловскимъ: „Грамоты великихъ князей литовскихъ" (Кіевъ 1868, отт. изъ „Унив. Изв."), стр. 10—11. Подлинникъ—въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ.

[4]) См. у меня въ „Филологіи и Погодинской гипотезѣ", стр. 82—83. Текстъ изданъ у Антоновича и Козловскаго: „Грамоты вел. кн. литовскихъ", стр. 19—20. Въ архивѣ Кіевской Археографической Коммиссіи хранится снимокъ съ грам. 1459 г., сдѣланный на сквозной бумагѣ и вполнѣ замѣняющій подлинную грамоту въ палеографическомъ отношеніи.

1470 г. [1]). Документы на польскомъ языкѣ, происходящіе изъ Кіевщины, Черниговщины и другихъ мѣстъ восточной Украины, тоже не разъ бываютъ очень полезны для уясненія вост.-мр. фонетики XV в.

д) *Отъ начала XVI вѣка* восточно-малорусскіе памятники (и документы, и церковные) постепенно дѣлаются все болѣе и болѣе обильными, и ихъ всѣхъ перечислять мы не можемъ. Изъ свѣтскихъ документовъ XVI вѣка слѣдуетъ однако здѣсь отмѣтить большія оффиціальныя описи, на которыя мы не разъ будетъ дѣлать ссылки: опись Кіевскаго замка 1552 года [2]), опись Черкасскаго замка [3]) и другихъ, а также разныя „книги кгродскія", хранящіяся въ кіевскомъ и другихъ архивахъ. Изъ церковныхъ памятниковъ заслуживаютъ большаго вниманія, какъ легко доступныя, рукописи кіевскихъ книгохранилищъ: — а) Евангеліе изъ Полтавщины 1570 г. [4]), б) Евангеліе Кіево-Михайловскаго монастыря XVI в. [5]), в) Евангеліе изъ Черниговщины XVI в. [6]), г) Евангеліе изъ Тавріи XVI в. [7]); при нихъ имѣются также приписки, болѣе или менѣе живого характера. Заслуживаютъ также вниманія кіевскіе помянники XVI вѣка. Одинъ изъ нихъ болѣе ранній — Кіево-Печерскій Помянникъ первой половины XVI вѣ-

---

[1]) Издана опись Кіевщины ок. 1470 г. проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ „Архивѣ юго-западной Россіи", часть VII, томъ 2-ой, (ч. 1).

[2]) Изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи", т. VII, ч. 1.

[3]) Издана тамъ же, т. VII, ч. 1.

[4]) Описано у Г. Крыжановскаго: „Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ" (Кіевъ 1889), стр. 194—208. Переписчикъ былъ родомъ повидимому изъ с. Терны подъ Лубнами.

[5]) Крыжановскій, стр. 208—216.

[6]) Крыжановскій, 216—225.

[7]) У него же, стр. 225—234.

ка [1]); другой начинается со второй половины XVI в.,— это Помянникъ Кіево-Михайловскаго монастыря [2]). Несмотря на то, что въ нихъ вписано множество именъ и сообщеній отъ чужихъ, пришлыхъ немалорусскихъ паломниковъ, стекавшихся на поклоненіе къ славнымъ кіевскимъ святынямъ отовсюду (особенно изъ Бѣлоруссіи), и не смотря на то, что часть иноковъ, поступавшихъ въ святые кіевскіе монастыри, бывала родомъ даже „зъ Москвы" (какъ это видно изъ помѣтокъ на самыхъ записяхъ), кіевскіе помянники эти, часто записанные прямо по слуху отъ простыхъ людей, могутъ служить превосходнымъ матеріаломъ для уясненія звукового характера тогдашнихъ кіевскихъ, полѣсскихъ, черниговскихъ, полтавскихъ и другихъ восточно-малорусскихъ именъ и нѣкоторыхъ словъ и формъ; пришлый же немалорусскій богомольческій элементъ отдѣлить въ записяхъ не очень трудно потому, что въ большинствѣ случаевъ пришлые богомольцы или монахи бывали бѣлоруссами и великоруссами, сильно áкающими, и ихъ имена и сообщенія очень рельефно отличаются отъ мѣстныхъ, отъ малорусскихъ [3]).

е) Для сужденія о состояніи восточно-малорусскаго нарѣчія *XVII-го и XVIII-го вѣковъ* мы обладаемъ прямо подавляющей массой матеріала (цѣлыми архивами) и притомъ самаго разнообразнаго содержанія: тутъ и религіозно-ученыя сочиненія, на церковно-малорусскомъ жаргонѣ, и учительныя евангелія, близкія къ народному языку; тутъ и канцелярскіе доку-

---

1) Изданъ С. Голубевымъ въ кіевскихъ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Нестора Лѣтописца", книга VI (=1892).

2) Изданъ въ тѣхъ же кіевскихъ „Чтеніяхъ", кн. XVII (= 1903). и кн. XVIII (=1904) г-жею Е. И. Де-Витте.

3) Анализъ нѣкоторыхъ начертаній кіевскихъ помянниковъ XVI в. см. у меня въ „Древне-кіевскомъ говорѣ" (отт. изъ „Извѣстій" Акад. Наукъ отдѣл. русск. яз. 1906), гл. VI.

менты, тутъ и частная переписка и дневники, тутъ и лѣтописи, тутъ и драмы съ народными интерлюдіями; тутъ и вирши бродячихъ „дяків-пиворізів“, предшественниковъ Котляревскаго, и пр., и пр. [1]). Имѣется отъ этихъ двухъ вѣковъ и богатая печатная литература, которая, правда, всегда составлялась (согласно съ эпохальной грамматикой Мелетія Смотрицкаго, изд. 1618 г.), на болѣе искусственномъ и болѣе мертвомъ славянско-малорусско-польскомъ языкѣ, чѣмъ обиходные дѣловые документы и тому подобный рукописный матеріалъ, но которая тѣмъ не менѣе все же была, по своему, малорусская [2]).

§ 8. Западно-малорусскіе памятники XIII—XVI вѣка.

Насчетъ тѣхъ старинныхъ западно-малорусскихъ памятниковъ, которые написаны послѣ упомянутыхъ въ § 6,—т.-е. сверхъ списка XI вѣка (предположительно червонорусскаго, а не кіевскаго) „Словъ Григорія Богослова“ и Галицкаго Евангелія 1144 г. изъ Крылоса,—мы обставлены во многихъ отношеніяхъ гораздо лучше, чѣмъ насчетъ памятниковъ восточно-малорусскихъ, отмѣченныхъ въ § 7. Отъ конца XII-го до начала XV-го вѣка мы имѣемъ, во-1-ыхъ,

---

1) Все это печатается въ спеціальныхъ ученыхъ изданіяхъ (между прочимъ въ „Кіевской Старинѣ“).

2) Анализъ этого малорусско-схоластическаго языка XVII—XVIII столѣтія сдѣланъ П. И. Житецкимъ: „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в.“ (Кіевъ 1889).—Для быстрыхъ справокъ удобна работа В. Шимановскаго: „Очерки по исторіи русскихъ нарѣчій. Черты южно-русскаго нарѣчія въ XVI и XVII вв.“. (Варш. 1893).—Языкъ черниговца Антонія Радивиловскаго (ум. 1688) не совсѣмъ удачно характеризованъ у М. Марковскаго: „Антоній Радивиловскій“ (Кіевъ 1894), стр. 119—187.

десятокъ рукописей церковныхъ (если же считать и мелкіе обрывки, то даже много больше десятка), переписанныхъ въ Галичинѣ съ Буковиною и на Волыни и проявляющихъ, сквозь чужую оболочку мертваго церковно-славянскаго языка, нѣкоторыя характерныя особенности галицкихъ и волынскихъ говоровъ XIII—XV вѣка (а ужъ отъ XV вѣка—число западно-малорусскихъ церковныхъ рукописей, дошедшихъ до насъ, оказывается даже изряднымъ); а во-2-ыхъ,—что самое главное.—мы имѣемъ большое количество подлинныхъ галицкихъ, подольскихъ и волынскихъ грамотъ, написанныхъ почти совсѣмъ народнымъ тогдашнимъ западно-малорусскимъ языкомъXIII—XV вѣка. И если тотъ десятокъ церковныхъ галицко-волынскихъ памятниковъ (Евангелій и т. п.), переписанныхъ на чужомъ славянскомъ языкѣ, оказывается обыкновенно обезображенъ обильнымъ лжеорѳографическимъ написаніемъ буквы ѣ вмѣсто буквы є (типа „онъ нѣ будѣть“ вмѣсто „онъ нє будє[тъ]“ и т. п.), при которомъ эти рукописи имѣютъ крайне немалорусскій видъ, то наличность большого количества одновременныхъ грамотъ, хорошо обрисовывающихъ подлинную живую тогдашнюю западно-малорусскую рѣчь, позволяетъ намъ легко разобраться также въ церковныхъ памятникахъ, позволяетъ примѣнить и къ нимъ успѣшную критику и извлечь изъ нихъ (а именно изъ невольныхъ описокъ копистовъ) очень многія цѣнныя указанія для исторіи галицкихъ и волынскихъ говоровъ XIII—XV вв. Изъ живыхъ западно-малорусскихъ грамотъ только буковинскія (молдавскихъ господарей) страдаютъ иногда (но и то въ малой степени) присутствіемъ лжеэтимологическаго ѣ, потому-что Буковина съ частью южной Галичины подчинялась, какъ и вся Молдавія и Валахія, зависѣвшія отъ болгарскаго патріарха, церковному вліянію южнославянскому и не могла всецѣло убѣжать отъ южнославянскаго

правописанія; однако въ виду того, что букву ѣ буковинцы читали на болгарскій ладъ за *я* (а не такъ, какъ галичане, волыняне, кіевляне, переяславцы и черниговцы), лжеэтимологическое начертаніе буквы ѣ вмѣсто є въ буковинскихъ рукописяхъ сразу осязается какъ элементъ, не могущій ввести въ обманъ, и рельефно отдѣляется въ качествѣ неорганическаго чужого наслоенія, не могущаго заслонить живую, яркую и чистую малорусскую суть буковинскихъ грамотъ.

Примѣчаніе. Конечно, при крайне изобильной замѣнѣ буквы є буквою ѣ, оказывается извѣстный (очень небольшой) процентъ случаевъ, въ которыхъ буква ѣ (вм. є) галицко-волынскихъ церковныхъ рукописей XIII—XV в. (равно какъ южнославянскихъ, бѣлорусскихъ, новгородскихъ, московскихъ и др.) бываетъ похожа на малорусизмъ. Чаще всего, правда, даже такое сходство — чисто мнимое, какъ, напримѣръ, въ церковной ороографіи XII—XV в. „на нашѣмь“, „на нашѣй“. Вѣдь, хотя у современныхъ малоруссовъ говорится „на нашім“ и „на нашій“, но мы (даже документально) знаемъ, что въ XI—XII вѣкѣ малоруссы произносили эти формы со звукомъ ѻ („на нашѻмь“, „на нашѻи“), а въ XIII—XV вѣкѣ здѣсь у нихъ слышался дифтонгъ *уо* („на наш*уо*м[ь]“, „на наш*уо*й“), а не тотъ звукъ, который могъ бы быть выраженъ буквою ѣ; произношеніе съ *і* возникло здѣсь изъ дифтонга только въ половинѣ XVI столѣтія.— Иногда впрочемъ (но такихъ случаевъ очень мало) начертанію ѣ вмѣсто є въ церковныхъ памятникахъ XIII—XV вѣка дѣйствительно могъ соотвѣтствовать и въ живой тогдашней малорусской рѣчи звукъ *і* или *іэ*: таковы, напр., церковныя начертанія: „камѣниє“ и „весѣлиє“ (срав. архаичное малорусское „кам*іэ*нье“ и „вес*іэ*лье“, украинск. „кам*і*ння“ и „вес*і*лля“). Но и такимъ церковнымъ начертаніямъ (рукописей и малорусскихъ, и бѣлорусскихъ, и великорусскихъ) мы не можемъ придавать ни малѣйшаго малорусскаго значенія, потому что рядомъ тамъ же находимъ подавляющую массу начертаній буквы ѣ вмѣсто є и вмѣсто ь (и по лжеороографической системѣ, и въ хаотической безсистемности),—массу, которая оказывается рѣзко антималорусской и противорѣчащей какъ живымъ галицко-волынскимъ грамотамъ XIII—XV в., такъ и фактамъ современнаго малорусскаго языка. Тѣмъ не менѣе А. Соболевскій (ученый, которому даже по безпри-

страстной оцѣнкѣ очень тактичнаго покойнаго акад. Пыпина, слѣдовало бы служить „въ учрежденіи, вѣдающемъ дѣла о гражданской благонадежности“,—см. Вѣстн. Европы 1891, апр., стр. 885) рѣшилъ въ своихъ „Очеркахъ“ и кое-какихъ статьяхъ признать всѣ случаи церковнаго написанія буквы ѣ вмѣсто буквы є за малоруссизмы и окрестилъ такую церковную орѳографію „галицко-волынскимъ ѣ“. Чтобы соблюсти послѣдовательность, онъ и всѣ бѣлорусскія, новгородскія, псковскія, московскія и т. п. церковныя рукописи съ такимъ ятемъ призналъ за писанныя „галицко-волынскими уроженцами“, хотя бы на нихъ стояла ясная запись, или иная примѣта, указывающая на новгородское или иное великорусское или бѣлорусское происхожденіе писцовъ (начиная съ новгородскаго Добрилова Евангелія 1164 г. и кончая новг. Ипатскимъ спискомъ лѣтописи XV в.). На основаніи подобранныхъ такимъ образомъ многочисленныхъ (18) немалорусскихъ рукописей, съ прибавленіемъ менѣе численныхъ (около 10) церковныхъ галицкихъ и волынскихъ, г. Соболевскій принялся характеризовать „галицко-волынскій говоръ XIII—XV в.“ и, ретроспективно, рѣчь болѣе ранней эпохи. Получилась дикая картина. Такая препарированная г. Соболевскимъ „галицко-волынская“ рѣчь XIII—XV в. оказалась у него, какъ и слѣдовало ждать, не самостоятельнымъ малорусскимъ языкомъ, а только „галицко-волынскимъ говоромъ“, который въ старину отъ другихъ русскихъ (бѣлорусскихъ и великорусскихъ) говоровъ отличался „лишь самыми незначительными чертами“ и который лишь подъ вліяніемъ Польши обратился въ „малорусское нарѣчіе“, продолжавшее впрочемъ совмѣстно раздѣлять даже въ періодъ XIII-XV в. всѣ особенности великорусскихъ нарѣчій: и ихъ фонетику, и ихъ склоненія и спряженія, и ихъ словарный составъ, и ихъ обороты рѣчи. Такъ какъ при своей обрусительной ненависти къ малоруссамъ г. Соболевскій абсолютно не знаетъ и даже прямо не понимаетъ презрѣннаго малорусскаго языка, то тенденціозно нарисованная имъ „общерусская“ картина „галицко-волынскаго говора“ XIII-XV вв. показалась ему, повидимому, даже не противоестественной,— и онъ пустился въ своихъ „Очеркахъ“ въ наивныя (но, быть можетъ, отчасти добросовѣстныя) соображенія, что эта картина даже не находится въ противорѣчіи съ нынѣшней малорусской фонетикой... Но изъ этихъ его соображеній оказывалось, что писцы „галицко-волынскаго ѣ“ выражали-де этой одной буквой не то пять, не то семь разныхъ своихъ звуковъ! Надлежащую оцѣнку такому „галицко-волынскому ятю“ г. Соболевскаго далъ извѣстный историкъ малорусскаго языка П. И. Житецкій. Еще

въ 1883 г., въ своемѣ рефератѣ въ кіевскомъ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца П. И. Житецкій выразилъ крайнее удивленіе, что г. Соболевскій „наивно убѣжденъ, будто всѣ отмѣченные имъ примѣры на ѣ вмѣсто є имѣютъ малорусскій характеръ". А въ своемъ „Очеркѣ литерат. ист. мр. нарѣчія" П. И. Житецкій резюмировалъ толкованія г. Соболевскаго такъ: „Старый ѣ, по словамъ г. Соболевскаго, былъ долгъ, произносился какъ мягкое є, но всегда имѣлъ склонность къ переходу въ і. Относительно новаго ѣ г. Соболевскій думаетъ двояко: съ одной стороны это было долгое є, которое однако же въ нѣкоторыхъ случаяхъ... не подвергалось измѣненію и осталось краткимъ. Эта двойственность въ воззрѣніи г. Соболевскаго на новый ѣ выступаетъ еще рѣзче въ слѣдующихъ словахъ: „новый ѣ первоначально отличался отъ є только количествомъ; имѣя всѣ качества є, и въ ихъ числѣ склонность къ переходу въ о, которой не имѣлъ древній ѣ, онъ никогда не былъ тождественъ съ этимъ послѣднимъ. Впрочемъ, въ этомъ новомъ ѣ сохранилась и еще черта, роднящая его съ древнимъ ѣ. Можно думать, говоритъ г. Соболевскій, что ѣ переходитъ въ о чаще, чѣмъ є, вѣроятно потому, что онъ сохранилъ древнюю мягкость". Повторивши всѣ эти противорѣчивыя утвержденія г. Соболевскаго, П. И. Житецкій пытается ихъ резюмировать: „Такимъ образомъ, новый ѣ есть отчасти долгій, а отчасти краткій звукъ, кое-что онъ сохранилъ изъ древняго ѣ, но не все, кое-что изъ основного є, но не все; въ немъ есть *всѣ условія для того, чтобы сдѣлаться всѣмъ чѣмъ угодно*"... Естественно, что такой новый ѣ г. Соболевскаго признается П. И. Житецкимъ за „фиктивный, составленный изъ разнообразныхъ и отчасти несовмѣстимыхъ элементовъ", и представленія г. Соболевскаго за „сбивчивыя и неопредѣленныя", тѣмъ болѣе, что „въ изслѣдованіи г. Соболевскаго, кромѣ этого новаго ѣ изъ є, указаны по галицко-волынскимъ памятникамъ *еще два* новые ѣ". Раньше П. Житецкаго оцѣнку этой „галицко-волынской" буквѣ ѣ произнесъ вкратцѣ, но очень мѣтко, акад. Потебня: „Возможно, что именно-ѐ н ь е и - ѐ л ь е выражается написаніемъ -ѣ н ь е и -ѣ л ь е въ южнорусскихъ памятникахъ (с п а с ѣ н ь е, в е с ѣ л ь е), но при этомъ нужно бы предположить, что въ э т и х ъ случаяхъ буква ѣ имѣетъ д р у г о е значеніе, чѣмъ въ „онъ идѣть, одѣжа, составлѣнъ". (См. „Отчетъ о 20-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ", отдѣльн. отт., стр. 37—38). Потебня зналъ малорусскій языкъ и былъ филологомъ, а не начетчикомъ.

Укажемъ главнѣйшіе источники для изученія зап.-малорусскаго нарѣчія XIII—XV в., причемъ изъ дошедшихъ до насъ церковныхъ памятниковъ XV вѣка (сравнительно обильныхъ) отмѣтимъ лишь немногіе. Дѣло въ томъ, что западный малорусскій языкъ XV вѣка былъ почти ужъ тѣмъ самымъ языкомъ, какимъ говорятъ западные малоруссы и теперь, главное его развитіе состоялось еще до XV вѣка, да къ тому же отъ XV вѣка мы имѣемъ много документовъ живыхъ свѣтскихъ, такъ что считаться со *всѣми* тогдашними памятниками церковными, при ихъ мертвомъ церковно-славянскомъ языкѣ, ужъ не стóитъ въ такой степени, въ какой мы считаемся съ церковными памятниками XII—XIV вв. Эти послѣдніе имѣютъ, напротивъ, большое значеніе, и съ нихъ мы начнемъ свой обзоръ [1]).

[1]) Большую ихъ часть описалъ, съ филологической стороны, А. Соболевскій, преимущественно въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка“ (Кіевъ 1884, отт. изъ „Универс. Извѣстій“). Въ этихъ описаніяхъ, какъ полагается, указаны главныя особенности правописанія галицко-волынскихъ памятниковъ, уклоненія ихъ отъ старѣйшей церковно-славянской орѳографіи, и т. п., и это сдѣлано съ достаточной подробностью. Къ сожалѣнію, надо всегда помнить, что всѣ труды г. Соболевскаго (бывающаго почетнымъ предсѣдателемъ на собраніяхъ „русскихъ людей“) явно преслѣдуютъ не столько научную, сколько тенденціозно-политическую (обрусительную, антиукраинскую и т. п.) цѣль, и потому его описанія ненадежны и должны быть непремѣнно провѣряемы. Такъ, г. Соболевскій способенъ на утаиваніе фактовъ, на сознательныя поддѣлки, на завѣдомо лживыя истолкованія и т. п., а вдобавокъ онъ совершенно не понимаетъ малорусскаго языка. Встрѣтитъ онъ въ старомъ памятникѣ упоминаніе про запущенную церковь, „пыломъ припалую“ (=покрывшуюся пылью),—онъ это переводитъ: „возникшую благодаря усердію“! Встрѣтитъ онъ въ памятникѣ написаніе: „по Волъдрисѣ“ (=по Ольдрихѣ),—онъ образуетъ именит. падежъ „Волъдрисъ“ и находитъ эту созданную имъ форму „Волъдрисъ“ очень недурнымъ малорусскимъ уменьшительнымъ именемъ отъ Владиміръ или Володарь, по типу

а) *Церковныя* галицко-волынскія рукописи *XIII—XV* вѣка—слѣдующія: а) галицкій Христинопольскій Апостолъ XII—XIII вѣка [1]); б) Галицкое Евангеліе 1283 г. поповича Евсевія, списанное съ балканской рукописи и, очевидно, обязанное своему балканскому оригиналу какъ многими сербизмами вообще, такъ и обиліемъ написанія буквы ѣ вмѣсто буквы є [2]); поповичъ Евсевій читалъ на

„Петрусь". Встрѣтитъ онъ въ современной полтавской сказкѣ опечатку: „зорвеси і заховаем" вмѣсто „зорвем і заховаем" (=сорвемъ и спрячемъ),— онъ сейчасъ же принимаетъ опечатку „зорвеси" за 2-ое л. ед. ч. и увѣряетъ, будто у полтавцевъ этотъ глаголъ спрягается такъ: „я зорву, ти зорвеси" и т. д.! Встрѣтитъ г. Соболевскій въ львовской грамотѣ (1400 г.) форму двойств. числа: „безо дву купу" (= безъ 2 копъ), гдѣ неударное *о* въ „копу" передано черезъ *у*, — онъ это читаетъ: „без одвукупу" и смѣло образуетъ новое словечко: „одвукупъ" (въ смыслѣ якобы „выкупъ", „отвыкупъ", Очерки, 64, 102); а для пущей вѣрности онъ, цитируя эту грамоту въ своихъ „Лекціяхъ" (1903, стр. 109), совершаетъ прямой подлогъ, вставляя букву ъ, которой нѣтъ въ оригиналѣ, и цитируетъ данное мѣсто въ видѣ: „безъ одвукупу". Возможно, что, при своемъ чудовищномъ, элементарномъ незнаніи малорусскаго языка, г. Соболевскій въ описаніи и объясненіи галицкихъ и волынскихъ памятниковъ допускаетъ, сверхъ искаженій тенденціозно-сознательныхъ, кучу искаженій безсознательныхъ. Примѣры какъ недобросовѣстныхъ, такъ и просто безсознательныхъ искаженій, производимыхъ г. Соболевскимъ, я въ большомъ количествѣ имѣлъ возможность указывать въ своей „Филологіи и Погодинской гипотезѣ" (К. 1904) и „Діалектологічних крітеріях" (Львів 1906), а кромѣ того въ своей работѣ: „Древне-кіевскій говоръ", которая напечатана въ „Извѣстіяхъ Академіи Наукъ" (по Отдѣленію русскаго языка и словесности), 1906.

[1]) Христинопольскій Апостолъ XII—XIII в. изданъ въ Вѣнѣ Э. Калужняцкимъ: Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice, ad fidem Codicis Christinopolitani (Vindobonae, 1896).

[2]) Евангеліе поповича Евсевія 1283 г. сперва было вкратцѣ описано С. Долговымъ въ „Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ" 1893, № 11 (стр. 421—424) и въ отчетѣ Румянцовскаго музея за 1892—1894 г., равно какъ Г. Воскресенскимъ въ „Еван-

болгарскій ладъ букву ѣ за *я*, и, потому, переписывая свой балканскій оригиналъ, часто замѣнялъ буквою ѧ букву ѣ своего подлинника (напр., онъ писалъ не только „нѣ имать“, какъ было въ балканскомъ подлинникѣ, но и „нѧ имать“ л. 135 об.; онъ писалъ: „въ всѧмь мирѣ“ л. 1 об., „камань“ л. 71 и др.); вѣроятно, онъ жилъ въ Буковинѣ или южной Галичинѣ; — в) (повидимому, буковинское) болгарско-Софійское Евангеліе второй половины XIII вѣка, списанное тоже, какъ и евангеліе поповича Евсевія 1283 г., съ балканскаго оригинала [1]); — г) Галицкое Евангеліе 1266 — 1301 г., которое точнѣе можетъ быть датировано или какъ памятникъ 1282 года [2]), или 1288 года [3]); переписалъ его „прозвуторъ“ (пресвитеръ) Георгій [4]); — д)

геліи отъ Марка“ (Сергіевъ Посадъ 1894, стр. 33—34); а подробнѣе—А. Соболевскимъ въ кіевскихъ Несторовыхъ „Чтеніяхъ“, кн. XII. (=1898), стр. 3—4. Рукопись—въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ.

1) Хранится въ болгарской столицѣ Софіи въ „Народной Библіотекѣ“, № 199. Это буковинское Евангеліе XIII в. описалъ г. Соболевскій въ кіевскихъ Несторовыхъ „Чтеніяхъ“, кн. XII (=1898), стр. 7—10; описаніе—тенденціозное.

2) См. у М. Грушевського: „Історія Руси-України“, 2-ое изд. (Львовъ 1905), стр. 404.

3) См. у Срезневскаго: Свѣд. и Зам., т. II, стр. 376; Древн. пам., 2-ое изд., стр. 158.

4) Характеризовано Евангеліе 1266—1301 г. А. Соболевскимъ въ „Очеркахъ“, № 6 (стр. 20—26); срв. у меня въ „Крітеріях“, стр. 1—12, и тѣ добавки, которыя будутъ приложены къ концу нынѣшней грамматики). Другія черты Евангелія 1266 — 1301 г. указаны во многихъ мѣстахъ книги В. Шимановскаго: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ“ (Варш. 1887, при 1-мъ изд. Изборника 1076 г.). Нѣкоторыя черты, упущенныя изъ виду и г. Соболевскимъ и г. Шимановскимъ, отмѣчены порознь въ каждомъ изъ болѣе раннихъ описаній памятника, которыя дали: Вольтеръ въ Archiv für slavische Philologie, т. VI (=1882), стр. 620—624, и Срезневскій: „Свѣд. и Зам.“, т. II, № 63 и № 69. Огрывки

Холмское Евангеліе XIII—XIV в. [1];—е) вѣроятно, галицкій **Вѣнскій Октоихъ** около XIII в., извѣстный на западѣ подъ названіемъ Codex Hankensteinianus, по имени своего прежняго владѣтеля [2];—е) **Пандекты Антіоха 1307 г.** [3]), хранящіеся во Львовѣ и писанные, вѣроятно, галичаниномъ [4]); — з) **Бучацкое Евангеліе** ок.

изданы тамъ же въ „Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ“, т. II (стр. 375 и 430—439) и въ кіевскихъ „Универс. Извѣстіяхъ“, 1884 (№ 6, прибавл. III, стр. 37—43). Подлинникъ—въ Импер. Публ. Библ., f. I. 64.

[1]) Объ особенностяхъ Холмскаго Евангелія XIII—XIV в. см. вкратцѣ у Востокова: „Описаніе рукописей Румянц. Музея“, стр. 173—174, и подробнѣе у Соболевскаго въ „Очеркахъ“, № 7, стр. 26—29 (Срв. у меня въ „Крітеріях“, стр. 24—25). Отрывки изданы въ кіевск. „Университ. Извѣстіяхъ“, 1884, декабрь (прилож. I, стр. 44—51).

[2]) Вѣнскій Октоихъ XIII в. описанъ въ „Очеркахъ“ Соболевскаго, № 5 и № 14=стр. 18—20 и 48—50 (срв. у меня въ „Крітеріях“, стр. 45—46) и у Г. Воскресенскаго въ „Славянскихъ рукописяхъ, хранящихся въ заграничныхъ библіотекахъ“ (въ 31-мъ томѣ „Сборника отдѣл. р. яз. и слов. Имп. Ак. И.“ 1882, стр. 36—39). Хотя г. Соболевскій и имѣлъ въ рукахъ описаніе Г. Воскресенскаго, однако многими данными, сообщенными у Г. Воскресенскаго, онъ (умышленно или неумышленно) не воспользовался, напр. указаніемъ, что лжеорѳографическое ѣ (вмѣсто є) можетъ чередоваться съ буквою ь („помышлѣниє“—и „помышльниє“ л. 142, „смотрѣниє“ и смотрьниє“ л. 143, и пр.). — О хронологической датѣ Вѣнскаго Октоиха см. Archiv für slavische Philologie, т. VII (= 1884), стр. 507.

[3]) Описаны Пандекты 1307 г. по частямъ у А. Кочубинскаго сперва въ его отчетѣ о заграничной командировкѣ (въ „Запискахъ Новороссійскаго у-та“, т. XVIII), а потомъ подробнѣе и съ выписками текста—въ „Отчетѣ о 32-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова“ (СПБ. 1892, прилож. къ 69-му тому „Записокъ Имп. Акад. Наукъ“), въ разборѣ книги П. И. Житецкаго. Теперь рукопись, вѣроятно, въ библіотекѣ львовскаго „Народнаго дома“, въ т. н. музеѣ А. Петрушевича.

[4]) Специально-малорусскихъ особенностей переписчикъ Пандектовъ 1307 г. не проявилъ (срв. у меня въ „Крітеріях“, стр.

XIV в. [1]);—и) волынское Луцкое Евангеліе XIV в. [2]);—і) буковинское Путенское Евангеліе XIV в. (изъ монастыря въ Путнѣ) [3]);—к) особо стоитъ т. н. Евангеліе Верковича XIV в. [4]), переписанное не малоруссомъ, а какимъ-то волохомъ изъ Молдавіи, который едва-ли понималъ то, что̀ переписывалъ.— Изъ церковныхъ зап.-мр. рукописей *XV-го* столѣтія назовемъ только четыре:—л) галицкое Каменецъ-Струмиловское Евангеліе 1411 г. [5]);—м) Львовское Евангеліе 1423 г. кіевской Десятинной церкви [6]);—н) волынскій Антоновецкій Апостолъ XV в., изъ с. Антоновецъ Кременецкаго уѣзда [7]);—о) волынское Четвертинское Еван-

---

44—46), но онъ проявилъ множество таких діалектическихъ чертъ, которыя общи и малорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ.

1) Хранится въ Ставропигійскомъ Институтѣ во Львовѣ.

2) Недурно характеризовано Луцкое Евангеліе у Востокова въ Описаніи рукоп. Румянц. музея (стр. 176—179), подробнѣе—у г. Соболевскаго: „Очерки“, № 11, стр. 40—46 (срв. мои „Крітерії“, стр. 8). Отрывки изданы въ кіевск. „Универс. Изв.“, 1885, янв. (прилож. III, стр. 68—75).

3) Издано Путенское Евангеліе Ѳ. Калужняцкимъ: Monumenta linguae palaeoslovenicae: I. Evangelium Putnanum (Вѣна 1888).

4) Описалъ Евангеліе Верковича XIV вѣка А. Никольскій въ „Русскомъ Филолог. Вѣстн.“ 1894, кн. 4, стр. 276—294.

5) Подробно описалъ Каменецъ-Струмиловское Евангеліе 1411 года Г. Крыжановскій: „Рукописныя Евангелія кіевскихъ книгохранилищъ“ (Кіевъ 1889), стр. 105—131. Срав. еще его (не очень удачную) статью: „Кам.-Стром. Тетроевангеліе 1411 г. и Волынское нарѣчіе въ XIV—XV вѣкѣ“—въ Волынскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1887, № 17 и № 18.

6) О Львовскомъ Евангеліи 1423 г. есть нѣсколько словъ у Н. Петрова въ его „Описаніи рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, (отт. изъ „Чтеній въ Общ. Ист. и Древн.“). Также см. „Кіевскія Епарх. Вѣдом.“ 1874, № 12, стр. 307.

7) Антоновецкій Апостолъ описанъ М. Карпинскимъ въ „Русскомъ Филол. Вѣстн.“ 1888, т. XIX, стр. 68—73.

геліе конца XV вѣка [1]). Четвертня — Луцкаго уѣзда.

Какъ писанные мертвымъ церковно-славянскимъ языкомъ съ немалорусскими южно-славянскими церковными наслоеніями, эти бук.-галицкіе и волынскіе списки евангелій, конечно, далеко не всегда могутъ быть вполнѣ надежнымъ критеріемъ для уясненія тогдашней западно-малорусской рѣчи XIII—XV вѣка. Кромѣ того (объ этомъ мы уже упоминали), большою и сбивчивою помѣхою при изученіи зап.-малорусскаго языка по этимъ церковнымъ памятникамъ оказывается лжеороографическое, въ высшей степени антималорусское написаніе здѣсь буквы ѣ вмѣсто є; положимъ, оно примѣнено не во всѣхъ нихъ (такъ Каменецъ-Струмиловское Евангеліе 1411 г., Антоновецкій Апостолъ и Четвертинское Евангеліе свободны отъ этой лжеороографіи, — очевидно, по той причинѣ, что писаны въ провинціальныхъ закоулкахъ, простыми людьми, не знавшими школьныхъ лжеороографическихъ ухищреній), но оно примѣнено въ остальныхъ. Все же ими можно пользоваться (для другихъ пунктовъ) съ большей или меньшей увѣренностью, чего никакъ нельзя сказать про бѣлорусскій списокъ Поученій Ефрема Сирина 1492 г. [2]), который списанъ бѣлоруссомъ съ во-

[1]) Четвертинское Евангеліе описано Г. Крыжановскимъ въ работѣ: „Рукописныя Евангелія Волынскаго Епархіальнаго Древлехранилища“ (въ „Волынск. Епарх. Вѣдомостяхъ“, 1895г. № 8, стр. 297—303).

[2]) Описаны Поученія Ефрема Сирина 1492 года И. Срезневскимъ въ „Свѣд. и Зам.“, т. 1, вып. 1-й, № VI (стр. 37—50) и систематичнѣе А. Соболевскимъ въ „Очеркахъ“, № 15 (=стр. 50—58); не мало дополненій дано В. Шимановскимъ въ книгѣ: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ“ (Варш. 1887), стр. 85—95. Рукоп. — въ Императ. Публичн. Библіотекѣ, № 71, а. Отрывки текста изданы въ „Свѣд. и Замѣткахъ“, т. I, вып. 1-ый (стр. 27—30, 42—44, 45—46, 80—81) и въ кіевскихъ „Универс. Извѣстіяхъ“ 1885 (февр., прилож. 4-ое, стр. 83—90).

лынскаго оригинала 1271—1288 г.: такъ какъ рѣчь бѣлорусская имѣетъ много общихъ чертъ съ малорусскою, то въ большинствѣ случаевъ мы бываемъ не въ силахъ опредѣлить съ точностью, имѣлась ли такая черта еще въ волынскомъ оригиналѣ XIII вѣка, или она внесена въ списокъ 1492 года уже бѣлоруссомъ-переписчикомъ. Иное дѣло—если мы встрѣтимъ въ бѣлорусскомъ спискѣ такія малорусскія черты, которыя чужды бѣлорусскому нарѣчію: онѣ, очевидно, прямо перенесены изъ волынскаго оригинала XIII вѣка.

б) Изъ *свѣтскихъ* западно-малорусскихъ *памятниковъ XIII—XV* вѣковъ одинъ, который былъ бы наиболѣе для насъ важенъ, Галицко-волынская лѣтопись XII и XIII вв., до насъ въ подлинникѣ *не* дошелъ. Какъ было выше сказано (въ § 7), знаемъ мы галицко-волынскую лѣтопись въ новгородскомъ Ипатскомъ спискѣ XV вѣка, и этотъ списокъ замѣчательно живого галицко-волынскаго произведенія есть для изученія фонетики западно-малорусскаго нарѣчія XIII вѣка несравненно менѣе надежный источникъ, чѣмъ мертвые церковно-славянскіе памятники XIII—XV вв., переписанные руками подлинныхъ галичанъ и волынянъ. Для изученія же стариннаго западно-малорусскаго словаря и синтаксиса Ипатскій списокъ играетъ, понятно, такую же важную роль, какую играетъ Начальная и Кіевская лѣтопись для изученія стараго нарѣчія восточно-малорусскаго.

Но мы имѣемъ отъ XIII—XV в. довольно много другихъ, — прямо драгоцѣнныхъ—источниковъ для изученія западно-малорусскаго нарѣчія того времени,—источниковъ, которые насъ съ успѣхомъ вознаграждаютъ и за искусственность церковныхъ памятниковъ Галичины и Волыни, и даже за отсутствіе подлиннаго малорусскаго списка галицко-волынской лѣтописи. Это—гал. и вол. малорусскія грамоты (куп-

чія крѣпости, завѣщанія, княжескіе и воеводскіе указы и т. п.), которыя можно считать начиная съ т. наз. грамоты кн. Льва Галицкаго 1292 г. (поддѣланной впрочемъ едва лишь въ XIV столѣтіи) [1]), и которыя тянутся через все XIV-ое и XV-ое столѣтіе. Писаны онѣ обыкновенно безъ книжной искусственности (и въ томъ числѣ, конечно, безъ церковнаго написанія буквы ѣ вмѣсто є) [2]), и обликъ западно-малорусскаго нарѣчія XIII—XV вѣковъ (а ретроспективно — и XII вѣка) возстаетъ передъ нами, благодаря подлиннымъ грамотамъ, съ удовлетворительной отчетли-

---

[1]) Списокъ этой мнимой грамоты 1292 г. кн. Льва Галицкаго монастырю Спасскому (какъ и другихъ приписываемыхъ ему грамотъ) имѣется въ Румянцовскомъ музеѣ, коллекція № 69. Печатно она издана (вмѣстѣ съ т. н. грамотой кн. Льва 1302 г. для епископіи Перемышльской) въ очень рѣдкой книгѣ Іосифа Левицкаго: „Grammatik der kleinrussishen Sprache“ (Przemysl 1834)=„Граматика языка русского въ Галиціи“ (Перемышль 1850), откуда обѣ грамоты перепечатаны Як. Головацкимъ въ его болѣе доступной книгѣ: “Хрестоматія церковно-словенская и древно-русская въ пользу ученикôвъ вышшои гумназіи въ цѣс.-корол. Австрійской державѣ“, т. I, „въ Вѣднѣ“ (=Вѣнѣ) 1854, стр. 315—316 и 316—317. Относительно хронологической даты составленія грамоты 1292 г. надо признать, что она безусловно не можетъ быть болѣе поздней, чѣмъ вторая четверть XV в., потому-что въ 1448 г. она была уже подтверждена королемъ Казиміромъ.

[2]) Правда, г. Соболевскій пытается и въ нихъ сыскать „галицко-волынское ѣ“, но пріемы, съ которыми онъ, не зная малорусскаго языка, подступаетъ къ грамотамъ, до того потѣшны, что способны развеселить даже наиболѣе глубокаго меланхолика (см. у меня въ „Крітеріях“, стр. 27—29). Такъ, встрѣчаетъ г. Соболевскій въ дарственной записи XV в. на Луцкомъ Евангеліи упоминаніе про четыре иконы кованыхъ и три иконы „ѕ вѣньци“ (=съ вѣнцами),—и, подобно тому, какъ отъ „по Волъдрисѣ“ (=по Ольдрихѣ) онъ образуетъ самодѣльный именительный падежъ „Волъдрись“, такъ и отъ „з вѣньци“ (=съ вѣнцами) онъ образуетъ именительный падежъ „звеньць“ (!!!), причемъ, конечно, заявляетъ („Оч.“ стр. 60), что буква ѣ написана въ Луцкой грамотѣ вмѣсто є.

востью [1]). О грамотахъ изъ Буковины рѣчь будетъ ниже.

в) Одновременныя съ этими галицкія, волынскія и подольскія польскія грамоты и документы (начальныхъ временъ литовско-польской державы) тоже являются далеко небезполезнымъ источникомъ для сужденія о типѣ зап.-мр. нарѣчія до XVI в.; латинская транскрипція галицкихъ, волынскихъ и подольскихъ именъ и словъ иногда служитъ ключемъ къ рѣшенію сбивчивыхъ вопросовъ.

---

[1]) Хорошаго, съ точностью изданнаго сборника галицкихъ и волынскихъ грамотъ нѣтъ. Наиболѣе удобно для пользованія сводное изданіе Я. Головацкаго въ львовскомъ „Науковомъ Сборникѣ“ 1867 (и отд. отт.: „Памятники дипломат. и судебно-дѣлов. яз. русск.“), но оно часто—съ подправками издателя „на общорусскій ладъ“, и малорусская окраска грамотъ сильно въ изданіи Головацкаго потускнѣла. Очень плохо также и въ разбросѣ къ тому же изданы онѣ и въ „Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy Pospolitej Polskiej, wydane staraniem Galicyjskiego wydziału krajowego“. (tt. I—VIII, 1868—1880), но при всей небрежности этого польскаго изданія текстъ грамотъ оказывается здѣсь лучше, чѣмъ тотъ текстъ, который былъ въ спискѣ доставленъ Д. Зубрицкимъ и другими москвофильствующими галичанами въ Петербургскую Археографическую Коммиссію и напечатанъ въ „Актахъ, относящихся до исторіи Южной и Западной Россіи“ (СПБ., т. I, 1863) и въ тому подобныхъ болѣе старыхъ изданіяхъ (напр., въ „Актахъ, отн. къ ист. Зап. Россіи“ т. I, СПБ. 1846 и слѣд.). Напротивъ, съ бóльшей филологической тщательностью издаются грамоты въ новѣйшее время, напримѣръ, въ описаніяхъ архивовъ разныхъ польскихъ магнатовъ, роды которыхъ были прежде малорусскими; такъ, сюда относится изданіе: „Archiwum ks. Sanguszków“ (Львовъ, 1887 и слѣд., изъ архива въ Славутѣ Волын. губ.) и т. п. Восемь грамотъ переиздано (по Головацкому и изъ „Актовъ“) у П. И. Житецкаго въ приложеніи къ „Очерку звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ (Кіевъ, 1876), причемъ одна (1375) значительно исправлена по подлиннику. Эта послѣдняя (Смотрицкая) грамота 1375 г. издана въ еще разъ провѣренномъ видѣ у Н. Молчановскаго: „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“ (Кіевъ, 1885, отт. изъ „Унив. Изв.“): да кромѣ

г) Нѣсколько особнякомъ отъ галицко-подольскихъ и волынскихъ документовъ XIII—XV в. стоятъ одновременные документы изъ Буковины, которая, вмѣстѣ съ юж. Галичиной (Снятиномъ и пр.) входила, какъ мы выше упоминали, въ составъ Молдавскаго воеводства, а въ церковномъ управленіи подчинялась Болгарскому патріарху. Не только у буковинскихъ и бессарабскихъ малоруссовъ, но и у не славянъ-волоховъ (= румынъ) письменность велась не на румынскомъ языкѣ, а на славянскомъ, который въ тѣ времена былъ и церковнымъ и оффиціальнымъ въ Волощинѣ; но произношеніе нѣкоторыхъ буквъ не совпадало здѣсь съ произношеніемъ польско-литовскихъ малорусскихъ областей и совпадало съ чтеніемъ балканскимъ (буква ѣ, напр., читалась или близко къ *я*, или прямо за *я*, на болгарскій ладъ) да и въ правописаніи ощутительно сказыва-

---

того имѣется независимое отъ текста, напечатаннаго въ „Актахъ“ и у Головацкаго, хорошее изданіе этой Смотрицкой гр. 1375 г. въ „Древнихъ пам. русск. яз.“ Срезневскаго (именно въ 1-мъ изд. его труда, стр. 265; во 2-мъ изд. это выпущено), а точный снимокъ приложенъ къ I тому A. Przezdzieckiego: Podole, Wolyn', Ukraina (Вильно 1841), хотя самая грамота прочитана Пшездзѣцкимъ невѣрно. Грамота галицкаго старосты Бенька 1398 г. издана въ литограф. снимкѣ у Срезневскаго въ прилож. къ 1-му изд. „Древн. памятниковъ“ (стр. 269). У Головацкаго къ стр. 41-й приложенъ точный литографскій снимокъ съ гр. 1424 г. старосты Ленка изъ Зудечова. Провѣрка мнѣ показала, что вполнѣ точнымъ является переизданіе Свитригайловой грамоты 1438 г. данной въ Луцкѣ кухмистру Петру Мышьчичу, и данной тамъ же въ Луцкѣ шляхетнымъ Чоботамъ Свитригайловой грамоты 1445 г. (кіев.„ Универс. Изв.“, 1885, янв., прилож. 3-ье, стр. 80, и февр., прилож. 4-ое, стр. 82); подлинники — въ Рум. Музеѣ. Существуетъ немало еще галицкихъ и волынскихъ грамотъ, совсѣмъ неизданныхъ. — Описаніе особенностей тѣхъ грамотъ, которыя опубликованы печатно (слѣдовательно съ ошибками). далъ по печатнымъ изданіямъ А. Соболевскій въ „Очеркахъ“, стр. 60 — 64. Въ концѣ нашей грамматикѣ мы дадимъ библіографическій перечень всѣхъ цитированныхъ нами зап.-мр. грамотъ, съ точнымъ указаніемъ, гдѣ какая издана, или гдѣ хранится.

лось сильнѣйшее балканское вліяніе (мы ужъ имѣли случай упомянуть. что сюда относится особое лжеорѳографическое употребленіе буквы ѣ вмѣсто буквы є). Разбираясь въ буковинскихъ памятникахъ, мы всегда должны обращать вниманіе, писаны ли они малоруссами или волохами. Въ особенности рукописи религіозныя церковныя, списанныя волохами, имѣютъ для насъ далеко не всегда цѣнность. Это надо сказать, напр., относительно переписаннаго несомнѣннымъ волохомъ Евангелія Верковича XIV в. (см. выше, § 8, а),—въ противность такому (вѣроятно, буковинскому или южно-галицкому) замѣчательному памятнику, какъ Евангеліе 1283 г. поповича Евсевія (см. § 8, а), или даже Евангелію XIII в. болгарско-Софійскому (§ 8. а), писцомъ котораго могъ быть даже не природный малоруссъ, но волохъ, а тѣмъ болѣе— Евангелію XIV в. Путенскому (§ 8, а). Дѣло въ томъ, что церковные переписчики-волохи,—дьячки и др.,— повидимому, не всегда ясно понимали то, что̀ они механически списывали съ южно-славянскихъ или южно-русскихъ оригиналовъ; они писали одну букву вмѣсто другой, перепутывали слоги и цѣлыя слова, и потому ихъ механическіе церковные списки полны фиктивныхъ словъ и формъ, могущихъ иногда ввести довѣрчиваго изслѣдователя въ серіозное заблужденіе [1]).

[1]) Такъ, напримѣръ, въ Евангеліи Верковича XIV в. на л. 89 об. написано: „отверги" (=повелит. н-ніе). Нельзя выяснить, механически ли принялъ переписчикъ-волохъ церковно-славянскую букву ѕ своего оригинала за букву г, или самостоятельно смастерилъ фиктивную форму съ г (по аналогіи съ „отвергнути"),—во всякомъ случаѣ изъ живого малорусскаго языка онъ такой формы заимствовать не могъ: ни одна малорусская рукопись не знаетъ подобной формы повел. н-нія,—всегда въ такихъ случаяхъ мы находимъ у малорусскихъ писцовъ или ѕ, ꙁ (на церковно-славянскій ладъ), или ж (на чисто малорусскій ладъ;= =„отвержи"). Между тѣмъ упомянутый г. Соболевскій („Лекціи",

Главный интересъ для насъ представляютъ свѣтскіе буковинскіе дѣловые документы XIV—XV в. (купчія, указы и т. п.) [1]); въ большинствѣ случаевъ, какъ это ясно видать, ихъ писали природные малоруссы, притомъ говорившіе необыкновенно красивымъ малорусскимъ языкомъ, который легко пробивается даже сквозь балканизмы въ грамматикѣ и сквозь балканскую орѳографію. Впрочемъ, немалое значеніе имѣютъ и тѣ молдавскія грамоты XIV и XV в., которыя писаны людьми, свободно болтавшими на живомъ малорусскомъ языкѣ. Критикѣ однако онѣ подлежатъ строжайшей: инородецъ, даже умѣющій очень бѣгло говорить на какомъ-нибудь языкѣ, способенъ искажать и его произношеніе и грамматическія формы,— что мы постоянно и видимъ въ собств.-волошскихъ грамотахъ. Для критическаго пользованія ими надо очень хорошо знать не только западно-малорусскую діалектологію, но и языки волошскій и болгарскій.

д) *Памятниковъ XVI вѣка*, писанныхъ западными малоруссами, очень много: и церковныхъ, и свѣтскихъ. Церковныя рукописи, какъ водится, сравнительно безцвѣтны въ малорусско-діалектологическомъ отношеніи, будутъ ли это книги богослужебныя (Евангелія и т. п.) [2]) или иные памятники на чужомъ

1903, стр. 249), по наивности или по обрусительной тенденціозности, дѣлаетъ изъ этой единичной описки Верковичевскаго Евангелія выводъ, что въ XIV в. малоруссы образовывали повелит. н-ніе на ГН, а не на ЖН.

[1]) Около сотни ихъ издано В. Улянпцкимъ въ „Матеріалахъ для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вѣкахъ“ (М. 1887, отт. изъ московскихъ „Чтеній“). Кое-какія молдавскія грамоты издавались и по одиночкѣ,—между прочимъ и въ „Памятникахъ“ Головацкаго. Очень интересная буковинская (Сучавская) грамота 1471 г. воеводы Стефана Великаго опубликована проф. Кочубинскимъ въ 32-омъ отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ (стр. 248—250).

[2]) Такіе памятники теперь собираются, между прочимъ, въ Волынскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ, куда поступаютъ

церковно-славянскомъ языкѣ (Дубенскій сборникъ поученій XVI в.[1]), сборникъ „О лунномъ теченіи" и т. д. московской Синодальной Библіотеки № 937 [2]), полемическій сборникъ попа Налывайка XVI в. [3]), разные апокрифическіе сборники XVI в., особенно галицкіе [4]) и т. п.). Но со второй половины XVI в. начинается, подъ вліяніемъ Реформаціи, рядъ переводовъ Евангелія на живой малорусскій языкъ, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ волынское малорусское Пересопницкое Евангеліе 1561 г. [5]), испорченное къ сожалѣнію сербиз-

---

изъ захолустныхъ церквей. Пять Евангелій XVI в. изъ этого древлехранилища описалъ довольно подробно Г. Крыжановскій въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" 1895 (въ первой половинѣ года). О Дубенскомъ Евангеліи 1539—1568 г., на которое намъ не разъ придется дѣлать ссылки, см. вкратцѣ у Х. Востокова: „Описаніе рукописей Румянц. муз." № 131, стр. 189. Что касается прочихъ богослужебныхъ зап.-мр. книгъ XVI в., библіографическія указанія про каждую мы будемъ сообщать въ своемъ мѣстѣ, при цитированіи;—перечислить ихъ всѣ здѣсь не возможно.

1) Описанъ Дубенскій сборникъ XVI в. и сопровожденъ изданіемъ отрывковъ—у И. Срезневскаго: „Свѣд. и Зам.", т. II, №№ 57—58 (=стр. 305—326).

2) Сборникъ „О лунномъ теченіи" и пр.—описанъ у Горскаго и Невоструева въ ихъ „Описаніи славян. рукописей Москов. Синод. Библіот.", № 937, кромѣ того—у А. Соболевскаго въ статьѣ: „Замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ юго-зап.-русскаго письма XVI—XVII в." (Кіевъ, 1894, оттискъ изъ 9-ой кн. Несторовыхъ „Чтеній"), стр. 11—16.

3) Хранится въ Румянцевскомъ Музеѣ, № 2616. Описалъ этотъ сборникъ „иерея Наливайка" у А. Соболевскаго: „Замѣтки" (=Несторовы „Чтенія", кн. IX), стр. 16—19.

4) Тексты апокрифовъ галицкихъ XVI в. (и др). въ большомъ изобиліи стало издавать львовское „Наукове Товариство імени Шевченка" въ своихъ „Пам' ятках українсько-руської мови і літератури" подъ редакціей Ив. Франка. Четвертый томъ вышелъ въ 1906 г. во Львовѣ.

5) Описано Пересопницкое Евангеліе 1561 г. П. И. Житецкимъ въ „Трудахъ 3-го Археологическаго съѣзда", причемъ из-

мами. Изъ свѣтскихъ памятниковъ, сверхъ грамотъ и т. п. документовъ [1]), непрерывно тянущихся черезъ все столѣтіе, въ высшей степени важенъ памятникъ, прекрасно характеризующій западно-малорусскую рѣчь галицкую по сѣверно-подольскому говору, самого конца XVI вѣка: это шутливыя Интерлюдіи Якуба Гаватта (или Гаваттовича), напечатанныя уже въ 1619 г., польскими буквами [2]): какъ полагается для потѣшныхъ интерлюдій, онѣ написаны вполнѣ вульгарнымъ языкомъ; притомъ, какъ полякъ, авторъ былъ свободенъ отъ мертвящаго вліянія церковно-славянской православно-литературной рѣчи [3]). Простонародный аналогичный, т.-е. писанный такъ же латинскими (чешскими) буквами документъ, маленькаго размѣра, дошелъ до насъ отъ времени, лѣтъ на сорокъ болѣе ранняго, чѣмъ то, когда писалъ Гаваттовичъ. Это—горная, повидимому

дана значительная часть текста; отд. оттискъ: „Описаніе Пересопн. рукоп. XVI в.“ (Кіевъ, 1876). Кромѣ того часть текста издапа П. И. Житецкимъ въ приложеніи къ его „Очерку звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ (Кіевъ, 1875, изъ „Унив. Извѣстій“), стр. 360—364.

[1]) Обратимъ вниманіе, между прочимъ, на двѣ напрасно забываемыя записи князя К. И. Острожскаго 1508 и 1513 г., сдѣланныя на Туровскомъ Евангеліи XI в.; онѣ изданы у Срезневскаго въ „Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ“, т. II, стр. 118—120. Писалъ ихъ не бѣлоруссъ (буква ѣ обозначаетъ, повидимому, чистый звукъ *i*).

[2]) Гаваттовы интерлюдіи переизданы русскими буквами въ „Кіев. Стар.“ 1883 (дек.), но очень неточно. Провѣренное по подлиннику переизданіе (но все же буквами русскими, а не польскими) исполнилъ М. Павликъ въ 1-омъ томѣ редактированныхъ имъ сочиненій Драгоманова: „Розвідки Михайла Драгоманова“, т. I, (Львів 1899), стр. 174—184.

[3]) Надо впрочемъ помнить, что польское правописаніе начала 17-го в. было еще неустановившимся, и въ частности—латинскія буквы *i* и *y* путались тогда въ своемъ звуковомъ значеніи. Поэтому и у Гаваттовича ненадежны для насъ тѣ слова, въ которыхъ написана одна изъ этихъ буквъ.

чисто-гуцульская пѣсня въ двадцать-четыре стиха (про Штефана-воеводу и красну дївоньку надъ Дунаемъ), записанная около 1571 года въ Венецiи для одной чешской грамматики [1]) человѣкомъ, который малорусскаго языка не зналъ, но—изъ устъ малорусса, проживавшаго въ Венецiи, kdez' hojné jest Słowák°u neb Charwat°u [2]) и, быть можетъ, подвергшагося нѣкоторому влiянiю рѣчи словацкой или хорватской. Въ виду такихъ условiй записи, пѣсня дошла до насъ въ чуть-чуть искаженномъ видѣ; но она легко можетъ быть возстановлена въ полной правильности [3]).

§ 9. Для сужденiя о состоянiи *зап.-мр. нарѣчiя XVII и XVIII вв.* мы имѣемъ такой же обширный матерiалъ, какъ и для одновременнаго нарѣчiя восточно-малорусскаго; и матерiалъ этотъ—такого же разнообразнаго характера (см. § 7, е). Пригодна, конечно, для этой цѣли и общемалорусская печатная искусственно-схоластическая литература XVII и XVIII вв., которая по количеству и составу писателей можетъ даже считаться гораздо болѣе западно-малорусской, чѣмъ восточно-малорусской. Изъ числа западныхъ же малоруссовъ выходили и грамматическiе законодатели схоластическо-малорусской рѣчи XVII и XVIII вв. (ими издана львовская грам-

[1]) Jana Blahoslawa. Дописана его „Gramatika 'Ceska" въ 1571 г., но издана была (по самой рукописи XVI вѣка) только въ 1857 г. въ Вѣнѣ. Текстъ малорусской пѣсни напечатанъ на стр. 341.

[2]) =„гдѣ много есть словаковъ или хорватовъ",—слова̀ самого Яна Благослава.

[3]) Возстановилъ эту пѣсню XVI вѣка (вмѣстѣ съ буквальнымъ переизданiемъ ея текста въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ) А. Потебня: „Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка. Текстъ и примѣчанiя", Воронежъ, 1877 (оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ"). Комментарiи, которые онъ далъ къ ней, были для своего времени очень цѣнны, но теперь порядочно устарѣли.—Переизданъ текстъ и у И. Франка: „Зап. Т-ва Шевч.", т. 75, стр. 21 и слѣд.

матика „Адельфотес“ 1591 г. [1]), уже упомянутая эпохальная „Сінтагма“ 1618 г. Мелетія Смо́трицкаго [2]) и др.), равно какъ западнымъ малоруссомъ былъ и лексикологъ Памва Берында, составитель извѣстнаго и для всѣхъ тогда авторитетнаго „Лексикона славенороссскаго“ (т.-е. славянско-малорусскаго) 1627 г. [3]). Пользуясь всей этой литературой, надо однако твердо помнить, что это вовсе не малорусскій языкъ, а неорганическое язычіе: смѣсь польщины съ церковно-славянщиной, напитанная то въ большей, то въ меньшей степени малорусскими элементами [4]). — Изъ зап.-мр. документовъ начертанныхъ польскими буквами, важно рукописное стихотвореніе ок. 1651 г.: „Duma kozackaia o woyni s kozakamy nad rikoiu Styru“ — о пораженіи Б. Хмельницкаго подъ Берестечкомъ [5]), и одновременная сатира на казаковъ [6]).

---

[1]) Анализъ ея данъ К. Студинскимъ: „Адельфотес. Студія літературно-язикова (Львів 1895, отт. изъ 7-го тома „Записокъ Наукового Товариства імени Шевченка“).

[2]) Краткій анализъ грамматики Мелетія Смотрицкаго—Житецкаго во II главѣ его „Очерка литер. ист. мр. нар.“, 16—27.

[3]) Краткій анализъ словаря Берынды—(по изд. 1653 г.) см. у Житецкаго, гл. III, стр. 37 и слѣд. Переизданіе словаря Памвы Берынды, равно какъ болѣе ранняго такого же словаря львовянина Лаврентія Зизанія 1596 г., сдѣлано И. Сахаровымъ во II томѣ „Сказаній русскаго народа“ (СПБ. 1849), но въ филологическомъ отношеніи эта перепечатка никуда не годна.

[4]) Словаремъ къ этому язычію можетъ отчасти служить 3-я часть „Старосвѣтскаго бандуриста“ Н. Закревскаго (М. 1861) и „Словарь живого и актового малороссійскаго и червонорусскаго языка“ Ф. Пискунова (2-ое изд., Кіевъ, 1882). Новый, повидимому недурной, словарь стариннаго актово-схоластическаго малорусскаго языка, составленный г. Тимченкомъ какъ самостоятельное приложеніе къ большому Украинско-русскому словарю Б. Гринченка, вскорѣ будетъ печататься.

[5]) Издана „Duma kozackaia“ 1651 г. въ „Archiv für sl. Philol.“, т. II (1877), стр. 298—301.

[6]) Сатира эта издана В. Щуратомъ въ „Записках Т-ва Шевч.“, т. 74, стр. 132.

Глава третья.

О степени соотвѣтствія нынѣшняго звукового значенія малорусскихъ буквъ живому звуковому значенію буквъ кіевско-лѣтописной азбуки. (Бѣглый очеркъ звуковой системы лѣтописнаго кіевско-черниговско-переяславскаго нарѣчія, равно какъ и волынско-червонорусскаго, въ XI вѣкѣ и въ ближайшія столѣтія).

Чи так само, як вимовляються українські слова́ тепер, вимовлялися вони в Київі, тай на Червоній Русї, за часів великої київської держави Володимира Сьвятого та Ярослава Мудрого?

I.

Консонантизмъ (строй согласныхъ звуковъ) XI вѣка и ближайшихъ.

§ 10. Согласные звуки и въ XI вѣкѣ были у лѣтописныхъ кіевлянъ, переяславцевъ и черниговцевъ все тѣ же, какіе мы и теперь слышимъ въ центрально-приднѣпровскихъ говорахъ. Само собою понятно, что при тогдашнемъ обильномъ существованіи многихъ гласныхъ звуковъ, впослѣдствіи выпавшихъ, положеніе согласныхъ въ какомъ-нибудь словѣ бывало неразъ инымъ, чѣмъ теперь. Такъ, стеченіе подъ-рядъ двухъ или бо́льшаго количества согласныхъ во многихъ изъ тѣхъ словъ, въ которыхъ оно непремѣнно

констатируется у насъ въ наше время, отсутствовало въ тѣхъ же словахъ въ XI вѣкѣ и не влекло за собою нынѣшнихъ звуковыхъ послѣдствій. Напримѣръ, въ словѣ отьца (=отца) согласный звукъ т не былъ въ XI вѣкѣ сосѣдомъ звука ц, такъ какъ между т и ц слышался гласный звукъ ь [1]; а потому это слово, содержавшее въ себѣ цѣлыхъ три слога (о+ть+ца) не могло еще, конечно, переходить тогда въ „оцця“ („оцьця“), какъ оно теперь звучитъ у многихъ приднѣпровцевъ. Или вотъ другой примѣръ: слово „чьто“ въ XI вѣкѣ произносилось въ два слога (чь+то) и, развѣ, къ концу вѣка оно понемногу начало произноситься въ видѣ односложнаго „*что*“, т. е. безъ гласнаго звука послѣ *ч*; а потому лишь въ XII вѣкѣ сдѣлался возможенъ постепенный переходъ звука ч въ ш, въ силу непосредственнаго сосѣдства съ т, и состоялось превращеніе фонемы „что“ въ фонему „што“ [2]. Можно констатировать въ области согласныхъ звуковъ XI в. также рядъ другихъ мелкихъ особенностей, теперь исчезнувшихъ и отличающихъ тогдашній консонантизмъ отъ нынѣшняго;— напримѣръ, ниже мы увидимъ, что степень мягкости согласныхъ была въ XI вѣкѣ значительнѣе, чѣмъ теперь. Однако, если исключить подобные случаи, то можно сказать, что въ общемъ согласные звуки старокіевскіе были тѣ же, что и сейчасъ въ Кіевщинѣ. Соотвѣтственное надо сказать и про рѣчь малоруссовъ западныхъ. И это видно ужъ и по самымъ старымъ памятникамъ, какіе дошли до насъ изъ Кіева и изъ другихъ мѣстъ, населенныхъ въ XI вѣкѣ предками малоруссовъ. Не могла этого затушевать и чужая,

[1]) О гласномъ, слоговомъ характерѣ этого звука въ XI вѣкѣ рѣчь будетъ ниже въ 4-ой главѣ, § 17.

[2]) Современно общемалорусское „*що*“ возникло изъ „*што*“. (См. ч. II, § 13). — О значеніи термина „фонема“ см. ниже, стр. 128.

кириллицкая азбука, принесенная въ Кіевъ съ Балканскаго полуострова.

Славянская азбука, принесенная въ Кіевъ вмѣстѣ съ христіанской церковно-славянской (болгарской) книжной рѣчью, на первыхъ порахъ послѣ принятія Русью христіанства читалась, очевидно, на южнославянскій ладъ, который не всегда совпадалъ съ живыми данными тогдашней рѣчи кіевлянъ. Но что въ живой рѣчи кіевлянъ XI вѣка каждой согласной кириллицкой буквѣ (какъ бы ее ни читали балканскіе учители) соотвѣтствовали въ общемъ тѣ же звуки, какіе соотвѣтствуютъ въ Кіевщинѣ и теперь, это видно изъ многаго: и изъ описокъ, которыя невольно допускались кіевскими и другими лѣтописными малоруссами при быстрой перепискѣ, и изъ способа старокіевской передачи мѣстныхъ именъ при помощи той чужой церковно-славянской азбуки, и изъ чужеземныхъ (увы, немногочисленныхъ) свидѣтельствъ. Поэтому намъ нѣтъ нужды давать обстоятельный обзоръ всѣхъ согласныхъ звуковъ кіевской рѣчи: о нихъ вообще легко судить, просто по рѣчи нынѣшней;— достаточно намъ будетъ подчеркнуть лишь кое-что болѣе интересное, какъ въ области прежнихъ и нынѣшнихъ звуковыхъ совпаденій, такъ и несовпаденій.

Начнемъ со звуковъ плавныхъ [1]).

§ 11. Плавные звуки XI вѣка: р и л.

I. р.

Плавный звукъ *р* имѣлъ у кіевлянъ XI вѣка такую наклонность то дѣлаться мягкимъ, то отвердѣвать, какую мы наблюдаемъ и въ рѣчи нынѣшней Кіевщины.

---

[1]) Плавными звуками называются *р* и *л*.

а) Склонность твердаго звука р къ смягченію.

Какъ нынѣшній кіевлянинъ склоненъ сказать „дохторю“ (вмѣсто „дохтору“) или „з вѐчеря“ вмѣсто „з вечора“ (=съ вечера), такъ и кіевскій Изборникъ Святослава 1073 г. пишетъ: „Науходоносорю“ (л. 144) наряду съ „Навъходоносору“ (л. 97, л. 146) и „[того] вечерѧ“ (л. 215) наряду съ обычнымъ „вечерѧ“.

Нынѣшній кіевлянинъ можетъ вмѣсто рамка сказать рямка, вмѣсто трапезувати сказать тряпезувати, и т. п.; — Изборникъ Святослава 1073 г. тоже допускаетъ наряду съ обычнымъ „Аврамля“ (род. пад..;=Аврамова) другое начертаніе: „Аврѧмля“ (л. 188); наряду съ обычнымъ „трапеза“ — начертаніе „трѧпеза“ (л. 185 об.). Еще болѣе обычно „трѧпеза“ въ Изборникѣ 1076 года; попадается оно и въ Несторовомъ „Житіи Ѳеодосія“ по списку XII вѣка, сдѣланному съ кіевскаго оригинала. Срв. южногал. Еванг. поповина Евсевія 1283 г.: „от[ъ] грѧдьца Мариина“ (л. 67, вм. „градьца“, т. е. городка), и мн. др.

Въ лѣтописи (по разнымъ спискамъ) форма род. и дат. падежей отъ имени „Володимеръ“ попадается не только „Володимера, Володимеру“, но иногда и „Володимеря, Володимерю“; вмѣсто „Днѣпра“ и „Днѣпру“ иногда мы читаемъ въ лѣтописи: „Днѣпря, Днѣпрю“.

б) Склонность мягкаго звука р къ отвердѣнію.

И наоборотъ: подобно тому какъ въ нынѣшней Кіевщинѣ замѣчается иногда наклонность выговаривать *р* твердовато, т.-е. вмѣсто царю выговаривать почти цару, вмѣсто псалтиря или сентября выговаривать почти псалтира и сентябра и т. п., — такъ и у писца кіевскаго Изборника Святослава 1073 года находимъ начертанія: „ц[а]роу“ (л. 185 об.,

л. 260 об., л. 143 об.),—хотя рядомъ же у него пишется и „ц[а]рю“ (напр., л. 144),—псалтирѧ (л. 253 об.), се[н]тебрѧ (л. 248 об., л. 251).

Какъ теперь въ Кіевщинѣ произносятъ почти витвораеться и ухитраеться вмѣсто витворяеться и ухитряеться, или почти бо́руться вмѣсто бо́рються, или сотвору вмѣсто сотворю, такъ и въ Изборникѣ 1073 года написано: „растворѧеться“ (л. 211 об.; срв. еще „творѧ“ л. 156 об. вм. „творѧ“) и „ухыщраше, ухыштрѧвъ“ (л. 115 об.); а въ Изборникѣ 1076 года написано: „боруться“ (л. 244, срв. еще „борущагося“ л. 216), сътвору (л. 242).

Немало такихъ написаній съ твердымъ *р* имѣется и въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI вѣка: „ц[а]ръ“ (л. 60 об.), „горкаго“ (л. 134), „съ кесаровомь“ (л. 113) и др. Въ юж.-гал. Евангеліи 1283 г. поповича Евсевія читаемъ: „Гл[а]с[о]мь великомь възгл[а]си: Лазороу! гряди въно!“ (л. 68) и др.

II. Звукъ л.

в) Среднее, полумягкое-полутвердое λ.

Въ главѣ о малорусской азбукѣ (см. § 4, стр. 39—42) мы ужъ имѣли случай отмѣтить присутствіе, въ рѣчи большинства малоруссовъ, не двухъ, а трехъ родовъ звука *л*: твердаго *л*, мягкаго *ль* и средняго *λ*. Этотъ послѣдній звукъ *λ* не выражается на письмѣ особой буквой, такъ-что, напримѣръ, слово „скіλки“ (=сколько) одни малоруссы пишутъ: „скілки“, а другіе — „скільки“, и такое ороографическое колебаніе принято даже въ литературномъ правописаніи. Кромѣ того не мѣшаетъ знать, что существуютъ нѣкоторые малорусскіе говоры (и восточные, и западные), вовсе лишенные твердаго *л* и знающіе лишь *λ* среднее: въ нихъ какое-нибудь, скажемъ, слово „було́“ (=было) произносится какъ

„буλо́“, т. е. мягче, чѣмъ „було́“, но тверже, чѣмъ „булё“.

По отношенію къ старѣйшему документальному періоду исторіи малорусскаго языка намъ приходится, на основаніи кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года и другихъ старѣйшихъ малорусскихъ памятниковъ, констатировать въ XI вѣкѣ присутствіе средняго звука λ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ теперь. Написанія ла, лу вмѣсто ля, лю въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава очень обычны.

Вѣроятно, лишь среднее же λ, а не совсѣмъ твердое л, должны мы видѣть и въ такихъ твердыхъ написаніяхъ, какъ елма (Изб. 1073, лл. 18, 25, 139 об., 140, 141, 217, 247) и колма (лл. 20, 23), т.-е. понимать здѣсь такое среднее λ, какое слышится въ современномъ кіевскомъ скілки.

Очевидно, опять такое же среднее λ (а не совсѣмъ твердое л) воспроизводится и слѣдующими начертаніями того же кіевскаго Изборника 1073 г.: Силвестръ (л. 23), болшимь (л. 122, об.), Пулхериа (л. 265); оно вполнѣ соотвѣтствуеть нынѣшнему кіевскому среднему произношенію звука л въ этихъ же словахъ.

Особнякомъ ли стоятъ въ этомъ отношеніи старые памятники кіевскіе? Нѣтъ. Въ нарѣчіи зап.-малорусскомъ мы такъ же должны предположить исконность средняго λ. И въ старѣйшемъ зап.-мр. памятникѣ, червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI вѣка, не рѣдкость—начертанія вродѣ: „елма“ (л. 28, d; 32, с; 61, с), „изобилье“ (л. 25, а), „свою погыбѣль“ (322, с), „ползующти“ (л. 2, а) и т. п. Едва ли надо видѣть балканизмы въ подобныхъ начертаніяхъ, разъ они и затѣмъ безпрерывною цѣпью констатируются во всѣхъ прочихъ зап.-мр. памятникахъ и подтверждаются живой рѣчью.

б) Вѣроятно, отчасти въ силу неполной твердости звука л, отчасти въ силу сохранности глухого гласнаго звука ъ, староківевская рѣчь XI вѣка не знала перехода звука л въ в, или, лучше сказать, не знала она перехода звукосочетанія ъл (а писалось оно обыкновенно въ видѣ лъ) въ двугласный звукъ *ов* (*ôу*). Вѣдь современные малоруссы, (равно какъ и бѣлоруссы) говорятъ: п ô в н и й, д ô в г и й, д о в б á т и и т. п., а въ рѣчи старыхъ кіевлянъ XI в. этому соотвѣтствовали фонемы [1]), писавшіяся: «плъныи», «длъгыи,» «длъбати» и т. д. [2]). Повидимому, переходъ ъл въ *ов* состоялся у малоруссовъ (и бѣлоруссовъ) только около XV в., т. е. какъ разъ на рубежѣ Среднихъ и Новыхъ вѣковъ.

---

[1]) О значеніи термина „фонема", см. стр. 84.

[2]) Произносились онѣ или: „дългыи", „пълный" „дълбати", или же (иногда): „дълъгый", „пълъный", „дълъбати" (это т. н. „второе полногласіе"). Въ первомъ случаѣ „дъл" и „пъл" произносились въ о д и н ъ слогъ (причемъ гласный ъ п р е д ш е с т в о в а л ъ согласному плавному л), а во второмъ случаѣ „дълъ" и „пълъ" образовывали собою д в а слога (такъ что и передъ согласнымъ звукомъ л, и послѣ него—одинаково слышался гласный слоговой звукъ ъ).

Въ бѣлорусской Ч е т ь ѣ - М и н е ѣ 1489 г. (описанной г. Карпинскимъ въ „Русск. Фил. Вѣстн." 1889, кн. I, есть написаніе: „невдовзѣ", л. 247. Въ спискѣ луцкой грамоты 1487 г., внесенномъ въ Л у ц к у ю к н и г у к г р о д с к у ю 1569 г. (№ 2043, л. 81=Антон. и Козл. № 7, стр. 14): „[имѣніе] на имя Здовбицу", рядомъ со „Здолбицу". (Но начертаніе „из сажовками" въ брестской грамотѣ 1511 г. князьямъ Вишневецкимъ по списку XVI в. времени Сигизмунда III, изданному у Антон. и Козлов. № 24, стр. 46,—къ этой категоріи явленій не относится, потому что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ самостоятельнымъ суффиксомъ ов, или—обычнѣе—ав).—Въ волынскомъ с б о р н и к ѣ п о п а Н а л и в а й к а XVI в. (Рум. Муз. № 2616): „повную" (въ извлеч. изъ Василія Великаго=л. 46 и слѣд.).—Въ з а п и с и 1-й пол. XVI в. на Румянцевскомъ Четвероевангеліи № 127 (описанномъ у Востокова, стр. 187) сказано: „купилисмо за довгъ".—Обратное явленіе мы видимъ въ Л у ц к о м ъ актѣ 1583 г.: „волторокъ" вмѣсто „вовторокъ" (=соврем. „вівтóрок", т.-е. вторникъ. См. этотъ

актъ въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857, кн. 3, стр. 37).—Въ Словарѣ Л. Зизанія 1596 г.: „выдо́вбую“.—Въ Апокрисисѣ 1597 г. (Христофора Филалета): „жовтобрухъ“ (л. 86. а), „замовчати“ (л. 119, а), „мовчу“ (л. 140, б). — Въ Поминникѣ XVI — XVII в. Кіево - Михайловскаго монастыря: „Род Іакова Довженка“ (л. 90, =1620 года), „Родъ Вовчковъ из Желѣзнова“ (л. 100=1622 г.), „А се род Товстушин, скимницѣ“ (л. 118=1630 г.) и др.—Въ Словарѣ П. Берынды 1627 г. (равно какъ и въ изданіи 1653 г.): „во́вна“ (=шерсть), „ковча́въ“, „мовчу“, „мо́вчки“, „стовче́ный“, „до́вбаю“, „выдо́вбую“, „нитка шо́вку“. — Въ мр. стихахъ о битвѣ подъ Берестечкомъ послѣ 1651 г. (писанныхъ латинско польскими буквами,—см. Arch. für sl. Phil. II, 298 и 20-й Уваров. отчетъ, стр. 817=53 отт. Потебни): „do*w*ho“.—У І. Галятовскаго имѣется очень много такихъ примѣровъ, — напр., въ „Ключѣ разумѣнія“ (Кіевъ 1659): „повенъ“ (л. 59, а), „повно“ (л. 81, а; л. 98, а; л. 140 б), „повный“ (л. 105, а), „повная“ (л. 173, а; л. 220 б), „в' повнѣ“ (л. 154, а), „жовтый“ (л. 139, а), вовна“ (л. 149, а = шерсть), „вовняная (л. 148, б), „вовняную“ (л. 152, б; л. 251, а), „умовкло“ (л. 139, а) и мн. др.—У его ученика А. Радивиловскаго попадаются начертанія вродѣ „вовчій“ и „мовчитъ“ въ рукописномъ текстѣ его „Огородка Маріи Богородицы“ 1671 г., хотя въ печатномъ изданіи 1676 г. эти начертанія поправлены на книжное л (срв. л. 699 печатн. = 1182 рукоп.). Вообще въ памятникахъ XVII вѣка это явленіе констатируется съ яркостью. Можно однако отмѣтить, что еще въ началѣ XVII вѣка оно не было повсемѣстнымъ. Въ комическихъ простонародныхъ интерлюдіяхъ галичанина Я. Гаватговича (напечатанныхъ польскими буквами въ 1619 г.) мы еще встрѣчаемъ начертанія съ ł, вродѣ „potołk“ (=соврем. „пото́вк“, т.-е. истолокъ, переколотилъ), „wołki“ (=„вовки“, т. е. волки).

в) Положимъ, въ рѣчи кіевлянъ XI вѣка была форма прошедшаго (сложнаго) времени, которая представляетъ намъ не только флексію лъ (т. е., напр., «далъ»), но и флексію въ; срв. въ Изборникѣ Святослава 1073 года: «иже третие э давъ»,—примѣръ, отмѣченный еще В. Ламанскимъ [1]**. Однако**

[1]) „О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, съ филологическими и историческими примѣчаніями“ В. Ламанскаго. Приложеніе къ VI-му т. Записокъ Имп. Акад. Наукъ. СПБ. 1864, стр. 68.

въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло вовсе не съ переходомъ звука л въ звукъ в, т. е. вовсе не съ явленіемъ фонетическимъ, но съ двумя самостоятельными явленіями морфологическими [2]). Вѣдь у малоруссовъ, какъ и у всѣхъ прочихъ славянъ, изстари было два разныхъ причастія прошедшаго времени: одно—на лъ, напр. «служилъ» другое — на въ, напр. «служивъ» (Могли они употребляться и въ членной формѣ, причемъ первое звучало въ такомъ случаѣ: «служилый», а второе - «служивый», позже— «служившій»). Формы глагольнаго прошедшаго сложнаго времени образовывались обыкновенно изъ того причастія, которое оканчивалось на лъ: «служилъ есмь, служилъ еси, служилъ е[сть] [3]), служили есмо» и т. д.; но наши малорусскіе предки XI вѣка (да, вѣроятно, тогда же предки бѣлоруссовъ, пожалуй — и сосѣднихъ южно-великоруссовъ, пожалуй — и другихъ сла-

[1]) Терминъ „фонетическій" (=звуковой) примѣняется къ тѣмъ звуковымъ измѣненіямъ, которыя естественно и закономѣрно вытекаютъ изъ самой природы какого-нибудь звука. — Если видоизмѣненіе происходитъ въ словѣ не въ силу природы заключенныхъ въ этомъ словѣ звуковъ, но въ силу случайнаго сходства („аналогіи") этого слова съ какимъ-нибудь другимъ, то такое явленіе называется „нефонетическимъ". Такъ, если старинный орудный падежъ „Богъмь" обратился въ нынѣшнее „Богомъ" въ силу звукового малорусскаго закона объ отвердѣніи губныхъ, то это мы называемъ явленіемъ „фонетическимъ"; если же этому пособляло порядочное сходство орудн. падежа ед. ч. („Богъмь") съ дательнымъ падежемъ мн. ч. („Богомъ" = богамъ), то такое явленіе мы называемъ „нефонетическимъ", или „вліяніемъ аналогіи". -А что такое „морфологическій"? Слово „морфé" (μορφή) по-гречески значитъ „форма" (въ томъ числѣ и форма грамматическая): „морфологія" — наука объ образованіи формъ; „морфологическій" — формообразовательный. Напримѣръ, измѣненіе существительнаго по падежамъ, измѣненіе глагола по спряженіямъ, по залогамъ, по видамъ—все это явленія морфологическія, формообразовательныя.

[2]) Замѣтимъ кстати, что вспомогательный глаголъ 3-го лица: „есть" или „е", равно какъ и „суть", очень рано началъ въ такихъ случаяхъ пропускаться, отпадать. По крайней мѣрѣ, и у предковъ малоруссовъ восточныхъ и у предковъ малоруссовъ западныхъ такое отпаденіе вспомогательнаго глагола 3-го л. и употребленіе одного лишь причастія на лъ въ смыслѣ прош. времени извѣстно

вавъ) [4]) начали смѣшивать при образованіи прошедшаго сложнаго времени причастіе на лъ съ причастіемъ на въ и стали говорить: «служивъ есмь», «давъ есмь»; 3-е лицо — «давъ е», или «е давъ», какъ именно и находимъ мы въ Изборникѣ 1073 года [5]). Въ XI вѣкѣ обѣ формы были у нашихъ предковъ равноправны, но съ теченіемъ времени форма «далъ», «служилъ,» «ходилъ» и т. п. все болѣе и болѣе исчезала изъ малорусскаго употребленія, замѣняясь формою на въ; къ концу же Среднихъ вѣковъ почти всѣ малоруссы пользовались ужъ исключительно второю формою и говорили только такъ, какъ говоримъ мы и теперь:

еще въ XI вѣкѣ. Въ надписи 1068 г. князя Глѣба Тмутороканскаго, сдѣланной очевидно предкомъ малоруссовъ восточныхъ, а не западныхъ, мы читаемъ: „Глѣбъ князь мѣрилъ (вмѣсто „мѣрилъ е“) море по леду“. Въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г.—примѣровъ масса; напр., „видѣ*лъ*“ (л. 12, об.), „помяну*лъ*“ (л. 12 об.), „ничьто же успѣ*ло*“ (л. 42), „Богъ смьрти не створи*лъ*“ (л. 100), „съгрѣши*ли*“ (л. 106, об.), и проч. Не меньше примѣровъ и въ кіевскомъ Изборникѣ 1076 г.: „самъ Г[оспо]дь повелѣ*лъ*“ (л. 11), „еже ти да*лъ* Вышьнии“ (л. 16), „съзъдавый мя прѣпокои*лъ* скиию мою“ (л. 82), „такоже мя покои*лъ*“ (л. 82 об.) и мн. др. Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в.— тоже; напр., въ пояснительной припискѣ на л. 21, d: „Ироо племя добле бы*ло* и велико тѣломь и силою“ и мн. др.

[4]) Срв. у Потебни въ рецензіи на Житецкаго (въ 20-мъ Уваровскомъ присужденіи, стр. 817=52 отт.).

[5]) Такъ какъ отъ „давъ“ форма мн. ч. была „давъше“, то во множ. числѣ прош. вр. наряду, напр., съ „дали есмо“ говорилось: „да*въше* есмо“. Не разъ этотъ суффиксъ [въ]ш переносился въ форму единств. числа прошедшаго сложнаго времени. Въ т. н. грамотѣ 1292 г. кн. Льва Галицкаго есть „я згада*вши* ся емь“; въ т. п. Львовой гр. 1302 г. есть мн. ч.: „зга*дшися* есьмо“ (срв. въ „Хрестом.“ Голов., стр. 315 и 316); въ Лаврашевской грам. XIV в.: „погада*вши* есми“ (= Акты юж. и зап. Росс. т. II, стр. 103); въ, быть можетъ, Остерской грам. 1424 г. „взозрѣ*вше* есмо“ (=Голов. № 35, стр. 39), и т. п. Въ настоящую пору такая глагольная форма прош. времени съ суфф. в ш почти совсѣмъ исчезла, и развѣ лишь изрѣдка приходится слышать выраженіе вродѣ слѣдующаго: „в ж е я б у в п р и й ш о́ *в ш и*, к о л и ц е в і н п и т а е“... (=я ужъ было пришелъ, какъ вдругъ онъ спрашиваетъ). Срв. великорусское: „онъ—выпи*вши*“.

«я ходи̂в (=я ходилъ), ти дав (=ты далъ), вiн бу̯в» (=онъ былъ), и т. п.—Однимъ словомъ, употребленiе формы «дав» «був» и т. п. есть явленiе вовсе не того типа, къ какому принадлежитъ переходъ фонемы «пълный» въ «повний».

В. Ламанскiй (назв. соч., стр. 68), сверхъ начертанiя „иже третие е давъ", взятаго изъ Изборника Святослава 1073 г., приводитъ и другой примѣръ—изъ Богословiя Iоанна Экзарха Болгарскаго XII в.: „яко же и Х[ристо]съ бывъ есть" (вмѣсто обычнаго „былъ есть").—Подобные примѣры по старинным рукописямъ далеко не рѣдкость, и мы приведемъ еще нѣкоторые. Мы ужъ и не говоримъ о рядѣ такихъ фра́зъ, какiя имѣются въ галицко-волынской лѣтописи по Ипатскому списку, гдѣ, напр., на стр. 568—569, подъ 6771 = 1263 г. читаемъ: „Войшелкъ убоявъся того же и бѣжа; Тренята же попередивъ и убивъ Товтивила и нача княжити одинъ"; такiя конструкцiи сами по себѣ далеко еще не доказательны (потому что „убоявъся", „попередивъ" и „убивъ" могутъ быть просто дѣепричастiемъ, несмотря на союзъ „и" въ сказуемыхъ „и бѣжа" „и нача"), и гораздо рельефнѣе—другой примѣръ, изъ „Слова" кiевскаго митрополита Иларiона (XI в.) по не кiевскому списку XIV вѣка: „евангельскый источник' наводнився и всю землю покрывъ и до насъ пролиявся" [1]).—Въ грамотѣ послѣ 1356 г. кн. Олега Рязанскаго, съ бѣлорусскимъ влiянiемъ [2]), есть неоспоримая форма: „сгадавъ есмь (и тутъ же—„далъ есмь"). — Въ одномъ историческомъ сборникѣ XV вѣка, который описанъ проф. Владимiровымъ [3]), встрѣчается фраза: „у Василеве бився с Татары", и тотъ же ученый указалъ запись при одномъ Евангелiи XVI вѣка кiевскаго Церковно-Археологическаго музея (Духовн. Акад.): „Сiе ев[анге]лiе писавъ рабь Б[о]жiй, дiачок Павелъ Богда-

---

[1]) въ сборникѣ Царскаго, теперь Уваровскомъ № 1772 (=Описанiе арх. Леонида, IV, стр. 16), который изданъ О. Бодянскимъ въ московскихъ Чтен. 1848, № 7. Срв. „Историч. хрестом." Буслаева, стр. 897 (Москва 1861), по рук. XVI в.

[2]) Она издана у Срезневскаго въ „Древн. памятн. русск. языка и письма".

[3]) Въ его „Обзорѣ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности", см. стр. 22, въ Несторовыхъ „Чтенiяхъ", кн. IV.

новичь ис Калы"[4]).—Въ галицкомъ Измарагдѣ нач. XVI в. (изъ музея А. Петрушевича № 1) попадаются не разъ фразы вродѣ: „[Господь] заповѣдав память свою творити" (л. 144 об.) [5]).—На четвероевангеліи ок. 1526 года кіевскаго Михайловскаго монастыря [6]) есть въ концѣ одна приписка 1561 года: „Инок скимник Конон дав есми игумену три копы гроши за сына своего".—Въ одновременномъ волынскомъ простонародномъ Пересопницкомъ евангеліи 1561 г. въ заглавіи разсказа объ исцѣленіи слуги сотника говорится: „Євангелиста выписуе, яко Х[ри-сто]с уздоровиль [7]) слугу сотникового и с[ы]на вдовичина в'скресив'" (изд. Жит., стр. 38); и въ другомъ мѣстѣ: „псздрѣль на небо и благословив и розламаль" (=стр. 44).—Въ Кіево-Михайловскомъ помянникѣ 2-ой пол. XVI вѣка: „Михайла гром убив" (л. 53, приписка на поляхъ). Въ стихотворномъ печатномъ „Лamentѣ дому княжатъ Остро[з]скихъ" (1603): „Абы и я з нимъ з' мертвых' повстанувъ" [8]).—На Евангеліи изъ Черниговщины XVI в. кіевскаго Церк.-Археол. музея № 54, въ припискѣ 1604 г. на концѣ памятника, по поводу несчастной борьбы казаковъ съ поляками: „[Богъ] звѣзды з неба зберав, можскихъ тилъ такъ много пало".—Въ острожской „Похвалѣ Исаіѣ Балабану" 1611 [9]), при всей ея церковно-славянской напыщенной ненародности, проскальзываютъ фразы: „На сіе богатъство Киринфъ покусився" (стр. 6) „его зѣло полезна церкви мнѣвъ быти, потщався [азъ] даже во Аравію" (стр. 7). — У Кирилла Транквилліона въ „Зерцалѣ Богословіи" (Почаевъ 1618 г.) эти формы прош. вр. часты: „быв'" (л. 6, а=був), „вложивъ", „просвѣтивъ", „раздѣливъ", „слышавъ" и др.; то же—въ

---

[4]) Владиміровъ: „Обзоръ", стр. 31.

[5]) Измарагдъ этотъ описанъ И. Свѣнцицкимъ въ его „Описї рукописів Народного Дому", т. I (Львів 1906), ст. 1—18.

[6]) Это—то, которое описалъ Г. Крыжановскій въ „Рукописныхъ евангеліяхъ кіевскихъ книгохранилищъ" (Кіевъ 1889), стр. 167—177.

[7]) Въ Пересопницкомъ евангеліи буква ћ очень часто пишется, вмѣсто ъ, на сербскій ладъ.

[8]) Острожскій „Ламентъ" 1603 г. переизданъ въ Несторовыхъ „Чтеніяхъ", кн. XII (=1897), отд. 4-й, стр. 14—18.

[9]) „Похвала Исаіѣ Балабану" 1611 г. издана въ Несторовыхъ „Чтеніяхъ", т. VIII (=1894).

его болѣе позднемъ „Учительномъ Евангеліи“ и въ его книгѣ: „Перло многоцѣнное“ (Черниг. 1646). — Въ просто народныхъ комическихъ галицкихъ интерлюдіяхъ Гаваттовича, изд. въ 1619 г., формы на *w* (wzia*w*, by*w*, kupy*w*) чередуются съ формами на ł (znał, riszył, chotił).— Въ Лексиконѣ Памвы Берынды 1627 г.: „досади*въ* мя“ (л. 113), „испусти*вся*“, „выпорожни*вся*“, „выточи*вся*“ (61), „умысли*в*“ (126),—все вмѣсто книжнаго ЛЪ.—Вообще въ XVII вѣкѣ, чѣмъ памятникъ понароднѣе, тѣмъ чаще онъ предлагаетъ форму прош. врем. на ВЪ; срв. напр. вост.-мр. рукопись XVII в. кіевскаго Софійскаго собора № 130 [10]) или зап.-мр. апокрифич. рукопись XVII вѣка Ив. Франка, гдѣ есть, между прочимъ: „и пошо*въ* воюючи“ [11]). Даже такіе малорусскіе книжники-схоластики, какъ І. Галятовскій, кіевскій ректоръ, сперва готовы были литературно узаконить правописаніе формъ прош. вр. съ буквами ВЪ: въ одномъ лишь „Ключѣ разумѣнія“ І. Галятовскаго 1659 г., на пространствѣ 253 страницъ, можно найти больше сотни формъ прош. вр. на ВЪ. Но ужъ ученикъ его А. Радивиловскій старался въ печатныхъ изданіяхъ не допускать формы прош. вр. на ВЪ и всюду печаталъ ЛЪ, хотя въ рукописяхъ его „Огородка“ не разъ оказывается и начертаніе съ В; срв. его печатное ПОБИЛЪ (Огородокъ, 788) и рукописное ПОБЫВЪ (т. II, стр. 1391 и 1392).

Послѣдній фактъ съ особенной яркостью указываетъ, какая изъ двухъ формъ прош. вр., на *л* или на *в*, была для Радивиловскаго живою. Тѣмъ не менѣе позволительно думать, что форма на *л* не совсѣмъ еще была тогда мертва,— по крайней мѣрѣ въ говорахъ зап.-малорусскихъ. Есть и донынѣ въ Галичинѣ (не многіе, положимъ) архаичные говоры, гдѣ можно услышать „я ходы*л*“ вмѣсто „я ходы*в*“. Въ современномъ Радивиловскому зап.-мр. стихотвореніи, написанномъ польской латиницей послѣ 1651 г. по поводу битвы подъ Берестечкомъ, встрѣчается чередованіе: съ одной стороны—pa*w*, weli*w* съ другой стороны—był, szukał, baczył, dał. Предположимъ даже, что это стихотворс-

10) Она описана, и изъ нея изданы отрывки—въ 72-мъ томѣ „Записок“ Наукового Товариства імени Шевченка у Львові“. См. особ. стр. 126.

11) Рѣчь идетъ объ Александрѣ Македонскомъ. См. стр. 275 въ IV томѣ редактированныхъ И. Франкомъ „Пам'яток українсько-руськоï мови і літератури“ (Львів 1906, изд. „Наук. Т-ва імени Шевченка“).

ніе по степени своей фонетической точности не слишкомъ надежно,—но вѣдь мы имѣемъ такое же чередованіе формъ на w, и на ł въ интерлюдіяхъ галичанина Гаваттовича, начертанныхъ тоже польскими буквами (1619). При умышленномъ стараніи Гаваттовича быть комично-вульгарнымъ, едва ли возможно видѣть въ его формахъ на ł искусственность или сваливать ихъ присутствіе въ интерлюдіяхъ на польское происхожденіе автора: нѣтъ! вѣроятно тотъ галицко-подольскій простонародный говоръ, которымъ писалъ Гаваттовичъ на рубежѣ XVI-го в., дѣйствительно чередовалъ обѣ формы. Только формы на ł (не на *w*) видимъ мы и въ горно-гуцульской пѣснѣ, записанной ок. 1571 г. чешскими буквами (pučjmił bych, lis'il bych, dopłynuł, wzał dywon'ku zabił), но она въ счетъ, пожалуй, идти не можетъ, потому что принадлежитъ къ образцамъ спеціально тѣхъ говоровъ, въ которыхъ форма на лъ продержалась и впослѣдствіи особенно долго.—Для огромной же массы малоруссовъ періодъ борьбы формъ на *л* съ формами на *в*, кончившійся побѣдою вторыхъ, пришелся, повидимому, на конецъ XV-го и начало XVI-го вв. Въ разгарѣ этой борьбы былъ моментъ, когда и членныя причастія на *в*шій готовы были принять видъ *л*шій. Такъ въ Четвероевангеліи XVI в. изъ м. Язловца (въ Галичинѣ), которое теперь хранится въ Волынскомъ Епарх. музеѣ, очень нерѣдки написанія вродѣ слѣдующихъ: „послѣди же приступи*л*ше два лъжасвѣдитель рѣша“, „приступи*л*ше стоящіи рѣша“, „они же приступи*лъ*ше“, „и остави*лъ*ша его отидоша“, „тогда ученици остави*лъ*ше его бѣжаше“, „многым лъжесвѣдителямъ приступи*лъ*шимъ“ и пр., и пр. Или срв. болѣе ранній бѣлорусскій примѣръ въ записи о Ржевской дани послѣ 1479 г.: „то ему собра*л*шы дали“ [12]). „Польскія формы, вошедшія въ литературу нѣсколько позже (съ XVII в.), типа zebrałszy, свидѣтельствуютъ, что и малорусскія и бѣлорусскія формы на *л*ши, *л*шій могли быть не только начертаніями на бумагѣ, но и живыми разговорными фактами. [13]).

---

[12]) Изд. въ „Актахъ, относящ. къ истор. зап. Россіи“, т. I. (СПБ. 1846), № 71.

[13]) По отношенію къ исторіи языка малорусскаго, возможно думать, что позднее (XVII в.) отысканное у I. Галятовскаго единичное начертаніе „приодѣлши“ вмѣсто „приодѣ*в*ши“ (см. М. Марковскій: „Ант. Радивиловскій“, стр. 140) есть ужъ, вѣроятно, простой графическій фактъ, а не фактъ живой тогдашней рѣчи малоруссовъ. Возможно усмотрѣть въ этомъ „приодѣлши“ и результатъ вліянія польскаго, которому сильно поддавался Галятовскій.

§ 12. Звуки свистящіе и шипящіе. Отсутствіе смѣшенія ихъ.

а) Смѣшенія шипящихъ звуковъ *ж*, *ч*, *ш*, со свистящими *з*, *ц*, *с*, обусловленнаго среднимъ произношеніемъ и тѣхъ и другихъ и изстари свойственнаго сѣверно-великорусскимъ говорамъ новгородскимъ („црево“, „чвѣтъ“ и т. п. вм. „чрево, цвѣтъ“ — еще въ новг. Минеѣ 1095 г.), псковскимъ, бѣлорусскимъ, польскимъ („мазураканье“), словацкимъ, — такого смѣшенія малорусскій языкъ ни теперь не знаетъ, ни въ старину не зналъ [1]: ни кіевскіе памятники XI-го вѣка и дальнѣйшихъ столѣтій, ни памятники червонорусскіе и волынскіе не представляютъ намъ ни одного случая подлинной взаимной мѣны шипящихъ и свистящихъ звуковъ.

б) Мы имѣемъ въ виду, конечно, подлинные памятники. Если же г. Соболевскій навязываетъ „галицко-волынскому“ нарѣчію мѣну шипящихъ и свистящихъ звуковъ, („правда, очень рѣдкую“, — добавляетъ онъ), то дѣлаетъ онъ это на основаніи тѣхъ немалорусскихъ памятниковъ, которые онъ личнымъ своимъ произволомъ навязалъ Галичинѣ и Волыни и которые на самомъ дѣлѣ писаны новгородцами, псковичами и бѣлоруссами. Правда, онъ желалъ бы усмотрѣть это явленіе и въ подлинномъ волынскомъ памятникѣ — Луцкомъ Евангеліи XIV в., но для этого ему приходится прибѣгнуть къ натяжкѣ: объяснить слово з д е (=здѣсь) какъ церковно-славянское ж д е. Въ Луцкомъ Евангеліи сказано: „то зде же и [два] разбойника, расъпятая с нимь, поношаста ему“, л. 225 об.; также на л. 112 об.: „Уч[е]н[и]ци Іоаннови алъчють часто, и м[о]л[я]тву творять; тако зде же и фарисеисциі“. Непремѣнное присутствіе здѣсь (или сохраненіе) слова ж е послѣ з д е ясно свидѣтельствуетъ, что „то з д е“ были для писца двумя отдѣльными словами, а не однимъ словомъ „тожде“, и что „тако з д е же“ представлялись ему, какъ „тако“+„зде же“. — А ужъ совершенно странно со стороны г. Соболевскаго, что онъ къ случаямъ ф о н е т и ч е с к а г о (!) малорусскаго смѣшенія звуковъ *ч* и *ц* относитъ форму фамиліи на ицъ въ дарственной записи XIV—XV в., начертанную на оборотѣ 153-го листа

[1]) Смѣшеніе шипящихъ и свистящихъ возможно только, какъ результатъ чужого вліянія, у пограничныхъ малоруссовъ, тѣсно сосѣдящихъ съ мазуракающими поляками, съ шепелевящими бѣлоруссами и словаками.

въ Луцкомъ Евангеліи и принадлежащую одному изъ членовъ сильно ополяченнаго рода Кирдѣевичей. Именно, вмѣсто ожидаемой формы „Кырьдѣєвича“, въ той записи начертано что-то замаранное, неясное, не то—„Кырьдѣєвича“, не то—„Кырьдѣєвица“ (прошу взглянуть оригиналъ, хранящійся въ Румянцовскомъ Музеѣ, № 112). Это замаранное начертаніе г. Соболевскій, (какъ впрочемъ и Востоковъ) читаетъ за „Кырьдѣєвица“ (Очерки, 40), и его чтеніе представляется и намъ очень возможнымъ. Но только неужели г. Соболевскому не извѣстенъ обычай полонофильствующихъ малорусскихъ дворянъ и даже архиправославнѣйшихъ священниковъ (срв. „Кошицъ“ вм. „Кошичъ“) передѣлывать свои фамиліи, имѣющія окончаніе „ичь“, на польскій ладъ, т. е. придавать своимъ фамиліямъ окончаніе иц ъ (польское і с)?! Вѣдь это, казалось бы, обязанъ былъ бы знать каждый, мало-мальски знакомый съ дѣловыми старомалорусскими документами, въ особенности съ тѣми, которыя писаны на языкѣ польскомъ. Напримѣръ, въ документахъ XV–XVI вѣка, вписанныхъ въ кіевской кгродской книгѣ подъ 1724 г. (№ 38, л. 163)[1]), объ одномъ и томъ же лицѣ пишется: „do Krzysztofa Kmi*cica*“ (польская форма)— и „panu Krzysztofowi Kmi*tyczu*“ (малорусская форма). Или далѣе въ той кіевской книгѣ кгродской подъ 1736 г. (№ 47, л. 308)[2]) сперва находимъ писанную польскими буквами фамилію „Werowcz*yc*“, а изъ дальнѣйшаго вписаннаго туда текста малорусскаго мы узнаемъ, что это есть, собственно, малорусская фамилія „Веровч*ичъ*“; а при ней тутъ же, въ малорусскомъ текстѣ и малорусскими буквами, фигурируетъ и полонизированное начертаніе „Веровч*ицъ*“ (равно какъ род. пад. „отч*иц*овъ“ = польск. ojcz*yc*ów).— Укажемъ еще одинъ такой же мнимый примѣръ смѣшенія ч и ц въ малорусскомъ памятникѣ, неизвѣстный однако г. Соболевскому;—начертаніе „ноць“ (л. 36, вмѣсто „нощь“), въ львовскихъ Пандектахъ Антіоха 1307 г.: чистый полонизмъ (noc)[3]).

в) Но есть и теперь, и всегда были у малоруссовъ случаи двоякаго параллельнаго, вполнѣ закономѣрнаго этимологическаго словообразованія, въ силу котораго какое-нибудь слово правильно и систематически является то съ шипящимъ, то со свистящимъ звукомъ. Таковы: центрально-приднѣпровское малорусское *чи*

---

[1]) = Антонов. и Козловск. № 34, стр. 68.

[2]) См. тамъ же, № 11, стр. 22—23.

[3]) если, конечно, буква ц не написана механически вмѣсто щ (но съ двумя палочками).

(=ли), имѣющее въ другихъ говорахъ параллельную форму *ци* (съ болѣе архаичною разновидностью цї); слово *цебéр* (нѣм. Zuber = ушатъ) при названіи травы *чебрéць* (старин. „чьбрьць“, гдѣ чь изъ ki,—срв. литовское kìbiras=ведро, церковно-слав. чьбръ; вост.-мр. и чешское *джбан* (=жбанъ) при западно-малорусскомъ и польскомъ [д]збан, [д]збáн[ок]; общемалорусское *позйчити* (=заимствовать) наряду съ *пожйчити* (и по-польски pożyczyć). Каждая изъ этихъ параллельныхъ разновидностей этимологически правильна, подтверждается показаніями другихъ славянскихъ языковъ и восходитъ къ очень старому времени. Напримѣръ, форма ци (=ли, если), засвидѣтельствованная кіевскими Изборниками Святослава XI в. и разными списками Начальной и Кіевской лѣтописи, съ ея разновидностью цѣ (есть она и въ Изборникѣ 1073 г.,—напр., л. 161 об., 186 и др.,— и въ червонорусскихъ памятникахъ) [1]), чередуется въ разныхъ спискахъ лѣтописи съ чи (срв. и по-польски czy; то же и по-болгарски, и по-чешски и др.); такъ же изъ „Слова о Полку Игоревѣ“ (XII в.) мы знаемъ—очевидно, черниговскую XII вѣка—форму чи („Чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне“). Очень обычны и въ старѣйшихъ кіевскихъ и въ западно-малорусскихъ памятникахъ двѣ параллельныя и равнозначущія формы глагола: „оцѣстити“ и „оучистити“ (при литовскомъ корнѣ kaist и kìst), съ разными гласными въ своемъ корнѣ (ѣ и и) и, сообразно этому, съ разными согласными: въ одномъ случаѣ съ ц, въ другомъ случаѣ съ ч. Изъ нихъ до нашего времени дожила у малоруссовъ только вторая форма (*очистити*), хотя еще и въ рукописяхъ XVI—XVII вв. (церковныхъ), писанныхъ малоруссами, не рѣдкость —

---

[1]) Это же цѣ есть и въ старѣйшихъ церковно-славянскихъ памятникахъ.

встрѣтить форму „оцѣстити“, „оцѣщение“; — это впрочемъ въ XVII вѣкѣ можетъ свободно объясняться какъ заимствованіе изъ мертваго, церковно-славянскаго священнаго оригинала, а не какъ продолжающійся изстари фактъ живой тогдашней малорусской рѣчи.

г) Къ разряду смѣшенія шипящихъ и свистящихъ звуковъ такъ же не относится малорусскій обычай— передавать посредствомъ звука *ш* тотъ звукъ *с* въ чужихъ, заимствованныхъ словахъ, который для малорусскаго уха представляется не чистымъ малорусскимъ звукомъ *с*, но чѣмъ-то среднимъ, шепелявымъ. Такъ, польскія слова *smarować* и *smarkaty* малоруссъ принялъ въ свою рѣчь въ видѣ *ш*марувáти (=смазывать) и *ш*маркáтий (=соплявый), потому что, очевидно, не могъ признать чистаго звука *с* въ польскомъ (шепелявящемъ) выговорѣ звука *s* [1]); разумѣется однако, что звукъ *ш* въ глаголѣ *ш*марувáти могъ перейти въ малорусскій языкъ прямо изъ нѣмецкаго. Точно такъ же монгольско-русское слово „стаканъ“ не разъ обращается у малоруссовъ въ *ш*такáн, потому что малорусскіе обрусѣлые бары, силясь разыгрывать изъ себя не „хохловъ“, произносятъ звукъ *с* па утрированно-небрежный ладъ. Подобное явленіе мы видимъ и въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года, гдѣ греческое στύραξ (=ладонъ), произносимое греками не безъ шепеляваго присвиста, передано черезъ „штурить“ (л. 243 об.).

д) Вопросъ о старинной мягкости малорусскихъ шипящихъ и свистящаго *ц*.

Очень важно рѣшить вопросъ, въ такой ли самой степени, какъ и теперь, былъ мягокъ у

1) А несомнѣнно-шипящее польское sz малоруссъ и подавно принималъ въ свой языкъ въ видѣ *ш*. Напримѣръ, польское szklo = мр. шкло (= стекло).

кіевлянъ XI вѣка свистящій звукъ *ц*, и насколько были мягки тогда шипящіе *ж*, *ч*, *ш*, *щ*?

Въ настоящее время малоруссъ центральнаго Поднѣпровья строго избѣгаетъ твердости звука *ц* въ исходѣ закрытыхъ слоговъ [1]) и не терпитъ сочетаній *ца, цу, цо;* срв. мр. отéць, отéцький, отця, отцю, зап. отцьóвого—при русскомъ „отецъ, отецкій, отца, отцу, отцова"; если попадаются и по-малорусски слова въ родѣ коц (=нѣм. Kotze попона), цап (=козелъ, польск. сар), обцáс (=каблукъ, нѣм. Absatz), цар (изъ цьсарь), цýцик (=щенокъ, срв. „сука"), цокотїти (на ряду съ сокотї'ти=клохтать) и т. п., то въ нихъ твердое *ц* или заимствовано изъ чужихъ языковъ, или возникло изъ твердаго *с*. Сочетаніе ци можетъ у нынѣшнихъ малоруссовъ быть и твердымъ (выгов. „цы") и мягкимъ (выгов. „ції"), причемъ мягкое *ці* обыкновенно происходитъ изъ цѣ. Сочетаніе же *це*—всегда твердо (выгов. „цэ"), — напр. отцéві (выгов. „отцэви"=отцу).

Есть много данныхъ полагать, что у кіевлянъ и прочихъ малоруссовъ XI вѣка звукъ ц былъ мягокъ во всѣхъ положеніяхъ, — въ томъ числѣ и въ сочетаніи це, — такъ что кіевляне XI вѣка произносили не только „отьць, отьца, отьцю" (это произношеніе вполнѣ ясно изъ старокіевскихъ и другихъ начертаній), но и въ словѣ отьцеви окончаніе -цеви звучало у нихъ какъ мягкое -цеві, а не -цэві. О мягкости це можно заключить изъ того обстоятельства, что вскорѣ же послѣ XI вѣка старокіевское сочетаніе це оказалось способнымъ переходить въ мягкое цьо, а не въ твердое цо, и въ мягкое ця,

[1]) Закрытымъ слогомъ называется такой, который оканчивается на согласную; слогъ, оканчивающійся на гласную, называется открытымъ. Напримѣръ, въ словѣ о-тéць первый слогъ (*о*) открытъ, второй слогъ (*тець*)—закрытъ.

а не въ твердое ца. Срв. и до нынѣ мягкое западное отцьóві (наряду съ твердымъ отцэві), или обще-малорусское прилагательное съ мягкимъ *ц*: вітцї́вський (изъ отьцєвьскый, = отцовскій; архаичн.-мр. „отц*ю*овський“).

И такъ, хотя свистящій ц былъ мягкимъ въ рѣчи кіевлянъ XI вѣка нѣсколько чаще, чѣмъ въ нынѣшней приднѣпровской рѣчи, все же слишкомъ рѣзкой разницы между нынѣшнимъ характеромъ малорусскаго *ц* и тогдашнимъ его характеромъ (XI вѣка) мы усмотрѣть не можемъ.

Иное дѣло—тогдашніе и нынѣшніе среднеднѣпровскіе звуки шипящіе.

Въ настоящую пору мы смѣемъ сказать, что шипящіе звуки (*ж, ч, ш, щ,*) въ рѣчи центральнаго Приднѣпровья—тверды: мы вѣдь произносимъ ні*ж* (стар. ножь), а не „ніжь“, нож*а*, а не „ножя“, и т. д. Мягкихъ сочетаній „жя, жю, жьо („жё“), же,—чя, чю, чьо (чё), че,—шя, шю, шьо (шё), ше, щя, щю, щьо (щё), ще“ — мы въ центрально-украинской рѣчи совсѣмъ теперь не слышимъ. Только ж*і*, ч*і*, ш*і*, щ*і* (изъ жѣ, изъ жѐ и изъ жьò, и пр.) всегда строго отличаются своею мягкостью отъ твердыхъ: жи (изъ жн), чи (изъ чн), ши (изъ шн), щи (щн); срв. вполнѣ мягкій шипящій звукъ въ „на нож*і*“ (=на ножѣ) и твердый — въ „ж*и́*ти“ (выгов. „жыты“=жить).

Случаи современной мягкости шипящихъ передъ *а*, *о*, *у*, *е* (да и то мягкости не всегда обязательной) сводятся теперь въ центрально-украинской рѣчи къ слѣдующимъ: 1) въ 3-мъ л. мн. ч. на ать,—напр. вони леж*я́*ть (=они лежатъ; но въ неопр. н-ніи леж*а*ти звукъ *ж* твердъ); — 2) въ орудномъ падежѣ типа нічч*ю* (=ночью), річч*ю* (=вещью, „рѣчью“); — 3) въ склоненіи словъ средняго рода съ удвоеннымъ шипящимъ, —

словъ имѣвшихъ нѣкогда окончанія -шиѥ, -щиѥ, -жиѥ, -чиѥ, — напр., палiччя (=палочье), збiжжя (=сбожье, т.-е. зерновой хлѣбъ), дат. палiччю, збiжжю и т. д.: — 4) въ словахъ средняго рода съ наращательнымъ суффиксомъ ят, — напр. горщя́ (род. горщя́ти = маленькій горшокъ). Въ перечисленныхъ случаяхъ мягкость шипящихъ звуковъ, какъ-ни-какъ, а достаточно явственна и ощутительна; напр., нiччю (=ночью), если мы прислушиваемся къ этому слову внимательно, въ большинствѣ мѣстъ Поднѣпровья не есть нiччу, хотя нѣкоторые украинскіе писатели склонны писать именно „нiччу", а не „нiччю".

Однако помимо этихъ четырехъ случаевъ шипящіе звуки въ центральной Украинѣ всегда вполнѣ тверды. Болѣе частыми оказываются случаи мягкости малорусскихъ шипящихъ въ говорахъ сѣверно-малорусскихъ, архаичныхъ, а въ Галичинѣ также во многихъ говорахъ неархаичныхъ: въ нихъ мы услышимъ ножя, ножю, чяс (=час, т.-е. время), щьо (=что) и тому подобныя мягкія шипящія сочетанія, которыя въ литературной рѣчи, основанной на говорахъ средней Наддніпрянщины, строго избѣгаются. Для кіевской (и прочей малорусской) рѣчи XI вѣка именно такое (архаичное) всеобще-мягкое произношеніе шипящихъ звуковъ мы и должны признать за норму: это видно, напримѣръ, изъ многочисленныхъ написаній въ кіевскихъ Изборникахъ 1073 и 1076 года и въ „Словахъ Григорія Богослова" XI вѣка — съ мягкими слогами жя, жю, чя, чю и пр. Поэтому, встрѣчая въ кіевскомъ Изборникѣ 1073 года начертаніе „чѧловѣка" (л. 179 об.) или въ Изборникѣ 1076 года „жона" (л. 181 об.), или въ червонорусскихъ „Словахъ Григорія Богослова" XI вѣка начертаніе „ничосо" (л. 24 об.: =ничего), мы должны и въ слогѣ чо и

въ слогѣ жо подразумѣвать тоже мягкость, т.-е. понимать его, какъ чьо (чё) и жьо (жё).

И не только въ XI-мъ, но повидимому и въ XII—XV вѣкахъ малорусскіе шипящіе продолжали, въ общемъ, быть мягкими [1]). Мы подчеркиваемъ выраженіе „въ общемъ", потому что первые (спорадическіе) признаки отвердѣнія шипящихъ могли ощущаться, конечно, даже въ XI вѣкѣ; срв. въ Изборникѣ 1073 года: „притъчъ" (л. 152; вм. „притъчь") и еще три-четыре аналогичныхъ начертанія, а въ Изборникѣ 1076 г.: „оружъе" (л. 228 об., л. 240), мужъ (л. 240) и пр.; то же въ Словахъ Григорія Богослова XI в. (л. 47 об., л. 204 об.: „дъждъ", и др.) [2]). Только однако въ XV вѣкѣ отвердѣніе шипящихъ начинаетъ быть черезчуръ очевиднымъ и рельефно бросается въ глаза появленіемъ сочетаній жы, чы, шы, щы, которыхъ до XV вѣка не приходится намъ въ малорусскихъ памятникахъ встрѣчать. Напримѣръ, мы читаемъ въ буковинскомъ господарскомъ договорѣ съ королемъ 1444 г. (=Улян. № 58, стр.

---

[1]) Какъ увидимъ изъ слѣдующей главы (§ 20), мягкость шипящихъ XII—XV вѣковъ существенно отразилась на качественной судьбѣ того гласнаго звука *е*, который предшествовалъ шипящему: онъ могъ или расширяться въ *я*, или удлиняться въ *іе*; срв. изъ стараго грабежь двѣ нынѣшнія фонемы: или граб'яж, или (арх.) грабіеж, (не арх.) грабіж. Отвердѣй жь всюду очень рано, мы въ архаичныхъ говорахъ повсемѣстно имѣли бы не грабі*е*ж, а только грабю*о*ж.

[2]) Изрѣдка слышащееся въ архаичныхъ говорахъ „грабю*о*ж" (при обычномъ архаичномъ „грабі*е*ж") тоже можетъ свидѣтельствовать, что кое-гдѣ отвердѣніе шипящихъ произошло очень рано, до т. н. „паденія слоговыхъ глухихъ гласныхъ ъ и ь", о которомъ рѣчь у насъ въ слѣдующей главѣ, § 17. Этимъ, правда, вопросъ хронологіи не рѣшается; вѣдь если съ одной стороны несомнѣнно, что для большинства малорусскихъ нарѣчій эпохою паденія глухихъ оказываются XII—XIV вв., то съ другой стороны несомнѣнно, что въ извѣстной части малорусскихъ говоровъ глухіе гласные ъ и ь сохранялись гораздо дольше.

63) [1]): „краиуы[й] королевства полского“; далѣе въ договорѣ 1447 г. (=Улян. № 63, а, стр. 69)— —„противъ тыхъ намъ помоуы не дати“; въ подтвердительномъ договорѣ 1448 г. (=Улян. № 67, стр. 73): „святый хрестъ цѣловавшы“. Въ галицкой гр. 1454 года Снятынскаго старосты (=Улян. № 78, стр. 86): „панъ Мужыло“, „нашымъ листомъ“, „чтууы услышытъ“, „хотяуы уынити“, „приуыняемъ“, „нашы двѣ селѣ“, (и тутъ же: „печати нашѣ“), „до его жывота“. Въ люблинской жалованной гр. 1501 г. короля Александра Свидригайла волынскому земянину Ивашку Лабунскому: „вбачившы его николы невмѣшканую службу“ (=Антон. и Козл. № 14, стр. 33).

§ 13. О губныхъ звукахъ (*б, п, в, ф, м*).

а) Вопросъ о мягкости и твердости малорусскихъ губныхъ.

Нынѣшній малоруссъ вовсе не способенъ произнести мягко: *бь*, *пь*, *вь*, *фь*, *мь*, въ исходѣ ли закрытыхъ слоговъ, или въ иномъ самостоятельномъ положеніи; срв. малорусское нынѣшнее твердое голу*б* при старинномъ „голубь“, нынѣшнее малорусское си*п*! при старинномъ „сыпь!“, нынѣшн. мр. п'ю и б'ю (чит. „пъю“ и „бъю“) при старинномъ „пью, бью“, и т. п.

Не совсѣмъ пріятны для малорусса также и слоговыя сочетанія: бя, пя, вя, мя, бю, пю, вю, мю (про фя и фю—говорить нечего!), содержащія въ себѣ тоже бь, пь, вь, мь. И хотя они малоруссамъ,

[1]) Можно бы указать и на болѣе раннюю грамоту—1436 года, писанную во Львовѣ для молдавскаго воеводы (=Улян. № 47, стр. 52—53), гдѣ чы и шы очень обильны („нашыхь“, „памятуючы“ и т. п.). Но та грамота мало надежна, потому-что писана не малоруссомъ, а какимъ-то инородцемъ.

по крайней мѣрѣ восточнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ еще не чужды (срв. выговоръ вя какъ вьа въ словахъ: сьвятий = святой, різдвяний = рождественскій, и др.), тѣмъ не менѣе въ большинствѣ такихъ случаевъ малоруссъ стремится (напр. въ словахъ „имя“, „вянути“) произносить губные звуки твердо; а чтобы бя, бю, вя, вю, мя, мю, пя, пю не обратились въ ба, бу, ва, ву и т. д., малоруссъ послѣ отвердѣвшаго губнаго звука вставляетъ здѣсь йоту и произноситъ: ім'я (чит. „імья“), в'янути (чит. „въянуты“) и т. п. [1]).

Какъ же произносились губные звуки въ рѣчи малоруссовъ XI в. — у кіевлянъ, червоноруссовъ и другихъ?

б) Раньше XI вѣка, по всему вѣроятію, малоруссы вовсе не чувствовали того отвращенія къ мягкости губныхъ, какое они проявляютъ теперь. Да и въ теченіи XI вѣка мягкость кіевскихъ и др. губныхъ бывала въ большинствѣ случаевъ очень и очень сохранна.

Однако дошедшіе до насъ памятники конца XI вѣка и нѣкоторые факты изъ дальнѣйшей исторіи языка свидѣтельствуютъ съ полной ясностью, что процессъ отвердѣнія губныхъ въ рѣчи малоруссовъ XI вѣка уже начался.

Мало-симптоматичною, конечно, является въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г. твердость звука *ф*, выплывшая наружу въ такихъ начертаніяхъ, какъ „Июдиѳъ“ (л. 254, два раза), „Руѳъ“ (л. 252) и т. п., потому что къ мягкому произношенію чужого, неродного звука *ф* (ѳ = ф) едва ли были способны ма-

---

[1]) Въ своемъ мѣстѣ (именно въ главѣ 12-й, § 75—77) мы съ подробностью и съ точностью укажемъ условія, при которыхъ восточно-малорусскіе губные звуки остаются мягкими, и при которыхъ они обязательно дѣлаются твердыми, равно какъ укажемъ условія, требующія какъ вставки йоты, такъ и отсутствія вставки.

лоруссы не только въ XI вѣкѣ, но и раньше XI вѣка да и вообще когда бы то ни было; ниже мы увидимъ, что и твердое-то *ф*, несвойственное духу ихъ рѣчи, едва ли они умѣли произносить въ XI вѣкѣ съ успѣхомъ, хотя всякому человѣку легче выговорить твердое *ф*, чѣмъ мягкое *фь*. Но, напримѣръ, начертаніе Изборника 1073 г. „праүда“ (л. 60, об.), вмѣсто ожидаемаго „правьда“, уже хорошо указываетъ намъ, что въ этомъ словѣ не только исчезъ гласный звукъ ь [1]), но отвердѣлъ и губной звукъ в: мягкое авь не перешло бы въ аү.

Можемъ мы также съ полной увѣренностью констатировать въ рѣчи кіевлянъ XI в. и прочихъ тогдашнихъ малоруссовъ отвердѣніе падежной флексіи мь. Въ кіевскомъ Изборникѣ 1073 г. мы не съ ожидаемымъ окончаніемъ мь, но съ мъ, находимъ орудные падежи ед. ч.: жрьновьмъ (л. 190 об.), безумьемъ (л. 147 об.), гласомъ (л. 161), вьсѣмъ (л. 219), дѣломъ (л. 220 об., л. 229 об.), видомъ (л. 229 об.), подълежаштемъ (л. 228 об.), суштиимъ (л. 203 об.), животьномъ (л. 246) и мн. др., а также находимъ мѣстные падежи прилагательныхъ ед. ч. по типу: „о хотяштиимъ“ (л. 213), „о блазняштиимъ“ (л. 209). То же и въ Изборникѣ 1076 г.: Божиемь промыслъмъ (л. 15 об.), чясоъмъ (л. 201 об.), д[ь]ньмъ (л. 242 об.), и мн. др. Много такихъ случаевъ и въ червонорусскихъ „Словахъ Григорія Богослова“ XI в.,— случаевъ изобильнѣйшаго падежнаго отвердѣнія флексіи мь ед. ч. „о семъ“, л. 31; „о истиньнѣемъ словѣ“, л. 21; „о проповѣдающимъ и крьстяшчиимъ“, л. 122; „потомъ“, л. 19, л. 36 об.; „чимъ“ и „ничимъ“, л. 122 об., л. 147; „истинъным свѣтъмъ“, л. 1, об.; „молитвою и правьдънъимъ прошениемъ“,

---

[1]) О гласномъ характерѣ звука ь (и ъ) см. слѣдующую главу, § 17.

л. 26; „съ о[ть]цемъ“, л. 185 об.; „великъимъ ѳ[ть]цемъ“, л. 31; „ученіемь сладъкъимъ и добръимь“, л. 40 об.; „д[у]хомъ“, л. 122; „ч[е]л[овѣ]чьмь рожьствомъ“, л. 148 об.; „врѣменемъ длъгомъ и бытиемь“, л. 38 об.; „житиемь анг[е]льскомъ“, л. 122; „бръзотою и величьствомъ вештьнъимь“, л. 33 об.; „мозгомъ еленемъ и львовъмь басньнъимъ“, (т. е. мозгомъ оленьимъ и львинымъ миѳическимъ, =л. 31 об.); „нарокомъ дружьбы и закономъ уньшемъ“, т. е. [исправлялъ меня] дружескимъ упрекомъ и лучшимъ правиломъ,=л. 20 об.; „словъмъ“, л. 80 об.; „съ Б[огъ]мъ“, л. 80 об.; „умомъ“, л. 80 об., и др.; мы тамъ находимъ отвердѣніе и глагольной флексіи: „азъ есмъ“ (л. 1 об.), „подамъ, имамъ“ (л. 19 об.). Такъ какъ одновременно съ появленіемъ твердой флексіи мъ (вм. мь) въ орудномъ и мѣстномъ падежахъ ед. ч. мы въ тѣхъ памятникахъ встрѣчаемся не разъ съ написаніемъ мягкой флексіи мь (вм. мъ) въ дат. падежѣ множ. числа, то очень естественно думать, что отвердѣніе падежной флексіи мь ед. ч., вызванное сперва фонетическими причинами (начавшимся процессомъ отвердѣнія губныхъ), было ускорено вліяніями нефонетическими: смѣшеніемъ флексіи мь ед. ч. съ флексіею мъ мн. ч. Какъ бы то ни было, намъ очень важно—помнить, что въ XI вѣкѣ флексія мь ед. числа замѣнилась флексіей мъ,—важно помнить этотъ фактъ потому, что эта ранняя твердость флексіи мь (мъ) имѣла вскорѣ огромное вліяніе на одно изъ капитальнѣйшихъ явленій малорусской фонетики [1]).

---

[1]) именно—на судьбу звука є, который предшествовалъ этой флексіи,—напр. въ формѣ „въ нємь“. Если бы мь произносилось малоруссами здѣсь мягко, то эта форма обратилась бы въ „в ніємь“;—между тѣмъ, въ силу **т в е р д о с т и** флексіи, она обратилась въ „в нюом“ (украинское „в нїм“ произошло изъ архаичнаго „в нюом“ черезъ стадіи „нюэм“, „нюнм“). См. § 20.

в) Съ какого времени вставляется паразитная йота въ слоги *бя*, *мя* и т. п.?

Вставляли ль малоруссы XI вѣка йоту въ сочетаніяхъ бя, мя и т. д.?

Кажется, что еще нѣтъ. Изслѣдуя правописаніе кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года, червонорусскихъ „Словъ Григорія Богослова" XI в., галицкаго Четвероевангелія 1144 г. и др., мы должны склониться къ заключенію, что мягкія губныя сочетанія бя, пя, вя, мя и т. п., вмѣсто которыхъ мы теперь по большей части слышимъ у малоруссовъ бйа, пйа, вйа, мйя и т. п. (со вставочной йотой послѣ отвердѣвшаго губного), произносились въ XI вѣкѣ у малоруссовъ въ Кіевщинѣ и въ другихъ мѣстахъ такъ, какъ теперь произносится въ Кіевщинѣ вя лишь въ немногихъ словахъ („сьвятий, різдвяний" и т. п.) или какъ произносятся слоги бя, пя, вя, мя у русскихъ (т.-е. за бьа, пьа, вьа, мьа, съ мягкостью губныхъ и безъ вставочной йоты).

Возможно, разумѣется, что первыя попытки вставлять въ такихъ случаяхъ йоту начались еще въ XI вѣкѣ, но въ широкое употребленіе этотъ обычай вошелъ у малоруссовъ лишь въ послѣдующія столѣтія [1]). Буковинцы XV вѣка выражали на письмѣ эту вставочную йоту черезъ букву ъ; срв. въ присягѣ господарской рады 1448 г. (=Улян. № 68, стр. 75): „обьвъязуемыся тымъ-то листомъ", — и это стало очень обычнымъ пріемомъ старомалорусской орѳографіи [2]).

[1]) Изъ начертанія Изборника 1073 года: „послабьяше" (л. 140 об.) ужъ можно было бы извлечь кое-какой (слабый) намекъ на существованіе этого явленія еще въ XI в.—Надо впрочемъ оговориться: нѣкоторые въ высшей степени солидные языковѣды (напр. акад. Ѳ. Е. Коршъ) вообще не признаютъ, чтобы нынѣшнее мр. произношеніе *мйа*, *вйа*, и т. п. (съ йотою) было чертою новою: напротивъ, въ ней-то они видятъ сохраненіе именно общеславянскаго выговора и считаютъ великорусское безйотное произношеніе *мя*, *вя* (=мьа, вьа) какъ-разъ за черту болѣе новую, неизвѣстную предкамъ тѣхъ же великоруссовъ. Согласно этому воззрѣнію (котораго однако я не придерживаюсь, имѣя въ виду показанія документовъ), предки великоруссовъ произносили, напр, еще не „вянуть" (т. е. не „вьануть"), но „в'януть" (т. е. такъ, какъ малоруссы и другіе славяне).

[2]) Въ Галичинѣ, гдѣ теперь такъ преслѣдуется любимый

Иногда, впрочемъ, писался въ такихъ случаяхъ не ъ, но ь; срв. документы XVI в. вписанные въ кіевскую книгу кгродскую подъ 1736 г. (№ 47, л. 305 об. и л. 263 об.=Антон. и Козлов. № 19, стр. 40—41 и № 12, стр. 24): „дня пьятнадцятого“, „тыхъ земьянъ“, „обавьячися“ (=польск. obawiając się, т. е. „опасаясь“).

г) О старинной склонности звука *в* къ *у*.

Звукъ *в*, который теперь въ извѣстныхъ случаяхъ склоненъ приближаться къ *у*, благодаря чему нынѣшнее, напр., кіевское слово взя́вши звучитъ почти какъ взя́уши, имѣлъ въ XI вѣкѣ гораздо меньше случаевъ проявлять такую свою природу. Такъ въ вышеприведенномъ словѣ взявши онъ не могъ тогда образовывать собою дифтонга яу потому, что это слово имѣло въ XI вѣкѣ звуковой видъ „възявъши“, т.-е. заключало въ себѣ гласный звукъ ъ послѣ в, и, слѣдовательно, звукъ в произносился тогда въ этомъ словѣ такъ, какъ онъ теперь произносится въ словѣ ви (=вы).

Но, напримѣръ, въ вышеприводимомъ уже словѣ „правьда“, которое въ концѣ XI вѣка начало терять или совсѣмъ утеряло гласный звукъ ь, до тѣхъ поръ слышавшійся здѣсь послѣ в, сочетаніе ав звучало у кіевлянъ XI вѣка совершенно такъ же, какъ оно и донынѣ звучитъ въ Кіевщинѣ въ этомъ словѣ,—и потому въ Изборникѣ 1073 года это слово передано черезъ „пра*у*да“ (л. 60, об.). Заслуживаютъ вниманія и нѣкоторыя другія аналогичныя начертанія Изборника 1073 года,—конечно, гораздо менѣе характерныя, потому что онѣ примѣняются въ словахъ иностранныхъ, а не въ чисто-малорусскихъ. Таково имя: „Паоѵлъ“ (л. 164) и „Паѵлъ“ (л. 181) при обычномъ „Павьлъ“. Имя Евы (жены Адама) въ Изборникѣ 1073 года одинаково пишется какъ въ видѣ „Е*у*га“ (л. 100 об.,

украинцами способъ выражать звуки б й а черезъ б ъ я, звуки м й а черезъ м ъ я и т. п., этотъ самый способъ превосходно примѣнялся въ рукописяхъ даже въ XVIII вѣкѣ. Срв. напр. у Франка въ „Пам'ятках“, т. IV, стр. 17: „сѣмъя“.

л. 101), такъ и въ видѣ „Евга“ (л. 209). Имя царя Навуходоносора является въ Изборникѣ 1073 г. не разъ въ начертаніи „Навъходоносоръ“ (л. 97, л. 143 об., два раза, л. 146), равно какъ и „Наоүходоносоръ (ь)“ (л. 144) [1]). Имя „Августъ“ фигурируетъ въ Изборникѣ 1073 года и въ начертаніи „Авъгустъ“ (л. 249) и—черезъ два листа—въ начертаніи „А*у*густъ“ (л. 251).

Смѣшеніе предлоговъ *в* (въ) и *у* (оү), чрезвычайно любимое у нынѣшнихъ малоруссовъ (срв. влі́зти и улі́зти), въ XI вѣкѣ едва начиналось, потому-что обычная тогда гласность ъ въ предлогѣ въ препятствовала этому. Но нѣкоторые робкіе начатки этого смѣшенія, напр. въ чередованіи словъ „*у*годьный“ и „въгодьный“, „*в*ъселеная“ и „*у*селеная“, „*въ*зирати“ и „*у*зирати“, проявляются ужъ и въ кіевскихъ изборникахъ Святослава 1073-ro и 1076-го года, да и въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI вѣка, какъ признакъ зарождающагося паденія глухихъ гласныхъ. Въ „Словахъ“, кромѣ того, попадается и вполнѣ рельефное выраженіе: „Єже *у*писалъ єсмь—*въ*писахъ“ (л. 143, а; это слова Пилата). Однако, вообще говоря, широкое и яркое смѣшеніе предлоговъ въ и оү констатируется по старо-малорусскимъ памятникамъ только послѣ XII вѣка [2]).

д) Чередованіе губныхъ *в* и *м*.

Донынѣ обычное (хотя и спорадическое) въ Кіевщинѣ и въ другихъ малорусскихъ областяхъ че-

---

[1]) На л.л. 143—146 мы находимъ разнообразныя варіаціи этого имени.—Им. пад. его съ окончаніемъ ρь не встрѣтился, но его существованіе предполагается формой „Науходоносорю“ (л. 144).

[2]) О нынѣшнемъ малорусскомъ чередованіи звуковъ *в* и *у* рѣчь будетъ въ особой главѣ, § 48. Тамъ же и многочисленныя указанія памятниковъ, хронологически освѣщающія исторію этого явленія.

редованіе губныхъ звуковъ *в* и *м* по сосѣдству съ *н* (на*м*ножитися и на*в*ножитися, кі*м*ната и кі*в*ната и пр.) отразилось въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1076 года начертаніемъ „вънožьство" (л. 183 об.) вмѣсто „множьство" [1]. Другой аналогичный случай чередованія звуковъ *в* и *м* обусловливается въ малорусскомъ языкѣ сосѣдствомъ (непосредственнымъ или посредственнымъ) звука *р* [2]; этотъ случай тоже нашелъ свое отраженіе въ Изборникѣ 1076-го года: „съмьрьшимъ" (л. 245) вм. „съвьрьшимъ". Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в.: „Вѣра без дѣлесъ мрътва, якоже и дѣлеса без мѣры" (л. 146,d;=„без вѣры").

е) Звукъ *ф* и его замѣны.

Звукъ *ф*, какъ теперь чуждъ восточно-малорусскому нарѣчію, такъ и въ XI вѣкѣ былъ чуждъ и неестественъ для лѣтописныхъ кіевлянъ; чуждымъ былъ онъ тогда и для червоноруссовъ и прочихъ западныхъ малоруссовъ. Между тѣмъ множество греческихъ словъ и именъ, заимствованныхъ (особенно послѣ крещенія Руси) изъ греческаго языка, содержали въ себѣ этотъ тяжелый для выговора звукъ (ф и ѳ). Въ попыткахъ приноровиться къ нему старо-кіевская и вообще старо-малорусская рѣчь прибѣгала

---

1) Глухой звукъ ъ въ этомъ корнѣ ужъ не слышался въ XI в.,—срв. въ томъ же Изборникѣ 1076 г. начертаніе „многo" (л. 56); тоже—въ Изборникѣ 1073 г. (л. 2). Судя по церковнославянскимъ памятникамъ, гдѣ въ этомъ словѣ слишкомъ часто не пишется ъ, можно считать отсутствіе здѣсь гласнаго звука послѣ м очень стариннымъ, и сосѣдство звука м со звукомъ н—непосредственнымъ. Впрочемъ, для того, чтобы *м* чередовалось съ *в*, вовсе не требуется непосредственное сосѣдство звука *н*: достаточно, чтобы звукъ *н* содержался просто въ сосѣднемъ слогѣ. См. главу 13-ую, § 81—82.

2) См. главу 13-ую, § 81.

къ тѣмъ же пріемамъ, къ какимъ прибѣгаетъ малоруссъ и теперь.

Одинъ изъ пріемовъ—замѣнять *ф* (послѣ согласныхъ) звукомъ *в*; срв. соврем. шинькв*á*с (=нѣм. Schenk*f*ass, винная бочка) и ширитв*á*с (родъ чана), вульг. осв*а*льт (=асфальтъ), и т. п. Въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года имя „Эсѳирь" является въ формѣ „Осѵир'" (л. 254).

Другой пріемъ—замѣнять звукъ *ф* звукомъ *п*; срв. соврем. *П*илúп (=*Ф*илиппъ), *П*едóра (=*Ѳ*еодора), штрап (=штрафъ) и т. п. Лѣтописные кіевляне прибѣгали и къ этому. Такъ, греческое *φᾶρος* (что значитъ и „полотно", и „свѣточъ-маякъ") перешло къ нашимъ предкамъ, лѣтописнымъ кіевлянамъ, въ видѣ „*п*арусъ" [1]).

Третій малорусскій способъ убѣгать отъ звука *ф*—это замѣнять его черезъ *х*; срв. *Х*омá вм. „Ѳома". Ужъ и лѣтописные кіевляне прибѣгали къ этому способу: греческое „прос*ф*орá" перешло на Русь въ видѣ „прос*х*ура" [2]), откуда очень рано, не позже XI вѣка, образовалась новая форма, донынѣ процвѣтающая: „прос*к*ура" [3]); извѣстна она ужъ и изъ списка „Житія Ѳеодосія Печерскаго" XII в. (л. 3); тогда же жившій святой Спиридонъ вписанъ былъ въ Печерскій Патерикъ съ прозвищемъ: „преподобный Спиридонъ Прос*к*урникъ" [4]).—Очень естественно, что

[1]) Въ обоихъ греческихъ значеніяхъ восточные малоруссы употребляютъ это слово и до сихъ поръ, но второе значеніе („маякъ-свѣточъ") получило у малоруссовъ болѣе узкій оттѣнокъ: „снопъ свѣта", „лучъ изъ-за тучи".—Сонце пáруси попускáло"—значитъ у восточныхъ малоруссовъ: „Солнце пустило (изъ-за тучи) снопъ лучей". По словарю Левченка (стр. 66—67) паруси можетъ означать и всякіе „лучи".

[2]) Срв. даже въ XIII вѣкѣ написаніе „просхура"—въ новгородской Кормчей ок. 1282 г. (л. 105), изготовленной „стяжаніемъ" кіевлянина-митрополита Климента.

[3]) Аналогичное явленіе произошло и у сербовъ.

[4]) Можно было бы изъ старыхъ памятниковъ привести много другихъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ, что форма „просхура", которая теперь нѣкоторымъ малоруссамъ, а тѣмъ болѣе рус-

и западные малоруссы тоже усвоили себѣ обычай замѣнять греческое *φ* звукомъ *x*. Въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г. оказывается (на л. 162 об.): „земля Не*х*талимля, въ прѣдѣлѣхъ Не*х*талимлихъ"; въ Евангеліи Луцкомъ (Волынскомъ) XIV вѣка: „*Х*рола" (л. 257 об.=Флора). Довольно изобильными оказываются начертанія съ х вм. ф въ грамотахъ XIV и XV вв., и кіевскихъ, и западно-малорусскихъ. Въ кіевской Печерской духовной 1446 г. видимъ старца „Па*х*нутія"; подобныхъ именъ достаточно есть и въ описяхъ кіевскихъ земель, и въ кіевскихъ монастырскихъ помянникахъ XVI в.: *Х*има, *Х*отимья, *Х*одоръ, *Х*алелѣй и пр. Въ гр. 1424 г., быть можетъ изъ Черниговщины (изъ Остра), выданной черниговскимъ княземъ Швитрикгайломъ, упоминается „*Х*одосово". На Волыни, въ Луцкѣ, въ 1445 г. этотъ же князь выдалъ жалованную грамоту „шляхетному *Х*одорови" (Чоботу). У галичанъ по грамотамъ отмѣтимъ: *Х*од[ь]ка (=Ѳедора) Быбельскаго (гр. 1359 г., 1366 г., 1393 г.), *Х*од[ь]ка Лоевича и *Х*одора Чюлчича (гр. 1371 г.), *Х*одора Шидловскаго (гр. 1400 г.), *Х*рола Варваринскаго (гр. 1398) и, вѣроятно, галицкія имена на записи XIV—XV вв. при Галицкомъ Четвероевангеліи 1144 года, молящей „за здоровье *Х*одора и *Х*отимьѣ" (л. 111 об.). Въ Подоліи въ гр. 1375 г. упоминается дуброва у р. Смотрича „межи *Х*одорковымъ селомъ", и самъ подольскій князь Ѳедоръ Коріатовичъ титулуется въ латинской грамотѣ 1397 г. „illustris dux *Ch*odor" [1]). То

скимъ, представляется довольно грубой и не совсѣмъ подходящей для высоко-религіознаго стиля, изстари употреблялась въ бесѣдахъ самаго высокаго тона. Около XIII—XIV вѣка форма „проскура" проникла даже въ священный глаголъ „проскомисати (= =совершать проскомидію), и онъ обратился въ „проскурмисати".

[1]) Грамота издана у А. Прохаски: Codex epistolarum Vitoldi, № 136.

же—и въ Буковинѣ, гдѣ въ господарской грамотѣ 1404 г. отмѣченъ бояринъ „панъ *Х*отько Цяциньскы[й]" (=Улян. № 18, стр. 15), въ грам. 1442 г.— „*Х*одор Бурчук исъ великымъ гаемъ" (=Улян. № 56, стр. 62; срв. № 58, стр. 65), въ грам. 1448 г.—„панъ *Х*одко Щиборъ" (=Улян. № 64, стр. 70), и др.—Путаница эта у старо-малорусскихъ писцовъ доходила до того, что иногда они, борясь со своимъ природнымъ произношеніемъ и стремясь къ „правильности", писали, якобы по-церковному, букву *ф* въ тѣхъ именахъ, гдѣ по-гречески было вовсе не *ф*, а *х* [1]).

Нынѣшній малоруссъ въ особенности любитъ замѣнять чужой звукъ *ф* черезъ сочетаніе *хв*: срв. *Хв*едір (=Θедоръ), *хв*іртка (=нѣм. Pfortchen). Додумались ли до этого кіевляне XI вѣка, сказать нельзя: Изборники Святослава 1073 и 1076 г. не позволяютъ объ этомъ судить. Одинъ изъ старѣйшихъ примѣровъ, намекающихъ на чтеніе буквы *ф*

---

[1]) Такъ, въ Галицкомъ Евангеліи 1266–1305 г. писецъ, стараясь писать „правильно", обратилъ г. Ерихонъ въ „Єрифонъ" (л. 66, л. 101 об.) и Амфилохія въ „Амфилофья" (л. 156); по той же причинѣ въ галицкой купчей 1409 г. фигурируетъ „панъ Малофьй" (=Малахія); упоминается „панъ Малофѣй" и въ гал. гр. около 1425 г. кн. Θедора Любартовича (=Голов. № 40, стр. 45). Такое же якобы „правильное" написаніе видимъ и въ кіевскихъ помянникахъ XVI в.: „Мала*ф*ѣй, Мало*ф*ей, Мала*ф*ей, Па*ф*омій". Очевидно, писцы руководились этимологіей такихъ греческихъ именъ, какъ „Тимоθей, Дороθей, Θома, Трифонъ" и пр., аналогія съ которыми въ самомъ дѣлѣ очень соблазнительна (вѣдь вотъ русскіе на основаніи аналогіи съ „Тимоθей" не только писали „Малафей", но и произносили и произносятъ такъ).—Въ рукописи XVII в. кіевскаго Софійскаго собора (№ 130) такая лжеэтимологизація заставила писца написать *ф* даже въ своемъ родномъ корнѣ „страх": „велми грозно... стра*ф*овалъ" (л. 158;—извлеченіе издано въ Запискахъ Т-ва ім. Шевч.", т. 72, стр. 138). А. Радивиловскій въ одной своей проповѣди по поводу усопшаго Петра Могилы (изд. у Марковскаго, прилож., стр. 11) вмѣсто церк.-слав. формы „обливахуся" написалъ: „облива*ф*уся".

за *хв*, есть начертаніе Бучацкого (галицкаго) Евангелія XIII—XIV в.: „Вархфоломѣя“ (л. 2 об.;=Варѳоломея), гдѣ однако, какъ видимъ, написано еще не *хв*, но *хф*. Галицкое Евангеліе изъ Каменки-Стромиловой 1411 г. даетъ ужъ выразительныя начертанія: „о[тъ] ученіа *хв*арисейска“ (л. 40), „Е*хв*рем[ъ]“ (л. 185). Несомнѣнно, *хв* написано было и въ волынской (луцкой) грамотѣ 1458 г. вел. кн. Швитригайла, извѣстной намъ въ нотаріальномъ польскомъ переводѣ одного львовскаго адвоката XVIII в. (=Антон. и Козлов. № 8, стр. 18—19), гдѣ мы видимъ транскрибированныя латиницей имена свидѣтелей XV в.: „pan *Chw*edko Chomiński“, „pana *Chw*edka“. Въ волынскомъ сборникѣ попа Наливайка XVI в. (Румянц. Муз. № 2616) начертаніе „Матѳей“ чередуется съ „Мат*хв*ей“. Въ „Апокрисисѣ“ 1597 г. (по поводу Берестейской уніи) можно найти: „*хв*алшъ“ (л. 63, а; л. 69 а; л. 71, а; л. 86 б), „*хв*алшивых[ъ]“ (л. 67, б), „тра*хв*илъ“ (л. 77 а). Вообще въ XVI в. начертанія вродѣ „*Хв*екла, Оле*хв*ериянъ, Сте*хв*анъ“ и пр. дѣлаются вполнѣ обычны [1]); въ томъ числѣ „Мар*хв*а, Иоси*хв*ъ, Не*хв*едъ, Мала*хв*ей“ и т. п. записи оказываются въ кіевскихъ монастырскихъ помянникахъ XVI в. Въ Луцкой книгѣ кгродской 1567 г. (№ 2042, л. 241=Антон. и Козл. № 54, стр. 119—133) одинъ острожскій бояринъ пишется то „*Хв*едоръ Вербовецкий“, то сейчасъ же „*Ф*едоръ Вербовецкий“, и тутъ же фигурируетъ имя: „князь Богушъ *Хв*едоровичъ Корецкий“ наряду съ „*Ф*едоровичъ“. Обычай читать букву *ф* за *хв* дѣлается съ XVI-го столѣтія настолько общеупотребительнымъ, что ведетъ и къ обратному графическому явленію: этимологически правильное сочетаніе хв не разъ пере-

---

[1]) См. указанія въ „Отчетѣ изъ-за границы“ А. Кочубинскаго, I, 26 (отт. изъ „Записокъ Новороссійскаго Университета“, т. XVIII).

дается съ этихъ поръ на письмѣ черезъ букву ф („*ф*ороба, *ф*алити", вм. „хвороба, хвалити" и т. п.) [1]), иногда даже черезъ букву ѳ, напр. „поѳатили" и „лиѳа" въ полумалорусскомъ переводѣ Псалтыри XVI в. (въ Румянц. Музеѣ № 335; вм. „похватили" и „лихва") [2]), — и это не только въ свѣтскихъ документахъ при передачѣ своихъ родныхъ словъ, но и въ церковныхъ книгахъ, при передачѣ чужихъ, вовсе ненародныхъ словъ; и такимъ образомъ дьячекъ какого-нибудь глухого волынскаго села, переписывая Евангеліе, могъ подъ своимъ перомъ превратить церковно-славянское „отъ влъхвъ" въ начертаніе: „отъ влофъ" [3]).

§ 14. Задненебные (*г, к, х*).

а) Задненебные звуки рѣчи XI в. кіевлянъ (какъ и прочихъ малорусскихъ предковъ) въ высшей степени близко соотвѣтствовали нынѣшнимъ малорусскимъ звукамъ Кіевщины *г, к, х*, и оттого въ рѣчи

---

[1]) Напр., во Владиміръ-Волынской книгѣ кгродской 1567 г.: „по*ф*алки чините" (№ 934, л. 130=Антон. и Козл. № 46, стр. 105). Въ ней же подъ 1568 г.: „для *ф*ороби (=хворобы) пана Войтеха Макгнушевского" (№ 935, л. 137 об.=Ант. и Козл. № 56, стр. 139). Въ ней же подъ тѣмъ же 1568 г.: „у*ф*алити", „у*ф*аленого" (№ 935, л. 151=Ант. и Козл. № 57, ст. 141). Богатъ такими примѣрами на „фал..." и волынскій сборникъ попа Наливайка XVI в. (Рум. Муз. № 2616), и др. Вѣроятно, этой орѳографіи содѣйствовало вліяніе тогдашней орѳографіи польской, гдѣ допускалась въ нѣкоторыхъ корняхъ, буква f, согласно живому польскому произношенію (срвн. falic, lifa тѣхъ временъ). Въ спискѣ съ жалованной волынской Берестейской грам. 1511 г. князьямъ Вишневецкимъ, который сдѣланъ при Сигизмундѣ III, оказывается: „з *ф*оросты (=съ хворостами), з дубинами, з березинами" (=Ант. и Козлов. № 24, стр. 45).

[2]) Описанъ этотъ переводъ у Востокова № 335 и въ Несторовыхъ „Чтеніяхъ", кн. IX, стр. 2—6.

[3]) Примѣръ взятъ изъ Евангелія XVII в., пожертвованнаго въ Волынское Епархіальное Древлехранилище изъ села Волковцы Заславскаго повѣта. (Описано г. Крыжановскимъ въ „Волынск. Епарх. Вѣдомостяхъ" 1895; см. стр. 457).

Кіева XI вѣка возникалъ рядъ совершенно такихъ же звуковыхъ явленій, какія и теперь происходятъ тамъ.

б) *Звукъ* г.

Интереснѣе всего, конечно, звуковое совпаденіе г въ XI вѣкѣ и въ настоящее время.

Буквѣ г соотвѣтствуютъ теперь у славянъ три звука: 1) звонкое и мгновенное ґ (лат. g); 2) тоже звонкій, но не мгновенный, а длительный и дыхательный звукъ γ, напоминающій собою картавое *р*; 3) чисто-гортанный (не задненебный) звукъ h, — звукъ и длительный и придыхательный.

У нынѣшнихъ малоруссовъ извѣстны (въ ихъ родныхъ, не заимствованныхъ словахъ) только звуки h и γ, оба очень близкіе между собою, но все же не тождественные [1]. У кіевлянъ XI вѣка (какъ и у всѣхъ прочихъ тогдашнихъ малорусскихъ предковъ) звукъ г тоже не былъ g, т.-е. не былъ тѣмъ звонкимъ и мгновеннымъ звукомъ, какой слышится теперь у значительной части великоруссовъ и у поляковъ, но былъ звукомъ длительнымъ и дыхательнымъ.

---

[1]) Огромное большинство малоруссовъ не подозрѣваетъ разницы между этими двумя звуками и не отдаетъ себѣ отчета, звукъ h или звукъ γ слышится въ устахъ того или другого малорусса. Для испытанія мы совѣтуемъ произнести съ наибольшей длительностью конечнаго звука любое слово, оканчивающееся на *г*, — напр. бі*г* (=бѣжалъ) или лї*г* (=легъ), — произнести такъ, чтобы слышалось: б і г г г г г г г, л ї г г г г г г г. Это длительное г г г г г г г будетъ звучать у большинства малоруссовъ глухо, тихо, какъ дыханіе, и будетъ походить на х х х х х х х; кто обнаружитъ въ себѣ такое произношеніе, тотъ пусть знаетъ, что его *г* $= h$. У меньшинства же малоруссовъ звукъ г г г г г г г г въ словѣ бі г г г г г г г послышится звонко, какъ громкое выдыханіе, и будетъ нѣсколько напоминать собою картавое р р р р р р р р, (парижское „r grasseyé“); тотъ, у кого слова́ б і г г г г г г и л ї г г г г г г напоминаютъ собою картавое б і р р р р р и л ї р р р р р, можетъ знать, что его *г* $= \gamma$, а не $= h$. — Что касается филологическаго способа обозначать этотъ звукъ черезъ греческую букву гамму (γ), то дѣлается это потому, что греческая буква γ въ новогреческомъ произношеніи не есть g, но есть длительный, звонко-дыхательный звукъ.

Звучалъ ли онъ въ XI в. только какъ *γ* [1]), или же звучалъ въ однихъ случаяхъ какъ *γ*, а въ другихъ—какъ *h*, этого вопроса мы здѣсь не будемъ касаться [2]), но одно можно утверждать съ несомнѣнной точностью: въ живой рѣчи XI вѣка кіево-черниговo-переяславской, равно какъ червонорусской и волынской, звука g не было.

Всѣ тѣ судьбы, которымъ подвергается звукъ *г* у нынѣшнихъ малоруссовъ, испытывалъ звукъ г и въ рѣчи ихъ предковъ XI вѣка.

Онъ могъ служить начальнымъ придыханіемъ, а потому и коренное начальное г могло отпадать или, по крайней мѣрѣ, не писаться; срв. надписи на чарѣ ок. 1151 г. черниговскаго князя Володимера Давыдовича: „своего *о*сподаря“ (вм. „господаря“).

Часто бывая неорганическимъ придыхательнымъ призвукомъ, онъ и въ корняхъ въ началѣ словъ легко могъ чередоваться съ другимъ звукомъ, тоже служившимъ за призвукъ, съ йотой. Современный малоруссъ чередуетъ вѣдь съ йотой не только *г* призвучное (въ такихъ словахъ, напримѣръ, какъ *г*оріх и *й*оріх,=орѣхъ), но чередуетъ онъ и коренное начальное *г*: наряду съ *г*урбá мы слышимъ и *ю*рбá, наряду съ *г*елм (нѣм. Helm) образовалось у малоруссовъ *й*óлом, наряду съ голéць (=рыбка-голецъ) образовалось *я*лéць и мн. др. [3]). У кіевлянъ XI вѣка такимъ же образомъ варяжское имя

---

[1]) Срв. освѣщеніе этого вопроса у проф. Р. Ѳ. Брандта: „Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка“ (Москва, 1892), стр. 113—114.

[2]) Подробнѣе обо всемъ этомъ говорится во 1-ой же части нашей грамматики, въ спеціальной главѣ о звукѣ *г*.

[3]) О звуковомъ законѣ, по которому послѣ йоты слышится въ первомъ словѣ звукъ *о*, а не *е* (йóлом, а не йéлом) и по которому второе слово начинается съ й*а*, а не съ й*о* (*я*лéць, а не й*о*лéць), см. отчасти слѣдующую главу, § 20, а подробно—въ главѣ девятой § 51—52. Причина заключается въ томъ, что слогъ лъм или лом въ гелм—былъ и есть твердъ, а слогъ лець въ голéць—былъ мягкій.

Накôн могло чередовать свой коренной начальный звукъ съ йотой и обращаться въ *Я*кунъ (имя, извѣстное изъ кіевской лѣтописи и Житія Θеодосія Печерскаго).

Въ виду дыхательности старо-кіевскаго звука г, кіевляне XI вѣка (какъ и нынѣшніе кіевляне съ прочими малоруссами) могли на письмѣ путать буквы г и х. То мѣсто изъ Еванг. Іоанна (VI, 13), которое въ Остромировомъ спискѣ читается „дъванадесяте коша укрухъ“ (=12 коробовъ крохъ), написано въ Изборникѣ 1076 г. [1]): „ві коша укругъ“. И наоборотъ, вмѣсто „книгъчии“ написано „къніхъчии“ (Изб. 1073, л. 232 об.). Въ червонорусскихъ словахъ Григорія Богослова XI в. вмѣсто „не въ годъ“ (*οὐκ ἐν καιρῷ*) написано: „не въ ходъ“ (л. 146, с).

Обычное въ произношеніи нынѣшнихъ малоруссовъ выпаденіе *г* передъ *р*, передъ *н*, передъ *д* (въ особенности въ положеніи послѣ свистящихъ) и т. п. случалось и въ рѣчи кіевлянъ XI вѣка и выразилось въ такихъ начертаніяхъ Изборника 1076 года, какъ на первомъ же листѣ „съ*р*ѣшу“ (л. 1 об.; вмѣсто „съгрѣшу“) [2]), или „из*н*иеть“ (л. 237; вмѣсто „изгниеть“). Что касается глагола „разгнѣвати“, то онъ въ Изборникахъ Святослава попадается множество разъ въ начертаніи „разнѣвати“ (наряду съ „разгнѣвати“),—и есть всѣ основанія думать, что такое произношеніе было вполнѣ нормальнымъ и раньше XI вѣка [3]). Навѣрно раньше XI вѣка констатировалось въ Кіевѣ отсутствіе г въ словѣ „тъда“ (=тогда), которое встрѣчается въ Изборникѣ 1073 г. (л. 240 об.)

---

[1]) См. указаніе В. Шимановскаго на стр. 81-ой его книги „Къ исторіи др.-русск. говоровъ“.

[2]) У Шимановскаго издано съ буквою *г*. Но еще Буслаевъ („Истор. Хрестом.“, 1861, стр. 289) подчеркнулъ въ примѣчаніи, что буквы г въ рукописи нѣтъ.

[3]) Обо всѣхъ перечисленныхъ явленіяхъ изъ области звука *г* и объ условіяхъ, при которыхъ происходятъ эти явленія, подробности см. въ особой главѣ нашей грамматики.

наряду съ „тъгда“ (срв. нынѣшнее восточно-малорусское тодї, рѣже тогдї, при зап.-мр. тогди).

в) Чередованіе задненебныхъ *г* и *к* съ [небно-]зубными *д* и *т*.

Какъ у жителей нынѣшней Кіевщины, Черниговщины и Переяславщины, такъ и вообще во всѣхъ малорусскихъ областяхъ, проявляется то болѣе, то менѣе частая наклонность: чередовать звукъ *к* со звукомъ *т*, звукъ *г*—со звукомъ *д*, и наоборотъ [1]). Случается это почти исключительно въ слогахъ мягкихъ („небныхъ“), или такихъ, которые были мягкими; въ восточно-малорусскомъ нарѣчіи это явленіе по большей части происходитъ лишь въ близкомъ или въ неблизкомъ сосѣдствѣ съ плавными *р* и *л*, или съ *н* [2]). Такъ, вмѣсто „*д*ля цього“ (=для этого) мы не разъ слышимъ у всѣхъ малоруссовъ: „*г*ля цього“ (иногда „ġля цього“, а оттуда и „*к*ля цього“); вмѣсто обычнаго дя*т*лик мы частенько слышимъ всюду (особенно же въ сѣверной и средней Кіевщинѣ и Черниговщинѣ) дя*к*лик, или я*к*лик; глаголъ *т*ягнути обращается въ *к*ягнути [3]); фамиліи *Д*ї*д*енко и Гор*д*їенко обращаются въ *Г*ї*г*енко и Гор*г*іенко [4]); нѣтъ почти ни одного уголка на Украинѣ, гдѣ бы спорадически (а то и систематически) не произносили

---

[1]) Въ литературную рѣчь писатели стараются этой наклонности не переносить, дѣлая исключенія развѣ для нѣсколькихъ, очень немногочисленныхъ словъ.

[2]) Въ рѣчи же западныхъ малоруссовъ (особенно въ галицкомъ Покутьи и Гуцульщинѣ) чередованіе мягкихъ зубныхъ съ задненебными можетъ происходить безъ всякихъ ограниченій.

[3]) Срв. пословицу: „Голова знае, та руки не кягнуть“—у В. Василенка: „Опытъ толковаго словаря народной технич. терминологіи Полтав. губ.“, стр. 77 (Харьк. 1902, отт. изъ 13-го т. ист.-филог. „Сборника“).

[4]) Въ этомъ видѣ онѣ увѣковѣчиваются и оффиціальными документами. Мы лично знаемъ такія оффиціально-фиксированныя фамиліи (со звукомъ *г* вм. *д*) въ г. Звенигородкѣ Кіевской губ., у людей, извѣстныхъ всему городку.

кісно вмѣсто *т*ї́сно (=тѣсно), и т. п., и т. п.[1]). Съ особенной легкостью поддаются у малоруссовъ этому чередованію слова иностранныя, заимствованныя. Такъ, нѣмецко-польское ze*d*lik (=скамья) въ произношеніи восточнаго малорусса превращается въ дзи́ґлик (=деревянный стулъ), и наоборотъ—персидско-тюркское ґерда́н (=ожерелье) слышится въ сѣверной Кіевщинѣ какъ *д*ьорданки́ (=одинъ изъ видовъ намиста)[2]).

Кіевская рѣчь XI вѣка вполнѣ знала тѣ же чередованія задненебныхъ съ губными. Въ Святославовомъ Изборникѣ 1076 года сверхъ начертанія „грѫдыи" оказывается и „судии грѫгыи" (л. 90). Въ Изборникѣ 1073 года греческое *σεῦτλον* (=свекла) передано черезъ „сеуклъ" (л. 251); впрочемъ это слово могло прійти въ Кіевъ прямо изъ Болгаріи съ готовымъ звукомъ к, точно такъ же, какъ и „тъминъ" наряду съ „къминъ" (греч. *κύμινον*). Чистомалорусской чертой XI—XII вѣка мы должны считать кіевскую передачу греческаго имени *Γεώργιος* не только черезъ Георьгий и Гюргий, но и черезъ *Д*юр*д*ий: кіевско-лѣтописное это имя, засвидѣтельствованное всѣми списками лѣтописи, не извѣстно въ такой формѣ (со звукомъ д) ни у южныхъ славянъ, ни у бѣлоруссовъ и великоруссовъ. Постепенно оно было вытѣснено въ Кіевѣ формою „Юрій", но у западныхъ малоруссовъ, въ горахъ, продержалось по меньшей мѣрѣ до конца XV столѣтія. Мы вѣдь находимъ „*Д*иорь*д*ия" въ буковинской сочавской грамотѣ 1471 года, т.-е. во второй половинѣ XV столѣтія[3]).

---

[1]) См. рядъ примѣровъ—у меня въ „Древне-кіевскомъ говорѣ" (печат. въ „Извѣстіяхъ" Академіи Наукъ, по отдѣл. русск. яз. и слов. 1906), гл. III.

[2]) У зап. малоруссовъ—дьордя́н.

[3]) Грамоту эту 1471 г. издалъ А. Кочубинскій въ 33-мъ отчетѣ о присужденіи Уваровскихъ наградъ (СПБ. 1892 г.), стр. 249.

д) О твердости задненебныхъ сочетаній **гы, кы, хы.**

У русскихъ, какъ извѣстно, старинныя твердыя сочетанія **гы, кы, хы**, обратились (черезъ звуковую стадію: гьы, кьы, хьы) въ *ги, ки, хи* (чит. gi, ki, chi), и это у русскихъ случилось, судя по памятникамъ, въ XII вѣкѣ. Но у малоруссовъ, по крайней мѣрѣ, у приднѣпровскихъ,—такого явленія не произошло: **г, к** и **х** передъ **ы** не смягчились (т.-е. не превратились въ гь, кь, хь). Правда, гласный звукъ **ы** у нихъ нѣсколько съузился, такъ что изображаемъ мы этотъ гласный звукъ черезъ букву *и*, и потому, вмѣсто старинныхъ **гы, кы, хы** мы пишемъ: *ги, ки, хи;* но произносимъ-то мы эти начертанія очень близко къ hы, кы, хы, съ отчетливой твердостью согласныхъ звуковъ, и центральный приднѣпровецъ, если онъ внимательно слѣдитъ за своимъ произношеніемъ, не можетъ смѣшать своихъ твердыхъ звукосочетаній ги, ки, хи (происходящихъ изъ **гы, кы, хы**) съ тѣми, вполнѣ мягкими звукосочетаніями гі, кі, хі, которыя слышатся у него въ словахъ заимствованныхъ съ иностраннаго, или которыя произошли около XV—XVI в. изъ гô, кô, хô, или изъ рѣдкихъ сочетаній звуковъ **г, к, х** съ рефлексомъ звука **ѣ** (именно, въ окончаніи сравн. степени). Напримѣръ, такую вполнѣ ясную, ощутительную разницу можетъ уловить наше ухо между произношеніемъ словъ: „тон*кий ки*лим“ (чит. „тонкый кылымъ“,=тонкій коверъ)—и „на тон*кій кі*стці“ (=на тонкой кости); „*ки*т“ (чит. „кытъ“,=малярная замазка)—и „*кі*т“ (=котъ); „*ки*шка“ (чит. „кышка“,=кишка)—и „*кі*шка“ (=кошка); „*ки*слий“ (чит. „кыслый“,=кислый)—и „*кі*зяк“ (=коровій кирпичъ); „ту*ги*й“ (чит. „туhый“:=тугій)—и „ту*гі*ший“ (=болѣе тугій,—изъ „тугѣйшій“);

„глухий Юхим“ (чит. „һлухый Юхымъ“,=глухой Ефимъ) — и дат. пад.: „глухій Хіврі“ (=глухой Февроньѣ), и пр., и пр. Лишь въ очень немногочисленныхъ словахъ,— напр. въ „хіба́“(=развѣ, изъ стар. дѣепричастія „хыба“), украинцы по какой-то случайной нефонетической причинѣ произносятъ совсѣмъ мягкое хі (съ чистымъ і), хотя въ родственныхъ словахъ того же корня у нихъ слышится твердое хи (срв. „хи́ба“=ошибка, изъянъ, чит. „хы́ба“; „хиба́тися“=колебаться, шататься, чит. „хыба́тыся“). Положимъ, малограмотный украинецъ (особенно полтавецъ и черниговецъ, вообще путающій гласные звуки и и і), способенъ и въ послѣднихъ словахъ написать хі, равно какъ способенъ онъ написать: „козакі“ (мн. ч.; а надо, согласно точному произношенію, писать: „козаки́“), „лугі“ (мн. ч.; надо: „луги́“), и т. п.; но въ этомъ виновата ужъ просто его небрежность и неспособность анализировать свое собственное произношеніе: вѣдь еслибъ онъ сопоставилъ въ своемъ же собственномъ выговорѣ форму им. мн. „козаки́“ съ формою род. мн. „козаків“ (=козаковъ), то легко почувствовалъ бы въ первомъ случаѣ твердость сочетанія ки, и лишь во второмъ случаѣ — мягкость кі.

Разъ дѣло обстоитъ съ такой архаичностью даже въ настоящее время, послѣ многихъ столѣтій исторической жизни, то апріорно можно предположить, что у малорусскихъ предковъ XI вѣка оно не могло стоять иначе. И дѣйствительно, оба старѣйшихъ вост.-мр. памятника, Святославовы Изборники 1073-го и 1076-го года, представляютъ намъ строго выдержанную орѳографію гы, кы, хы,— за исключеніемъ, конечно, словъ и именъ иностранныхъ (такихъ, какъ „Лукина“, „о десяти функики“,=περὶ δέκα φοινικίων, Изб. 1073, л. 231 об., „Ахименыды“, л. 154, и т. п.). Есть, правда, одно начертаніе въ Изборникѣ

1073 года съ ки вмѣсто ожидаемаго кыи (именно, „сикими“ [1]), л. 61 об.), которое впрочемъ можетъ объясняться чисто-графически [2]); возможно также, что и въ Изборникѣ 1076 г. было въ одномъ мѣстѣ написано: „вѣки“ вм. „вѣкы“ (л. 19) [3]). Но оба эти начертанія (если только позволительно съ ними считаться) ничего общаго съ исторіей смягченія задненебныхъ согласныхъ звуковъ не имѣютъ, потому что въ обоихъ кіевскихъ Изборникахъ Святослава не разъ вѣдь констатируется общее смѣшеніе гласныхъ звуковъ ы и и въ положеніи послѣ какого бы то ни было согласнаго звука (напр., послѣ зубнаго д, послѣ с [4]); срв. „неправьди“ вм. „неправьды“. (Изб. 1073, л. 104 об.). Писецъ - кіевлянинъ XI в. который настолько путалъ ы и и, что вмѣсто „неправьды“ писалъ „неправьди“, свободно могъ поэтому написать и „вѣки“ вмѣсто „вѣкы“, но отсюда не вытекаетъ, чтобъ у него была склонность обращать *г*, *к*, *х* въ мягкіе гь, кь, хь [5]).

---

1) Это—членный орудн. пад. мн. ч. отъ „сикъ“(=такой). Мы ждали бы: „сикыими“.

2) а именно—механическимъ пропускомъ буквы ы въ „сикыими“.

3) Въ рукописи это мѣсто продырявлено, и ручаться за чтеніе „вѣки“ нельзя.

4) См. ниже, § 22, в.; тамъ выписаны соотвѣтствующіе примѣры изъ обоихъ кіевскихъ Изборниковъ.

5) Такимъ же образомъ объяснится единичное начертаніе „великии Никонъ“ вм. „великыи“ въ спискѣ Житія Ѳеодосія Печерскаго XII в. (л. 16 об., изд. Бодян.), если, конечно, мы не будемъ видѣть въ этой буквѣ и обычное графическое предвосхищеніе сосѣдней же буквы и и если вообще забудемъ, что эта рукопись „Житія“ есть только списокъ съ кіевскаго подлинника, могшій подвергнуться вліянію языка сѣвернаго переписчика. Кстати замѣтимъ, что цитируемое г. Соболевскимъ (Лекціи, 1903, стр. 129) начертаніе „паки“, якобы тоже находящееся въ спискѣ „Житія Ѳеодосія“ (л. 41), отсутствуетъ въ подлинной рукописи XII вѣка и имѣется только въ печатномъ изданіи въ качествѣ московской типографской опечатки 1879 года.

Это однако можно съ увѣренностью говорить лишь про рѣчь лѣтописныхъ кіевлянъ и другихъ предковъ малоруссовъ восточныхъ. Насчетъ старинной рѣчи предковъ малоруссовъ западныхъ позволительно думать иначе. Дѣло въ томъ, что многіе современные говоры нарѣчія западно-малорусскаго, хотя въ другихъ случаяхъ произносятъ гласный звукъ *и* твердо и даже очень твердо (какъ грубое *ы*), произносятъ задненебныя сочетанія **гы, кы, хы** мягко: за hi, ki, chi. Такъ, напримѣръ, вост.-малорусскому слову „*кислий*“ (=кислый) можетъ соотвѣтствовать у многихъ западныхъ малоруссовъ слово, произносимое „*кiслыи*“, т.-е. съ твердымъ „ы“, но съ мягкимъ „кі“: ясно, что въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ мягкостью задненебныхъ согласныхъ, а не съ умягченіемъ гласнаго звука **ы**[1]). Съ какого жъ времени возникло у западно-малорусскихъ предковъ такое произношеніе? Едва ли оно очень ново.

Въ XI вѣкѣ, повидимому, и предки малоруссовъ западныхъ еще строго соблюдали твердость сочетаній **гы, кы, хы**. По крайней мѣрѣ, въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. нѣтъ замѣны этихъ сочетаній черезъ **ги, ки, хи** (и это—несмотря на то, что смѣшеніе гласныхъ **ы** и **и** въ положеніи послѣ другихъ согласныхъ уже здѣсь констатируется). Но въ зап.-мр. памятникѣ слѣдующаго, XII-го вѣка, въ галицкомъ Крылосскомъ Четвероевангеліи 1144 г., мы уже находимъ начертаніе: „птіцямъ небесьскімъ“ (л. 77), а другихъ случаевъ смѣшенія **ы** и **и** тамъ не находимъ. Такъ же только послѣ **к** встрѣчается нѣсколько разъ написаніе буквы **и** вмѣсто **ы** въ Вѣн-

[1]) Такъ какъ во времена Вишневеччины и Руины многіе западные малоруссы (жители Подоліи и, быть можетъ, также Галичины) переселились за Днѣпръ, на его Лѣвобережье, то и въ Лѣвобережной Украинѣ имѣются говоры со смягченіемъ задненебныхъ, т.-е. произносящіе напр. „кiслый“ вм. центрально-приднѣпровскаго „*кислий*“.

скомъ Октоихѣ (Codex Hankensteinianus) конца XII—нач. XIII в. [1]), не знающемъ другихъ случаевъ замѣны буквы ы черезъ и. Должно быть, XII вѣкъ и былъ тою эпохою, когда у многихъ западныхъ малоруссовъ, несмотря на то, что ихъ гласный звукъ и вообще стремился къ огрубѣнію, задненебныя звукосочетанія кы, гы, хы стали звучать близко къ ki, hi, chi.

(Мимоходомъ замѣтимъ, что эта локальная зап.-мр. особенность крайне строго избѣгается въ литературной рѣчи нынѣшнихъ малоруссовъ).

§ 15. й.

О звукѣ *й* въ двугласныхъ ай, ой и пр.

а) Рѣзкимъ отличіемъ рѣчи кіевлянъ XI вѣка и другихъ тогдашнихъ малоруссовъ отъ рѣчи нынѣшней является отсутствіе того согласнаго (или полугласнаго) звука *й*, который очень у насъ теперь распространенъ, въ т. н. дифтонгическихъ звукосочетаніяхъ ай, ой, ей, ий, ій и т. д. Кіевскія и прочія южнорусскія двугласныя сочетанія XI вѣка аи, ои, єи, ыи, ии, и пр. были не односложными, какъ теперь, но выговаривались въ два слога: такъ, слово краи произносилось въ XI вѣкѣ не kraj, но krá-i, именно въ два слога; слово доика произносилось не dojka, но dó-i-ka (въ три слога); повел. н-ніе отъ глагола льяти, т.-е. лии, произносилось не lij, но lí-i (въ два слога): и т. д., и т. д. Лишь послѣ XII вѣка, одновременно съ т. н. „паденіемъ глухихъ гласныхъ ъ и ь" (къ которымъ мы перейдемъ въ слѣдующей главѣ, § 17), послѣдовало обращеніе вышеупомянутыхъ двусложныхъ гласныхъ сочетаній въ нисходящіе односложные

---

1) Примѣры см. въ § 22, г.

дифтонги (двугласные) ай, ой, ей, ый, ій и т. д.[1]), иначе сказать—произошло ослабленіе гласнаго звука и въ полугласный или согласный звукъ й.

б) Для сочетаній он и ен ослабленіе конечнаго гласнаго звука и оказалось богато необыкновенно важными послѣдствіями, наложившими самую характерную печать на малорусскій языкъ. Какая-нибудь фонема XI вѣка мон[2]), обратившись въ XII—XIII вѣкѣ въ мой, взамѣнъ за ослабленіе конечнаго слогового гласнаго и пріобрѣла удлиненіе звука о („замѣстительную долготу"). И вотъ черезъ стадіи (съ XIII вѣка) *моой*, *муой*, *муэй*, *муый*[3]), она къ XV вѣку

---

[1]) „Нисходящимъ" двугласнымъ, или нисходящимъ дифтонгомъ, называется такой, въ которомъ полугласность принадлежитъ второй половинѣ. (Напр. ай, ой; áу, óу и пр.) Если же дифтонгъ начинается полугласнымъ, а заканчивается полнымъ гласнымъ звукомъ, то это—дифтонгъ „восходящій" (напр. уá, іá, произносящіяся близко къ ва, йа). Въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ, гдѣ распространенъ дифтонгъ уо, этотъ дифтонгъ въ однихъ случаяхъ бываетъ восходящимъ (напр. муóй—съ удареніемъ на *ó*), а въ другихъ случаяхъ—нисходящимъ (напр. въ томъ же мѣстоименіи мýой съ удареніемъ на *ý*).

[2]) Терминъ „фонема", вошедшій въ употребленіе всего лѣтъ 25 тому назадъ, приблизительно можетъ быть переданъ словами „звукъ" или „звуковое представленіе". Въ послѣднее время этотъ терминъ незамѣтно начинаетъ пріобрѣтать даже болѣе широкій смыслъ: „звуковой видъ того или другого слова, звуковой видъ той или другой грамматической формы", и въ такомъ употребленіи онъ оказывается имѣющимъ смыслъ: „фонетическая форма" (въ отличіе отъ „грамматической, морфологической формы"). Напримѣръ, по поводу род. пад. мн. ч. отъ відьма (= вѣдьма) говорятъ, съ одной стороны, что онъ имѣетъ двѣ „формы": одну—відьм или відьóм, другую—відьмів, т.-е. одну форму—по типу женскаго склоненія, а другую форму—по типу мужескаго склоненія. Съ другой же стороны, по поводу звукового вида первой формы (відьм, или відьóм) говорятъ, что въ этой первой формѣ различаются двѣ „фонемы",—одна фонема—просто відьм, а другая—в*ідьóм* (со вставочнымъ *о*).

[3]) Въ памятникахъ (грамотахъ) такое двугласное произношеніе выражалось одногласнымъ начертаніемъ оу (ȣ), или, въ случаѣ мягкости дифтонга, начертаніемъ ю (чит. *юо*, *юӧ* и т. п.); стариннѣйшія начертанія такого рода мы имѣемъ не то отъ послѣдняго десятилѣтія XIII вѣка, не то отъ начала XIV вѣка. Что начертаніемъ ȣ писцы хотѣли выразить дифтонгъ вродѣ *уо*,

превратилась въ нынѣшнее характерное малорусское мій [1]). Донка, звучавшее у кіевлянъ XI вѣка въ три слога и ослабившееся въ XII—XIII вѣкѣ въ два слога, постепенно обратилось къ XV вѣку такимъ же образомъ въ дíйка, и т. п., и т. п. [2]). Но въ XI вѣкѣ, повторяемъ, ни кіевляне съ переяславцами и черниговцами, ни волыняне и прочіе западные южно-руссы не знали въ такихъ случаяхъ согласнаго й.

———

а начертаніемъ Ю —дифтонгъ вродѣ *юо*, это отчасти видно изъ того обстоятельства, что и вмѣсто предложныхъ сочетаній вѣ+о..., или вмѣсто Ȣ+о..., или вм. слога во они тоже иногда писали просто Ȣ: по крайней мѣрѣ, въ Галицкомъ Евангеліи 1283 года вмѣсто „въ огнь“ или „у [в]огнь“ написано „угнь“ („идѣте... *у*гнь вѣчный“, л. 61), и тамъ же вмѣсто „ск*во*зѣ“ написано „ск*у*зѣ“ (л. 51 об., л. 57). (Впрочемъ, второе начертаніе, „ск*у*зѣ“, лучше объясняется и не изъ „ск*во*зѣ“, а изъ формы „ск*о*зѣ“, съ удареніемъ вѣроятно на ѣ, =формы, которая извѣстна, напр., изъ червонорусскихъ Словъ Григорія Богослова XI в., л. 197, d). Лишь очень рѣдко (напр., въ господарской буковинской присягѣ 1468 г.=Улян. № 95) малорусы выражали свой дифтонгъ дѣйствительно двумя буквами *уо*, а не однимъ *у*. Объ этомъ у насъ еще будетъ рѣчь ниже, въ § 18 и въ § 20, г.

1) Документальныя данныя раньше XV-го вѣка ничѣмъ не свидѣтельствуютъ о превращеніи *уо* въ *і*.

2) О замѣстительной долготѣ мы еще два раза будемъ говорить въ слѣдующей же главѣ (§ 18 и § 20), гдѣ приведемъ обширный рядъ примѣровъ изъ старинныхъ памятниковъ, освѣщающихъ исторію этого важнѣйшаго явленія малорусскаго языка, а въ приложеніи къ I-ой части нашей грамматики мы, кромѣ того, посвятимъ этому вопросу особую, спеціальную главу.

Глава четвертая.

(Продолженіе предыдущей).

II.

Вокализмъ XI вѣка и ближайшихъ столѣтій.

§ 16. Мы видѣли, что нынѣшній восточно-малорусскій строй согласныхъ звуковъ (консонантизмъ) мало въ чемъ существенно отдалился отъ кіевско-переяславско-черниговскаго консонантизма XI вѣка. Зато въ вокализмѣ, въ области гласныхъ звуковъ, многое къ нынѣшнему времени рѣзко измѣнилось: за девятьсотъ лѣтъ многія вокальныя черты кіевской рѣчи XI вѣка пріобрѣли въ своемъ развитіи другую звуковую окраску, а кое-что и совсѣмъ исчезло за этотъ долгій період.

Каковъ же былъ восточно-малорусскій (да, кстати, и западно-малорусскій) вокализмъ XI вѣка?

§ 17. ъ и ь.

а) Гласный, слоговой характеръ прежнихъ ъ и ь.

Прежде всего, мы должны въ рѣчи кіевлянъ, переяславцевъ и черниговцевъ XI в. (равно какъ и западныхъ южноруссовъ) отмѣтить существованіе глухихъ гласныхъ звуковъ ъ и ь („еръ“ и „ерь“)[1], которые теперь у насъ отсутствуютъ. На ихъ мѣстѣ мы теперь въ малорусскомъ языкѣ или имѣемъ чи-

---

[1]) Малоруссы называютъ ихъ „йор“ (=ъ) и „ер“ (=ь), или „їр“ (род. „еря“).

стые звуки *о* и *е*, или констатируемъ полное исчезновеніе всякаго гласнаго звука, тамъ, гдѣ прежде были гласные ъ и ь. Такъ, старокіевскимъ двухсложнымъ фонемамъ сънъ и мьчь соотвѣтствуютъ современныя кіевскія односложныя фонемы с*о*н и м*е*ч, въ которыхъ прояснились глухіе въ первомъ слогѣ и совсѣмъ исчезли во второмъ слогѣ. Замѣтимъ, что на мѣстѣ исчезнувшаго гласнаго слогового ь мы нерѣдко находимъ теперь кой-какой слѣдъ его, а именно находимъ мягкость предыдущаго согласнаго; таковы: дьнь = день, вьсь = весь.

Паденіе глухихъ (т.-е. или выпаденіе и отпаденіе ихъ, или проясненіе ихъ въ чистые звуки *о* и *е*) понемногу началось у нашихъ предковъ, какъ увидимъ ниже, тогда же, когда началось и ослабленіе звука и въ звукъ *й* [1]), т.-е. въ XII вѣкѣ. До XII-го же вѣка такія слова, какъ сънъ, дьнь, вьсь, мьчь, произносились въ два слога (а не въ одинъ, какъ у насъ теперь), тетъка произносилось въ три слога (а не въ два) и т. д., и произносились звуки ъ и ь особымъ своеобразнымъ глухимъ способомъ.

б) **Какъ произносились глухіе гласные ъ и ь?**

Какъ же именно выговаривались встарь у кіевлянъ глухіе гласные ъ и ь? И почему они называются „глухими“?

Сопоставленіе съ другими индоевропейскими языками [2]) показываетъ, что ъ восходитъ къ индоевропейскому короткому *у* (= ŭ), а ь — къ короткому *ĭ*. Судить о произношеніи короткаго u и

---

[1]) См. выше, § 15.

[2]) Языки индійцевъ, иранцевъ (персовъ), армянъ, албанъ, грековъ, латинянъ, кельтовъ, германцевъ, литовцевъ и славянъ родственны между собою и называются индоевропейскими, потому что занимаютъ географическое пространство отъ Индіи до Европы.

короткаго *і* мы отчасти можемъ и теперь недурно — на основаніи тѣхъ языковъ, въ которыхъ донынѣ существують и тонко отличаются эти звуки[1]); прислушавшись внимательно, мы констатируемъ, что эти короткіе гласные звуки произносятся очень не отчетливо, именно „глухо“, такъ что короткое *у* (=ŭ) колеблется въ своемъ произношеніи между *ü* и *ö*, а короткое *ĭ* колеблется между малор. *и* (даже *ы*) и между *е*,—иначе сказать: короткое *у* (=ŭ) направляется въ своемъ произношеніи отъ звука *у* въ сторону звука *о*, а короткое *і* направляется въ сторону звука *е*. Надо полагать, что такое же произношеніе (или подходящее къ такому же), имѣли глухіе гласные звуки ъ и ь въ устахъ кіевлянъ XI вѣка.

Грекамъ, правда, кіевскій ъ казался въ серединѣ словъ наиболѣе близкимъ къ греческому звуку *ου* (чит. „*у*“), а въ концѣ словъ они для него (въ виду его глухости и неударности) не находили сколько-нибудь подходящей греческой буквы [2]). И въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. мы встрѣчаемъ вм. „отъмьщение“ начертаніе: „отоумьще-

---

1) Напр., арабское слово, означающее „собирай!“ и заключающее въ себѣ короткій гласный звукъ *у*, звучитъ такъ, что не можетъ быть въ точности передано ни нѣмецкимъ написаніемъ lömm, ни нѣмецкимъ написаніемъ lümm, ни подавно черезъ lomm и lumm: въ немъ слышится особый средній звукъ, похожій и на *ö*, и на *ü*, отчасти и на *о* и на *у*. Слово, означающее „госпожа“ и содержащее въ себѣ короткій звукъ *ĭ*, не можетъ быть передано въ русскомъ начертаніи ни черезъ сытт и сэтт, ни черезъ ситт и сѣтт, а заключаетъ въ себѣ особый звукъ, средній между этими четырьмя.

2) У императора Константина Багрянороднаго X в. (род. 905, ум. 959), который въ своемъ сочиненіи „Объ управленіи государствомъ“ привелъ, между прочимъ, названія Днѣпровскихъ пороговъ, имя одного изъ пороговъ транскрибировано Νεσσουπή (= НЄ СЪПИ = не спи). Названіе другого порога НЄѦСЫТЪ Константинъ передаетъ черезъ Νεασήτ. На концѣ этого имени (нын. Ненасытецъ, муж. р.) былъ, вѣроятно, звукъ ъ, а не ь.

ние“ (л. 372, а). Но что ъ склонялся и въ сторону звука *о*, это мы видимъ изъ его способности переходить впослѣдствіи въ чистый звукъ *о*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, глухость звука ъ позволяла нашимъ предкамъ путать этотъ гласный звукъ съ чистымъ ы, особенно передъ слѣдующей гласной, и напр. вмѣсто „въ имени“ писать „вы имени“ (Изб. 1073 г., л. 239), вм. „въ искусѣ“—писать „вы искусѣ“ (л. 219), вмѣсто „отъ плодовъ ихъ“ — „отъ плодовы ихъ“ (л. 117); такъ же: „вы Иер[уса]лимѣ“ (л. 107, л. 255 об.), „вы имя“ (л. 246). Иногда букву ы вмѣсто ъ мы видимъ и не передъ слѣдующей гласной; такъ, въ томъ же кіевскомъ Изборникѣ 1073 года читаемъ: „сыказааше“ (л. 259, вм. „съказааше“), „сымѣриться“ (л. 231 об., вм. „съмѣриться“). Дочь Ярослава Мудраго, французская королева Анна, титулуя себя въ качествѣ регентши своего сына Филиппа I титуломъ „Anna regina“, подписывала этотъ свой титулъ буквами не латинскими, но славянскими, и въ дошедшей до насъ Филипповой грамотѣ 1067 г. мы видимъ, что неударный звукъ *е* (значитъ, вродѣ „ы“) въ словѣ „regina“ Анна Ярославна выражала буквою ъ.

Кіевское ь греки посильно передавали своею азбукою черезъ ε (чит. э) [1]. Хотя греческая буква ε есть

---

[1]) У того же Константина Багрянороднаго имя другого Днѣпровскаго порога транскрибировано Βερούτζη (чит. „вэруцї“). Имя это поясняется какъ Βράσμα νεροῦ (=„кипѣніе воды“). Очевидно, что Βερούτζη есть посильная греческая передача старокіевской причастной формы XI вѣка отъ глагола вьрѣти, съ причастной основой вьрѹч.—Что́ хотѣлъ выразить Константинъ Багрянородный черезъ букву η на концѣ своего начертанія Βερούτζη, нельзя съ точностью рѣшить. Ближе всего сюда подходила бы форма женскаго рода: вьрѹчи, но такъ-какъ прилагательныя названія пороговъ скорѣе должны быть мужескаго рода, чѣмъ женскаго, то возможно, что Βερούτζη есть одна изъ формъ старокіевскаго причастія XI в. мужескаго рода: вьрѹчь, и притомъ форма членная: вьрѹчьи (срв. имя города „Вручий“ временъ Игоря въ Начальной лѣтописи.

твердое *э*, но не должно быть сомнѣнія, что въ звукѣ ь, передаваемомъ у грековъ черезъ *ε*, слышалась и извѣстная мягкость, роднящая его съ *ί*: будь звукъ ь просто твердое греческое *ε* (*э*),—не могъ бы онъ впослѣдствіи, исчезая, часто оставлять послѣ себя особый слѣдъ въ видѣ мягкости предыдущаго согласнаго звука (срв. весь изъ вьсь); да иногда въ нашихъ старѣйшихъ памятникахъ такъ и пишется вмѣсто ь буква и [1]).

Западные филологи, когда условно передаютъ старинные ъ и ь при помощи латинской азбуки, пишутъ вмѣсто ъ латинскую букву *й*, а вмѣсто ь—латинскую букву *ĭ*, и такимъ образомъ кіевское дьнь XI вѣка они выражаютъ черезъ dĭnĭ, вьсь—черезъ vĭsĭ,

---

[1]) Въ кіевскомъ Изборникѣ 1073 года есть написанія: „различинъ“ (л. 20 об.) и „неразличинъ“ (л. 21), „четвьрноженаахъ“ (л. 169 = ἐν τοῖς τετράποσι), язвина (л. 53), скрьбиный (л. 182), своитинуумy (л. 228 об.); а въ кіевскомъ Изборникѣ 1076 года: нехарактерное „пияничива“ (л. 268, об.), и „неприязнино“ (л. 239, об.). Что и у великоруссовъ звукъ ь склонялся къ *i*, видно изъ того обстоятельства, что аналогичныя написанія находимъ мы и въ не кіевскихъ памятникахъ XI вѣка: виси (=вьси)—въ новгородскомъ Остромировомъ Евангеліи 1056 г. (Луки, I, 21); въ новгородскихъ Пандектахъ Антіоха XI вѣка: пияничивъ (л. 16), пияничиву (л. 274),—чему въ болѣе позднихъ спискахъ этого же сочиненія соотвѣтствуетъ въ данномъ мѣстѣ начертаніе „пиянчивъ“. У зап. малоруссовъ—такое же „пияничивъ“ находимъ мы въ „Словахъ Григорія Богослова“ XI вѣка (л. 206),—памятникѣ, гдѣ и вмѣсто „чьсти“ пишется „чисти“ (=τιμῆς, л. 138) и вмѣсто „нощьную“ пишется „нощиную“ (л. 3), и вмѣсто „цьркъвь“ пишется „цирк҃вь“ (л. 255).—Можно, конечно, думать, что не во всѣхъ вышеприведенныхъ начертаніяхъ мы имѣемъ дѣло съ чисто фонетическимъ смѣшеніемъ звуковъ ь и и: въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., въ прилагательномъ „пияничивъ“ при обычной формѣ „пияньчивъ“ мы имѣемъ дѣло со смѣшеніемъ родственныхъ суффиксовъ („ьц“ и „иц“), въ другихъ случаяхъ—со смѣшеніемъ суффиксовъ „ьн“ и „ин“, и пр.); однако жъ и самое-то смѣшеніе родственныхъ суффиксовъ облегчалось близостью звука ь къ звуку и.

сънъ черезъ sŭnй, тетъка черезъ tetŭka, и т. д. Но это лишь условная транскрипція, не дающая сама по себѣ точнаго понятія о звуковомъ оттѣнкѣ старокіевскихъ гласныхъ ъ и ь XI вѣка.

в) Паденіе глухихъ гласныхъ.

До какихъ поръ существовали у насъ глухіе?

Такъ какъ кіевскіе Изборники Святослава 1073 и 1076 года, обильно нарушая правила церковнославянской орѳографіи (напр., путая юсы и т. п.), употребляютъ однако буквы ъ и ь въ общемъ вполнѣ правильно-этимологически—то отсюда надо заключить, что до конца XI вѣка глухіе гласные ъ и ь существовали въ Кіевѣ въ полной сохранности, въ видѣ глухозвучащихъ и притомъ слоговыхъ звуковъ. Лишь оттого писцамъ не трудно было, одновременно нарушая церковно-славянское правописаніе въ другихъ пунктахъ, соблюдать въ этомъ пунктѣ (въ глухихъ ъ и ь) правильное книжное правописаніе: ясно, что оно въ общемъ совпадало съ данными ихъ живой родной рѣчи.

Въ XII вѣкѣ, когда въ письменныхъ памятникахъ мы начинаемъ находить постепенное смѣшеніе буквы ъ съ буквою о и буквы ь съ буквою є или полный пропускъ буквъ ъ и ь, мы должны видѣть эпоху, въ которую очень медленно началось вышеупомянутое т. н. „паденіе глухихъ“: съ этихъ поръ глухіе гласные ъ и ь въ иныхъ случаяхъ понемногу пріобрѣтаютъ такое же чистое произношеніе, какое было у звуковъ о и є, а въ другихъ случаяхъ выпадаютъ или — (въ концѣ словъ) — отпадаютъ. Лишь въ очень небольшомъ количествѣ словъ мы вправѣ предположить паденіе глухихъ звуковъ еще въ XI вѣкѣ [1]).

---

[1]) Академикъ Ѳ. Е. Коршъ въ своемъ изслѣдованіи о ритмикѣ „Слово о Полку Игоревѣ“ приходитъ къ заключенію, что исчез-

Не у всѣхъ южноруссовъ этотъ процессъ паденія глухихъ шелъ одинаковымъ темпомъ.

У западныхъ малоруссовъ онъ пошелъ довольно быстро, такъ что въ говорахъ Галичины къ XV вѣку почти совсѣмъ закончился, если не считать архаичныхъ говоровъ. Впрочемъ, и въ XV вѣкѣ слоговую сохранность глухихъ гласныхъ можно иногда бываетъ уловить у западныхъ малоруссовъ даже въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Львовъ. Поучителенъ львовскій вексель 1421 г. (=Голов. № 32, стр. 36) съ его начертаніями: „панъ Мошонъчьчи" (=Мошонъчичь), „сеси листъ" (=сесь листъ), „Матыки Б[о]жьѣ" (=Матьки), „Вас[ь]ко не далы" (=не далъ); срв. тамъ же слоговую сохранность и послѣ гласныхъ, выразившуюся въ употребленіи буквы ѣ: „панъ Котлиньскиѣ", судья Лвъвскиѣ", „панъ Миколаѣ Мильчиньскиѣ"; срв. еще „третиѣ д[ь]ни" (=3-ій день). Возможно, конечно, что вексель писанъ былъ не природнымъ львовскимъ горожаниномъ, но провинціаломъ, въ архаичной рѣчи котораго слоговые глухіе гласные звуки держались подольше. Вполнѣ также естественно, что и въ отдаленныхъ горахъ Буковины гласные ъ и ь были въ XV в. довольно еще цѣлы, и на буковинскихъ грамотахъ это сказывается рельефно. Такъ, въ господарскомъ договорѣ 1435 г. (=Улян. № 38, стр. 43) есть: „с ниму" (=с нимъ). Въ договорѣ 1442 г. (=Улян. № 53, а, стр. 59) написано: „съ королемъ вгорскимъ" (=угорскимъ); начальное *у* въ „угорскимъ" не могло бы сократиться въ *в*, если бы конечный звукъ въ словѣ „королемъ" не былъ гла-

---

новеніе глухихъ стало происходить сперва внутри словъ, а ужъ потомъ въ концѣ словъ, такъ что, напримѣръ, въ словѣ „правьда" глухой звукъ исчезъ раньше, чѣмъ въ словѣ „правъ". Мы вполнѣ раздѣляемъ это воззрѣніе, какъ совпадающее и съ общей картиной развитія малорусскаго языка, и съ фактическими данными старокіевскихъ памятниковъ.

сным. Имя «Львовъ» сплошь да рядомъ пишется буковинцами XV вѣка «*Ли*вовъ». Срв. въ господарской присягѣ 1436 г. (= Улян. № 45, стр. 50): «писано въ *Ли*вовѣ» (и тутъ же: «у Львовы» = въ Львовѣ);—въ договорѣ 1444 г. (Улян. № 58, стр. 63): «староста *Ли*вовскы[и]», «хору[н]жіи *Ли*вовскы[и]» (стр. 64);—въ договорѣ 1452 г.: «Кмита, панъ *Ли*вовскій» (= Улян. № 72, стр. 79); — въ договорѣ 1462 г. (= Улян № 92, стр. 102): «передъ паномъ *Ли*вовскимъ Станиславомъ». Въ общемъ однако можно быть увѣрену, что для большинства зап. малоруссовъ XV вѣка глухіе гласные ужъ совсѣмъ не существовали: они или исчезли, или обратились въ чистые *о* и *е*. Исключеніе составляютъ лишь коекакіе отдѣльные говоры [1]).

Но у малоруссовъ восточныхъ,—лѣтописныхъ кіевлянъ, переяславцевъ и черниговцевъ, — паденіе глухихъ послѣ XII вѣка совершалось съ крайней медлительностью [2]), и даже въ XVII вѣкѣ едва ли во всей

[1]) Донынѣ существуютъ горные галицкіе говоры, гдѣ, напримѣръ, старинному „съ лѣсъмъ“ (относительно мъ вм. мь см. стр. 107) соотвѣтствуетъ выговоръ „з лїсомы“ (=„з лїсом“), старинному плодъ соотвѣтствуетъ выговоръ, близкій къ „плі́ды“ (=„плід“), и т. п.—Въ чешской записи малорусской галицкой пѣсни XVI вѣка (1571), свидѣтельствующей уже о потерѣ глухихъ въ томъ нарѣчіи, мы видимъ одинъ случай сохранности глухого ь: „dyvon*i*ce!“ (=дївоньце! дївоньцьо!). Сохранность глухого въ данномъ словѣ вызвана была, очевидно, потребностью метрическою. Въ галицкомъ Словѣ Меѳодія Патарскаго XVII в., принадлежащемъ Ив. Франку, попадаются начертанія вродѣ: „ФилипѴ Македонин“ (вм. „Филипъ“). См. „Пам'ятки українсько-руськоі мови і лїтератури“, т. IV, стр. 275.

[2]) Между прочимъ, изслѣдованіе ритмики „Слова о Полку Игоревѣ“, произведенное высшимъ европейскимъ авторитетомъ въ этой области акад. Ѳ. Е. Коршемъ, обнаруживаетъ передъ нами картину чрезвычайной сохранности глухихъ звуковъ въ устахъ черниговца (или, быть можетъ, кіевлянина), составившаго „Слово о Полку Игоревѣ“ (въ концѣ XII вѣка).

восточной Украинѣ исчезли глухіе: въ нѣкоторыхъ болѣе архаичныхъ восточно-малорусскихъ говорахъ они могли еще существовать [1]). Между тѣмъ главныя судьбы малорусскаго языка связаны именно съ исторіей паденія глухихъ звуковъ, — и понятно такимъ образомъ, что неодновременность въ ихъ паденіи должна была наложить очень существенныя фонетическія отличія между нарѣчіемъ западно малорусскимъ (особенно Галичины) и нарѣчіемъ восточно-малорусскимъ (особенно Кіевщины съ Черниговщиною [2]).

---

[1]) Въ кіевскомъ помянникѣ Михайловскаго монастыря конца XVI—нач. XVII вѣка мы встрѣчаемся съ начертаніями вродѣ „Георьгія“ (л. 40, = Георьгия), гдѣ слоговая сохранность звука ь поддерживалась, очевидно, присутствіемъ плавнаго звука р. Долго не исчезавшая слоговая сохранность вост.-мр. звука ь по сосѣдству съ плавными, или съ м, сказывается и въ польско-латинской транскрипціи восточно-украинскихъ именъ. Возьмемъ напр., поселеніе въ южной Кіевщинѣ „Мьглѣевъ“ (нын. мѣстечко „Мліїв“ Кіев. губ.). Въ польской жалованной грамотѣ 1499 г. вел. кн. Александра, выданной Гриньку Васькевичу на имѣнія въ Звенигородщинѣ и Черкащинѣ, имя это передано черезъ „Mihljewo“ (= Антон. и Козл. №13, ст. 33). Въ подтвердительной грам. 1533 г. короля Сигизмунда I оно пишется „Mihliowo“, или, въ муж. р.: „Michliów“; то же—въ его польской грамотѣ 1540 г.: „Mihlijewo“ (= Ант. и Коз. № 23, стр. 44). Съ буквою *i* фигурируетъ это имя и въ грам. 1562 г. Сигизмунда-Августа: „Michlijewo“ (=Ант. и Козлов. № 41, стр. 90). Только въ судебномъ Люблинскомъ актѣ 1602 г., въ копіи съ жалованно-королевскаго указа 1533 г. (въ которомъ, какъ упомянуто, послѣ *M* стояла буква *i*), мы видимъ данное имя уже безъ буквы *i*,—просто: „*Mch*liewo“. „*Mch*lijewo“ (=Ант. и Козл. № 31, стр. 62). На картѣ Кіевщины Боплана (1-й пол. XVII в.) пишется это имя „Mliow“ (ужъ и безъ h). Если даже въ южной Кіевщинѣ (гдѣ лежитъ Мьглѣевъ и гдѣ рѣчь развивалась болѣе быстрымъ темпомъ) гласный слоговой характеръ звука ь не исчезалъ до XVII в., то тѣмъ менѣе могъ онъ исчезать въ Кіевщинѣ сѣверной, съ ея архаичнымъ консерватизмомъ.

[2]) Между прочимъ, съ одной стороны—изрядная зап.-мр. склонность обращать конечные звонкіе согласные въ незвонкіе (т. е.

г) Слѣдствія паденія глухихъ въ области консонантизма и вокализма. Замѣстительное удлиненіе гласныхъ о и є.

α) Однимъ изъ важныхъ послѣдствій изчезновенія гласныхъ ъ и ь было то, что многіе согласные, прежде разъединенные въ какомъ-нибудь словѣ слоговыми гласными звуками ъ и ь, оказались послѣ XII вѣка въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ и, подъ вліяніемъ соприкосновенія, стали измѣняться. Напр., двусложное мѣстоименіе «къто», обратившись въ односложное «кто», вскорѣ перешло въ «*х*то»; мѣстоименіе «чьто», обратившись въ «что», перешло въ «*ш*то», а въ XVI вѣкѣ изъ «што» образовалось нынѣшнее «*щ*о». (См. подробную исторію звуковой формы этихъ обоихъ мѣстоименій во II ч. «Украинской грамматики», § 13). Или вотъ другой примѣръ: двусложныя сочетанія ньа, тьа, льа и т. п., сперва превратившись, послѣ паденія гласности звука ь, въ односложные слоги нья, тья, лья, — перешли ок. XIV в. въ нынѣшнія ння, ття, лля и пр. (срв. весі*лл*я=свадьба) [1]. И вообще въ области согласныхъ произошла послѣ паденія глухихъ масса новыхъ явленій.

β) Но самымъ главнымъ послѣдствіемъ паденія глухихъ оказалась у малоруссовъ замѣстительная долгота тѣхъ чистыхъ звуковъ о и є, которые находились передъ слогами, прежде содержавшими въ себѣ гласные (тогда слоговые, конечно) глухіе звуки ъ и ь, а потомъ съ XII вѣка начавшими совсѣмъ терять въ себѣ всякій гласный звукъ. Суть

произноситъ, напр., „ді*т*" вм. „д*ід*", „ло*п*" вм. „ло*б*" и т. п., а съ другой стороны—вост.-мр. упорная звонкость въ произношеніи этихъ изглащаемыхъ согласныхъ—естественнѣе всего объясняется тѣмъ, что во многихъ зап.-мр. говорахъ конечный гласный звукъ ъ въ словахъ „дѣдъ", „лобъ" и др. безслѣдно исчезъ раньше, чѣмъ въ говорахъ восточно-малорусскихъ.

[1]) Удвоеніе такихъ согласныхъ констатируется въ буковинско-волошскомъ Евангеліи Верковича XIV вѣка и въ буковинскихъ грамотахъ почти того же времени.

замѣстительной долготы нами вкратцѣ была указана выше (стр. 128—129), когда мы говорили объ ослабленіи (послѣ гласныхъ) звука н въ звукъ й, и здѣсь, намъ остается развѣ повторить то, что ужъ выше сказано [1]. Въ какомъ-нибудь, положимъ, словѣ долъ или конь, понемногу обращавшемся послѣ XII вѣка изъ слова двусложнаго въ слово односложное, вся произносительная энергія, которая прежде поровну разбивалась между двумя слогами (до+лъ, ко+нь), отнынѣ (послѣ XII вѣка) стремилась сосредоточиваться на томъ единственномъ слогѣ, гдѣ вполнѣ уцѣлѣлъ гласный звукъ (именно звукъ о въ до и ко), и этотъ звукъ сталъ произносятся съ бо́льшимъ усиленіемъ, съ удлиненіемъ: послышались въ XIII вѣкѣ фонемы д*оо*лъ и к*оо*нь, или близкія къ нимъ, а онѣ, въ свою очередь, черезъ стадію другихъ дифтонговъ (уо, уэ, у́ы, уы́, уи́), постепенно обратились ок. XV вѣка въ д*і*л и к*і*нь. Равнымъ образомъ трехсложное слово XI—XII вѣка камень обращаясь послѣ XII вѣка въ двусложное, стало звучать камеень [2]), откуда ка́мі*эн*ь и наконецъ (въ XIV вѣкѣ)—ка́м*і*нь.

Что касается чистыхъ звуковъ о и є и ихъ качества въ рѣчи нашихъ предковъ-кіевлянъ XI вѣка, то изъ этихъ двухъ звуковъ только первый (о) вполнѣ соотвѣтствовалъ своимъ тогдашнимъ произношеніемъ нынѣшнему надднѣпрянскому произношенію XX вѣка.

§ 18. о.

§ 18, а). Главныя особенности звука о въ XI в.

Это былъ, какъ и теперь, въ своей сути чистѣйшій звукъ *о*, безъ а́канья, равно какъ и безъ противоположной склонности къ *у*.

[1] Подробно же см. объ этомъ ниже, въ отдѣлѣ звуковъ о и § 18, б и § 20, г; тамъ въ изобиліи и историческіе примѣры.

[2] Точнѣе см. ниже § 20, *а* и *г*.

Онъ однако былъ способенъ, какъ и теперь въ Кіевщинѣ, подвергаться воздѣйствію сосѣднихъ гласныхъ звуковъ а и оу (ю) [1] и, въ такихъ условіяхъ, или расширяться или съуживаться. И подобно тому, какъ теперешній восточный малоруссъ произноситъ б*а*гáтий (изъ богатый) [2] и почти дівчин*у*ю (изъ дѣвъчиною) [3], имѣлъ и кіевлянинъ XI вѣка тѣ же двѣ склонности [4]).

Но во всѣхъ прочихъ положеніяхъ (т.-е. внѣ сосѣдства съ а и съ оу) онъ, подобно нынѣшнему своему потомку, произносилъ звукъ о какъ самое отчетливое *о*, подъ удареніемъ ли былъ тотъ звукъ, или не подъ удареніемъ.

б) § 18. bis: **История перехода** *ô* въ *і*.

Наиболѣе сильное для уха отличіе между звукомъ о XI-го вѣка и между его нынѣшнимъ рефлексомъ XX вѣка мы ощущаемъ тогда, когда въ соотвѣтствіе старинному звуку о слышимъ теперь звукъ *і*, физіологически вовсе не сродный съ *о*; срв. старинное «бобъ» — и нынѣшнее «б*і*б», старинное «овьця» — и нынѣшнее «в*і*вця́». Мы уже имѣли два раза случай отмѣтить (стр. 128—129 и 139—140), что возникло такое *і* въ силу потребности замѣстительно усилить и продлить односложный звукъ о въ положеніи передъ исчезающими глухими гласными ъ и ь («б*ô*бъ», «*ô*вьця») или передъ ослабѣвающимъ и («м*ô*й»), и что переходъ отъ стараго звука о къ нынѣшнему звуку *і* совершился черезъ цѣлую серію дифтонговъ (б*оо*бъ, бу*ô*бъ, бýобъ, бýыбъ, б*уы*бъ, и пр., «б*і*б»). И говорили мы объ этомъ не далѣе, какъ въ предыдущемъ § 17-мъ. Съ полной наглядностью можно этотъ дифтонгическій процессъ, со всѣми его многочисленными оттѣнками, донынѣ прослѣдить на живыхъ сѣверно-

[1]) Гласный звукъ ъ тоже звучалъ нѣсколько близко къ *у*.
[2]) См. § 33, стр. 241 и слѣд.
[3]) См. § 54 и слѣд.
[4]) Примѣры, извлеченные изъ кіевскихъ Изборниковъ Святослава XI в. и изъ другихъ памятниковъ, приведены на стр. 245 и въ § 55.

малорусскихъ архаичныхъ говорахъ. А теперь, для исторіи языка, намъ остается привлечь сюда изъ старинныхъ памятниковъ XIII — XVI вв. кое-какіе начертанія, хронологически освѣщающія эту необыкновенно важную и типичную черту малорусскаго языка.

§ 18, ier. Итакъ, съ какихъ поръ и въ какихъ формахъ на письмѣ прокрадывалось и сказывалось живое двугласное произношеніе звука ô?

α) Отсутствіе особаго обозначенія для ô.

Такъ-какъ свою письменную рѣчь наши предки старались по возможности пріурочить къ священной церковнославянской и сознательно старались затушевывать свои родныя особенности, то въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ старинные малорусскіе памятники XIII — XVIII в., т.-е. до нарожденія чистой новомалорусской литературы, ровно ничѣмъ не выражали на письмѣ того обстоятельства, что въ живой рѣчи писцовъ, — напр., въ какомъ-нибудь словѣ «бôбъ»,—слышалось уже не прежнее монофтонгическое о, а слышался звукъ другой (напримѣръ, удлиненное ō, или дифтонгъ *уо*, или *у э*, *уи*, или наконецъ монофтонгъ *і*);—повинуясь ороографической традиціи, писцы въ большинствѣ случаевъ писали прямо «бобъ», съ одной буквою о, да и только. Тѣмъ не менѣе и въ этихъ случаяхъ, при умышленномъ ороографическомъ соблюденіи одной лишь буквы о, живое произношеніе малорусскихъ писцовъ иногда невольно выдавало себя даже при написаніи одной этой буквы. Дѣло въ томъ, что, стараясь бороться со своимъ живымъ дифтонгическимъ выговоромъ и усердно силясь употреблять на письмѣ единую, монофтонгическую букву о въ тѣхъ словахъ или формахъ, въ которыхъ живая малорусская рѣчь имѣла ō удлиненное или дифтонгъ *уо*, — старомалорусскіе писцы могли по временамъ переусердствовать и попасть въ просакъ: именно, переусердствовавши они иногда ограничивались одной буквой о также въ тѣхъ словахъ или формахъ, въ которыхъ даже по этимологіи требо-

валось писать не одну букву о, но двѣ буквы о + о или въ+о (или во+о). Такъ, южногалицкій поповичъ Евсевій въ своемъ Евангеліи 1283 г. писалъ: «Яко азъ ѡ[ть]ци — о[ть]ць во мнѣ» (л. 24, β), «Вѣру нѣте мнѣ, яко азъ о[ть]ци, и о[ть]ць во мнѣ» (тоже, л. 24, β), «Яко азъ о[ть]ци моемь — и вы во мнѣ» (л. 24 об., β). Мы ждали бы, что въ этихъ текстахъ поповичъ Евсевій напишетъ каноническое «*въ* отьци», или «*во* отьци», а онъ этого не сдѣлалъ, потому-что, очевидно, привыкъ каждое свое разговорное воо (или ^{в}уо) или иной дифтонгъ выражать на письмѣ через одну букву о.

β) Воспроизводилась ли замѣстительная долгота начертаніемъ оо?

Очень естественно было бы ждать, что по примѣру старинныхъ поляковъ (писавшихъ «B*oo*g»=соврем. «B*ó*g» и т. д.) старинные малоруссы тоже будутъ иногда невольно примѣнять написаніе двойной буквы оо, когда это будетъ имъ подсказано ихъ живымъ произношеніемъ. Но этого не случилось. Правда, есть единственный случай какъ будто подходящаго сюда начертанія, именно въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г.: «Азъ есмь пастырь добрыи, д[у]шю свою полагаю за воовьцѧ» (л. 150 об.; [1]),—срв. соврем. «за вівці»=за овецъ). Въ виду того, что типичная украинская фонема «вівця» (=овца) возникла изъ «овьця» путемъ стадій «в*оо*вця», «в*уо*вця, «в*уы*вця» и т. д. (а это видно изъ показаній даже нынѣшнихъ архаичныхъ сѣв.-мр. говоровъ), было бы очень соблазнительно для историка мр.

---

[1]) Начертаніе это (съ оо) фигурируетъ въ Гал. Ев-іи 1266—1301 г. лишь одинъ разъ. Въ дальнѣйшемъ контекстѣ (л. 150 об.) мы читаемъ: „а наимникъ, иже нѣсть пастырь, ему же не суть в*о*вця—своя“ и т. д.,—уже съ однимъ *о*, хотя въ то же время со вполнѣ простонароднымъ начальнымъ призвукомъ в. (Въ дальнѣйшихъ строкахъ слово это попадается еще пять разъ, но всякій разъ пишется уже просто овьцѧ даже безъ начальнаго в).

языка думать, что начертаніемъ «вооовьця» писець Гал. Ев-ія 1266—1301 г. отразилъ живое малорусское произношеніе XIII вѣка. Къ сожалѣнію, едва ли церковное начертаніе Гал. Ев-ія 1266—1301 г. стоитъ въ какой бы то ни было связи съ народной галицко-малорусской фонетикой XIII вѣка. Мы, правда, не имѣемъ ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться, что малоруссы XIII вѣка дѣйствительно произносили въ своей живой рѣчи «вооовьця» или какъ-нибудь удлиненно въ этомъ родѣ; но мы очень должны сомнѣваться, чтобы **церковное** начертаніе «вооовьця» являлось безусловно ничѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ живого мр. произношенія переписчика. Въ церковныхъ рукописяхъ (евангеліяхъ и т. п.) **всѣхъ** православныхъ славянъ (съ XI вѣка) замѣчается употребленіе двойныхъ гласныхъ буквъ аа, ꙑꙑ, ии, оо, ьь и др. (вмѣсто а, ꙑ, и, о, ь и др.), которое обусловливалось соображеніями, ничего общаго не имѣвшими съ малорусскимъ возмѣстительнымъ удлиненіемъ [1]).

Обильный рядъ примѣровъ, извлеченныхъ изъ памятниковъ XI — XVI вв., см. у меня въ „**Крітеріях**", стр. 6—10. Мимоходомъ прошу тамъ поправить на стр. 8-ой ошибку, въ которую я былъ вовлеченъ невѣрной цитатой г. Соболевскаго (срв. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1897, май, стр. 58), а именно выписку изъ Изборника Святослава 1073 г. надо читать: „жрьньв*аа*хъ" (л. 212); прошу также читать: „бѣл*аа*хъ ризахъ" (л. 260 об.).—Приведенный въ „Крітеріях" рядъ примѣровъ можно значительно дополнить. Такъ, въ церк.-слав. **Синайской Псалтири** (Гейтлеровой) (ок. XI в.) есть: „законопрѣст*ѫ*пьн*ии*ці" (7), „р*аа*здѣлішѧ" (41), Ас*аа*фовъ" (104), „льст*ii*вi" (116), „по милост*ii* твоеі" (255). Въ кіевскомъ **Изборникѣ Святослава** 1073 г. можно (сверхъ десятка начертаній, приведенныхъ въ „Крітеріях") указать еще: „*аа*ко" (л. 9), „*аа*ште" (л. 151), „г*аа*дама" (л. 209), „нарекош*аа*" (л. 158 об.), „алкаш*аа*" (л. 186 об.), „придош*аа*" (л. 242 об.), „жрьтв*аа*хъ" (л. 207), „четвьрножин*аа*хъ" (л. 171 об.), „умьвен*аа*ма рук*аа*ма"

---

[1]) См. „Крітерії", стр. 10—11.

(л. 193 об.), „многаамъ винамъ“ (л. 209), „мълъчаащу“ (л. 33 об.), „слышаашатаго“ (л. 221 об.), „вьстааплясть“ (л. 153 об.); въ иностранныхъ словахъ: „Валааку“ (л. 145 об.), „Ахааву“ (л. 163 об.), „Исааву“ (л. 165 об.), „Адаамъ“ (л. 175 об.), „отъ Адаама“ (л. 254 об.), „февраара“ (л. 2 1), „Куриила“ (л. 5; 23 об.; 34 об.; 37 об.), „Корнииилю“ (л. 35 об.), „вь „Иерусалииме“ (л. 256 об.), „Сосиипатръ“ (л. 263), „Трофиимъ“ (л. 263 об.); далѣе—„отълучиимъ“ (л. 184 об.), „смотрииимъ“ (л. 247), „подъ ниимь“ (л. 184 об.), „на ниихъ“ (л. 207), „нашиимь“ (л 60), „нашиихъ“ (л. 221 об.), „въ скрьбиихъ“ (л. 161 об.), „дьниихъ“ (л. 165), „мѣсяциихъ“ (л. 251) и др. Въ Путятиной Минеѣ XI в.: „въ цр[ь]кваахъ“ (л. 41), „въ пеленаахь (л. 96), „обновление нааше“ (л. 122 об.). Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. (сверхъ того, что указано въ „Крітеріях“): „на аспиду и василииска“ (л. 104 а), „Наадава“ (л. 218, d, Ναδάβ), „Исуса Наугиина“ (л. 359 d). Въ среднеболгарской Тріоди Григоровича XII в. (см. у Срезневскаго: „Древн. слав. пам. юсоваго письма“, СПБ. 1868): „Вараавѫ, Пилаатъ (стр. 333), „истѧзаавъ, отвѣщаавъ, поръгаавъ“ (119), „отвѣщаавъше“ (334), „слышаавъше“ (337), „мѣтаашѧ“ (336) и т. п. Въ Типографскомъ Евангеліи XII в. № 7 (Синод. Типогр.): „Хриистоса“ (л. 1), „ищете м[е]не убитии“ (л. 20 об.), „имении моего“ (л. 138 об.). Въ Типографской Тріоди XII—XIII в. № 254: „причтии“ (л. 3), „по твоеи м[и]лостии“ (л. 4 об.), „сътвории“ (л. 6 об. и др.). Въ сербскомъ Синаксарѣ 1330 г. (опис. у Ламанскаго: „О нѣкоторыхъ слав. рукоп.“, стр. 19—35): „таако“ (л. 72), „паасы стадо“ (л. 117), „слышаавьше“ (л. 85, л. 147 об.), „сь“ „ть“ (очень часто). Въ Кіево-Лаврскомъ Евангеліи ок. 1370 г.: „влаазяше“ (л. 11), „народии мнози“ (л. 27 об.), „помыслии“ (л. 67;=им. мн.), „три днии“ (л. 67 об.;=им. мн.), „хотяше убитии Ивана“ (л. 42 об.), „равьвии!“ (л. 128 об.); отчасти срв. еще ыи вм. ы: „отвѣтъ дамыи“ (л. 1 об.), „якоже вѣмыи“ (л. 4), „Иродьядыи“ (л. 42 об.), „возмемъ хлѣбыи“ (л. 49). Въ болгарскомъ Евангеліи XV в. кіевск. Духовн. Акад. (опис. Крыжанов., 153): „что мя гл[аго]леши благаа?“ (л. 51 об.; л. 199 об.), род ед.: „подобнаа времене“ (л. 72), „д[у]ха с[вя]таа“ (л. 142), „его же обрѣщеть творящаа тако“ (л. 184). Въ Галич. гр. 1418 г. (=Гол. № 31, стр. 35): „што виинѣ суть“. Въ буковинской господарской грамотѣ 1444 г. (=Улян. № 59, стр.65): „щобы не порушилъ

нашего *зaa*пису". Въ Евангеліи изъ Лубенщины XV—XVI в. (кіев. Церк. Археол. Муз. № 296): „*знaa*ли" (л. 298=Крыж. 165). Въ волын. Пересопницкомъ Ев. 1561 г.: „*аа*льчущихъ" (27). Въ Евангеліи изъ Полтавщины 1570 г.: (кіев. Церк.-Археол. Муз. № 452): „Вар*аа*вва" (л. 129 об. и др. =Крыж. 204), „слыш*аа*ти" (л. 39 об.), „слыш*аа*й (л. 168), „Рах*ии*ль" (л. 16), им. мн. „лицемѣр*іи*" (л. 45, вм. „лицемѣри") и мн. др. (срв. Крыж. 206—207). Въ Кіево-Михайловскомъ Евангеліи XVI в. № 1637: „*аа*гг[е]лы" (л. 58 об.), срв. еще „въз*аа*лка" (л. 49: л. 62; л. 138). Въ галицкомъ Язловецкомъ Евангеліи XVI в. церк. житомирскаго Музея: „*Заа*ра", „Ар*аа*мъ", „Ар*аа*ма", „въ Р*аа*мѣ" и т. п. (срв. „Волын. Епарх. Вѣд." 1895, № 10, стр. 378). Въ судебномъ Луцкомъ актѣ 1596 г. (изд. въ „Русск. Бесѣдѣ" 1857, III, стр. 47): „нихъто прич*іи*ною не есть". Почти всѣ примѣры—церковные.

Въ частности, двойное ꙭ вм. о (все равно, какъ и всякая другая двойная буква вмѣсто одной) попадается и въ тѣхъ церковныхъ рукописяхъ (XI-го в. и слѣд.), переписчиками которыхъ бывали и не малоруссы, а сербы, болгары, великоруссы и прочіе православные [1]). Да если мы ограничимся однѣми лишь тѣми рукописями XI—XV в., переписчиками которыхъ были несомнѣннѣйшіе малоруссы, то увидимъ, что и въ нихъ двойная буква ꙭ обычно примѣняется какъ разъ въ такихъ начертаніяхъ, при анализѣ которыхъне можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо замѣстительномъ удлиненіи,— напр., въ начертаніяхъ: «кꙭли», «Бꙭгу», «чьтꙭ» и т. п.

Отъ излишняго довѣрія къ малорусскому происхожденію церковнаго начертанія «вꙭвьця» Галицкаго Ев-ія

---

1) Къ многочисленнымъ выпискамъ на ꙭ, приведеннымъ у меня въ „Крітеріях" (стр. 6—8), добавлю три: изъ кіевскаго Изборника 1073 г.: „Маркинов*оо*му" (л. 246), изъ февральской Четьи-Минеи XV в. (моск. Дух. Акад. № 584): „гл[агол]авш*оо*му" (л. 351) и изъ серб. Ев. XIV в. Раевскаго (Кіев. церк.-Арх. Муз.): „слов*оо*" (л. 8), „безь*оо*чьство" (л. 75 об.), „*оо*чи" (часто). Отчасти (косвенно) подходятъ сюда начертанія—въ Лаврент. лѣтописи XIV в.: „Г*оо*ргии" (113), „Ѳ*оо*досья" (272); и въ Евангеліи изъ Полтавщины 1570 г. (кіев. Церк.-Арх. Муз. № 452): „*обоо*нь п[о]лъ" (л. 111 об.).

1266—1301 г. могла бы, пожалуй, предостеречь если не всѣхъ, то хоть кое-кого, графика даже этого самаго Галицкаго евангелія, и вотъ какимъ образомъ. Было у малорусскихъ предковъ XI вѣка прилагательное овьчии (означавшее «овечій»). Въ дѣлѣ звукового развитія этого слова малорусскій языкъ прояснилъ глухое ь въ чистый (и притомъ въ ударный) звукъ є,—и это прилагательное приняло у малоруссовъ звуковую форму: «*овéчий*»; иначе сказать: начальный звукъ о остался въ этомъ словѣ неизмѣннымъ, неудлиненнымъ (да и не могъ онъ не остаться такимъ, разъ въ слѣдующемъ слогѣ гласная уцѣлѣла и не пала). Такъ что у малоруссовъ нѣтъ фонемы: «в*і*вчий», или «в*уо*вчий», и нельзя для стариннаго періода предположить существованіе предварительной фонемы «*воо*вчий» (въ смыслѣ овечій). Между тѣмъ въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г. какъ будто есть начертаніе «воовьчий» (на л. 30 об.): по крайней мѣрѣ нѣкоторые считаютъ возможнымъ прочитать въ Гал. Ев-іи именно это [1]). А такъ-какъ начертаніе «воовьчии»

[1]) Я умышленно употребляю оговорку: „как ъ будто есть“, потому что контекстъ даннаго мѣста Гал. Ев-ія (л. 30 об., отъ Матѳея, VII. 15) порядочно искаженъ. Мы предполагали бы здѣсь вотъ какое чтеніе: „блюдѣтеся от[ъ] лъжихъ пророкъ, иже приходять къ вамъ *во* одежахъ *во* овчихъ, утрьуду же суть волъци хытающеи“. Между тѣмъ писецъ вмѣсто „*во* одежахъ *во* овчихъ“ (съ повтореннымъ предлогомъ *во*) написалъ „ѻ҃ одежахъ воовчихъ“ т. е. вмѣсто во (или вмѣсто вульгарнаго оу҆) написалъ ѻ҃, причемъ (какъ это всегда водится въ старыхъ рукописяхъ) нѣтъ возможности отличить, раздѣльно ли или слитно со слѣдующимъ словомъ— написаны предлоги. Г. Соболевскій въ своихъ „Очеркахъ“ (см. на стр. 24, а съ искаженіемъ—и на стр. 97) рѣшился прочитать вышеприведенное „приходять ѻ҃ одежахъ во *овчихъ*“ за „приходять *о* одежахъ в*оо*вчихъ“, т. е. принялъ начертаніе ѻ҃ не за во или за оу҆, но за другой предлогъ: „о, объ“; а два слова „во овчихъ“ онъ слилъ въ одно слово: „в*оо*вчихъ“. Для пущей вѣрности онъ, по своему обычаю, скрылъ отъ читателей и присутствіе словъ „приходять къ вамъ“ и весь общій контекстъ вышеприведеннаго искаженнаго мѣста (процитированнаго нами по подлинной рукописи Имп. Публ. Библ., f I. 64), и читатель, если самъ не взглянетъ въ рукопись, не можетъ узнать, что это мѣсто—вполнѣ ненадежно.

(конечно, если мы согласимся на это чтеніе для л. 30 об.) безусловно не можетъ быть малоруссизмомъ и поддается объясненію лишь съ точки зрѣнія мертво-церковной графики, то и вышеуказанное начертаніе «вѸвьця» (л. 150 об.) того же Евангеліи 1266—1301 г. мы такъ же не смѣемъ съ увѣренностью объяснять какъ очевидный результатъ живого малорусскаго произношенія писца XIII в. Поэтому скорѣе всего должны мы и въ начертаніи «вѸвьця» (съ удвоеннымъ ѸѸ) видѣть результатъ графики лишь спеціально церковной,—несмотря на то, что въ живой своей рѣчи малоруссъ-переписчикъ XIII в. могъ дѣйствительно называть овцу: «в*оо*вьця», или во всякомъ случаѣ близко къ этому, т. е. «в*уо*вьця» или «вуэвьця» [1]).

γ) Воспроизведеніе ô черезъ *уо*.

Иногда замѣстательная долгота звука о, возникшая послѣ XIII в., отражались у старинныхъ малоруссовъ прямо дифтонгическимъ начертаніемъ *уо* (т.-е. ȣо, или оуо). Способъ этотъ примѣнялся ими очень нечасто. Въ рукописяхъ церковныхъ, сколько намъ извѣстно, не найдено ни одного начертанія съ ȣо. Изъ свѣтскихъ грамотъ можемъ отмѣтить буковинскую господарскую присягу 1468 г. воеводы Стефана королю Казиміру (=Улян. № 95, стр. 106), по которой и король «имаетъ остерегати и оборонити [= воеводу] съ усихъ сторонъ: и отъ поганина и отъ христианина и отъ к*уо*ждои парсуны». Дифтонгу *уо* вышеупомянутой грамоты 1468 г. соотвѣтствуетъ теперь въ зап.-мр. парѣчіи (не всюду, конечно, но въ извѣстной части говоровъ) монофтонгъ *і*, констатируемый, между прочимъ, и въ архаичныхъ говорахъ Холмщины («*кі*жний»).

Примѣчаніе. Эту фонему „*кі*жний“ (съ *і*) можно найти и въ діалектической стихотворной „Збірці“ холмскаго

---

[1]) Судя по одной цитатѣ Э. Вольтера въ его описаніи Галицкаго Евангелія 1266—1301 г. (въ Archiv für slav. Philol., т. VI, 1882, стр. 623), можно было бы подумать, что въ Галицкомъ евангеліи имѣется еще и третье написаніе съ удвоеннымъ ѸѸ,—именно на л. 18: „ѸѸбьюти и“ (вм. „побьють и“, т. е. побьють его). Но это—или невольный lapsus calami Э. Вольтера, или—скорѣе—опечатка

русина Василя Ткача *), который (согласно съ т. н. ярыжнымъ правописаніемъ, гдѣ *и*=*і*), пишетъ: „въ к*и*жнуй“ (=въ каждой), „к*и*жная зирка тыхэнько сыяе“ и т. п. Обыкновенно же малоруссы знаютъ лишь фонему „к*ó*жний“ (или „к*ó*жен“), зап.-мр. „к*ó*ждий“,—со звукомъ *о*, а не *і*. Причина того, что въ однихъ мр. говорахъ слышится звукъ *і*, а въ другихъ звукъ *о*, сводится повидимому къ разности между старинными гласными звуками ѻ и ъ. Первоначальная форма трехъ грамм. родовъ упомянутаго мѣстоименія была такая: „къ-жьдо“ (муж. р.), „кѧ-жьдо“ (ж. р.), „ко-жьдо“ (сред. р.), причемъ склонялась только первая часть („кого-жьдо“, „кому-жьдо“ и т. д.), а частица „-жьдо“ оставалась неизмѣнной. Съ теченіемъ времени малоруссы (какъ и всѣ славяне) сочли удобнымъ прибавлять падежныя флексіи къ концу слова, т. е. къ частицѣ „жьд“, а первую половину слова—оставлять неизмѣнной. Но при этомъ въ однихъ говорахъ (и языкахъ) восторжествовалъ послѣ к звукъ ѧ, первоначально имѣвшійся въ формѣ жен. р. ед. ч. и средняго рода мн. ч. („кѧ-жьдо“), такъ-что получилось слово „кѧжьдый“ или, со вставкой суффикса ьн, слово „кѧ-ждьный“; въ другихъ говорахъ проведенъ былъ послѣ согласнаго к гласный звукъ ъ, имѣвшійся въ муж. р. («къ-жьдо»), и они стали произносить: «къ-жьдый» (или „къ-ждьный“); въ третьихъ говорахъ возобладала огласовка формы ср. рода («ко-жьдо»), и въ нихъ возникла форма «ко жьдый» (или „кождьный“). Послѣ паденія глухихъ гласныхъ тѣ малорусскіе говоры, которые произносили «кожьдый» и „кождьный“, выработали путемъ замѣстительнаго удлиненія фонему „к*ô*ждий“ и „к*ô*жний“ (откуда и холмское „к*і*жний“); а тѣ говоры, которые произносили „къжьдый“ и „къждьный“, прояснили глухое ъ въ чистое *о*, и такимъ образомъ возникло наиболѣе обычное малорусское „к*о*жний“ (а въ безчленной формѣ—„к*о*жен“) и зап.-мр. „к*о*ждий“.

наборщика. Въ подлинной рукописи Гал. Ев-ія 1266—1301 г. оказывается: „Взяша же пакы камѣнье Июдѣи, да побьюти и“ (л. 18),—съ совершенно отчетливой одной буквой ѻ, а не съ ѻѻ.

*) Збирка. Опытъ перевода произведеній русскихъ образцовыхъ писателей на малорусскій языкъ—народнаго учителя Василія Ткача. Вып. I-ый. Варшава 1905 (типографія канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора).—Обширную рецензію на „Збирку“, съ выписками изъ нея, далъ А. Лютницькій въ „Радї“, 1906, № 47, стр. 4.

ϑ. Воспроизведеніе рефлекса *ô* черезъ букву *у* (ȣ. оу).

Обыкновеннѣе всего результатъ замѣстительной долготы звука *ô* (т. е. существованіе дифтонговъ *уо*, *уэ*, *уы* и т. д.) сказывался подъ перомъ старинныхъ малоруссовъ въ томъ, что они вмѣсто прежняго о невольно писали букву *у* (ȣ, или оу), т. е. воспроизводили первую гласную часть дифтонга; напримѣръ вмѣсто ороографическаго «конь» они (не всегда, конечно, и лишь невольно) писали «кȣнь» (или «коунь»). Теоретически надо бы предполагать, что въ живой рѣчи авторовъ подобныхъ начертаній дифтонгъ бывалъ скорѣе нисходящимъ, чѣмъ восходящимъ, т. е. что они произносили: «кýонь», «кýэнь», «кýынь», а не «куóнь», «куэ́нь», «куы́нь». Однако, можно бываетъ подъ буквою ȣ иногда (изрѣдка) предполагать такъ же дифтонгъ восходящій (иначе сказать — съ удареніемъ не на *у*), и это видно изъ нѣкоторыхъ другихъ случаевъ примѣненія писцами буквы *у*. Такъ, поповичъ Евсевій, переписавшій южно-галицкое Евангеліе 1283 г., начерталъ въ одномъ мѣстѣ: «Идѣте от[ъ] мене проклятии оугнь (=въ огнь) вѣчныи, готованыи дьяволу» (л. 61 β)»; начертаніе «оугнь» появилось здѣсь вмѣсто «въ огнь» или вмѣсто «оу огнь», — а едва ли надо сомнѣваться, что удареніе у поповича Евсевія падало при этомъ на слогъ о, т. е. что онъ въ церкви читалъ свое начертаніе не иначе, какъ «у óгнь» или какъ «въ огнь» [1]).

Документальные примѣры написанія буквы ȣ или оу въ смыслѣ *ô* имѣются у насъ съ XIV вѣка, и они на всей малорусской территоріи обильны до конца XVII вѣка, т. е. до тѣхъ поръ, пока въ большинствѣ малорусскихъ говоровъ

---

[1]) Впрочемъ, можно еще предположить, что въ живой своей рѣчи поповичъ Евсевій, 1283 г., произносилъ вовсе не „у óгнь", но „у огóнь", съ удареніемъ на го, а въ такомъ случаѣ первые два слога (*у* - *о*) были у него совсѣмъ неударными. А пожалуй, даже, что въ такомъ случаѣ начальный элементъ *у* могъ въ словосочетаніи „у огóнь" слышаться у поповича Евсевія прямо съ такъ называемымъ второстепеннымъ удареніемъ („ý огóнь").

рефлексъ долготнаго *ô* звучалъ еще дифтонгически (т. е. пока еще не окончательно перешелъ въ монофтонгъ *i*). Послѣ того подобныя начертанія дѣлаются болѣе рѣдкими, — по крайней мѣрѣ, не повсемѣстными. Это потому, что въ теченіи XVII вѣка большая часть малоруссовъ (въ особенности—западныхъ) рѣшительно стала отвыкать отъ произношенія «к*уи*нь» и привыкла произносить ужъ просто «к*i*нь» [1]).

Для иллюстраціи того, какимъ образомъ развивалась въ малорусскомъ языкѣ наиболѣе типичная его черта (т. е. возмѣстительное удлиненіе звука о передъ павшими глухими), соберемъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ извѣстныя намъ старинныя начертанія малорусскихъ памятниковъ, въ которыхъ буква *у* (ѹ или оу) употреблена какъ посильное воспроизведеніе рефлекса звука *ô*. Необходимо замѣтить, что аналогичнымъ образомъ мягкая буква ю пишется въ тѣхъ же памятникахъ для воспроизведенія рефлекса *ьô* или *йô*, возникшаго (передъ твердыми слогами) изъ стариннѣйшаго є; напримѣръ, для воспроизведенія дифтонговъ юо, юэ, юы, юи и т. п. пишется: „въ нюмъ",—слѣдовательно, дѣлается это для воспроизведенія удлиненнаго „в ньôм", которое произошло изъ болѣе стараго„ въ нємъ" [2]). Но мы въ своихъ выпискахъ не будемъ здѣсь накоплять мягкихъ начертаній съ буквою ю, такъ-какъ о нихъ особо будетъ еще рѣчь впереди, въ главѣ о судьбахъ звука є, и если изрѣдка процитируемъ и ихъ здѣсь, то сдѣлаемъ это лишь случайно, мимоходомъ; спеціально же въ этомъ отдѣлѣ мы имѣемъ въ виду только начертанія твердыя, съ буквою *у*.—Обзоръ мы начнемъ съ памятниковъ середины XIV вѣка, потому-что болѣе раннія т. н. грамоты князя Льва Галицкаго, датированныя послѣдними годами XIII в. и первыми годами XIV-го, не подлинны. Это надо сказать, напримѣръ, про т. н. грамоту 1292 г.

---

[1]) Монофтонгическое произношеніе (типа „к*i*нь"), какъ увидимъ ниже въ рубрикѣ є, документально констатируется въ южной части зап.-мр. нарѣчія еще въ XV вѣкѣ; но въ повсемѣстный малорусскій обиходъ монофтонгическое произношеніе типа „к*i*нь" вошло только лѣтъ черезъ 200—250.

[2]) О твердости флексіи мъ, замѣнившей собою флексію мь, которая однако продолжала по традиціи писаться съ буквою ь, см. выше, § 13, б, стр. 107—108.

кн. Льва [1]) галицкому Спасскому монастырю, въ которой содержится выраженіе: „владыце нашему ефимію и по нюмь будучимъ епископомъ“. Она подделана едва ли раньше XIV века, хотя впрочемъ, и не позже XV века (потому что въ XV в. она ужъ была оффиціально подтверждена польскимъ правительствомъ). Оставляя въ сторонѣ подобные сомнительные памятники, мы имѣемъ передъ собою слѣдующіе, въ которыхъ ô выражено черезъ букву *у* (т. е. черезъ ѹ или ȣ):

XIV-й и XV-й вв.

Въ галицкой купчей 1359 г. изъ Перемышльщины, сдѣланной на „дѣдицтво паньны Радивонъковоѣ, дѣдину ее и вотнину, што по нюи отець далъ“, въ числѣ свидѣтелей подписанъ „Друздъ“ (=Голов. № 2, стр. 6) [2]). Купчую эту писалъ Болестрашицкій поповичъ Кость Дьяковичъ. Теперь мы слышимъ зап.-мр. „дрізд.“

Въ другой Перемышльской купчей, 1366 г. (=Голов. № 3, стр. 6—7), того же писца, которая касается дѣдицтва Ивеколъть, купленнаго „у Шюльжичювъ“ (=у Шульжичей, =соврем.-мр. „у Шульжичів“), встрѣчаются выраженія: „продали добровульно и у вѣки“; „а у ставу Радивунковоѣ =(современ. „Радивінковоï“) ловити сѣтью ему добровульно“; „а на то послуси (=свидѣтели)—владыка Ларивунъ (=современ. „Лаврін“) [3]),... панъ Навуй Стояньскиѝ (и „панъ Навойко“), панъ Столпувскій, „панъ Друздъ“. Вѣроятно, ô скрывается подъ буквою ѹ также въ начертаніи: „Осташко Соульскиѝ“. Писалъ купчую все тотъ же Болестрашицкій поповичъ, „Василювь синъ, прузвищемъ (=соврем. мр. „прізвищем“) Сорочичь“.

---

[1]) Переиздана въ „Хрестоматіи“ Головацкаго (Вѣна, 1854), стр. 315—316.

[2]) Цитируя галицкія купчія и т. п. грамоты, мы будемъ дѣлать ссылки почти исключительно на нумера общеизвѣстнаго, удобнаго, сборнаго изданія Як. Головацкаго (1867), который обыкновенно отмѣчаетъ и предыдущія изданія. Но самыя-то цитаты приводятся нами далеко не исключительно по Головацкому, а напротивъ—и по другимъ чтеніямъ, которыя частенько оказываются болѣе точными, чѣмъ въ его изданіи.

[3]) Соврем. „Лаврін“ есть сліяніе двухъ именъ: Ларіонъ и Лаврентій (польск. Wawrzyn, Wawrzyniec).

Въ грамотѣ 1378 г. (=Akta grodz. i ziem., t. II, 15—16) буква *у* въ имени „Федутъ" (=Өедотъ) едва ли есть выраженіе рефлекса звука *ô*. Скорѣе ужъ можно подозрѣвать здѣсь искусственный книжническій юсъ, *ѫ* [1]).

Въ галицкомъ судномъ листѣ старосты Гнѣвоша (=Гол. № 11, стр. 13), писанномъ „у Вышни" въ 1393 г. по Божьюмъ нарожѣнъѣ", фигурируетъ „свѣдокъ панъ Пашко Мазувшанинъ" (=соврем. Мазівшанин").

Въ львовской купчей 1400 г., которую удостовѣрилъ „панъ Мацина, воевода Ілвовъскый" (=Голов. № 20 стр. 19), вышеозначенное прозвище пишется просто съ *о*: „пано Яшко Мазовшанинъ": но тамъ же упоминается съ буквою *у* свѣдокъ „воітъ Ілвовскыи Кундратъ" (=соврем. „Кіндрат", изъ „Конъдратъ"). По одному изъ чтеній этой грамоты [2]), въ ней написано: „продалъ за 30 копъ... и за кунь" (=соврем. „кінь", т. е. за коня) [3]).

Въ Галичской размежевочной грамотѣ 1401 г. (=Голов. № 24, стр. 23—24; срв. „Акты Юж. и Зап. Росс.", I, стр. 4, по факсимиле), которую выдалъ „панъ Петрашь, староста Галицькый и Снятинскы[й] пану Вас[ь]ковѣ Мошенчичю", позывавшему „пана Кундрата Воренича о границю", имя „позываемаго" пишется три раза съ буквою *у* и два раза съ *о*.

Въ писанной во Львовѣ господарской присягѣ 1407 г. королю Владиславу отъ молдавскаго воеводы Александра (=Улян. № 19, стр. 16) одинъ изъ землянъ называется „панъ Тобучь". (Срв. соврем. зап.-мр. „тóбіч"=по ту сторону).

[Не въ подлинникѣ (котораго мы не знаемъ), но въ галицкой копіи съ Сандомірской жалованной грамоты 1408 г. короля Владислава Ягайла своему слугѣ на имѣніе въ Перемышльщинѣ, которымъ долженъ пользоваться „*вонъ* (=він) и его дѣти" (=Голов. № 29, стр. 32), встрѣчается: „зобопулъ лѣса Стручина". Срв. соврем. діалект.-мр.: „з'обáпіль", „обóпіль"; срв. также соврем.-общемр. „пів", полъ, половина.]

---

[1]) Это имя звучитъ у малоруссовъ по-простонародному „Хтодонт".

[2]) именно, по чтенію Ден. Зубрыцкаго—въ „Актахъ Юж. и Зап. Росс.", т. II, стр. 3.

[3]) Вин. пад. одуш. въ XIV в. бывалъ еще сходенъ съ именительнымъ.

Въ львовскомъ векселѣ 1421 г. пана Васька Мошончича (=Гол. № 32, стр. 36): „Узялъ есмъ у пана Ивашка сто купъ (=совр.-мр. „кіп“), а имаю пану Ивашкови дати ту сто купъ“, „а пак ли бы панъ Васко не далы тѣхъ ста купъ от сеѣ Матки Б[о]жьѣ на другую Матыки Б[о]жьѣ у рукъ...“ (=совр.-мр. „рік“, т. е. годъ).

Въ Ланчицкомъ примирительномъ договорѣ 1433 г. короля Владислава съ новымъ молдавскимъ воеводою Стефаномъ (=Улян. № 31, стр. 36—37): „присягъ, слюбовъ, голдувъ и записовъ, намъ учиненыхъ“.—Въ буковинскомъ обязательствѣ передъ королемъ 1435 г. того же господаря Стефана (=Улян. № 38, стр. 43): „[Листы], якоихъ[1]) къ намъ принесено отъ пана Купчича, загыбли по Купчичиву[й] смерти“.

Въ львовской присягѣ молдавской господарской рады 1436 г. новаго воеводы Ильи на вѣрность королю Владиславу (=Улян. № 46, стр. 51): „Слюбуемъ... вирность... при тум-то голдѣ стеречи“, „при тумъ-то... остати“. Несомнѣнно, что буквою *у* обозначенъ здѣсь дифтонгъ, уже близкій къ *і* (т.-е. *уі*); срв. въ одновременной Ильиной грамотѣ 1436 г. (=Улян. № 44, стр. 48): на-*иткилѣ*“ (чит. „на-відкіля“).

Въ буковинской жалованной грамотѣ 1446 г. воеводы-господаря Стефана (=Улян. № 62, стр. 68): „на *бу*лшеи“.

Въ буковинскомъ судномъ приговорѣ 1449 г. воеводы Александра (=Улян. № 69, стр. 76): „Не имѣю инос при души, тулко село, що ми далъ Стефанъ-воевода“.—Въ его же буковинской жалованной грамотѣ 1451 г. (=Улян. № 70, стр. 78): „на булшую“.

Въ буковинскомъ правительственномъ постановленіи 1456 г. воеводы Петра и его боярской рады насчетъ платежа дани туркамъ (=Улян. № 79, стр. 86): „утисненіе земли нашей, що жъ съ усихъ сторонъ имаемъ, а наибулше—отъ Турковъ, иже берутъ по кулкось разовъ и просятъ у насъ даны“.

Въ буковинскомъ договорѣ Петра-воеводы 1457 г. съ двумя галицкими старостами (=Улян. № 84, стр. 93): „ихъ шкоды... имаемъ имъ вернути; и кулко сѣ (=ся) имъ не увернетъ—отложили... на св[я]того Филипа“; „имаемъ заплатити, на кумъ (=совр.-мр. „на кім“) станетъ“.

---

[1]) Чит. „якыхъ“.

Въ жалованной грамотѣ 1459 г. кіевскаго князя Семена Олельковича, выданной въ Прилукѣ за Днѣпромъ своему слугѣ Іереміи Шашку для „зоставленія его при всюи отчизнѣ и дидизнѣ его“, есть фраза: „при томъ всюмъ [1]) зоставую, какъ продкове его заживали, штобы и унъ (=соврем.-мр. „він“) тое отчизны и дидизъни свое заживалъ“.

Въ буковинской господарской присягѣ 1462 г. королю Казиміру (=Улян. № 91, стр. 100—101), воевода Стефанъ изъявляетъ готовность слѣдовать „памяти предкув“, которые состояли въ вѣрной вассальной зависимости отъ „кролювъ полскыхъ“ и завѣщали эту вѣрность воеводамъ, „потумъ (=соврем.-мр. „потім“) будучимъ“. Онъ, черезъ „обвезанвѣ присягы и з дотъкненемъ с[вя]того хрста“, обѣщаетъ Казиміру „отъ сего часу и на потумъ далшіи часы... помагати у властенуй парсунѣ“ [2]). Начертаніе „по-тумъ“ встрѣчается далѣе въ этой грамотѣ еще два раза.—Въ другомъ своемъ обязательствѣ 1462 г. (=Улян. № 92, стр. 102) воевода обѣщаетъ королю Казиміру, соблюдая „присяги наши и панувь нашихъ“, не отпускать татарскихъ плѣнниковъ „Садъ-Ахматовичювъ“,—въ противномъ случаѣ король „не имаеть намъ ни въ чюмъ виненъ быти и можеть намъ своихъ записувъ не держати“.

Въ буковинской жалованной грамотѣ 1467 г. того же воеводы Стефана монастырю на Молдавицѣ (=Улян. № 84, стр. 95): „у тумъ сели“ (=соврем.-мр. „в тім селї“).

Въ буковинскомъ прощенномъ листѣ 1468 г. (=Улян. № 96, стр. 107) тотъ же воевода Стефанъ прощаетъ своего опальнаго логоѳета и другихъ въ силу просьбы короля и „прозбы панув его м[и]лости, а затым и панув наших“. Имѣніе опальныхъ возвращается, „а коли узриме их справедливую службу,—и булше будем ворочати“.

Въ размежевочной грамотѣ 1493—1494 г.[3]), которую выдала княгиня Анна Слуцкая со своимъ сыномъ игумену Троицкаго монастыря въ тяжбѣ его съ сокольниками Гиковичами изъ-за пограничнаго лѣса и въ которой приводятся буквальныя показанія самого игумена Іосифа и бывшаго

[1]) Такъ въ подлинникѣ. У Антонов. и Козловскаго неточно издано: „всѣмъ“ (стр. 20).

[2]) Такъ надо читать вмѣсто изданнаго „влустенуй“.

[3]) =Акты Южн. и Зап. Росс., т. I, стр. 296—297.

архимандрита Печерскаго Макарія,—мы находимъ: „Жаловалъ намъ игуменъ такъ: „То есть земля звѣчная церковная, отъ монастыря и до тоѣ сосны; отсюль отъ монастыря—моя, а о т т *у* л ь—твоя; а оттоль, до сосны“ и т. д.;—„А Макарій намъ такъ отказалъ: Коли я держалъ монастырь, тогды панъ Волчько Кляпиничь рекъ: п о т *у* л ь дѣлай, а далѣй не ходи“;—„Игумену держатися того, п о к *у* л ь заводилъ панъ Волчько и оччичь земли тоѣ Харышъ“. Сами по себѣ эти начертанія съ буквою *у* были бы не характерны [1]), но общій малорусскій характеръ грамоты заставляетъ насъ видѣть въ нихъ фонемы дифтонгическія, изъ которыхъ возникли нынѣшнія малорусскія „відт*і*ль“ (и „відсїль“), „пок*і*ль“ и т. п.

Въ буковинскомъ п р и м и р и т е л ь н о м ъ д о г о в о р ѣ 1499 г. воеводы Стефана съ королемъ Яномъ Олбрахтомъ (=Улян. № 105, стр. 171): „п о к *у* и вѣчный“, „п о к *у* и и мvръ вѣчній“, „имасмо ховати незламанныи миръ и п о к *у* и“.

XVI-ый вѣкъ.

Въ мр. памятникахъ даже конца XVI в. употребленіе буквы *у* въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ теперь у малоруссовъ слышится *і*, является еще очень частымъ. Между прочимъ, оно констатируется и въ переводахъ Евангелія на полупростонародный малорусскій языкъ, въ которыхъ уже проскальзываетъ въ такихъ случаяхъ и буква и; и въ актахъ XVI в. рефлексъ *ô* воспроизводится далеко не только черезъ и, но и черезъ ꙋ. Едва ли можно сомнѣваться, что въ большинствѣ малорусскихъ говоровъ XVI вѣка рефлексъ *ô* звучалъ не какъ у *о*, но какъ у *и* (а въ нѣкоторыхъ, конечно, и просто какъ *і*). Изъ многочисленныхъ памятниковъ XVI в. отмѣтимъ букву *у* въ смыслѣ *ô* лишь въ нѣсколькихъ 2-ой полов. вѣка:

Въ волынскомъ достаточно простонародномъ П е р е с о п н и ц к о м ъ Е в а н г е л і и 1561 г., которое написалъ архимандритъ Пересопницкаго монастыря (въ Луцкомъ уѣздѣ), а переписалъ сынъ протопопа изъ галицкаго Санока, мы наряду съ воспроизведеніемъ (рѣдкимъ) рефлекса

[1]) Въ бѣлорусскихъ и великорусскихъ говорахъ имѣются фонемы „отт*у*ль“, „пот*у*ль“ и т. п., съ чистымъ монофтонгомъ *у*, происшедшія, конечно, вовсе не черезъ замѣстительное удлиненіе, а очевидно подъ вліяніемъ формъ: „отт*у*да“, „отк*у*да“ и пр. Попадаются эти слова съ написанной буквой *у* и въ чисто-бѣлорусскихъ грамотахъ XV—XVI в.

ô через *и* находимъ букву *у* [1]): „От своих бо слувь будешь усправедливлень“ [2]), „крум жень и дѣтей“ (16); „пу-[йде]мо ажь до Виѳлеома“ (28); „з фарисеувь и иродиянувь“ (17); „въ вечерь, албо в пульночи“ (18); „а с ним и инших два—по сюй и по туй сторонѣ“ (21); „Брате, стуй! нехай выйму сучець зь ока твоего“ (38); „брат твуй ум[е]рль быль и опят[ь] ожиль“ (59); „откуля сее?“ (27); „ани ты-жь оттуля к намь не приходят“ [3]); (61; срв. тамъ же: „оттоля“, 54); „Велми ся стережѣте от учителей, которыи хотят ходити в краснумь одѣаніи“ (69): „на правуй сторонѣ“ (73); „роспяли... и злодѣи,—единог[о] на правуй, а другого на лѣвуй руцѣ“; „пришоль въ украины Иудейскыя, по онуй сторонѣ Іордана“ (прилож., л. 2) и т. п.—Такое же правописаніе мы наблюдаемъ и въ копіи съ Пересопницкаго евангелія, сдѣланной (повидимому, тоже на Волыни) десять лѣтъ спустя (въ 1571 г.) и еще болѣе простонародной [4]). Въ ней мы, между прочимъ, находимъ и „оттуля“.

Въ изрядно простонародномъ Почаевскомъ Учительномъ Евангеліи XVI в. (хран. въ кіевской Духовн. Акад.) [5]) начертаній съ *у* въ смыслѣ *ô*—множество. Напр.: „*бу*лшій“ (л. 52; л. 236); „І[су]с дал им муц (=соврем.-мр. „м*і*ць“, т.-е. силу, мощь) над духы нечистыми“

---

1) Ссылки на Пересопницкое Евангеліе относятся къ страницамъ изданія П. И. Житецкаго: „Описаніе Пересопницкой рукописи“, Кіевъ 1876 (=отт. изъ Трудовъ третьяго Археол. Съѣзда).

2) Буква ь употребляется въ Пересопницкомъ Евангеліи на сербскій ладъ въ смыслѣ ъ.

3) Срв. соврем.-мр. „відт*і*ля“. Звукъ *і* (или дифтонгъ *уо*) фонетически развился сперва въ формѣ „*ô*тт*ô*ль“, а ужъ изъ нея перенесенъ былъ нефонетически въ форму „*ô*тт*о*ля“.

4) Отрывокъ изъ нея изданъ П. И. Житецкимъ въ прилож. къ „Опис. Пересопн. рукоп.“, стр. 78—79.

5) Оно описано, лишь со стороны содержанія, а не языка (однако съ извлеченіями текста) у Вас. Березина: „Описаніе рукописей Почаевской Лавры“, стр. 34—38 (Кіевъ, 1881=оттискъ изъ Трудовъ Кіев. Духовн. Акад. 1881). Кратко, со стороны языка, описалъ Почаевское Евангеліе П. В. Владиміровъ: „Обзоръ южно-русск. и зап.-р. памятниковъ“—въ Несторовыхъ „Чтеніяхъ“, т. IV (= 1890), стр. 134; см. также изданную запись изъ него, на стр. 106—107.

(л. 313 об.); „не т*у*лко вызнавати вѣру, але"... (л. 241), „не т*у*лко хр[ис]тіане" (л. 239); то же на л. 14 об., 15 об. и мн. др.; „в*у*дк*у*л" (л. 335 об., =совр.-мр. „в*і*дк*і*ль"), „п*у*йду" (л. 285), „в*у*н" (л. 46; л. 241 об., =онъ, соврем.-мр. „в*і*н"), „ясный вывудъ" (л. 332 об.), „пок*у*й" (л. 67), „д*у*м" (л. 268 об., =соврем. зап.-мр. „д*і*м"), „учинк*у*въ" (род. мн., л. 5 об.), „по лѣв*у*й", „по прав*у*й" (л. 13 об.), „т*у*й" (л. 188, =совр.-мр. „т*і*й"), „о т*у*м" (л. 342), „в нов*у*м" (л. 342 об.). [Срв. также аналогичныя мягкія фонемы: „на н*ю*мъ, на с*ю*мъ", л. 268; „сво*ю*мъ", л. 5 об.; равно какъ глагольныя формы: „прив*ю*л", л. 101 об., л. 112, „възн*ю*с", л. 256 об.]

Около 1561 г. на послѣднихъ листахъ кіево-Михайловскаго Евангелія нач. XVI в. (до 1526 г.) сдѣланы вкладныя записи о платѣ за поминаніе и за монастырскія кельи: „Маликович, а прозвище Богдан, дал пят[ь] копь грошій, а за то у г*у*д же у г*у*д памят[ь] чинити" (=ежегодно, „въ годъ же въ годъ",—срв. соврем.-мр. „тог*і*д" = прошлый годъ); „Старец[ь] Олексѣй дал осм к*у*п гроши[й]".

Въ гуцульской пѣснѣ 1571 г. про „Штефана-війводу", записанной чешскими буквами: „Albo mé puºjmi, albo mé liśi!" и „Puºjmił bych té, dywońko"—наряду съ передачей *ó* черезъ *і*.

Въ волынскомъ сборникѣ попа Наливайка второй полов. XVI в. (хран. въ Румянц. Муз. № 2616), гдѣ славянское изложеніе сопровождается малорусскимъ переводомъ, есть изреченіе: „Писма учися прист*у*йно, а чого учишь, тó—розумѣй" (л. 45—45 об.). Въ сказаніи Златоуста объ Іосифѣ: „р*у*вная... обоимь гонитва была" (л. 111 об.); „Был Іосифъ на герстѣ [1]) покусы; з высокости... над бытвою... зб*у*р (=совр. мр. „зб*і*р") агг[е]льскый нахилившися смотрил ся на тое" (л. 115 об.).

Въ зап.-мр. (вѣроятно, волынскомъ) сборникѣ о лунномъ теченіи и проч., второй полов. XVI в. (Москов. Синод. Библ. № 937), въ отдѣлѣ апокрифическихъ (богумильскихъ) вопросовъ о началѣ мірозданія („Початокъ вопросомъ о смыслу разума", лл. 20—30): „п*у*шло" (=соврем.-мр. „п*і*шло"), „зв*у*нъ", „д*у*стался" и др.

Въ книгѣ Владиміръ-Волынской кгродской 2-ой полов. XVI в.,—напр. подъ 1567 г. (№ 934, л. 27) [2]):

---

[1]) =„На герцї", т.-е. на турнирѣ.

[2]) =Антонов. и Козловск. № 44, стр. 100.

„Врадникъ т и в о н у в ъ городыщскій, Григорей О н у ш к о". Имя „Онушко" (-соврем.-мр. „Онішко", срв. въ кіевск.-Михайл. помянн. XVI в.: „Оношко", л. 34 и л. 59) есть уменьшительная форма отъ „Онопрій" (=греч. „Онуфрій"). Рядомъ съ этимъ замѣчается въ кгродской книгѣ воспроизведеніе *ô* черезъ *и*. Такое правописаніе (съ безусловнымъ преобладаніемъ *у*) тянется здѣсь систематически вплоть до конца вѣка, и дальше. Напр., въ актѣ 1608 г. (=л. 286)[1]: „мы всѣ, судьи копные, которыхъ насъ было о п у л т о р а с т а" (=соврем.-мр. „півтораста").

Равнымъ образомъ и въ одновременной волынской Луцкой книгѣ кгродской 2-ой голов. XVI в. мы (наряду съ изрѣдка замѣчающейся наклонностью передавать *ô* черезъ *и*) видимъ обыкновенно букву *у*. Напр., въ рѣшеніи копнаго суда 1583 г. о поджогѣ (л. 76—79): „тогды, на т у м ъ же слѣду стоячи, по возного послала", „о т у м ъ же передъ нами панъ Хоръковскій доводъ учинилъ", и др. Менѣе характерно *у* въ нарѣчіи „откуль" (=соврем.-мр. „відкіль"), напр. въ слѣдствіи 1596 г. (=л. 588): „тѣло чоловѣка забитого, незнаемого... вихъто не позналъ, хто и о т ъ к у л ь былъ", „[мы] не знаемо, ани ведаемо, о т к у л ь", и мн. др. [2]).—И вообще во всѣхъ волынскихъ дѣловыхъ документахъ конца XVI вѣка безусловно преобладаетъ буква *у* въ дѣлѣ воспроизведенія мр. *ô*. Сюда относятся и многіе документы, писанные въ Варшавѣ. Срв., напр., королевскій (Сигизмунда III) п р и в и л е й И п а т і ю П о т ѣ ю 1599 г. на уніатское „архимандрыцтво Кіевское монастыра Печерского", писанный повидимому волыняниномъ (=Акты Юж. и Зап. Росс., т. II, стр. 1): „ласкою и х у т ь ю нашою кролевскою" (=соврем.-мр. „хіттю").

XVII вѣкъ.

XVII-й вѣкъ, вѣкъ козацкаго движенія и борьбы съ уніей, проявляетъ очень сильную наклонность воспроизводить рефлексъ звука *ô* черезъ букву *и*, и едва ли можно сомнѣваться, что въ устахъ множества малоруссовъ, главнымъ образомъ южныхъ (не только въ области нар. западнаго, но и въ области консервативнаго

---

[1]) Актъ этотъ изданъ у Н. Иванишева въ „Русской Бесѣдѣ" 1857, III (=кн. 7-ая), отд. II, стр. 48—53. См. стр. 52.

[2]) Оба акта изданы (съ опечатками) Н. Иванишевымъ въ „Русской Бесѣдѣ", 1857, III, стр. 34—48. См. стр. 38, 41, 44.

нарѣчія восточнаго) рефлексомъ звука *ô* былъ монофтонгъ *i* [1]). Но что двугласное произношеніе (вѣроятнѣе всего, *уі*) было еще въ XVII вѣкѣ очень сильнымъ даже въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Львовъ и Острогъ на западѣ и общемалорусскій умственный центръ Кіевъ на востокѣ, это съ очевидностью доказывается массою мр. начертаній XVII в. съ буквою *у*. Изъ нихъ отмѣтимъ слѣдующія:

Въ Кіево-Михаиловскомъ монастырскомъ помяннникѣ конца XVI—нач. XVII в., наряду съ характерной передачей *ô* черезъ букву *и*, встрѣчаемъ: „Род п[а]на Ивана Рожнѣт*у*вскаго" (л. 29), „Род Л*у*зчинъ" (т. е. Лозкинъ, срв. на л. 12: „род панее Андрѣевое Лозчины"; совр.-мр. „Л*і*зчин") „Род Мак*у*тыръчинъ" (л. 107; совр.-мр. „Мак*і*терчин"). Срв. еще *у* вм. *ю*: „Род Настасіи Пшенич*у*въны" (л. 90), „Немирич*у*в" (л. 102); „Дорочан*ю*вни" (л. 126).

Въ кіевскомъ православномъ Протестѣ запорожскихъ козаковъ 1610 г., внесенномъ въ кіевскую книгу кгродскую противъ уніатскаго хозяйничанья въ церквахъ Кіева [2]): „вязн*ю*въ и язык*у*въ" а кромѣ того рефлексъ *ô* воспроизводится черезъ букву *и*.—Одновременно въ 1610 г. состоялся православный Протестъ кіевскаго духовенства, тоже внесенный въ кіевскую книгу кгродскую 1610 г. [3]) Въ немъ кіевскіе священники сперва отвергаютъ клевету Ипатія Потѣя (они даже „на мысли сво*ю*[й] того, што въ н*і*й написано, не мили"), а потомъ „всѣ міромъ, то єсть посп*у*лствомъ (=совр.-мр. „посп*і*лством"), такъ тутошнимъ, яко зъ околичныхъ далекихъ сторонъ" протестуютъ противъ насильнаго своего присоединенія къ уніи, котораго впрочемъ митрополитъ „ажъ до того часу доказать не м*у*гъ".—Въ отвѣтъ на это уніатскій намѣстникъ въ Кіевѣ Ант. Грековичъ внесъ свой протестъ во Вла-

---

[1]) Проникало монофтонгическое произношеніе и къ сѣверу, за центральныя полосы украинской территоріи,—на востокѣ гораздо меньше, чѣмъ на западѣ, за исключеніемъ развѣ такихъ столичныхъ восточно-малорусскихъ пунктовъ, какъ Кіевъ и Черниговъ, рѣчь которыхъ, естественно, должна была развиваться и эволюціонировать быстрѣе, чѣмъ рѣчь окрестныхъ селъ.

[2]) Изд. въ „Актахъ Южн. и Зап. Росс.", т. II, стр. 58—60.

[3]) См. тамъ же въ „Актахъ Юж. и Зап. Росс.", т. II, стр. 60—61.

димірѣ-Волынскомъ 1610 г.[1]) и жалуется, что по наущенію православныхъ одинъ козакъ, увидѣвши „его самого по манастыру ходячого, заразъ съ пулгаку до него стрѣлилъ“[2]). Но въ то же время мы видимъ въ этихъ документахъ, вмѣсто дифтонга, просто букву *и*.

Въ волынскомъ печатномъ стихотворномъ „Лямѣнтѣ дому Острозскихъ“ (Острогъ 1603)[3]) составитель-книжникъ усердно употреблялъ ороографическое ο, избѣгая проявленій замѣстительной долготы (которая, впрочемъ, таки прокралась у него два раза: „не завюлъ нѣкому“, 16, и „на нюм' побывавши“, 17). Но родное произношеніе книжника сквозитъ у него и изъ-подъ грамотѣйски напечатанной буквы ο, благодаря риѳмѣ (быть можетъ, даже ударной);—именно, къ полустишію: „З' мертвых' повстанувъ“ у него оказывается риѳма: „княжацкихъ становъ“ (16); — очевидно, произносилъ онъ это слово („станôвъ“, совр. „ста́нiв“, род. мн.) близко къ „ста́нув“ (вѣроятно: „стануив“).

Въ львовскомъ стихотворномъ предисловіи 1609 г. къ книгѣ „І. Златоустаго о воспитаніи чадъ“ (Львовъ 1609; 2-е изд. 1614): „о котруй [науцѣ] народъ занедбаваетъ“. То же — въ львовскомъ печатномъ „Ляментѣ по Желиборскомъ“ 1615 г.[4]): „въ славѣ добруй“. [Срв. тамъ же съ буквою *ю*: „въ дому своюмъ“, „о нюмъ“, „въ нюй“.]

У галичанина начала XVII в., Памвы Берынды, который частенько выражаетъ *ô* черезъ *и*, начертаній съ буквою *у* есть тоже не мало. Такъ, въ его печатныхъ виршахъ на Рождество 1616 г., прочитанныхъ передъ львовскимъ епископомъ Іереміей Тысаровскимъ[5]), находимъ: „свѣдкувъ“ (А также въ смыслѣ мягкаго *юи*: „въ нюй“, „юй“, „въ всюмъ“, „старцувъ“ и пр.). Въ Ле-

---

[1]) Изд. въ „Актахъ Юж. и Зап. Росс.“, т. II, стр. 65—66.

[2]) „Півгак“—родъ аркебуза.

[3]) Переизданъ въ Несторовыхъ „Чтеніяхъ“, кн. XII (=1897), отд. IV. Мы пользуемся оттискомъ.

[4]) „Плачъ альбо Ляментъ по зестю з свѣта сего вѣчной памяти годного Григоріа Желиборского“, Львовъ 1615.

[5]) „На Рождество Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа вершѣ для утѣхи православнымъ христіаномъ“ (Львовъ, 1616, въ Братской типографіи), съ подписью на посвященіи: „Недостойный іеромонахъ Памво Берында типографъ“.

ксіконѣ того же Памвы Берынды 1627 г.: „*у*внатa" (64,=соврем.-мр. „*і*вната", „к*і*мната"), „р*у*гъ" (140,=соврем. „р*і*г"), „рос*у*лъ" (140,=разсолъ, соврем.-мр. „рос*і*л"), „ст*у*съ" (100, 154,=соврем. зап.-мр. „ст*і*с", род. „ст*о*су", т. е. сложенный костеръ), „гр*у*мъ" (174,=соврем. „гр*і*м"), „в*у*тки" (188,=соврем. „в*і*дки", т. е. откуда), „об*у*дъ" (192,=соврем. „об*і*д", т. е. ободъ), „пл*у*гъ" (198) и „запл*у*тя" (277;=соврем. „пл*і*т", „запл*і*ття", т. е. изгородь), „р*у*въ" (216,=соврем. „р*і*в", род. „рóву",), „кук*у*л" (271,=соврем. „кук*і*ль"), [—равно какъ и мягкія фонемы съ *ю*: „*ю*й" 41, „въ н*ю*й" 216, „въ порожн*ю*й хвалѣ" 175, „нам*ю*тъ" 115 и нѣкоторыя другія].

Въ галицкихъ комическихъ простонародныхъ интерлюдіяхъ Як. Гаватта (Львовъ 1619), напечатанныхъ польскими буквами [1]) и не разъ имѣющихъ вмѣсто дифтонга букву *і*, мы чаще однако видимъ букву *у*: „Сут там*о* *у*вци, барани" (175, соврем. „вівці");—„гей, же хороши [й]--п*у*зна́еш" (176):—„за шіст *о*смак*о*в дам тобі.... Три *у*смакі возмі собі" (177);—„Осмотру тою (=тую) лисицу, чи будет п*у*д рукавіцю, та и п*у*д шепку (=украин. „під шапку") красейко" (177);—„та и горчкі (=горшки), лїбой, п*у*брал? Ось, мат*у*нько, щó-м я виграл [2]) на тоім лїх*им* ярмарку!.." (177);—„Та и п*у*брал гроши?—П*у*брал!" (178;=соврем. зап.-мр. „п*і*брав");—„О Б*у*г-ме, тот!" (179);—„П*у*знал би!.. П*у*йду ся скарити пану!" (179);—„Не будем б*у*льше шарварку робити" (180);—„Та біс тя тут принїс! А мы в*у*д Городка,—знаеш?" (181);—„Та ось пир*у*х (=соврем.-мр. „пир*і*г") на травіци!.. б*у*льше достанемо" (181);—„Та і м*у*ст там ест золоти[й]" (182).—Срв., кромѣ того, буквы *ю* и *у* вм. *юи*: „Уц*ю*кл би мини до*у*биса (176,—совр.-мр. „ут*і*к") и „Сут там и лихо*е* ж*у*нкі" (183) [3]). Повидимому, въ сельскомъ подольскомъ говорѣ

[1]) Мы однако приведемъ здѣсь цитаты буквами малорусскими, согласно точной транскрипціи общедоступнаго переизданія Мих. Павлика, въ I томѣ редактированныхъ имъ „Розвідок Михайла Драгоманова" (Львів, 1900, стр. 174—184). Цифровыя ссылки относятся именно къ этому переизданію. Сдѣланныя нами выписки латиницей погибли послѣ сдачи ихъ въ типографію и не могли быть немедленно возстановлены по подлиннику 1619 года.

[2]) Интересно, что „виграл" служитъ риемою къ „пýбрал". Очевидно, выговоръ былъ близокъ къ „п*уи*брал".

[3]) Вмѣсто „лихо*е*" мы теперь говоримъ: „лих*і*ї" (им. мн.).

Я. Гаватта дифтонгъ, происшедшій изъ ô, звучалъ не только какъ *уи*, но также, въ извѣстныхъ положеніяхъ, какъ *уо*. Срв. у него окончанія род. мн.: „горцк*о*в“ (175 и 179), „пирог*о*в“ (176), „осмак*о*в“ (177,=совр.-мр. „вíсьмак*і*в“), а также еще три начертанія: „пир*о*х“ (181 и слѣд., наряду съ „пир*у*х“ 181), „ж*о*нку“ (175, при „ж*у*вкі“ 183) и „ст*о*йте!“ (181). Этою буквою *о* Гаваттовичъ передавалъ несомнѣнно не звукъ *о*, но дифтонгъ *уо*, и не даромъ къ послѣднему слову („ст*о*йте“) риѳмой у него оказывается „поч*у*йте“ (181).

Въ похоронныхъ кіевскихъ „Вѣршахъ...“ „ректора школъ кіевскихъ“, Кассіана Саковича 1622 г., „мовленыхъ отъ его спудеовъ на погребѣ зацного рыцера, гетмана Сагайдачного“ [1]), есть начертаніе: „п*у*лночныи“ [а также съ *ю*: „въ н*ю*й“, „непріятел*ю*въ“ и др.].

У галичанина Кирилла Транквилліона-Ставровецкаго (бывшаго ок. 1589 г. учителемъ львовской братской школы, подъ старость переѣхавшаго въ Черниговъ) рефлексъ звука *ô* воспроизводится, съ одной стороны, черезъ *и* и *і*, а съ другой стороны—черезъ *у*. Такъ, въ его „Зерцалѣ богословіи“, напечатанномъ въ „монастыру Почаевъском“ 1618 г., мы находимъ слѣдующія напечатанія съ *у*: „сл*у*въ“ (л. 11, род. мн. отъ „слово“, =соврем.-мр. „сл*і*в“), „д*у*бръ“ (л. 5 об., л. 25, род. мн. отъ „добро“, т. е. благо, или имѣніе,=соврем. зап.-мр. „д*і*бр“), „б*у*ль“ (л. 20, т. е. бôль, =соврем. „б*і*ль“), „пок*у*й“ (28, =„пок*і*й“), „л*у*жко“ (41, =соврем. „л*і*жко“, т. е. кровать, постель), „з' надв*у*ря“ (50 об., =„з надв*і*р'я), а [кромѣ того—во флексіи род. множ.: „погав*у*въ“ (5, =„пога*і*в“, т. е. язычниковъ), „хор*у*въ“ (14 об.; 27), „котл*у*въ (76 об.; срв. аналогичную мягкую флексію: „непріятел*ю*въ“, 53). Такое же окончаніе „*у*въ“ въ смыслѣ „*ô*въ“ видимъ мы и въ Транквилліоновомъ же посвященіи кн. Чарторыжскому при „Євангелія Учительномъ“ (напеч. въ Рохмановѣ, 1619): „обоихъ стан*у*въ)[2]). Оно же, это окончаніе род. мн. „*у*въ“, оказывается и въ позднѣйшей книгѣ Тран-

[1]) Изданы эти „Вѣршѣ Касіана Саковича“ въ Кіевѣ въ 1622 г., а перепечатаны Голубевымъ въ приложеніяхъ къ I тому его „Исторіи Кіевской Духовной Академіи“ (Кіевъ 1887), стр. 17—46.

[2]) Посвященія у разныхъ экземпляровъ—разныя. Три изъ нихъ (и кн. Чарторыжскому въ томъ числѣ) переизданы у П. Строева въ его описаніи Библіотеки (бывшей) гр. А. Ѳ. Толстого, № 64, стр. 142—155.

квилліона: „Перло многоцѣнное“ (Черниговъ 1646): „полъкувъ“ (5 об.), „народувъ“ (24), „бокувъ“ (29), „гробувъ“ (123; срв. мягкія флексіи: „вязнювъ“ 66, „крулювъ“ 46, 135 об., 138, „красномовцувъ“ 135 об.). Тамъ же, въ „Перлѣ“, мы видимъ еще: „кукуль“ (137 об., =соврем.-мр. „кукіль“) и „кунь“ (140 об., =совр.-мр. „кінь“, т. е. конь).

На Боплановой картѣ Кіевскаго воеводства, 1-ой полов. XVII вѣка [1]), при рѣдкихъ случаяхъ воспроизведенія малорусскаго ô черезъ *i*, (напр. „Kina Sluka“=Кôнна слука, на р. Хоролѣ), мы очень часто встрѣчаемъ въ смыслѣ ô латинскую букву u, напр. въ имени „Borumle“ (совр. „Бурімля“, на р. Сулѣ) и „Mulki“ (соврем. „Мільки“, оффиц. с. Мольки, на сѣв. Удаѣ), и во множествѣ именъ селъ и мѣстечекъ съ окончаніемъ „=uwka“ (соврем.-мр. „=івка“): „Reszotanuwka“ (на р. Голтвѣ), „Bobnuwka“ (южнѣе Канева), „Torhuwka“ (какъ и „Mulki“,—на сѣв. Удаѣ), „Babuzuwka“ (на р. Хоролѣ) и т. п.,—въ перемежку съ окончаніемъ „owka“, какъ, напр., „Biloszowka“ по р. Оржицѣ, „Serhiowka“ на р. Хоролѣ, и др. Такъ какъ Бопланъ не чуждается чисто-малорусскаго произношенія собственныхъ именъ (срв. у него на той же картѣ: „Onyskowa Stinka“, „Smila“, „Neberybis“, „Chmilna“, „Trylisie“ и мн. др.), то едва ли обязательно для насъ видѣть въ его латинской буквѣ „u“ полонизмъ. Просто, это значитъ, что въ тѣхъ говорахъ Кіевскаго воеводства, съ которыми имѣлъ дѣло Бопланъ, рефлексъ звука ô звучалъ въ четверти XVII вѣка ближе къ уо и къ у́и, чѣмъ къ уі́ и къ *i*; главнымъ образомъ это можно утверждать о средней и сѣверной Кіевщинѣ и сѣверной Полтавщинѣ (напр., по р. Удаю и другимъ правымъ притокамъ Сулы).

Въ польской записи „Piesn Ruska“ 1-ой половины XVII в. (до 1649 г.), представляющей собою западно-малорусскую (не то сѣверно-галицкую, не то зап.-волынскую) любовную пѣсенку, очень небрежно записанную польскими буквами [2]), мы читаемъ: „Postuy, postuy, holubonko,

---

[1]) Ukrainae pars, quae Kiovia-palatinatus vulgo dicitur, per Guilhelmum le Vasseur de Beauplan, S. R. M. Poloniae architectum militarem“, Amstelodami. Карту эту переиздалъ В. Ляскоронскій въ приложеніи къ XIII-ой книгѣ Несторовыхъ „Чтеній“ (1899).

[2]) Она издана, по подлинной рукописи XVII в. греко-уніатской капитулы въ Перемышлѣ, В. Щуратомъ—въ „Записках Наук. Т-ва імени Шевченка“, кн. 74 (=1906), стр. 132—133.

rozmowlu z toboiu!—Ne zurysia, moy milenki, budum zyty zo mnoiu“.

Къ этой пѣсенкѣ близко по говору—зап.-малорусское стихотвореніе 1651 года, озаглавленное: „Duma Kozackaia nad rikoiu Styru“. Оно, по поводу пораженія Хмельницкаго подъ Берестечкомъ, составлено несомнѣнно русиномъ, но буквами польскими [1]). Въ немъ, какъ и въ предыдущей пѣсенкѣ,совсѣмъ нѣтъ воспроизведенія ô через *i*, и рефлексъ звука ô передается через латинскую букву „u“: „Odk*u*l Han nastupaiet“ (совр.-мр. „відк*і*ль“); b*u*lsz woyska iest Hmelowy“ (совр.-мр. „б*і*лш); „...słat do Hetmana, iako n*uż* u stupyła“ (т. е. слать войско къ гетману для истребленія, словно ножъ въ тупилку; совр.-мр. „н*і*ж“); „Han utikaiet y K*u*sz (соврем.-мр. „К*і*ш“) myiaiet, namet*o*w odbihaiet“; „*až* tab*u*r rozorwały“ (соврем.-мр. „таб*і*р“); „Scz[o] b*u*lsz byt maiet?“; „Zatym b*u*lsz Lah*u*w, a u nas strahow“. Род. множ. имѣетъ написанное окончаніе „*ow*“: „Lachow“ (2 раза, a 1 разъ „Lah*u*w“), „Tatar*o*w“ (3 раза), „namet*o*w“, „strah*o*w“ (съ риѳмою Lah*u*w“), „panow“ (3 раза). Кромѣ того, буква ô написана въ „micz swoy“ (срв. въ предыдущей пѣсенкѣ „moy“) и въ „k*o*lko“. Повидимому, тотъ локальный зап.-мр. говоръ (по рѣкѣ Стыри?), на которомъ составлена „Duma Kozackaia“, принадлежалъ къ числу нѣсколько запоздавшихъ въ своемъ развитіи сравнительно съ прочими, болѣе южными зап.-мр. говорами середины XVII вѣка.

Кажется, къ числу нѣсколько запоздавшихъ въ своемъ развитіи (въ дѣлѣ выработки *і* изъ *ô*) и ужъ во всякомъ случаѣ къ числу говоровъ дифтонгическихъ принадлежалъ и родной (вост.-мр.) говоръ Богдана Хмельницкаго, славнаго козацкаго вождя. По крайней мѣрѣ это можно заключить изъ его писемъ [2]), гдѣ въ смыслѣ *о* постоянно встрѣчается буква *у*: „поклунъ“, „свуй“, „мугъ“ (прош. вр. отъ „могти“, =соврем.-мр. „м*і*г“), „нугъ“ (род. мн. отъ „нога“, =совр.-мр. „н*і*г“), род. мн.: „поп*у*въ“, „посланц*у*въ“ и друг.

Значительно болѣе развитою въ этомъ отношеніи является обычная рѣчь малоруссовъ Полтавщины XVII в. по

---

[1]) Эту „Dumu Kozackuiu“ мы по частямъ помѣстили въ нашей грамматикѣ, перепечатавши изъ II-го тома „Archiv für slav. Philol.“, стр. 298—301, причемъ разставили лишь знаки препинанія.

[2]) Они хранятся въ Москвѣ, въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

великорусскимъ податнымъ переписнымъ книгамъ 1666 г., куда вписано украинское новоподданное посполъство (крестьяне и мѣщане) Лубенскаго, Миргородскаго и Полтавскаго полковъ [1]). Присланные приказные-великоруссы, если имъ почему-либо не удавалось въ своихъ податныхъ реестрахъ передѣлать малорусскія имена и слова на московско-великорусскій ладъ, писали ихъ прямо по слуху,— и въ огромной массѣ тогдашнее малорусское *ô* оказывается выражено у нихъ въ реестрахъ великорусскою буквою *и* („сыр*и*тка“, „сн*и*пъ“ и т. п... Тѣмъ не менѣе, попадается и у нихъ изрѣдка буква *у*,—ясное доказательство, что и дифтонгическій выговоръ (у и) еще не совсѣмъ исчезъ тогда въ Полтавщинѣ, — по крайней мѣрѣ, въ болѣе сѣверныхъ и среднихъ ея частяхъ. Такъ, подъ Прилуками значится „Кирюшка М*у*лченковъ“ (=„Кирик М*і*лченко“) [2]), хотя тутъ же село Мольки на р. Удаѣ (у Боплана „M*u*lki“) оказалось у великорусскихъ московскихъ приказныхъ записано какъ „М*и*лки“ (43). Тутъ же подъ Прилуками значится „Ефремъ Нов*у*тноі“ (40, =„Нов*ô*тный“)—начертаніе, которое въ описи повторяется съ буквою *у* еще не одинъ разъ (89, 103, 107), чередуясь иногда съ москвизированной формою „Навотновъ“ (112), „Новотноі“ (118), и имѣя рядомъ съ собою начертанія съ *и* и *ы* вродѣ „Сир*ы*ткинъ“ (40), „Сир*и*тка“ (41), „Ла*и*тко“ (90, =„Лагôдко“) и др. Въ тѣхъ же почти мѣстахъ, именно подъ г. Срібнымъ, значатся: „Козма К*у*чюфъ“ (51, =„Кучьôвъ“), „Н*у*чъ“ (53, = „Нôчь“), „П*у*лъгаенко“ (54, =„Пôвгаенко“), „Кок*у*щенко“ (54, =„Кокôсченко“), „Др*у*бченко мелъникъ“ (на р. Удаѣ, 55, =Дрôбченко“) „Л*у*щинъ“ (85, ближе къ р. Удаю, изъ-подъ Пирятина, =„Лôзчинъ“)—при фамиліяхъ: „Дроб*ы*тъ“ (85, =„Дробôтъ“), „Шк*и*рка“ (87, =„Шкôрка“) и др. Все тамъ же, подъ г. Краснымъ, отмѣчено село „Самб*у*ръ“ (59,

---

[1]) Эти переписныя книги хранятся въ московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Ихъ издалъ А. Лазаревскій въ XIII книгѣ Несторовыхъ „Чтеній“ (1899). Наши ссылки сдѣланы на страницы этого изданія.

[2]) Московскіе составители описи 1666 г. считали своею обязанностью по возможности передѣлывать мр. имена совсѣмъ на московскій образецъ, съ уменьшительно-уничижительнымъ окончаніемъ—„ушка“, „юшка“ и т. п. и съ прибавкою окончанія— „овъ“ къ отчеству или къ прозвищу. Иногда они это, впрочемъ, забывали дѣлать.

61, къ сѣверу отъ Роменъ и р. Сулы, =Самбôръ"). На р. Сулѣ, подъ Лохвицей, записанъ „Безпоруіко" (97, =„Безпорôйко"?); въ Миргородѣ—„Буіка" (100, =„Бôйка"); подъ Миргородомъ на р. Хоролѣ—„Друщъ" (103, =„Дрôждждь"), „Новутноі" (103, =Новôтный"), „Буіченковъ" (114, =„Бôйченко"),—и это—наряду съ такими начертаніями, какъ „Лемишка" (97,=„Лемьôшка"), „Беречилъ" (100,=„Беречьôлъ") и пр. Къ сѣверу отд. г. Голтвы, на р. Пслѣ, значатся: „Вурловскоі" (118, 119, 133,=„Орловскій") и „Ластученко" (119,=„Ластôвченко"), а рядомъ съ ними: „Федко Ряшискиі" (118,=„Ряшьôвський"), „Сишноі" (118,=„Сôшный"). „Очитковъ" (119,=„Очьôтко"), „Уничковъ" (121,=„Внôчко"), Подъ г. Полтавою записанъ „Шестюрковъ" (129,=„Шестьôрка"), причемъ тамъ же оказывается и „Свипъ" (126,=„Свôпъ). —У насъ нѣтъ ни малѣйшихъ основаній предполагать за полуграмотными московскими писцами 1666 г. какую-нибудь книжную малорусскую или польскую традицію, которая искусственно заставляла бы ихъ писать букву *у* тамъ, гдѣ имъ слышалось *і*,—и разъ они по слуху пишутъ именно букву *у* (наряду съ *и*) въ смыслѣ малорусскаго *ô*, то это значить, что уковый элементъ дифтонга уі слышался въ 1666 г. въ нѣкоторыхъ говорахъ (или, хоть, въ отдѣльныхъ словахъ одного и того же говора) сѣверной и средней Полтавщины еще довольно явственно.

Повидимому, тамъ же, но ближе къ Кіеву, жилъ священникъ, сдѣлавшій ок. 1669 г. рукописныя замѣтки на поляхъ печатной книги Иннок. Гизіеля: „Миръ человѣка съ Богомъ" (Кіевъ 1666) [1]). Священникъ этотъ, очевидно, бывалъ частенько въ Кіевѣ, жителей котораго онъ хорошо знаетъ [2]), но интересы его всецѣло связаны съ Полтавщиной, гдѣ гетманомъ (Лѣвобережнымъ) былъ „небожчикъ Бруховецкии" (1663—1668, погибъ въ 1668 г. въ

[1]) Этотъ экземпляръ Гизіелевой книги поступилъ въ 1888 г., изъ Полтавщины въ библіотеку Церк.-Археол. Музея при Кіевской Дух. Академіи. Приписки, сдѣланныя на поляхъ, опубликованы и печатно, Н. П(етровымъ), въ „Кіевской Старинѣ" 1892, янв., стр. 148—154.

[2]) съ нелестной впрочемъ стороны. На л. 419, гдѣ Гизіель говоритъ, что грѣхъ—продавать по высокой и покупать по низкой цѣнѣ, имѣется приписка: „Всѣ, всѣ Киане звлаца наибарзнѣй!"

Гадячѣ), интимно извѣстный автору приписокъ [1]), и гдѣ „на-службѣ" жили „Москалѣ, начальныи люде" (л.385); этихъ послѣднихъ онъ, культурный украинецъ, глубоко презираетъ за ихъ варварскую некультурность; и даже ихъ грубое православіе возбуждаетъ въ немъ гадливость [2]). Такимъ образомъ можно съ увѣренностью считать его за жителя Полтавщины (чуть ли не переяславца). Наклонности передавать малорусское ô черезъ букву *и* у него не замѣчается,—вмѣсто того пишется буква *у*. Эта буква *у* (а въ мягкомъ склоненіи—буква *ю*) преимущественно пишется во флексіи род. множ. „У наших п о п *у* в простых тое завше есть", „На веселяхъ у п р о с т а к *у* в ъ щó човпется, срамне ест и зглаголати" (между стр. 156—256); (Про „ножное ликованіе или плясаніе" на свадьбахъ): „То-то на Украинѣ и похвала у м у ж н и к *у* (в)!" (258): „Простаки всѣх духовных не любят, а звлаща, п о п *у* в ъ" (327); „У неуков п о п *у* в того много" (386); „То можнаа реч чрезъ в и к а р и *ю* в" (384).—(Про разсѣянность въ церкви): „А в М о с к а л *ю* в ъ то то и справа, що в церкви о всемъ розмовляти" (328); (объ исповѣди и сожалѣніи о грѣхахъ): „У М о с к а л *ю* в и не знаютъ, щó тожаловати за грѣхи; толко всего: „Каюса, батушку!" (420). Другія начертанія съ *у*: „По Л а щ о в с к *у* (й)" (между стр. 156—256); „сам не п *у* й д е т" (384); „А другий п *у* п ъ и самъ не знае, що и Отче наш (чи) умѣет" (384); „Козаки едною ж *у* н к о ю не контентуются, але що город—то инша" (150).

У проповѣдника XVII в, І о а н н и к і я Г а л я т о в с к а г о, малорусса западнаго, который жилъ однако въ Кіевѣ (былъ кіевскимъ ректоромъ и игуменомъ кіево-Братскаго монастыря) и, вѣроятно, произносилъ по кіевски, мы почти не видимъ воспроизведенія малорусскаго ô черезъ *и*, но нѣсколько чаще видимъ воспроизведеніе черезъ *у*. Такъ, въ его „К л ю ч ѣ р а з у м ѣ н і я" (Кіевъ, 1659): „оп*у*вночи" 49, „п*у*лночи" 99, „п*у*лночъ" 336, „пок*у*й" 161; (срв. род. мн. „вороб*ю*в" 353; „сво*ю*й" 218 об.). Впрочемъ, Галятовскій

[1]) „Такого мѣлъ небожчикъ Бруховецкии духовника з Канева: Онофрія, що дрижал перед ним он, а не сповѣдаючійся панъ Бруховецкій" (449).

[2]) Срв. между прочимъ приписку къ стр. 441 о выборѣ вопросовъ исповѣдникомъ для кающагося: „А у Московскихъ требниках хоч бы святія пришолъ исповѣдатися,—наслухается, чого и на ум ему николи не приходило. То-то дурнота!"

крайне старательно избѣгалъ проявлять на письмѣ малорусскую замѣстительную долготу: считалъ это непозволительнымъ вульгаризмомъ, и почти только тамъ она у него прорывалась, гдѣ этому благопріятствовала и ороографія польская.

По этой же причинѣ и у его ученика-проповѣдника, черниговца Антонія Радивиловскаго XVII в., одинаково рѣдко бываетъ напечатана, въ смыслѣ ô, какъ буква *и* (или *і*), такъ и буква *у*. Въ рукописныхъ его оригиналахъ это случается чаще. Такъ, въ рукописномъ его „Огородкѣ" (1671; напеч. въ Кіевѣ въ 1676) есть: „на столпѣ Адамантов*у*мъ" (II, 237; печатн. „*омъ*", 197), „едн*у*й дѣвѣ" (II, 1151), „дзв*у*нъ" (II, 950), „в н*у*рцѣ" (II, 357), „з н*у*рокъ" (II, 353); это же слово съ буквою *у* есть и въ печатномъ изданіи 1676 года: „в*у*рка" (861, 862).

XVIII вѣкъ.

Попадаются начертанія съ буквою *у* (=ô) и въ мр. памятникахъ XVIII столѣтія, и это не только въ области болѣе консервативнаго нарѣчія восточнаго (напр., въ интерлюдіяхъ Георгія Конисскаго конца XVIII в.: „в*у*нъ", „т*у*лко", „ якій хорошій п*у*съ" и пр., наряду съ „в*ы*нъ", „в*ы*ттуль" и пр.), но и въ области быстрѣе эволюціонировавшаго нарѣчія западнаго (срв. „на Агафетов*у*м поли" въ галицкомъ Словѣ Меоодія Патарскаго XVIII в., музей Петрушевича, № 105 *). Однако количество подобныхъ начертаній оказывается въ XVIII вѣкѣ несравненно меньшимъ, чѣмъ въ XVII-омъ в., потому что преобладающая часть малоруссовъ произносила въ такихъ случаяхъ ужъ не уи, но просто *і*, а дифтонгъ слышался лишь въ т. н. архаичныхъ сѣв.-мр. говорахъ: на западѣ слышался онъ въ горныхъ Карпатскихъ закоулкахъ, да въ Подляшьи и на Волынскомъ Полѣсьи, а на востокѣ тоже только въ сѣверныхъ полосахъ. Замѣтимъ однако, что и въ говорахъ средней Кіевщины (къ сѣв. отъ р. Роси) и средней Полтавщины (къ сѣв. отъ р. Сулы) дифтонги, во многихъ случаяхъ, такъ же не успѣли еще окончательно переработаться въ чисто-монофтонгическое *і*—почти до самаго конца XVIII-го вѣка; въ Полтавщинѣ, именно отъ Переяслава до Лубень (гдѣ теперь рѣчь обыкновеннаго украинскаго типа) дифтонгизмъ могъ тянуться чуть ли даже не до начала XIX вѣка. По крайней мѣрѣ, Ао. Шафонскій, въ своемъ „Топографическомъ описаніи Черниговскаго на-

*) См. по изданію Ив. Франка: „Памятки", т. IV, стр. 287.

мѣстничества (1786)" *) свидѣтельствуетъ (срв. § 12 и § 5), что за Лубнами говорятъ ужъ „кiнь", но по правую (сѣверную) сторону р. Сулы слышится еще такой выговоръ, какой въ Глуховѣ и Нѣжинѣ (Шафонскiй воспроизводитъ его черезъ „кунь"). Да даже въ болѣе поздней полтавской мр. грамматикѣ Павловскаго (1818), принципiальнаго врага дифтонгизма, мы еще можемъ наблюдать очень ощутительную борьбу звука *уи* съ *i*. Павловскiй, напримѣръ, пишетъ: „помагай-Бу", „Тимушъ", тогда какъ по его же принципу мы вправѣ были бы ждать отъ него только „помагай-Бi" и „Тимiш".

ε) **Съ какого времени рефлексъ долготнаго *ô* сталъ звучать у малоруссовъ, какъ монофтонгъ *i*?**

Если судить по употребленiю писцами буквы *и* въ смыслѣ *ô*, то это явленiе должно было начаться у малоруссовъ въ концѣ XIV-го или въ самомъ началѣ XV-го вѣка, и притомъ сперва лишь въ южныхъ говорахъ нарѣчiя западно-малорусскаго (напримѣръ, въ буковинско подольскихъ); на Волыни въ XV вѣкѣ этого, кажется, еще не было. Послѣ XV вѣка, въ половинѣ XVI-го, это явленiе констатируется ужъ по всей территорiи того же нарѣчiя западно-малорусскаго (доходя на сѣверѣ, въ Волыни, до бѣлорусско-малорусской рѣки Припяти), а также съ легкостью оно констатируется въ XVI вѣкѣ ужъ и въ большей части тогдашнихъ предѣловъ нарѣчiя восточно-малорусскаго, именно въ южныхъ и среднихъ его полосахъ, безъ сѣверныхъ полосъ Кiевщины и Полтавщины и безъ Черниговщины; впрочемъ, самый-то городъ Кiевъ, лежавшiй въ Кiевщинѣ сѣверной, но привлекавшiй къ себѣ малоруссовъ изъ всѣхъ мѣстностей, тоже зналъ переработку рефлекса *ô* въ *i* еще въ серединѣ XVI-го вѣка. Въ самомъ концѣ XVI-го вѣка и въ XVII-омъ такая переработка дифтонгическаго *ô* въ *i* проскальзываетъ по сѣверной Кiевщинѣ и по Черниговщинѣ. А такъ какъ XVII вѣкъ былъ эпохою напряженной общемалорусской по-

*) Описанiе Шафонскаго издалъ М. Судiенко въ Кiевѣ, 1857.

литической и духовной жизни, періодомъ общемалорусскаго процвѣтанія козачества и братскихъ школъ, періодомъ всеобщаго возстанія, передвиженія и смѣшенія малоруссовъ изъ всѣхъ мѣстностей, то и выговоръ малорусскій повсемѣстно дѣлался, въ силу естественнаго хода вещей, болѣе или менѣе единообразнымъ и общеудобнымъ, и привычка обращать мѣшкотное дифтонгическое уи въ удобопроизносимый монофтонгъ *і* все болѣе и болѣе укрѣплялась всюду среди малоруссовъ, такъ что дифтонгъ уи быстро въ XVII-мъ вѣкѣ исчезалъ, сохраняясь только въ рѣчи отдаленныхъ, заброшенныхъ захолустій.—Обо всемъ этомъ мы понемногу, но частенько, ужъ и говорили выше, причемъ даже очень немалый рядъ документальныхъ примѣровъ на написаніе *и* вм. о тоже былъ уже нами цитированъ выше,—тамъ и и сямъ, въ предыдущихъ отдѣлахъ. Но это было сдѣлано тамъ лишь попутно и мимоходомъ. Для лучшей наглядности намъ слѣдуетъ, поэтому, произвести систематическій, болѣе или менѣе полный обзоръ документальныхъ данныхъ, хронологически и топографически освѣщающихъ мр. переработку *ô* въ *і*.

Мы должны однако заранѣе оговориться (какъ и раньше не разъ оговаривались), что нельзя букву *и*, написанную въ смыслѣ *ô*, всегда понимать какъ безусловно-монофтонгическое *і*; да даже понимая ее въ извѣстномъ словѣ за несомнѣнный монофтонгъ, не всегда возможно дѣлать оттуда выводъ, что въ другихъ словахъ говоръ писца ужъ совсѣмъ не зналъ дифтонгическаго произношенія. Вѣдь едва-ли можно сомнѣваться, что писцы XV-XVII в. очень часто могли писать одну букву *и* тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ они выговаривали все еще дифтонгически: *уй*;—недаромъ же у такихъ писцовъ наряду съ написаніемъ буквы *и* (въ смыслѣ *ô*) мы, въ аналогичныхъ случаяхъ, подмѣчаемъ и употребленіе буквы *у*. Поэтому изъ многихъ документальныхъ данныхъ, которыя мы ниже приведемъ, съ полной достовѣрностью можетъ вытекать лишь одинъ выводъ: тотъ дифтонгъ, который возникъ въ мр. языкѣ ок. XIII в. по закону замѣстительнаго удлиненія звука о (передъ павшими глухими и передъ ослабѣвшимъ и) и который въ XIII—XIV вв. слышался какъ *оо*, или какъ *уо*, или какъ *уэ*, — этотъ дифтонгъ въ началѣ XV вѣка звучалъ

ужъ какъ *уы*, или какъ *уи*, и даже, очевидно, имѣлъ удареніе на второй своей части (т. е. звучалъ *уи́*, а не *у́и*), такъ что могъ слышаться въ извѣстныхъ словахъ и въ извѣстныхъ фонетическихъ положеніяхъ, какъ чистый монофтонгъ *і*. (Но въ другихъ словахъ и въ другихъ звуковыхъ положеніяхъ писецъ могъ сохранять произношеніе дифтонгическое, т. е. могъ онъ, напр., съ одной стороны произносить монофтонгически: „*кінь*", а съ другой стороны род. мн. „брат*уи*въ", отъ им. ед. „братъ".

Анализируя документальныя данныя, мы должны сдѣлать и еще одну оговорку. Нѣкоторыя документальныя начертанія съ буквою *и*, написанною вмѣсто стараго о, намъ придется исключить, какъ неубѣдительныя или вовсе не стоящія въ прямой связи съ исторіей развитія замѣстительной долготы. Къ такимъ относятся въ 1-ыхъ, окончанія дат. и мѣстн. пад. прилагаемыхъ ед. ч.: „*-имъ*" (иногда „-ымъ") и „*-ій*",—напр., „въ так*им*ъ", „въ так*ій*"; „по т*ы*мъ" Это могутъ быть или чистѣйшіе полонизмы (срв. польск. „w tak*i*m" и „w tak*i*ej", „pot*y*m") или самостоятельныя явленія, аналогичныя и съ польскими и съ такими же великорусскими (гдѣ они объяснятся смѣшеніемъ падежей). Поэтому—напримѣръ въ грамотахъ—мы не можемъ принимать за неоспоримое воспроизведеніе рефлекса о букву *и* (или букву *ы*) въ Сангушковской грам. 1386 г. „у правдѣ и у хрестн*ы*мъ целованьи"[1]), или въ галицкой Гнѣвошевой грам. 1393 г.: „село у Теребовльск*и*й волости"[2]); такія начертанія найдутся и въ памятникахъ немалорусскихъ[3]). А если подобныя флексійныя окончанія оказываются у малоруссовъ не въ грамотахъ, а въ рукописяхъ церковныхъ, то тамъ они очень часто могутъ объясняться опять-таки не какъ о, но какъ результатъ мр. смѣшенія церковныхъ буквъ ѣ и и; напр., въ волынскомъ (изъ-подъ Кременца) Антоновецкомъ Апостолѣ XV вѣка начертаніе „о нелицѣмѣрн*і*и вѣре" (л. 121 об.) могло бы свободно возникнуть и вмѣсто церк.-славянскаго начертанія: „о нелицемѣрьн*ѣ*и вѣрѣ", а не только изъ чисто-малорусскаго „нелицемѣрнóй".

---

1) Archiwum Sanguszków, I, 3.

2) = Голов. № 11, стр. 13.

3) Срв. напр., въ новгор. Синод. еванг. 1355 г. „о глаголѣ глаголан*ы*мъ" (л. 163); то же—въ новгородскомъ Типографскомъ евангеліи до 1362 г. (л. 146 об.), и т. п. Укажемъ кстати и въ (черниговской) Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198: „о вседьневн*ы*мь крьщеніи".

Во 2-ыхъ, въ виду существованія польскихъ формъ „kil-ka“, „tylko“ и пр., не всегда могутъ говорить о переходѣ рефлекса малорусскаго долготнаго ô въ звукъ *i* тѣ малорусскіе памятники, въ которыхъ мы находимъ написанія: „*кu*лька“, „*кu*лько“, „*тu*лько“ (или „*ты*лько“),—развѣ что такія начертанія не стоятъ единично, а сопровождаются многими другими, ужъ вполнѣ достовѣрными случаями воспроизведенія ô черезъ *u*. Во всякомъ случаѣ эти написанія не характерны и попадаются также въ грамотахъ и памятникахъ бѣлорусскихъ.

Въ 3-хъ надо исключить изъ числа документальныхъ данныхъ, указывающихъ на переходъ ô въ *i*, тѣ начертанія старо-мр. памятниковъ (вродѣ частаго „об*u*слати“ или „об*ы*слати“ грамотъ XIV-XV в.), гдѣ буква *u* (или *ы*) соотвѣтствуетъ современному малорусскому звуку *i* (а наряду съ нимъ—звуку *о*, или отсутствію гласнаго звука) въ словахъ, сложныхъ съ предлогами „*об*“, „*над*“, „*під*“, „*із*“, „*роз*“ „*з*“ и прочими предлогами, которые кончаются на согласный звукъ и за которыми долженъ былъ бы слѣдовать опять-таки согласный звукъ; срв. соврем.-мр. „під*і*гнути“ (звучащее также „під*о*гнути“ и иногда просто „під*г*нути“), соврем. „об*і*слати“ (при болѣе рѣдкомъ „об*о*слати“ и совсѣмъ рѣдкомъ „об*с*лати“) и т. п., и т. п. Звукъ *i*, — все равно какъ и чередующійся съ нимъ звукъ *о* — имѣетъ здѣсь у малоруссовъ старѣйшее свое происхожденіе вовсе не долготное, т. е. не изъ *ô*[1]), а просто эвфоническое, „благозвучное“: вѣдь въ цѣляхъ благозвучія малорусскій языкъ изстари, съ великокняжескихъ кіевскихъ временъ, пользуется какъ звукомъ *о*, такъ и звукомъ *u*[2]). Пожалуй,

---

[1]) Да кстати сказать, прамалорусскій языкъ вовсе и не имѣлъ здѣсь звука о. Упомянутые предлоги или оканчивались на гласный звукъ ъ („подъ“, „надъ“ и пр.), который не подлежитъ закону возмѣстительной долготы, или исходили на согласную („из“, „роз“ и пр.). Предкомъ нынѣшняго глагола „під*і*гнути“ была въ XI-XIII в. форма „подъгънути“, а не „подогънути“.

[2]) То же эвфоническое примѣненіе и смѣна звуковъ *о* и *u*, при стеченіи согласныхъ, съ особой рельефностью даетъ себя чувствовать и въ н а ч а л ѣ словъ. Срв. существительное „*лж*а“, обращающееся, при помощи эвфоническихъ протезисовъ, въ „*о*лжа“ и „*и*лжа“; (еще въ кіев. Изборн. 1076 г. № 158 б.); или срв. имя рѣки „*Ль*то“, „*Оль*то“ и „*Иль*тиця“; „*мш*аний“, „*ом*шаник“ и „*Им*шенецький“, и пр., и пр. См. объ этомъ особую главу: „Пріемы малорусскаго благозвучія“, = т. I, §§ 43 – 46.

особая, специфическая окраска этого мр. вставочнаго *і*, ощущаемая послѣ зубныхъ согласныхъ [1]), указываетъ на извѣстную состоявшуюся связь и взаимодѣйствіе между этимъ мр. вставочнымъ *і* и рефлексомъ ô; однако связь эта и взаимодѣйствіе это состоялись ужъ попозже, путемъ нефонетической аналогіи такихъ глаголовъ, какъ „підібрати" (гдѣ предлогъ есть „подъ"), съ такими глаголами, какъ „дібрати" (гдѣ предлогъ есть „до", содержащій основное о, которое вполнѣ, конечно, фонетически обратилось въ ô [2]). Въ всякомъ случаѣ, вставочный эвфоническій звукъ і свойственъ былъ мр. языку гораздо раньше паденія глухихъ гласныхъ и раньше возникновенія замѣстительной долготы (срв. „не въсхотѣ *и*лъгати всякоя *и*лъжа", л. 158 б., въ кіевскомъ Изборникѣ 1076 г., и др.), а потому мы не должны принимать за достовѣрное свидѣтельство о переработкѣ рефлекса звука *ô* въ монофтонгъ *і* букву *ы* или *и*, написанную въ соотвѣтствующихъ начертаніяхъ даже памятниковъ вѣка ужъ XV-го, когда рефлексъ звука ô уже безусловно могъ бы обратиться и обращался въ *і*. Такимъ ненадежнымъ критеріемъ для вопроса о превращеніи ô въ *і* является, напр., вышевспомянутое начертаніе глагола „*о*бислати" (соврем. „об*і*слати") въ буковинскихъ грамотахъ XV в.: „имаетъ об*ы*слати" (грам. 1448 г. и 1454 г. [3]), „коли король нас об*ы*шлетъ (грам. 1444 г., 1454 г. и 1462 г.) [4]). Или, напримѣръ въ памятникѣ еще болѣе поздняго времени, средины XVI-го вѣка—описи Мозыр-

---

[1]) Напримѣръ, въ „над*і*брати", „роз*і*брати", звукъ *і* слышится съ тѣмъ особымъ неуловимымъ характеромъ, который отмѣчёнъ нами на стр. 30 — 31-ой и который свойственъ спеціально звуку *і*, происходящему изъ *ô*. Слогъ „*ді*" въ „*над*ібрати" (изъ стариннаго „надъбьрати") звучитъ совершенно такъ же, какъ въ „*ді*брати" (изъ стар. „добьрати", откуда вышло „д*ô*брати"), т. е. вродѣ *дьі*, или нѣмецкаго dü въ dünn.

[2]) Иначе сказать: произношеніе глагола „д*і*-брати" („до-бьрати") со специфической окраской звука *і*, свойственной собственно лишь звуку *і* долготному (изъ ô), легко влекло за собою придачу такой же специфической окраски и тому звуку *і*, который путемъ эвфоніи (а не долготы) возникъ въ похожемъ глаголѣ „пі*ді*брати" (=„подъбьрати") послѣ выпаденія глухого ъ.

[3]) = Уляницкій № 67, стр. 73 и № 72, стр. 79.

[4]) = Улян. № 58, стр. 64; № 75, стр. 83; № 92, стр. 102.

скаго замка 1552 г. воеводства Подляшскаго [1]), которую составилъ малоруссъ, вообще-то не разъ проявившій рельефнѣйшую переработку ô въ *i*, — среди этой описи не могутъ являться вполнѣ характерными для освѣщенія переработки ô въ *i* такія начертанія, какъ „рыба [въ ѣзъ] взыйти не можетъ" (620; срв. соврем. „зійти"), „человѣковъ десять розышлосе" (646, срв. совр. „розійшлося", „розійшлося"), „якъ отышло" (646, два раза, срв. соврем. „одішло", „одійшло"). У писателей-книжниковъ, которые простонародной рѣчи боялись, но за то находились подъ сильнымъ вліяніемъ языка польскаго (напримѣръ, у кіевскихъ схоластиковъ XVII в.), буква *i* или *и* въ подобныхъ случаяхъ могла бывать написана даже совсѣмъ безъ воздѣйствія живого мр. языка, — просто подъ вліяніемъ чужимъ, польскимъ: у поляковъ слышится въ такихъ случаяхъ узкій звукъ *е* (изъ ѣ). Оттого, положимъ, у книжниковъ Галятовскаго и Радивиловскаго, принципіальныхъ враговъ обозначенія малорусскаго *i* (изъ ô) въ литературѣ, мы въ ихъ печатныхъ начертаніяхъ „одіймуешъ", „отіймует" („Огородокъ" 1676, стр. 692; „Ключъ разумѣнія" 1659 г., стр. 139) скорѣе можемъ усматривать польское „odejmujesz", „odejmuje" (отъ неопр. н-нія „odejmować"), чѣмъ малорусское „одіймаеш", „одіймас" (отъ глагола, „одіймати").

XV вѣкъ.

И такъ, оставляя въ сторонѣ грамоту 1386 г. съ ея нетипичнымъ начертаніемъ «у хрестнымъ целованьи» и грамоту 1393-го г. съ ея тоже нетипичнымъ начертаніемъ «у Теребовльскиі волости» и нѣкоторыя другія малохарактерныя написанія XIV вѣка [2]), мы имѣемъ старѣйшій документальный случай совсѣмъ ужъ безспорнаго, очень яркаго воспроизведенія *ô* черезъ букву *и* послѣ 1-ой *четверти XVв.*,—въ буковинской дарственной грамотѣ 1436 г. воеводъ Ильи и Стефана на имѣнія въ Кишиневщинѣ (=Улян. № 44, стр. 48): «где...... и на-иткилѣ» (=«ôтколя́», чит. «відкіля́», потому-что буковинцы, на бал-

[1]) Опись эта издана въ „Архивѣ Юго-Западной Россіи", часть VII, т. 1-ый (Кіевъ 1886), стр. 611—647.

[2]) а тѣмъ болѣе—„о вседневнымь" въ Румянц. Лѣств. XII в. № 198.

канскій ладъ, читали букву ѣ за ꙗ) [1]). Въ другихъ грамотахъ этихъ же воеводъ рефлексъ *ô* передается буквою *у* [2]). Болѣе типичнаго начертанія, чѣмъ «*иткилѣ*» 1436 г., мы въ мр. памятникахъ XV вѣка не видимъ [3]), даже въ области наиболѣе южныхъ зап.-мр. говоровъ.

Волынскія же, т.-е. болѣе сѣверныя, мр. начертанія XV вѣка—всѣ или не очень характерны, или могутъ быть оспариваемы. Напримѣръ, въ бѣлорусской копіи съ жалованной грам. 1479 г. кн. Кобринскаго: „пок*и*ль живъ" (=Акты Юж. и Зап. Росс., т. II, стр. 295),—что это за *и?* имѣлось ли оно въ кобринскомъ подлинникѣ 1479 г. (гдѣ „пок*и*ль" могло бы объясняться изъ „покôль")? или же это слово внесъ бѣлоруссъ-переписчикъ, передѣлавши его изъ своего „покель"?—Другой примѣръ—начертаніе зап.-волынскаго Антоновецкаго Апостола XV в.: „о нелицемѣрн*і*и вѣре", л. 121 об.;—буква *і* могла у писца возникнуть при перепискѣ церковно-славянскаго начертанія: „нелицемѣрьнѣи", а вовсе не подъ вліяніемъ малорусскаго „нелицемѣрнôй".

XVI вѣкъ.

За то въ слѣдующемъ, XVI-омъ вѣкѣ, количество достовѣрныхъ случаевъ употребленія буквы *и* въ смыслѣ *ô* оказывается и повсемѣстнымъ и очень изряднымъ. Для нашего нарѣчія восточно-малорусскаго особенно ярки и довольно многочисленны они въ оффиціальныхъ описяхъ укра-

---

[1]) Звукъ *і* въ среднемъ слогѣ нарѣчія „відк*і*ля" заимствованъ изъ параллельной формы „відк*і*ль" (= ôкôль), гдѣ долготность о развилась вполнѣ фонетически: въ положеніи передъ утеряннымъ гласнымъ ь.

[2]) См. нашу „Укр. Грамм.", т. I, стр. 154.

[3]) По крайней мѣрѣ, насколько не обманываетъ меня моя память. (Всѣ мои выписки изъ рукописей XV вѣка, относящіяся къ этому пункту, были похищены изъ типографіи В. А. Гатцукъ вмѣстѣ съ другимъ матеріаломъ въ ночь на 1 апрѣля 1907 г., и возстановить ихъ немедленно я не въ силахъ безъ кропотливой новой работы по рукописямъ.)

инскихъ замковъ 1552 г.,—описяхъ, произведенныхъ по приказанію короля Сигизмунда-Августа,—и были бы, конечно, еще многочисленнѣе и ярче, если бы при внесеніи описей въ Литовскую Метрику бѣлоруссы-переписчики не постарались уничтожить и исказить многія малорусскія черты. Для западно-мр. нарѣчія хорошія данныя содержатся и въ польскихъ люстраціяхъ около 1563—1565 года [1]).

Итакъ, въ наиболѣе южной окраинѣ тогдашней области нашего восточно-мр. нарѣчія, въ Черкащинѣ (а Черкащина въ тѣ времена административно простиралась и на лѣвый, южно-полтавскій берегъ Днѣпра), мы, по описи Черкасскаго т. н. «замка» 1552 года [2]) часто констатируемъ произношеніе съ *і* въ словѣ «гак*і*вница» (=гаковница, огнестрѣльное оруціе); такъ, на стр. 80-ой: «гак*и*вницъ 7», «гак*и*вницъ 29», «гак*и*вница одна розорвана», «кули до тыхъ гак*и*вницъ», «до гак*и*вницъ тыхъ» (итого пять разъ на одной страницѣ). Род. мн., по крайней мѣрѣ въ мягкомъ склоненіи, пишется съ «*и*въ»: «а наймуеть сторож*и*въ до замку староста» (81, вм. «сторожьôвъ», гдѣ ьô изъ є). Имена и прозвища черкасскихъ мѣщанъ: «Ант*и*нъ» (87, = =Антôнъ), «Тиньсн*и*чъ» (87, =тѣньснôчь), «Олексей Макоr*и*нъ» (88, =макогôнъ, т. е. пестъ), «Максимъ Щолчод*и*нъ» (88, =съ-чьлно-Дôнъ [3]), «Богданъ Мыступ*и*тъ» (89, =мый-

---

[1]) Есть Луцкая (=зап.-мр.) замковая опись 1552 г. дошедшая въ польской нотаріальной транскрипціи XVIII в. латинскими буквами. Эта польская транскрипція, помимо того неудобства, что сдѣлана лѣтъ полтораста спустя послѣ составленія подлинниковъ, часто представляетъ намъ рядъ искаженій, возникшихъ въ силу употребленія латиницы вмѣсто кирилицы и непониманія польскимъ копистомъ того мр. документа, который онъ переписывалъ. Тѣмъ не менѣе для вопроса о переходѣ зап.-мр. ô въ *і* эта польская копія XVIII в. тоже, пожалуй, служитъ матеріаломъ, который можно бываетъ съ умѣньемъ использовать.

[2]) Опись Черкасскаго „замка“ 1552 г. издана въ „Архивѣ Юго-Западной Россіи“, ч. VII, т. 1-ый (К. 1886), стр. 77—91.

[3]) Корень здѣсь — конечно, имя р. Дона (мр. „Д*і*н“), а не „дъно“.

сту-пôтъ), срв. также имя крестьянина: «Семенъ Кокисъ» (81, =«кокôсъ», т. е. растеніе лапчатка, Potentilla verna) [1]).

Чуть-чуть выше вверхъ по Днѣпру, къ сѣверу отъ Черкащины, въ описи 1552 г. замка Каневскаго [2]), мы опять встрѣчаемъ: «гакивница» (93). Тамъ же: «с примны» (92 = «с прôмнами»); буква и въ смыслѣ ъô: «Кашивъша» (104, =«кашьôвша»). Воспроизведенія ô черезъ букву у въ Каневской описи (какъ и въ Черкасской) не замѣтно, но въ Каневщинѣ-то (т. е. средней Кіевщинѣ) это отсутствіе буквы у могло быть чистой случайностью, и было бы рискованно отсюда дѣлать выводъ, что даже средняя Кіевщина въ 1552 г. уже совсѣмъ не знала дифтонга уи. Напротивъ, именно дифтонгическое уй мы и должны считать за норму для произношенія Каневщины въ XVI столѣтіи.

Встрѣчается буква и, въ смыслѣ ô, еще и сѣвернѣе по Днѣпру, въ описи 1552 г. замка Кіевскаго [3]), гдѣ оказываются: мѣщанинъ «Прис» (116, =Прôсъ, Прôсь), «Навишко-каневецъ» (114, = «Навôшко», уменьш. отъ «Навôй» [4]); вѣроятно, рефлексъ звука ô заключается и въ имени села, принадлежащаго Печерской Лаврѣ: «Осарычи» (120, =Осарôбчи?) и въ имени кіевлянина «Якуба Пидурна» (117, =Пôддурна?). А тутъ же, въ этой кіевской описи 1552 г., мы въ смыслѣ ô видимъ и букву у («кулько», 112),—несомнѣнный признакъ тогдашняго кіевскаго дифтонгическаго произношенія (=уи). Вѣроятнѣе, дифтонгъ уй, а не монофтонгъ і переданъ буквою ы въ кіевскомъ (жидов-

---

[1]) Существуетъ это слово и въ женскомъ родѣ. Срв. прозвище Овруцкаго крестьянина: „Misko Kokosa" въ книгѣ Овруцкой кгродской 1686 г. (=Архивъ Юго-Зап. Россіи, VII, 1, стр. 550. Въ московской податной описи сѣверной Полтавщины 1666 г. долготное ô этого слова передано черезъ у: Кокущенко (54, = кокôсченко).

[2]) Изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи", ч. VII, т. 1, стр. 91—105.

[3]) Опись Кіевскаго замка 1552 г. изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи", ч. VII, т. 1-ый, стр. 106—122.

[4]) Имя, извѣстное, напр., еще изъ галицкой грамоты 1366 г. (=Голов. № 3, стр. 7).

ствующемъ) переводѣ книги Даніила XVI в. [1]), гдѣ мы читаемъ: «Чому видятся лица ваши пысны?» (въ гл. I, стихъ 10;—пôстьны, совр.-мр. «пíсні»).

А еще сѣвернѣе по системѣ р. Днѣпра, въ Черниговщинѣ, въ описи Остерскаго замка 1552 г. [2]) мы ужъ не встрѣчаемъ ни одного случая употребленія буквы *и* въ значеніи *ô*,—видимъ только букву *у*.

Переходя на территорію нарѣчія западно-малорусскаго середины XVI вѣка, въ Подолію, мы имѣемъ по рѣкѣ Южному Бугу, въ описи Вѣнницкаго [3]) замка 1552 г. [4]), имена вѣнницкихъ мѣщанъ: „К*и*ска“ (605, = кôска, или кôзка), „Гор*и*нъ Сытниковичъ“ (606, = Горôнъ, т.-е. Ааронъ), „Др*ы*щъ“ (607,=дрôждвь, дрôжчь), „Криводр*ы*стъ“ (605,=криводрôздъ), наряду съ буквою *у* („Урменчицъ“ 604=ôрменчиць, „Урленко“ 606=ôрленко, с. „Байк*у*въ“ 610=Байкôвъ; срв. *ю* въ „Павло Т*ю*тченко“ 605= „тьôтченко“).

Въ польской люстраціи 1563 г. Каменецъ-Подольскаго староства [5]), по р. Днѣстру и Смôтричу, имя смôтрицкаго мѣщанина: „Chwedko Pereh*i*n“ (178,=перегôнъ), лятычевскихъ мѣщанъ: „Chwed*i*ss“ (181,=Θедôсъ) [6]) и „Steczko Stolib*i*k“ (182,=Стецько Стулибôкъ?) и „Chwedor Pr*y*sz“ (183,= Прôсь); тамъ же подъ Лятычевомъ—ставôкъ „w K*i*ptinczach“ (185,=въ Кôптинцяхъ); на р. Днѣстрѣ подъ Бакотой: „Iszayko M*i*wczicz“ (213,=Исайко Мôвчичь) [7]). А здѣсь же есть и „K*u*mnatka“ (204,=кôмнатка).

---

[1]) Издалъ, по Виленской рукописи XVI в. № 262, И. Евсѣевъ въ московскихъ „Чтеніяхъ“, 1902, кн. III, отд. 4-й, стр. 137—164.

[2]) =Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 1-ый, стр. 592—598.

[3]) т.-е. по нынѣшнему „Винницкаго“. См. нашу „Украин. Граммат.“, т. I, стр. 267.

[4]) Изд. Винницкая опись 1552 г. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 1-ый, стр. 598—611.

[5]) Изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 2-й, стр. 165—215.

[6]) Полякъ-люстраторъ внесъ это *i* и въ отчество: „Chwed*i*ssowicz“, 181. Ўковую долготность въ этомъ имени можно наблюдать на картѣ Украины Боплана: „Ted*u*szka“ (= Тодôска) подъ Полтавой.

[7]) Въ зап.-мр. говорахъ этотъ корень легко переходитъ въ *мôв*. Срв. обычное зап.-мр. слово „в*и*м*і*вка“ (=вымôвка, т.-е. отговорка).

Въ польской люстраціи 1565 г. староства Бара Подольскаго [1]), т.-е. чуть-чуть сѣверо-восточнѣе Каменца-Подольскаго, прозвище барскаго мѣщанина „Kithlicz“ (129,=кôтличь) и мало-характерное „Wasko Wirwaniecz“ (131, = Васько Вuрванець); въ мѣстечкѣ Йолтушковѣ: „Sichno Hirka“ (216,=Сôхно Гôрка). Уковыхъ начертаній не замѣтно.

Въ польской люстраціи 1565 г. староства Хмельника-Подольскаго [2]), на верховьи Южн. Буга, ближе къ Волыни, прозвища и имена хмельницкихъ мѣщанъ: „Hrimecz Skilczenie“ (136, = Грôмець Скôльченя́) [3]), „Sawrin“ (137,=Саврôнъ, т.-е. Виссаріонъ). „Hirka“ (141,= гôрка?); срв. букву i въ смыслѣ ьô: „Mathwiei Czilka“ (163,= чьôлка), гдѣ ьô изъ ѥ) и, вѣроятно, „Hridka“ (137) [4]). Уковой передачи рефлекса ô здѣсь не замѣтно.

Такое же произношеніе ô за i въ XVI в. существовало, и подавно, въ Галичинѣ съ Буковиною, гдѣ по памятникамъ извѣстно оно вѣдь еще въ предыдущемъ вѣкѣ. Примѣровъ оттуда изъ XVI в. не будемъ приводить. Отмѣтимъ только, что даже горная гуцульская пѣсня 1571 г. про Штефана-„війводу“, составленная на говорѣ довольно консервативномъ и записанная въ Венеціи, имѣетъ (наряду съ „puᵒjmi“, „puᵒjmił“) склонность къ i: „w Tureckу́-m roté“ (=въ Турецкôй-и мь ротѣ) [5]), „w Tatarskу́-m roté“ (= въ

---

[1]) Изд. Барская люстрація 1565 г. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 2-ой, стр. 128—135 и 215—272.

[2]) Изд. Хмельницкая люстрація 1565 г. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 2-ой, стр. 135—165.

[3]) Долготное ô развилось въ словѣ „грiмець“ сперва въ косвенныхъ падежахъ: „грôмця“, „грôмцеви“ и т. д. Въ другомъ словѣ галицко-подольское окончаніе ie (въ „Skilczenie“) соотвѣтствуетъ общемалорусскому окончанію „я“ (род. — „яти“).

[4]) Въ болѣе старыхъ документахъ пишется въ этомъ имени буква ю или у. Такъ, въ гал. грам. 1371 г. (=Голов. № 4, стр. 8): „Грюдковичъ“; въ гал. грам. 1404 г. (=Голов. № 27, стр. 26): „Грудковичъ“.

[5]) Энклитическое „мь“—это есть сокращеніе изъ формы дательнаго падежа „ми“ (= мнѣ), въ значеніи dativus ethicus. Срв. въ зап.-мр. насмѣшливой пѣсенкѣ падъ козаками, записанной абецадломъ ок. 1649 г. (изд. В. Щуратъ въ „Записках Т-ва Шевченка“, т. 74, стр. 132): „Prodawala babuseyka toy hrin,—

Татарскôй-и мь ротѣ), „[w] Woloský-m roté“ (=въ Волошскôй-и мь ротѣ) [1]), „w S'tefanowy roté“ (=въ Штефановôй ротѣ), „S'tefan wyjwoda“ (два раза,=діалект. „вôйвода“).

Но особенно интересенъ для насъ тотъ фактъ XVI-го столѣтія, что стяженіе дифтонгическаго рефлекса ô (=уи) въ монофтонгъ *і* охватывало тогда не только югъ зап.-мр. территоріи, но ужъ и всю Волынь, и притомъ до очень сѣверныхъ ея окраинъ, до самой черты р. Припяти и до г. Мозыря. По документамъ предыдущаго XV в. это явленіе на Волыни съ достовѣрностью еще не констатировалось.

Разсмотримъ же начертанія нѣсколькихъ волынскихъ памятниковъ XVI вѣка.

Начнемъ съ Волыни юго-западной, съ мѣстности, лежащей на границѣ Галичины и Подоліи, именно—съ округа г. Кременца. Въ описи Кременецкаго замка 1552 г. [2]), въ противность другимъ одновременнымъ описямъ, пожалуй, нѣтъ вполнѣ типичныхъ начертаній ни съ буквою *у*, ни съ буквою *и* [3]);—очевидно, бѣлорусскіе вписчики съумѣли обезцвѣтить эту опись. За то въ польской люстраціи Кременца 1563 г. [4]) оказывается и такая передача малорусскихъ именъ, какъ „Ulasko Chysczycz“ (99,= Хôшчичь) [5])

---

hde-*m* sia wziaw kozak Ochryn“, „Prodawala babusienka reidku,— hde-*m* sia wziaw kozak Chweidko“, „Prodawala babusienka perec,— hde-*m* sia wziaw kozak Ferenc“, „Prodawala babusienka kobzu,— hde-*m* sia wziaw kozak zo bzu“; и т. д.,—еще такія же три строфы.

[1]) Произношеніе дат.-мѣстн. падежа ж. рода: „в турецькій-*і* роті“, „в татарській-*і* роті“ и т. д., съ разширеніемъ окончанія „ій“ въ ій-*і* (или въ „ії“)—это обычная зап.-мр. черта, даже литературно проведенная, напр., подоляниномъ Руданскимъ. Впрочемъ, и восточный малоруссъ иногда способенъ бываетъ сказать: „в турецькії роті“, а не только „в турецькій роті“.

[2]) Издана Кременецкая опись 1552 г. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 2-й, стр. 23—35.

[3]) развѣ, что считать типичными такія написанія, какъ названіе села „Тиилькoвъцы“ (33), могущее указывать на существованіе монофтонгическаго выговора „тїтка“ (=тьôтка).

[4]) Люстрація Кременца 1563 г. издана въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 2-й, стр. 42—128.

[5]) Хôшко (иначе—„Хоша“)—уменьшит. отъ „Хотій“ (=Фотій).

или еще характернѣе — „Aniprzey“ (82,=Анôпрій, Онôпрій) [1]), равно какъ попадается буква *i* для воспроизведенія рефлекса мягкаго ьô: „Lichopik“ (47,=лихопьôкъ). Наряду съ буквою *i* въ написаніи „Aniprzey“ частенько здѣсь же пишется лат. буква „u“ въ ласкательномъ „Onuszko“,—указаніе на дифтонгичность *уи*. Напомнимъ кстати, что въ одновременномъ довольно простонародномъ мр. памятникѣ изъ-подъ того же Кременца, Учительномъ Почаевскомъ Евангеліи XVI в. (см. стр. 157), гдѣ въ изобиліи предлагается въ смыслѣ ô буква *у*, не замѣченъ ни одинъ случай типичнаго употребленія буквы *и* въ смыслѣ того же ô.

Къ сѣверу отъ Кременца, по волынской рѣкѣ Стыри, въ описи Луцкаго замка 1552 г. [2]), встрѣчаются начертанія: „horodnia Żadybskaia“ (168,= Жадôбская), „pidwody“ (179,= пôдводы), „bylsze“ (173,= бôльше), „pluhiw“ (183,=плугôвъ); не характерно „obydrany“ (154,=ободранные); срв. вм. ьô: „kniaziw“ (160, 162,=князьôвъ, т. е. князей), „na niy“ (163,=на ньôй), „swoiy“ (182,=свойôй). Если всѣ эти начертанія дѣйствительно находились въ подлинной луцкой описи 1552 г., писанной буквами малорусскими, а не польскими (а вѣроятно, что находились), то во всякомъ случаѣ тамъ были и ўковыя начертанія, такія какъ „bulszey“ (173,=бôльше) и „Czulka“ (177,=чьôлка), указывающія на дифтонгизмъ. Да и въ многочисленныхъ луцкихъ судебныхъ документахъ XVI вѣка (а дошла ихъ до насъ огромная масса) несравненно чаще практикуется въ смыслѣ ô буква *у*, чѣмъ буква *и* или — въ смыслѣ ьô — чѣмъ буква *ѣ* [3]).

Къ луцкой области относится и замѣчательный религіозный памятникъ XVI в.—полупростонародное Пересопницкое Евангеліе 1561 г. Въ немъ тоже, при срав-

---

[1]) Въ нарѣчіи вост.-малорусскомъ имя это не всегда подвергалось замѣстительной долготѣ и звучитъ обыкновенно съ *о* („Онопрій“), но у западныхъ малоруссовъ настолько преобладаетъ въ немъ произношеніе съ *і*, что нынѣшніе галичане иногда пишутъ даже мягкое *ї* („Онїфрó“), съ двумя точками.

[2]) = „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 1-й, стр. 152—184. Это — та польская копія съ подлинной описи, про которую мы упомянули выше, на стр. 177, въ сноскѣ 1-ой.

[3]) Срв. въ судебномъ луцкомъ актѣ 1583 г.: „до всихъ сѣлъ“ (изд. Н. Иванишевъ въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857, кн. III; см. стр. 37). Буква *ѣ* читалась въ Луцкѣ XVI в. просто за мягкое *і*.

вительно частомъ воспроизведенiи *ô* черезъ букву *у* (см. у насъ стр. 157), изрѣдка пишется также буква *и*: „а в *и* д п о в ѣ д а ю вамъ" (56, = ôдповѣдаю); малохарактерное „о б *и* б р а л и, або одежу зволокли" (48, = обобрали); вѣроятно, звукосочетанiе „-тьiв-" скрывается подъ двумя буквами „тв-" во фразѣ: „маете ли ту што и с *тв* ъ н о г о?" (77, = ѣстôвного) [1]). Срв. тутъ же звукъ *i* изъ ьô: „мовила о н *и* м ь" (29, = о ньôмъ), „зо всѣхь с *ѣ* л ь" (34, = сьôлъ), род. мн.).

Повидимому, откуда-то изъ этихъ же мѣстъ сѣв. Волыни, или еще посѣвернѣе (б. м., изъ К о в е л ь щ и н ы) происходилъ писецъ, написавшiй въ Вильнѣ 1548 г. у к а з ъ С и г и з м у н д а-А в г у с т а о назначенiи третейскаго суда по тяжбѣ въ Ковельщинѣ [2]) и употребившiй ороографiю: „былъ послушонъ во в с *i* м ъ" (= во всьôмъ). Для твердаго ô мы однако не видимъ у него буквы *i*, или *и*.

Еще сѣвернѣе, чѣмъ Луцкъ и Ковель, въ сѣверо-западномъ углу Волыни, между Зап. Бугомъ и верховьемъ Припяти, лежитъ Любомльское староство. И тамъ, въ польской л ю с т р а ц i и Л ю б о м л я 1564 г. [3]), оказываются записаны съ *i*: рыбакъ „Suchop*i*th" (329, = сухопôтъ) и мѣщанинъ-земледѣлецъ „K*y*ska" (322, = кôска, или кôзка).

Наконецъ, на самомъ пограничьи мр территорiи съ Бѣлоруссiей, въ Мозырщинѣ (по южной сторонѣ средней Припяти), мы въ половинѣ XVI вѣка видимъ то же стяженiе рефлекса *ô* въ *i*. Именно, въ о п и с и М о з ы р с к а г о з а м к а 1552 г. [4]) показаны мѣщане: „Тим*и*шъ Рудковичь" (626, = Тимôшь), „Тишко К*и*шничь" (627, = Кôшничь), „Парх*и*мъ" (628 и мн. др., наряду съ „Пархомъ", 641 и мн. др.) Разумѣется, встрѣчается при этомъ и буква *у* въ смыслѣ того же *ô*,—указанiе на волынско-полѣсскiй дифтонгическiй выговоръ рефлекса *ô* за у и.

---

[1]) Им. пад.—„їстiвне" (средн. р.), т. е. съѣстное. Слово это употреблено, между прочимъ, у Шевченка въ „Назарѣ Стодолѣ".

[2]) = Антонов. и Козлов., № 36, стр. 72.

[3]) Изд. Любомльская люстрацiя 1564 г. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россiи", ч. VII, т. 2-ой, стр. 321-363.

[4]) Мозырская опись 1552 г. издана въ „Архивѣ Юго-Зап. Россiи", ч. VII, т. 1-ый. стр. 611—647.

Въ общемъ, значитъ, можно про XVI-ый вѣкъ сказать, что монофтонгическій звукъ *і* (изъ ô) слышался тогда приблизительно во всѣхъ тѣхъ же раіонахъ, гдѣ онъ слышится и теперь, но сопровождался онъ (при извѣстныхъ звуковыхъ положеніяхъ) параллельнымъ дифтонгическимъ выговоромъ (=уи), который потомъ въ тѣхъ мѣстахъ исчезъ почти всюду.

XVII вѣкъ.

Въ XVII вѣкѣ, когда дифтонгъ уи съ усиленной быстротою уступалъ мѣсто монофтонгу *і*, случаевъ написанія буквы *и* (а то и буквы *ѣ*) въ смыслѣ ô имѣется такъ много, что намъ слѣдуетъ остановиться лишь на безусловно интересныхъ памятникахъ.

Такъ, букву *и* въ значеніе ô мы встрѣчаемъ въ монастырскомъ Кіево-Михайловскомъ помянникѣ конца XVI—нач. XVII в.: «Род Есиф*и*в с Киева, сотникъ» (л. 19,=Іосифôвъ), «Се род Она Ус*и*вца» (л. 84,=Усôвця), «род Кон*и*ща, козака в Киев[ѣ]» (л. 73,=Конôшчá, или б. м. Конôщича), имя «Пр*и*съ» (л. 24,=Прôсь, Прôсъ,); не такъ характерно: «в Нижини Новомѣск*и*мъ» (л. 81,= =Новомѣстскôмъ). Уковыя начертанія тоже здѣсь встрѣчаются (см. у насъ выше, стр. 160).

Дѣловые документы (малорусскіе и польскіе) того же времени изъ г. Кіева и изъ сѣв. и средней Кіевщины вполнѣ похожи на помянникъ своимъ отношеніемъ къ рефлексу ô. Срв.—изъ множества примѣровъ—въ польской люстраціи Кіевщины 1616 г. [1]): село „H*i*rczyki" (320,=Гôрчики) наряду съ „Kon*i*ncze" (310,—срв. „Кононче", 100). Или срв. въ смыслѣ мягкаго ьô букву *и* въ православной кіевской запорожской протестаціи 1610 г. [2]): „при особахъ тое релеи неотм*и*тныхъ", „не отсченецахъ и не отмитныхъ (=отмьôтныхъ), ровно какъ въ одновременной православной протестаціи кіевскаго духовен-

---

[1]) Изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи", ч. VII, т. 1-ый.
[2]) Изд. въ „Актахъ Юж. и Зап. Россіи", т. II, см. стр. 59.

ства 1610 г. [1]): „што въ нíй написано“ (=въ ньôй,—при „своюй“) и нехаракт.: „въ року нинѣшнимъ“ (=нынѣшньôмъ). Въ тестаментѣ Густынскаго игумена [2]) „вилко развъ“ (при „у комурдѣ“), съ нехарактернымъ: „въ монастиру Троицким, Прилуцким“. Густынь—въ Лѣвобережьи, на р. Удаѣ.

Проникаютъ ижевыя начертанія для воспроизведенія ô и въ печатныя учено-схоластическія книги XVII в., несмотря на книжническую ученость авторовъ и на тщательность типографской корректуры.

Еще въ „Апокрисисѣ“ на уніатскій Брестскій соборъ, Христофора Филалета-Бронскаго (Вильна 1597) оказывается напечатано: „на нимъ“ (82,=на ньôмъ), „в нимъ“ (122, два раза,=въ ньôмъ), чему, вѣроятно, помогла польская ореографія.

У Кирилла Транквилліона въ „Зерцалѣ Богословіи“ (Почаевъ, 1618) напечатано вполнѣ типично по малорусски: „пíйде“ (л. 52 об.,=пôйде), а въ „Перлѣ Многоцѣнномъ“ (Черниговъ 1646): „звилъ“ (132 об.,=звьôлъ, соврем. „звíв,“ т. е. свелъ, возвелъ). Малохарактерны въ томъ же „Перлѣ“: „обидрали“ (л. 5), „обидрала“ (118 об.), „подíймутъ“ (161). Не характерно—и въ посвященіи къ его „Учительному Евангелію“ (Почаевъ 1619): „и зыйде трьніе, яко на цѣлизнѣ, и въ дичину възыйдутъ лѣторасли ея“, не говоря ужъ о „тилько“.

У филолога-монаха Памвы Берынды въ его „Лексіконѣ славено-россскомъ“ (Кіевъ 1627) прорвались въ печати типичнѣйшіе ижевые малоруссизмы: „кистка“ (л. 158,=кôстка, т. е. кость) и „бибъ“ (291,=бôбъ), при еще другихъ, не характерныхъ,—такихъ, какъ „въ чимъ“ (187,=мр. „въ чьôмъ“, польск. „w czym“).

У проповѣдниковъ XVII вѣка I. Галятовскаго и его ученика Ант. Радивиловскаго, книжниковъ-враговъ истинной простонародности, ижевыя начертанія проскользнули почти исключительно лишь тамъ, гдѣ этому благопріятствовала ореографія польская. Таково, напримѣръ, въ „Ключѣ разумѣнія“ Галятовскаго (Кіевъ 1659): „отíймует“ (139), „килка“ (95 об., 141 об., 156), „тылко“

[1]) Акты Юж. и Зап. Россіи, т. II, стр. 60.

[2]) Изд. въ московскихъ „Чтеніяхъ“ 1847, № 7, стр. 60—61.

(4, 114, 126), а въ его „Казаняхъ“ (Кіевъ 1660): „въ грецкимъ“ (104), или „о чимъ“ (122). Въ „Огородкѣ“ Ант. Радивиловскаго (Кіевъ 1676): „зыйшолъ“ (130, 818), „отыйдет'“ (161), „одійти'“ (225), „надійдут'“ (316), „взыйшолъ“ (645), „отійдет'“ (677), „одіймуешъ“ (692), „здыймует“; (782); нѣсколько характернѣе: „в ній“ (1004,=въ ньôй), совсѣмъ не характерно: „по тымъ“ (11,=по тôмъ, польск. po tym), „о кимъ“ (859), „на весолымъ“ (893), „килка“ (21). Въ рукописномъ подлинникѣ „Огородка“ 1671 г. есть и типичное ижево-мр. начертаніе „вывиль“ (т. II, 17,=вывьôлъ), и печатно воспроизведенное не хуже: „вывѣлъ“ (945).

То же у Инн. Гизіеля въ „Месіи Правдивомъ“ (Кіевъ 1669): „по ним“ (79).

Въ простонародныхъ галицкихъ комическихъ интерлюдіяхъ Як. Гаваттовича, напечатанныхъ во Львовѣ 1619 г. польскими буквами [1]), стяженіе рефлекса ô въ *і* (а въ особенности—мягкаго ьô въ *ї*) даетъ себя знать ощутительно, хотя интерлюдіи составлены особымъ провинціальнымъ говоромъ, нѣсколько запоздалымъ въ своей эволюціи, и хотя въ нихъ (см. выше, стр. 162) преобладаютъ начертанія ўковыя. Такъ, съ *і* у Гаваттовича мы читаемъ: «в тоім горщику—зваремо» (176, семь разъ), «та в тим—насмажемо» (176), «Та щó у ним,—не осмотриў-ем!» (177), «Щó-м я виграл на тоім ліхим ярмарку!» (177, 180), «други[й] седіт в тоім пеклї» (183), «Потим Бог-Господ істи казал» (182), «Біда ш там і мóей души!» (183), «Сукману... взяў, нїсл (=ньôс[л]ъ) на палїци, та собі лїгл (=льôг[л]ъ) на травіци» (179), «Та біс тя тут принїс?!» (180,=приньôсъ), «рикл мінї» (183,=рьôк[л]ъ).

---

[1]) Къ сожалѣнію, мои соотвѣтствующія выписки, сдѣланныя латиницей, погибли въ типографіи В. А. Гатцука при хищническомъ ограбленіи въ ночь на 1 апр. 1907 г. Приходится, покамѣстъ, цитировать Гаваттовича по малорусской (впрочемъ, очень точной) транскрипціи М. Павлика, изд. въ 1-мъ томѣ редактированныхъ имъ „Розвідок Михайла Драгоманова“ (Львів. 1899), стр. 174—184.

Въ болѣе развитыхъ галицкихъ говорахъ XVII вѣка монофтонгъ *і*, возникшій изъ *ô*, съ рельефностью воспроизводится на письмѣ буквою *ѣ* (а она тогда читалась какъ чистѣйшее мягкое *і*),—и это даже послѣ согласныхъ зубныхъ, когда рефлексъ *ô* звучитъ твердовато. Срв., напр., въ галицкой приипскѣ временъ Яна-Казиміра (1648—1668) на львовскомъ Измарагдномъ сборникѣ Шумлянскихъ XV—XVI в. (=Музей Петрушевича, № 1) [1]: „придалъ до манастыря Чорного Дѣлка" (л. 247 об., =дôлка т. е. долинки).

Очень цѣнна московская податная перепись Полтавщины 1666 г., именно—перепись крестьянъ полковъ Прилуцкаго, Лубенскаго, Миргородскаго и Полтавскаго [2]), составленная чистѣйшими великорусскими приказными. Они (см. выше, стр. 166—167) въ принципѣ желали передѣлывать мр. имена и прозвища на спеціально-московскій ладъ (даже съ áканьемъ), но частенько это имъ бывало трудно, и они тогда безпомощно записывали многія мр. имена совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ слышали изъ живыхъ устъ полтавскихъ крестьянъ. Въ этой переписи 1666 г., мы, при сравнительно небольшомъ количествѣ начертаній ýковыхъ, все еще указывающихъ на неполное исчезновеніе дифтонга уи (по крайней мѣрѣ въ Посульи), видимъ въ изобиліи начертанія йжевыя, выражающія какъ рефлексъ твердаго ô, такъ, конечно, и рефлексъ мягкаго ьô.

Такъ, подъ Прилуками, по р. Удаю, отмѣчены московскими списщиками 1666 г.: „Кирюшка Сирыткинъ" (40,=Кирикъ, сынъ Сирôтки), „Феско Сиритка" (41), „Гришко Голивко" (42,=Голôвко), „село Милки" (43,=с. Мôльки на среднемъ Удаѣ), „Пахомка Коризненко" въ г. Варвѣ на Удаѣ (45,=Корôзненко) [3]), „Ганка Лицинъ" (47,=Ганько Лôзчинъ),

[1]) Сборникъ Шумлянскихъ описанъ у И. Свѣнцицкаго въ „Українсько-руськім Архіві", т. I (Львів 1906), стр. 1—30.

[2]) Издалъ А. Лазаревскій въ XIII книгѣ Несторовыхъ „Чтеній" (=Кіевъ 1899), отд. III, стр. 35—143.

[3]) Долготное *ô*, или его рефлексъ, въ словѣ „корôзно" (=стар. „кързьно"—ссобый плащъ; съ глухимъ звукомъ ъ, а не съ о) раз-

„Ивашко К*и*щенко“ (47,=Кôзченко, или Кôшченко), „Якимко Кол*и*сниченко“ (49, = Кольôсниченко). Подъ г. Срибнымъ на притокѣ Удая рѣкѣ Лысогорѣ: „Матфей Х*и*шка“ (51, = Хôшко, т. е. Фотій), „Степанъ Пр*и*щенко“ (53, = Прôс[ь]ченко), „Карпъ Г*и*лыченко“ (55,=Гôльиченко) [1], „Ивашка К*и*шка“ (57, = кôшка). Подъ г. Краснымъ (Коляднномъ, ближе ужъ къ Конотопу): „Петрушка Ч*и*тка“ (58,=чьôтка“).

Подъ Лубнами на р. Сулѣ: „Филипъ Тор*и*чъковской“ (75,=Торôчковський), „Васка Кр*и*шченко“ (79,=Крôшченко). Въ Пирятинщинѣ по нижнему Удаю: „Ивашко Дроб*и*тъ“ (85,=Дробôтъ), „Васка Шарл*и*тко“ (87,=шарлôтко) [2], „Алешка Шк*и*рка“ (87,=шкôрка) [3]. Въ г. Сенчѣ и подъ нею, на р. Сулѣ: „Яцко Арцык*и*шка“ (90,=арцикôшка, т. е.

вилось, очевидно, подъ вліяніемъ аналогіи такихъ словъ, какъ „рôзно“, „норôзнити“, или полногласныхъ формъ вродѣ „борôздка“ ô т. п.

[1]) Впрочемъ, въ этомъ корнѣ (особенно не въ Полтавщинѣ) слышится и твердое *и* (изъ *ы*). Такъ, слово, означающее вѣтви, произносится: иногда какъ „*гiлля*“ (изъ гôлье), иногда какъ „*гилля*“ (изъ гылье); еще чаще слышится съ твердымъ *и* слово „*гиляка*“ (= вѣтвь); для глагола же „*гилити*“ произношеніе съ твердымъ *и* надо признать за единственную норму.

[2]) „Шáрлôтъ“ — то же, что „шáр*лат*ъ“, т. е. пурпуръ, багряница. Слово забываемое. Итал. scarlatto, нѣм. Scharlach.

[3]) Звукъ *о* въ этомъ словѣ извѣстенъ и въ кіевской Начально-Кіевской лѣтописи („ск*о*ра“ — подъ годами 6453=945; 6454 = 946 г.; 6463 = 955 г. и мн. др., во времена Игоря, Ольги, Святослава и пр.), такъ-что этотъ лубенско-полтавскій Шкірка могъ бы быть по происхожденію малоруссомъ восточнымъ. Но, можетъ быть, онъ просто былъ переселенецъ изъ Подоліи, гдѣ и теперь говорятъ: „шкірка“ (обыкновенно жъ малороссы знаютъ родственную фонему: шк*у*ра, шк*у*рка). Срв. еще (127) фамилію „Шир*и*бинъ“, подъ самой Полтавой, означающую повидимому „Шьрôбинъ“ и могущую указывать тоже на переселенца-подолянина или даже галичанина (гал.-под. „шрôбъ“, „шрôбка“, „шрôба“ значитъ винтъ; общемр. „шруба“); впрочемъ форма „шрôба“ могла быть въ старину еще общемалорусской. А во всякомъ случаѣ такія фамиліи, какъ „Ряши[в]скиі“ на р. Голтвѣ (118), говорятъ ужъ намъ собою, что въ заселеніи свободныхъ степей Полтавщины могли принимать участіе выходцы даже изъ самыхъ западныхъ предѣловъ мр. территоріи: Ряшевъ лежитъ на рубежѣ мр. и мазурско-польскаго населенія Галичины.

архикошка), „Федка Лаитко“ (90,=Лагôдко), „Сидорка Малитченко“ (90,=Малôтченко, или Молôтченко?; отъ ж. р. малота́“ или отъ „молотокъ“), „Алешко Итченко“ (90,= Гôдченко), „Петрушка Инченко“ (91,=Гôнченко), село Хицы“ (93,=хôдцѣ), „Игнатій Вѣзникъ“ (94,=вôзникъ; московское неударное ѣ = и), „Лазарь Хишка“ (94,=Хôшко), „Гарасимъ Колисеченко“ (95,=кольôсниченко), „Иванъ Лемишка“ (97,=лемьôшка), вѣр. „Бибъ“ (98,=бôбъ).

Подъ Миргородомъ по р. Хоролу: „Ерофѣі Беречилъ“ (100,=беречьôлъ), „Митка Кинотъ“ (101=кôннôта), „Федка Васичненковъ“ (107,=[В]осôчненко). Подъ Голтвою: „Федко Ряши[в]скиі“ (118, = Ряшьôвський); на р. Пслѣ: „Гришка Сишноі“ (118,=сôшный), „Евсеіка Очитковъ“ (119,=Очьотко; очьôтокъ—ботанич. Sedum).

На р. Ворсклѣ подъ Полтавой: „село Мильцы“ (121,= мôльцѣ?), „Алешко Уничковъ“ (121,=Внôчко), „Якушка Рыщенковъ“ (124, = вѣроятно, „рôзченко“) [1]; срв. „Васко Лахинко“ (124, = не изъ „Евлогіôнко“ ли?) [2]), „Федоръ Илъшанскоі“ (125, = [В]ôльшаньский), („Григореі Скробыткинъ“ (125,=скробôтка), „Осипъ Киптечовъ“ (125,=Кôптичь)„ ,Семенъ Свипъ“ (126,=снôпъ).

XVIII вѣкъ.

Долго останавливаться на памятникахъ XVIII в. по отношенію къ характеру звука *і* (изъ *ô*) намъ не къ чему. Мр. языкъ XVIII в.—это, сущности, тотъ же общеизвѣстный монофтонгическій нынѣшній мр. языкъ, какой, ужъ въ чистомъ народномъ видѣ, явился намъ въ новоукраинской

---

[1]) „Ріщя (изъ „рôзъчье)—прутья, хворостъ.

[2]) Впрочемъ, есть растеніе „лохина“=Vaccinium uliginosum. Кромѣ того заимствованное изъ восточныхъ языковъ слово „лага́н“ (извѣстное чаще въ уменьшительной формѣ: „лагане́ць“, родъ поставца, а иначе „лагуне́ць“) навѣрное имѣло у малоруссовъ параллельную форму „лагôнъ“, „лагôнець“, „лагôнка“; да—вѣроятно—существовала и форма съ х: „лахôнка“ (срв. русское „лохань“). Срв. персидское لگن (lägän), звучащее у сѣв. тюрковъ „лагу́н“, греч. λαγυνος, лат. lagoena. Въ русскомъ языкѣ, кромѣ „лохань“, существуетъ слово „лагунъ“ и „лагунка“, означающее сосудъ-мазницу для дегтя.

литературѣ, начатой виршами «дяків-пиворізів» XVIII в. и печатной «Энеидой» Котляревскаго (1798). По документамъ отмѣтимъ развѣ, что для воспроизведенія монофтонгическаго *і* (изъ *ô*) малоруссы XVIII вѣка, сверхъ твердой буквы *и*, очень охотно пользуются вполнѣ мягкой буквой *ѣ* [1]),—что впрочемъ замѣчалось и въ XVII в., только тогда не такъ часто.

Возьмемъ, напримѣръ, изъ западно-малорусскихъ памятниковъ Борщевицкую рукопись 1713 г. изъ Перемышльщины [2]): „Вѣ второкъ сотворилъ [Богъ] рай“ (=въ вôвторокъ, или: вô второкъ) [3]); тамъ же и буква *ї*: „пїйде.—Или въ галицко-покутской псальмѣ 1738 г. [4]): „Ковалѣ! гвѣзъдя зробѣте!“ (гвôздьє). — Или въ волынской (изъ-подъ Острога) дарственной записи 1740 г. въ Язловецкомъ евангеліи XVI в. (хранится въ волынскомъ Епарх. Музеѣ): „При том же Євангелии записую и дзвѣнъ (=дзвôнъ), за которій дала-мъ талярѣвъ (=талярôвъ) двадцять и пять“ (л. 113 об.)

То же явленіе и въ нашей области восточно-малорусской. Съ одной стороны восточные малоруссы воспроизводятъ *ô* черезъ твердую букву *и* (срв. въ гадячской лѣтописи 1710 года Григорія Грабянки [5]): „пидъ горою“ 228, „одійти“ 220; или въ лубенскомъ церковномъ поминаніи

---

[1]) До временъ насильственнаго указа Екатерины II, буква *ѣ* читалась въ малорусскихъ школахъ (въ кіевской Академіи въ томъ числѣ) и въ церквахъ исключительно за *і*. Съ большимъ трудомъ русское правительство конца XVIII-го и начала XIX в. съумѣло пріучить украинскихъ учителей, профессоровъ и духовенство въ церквахъ къ чтенію буквы *ѣ* за *е*.

[2]) Издалъ А. Вахнянинъ въ львовскомъ мр. журналѣ „Правда“ 1869, а переиздалъ Ив. Франко въ „Пам'ятках української мови і літератури“, т. IV (Львів 1906). См. въ „Правдї“ 1869, стр. 143 и 152; въ „Пам'ятках“ (съ ненужной подправкой)—IV, стр. 16—17.

[3]) Въ XVIII вѣкѣ эвфоническое *і* и рефлексъ долготнаго *ô* совершенно были тождественны, и различать ихъ нельзя ни въ чемъ.

[4]) Издалъ псальму 1738 года И. Франко въ своемъ „Українськім вертепі“=Записки Т-ва Шевченка, т. 72 (1906 г.), см. стр. 63.

[5]) Лѣтопись гадячскаго полкового судьи Григорія Грабянки 1710 г. издана Кіевской Временной Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ (К. 1854), по списку первой же половины XVIII в.

ок. 1715 г.: „Прокипъ“) [1]), а съ другой стороны—въ изобилии употребляютъ букву *ѣ*. Напр., въ одной рукописи изъ принадлежащаго мнѣ собранія—въ южно-кіевскомъ сборникѣ школярскихъ виршей изъ Звенигородщины конца XVIII вѣка мы читаемъ въ школярской шутливой ораціи: „батько вибѣжи[ть] на двѣръ“ (л. 10 об.=двôръ), „и [кадилницю] пѣд стѣлъ покотила“ (л. 10 об.,=пôдъ стôлъ), „чоловѣкъ нахилився под стѣлъ (=стôлъ) шукати, а жѣнка (=жьôнка) побѣгла ис хати, а вѣнъ (=вôнъ, т. е. онъ) на нас ставъ кричати: Нащо ви жѣнку пустили ис хати?.. Бѣлшъ (=бôльшь) не ходѣть до мене спѣвати!“ (л. 10 об.). Тамъ же въ другой ораціи про облаву дяка и школярей на вошь: „Постѣйте, трохи одѣтхну“ (л. 11,=постôйте, одôдхну), „хожу—тѣлко що живъ“ (л. 11, и еще три раза „тѣлко“, =тôлько), „Якъ тѣлько вплутаеться вошъ въ нашѣ сѣти,.. озмемъ палѣчамъ бити“ (л. 11,=палôчьемъ, „палiччям“) „привязали до нѣжки (=нôжки) столовôи—и били всѣ черезъ нѣчъ (=нôчь) до зори свѣтовои“, „утѣкла (=утьôкла) ис хати..., тѣлко веріовки конець“ (л. 11), и мн. др. Памятниковъ съ такой ороографіей въ XVIII в. множество [2]). Первая печатная новоукраинская книга „Энеида“ Котляревскаго (СПБ. 1798) тоже иногда воспроизводила *ô* черезъ *ѣ*, хотя чаще—черезъ *и* на русскій ужъ ладъ.

Въ началѣ же XIX вѣка, когда русскому правительству удалось всякими строгостями ввести въ школахъ и церквахъ Украины произношеніе буквы *ѣ* за *е*, а буквы *и* за *і*, всѣ почти мр. литераторы стали воспроизводить *ô* черезъ букву *и* (напр., Квитка, Шевченко). Въ концѣ 50-ыхъ годовъ XIX вѣка Кулишъ ввелъ букву *і*,—и съ тѣхъ поръ этого удобнаго и научнаго правописанія твердо держится и малорусская литература, и европейское славяновѣдѣніе.

---

[1]) Это—внутри лѣваго переплета Евангелія XV—XVI в. № 296 кіевскаго Церк.-Археол. Музея.

[2]) Между прочимъ заслуживаютъ вниманія комическія и лирическія стихотворенія южно-черниговскаго священника Некрашевича (3-ей четверти XVIII в.), совершенно простонародныя по языку; они изданы П. И. Житецкимъ въ X главѣ его книги: „Энеида Котляревскаго, въ связи съ обзоромъ мр. литературы XVIII вѣка“ (Кіевъ, 1900, отт. изъ „Кіев. Старины“).

§ 19. є.

Звукъ є въ XI вѣкѣ сильно отличался отъ нынѣшняго.

а) Мягкость старо-малорусскаго є.

Теперь, какъ извѣстно, звуку є у малоруссовъ соотвѣтствуетъ твердое *е* (чит. *э*): небо (чит. «нэбо»), знáете (чит. «знáєтэ»). А въ произношеніи нашихъ предковъ-кіевлянъ XI вѣка (и прочихъ предковъ малоруссовъ) звукъ є былъ мягокъ: онъ звучалъ такъ, какъ звучитъ теперь *е* лишь у нѣкоторыхъ архаично говорящихъ сѣверныхъ малоруссовъ, и какъ звучитъ оно у бѣлоруссовъ, великоруссовъ, поляковъ, т.-е. напр., Himmel назывался у кіевлянъ XI вѣка «нєбо», ihr wisset звучало«знáєтє» *).

Правда, церк.-слав. буква є читалась у южн. славянъ твердо (какъ *э*), и южно-славянскіе книжники, нахлынувшіе въ Кіевъ послѣ крещенія Руси, очевидно, учили и нашихъ новокрещенныхъ предковъ-кіевлянъ XI вѣка читать эту букву твердо, какъ *э*. Но вліяніе своего родного кіевскаго произношенія не могло не прорваться у писцевъ и сквозь оболочку церковно-славянскаго языка, и ихъ произношеніе даетъ себя знать въ опискахъ, когда вмѣсто є они невольно писали йотованное ѥ.

Такъ, писецъ старѣйшихъ дошедшихъ до насъ мр. памятниковъ, кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 г., дѣлая иногда описки въ духѣ своей мѣстной рѣчи, давалъ въ церк.-слав. текстѣ, — напримѣръ, въ Изборникѣ 1073 года,—такія начертанія: „И аште умно-

---

*) Возможно, разумѣется, допустить, что мягкое произношеніе звука є было у малорусскихъ предковъ XI в. не совсѣмъ-то и тожественно съ нынѣшнимъ русскимъ, но было чуть-чуть потверже, т. е. что, напримѣръ, слогъ „не“ въ словѣ „*нєбо*“ звучалъ немного тверже, чѣмъ произноситъ великоруссъ слогъ „нѣ“. Во всякомъ случаѣ, однако, это слово звучало не „нэбо“, а мягче.

житіє м[о]л[и]твы, не послушаю васъ,—руцѣ ваши кръви испълнь" (л. 35 об.,—вм. церк.-слав. „умножитє"). Или: „не разумѣхъ тібе" (л. 149,=тєбє). Или въ собственной приписке Іоанна-дьяка, переписчика: „[Князь Святославъ] повелѣ м'нѣ, ніємудрувѣдию, прѣмѣну сътворити рѣчи инако" (л. 263 об.). И мн. др.

Послѣ губныхъ (б, п, в, м) онъ впрочемъ не написалъ мягкаго іє ни разу. Это, впрочемъ, не можетъ служить несомнѣннымъ свидѣтельствомъ о кіевскомъ отвердѣніи слоговъ бе, пе ,ве, ме XI-го вѣка, хотя, какъ мы знаемъ изъ современныхъ архаичныхъ говоровъ, отвердѣніе звука *е* происходитъ прежде всего именно послѣ губныхъ *б*, *п*, *в*, *м*.[1]).

Въ старѣйшемъ червонорусскомъ памятникѣ, Словахъ Григорія Богослова XI вѣка, мы видимъ йотованное іє (вмѣсто церковно-славянскаго є) также послѣ согласнаго губного: „вієликыихъ" (л. 204, а), что, впрочемъ, можетъ объясняться своимъ особымъ графическимъ образомъ [2]). Кромѣ того мы у писца встрѣчаемъ, конечно, очень изрядное количество случаевъ употребленія буквы іє послѣ *н* и *л*: „ніє съ землѧ ли?" (л. 2, а), „отъ нієго" (л. 26, с.; л. 31, d), „у нієго" (48, с.), „отъ нієго" (73, в.) „къ нієму" (л. 21, d; л. 48, а; л. 50, в; л. 63, в; л. 69, с), „отъ гонієнии" (24, d), „гнієтуться" (л. 167 об.), „въселієныя" (л. 50, в), „заколієвиє" л. 25, d), „ставлієнъ" (л. 71, d), „измѣнієна" (л. 24, с), „волією" (л. 35, d), „утоплієши" л. 106, в) и много другихъ.

---

[1]) такъ-что, положимъ, 3-ье лицо „веде", отъ глагола „вести", сперва принимаетъ звуковой видъ „вэдѣ", а ужъ потомъ обращается въ „вэдэ". Кажется, всегда происходитъ такъ, что сперва отвердѣваютъ слоги губные, потомъ зубные (де, те, зе, се, це), а потомъ прочіе. Долгую способность бороться противъ отвердѣнія обнаруживаетъ слогъ „не".

[2]) А именно, малорусскій писецъ „Словъ" XI в. могъ написать йотованную букву іє вовсе не вмѣсто буквы є, а вмѣсто буквы ѣ, которая, въ силу особой южнославянской лжеэтимологіи, охотно писалась балканскими писцами въ словѣ „вѣликъ" и легко могла оказаться въ оригиналѣ, лежавшемъ передъ малорусскимъ переписчикомъ „Словъ".

И въ болѣе позднемъ галицкомъ памятникѣ—Христинопольскомъ Апостолѣ XII—XIII вѣка—мы видимъ ѥ даже послѣ губного: „привѥдеть“ (л. 84).

Въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г. мягкое ѥ написано уже лишь послѣ н („съ нѥю“ л. 120), и то же въ львовскихъ Пандектахъ Антіоха 1307 г. („устанѥть“ л. 79);—по показанію нынѣшнихъ архаичныхъ сѣверо-малорусскихъ говоровъ сочетаніе „не“ принадлежитъ именно къ разряду тѣхъ, которыя отвердѣваютъ у малоруссовъ позже всѣхъ прочихъ естевыхъ сочетаній [1]).

б) Когда же отвердѣло є у малоруссовъ?

Правильнѣе будетъ поставить этотъ вопросъ такъ: «когда́ є начало́ отвердѣвать?»—потому-что несомнѣнно жъ вѣдь, что губныя естевыя сочетанія «бе», «пе», «ве», «ме» отвердѣвали раньше, чѣмъ отвердѣло, напримѣръ, сочетаніе «не», и что, положимъ, во фразѣ «не везе́» твердость прежде всего послышалась въ среднемъ слогѣ, а позже всего—вѣроятно, въ первомъ слогѣ [2]).

Terminus a quo, т. е. срокъ, раньше котораго не могло начаться это явленіе, установить не трудно. Съ самой полной увѣренностью можно сказать, что до эпохи паденія глухихъ гласныхъ звуковъ (т. е. звуковъ ъ и ь) мягкими у малоруссовъ или, хоть, полумягкими были даже губныя сочетанія бе, пе, ве, ме, а прочія—и подавно. Такъ, если бы, положимъ, слово «привєлъ» звучало прежде паденія глухихъ ужъ твердо (т. е. какъ «привэлъ»), съ твердымъ вэ, то послѣ паденія глухихъ оно обратилось бы въ твердое «привуол»; между тѣмъ изъ архаичныхъ говоровъ и изъ показаній памятниковъ мы знаемъ, что изъ привєлъ произошло мягкое «привюол» (откуда привюэл,

[1]) „Есть“—это церк.-славянская кличка буквы є. Звукосочетанія, въ составъ которыхъ входитъ е, можно называть „е́стевыми“.

[2]) Изобразимъ русскими буквами порядокъ отвердѣнія такъ: „нѣ вѣзѣ́“, „нѣ вэзѣ“, „нѣ вэзэ́“, „нэ вэзэ́“.

привюил, нынѣшнее украинское привів); по памятникамъ это пишется «привюлъ» [1]). Слѣдовательно, даже губныя сочетанія (бе, пе, ве, ме) отвердѣли только послѣ паденія глухихъ и послѣ возникновенія замѣстительной долготы, которое состоялось лишь около XII—XIII вѣка.

А какой terminus ad quem, т. е. срокъ, послѣ котораго ужъ не было твердаго *э*?—Въ разныхъ мѣстностяхъ это явленіе завершилось и въ эпоху разную.

Судя по памятникамъ (не только славянско-малорусскимъ, но и польскимъ, съ ихъ твердой латинской транскрипціей мр. названій, въ противность польской фонетикѣ), Галичина съ Буковиной, гдѣ всѣ звуковые процессы совершались скорѣе, чѣмъ въ прочихъ малорусскихъ областяхъ, уже имѣла къ XIV вѣку отвердѣніе звука *е* послѣ согласныхъ губныхъ и въ нѣкоторыхъ иныхъ случаяхъ; но все же она продолжала, повидимому, сохранять мягкій звукъ *е* кое-въ-какихъ другихъ положеніяхъ,—ну, по крайней мѣрѣ, хоть послѣ *н*, въ особенности если слогъ «не» или иное сочетаніе съ «е» находилось въ положеніи передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ, — и очень возможно, что начертаніе «устанієть» въ львовскихъ Пандектахъ Антіоха 1307 г. (л. 72) есть точное воспроизведеніе живого галицкаго мр. произношенія нач. XIV в. [2]) Не извѣстно, въ Гали-

---

1) Напр. см. начертаніе „привюл" въ Почаевскомъ Учительномъ Евангеліи XVI в., л. 101 об. и л. 112 (хранится въ кіевск. Дух. Академіи); или см. начертаніе „привюл-ем" въ волынскомъ Толковомъ Тригорскомъ Евангеліи начала XVII в. (хран. въ Волынск. Епарх. Музеѣ, описано Г. Крыжановскимъ въ „Волын. Епарх. Вѣд." 1895, № 15, стр. 521). Въ печатномъ „Ляментѣ дому кн. Острозскихъ" (Острогъ 1603): „не завюлъ" (стр. 16 по оттиску-переизданію изъ Несторовыхъ „Чтеній", кн. XII). И т. п.

2) Я оговариваюсь условно: „возможно, что", потому-что Пандекты Антіоха 1307 г. принадлежатъ къ разряду памятниковъ съ много-ятевыми лжеорѳографическими написаніями (см. стр. 51—52), и нѣтъ ничего удивительнаго, если въ южнославянскомъ подлинникѣ, съ котораго переписывалъ мр. писецъ 1307 г., было

чинѣ или (это скорѣе) на Волыни былъ переписанъ еще болѣе позднiй, нын. львовскiй «Варлаамъ и Iоасафъ» XIV—XV в. (=Музей Петрушевича, № 7) [1]), гдѣ оказывается мягкое: «тѥплыми» (л. 98).—Вѣроятно, лишь къ XV вѣку мягкое *е* въ обычныхъ говорахъ Галичины и Буковины исчезло совсѣмъ [2]). Твердость галицко-подольско-буковинскаго мр. *е* въ XV в. ясна не только изъ твердой латинско-польской транскрипцiи мр. словъ и именъ (стоящей въ противорѣчiи съ духомъ языка польскаго), но и изъ характера новыхъ фонетическихъ мр. явленiй XV в.; напримѣръ, окончанiе 1-го л. мн. ч. «=*е*мъ» обращается въ «=*у*мъ», съ твердымъ *у*. Такъ, вмѣсто «мы будемъ» и «мочимемъ» (=наше «могтимем»), въ буковинской примирительной грамотѣ 1499 г. воеводы Стефана съ королемъ Яномъ Альбрехтомъ оказывается: «буд*у*мъ мочи», «буд*у*мъ ехати», «мочи-м*у*мъ» [3]);—изъ мягкаго *е* не вышло бы твердаго *у* [4]).

На Волыни, тоже западно-малорусской области, гдѣ однако рѣчь развивалась консервативнѣе, мы въ XIV вѣкѣ можемъ констатировать мягкость звука ѥ еще даже послѣ губныхъ; именно, въ Луцкомъ Евангелiи XIV вѣка находимъ форму звательнаго падежа «Филипiѥ» (л. 34 об.) и, вѣроятно, винит. падежъ: «ищьчють тебiѥ»

начертано „устанѣть“, а онъ машинально замѣнилъ при перепискѣ чужую букву ѣ мягкою буквою ѥ безъ всякаго влiянiя мягкости своего живого простонароднаго выговора *е*.

[1]) Эта рукопись описана у И. Свѣнцицкаго, ч. I, стр. 63—67 (=„Українсько-руський Архiв“, т. I, 1906).

[2]) Въ запоздалыхъ архаичныхъ говорахъ оно и теперь не исчезло.

[3]) =Улян. № 105, стр. 171, 174, 175.

[4]) Флексiя 1-го л. мн. ч. „*у*м“ извѣстна не только въ Буковинѣ. Въ галицкой (изъ пограничья съ Волынью) латинской записи мр. пѣсни ок. 1649 г. (изд. В. Щуратъ въ „Записках Т-ва iм. Шевч.“ т. 74, стр. 132) тоже есть: „bud*u*m zyty“ =будем жити), „bud*u*m z toboiu zyty“ (будем з тобою жити).

(л. 88 об.) [1]); а кромѣ того, конечно, вполнѣ естественно — луцкое начертаніе ıє послѣ свистящаго *с*, да къ тому же въ положеніи передъ дальнѣйшимъ мягкимъ слогомъ *ю*: «всıєю» (л. 158 об.). Значитъ, на Волыни только въ XV вѣкѣ могло послышаться вполнѣ твердое *э*, какъ обычная волынская норма; вѣроятно, это сдѣлалось обычнымъ на Волыни лишь къ самому концу XV-го вѣка, т. е. лѣтъ на сто позже, чѣмъ въ Галичинѣ съ Буковиною. Во всякомъ случаѣ, въ XVI-мъ-то вѣкѣ Волынь произносила *е* за *э*, и когда состоялся уніатскій синодъ въ Берестьи 1596 г., то волыняне писали и печатали имя этого синода безразлично «Сынодъ» и «Сенодъ» (чит. «сэнóд», польск. synod).

А насчетъ нашего нарѣчія восточно-малорусскаго позволительно думать, что даже въ XVI вѣкѣ,—по крайней мѣрѣ въ началѣ столѣтія,—всѣ восточные малоруссы произносили є еще мягко. Къ концу вѣка и они ужъ выговаривали *э*.

Нѣкоторый хронологическій свѣтъ на послѣдніе моменты мягкости восточно-малорусскаго (да отчасти и зап.-мр.) звука *е* проливается для насъ судьбою повелительнаго наклоненія 2-го лица мн. ч.

И у лѣтописныхъ кіевлянъ, переяславцевъ и черниговцевъ, и у лѣтописныхъ галичанъ и волынянъ эта форма звучала сперва только со звукомъ є на концѣ, — напр., женѣтє! (=гоните!), берѣтє! и т. п. Потомъ она сократила свой конечный слогъ, и є отпало. По документамъ малорусская форма пов. н. 2-го л. мн. ч. безъ є достовѣрно констатируется съ конца XVI столѣтія [2]),—значитъ, наврядъ

[1]) Примѣръ этотъ, правда, менѣе убѣдителенъ, потому что въ старыхъ памятникахъ замѣчается не разъ смѣшеніе „тебє“ съ „тебѣ“. Возможно, значитъ, что Луцкій писецъ написалъ „тебıє“ вмѣсто „тебѣ“. Естественнѣе однако понимать здѣсь ıє какъ замѣну є.

[2]) Болѣе раннія начертанія (на тѣ) не внушаютъ ни малѣйшаго довѣрія, потому-что оказываются въ такихъ памятникахъ, гдѣ вообще всякая буква є хаотически смѣшивается съ буквою ѣ. О происхожденіи мр. пов. н—ія на *тѣ* см. подробно въ § 114, гдѣ этотъ вопросъ освѣщенъ и выписками изъ памятниковъ.

ли она возникла у малоруссовъ раньше начала XVI в. или, самое большее, раньше конца XV в. И какой же звуковой видъ получила она, сократившись, у малоруссовъ восточныхъ и у малоруссовъ западныхъ?—У однихъ она стала звучать съ мягкимъ ть на концѣ, а у другихъ—съ твердымъ *т*: у восточныхъ малоруссовъ мы ее находимъ послѣ XVI вѣка въ начертаніи женѣть! берѣть! (=соврем. вост.-мр. женї*ть*! берí*ть*!), а у западныхъ—женѣтъ! берѣтъ! (=совр. зап.-мр. женї*т*! берí*т*!); очевидно, у первыхъ сочетаніе тє звучало раньше отпаденія гласнаго є (въ концѣ XV вѣка) уже какъ тэ, а у вторыхъ—еще какъ те.

По всему вѣроятію, какъ разъ въ теченіи XVI вѣка звукъ є отвердѣлъ и въ области восточно-малорусскаго нарѣчія (кромѣ, конечно, болѣе глухихъ закоулковъ Полѣсья, гдѣ мягкое *є* отчасти удержалось и донынѣ). Повидимому, какъ результатъ восточно-мр. отвердѣнія *е*, лучше всего объясняется писаніе имени мѣстечка Коростышéва (сѣв. Кіевщины) въ видѣ «Корост*е*шовъ» въ монастырскомъ Кіево-Михайловскомъ помянникѣ конца XVI—нач. XVII в.: «с Корост*е*шова» (л. 98, ок. 1622 г.), «изъ-за Корост*е*шова» (л. 114) [1]).

§ 20. а) Неоднородность старо-малорусскихъ оттѣнковъ звука *е*, скрытыхъ подъ одной церк.-славянской буквой є.

Одинъ ли живой, разговорный звукъ соотвѣтствовалъ церковно-славянской буквѣ є въ старыхъ кіевскихъ памятникахъ XI вѣка и въ другихъ южно-русскихъ, или же подъ этой буквой мы можемъ открывать въ тогдашней рѣчи разные звуки?

---

[1]) То же смѣшеніе этого имени—и въ польскихъ документахъ Срв. „Starego y Nowego Korost*e*szowa“—въ подымной переписи 1631 г. воеводства кіевскаго (=„Архивъ Юго-Зап Росс.“, ч. VII, т. I, стр. 409); или въ такой же переписи Кіевскаго воеводства 1683 г. (изд. тамъ же): „miasto Korost*é*szow“ (497) и „w Kory-st*y*szowie“ (502). И мн. др.

И данныя современнаго малорусскаго языка [1]), и письменныя начертанія старыхъ памятниковъ (начиная съ кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года), и филологическія сравнительно-языковѣдныя соображенія — приводятъ насъ къ заключенію, что звукъ є у нашихъ болѣе старыхъ предковъ, напримѣръ, временъ созданія великой кіевской державы Владиміромъ Святымъ (X в.) не былъ единообразенъ.

А именно: въ слогѣ, за которымъ слѣдовалъ слогъ мягкій, и очень часто въ исходѣ словъ, это былъ на самомъ дѣлѣ звукъ *е* (мягкое *е*), склонный однако расширяться въ очень широкое мягкое *ä* (близкое къ *я*).

Но передъ твердыми слогами — въ соотвѣтствіи буквѣ є (и иногда тоже въ исходѣ словъ) слышалось мягкое *ö* (— звукъ близкій къ *ё*) [2]).

Такимъ образомъ, около X вѣка слова́ жєнa, чєловѣкъ, чєсо, нашємоу, Василиєво, въ нємъ [3]) должны были у кіевлянъ и у другихъ нашихъ предковъ звучать вродѣ «жьöна», «чьöловіäкъ», «чьöсо», «нашьöму», «Василиjöво»,

---

[1]), — гдѣ въ соотвѣтствіе старому є мы въ однихъ случаяхъ слышимъ *е* (=э), въ другихъ случаяхъ *я*, въ третьихъ - *о*, и гдѣ дифтонги, возникшіе изъ є, звучатъ въ однихъ случаяхъ какъ іэ, а въ другихъ случаяхъ — какъ ьо о, ю о. Подробнѣе о законахъ малорусскаго перехода *е* въ *ьо* и въ *я* см. главу 9-ую, §§ 51—53.

[2]) Необходимость признавать для старорусскаго періода звукъ *ö* (въ настоящее время почти чуждый славянскимъ языкамъ) впервые была подчеркнута извѣстнымъ сравнительнымъ языковѣдомъ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ и обстоятельно развита акад. А. А. Шахматовымъ. Это положеніе принято такимъ выдающимся языковѣдомъ, какъ акад. Ѳ. Е. Коршъ, московскій славистъ проф. Р. Ѳ. Брандтъ („Фонетика", стр. 13) и другими авторитетами, хотя, впрочемъ, слышатся и другіе голоса, утверждающіе, что переходъ є въ *ё* могъ же совершиться и безъ промежуточной стадіи *ö*.

[3]) О твердости этой флексіи „-мъ" въ XI вѣкѣ см. предыдущую главу, § 13, стр. 107—108.

въ «ньӧмъ, — со звукомъ ьӧ» [1]), тогда какъ въ словѣ каженикъ (=скопецъ), въ имени Єлисаветь, въ отглагольномъ существительномъ житиіє, часто въ союзѣ жє и въ т. п. словахъ долженъ былъ слышаться звукъ *ä*, и эти слова произносились тогда вродѣ «кажъäникъ», «Йäлисавъäть», и «житиjä», «жъä» (наряду съ жьӧ), и т. п.

Случалось иногда, что звукъ *ö* въ X вѣкѣ, подъ вліяніемъ нефонетической аналогіи, развивался и тамъ, гдѣ мы ждали бы звука *ä*, т. е. передъ мягкимъ слогомъ. Это надо признать про флексіи мѣстоименій и прилагательныхъ ж. р. въ дат. и мѣстномъ падежахъ ед. ч.,—напр.: «ієи» (дат. пад., =русск. «ей»), «въ нєи» (=русск. «въ ней»), «на твоіѥи» (=русск. «на твоей»), «въ третьіѥи» (=русск. «въ 3-ьей»), «въ синѥи» (=русск. «въ синей») и т. п. Въ этихъ формахъ звукъ *е* звучалъ въ X вѣкѣ какъ мягкое *ö* (=«йöи, въ ньöи, на твойöи, въ третьйöи, въ синьöи» и т. п.), а почему?—подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ флексій муж. рода (=йöγо, йöму, въ ньöмъ, твойöγо, твойöму, на твойöмъ, синьöγо, синьöму, въ синьöмъ, и т. п.)

Постепенное превращеніе ок. XI—XII в. мягкаго звука *ö* въ звуки *ьо* и *йо* и возможность перехода мягкаго звука *ä* въ звукъ *я* (или сохраненіе звука *ä* по прежнему).

Такъ было дѣло (со звуками *ö* и *ä*) въ вѣкѣ X-омъ. Но въ старѣйшихъ **дошедшихъ до насъ** малорусскихъ памятникахъ—кіевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 года и въ Словахъ Григорія Богослова XI в. (равно какъ въ Гал. Ев. 1144 г.) мы находимъ въ вышеперечисленныхъ случаяхъ написаніе буквъ о и ꙗ (ѩ) вмѣсто буквы є, или лучше сказать—наряду съ буквою є.

---

[1]) Транскрипцію мы примѣнили современно-малорусскую, по которой буква ь должна обозначать лишь простую мягкость предыдущаго согласнаго звука.

Такъ, мы видимъ въ XI—XII в. начертанія съ *о:* «чо*ло*вѣка» (кіевск. Изборн. 1073 г., л. 179 об. =человѣка), «ж*о*на» (кіев. Изб. 1076, л. 181 об., =жена), «Васил*и*ово» (Изб. 1073, л. 124 об.,=Василиево), «ч*о*со» (червонорусс. Григ. Бог. XI в., л 24 d, =чесо) [1]), «пославш*о*му» (Галиц. Ев. 1144 г., =пославшему) и др. Тамъ же и начертанія съ *я* (или, послѣ шипящихъ, съ *а*): «каж*а*никъ» (Изб. 1073, л. 262) [2]), «Елисавѧть» (Изб. 1073, л. 254 об., =Елисаветь), «єя жѧ» (Изб. 1073, л. 219,=«ея же»; при «то ж*о*» въ Галиц. Ев. 1144 г., л. 104), и мн. др. [3]).

Въ XI — XII вѣкѣ памятники письменно показываютъ намъ и любимое мр. смѣшеніе окончаній существительныхъ средняго рода: *е* и *я* (типа «жития» вм. «жити*е*») [4]).

---

[1]) Въ Словахъ Григорія Богослова (въ червонорусской рукописи XI в.) звукъ о въ начертаніи чосо (л. 24, об.=чого) или, вѣрнѣе—въ ничосо(=нічого), возникъ, быть можетъ, и не изъ є, но даже изъ глухого ь (т.-е. изъ чьсо). Вѣкомъ попозже, когда звуки є и ь начали смѣшиваться въ произношеніи, примѣры на появленіе о вмѣсто ь дѣлаются многочисленными.

[2]) Тамъ — въ вин. падежѣ: „Филипъ, иже каж*а*ника крьсти", л. 262 β. Кажениками назывались евнухи, или скопцы.

[3]) Большое количество выписокъ см. въ главѣ 9-й, именно на стр. 373—384 (*е*=*о*) и стр. 399—416 (*е*=*я*). Замѣтимъ, что тамъ приведены мною далеко не всѣ примѣры изъ древнихъ памятниковъ, извѣстные мнѣ.

[4]) На стр. 400-й, въ выпискахъ изъ кіевскаго Изборника 1073 года, какъ разъ этотъ послѣдній пунктъ и остался почти не иллюстрированнымъ. Между тѣмъ въ рѣчи писца Изборника 1073 г. выговоръ окончанія ср. рода „*ия*" (въ противность книжному окончанію „*ие*") былъ до такой степени обычнымъ явленіемъ, что писецъ, борясь съ этимъ своимъ живымъ выговоромъ и норовя соблюсти книжность, допускалъ искусственныя лжеорѳографическія преувеличенія и писалъ букву *е* даже въ р о д и т. падежѣ ср. р. (который у него въ живой рѣчи, какъ и теперь у малоруссовъ, не отличался своимъ выговоромъ отъ именительнаго; срв. соврем. „*життя*"=им. ед. и род. ед.). Напр., вь Изб. 1073 г. мы видимъ: „камыкъ п р ѣ т ъ ч е н и *е*" (л. 189 об., =камень преткновенія); „Сьде гл[агол]емаго в ъ о б р а ж е н и *е* видъ" (л. 9;=λεγομένης μορφώσεως εἶδος). А иногда, напротивъ, въ им. ед., гдѣ по книжному надо было бы писать *е*, Изборникъ 1073 г.,

Эти и другія имъ подобныя старс-мр. начертанія XI—XII вѣка свидѣтельствуютъ, что при извѣстныхъ звуковыхъ

даетъ намъ букву *я*. Между прочимъ срв. опредѣленіе риторической фигуры металепсиса: „Приятъе (=металепсисъ) есть рѣчь, приемлюшти подобоимѣния (вм. „подобоименис", т. е. уподобленіе, сравненіе) отъ сѫштааго истовоє" (л. 238).

И въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. подобные примѣры очень изобильны. Тамъ мы имѣемъ: „приемлетъ моего Х[рис]та кръштения" (л. 1 b; τὸ τοῦ ἐμοῦ Χριστοῦ βάπτισμα λαμβάνει);—„Благоточьно намъ слово, и зѣло благопостижьно и ц[а]р[ь]ско сущте—похваления (=похваление) сего мужа" (л. 34 β); „якоже съвѣштания (=съвѣщание?) увѣдѣхъ неизгл[агола]ноє и неудрьжимоє суште, нъ явѣ уже обнажаемо" (л. 38 а);—„Се прьвънихъ юнотьствь (νεανιευμάτων) его съповѣдания, еже и доселѣ мънозѣмъ подвигнеть слъзы, въ память приходя и слышимо" (л. 62 d);—„Потомь же нѣкое подъходить мя умиление помлъчания. Добро и отъшестїя, ему же изволь никъ бывъ испрьва" (л. 166 β; мѣсто испорчено, не совпадаетъ съ греческимъ текстомъ, но по пунктуаціи писца видно, что онъ понималъ „отъшестїя" какъ „отъшестие");—„Нъ напасти часть каку прияхомъ и доброє и очьскоє (чит. „о[ть]чьскоє") причястия (καὶ αὐτὰ μετειλήφαμεν καλὴν καὶ πατρῴαν κληρονομίαν), единомыслия благыню не до коньця съхранихомъ" (с. 240 d;—„[Бысть] чьсть доброчьстия оного, и отъдания надъгробьнєє" (л. 266 d; γέρας τῆς εὐσεβείας ἐκείνῳ καὶ ἀντίδοσις ἐπιτάφιος). Вѣроятно, сюда же надо присоединить: „съблюдая и дрощия гнѣва послѣдьнєє" (л. 304 d; ὑποτηρῶν δὲ ὅμως τρυγίαν;=„дрожчиє"? Слово это прежде употреблялось и въ ед. числѣ ср. р., хотя теперь только мн. ч. ж. р.: „дріждже"). Обратно: борясь со своимъ живымъ выговоромъ, писецъ Словъ Григорія Богослова XI в. не разъ придавалъ, въ порывѣ усердія, родит. падежу письменное окончаніе *ие* вм. *ия*, равно какъ писалъ *ие* въ формѣ числа множественнаго: „Тъ бо вѣдяаше законъі благонравие (=благонравия) и д[у]х[о]вьнааго чина" (л. 52 а; ᾔδει νόμους εὐπειθείας);—„Мънс жавшии же... храми на пищу убогъимъ, домове дѣвичии, уставление (мн. ч.) закону чрьньчьнуму" (л. 52 d; πτωχοτροφίαι, ξενοδοχίαι, νομοθεσίαι μοναστῶν);—„Да кръмить кръмящяя—на учрѣждение страньнымъ—въздание" (л. 53 d; ἵνα τρέφῃ τρέφουσαν εἰς φιλοξενίαν ἀντίδοσιν; тутъ мы ждали бы одного изъ двухъ: или мн. ч. существительнаго—„кръмящяя въздаяния", или ед. ч. причастія—„кръмящее въздаяние"); — „отъ того облажение" (л. 100 b; = род. пад., τῆς ἐκεῖθεν μακαριότητος);—„отъ кръщения бо [и] проповѣдание" (л. 126 b;=род. пад., ἐκ μὲν γὰρ τοῦ βαπτίσματος καὶ

условіяхъ малоруссы XI вѣка вмѣсто звуковъ ǒ и ǎ, соотвѣтствовавшихъ буквѣ є (и, понятно, мягкихъ), уже начинали произносить просто звуки *ё* и *я*. — Второе произношеніе, т. е. ǎ за *я*, практиковалось, конечно, не во всѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣлся звукъ ǎ, а лишь въ нѣкоторыхъ (подобно тому, какъ и теперь малоруссъ вѣдь не каждое *е* передъ мягкимъ слогомъ произнесетъ за *я*); чаще же ǎ такъ и оставалось только звукомъ ǎ, безъ параллельнаго перехода въ *я*. (Теперь въ такихъ случаяхъ слышится твердое *э*, не знающее параллельнаго перехода въ *я*).

Сказавши (только-что, выше), что малоруссы XI вѣка уже начинали произносить ǒ и ǎ за ё и *я*, мы этимъ не думали высказать, будто послѣ XI вѣка малорусскій выговоръ уже потерялъ первые звуки. Напротивъ, можно думать съ вѣскими основаніями, что и въ теченія XII вѣка, а можетъ быть и въ первой половинѣ XIII в., вплоть до эпохи общаго (не спорадическаго) паденія глухихъ, звуки ǎ и ǒ (мягкіе, конечно) продолжали по прежнему существовать въ рѣчи малоруссовъ, какъ звуки еще отличные отъ чистыхъ нынѣшнихъ звуковъ *я* и *ё* (и отъ *э*). Повидимому,

---

τοῦ κηρύγματος; здѣсь, впрочемъ, весь славянскій контекстъ извращенъ); — „прѣложениемь (=перенесеніемъ) поклонени*е* (род. п.) отъ сътворьшааго на твари“ (л. 156 с.; καὶ τῇ μεταθέσει τῆς προσκυνήσεως; вѣроятно, переписчикъ не понималъ этого мѣста, хотя срв. на л. 334а аналогичный правильный контекстъ: „кумиромъ жьреніе и прѣложеніе поклонени*я* отъ сътворьшаго къ тварьмь“);—„И бѣдьно цѣлени*е* (вм. цѣлени*я*, род. пад.) примеши въсрашение тѣлеси“ (л. 131 δ; καὶ δυσθεράπευτον ἕξεις τὴν ἀνωμαλίαν τοῦ σώματος);—„иже прѣжде създани*е* (род. п.) вѣдомъ“ (л. 205 d; τοῦ πρὸ τῆς πλάσεως ἐγνωσμένου; NB. въ рукописи: „*б*ѣдомъ“, но, конечно, надо читать „*в*ѣдомъ“);—„прошьдъ... вься образы, еже на ны, томлени*е*“ (вм. „томлени*я*“, род. пад.; 254 d; πᾶν εἶδος τῆς καθ' ἡμῶν τυραννίδος); — „Кое добродѣяни*е* (вм. добродѣяни*я*) ли обличение, или зълобѣ мучение?“ (л. 306 b; πότερον ἀρετῆς ἔλεγχος).—Заодно отмѣтимъ въ Словахъ Григорія Богослова XI в. не совсѣмъ не характерное чередованіе окончаній „*-ение*“ и „*-яние*“ (о которомъ см. стр. 405), напр. „ухыщр*я*ния“ (л. 254 d); „расл*я*бл*я*ния“ (л. 80 а), „поущ*а*ниемь“ (л. 255 b), „съруч*а*ния“ (л. 274 с,= =възручения), „възвыш*а*ние“ (л. 293 с) и т. п.—на ряду съ „ухыщрение“ (л. 289 а) и т. п.

поясненіе (съ одной стороны) звука *ŏ* въ звукъ *ё* и звука *ă*—въ звукъ *я*, а съ другой стороны—поясненіе обоихъ звуковъ (*ŏ* и *ă*) въ отвердѣвающій звукъ *э* совершалось параллельно съ поясненіемъ глухихъ звуковъ ъ и ь въ чистые звуки (или съ исчезновеніемъ ихъ) и параллельно съ ослабленіемъ звука и послѣ гласныхъ въ звукъ *й*.

в) **Возникновеніе подобныхъ же явленій въ томъ гласномъ звукѣ *е*, который произошелъ изъ пояснившагося глухого ь.**

Въ общемъ ходѣ этого звукового процесса (XII—XIII в.) поясняющійся глухой ь успѣлъ раздѣлить многія судьбы звука є, т.-е. сталъ поясняться при однихъ положеніяхъ—въ звукъ *ё*, при другихъ положеніяхъ—въ звукъ *я* и въ отвердѣвающее *э*. Примѣръ этому—малорусскія фонемы **чóрний** (чьрнꙑи) съ одной стороны, **ч*а*рствіти** и **ч*е*рствіти** (чьрстъвѣти)—съ другой стороны [1]).

г) **Что соотвѣтствовало въ древне-малорусскомъ языкѣ *зачинному* церковно-славянскому ѥ?**

Особо стоитъ дѣло древнемалорусской (да и древнерусской) фонетики въ тѣхъ случаяхъ, въ которомъ церк.-слав. языкъ показываетъ намъ є начальное (или, какъ говорятъ, «зачинное»), — срв. церк.-слав. слова и имена: «ѥленъ», «ѥще», «ѥсетрь», «ѥлена», «ѥрина», ѥвстафий» и т. п. Въ языкѣ прамалорускомъ (какъ и въ прарусскомъ) подобныя слова звучали въ своемъ зачинѣ, обыкновенно, безъ йотаціи, безъ начальнаго *й*, а тотъ гласный звукъ, которымъ они начинались, былъ у нашихъ предковъ не *е*, но *о* (произшедшее, вѣроятно, тоже изъ *ŏ*), и такое *о* возникало у нихъ внѣ зависимости отъ твердости или мягкости слѣдующаго слова.

Такимъ образомъ вышеупомянутыя слова звучали у нашихъ предковъ: «*о́*ленъ», «*о*щé» [2]), «*о*сéтрь», «*О*лéна», «*О*рúна», «*О*встáфий» и т. п.

---

[1]) Примѣры на стр. 371 и слѣд.

[2]) А оттуда, съ отпаденіемъ *о*, возникло общеизвѣстное малорусское *ще*.

Случалось впрочемъ, что и староир. языкъ иногда допускалъ для этихъ же словъ и именъ параллельную форму съ начальнымъ ІЄ, особенно въ крестныхъ именахъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянской рѣчи. Въ такихъ случаяхъ йотованный естевый звукъ, заключавшійся въ зачинномъ ІЄ, звучалъ согласно общему фонетическому закону: или какъ *jä*, или какъ *jŏ*,—смотря по тому, мягокъ или твердъ былъ слѣдующій слогъ;—а затѣмъ, въ теченіи XI—XIII вѣка такое зачинное звукосочетаніе *jä* способно было расшириться въ *я*, тогда какъ звукосочетаніе *jŏ* превращалось по правилу въ *йо*. Отсюда возникали мр. имена и слова: «*я*сетр», «*Я*лéна», «*Я*ри́на», «*Йо*вста́хий» и т. п.,—словомъ, всецѣло примѣнялся законъ, указанный нами выше, на стр. 200—201 [1]).

---

[1]) См. объ этомъ на стр. 393—399, гдѣ все это изложено съ полной подробностью.—Вообще по поводу всего здѣсь изложеннаго (=на стр. 198 слѣд.) мы еще разъ напомнимъ, что болѣе подробному выясненію того важнаго звукового закона, который здѣсь только намѣченъ, посвящена особая глава нашей грамматики, 9 я (=стр. 369—420).

д (=§ 20 bis.)

Исторія долготнаго ϵ.

α) Неодинаковое качество долготнаго звука ϵ, возникшаго изъ *ä*, и долготнаго звука ϵ, возникшаго изъ *ö*.

Разъ мы установили, что у мр. предковъ въ эпоху до паденія глухихъ гласныхъ, напр. у кіевлянъ XI вѣка, въ словахъ типа «шϵсть» и «тϵтъка» слышался не одинъ общій и тождественный естевый звукъ, а слышалось два звука разныхъ (первый—*ä*, второй—*ö*), мы ужъ и путемъ апріорной догадки могли бы предположить, что въ эпоху паденія глухихъ гласныхъ (ъ и ь) звуковая судьба этихъ двухъ звуковъ *ä* и *ö* въ слогахъ передъ выпавшими глухими не должна была оказаться качественно одинаковой. Такъ оно и было въ дѣйствительности: изъ фактическихъ данныхъ мы знаемъ, что подвергаясь въ XII—XIII вѣкѣ замѣстительному удлиненію (въ положеніи передъ павшими глухими), эти два разныхъ звука *ä* и *ö*, оба закрываемые въ рукописяхъ одной и той же церковнославянской буквой ϵ, испытывали судьбу разную: результаты ихъ удлиненія получались качественно-разные.

β) Во что обращалось удлиненное *ä*?

То ϵ, которое встарь звучало какъ мягкое *ä*,—оно, удлиняясь въ XII — XIII в., обращалось въ мягкое же *ää* (или *jää*), откуда съуживаясь переходило въ дифтонгъ *iä*, *iэ*, а изъ этой послѣдней фонемы получалось къ XIV вѣку монофтонговое *i*; такъ, напримѣръ, вышеприведенное старинное слово «шϵсть» (путемъ стадій «ш*ää*сть», «ш*ie*сть») произносилось—положимъ—у червоноруссовъ XIV вѣка за

«шiсть». Въ архаическихъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ мы и донынѣ слышимъ дифтонгическое «шiэсть», «шiесть».

Въ грамотахъ это писалось съ буквою *и*: „шисть". Такъ, мы находимъ въ галицкой купчей 1359 г. изъ-подъ Перемышля, писанной Болестрашицкимъ поповичемъ: „Въ лѣто шеститысячное осьмьсотное ш*и*ст десять семое" [1]).—Въ другой галицкой купчей 1366 г., которую писалъ тотъ же Болестрашицкій поповичъ [2]) на покупку имѣнія Пнеколъть у Шуль жичей [3]), имѣется дата: „подъ лѣтомъ Божія нароженя тысячего трисотъ ш*и*сть-цятого шестого" [4]). — Въ дѣлежной грамотѣ галицкаго старосты Гнѣвоша 1393 г. изъ Теребовльщины: „Дали ему село, а ш*и*сть кобылъ н[с] стада, а жеребець, а два хресты серебная" [5]).

И въ церковныхъ памятникахъ XIV вѣка тоже изрѣдка проскальзываетъ буква *и*, воспроизводящая рефлексъ удлиненнаго *ă*. Такъ, въ волынскомъ Пятикнижіи Моисеевомъ XIV в. (Троицко-Серг. Лавры, № 1) [6]) мы, въ смыслѣ рефлекса *ă*, видимъ два раза букву *и* и ï въ словѣ „насельникъ" (=житель),—именно въ Бытiи XIII, 7: „Хананѣи же и Ферезѣи насïлници въ земли тои тогда бяху" [7]) и въ Iисусѣ Навинѣ VIII, 20: „Нас*и*лници Гаитстии" (т.-е. жители города Гая) [8]).—Почти то же — въ буковинскомъ Путенскомъ Ев-іи XIV в.: „крѣнъ с*и*льныхъ" (60, вм. „кринъ сельныхъ"; совр. „сïльских" [9]); срв., вѣроятно, неударное *и* въ „нестро*и*нья" (121) и мертвое „по убь*и*ньи" (220,—о немъ см. ниже на стр. 202 β). — Въ монастырскомъ сѣв.-малорусскомъ (вѣроятно, кіево-Печерскомъ) житійномъ

---

[1]) Голов. № 2, стр. 5. Купчая эта писана на „дѣдицтво панъны Радивонъковоѣ, што по н*ю*й отець далъ". Ниже увидимъ (стр. 202 η сл.), что означаетъ буква *ю* въ „по нюй" (она не изъ *ă*, но изъ *ŏ*).

[2]) Его имя—„Васил*ю*вь синъ поповъ Кость".

[3]) „у Шюльжчч*ю*въ", какъ написано въ грамотѣ.

[4]) Akta grodzkie i ziemskie, t. VIII, стр. 7;=Гол. № 3, стр. 6.

[5]) Палеограф. снимки № 27. Писана грамота „у Вышни, по Б[о]жь*ю*мъ нарожѣнъѣ 1000 лѣт и 300 лѣт и 90 лѣт и 3 лѣт".

[6]) Оно описано И. Срезневскимъ въ „Сборникѣ отдѣл. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ", т. XXII (Спб. 1881), № 5, и отчасти архим. Леонидомъ въ москов. „Чтеніяхъ" 1890, кн. III. Впрочемъ, цитируемыя нами мѣста не вошли въ описанія.

[7]) По-греч. здѣсь κατῴκουν, по-лат. — inhabitabant terram.

[8]) По-гречески—κάτοικοι, по-латыни habitatores.

[9]) Срв. еще „сильныя"=„сѣльныя" въ кіевской жидовствующей книгѣ Даніила XV в. (II, 38), о которой см. стр. 382.

Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20 [1]): „єгда же бысъ[ть] еи (=отроковицѣ-Маріи) 6 м[ѣ]с[я]ць, постави ю м[а]ти на земли искусити, станеть ли. И 7 миждъ (=мѣжь) іступльши, и приде на лоно ея, и взя ю м[а]ти ея“ (л. 14 b).

Ранѣе XIV вѣка, именно въ рукописяхъ XII и XIII в., примѣры на написаніе *и* вм. удлинившагося є (*ä*) не внушаютъ особеннаго довѣрія, потому что всѣ они относятся исключительно къ окончанію *енье* (отглагольныхъ существительныхъ средняго рода), т.-е. къ тѣмъ формамъ, въ которыхъ,—вѣроятно, подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ страдательныхъ причастій на *еный*, — какъ-разъ и не происходила замѣстительная долгота звука *ä*; (а если иногда и слышится окончаніе *і*нне, то возникло оно не изъ *ê*нье) [2]). Во всякомъ случаѣ мы здѣсь приведемъ ижевые примѣры на *и*нье изъ XII и XIII в., при чемъ укажемъ, какое изъ тѣхъ ижевыхъ начертаній XII—XIII в. соотвѣтствуетъ нынѣшнему произношенію малоруссовъ и какое не соотвѣтствуетъ. Вотъ они:

Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (майской четьѣ-минеѣ) есть въ Несторовомъ житіи Θеодосія Печерскаго очень сомнительное начертаніе: „Начахъ часто поклон*и*є колѣномъ творити“ (л. 44 а). Удобно было бы объяснить это „поклон*и*є“ такимъ образомъ, что вмѣсто удвоеннаго слога „*-ини-*“ писецъ невольно написалъ лишь одинъ слогъ „*-ни-*“ (т.-е. что произносилъ онъ „покло*нинис*“, = „поклонїнье“, — а лишь механически написалъ „покло*нис*“). Но возможно вѣдь и другое объясненіе,—такое, что „поклоние“ = „покло[не]ниє“, или „поклон[ен]иє“.—Въ

[1]) Описанъ и частью изданъ въ посмертныхъ „Библіограф. Матеріалахъ“ А. Попова (=москов. „Чтенія“, 1889, кн. III).

[2]) См. объ этомъ мою работу: „О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на *енне* и *інне* (М. 1900,—отт. изъ Юбилейнаго Сборника въ честь Вс. Θ. Миллера). Относительно соврем. мр. окончанія *інне* я тамъ постарался показать, что звукъ *і* возникъ въ этомъ мр. окончаніи не изъ долготнаго *ê*, но изъ основного звука ѣ, заимствуемаго глаголами на „—ити“ отъ параллельныхъ глаголовъ на „—ѣти“; иначе сказать: соврем. мр. ижевыя формы „прихо*ді́*нне“, „прино*сі́*нне“ и т. п. восходятъ къ „приходѣнье“, „приносѣнье“, тогда какъ старинныя формы „прихоженье“, приношеньє“ такъ и остались у малоруссовъ при естевомъ произношеніи, и говорится лишь „прихо*ж*енне“, „прино*ш*енне“.

современной мр. рѣчи безразлично слышится какъ „поклонéння“, такъ и „поклонʹіння“.

Въ черниговской Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198—въ двухъ словахъ съ написаннымъ окончаніемъ „—ѥние“ буква ѥ начертана такъ, что изъ-подъ нея видна другая буква, повидимому буква и, начертанная писцомъ сперва. Это мы видимъ во фразахъ: „от[ъ] погребѥния на бракъ пти“ (л. 174 b; исправлено изъ первоначальнаго „погребиния“) и „бл[а]ж[е]нымь премѣнѥніемь“ (л. 66 об., а; передѣлано изъ „премѣниніемь“). Въ соврем. вост.-мр. языкѣ выговоръ „погребéння“ гораздо болѣе обыченъ, чѣмъ „погребʹіння“; но, напротивъ, чаще слышится „переміʹіння“, чѣмъ „перемінéння“ (однако зап.-мр.—„переміне́не“, всегда съ *е*).

Въ Румянцовскомъ Соборникѣ № 406 (собраніи проповѣдей на постный и цвѣтной кругъ),—соборникѣ, который относится къ XV вѣку и къ акающей Бѣлоруссіи, но списанъ-то, повидимому, съ кіево-Печерскаго оригинала XII—XIII в. [1]), есть начертаніе: „обличиніа“ (л. 81). Въ соврем. кіевской рѣчи одинаково скажутъ и „обличʹіння“, и „обличення“.

Въ волын. Ефремѣ Сиринѣ XIII в. (по бѣлор. сп. 1492 г.): „разлучинья“ (л. 92 об.). Удареніе на *у*? Теперь здѣсь чаще *е*.

Въ южно-галицкомъ Ев—іи 1283 г. поповича Евсевія: „учинье“ (л. 44), „учиньи“ (л. 73). Есть вѣроятіе, что поповичъ Евсевій, какъ и теперь галичане, ставилъ здѣсь удареніе на *у*, а не на среднемъ слогѣ (т.-е. выговаривалъ „у́чене“) и что его неударная буква *и* выражала здѣсь собою простой неударный звукъ *е*, совсѣмъ недолготный [2]).—У малоруссовъ восточныхъ, гдѣ удареніе на-

[1]) См. соображенія въ Румянц. описаніи—Востокова, стр. 611.

[2]) О мр. смѣшеніи неударнаго *е* съ *и* см. стр. 229—235 и слѣд. Тамъ, на стр. 230-ой, я ужъ касался Евсевіева начертанія „учинье“, а на стр. 232-ой привелъ начертаніе „под Б[о]жимъ наро́жиньемъ“ изъ галицкой грамоты старосты Петраша 1401 г. (=„Палеогр. снимки“ № 30). Добавлю сюда же изъ львовской присяги молдавскаго воеводы Ильи польскому королю 1436 г. (=Улян. 50): „заужды на вѣкы безь отмолвы и безь проти́влиния на каждый часъ [присягу] ховати“ (удареніе ставлю на галицкій ладъ). — Но возможно ко всѣмъ этимъ ижевымъ начертаніямъ примѣнить еще и то объясненіе, которое ниже предлагается нами для начертанія „убьинье“ въ Пандектахъ Антіоха 1307 г. и въ Путенскомъ Ев-іи XIV в. (см стр. 203 β).

даетъ на средній слогъ, несравненно чаще слышится „учéння", чѣмъ „учі́ння".

Въ заключеніи остановимся на памятникѣ уже изъ первыхъ лѣтъ XV вѣка,—ради начертанія „по убьиньи", которое мы выше отмѣтили въ буковинскомъ Путенскомъ Ев-іи XIV вѣка (220). И въ львовскихъ Пандектахъ Антіоха 1307 г., писанныхъ—вѣроятно—во Владимірѣ Волынскомъ [1]), есть: „убьиньи" (л. 2 б;=убіеніи),—начертаніе, очевидно мертвое, вмѣсто лжеороографическаго „убьѣньи". По всему вѣроятію, писецъ здѣсь написалъ букву *и* не въ угоду своему живому мр. произношенію (вѣдь нигдѣ, ни въ одномъ мр. говорѣ, не извѣстно произношеніе „убі́іне", или „убі́ння"), а просто—смѣшалъ церковныя буквы и и ѣ, изъ которыхъ вторая употребляема была въ силу искусственной лжеэтимологической ороографіи. Начертаніе „оубьѣньи" встрѣтить онъ могъ, пожалуй, и въ своемъ мертвомъ церковномъ оригиналѣ, съ котораго списывалъ. Лжеороографія эта ничего общаго съ малорусской замѣстительной долготой не имѣетъ и вполнѣ свойственна также многимъ памятникамъ немалорусскимъ [2]).

γ) Судьба долготнаго *ö*.

А во что обращалось удлинившееся *ö*?

То є, которое встарь звучало какъ мягкое *ö* (или *ë*) испытывало въ своемъ замѣстительномъ удлиненіи болѣе сложную судьбу, чѣмъ та, которую испытывало удлинившееся *ä*. Оно, это мягкое *ö* (или *ë*), удлиняясь въ XII—XIII вѣкѣ, должно было сперва звучать какъ мягкое *öö* (или—пожалуй—сразу же какъ *ëo*), но оттуда тотчасъ же перешло въ дифтонгъ юö (или въ юо), а оттуда — въ юэ, юы, ю́и, юй, и только около XV вѣка послышался вмѣсто этихъ дифтонговъ нынѣшній монофтонгъ *ï*, да и то донынѣ остались архаичные сѣверно-мр. говоры, гдѣ дифтонги юо, юэ, ю́ы, юй все еще не переработались въ монофтонгическое *і*.—Такимъ образомъ фонемы XI вѣка тетъкі (= t'ŏtŭka) и въ немь (= vŭ n'ŏmŭ) [3]) образовывали собою въ теченіи XII—XV вв. серію дифтонги-

---

[1]) Срв. то, что сказано на стр. 516.

[2]) См. стр. 50—56 нашей грамматики.

[3]) О твердости м въ этой флексіи XI в. см. выше, стр. 107—108. Ороографически однако она часто продолжала писаться съ ь.

ческихъ фонемъ: тьöötка (+тьоотка), тюötка (+тюотка), тюытка, тюйтка; в ньööм (+в ньоом), в нюöм (+в нюом), в нюым, в нюйм, — словомъ то, что и теперь съ изрядной удовлетворительностью можетъ быть провѣрено по даннымъ архаичныхъ сѣверно-мр. говоровъ. На письмѣ же, въ старыхъ рукописяхъ, если писцы случайно уклонялись отъ общепринятой церк.-слав. графики съ буквою є и невольно писали какое-нибудь слово подъ вліяніемъ своей живой мр. рѣчи, дифтонгическій выговоръ типа юо, юы и т. п. проявлялъ себя въ написаніи писцами буквъ о и ю (рѣже єо) вм. полагавшейся церковно-орѳографической буквы є.

Около XV вѣка, когда дифтонгъ юй (изъ удлинившагося мягкаго ō, ьô) [1]) началъ перерабатываться въ монофтонгъ ї, могло наконецъ послышаться наше современное монофтонговое «тїтка» и «в нїм», — лѣтъ на сто позже, чѣмъ послышалось «шість» изъ шєсть (т.-е. изъ шääсть).

δ) Показанія памятниковъ относительно рефлексовъ удлиненнаго ō.

Въ большинствѣ случаевъ старо-мр. писцы ровно ничѣмъ на письмѣ не проявляли существованія, въ ихъ живой рѣчи, удлиненнаго ō или результатовъ этого удлиненнаго ō, а писали мертво-этимологическую церк.-слав. букву є, и только. Они, напр., могли произносить: „в годинѣ сьоой“ (или „сюой“, „сюый“, или— попозже—ужъ и „сїй“), а писали стереотипно по церк.-слав. способу: „въ годинѣ сєи“. И т. п. Выше мы упомянули, что лишь изрѣдка, въ качествѣ невольныхъ описокъ, вдругъ проскальзывало у нихъ на письмѣ отраженіе живого дифтонга (ёо, юо, юы и пр.) путемъ употребленія буквы о или буквы ю (изрѣдка также въ видѣ двухъ буквъ єо,— какъ въ гал. грам. 1371 г., изъ которой будетъ дана выписка ниже). Естественно думать, что подъ буквою о (и єо) скрывался дифтонгъ такого сорта, въ которомъ преобладалъ звуковый элементъ ôновый (т.-е. ёо, юô), тогда какъ буквою ю могъ отражаться дифтонгъ юо и юи.

а) Воспроизведеніе рефлекса удлиненнаго ō, въ памятникахъ XII—XVI в., посредствомъ буквы о (и єо).

Въ синодальномъ Студійскомъ Уставѣ около 1193 г. № 380 (писанномъ, вѣроятно, въ Кіевѣ): „въ кыиждо м[ѣ]с[я]ць нарочитыхъ д[ь]новъ“ (л. 66 об.,=дьнôв; книжн. „дьнєвъ“, дней).

[1]) Изъ типографскихъ удобствъ мы будемъ долготное ō и его рефлексы схематически изображать черезъ ьô и йô.

Въ буковинскомъ болгарско-Софійскомъ Ев—іи XIII в.: „о годинѣ сои“ (л. 116,=сьôй; книжн. „сєи“).

Въ буковинско-волошскомъ Ев—іи Верковича XIV в.: „по чюжом же“ (л. 18:=чюжьôм[1]); книжн. „чужємь“); „вечоръ“ (л. 113, л. 94;=вечьôр; книжн. „вечєръ“); „от[ъ] врачовъ“ (л. 123,=врачьôв; книжн. „врачєвъ“, „врачь“); „бъчолъ“ (л. 160,=бджьôл; книжн. „бъч(лъ“).

Въ галицкомъ вводномъ листѣ 1371 г. старосты Оты (=Палеогр. Сн. № 23): „А выѣздилъ ту землю Ходоръ Чеолчич“ (Чьôлчичь; книжн. „Чєлъчичь“, отъ „челъка“,=совр.-мр. „чілка“).

Въ переяславской поручной грамотѣ 1393 г. кн. Олега Рязанскаго[2]): „на крѣпость нашои грамотѣ“ (=нашьôй; книжн. „нашєи“), „у нашомъ городѣ у Переяславли“ (=нашьôм; книжн. „въ нашємь“).

Въ буковинской господарской присягѣ 1395 г. воеводы Стефана королю Ягайлу (=Улян. 8): „слюбуюмъ... во всомъ добру имъ раду радити“ (=во всьôмъ; книжн. „въ вьсємь“).

Въ буковинскомъ договорѣ 1407 г. воеводы Александра съ галицкими и подольскими купцами (=Голов. № 28, стр. 28—32): „у нашои земли“, „при нашои вѣрѣ“ (=нашьôй; книжн. „въ нашєи“, „при нашєи“).

Въ галицкомъ Каменецъ-Струмиловскомъ Ев—іи 1411 г.: „о єдиномъ грѣшницѣ кающомся“ (л. 137;=„кающьôмся“; книжн. „кающ(мься“).

Въ галицкой (изъ Перемышльщины) жалованной грамотѣ 1415 г. короля Ягайла (= Голов. № 55, стр. 65): „у нашомъ селѣ у Медыцѣ“ (=в нашьôм; книжн. „въ нашємь“).

Въ галицкомъ судебномъ приговорѣ 1421 г. кн Өеодора Любартовича изъ Зудечева (=Голов. № 39, стр. 43—44): „выслали пана Ленка, старосту Зудечовского“ (=Зудечьôвського), „то ся дѣяло въ нашомъ дворѣ“ (=в нашьôм).—И вт разъѣзжей грамотѣ 1424 г. вышеупомянутаго старосты Ленка (=Голов. № 36, стр. 41): „Я, панъ Ленко, староста Зудечовьскій, свѣдчю“, „а закопы копали—панъ Григорь Бартошовьскіи“.

Въ буковинскомъ господарскомъ обязательствѣ 1421 г. воеводы Александра разведенной своей женѣ, сестрѣ Ягайла (=Улян. 26—27): „бывшей жонѣ пашой“.

Въ жалованной грамотѣ черниговскаго князя Швитрыгайла 1424 г. своему слугѣ Драгосиновичу (=Палеогр. Сн. № 20): „имѣлы бы принти къ будущой знаемости“ (=будущьôй; книж.

[1]) Конечную букву ъ писать въ такихъ транскрипціяхъ не будемъ (хотя на стр. 166 сл. и писали).

[2]) Изд. у насъ на стр. 505-ой.

„будущєй“), „дали есмо съ пасѣками, съ корчовьем, съ лозьем“ (=корчьо̂вйе́м, соврем. „з корчів'я́м“; книжн. „корчєвьемь“).

Въ ланчицкомъ королевскомъ договорѣ 1433 г. съ воеводою Стефаномъ (=Улян. 39): „тыи городы Цецунь а Хмеловъ с волостми и селы“ (=Хмельо̂в; срв. дат. пад. „Цецуню и Хмелеву“). То же имя употреблено съ о въ львовской присягѣ 1436 г. воеводы Ильи (=Улян. 52—53): „городы тоѣ земли — Цецюнь и Хмеловь“; и тамъ же два раза: „от короловьства Полского“ (=корольо̂вства; книжн. „королєвства“).

Въ буковинской присягѣ 1433 г. того же воеводы Ильи (=Улян. 36): „служити и помагати... ни у чомъ не уменшаючи“.

Въ ланчицкомъ магнатскомъ свидѣтельствѣ 1433 г. вельможъ и совѣтниковъ короля польскаго относительно договора Польши съ Молдавіей (=Улян. 38): „при чти и при вѣрѣ нашои (=нашьо̂й) подлугъ ряду и столцовъ нашихъ“ (=сто̂льцьо̂в; книжн. „стольцєвъ“).

Въ буковинской господарской присягѣ 1434 г. воеводы Стефана королю (=Улян. 40): „при чти и при вѣрѣ нашои“.

Въ луцкой жалованной грамотѣ Швитрикгайла 1438 г. кухмистру Мышьчичу (Рум. муз.): „Дали есмо ему за вѣрную службу села у Кременецком повѣте: Боръщовку, а лѣсъ Дедьовъ“.

Въ буковинской жалованной грамотѣ 1446 г. воеводы Стефана (=Улян. 69): „Дали єсми єму село на Ревтѣ, на имѣ Бугаичовци“ (=Бугайчьо̂вцѣ).

Въ галицкомъ договорѣ 1454 г. старосты Мужила Снятинскаго съ молдавск. канцлеромъ (=Улян. 86): „при нашои чти и вѣрѣ“.

Въ буковинской жалованной грамотѣ 1457 г. воеводы Стефана монастырю на Молдавицѣ (=Улян. 95): „у тумъ сели... десѣтину от бчол и от свин[и]и“.

Въ жалованной грамотѣ 1459 г. кіевскаго кн. Семена Олельковича, писанной въ Прилукѣ за Днѣпромъ (=Ант. и Козл. 20): „при чомъ его самого, жону, дети и будучіе нсчадки его при томъ всюмъ зоставую“, „городище изъ [лѣ]самъ[і] Драгушовскими“.

Въ жидовствующемъ переводѣ кіевлянъ [1]) съ еврейскаго (Виленск. рукоп. № 262) въ Книгѣ Даніила: „велможи царскыи... оглядѣли мужов сих“ (=мужьо̂в; гл. III, 27); „на поношене всеи околици нашои“ (IX, 16,=нашьо̂й); „не мазался до исполненіа трех седмиц днов“ (X, 3,=дньо̂в); „и доидеть

[1]) См. стр. 382.

д н о в ъ (=дньо̂в) тисячу триста тридцать и пять" (XII, 12). Въ переводѣ П р и т ч ъ: „Не давай ж *о* н к а́ м ъ силы своеи" (XXXI, 3) Въ Э с е и р и: „учинила пиръ ж *о* н к а м" (I, 9), „выидеть слово царичино на вси ж *о* н к ы — мѣти ни за што м у ж о в своихъ" (I, 17). Имѣются здѣсь и многіе другіе примѣры такого же рода. Несомнѣнно, что они въ значительной степени соотвѣтствовали подлинному живому выговору сѣверной Кіевщины XV в., гдѣ въ произношеніи дифтонга, происшедшаго изъ *ô*, очень долго слышался о̂новый элементъ (т.-е. долго слышался выговоръ *ѐо*, *юо*); но съ другой стороны часть такихъ *о* могла быть въ это время для Кіевщины (по крайней мѣрѣ, для рѣчи городской) ужъ не болѣе какъ традиціоннымъ архаизмомъ, потому-что изъ другихъ мѣстъ жидовствующихъ книгъ XV в. мы видимъ въ Кіевѣ XV в. уже монофтонгическое ижевое произношеніе [1]), или, по меньшей мѣрѣ, произношеніе ю и́ (съ удареніемъ на *и*).

Вѣроятно, въ значительной степени лишь условною мр.-архаичной традиціей (да и вліяніемъ, также, искусственно составленнаго актово-оффиціальнаго т. н. литовско-русскаго языка) нужно объяснять написаніе буквы *о* (въ соотвѣтствіе рефлексу долготнаго *ô*—вм. церковно-книжной буквы є) въ м р. п а м я т н и к а х ъ XVI в., потому что есть масса указаній, что ьо̂ въ это время звучало ужъ на ижевый ладъ. На памятникахъ XVI вѣка мы потому долго и останавливаться не будемъ. Для примѣра отмѣтимъ развѣ, что, положимъ, въ волынскомъ П е р е с о п н и ц к о м ъ Е в—і и 1561 г., въ которомъ даже твердое *ô* рефлектируется ужъ черезъ букву *и* [2]), можно бываетъ найти воспроизведеніе рефлекса удлиненнаго *ô* все еще черезъ букву о, именно во флексіяхъ склоненій: „за д[ь]н о в ь Ірода, ц[а]ря Іудейского" (25;= дньо̂в, книжн. „днєвъ"), „І[су]с учить уч[е]ники свои м[о]л[и]твѣ о б щ *о* й" (49, книж. „общєй").—То же окончаніе род. мн. о в ъ или і о в ъ вм. євъ) [3]) можно бываетъ отмѣтить не разъ и въ книгахъ актовыхъ XVI в. [4]).

---

[1]) И это—даже въ рефлексѣ твердаго *ô*. Срв. въ Псалтири Өедора Жидовина: с п о д *и* л н и и (=спо̂до̂льный, дольній; псал. 48) или въ книгѣ Даніила: п *и* с н ы (I; 10,=по̂стьны). См. ниже, стр. 203.

[2]) См. у насъ стр. 183. Пользуемся изд. П. И Житецкаго.

[3]) Срв. то, что отмѣчено на стр. 163 и 165-ой о твердомъ окончаніи ow въ памятникахъ, писанныхъ латиницей.

[4]) Укажемъ первые попавшіеся примѣры изъ волынскихъ книгъ кгродскихъ. Во Владиміръ-Волынской книгѣ кгродской 1567 г. (№ 934, л. 183=Ант. и Козл. № 55, стр. 135): „вызнане его взятя печати, скрынки, к л ю ч *о* в ъ... въ книги замку записано было".— Въ кгродской книгѣ Луцкой 1583 г. (изд. Иванишевъ въ „Руск.

б) **Воспроизведеніе, въ рукописяхъ, рефлекса долготнаго (мягкаго) *ô* и *ê* черезъ букву *ю* (а послѣ шипящихъ - черезъ букву *у*).**

Значительное количество старорукописныхъ примѣровъ на воспроизведеніе *ô* и *ē* (ьô) черезъ букву ю вмѣсто ороографической буквы є было ужъ нами приведено попутнымъ образомъ на стр. 150—169, въ томъ отдѣлѣ, гдѣ мы говорили о судьбѣ долготнаго о твердаго, и гдѣ, посредствомъ выписокъ, мы показывали, что въ рукописяхъ XIV вѣка рефлексъ долготнаго *ô* воспроизводится черезъ букву ȣ, оу. И вотъ тамъ, приводя уковыя начертанія (въ смыслѣ ô), мы параллельно привели, также, много начертаній съ буквою ю вмѣсто ожидаемой буквы є (въ смыслѣ ô, ьô, йô). Дѣлать тѣ выписки параллельно мы, просто таки, должны были, потому что и на самомъ дѣлѣ очень трудно—разсматривать судьбу удлинившагося мягкаго *ô* (или удлинившагося ё) какъ нѣчто отдѣльное отъ судьбы удлинившагося твердаго о; очень вѣдь ужъ сходны въ развитіи своихъ звуковыхъ свойствъ рефлексы ô и ьô,—развиваются они у малоруссовъ вполнѣ параллельнымъ путемъ и чрезвычайно соотвѣтственнымъ образомъ.

И хронологически буква ю (вм. є, въ смыслѣ *ô*, *ьô*, *jô*) констатируется по рукописямъ параллельно и одновременно съ буквою ȣ (оу) вмѣсто твердаго о (=ô). Вполнѣ достовѣрное употребленіе буквы ю въ качествѣ рефлекса *ьô, йô* начинается только съ XIV в., именно въ грамотахъ,—т.-е. совсѣмъ такъ же, какъ и употребленіе буквы ȣ въ смыслѣ *ô* [1]).

Бесѣдѣ" 1857, III, 36=л. 76): „забравши людей добрых... а **сходатаіовъ** сугграничныхъ зо воихъ селъ тыхъ".

[1]) На стр. 150-ой пропущена типографіею сноска, которая содержала въ себѣ нѣсколько примѣровъ на написаніе буквы *у* вм. ожидаемаго *о* въ памятникахъ болѣе раннихъ, чѣмъ XIV в.; но только тѣ примѣры—все равно недостовѣрны. Такъ, въ кіевскомъ **Изборникѣ Святослава** 1073 г. мы имѣемъ:„ ипод*ру*мие " (л. 264 об.,=ἱπποδρόμιον, и „Гд*у*ньскааго" (л. 246 об.,= χοδώνιος), но это *у*, вѣрно, заимствовано изъ вульг. греческаго языка (см. стр. 499—500) и не есть *ô*. Въ червонорусскихъ **Словахъ Григорія Богослова** XI в. есть начертанія болѣе похожія на долготныя,—именно: „**к*у*ль**" (л. 192 d,=куколь) и особенно „**м*у*щьнъ**" (л. 322 с.=мôжльнъ, мôжчьнъ, т.-е. упитанный; срв. у Берынды: „мождаанъ — утученъ, сыт" и соврем.-мр. „розмізчити", „розміжчити"). Б. м., это „*м*ущьнъ" и есть старѣйшій зап.-мр. примѣръ на долготное ô; но этого ужъ никакъ нельзя сказать про „**от*у*мьщение**" (л. 372 а; л. 359 а) въ тѣхъ же Словахъ XI в. (См. у насъ стр. 173; срв. еще въ сѣв.-мр. Чудовскомъ

Желательно, чтобы читатель вновь пересмотрѣлъ стр. 150—169 (о ходѣ развитія рефлексовъ твердаго ô), послѣ чего для него пріобрѣтутъ большій интересъ специальные собранные здѣсь ниже примѣры на ю=ьô и йô (изъ ô). Ихъ мы приведемъ, начиная съ грамотъ XIV вѣка [1]), причемъ начнемъ съ одной, поддѣльной, происходящей однако якобы еще изъ XIII вѣка.

Сборникѣ XIV в. № 20: „обуйметь" л. 143 d, и въ кіево-Печерск. Ев—іи 1370 г.: „обусмлють" л. 30 об.).—Въ черниговской Румянцевской Лѣствицѣ XII в. № 198 одно запутанное начертаніе, можетъ быть, дозволительно читать „луй" (л. 168,=лôй?), но, можетъ быть, надо признать и совсѣмъ другое чтеніе (см. ниже, стр. 424).—Гораздо надежнѣе высматривало бы начертаніе Галицкаго Ев—ія 1266—1301 г.: „не возмужьно" (л. 87 об.; срв. совр.-мр. близкое по составу прилагательное, звучащее не только „замóжний"=зажиточный, но и „замíжний", что явно восходитъ къ „замôжьный"), — если бы была исключена возможность сомнѣваться въ томъ, что писецъ, начертывая здѣсь букву у, не думалъ въ тотъ моментъ о глаголѣ „мужатися" или „возмужати"; кромѣ того, есть основаніе полагать, что онъ произносилъ это слово съ удареніемъ на первомъ слогѣ, на предлогѣ воз (т. е. „вóзможьно"), — ну, а въ такомъ случаѣ буква у (неударная) въ „вóзмужьно" могла бы явиться у него воспроизведеніемъ вовсе не ô, а простого недолготнаго звука о, лишеннаго ударности (см. стр. 455 и слѣд.).—Въ кіевской лѣтописи подъ 1184 г. имѣется по Ипатскому списку: „похупся" (стр. 428; по другимъ спискамъ „похопься"; срв. совр.-мр. "хіп"!, „похіпний"=спѣшный); но вѣдь это—копія нач. XV в. а не оригиналъ XII в.; вѣроятно, это у появилось подъ перомъ волынскаго переписчика XIII—XIV в.

[1]) При случаѣ замѣтимъ, что въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ буква ю могла иногда оказаться написанной вмѣсто йотованнаго ѥ безъ всякихъ живыхъ діалектическихъ вліяній,—просто путемъ механическаго расплыва чернила подъ перомъ писца. Могла она также обозначать собою иногда простой, вовсе недолготный звукъ jо, особенно же неударный. Обо всемъ этомъ см. мои „Крітерії", стр. 12—27. Къ тѣмъ примѣрамъ изъ памятниковъ, которые приведены въ „Крітеріях", можно добавить выписки изъ червонорусскихъ Словъ Григорія Богослова XI в.: „знаменикю" (л. 114 а,=им. пад. τεκμήριον), „отъшьствию" (л. 197 с, = вин. пад., τὴν ἐκδημίαν) и др. под. Далѣе — изъ Успенскаго Сборника XII в. (майской Четьи-Минеи съ произведеніями Кіево-Печерской Лавры). Тамъ, въ Словѣ Іоанна эксарха Болгарскаго есть (на л. 263): „Трьс[вя]тую хвалу въспущають херувимъ Б[о]гу" (=въспущаѥть); въ житіи Θеодосія Печерскаго: „Пр[е]п[о]д[о]бьныи же Θеодосии глаголють посъланому" (л. 58 а; эта буква ю тутъ же передѣлана писцомъ въ ѥ);

Именно, въ т. н. грамотѣ 1292 г. Льва Галицкаго, пожалованной галицкому Спасскому монастырю [1]), написано: „даемь владыце епіскопу Єфимію и по нюмь будучимъ епіскопомъ, кому Богъ дасть правити“ (=по ньо̂м, т. е. послѣ него). Грамота эта поддѣлана ужъ позже XIII в. (не позже впрочемъ первой половины XV в., когда ее ужъ и оффиціально подтвердило польское правительство).—Переходимъ къ подлиннымъ памятникамъ:

Въ галицкой купчей 1359 г. изъ Перемышльщины (=Голов. № 2, стр. 5—6; Akta gr. VIII, 5): „купилъ панъ Петрашъ дѣдицтво панъны Радивонъковоѣ, дѣдниву, ее и вотнину, што по нюй отець далъ“ (=по ньо̂й) [2]). Въ этой же грамотѣ имѣется начертаніе „шисть“ (=шесть) съ буквою *и*, уже на современный мр. ладъ („шість“); это—потому, что звукъ *і* въ „шість“ произошелъ изъ быстрѣе развивавшагося дифтонга і ӓ, і е (восходящаго къ *ӓ*), а не изъ дифтонга ю о, ю и (восходящаго къ о̂).

Тотъ же писецъ (Болестрашицкій поповичъ Кость), который писалъ предыдущую купчую, написалъ и другую—купчую бр. Шульжичей 1366 г. (=Голов. № 3, стр. 6—7, Akta VIII, 7—8), гдѣ есть: „Купилъ панъ Радзѣовскій дѣдицтво Пнеколътъ у Шюльжичювъ“ (т. е. у Шульжичей; соврем.-мр. „у Шульжичі́в“ изъ „Шюльжичьо̂в“); „а писалъ Василювь синъ поповъ Кость, прузвищемъ Сорочичь“ (=Васильо̂в, книжн. „Василєвъ“, „Васильєвъ“).

Перу этого же Болестрашицкаго поповича принадлежитъ жалованная грамота 1378 г. кн. Володислава на землю Ладомиру Волошину (=Палеогр. сн. № 16): „А дана

срв., наоборотъ, букву ѥ вмѣсто ю въ Явленіи Честнаго Креста: „Силы н[е]б[е]сьныя хвалы въсылаѥть Владыцѣ“ (л. 88 b; мы ждали бы: „въсылають“). Въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго: „Дѣтии отлучению (вм. „отлученнѥ“) и селъ опечалуѥть мя“ (л. 58 d). Подобную же описку мы видимъ и въ одномъ мѣстѣ Слова о Полку Игоревѣ: „Тогда врани не граахуть, сорокы не троскоташа, полозію ползоша только“ (вм. „полозіѥ“, т. е. полозы, змѣи-удавы). Къ этой же категоріи начертаній съ недолготнымъ *ю* относится и „Семьюна“ въ Ипатской лѣтописи подъ 1168 г.: „Взовита ми Семьюна попа, ать створить молитвѹ“ (стр. 364; въ Хлѣбник. спискѣ „Семіона“).

[1]) Хрестом. Головацкаго, стр. 316.

[2]) О происхожденіи основной, еще не долготной формы „по ньо̂й“ см. стр. 200.

єсть грамота у Бохури, по Б[о]жьюмъ нарожѣнъѣ тисячю лѣт и 300 лѣт и сѣмъдесять [1]) лѣт и осмое лѣт[о]". — Онъ же въ томъ самомъ 1378 году написалъ купчую на Перемышльскій Калениковъ монастырь (=Палеогр. сн. № 24), гдѣ тоже фигурируетъ начертаніе: „по Б[о]жьюмъ нарожѣнъѣ" и гдѣ указано, что „пить мо[го]ричь за полъ гривны грошювъ" [2]). — Повидимому, все онъ же, поповичъ Кость, выступаетъ уже въ качествѣ судьи въ перемышльской купчей воеводы Февруна 1391 г. (=Палеогр. сн. № 26), гдѣ тоже написано: „по Б[о]жьюмъ нарожѣнъѣ".

Въ позднемъ спискѣ подтвердительной Судомирской грамоты 1361 г. короля Казиміра Ходку Быбельскому на имѣнія въ Перемышльщинѣ (=Голов. № 32, стр. 21): „печать привѣсили королювства нашего", „[свѣдокъ —] маршалокъ королювъ". Навѣрное, это ю было въ подлинномъ оригиналѣ XIV в. (потому что въ устахъ поздняго переписчика долженъ былъ слышаться въ этихъ словахъ уже чистый монофтонгъ ї).

Въ полоцкой жалованной грамотѣ Витовта 1383 г. Василю Карачовскому на имѣнія въ Подоліи (=Палеогр. сн. № 17) отмѣчено имя подольской мѣстности: „з лѣсом, што зовут Стрыюв рог".

Въ галицкомъ судномъ листѣ старосты Гнѣвоша 1393 г. о селѣ пановъ Быбельскихъ „у Теребовльскии [3]) волости" (=Палеогр. сн. № 27): „А писанъ листъ у Вышни, по Б[о]жьюмъ нарожѣнъѣ 1000 лѣт и 300 лѣт и 90 лѣт и 3 лѣт". Тутъ же „шисть" (восходящее къ „шaсть") — съ буквою и: „шисть кобылъ н[с] стада".

Въ буковинской господарской присягѣ 1395 г. воеводы Стефана королю Ягайлу (=Улян. 9): „господари кролювъства коруны Польскои". (Здѣсь же—„во всомъ", =во всьôм).

---

[1]) Въ этомъ словѣ живая рѣчь писца 1378 года имѣла, пожалуй, уже монофтонгъ *і*, потому что въ словѣ „сємь" основной звукъ є былъ не ö, но *ä*, и слѣдовательно онъ обратился послѣ паденія конечнаго глухого ь не въ дифтонгъ юо, но въ дифтонгъ іä, іе, могшій въ концѣ XIV в. стягиваться уже просто въ *і*.

[2]) Есть еще здѣсь начертаніе имени „Нестюръ" (=Нестеръ); но кажется, что этою буквою *ю* воспроизведено вовсе не долготное ьô, а простое обыкновенное неударное ьо, т. е. что писецъ 1378 г. выговаривалъ близко къ „Нестёр", а не „Нестюор".

[3]) Объ этомъ *и* см. стр. 172.

Въ коломыйскомъ **вексельномъ** удостовѣреніи галицкаго **старосты Бен[ь]ка** 1398 г. (= Палеогр. сн. № 26): „Свѣдчю, иже панъ Гервасъ вѣновалъ и оправилъ **своюи** женѣ Варварѣ сто гривенъ на **своюмъ** селѣ на Толъмачи и Жюрковѣ, на **своюи** вотнинѣ" [1]).

Въ грамотѣ 1407 г. (=Akta gr. II, 59): у **нашюмъ** дворѣ".

Въ купчемъ удостовѣрѣніи **перемышльскаго епископа Иліи** 1422 г., писанномъ въ селѣ Вѣлче (=Wilcze; =Голов. № 34, стр. 38): „Продалъ Околь дворище Кондратови... на вѣкы, дѣтемъ его и потомкомъ его, **понюмъ** будучимъ".

Въ подтвердительной жалованной грамотѣ **кіевскаго** кн. **Семена Олельковича** 1459 г. своему слугѣ Шашку, выданной въ Прилукѣ за Днѣпромъ [2]): „его при **всюи** отчизнѣ и дидизнѣ его зоставую", „при чомъ... его самого, жону, дети и исчадки при томъ **всюмъ** зоставую".

Въ буковинской **господарской присягѣ** 1462 г. королю Казиміру отъ воеводы Стефана (=Улян. 100—101); „памяти пановъ-**кролювъ** Полскыхъ".—Въ другомъ своемъ **обязательствѣ** 1462 г. (=Улян. 102) воевода обѣщаетъ королю не отпускать татарскихъ плѣнниковъ, „тыхъто **Сад-Ахматовичювъ**"; а въ случаѣ неисполненія обязательства—„нашъ королъ, его милость, не имаеть намъ ни въ **чюмъ** виненъ быти и можеть намъ своихъ записувъ не держати".

Изъ XVI вѣка и слѣд.

Изъ числа памятниковъ XVI в., гдѣ все еще часто рефлексъ ьô воспроизводится черезъ букву *ю* (хотя въ большомъ ходу ужъ было и современное монофтонгическое произношеніе рефлекса ьô за і), сдѣлаемъ выписки изъ двухъ довольно простонародныхъ волынскихъ евангелій. Именно, отмѣтимъ:

Въ **Пересопницкомъ Ев—іи** 1561 г. (изд. Жит.): „ч[е]л[овѣ]кь нѣкоторыи быль господарны[и], которыи-то удѣлаль виног[р]ад и **оплюль** (=опльôл; ь=ъ) его плотомь" (16);—„а ни на томь свѣтѣ, ани на **будущум**" (16);—„И

---

[1]) Имѣется въ грамотѣ Бенька 1398 г. буква *ю* еще въ страд. причастіи: „листъ, перед кымъ будеть **чтюнъ**" (вм. книжн. „чтєнъ"). Но кажется, что здѣсь подъ буквою *ю* скрывается не долготное ь ô, а простое ь о, звучащее донынѣ въ такихъ же формахъ страд. прич. сѣв.-мр. архаичныхъ говоровъ.

[2]) Неточно изд. у Антон. и Козл. № 9, стр. 19—20.

послали к нему нѣкоторыхъ з ф а р и с е у в ъ (=фарисейôв)..., абы его вловили в мовѣ" (17);—„и н ю с л ь [Ісус] кр[е]сть свои" (21); — „и пропяли его, а с ним и инших два, по сюй и по туй сторонѣ" (21);—„Але Мареа рекла: Г[оспод]и!.. сестра моа мене самую тобѣ послуговати зоставила,—речи ж юй, абы ми помогла" (49); — „єдинь пакь с тыхь обѣшеныхь з л о д ѣ ю в ь ругаючися ему мовиль" (75). Кромѣ того срв. едва ли долготное ю въ „прозрѣль и уздоровлюнь есть" (18), „а и Д[у]хомь с[вя]тымь будеть наплънюн еще ис чрѣва м[а]тере своея" (26).—Какъ извѣстно (см. стр. 183), изъ этого же Пересопницкаго Ев—ія видна возможность тогдашняго монофтонгическаго *і*-жеваго произношенія (за *і*),—даже въ рефлексѣ ô твердаго.

В ъ П о ч а е в с к о м ъ У ч и т е л ь н о м ъ Е в—і и XVI в. (см. стр. 157): „на нюмъ", „на сюмъ" (л. 268), „своюмъ" (л. 5 об.), „привюл" (л. 101 об., л. 112), „възнюс" (л. 256 об.) и др.

Въ п е ч а т н ы х ъ схоластическихъ мр. изданіяхъ XVII в. тоже не разъ прокрадывалась буква ю (вм. ожидаемой церковной буквы є), показывая своимъ напечатаніемъ, что даже въ XVII в. не у всѣхъ еще малоруссовъ дифтонгъ юи переработался въ *і*. Въ своемъ мѣстѣ выше, параллельно съ *у*=ô, мы ужъ и приводили соотвѣтственные примѣры на букву *ю*=ьô изъ разныхъ печатныхъ книгъ XVII в., напр. изъ острожскаго Ламента 1603 г. (см. стр. 161), изъ львовскаго Лямента 1615 г. (=стр. 161), изъ львовскихъ виршей П. Берынды 1616 г. (=стр. 161.), изъ его же кіевскаго Лексикона 1627 г. (=стр. 162), изъ кіевскихъ виршей К. Саковича 1622 г. (=стр. 163) [1]), изъ произведеній Транквилліона (стр. 163—164), изъ священническихъ приписокъ (д. б., переяславскихъ) ок. 1669 г. къ книгѣ Гнзіеля (=стр. 168), изъ произведеній кіевскаго проповѣдника І. Галятовскаго (=стр. 168).—Приведены были нами также (стр. 162) два начертанія изъ печатанныхъ же, но лишь польскими буквами галицкихъ комичныхъ и н т е р л ю д і й Я к. Г а в а т т а (Львовъ 1619): „*uсíuкі*" и „*ľuпкі*".—Кромѣ того очень интересныя начертанія съ *ю* констатированы

[1]) Впрочемъ приведемъ здѣсь выписки изъ виршей Саковича въ полномъ контекстѣ: „Северусъ-императоръ за живота казалъ || Собѣ трунну зробити: и въ нюй ся укладалъ" (л. 12), „И завше онъ дѣлностю своею в то трафлялъ, || Якъ бы,—безъ шкоды своихъ,— н е п р и я т е л ю в ъ досталъ" (л. 21). — Замѣтимъ, что на стр. 163 въ выпискахъ у = ô мы нечаянно пропустили у Саковича: „х*у*ть тратитъ до еденья" (л. 36; срв. соврем. „він тра̂тить хіть до ї́дення, до ї́жі").

были нами (стр. 166—167) въ податныхъ переписныхъ книгахъ Полтавщины 1666 г., составленныхъ приказными-великоруссами.

в) Съ какого времени рефлексъ долготнаго ӧ (ьô, йô) сталъ звучать у малоруссовъ, какъ монофтонгъ і?

Мы до сихъ поръ могли ужъ не разъ убѣдиться, что судьба удлинившагося мягкаго ӧ (ьô, йô) пошла въ своемъ развитіи вполнѣ параллельнымъ ходомъ съ судьбою удлинившагося твердаго о (ô). Отсюда самъ собою слѣдуетъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ заглавіи. Ясно вѣдь, что когда вмѣсто твердаго дифтонга у́ы, уй стало слышаться у малоруссовъ просто односложное і, тогда же и подавно долженъ былъ у нихъ вмѣсто дифтонговъ ю́ы, юй мягкихъ послышаться просто монофтонгъ ї мягкій; стяженіе мягкаго юй въ ї могло происходить, пожалуй, даже чуть-чуть пораньше эпохи стяженія твердаго уй въ і, а ужъ во всякомъ случаѣ не позже [1]). А мы-то ужъ знаемъ (стр. 175), что указанія на совершившуюся (въ извѣстныхъ случаяхъ) переработку рефлекса твердаго ô въ звукъ і письменно доходятъ къ намъ начиная съ XV вѣка[2]). Эти письменныя указанія XV в. имѣются и изъ Буковины, и изъ Галичины, и изъ Кіева. Въ буковинской дарственной грамотѣ 1436 г. на имѣнія въ Кишиневщинѣ есть: „где... и наиткилѣ" (=ôткôля, чит. „відкіля́"; см. стр. 175—176). Въ галицкой размежевочной Зудечевской грамотѣ ок. 1421 г. кн. Ѳеодора Любартовича (=Голов. № 40, стр. 45) соляная копь, или соляная яма (по теперешнему выговору „сілка", изъ „сôлка") названа „сѣлка" (иначе — „вокно солное") [3]). Въ жидовствующихъ памятникахъ конца XV в., обрисовывающихъ передъ нами город-

[1]) Съ физіологически-произносительной стороны стяженіе мягкаго йотованнаго ю́и въ мягкій же звукъ і представляется болѣе легкимъ, чѣмъ стяженіе твердаго звукосочетанія уй, у́і въ мягкій звукъ і. Легче вѣдь перейти, напр., отъ „юйй" къ „їй", чѣмъ отъ „куйнь" къ „кінь".

[2]) ,— если не считать въ гал.-вол. лѣтописи подъ 1291 г. начертанія: „самострѣлы коловоритныи" (=коловорôтныѣ), въ Ипат. сп. (стр. 615).

[3]) Вотъ контекстъ Зудечевской грамоты ок. 1421 г.: „Дорога идеть... поперекъ лѣса Черного къ сѣлцѣ. Звыше тыхъ врочищь лѣсъ и поле и дубровы—тô есть Дѣдошицкое (одной изъ тяжущихся сторонъ), изниже тыхъ врочищь лѣсъ и балина, вокно солное и поле и дубровы—тô есть Балицкое" (=другой тяжущейся стороны). Букву ѣ безусловно нельзя здѣсь читать иначе, какъ монофтонговое і.

ской говоръ Кіева [1]), слово, означающее „дольній" (по-мр. „сподільний" изъ „сподôльный" или „въсподôльный") передано въ Псалтыри Θедора Жидовина черезъ „с п о д *и* л н и" [2]); слово означающее „постный, исхудавшій" (по-мр. „пісний" изъ „пôстьный") воспроизводится въ Книгѣ Даніила посредствомъ „п *ы* с н ы й" [3]).— Очевидно, что тогда же и мягкое ь ô, й ô могло произноситься за ї [4]). Срв. еще въ записи 1483 г. Луцк. Ев-ія: „К*и*лск" (л. 153 об., = Кôльск?).

Что такое явленіе состоялось (спорадически) еще въ XV в., это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ памятникахъ слѣдующаго, XVI вѣка воспроизведеніе рефлекса ьô, йо ижевымъ способомъ (при помощи буквъ и, і, иногда ы, или при помощи буквы ѣ) [5]) оказывается очень ужъ обычнымъ.

Изъ XVI в. срв. въ описи Черкасскаго замка 1552 г. (выписки см. у насъ стр. 177): „с т о р о ж *и* в ъ" (род. мн.). Въ описи замка Каневскаго 1552 г. (см. стр. 178): „К а ш *и* в ъ ш а". Въ кіевской денежной записи 1571 года кн. К. Острожскаго: „на именю его на К о л ч *ы* в ц а х ъ"

---

[1]) См. о нихъ стр. 381—383, сноски.

[2]) Именно—въ псалмѣ 48-омъ (=изд. Сперанскаго 12): „Бл[а]гословленъ еси Ты, Г[оспод]ь Б[о]гъ, сотворившіи свѣтъ. Кто верхьніи и с п о д *и* л н и, можеть обыскати дѣло Твое?".

[3]) Жидовствующій переводъ Книги Даніила находится въ Виленской рукописи № 262, ужъ и самая бумага которой не позволяетъ отнести ее позже чѣмъ къ 1514 г. и которая, по многимъ даннымъ, писана въ XV в. (см. у В. Перетца — въ кіев. „Унив. Изв." 1904, окт., I, стр. 1). Книгу Даніила издалъ И. Евсѣевъ въ москов. „Чтеніяхъ" 1902, кн. III. Интересующее насъ мѣсто читается такъ: „И рекъ бояринъ Данилу: Боюся я господаря своего царя..., чому видятся лица ваши п *ы* с н ы" (гл. I, 10).—Замѣтимъ, что у насъ выше, на стр. 179, эта выписка при сверсткѣ попала ошибочно не на свое мѣсто.

[4]) Осторожность впрочемъ заставляетъ насъ оговориться при этомъ, что и подъ буквою *и* можетъ иногда скрываться все еще не монофтонгъ ї, но дифтонгъ *юи*, только т. н. „восходящій", съ удареніемъ не на *ю*, а на *и* (= юй, юї). Кажется, именно такой дифтонгъ юй или юї имѣемъ мы въ л ь в о в с к о й г р а м о т ѣ 1412 года старосты Срѣмскаго (изд. у насъ на стр.), писецъ которой сперва написалъ: „по сво*ю*и д[о]чери", а потомъ исправилъ на „сво*и*и".

[5]) Это послѣднее совершалось конечно, лишь въ тѣхъ мр. мѣстностяхъ, гдѣ въ школахъ учили читать букву ѣ за *і*, а не на бѣлорусскій или на болгарскій ладъ. Ср. стр. 205.

(=Кольчôвцях)[1]. Въ Хмельнико-Подольской люстраціи 1565 г. (см. стр. 180): „Czilka" (=чьôлка). Въ Кременецкой люстраціи 1565 г. (см. стр. 182): „Lichopik" (=лихопьôк). Въ Луцкой описи 1552 г. (см. стр. 182): „kniaziw" (род. м.), „na niy", „swoiy"; въ Пересопницкомъ Ев-іи 1561 г. изъ-подъ Луцка же (см. стр. 183): „мовила о нымь", „зо всѣхъ сѣль" (=сьôл, род. мн.); въ указѣ Сигизмунда-Августа 1548 г. изъ мѣстности, близкой къ Луцку же (см. стр. 183): „во всімъ"; въ луцкомъ актѣ 1583 г.: „до всихъ сѣлъ"[2]).

Еще легче и обильнѣе констатируется ьô = і въ мр. памятникахъ XVII в. Срв. въ галицкихъ интерлюдіяхъ Як. Гаваттовича (печат. 1619; см. выписки у насъ стр. 186): „nisł, lihł, prynis, rykł, sczo u nym. Въ православныхъ протестаціяхъ 1610 г. (= у насъ стр. 184—185): „неотмитныхъ" (=неотмьôтных, т. е. неренегатскихъ), „въ ній." Въ печатномъ почаевскомъ Зерцалѣ Богословія 1618 г. (=у насъ стр. 185): „звѣлъ". И т. д., и т. д. Примѣры нами въ достаточномъ количествѣ приведены на стр. 184—190, въ рубрикѣ о твердомъ ô=і, причемъ особаго интереса среди нихъ заслуживаютъ великорусскія записи мр. фамилій въ податныхъ книгахъ Полтавщины 1666 г. (=у насъ стр. 187—189): „Колисниченко", „Читка", „Лемишка", „Ряши[в]скиі" и пр.

Итакъ, между XIV—XVII в. рефлексъ удлиненнаго мягкаго ô (не виднаго въ XI вѣкѣ изъ-подъ церковной буквы є) медленно переработался путемъ дифтонгическихъ стадій въ нынѣшнее і. А не случалось ли это, хотя изрѣдка, еще пораньше XV вѣка? Едва ли. Имѣются, правда, начертанія XI—XIV вв., какъ будто (но не на самомъ дѣлѣ) указывающія на переходъ юи въ монофтонгическое і, но къ нимъ примѣнимы иныя объясненія (выставленныя уже нами на стр. 172). Во всякомъ случаѣ зарегистрируемъ ихъ.

Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в.: „къ злодѣимъ" (л. 82 d, дат. множ.) вм. „къ злодѣємъ". Хотя въ нѣкоторыхъ галицкихъ говорахъ дат. мн. и оканчивается на ім (напр. „вовкім" изъ „вълкôмъ"), но преобладающая часть зап.-мр. говоровъ вовсе

---

[1]) Изд. въ кіевскомъ „Палеографическомъ Изборникѣ 1899, вып. I, № 15.

[2]) Именно въ рѣшеніи копнаго суда о поджогѣ 1583 г., внесенномъ въ книгу Луцкую кгродскую того же года (лл. 76—79): „Копа послала знову до всихъ сѣлъ Рожицьскихъ людей добрыхъ сторонъвыхъ" (изд. Н. Иванишевъ въ „Русской Бесѣдѣ" 1857, кн. III, стр. 37).

не испытала замѣстительнаго удлиненія въ формѣ дат. множ., а поэтому можно думать, что писецъ Словъ XI в. просто смѣшалъ флексію „-*емъ*“ съ флексіей „-*имъ*“ (Срв. въ церк.-слав. Супрасльской рукописи дат. мн. „сѫгрѣшеникомъ“ вм. „съгрѣшениемъ“).—Такой дат. мн. на „-*имъ*“ вм. „-*емъ*“ попадается и въ другихъ мр. рукописяхъ XII—XIV в.; между прочимъ часто въ Кіево-Печерскомъ Ев—іи 1370 г.: „къ Июдеимъ“ (л. 6 об., л. 7, л. 9 об., л. 10, л. 13 об., л. 15 об., л. 17 об., л. 50 об.).

Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (майской четьѣ-минеѣ съ кіево-печерскими произведеніями), въ Несторовомъ житіи Θеодосія Печерскаго при разсказѣ о замышлявшемся нападеніи разбойниковъ на церковь, мы читаемъ: „...и тъгда [разбоиници], въшьдъше въ ц[ь]ркъвь, посмлють вься сущая *въ и. и* тако многашьды приходящемъ имъ“ и проч. (л. 46 d). Въ рѣчи нынѣшнихъ кіевлянъ старинное „в й ô й“ (=въ ней), дѣйствительно, рефлектируется произношеніемъ „в ï й“ или „в ï“, т. е. именно такъ, какъ написано въ Несторовомъ Житіи Θеодосія [1]);—но не слишкомъ ли рано будетъ предположить такое произношеніе еще для XII вѣка? Вѣрнѣе, что начертаніе: „въ и“ механически написано вмѣсто „въ [не]и“, т. е. съ нечаяннымъ пропускомъ слога „—не—“) [2]).

Въ синодальномъ Студійскомъ уставѣ послѣ 1193 г. [3]), который или писанъ прямо въ Кіевѣ, или списанъ съ кіевскаго оригинала: „[Нужьно будеть] ...прочее прѣдъложити и о прочимь устроении мнихомъ..., по чину“ (л. 196 об.). Можно было бы видѣть въ этомъ „о прочимь“ малорусское „о прочьôм“, если бы не существовало церк.-

---

[1]) То, что написано въ Успенской рукописи, можетъ быть прочитано и „въ ï“, и „въ ïй“ въ виду сосѣдства двухъ буквъ *и* рядомъ (...„въ *и.и* тако“...).

[2]) Прочія написанія Успенскаго Сб. XII в. еще менѣе говорятъ о переходѣ ьô въ і, хотя по внѣшности совпадаютъ съ нынѣшнимъ мр. произношеніемъ. Какое-нибудь: „о исъхъши и смокъвьници“ не есть фонетическое измѣненіе формы: „о исъхъши и смокъвьници“, потому что форма „о исъхъши (л. 175, въ Словѣ Іоанна Дамаскина) есть обыкновеннѣйшая правильная церк.-слав. форма мѣстнаго падежа членнаго причастія, и звукъ *и* произошелъ въ ней совершенно не тѣмъ путемъ, какимъ произошелъ мр. звукъ і напр. въ формѣ: „об померщíй“ (изъ „померщьôй“, книжн. „померщеи“).

[3]) По описанію Горскаго и Невструева это № 380.

слав. формы: „о прочиимь“ (съ двумя и), которая легко сокращается въ „о прочимь“ (съ однимъ и). Срв. подобную же форму въ словахъ Григ. Богослова XI в.: „въ обьщ*и*мь“ (л. 250 с).

Въ южно-Галицкомъ Ев-іи 1283 г. поповича Евсевія: „въ отечестьвьи св*о*имь“ (л. 134), а въ болѣе сѣверномъ Галицкомъ Ев-літи 1266—1301 г.: „въ терпѣньи вашимь“ (л. 93 об.). Здѣсь мы имѣемъ дѣло, вѣроятно, не съ раннимъ звуковымъ переходомъ ѣо въ ї, а скорѣе всего — съ этимологическимъ смѣшеніемъ формы мѣстнаго и оруднаго падежей (см. стр. 172), т. е. съ тѣмъ явленіемъ, которое извѣстно и великоруссамъ [1]), и полякамъ (na moim, na twoim, o swoim); очень можетъ быть, что подобныя начертанія возникали у мр. писцовъ и не безъ польскаго вліянія. Да и на почвѣ мертвой церк.-слав. ороографіи смѣшеніе формъ „своѥмь“ и „своимь“ оказывалось для зап.-мр. писцовъ особенно легкимъ еще и потому, что въ живой ихъ рѣчи (галичанъ, буковинцевъ и др.) удареніе въ подобныхъ мѣстоименныхъ формахъ падаетъ на первый слогъ (свó-, твó-, мó-), а не на тотъ слогъ, въ которомъ написана книжная церк.-слав. буква и или ѥ. Въ своей живой рѣчи поповичъ Евсевій превосходно могъ произносить „в свóюом“ (съ дифтонгомъ), да навѣрное такъ и произносилъ; а когда онъ путалъ мертвыя церк.-слав. начертанія „свóимь“ и „свóѥмь“ (читая ихъ съ удареніемъ на „сво-“), могъ допускать эту путаницу просто въ силу смѣшенія неударныхъ и и ѥ.—Впрочемъ, какое бы объясненіе мы ни признали наиболѣе правдоподобнымъ, буква и въ начертаніи Евсевіева Ев-ія 1283 г.: „въ отечестьвьи своимь“ не должна считаться достовѣрнымъ указаніемъ на переработку дифтонгическаго рефлекса малорусскаго ѣо въ монофтонгъ ї.

Это же вполнѣ относится и къ аналогичнымъ начертаніямъ въ буковинскомъ Путенскомъ Ев-іи XIV в.

---

[1]) Какъ разъ такое самое начертаніе „въ отьцьствии св*о*имъ“ (л. 65 об.) отмѣчено г. Соболевскимъ въ новгородскомъ Ев-іи XIV в. Румянц. музея, которое онъ цитируетъ какъ № 434 („Лекціи“, 1903, стр. 201); привожу эту цитату безъ провѣрки (Подъ № 434 въ Румянц. музеѣ разумѣютъ Торжественникъ XVI в., описанный Востоковымъ на стр. 664—681). Срв. еще процитированное тамъ же изъ бѣлорусскаго Мстижскаго Ев-ія XIV в.: „по въстаньи мо*и*мь“.

„о словеси м о и м ъ“ (26), „у дому с в о и м ъ“ (27, 92), „во очеси т в о и м ъ“ (57), „на селѣ с в о и м ъ“ (222).

Въ сѣверно-мр. монастырскомъ (вѣроятно, кіево-Печерскомъ) Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20 [1]): „на утѣху д[у]ши моип (л. 152 d) можетъ быть подвергнуто тому же объясненію [2]).

То же объясненіе (+ сильное польское вліяніе) примѣнимо и къ львовской грамотѣ 1412 г. старосты Срѣмскаго изд. у насъ на стр. „пани Ядвига Хмелевая уздала пол села Сулимова Войтковп по с в о и й д[о]чери по Алжбѣтѣ“, хотя (см. стр. 203ζ) есть основаніе думать, что писецъ выговаривалъ отмѣченное слово за „своюий“.

По вышеизложеннымъ причинамъ не можемъ мы съ увѣренностью опираться и на буковинскую жалованную грамоту 1436 г. воеводы Ильи (=Улян. 54) съ ея ижевымъ начертаніемъ: „а по н а ш и м ъ животѣ кто будетъ г[о]сп[о]д[а]рь нашеи земли“, несмотря на то, что изъ другихъ грамотъ того же воеводы Ильи (и того же 1436 года) мы можемъ извлечь вполнѣ характерныя ижевыя начертанія для рефлекса даже твердаго ô.

Въ періодъ написанія послѣдней грамоты, т.-е. въ XV в., дифтонгическое юи (изъ йô̄, йö) успѣло уже въ живой рѣчи малоруссовъ стянуться, тамъ и сямъ, въ монофтонгическій звукъ ї или, по крайней мѣрѣ, звучать какъ юи́, съ удареніемъ на ижевомъ элементѣ своего состава. Въ періодъ козачества монофтонгизмъ всюду возобладалъ, и теперь мы вмѣсто стариннаго удлинившагося звука ӧ (скрывавшагося въ рукописяхъ XI—XII вѣка подъ книжною

---

[1]) Описанъ и отчасти изданъ въ посмертныхъ „Библіографическихъ Матеріалахъ“ А. Попова (моск. „Чтенія“ 1889, кн. III).

[2]) Кромѣ того есть въ Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. такія ижевыя начертанія, которыя, хоть и похожи на малорусскіе рефлексы долготнаго ьô, но вполнѣ могутъ быть объяснены и изъ старѣйшаго языка церк.-славянскаго, т. е. быть возведены къ этимологическому основному и. Напр. „в с у щ и м ъ ту притворѣ ковачьстѣмъ“ (л. 36 b), „велици (= велицѣ) мочи б ы в ш і и“ (л. 38 d; дат. самост., =въ большой ливень), „на руцѣ тои, б и в ш и и мя“ (л. 93 b) „о н о в о я в л ь ш и м с я младенци“ (л. 145 с) и др. См. объясненіе на стр. 203ϑ, сноска[1]. Такія формы подыскать можно въ любомъ церковномъ памятникѣ.

буквою є) всюду слышимъ ї,—напр. «тїтка», «на своїм»; и только архаичные сѣверные говоры продолжають хранить старинное произношеніе «т*юо*тка», «т*юи*тка», «на сво*юо*м», «на сво*юи*м», и т. п.,— произношеніе, бывшее прежде общемалоруссвимъ.

Обязательство луцкаго епископа Іоанна 1398 г. королю Ягайлу— заплатить деньги за поставленіе свое въ галицкіе митрополиты. Хранится въ Румянц. музеѣ, № 68, 1.

А се азъ, вл[а]д[ы]ка Иванъ из Луцка, знаемо чиню всѣмъ, аже дал ми г[о]с[у]д[а]рь мои, великыи король, митрополью Галицкую. Хочет ми помочи на поставленье митрополитомь. А коли, Б[ог]ъ дасть, стану митрополитомъ, я за то слюбую и хочю дати, оже Б[ог]ъ дасть, моему милому г[о]с[у]д[а]рю королю двѣстѣ гривенъ рускихъ а тридцять копиї, безъ хитрости. И того не хочю иступити, и на то есмъ свои листъ далъ и печять привѣсилъ. В Опатовѣ [1]), предъ Громницями [2]), у лѣта нароженья С[ы]на Б[о]жья тисяч и три ста девяносто осмого лѣта.

---

[1]) Въ нынѣшней Радомской губерніи.

[2]) т. е., вѣроятно, наканунѣ „громового сьвята“ (8-го іюля, св. Прокопія, или 20-го іюля—св. Ильи.

§ 21. Судьба звука ѣ.

Въ противность тѣмъ многочисленнымъ и разнообразнымъ перемѣнамъ, которымъ подвергся у малоруссовъ звукъ є, звукъ ѣ въ нынѣшнемъ произношеніи Кіевщины съ Черниговщиной отошелъ отъ произношенія XI вѣка лишь очень и очень немного.

Его нынѣшнее произношеніе.

У русскихъ, какъ извѣстно, звукъ ѣ отождествился со звукомъ є (русскія буквы *ѣ* и *е* читаются одинаково). У насъ же, малоруссовъ, въ соотвѣтствующихъ ятю случаяхъ имѣется донынѣ особое произношеніе: слышится звукъ *і*, вполнѣ мягкій и почти всюду, кромѣ архаичныхъ говоровъ, монофтонгическій. Такъ, гдѣ по-русски пишется «р*ѣ*чка» (что выговаривается: «речка»), тамъ у подавляющаго большинства малоруссовъ (кромѣ архаичныхъ полѣшуковъ и горцевъ) звучитъ р*і*чка; гдѣ по-русски пишется «на ст*ѣ*н*ѣ*» (выгов. «на стене»), тамъ у малоруссовъ слышенъ почти вездѣ (кромѣ архаичныхъ діалектовъ) выговоръ «на ст*і*н*і*». И т. п. Съ показаніями кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года такое малорусское произношеніе совпадаетъ довольно близко: ниже увидимъ, что въ обоихъ кіевскихъ Изборникахъ XI вѣка не разъ вмѣсто буквы ѣ оказывается написана буква и. То же констатируется и въ червонорусскихъ словахъ Григорія Богослова XI в.

Старинное произношеніе звука ѣ.

Слѣдуетъ ли изъ вышесказаннаго выводъ, что стариннѣйшій прамалорусскій выговоръ звука ѣ это и былъ *і*?

Нѣтъ. Напротивъ: даже для XI вѣка такое предположеніе будетъ далеко не вѣрнымъ. Ни въ какомъ случаѣ не позволительно думать, чтобы буквѣ ѣ соотвѣтствовалъ въ рѣчи кіевлянъ и червоноруссовъ XI в. всегда исключительно тотъ односложный мягкій звукъ *і*, который сейчасъ мы слышимъ въ Кіевѣ или во Львовѣ. Даже нынѣшняя малорусская рѣчь нѣкоторыми говорами свидѣтельствуетъ противъ этого. Вотъ донынѣ подъ самымъ Кіевомъ, въ архаичныхъ сѣверныхъ говорахъ, тому звуку, которому въ старыхъ кіевскихъ памятникахъ соотвѣтствовало начертаніе ѣ, часто соотвѣтствуетъ не просто звукъ *і*, но дифтонгъ *іе*, — напримѣръ, вмѣсто общеукраинскаго білий мы часто слышимъ въ архаичныхъ говорахъ біелый. Судя по всѣмъ видимостямъ, именно дифтонгическое произношеніе звука ѣ и должно считаться общепринятымъ кіевскимъ произношеніемъ XI вѣка, а ужъ и подавно — произношеніемъ болѣе раннихъ временъ, Владиміра Святого (X вѣка). Филологическія сравнительно-языковѣдныя соображенія [1]) позволяютъ намъ высказать даже болѣе точное утвержденіе: старокіевскій звукъ ѣ X—XI вѣка былъ нисходящимъ дифтонгомъ íä, т. е. имѣлъ удареніе на *і* и сопровождался широтою звука ä во второй составной части дифтонга.

Дифтонгическій выговоръ звука ѣ приводилъ старинныхъ писцовъ иногда къ тому, что вмѣсто одной буквы ѣ они писали двѣ буквы (иѥ, ѣѥ и др.). Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. форма повел. н—нія 1-го л. мн. ч. отъ глагола „любомудрити“ (=философствовать) имѣетъ окончаніе „-*иемъ*“, — срв. „Сице любомудр*ие*мъ о Б[о]гѣ и о божьствьныихъ! Любомудр*ие*мъ же, начинающе отънуду же начинати добро“ (л. 6, b; по-гречески здѣсь φιλοσοφήσωμεν, оба раза; по совр.-мр. это было бы „любомудрім!“ изъ „любомудр*ѣ*мъ!“). И въ другомъ мѣстѣ Словъ повел. н—ніе 1 л. мн. ч. вмѣсто ожидаемаго вида „приимѣмъ“! (=совр.-мр. „прийм*ім*“!) является съ окончаніемъ,

---

[1]) Я имѣю въ виду главнымъ образомъ акад. Ф. Ѳ. Фортунатова и основанную имъ научную филологическую школу, а равнымъ образомъ—акад. Ѳ. Е. Корша.

содержащимъ двѣ гласныя буквы: „Приимѣемъ отъ праваaго и прѣчистааго свѣта!“ (л. 135 d; по-гречески λαβώμεθα). Очень при этомъ вѣроятно, что дифтонгъ въ такой глагольной формѣ произносился писцемъ-червоноруссомъ (южнымъ червоноруссомъ, надо полагать) ужъ на довольно съуженный ладъ (т.-е. ближе къ соврем. архаичному ie, чѣмъ къ iä), потому-что отъ глагола „бе[з]чьстити“ аналогичную (мр.?) форму пов. н-нія 1-го л. мн. ч. писецъ Словъ писалъ просто съ двумя ии: „ни бечьстиимъ!“ (л. 292 с, = μηδὲ ἀτιμάσωμεν) вмѣсто ожидаемаго мр. „бе[з]чьстѣмъ“ (соврем. діалект. зап.-мр. „анї збезчестім!“); но иногда онъ замѣнялъ въ пов. н—ніи букву ѣ сложною буквою ѥ: „и чюдитеся чюдомь и погыбнѥте!“ (л. 201 b, = καὶ ἀφανίσθητε!) [1]).
Въ суффиксѣ сравнит. степени буква ѣ замѣняется въ Словахъ Григорія Богослова XI в. или черезъ ѣе, или черезъ ьѣ (а въ XI в. буква ь означаетъ слоговой гласный звукъ): „Приять гореє, да въздасть добрѣе“ (л. 374 с), „[звѣрь] отъ большь и отъ малѣишь, отъ кротѣишь и отъ дивьѣишь“ (л. 189 b, вм. „дивѣишь“ = ἀγριωτέρων). Пишутся двѣ гласныхъ буквы вм. ѣ такъ же во флексіяхъ склоненія: „Нъ не мьнѣи (= мьнѣ) убо судии и съвѣтьникъ“ (л. 222 b, = = οὐχ ἔμοιγε κριτῇ καὶ συμβούλῳ);—„въ прьвѣи свѣтьлѣи вещи“ (л. 326 с, = τῇ πρώτῃ φωτεινῇ φύσει);—„не разумѣвъшемъ въ равьния (= въ равьнѣ) невъравьнания“ (л. 304 с, = μὴ συνιεῖσι τὸ ἐν τῇ ἰσότητι ἄνισον). Сюда же—пожалуй—относится у писца Словъ употребленіе буквъ ие быть можетъ вмѣсто нарѣчной флексіи ѣ: „и словеса си разумѣемь чистѣе и разумьнѣе... и веселие“ (л. 372 d; вм. „и веселѣ“? καὶ ἀγαλλιάσει);—„да не пакы зълѣ поцвьтеши и бѣдьноцѣлениѥ приимеши въсрашение тѣлеси“ (л. 131 d; = „бѣдьноцѣленѣ“? καὶ δυσθεράπευτον ἕξεις τὴν ἀνωμαλίαν τοῦ σώματος) [2]).

Въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г. форма мѣстн. пад. мн. ч. отъ прилагательнаго „апостольскъ“ вмѣсто обычнаго начертанія „апостольсцѣхъ“ представляетъ однажды ороографію: „ап[осто]льцѣехъ“ (л. 46 об., а).

---

[1]) Быть можетъ даже—надо это начертаніе ѥ понимать здѣсь за двѣ буквы (= i + є), а не за мягкій монофтонгъ є. Срв. ниже выписку изъ Изборника Святослава 1073 г. („гнѥвъ“).

[2]) — если, конечно, мы не разобьемъ интересующаго насъ начертанія на два слова: „бѣдьно + цѣление“ (вм. цѣления, род. п.). Срв. у насъ выше стр. 201γ, 7 строку сноски. „Веселие“ б. м. = „веселѣе?“

Можно предположить, что въ этой формѣ множ. числа книжникъ-писецъ спокойно воспроизвелъ дифтонгическій звукъ ѣ двумя буквами ѣє подъ узаконеннымъ орѳографическимъ вліяніемъ соотвѣтствующей формы числа единственнаго (гдѣ „апостольсцѣемь" и „апостольсцѣмь" чередуются) [1].—Интересна въ Изборникѣ 1073 года еще буква ıє въ „гнıєвъ" (л. 28 об., а), „гнıєва" (л. 32 а) и въ производныхъ словахъ этого корня. Очень позволительно думать, что этой буквой ıє (состоящей изъ ı + є) кіевлянинъ-писецъ Изборника 1073 г. посильно выразилъ въ данныхъ случаяхъ (безсознательно, конечно) не мягкій монофтонгъ е, но именно дифтонгъ *іä*.

Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (майской четьѣминеѣ съ кіево-печерскими произведеніями), въ Несторовомъ житіи Ѳеодосія Печерскаго: „Бѣ въ монастыри чьрноризьць, именьмь Дамианъ, иже ръвьниıє (=рьвьнѣ, т.-е. ревностно) подражашааше житию и съмѣрению преп[о]д[о]б[ь]нааго Ѳеодосія" (л. 45 d).

Въ южно-Галицкомъ Ев—іи 1283 г. поповича Евсевія буква ѣ въ словѣ „нѣсмь" замѣнена начертаніемъ иıє: „Грядеть же крѣплии мене, ему же н*иє*смь достоенъ отрѣшити ремѣнь сапогу его; тъ вы и кр[ес]тить д[у]х[ъ]мь с[вя]т[ы]мь" (л. 126 об., b).—Срв. у того же поповича Евсевія этотъ же евангельскій текстъ двумя листами раньше: „ему же н*ѣ*смь достоино раздрѣшити ремень" (л. 124 об., b) и „ему же н*ѣ*смь достои понести сапога его" (л. 124 об., а).

Тѣ явленія, которыя происходятъ съ нынѣшнимъ сѣверно-кіевскимъ дифтонгомъ іе, происходили и съ дифтонгомъ іä въ рѣчи кіевлянъ XI вѣка (какъ и прочихъ малорусскихъ предковъ). Укажемъ эти явленія.

Возможность старокіевскаго стяженія XI в. дифтонга *і*ä въ монофтонгъ *е*.

Въ извѣстныхъ положеніяхъ дифтонгъ іä (какъ это бываетъ и въ современной сѣверно-малорусской архаичной рѣчи) обращался у кіевлянъ XI вѣка въ мягкое *е*. Случаи такого произношенія отражаются въ кіевскихъ Изборникахъ 1073 и 1076 гг. написаніемъ буквы є вмѣсто буквы ѣ.

---

[1]) Нечего и говорить, что этотъ примѣръ, взятый изъ кіевскаго Изборника 1073 г., менѣе типиченъ, чѣмъ предыдущіе примѣры, приведенные нами изъ Словъ Григорія Богослова XI в.

Въ Изборникѣ 1073 года извѣстны слѣдующія начертанія: «песть» (л. 6 об., b), «верую» (л. 21 об., а), «въ Ефесе» (л. 23 об., b), «по томь же Персе» (л. 162 об., b), «о единомь господине» (л. 30 об., а), «Корипѳе» (л. 188 а), «вы Иерусалиме» (л. 255 об., а), «Іуде» (дат. пад., л. 38 об., а), «ово бе не рождене» (л. 16 об., а), «беяше» (л. 180 об., а), «аще бы грѣха пе въсеялъ» (л. 69 b), руце (дв. ч.; л. 195 об., b). «н[е]делю» (л. 248 b) и нѣкоторыя другія, менѣе типичныя. Особо стоятъ: «гнѥвъ» съ производными (л. 28 об., а; л. 31 об., а; л. 32 а; см. выше, стр. 204ζ) и «многою речию» (л. 239 b) [1]).

Въ Изборникѣ 1076 года: «къ темь прибѣгаи» (л. 14 а); особо стоитъ «телеси» (л. 237 а) и «телесьною» (л. 255 а) [2]).

Быть можетъ, подобный примѣръ и въ старѣйшемъ зап.-мр. памятникѣ—Словахъ Григорія Богослова XI в.: «сии же въсемь бѣаху» (л. 70 d; дат. мн.) [3]); также: «жена и дети» (л. 105 с) и, вѣроятно: «Некакоже пе тако разумѣимь!» (л. 291ϐ,=μηδαμῶς,=мр. «нѣкакоже», т. е. никакъ; совр.-мр. «ніяк» изъ «нѣякъ»).

Очень возможно, пожалуй, что двое-трое изъ вышеприведенныхъ словъ (существительное «речь» и слова съ основой «телес»), должно быть, и не имѣли въ себѣ у старыхъ кіевлянъ XI вѣка звука ѣ, а заключали въ себѣ обыкновенный звукъ *е*, сохранившійся въ Кіевщинѣ въ этихъ же словахъ и до настоящаго времени. Срв. въ современной Кіевщинѣ «з якої ре́чи?» (=съ какой стати?), довготеле́сий (=дылда), Іва́сик-теле́сик (=Ванюша-бутузъ,—

---

[1]) Въ словѣ „речию" буква *е* можетъ, кажется, восходить не къ ѣ, но къ основному є.—Кстати отмѣтимъ, что въ общеизвѣстномъ фотолитографированномъ изданіи Сборника 1073 г. (подправленномъ) оказывается: „многою рѣчию" (л. 239 b); но рукописное чтеніе „речию" засвидѣтельствовано изданіемъ Буслаева (=„Историч. Хрест.", 1861, стр. 270).

[2]) И въ основѣ „телес" звукъ *е* можетъ быть выведенъ тоже не прямо изъ ѣ. Объ этомъ мы сейчасъ скажемъ ниже.

[3]) Но возможно, что писецъ понялъ это мѣсто, какъ мѣстн. пад. ед. ч. „въ семь",—и тогда буква *е* должна подъ его перомъ объясняться ужъ не какъ замѣна ѣ.

въ сказкѣ)[1]. Очень возможно поэтому, что старокіевскія начертанія «*речию*» и «*телеси*, *телесьною*» относятся не къ области смѣшенія звука ѣ со звукомъ *е*.—Но въ общемъ нельзя сомнѣваться, на основаніи показаній кіевскихъ Изборниковъ 1073 и 1076 г., что дифтонгъ *іä* (=ѣ) способенъ бывалъ въ рѣчи кіевлянъ XI в. стягиваться въ *е* (при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ), какъ это и сейчасъ происходитъ въ архаичныхъ говорахъ сѣверной Кіевщины.

Кіевское стяженіе дифтонга *іä* XI в. въ монофтонгъ *і*.

Съ другой стороны (какъ и теперь это бываетъ въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ), въ кіевскомъ говорѣ XI вѣка дифтонгъ іä при извѣстныхъ положеніяхъ обращался въ односложное *і*[2]). Подъ вліяніемъ такого произношенія, писецъ кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 года писалъ

[1]) Не только въ Изборникѣ 1076 г., но и во многихъ другихъ старо-мр. памятникахъ мы видимъ систематическую естевую ороографію основы „*телес*“ (при ятевой ороографіи короткой основы „*тѣл*“, безъ наращенія *ес*). Напр., начертанія „*телес*“, „*телеси*“, „*телеса*“ „*телесьный*“ и т. п. обычны въ кіево-печерской майской минеѣ, иначе называемой Успенскимъ Сборникомъ XII в. (см. л. 15 b, л. 16 с, л. 17 b; вѣроятно, и л. 17 с, гдѣ „*въ тели*“ написано, б. м., вмѣсто „въ тел[ес]си“; л. 31 а, л. 31 с, и др.). То же срв. въ черниговской Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198 (л. 15 об., л. 16, л. 57 и др.; но и „*тѣлесьное*“, л. 79); въ Галицкомъ Ев-іи 1266—1301 г. (л. 2 об., л. 67 л. 145 об., л. 148 об., л. 152 об. и др.); въ Холмскомъ Ев-іи XIII—XIV в. (л. 5, л. 78, л. 86, л. 144 об., л. 148 об., и др.); въ Луцкомъ Ев-іи XIV в. (л. 131, л. 219 об., л. 221, л. 225 об., л. 231 об. и пр.) въ д. б. кіевопечерскомъ Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20 (л. 19 b, л. 47 b, л. 51 а, л. 99 b, л. 99 d, л. 134 d, л. 140 b, л. 286 d, л. 289 d, л. 290 b, л. 292 b—d, л. 293 с, л. 294 b и мн. др. — наряду впрочемъ съ „*тѣлески трудитися*“ л. 318 а). И пр. Кажется, можно объяснить возникновеніе звука *е* въ основѣ „*телес*“ (вм. „*тѣлес*“) уподобленіемъ гласнаго элемента перваго слога („тѣ-“) гласному элементу сосѣдняго, втораго слога („-лес“), имѣющему не разъ на себѣ и удареніе (срв. род. мн. „тѣле́съ“ и прилагат. „тѣле́сьный“).

[2]) Конечно, черезъ стадію *іе*.

вмѣсто буквы ѣ букву и. А въ связи съ этимъ замѣчается у него и обратное явленіе: вмѣсто буквы и онъ иногда писалъ букву ѣ.

Въ Изборникѣ Святослава 1073 г.: „ни́цини же“ (л. 5 а,=нѣцни) [1]; „ты же и мыслию въ вѣри окушайся“ (л. 17 об. а;=въ вѣрѣ);—„Не проповѣдять ничьсо же будуштихъ бѣси, но единъ Г[оспо]дь, ви́дыи (=вѣдый) вся прѣже рожения ихъ“ (л. 149 b.);—„Амеѳусакии (=аметистъ) пламеније[ть] зѣло, въ горахъ же обрѣтаеться Лѵвииськыихъ“ (л. 153 об., b.; = пламенѣеть); — „Что ли е имъ нимая та клятва?“ (л. 142а);—„єлисѣи... исцили неплодьныя и умаряюштия воды“ (л. 162 b); — „[Кънигы] многыи бывають неистовыя псказы“ (л. 253 а;=многыѣ);—„..... проливаеть акы сътъ сладъкъ из устъ своихъ прѣдъ боляры на въразуми́ние тѣхъ мыслемъ“ (л. 264 а,—въ послѣсловіи переписчика). Срв. формы повел. н—нія, начертанныя рядомъ: „Идите и сѣцѣте и не помилуйте!“ и „сѣцитей!“ (обѣ на л. 104 об.,а). Упомянемъ также нехаракт. букву и вм. ѣ въ им. собственныхъ: „къ Тимоѳию“ (л. 112 об., а;=церк.-слав. „Тимоѳѣю“), „Матѳия“ (л. 262 а), „Матѳиа“ (л. 262 b;= церк.-слав. „Матѳѣя“), „Андрия“ (л. 261 об., а), „Анъдриа“ (л. 263 b;=церк.-слав. „Андрѣя“) и др. [2]). И наоборотъ: греческое ἐπίληψις (=падучая болѣзнь) передано въ кіевскомъ Изборникѣ 1073 г. через „епилипьсѣс“ („Иасписъ....... трѣбѣ есть въ епилипьсѣс“, л. 153 b); вмѣсто „нѣцни“ написано тамъ „нѣцѣи“ [3]), вмѣсто „приведуть“ написано тамъ „прѣведуть“ (л. 159).

Въ Изборникѣ Святослава 1076 г.: „М[а]т[е]ре не забываита, волю си (=сѣ) творита“ (л. 111 б.); „Питие мѣрьное веселить, бѣзмѣрьное же — бѣшеньство есть... И вижъ ми въ миру вино пиющиихъ... и беꙁ-щину воду пиющиихъ“ (л. 237 б; „въ миру“=κατὰ τὸ μέτρον). И наоборотъ, въ этомъ же Изборникѣ 1076 г. мы вмѣсто

[1]) Ударенія всюду принадлежатъ, конечно, лишь мнѣ; въ подлинникѣ никакихъ удареній не разставлено.

[2]) Можно добавить и въ мертвомъ церк.-слав. предлогѣ „при“, напр.: „приминуюшти“ (л. 17), „придание (л. 130 об.). Но это не живыя кіево-мр. формы XI в. (по-кіевски было бы „пере“).

[3]) Это указаніе далъ А. Шахматовъ: „Изслѣд. въ области русск. фонет.“, стр. 138.

„въсхоти!“ читаемъ „въсхотѣ!“ (повел. накл.): „Не въсхотѣ илъгати вьсякоя илъжа!“ (μὴ θέλε ψεύδεσθαι πᾶν ψεῦδος,—изъ 7-ой главы Сираха; л. 158 б [1]).

Въ, д. б., кіевопечерскомъ Синайскомъ Патерикѣ XI в. (Синод. библ. № 551 [2]): „Гл[агол]ааху о аввѣ Марке[л]и“ (58); „епискупъ Кесарии, яже въ Палестини“ (63,—если только въ концѣ не сохранена греческая буква η). Б.м.: „и оттъ толи слово положи старьць“ (63), также „оттоли убо прѣбываааше вся дни плачяся“ (94),—срв. „оттолѣ старьць питаше и“ (73).

То же можно констатировать въ старѣйшемъ зап.-мр. памятникѣ—Словахъ Григорія Богослова XI в. [3]): „еда исъ стины съринетъ“ (л. 6 с.; по-греч. τάχα ἂν καὶ κατὰ κρημνῶν ὤσειεν).—„яко исили (вм. „изсѣли“ или „възсѣли“)... пѫть зълоби“ (л. 79 b,=ὅτι παραπεπήγασι ταῖς ἀρεταῖς αἱ κακίαι). Изобильно смѣшеніе буквъ ѣ и и въ глагольныхъ основахъ видѣ и вѣдѣ: „[Богъ поставляеть] видителя видимѣи твари“ (л. 154 с, вм. „видѣтеля“);—„ни видѣти, ни попущати“ (л. 174 d, вм. „вѣдѣти“, εἰδέναι);—„Прілагаяи видѣниі прилагаеть болѣзнь“ (л. 210 а, вм. „вѣдѣний“, род. мн.; т.-е. „Кто умножаетъ познанія, тотъ умножаетъ скорбь“, Экклес. I, 18; по-греч. ὁ προστιθεὶς γνῶσιν);—„Хотящааго же есть видѣние (ἡ γνῶσις) и глубины д[у]ховьныя“ (л. 212 а); „благочьстиви... видѣти [ины]ихъ нечьстие“ (л. 212 а, = εὐσεβεῖς... τοῦ καταγιγνώσκειν ἄλλων ἀσέβειαν); — „вѣдимо“ (л. 300 а, = γινωσκομένην). Очень часта также въ Словахъ замѣна ѣ черезъ и въ окончаніи сравнит. степени ѣе: „акы благочъстие и вѣрьнѣе“ (л. 25 а, = „благочьстѣе“, ὡς εὐσεβέστερα καὶ πιστότερα); — „добрѣишемъ и всѣхъ

[1]) Начальное и въ „илъгати“ и „илъжа“—обычный малорусскій благозвучный протетическій призвукъ. Гласный ъ въ этомъ корнѣ повидимому уже исчезъ въ XI вѣкѣ: срв. начертаніе „лжя“ (безъ ъ) на л. 170 б того же Изборника 1076 г.

[2]) Ссылки сдѣланы на изд. Срезневскаго: „Свѣд. и зам.“ № 82.

[3]) Отчасти относятся сюда и примѣры съ буквою и, свидѣтельствующіе о дифтонгизмѣ рѣчи писца Словъ Григорія Богослова, XI вѣка: „Сице любомудриемъ о Б[о]зѣ“ (л. 6 b; вм. мр. „любомудрѣмъ!“ пов. н., по-греч. φιλοσοφήσωμεν; теперь мы сказали бы „любомудрім“); „мьнѣи“ (л. 222 b, = мьнѣ, дат. пад.), „въ равьни..“ (л. 304 с,=въ равьнѣ) и др., перечисленные нами на стр. 229—30.

утврьждение" (л. 108 d, вм. „утврьжденѣе", καλλίστῳ καὶ στεῤῥοτάτῳ); — „дождевъ раменнии" (л. 290 d, вм. „рамѣнъи", τῶν ὑετῶν οἱ σφοδρότεροι);—„нынѣ — мьнѣе, малы же послѣжде — некъли съврьшение" (л. 296 d, вм. „съврьшенѣе", μικρὸν δὲ ὕστερον ἴσως τελεώτερον):—„Се прьваaго благообразьние" (л. 335 b, = θεοειδέστερον); — „Инъ убо речеть — законьнъiхъ заповѣдии Ев[а]нг[е]лие трудьнѣе и суще дѣание" (л. 343 d, вм. „дѣянѣе", τῶν νομικῶν διατάξεων τὸ Εὐαγγέλιον ἐργωδέστερον εἶναι καὶ μοχθηρότερον). — Иногда вмѣсто буквы ѣ писецъ въ такихъ случаяхъ употребляетъ букву ѫ (которая въ его произношеніи вообще путалась съ и) [1]: „коны (=конѣ, вин.мн.) благородьныя или печьстьныя" (л. 22 d, τῶν ἵππων τοὺς εὐγενεστάτους) [2];—„Д[у]хъ бо есть, нъ расыеть горы" (л. 103 с,=„расѣеть; Πνεῦμα... διαλυον ὄρη); „... не погыбаема въ водахъ, ни расыема" (л. 343 a,=„расѣема,=σπειρόμενα).—Вѣроятно, не иначе, какъ вмѣсто ѣ, употреблена буква и въ „обьтичущи" (л. 262 d: „кругъмь же ратьници, и обьтичущи рать",=καὶ περιῤῥέων ὁ πόλεμος; во всякомъ случаѣ срв. и соврем. „утѣчу" (б.вр.), не говоря ужъ объ „утѣкати"). — Вмѣсто буквы ѣ, но впрочемъ на основѣ мертвой церк.-слав. графики, а не живого мр. языка, писецъ Словъ XI в. употребилъ букву и въ неполногласныхъ формахъ „придъходя" (л. 307 d,=ц.-сл. „прѣдъ") и въ „по приложению" (л. 342 с, вм. „прѣ-", ἀναγωγικῶς).—Нельзя рѣшить, сохранена ли греческая ита (η), или же замѣнена флексія ж. р. дат.-мѣстнаго падежа ѣ въ начертаніяхъ: „Чьто реку покланяющиимъся Астарти?" (л. 141 а, т.-е. Астартѣ); — „кланяющеся Ваалу и Астарти" (л. 323 b); — „Пакы Диевъ гробъ Крити (ἐν τῇ Κρήτῃ) показаеться" (л. 285 а).—Не типично чередованіе ѣ и и въ такихъ словахъ и формахъ, какъ: „съ Моiсѣимъ" (л. 295 с), „Мосѣю" (л. 327 d)—и „Моисии" (л. 300 с), „Моусии" (л. 336 b), „Моисиею" (л. 346

---

[1]) См. ниже въ отдѣлѣ выписокъ на ы=и.

[2]) Въ церк.-слав. оригиналѣ, съ котораго списывалъ червоноруссъ XI в., начертанъ былъ, вѣроятно, род. мн.: „коньи" (τῶν ἵππων). Но червоноруссъ, очевидно, понялъ это слово въ смыслѣ вин. мн., а употребилъ букву ы потому, что ее же онъ нашелъ и въ сосѣднихъ прилагательныхъ опредѣленіяхъ „благородьныя", „чьстьныя").

b); „съмѣрениемь съмїрение“ (л. 200 d. и мн. др.); „порѣватися“ — и „пориватися“ (л. 93 с, 217 d, 259 а, 295 а); „доселѣ“ (л. 62 d) — и „досели“ (л. 263 а); „открываеть святую Троицу и люди неочищении“ (л. 88 b, вин. мн. вм. „неочищеныѣ“), „на вышьнии трѣбы“ (л. 209 а, вин. мн., вм. „вышьнѣѣ“); подобныя формы поддаются своему особому, грамматическому объясненію.— Замѣчается у переписчика Словъ Григорія Богослова XI в. и обратная замѣна—буквы и буквою ѣ: „ал'чьнии власи... и стрѣгъ съмѣренъ“ (л. 233 b, = „стригъ“, им. ед.; πιναρὰ κόμη... καὶ κουρὰ σύμμετρος);— „нъ въ нѣ[са]нииxъ... разумъ, отъ него же то писано есть“ (л. 85, = „писанииxъ“; ἀλλὰ τὸν τῶν γεγραμμένων νοῦν; впрочемъ списокъ здѣсь небреженъ);—„юже приия и прѣведе“ (л. 333 а,=„приведе“, προσήγαγεν) [1]. Примѣняется буква ѣ у писца Словъ Григорія XI в. (въ ненадежномъ впрочемъ контекстѣ) также въ воспроизведеніи двугласнаго ои посредствомъ оѣ: „и зълѣ слышать... достоѣнии“ (л. 199 b, вм. „достоинии“; καὶ κακῶς ἀκούειν ἄξιοι). — Два раза писецъ какъ-будто воспользовался буквою ѣ для воспроизведенія ы, въ род. пад. ж. р.: „чьстныя мънѣ главы и съ анг[е]лы начітаемѣ“ (л. 223 с, τῆς ταμίας ἐμοὶ κεφαλῆς καὶ μετ' ἀγγέλων ἀριθμουμένης,= =„начитаемы?“),—если, конечно, мы не захотимъ понимать этого его начертанія какъ чисто механическую описку въ смыслѣ „начитаем[ы]ѣ“ (род. ед. членной формы);—„подражатель Петрова рьвьнования, Павьловѣ крѣпости“ (л. 90 с). При обычномъ окончаніи дат. падежа „-ови“ попадается въ Словахъ Григорія Богослова XI в. и окончаніе „-овѣ“; срв. съ одной стороны: „Праздьнуемь и мы, нъ якоже мьнится д[у]х[о]вї“ (л. 357 а), а съ другой стороны, на предыдущемъ листѣ—„якоже праздьновати д[у]х[о]вѣ“ (л. 356 с); но это „-овѣ“ ужъ легко объясняется не фонетически, а просто морфологически [2].

Съ какихъ поръ монофтонгическій выговоръ звука ѣ за і укрѣпился у малорусскихъ предковъ?

Въ повсемѣстно-монофтонговое чистое і дифтонгическій звукъ ѣ (=ïä, ïe) обратился у малоруссовъ лишь послѣ

[1] Наоборотъ, вполнѣ правильно мы видимъ ѣ въ „прѣводя“ (л. 338 b); по-греч. μετάγων.

[2] См. т. II, стр. 47, и т. I, § 65, а.

XI вѣка. Явленіе это (т.-е. стяженіе *іе* въ *і*) сопровождалось параллельнымъ отвердѣніемъ стариннаго звука и и смѣшеніемъ его съ ы [1]). Вѣроятно, стяженіе *іе* въ *і* совершалось сперва въ слогахъ неударныхъ (какъ и теперь въ архаическихъ говорахъ).

Исчезновеніе дифтонгическаго *іä*, *іе* происходило не во всѣхъ говорахъ одновременно.

Во многихъ говорахъ южн. Галичины, Буковины и Подоліи и сосѣдней части юж. Волыни окончательная утрата дифтонгическаго ѣ и превращеніе его въ простой монофтонгъ *і* могли ужъ состояться между XIII-мъ и XIV в.; между прочимъ, такъ позволяютъ думать латинскія и польскія грамоты; но средняя Волынь въ большинствѣ утратила дифтонгическое ѣ (и одновременно слила ы и и) повидимому развѣ въ XIV — XV вѣкѣ [2]). Мы говоримъ, конечно, о судьбѣ лишь живого, малорусскаго з в у к а ѣ, а не о чтеніи церковной мертво-славянской буквы ѣ, школьно-книжное произношеніе которой было въ разныхъ мѣстахъ мр. территоріи XIV — XV вѣка разное [3]) и могло не стоять въ связи съ простонароднымъ живымъ мр. звукомъ, рефлектировавшимъ тогда

---

[1]) Почему превращеніе ѣ въ *і* не могло не сопровождаться параллельнымъ отвердѣніемъ звука и, объ этомъ см. ниже, въ § 22г (= въ отдѣлѣ о судьбахъ *ы* и *и*).

[2]) Мы не имѣемъ въ виду горныхъ галицкихъ и с ѣ в е р н о-волынскихъ говоровъ, среди которыхъ есть архаичные, донынѣ знающіе дифтонгъ і е. Очень вѣроятно, что въ XV вѣкѣ область дифтонга і е простиралась значительно южнѣе, чѣмъ теперь, и средняя Волынь XV вѣка представляла собою по отношенію къ выговору ѣ смѣсь говоровъ дифтонгическихъ съ монофтонгическими.

[3]) Въ юго-зап. мр. полосахъ, подчинявшихся школьному балканскому вліянію, малоруссы XIV—XV в. читали б у к в у ѣ за *я* (срв. буковинскія грамоты); въ полосахъ, близкихъ къ Бѣлоруссіи, школьно-церковное произношеніе буквы ѣ было, повидимому, естевое. Лишь въ центральныхъ полосахъ установилось чтеніе мягко-іжевое, совпавшее съ данными живой мр. рѣчи.

въ XIV — XV вѣкѣ старинный прамалорусскій дифтонгическій звукъ ѣ X—XI вѣка [1]).

Что же касается областей нарѣчія восточно-малорусскаго, то здѣсь дифтонгическое ѣ сохранялось необыкновенно долго. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать что даже въ XVII — XVIII вѣкѣ преобладающая часть Кіевщины и наддніепрянской Полтавщины сохраняли, если не во всѣхъ, то въ извѣстныхъ звуковыхъ положеніяхъ, такое же дифтонгическое произношеніе звука ѣ, какое теперь слышится только въ сѣверной части нынѣшней Кіевщины,—хотя, конечно, въ большинствѣ звуковыхъ положеній произношеніе звука ѣ бывало и въ Кіевщинѣ и въ Полтавщинѣ монофтонгическое (*i*); но монофтонгическимъ-то оно часто бывало, какъ мы видѣли, еще у кіевлянъ XI вѣка.

Говоря о ятевомъ дифтонгизмѣ сѣв. Кіевщины и Полтавщины XVII — XVIII вѣка, мы имѣемъ въ виду рѣчь крестьянъ. Что же касается рѣчи вост.-мр. горожанъ, въ которой звуковые процессы совершались быстрѣе, чѣмъ въ рѣчи крестьянъ, то тамъ исчезновеніе выговора ѣ за *іе* и превращеніе дифтонга въ мягкій монофтонгъ *і* завершилось приблизительно тогда же, когда это состоялось и въ рѣчи малоруссовъ западныхъ, т.-е. около XV вѣка. По меньшей мѣрѣ, это нужно признать о говорѣ вост.-мр. столицы, города Кіева. А когда въ концѣ XVI в. началась борьба съ уніей,—борьба, духовнымъ центромъ которой сдѣлался Кіевъ, — то кіевскій ятевый монофтонгизмъ былъ ужъ настолько крѣпокъ, что и для церковной буквы ѣ, должен-

---

[1]) Въ тѣхъ мѣстностяхъ мр. территоріи XIV—XV в., гдѣ установилось мягко-ижевое монофтонгическое чтеніе буквы ѣ, эта буква въ XV вѣкѣ могла иногда употребляться (невольно) для воспроизведенія даже того твердоватаго *і*, которое тогда возникло у малоруссовъ въ качествѣ рефлекса удлиненнаго твердаго *о*. Срв. упоминавшуюся уже галицкую Зудечевскую грамоту ок. 1421 г. (= Голов. № 40, стр. 45), гдѣ соляная яма („сôлка“) одинъ разъ названа „солнов вокно“ (= совр. „сілне вікно“), а другой разъ—„сѣлка“ (чит. „сілка“). См. цитату выше, стр. 203є.

ствовавшей объединять на письмѣ всѣ православные элементы Польши (въ томъ числѣ бѣлорусскіе!), кіевская схоластическая наука могла принять только одно чтеніе: чистое *і*. Читать букву ѣ за *і* учили и въ философской кіево-Братской школѣ [1]), и въ школахъ простыхъ сельскихъ дьячковъ Украины; читали букву ѣ за *і* и въ церковномъ богослуженіи.

Это такъ шло на Украинѣ до конца XVIII и начала XIX в., когда русское правительство (не безъ очень большого труда) успѣло на Украинѣ искоренить изъ школьнаго преподаванія и изъ церковнаго богослуженія выговоръ буквы ѣ за *і* и добилось отъ своихъ подданныхъ-малоруссовъ чтенія этой буквы за *е*. Но къ малоруссамъ, подданнымъ Австріи, чтеніе ѣ за *е* не проникло, и когда напр. львовскому митрополиту приходится въ церкви произнести по церковно-славянски, положимъ, «свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ», то онъ это выговариваетъ: «Сьвіт Хрыстóв просьвіщáет всїх».

Показанія мр. памятниковъ XII—XV в. о выговорѣ звука ѣ за *і*.

Выше (на стр. 2058) мы привели выписки изъ кіевскихъ Изборниковъ Святослава 1073 и 1076 г. и изъ южно-галицкихъ Словъ Григорія Богослова XI в., свидѣтельствующія о томъ, что даже въ самыхъ старыхъ изъ дошедшихъ до насъ мр. памятниковъ (XI в.) уже проскальзываетъ возможность (не повсюдная, конечно) выговора малоруссами звука ѣ за *і*. Но не лишены поучительности въ этомъ отношеніи и памятники послѣдующихъ вѣковъ: XII и т. д. Приведемъ, поэтому, извѣстное количество выписокъ и изъ нихъ (не изъ всѣхъ дошедшихъ, но лишь изъ болѣе интересныхъ) [2]).

---

[1]) Между прочимъ это видно и изъ рифмъ виршей,—напр. въ погребальныхъ виршахъ 1622 г. ректора Кіево-Братской школы, Кассіана Саковича, на смерть Сагайдачнаго: „Волѣлъ самъ, якъ Кодрусъ-кроль въ Атенахъ въ Г р е ц і и, ‖ Смерть поднять, бы ойчизна толко была в ц ѣ л ѣ“ (л. 7), и т. п.

[2]) Замѣтимъ, что мы не будемъ приводить обильнѣйшихъ случаевъ написанія „свѣдитель“ и „свидитель“ (=совр.-мр. „сьвідитель“), потому-что здѣсь *и*—этимологическое. См. наши „Крітерії“, стр. 44—45.

XII вѣкъ.

Въ Успенскомъ Сборникѣ XII вѣка (майской кіево-печерской четьѣ-минеѣ), въ житіи Бориса и Глѣба: „О, блаженая страстотьрпьца! не забываита отьчьства, идеже пожила єста въ тел*и*“ (л. 17 с, = въ тѣл*ѣ*) [1]). Въ Несторовомъ Житіи Ѳеодосія одинъ ижевый примѣръ относится повидимому къ категоріи дифтонгическихъ: „Бѣ въ манастыри чьрноризьць, иже рьвьн*и*е подражааше житию и съмѣрению пр[е]п[о]д[о]б[ь]нааго Ѳеодосия“ (л. 45 d, =рьвн*ѣ*) [2]); но есть и просто *и*: „Ѳеодосии осклабивъся лицьмь и мал*и* просльзивъся тому“ (л. 46 b) [3]). Въ Видѣніи Исаіи: „Нѣси бо вид*и*лъ тьмы анг[е]льскы“ (л. 91 d). Нехарактерны параллельныя начертанія: „съм*ѣ*ряти“ (обычно) и „съм*и*ряти“ (л. 82 с), равно какъ употребленіе буквы *и* въ ц.-сл. предлогѣ „прѣ“-, напр. въ Вербной проповѣди Іоанна Эксарха (л. 263 слѣд.): „Ангели проважаху до высокааго и пр*и*вышьняаго прѣстола“.—Обратно буква *ѣ* вм. *и* въ Мученіи Ирины: „Помилуи ны, Б[ож]е, по вел*ѣ*цѣи милости твоеи“ (л. 82 b,=вел*и*цѣи). Въ Житіи Ѳеодосія буква *ѣ* вм. *и* часто появляется въ глаголѣ „постр*и*щи“ (=постричь): „Раждьгъся б[о]ж[ь]ствьною рьвьностию, помышляаше, како или где постр*ѣ*щися“ (л. 30 d); „повелѣ Никону остр*ѣ*щи й, иже и остригы й и облече въ мьнишьскую одежю“ (л. 32 с); — „Видѣхомы й, хотяща остр*ѣ*щися въ єдиномь от[ъ] манастыревъ“ (л. 32 а), „скърбь бываеть ч[е]л[о]в[ѣ]ку, хотящюуму остр*ѣ*щися; нъ не постригаше его“ (л. 37 с) [4]).

Въ черниговской Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198: „[дѣти] пуст*і*ниши зьли“ (л. 51 b,=пуст*ѣ*ниши); „Где праздьникъ? где п*и*вание?“ (л. 56 об., а, =п*ѣ*вание);—„Страньничьство есть... нев*и*домъ разумъ, безвѣстьнъ помыслъ“ (л. 17 об. b,=нев*ѣ*домъ) [5]); срв. б. м. „аще ли къде васнь и в*и*домѣ деромъ и попирасмъ“

[1])—разумѣется, если не думать, что писецъ хотѣлъ написать: „въ телес*и*“.

[2]) Думать о сравнит. степени (т. е. о формѣ „рьвьн*ѣ*е“) препятствуетъ общій смыслъ контекста.

[3]) Это „мал*и*“ затѣмъ въ рукописи передѣлано на „мал*о*“, но первоначальная буква *и* осталась видна.

[4]) Есть впрочемъ также одинъ старый ц.-сл. памятникъ, именно Синайскій молитвословъ (изданный Гейтлеромъ 1882), гдѣ вм. обычнаго ц.-слав. „постр*и*шти“ написано „постр*ѣ*шти“ (7 b, 9 а, 82 а и др.).

[5]) Т. е. „уклоненіе отъ мира есть невѣдомая премудрость“, какъ переведено по-русски (кіево-печерск. изд., 1877, стр. 10 об.).

(л. 81 а,=видомѣ?) [1]);—„напрасни умарять“ (л. 77 об. а' =напраснѣ?) [2]);—„плътныи д[у]шы“ (л. 103 а, вм. „плъть-ный душѣ“) [3]). Вѣроятно, къ ятевой формѣ восходитъ начертаніе: „бл[а]ж[е]нымь премѣнинїемь (л.66об.а), тутъ же передѣланное на „премѣнѥнїемь“. Не характерно „при-“ вм. ожидаемаго ц.-сл. „прѣ-“, напр. „прїкрута“ (л. 59 об. b) [4]), „прибывая“ (л. 64, 77 об.), „примутнаго“ (л. 139 об.), „прїтваряемы“ (191 об.) и др. Не характерно обоюдное „донелѣ“ (л. 9 об., л. 26 об.) и „донели“ (л. 51).—Обратно—ѣ вм. и ы: „акы кедры Ливаньскѣя“ (л. 105 а), не говоря о многихъ нехарактерныхъ начертаніяхъ типа „прѣемлеть“ (л. 81, а на оборотѣ листа—„приемлеть“) и др.

Въ Синод. Богословіи І. Дамаскина XII в. № 155 (изд. Бодян.): „И то увѣмь от[ъ] луны, мали (=малѣ) по вся вечеры въспящающися“ (126 а); — „недовольнъ бы своимь вѣдомь“ (105 а, = видомь); „о зъданиии видѣмѣемь“ (121 а, = л. 60, вм. „видимѣемь, περὶ κτίσεως ὁρατῆς); „о ч[е]л[о]в[ѣ]костроиствѣи (20 = л. 9, вм. „о человѣкостроиствии“);—въ припискѣ: „помозѣ рабу“ (л. 30 об.=помози), и очень мн. др. Памятникъ — происхожденія кіевскаго.

Въ Галицкомъ Ев-іи 1144 г.: „въ яризѣ и попели покаялися быша (Матѳ., XI, 21; л. 23;=въ попелѣ). Обратно ѣ и и: „и прѣлѣпіться женѣ своеи“ (Матѳ. XIX, 5). Малое количество примѣровъ объясняется повидимому тѣмъ, что это Ев-іе—памятникъ изъ Галичины сѣверной, а не изъ южной.—При этомъ Ев-іи 1144 г. имѣется Указатель Чтеній, XIII — XIV в., писанный малоруссомъ восточнымъ. Тамъ попадается начертаніе „видѣти“ (л. 234 об., вм. „вѣдѣти“) и очень часто—малохарактерное „при-“ вм. „прѣ-“: „придаяи мя“ (л. 239), „вся мнѣ придана“ (л. 236), „приданья“ (л. 234), „пригрѣшѣниихъ“ (л. 233), „прилюбы“ (л. 237), „прильщаються“ (л. 238 об.), „придъ тобою“ (л. 237), и др. Наоборотъ — ѣ вм. и: „въбѣдѣ“ (л. 232, = убѣди, при „въбѣди“ л. 233 об.), „Вѣкѣнтья“ (л. 246, = Викѣнтья). Срв. еще параллельно: ц.-слав.

---

[1]) Въ русскомъ кіево-печерскомъ переводѣ (1877, стр. 71 об): „а если случится, то и ранами удручаемь и ногами попираемь“.

[2]) Мѣсто это нуждается въ провѣркѣ.

[3]) Текстъ впрочемъ здѣсь испорченъ и не сходится съ греческимъ, гдѣ σωματικῶς καὶ ψυχικῶς. (Мы ждали бы „плътьнѣ и душевнѣ“).

[4]) Да и по церк.-слав. этимологіи, кажется, допустимо здѣсь „при“, хотя примѣровъ изъ самыхъ старыхъ ц.-сл. памятниковъ я не знаю.

„Євъгѣнья“ (л. 247, л. 247 об.) и родное вост.-мр. „Євгынья“ (л. 247 об., гдѣ гы=ги).

Въ синодальномъ Студійскомъ Уставѣ XII—XIII в. (№ 380—по опис. Невструева), который, вѣроятно, писанъ въ Кіевѣ ок. 1193 г., встрѣчается какъ *и* вм. *ѣ* (напр. „О одѣнии мнишьстѣмь, о своемь же и о с[вя]щ[е]н*и*емь“, л. 223), такъ и *ѣ* вм. *и* („стихѣрамъ“ л. 14 об.; „алѣл[уя]“ л. 33 об., „алѣлунаремъ“ л. 33 об. и др.). Но мы не станемъ приводить оттуда многочисленныхъ выписокъ, такъ какъ нельзя окончательно поручиться, что писцомъ не былъ новгородецъ (хотя и не цокавшій), списывавшій съ кіевскаго оригинала; въ Новгородѣ жъ *ѣ* и *и* тоже смѣшивались.

XIII вѣкъ.

Съ несравненно большей увѣренностью можемъ мы отнестись къ ижевымъ начертаніямъ бѣлорусской копіи 1492 г. съ волынскихъ Поученій Ефрема Сирина XIII в. (1271—1288),—по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ изъ начертаній, въ которыхъ *и* является на мѣстѣ *ѣ* ударнаго: „призр*и*ти“ (л. 34 об.,=прѣзрѣти), „с[е]рдцев*и*децъ“ (л. 20, л. 32), „ув*и*дѣти словеса Б[ож]ия“ (л. 21) „присп*и*въши нощи“ (л. 154 об., = приспѣвъши), „вѣщьная д*и*тель“ (л. 183 об.) и др. Очевидно, подобныя начертанія бѣлоруссъ буквально списалъ съ волынскаго оригинала: изъ своей родной бѣлорусской рѣчи онъ ихъ почерпнуть не могъ. Изъ обратныхъ случаевъ—замѣны *и* черезъ *ѣ*—интереснѣе другихъ: „обѣтели“ (л. 154, вм. „об*и*тели“), гдѣ впрочемъ можно усматривать простое чередованіе корней „вит“ и „вѣт“.

Въ южногалицкомъ Ев·іи 1283 г. поповича Евсевія: „въ годину свѣд*и*нья его“ (л. 6 об. b,=свѣдѣнья);—„Ицѣлѣвыи же не в*и*дяше (=вѣдяше), кто есть“ (л. 11 об. а); — „въ Єр[уса]л[и]мѣ на Овчи куп*и*ли“ (л. 11 а,=купѣли); „смущашеся въ куп*и*ли“ (л. 11 а);—„иже бѣ єму долженъ стомь п*и*нязь (л. 40 об. а,=пѣнязь);—„Ч[е]л[о]в[ѣ]къ н*и*ки*и* бѣ б[ог]атъ“ (л. 50 b.=нѣкыи); „Слѣпеце (е=ь) н*и*кы сѣдѣше прі пути“ (л. 57 об., а). Замѣна ц.-сл. „прѣ-“ черезъ „пр*и*-“: „Инъ пр*и*же мене вълазить“ (л. 11 b), „запр*и*ти“ (л. 52 об.) и др. (вмѣсто „прѣже“ и „запрѣти“). — Въ „н*и*есмь“ (л. 126 об. b) надо скорѣе видѣть дифтонгъ іа, іе, чѣмъ монофтонгъ *і* (срв. выше стр. 204є). Скорѣе морфологическое, чѣмъ фонетическое явленіе, мы видимъ въ „искон*ѣ*“ (л. 1 об., л. 10 об.).

Въ болгарско-Софійскомъ Ев·іи XIII в. (вѣроятно, буковинскомъ): „жен*и*“ (л. 26, = женѣ), и обратно—

„мнѣтиса“ (л. 7, = мнитися), что впрочемъ можетъ объясняться и этимологически: смѣшеніемъ глаголовъ на „-ити“ и „-ѣти“.

Въ болѣе сѣверномъ Галицкомъ Ев-іи 1266—1301 г.: „и при вечери“ (л. 3,=при вечерѣ), „никоторыи“ (л. 12 об., =нѣкоторыи), „и витры крѣпъкы“ (л. 48), и кое-какія иныя, не говоря ужъ о многочисленныхъ случаяхъ прѣ= при: „примудрость“ (л. 35, л. 37 об., л. 61, л. 81, л. 81 об. и др.), „уч[е]н[и]ци твои приступають прѣданье старець“ (л. 42), „прилюбы створиши“ (л. 55), „прибываите“ (л. 77, л. 82 об.), „прибиша голѣни“ (л. 146, л. 149) и пр;— „прѣтворъ“ (л. 11), „весь миръ прѣобрящеть“ (л. 44 об.), „прѣшельця“ (л. 50 об.), „прѣимемъ“ (л. 57 об.) и мн. др. Срв. довольно частое „фарѣсѣи“ (л. 17, л. 37, л. 42 и др.).

Въ Холмскомъ Ев-іи XIII—XIV в.: „вѣдили“ (л. 37), „образъ кисаревъ“ (л. 125 об.). Нехарактерно: „да не притъкнеши ногы своея“ (л. 69). (Въ общемъ здѣсь, какъ и сейчасъ въ Холмщинѣ, замѣна ѣ черезъ и рѣдка, а напротивъ часто вм. ѣ пишется е).

XIV вѣкъ.

Въ львовскихъ Пандектахъ Антіоха 1307 г., писанныхъ, вѣроятно, во Владимірѣ-Волынскомъ [1]), тоже почти отсутствуетъ достовѣрное превращеніе ѣ въ и, хотя обратное превращеніе констатируется почаще: „очистѣвше“, „узненавидѣть“ [2]), „лѣковахомъ“ (л. 92 а), „лѣкуеть“ (л. 138 а).

Въ волынскомъ Луцкомъ Ев-іи XIV в.: „въ синѣ смертьнѣи“ (л. 245 об.,=въ сѣни“, или, съ другой флексіей мѣстнаго падежа=„въ сѣнѣ“); далѣе—въ именахъ собственныхъ типа «Макавии“ (л. 256) и др.; —въ греко-лат. словѣ „приторъ“ (л. 213,= praetorium, ц.-слав. „прѣторъ“); —въ ц.-слав. предлогѣ „прѣ-“: „примудрость“ (л. 96), „приломивъ“ (л. 97 об.), „притъкнеши“ (л. 109 об.) и т. п. Обратно: „евангѣлѣя“ (л. 152 об.).

Въ волынскомъ Пятикнижіи Моисеевомъ XIV в. [3]): „И видѣ Б[ог]ъ вся, яже створи, и се добро зило“

---

[1]) См. стр. 518.

[2]) См. отчетъ А. Кочубинскаго, стр. 205—206 (въ Зап. Новор. У-та, т. XVIII).

[3]) Описано съ приведеніемъ выдержекъ, у Срезневскаго въ XXII томѣ „Сборника Отд. Русск. яз. и Словесн. Акад. Н.“ и у архим. Леонида въ москов. „Чтеніяхъ“ 1890, кн. III.

(Бытія I, 31), и т. п. Есть и обратная замѣна. Въ началѣ Второзаконія: „Книг[ы] 5, нарицаемыя Девтерономѣя, сирѣч второзаконие“ (л. 135 об.), а въ концѣ: „окончашася книгы пятыя, гл[агол]емыя Девтерономия, яже нарицаются второзаконие, пятеры бо суть книги Моисиевыя: Бытье, Исходъ, Левгиты, Числа, Девтерономиї“ (л. 160).— „Не яжьте въ птицахъ ..... врана нощнаг[о] и лилѣка“ (Левитъ XI, 17) [1]); — „Огнь разгорѣться (=разгорится от[ъ] ярости моея, раздежется до ада преисподняго и поясть землю и жита ея, попалить основания горамъ“ (Второзак. XXXII, 22), и т. п. Срв. еще съ чередованіемъ ѣ и и: „Видите, видѣте, яко азъ есмь Б[ог]ъ!“ (Второзак. XXXII, 39); —„От мяс ихъ да не ясте: не ч[и]сти сѣ вамъ; си же да ясте: от всѣхъ, яже в водахъ“ и т. д. (Левитъ XI, 8—9), — явленія, которыя скорѣй однако объясняются параллельной двойной морфологіей, чѣмъ фонетическимъ смѣшеніемъ ѣ съ і. Упомянемъ наконецъ ѣ, въ смыслѣ эвфоническаго і: „обѣсѣдше й (περιχαθίσαντες), взяша й „(т.-е. городъ Давиръ; гл. X, 38—39;=обѣсѣдъше, обьсѣдъше, обисѣдъше, — срв. совр: мр. „обіпертися“, „обітерти“ и т. п.) [2])

Въ буковинскомъ Путенскомъ Ев—іи XIV в.: „при вечери“ (4,=при вечерѣ), „ицѣливша“ (95,=ицѣлѣвша). Обратно: „крѣнъ сильныхъ“ (60,=кринъ сѣльныхъ).

Въ волошскомъ Ев—іи Верковича XIV в.: „сквозѣ сйяния“ (л. 53,=сѣянья), „заповиди“ (л. 100), „видяхъ“ (л. 82 об.,=вѣдяхъ), „увидѣвъ“ (л. 112 об.,=увѣдѣвъ), „призри“ (л. 86 об., л. 139 об.,=призьрѣ, л. 139 об.), „кисареви“ (л. 45), „приторъ“ (л. 109).

Въ Кіево-Печерскомъ Ев—іи 1370 г.: „Іоанъ свидительствуеть о немь: Грядыи по мнѣ предо мною бис[ть], яко первии (=первѣи) мене бис[ть] (л. 1); „узриша“ (л. 8,=узрѣша); „увидѣвъ от[ъ] сотника“ (л. 8 об.,=увѣдѣвъ) и др., не говоря ужъ о такихъ малохарактерныхъ начертаніяхъ, какъ систематическое „свидительство“ съ производными (л. 1, четыре раза; л. 4; л. 7, четыре раза; л. 13,

---

[1]) Въ разныхъ мѣстностяхъ Украины подъ лиликами понимають не одну и ту же породу птицъ. У зап. малоруссовъ теперь „лилик“ = летучая мышь; но Библія имѣетъ здѣсь въ виду повидимому гагару, латин. mergus.

[2]) Изъ трехъ формъ предлога „объ“ (именно „обѣ“, „обь“ и „оби“) болѣе архаичныя—это „оби“ и „обь“, а не „обѣ“ (срв. инд. abhi, лат. ambi, греч. ἀμφί, литов. apì, api).

два раза; л. 17 об.; л. 21; л. 27 об. и мн. др.), „а иже възнесется самъ—смиритсл, а иже смиритсл самъ—възнесется“ (=Матѳ. XXIII, 12), или „в приторъ“ (л. 149 об.,==въ прѣторъ). Обратно—въ иностранныхъ именахъ: „в Галилѣи“ (л. 117 об., л. 120), „пророка Иосѣия“ (л. 162), „Малахѣя“ (л. 169 об.) и мн. т. п.

Въ монастырскомъ сѣв.-мр. (вѣроятно, кіево-Печерскомъ) житійномъ Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20 [1]) примѣровъ много.—„И рече Иродъ: Аще обрящете, по̆видите ми, да и язъ шедъ поклонюся ему“ (л. 18 с), вм. „повѣдите“. Вообще въ этомъ корнѣ замѣна ѣ черезъ и въ Чуд. Сборникѣ изобильна: „Посла къ нему (св. Ѳомѣ) ц[ьс]арь, увидѣти (=увѣдѣти) хотя, аще создана быс[ть] полата“ (л. 95 а); „увидѣвъ же ц[а]рь о немь—и повелѣ убити“ (л. 38 b,=увѣдѣвъ);—„Гл[агол]а к нему: Видѣ (=вѣдѣ, я знаю), яко, аще быхъ просилъ у тебе, не бы мене ослушалъ“ (л. 96 а); также л. 104 d, л. 251 b; „[азъ] увидѣ“ (л. 70 а,=увѣдѣ, узна́ю); „видѣлъ“ (л. 107 а,==вѣдѣлъ, зналъ); „свѣтъ неисповидимъ“ (л. 113 с,==неисповѣдимъ);—„яко от[ъ] сего увидѣну быти всѣми о немъ“ (л. 297 d,==увѣдѣну); „да прежереченое свидѣнье неудобь сказаемо явиши“ (л. 297 d, == свѣдѣнье); „свидѣнья разумъ“ (л. 285 b), „взискати свидѣнья“ (л. 287 с),—не говоря ужъ о систематическомъ нехарактерномъ „свѣдитель“. Въ другихъ корняхъ:—„Събрашася на рицѣ, нарицаемѣи Дуновинъ“ (л. 21 d, т.-е. на рѣкѣ);—„бияше“ (л. 49 d,=бѣаше);—„И р[е]че Илья: Иди, створи ми оприснокъ от[ъ] мукы, юже имашi“ (л. 78 d,==опрѣснокъ);—„осипить“ (л. 129 а,==осѣнить); также на л. 96 с „осѣни“ передѣлано изъ первоначально написаннаго „осини я бл[а]г[о]д[а]тью сила Вышняго“;—„раздили море“ (л. 112 а,==раздѣли). Не рѣдко и вм. ѣ во флексіяхъ склоненій: „Идущю же ему в путь и велици мочи бывші, и Дунаистѣи рѣцѣ наводнившися зѣло“.. (л. 38 d,=велицѣ мочи, т.-е. сильному ливню);—„Не годи (=годѣ) ми есть вѣстникъ сь“ (л. 69 d);—„и въ Єгиптѣ и въ Палестинии“ (л. 77 с,==Палестинѣ, если не грецизмъ съ итой);—„на въстоцѣ, на сѣвери“ (л. 98 d, причемъ сверху конечнаго и написано въ рукописи ѣ); — „на семь же мѣсти“ (л. 264 b=мѣстѣ). Во флексіи двойств. числа: „Помянита, чади мои (==чадѣ), еже братъ мои бесѣдова с вама“ (л. 93 d).

[1]) Описанъ и частію изданъ (В. Щепкинымъ) въ посмертныхъ „Библіогр. Матеріялахъ“ А. Попова, въ моск. „Чтеніяхъ“ 1889, кн. III.

Въ сравн. степени: „грѣшнѣиши" (л. 356 с, = грѣшнѣиши); „лютѣи" (л. 107 b, = лютѣи).—Не менѣе часта въ Чудов. Сб. и обратная замѣна и черезъ ѣ: „искѣпѣ вода" (л. 8 b, = искипѣ, искыпѣ);—„Свирникъ же, свиряли разломлъ, поверже;... ови вѣру яша свѣрнику, ови не яша" (л. 93 с);—„Ни вжагають свѣтильника, ни поставляють подъ съсудомъ, но на свѣщнѣцѣ, да свѣтить" (л. 96 d, = на свѣщницѣ);—„в вѣчныя обители, идѣже чѣнове бесплотныхъ" (л. 98 d, = чинове); — „Якоже вопиеть Павелъ: Не въсхищеньемь мнѣся (=мнися) Б[ог]у равенъ" (л. 140 с);— „Отвѣща ему слѣпець (на обвиненіе въ кражѣ): Господи, ты вѣси, яко азъ слѣпъ есмь и не вижю. Мнѣ, Господи, яко хромець есть кралъ!" (л. 293 b, = мни, думай; пов. н-ніе);—„еднѣнѣмь сущьствомь" (л. 254 b, = единѣмь);— „сѣцѣвѣмъ" (л. 298 а; орудн. ед., = сицевѣмь);—„Съ серафимы стоиши, съ онѣми крѣли распростри" (л. 354 d, = =крилѣ, крылѣ, дв. ч.);—„Тако взѣдѣмъ въ вышняя митрополия Иер[у]с[а]л[и]мъ" (л. 355 b, = възидѣмъ, възыдѣмъ). Не разъ замѣчается ѣ въ глаголахъ на „-ити", напр.: „побѣдѣти дьявола" (л. 102 а, = побѣдити), „запрѣтѣша" (л. 257 d, = запрѣтиша); „яко бремя тяжко отяготѣся на мнѣ" (л. 289 d, = отяготися); „обогатѣти чаяхъ ся" (л. 146, = обогатитися) и мн. др. Въ послѣднихъ примѣрахъ мы, м. б., имѣемъ дѣло не столько съ явленіемъ фонетическимъ, сколько съ морфологическимъ (взаимодѣйствіемъ параллельныхъ глаголовъ на „-ити" и „-ѣти"). Но кажется, скорѣе фонетическимъ смѣшеніемъ ѣ съ і могутъ быть естественно объяснены начертанія: „нарѣцающа" (л. 36 d, при обычномъ „нарицающа") и „нарѣцая" (л. 72 с). Въ иностранныхъ словахъ ѣ параллельно съ и: „алѣлу[я]" (л. 118 с), „алѣлугия" (л. 127 b); „ц[ь]с[а]рь Асурѣискыи" (л. 45 b) и рядомъ: „от[ъ] полка Асуриiска" (л. 45); „Николы-чюдотворца в Мюрѣ Лукѣонѣ" (л. 52 b) и далѣе: „Николы-чюдотворца в Мюрѣхъ Лукионъ" (л. 57 с) и др.

И вм. ѣ въ грамотахъ XIV—XV в.

Изъ числа мр. грамотъ XIV—XV вв. мы чаще всего видимъ употребленіе буквы и вм. ожидаемаго ѣ въ грамотахъ писанныхъ въ Буковинѣ и той части юж. Галичины и Подоліи, которая входила въ составъ воеводства Молдавскаго. Въ грамотахъ же сѣв.-галицкихъ, волынскихъ, кіевскихъ и другихъ такое и—рѣже: въ нихъ мы находимъ букву ѣ обыкновенно на ея этимологическомъ мѣстѣ; или же вм. ѣ пишется тамъ буква е. Было бы рискован-

пымъ, однако, дѣлать **только** отсюда выводъ, что Буковина съ юж. Галичиной въ XIV—XV в. рѣшительно превратила *ѣ* въ *і*, а остальныя мр. области еще держались исключительно дифтонгическаго выговора *іе*. Дѣло-то вѣдь въ томъ, что буковинскія церкви и школы XIV—XV читали букву *ѣ* за *я*, на болгарско-балканскій ладъ; т. е. слишкомъ слишкомъ въ разрѣзъ съ живой рѣчью малоруссовъ, а потому родная рѣчь тамошнихъ писцовъ (т.-е. выговоръ рефлекса *ѣ* за *і*, или хотя бы даже за іе) поневолѣ должна была влечь ихъ къ начертаніямъ ижевымъ чаще, чѣмъ остальныхъ малоруссовъ XIV—XV в.; у тѣхъ, остальныхъ, церковь и школа учили читать букву *ѣ* или по живому мр. выговору (т.-е. или за *і*, или за *іе*), или на бѣлорусскій ладъ—за мягкое *є*, которое кое-какъ могло мириться съ сѣв.-мр. дифтонгическимъ *іе*. Тѣмъ не менѣе, очень и очень вѣроятно, что именно юго-западъ мр. территоріи утратилъ дифтонгичность раньше прочихъ мр. мѣстностей. Во всякомъ случаѣ, ижевыя начертанія вм. ятевыхъ имѣются во **всѣхъ** категоріяхъ мр. грамотъ XIV—XV в., хотя и не въ такомъ обиліи, какъ въ буковинскихъ.

а) **Буква** *и* вм. *ѣ* **въ буковинскихъ грамотахъ молдавскихъ господарей XIV—XV.**

Въ **присягѣ** 1393 г. воеводы **Романа** королю Ягайлу Владиславу (= Улян. 7): „И мы, панове и посполство **усеі** землѣ **Волошькоі**, ис нашими дѣтьми **нѣнишнними** и потомъ будучимь, не **роздиляючися** ис нашимъ господаремъ, записуемъ Владиславови - кролеви и Ядвизѣ-кролици и его **дитемъ** и корунѣ Польскоі вѣрно служити".

Въ **бук. присягѣ** 1402 г. королю Ягайлу отъ нового воеводы **Александра** (=Улян. 13): „служити Влодиславу и его дѣтемъ и **коруни** Польскои".—То же въ его **Каменецъ-Подольской присягѣ** 1404 г. (=Улян. 15): „его дѣтемъ и **коруни** королевьства Польского"; „привѣсили смо наши печати у **городи** у Камянци".—Въ его же буковин. **торговомъ договорѣ** 1407 г. съ львовскими и подольскими купцами (=Голов. № 28, стр. 28—32): „Волно имъ торгувати **соби** по усѣхъ торгахъ нашихъ" (29); „на **перевози** [мыто] — по четыре гроши: то мыто Черновьское" (30); „а отъ тін куници, колько будугъ намъ надобни, а мы имемъ **соби** купити" (31); срв. отчасти: „изъ усеи Рускои земли и съ Подолскои" (31)[1].—Въ **долго-**

[1]) Окончаніе *ои* вм. *оѣ* такъ обычно въ буков. грамотахъ, что мы и не будемъ въ дальнѣйшихъ выпискахъ приводить его.

вомъ обязательствѣ 1421 г. воеводы Александра разведенной своей женѣ, сестрѣ Витовта (=Улян. 26—27): „Дали Серетъ-мисто съ усими ужитки, що жъ къ тому мисту к Серету слухаеть, бывшей жонѣ нашой, княгини Римгаилѣ“; „Пак ли быхом не дали тых золотых на дни и часы, нап[и]саныи у сем листи... тогда корол[ь] имиет истигати тых золотых на наших... землянох, имиет ихъ брати и встягати... женѣ нашей бывшей, княгини Римгаили, а мы имием о том молчати“; „ при нашей чти и при хрстіанской вири (=вѣрѣ); „И мы, слугы их, верхуп[и]саніи у сем листи, печати наши есмо привисили“.— Въ Александровой бук. жалованной грам. 1424 г. (=Голов. № 43, стр. 49): „на томъ хотари да осадитъ собѣ пасикы, коли иметь-мочи осадити“.

Въ бук. присягѣ воеводы-Ильи 1433 г. королю Ягайлу (=Улян. 35—36): „при чти а при вѣри“.

Въ берладской присягѣ юному Владиславу III отъ брата воеводы Ильи 1435 г. (=Улян. 43): „Слюбили есмо нашему королеви и усеи ради его (=радѣ) и Ильяшу воеводы-господареви (=воеводѣ; ы=и)—не помянути тыхъ листовъ ко ишкоди королеви и къ завади“; „видили есмо и уразумѣли“, „при пану Андровашу, воеводы Подолскому, старости Самборскому и прі пану Влостовскому, старости Подолскому“; „велѣли есмо привисити нашь печатъ“.—Въ одновременной присягѣ 1435 г. Владиславу III отъ самого Ильи-воеводы (=Улян. 44): „Даемъ вашей мил[о]сти виданіе (=вѣданье), аже короны Полъской имаемъ оба служити вѣрно; а есми дали нашему брату, Стефану-воеводи, мисто Васлуи и волостъ, що къ тому мисту слухаетъ, и мисто Текучъ... нашему брату Стефану-воеводи“; „а которыи бы не хотилъ на томъ стоати.., подобенъ Июди“.—Въ одновременной присягѣ боярской рады 1435 г. (=Улян. 46): „Имаемъ вѣрно... стати подли Короны... при вѣры (=вѣрѣ) на вѣкы вѣчныя“; „а нашъ господаръ кроль такожъ имаютъ подли насъ стати и боронити... и отпустилъ намъ гнивъ“; „а мы того не имаемъ успоминати кролю Польскому и усеи Корони, але имаемъ вѣрнѣ служити королю и Коруни“.— То же—въ другой буков. боярской присягѣ 1435 г. (=Улян. 47): „стати подлі Коруны“, „велілі есми панулогоѳету пісаті“.—Въ жалованной грамотѣ 1435 г. воеводы-Ильи (=Улян. 47): „дали села у Цѣциньской державы“; „а кто бы тое хотилъ (=хотѣлъ) порушити, проклѣть отъ Бога“.—Въ его же жалованной 1439 г. протопопу Югѣ (=Улян. 57): „дали на Ревти—Козаревци,

и пониже—Охринчи исъ пасиками на Днистри“.—Въ подтвержденной имъ же мѣновой грамотѣ 1442 г. (=Улян. 58): „проминили свое .село Бучумѣни“, „не имають опоминати за тоту мину“.

Нѣсколько особо стоятъ три львовскія присяжныя грамоты 1436 г. того же воеводы Ильи съ боярами, писанныя—пожалуй — и не буковинцами, а мѣстными львовцами. Въ присягѣ Ильи 1436 г. Владиславу III (=Улян. 49—50): „намисковъ (=намѣстковъ, т.-е. намѣстниковъ) нашихъ наслидуючи“; „пану Владиславовы, Полскому кро́лювы, Рускому дидичю, [и] Коруни“; „ко вири“ (=къ вѣрѣ); „учера ту, у Левови (=Львовѣ); „виры правои“; „Я, Иліа воевода, обицуюся освичености вашей виру ч[и]стую, въ всей покори.., кролеви и Корони обицуючи за насъ и за наши дѣти“; „быти у ради“, „пана нашего наим[и]л[о]стнишого... мили (=мѣли, имѣли) выстеречи“; „къ усимъ нинишнимъ“; „Пичатъ наша ес[т]ь привишена“.— Въ одновременной присягѣ 1436 г. Владиславу III отъ бояръ (=Улян. 51): „Коли воевода голдь вирности учинилъ и на службы вирное пристаніе и на іннъшее обицованіе сѣ объвязалъ,— мы такоже, иже повынни есмы зауждыи вирнѣ і послушни быти, с пълного виданіа (=вѣданья) усих нас. обицуемъ при чти и при вири... вирностъ повинную Владиславови, королеви Полскому,.. стеречи и вирными (=вѣрнѣ) ховати... и при тумъ-то Владиславу-кролѣ вичніе (=вѣчнѣ) остати“; „Печати наши сутъ привишеныи“; „Писано у Левови“ (=Львовѣ). — Въ одновременной львовской отступной грамотѣ 1436 г. воеводы Ильи, писанной скорѣе всего мазуромъ (=Улян. 52—53): „Ничого не есть пилнишее, нижьли паміати потребизна“; „у розюми (=розумѣ) и у сердьци“; „тут-о во Лвови“: „королю нашему и послидькомь его и Коруни“ (три раза); „Писанъ во Лвови у недилю блишую по св[я]томь Матфвиѣ-еуваньгелиты (sic)“.

Въ бук. присягѣ воеводы Стефана 1438 г. королю Владиславу (=Улян. 56—57): „ани жолниревъ (=жолнѣревъ) не пропустити“. — Въ подтвердительной его присягѣ регентамъ польскимъ 1444 г. (=Улян. 63—64): „королеви и Коруни Полской“; „которая шкода стала у Коруни буд-коли кому, нехаи терпитъ виноватыи“; „при хрстіянской вѣри“.—Въ жалованной гр. 1443 г. воеводы Стефана писарю-Михулу (=Улян. 60): „Михулъ-писаръ служилъ намъ на усихъ мистихъ право и вѣрно. Тѣмъ мы дали есми ему... пасику подли Съсѣни, на

имя Воробиева пасика [1]), а такожъ где иметъ поставити собм млины"; „а на то вѣра пръкалаба Билогородского"...

Въ буков. судной грам. 1448 г. воеводы-Петра (=Улян. 71): „велѣли слузѣ нашему, Луди-діяку"—(=Луцѣ, т.-е. Лукѣ).—Въ жалованной грам. 1448 г. логоѳету Михаилу отъ того же воеводы-Петра (=Улян. 71): „дали ему мисто нашихъ млиновъ", „и гори и доловь" (=горѣ, вверху).—Въ хотинской присягѣ 1448 г. бояръ воеводы Петра королю Казиміру (=Улян. 74—75): „г[о]сп[о]даревѣ нашему и Коруни Полской", „повикноѣ вѣрности"; б. м. „панъ Хринъ-спатаръ" (конечно, если это=Хрѣнъ, а не Гринъ, Гринь).

Въ размежевочной грамотѣ 1449 г. воеводы-Александра (=Улян. 75—76): „Герге рекъ: «Али я есмъ хотилъ себѣ зискъ учинити твоими пинѣзми (=пѣнязьми), и твои пинѣзи тобѣ виноватъ». И панъ Косте рекъ:" Дай мои пинѣзи»; „за свои пинѣзи"; „на послидъ Герге перепросилъ пана Костю"; „село подли Васлуя".—Въ купчемъ удостовѣреніи 1451 г. того же Александра (=Улян. 77—78): „Продали селишча, на имя Погориловци"; „чясть пинѣзей напредъ", „а... тогди панъ Михаилъ имаетъ дати остатокъ пинязей"; „що жъ далъ свои правы пинѣзы".—Въ его дарственной грам. 1452 г. логоѳету-Михаилу (=Улян. 81): „Мы сами дали отмину за его село на Серетѣ..., съ пасиками, и пониже Ревтомъ—у Билой Кръницы, где сили (=сѣли), и повыше Хотиня—село на Днистрй, а другое село—подли Снятина"; „И такожь потвержаемь села, що ихъ купилъ за свои пинязи".—Въ серетской присягѣ воев. Александра 1452 г. королю Казиміру IV (=Улян. 79): „Голдъ удилали мы и рада наша, яко ес[ть] голдовалъ дидъ нашъ"; милос[т]ивому Казимировѣ-королевѣ голдъ удилали"; „имаемъ передъ его м[и]л[о]сть выехати на вымeнованоe мистце либо до Каменця, алибо до Снятина, а далие до Коломые: отъ тыхъ трехъ мистъ... мы тамъ имаемъ поехати и обычай удилати. Але его м[и]л[о]стъ передъ приеханиемь к тому мистцю отъ тыхъ мистецъ имаетъ насъ обыслати десятми недилями передъ тымъ, абыхомъ готови были на... именитое мистце"; „А такижъ

---

[1]) Въ зап.-мр. нарѣчіи въ словѣ „воробій", „горобій" звукъ і проходитъ по косв. падежамъ („горобія" и т. д.), и можно думать, что здѣсь былъ у зап. малоруссовъ звукъ ѣ, а не і.

[король] имаеть намъ тоту м[и]л[о]сть у д и л а т и (=удѣлити? оказывать), которую у д и л а л ъ стары король небожчикъ д и д о в и нашему и отцевѣ, а мы имаемь вѣрно служити... К о р у н и Полской" (и еще три раза „у д и л а т и" въ этой грамотѣ); „къ тому м и с т ц ю и дневи"; „а мы быхомъ того не х о т и л и"; „присягалъ и хрестъ ц и л о в а л ъ".— Въ баниловской А л е к с а н д р о в о й же п р и с я г ѣ 1454 г. противъ татаръ (=Улян. 85): „Слюбуемъ служити королю и с[вя]той К о р у н и".

Въ хотинской п р и с я г ѣ в о е в о д ы П е т р а 1454 г. королю Казимиру (=Улян. 83): „Яко п е р в і и ш і и воеводы молдавскіи, такъ и мы поддаемося"; „Коли насъ позоветъ король на уреченое м и с т ц е, где п е р в і и ш і и воеводы хожевали,—и мы на тое м и с т ц е имаемь поставится"; „слюбуемо К о р у н и Полской"; „Серецкій торгъ держати и з м и н у за Хотинъ". — Въ д а р с т в е н н о й г р а м. 1454 г. воеводы Петра Михаилу-логоөету (=Улян. 84): „и п а с и к у его на Д н и с т р и..., и П о г о р и л о в ц и"; „на Д н и с т р а".—Въ б о я р с к о м ъ п о л н о м о ч і и 1456 г. логоөету-Михаилу согласиться на дань туркамъ (=Улян. 87): „похилити с о б и голову тому поганству".—Въ г о с п о д а р с к о м ъ д о г о в о р ѣ 1457 г. съ бучацкимъ старостою (=Улян. 93—94):... „жалуючи шкоду отъ н и к о т о р ы х ъ (=нѣкоторыхъ) зрадцевъ и з л о д і е в ъ"; „держати в л а с ц и и справедливости"; „яко быхомъ могли з л о д і е в ъ в и ш а л и" (и еще два раза „з л о д і й", им. ед.).

Въ ж а л о в а н н ы х ъ г р а м о т а х ъ воеводы С т е ф а н а В е л и к а г о. Грам. 1457 г. монастырю на Молдавицѣ (=Улян. 95): „ни с л и д з л о д і й с к и х да не гонѣтъ" (ѣ=я).—Въ п р о щ е н н о м ъ л и с т ѣ 1460 г. Михаилу-канцлеру (=Улян. 96 и 99): „правую и в и р ъ н у ю службу"; „и села усѣ т о б и воротили"; „що коли иметъ имити при с о б и"; „держати равно с нашимы в и р н и м ы (=вѣрными) бояры"; „и села твоя о т н и н и (=отнынѣ) т о б и воротили"; „Тое слубуемъ т о б и здержати при нашей чт.і и в ѣ р и". Въ п о д т в е р д и т е л ь н о м ъ л и с т ѣ 1468 г. Стефана Михаилу-Логоөету (=Улян. 106—108): „нашихъ в и р н ы х бояръ"; „хочем их у чти и л а с ц и держати купно с нашими в и р н и м ы бояры"; „и дворъ на С е р е т и им вернули"; „и не имаемъ т о б и успоминати" и т. п., и т. п.

Не менѣе часто *и* вм. *ѣ* въ д о г о в о р а х ъ того же воеводы Стефана съ польскими королями. Въ п р и с я г ѣ 1462 г. королю Казимиру (Улян. 100): „памяти предкув нашихъ н а с л и д о в а т и" (=наслѣдовати, т. е. подражать);

„вѣрнѣ наслидованнымъ“; „И на потумъ слюбуемъ усе доброе... дилати, а николи не быти в ради (противъ короля)“.—Въ обѣщаніи 1462 г. насчетъ татарскихъ плѣнниковъ (=Улян. 102): „Слюбуемъ... Коруни Полской,“ «абыхомъ ихъ дали у руци (дв. ч., =руцѣ) королеви“; „подъ завишеною печатю“; „усе дилати по воли короля“; „На болшую крипость тому печать нашу привисили“. — Въ присягѣ бояръ 1462 г. королю Казимиру (=Улян. 103): „Имаемъ держати господаря-воеводу, абы виренъ королеви и Коруни Полской“; „Имаемь Коруни вирни быти..., с дитми..., и слубуемь, абыхомь мы иного господаря соби не шукали кромѣ короля и диток ъ его, ни мы, ани дити“; „Заприсягаемъ Коруни,... при вири христіанской“; „А на крипость тому печати привисили“.—Въ подтвердительномъ договорѣ 1468 г. (=Улян. 105—106): „Яко дидь нашъ (=дѣдъ), такъ и мы и дити наши... не имаемъ соби жадныхъ сторонъ шукати“; „Послушевство удилали... [и] имаемь удилати, якоже сь былъ уставь... Олександра дида нашего“ (и еще разъ дида“, 106); „на именованая мистця“ (вин. мн.).— Въ подтвердительномъ договорѣ 1479 г. (=Улян. 110): „вирного посла“, „обицахомь [кролевѣ-Казимировѣ]“, „на мисцѣ у Коломыи“.—Въ присягѣ 1484 г., писанной въ галицкой Коломыѣ, но буковинскимъ писаремъ (=Улян. 103): „усею вирою и службою Коруни.. тымъ обычаемъ удилали“ (всѣ эти три слова въ ижевомъ начертаніи повторяются въ этой грамотѣ не разъ); „дидича“; „у послушенстви“; „ричи имати“ (два раза); „имаемо его милости дати виданіе“; „без виданія кролѣ“ (ѣ=я).

Въ примирительномъ договорѣ 1499 г. воеводы Стефана съ королемъ Яномъ Олбрахтомъ (=Улян. 173—176): „пробѣчи соби отъ насъ миру“ (два раза); „где будемъ хотити“; „естли дорозумiемъ какое зло“, „а если бы дорозумили зло“, „порозумившисѣ оба“; „покуда сѣ (=ся) имъ будетъ видити наипопилнѣйшей“; „жаднои шкоди не имають намъ удилати“; „намъ, Стефану-воеводи“: „коли услышимъ о ихани турецкомъ (=о ѣханьѣ)“; „и насъ поневолили бы соби на помочъ“; „про дило и про кривды“; „дидичемъ ихъ и подданнымъ“; „вѣри“ (дат. пад.,=вѣрѣ).

б) Буква *и* вм. *ѣ* въ грамотахъ галицкихъ изъ XIV—XV вв.

Въ удостовѣрительной купчей грамотѣ галицкаго старосты Оты 1371 г. (=«Украинск. Грамм.», т. I. стр. 420β):

„А то свидци—мѣстичи“ (и затѣмъ исправлено на „свѣдци“); „а пи[са]ни — то вшитко свидци“; — „у вики, аминь!“ (и исправлено на „вѣки“).

Въ жалованной грамотѣ кн. Володислава Опольскаго 1378 г. (=Украин. Грамм., , 420ε), писанной поповичемъ изъ Болестрашичь (въ Перемышльщинѣ): „и печать привѣсѣли“ (вм. „привѣсили“).

Въ запродажной 1378 г. на Калениковъ монастырь въ Перемышльщинѣ, того же писаря (=Украин. Грамм. I, 420 γ): „А Губка далъ шюбу свою куничюю пани Хоньци (=Хоньцѣ, Аѳанасіи), и еще ва дали 12 лисици пани Хоньци“.

Въ коломыйскомь вексельномъ удостовѣреніи 1398 г. старосты Бенька (=Укр. Гр., I, 420θ): „А при томъ свѣдци — панъ Борисъ Хомѣковичь“ (= Хомиковичь; отъ зап.-мр. „хомик“, польск. chomik).

Въ львовской удостовѣрительной купчей 1400 г. воеводы Мацины (=Укр. Гр., I, 420θ): „тако продалъ, яко самъ держялъ: іс пасиками“.

Въ галичской размежевочной грамотѣ 1401 г. старосты Петраша (=Укр. Гр. I, 420ι): „Тогды Кондратъ не хотѣлъ отповѣдити... Вас[ь]ковѣ (Мошенчичю)“ [1]) „тогдъ Кундратъ указалъ свою границю и листомъ и знамены, што на лѣстѣ стоять“; „И осудили: Дѣтрихъ Кромировски“.

Въ медыцкой размежевочной грамотѣ 1404 г. перемышльскихъ епископовъ и пановъ по спору между королемъ Ягайломъ и Ядвигою Пилецкою (=Украин. Гр. I, 420χ): „[судьи—] Офанасѣи, владыка Премыски,.. Клюсъ Вѣжнянски (=Выжнянский?)“ [2]); „межи кролем Влодыславомъ... [и] панею Пилецкою и еи (=еѣ) дѣвкою Алжбѣтою“; „пани Ядвига и еи дѣвка“; „подлугъ нашеи (=нашоѣ) земли обычая“. Срв. еще рядомъ: „в недѣлю на вутрие с[вя]т[о]го Луки-евангелиста“ и „в недѣлю на завтрѣе (=заутріе) с[вя]т[о]го Луки-ев[а]нг[е]л[и]ста“.

Въ жалованной грамотѣ 1407 г. (=Akta grodzkie i ziemskie, t. II, 59): „слузи нашему“, „лисы“, „печать привисити“.

Вь удостовѣрительной купчей 1409 г. старосты Галичскаго (=Украин. Грамм. I, 525): „[Съвѣдъкъ]—панъ Борисъ Хомѣковичь“ (отъ „хомикъ“, польск. chomik).

---

[1]) Примѣръ—очень мало характерный.

[2]) Теперь мы слышимъ у галичанъ твердый выговоръ имени мѣста „Выжняны“, и я думаю, что корень этого имени—тотъ же, какой и въ зап.-мр. прилагательномъ „выжній“ (=верхній, вышній).

Въ львовскомъ векселѣ 1421 г. (=Голов. № 32, стр. 36) Васька Мошончича (родомъ однако, кажется, изъ Кіевщины) [1]) смѣшеніе буквъ ѣ и и — полное: „свѣдчю то своѣмъ листомъ, кому будеть сего листу потрибно"; „Имаю дати єго купъ (=кôпъ) от[ъ] сеѣ Ма٦[ъ]кы Б[о]жьѣ, што приѣдеть (=приидеть, т. е. наступитъ), на другую Матыки Б[о]жьѣ... у рукъ" (=рôкъ); „на пана старостѣнѣ листу (=старостинѣ)"; „А на то свѣдци: панъ Котлиньскиѣ (=Котлиньскый), панъ судья Львъвскиѣ, панъ Миколаѣ Мильчиньскиѣ, панъ Глѣбъ Судѣчь (=Судичь)"; „(день) по новъмъ лѣтѣ—третиѣ".

Въ перемышльской купчей 1422 г., заключенной передъ владыкой-Ильей (=Гол. № 34, стр. 38): „А писана сіа грамота у Вѣлчи" (=польск. Wilcze, село близъ Перемышля; по-мр. „Вовче").

Въ галичской запродажной 1424 г., заключенной у старосты Михаила Бучацкаго (см. т. I, 529): „коли будеть сего листу кому потрибизна"; „А подьли тѣхъ [свѣдковъ] — иныхъ досыть".

Въ зудечевскомъ судномъ рѣшеніи 1428 г. кн. Ѳедора Любортовича (=Гол. № 41, стр. 46): „А панъ Микъ Дѣдошицкии отповидѣлъ, аже есть то мое".

Въ поддѣльныхъ грамотахъ кн. Льва Галицкаго, относящихся якобы къ концу XIII-го и нач. XV в., но укрѣпленныхъ польскимъ правительствомъ лишь во 2-ой четверти XV в., писцомъ почти всюду названъ „Захарія Вихоть" (=Вѣхоть) [2]).

Въ снятинскомъ дружественномъ условіи 1454 г. старостъ бучацкаго и коломыйскаго съ молдавскимъ канцлеромъ Михаиломъ (=Улян. 86): „съ его панею, съ его дитками и съ слугами" (два раза); — пак ли бы хотил у Коломыи мешкати, пак ли бы усхотил у Коропци".

в) Буква и вм. ѣ въ грамотахъ XIV—XV вв. изъ Волыни и Подляшья и въ другихъ тамошнихъ памятникахъ XV вѣка.

Во вкладной записи 1376 г. при Холмскомъ Ев—іи XIII—XIV в.: „Придали есмо к ц[е]ркви Б[о]жои при б[о]го-

[1]) См. „Памятники" Головацкаго, стр. 67 (Waśko z Moszenina—въ Ягайловой грам. 1420 г.).

[2]) Исторію этого слова см. въ т. II, стр. 106.—Двѣ изъ такихъ грамотъ кн. Льва изданы у насъ на стр. 420μ и 454.

любезномъ Калисти, еп[и]с[ко]пи Холмъском и Белъзскомъ" (л. 4, внизу).

Въ луцкомъ векселѣ 1388 г. короля-Ягайла воеводѣ-Петру (=Голов. № 8, стр. 11): „Слюбуемо єму, при нашеи вѣри, тым 4 тысячи рублін воротити"; „а на крѣпость того печать велѣли привисити".

Въ судомирской присягѣ 1389 г. новгородскаго опекальника Семена Лыгвенія королю Ягайлу (=Палеогр. сн. № 47): „Дана есть у Судомири" [1]).

Въ турейско-володимирской жалованной кн. Витовта 1392 г. (=Палеогр. Сн. № 19) есть два малохарактерныхъ ижевыхъ начертанія: „на тыи двѣ селищи" (три раза) и—еще нехарактернѣе—„приволили быхомъ вы купити" (срв. обычное соврем. „волїти", изъ „волѣти", хотя „зво́лити" и „призво́лити").

Въ Каменецъ-Струмиловскомъ Ев-іи 1411 г. [2]): „идѣ І[су]с сквозѣ сіанія" (л. 30 об.,=сѣянья); „по вѣри" (л. 26 об.); „Исцѣли (=исцѣлѣ) дщи ея от того часа" (л. 39); „въсхотиша" (л. 41 об.); „въспивше" (л. 58 об.,=въспѣвше); „оцѣпенїваєт" (л. 83 об.,= =оцѣпенѣваєт); „абіє прозри" (л. 143 об.,=прозрѣ); „отвища" (л. 197 об., и тутъ же рядомъ два раза: „отвѣща", л. 197 об.). Много разъ и написано въ корнѣ „вѣд-", напр.: „неувидино будеть" (л. 28,=неувѣдѣно); „Аще бысте видѣли, что єсть: ми[ло]сти хощу" (л. 30 об.,=вѣдѣли); „Видяаше, яко жну, идеже не сѣях" (л. 56 об.,= =вѣдяаше); „да никому жь повидят" (л. 83); „увидѣв от сътника" (л. 98 об.); „Отпусти им. не видят бо, что творят" (л. 154 об.,=не вѣдят) и др., не говоря ужъ о систематическомъ совсѣмъ нехарактерномъ „свѣдитель" съ производными и о „при-" вм. ц.-слав. „прѣ-".

Въ луцкой жалованной гр. 1438 г. вел. кн. Швитригайла (Рум. муз.): „Дали єсмо [кухъмистру Мышьчичю] села с луги и з дубровами и сыножатми" (=сѣножатьми).

Въ его же луцкой жалованной грамотѣ шляхетнымъ Чоботамъ 1445 г. (Рум. муз.): „[свѣдокъ]—пан Немирѣ[чь], старос[та] Луцкии" (вм. „Немиричь").

---

[1]) Впрочемъ, возможно, что писарь склонялъ это имя по различію мягкому, съ им. падежемъ „Судомирь".

[2]) Каменецъ-Струмиловъ (теперь Камінка-Струмилова) лежитъ на р. Зап. Бугѣ, на границѣ Волыни и Галичины (въ нынѣшнемъ Золочевскомъ повѣтѣ въ Галичинѣ).

Въ луцкой вкладной припискѣ ок. полов. XV в. на Луцкомъ Ев—іи XIV в.: „при осподаръствѣ короля Казимира, при епискупѣ Евфѣмьи“ (л. 262,=Евфиміи).

Въ луцкой вѣновной записи ок. 1450 г. пана Дм. Порыцького ¹) имя записывателя, м. б., содержитъ въ себѣ корень „рѣк“ (срв. „Порѣчье“, „Порѣческъ“); послѣ р писцу-волынянину легко было написать ы, а не и.

Въ Антоновецкомъ Апостолѣ XV в. (изъ Кременецкаго уѣзда): „лицемиріе“ (л. 35), „нелицемирьна“ (л. 34; л. 36 об.; л. 62 об.; л. 85); „от дил“ (л. 33,=отъ дѣлъ); „въ темнѣ мѣсти“ (л. 41); „въ закони“ (л. 52); „правди Б[о]жіи“ (л. 59); „во облаци“ (л. 73 об.); „о дѣви“ (л. 71 об.); „на древи“ (л. 94) и мн. др., равно как въ глагольныхъ основахъ „вѣдѣ“ и „видѣ“. Обратно ѣ вм. и: „завѣсти“ (л. 33 об., л. 34, л. 51) ²), „нѣцѣи“ (л. 52 об., л. 74, л. 80), „глубѣнѣ“ (л. 89, — если не отъ формы им. пад. „глубѣнь“, сов.-мр. глибінь) и др. Вѣроятно, сюда же надо причислить и „о нелицемѣрніи вѣре“ (л. 121, = о нелицемѣрной вѣрѣ), гдѣ і поставлено скорѣе всего вм. церк.-слав. ѣ, а не вм. мр. ô.

Въ Четвертенскомъ Ев-іи конца XV в. (изъ мѣст. Четвертни Луцкаго уѣзда) ³): почти всегда „зило“ (хотя и „зѣло“, л. 29 об.), „сквози“ (и часто „сквозѣ“), „двѣ нози“ (=двѣ ногѣ, дв. ч.), „о Б[о]зѣ Сп[а]си моемъ“, „удобіе“ (=удобѣе. срв. ст.), „провіе“ (ср. ст.,= =пръвѣе), „узривъ“. Обратно: „нѣцѣи“ (=нѣцни), „кустодѣя“.

Въ (южноволынскомъ?) ⁴) Церковно-Музейскомъ Ев-іи конца XV в. № 169 (при кіевск. Духовн. Акад.) замѣна ѣ черезъ и чрезвычайно обильна: „повели“ (л. 2,=повелѣ, т. е. онъ повелѣлъ); „лицемири“ (л. 9 об., три раза; л. 10, три раза: л. 81 об., л. 84); „запустиніе“ (л. 11 об.); „разумиеть“ (л. 11 об.), „разумивь“ (л. 31 об., л. 37 об.,

¹) Изд. фототипически въ кіевскомъ „Палеографич. Изборникѣ“ 1899, № 9.

²) Впрочемъ, кажется, что въ словѣ „зависть“ издревле происходило этимологическое чередованіе звуковъ и и ѣ. Срв. нарѣчія „очивисть“ и „очивѣсть“ (извѣстны и въ Изборникахъ Святослава XI в.). По соврем.-мр „зависть“ рѣже, чѣмъ „завість“, но это мягкое ві можетъ фонетически объясняться присутствіемъ губного звука в и сосѣдствомъ мягкаго окончанія сть (см. § 63).

³) Описалъ Г. Крыжановскій въ „Волынск. Епарх. Вѣдом.“ 1895, см. стр. 302.

⁴) Или, м. б., среднекіевскомъ, но не изъ Приднѣпровья.

л. 96 об., л. 102 об.), „разумійте" (л. 35 об.) и пр.; „востритеніе" (л. 13); „на колину" (л. 19 об.); „пространіаши" (л. 23 об., сравн. ст.); „сквози сияніа" (л. 27,=сквозѣ сѣянья); „гриси" (л. 29 об.) и т. п. Во флексіяхъ мѣстнаго и дат. падежа: „во сонми" (л. 25,=въ сонмѣ); „ризи ветси" (л. 27,=ризѣ ветсѣ); „во себи" (л. 30,=въ себѣ); „во класи" (л. 30); „при гори" (л. 31); „о народи" (л. 37); „во гради Давыдови" (л. 59 об.), „по мни" (=по мнѣ; л. 38, л. 75, л. 93, л. 122 об., л. 131 об.) и т. д., и т. д. Очень обычно употребленіе *и* вм. *ѣ* въ корнѣ „вѣд-" и въ глагольной темѣ „вѣдѣ-". Такъ же часто *и* пишется вм. мертваго церк.-слав. *ѣ*: „клеврити" (л. 1 об.); срв. отчасти „кисаревь", „кисареви" (л. 8) и т. п. (Впрочемъ и въ живой зап.-мр. нарѣчіи очевиденъ здѣсь рефлексъ звука *ѣ*; говорится: „цїсар", даже съ ударнымъ звукомъ *ї*).

Чтобы разстаться съ волынскими памятниками, остановимся еще на трехъ-четырехъ грамотахъ изъ сѣв. Волыни конца XV—нач. XVI вѣка:

Въ меречской жалованной 1496 г. вел. кн. Александра Звягольскому намѣстнику (=Ант. и Козл. № 10, стр. 21): „Намѣстникъ Звягольскій Яцко Мезь просилъ в насъ в Овруцкомъ повѣте человика, на имя Лазорка;... ино мы того человика дали ему, изъ его сынми, со всими землями спашными".

Въ люблинской жалованной 1501 г. вел. кн. Александра на села въ Кременецкомъ повѣтѣ (=Ант. и Козл. № 14, стр. 33 — 34): „Билъ намъ чоломъ земянинъ волынский Ивашко Лабунскій и повѣдилъ предъ нами" (нехаракт.); „Нехай они то держатъ... из леси (=съ лѣсами) и синожатми" [1]).

г) Буква *и* вм. *ѣ* въ кіевскихъ памятникахъ второй половины XV-го и начала XVI в.

Въ жалованной 1459 г. кіев. кн. Семена Олельковича Іереміи Шашку на имѣнія въ Черкащинѣ (=Ант. и Козл. № 9, стр. 19—20): „при всюи отчизнѣ и дидизнѣ его"; „штобы и увъ тое отчизны и дидизъни свое заживалъ, на што и листъ нашъ с притисъненъемъ и завишенъемъ печати дали есмо". Писано въ Прилукѣ за Днѣпромъ.

---

[1]) Въ подтвердительной грамотѣ 1503 г. (=Ант. и Козл., стр. 35) эта же фраза написана ужъ такъ: „из лѣсы и с сѣножатми".

Въ люстраціи Кіевщины ок. 1471 г. [1]): „ловъцовъ четыре, а дви слуги" (6;=двѣ); „а дави — четыри ведры меду" (6,=ведрѣ, дв. ч.: срв. далѣе: „две ведре меду", 7); не очень характерно неударное и: „в Житомири". Можно думать, что ижевыхъ начертаній было въ кіевской описи гораздо больше, и лишь бѣлоруссъ, вносившій ее въ Литовскую Метрику, уничтожилъ ихъ [2]).

Въ Посланіи Өедора Жидоовина (1448—1461) къ упорствующимъ евреямъ (выкреста, родомъ не то изъ сѣв. Кіевщины, не то, — и это скорѣе, — изъ Черниговщины) [3]): „вси прор[о]ци прор[о]чествоваша о Х[ри]с[т]ѣ и о с[вя]тии Тро[и]ци" (=святѣй; едва ли вм. „святой") [4]); „яко Азъ есмь Б[о]гъ, и нѣс[ть] иного развие мене" (вм. развѣе) [5]). Обратно: „при Понтѣистѣм Пилатѣ".

Въ спискѣ жидовствующихъ кіевлянъ XV в. съ Псалтири Өедора Жидовина [6]): „по суди Твоему" (пс. 44; мѣстн. пад.=по судѣ Твоему); — П[е]ред[ъ] Тобою мудріи,—яко без ума, зане вси их дѣла—порознииша" (пс. 45; въ другомъ сп. „порознѣиша");—„Г[оспод]ь—первѣишии, и Г[оспод]ь—послѣднїиши" (пс. 51; и еще разъ „послѣдьнииши" — пс. 61); — „Руцѣ наши - яко орли под н[е]б[е]си, нози наши—аки звѣри по земли скоріи" (пс. 53).

Въ жидовствующемъ переводѣ Книги Даніила по Виленской рукописи № 262 конца XV в. [7]): „в Шушани граде" (гл. VIII, 2; срв. „в Шушане-градѣ" Эсө. I, 2);—„на ливу" (VIII, 9);—„И пришолъ есми нарозумѣти тебе, што спригодить на послѣдокъ днеи люду твоему" (X, 14; срв. IX, 22: „Кгабріелъ нарозумилъ и погово-

---

[1]) Изд. въ седьмой части „Архива Юго-Зап. Россіи" (Кіевъ 1890), т. II, стр. 1—9.

[2]) Но, подобно тому какъ смѣшеніе ы съ и овъ не съумѣлъ при перепискѣ затушевать, такъ и два-три ижевыя начертанія вмѣсто ятевыхъ кое-гдѣ проскользнули у него изъ подлинника, несмотря даже на ихъ ударность.

[3]) Изд. М. И. Соколовъ въ москов. „Чтеніяхъ" 1902, кн. III, стр. 107—109.

[4]) Изъ другихъ данныхъ „Посланія" можно заключить, что выговоръ Өедора Жидовина по отношенію къ рефлексу ô былъ уковый, а не ижевый.

[5]) Возможно впрочемъ, что это окончаніе ие есть черниговскій дифтонгическій выговоръ окончанія формы „развѣ". Но и форма „развѣе" тоже извѣстна церк.-слав. языку.

[6]) Изд. М. Н. Сперанскій въ моск. „Чтеніяхъ", 1907.

[7]) См. о ней на стр. 392.

рилъ со мною и рек: Даниле! вышолъ есми н а р о з у м *и* т и тебе");—„Тотъ царь умножит честь и поставити (ти=ть) ихъ в о л о д *и* т е л м и над многыми" (XI, 39).—Въ П л а ч ѣ І е р е м і и н о м ъ: „Пути Ціоновы—жалобны без приходячих на с в *и* д е н ь е" (І, 4, т.-е. къ скиніи свѣдѣнія);—„Видь, Аданаю, иж перевернулося сердце мое в н у т р *и* моем" (І, 20,=нутрѣ моемъ) и др.—Мы и не говоримъ о многихъ менѣе характерныхъ ижевыхъ начертаніяхъ, такихъ, какъ „рек царь Зетар*и*" (Эсѳ. І, 10, съ передѣлкой на поляхъ: „Зетарѣ"), или въ корнѣ „кв*и*т" вм. „квѣт" (Даніилъ ІѴ, 1: „обкв*и*тенъ"; XI, 24: „оскв*и*тностью") и т. п., въ которыхъ *и* легко объясняется и безъ смѣшенія съ ѣ.

Въ кіевской в к л а д н о й з а п и с и 1499 г. отъ пана Лисицы Николо-Пустынскому монастырю (=кіевск. „Палеогр. Изборн." № 3): „а про лѣпшую справедливость и в *и* ч н о с т ь и печати свои есмо приложили", причемъ это *и* самимъ писцемъ передѣлано на ѣ.

Въ кіевской м ѣ щ а н с к о й к у п ч е й ок. 1500 г. на продажу коморы (=кіевск. „Палеогр. Изборн." № 14): „писан у К и е в *и*".

Въ ч е р к а с с к о м ъ у к а з ѣ ок. 1503 г. старосты Остаѳея Дашкевича (=Палеогр. Изборн. № 8): „Повелевиемъ гос[у]дара его милости о б в *и* с т и в а л ъ есми бояръ и мещанъ черкаскихъ и козаковъ, старихъ людей".

Въ р а з м е ж е в о ч н о м ъ р ѣ ш е н і и 1508—1523 г. кіевскаго митрополита по жалобѣ Николо-Пустынскаго игумена (=Палеогр. Изборн. № 5) буква ѣ написана повидимому вм. *и*: „от верхнего устья рѣчки З л ѣ н к и" (=Злынки?).

Въ кіево-Михайловской в к л а д н о й з а п и с и 1526 г. короля Жикгимонта (на послѣднихъ листахъ Ев—ія нач XVI в. Михайловскаго Золотоверхаго монастыря) [1]: „На П р и п я т ѣ люд[и] ц[е]к[о]вные Карповичи, дані дають 9 ведро меду, и езовище звѣчное на П р и п я т *и* Антоновичи дают 2 ведрѣ меду; з Масановича землѣ — д в *и* (дв. ч.) ведра меду идет; на Д н е п р *и* противъ Рудоров[а]—островъ Михайловскый звѣчный с озеры".

И т. д., и т. д. Но при этомъ, какъ свидѣтельство долго неумиравшаго вост.-мр. дифтонгизма XѴI—XѴIII-го в. (ѣ=іе), обильно проскальзываютъ по вост.-мр. памятникамъ и естевыя начертанія вмѣсто ятевыхъ, параллельно съ ижевыми.

---

[1]) Издана у Крыжановскаго, стр. 170—171.

§ 22.

Судьба Ѣ̆І и И.

а) Нынѣшнее мр. совпаденіе звуковыхъ рефлексовъ ы и и. Неодинаковый качественный результатъ такого совпаденія на востокѣ и на западѣ мр. территоріи.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, рефлексы старинныхъ звуковъ ы и и совершенно слились у всѣхъ малоруссовъ [1]), хотя результатъ слитія не одинаковъ на востокѣ и на западѣ.

Въ восточно-малорусскомъ нарѣчіи мы вмѣсто двухъ старинныхъ звуковъ ы и и имѣемъ одинъ средній звукъ *и*, болѣе мягкій, чѣмъ ы, и болѣе твердый, чѣмъ и [2]).

Въ западно-малорусскомъ нарѣчіи [3]) мы слышимъ, какъ на мѣстѣ старинваго ы, такъ и на мѣстѣ старинваго и, тоже лишь одинъ звукъ, но онъ совершенно твердъ и равносиленъ русскому и польскому звуку *ы* (а значитъ и старому ы). На письмѣ мы изображаемъ этотъ единый западно-малорусскій твердый звукъ (происходящій изъ ы и изъ и) черезъ одну букву *и*, предоставляя такимъ образомъ возможность восточному малоруссу читать западно-малорусскіе тексты по своему.

---

[1]) Мы, конечно исключаемъ, немногочисленные наиболѣе архаичные сѣверные малорусскіе говоры, гдѣ звуки *ы* и *и* донынѣ различаются другъ отъ друга.

[2]) О старинномъ произношеніи звуковъ ы и и мы можемъ судить на основаніи языковъ русскаго и польскаго.

[3]) и въ рѣчи тѣхъ малоруссовъ, которые переселились въ Украину съ запада, убѣгая отъ польскихъ религіозныхъ гоненій.

Очень естественно думать, что процессъ сліянія двухъ звуковъ ы и и въ одинъ общій звукъ происходилъ въ восточно-малорусскомъ нарѣчіи иначе, чѣмъ въ западно-малорусскомъ.

Въ вост.-мр. нарѣчіи дѣло, повидимому, шло такъ, что съ одной стороны звукъ и постепенно отвердѣвалъ, а съ другой стороны звукъ ы постепенно смягчался, пока наконецъ оба они не слились въ одномъ среднемъ звукѣ.— У западныхъ же малоруссовъ старое ы осталось, какъ знаемъ, навсегда исконно-неизмѣннымъ, а старое и (одновременно съ мягкимъ є) постепенно отвердѣвало, пока наконецъ не дошло до степени твердаго ы,—и тогда вмѣсто двухъ звуковъ ы и и оказался и у западныхъ малоруссовъ лишь одинъ звукъ ы—твердый звукъ, отличный отъ восточно-малорусскаго средняго *и*.

Показанія памятниковъ позволяютъ заключить, что отождествленіе звуковъ ы и и на востокѣ и на западѣ мр. территоріи (происходившее, какъ видимъ, путемъ процессовъ разныхъ, неодинаковыхъ) завершилось не одновременно въ обѣихъ областяхъ мр. рѣчи. Въ западно-мр. нарѣчіи лишь наиболѣе южные говоры очень рано отождествили ы и и, тогда какъ средніе и болѣе сѣверные говоры зап.-мр. нарѣчія довольно долго умѣли различать оба звука. Въ вост.-мр. нарѣчіи, напротивъ, даже наиболѣе сѣверные говоры (Кіева, Чернигова) очень рано смѣшали ы съ и.

Когда же именно происходило все это?

б) Эпоха смѣшенія ы и и предками малоруссовъ. Разница между памятниками восточными и западными XI—XIII в.

Во времена Владиміра Святого, т.-е. въ X вѣкѣ, звуки ы и и, вѣроятно, еще различались съ полной строгостью у всѣхъ малоруссовъ. Но тогда и звукъ ѣ несомнѣнно не обращался еще ни въ какихъ положеніяхъ въ монофтонгическое *i*. Въ XI-мъ же вѣкѣ, когда мы по памятникамъ видимъ у малоруссовъ болѣе или менѣе частое смѣшеніе ѣ съ *i* (см. стр. 205³), мы обязательно должны предположить, что

старый звукъ и звучалъ у нихъ ужъ нѣсколько тверже, чѣмъ *i* [1]). Это и письменными памятниками подтверждается. Коснемся сперва восточныхъ, кіево-черниговскихъ.

Въ памятникахъ восточно-мр. нарѣчія мы находимъ смѣшеніе ꙑ и и начиная съ самыхъ старѣйшихъ памятниковъ, какіе до насъ дошли [2]), т. е. видимъ это явленіе и въ кіевскихъ Святославовыхъ Изборникахъ 1073 и 1076 г. («плътолюбꙑя», «Ахименꙑды», «неправьдꙑ», «осꙑрѣю», т. е. «осирѣю» и пр.), и въ минейномъ Успенскомъ Сборникѣ XII в. съ кіево-печерскими произведеніями (мѣстоим., «ти» и «ми» вм. «ты» и «мы» и т. п.), и въ черниговской Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198, и въ Словѣ о Полку Игоревѣ конца XII в., и въ разныхъ бѣлор. и вкр. копіяхъ съ кіевскихъ памятниковъ XII—XIV в., и въ др.

Слѣдовательно съ фактомъ огрубѣнія звука и и умягченія звука ы мы въ восточно-малорусскомъ нарѣчіи встрѣчаемся еще *въ XI вѣкѣ*. По всему вѣроятію, ко временамъ татарскаго нашествія ужъ завершился весь процессъ восточно-малорусскаго слиянія звуковъ ы и и въ видѣ одного средняго звука (нынѣшняго восточно-малорусскаго *и*).

Что касается нарѣчія западно-малорусскаго, то хотя и тамъ въ XI вѣкѣ звукъ и долженъ былъ нѣсколько отвердѣть (иначе онъ смѣшался бы съ ѣ, переходящимъ въ монофтонговое *i*), однако въ большинствѣ зап.-мр. областей отвердѣлъ онъ еще не настолько, чтобы смѣшиваться съ твердымъ ы (остававшимся у западныхъ малоруссовъ

[1]) Допустить, что предки малоруссовъ, произнося ѣ за *i*, могли въ то же время произносить и какъ совсѣмъ мягкій звукъ *i*, вещь немыслимая. Вѣдь если бы ѣ и и отождествились въ старину, въ XI вѣкѣ, то впослѣдствіи, когда у малоруссовъ ы и и окончательно слились въ одинъ довольно твердый (или даже совсѣмъ твердый) звукъ, ѣ также обратилось бы въ твердый звукъ, и мы теперь говорили бы не м*i*ра (=мѣра), но м*ы*ра, не ст*ї*на (=стѣна), но ст*ы*на.

[2]) Обстоятельныя выписки см. ниже, въ отдѣлѣ *в*, стр 209ϑ и слѣд.

безъ перемѣны). Въ этомъ отношеніи надо различать говоры наиболѣе южные отъ остальныхъ западно-малорусскихъ.

Раннее смѣшеніе ꙑ и и въ зап.-мр. нарѣчіи, мы изстари, съ XI вѣка, констатируемъ только въ тѣхъ зап.-мр. памятникахъ, которые происходятъ изъ южной Галичины или изъ юго-вост. полосы Волыни, граничащей съ Кіевской землею [1]). Сюда относятся, напр., южно-гал. Слова Григорія Богослова XI в. («пытание» вм. «питание», «коны» вм. «кони», («бити» вм. «быти», «ти» вм. «ты», «сы» вм. «си», т. е. себѣ, «дымъ» =δῆμος, «Дый» вм. «Дий», т. е. Зевсъ и мн. др.), вост.-волынскій Стихирарь Тиховскаго XII—XIII в. («видѣты»), т. н. Вѣнскій Октоихъ, или Codex Hankensteinianus XII—XIII в. (оруди. мн. на и вм. ы; «си»=«сы»; «въ црквы»,—мѣст. пад. вм. «въ цьркви»; и пр.). буков. болг.-Софійское Ев-іе XIII в., южно-гал. Ев-іе 1283 г. поповича Евсевія и др. Въ нихъ смѣшеніе ꙑ и и представлено вполнѣ яркими, рѣзко-характерными начертаніями начиная *съ XI вѣка*. И звукъ є, какъ мы уже видѣли (см. стр. 195), отвердѣвалъ на юго-западѣ мр. территоріи тоже раньше, чѣмъ въ другихъ зап.-мр. областяхъ. И ятевый дифтонгизмъ здѣсь исчезалъ, повидимому, раньше, чѣмъ гдѣ, такъ что ѣ превращалось здѣсь въ простое і.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ старѣйшихъ памятникахъ изъ Галичины сѣверной и изъ Волыни. Ни Галицкое Четвероевангеліе 1144 года, ни Христинопольскій Апостолъ XII—XIII вѣка не представляютъ намъ ни одного примѣра на смѣшеніе и съ ы, если не считать (въ Евангеліи 1144 г.) такого начертанія, какъ «небесьскімъ (л. 77), которое естественнѣе всего можетъ объясняться зап.-мр. умягченіемъ согласнаго (задненебнаго) звука к, а не смѣшеніемъ гласныхъ звуковъ ы и и [2]). Не видно достовѣрнаго смѣшенія

---

[1]) Обстоятельныя выписки см. ниже, стр. 1098 и слѣд.

[2]) Кромѣ того—начертанія: „книжники людския“ (л. 218) и „похоти плотьски“ „мужьски“ (л. 227 об.), о которыхъ см. стр. 126—127, исправляя при этомъ неточность, мною по недосмотру допущенную.

[3]) См. стр. 126—127.

буквъ и и ы въ сѣверномъ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г., потому что встрѣчающееся тамъ «дщеры» (л. 115) скорѣе указываетъ на западно-малорусское отвердѣніе согласнаго р, а не на огрубѣніе и [1]); и въ Холмскомъ Ев-іи XIII—XIV в. [2]) намъ придется усмотрѣть, кажется, только мягкость задненебныхъ согласныхъ, а не смѣшеніе гласныхъ ы и и.—Но во Владимірѣ Волынскомъ въ это время, т. е. въ XIII вѣкѣ, ужъ безъ сомнѣнія и изрядно огрубѣло. По крайней мѣрѣ во Владиміръ-волынскихъ поученіяхъ Ефрема Сирина XIII в. (1271—1288), дошедшихъ до насъ въ бѣлорусскомъ спискѣ 1492 г., находимъ: «видѣлъ лы» (л. 69 об.), «слѣпымъ и сырымъ» (л. 102 об.), «сырымы и удовами» (л. 103), «помыслылъ» (л. 136), «си» (л. 1;=сы, сущій), не говоря ужъ о такихъ начертаніяхъ, какъ «простия жены». И въ галицко-волынской лѣтописи XIII—XIV в. по вкр. Ипатскому списку ок. 1425 г. мы видимъ смѣшеніе *и* съ *ы*. Очевидно, что такое смѣшеніе имѣлось ужъ и въ волынскихъ оригиналахъ конца XIII в., потому что этой черты ни бѣлорусскій, ни великорусскій переписчики XV в. не могли почерпнуть изъ своей родной рѣчи.

Такимъ образомъ, только въ монгольскій періодъ, къ концу XIII-го или къ началу XIV вѣка, въ сѣверно-галицкихъ и многихъ волынскихъ говорахъ звукъ и огрубѣлъ настолько сильно, чтобы писцы могли не всегда отличать его отъ ы и путать на письмѣ обѣ буквы ы и и. Въ это же время (см. стр. 196) сильно отвердѣлъ зап.-мр. звукъ є, и онъ, произносясь за *э* сталъ смѣшиваться съ неударнымъ *ы*. (А выговоръ *і* въ это время сталъ тамъ присущъ прежнему звуку ѣ, перестававшему тогда во многихъ галицко-волынскихъ говорахъ быть дифтонгомъ *іе*).

---

[1]) Тамъ же въ Гал. Ев. 1266—1301 г. есть еще: „двѣ тисащи"; но и оно не ярко: вѣдь звукъ и въ этомъ словѣ чередуется съ ы не только въ рукописяхъ малоруссовъ, но и въ живой рѣчи другихъ славянъ, не смѣшивающихъ звуковъ ы и и (старыхъ бѣлоруссовъ, словаковъ).

[2]) Если исключить въ немъ «избываються хлѣби» (л. 106 об., вм. „хлѣбы", т. е. хлѣбами),—см. ниже, стр. 210.

Польскіе и латинскіе документы XIV—XV в. охотно передають зап.-мр. ѣ буквою *i*, зап.-мр. и—латинскою буквою *y*. Какое-нибудь, скажемъ, с. Гнильче пишется по-польски: Hnylcze, и т. п. [1]).

в) Консерватизмъ Волыни XIV—XV вв.

Впрочемъ, относительно значительной части Волыни позволительно думать, что тамъ даже въ XIV—XV в. твердый выговоръ и не окончательно еще совпалъ съ выговоромъ ꙑ. По крайней мѣрѣ, луцкіе и нѣкоторые др. волынскіе памятники (даже не изъ самыхъ сѣверныхъ окраинъ, граничащихъ съ Бѣлоруссіей), какъ рукописи церковныя, такъ и свѣтскія грамоты, все еще очень мало смѣшиваютъ буквы и и ꙑ, въ противность одновременнымъ памятникамъ галицкимъ и кіево-черниговскимъ. Очень вѣроятно, что и звукъ є не во всѣхъ еще положеніяхъ звучалъ тогда въ Луцкѣ какъ твердое *э* (см. стр. 196—197); и ѣ имѣлъ тамъ въ XIV—XV в. произношеніе въ извѣстныхъ случаяхъ дифтонгическое (*ie*), а не исключительно звучалъ какъ *i* (см. стр. 206δ).

д) Выписки изъ мр. памятниковъ XI—XV в., иллюстрирующія процессъ смѣшенія звуковъ ꙑ и и.

XI вѣкъ.

Въ кіевскомъ Изборникѣ вел. кн. Святослава 1073 г.: „съвраштаю плътолюб*и*я грѣхы“ (л. 135а,=плътолюбмя грѣхами);—„... или о земляяѣр*и*и“ (л. 203 об., а,=землемѣр*и*и);—„Рече къ мнѣ: Неправьда дому И[зраи]л[е]ва... И градъ испълнися неправьд*и* и нечистоты“ (л. 104 бо., b; а далѣе въ томъ же контекстѣ: „Рать на чада неправьд*и* придеть—наказатъ ихъ“, л. 104 об., b) [2]);—„Къде

[1]) Это, конечно, самъ по себѣ критерій мало надежный, потому что латинскія буквы *y* и *i* путались въ средневѣковомъ польскомъ правописаніи даже въ чисто-польскихъ словахъ.

[2]) Довольно вѣроятно, что такой же род. пад. на *и* вм. *ы* имѣемъ мы въ Изб. 1073 г. и четырьмя листами раньше: „Видиши ли, како ти бес правьд*и* с?“ (л. 100 об., b), т. е. „Видишь ли, какъ

суть звѣздъ тѣхъ запони?" (л. 116 b, вм. „запоны", отъ ед. ч. ж. р. „запова");—„Ахименыды Вавулоньскы" (л. 154 а,=Ахименида). Вм. „проныривын" (=коварный) пишется въ Изб. 1073 г. и „прониривын" (л. 140 об., а; два раза) [1], и вмѣсто „нырати" пишется „нирати": „сухыхъ пътиць же и нирающтиихъ" (л. 155 об., а). Рядомъ пишется „псалтырь" и „псалтира" (оба на л. 253 об., а), и часто путаются и и ы послѣ р (въ чемъ, конечно, мало характерности): „корысть" (л. 49b) и „бескористьнии" (л. 199b); „риба" (л. 251а) и на томъ же листѣ: „рыба"; „прикриве" (л. 185b) и тутъ же „прикрыве"; „мокрпимъ" (л. 238а); „трызны" (л. 92b, т. е. подвига: „Не могыи подъяти дѣиствьныя трызны придеть на женитву"); „рикая" (л. 180b: „акы львъ рикая") [2]). Однако въ начертаніи и послѣ к: „сикими" (л. 61 об., b,—орудн. пад. отъ „сикъ" = такой) мы имѣемъ дѣло съ характернымъ кіевскимъ умягченіемъ гласнаго ЪI, а не съ мягкостью согласнаго к [3]), потому что Изб. 1073 г. есть памятникъ нарѣчія восточно-малорусскаго, а не западно-малорусскаго. — Но чередованіе формъ „мъногашьды" и „мъногашьди" безусловно нехарактерно.

тебѣ [плохо] безъ правды?" Но можно прочитать здѣсь и слитно: „бесправьдие".

[1]) Слово „проныривын", или „проньрьливыи"—очень обычно въ старыхъ церковныхъ рукописяхъ, но съ буквою и оно попадается только въ кіевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г., въ списанномъ съ кіевскаго оригинала „Златоструѣ" XII в. (Свѣд. и Зам., I, вып. III, № 24, стр. 38), въ черниговской Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198,—чередуясь, впрочемъ, съ „ныр-". Въ другихъ кіевскихъ или зап.-мр. старыхъ памятникахъ мы здѣсь находимъ лишь исключительно букву ы,—напр. въ минейномъ Успенскомъ Сборникѣ XII в. съ кіево-печерскими произведеніями (л. 44 d: „проныривии бѣси"; л. 62с; л. 63с; л. 95с), въ Синайскомъ Патерикѣ XI в., въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. (л. 1а: „нырения"; л. 11с: „проньрьникъ"; л. 175а: „проныривую"; л. 57с, л. 187а, л. 251с, л. 253b, л. 275b, л. 284а, л. 288с, л. 298с, л. 299b) и къ др. Изъ чистыхъ церк.-слав. старыхъ памятниковъ только въ Супрасльской рукописи найдено „прониривыи" (Словарь Миклошича, 701), но тамъ же и „ныр-" (151, 273; неизвѣстно притомъ, кто былъ родомъ переписчикъ Супрасльской рукописи, и не въ Кіевѣ ли она писалась).

[2]) На основное ЪI (а не на И) указываетъ польскій языкъ, гдѣ говорится ryczeć, а не rzyczeć.

[3]) См. стр. 125.

Въ маленькомъ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1076 г.: „милостыня“ (л. 13б, при сосѣднемъ же „милостыни“, л. 13а) и еще разъ: „Красьна есть милостыни [1]) въ время скърби“ (л. 165б), при сосѣднемъ же „милостыни“ (л. 166а);—«С[ы]ну мои любыи! иду, отъньюдуже не възвраштюся,—да не рьци, яко осырѣю“ (л. 112б, т. е. осирѣю, осиротѣю),—при „сирота“ (л. 192б);—„[ангели] злии, пронирливии“ (л. 249а, = пронырливии);—„да будеть съ тобою вѣкъ вѣкы“ (л. 19а, вм. „вѣкы“); „и въ вѣки вѣкомъ, аминь“ (л. 62а) [2]).

Въ (д. б., кіево-печерскомъ) Синайскомъ Патерикѣ XI в. (Синод. Библ. № 551) [3]): „Рѣхъ: Еп[и]с[ко]пъ, си въ тьмьници, тъ да проскумисаеть!“ (77,=сы, сущій, т. е. заключенный).—Б. м., сюда же относится мн. ч. причастія на лъ: „не оскудѣлы“ (86, = муж. р.? вм. „не оскудѣли“?).

Также въ старѣйшемъ зап.-юр. памятникѣ, южногалицкихъ Словахъ Григорія Богослова XI в., смѣшеніе ЪІ и И очень обильно и очень характерно [4]). Начнемъ съ греческихъ словъ, послѣ д: „[Крьщение Христово]—не Дыева се сѣмена и крадения!“ (л. 2d; οὐ Διός ταῦτα γοναὶ καὶ κλοπαί); „Овъ Дыю жьреть“ (л. 322b; т. е.:

[1]) У Шимановскаго невѣрно издано „милостыни“, что ужъ отмѣтилъ С. Кульбакинъ («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1898, февр., 205).

[2]) Срв. стр. 125.

[3]) Изд. въ „Свѣд. и Зам.“, т. III, № 83.

[4]) Считаю нужнымъ это подчеркнуть, потому что авторъ очень полезнаго „Изслѣдованія языка 13 словъ Гр. Бог.“ А. Будиловичъ (Спб. 1871), не отмѣтилъ въ своемъ специальномъ изслѣдованіи ни одного достовѣрнаго случая смѣшенія ы съ и (см. у него стр. 2); а В. Ламанскій въ своей цѣнной работѣ „О нѣкоторыхъ слав. рукописяхъ“, Спб. 1864, стр. 42, въ 6-омъ томѣ Запис. Ак. Н.) съумѣлъ указать въ Словахъ Григ. Богослова только два случая, какъ будто подходящіе, но на самомъ дѣлѣ оба мнимые: „крьсти мои синъ въ водѣ“ (л. 15b; надо читать: „крьсти Моиси, нъ въ водѣ“) и „Аще видиши нага—одежди (т. е. одѣнь), чьты твою одежду неистьлѣния, еже есть Х[ристос]ъ“ (л. 128d); повидимому, это „чьты“ есть правильная форма причастія, съ обычнымъ окончаніемъ ы, (или—по новому—дѣепричастіе), а не форма пов. н[акло]нія, какъ полагалъ В. Ламанскій. У А. Соболевскаго не отмѣченъ ни одинъ примѣръ изъ Словъ Григ. Богослова XI в., хотя въ спискѣ источниковъ въ его Лекціяхъ памятникъ этотъ и упомянутъ.

тоть приносять жертву Дію, Зевсу); срв. „Диевъ гробъ Крити показаеться“ (л. 285а); также срв. и вм. греч. ипы: «съ димомъ» (л. 284d; μετὰ τοῦ δήμου).—Въ своихъ родныхъ корняхъ: «Поучение створи книжьное — и д[у]шя алъчьны насышть хлѣбъ ихъ... Се по питании словесьнѣемь, ельма же хлѣбъ анг[е]л[ь]скъ—слово, имь же д[у]ша кръмяться» (л. 55а, вм. „по пытании“; по греч. μετὰ τῆς τοῦ λόγου τροφῆς); и наоборотъ—написано „пит“ вм. „пыт“: „[Бога разумѣти и] толику вещь мыслью обьяти — немощьно и чрѣсъ силу не тъчью питающемъся (т. е. пытающимся) и долу прѣклоньшинмь, нъ и зѣло высокъимъ б[о]голюб'цемъ“ (л. 301b).—Мѣстоименіе 2-го л. „ты“ превращается у писца Словъ Григорія Богослова XI в. въ „ти“, напр. „Ничесо же не прѣмысли, не ухытри ти на сп[а]са!“ (л. 112d: μηδὲν σοφίσῃ, μηδὲν τεχνάσῃ κατὰ τῆς σεαυτοῦ σωτηρίας); „Прѣмудри и ти нѣчьто о рѣчьнованин!“ (л. 346с; Σόφισαί τι καὶ σὺ περὶ τὴν ἀπαίτησιν). Иногда же—наоборотъ—союзъ „ти“ (=и, καὶ) превращается у него въ „ты“: такъ: „[Лисицю проныриву] мрьтва кръмить и ты смрьдящая тѣлеса“ (л. 299b; ἣν νεκρὰ τρέφει καὶ ὀδωδότα σώματα).—Появляется ы въ возвр. мѣстоименіи „сы“ при возвр. глаголѣ: „нъ близъ съвъкупьсы и съпряглъ“ (л. 76d; ἀλλὰ πλησίον συνάψας καὶ διαζεύξας).—Въ глаголѣ „бытн“ съ производными: „ни убывая николи же, нъ присно испльняемъи“ (л. 282b,=убывая, οὔποτε λεῖπον); „Стефанъ же ставися быти“ (л. 90d, т. е. ему не пришлось быть Стефаномъ, Στέφανος μὲν γὰρ ἐκωλύθη γενέσθαι).—Въ отрицаніи: „...не далече же съвъкупленыихъ, ны (вм. ни, οὐδὲ) ако стѣною нѣкакою разлучивъ“ (л. 76d, вм. „ни ако“, „ни яко“) [1].—Наряду съ „милостыня“ встрѣчается и „м[и]л[о]стыню“ (л. 304b).—Въ окончаніи ие сущ-ыхъ ср. р.: „гл[агол]ю убо... и наученыи добрѣ отъврьзаемыихъ и затваряемыихъ отъ разума“ (л. 341а,= вм. род. мн. „научений“: λέγω δὴ τῶν τοῦ νοῦ κινημάτων τε καὶ δογμάτων).—Во флексіи им.-вин. множ. ж. р.: „(Василій Великій), видя ц[а]рьскыя с[вяти]т[е]ля, на многы славы и лысты растрьзаны...“ (л. 59а: вм. лъсти, или скорѣе вм. лсти [2]); т. е. видя святителей, разбившихся на

---

[1]) Чтеніе печатнаго изданія „нъ яко“ противорѣчитъ греческому тексту, гдѣ οὐδὲ.

[2]) Вѣроятнѣе всего, что первое ы (послѣ плавнаго л) есть обычная зап.-мр. эвфоническая вставка вм. выпавшаго глухого гласнаго, срв. зап.-мр. „лыжка“ (=лъжька), „плыткый“ (=плътькыи), „блых“ (=блъхъ, род. мн.), общемр. „лысьнїтися“ (=лъсьнѣтися) и т. п.

многія вѣроисповѣданія и заблужденія: [κλῆρον] ἐις μορίας δόξας καὶ πλάνας διεσπασμένον); — „Мѣри въ общее съмѣшение и въступленіе“ (л. 233c, вм. „мѣры“: μέτρα τῆς ἐις τὸ κοινὸν ἐπιμιξίας καὶ ὑποχωρήσεως).—Во флексіяхъ орудн. пад. мн. ч.: „ненача аними же прѣложении“ (л. 156b, = т. е. нечаянными перемѣнами, ἀνελπίστοις μεταβολαῖς): „[Аөины] богатѣють бо зъломъ богатьствомъ: образи,—паче нпои Елладѣ“ (л. 41c, вм. „образы“, т. е. Аөины богаты образами, идолами, больше всей прочей Греціи: καὶ γὰρ πλουτοῦσι [αἱ Ἀθῆναι] τὸν κακὸν πλοῦτον: εἴδωλα, μᾶλλον τῆς ἄλλης Ἑλλάδος);— „Ини же не суть сильни дари (вм. дары, т. е. дарами), и приемлють“ (л. 117c: по греч. нѣсколько иначе: οἱ δὲ οὐδέ εἰσιν ἐν δυνάμει τοῦ δέξασθαι);—„[Искра] възгараеться и въспалаеться и на небо възносить иже въ немъ вѣтри“ (л. 292b, вм. вѣтры, т. е. вѣтрами: ταῖς παρ' ἑαυτῆς αὔραις).—Не только фонетическому, но и морфологическому объясненію (какъ смѣшеніе падежей) поддаются формы вин. мн. муж. р.: „Како можеть питѣти ...гражани поселянинъ?“ (л. 150d,=гражаны, вин. мн.);—„.... отъкрываеть намъ с[вя]тую Троицу и люди (καὶ λαόν) не очищении“ (л. 88b, вм. „неочищеныѣ“). Пожалуй, такимъ же морфологическимъ образомъ можно объяснить также: „огнь же и мечь и звѣрие и дробящеи плъть ногъты“ (л. 65d, им. мн., вм. „ногъти“)[1]. Однако, безъ фонетическаго смѣшенія звуковъ ы и и ужъ необъяснима форма вин. мн.: „Коны благородьныя, или печьстьныя“ (л. 22d: вм. „кони“, какъ на л. 291d). Возможно даже, что писецъ Словъ Григ. Богослова XI в. употребилъ букву ы въ начертаніи „коны“ вм. буквы ѣ (т. е. написалъ „коны“ вмѣсто „конѣ“)[2], какъ употребилъ онъ букву ы вмѣсто ѣ и въ „расыеть“ (л. 103c,=ра[з]сѣеть) и въ „расыема“ (л. 313a,=ра[з]-сѣема, σπειρόμενα)[3]: еще срв. (гораздо менѣе ужъ характерныя) начертанія съ ѣ вм. ы: „чьстьныя мънѣ главы и съ анг[е]лы начïтаемѣ“ (л. 223 c, вм.

---

[1]) Существительное „ногъть“ (съ окончаніемъ ь іжеваго склоненія: им. мн. „ногътие“: вин. мн. „ногъти“) имѣло къ себѣ и твердую параллель „ногътъ“ (съ окончаніемъ ъ: им. мн. „ногъти“, вин. мн. „ногъты“). Срв. въ тѣхъ же Словахъ Григ. Богослова XI в. двѣ формы вин. мн.: „пазногъти“ (л. 350a)—и „пазногъты“, (л. 236a).

[2]) См. объ этомъ въ рубрикѣ выписокъ ѣ=ы, стр. 205δ.

[3]) См. тамъ же, стр. 205δ.

„начитаемы"; τῆς ταμίας ἐμοὶ κεφαλῆς καὶ μετ' ἀγγέλων ἀριθμουμένης;) и „подражатель есть Петрова рьвнования, Павловѣ крѣпости" (л. 90с, род. пад., вм. „Павловы крѣпости") [1]). Отмѣтимъ еще въ Словахъ Григорія Богослова XI в. смѣшеніе слоговъ *ри* и *ры*: „трызну" (л. 86а), „трызнующе" (л. 251с), „трыздьнїку" (л. 259b) при обычномъ „триздьну" (л. 288d), „триздьнуму" (л. 288d) и др.; „рикая" (л. 299а); „отъригнути" (л. 232с.). Для исторіи смѣшенія *ы* и *и* чередованіе *ры* и *ри* само по себѣ малохарактерно, равно какъ малохарактерны параллельныя начертанія „мъногашьды" (л. 176с) и „мъногашьди" (л. 163b, л. 188d) [2]).

XII вѣкъ.

Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (майской четьѣ минеѣ съ кіево-печерскими произведеніями) мѣстоименіе 2-го л. ед. пишется „ти". Такъ, въ Житіи Θеодосія Печерскаго: „Старьць же (Антоній) к неи (матери Θеодосія) отъвѣща: Азъ—шедъ увѣщаю й, не борачить видѣти кого. Ти—въ утрѣи д[ь]нь пришедъши видиши й" (л. 32 b);—„Она же (мать юнаго Θеодосія) плакашеся горко и начатъ увѣщавати: Поиди, чадо, въ домъ свои... не отълучаися мене. И егда ти умру, ты же погребеши тѣло мое, ти тъгда възвратишися въ пещеру сию" (л. 32 d). Въ Видѣніи Исаіи: „И гл[агол]а ми (ангелъ): Довъльно ти, Исаие, увѣдѣ!" (л. 94 d, т.-е. довольно ты узналъ).—Въ 1-мъ л. мн. ч.: „Ц[ь]с[а]рь рече (къ св. Иринѣ, своей дочери): Блазѣ ми, чадо, дабы ми (=мы) тебе не родивъши!" (л. 72 d, т.-е. лучше бы мнѣ было, чтобы мы тебя не родили). Довольно часто вм. „сы" (=сущій) пишется въ Усп. Сборникѣ „си". Такъ, въ Житіи Θеодосія: „Онъ же ужасеся въ умѣ и, трепеть си, въста и въсѣде на конь" (л. 43 с, вм. „трепеть сы", т.-е. трепетенъ будучи); срв. „...доньдеже пакы будяше чьрньць искусьнъ, житиемь чистъмь си (=сы?), ти тъгда

[1]) Два послѣднихъ начертанія могутъ (не очень впрочемъ удовлетворительно) быть объяснены и помимо фонетическаго смѣшенія *ѣ* съ *и*, а *и* съ *ы*. Можетъ быть, буква *ѣ* механически написана вм. „—ыѣ" или вм. „—оѣ"?

[2]) Въ „Вероникинъ брьчьхъ" (л. 256d, Βερενίκης πλόκαμος, созвѣздіе Вероникина коса) буква *и* очевидно есть точная передача греческой иты, а не результатъ смѣшенія *ы* съ *и* или зап.-мр. мягкости согласнаго звука *к*. Свое родное прилагательное отъ „Вероника" было бы „Вероничинъ", а не „Вероникынъ".

сподобяшети й (св. Өеодосій) прияти с[вя]тую скиму" (л. 37 d).—Въ корняхъ „бы" и, повидимому, въ „пыт"; такъ, въ мученіи св. Ирины: „Приде анг[е]лъ Г[осподь]нь, бывы и землю, и погуби людии нечьстивыихъ" (л. 79 а, при чемъ это ы самимъ писцемъ исправлено на и);—въ Словѣ I. Златоустаго: „ухода съмьрти бывъша (л. 236, тогда какъ въ ц.-сл. Супрасл. рукописи здѣсь читается „бивъша", стр. 238); въ другомъ его Словѣ—о соборѣ іудеевъ противъ Христа (л. 188): „Събьраша съборъ, гл[агол]ааху: „Чьто сътворимъ?" О, гнусьное питание!" (вм. „пытание", какъ мы ждали бы изъ Успенскаго контекста).—Во флексіяхъ глаголовъ, въ Житіи св. Аөанасія Александрійскаго: „Злодѣя его и отравьника истинѣ врази нарекоша й. Д[ѣ]в[и]ца же та, отъвьргъши вься, размыслы, яко Б[ог]ъмь посланъ есть с[вя]тыи, укры его та сама умываапіе нозѣ его" (л. 7 b, вм. „размысли"? т.-е. размыслила). — Во флексіяхъ склоненій,—въ Житіи Кирилла и Меөодія: „въ западьнихъ странахъ" (л. 113 с; л. 114 d;=западьныхъ);—„великии Никонъ" (л. 41 с, въ житіи Өеодосія Печерскаго, вм. „великыи");—тамъ же: „Се о сихъ съповѣдахъ,—таче на послѣдьцѣ о единомь блаженѣмь о[ть]ци Өеодосии словеси поиду" (л. 42 а,=словесы, т.-е. словесами, орудн. мн.); то же въ житіи Бориса и Глѣба: „Забывъ скърбь съмьртьную, тѣшааше с[ь]рд[ь]це свое слоовеси Б[о]жии" (л. 10 b, вм. „словесы", орудн. мн., т.-е. словами Божьими); б. м. сюда же относится: „Б[о]ж[ь]ствьныи Өеодосии повелѣ ему (кузнецу) желѣзо съ чепи то съковати и препоясася имъ" (л. 30 b,=съ чепы? т.-е. съ цѣпями [1]):—въ Словѣ Златоуста о разслабленномъ (л. 250): „Свѣтьлъ м[ѣ]с[я]ць, пловущимъ и ходящимъ свѣтъ освѣщая, безъ облазны ходъ творить комужьдо" (вм. „безъ облазни", отъ им. пад. ж. р. „облазнь", т.-е. ошибка); а въ Словѣ Іоанна, эксарха болгарскаго (л. 263 и слѣд.) одновременно написаны въ род. пад. обѣ буквы ы и и: „Д[ь]н[ь]сь Адамъ, ис породыи изгънаныи, въ ц[а]р[ь]ство н[е]б[е]сьное въходить" (вм. „ис породы", т.-е. изъ рая).—Можно и не фонетически объяснить ы вм. и въ мн. ч. им. п.: „Мы же пакы въ твое имя събраны" (л. 55 с, въ Житіи Өеод. Печ., вм. „събрани"); „пришьлы бо бѣша" (л. 215, въ Словѣ Златоуста, имѣющагося и въ Супрасльской рукописи стр. 330—337, гдѣ это мѣсто чи-

[1]) По-мр. „цеп" (= цѣпь) — рода мужскаго и различія твердаго: срв. повсемѣстное выраженіе: „собака на цепу" (=на цѣпи, цѣпная). Звуки ч и ц чередуются въ этомъ корнѣ.

тается: „пришли бо бѣша“)[1].—Смѣшеніе слоговъ *р*и и *р*ы: „яко львъ р*и*кнувъ“ (л. 58 с)—нехарактерно.—Въ начертаніи „н*ы*нѣ“ (л. 55 b, въ Житіи Өеод. Печерск.) буква *ы* передѣлана изъ первоначально написавной буквы *ъ*. Другой случай употребленія *ъ* вм. *ы*: „Житие с[вя]тыя Өеодосиѣ, м[у]ч[е]н*ъ* при Костянтинѣ Кавалинѣ“ (л. 143, вм. „мучен*ы*“).

Въ кіево-печерскомъ Румянцовскомъ Сборникѣ № 406 (собраніи проповѣдей на постный и цвѣтной кругъ), составленномъ въ кіево-печерской лаврѣ въ XII в., но дошедшемъ до насъ въ бѣлорусской копіи XV в., есть смѣшеніе *ы* съ *и*, которое, очевидно, было перенесено переписчикомъ-бѣлоруссомъ прямо изъ кіевскаго оригинала. Напр.: „[Мы] на укорѣніе и на гнѣваніе несм*и* лѣнивы“ (л. 110 об., вм. „нѣсм*ы*“); „блуд*ы*выми“ (л. 216); „еже имать мъзды*и*“ (род. пад.) въздаміе велико“ (л. 110; въ кіевскомъ подлинникѣ XII в. было, вѣроятно, только „мъзд*и*“ вм. „мъзд*ы*“) и др. Отчасти срв. еще „сл*ы*зы“ (л. 25 об., вм. „слъзы“; соврем. сѣв.-мр. „*слезá*“ при южномъ „*сльоза*“). — Тоже, надо думать, съ кіевскаго печерскаго оригинала XII вѣка списанъ синодальный житійный Сильвестровскій Сборникъ XIV в.[2],—по крайней мѣрѣ, Житіе Бориса и Глѣба, гдѣ есть: „ид*ы* и крестися“ (изд. Срезн. 6), „милост*и*ню“ (7).—Попадается смѣшеніе *ы* и *и* также въ сѣв.-вкр. спискѣ XII—XIII в. учительнаго Ев—ія Константина Болгарскаго (Синод. Библ. № 163), которое списано съ кіевскаго оригинала XI—XII вѣка[3]).

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ, черниговскомъ (а, м. б., и кіевскомъ) памятникѣ ок. 1158 г., дошедшемъ до насъ въ сѣв.-вкр. спискѣ ок. XIV—XV в.: „Одѣвахъте мя, рече, чръною паполомою на кроват*ы* тисовѣ“ (вм. на кроват*и*);—„Рекъ Боянъ: тяжко ти голов*ы* (дат. пад.) кромѣ плечю“ (въ подлинникѣ, вѣроятно, вм. „головѣ“ было „голов*и*“, а великорусскій переписчикъ понялъ это, какъ „головы“[4]);—

---

[1]) Это не то, что въ сказаніи о странствіи Агапія (л. 287 об. и слѣд.): „Д[у]шѣ ч[е]л[о]в[ѣ]чьскыя зобѣ явилыся“, гдѣ буква *ы* есть правильная ц.-сл. флексія мн. ч. женск. рода.

[2]) Онъ отчасти изданъ (Срезневскимъ, Бодянскимъ). См. „Древн. пам. русск. яз. и письма“, 2-ое изд., стр. 199.

[3]) См. объ этомъ въ статьѣ А. Шахматова: „Beiträge zur russischen Grammatik“ въ Archiv für slav. Philologie, t. VII (=1884), стр. 77.

[4]) Возможно, конечно, и иное объясненіе. См. мои „Крітерії“, стр. 36—37.

„На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепы харалужными" (орудн. пад., вм. „чепы", т.-е. чепами, цепами);— „Ярославнынъ гласъ слышитъ" (=Ярославнинъ). Не характерно: „крычатъ тѣлѣгы". Также не вполнѣ характерно и вм. ы въ вин. мн. [1]: „[Святъславь] притопта хлъми и яругы" (вм. хлъмы);—„[Они] по Сули гради подѣлиша" (вм. грады); „Стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями" (вм. салтаны); „Чему, господине... жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче?" (вм. тулы). По смѣлой конъектурѣ Максимовича одно запутанное мѣсто надо читать такъ: „Свистъ звѣринъ въста. Зви дивъ, кличетъ връху древа" (т.-е. взвылъ дивъ. Но Потебня предлагаетъ читать: „Узбися", взбился).

Въ черниговской Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198 смѣшеніе ы съ и очень похоже на то, что въ Словѣ о Полку Игоревѣ [2]). Въ корнѣ „ныр-": „пронирливыи" (л. 129 b), „пронирьство" (л. 132), „нирания" (л. 207 об.),—и тутъ же рядомъ: „проныръству" (л. 138), „пронырюеть" (л. 150 об.):—„монастира" (л. 213 об., а; м. б., здѣсь просто сохранена греч. ита; однако вездѣ въ Лѣствицѣ „монастырь"). Во флексіяхъ склоненія: „бѣсомъ и помыслымъ" (л. 128 об., вм. „помысльмъ"; дат. мн. отъ ж. р. „помысль");—„не тъчїю от[ъ] лютыихъ вълнъ, нъ и от[ъ] тоя бездьни" (л. 202, а—b; въ другихъ спискахъ „бездъны") [3]);—„тъщеславьныи и презоривыи" (л. 122 об., b, вм. „прѣзоривый",=гордый);—„Видѣхъ... отъ б[о]ж[ь]ствьныя помощи утѣшаеми" (л. 147 об., а; вин. мн., вм. „утѣшаемы"; т.-е. видѣлъ я больныхъ людей, утѣшаемыхъ божьей помощью);—„плътныи д[у]шы" (л. 103 а) [4]):—„акы кедры Ливаньскыя" (л. 105 а; вм. „Ливаньскыя"; ы=и—ѣ):— „друзии... сами" (л. 148 об., а; вм. сами"?);—„великиими" (л. 2 об., вм. „великыими"). Въ послѣднемъ примѣрѣ буква и вм. ы есть, б. м., механическое предвосхищеніе сосѣдней буквы и; но, повидимому, лишь фонетическое явленіе мы имѣемъ въ „иакы о себе поболиши" (л. 83 об., а;

---

[1]) См. мои „Крітерії", стр. 34—35.

[2]) Впрочемъ, я долженъ оговориться, что всѣ мои первоначальныя выписки изъ Рум. Лѣств. № 198 погибли въ типографіи В. Гатцукъ во время ея ограбленія, а тѣ, которыя здѣсь предлагаются, вновь сдѣланы наскоро при очень быстромъ, неисчерпывающемъ просмотрѣ рукописи.

[3]) Можно бы, конечно, предположить им. п. „бездъвь", ижеваго склоненія.

[4]) Объ этомъ искаженномъ начертаніи см. стр. 206β.

вм. „акы“; см. еще л. 69, л. 81). Смѣшеніе *ри* и *ры*: „натрижненпе“ (л. 41 b; л. 215 b)—и рядомъ: „патрыжненіе“ (л. 215 об., а; л. 215 а);—„въ ширынѣ“ (л. 17 об., а,—отъ им. пад. „ширина“) и „ширыню“ (л. 146; отъ им. пад. „ширыни“).

Въ синодальномъ Студійскомъ Уставѣ № 380 ок. 1193 г., который или писанъ въ Кіевѣ, или списанъ съ кіевскаго оригинала, тоже есть смѣшеніе *ы* и *и* [1]), равно какъ и въ синод. переводѣ І. Экзарха Богословія Іоанна Дамаскина XII в. № 155 (изд. Бодян.-Поп.). Тамъ встрѣчается, напр.: „съмьрьчемы, ими же и облаци ся съставляють“ (л. 76 об.=Бод. 154а; вм. „съмьрьчьми“, орудн. мн.), и другія подобныя начертанія, въ числѣ которыхъ „сюди“ (Бод. 21 b) навѣрное означало въ сознаніи переписчика нарѣчіе „сюды“ [2]). Возможно, что на отвердѣніе звука *и* указываетъ также буква *о*, примѣненная въ начертаніи: „съ чистою съвѣстою“ (Бод. 274 b,=съвѣстию“, какъ дальше и написано). Отчасти срв. (малохарактерное) употребленіе *ыи* вм. *ы*: „ныиня и присно“ (16а, =нына), „чьстьныи ч[е]л[о]в[ѣ]къ“ (5 b = чьстьныи), „съкрыихъ талантъ въ земли“ (9а, =съкрыхъ), „погребе и съкрыи сребро“ (8а, =съкры), „книгыи сия“ (13 b, =книгы), „таласа, имера, анатоли—грьчьскыи (=грьчьскы, т. е. по-гречески) женьская имена“ (14 b), „измѣняющася и многоязычьскыи преобразующася“ 28 b, =многоязычьскы) и мн. др.

Въ Codex Hankensteinianus (Вѣнскомъ Октоихѣ) XII—XIII в. [3]) констатировано начертаніе „въ цркы“ (л. 46), которое, по смыслу контекста, должно бы быть падежемъ мѣстнымъ и читаться „въ ц[ь]рк[ъв]ы“ (вм. „цьркъви“);—„хравіть милостиню к тисящі вѣкъ“ (л. 7 а);—„дъвѣма естьствѣ“ (л. 57 b,=естьствы? ѣ=и=ы);—

---

[1]) Выписки похищены изъ типографіи и не могли быть немедленно возстановлены. То же приходится сказать и о слѣдующемъ памятникѣ (Богословія XII в. въ переводѣ І. Экзарха), откуда, впрочемъ, нѣсколько примѣровъ я могу здѣсь наскоро привести по печатному изданію Бодянскаго-Попова (М. 1878).

[2]) Греческій текстъ однако показываетъ, что въ болгарскомъ подлинникѣ Іоанна Экзарха было существительное „сѫдии“, котокотораго не понялъ кіевскій переписчикъ и передѣлалъ на свое нарѣчіе „сюди“.

[3]) Гр. Воскресенскій: Слав. рукоп. заграничн. библ., № 8, стр. 38, и описаніе проф. Смаль-Стоцкаго (въ Sitz.-ber. d. Wiener Akad., philos.-hist. Classe, 110-й т., стр. 610—689).

„знамени же (=знамены?) и чюдесы и различьными дѣянии“ (л. 155 b);—„неизглаголаныи, непостыжьныи“ (Стоц. 639,=непостижьныи);—смѣшиваются „ты“ и „ти“, „сы“ и „си“, и пр. Срв. еще „вѣрыя“ (Стоц. 636,=верия).—Начертавія съ и послѣ к: „от Луки“ (л. 222, b) „книжники людския“ (л. 218), „похоти плотьски,.. мужьски“ (л. 227 об.) объясняются лучше всего зап.-мр. мягкостью согласнаго к. Срв. еще въ сѣв. Галицкомъ Четвероевангеліи 1144 г.: птіцямъ небеськімъ“ (л. 77), при отсутствіи другихъ случаевъ смѣшенія ы и и.—Въ Христинопольскомъ Апостолѣ XII—XIII в. ы и и совсѣмъ не смѣшиваются.

XIII вѣкъ.

Въ небольшомъ дотатарскомъ Повчѣньи Георгия Зарубьскаго, черноризца изъ средняго Приднѣпровья нач. XIII в. (или еще конца XII в.), дошедшихъ до насъ въ бѣлорусской копіи 1492 г. (Срезн.: Св. и Зам., № 7, стр. 54—57), писецъ-бѣлоруссъ сохранилъ—очевидно—кіевскія начертанія: „[Христосъ] поклони преч[и]стую главу свою, глава си всѣхъ“ (54,=сы);—„пришедъ от[ъ] толикы власти до нижныхъ насъ“ (54,=нижнихъ); „мысци“ (56, =мистьци? т. е. искусники). Такъ какъ въ этой рукописи буква ъ иногда ставится вм. ы (напр. „слъшавъ“ вм. „слышавъ“, 54), то къ случаямъ смѣшенія ы и и надо еще отнесть начертаніе: „любъмым҃ъ“ (54, чит. „любымымъ“, вм. „любимымъ“).—

Въ двухъ листкахъ-обрывкахъ изъ Волынскаго Стихираря XII—XIII в. (писанныхъ въ юго-вост. Волыни или, б. м., зап. Кіевщинѣ [1]): „придѣте ви[дѣ]ты [с]па[се]ние, въ яслехъ [по]ви[ває]мо“ (л. 1).

Въ буковинскомъ болгарско-Софійскомъ Ев-іи XIII в.: „не доставьшу вину (л. 8 об., вм. „вину́“, дат. пад.): — „ина знаменыя“ (л. 8 об.,=знамения):— неопр. н-ніе „яты“ (л. 14 об., вм. „яти“).

Въ южно-галицкомъ Ев-іи поповича Евсевія 1283 г. въ записи переписчика: „Писало (о=ъ) Євсивии-поповиче (е=ь), азъ грѣшнии“ (вм. грѣшныи).—Въ самомъ Ев-іи: „гонимъ биваше бѣсомь скузѣ пустыню“ (л. 51 об. а,=скозѣ пустыню): „И бы[сть] Иоанъ крьстя й въ пустини“ (л. 124 об., b); — „И, ему гл[аголю]щю, стидяхуся вси противляющиися ему“ (л. 54 об., а, вм. стыдя-

[1]) Нашелъ и издалъ ихъ Ю. Тиховскій, „Извѣстія Отдѣл. Русск. яз. Акад. Н.“ 1904, кн. 1, стр. 107—109.

хуся);—„И ѣ (=я) оставлю васъ сыръ, прѣду ко вамо и еще“ (л. 86 а, вм. „сиръ“, т. е. сиротами, сирыми).—Послѣ к: „Уже бо секыра при корені дрѣва лижеть“ (л. 124 b, вм. секыра, сокыра) [1]; „ч[е]л[о]в[ѣ]къ никыи бѣ б[ог]атъ“ (л. 50 b,=нѣкыи): „отиде паки въ гору“ (л. 7 об., а, =пакы).—Въ „четыри тисяща мужии“ (л. 38 b, вм. тысяща) написаніе буквы и можетъ имѣть свою особую этимологическую причину [2].

Въ галицко-волынской лѣтописи XIII в. (довед. до 1292 г.), дошедшей до насъ въ сѣв.-вкр. Ипатскомъ спискѣ ок. 1425 г., не затушеваны кое-какія начертанія зап.-мр. подлинника: „Оже ти не досити волости, всю землю Рускую дьржачи?“ (стр. 218,=досыти, 311, 318 и др., т. е. довольно); — „Много зла бяше замыслылъ [Ростиславъ], подъмолвилъ на тя Берендичѣ и Киавы“ (261, =замыслилъ) [3]; — „Ростиславичи же не затворилыся бяхуть вь Кыевѣ, но шлы бяхуть во своѣ городы“ (391, =шли); — „Мятежю же бывшу межу силнимн людьми о честь и о волость Герьцюкову“ (544,=сильными);—„христолюбивая его княгины (476, им. пад., вм. княгини, княгыни; поздн. „княгиня“); — „Рече ми: Се молвилъ Василко сы-ночи ко Вланови“ (173) и „Повѣдаша: Богъ сы-ночи князя поялъ (=Володимирка). И рече Петръ: А сы-ночи есмь поѣхалъ, а онъ добръ-здоровъ!“ (318—319; мы ждали бы „си-ночи“) [4].—Часть подобныхъ Ипатскихъ начертаній объяснима и съ точки зрѣнія діалектологіи сѣв.-вкр. новго-

---

[1]) На стр. 230-ой я, по поводу начертанія „лижеть“, высказался въ томъ смыслѣ, что это—механическая перестановка гласныхъ въ двухъ сосѣднихъ слогахъ. Не могу однако попутно не отмѣтить, что въ Успен. Сборникѣ XII в. (гдѣ смѣшиваются ѣ и и) есть подобное же начертаніе: „трапезы не вѣсть, одра не имать, на голѣ земли лѣжеть, нощь и д[ь]нь къ Богу не прѣстаеть“ (л. 75 а), чему въ Троицкомъ варіантѣ того же житія соотвѣтствуетъ „лежить“.

[2]) Написаніе „тисяча“ попадается и въ бѣлорусскихъ грамотахъ. И въ словацкомъ языкѣ: tisic.

[3]) Это, впрочемъ, могла бы быть и обыкновенная новгородская черта: отвердѣніе глагольнаго суффикса. См. мои „Крітерії“, стр. 31.

[4]) Срв. въ сѣв.-вкр. Пандектахъ Никона Черногорца: „Си-ночи на вечерьни“ (Словарь Срезнев. III, 347). Въ Словѣ о Полку Игоревѣ, въ Снѣ Святослава: „Си-ночь съ вечера одѣвахъте мя“. Въ зап.-мр. нарѣчіи это слово („сивіч“) живетъ до сихъ поръ (=вчера вечеромъ).

родской, въ особенности флексія „-*мы*“ (вм. „-*ми*“) [1]: „с Богомъ или святымы мужьми“ (л. 111 b, въ печатн. изд. нѣтъ; = святыми); „новыми людьми кр[е]стьяныны“ (л. 112 а, въ печатн. изд. нѣтъ;=крестьянъми“); — „передъ чюжнимы языкы“ (стр. 310); „обьсѣдшимы в городѣ“ (335);—„видпхомся съ ратнымы“ (431); „птицамъ, плавающимъ крилома своими на воздусѣ“ (532,=крилъми; совр.-мр. „крйлми“ и „крйльми“);—„миръ держа съ околнымы сторонами“ (613); „великими и малымы“ (615).

Во Владиміръ-волынскихъ Поученіяхъ Ефрема Сирина 1271 — 1288 г., дошедшихъ до насъ въ бѣлорусской копіи 1492 г., очевидно сохранены влад.-вол. начертанія XIII в.: „Бѣ нѣкто на устоцѣ мужь, именемь Єфрѣмъ, родомь си суринъ“ (л. 1,=сы); — „Не видѣлъ лы еси?“ (л. 69 об.,=видѣлъ ли);—„помыслилъ“ (л. 136,=помыслилъ);—„сълѣпымъ и сырымъ“ (л. 102 об., вм. „сирымъ“), „сырымы и удовами“ (л. 103,=сирыми); „простия жены“ (вм. простыя) [2]). Не характерно: „спѣти псалъми“ (л. 23, вин. мн., вм. псалъмы) [3]).

Въ сѣверномъ Галицкомъ Ев-іи 1266 — 1301 г. нѣтъ характерныхъ начертаній съ *и*=*ы*: „дъщеры Іерусалимьскы“ (л. 115; *ры*=*ри*), „тисащи“ (л. 59,=тысящи) [4]), „кынмъ“ (л. 18, вм. „кынмъ“: зап.-мр. задненебное сочетаніе *кы*=*ки*).

Въ Холмскомъ Ев-іи XIII—XIV в.: „Колико наемьникъ о[ть]ца моего избываються хлѣби“ (л. 106 об., вм. „хлѣбы“, т. е. хлѣбами). Не характерно: „пяти тисящь“ (л. 45), „кимь“ (л. 97 об.), „нѣкия“ 105, л. 106), „другии“ (л. 140 об.), „слуги“ (л. 140 об.).

XIV вѣкъ.

Въ вост.-мр. Указателѣ Евангельскихъ Чтеній XIII—XIV в., который переплетенъ съ Галицкимъ Ев—іемъ 1144 г. (=лл. 229—260): „пастири“ (л. 248а, вм. пастыри):—„сии“ (л. 258b, вм. сии).

Въ Кіево-Печерскомъ Ев—іи 1370 г.: „статирь“ (л. 51, вм. статирь);—„възни ножь в ножни, ци

---

[1]) См. мои „Крітерії“ стр. 37.
[2]) Послѣднее отмѣчено въ Свѣд. и Зам., I, стр. 49.
[3]) Срв. мои „Крітерії“, стр. 34—35.
[4]) См. выше, стр. 110е, сноску 2.

в капии“ (вм. „ножны, ци въ капи“;=Іоанна, XVIII, 28) [1]). Навѣрно, есть въ Лаврскомъ Ев—іи гораздо больше примѣровъ на *ы=и*. Не характерно: „одержымы“ (л. 27 об.) [2]).

Въ сѣв.-мр. монастырскомъ (вѣроятно, кіево-печерскомъ) житійномъ Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20 [3]): „Имата б*ы*ти и обидѣти сироты“ (л. 94a, въ дѣяніяхъ ап. Θомы:=б*и*ти: въ греч. подлинникѣ: τύπτειν); и то же въ Мученіи св. Георгія: „повелѣ ц[ь]с[а]рь б*ы*ти (=сбить, сколотить) обутели желѣзнѣ, имущи гвоздья остры, и ражьжегъше обути с[вя]т[о]го“ (л. 244a).—Вмѣсто „т*и* абие“ (=„и затѣмъ“) пишется: „т*ы* абье“ (л. 144b: „Т*ы* абье с[вя]тыи Д[у]хъ, обѣтъ подавъ, стави Семеона“), и наоборотъ—мѣстоименіе 2-го л. ед. ч. пишется „т*и*“, какъ напр. въ отказѣ Іоанна Крестителя крестить Христа: „Азъ требую кр[е]ст[ит]ися отъ Тебе, а Т*ы* идеше ко мнѣ! Т*и* опаки велиши дѣлесомъ быти!“ (л. 141c; -Ты велишь вещамъ идти опаки, т. е. на-выворотъ!); срв. такое же написаніе вин. мн.: „Б[ог]ъ посла лютые звѣри на варвары т*и*, иже суть въ Самарии“ (л. 203b, вм. „на варвары т*ы*“, т. е. на тѣхъ варваровъ). — Въ дат. падежѣ возвр. мѣстоименія с*и* пишется *ы*: „Разумѣи вездѣ с*ы* (=себѣ) домы Б[о]жия: не токмо въ твари, нъ и въ ч[е]л[о]в[ѣ]цѣ, вселю бо ся, р[е]че [Богъ], в ня“ (л. 288b, вм. „разумѣи с*и*“, dat. ethicus); а напротивъ—пишется *и* повидимому въ причастіи отъ „быти“: „Се есть с[ы]нъ мои, възлюбленыи с*и*и“ (л. 143b;=сыи?). Во флексіяхъ склоненій: „и свѣтъ восия, и д[ь]нь с в о б о д *и* въ д[у]шахъ, приемлющихъ его, сдѣя“ (л. 36a, вм. свобод*ы*); — „Колми быс[ть] ч[е]стенъ с[вя]т*и*[м ь] погруженьемь“ (л. 143a: а немного раньше: „съ св[я]т*ы*[мь] Д[у]х[о]мь“, л. 135a): — „не могыи п о р я д н *и* х ъ словесъ по чину гл[агола]ти“ (л. 287c, вм. порядн*ы*хъ):—„начаша ц[ь]с[а]рев*ы*“ (л. 94c, дат. ед.,=цесарев*и*, царю);—нехарактерно: „Асурян*ы* (л. 203c; им. мн.?) Буква *ы* вм. греческаго *ί*: „л е в *ы* т ѣ н о м ъ“ (л. 297c, вм. „лев*и*тиномь“, орудн. ед.). Малохарактерно: „и растерзашя р *ы* з ы

[1]) Слово „капь“ (ж. р.) или во мн. ч. „капи“ именно и значитъ ножны. Прибавка: „ци в капи“ принадлежитъ, очевидно, переписчику 1370 г., который считалъ слово „ножны“ непонятнымъ.

[2]) Случаевъ на написаніе *кы* вм. *кы* мы, начиная съ XIV в. не будемъ ужъ приводить, потому что это была тогда узаконенная орѳографія Литовской Руси.

[3]) Описанъ и частью изданъ В. Н. Щепкинымъ въ посмертныхъ „Библіографическихъ Матеріалахъ“ А. Попова (моск. „Чтенія“, 1889, кн. III).

своя" (л. 19b,=ризы):—„ни по трызнах[ъ] вѣнчанъ бываеть" (л. 352d, =тризнахъ): — „рыкнув" (л. 149c):— „тысящипачалникомъ[ъ]" (л. 32b).—Иногда буква ы пишется повидимому вмѣсто ѣ (которое въ Чуд. Сб. № 20 обильно смѣшивается съ и, см. стр. 206ζ): „Илья—проповѣдникъ пришествию Х[ри]с[то]ву, Илья—люты неприязнинѣ льсти раздрушникъ" (л. 81a, вм. „лютѣ", если, конечно, мы не захотимъ понять „люты" за „лютый"):— „Тако премудрѣевѣ наю г[о]с[поди]на и приимевѣ мьзду на стражбы" (л. 290a, т. е. на нашей стражбѣ, на которой онъ насъ поставилъ; ы=и=ѣ).

Въ волынскомъ Луцкомъ Ев—іи XIV в.: „сь нымь" (л. 17 об.,=съ нимь):—„видите нивu" (л. 23 об., =нивы). Не очень характерно: „тысящь" (л. 97 об.), „тисячѣ" (л. 240).

Въ изданномъ Ганкою Градецкомъ листкѣ изъ Ев—ія XIV—XV в. (вѣроятно, галицкомъ) [1]: „С[ы]нъ мои сыи мертвъ бѣ" (вм. „сии", сей).

Въ буковинскомъ Евангеліи Верковича XIV в. случаи смѣшенія ы и и часты. Но писецъ несомнѣнно былъ не малоруссъ, а волохъ, а потому нельзя поручиться, что смѣшеніе ы и и происходило у него на малорусской, а не на болгарской основѣ.

Смѣшеніе ы и и въ мр. грамотахъ XIV—XV в.
а) Буковинскія грамоты.

Изъ числа мр. грамотъ чрезвычайно богаты типичными случаями смѣшенія буквъ ы и и господарскія грамоты изъ Буковины. Многія изъ нихъ писаны несомнѣнными мѣстными малоруссами, другія—волохами, хорошо знавшими мр. языкъ. Къ сожалѣнію, не всегда можно отличить писца-волоха отъ писца-малорусса, а между тѣмъ волохъ путаницу звуковъ и буквъ ы и и могъ заимствовать не только изъ малорусскаго, но и изъ болгарскаго произношенія. Мы поэтому ограничимся выписками лишь изъ небольшого количества болѣе интересныхъ господарскихъ грамотъ.

Въ бук. денежной квитанціи 1388 г. воеводы Петра королю Ягайлу (= Улян. 3): „[мы] есми дали... чотири тисячи".

Въ Каменецъ-Подольской господарской присягѣ 1404 г. воеводы Александра королю Ягайлу (=Улян. 15) „у Камяпци, предъ преображенысмъ Г[оспод]а".—Въ его же таможенномъ договорѣ 1407 г. со львов-

[1]) Изд. въ „Часописѣ" Чешскаго музея 1854, ч. 28, стр. 66—68.

Глава пятая.

Степень фонетичности или нефонетичности малорусскаго литературнаго правописанія.

(В якій мірі вкраїнська правопись є фонетична або нефонетична?)

§ 25. Литературная рѣчь безъ этимологіи не обходится.

Принято называть то малорусское правописаніе, котораго придерживается украинская литература, „фонетическимъ“, т.-е. „звуковымъ“, и его противопоставляютъ „правописанію этимологическому“, какого придерживаются, напримѣръ, русскіе и какое бываетъ основано на историческомъ словопроизводствѣ. Кличка „фонетическое“ способна внушить (да многимъ и внушаетъ) ложную мысль, будто бы въ малорусскомъ правописаніи соблюдается съ полнѣйшею точностью народное малорусское произношеніе, и отсюда дѣлается обратный выводъ — что всякому малоруссу вольно писать по-малорусски совсѣмъ такъ, какъ онъ произноситъ (хотя, какъ извѣстно, въ разныхъ мѣстахъ малоруссы произносятъ разно).

Между тѣмъ это представленіе о фонетичности малорусскаго правописанія или не вѣрно, или не вполнѣ вѣрно. Правда, малорусское литературное правописаніе гораздо легче русскаго, но и оно слагалось исторически,—и чисто-фонетическимъ (хотя бы лишь такимъ, каково сербское) его назвать никакъ нельзя. Поло-

жимъ, демократизмъ, одухотворяющій всю новую малорусскую литературу, заставилъ ее и во внѣшней формѣ, въ ея правописаніи, приблизиться къ простонародному выговору (многихъ мѣстностей) до очень значительной степени,—по крайней мѣрѣ, приблизиться къ выговору Надднѣпрянщины,—и все же въ деталяхъ разница между живымъ выговоромъ и правописаніемъ остается всегда. Это потому, что, во-1-хъ, литературная рѣчь малоруссовъ не съумѣла или не могла отрѣшиться отъ соблюденія основныхъ принциповъ научной этимологіи общей,—принциповъ, не позволяющихъ всѣмъ и каждому писать любое данное слово точь-въ-точь такъ, какъ оно звучитъ въ устахъ народа въ каждомъ отдѣльномъ положеніи; а во 2-ыхъ это—потому, что никогда не могло наше правописаніе окончательно отрѣшиться даже отъ этимологіи исторической, отъ правописанія прежнихъ временъ, равно какъ отъ сопоставленія съ правописаніемъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ (поляковъ, русскихъ). Всегда малорусскіе писатели считались съ этимологіей. Бывали, правда, попытки со стороны нѣкоторыхъ—писать все точь-въ-точь и звукъ-въ-звукъ такимъ образомъ, какимъ произноситъ каждое слово простой людъ въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ [1]); но практика показала, что такія попытки обречены на неизбѣжное крушеніе: прочіе малорусскіе писатели не желали и не желаютъ тому примѣру слѣдовать и продолжаютъ руководствоваться этимологіей,—не тою, конечно, трудною инославянскою этимологіею, какою руководствуются русскіе,—но все же этимологіею.

---

1) Вспомнимъ попытки Кулиша писать „*ш* чоловіком“ (мы пишемъ: *з* чоловіком, или—въ видѣ уступки живому выговору—*с* чоловіком), *ж*жувати (мы пишемъ *з*жувати= =сжевать) и т. п.

§ 26. Чѣмъ же объясняется крушеніе попытокъ (глубоко симпатичныхъ въ своей основѣ) вульгаризовать малорусскую орѳографію до конца?—„На тій землі“.

Кажется, что главныхъ причинъ всего двѣ.

а) Во-первыхъ, при множествѣ малорусскихъ локальныхъ выговоровъ было бы практически неудобно, чтобы каждый писатель переносилъ всѣ звуковые оттѣнки своего мѣстнаго произношенія въ тѣ письменныя произведенія, которыя предназначаются для чтенія не только его ближайшихъ земляковъ, но и прочихъ малоруссовъ. Прочіе малоруссы, произносящіе каждый иначе, чѣмъ тотъ писатель, нашли бы его локальную чисто-фонетическую орѳографію неудобной или непріятной для себя, а то и совсѣмъ непонятной, и не стали бы, пожалуй, его и читать. Взглянемъ, для образца, на слѣдующую фонетическую запись (изъ пограничья Галичины и Подоліи):

Буу снбі хлопиць і дїфка, і вни снбі любилисї дужи. Али хлопця віддали до восьва, і вна чикала десіть лїт,—і нима хлопця. Кажут: „Ни боїсьсї, він тебе забуди?“ Кажи: „Ни боюсї“. Сидит она рас. Приходи дїт-стариць і питаї меленько: „Чоо ви плачити? Ф ті филї він звіци прийди“. І показау на поріх.

Можно быть увѣрену, что, напримѣръ, полтавецъ, прочитавши эти строки, не только будетъ ими непріятно пораженъ, но даже не все сразу пойметъ. А напишемъ это же самое съ небольшой этимологизаціей:

Був собі хлопець і дївка, і вони собі любилися дуже. Але хлопця віддали до война, і вона чекала десять лїт,—і нема хлопця. Кажуть: „Не боїшся, він тебе забуде?“ Каже: „Не боюся“. Сидить вона раз. Приходе дїд-старець і питає миленько: „Чого ви плачете? В тій хвилї він звідси прийде“. І показав на поріг.

Въ такомъ правописаніи (общемалорусско-этимологическомъ) эта запись близко-понятна для каждаго малорусса, полтавецъ ли онъ, кіевлянинъ, или западный подолянинъ. При такомъ правописаніи всѣ малоруссы могутъ чувствовать, что ихъ языкъ — единъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ никто жъ не возбраняетъ западному подолянину, чтобы онъ эту этимологически сдѣланную запись читалъ себѣ тѣмъ своимъ мѣстнымъ подольскимъ выговоромъ, какой приведенъ нами выше. Пусть читаетъ и каждый по своему, но пишетъ пусть только такъ, чтобы и другіе малоруссы легко его понимали.

Кстати сказать: въ томъ фонетическомъ западноподольскомъ образцѣ, который нами былъ выше приведенъ, фонетичность писанія, если и влечетъ къ недоразумѣніямъ, то къ недоразумѣніямъ сравнительно еще очень небольшимъ. А бываютъ случаи, когда недоразумѣнія между малоруссами неодинаковыхъ говоровъ могутъ оказаться при фонетичности письма очень серіозны. Пояснимъ это однимъ примѣромъ, однимъ изъ тысячи возможныхъ. Во многихъ малорусскихъ говорахъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ слогъ *ій* стягивается въ *і*, а въ другихъ говорахъ смѣшиваются звукосочетанія *сть* и *сць*. И положимъ, что тѣ малоруссы, которые стягиваютъ *ій* въ *і*, пожелали бы писать въ литературной рѣчи: стіте! вмѣсто стійте! (=стойте!). Не было ли бъ такое начертаніе для другихъ малоруссовъ грубонеприличнымъ? Вѣдь оно совпало бы у нихъ съ ихъ повел. наклоненіемъ глагола, означающаго по-латыни „mingite!“ Между тѣмъ малорусско-этимологическое начертаніе „ст*ій*те“, вполнѣ удобопонятное для всѣхъ говоровъ, устраняетъ всѣ сомнѣнія и сохраняетъ за литературной рѣчью обязательную для нея серіозность.

б) Во-вторыхъ, чрезмѣрно-фонетическое писаніе можетъ даже въ предѣлахъ одного и того же говора

порождать нѣкоторую сбивчивость. Въ устномъ разговорѣ всякая сбивчивость, могущая возникнуть въ силу особенностей произношенія, легко устраняется простымъ переспросомъ собесѣдника. Но какъ переспросить мертвую бумагу!

Взглянемъ для примѣра опять на ту самую діалектическую черту (свойственную многимъ малорусскимъ говорамъ), о которой мы только что упомянули выше: стяженіе *ій* въ *і*,—и предположимъ, что люди, произносящіе *і* вмѣсто *ій*, добились бы обязательнаго внесенія этой черты въ литературное правописаніе. Съумѣли ли бъ они сами послѣ того всегда точно понимать, напримѣръ, начертаніе: „на *ті* землї?“ Значитъ ли это: „на той землѣ“? Или это значитъ: „на тѣ зе́мли?“ Ну, полезна ли для цѣлей литературной рѣчи такая сбивчивость?—Если жъ мы будемъ мѣстный падежъ ед. ч. (=на той землѣ) писать этимологически: „на т*ій* землї“, (да другіе говоры вѣдь такъ и произносятъ), то никогда этой формы не смѣшаемъ съ множ. числомъ: „на ті землї“ (=на тѣ земли). Этимологическимъ правописаніемъ (ті*й*) устраняется здѣсь всякая сбивчивость, и вмѣстѣ съ тѣмъ этою жертвою локальныхъ особенностей поддерживается единство всемалорусской литературной рѣчи. Да и жертва-то не слишкомъ тягостна. Писать въ „ті*й*“ (мѣст. п.) лишнюю букву *й* и затѣмъ, если угодно, не произносить ее при живомъ чтеніи,—это все жъ выгоднѣе, чѣмъ писать, согласно живому локальному произношенію, въ обѣихъ формахъ одну букву *і* и затруднять самихъ же себя необходимостью постоянно задумываться надъ различеніемъ падежныхъ формъ, а къ тому же совершенно сбивать съ толку всѣхъ тѣхъ прочихъ малоруссовъ, которые не знаютъ стяженія *ій* въ *і*. Вотъ почему попытка ввести въ литературную рѣчь фонетическое „на т*і*“ (=на той) вмѣсто этимологи-

ческаго „на тій“ никогда не пользовалась успѣхомъ среди малорусскихъ писателей, не исключая и тѣхъ, которые даже сами (подобно пишущему эти строки) стягиваютъ въ своей живой рѣчи слогъ *ій* въ *і*.

Примѣчаніе. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ стяженіе двугласнаго *ій* въ *і* вошло, такъ сказать, въ духъ и плоть малорусскаго языка и является не локальнымъ, но подавляющимъ общемалорусскимъ (или—почти сплошь общемалорусскимъ) и притомъ безусловно не сбивчивымъ, украинскіе писатели всѣ охотно пишутъ *і*, а не *ій*. Именно, дѣлаютъ они это въ ороографіи суффикса сравн. степени „—*іш*—“. Почти всѣ украинцы пишутъ: „стар*іш*ий“, „сла-б*іш*ий“ и т. п., не осуждая впрочемъ и рѣдкаго у малоруссовъ окончанія „—*ій*ший“ (=старинн. „—ѣйший“), которое донынѣ еще можно слышать въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣверныхъ и западныхъ [1]). Въ пользу украинской ороографіи типа „стар*іш*ий“ можно помимо ея совпаденія съ преобладающимъ общемалорусскимъ произношеніемъ нынѣшнимъ, отмѣтить почтенную, еще лѣтописную давность такого произношенія, констатируемую списками со староківвскихъ или иныхъ старомалорусскихъ памятниковъ. Срв. въ Начально-Кіевской лѣтописи по списку Лаврентьевскому: „старѣшюю“ (61), а по Ипатскому—„старишаго“ (стр. 230), „старишей“ (222), „старишиньство“ (297) и пр. Равнымъ образомъ мы находимъ: „старѣша“ въ Чудовскомъ спискѣ XIV в. съ кіевскаго „Житія Бориса и Глѣба“, составленнаго въ XI вѣкѣ (см. изд. Бодянскаго, л. 5). То же—въ Рязанской Кормчей 1284 г, списанной съ кіевскаго оригинала: „старѣшину“ (л. 110), „старѣшины“ (л. 160 об.). И т. д. и т. д.

Общемалорусскіе этимологическіе критеріи.

§ 27. Итакъ, малорусское литературное правописаніе, хоть и славится своею удобочитаемостью

---

[1]) У галичанъ ороографія суффикса сравн. степени *ійш* (съ *й*) проведена даже въ оффиціальномъ школьномъ правописаніи: они пишутъ „стар*ій*ший“ и т. п. и чувствуютъ даже кой-какую антипатію къ общепринятой украинской ороографіи „—іш—“, находя ее вульгарной. Но, конечно, вскорѣ будетъ и въ Галичинѣ принята ороографія украинская.

для простого народа, не чуждается этимологіи и, вѣроятно, никогда не будетъ ея чуждаться. Весь вопросъ только въ томъ, въ какихъ рамкахъ надо руководиться этимологіей. Иначе сказать: съ этимологіей чьего языка и какого періода мы должны считаться?

Считаться ли намъ съ этимологіей чужого и умершаго языка церковно-славянскаго? Или съ этимологіей живого, но тоже для насъ чужого языка русскаго? Или съ этимологіей языка польскаго?

Ни то, ни другое, ни третье. Малорусское литературное правописаніе должно считаться съ этимологіей языка только малорусскаго и притомъ (почти исключительно) языка нынѣшняго[1]). Правописаніе наше должно быть народно-этимологическимъ. Оно должно бы, по возможности, объединять всѣ малорусскія нарѣчія и, слѣдовательно, держаться этимологіи обще-малорусской.

На практикѣ однако дѣло всегда сводилось и сводится преимущественно къ этимологіи восточно-малорусской, которая всегда являлась наиболѣе подходящей нормой для литературнаго правописанія. Почему жъ преимущественно къ восточно-малорусской? Да во-1-ыхъ потому, что вост.-мр. нарѣчіе — архаичнѣе въ фонетическомъ отношеніи и однороднѣе въ своихъ говорахъ, чѣмъ нарѣчіе зап.-малорусское, — и гораздо легче западнымъ говорамъ приспособиться въ своей ороографіи къ нему, къ этому довольно однородному и довольно архаичному восточно-малорусскому цѣлому, чѣмъ ему приспособиться къ массѣ очень разнообразныхъ и сильно эволюціониро-

---

[1]) Есть нѣсколько случаевъ (увидимъ ниже), въ которыхъ малорусская литература ради цѣлей ясности придерживается по традиціи, *старо*-украинской ороографіи и нѣсколько несовпадаетъ съ господствующими данными современнаго малорусскаго языка.

вавшихъ западныхъ говоровъ. На практикѣ почти всегда окажется, что написать какой-нибудь, скажемъ, галицкій текстъ болѣе или менѣе общимъ приднѣпровскимъ произношеніемъ—это и будетъ равносильно тому, чтобы написать его болѣе или менѣе научно-этимологически [1]). Другая же практическая причина преобладанія законовъ восточно-мр. фонетики въ дѣлѣ нормировки литературно-общемалорусскаго правописанія не имѣетъ ничего общаго съ наукой: причина эта заключается просто въ количественномъ преобладаніи восточныхъ малоруссовъ надъ западными;—говоры менѣе численные, естественно, вездѣ дѣлаютъ много уступокъ говорамъ болѣе численнымъ, если хотятъ соблюдать литературное единство и если дорожатъ такимъ единствомъ.

При такомъ положеніи дѣлъ литературное малорусское правописаніе легче всего дается малоруссу восточному, приднѣпровскому. Въ очень многихъ случаяхъ онъ можетъ писать прямо по своему живому выговору; и то, что онъ напишетъ, чаще всего окажется прямо совпадающимъ съ общемалорусской литературной ороографіей.

„Чаще всего“ не значитъ, однако, „всегда“. Вновь подчеркиваемъ тотъ фактъ, что и восточному приднѣпровскому малоруссу, если онъ хочетъ писать литературно-правильной ороографіей, нельзя положиться просто на свой непосредственный выговоръ. Безъ помощи научной этимологіи и онъ обойтись не въ силахъ. Надо только, повторяемъ, чтобы законы той этимологіи, которую онъ призоветъ себѣ на помощь, извлекались изъ подлиннаго малорусскаго

[1]) Ср. выше приведенный (на 219 стр.) текстъ сперва въ зап.-мр. фонетической транскрипціи и потомъ въ литературномъ этимологическомъ правописаніи. Литературное его правописаніе почти совпадаетъ съ приднѣпровскимъ подлиннымъ выговоромъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ чертъ.

языка (главнымъ образомъ—изъ всецѣло преобладающихъ его говоровъ), а не изъ мертвой церковнославянщины и не изъ рѣчи (письменной или устной) близкихъ намъ сосѣдей—поляковъ и русскихъ. Знакомство съ церковно-славянщиной и съ сосѣдними славянскими языками, конечно, обязательно для малорусскаго филолога, рѣшающаго тотъ или иной вопросъ малорусскаго правописанія; но не изъ нихъ, а только изъ своего родного языка онъ долженъ почерпать законы этимологической орѳографіи.

§ 28. «Добр*ого*». «Крути*ться*».

На двухъ-трехъ примѣрахъ прослѣдимъ, какихъ этимологій малорусское правописаніе чуждается и какихъ оно придерживается и обязано придерживаться.

а) Напримѣръ, русскіе пишутъ родит. падежъ: «добр*а*го» (отъ им. пад. «добрый»). Произносятъ они форму род. падежа въ разныхъ говорахъ разно, но нѣтъ ни одного русскаго говора, въ которомъ слышалось бы «dobrago»; да и старо-русскій языкъ зналъ только форму «доброго». Орѳографія «добр*а*го» принята русскими въ угоду языку церковно-славянскому, т.-е. старо-болгарскому, — иначе сказать: установители этой орѳографіи (съ *аго*) руководились этимологіей староболгарской, а не русской. — Малорусское правописаніе, въ противность русскому, не допускаетъ буквы *а* въ этой формѣ, потому-что принципіально отвергаетъ чужую, староболгарскую (= мертво-церковную) этимологію. Единственное общемалорусское литературное правописаніе формы род. падежа есть добр*о*го. Произносится въ живой малорусской рѣчи эта форма не вездѣ одинаково; правда, бо́льшая часть говоровъ такъ и произноситъ «dobr*oho*»; въ иныхъ же говорахъ слышится: «dobr*u*ho»; во многихъ говорахъ при этомъ выпадаетъ *г* между двумя гласными звуками флексіи, и тамъ слышится произношеніе: «dobr*oo*», «dobr*uo*». Однако въ рѣчи литературной всѣ эти мѣстные оттѣнки примиряются вышеуказаннымъ общемалорусскимъ,

малорусско-этимологическимъ правописаніемъ: «добр*ого*».— Слѣдовательно и мы, подобно русскимъ, принуждены въ написаніи формы род. падежа прибѣгать къ услугамъ этимологіи и должны отступать отъ живого произношенія многихъ малоруссовъ; но мы-то считаемся съ этимологіей своего собственнаго языка, языка малорусскаго, а русскіе — съ этимологіей языка не русскаго, а староболгарскаго.

б) Другой примѣръ. Отъ возвратныхъ глаголовъ на *ся*, — напримѣръ отъ крутйтися (=кружиться)—мы форму 3-го л. ед. ч. (=русск. «онъ кружится») выговариваемъ «крýты*ця*», или (чаще) «крýты*ция*», а пишемъ этимологически: «крути*ться*» (съ *тьс*). Всѣ попытки (начинающіяся съ XV вѣка) [1]) ввести въ этой формѣ написаніе съ буквой *ц* постоянно отвергались и отвергаются малорусской литературой, хотя среди пропагандистовъ буквы *ц* можно назвать такія крупныя имена, какъ Кулишъ, Шевченко (въ своихъ письмахъ), Гринченко (въ начальный и средній періодъ своей дѣятельности). Почему же здѣсь мы пишемъ *тьс?* Дѣло въ томъ, что сопоставленіе формы 3-го л. (звучащей на *ця*) съ прочими формами возвратнаго спряженія (крутю*ся*, или кручý*ся*, крýтимо*ся*, крýтите*ся*, крутй*ся*! крутй*вся*) заставляетъ каждаго малорусса ощущать и въ фонемѣ «крýты*ця*» присутствіе возвратнаго мѣстоименія *ся*, соединеннаго съ обычной глагольной формою 3-го л. «він крýти*ть*»; этому ощущенію еще больше содѣйствуютъ тѣ малорускіе говоры, въ которыхъ вмѣсто «він крути*ця*» всегда можно сказать «він *ся* крýтит[ь]». Въ виду этихъ этимологій, основанныхъ на чисто-малорускої почвѣ, установилось литературное правописаніе не съ *ц*, но съ *тьс*; «він крути*ться*». При этомъ, конечно, принимается на видъ и то обстоятельство, что начертаніе *тьс* (передъ мягкимъ *я*) иначе и не можетъ быть прочитано, какъ мягкое *ц*, и что малорусская фонетика нисколько даже не искажается

[1]) Срв. напр. въ буковинской грамотѣ (изд. Кочубинскимъ) воеводы Стефана Великаго 1471 г. (писана она волохомъ): „на-

этимологическимъ воспроизведеніемъ звука *ц* буквами *тьс* [1]).

в) Въ такомъ случаѣ, — спроситъ кто-нибудь, — не слѣдуетъ ли намъ довершить этимологизацію этой формы и писать *ся* раздѣльно, — напримѣръ: «крутить ся?» Такъ вѣдь и пишутъ новѣйшіе галичане. — Нѣтъ, это не возможно. Раздѣльное написаніе «крутить ся» не есть безвредная этимологія, а есть покушеніе на самый организмъ малорусскаго языка; оно есть уродованіе, калѣченіе и преступное искаженіе дорогого для насъ достоянія. Пока мы пишемъ т ь с я слитно, мы, хоть пишемъ этимологически, все-жъ не уродуемъ языка, потому-что с л и т н о е начертаніе т ь с передъ мягкимъ гласнымъ звукомъ не можетъ быть иначе прочитано, какъ мягкое *ц*. Но какъ только мы напишемъ *ть* отдѣльно отъ *с* («крутить ся»), то мы ужъ воспроизводимъ не одинъ слитный свистящій звукъ *ц*, но д в а раздѣльныхъ звука, самостоятельныхъ другъ отъ друга, отчлененныхъ: одинъ звукъ — зубное *ть*, другой звукъ — самостоятельное свистящее *с*. Такъ никто формы 3-го лица не произноситъ, — и писать отдѣльно «крутить ся» есть варварское уродованіе языка съ одной стороны и антинаучное противофизіологическое кривописаніе съ другой стороны. У галичанъ отчлененное написаніе с я есть просто полонизмъ, и притомъ введенный совсѣмъ недавно: предки галичанъ

чинаят*ца*", „раздѣл[ь]ает*ца*" („ц а" чит. ц я). Въ волынскомъ Апостолѣ XV в. изъ с. Антоновецъ (кіевск. Церковно-Археол. Муз.): „подасиа" (л. 40 об.), „исповѣдуе*тца*" (л. 60), „сѣе*тца*" (л. 80) и пр. Буква ц читалась мягко, и потому послѣ нея можно было писать просто ѧ, а не ѩ.

[1]) Другое дѣло — если бы вздумали мы писать это окончаніе не въ видѣ т ъ с *я*, но въ видѣ *т* с я, съ т в е р д ы м ъ *т* (какъ это дѣлаетъ „Кіевская Старина", не находящая впрочемъ подражателей). Написаніе *т* с я не только было бы противоэтимологическимъ (вѣдь общемр. форма 3-го л. есть „він крутить", а не „він крутит"), но оно также рѣзко противорѣчило бы живому малорусскому произношенію: начертаніе *тся* (съ т в е р д ы м ъ *т*) не есть *ця*.

такъ не писали [1]), и новые галичане просто приняли правописаніе поляковъ. Но у поляковъ раздѣльное написаніе kręci się не производитъ такого диссонанса, какъ у малоруссовъ. Почему? Во 1-хъ, у поляковъ между глаголомъ и ся (się) нѣтъ согласнаго звука *t*, могущаго или сливаться или несливаться со слѣдующимъ s, а во 2-ыхъ польское мѣстоименіе się—много самостоятельнѣе, чѣмъ малорусское *ся*. Малорусское ся есть неударная энклитика, способная сокращаться послѣ гласныхъ въ неслоговое сь: напр. вмѣсто «кру́тимо*ся*» (= мы крутимся) всегда можно сказать «крутимо*сь*». Кто пишетъ раздѣльно «крутимо ся», тотъ долженъ писать раздѣльно и «крутимо сь», а это есть полная ороографическая нелѣпость, которой и галичане не допускаютъ.

§ 29. Полагаемъ, что разсмотрѣніе даже только двухъ литературно-общепринятыхъ малорусскихъ ороографій: добр*ого* (при русской ороографіи «добр*аго*») и кру́ти*ться* (при польскомъ kręci się) съ достаточной ясностью характеризуетъ тѣ этимологическіе пріемы, къ которымъ прибѣгали и прибѣгаютъ малорусскіе писатели, выработавшіе въ теченіе ста лѣтъ литературное малорусское правописаніе. Преобладающая часть всѣхъ прочихъ этимологическихъ малорусскихъ пріемовъ производится въ томъ же духѣ, и въ результатѣ обыкновенно оказывается общепринятой та ороо-

---

[1]) Какъ львовская грамматика „Адельфотес" 1591 г., такъ и грамматика Мелетія Смотрицкаго 1618—1619 и словарь Берынды 1627 г. устанавливали слитное правописаніе тсѧ,—и галичане до XIX вѣка довольно строго держались слитнаго правописанія. Возродители новой малорусской литературы, авторы „Русалки Днѣстровой" (1837) иногда писали *т-ся* (слитно, но съ коротенькой черточкой), иногда писали *ця*. Журналъ „Правда" конца 60-ыхъ и начала 70-ыхъ годовъ прошлаго вѣка, главный органъ литературной малорусской жизни у галичанъ, тоже писалъ „ся" съ глаголами слитно, и лишь такъ называемое „рутенство" требовало раздѣльнаго написанія ся. Теперь, какъ извѣстно, побѣду въ Галичинѣ одержали въ этомъ пунктѣ рутенство и полонизмъ.

графія, которая фонетически совпадаетъ съ произношеніемъ большинства малорусскихъ говоровъ, или по крайней мѣрѣ— говоровъ восточныхъ.

Бываютъ однако (немногочисленные) случаи, когда общепринятой малорусской литературной орѳографіей оказывается такая, которая противорѣчитъ живому современному произношенію почти всѣхъ малоруссовъ, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ, и которая совпадаетъ только съ угасшимъ произношеніемъ старомалорусскаго языка. Наиболѣе типичнымъ образчикомъ литературно-малорусской орѳографіи этого рода является строгое различеніе на письмѣ неударныхъ звуковъ *е* и *и*, которые въ живомъ произношеніи подавляющаго большинства малоруссовъ совершенно слились и не различаются другъ отъ друга. Разсмотримъ это явленіе и правописаніе поближе.

§ 30. О путаницѣ неударныхъ звуковъ *е* и *и* въ живомъ произношеніи малоруссовъ.

а) Въ живой рѣчи почти всей Украйны, особенно же западной, теперь стерлась разница между неударными *и* и *е*. Оба гласные звука произносятся твердо: первый — какъ *ы*, второй—какъ *ы*, или почти какъ *ы*. Только въ тѣхъ восточно-малорусскихъ говорахъ, гдѣ *и* звучитъ не слишкомъ твердо, а *е* звучитъ совсѣмъ твердо, можно уловить ухомъ довольно ощущительную разницу между неударнымъ *е* и *и*. Западно-малорусское же нарѣчіе (т. е. разные западно-малорусскіе говоры),—гдѣ *и* звучитъ какъ вполнѣ твердое *ы* и гдѣ старинный звукъ є (бывшій когда-то мягкимъ въ малорусскомъ языкѣ) отвердѣлъ въ довольно раннюю эпоху [1]),— представляетъ собою почти сплошную картину смѣшенія неударныхъ звуковъ *е* и *и*. Въ силу этого фонетическаго явленія малоруссы вмѣсто, напр., чóв*е*н (=лодка) произносятъ «чóв*и*н», а вмѣсто н*е* знáю произносятъ «н*и* знáю». И наоборотъ: по сосѣдству съ ударнымъ звукомъ *е* (є, ѣ) коренной звукъ *и* (и) сплошь да рядомъ слышится тоже какъ

---

[1]) См. § 19.

е; говорятъ, напримѣръ, «щось *сене́ньке*» (=нѣчто синенькое) вмѣсто синéньке; говорятъ «*техе́нький*» (=довольно тихій) вмѣсто тихéнький, и т. п., и т. п.

б) Съ какого времени началось у малоруссовъ смѣшеніе неударныхъ звуковъ и и є?

Судя по современнымъ даннымъ, надо предположить, что у западныхъ малоруссовъ оно вообще началось пораньше, чѣмъ у восточныхъ; судя же по письменнымъ старымъ памятникамъ, разница въ этомъ отношеніи между обоими нарѣчіями можетъ составлять періодъ лѣтъ въ двѣсти.

в) Документальныя западно-малорусскія начертанія, намекающія на это явленіе, начинаются, какъ будто бы, еще съ конца XIII вѣка, но сперва не внушаютъ большого довѣрія, потому что вполнѣ удобно могутъ быть объясняемы совсѣмъ иначе, чѣмъ смѣшеніемъ неударныхъ є и и. Такъ, въ южно-галицкомъ Евангеліи 1283 г. поповича Евсевія мы находимъ: «учинье» (л. 47, вмѣсто «у́ченье») и «о учиньи» (л. 73, вмѣсто «у́ченьи»)[1], «въ отечестьвьи своимь» (л. 134,— удареніе по-галицки на «сво») и «Июдѣимъ» (л. 16 об.; = дат. мн.)[2], «радость вашея» (л. 27, гдѣ букву ь надо читать за є, т. е. «радостє», вм. «радости»)[3];—все это примѣры очень нехарактерные и неубѣдительные, потому что находятъ свое особое этимологическое объясненіе. Повидимому, не болѣе, какъ графически-механическою перестановкою буквъ въ двухъ сосѣднихъ слогахъ должны мы считать и начертаніе Еванг. 1283 г.: «секира при корені дрѣва лижєть» (л. 124, вм. «лежить»). Интереснѣе высматриваютъ начертанія Ев. 1283 г. такія, какъ «учитилю» (л. 126 об.),

---

1) Но возможно также, что это и въ „учинье" явилось у поповича Евсевія вмѣсто буквы ѣ, написанной въ томъ южно-славянскомъ подлинникѣ, съ котораго онъ списывалъ.

2) Здѣсь можно видѣть простое смѣшеніе флексій. Срв. польское w twoim.

3) Возможно, что этотъ род. падежъ на є (вѣдь ь стоитъ графически вмѣсто є) образованъ былъ по образцу „кръве".

«мучитилемъ» (л. 41), «породи ихъднові» (л. 124, вм. «ехыднові»), «пакы ожеветь» (л. 67 об.), «мнози жи слышавше» (л. 11 об.) и т. п.; но и имъ едва ли можно придавать филологическое значеніе,—равно какъ и начертаніямъ въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г.: «прѣменеть о[т] мене чаша си» (л. 133 об.) и «принече» (л. 172); и въ Холмскомъ Евангеліи XIII—XIV в.: «тать придить» (вм. «придеть»); да въ волошскомъ Евангеліи Верковича XIV вѣка: «*Илисѣя*» (л. 143, вм. «Єлисѣя») и «ожинися» (л. 146, вм. «оженися»). Дѣло въ томъ, что такія начертанія двухъ одинаковыхъ буквъ въ сосѣднихъ слогахъ вполнѣ похожи на самую обыкновенную у писцовъ механическую ошибку [1]). Скорѣй ужъ можно было бы извлекать фонетическія заключенія изъ трехъ другихъ начертаній въ томъ же волошскомъ Евангеліи Верковича XIV в.: «да не смущаится, ни устрашаиться» (л. 26, вм. «смущаеться, устрашаеться») и «нистроения» (л. 86, л. 86 об., л. 120, л. 120 об.),—если бы писецъ не былъ инородцемъ-волохомъ. Въ Луцкомъ Евангеліи XIV вѣка мы букву є вмѣсто и находимъ частенько въ неударномъ предлогѣ при: прєнуди (л. 97 об.), прєносити (л. 99), прєкоснуться (л. 99 об.), прєяша (л. 99 об.), прєшедъши (л. 101 об.), прєзва (лл. 102 и 103), прєемъ (л. 102)» и др.; но объяснять эти луцкія написанія надо больше всего этимологическимъ смѣшеніемъ предлога при съ предлогомъ пре. Въ галицкихъ и волынскихъ грамотахъ XIV в. мы встрѣчаемъ очень неубѣдительныя начертанія: «ис Ходкомъ братомъ

---

[1]) Писцы всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ очень бываютъ склонны написать въ двухъ сосѣднихъ слогахъ одну и ту же букву. Такъ, въ словѣ „придеть“ писцу, когда онъ уже написалъ букву и въ слогѣ „при“, легко было написать механически букву и также и въ слѣдующемъ слогѣ. Въ такихъ словахъ, какъ „принєчє“, букву є въ среднемъ слогѣ писецъ могъ написать въ силу т. н. писарскаго „предвосхищенія“ („антиципаціи“) буквы є послѣдняго слога.

своѥмь» (гр. 1366 г., вм. «свбимь»); изъ дѣтьми своі-ѥми, зятемь своі-ѥмъ, си внучаты своі-ѥми, племенемь своі-ѥмъ, (въ грам. 1378 г.,—удареніе надо читать на «сво»), — начертанія, которыя вполнѣ хорошо объясняются морфологически, не фонетически. Равнымъ образомъ не очень убѣдительно начертаніе отъ самаго конца XIV вѣка, на переломѣ XV-го: «подъ Божимъ нарожиньемъ» (гр. 1401 г. изъ Галича, — удареніе по-галицки на «ро»).—Также едва ли можетъ считаться характернымъ для вопроса о смѣшеніи неударныхъ ѥ и и чередованіе двухъ формъ противительнаго союза «*али*» и «*але*», означающаго «но». Болѣе старая изъ двухъ его формъ есть «али» [1]), но въ XIV-омъ и XV-мъ вѣкѣ мы видимъ въ зап.-мр. грамотахъ не только «али» [2]), но и «алѥ» [3]), причемъ обѣ формы иногда пишутся параллельно; напримѣръ, въ буковинской присягѣ 1393-го года воеводы Романа королю Владиславу мы сперва читаемъ: «никимъ не принуженъ, али з доброі и з мудроі рады своихъ слугъ», а далѣе: «иного господаря [не] шюкати а не имати, алѥ королеви... вѣрне служити и помагати». По всему вѣроятію, это старое «алѥ» (съ ѥ), рефлектируемое современнымъ малорусскимъ «*а́ле*» и «*але́*» (съ удареніемъ на *е́*) и находящее себѣ параллель также въ языкѣ польскомъ

---

[1]) Она имѣется, напримѣръ, въ лѣтописной грамотѣ (копіи) Владиміра Мономаха („*Али* Б[ог]ъ послухъ тому“) и въ старомъ Синайскомъ Патерикѣ XI в. (л. 187). Срв. хорватское *ali* (=но).

[2]) Можно указать „али“, напримѣръ, въ буковинскихъ (изд. Улляницкимъ) грамотахъ XIV—XV вв. подъ № 8 (=1393 г.), № 25 (=1421, „алиж“), № 46 (=1436, писана однако во Львовѣ), № 48 (=1436), № 50 (=1438), № 64 (=1448).

[3]) Начертаніе „алѥ“ встрѣчается въ жалованной грамотѣ (на имѣнія въ Перемышльщинѣ) ок. 1340 г. короля Казиміра Польскаго („Было на двое, але я далъ за одино“), въ Смотрицкой гр. 1375 г. („але то“), въ буковинской денежной роспискѣ воеводы Петра 1388 г. („не на 4, але на 3 тисячи“), въ буковинской присягѣ воеводы Романа 1393 г. королю польскому, въ буковинской жалованной грамотѣ 1448 г. воеводы Петра („щобы имъ не порушилъ..., але щобы имъ потвръдилъ“) и т. д.

(ale), есть такое же самостоятельное этимологическое образованіе, какъ и забытое теперь «али»,—и никакого смѣшенія неударныхъ звуковъ и и є въ данномъ случаѣ не нужно усматривать.

Только въ половинѣ XV вѣка мы встрѣчаемъ зап.-мр. начертанія, въ высшей степени ужъ похожія на результатъ подлиннаго смѣшенія неударныхъ звуковъ є и и, а такъ какъ є окончательно отвердѣло на западѣ, то и съ ы. Такъ, въ буковинской господарской грамотѣ 1444 г. изъ-подъ руки «Михайла-канцлира» вышло начертаніе: «на большеи подтвържденіе тому въсему», и въ господарской буковинской грамотѣ 1446 г. у Стец[ь]ка-писаря оказалось подобное же начертаніе: «на булшеи потвръждени[е]» (=соврем.-мр. «на бiлшее») [1]). Въ волынскомъ Апостолѣ XV в. изъ с. Антоновецъ (хран. въ кіевск. Церк.-Археолог. музеѣ) оказывается еще болѣе интересное и вполнѣ характерное начертаніе: «О[т]ци, не раздражайти чад!», не говоря ужъ о такихъ, какъ «время послѣдние» (л. 36), «клинемъ» (л. 33 об.). Въ жалованной грамотѣ 1503 г. (люблинской) короля Александра Ивашку Лабунскому: «селища въ повѣтѣ Кре́меницкомъ» (и тутъ же рядомъ: «въ Кременєцкомъ повѣте») [2]). Быть можетъ, въ XV вѣкѣ смѣшеніе неударныхъ є (чит. э) и и (чит. ы) было у западныхъ малоруссовъ еще явленіемъ лишь спорадическимъ; но въ XVI-мъ вѣкѣ оно ужъ навѣрное твердо укрѣпилось во всей области западно-малорусскаго нарѣчія. Въ волынскомъ Бѣзановскомъ евангеліи XVI вѣка мы видимъ: «учин[и]ци, трими (вмѣсто «треми», =3-мя), нипріазни, два сребриники» и пр. [3]). Въ Луцкой книгѣ кгродской 1568 г.: «плате (=платы) розложеные» (№ 2042,

---

1) По изд. Уляницкаго = № 58 и № 62.

2) = Антоновичъ и Козловскій, № 15, стр. 34.

3) См. Волынскія Епархіальныя Вѣдомости, 1895, стр. 417—418. Примѣръ „трими" впрочемъ не рельефенъ, въ виду присутствія и въ формѣ именит. падежа. Объ антиципаціи тоже можетъ быть рѣчь.

л. 398 об.) [1]). Полемическая зап.-мр. литература, возникшая по поводу упіатскаго Берестейскаго собора («синода») 1596 года, въ изобиліи предлагаетъ намъ три равносильныя написанія: «сиⁱнодъ», «сынодъ» и «сєнодъ», свидѣтельствуя этимъ, что неударныя и, ы и є были для западнаго малорусса конца XVI вѣка вполнѣ равносильны. Видимъ мы это же явленіе и въ галицкихъ комическихъ интерлюдіяхъ Я. Гаваттовича, напечатанныхъ въ 1619 году латинскими буквами: «zwaremo, powaremo, nasmażemo» (наряду съ обычнымъ окончаніемъ -умо); «w pikli» (удареніе на концѣ) [2])— наряду съ «w pekli»; «sczo to ist za trawa»—гдѣ ist (вм. jest') лишено ударенія, какъ энклитика къ szcó to. Словомъ, для западныхъ малоруссовъ XVI-ый вѣкъ есть ужъ несомнѣнная эпоха смѣшенія неударныхъ є и и [3]).

Въ нарѣчіи восточно-малорусскомъ смѣшеніе неударныхъ буквъ є и и можетъ быть съ полнѣйшей достовѣрностью констатировано по документамъ XVIII вѣка. Надо думать, что это явленіе должно было у восточныхъ малоруссовъ постепенно возникать еще раньше XVIII вѣка,— и, пожалуй, начаться могло оно даже въ XVI вѣкѣ, хотя съ достовѣрностью утверждать послѣдняго нельзя. Пожалуй, нѣсколько богомольческихъ именъ кіевскаго Лаврскаго помянника XVI вѣка, такихъ, какъ «Оликсіа», «Силиванъ» «пани Нимила», хорошо годились бы, разумѣется, для иллюстраціи начинающагося вост.-мр. смѣшенія неударныхъ и и є, если бы мы могли быть увѣрены, что эти начертанія—мѣстныя

---

[1]) = № 58 у Антоновича и Козловскаго, стр. 147.

[2]) Это удареніе (на концѣ) подтверждается и рифмой: pry teplí. Что касается написанія буквы *i* (а не *y*) въ словѣ „w pikli“, то надо замѣтить, что у Гаваттовича латинскія буквы *i* и *y* выражаютъ одинъ и тотъ же звукъ.

[3]) Въ XVII-омъ же вѣкѣ зап.-мр. рукописи ужъ пестрятъ образчиками смѣшенія неударныхъ є и и, если писецъ не очень грамотенъ. Впрочемъ, и очень грамотейскія рукописи,—напр., галицкая „Ефистолія“ о. Θеодора изъ Дубовця XVII в.,—всегда пред-

кіевскія, а не пришлыя бѣлорусскія или великорусскія [1]; между тѣмъ одновременныя мѣстныя кіевскія канцелярскія книги XVI в. хорошо еще отличаютъ є отъ и. Типичнымъ могло бы быть такое начертаніе, какъ «принєчé»(=приникъ, удареніе на концѣ) въ Четвероевангеліи конца XVI вѣка изъ Черниговщины (л. 267 об.) [2], если бъ и тутъ не возникало обычное сомнѣніе, что писецъ написалъ букву є просто механически, предвосхищая слѣдующій слогъ. Но если даже допустимъ, что въ XVI вѣкѣ этого явленія у восточныхъ малоруссовъ еще не было, то къ началу XVIII вѣка оно ужъ несомнѣнно, и мы всегда легко рискуемъ наткнуться въ XVIII в. на написаніе вродѣ «вси лысты, передъ нами покладыные» (въ кіевской книгѣ вгродской 1736 г.) [3].

§ 31. **Отрицательное отношеніе новомалорусской литературы къ смѣшенію неударныхъ *и* и *е*.**

Слѣдовательно, въ эпоху нарожденія новой малорусской литературы (конецъ XVIII и начало XIX вѣка), ста-

---

ставятъ намъ образчики вродѣ: „не вѣсти ли?“ (вм. „не вѣсте ли“); см. по изд. Франка: „Пам'ятки українсько-руськоï мови ï літератури“ (т. IV, Львів 1906), стр. 51. Рельефны начертанія польскими буквами въ стихотвореніи о битвѣ подъ Берестечкомъ 1651 г.: „tobi.. ...s kozakamy i Tataramy ne nowina sie byte“, „a idit byte chana“ (=бути), „słuhaim, znaim, budim byty“ (наряду съ „budem;“ польскія буквы *i* и *y* въ XVII вѣкѣ смѣшивались). См. „Arch. f. sl. Phil.“, II, 300—301.

[1]) Въ XVI вѣкѣ колонизаціонный наплывъ бѣлоруссовъ на Кіевщину замѣчается въ сильной степени (срв. изслѣдованія проф. Владимірскаго-Буданова), и, конечно, среди кіевскихъ монаховъ бывали бѣлоруссы; а о богомольцахъ, приходившихъ въ Кіевъ отовсюду на поклонъ кіевскимъ святынямъ и вносившимъ свое имя въ монастырскіе помянники, и говорить нечего: бѣлорусскій элементъ долженъ былъ среди нихъ прямо кишѣть. Поражаетъ также въ кіевскихъ помянникахъ XVI—XVII в. наплывъ иноковъ изъ Великоруссіи. Обозначеніе „з Москви“ встрѣчается чуть не на каждомъ листѣ.

[2]) Хранится въ кіевскомъ Церковно-Археолог. музеѣ, № 54.

[3]) № 47, л. 263 (=Антоновичъ и Козловскій, № 12, стр. 31).

равшейся быть поближе къ народному произношенію, мы вправѣ были бы ждать, что въ литературное новомалорусское правописаніе будетъ введенъ принципъ смѣшенія неударныхъ *е* и *и* на письмѣ, подобно тому, какъ они смѣшиваются въ произношеніи живомъ.

И однако же этого не случилось, и даже попытокъ къ этому не было: сразу же малорусская литературная рѣчь стала строго отличать на письмѣ неударную букву *е* отъ неударной буквы *и*, отчасти руководясь въ этомъ пунктѣ наслѣдственно-усвоеннымъ правописаніемъ схоластико-малорусской литературы XVII—XVIII в., отчасти же и правописаніемъ русскимъ (меньше—польскимъ), — по крайней мѣрѣ тѣми общими руководящими этимологическо-ороографическими принципами, которые на этотъ счетъ выработаны грамматикой русской, преподающейся въ школахъ Россійской имперіи. И донынѣ принципъ историко-этимологической ороографіи въ дѣлѣ написанія неударныхъ малорусскихъ звуковъ *и* и *е* непоколебимо соблюдается малорусской литературной рѣчью.

Въ виду важности и трудности этой ороографіи укажемъ нѣсколько способовъ, помогающихъ легче ее усвоить. Итакъ:

§ 32. О способахъ, помогающихъ не путать на письмѣ неударныя буквы *е* и *и*.

Тѣмъ малоруссамъ, которые говорятъ говорами, не знающими смѣшенія неударныхъ звуковъ *е* и *и*, можно бы для цѣлей ороографіи руководиться своимъ собственнымъ живымъ произношеніемъ. Къ сожалѣнію, такихъ малорусскихъ говоровъ вообще-то осталось мало; да и въ нихъ дѣло осложняется склонностью къ ассимиляціи или диссимиляціи тѣхъ звуковъ *е* и *и*, которые находятся рядомъ въ двухъ сосѣднихъ слогахъ. Поэтому даже для нихъ полезно будетъ помнить нѣкоторые практическіе способы, помогающіе отличать на письмѣ малорусское неударное *е* отъ неударнаго *и* (или наоборотъ), не прибѣгая къ справкамъ съ исторической этимологіей.

а) Первый и простѣйшій пріемъ заключается въ томъ, чтобы разыскать родственныя слова, въ которыхъ удареніе падало бы на сомнительный слогъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что сбивчиво-звучащія уменшительныя прилагательныя «сене́нький» и «техе́нький» происходятъ отъ «си́нїй» и «ти́хий»;—ударные слоги си и ти (въ неуменьшительныхъ формахъ) показываютъ, что и уменьшительную форму надо писать съ буквою *и*. И наоборотъ: ударная форма човéнце (=лодочка) показываетъ, что форму «чо́вен» надо писать съ *е*, а не съ *и*; равнымъ образомъ надо писать букву *е* въ «не знаю», потому что это намъ указывается ударными словами: не́честь (=безчестіе), не́тля (=моль) и т. п. Союзъ «а́ле» (=но), звучащій близко къ «а́лы», надо писать съ *е* потому, что существуетъ параллельная ударная форма але́,—и ею безповоротно рѣшается вопросъ этого правописанія [1]). Если подъ удареніемъ оказываются отысканы двѣ разновидности (одна—съ *е*, другая съ *и*), то за орѳографическій критерій должна быть принята болѣе общеизвѣстная. Такъ, принято въ литературѣ правописаніе *сиди́ти* (=сидѣть), а не *седі́ти*, потому что этотъ же глаголъ въ соединеніи съ предлогомъ по почти вездѣ звучитъ поси́дїти (съ ударнымъ *си*), и лишь въ очень немногихъ говорахъ звучитъ посе́дїти (съ ударнымъ *е*).— Въ правописаніи неударныхъ флексій надо слѣдовать аналогіи флексій ударныхъ; такъ, надо писать: «ти зна́єш», «ми зна́ємо» (а не «зна́їш», «зна́їмо») въ виду ударнофлексійныхъ формъ: «ти стає́ш», «мы стає́м»; надо писать «він ра́дується» (а не «ра́дуїться»)—въ виду ударнофлексійнаго «він плює́ться».

б) Другой способъ (но лишь частичный)—это понаблюдать, не выпадаетъ ли въ родственныхъ словахъ сомнительный звукъ. Выпадать способенъ обыкновенно лишь звукъ *е* (и именно—происходящій изъ стараго гласнаго звука

---

[1]) Исторически же, какъ мы видѣли (см. § 30, в), форма—али (=„но“) у насъ старше, чѣмъ але.

ѣ) [1]), а коренной звукъ и обыкновенно не выпадаетъ нигдѣ, и потому понятно, что способный выпадать звукъ не долженъ писаться въ малорусской литературной рѣчи (въ случаѣ неударности) черезъ букву *и*. Такъ, напримѣръ, если мы слышимъ форму родит. падежа въ видѣ чо*вн*á (безъ гласнаго звука между *в* и *н*), то отсюда должны заключить, что въ формѣ падежа именительнаго, звучащей не то «чóвен», не то «чóвин», сомнительный неясный звукъ есть *е*, а не *и*,—и потому мы напишемъ чóвен [2]).

NB. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ выводить обратное широкое заключеніе, что, молъ, всякій нигдѣ *не* выпадающій сомнительный неударный звукъ долженъ писаться только черезъ *и*, а не черезъ *е*. Дѣло въ томъ, что тотъ малорусскій звукъ *е*, который произошелъ изъ є (а не изъ ѣ), тоже вѣдь неспособенъ выпадать; срв., напр., предлогъ чéр*е*з (=черєз), въ которомъ звукъ *е* неспособенъ ни при какихъ комбинаціяхъ выпасть и который, разумѣется, нельзя написать въ литературной рѣчи въ видѣ «чериз».

в) Есть еще одна примѣта (но эта ужъ очень мало надежна для неопытныхъ), по которой можно бываетъ распознать тотъ неударный звукъ *е*, который происходитъ изъ є (но не изъ ѣ), и не смѣшать его съ *и*. Надо, сомнѣваясь насчетъ правописанія неопредѣленнаго неударнаго звука въ какомъ-нибудь словѣ, понаблюдать: быть можетъ, въ производныхъ или въ родственныхъ словахъ мы, взамѣнъ интересующаго насъ неударнаго неопредѣленнаго твердаго звука, слышимъ вполнѣ мягкое *і*? Если да, то это почти всегда означаетъ, что затрудняющій насъ неударный неясный звукъ есть по своему происхожденію не звукъ и, но звукъ є. Напримѣръ, положимъ, мы затрудняемся: писать ли намъ «чесáти» или «чисáти»? «кам*и*нувáтий» или «ка-

---

[1]) О прежней постоянной гласности звука ѣ см. § 17.

[2]) Кстати, по поводу этого самого слова. Есть малорусскіе говоры, произносящіе човéн, съ удареніемъ на концѣ, на *е*. Въ тѣхъ говорахъ, конечно, не можетъ быть и вопроса о правописаніи этого слова.

менува́тий» (= каменистый)? — и вотъ фонемы съ мягкимъ *і*, — такія, какъ «зачі́суватися», «ка́мінь», «камі́ння», — говорятъ намъ, что мы должны писать «чеса́ти» и «каменува́тий», съ буквою *е*, а не съ буквою *и*, потому что мягкій звукъ *і* родственныхъ словъ могъ возникнуть (или путемъ усиленія, или путемъ т. н. «замѣстительнаго удлиненія») [1]) изъ стариннаго звука є, а не изъ и; старинный же исконный звукъ и у малороссовъ почти во всѣхъ положеніяхъ отвердѣлъ и обыкновенно не звучитъ, въ своихъ фонетическихъ видоизмѣненіяхъ, какъ *і* [2]).

г) Но, къ сожалѣнію, однихъ этихъ эмпирическихъ правилъ не достаточно для безошибочнаго разрѣшенія всѣхъ возможныхъ случаевъ сомнѣнія въ дѣлѣ литературнаго правописанія неударнаго малорусскаго звука, похожаго и на *э*, и на *ы*. Нѣкоторые затруднительные случаи этого правописанія только и могутъ быть рѣшены что спеціалистами-филологами, знающими исторію малорусскаго языка и — параллельно — прочихъ славянскихъ, а нефилологи должны ужъ прямо усвоить предлагаемое наукой правописаніе [3]).

[1]) О немъ см. § 17, г.

[2]) Этимъ третьимъ способомъ можно пользоваться лишь съ очень большою осмотрительностью, потому что послѣ губныхъ звуковъ (б, п, в, м), послѣ заднепебныхъ (г, к, х) и послѣ шипящихъ малороссы (многіе) произносятъ звукъ и не совсѣмъ твердо, но полумягко, такъ что для неопытнаго уха слогъ, положимъ, б и можетъ показаться звучащимъ, какъ мягкое бі. Таково, напр., слово б и ч (=бичъ). Тотъ, кому кажется, будто онъ произноситъ это слово совсѣмъ мягко (т. е. какъ б і ч,=срв. § 64), способенъ будетъ, основавшись на вышеизложенномъ третьемъ правилѣ, написать букву *е*, а не букву *и* въ глаголѣ „*би*чува́ти“ (=бичевать)— и сдѣлаетъ крупную этимологическую ошибку. Срв. еще „пі́сьмо́“ вм. орѳографическаго „пи́сьмо́“.

[3]) Само собою при этомъ разумѣется, что, въ случаѣ разногласія между исторіей мр. языка и исторіею другихъ слав. языковъ, рѣшающую силу должна имѣть исторія языка малорусскаго, особенно когда показанія его исторіи упрощаютъ правописаніе. Поэтому, напримѣръ, малорусская литература имѣетъ полное право писать (согласно и съ живымъ выговоромъ) букву *и* (а не *е*) въ

Глава шестая. (Продол. предыдущей.)

Отношеніе малорусскаго литературнаго правописанія къ тому неударному звуку *а*, который слышится вмѣсто ожидаемаго или возможнаго звука *о*.

Изъ предыдущей главы мы только что видѣли, что въ вопросѣ объ ореографіи неударныхъ звуковъ *и* и *е* установившееся малорусское литературное правописаніе оказалось совершенно недемократичнымъ. Къ счастію, подобныхъ пунктовъ имѣется у насъ очень немного. Разсуждая аналогически, мы, напримѣръ, могли бы ждать, что съ такимъ же недемократизмомъ отнесется литературное малорусское право-

---

формахъ множ. числа: селя́ни (изъ селяны), міща́ни (изъ мѣщаны), ципа́ни (произносятъ и цигани́; изъ цыганы) и т. п., несмотря на русскія формы: „селя́не" (изъ селяне), „цыга́не" (изъ цыгане), и пр. Необходимо впрочемъ отмѣтить, что въ дѣлѣ правописанія этого окончанія (-ан*и* и -ан*е*) малорусская литература до сихъ поръ не выработала единодушія, и значительное количество современныхъ писателей колеблется между обѣими ореографіями, напоминая собою, въ данномъ случаѣ, постоянный пріемъ малоруссовъ старинныхъ,—напримѣръ, львовскихъ духовныхъ и крылошанъ XVI в., которые въ своемъ постановленіи 1539 г. о соборномъ выборѣ епископа писали одновременно такъ: „крилошани мають держати епископію", „крилошане мають повѣдити владыцѣ", „почесныи крилошани", „на клирошаны" (см. въ „Актахъ, относ. къ исторіи Южн. и Зап. Росс.", т. I, стр. 106). Или срв. въ галицкомъ апокрифич. сборникѣ 1655 г. (въ музеѣ Львовскаго Народнаго Дома, № 134): „работаша І[зра]илътяны", и рядомъ же: „сотвориша І[зра]ильтяне" (=Франко: Пам'ятки, т. IV, стр. 408). И т. п., и т. п. Срв. также формы имен. множ. въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи: „Кияни разграбиша дворъ" (198), и тутъ же черезъ одну строку: „и послашася Кияне к Володимеру";—„Галичани же выѣхаша" (514), и черезъ страницу: „Придоша Галичане на Каменець" (516), и т. п., и т. п., напримѣръ еще разъ „Галичани" (385, 489, 527), „Израильтяни" (441), „хрѣстьяни" (385), „Берестьяни" (586, 610, 613), „горожани" (522 599, 615), „Рижани" (542) и мн. др. Мы лично въ своей грамматикѣ будемъ писать лишь болѣе практичное окончаніе -ан*и*.

писаніе и къ судьбѣ неударнаго *о*, которое въ нѣсколькихъ десяткахъ словъ звучитъ у малоруссовъ какъ *а*, словно на манеръ великорусскаго áканья. Однако этого не случилось: къ орѳографіи неударнаго *о* (какъ вообще къ большинству вопросовъ литературной орѳографіи) примѣнена была малорусской литературой этимологія современно-малорусская, а не историческая (съ нѣкоторыми, пожалуй, ограниченіями по отношенію къ черезчуръ узкимъ локализмамъ, вульгаризмамъ и т. п., но все же современная), и притомъ чуть ли не спеціально восточно-малорусская. Для иллюстраціи законовъ малорусскаго литературнаго правописанія и его принциповъ, намъ полезно выяснить этотъ пунктъ малорусской орѳографіи съ бóльшей точностью; да онъ и практически очень важенъ.

*Появленіе звука **а** вмѣсто **о** и воспроизведеніе его въ литературной рѣчи.*

§ 33. Ассимиляція звука *о* звуку *а*.

Хотя у малоруссовъ нѣтъ т. н. «áканья», но у нихъ, въ области всего восточнаго нарѣчія, имѣется десятка два словъ, въ которыхъ неударный звукъ *о* уподобляется звуку *а*, оказывающемуся въ сосѣднемъ слогѣ. Перечислимъ ихъ, причемъ заранѣе оговоримся, что въ рубрикѣ *а* приведены будутъ нами здѣсь только тѣ слова, которыя (со звукомъ *а* вмѣсто *о*) могутъ считаться болѣе или менѣе повсемѣстными для всей восточно-малорусской территоріи, а не для отдѣльныхъ говоровъ.

а.

Сюда относятся: вост.-мр. б*а*гáто (=много; при зап.-мр. б*о*гáто) и «б*а*гáтий» (=богатый, зап.-мр. «б*о*гáтий»), въ связи съ которымъ стоитъ слово б*а*гатúр (=богачъ; зап.-мр. «б*о*гатúр») [1].

---

[1]) А старо-мр. и русское слово „богатырь“ (въ смыслѣ герой) есть персидско-тюркское „бähäдир“ (بهادر=герой, витязь), или монгольское „багатур“, пріуроченное къ славянскому корню „богатъ“. Въ

вост.-мр. манастйр (зап. мр. «монастйр», даже «мунастйр») [1]) и очень частое: «мана́х» (зам.-мр. «мона́х»)[2]).

вост.-мр. хазяїн (зап.-мр. «хозя́їн»; слово это происходитъ отъ персидско-татарскаго «ходжа́»).

вост.-мр. ганча́р (=горшечникъ; зап.-мр. «гонча́р») ([3], въ связи съ которымъ стоитъ и слово ганчі́рка (= =тряпка) [4]).

вост.-мр. гаря́чий (зап. мр. «горя́чий») съ производнымъ гаря́чка (зап.-мр. «горячка», названіе извѣстной болѣзни).

гара́зд (=хорошо, очень, горааздо).

чаба́н (=степной пастухъ; діалектич. зап.-мр. и перс.-тур. «чоба́н» چوبان или چوپان).

салда́тъ (=солдатъ).

вост.-мр. кача́н (=кочень; зап.-мр. «коча́н»).

вост.-мр. халя́ва (=голенища; зап.-мр. «холя́ва»).

вост.-мр. калата́ти (=болтать, всколачивать; зап.-мр. «колата́ти», срв. польск. kołatać). Вѣроятно, не къ этому же корню относится каламу́тний (при рѣдкомъ «каломутний»), а къ корню кал (=грязь, илъ).

вост.-мр. кажа́н (=летучая мышь; зап.-мр. «кожа́н)».

вост.-мр. ка́таржний (=очень тягостный, при зап.-мр. «като́ржний», и при вост.-мр. существительномъ ка́торга =галера) [5]).

Ипатской лѣтописи встрѣчаются рядомъ два начертанія: „Се Бѣдяй богатуръ и Бурунъдай багатырь“ (стр. 522=1240 г.).

[1]) Зап.-мр. произношеніе „мунастйр“ очень старо. По крайней мѣрѣ, оно ужъ извѣстно изъ грамоты 1378 г.

[2]) Не мѣшаетъ кстати замѣтить, что это сирско-греческое слово — гораздо менѣе употребительно у малоруссовъ, чѣмъ ихъ родное слово „чернéць“ (род. черця, ченця́).

[3]) Изъ „горн[ь]чарь“, отъ слова „горнéць« (=горшокъ).

[4]) Первоначально „ганчірка“ означала тряпку для отиранія горшковъ, но теперь такъ называется вообще всякая тряпка.

[5]) Антоновичъ и Драгомановъ: Историч. пѣсни малорусскаго народа, т. I, стр. 89. (=Максимовичъ 1849,10). По-турецки это

вост.-мр. к*а*ла́ч (=калачъ; зап.-мр. «кола́ч»=извѣстное особое печенье, спеціально для 4-го дня свадьбы); вост.-мр. к*а*ла́чики (=Malva borealis; зап.-мр. «кола́чики»).

вост.-мр. г*а*ла́нцї (=нѣмецкіе, собств. голландскіе брючки), съ чѣмъ однородно вост.-мр. простонародное г*а*ла́нський (=голландскій). Но у зап.-малоруссовъ: «голендéрський» [1]). И интеллигентные восточные малоруссы произносятъ: «г*о*ла́ндський».

вост.-мр. простонародное в*а*кза́л,—при вост.-мр. интеллигентномъ и зап.-мр. простонародномъ «в*о*кзал» [2]). Также всюду среди простого вост.-мр. народа распространена фонема пар*а*хо́д, тогда какъ интеллигенты и запад. малоруссы произносятъ пар*о*хо́д [3]).

б.

Въ изрядномъ количествѣ восточно-малорусскихъ говоровъ, но не въ подавляющемъ большинствѣ ихъ, кромѣ того, распространены фонемы: Волос*а*жа́р (=Плеяды, при общемалорусскомъ «Волос*о*жа́р»); н*а*гави́цї (=ногавицы, при общемр. «н*о*гави́цї»); к*а*зарлю́га (=матерой козакъ [4]), общемр. «к*о*зарлю́га») [5]); сап*а*ги́ (=сапоги,—

слово звучитъ „кадыргá“, по-гречески κάτεργον. Мы, вѣроятно, заимствовали это слово прямо отъ грековъ, безъ всякаго тюркскаго посредства. Срв. „Записки Восточнаго Отдѣленія Импер. Русск. Археол. Общ.“, т. 17-й (=1906), стр. IX.

[1]) Для зап. малоруссовъ наше слово гала́нський, повидимому, совершенно не понятно. Даже составитель извѣстнаго двутомнаго словаря (!) Желеховскій думаетъ, не значитъ ли это слово: „англійскій“ (т. I, стр. 135).

[2]) Въ Галичинѣ вм. „вокза́л“ говорятъ дворéць (род. двірця́).

[3]) Или, конечно, употребляютъ болѣе красивое слово „паропла́в“.

[4]) Фонему „к*а*зарлюга“ см., напр., въ письмѣ изъ Харьковщины— „Нова Громада“ 1906, іюль, стр. 54.

[5]) Но „коза́к“, кажется, ни въ какомъ говорѣ не обращается въ „к*а*за́к“.

слово довольно рѣдкое [1]),—при галицкомъ имени: «Сапогів», село Борщевскаго повѣта); каляска (и «коляска»); цар-салтáн турéцький (=царь-султанъ турецкій, при общемр. «султáн» и діалектич. зап.-мр. «солтан»); карявий (общемр. «корявий»). Въ очень многихъ и восточныхъ и (особенно) западныхъ говорахъ имя «Соломонъ» (Salomo) звучитъ Саламóн (при «Саломóн», а также при «Салемóн, Салимін, Соломóн»).

в.

Наконецъ есть нѣкоторые (это ужъ очень немногіе) вост.-мр. говоры, въ которыхъ можно услышать: бамáга (вм. «бомáга», изъ «бумáга») [2]), карáбль (=корабль, при общемр. «корáбль», или «корабéль»), еще рѣже—пагáний (=гадкій; общемр. «погáний»), камáнда (общемр. «комáнда», или иногда даже «кумáнда»), канастáс (обще-мр. «іконостáс»), варгáн (извѣстно и въ зап.-мр. говорахъ; общемр. «оргáн»), и еще нѣкоторыя локальныя фонемы въ такомъ же родѣ.

г.

Западно - малорусскому нарѣчію (по крайней мѣрѣ, главной его массѣ: говорамъ буковинско-галицко-подольскимъ и смежнымъ подлясскимъ и волынскимъ) большая часть вышеперечисленныхъ ассимиляцій чужда: въ вышеперечисленныхъ словахъ западно - малорусское нарѣчіе сохранило старый звукъ о безъ уподобленія сосѣднему звуку а. Однако самый законъ этой ассимиляціи нечуждъ и западнымъ малоруссамъ. Форма гарáзд (въ смыслѣ уже существительнаго имени со значеніемъ «спокойствіе», «благосостояніе»)—это самая обычная форма и въ Галичинѣ. Есть

---

[1]) Вмѣсто стариннаго „сапогы“ малоруссы большей частью пользуются словомъ „чóботи“. Притомъ, если не ошибаюсь, въ чистыхъ мр. говорахъ слово „сапоги“ извѣстно исключительно во множ. числѣ.

[2]) Обычное же малорусское слово есть папíр (род. папéру). Бамáга довольно часто встрѣчается у Квитки-Основьяненка.

тамъ и *ча*ба́н, наряду съ *чо*ба́н. И даже въ тѣхъ галицкихъ и другихъ австрійско-малорусскихъ говорахъ, гдѣ произносятъ «*чо*ба́н» (съ *о*), существуетъ фонема *ма*ска́ль [1]), тогда какъ въ восточно-малорусскомъ нарѣчіи, при всей его любви къ уподобленію неударнаго *о* звуку *а*, извѣстна только фонема *мо*ска́ль.

д.

Съ какого времени появились въ вост.-мр. нарѣчіи формы съ ассимилированнымъ *о*?

Вѣроятно, въ моментъ принятія христіанства кіевляне говорили ужъ «б*а*гатыи». Косвенно это подтверждается новгородской Путятиной Минеей XI в. (хран. въ СПБ. Дух. Акад.), гдѣ есть начертанія: «бꙝгатьство» (л. 22), «бꙝгатьно» (л. 2 об.). Обыкновенно жъ кіевляне писали: «б҃атыи», съ титломъ.

Въ самыхъ раннихъ кіевскихъ памятникахъ мы уже находимъ «мꙝнастырь»; см. въ Изборникѣ Святослава 1076 года (л. 14, л. 22, л. 22 об., л. 111), въ Несторовомъ «Житіи Θеодосія Печерскаго» по списку XII в. съ кіевскаго оригинала (напр., «мꙝнастыря» л. 1, л. 6; «о мꙝнастырихъ» л. 6; «въ единомь отъ мꙝнастыревъ», л. 7, и мн. др.); въ Начальной и Кіевской лѣтописи (по всѣмъ спискамъ, часто). Но впрочемъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что это слово пришло къ намъ со звукомъ ꙝ прямо изъ Греціи [2]), какъ и «мꙝнахъ» [3]).

Могло готовымъ прійти изъ Греціи и названіе Аммонитянъ «Амꙝните» въ кіевскомъ Изборникѣ 1073 г. (л. 137), равно какъ и въ червонорусскихъ «Словахъ Григорія Богослова» XI вѣка (л. 212: «Моавита и Амꙝнита»).

---

[1]) См. записи изъ бойковскаго горнаго с. Мшанця — въ „Літературно-Науковім Вістнику", 1906, февраль, отд. II, стр. 287, 288, 289, 290 (о „*ма*ска́ль"). Срв. тамъ же стр. 201 („*чо*бан").

[2]) У грековъ вѣдь тоже наряду съ μοναστήριον выработалось произношеніе μαναστήρ[ιον]. И въ церк.-слав. Супрасльской рукописи попадается начертаніе „мꙝнастырь" (съ ꙝ).

[3]) Новогреч. μαναχός (стар. μοναχός).

Не очень яркими также являются написанія: «Манамахъ» (=Μονόμαχος) и «ватагы» (=тюркск. «отаг») въ Ипатьевской лѣтописи [1]), «Марава» (т. е. Моравія) въ Лаврентьевской лѣтописи (11) и «салътани» въ Словѣ о Полку Игоревѣ, потому что всѣ три рукописи — только списки съ южныхъ подлинниковъ, а не самые подлинники.

Въ Вѣнскомъ Октоихѣ XIII в. (иначе называемомъ Codex Hankensteinianus) звукъ а въ «арганъ» (л. 262) можетъ быть возведенъ и къ новогреческимъ діалектамъ [2]).

Быть можетъ, не пришедшимъ изъ Греціи, а возникшимъ на мѣстной малорусской почвѣ позволительно считать звукъ а въ начертаніи южно-гал. Евангелія поповича Евсевія 1283 года: «Купиша арамафы (=ароматы), да помажють и» (л. 103).

Безусловно малорусское, вполнѣ характерное начертаніе «багатъ» мы встрѣчаемъ въ указателѣ Евангельскихъ чтеній XIII—XIV в. (л. 236), который переплетенъ съ галицкимъ Четвероевангеліемъ 1144 года, но писанъ кіевляниномъ или инымъ восточнымъ малоруссомъ. Что касается лѣтописнаго «багатырь» (срв. въ Ипат. спискѣ: «Се Бѣдяй богатуръ и Бурунъдай багатырь» 1240 г., стр. 522, и «[Батый] отрядилъ есть два богатыря, Манъмана и Балаа» 1243 г. = стр. 528), то звуковой видъ этого азіатскаго слова возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ своего корня. (Срв. выше стр. 241).

Въ Кіево-Печерскомъ Евангеліи ок. 1370 г.: «в карабль» (л. 8), «араматы» (л. 8 об., л. 180).

Интересно, что слово «карабль» считающееся теперь

---

[1]) Фонемѣ „Манамахъ" (съ двумя уподобившимися о), быть можетъ, предшествовало „Монамахъ" (Ипат. лѣт., стр. 201=1115 г.) лишь съ однимъ уподобившимся звукомъ о,—если, конечно, мы здѣсь имѣемъ дѣло не просто съ графической ошибкой.

[2]) Въ новогреческомъ языкѣ глаголъ ἐργάζομαι обратился въ ἀργάζω (=обрабатывать, выдѣлывать). Срв. въ итальянскомъ фонему: *a*rgano (=станокъ, кабестанъ); франц. *a*rganeau и *o*rganeau.

довольно узкимъ локализмомъ, проникало въ рукописи чаще даже, чѣмъ болѣе общеизвѣстныя фонемы. Замѣтимъ, что эта же основа—въ фамиліи «Карабчѣевьский», которая является даже въ подольской (т. е. западно-малорусской) грамотѣ 1375 г. Смотрицкаго монастыря, гдѣ поблизи есть и донынѣ село Карабчіївка (Карабчѣевка). Срв. также въ острожской (волынской) Похвалѣ Исаіи Балабану 1611 г.: «в семъ карабли» (=стр. 8 по изд. Несторовыхъ «Чтеній» 1894 г., т. VIII) [1]).

Изъ другихъ западно-мр. начертаній ассимилированнаго о отмѣтимъ:

1) въ волынскомъ Антоновецкомъ (изъ-подъ Кременца) Апостолѣ XV вѣка: «багатьство» (л. 98 об.), «багатство» (л. 108, л. 121), «багатым» (л. 121);

2) имя Владиміръ-Волынскаго возваго XVI вѣка «Хац[ь]ко Чуватъ» въ книгѣ Владимірской кгродской 1568 г., № 935, л. 151) [2]), — что есть уменьш. отъ «Хатьянъ» (=Фотіанъ) [3]);

3) въ Пересопн. Ев-іи 1561 г. «калацѣя» (56) и «колация» (57);

4) волынское «паганство» (рядомъ съ «поганство») въ Луцкой книгѣ кгродской 1569 г. (№ 2043, л. 81) [4]);

5) въ горно-галицкой рождественской псальмѣ 1713 г.

---

[1]) А ужъ въ памятникахъ вост.-малорусскихъ, сверхъ Евангелія 1370 года, начертаніе „карабль" — прямо одно изъ самыхъ обычныхъ. Между прочимъ, оно оказывается не разъ въ Евангеліи XVI вѣка Кіевскаго Михайловскаго монастыря (см. л. 32, л. 32 об.).

[2]) См. выписки, изд. у Антоновича и Козловскаго: „Грамоты", № 57, стр. 142.

[3]) Впрочемъ звукъ а въ этомъ имени (и въ нынѣшнемъ „Хатемко" возникъ, быть можетъ, не столько путемъ ассимиляціи звука о въ первоначальной формѣ „Хотьянъ" (начертаніе, обычное въ кіевскихъ помянникахъ XVI в.), сколько путемъ смыслового пріуроченія другой формы этого имени,—основной (иностранной, греческой): „Фотіанъ" — къ родному корню „хват". Въ тѣхъ же кіевскихъ помянникахъ XVI в. встрѣчается начертаніе „Фатіанъ", = нын. „Хват[ь]ян").

[4]) = Антон. и Козловск., № 7, стр. 13.

стихъ: «Ганъчарѣ такъже зъ горъшъки бѣжѣте!» [1]) и такое же начертаніе въ волынской (изъ-подъ г. Острога) приpискѣ 1740 г на галицкомъ Язловецкомъ евангеліи XVI в.: «Николаеви Ганчареви» (л. 113 об.);

6) наконецъ отмѣтимъ въ т. н. Борщевицкой (по языку не то галицкой, не то волынской) рукописи 1713 года Бесѣды Трехъ Святителей начертаніе «багатый» [2]).

Какъ же всѣ подобныя слова пишутся въ нынѣшней малорусской литературѣ? Прежде, чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, разсмотримъ еще одинъ рядъ явленій со звукомъ *а*, не со звукомъ *о*.

§ 34. **Другіе случаи появленія звука *а*, а не *о*, у малоруссовъ.**

а) Судя по даннымъ языка русскаго, кто-нибудь можетъ счесть неожиданнымъ присутствіе звука *а*, не звука *о*, въ такихъ общемалорусскихъ формахъ глагольныхъ видовъ, какъ помагáти (=помогать), домагáтися (=домогаться), ганя́ти (гонять) и ламáти (ломать) [3]). Но здѣсь звукъ *а* возникъ не путемъ малорусской ассимиляціи неударнаго *о*, а путемъ особой глагольной видовой морфологіи, и онъ здѣсь

[1]) Издалъ И. Франко въ своемъ „Українськім вертепі“ (=Зап. Т-ва Шевч., т. 72, стр. 64).

[2]) Франко: Пам'ятки, т. IV, стр. 16.

[3]) Въ зап.-мр. нарѣчіи мы иногда слышимъ даже пращáтися (=прощаться), перепрашáти (=просить извиненія) и дозваля́ти (=позволять), особенно въ Галичинѣ. Прочимъ малорусскимъ говорамъ извѣстна однако лишь форма прощáтися, перепрóш[ув]ати, дозволя́ти. Зап.-мр. нарѣчіе знаетъ также фонему подабáти на кóгось (=походить на кого-н.); въ вост.-мр. нарѣчіи этотъ глаголъ вообще забытъ совершенно. Отмѣтимъ кстати въ Ипатской лѣтописи: „подлбаеть“ (по литогр. изд., л. 133) и „подлбашеть“ (по литографир. изданію л. 437, по печатному изд. стр. 424); „подлбаетъ“ въ волынскомъ Антоновецкомъ Апостолѣ XV вѣка (л. 90),—съ инымъ, конечно, значеніемъ этого глагола.

глубоко стариненъ (срв. показанія церк.-славянскаго и польскаго языковъ, равно какъ всѣхъ старѣйшихъ южнорусскихъ памятниковъ).

б) Не относится къ явленіямъ малорусской ассимиляціи и такая прилагательная форма, какъ «будь ла́скав» (=будь любезенъ, сдѣлай одолженіе) — въ виду ударной формы: ласка́вий (=милостивый, любезный, ласковый); не относится сюда и имя цвѣтка: ласкави́ця (=Bupleurum rotundifolium), онъ же ласка́вець (что собств. значить: любезникъ, льстецъ). Здѣсь мы видимъ особый суффиксъ *ав*,— не менѣе старинный, чѣмъ *ов*. Не говоря ужъ о польскомъ łaska*wy* (свидѣтельствующемъ про старинность здѣсь суффикса ав), укажемъ въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1076 г.: «ласкавьць» (л. 25, = соврем.-мр. «ласка́вець»). То же въ червонорусскихъ «Словахъ Григорія Богослова» XI вѣка («иже въ полатахъ ласкавьци») и тамъ же нарѣчіе: «ласкавѣ» (л. 57 об.). Срв. въ новгородскихъ [1]) «Пандектахъ Антіоха» XI в.: «словеса ласкава» (л. 200) и въ Ипатской лѣтописи: «Бысть Іоанъ мужь ласкавъ всякому» (литогр. изд. л. 151 б, печ. изд. стр. 146).

в) Кромѣ того, въ малорусскомъ языкѣ, иногда во всѣхъ говорахъ, иногда лишь въ нѣкоторыхъ, замѣчается смысловое пріуроченіе звука *о* заимствованныхъ иностранныхъ словъ къ звуку *а* подобозвучныхъ своихъ родныхъ словъ. Такъ, греческое κλῆρος (=русск. «клиросъ», зап.-мр. «кри́лос») обратилось почти вездѣ у восточныхъ малоруссовъ въ «крилас»: чужое окончаніе ос было замѣнено своимъ роднымъ окончаніемъ ас [2]). Имя «Мо́кій» часто имѣетъ параллельную форму «Маке́й» (срв. существит. «мак»); имя «Родіонъ» звучитъ всюду, повидимому, лишь какъ «Радиво́н, Радиві́н», (срв. «рад», «ра́дий», «радити»);

---

1) „Филологія и Погод. гипотеза“, стр. 62—63.

2) Срв. подъ удареніемъ: ляпа́с (=звонкій ударъ, шлепокъ, иногда пощечина), люба́с (=любовничекъ) и т. п. Тотъ же суффиксъ—въ „по морда́сах“ (=по мордѣ).

имя «*Онисимъ*» смѣшалось съ малорусскимъ названіемъ растенія Anysum stellatum (=русск. «анисъ», мр. г *а́* н у с), и обратилось во многихъ мѣстахъ въ Г *а́* н у с (даже съ удареніемъ на *а́*!); имя «Онисифоръ», сперва перешедшее (не позже XV в.) въ «*О*нциперъ», постепенно обратилось во многихъ мѣстахъ въ *А* н ц и́ п е р (по аналогіи съ «а н ц и́-христ»=антихристъ, «а н ц и́ болот»=болотный демонъ, и пр.). Такихъ передѣлокъ иностранныхъ словъ, сопровождаемыхъ перемѣною звука *о* на *а*, можно бы привести еще массу [1]). Вѣроятно, эти явленія происходили немедленно же при заимствованіи предками южноруссовъ какого-нибудь иностраннаго слова, но документальный старѣйшій примѣръ намъ впервые извѣстенъ въ галицкой купчей 1359 г. пана Петраша, который купилъ «дѣдицтво папьны Р*а*дивоньковоѣ».

Замѣчаются иногда у малоруссовъ также случаи пріуроченія иностранныхъ словъ со звукомъ *о* къ болѣе извѣстнымъ другимъ иностраннымъ же подобозвучнымъ словамъ со звукомъ *а*. Напримѣръ, можно иногда (рѣдко) услышать, ка́къ малорусскій крестьянинъ, зная хорошо слово «кумп*а́*нія» (съ ударнымъ *а*), обращаетъ общемалорусскій глаголъ с к о м п *о* н у в *а́* т и (= составить, латин. componere) въ «скумп*а*нува́ти»,—обычная черта малообразованныхъ людей.

§ 35. **Литературная орѳографія выше перечисленныхъ явленій.**

а) Познакомившись съ присутствіемъ у малоруссовъ звука *а* вмѣсто ожидаемаго *о* и, вдобавокъ, освѣтивши это явленіе нѣкоторыми старинными документальными справками, мы уже можемъ поставить сознательный вопросъ: ка́къ же

[1]) Нѣсколько подробнѣе см. объ этомъ у меня въ VII-ой главѣ „Древне-кіевскаго говора“, стр. 38—44=Изв. Ак. Наукъ, 1906, кн. III, стр. 405—410. Тамъ приведены и выписки изъ старыхъ памятниковъ, которыя мы здѣсь дополнимъ еще двумя указаніями, а именно: 1) въ галицк. гр. 1401 г. „панъ Михалко, Г*а*нусовъ зять“ (=Гол. № 24, стр. 24);—2) свѣдокъ „Р*а*дко Чижевскыи“ въ гал. гр. 1422 г. (=Гол. № 34, стр. 38).

въ данномъ отношеніи установилась о р ѳ о г р а ф і я с о в р е м е н н о й м а л о р у с с к о й р ѣ ч и л и т е р а т у р н о й?

б) П р о т и в о д ѣ й с т в і е г а л и ч а н ъ. Если исключить такія общемалорусскія (и исконно-славянскія) глагольныя видовыя формы, какъ п о м *а* г á т и и пр., и еще нѣсколько отдѣльныхъ словъ, то возможно назвать всѣ вышеперечисленныя чисто-ассимиляціонныя фонемы, собственно, в о с т о ч н о - малорусскими, или спеціально у к р а и н с к и м и: «б*а*гáтий»—произношеніе восточное, «б*о*гáтий»—произношеніе западное. По крайней мѣрѣ, галичане съ большой неохотой донынѣ относятся къ нимъ и даже бываютъ склонны думать, будто бы украинцы въ данныхъ случаяхъ подчинились вліянію великорусскаго «áканья» [1]). Такое ихъ обвиненіе усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что у восточныхъ малоруссовъ не только неударный звукъ *о*, но и неударный звукъ *е* (=*э*) съ полнѣйшей легкостью уподобляется сосѣднему звуку *а*, порождая мѣстами даже такія неудобныя вульгарныя фонемы, какъ «п*а*рчáтка» (изъ русскаго «перчатка»), или «хам*а*леóн» вмѣсто «хамелеон» («Рада» 1906, № 47, стр. 3) [2]). Да и неударный звукъ *и* (=*ы*), часто съ тру-

1) Это обнаруживаетъ, напримѣръ, Олекс. Борковскій въ „Дїлї“ (1906, № 67, 3-ій столб. фельетона), относя насчетъ великорусскаго áканья простонародный украинскій (положимъ, таки узко-локальный) выговоръ „к*а*мáнда“ вмѣсто обычнаго общеукраинскаго „к*о*мáнда“ (или тоже узко-локальнаго „к*у*манда“).

2) *§ 36*. Но, правду-сказать, и зап.-мр. нарѣчіе знаетъ случаи уподобленія звука *е* звуку *а*. Общемалорусскіе (и восточные, и западные) примѣры—Г *а* р á с и м (рѣже Г *е* р á с и м), О к с á н а (рѣже К с *é* н а, А к с *é* н і я), Б *а* с а р á б і я (наряду съ Б *е* с á р а б і я). Срв. при этихъ нынѣшнихъ формахъ — констатируемыя въ буковинскихъ господарскихъ г р а м о т а х ъ XIV—XV в. частыя латинскія параллельныя начертанія: „woyewoda B*e*ssarabiae“ и „woyewoda B*a*ssarabiae“ (напр. 1396 г.=Улян. № 11), равно какъ славянскія начертанія: „воевода Бдсарабьскии“ (напр., въ грам. 1395 г. = Улян. № 10). Впрочемъ спеціально имена „Гдрасимъ“ и „Оксдна“ еще не попадаются на западѣ, сколько помню, въ памятникахъ XIV—XV вѣка. Да и по памятникамъ нарѣчія вост.-малорусскаго начертаніе „Гдрасій“ мнѣ впервые припоминается на л. 20-мъ Кіево-

домъ отличимый отъ неударнаго *е* (= э), также очень легко подвергается на Украинѣ уподобленію съ сосѣднимъ звукомъ *а* [1]), отчего иное русское слово, напр., «надзиратель», спо-

Михайловскаго монастырскаго помянника XVI вѣка (тамъ, гдѣ вписанъ „род єсифив с Киева", т.-е. родъ Іосифовъ изъ Кіева); и еще см. въ томъ же помянникѣ на л. 33: „Гарасіма" (гдѣ вписанъ родъ „Лузчинъ", т. е. Лізчин, Лозкинъ); см. еще л. 85 подъ 1619 г.: „Гарасима" (тамъ, гдѣ „поминаніє єродиякона"). Тамъ же въ Кіево-Михайловскомъ помянникѣ можно, замѣтимъ кстати, найти и много другихъ такихъ именъ съ а вмѣсто є (напр., „єрея Савастіана" Переяславскаго. л. 72, и пр.).—Позволительно западнымъ малоруссамъ съ полнымъ правомъ возставать противъ литературизаціи такихъ непріятныхъ восточно-малорусскихъ вульгарныхъ фонемъ, какъ вышеотмѣченныя вост.- мр. „п*а*рчатка" и „хам*а*леóн", но діалектологу не мѣшаетъ помнить, что въ отдѣльныхъ зап.-мр. говорахъ случаи уподобленія звука *е* звуку *а* принимаютъ иногда тоже очень сбивчивый характеръ, порождая фонемы ничуть не лучше, чѣмъ вышеупомянутое локальное вост.-мр. „п*а*рчатка".— Замѣтимъ при случаѣ, что общемалорусское слово „с*а*літра" (=с*е*литра) содержитъ въ себѣ звукъ *а* вполнѣ правильный (срв. латинск. s*a*lnitrum и общеевропейское s*a*lpêtre, S*a*lpeter), а наоборотъ—въ русскомъ словѣ „с*е*литра" звукъ *е* есть вторичный.

[1]) *§ 37.* Есть два-три слова, въ которыхъ звукъ *а* (якобы вмѣсто *и*) оказывается не узколокальнымъ, но общемалорусскимъ. Сюда принадлежатъ слова: „пан*а*хи́да" (=русск. „панн*и*хида", παννυχίς) и патрахи́ль (=„еп*и*трахиль"), возникшія навѣрно не позже XV вѣка; срв. въ помянникѣ XVI вѣка кіевскаго Михайловскаго монастыря на л. 3: „потрахилю сущу на немъ" (здѣсь написано „по" въ силу смѣшенія предлоговъ по и па); на л. 4: „панахіда"; на л. 5: „на тыхъ панахидах"). Однакожъ и у православныхъ арабовъ эпитрахиль называется „б*а*трашін" (звука *п* у арабовъ нѣтъ, а *н* и *л* могутъ у нихъ смѣшиваться). Не звучало ли это слово еще у самихъ грековъ πατραχήλ, прежде чѣмъ его усвоили отъ нихъ малоруссы и арабы? Что касается „пан*а*хиды", то, повидимому, исторія его у малоруссовъ такова: греческое παννυχίς пришло къ намъ изстари не только въ звуковой формѣ „паннихыда", но и въ формѣ „панѵхыда" (срв. въ февральскихъ Четьяхъ-Минеяхъ XV в. Московской Духовной академіи № 584, л. 147); это неударное ѵ стало звучать какъ неударное о, и ужъ это о уподобилось предыдущему звуку а. Иначе сказать: панн*ю*хіда=пан*у*хыда=пан*о*хида=пан*а*хида.

собно вдругъ послышаться въ устахъ украинца, какъ «наз*а*ра́тиль» [1]). Все это можетъ галичанину показаться похожимъ па а́канье.

Конечно, никакого вліянія великорусскаго а́канья усмотрѣть въ «*ба*гатий» и въ т. п. фонемахъ—нельзя, хотя бы, просто ужъ потому, что всѣ эти явленія констатируются еще въ стариннѣйшихъ нашихъ памятникахъ, да не совсѣмъ чужды они и нарѣчію западно-малорусскому, что́ бы ни говорили галицкіе писатели. Тѣмъ не менѣе въ галицкой литературѣ замѣчалось долгое противодѣйствіе узаконенію такого ассимиляціоннаго *а* на письмѣ.

Въ концѣ концовъ, однако, побѣду въ общемалорусской орѳографіи одержала санкція этого звука *а*, съ небольшими лишь ограниченіями.

в) Руководящіе орѳографическіе принципы, которые tacito consensu при этомъ примѣняются, могутъ быть формулированы такъ:

«Въ литературной рѣчи надо писать *а*, а не *о*, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда звукъ *а* слышится въ безусловно преобладающемъ большинствѣ говоровъ. Однако слѣдуетъ при этомъ отличать слова́ чисто-малорусскія или хотя бы иностранныя, но усвоенныя очень давно, отъ тѣхъ иностран-

[1]) Кромѣ закона ассимиляціи, въ подобныхъ случаяхъ иногда дѣйствуютъ и нефонетическіе законы аналогіи. Напр., интересно, что имя архистратига „М*и*хайла“ малоруссы любили произносить въ XVI в. какъ „М*а*хайло“. Срв. въ кіево-Михайловскомъ помянникѣ XVI—XVII в. „прі обители М*а*хайла Ар[хи]стратіга“ (л. 81). То же— въ монашеской записи ок. 1561 года, сдѣланной на послѣднемъ листѣ Четвероевангелія Михайловскаго монастыря (до 1526 г.): „у манастырь с[вя]того М*а*хаила Золотоверхаго“. Должно быть, это *а* появилось не столько въ силу ассимиляціи неударнаго слога ударному, сколько въ силу представленія объ огненномъ мечѣ, которымъ махаетъ архистратигъ.—По поводу же такихъ начертаній, какъ „К*а*ликія“ вм. „Киликія“ въ галицкой рукописи XVII вѣка Меѳодія Патарскаго (Франко: „Пам'ятки“, т. IV, стр. 273), замѣчу, что этотъ звукъ *а* возникъ не на малорусской почвѣ, а еще на греческой или на турецкой (турки называютъ Киликію „К*а*лукйа́“).

ныхъ словъ, которыя вошли или входятъ въ употребленіе лишь съ недавняго времени и правильное этимологическое произношеніе которыхъ съ *о* тщательно соблюдается малорусской интеллигенціей».

Потому:

I. Надо обязательно писать съ *а* (не съ *о*): б*а*гáтий, б*а*гáто, б*а*гатúр, г*а*лáнцї (=штаны; но голáндський), г*а*нчáр (и г*а*нчірка), г*а*рáзд, г*а*рúчий, г*а*рúчка, к*а*жáн, к*а*ламýтний, к*а*латáти, к*а*лáч, к*а*лáчики (=мелкая мальва), к*а*настáс (поскольку это слово вообще допустимо въ литературной рѣчи наряду съ общеупотребительнымъ ік*о*н*о*стáс), кáт*а*ржний (въ смыслѣ «тягостный»; но кáт*о*рга и кáт*о*ржник) [1]), к*а*чáн, м*а*настúр (и м*а*нáх—параллельно съ м*о*нáх), с*а*лдáт, с*а*лдацький, с*а*лтáн (поскольку это слово употребительно при обычномъ с*у*лтáн), х*а*зя̈їн, х*а*зя̈на, ч*а*бáн. И, конечно, надо строго придерживаться исконной морфологіи и ороографіи: дом*а*гáтися, пом*а*гáти, г*а*ня̈ти, л*а*мáти (но пр*о*щáтися, пр*о*щáй! перепрóшувати, дозв*о*ля̈ти), будь лáск*а*в, ласк*а*вúця, М*а*кéй (но Мóкій), Р*а*дивóн, Р*а*днькó (при Ір*о*дíóн).

II. Можно въ литературѣ писать параллельно, безъ всякаго различія, согласно съ безразличнымъ живымъ словоупотребленіемъ: С*а*л*а*мóн (и С*а*л*и*мíн) и С*о*л*о*мóн [2]),

---

[1]) Такимъ образомъ, существуетъ отличіе между словами кáт*а*ржний (=тягостный, проклятый и т. п.) и кáторжный (=относящійся къ каторгѣ). Напр., кáт*а*ржна робота=тягостная работа, а каторжна робóта=работа, совершаемая на каторгѣ.

[2]) Для старо-этимологической поддержки этого обоюднаго правописанія срв. лат. S*a*lomo, хотя по-греч. Σολομών, при женскомъ имени съ *а*: Σαλώμη=Саломéя, Солóха. Кстати отмѣтимъ, что въ формѣ „Салимін“ (иногда даже „Селимін, — срв. въ кіев. кн. кгродской 1736 г. =Антон. и Козлов., стр. 25) звукъ и происходитъ не изъ о и не изъ а, а самостоятеленъ.

манáх и монáх [1]), Волосажáр и Волосожáр, кри́лас и кри́лос. У молодыхъ писателей замѣчается большáя наклонность узаконить вакзáл, параллельно съ вокзáл [2]), парахóд (наряду съ однозначащимъ пароплáв), каля́ска и коля́ска.

III. Напротивъ, надо писать только *о*, согласно общемалорусскому произношенію, а не локальное *а*, въ словахъ: кáторга и кáторжний (въ смыслѣ «относящійся къ каторгѣ», въ отличіе отъ другого прилагательнаго: кáтаржний, означающаго просто «крайне тягостный, постылый»), іконостáс (при допустимомъ лишь въ видѣ колоритнаго вульгаризма «канастáс»), Іродіон (при Радивóн), козарлюга [3]), комáнда, корáбль, или корабéль [4]) коря́вий, москáль, погави́ці, погáний, прощáтися; прощавáйте!, сапоги́ (поскольку это угасшее слово не должно быть вовсе исключено изъ литературнаго языка), скомпонувáти.

Въ разрѣзъ съ господствующимъ малорусскимъ произношеніемъ («галáнський) принято писать, согласно съ европейскимъ произношеніемъ: голáндський, Голандія (хотя всегда пишется: галáнці, въ смыслѣ «заграничныя кургузыя брючки»).

Неударносуффиксное слово дàрмо или задáрмо (=даромъ, понапрасну) пишется, какъ и произносится, съ буквою *о*, потому что ударносуффиксное слово дармá (=даромъ, напрасно) имѣетъ совсѣмъ другой, самостоятельный суффиксъ, и параллельное чередованіе суффиксовъ *мо* и *ма*

---

[1]) Срв. греч.—стар. μοναχός и новогреч. μαναχός.

[2]) Отчасти это могло бы оправдываться и этимологически. Англійское слово „to walk“ (=прохаживаться), отъ котораго происходитъ „вокзалъ“, произносится средне между „уок“ и „уак“.

[3]) и, конечно, только козáк, потому что произношеніе „казáк“ даже локально не подмѣчено нигдѣ у малоруссовъ.

[4]) и это—не обращая вниманія на то, что въ старыхъ малорусскихъ памятникахъ начертаніе „карабль“ есть одно изъ обычныхъ (срв. § 33, д = стр. 246—247).

констатируется въ самыхъ старыхъ южнорусскихъ памятникахъ [1]).

Объ обязательности написанія предлога роз (а не раз) см. § 23, 6, в. (Тамъ же и насчетъ начальнаго *О* въ именахъ типа *О*лександер, *О*лекса.)

Интеллигентное слово п*о*ртрéт (le portrait) пишется съ *о*. Но колоритно-вульгарное слово п*а*трéт, обыкновенно содержащее въ себѣ комическій оттѣнокъ, всегда писалось и пишется съ буквою *а* и съ пропускомъ буквы *р* въ первомъ слогѣ,—т. е. и въ литературной рѣчи это вульгарное слово сохраняется въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было заимствовано малорусскими крестьянами отъ захожихъ великорусскихъ торговцевъ, отъ солдатъ и т. п. Писать же: «па*р*трèт» (съ сохраненіемъ вульгарнаго *а* и со вставкой интеллигентнаго *р*) есть «смѣсь французскаго съ нижегородскимъ».

IV. Наконецъ, ни букву *а*, ни букву *о*, но просто букву *У* слѣдуетъ писать въ словѣ б*у*мáга, гдѣ звукъ *у*, должно быть, происходитъ изъ носового юса ѫ [2])... Мы говоримъ: «слѣдуетъ писать *у*», — если вообще слѣдуетъ употреблять въ литературной рѣчи самое то слово «бумáга», которое, по всей вѣроятности, будетъ вскорѣ вытѣснено изъ литературы общемалорусскимъ словомъ папíр (род. папéру).—Предпочтительнѣе держаться и на письмѣ широко распространеннаго произношенія с*у*лтáн, чѣмъ с*а*лтáн (и во всякомъ случаѣ нельзя писать по-локальному «солтáн») [3]).

---

[1]) Срв. въ червонорусскихъ „Словахъ Григорія Богослова" XI в. наряду съ „тъкъмо" (=токмо, только) другую морфему „тъкьма" (удареніе, повидимому, на *ма*), л. 375 об. Срв. еще въ буковинской присягѣ воеводы Стефана 1462 г.: „токм*а* абы" (=Улян. № 93).

[2]) Срв. греч. βαμβάκιον, средне-лат. bambacium, тюрк. памбýq (въ разныхъ варіаціяхъ), персидское пäнбäh (изъ болѣе стараго панбак), осетинское бäмпäг.

[3]) хотя въ старыхъ документахъ можно не разъ найти написаніе съ *о*. Напр., въ книгѣ кгродской Луцкой 1569 г. (=Антон.

г) Как видим, орѳографическiй методъ, наиболѣе принимаемый въ малорусской литературѣ [illegible] [illegible] рода, основан в общем на почвѣ вполнѣ [illegible]-*[illegible]* живого языка. Именно: какое произношенiе среди малороссовъ *преобладаетъ*, то и для письменной рѣчи является нормою. Только Драгомановъ, как *исключенiе*, отказывается [illegible] для литературы [illegible] и в литературной родной рѣчи установилось правописанiе на европейскiй ладъ: голландскiй, согласно интернацiональному произношенiю.

Однимъ [illegible] такимъ же образомъ [illegible] (Козлов. № 7, стр. 13): „княгиня Олена Салтановна", „пан Салтанъ Александровичъ" (стр. 15). Фамилiя „Салтановъ" была одна из родовитыхъ волынскихъ и играла не разъ важную политическую роль; в частности извѣстенъ Iосифъ Салтанъ, который в 1507 г. был поставлен в кiевскiе митрополиты (ум. в 1521 г.) а еще при жизни своей „уступилъ" (т. е. попросту продалъ) другому лицу право наслѣдовать послѣ себя кiевскую митрополiю (ср. Грушевскiй, „Исторiя Руси-Украины" т. V, стр. 415). Сохранилась писанная в Кiевѣ в 1508 г. [illegible] [illegible] „[illegible] господарського Салтана Александровича" монастырю Николо-Пустынскому (сохр. в [illegible], [illegible].

[illegible]ное вокзáл, [illegible] (угодное) паро-хóд¹) или вульгарное парахóд; ~~[illegible]~~ [illegible] трудно. Мы в своей грамматике будем для двух последних слов [illegible] безразлично обоих написаний.²)

Так как, если не всех, мы условимся обозначать по-украински букву а (из о), то во всех словах [illegible] с этой орфографией; те же, которые действительно дорожат [illegible], подчиняются этой орфографии и ранее.

[illegible] Вѣстн. и [illegible] Россiи", т. I, СПб, 1863, № 48, стр. 36–37). Отрывок из этого „места [illegible] [illegible]" [illegible] в [illegible] 1936 года (№ 47, л. 305 об. = [illegible] № 19, стр. 40).

1) Вот что [illegible] слова: паро-[illegible], [illegible] [illegible] слове: пароход.

2) [illegible] (ради [illegible] для читателей) стоят на стороне демократических вокзал и па-рахóд, которые слышатся широко распространённые по всей Украине.

Глава седьмая.

О неокончательной установленности малорусскаго литературнаго правописанія.

(Про те, що вкраїнську правопись іще и досї не впорядковано вкрай.

§ 38. **Орѳографическая разногласица австрійцевъ-галичанъ и россійскихъ украинцевъ.**

а) Вышеразсмотрѣнная нами (§ 28, в) новогалицкая орѳографія «крутить ся» (при общепринятой украинской орѳографіи: «крутиться»), галицкія колебанія по поводу «б*а*гатий» и «б*о*гатий» и прочіе подобные факты ужъ позволили читателю молчаливо констатировать одно важное (и для многихъ довольно непріятное) обстоятельство: малорусское литературное правописаніе далеко еще не установилось; есть пункты правописанія (**независимые даже отъ разности говоровъ**), въ которыхъ одни малорусскіе литераторы считаютъ допустимой одну орѳографію, а другіе—другую.

б) Въ большинствѣ случаевъ, какъ мы подчеркнули, орѳографическія разногласія зависятъ не отъ разности говоровъ: подолянинъ Россійской имперіи, говорящій зап.-мр. нарѣчіемъ, обыкновенно совпадаетъ въ своемъ литературномъ право*писаніи* съ приднѣпровцемъ, который говоритъ нарѣчіемъ восточно-малорусскимъ, — и этотъ же россійскій подолянинъ рѣзко расходится въ правописаніи съ подоляниномъ австрійскимъ, хотя оба говорятъ совершенно одинаково. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, поэтому, приходится говорить объ орѳографическихъ спорахъ не между восточнымъ и западнымъ малорусскимъ нарѣчіемъ, а просто о спорахъ между малороссами австрійскими (галичанами и буковинцами) и малороссами россійскими.

в) И причина такихъ разногласій заключается въ разности тѣхъ историческихъ условій, при которыхъ вырабатывалось литературное правописаніе Галичины и Украины. Литература украинская съ перваго же момента своего возрожденія стремилась быть во всемъ архипростонародной (Котляревскій, Квитка и др.) и допускала этимологизацію своего правописанія лишь постольку, поскольку этимологизація не нарушала простонароднаго живого духа письменной рѣчи. Галичина же, съ ея клерикализмомъ, въ XIX-мъ вѣкѣ упорно и цѣпко держалась за схоластическій малорусско-церковно-польскій жаргонъ («язычіе»), процвѣтавшій въ литературѣ XVII—XVIII столѣтій; она никогда не была въ силахъ всецѣло отряхнуться отъ путъ «язычія» (вплоть до нашихъ дней) и считала вполнѣ нормальнымъ — калѣчить живую народную рѣчь, воспроизводя ее на письмѣ въ такомъ видѣ, который подходилъ бы къ духу мертваго «язычія». При этомъ на галицко-малорусскую орѳографію XIX вѣка вновь дѣйствовали, съ одной стороны, орѳографическія вліянія языка польскаго (который въ Галичинѣ заполняетъ собою всѣ области жизни), а съ другой стороны— вліянія такъ называемыя «москалефильскія», проводимыя той галицкой партіей, которая желала бы совсѣмъ уничтожить малорусскій языкъ («языкъ чабановъ и хлоповъ») и замѣнить его языкомъ «Московскихъ Вѣдомостей». Съ 70-ыхъ годовъ сюда присоединилось т. н. «рутенство»: испугавшись широкаго демократизма украинской литературы (и въ частности—публицистической дѣятельности Драгоманова) и желая проявить свою сугубо-австрійскую лояльность, заскорузлые галицкіе реакціонеры или запуганные люди рѣшили, что галицкіе русины (Rutheni) должны представлять собою нѣчто совсѣмъ отдѣльное, «рутенское», — отдѣльное не только отъ Россіи, но и отъ Украины, и что «рутенской» Галичинѣ нечего заботиться о какомъ-то общемалорусскомъ единствѣ. Въ языкѣ своемъ и въ правописаніи рутенство тѣсно примкнуло къ прежнему язычію, лишь немного подновивши его въ духѣ нѣкоторыхъ мѣстно-галицкихъ говоровъ.

Влїянїю рутенскаго языка и правописанія подчинились, или невольно, или изъ оппортунизма, даже тѣ галичане (т. н. «украинофилы»), которые вовсе не желали порывать отношеній съ Украиною. Поэтому съ конца 70-ыхъ и начала 80-ыхъ годовъ мы видимъ даже въ «украинофильствующей» галицкой литературѣ глубоко-антиукраинскія орѳографіи, идущія вразрѣзъ съ тѣми общемалорусскими орѳографіями, которыя примѣнялись болѣе старыми украинофильствовавшими галичанами же прежде, въ 60 — 70-ыхъ годахъ. Такъ, вмѣсто недавняго «руський» и «турецький» галичане 70—80-хъ гг. стали писать рутенское «рускій» и «турецкій», вмѣсто общемалорусскаго «*вона́*, *воно́*, *вони́*» пошло въ ходъ рутенское «она́, оно́, они́», вмѣсто общемалорусскаго «цей, ця» (=этотъ, это) стали писать только «сей, ся», вмѣсто общемалорусскаго «мінї» или «минї» (мнѣ)—писать «менѣ» (въ лучшемъ случаѣ—«менї»), и т. п., и т. п. Эти рутенскія орѳографіи, усвоенныя галицкими украинофилами, противорѣчили произношенію не только украинскому, но отчасти и галицкому съ буковинскимъ, потому что и въ Галичинѣ съ Буковиной очень легко услышать изъ устъ простого народа: «руський, турецький, *вона́*, воно́, вони́, *цей*, *ця*, мі́нї» (наряду съ «*ми*нї»), и пр. Что касается спеціально начертанія «м*е*нї» (вызваннаго аналогіей род. падежа «мене»), то какъ разъ галицкіе и буковинскіе говоры содержатъ въ себѣ очень яркое доказательство непригодности этой орѳографіи съ *е* [1]) и свидѣтельствуютъ о необходимости принять орѳографію или «*ми*нї», или —

[1]) Именно, у галичанъ и буковинцевъ есть предлогъ *д* (=къ), сочетающійся съ дательнымъ падежомъ и позволяющій (по общемалорусскому закону), чтобы въ зависящемъ отъ него мѣстоименіи удареніе передвигалось на предпослѣдній слогъ. Такимъ образомъ, мы слышимъ у галичанъ и буковинцевъ: „д мі́нї" (выгов. „дъ мы́ни") съ у д а р е н і е м ъ на „*ми*" (срв. галицкій словарь Желеховскаго, т. I, стр. 171), откуда ясно, что и безпредложную форму этого дат. падежа, имѣющую удареніе на концѣ, не слѣдуетъ писать съ *е*.— Объ этомъ словѣ, вмѣстѣ съ историческими справками, см. свѣдѣнія въ § 68, а.

какъ наичаще слышится во всей Украинѣ — «мíнї», но только не «менї». [1]). Да и документально наиболѣе яркія свидѣтельства (латинскими буквами) въ пользу орѳографіи «мíнї» даются старыми памятниками какъ разъ западно-малорусскими [2]).

Въ 90-хъ годахъ (отчасти благодаря стараніямъ извѣстнаго галицкаго національнаго дѣятеля—Александра Барвинскаго, отчасти благодаря переселенію украинца проф. Грушевскаго во Львовъ, отчасти подъ разными другими очень немаловажными воздѣйствіями) галицкая малорусская литература успѣла въ значительной степени вновь скинуть съ себя рутенскую шелуху, порядочно почиститься и сильно приблизиться къ украинцамъ какъ вообще въ языкѣ, такъ въ частности въ правописаніи. Тѣмъ не менѣе изрядное количество остатковъ рутенства въ галицкомъ правописаніи сохранилось донынѣ, и единство между орѳографіями малоруссовъ австрійскихъ и малоруссовъ россійскихъ частенько отсутствуетъ.

г) Можетъ ли Галичина разсчитывать, что Украина приметъ ея рутенское правописаніе? Безусловно не можетъ. Если Галичина не успѣла привить украинцамъ свое правописаніе даже тогда, когда малорусская литература была проскрибирована въ предѣлахъ Россійской имперіи и когда украинскіе писатели *принуждены* были ютиться въ галицкихъ журналахъ и соглашаться на изуродованіе своихъ произведеній въ духѣ галицкаго кривописанія, то тѣмъ болѣе не въ силахъ Галичина воздѣйствовать на украинское

---

1) Начертаніе жъ „мéнї“ есть правильное написаніе мн. ч. отъ существительнаго „мень“ (=рыба налимъ).

2) Срв. въ галицкихъ простонародныхъ интерлюдіяхъ Як. Гаватта 1619 г. (гдѣ буквы і и у смѣшиваются): „każy m*i*ni, iak żywesz“, „uciukł by m*y*ny do bysa“, „a choczesz m*i*ni wirity?“, „musit m*i*ni“, „m*i*ni isty dayte“, „to-t sia m*i*ni snylo“, „rykl m*i*ni“ (и ни разу нѣтъ „meni“). Или—въ пѣснѣ 1-й полов. XVII в. (изд. въ „Зап. Т-ва Шевч.“, т. 74, стр. 133): „Boday woroha napala tuha, sczo m*y*ni rozluczaiet milenkoho druha“.

правописаніе **теперь**, когда украинская литература можетъ болѣе или менѣе свободно развиваться у себя на родинѣ. Поэтому, нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что не Украина будетъ отнынѣ приноровляться къ ороографіямъ галицкимъ, а Галичина—къ ороографіямъ украинскимъ, и что, напримѣръ, вышеотмѣченныя начертанія «*цей*, *ця*, *во*на, *во*но, *во*ни, *мі*нї, русьский, туре*ць*кий» и т. п.—станутъ едиными общемалорусскими [1]) и что галицкая (= польская) система писать форму 3-го лица «крутить ся» (т.-е. раздѣльно) уступитъ мѣсто общеукраинской системѣ писать эту форму слитно: «крутиться», и пр., и пр. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что разница между литературнымъ правописаніемъ Украины Австрійской и Украины Русской будетъ все больше и больше сглаживаться.

§ 39. *Примѣчаніе* I. Отъ единства литературнаго **правописанія**, соблюденіе котораго при всей разности говоровъ оказывается и возможнымъ и желательнымъ, надо отличать единство **формъ** и другихъ особенностей **языка**, помимо фонетики. Этого единства едва ли удастся малорусской литературѣ когда-либо достигнуть, потому что между восточнымъ и западнымъ малорусскимъ нарѣчіемъ констатируются неразъ очень серіозныя отличія, которыя не могутъ быть затушеваны никакимъ посредствующимъ правописаніемъ, никакой обобщающей этимологизаціей. Вѣдь какъ съ отличіями поступать? Требовать изгнанія западно-малорусской черты изъ литературной рѣчи? Ну, а если это будетъ такая черта, которая свойственна не одному какому-нибудь зап.-мр. говору, но всему зап.-мр. нарѣчію и, пожалуй, констатируется также въ нѣкоторыхъ говорахъ восточныхъ? Вотъ, напримѣръ, все зап.-мр. нарѣчіе знаетъ форму «**в ню**» (= въ нее), и эту форму знаютъ очень многіе вост.-мр. говоры, хотя большинству восточно-малорусскихъ говоровъ она чужда (тамъ извѣстна лишь форма «**в не́ї**» или «**в її**»). Можно ли требовать, чтобы

[1]) Наиболѣе талантливые галицкіе писатели уже и приняли ихъ.

къ общемалорусской литературной рѣчи употреблялась только форма «в неї» и чтобы форма «в ню», несмотря на свою широкую распространенность, была изъ литературы изгнана? Очевидно, нельзя, — и поэтому мы видимъ въ общемалорусской литературной рѣчи свободное параллельное пользованіе обѣими формами. Но повторяемъ, что такія явленія относятся ужъ къ области малорусской морфологіи, къ области образованія формъ, а не къ области правописанія. Въ правописаніи же можетъ быть со временемъ достигнута малорусской литературой болѣе или менѣе полная однородность, которой теперь еще нѣтъ.

§ 40. *Примѣчаніе* II. Неоднородность въ правописаніи фамилій и географическихъ именъ.

а) Вѣроятно, никогда также не удастся достигнуть однородности въ правописаніи тѣхъ именъ собственныхъ (географическихъ и личныхъ), которыя чуть ли не всѣми малоруссами произносятся и пишутся на одинъ ладъ, а заинтересованными мѣстностями или лицами произносятся и пишутся на другой ладъ. Всегда придется для нихъ допускать или двѣ ороографіи параллельныя, или, — если приходится считаться съ индивидуальнымъ желаніемъ опредѣленной фамиліи, — надо бываетъ принять только ту завѣдомо неправильную ороографію, какой придерживается данная фамилія, хотя бы родственные глагольные корни и однозвучныя имена нарицательныя писались совсѣмъ иначе. Такая уступка бываетъ неизбѣжна не только въ нашей литературѣ, но и во всякой.

б) Мы, напримѣръ, знаемъ, что по-русски грамматично было бы писать съ буквою *о* фамилію «Корзинкинъ» или «*О*хлѣбининъ»; но разъ мы встрѣчаемся съ фактомъ, что существуютъ извѣстные московскіе роды, которые себя пишутъ «К*а*рзинкинъ» и «*А*хлѣбининъ», то и мы принуждены спеціально ихъ фамиліи писать съ *а*, хотя при этомъ прекрасно сознаемъ, что совершаемъ грубѣйшую этимологическую ошибку. Подобнымъ же образомъ мы и въ области

своего языка можемъ себѣ великолѣпно знать, что уменьшительная форма отъ имени «Гр*и*горій» была у малоруссовъ искони «Гр*и*н(ь)кó» (съ *и*, а не съ *i*) [1]) и что образуемая отъ этого имени (очень обычная въ селахъ) фамилія «Гр*и*нчéнко» [2]) произносится всегда съ твердымъ *и*,—а тѣмъ не менѣе, если извѣстный писатель въ силу какихъ-то индивидуально-психологическихъ или семейно-историческихъ основаній подписываетъ свои произведенія: «Г р *і* н ч é н к о» (съ *i*), то и мы принуждены этому подчиниться и писать е г о фамилію съ буквою *i*, завѣдомо мирясь съ такой противоэтимологичностью. Такъ же, если извѣстный драматургъ Кропивницкій выговариваетъ свое собственное имя «К р о п *і* в н *ї* ц ь к и й», то мы можемъ себѣ сознавать, что такое его произношеніе рѣзко противорѣчитъ законамъ этимологіи, не совпадаетъ съ народнымъ выговоромъ и непріятно поражаетъ нашъ слухъ,—и однако е г о - т о фамилію мы принять должны именно въ этомъ самомъ неорѳографическомъ начертаніи: «Кроп*і*вн*ї*цький».

в) Съ гораздо бóльшимъ спокойствіемъ для филологиче-

---

1) Напр., въ галицкой размежевочной грамотѣ 1404 г. въ качествѣ одного изъ свидѣтелей вписанъ „Гр*и*нко Соколецкій“ (=Акты Юж. и Зап. Росс., т. I, № 9, стр. 5; Голов. № 27, стр. 26).—Въ галицкомъ передаточномъ листѣ 1409 г.: „изъ Гр*и*нькомъ Сочивьчичьмъ“ (=Голов. № 30, стр. 33).—Въ волынской Острожской жалованной грамотѣ 1438 г. вел. кн. Швитригайла жалуемый имъ „панъ Григорьй Стреченовичь“ иначе именуется „панъ Гр*и*нко“,—три раза (=Акты, т. I, № 20, стр. 13).—Въ почти одновременной (1437 г.) кіевской Швитригайловой грамотѣ, дошедшей до насъ въ спискѣ XVI вѣка, упоминается членъ кіевской великокняжеской рады „панъ Гр*и*нко Сурвиловичь“ (=Акты, т. I, № 19, стр. 12). И мн. др. — Въ транскрипціи польско-латинской (которая впрочемъ для вопроса о звукахъ *ы* и *i* слишкомъ не надежна) это имя писалось съ буквою *y*: „Hr*y*ńko“. Срв., напр., польскую жалованную грамоту короля Александра (Свидригайла) 1499 г. на имѣнія въ южной Кіевщинѣ, владѣтель которыхъ пишется: „ziemianin Czerkaski Hr*y*ńko Waśkiewicz“ (=Антонов. и Козлов. № 13, стр. 33).

2) „Грин*ченко*“ значитъ „потомокъ Грин[ь]ка“, „сынъ Грин[ь]ка“.

ской совѣсти должны мы допустить въ литературной ороографіи туземное произношеніе имени какой-нибудь географической мѣстности, несовпадающее съ тѣмъ выговоромъ, какой усвоили себѣ почему-либо малоруссы другихъ областей. Туземное произношеніе основано бываетъ не на единоличномъ капризѣ и не на единоличной случайности, но—обыкновенно—на какихъ-нибудь серіозныхъ звуковыхъ малорусскихъ законахъ, и очень часто восходитъ къ почтенной древности. Поэтому, напримѣръ, сверхъ общемалорусскихъ ороографій: «Чернигів», «Вінниця» (въ Подоліи), «Звенигородка» (въ Кіевщинѣ), мы обязаны признать въ литературной рѣчи параллельную возможность писать эти же имена по-туземному: «Чернїгів», «Вїн(н)иця», «Звиногородка». Это совпадаетъ и съ показаніями историческихъ документовъ.

По стариннымъ памятникамъ, оба начертанія: «Черниговъ» и «Чернѣговъ»—искони употребляются параллельно и,—безъ всякаго различія,—свободно чередуются другъ съ другомъ. Примѣры параллельныхъ написаній (съ и и съ ѣ) можно въ изобиліи найти какъ въ Начальной лѣтописи (по разнообразнымъ спискамъ), такъ и во всѣхъ послѣдующихъ документахъ, и причина заключается въ обычномъ общемалорусскомъ смѣшеніи двухъ родственныхъ суффиксовъ: -ига и -ѣга [1]). То же чередованіе мы констатируемъ и въ польско-латинскихъ оффиціальныхъ бумагахъ (Czernyhów и Czerniechów), причемъ даже въ торжественномъ королевскомъ титулѣ не соблюдалось единообразіе: то король писался «Augustus tertius,... magnus dux Severiae Czerniechoviaeque» [2]), то «Augustus tertius, magnus dux Seweriae Czernichoviaeque» [3]). Изъ польскихъ документовъ видно, что еще

[1]) См. по этому вопросу у меня въ „Филологіи и Погодинской гипотезѣ“, стр. 89—90.

[2]) См. кіевскую книгу кгродскую 1736 г. № 47, л. 263 об. (=Антонов. и Козлов. № 12, стр. 24).

[3]) Тамъ же, въ кіевской книгѣ кгродской 1736 г. № 47, л. 305 об. (=Антон. и Козлов. № 19, стр. 39).

въ XVIII вѣкѣ въ имени города Чернигова могъ слышаться дифтонгъ *іе* [1]).

Начертаніе «Вѣница» (а то иногда и «Веница») было не далѣе даже, какъ въ XVI вѣкѣ, прямо преобладающимъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ петриковской жалов. грам. 1504 г. короля Александра Свидригайла на имѣніе въ Браславщинѣ [2]): «земянинъ Вѣницкій Шулга Долбыничъ» [3]). Въ дарственной записи 1508 г. князя К. И. Острожскаго на Туровскомъ Евангеліи XI в.: «староста Луцькыи и Браславскыи и Вѣницькыи»; и то же въ его записи 1513 года на томъ же Туровскомъ Евангеліи [4]). Въ бѣлорусскомъ спискѣ съ берестейской грам. 1517 г. короля Сигизмунда князю Сангушку: «староста Бряславскій и Вѣницкій», «тыи замки наши Бряславль и Вѣницу». Списокъ съ этой грамоты внесенъ въ Литовскую Метрику [5]), и упоминаемый «староста Вѣницкій» — это гетманъ кн. К. И. Острожскій; вообще въ Литовской Метрикѣ внесено много королевскихъ грамотъ, данныхъ кн. Острожскому, и вездѣ онъ титулуется: «староста Луцкій, Бряславскій и Вѣницкій» [6]). Въ книгѣ Луцкой кгродской 1567 г. (№ 2042, л. 241) упомянутъ другой «староста Луцкий, Бряславский и Вѣницкий»—кн. Богушъ Федоровичъ Корецкій [7]) и всякіе люди «з Бряславля и з Веницы» [8]) Князь Богушъ Корецкій

---

1) Одинъ квасно-великорусскій ученый, А. Соболевскій, пытался было объяснить мѣстное малорусское произношеніе имени „Чернїгів" вліяніемъ великорусскаго произношенія. Очевидно, онъ не позаботился внимательно почитать даже лѣтопись.

2) Теперь оффиціально этотъ городъ пишется лишь „Брацлавъ", но въ устахъ мѣстныхъ жителей часто мы слышимъ: „Брáслав".

3) Изд. у Антонов. и Козлов. № 18, стр. 38.

4) Есть и печатное изд. обѣихъ грамотъ — у Срезневскаго: „Свѣд. и Зам.", т. II, стр. 118—119.

5) а оттуда изданъ во II т. „Актовъ, отн. къ ист. Юж. и Зап. Росс.", стр. 128—129.

6) Значительное количество этихъ грамотъ издано во II-мъ томѣ „Актовъ".

7)=Антонов. и Козлов. № 54, стр. 120, 128.

8)=Тамъ же, стр. 125.

небезызвѣстенъ какъ грабитель, и сохранилась штрафная грамота короля Сигизмунда-Августа 1569 г., посланная изъ Люблина этому «старосте Луцкому, Браславскому и Вѣницкому» [1]). Въ грамотѣ того же вѣка отъ короля Сигизмунда княгинѣ Беатѣ Острожской читаемъ: «старостиная Браславская и Вѣницкая» [2]). Въ Кіево-Михайловскомъ монастырскомъ помянникѣ конца XVI вѣка вписанъ и родъ вышеупомянутаго кн. Богуша Корецкаго, «воеводы Волынъского, старосты Луцкого, Бряславского и Вѣніцького» (л. 20), и родъ какого-то «Бориса з Вѣніцы» (л. 40); и тамъ же въ XVII вѣкѣ, подъ 1620 г., вписанъ для поминанія «Іаковъ с Прилуки, с под Вѣницы» (л. 91), а подъ 1622-мъ г.— «род Дмитра Онисковича з Вѣницы» (л. 99).—Начертаніе же «*Винн*иця» (съ *и* и съ удвоеннымъ *нн*) дѣлается обычнымъ ужъ попозже, такъ что копіи съ грамотъ того же короля Сигизмунда-Августа (XVI в.), который, какъ мы выше видѣли, издавалъ ихъ съ буквою ѣ, вносятся въ Винницкую книгу кгродскую 1797 г. уже съ систематическимъ *инн*: «старосты В*инн*ицкого», «въ повети В*инн*ицкомъ», «за лесомъ В*инн*ицкимъ», «староста В*инн*ицкий», «съ В*иннницы*», и пр., и пр. (№ 4797, л. 83) [3]). Но мѣстные жители и донынѣ называютъ свой городъ: «Ві́ниця», изрѣдка— «Ві́нниця» (съ удвоеннымъ *нн*, но все же съ *і*, а не съ *и*).

Имя г. Звенигородки въ южной Кіевщинѣ произносится мѣстными жителями, какъ выше упомянуто, «З в *и* н о г о р о́ д к а» [4]), поляками—Zwinogrodka. И это произношеніе можно прослѣдить документально съ первыхъ же моментовъ колонизаціи опустошенной Звенигородщины XV вѣка. Такъ, въ польской жалованной грамотѣ 1499 г. короля Александра-Свидригайла на имѣніе въ Звенигородщинѣ читаемъ: «zie-

---

[1]) Издано тамъ же, у Антоновича и Козловскаго, № 59, стр. 149.

[2]) См. въ Румянцевскомъ Музеѣ коллекцію № 71, грамоту 8-ю.

[3])=Антонов. и Козлов., дополн. № 5, стр. 161-162.

[4]) Иногда слышится и „Звинагоро́дка" — по пріуроченію къ словамъ „нагоро́да" (=награда) и „винагоро́да" (=вознагражденіе). Но такое произношеніе—рѣдко.

mianina Zwinogrodzkiego»[1]). Въ подтвердительной грам. 1540 г. короля Сигизмунда I—то же: «ziemianina Zwinogrodzkiego Fedka Waśkiewicza»[2]). Въ грам. Сигизмунда-Августа 1562 г., касающейся опять того же имѣнія, систематически пишется: w Zwinohorodczyznie»[3]). Въ купчей крѣпости 1523 г. кн. К. И. Острожскаго покупатель титулуется «старостою Браславскимъ, Звиногородскимъ и Вѣницкимъ»[4]). Въ Кіево-Михайловскомъ монастырскомъ помянникѣ XVI—XVII в. подъ 1620-мъ годомъ вписанъ «род Купачков из Звинoгородки» (л. 109).

Если грамматика не имѣетъ права требовать, чтобы всѣ малоруссы отказались отъ привычнаго для нихъ произношенія: «Черн*и*гів», «В*инн*иця» и «Зв*е*н*и*городка» и усвоили этимологически-правильное и документально старинное произношеніе **м ѣ с т н ы х ъ** жителей («Чернїгів», «Вїниця», «Зв*и*н*о*городка»), то, съ другой стороны, не можетъ она также требовать, чтобы было упразднено это живое мѣстное произношеніе, имѣющее за собою столѣтія, и чтобы на немъ не могло быть основываемо литературное правописаніе. Необходимо допустить параллельно **д в ѣ** ороографіи и считать ихъ одинаково законными.

Продолженіе зап.-мр. стихотворенія 1651 г. (См. стр. 258.)

Biet sia, sczo żywo... Welmy ż my dywno
Da na Osolinskoho,
Sczo nas woiuiet, ne nasliduiet
Kanclira, dziadka swoho.

---

1) Изд. у Антон. и Козлов. № 13, стр. 33.

2) Тоже издана у Антонов. и Козловскаго, № 23, стр. 44.

3) Издана тамъ же, № 41, стр. 90—91.

4) Купчая 1523 г. издана по острожскому подлиннику — въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи", ч. VII, т. 1 (Кіевъ 1886), стр. 67—68.

Tot był spokoyny, ne szukał woyny,
Na na nas natyraiet,
Iako Lah dawny y iunak sławny
Dla Polsky umyraiet.
Baczył rycyra Han podkanclira
Sapiha sczo zbłyżaiet,
A Wyszniowecky y Lubomirsky
Ieho ne wydawaiet.
Mowi Hmil:
«Sczo, neboże Hana? Iak znaiesz, stane
Iak po Pyławeckomu:
Ne utikaiut, ot nastupaiut
Ik hunczukowy Hanskomy».
Mowi Han:
«Oy, ne hladyte! treba sie byty»,—
Han murz napomynaiet.
A Lah ne dbaiet,—murz zabywaiet,
We krwi micz swoy kupaiet.
Paw strah na Hana—słat do hetmana,
Iako nuż u stupyła:
—«Sczob twoia rada, istynna zdrada
Nikomu sia ne snyła!
Ja procz odhozu, da pak wyhozu!
Za zdradu maiu tobi,
Sczo my sie stało! Kolko propało
Murz moich tu! Ra że sobi!» *).
W nohy padaiet, tysiaczy daiet
Hmelnycky tut Hanowy,
Sczob nastupyty da-y Lahow byty
Zawt[r]a weliw woyskowy:

*) Въ этомъ стихѣ я рѣшилъ сдѣлать двѣ поправки сравнительно съ текстомъ, изданнымъ въ „Arch. f. slav. Phil.“. Именно, вмѣсто „za zdradu moiu“ я читаю: „za zdradu maiu“, и вмѣсто безсмысленнаго „tiaraże“ читаю: „... tu! Ra[d'] że“, какъ навѣрное и стоитъ въ рукописи.

Глава девятая.

Изъ судебъ звука *е*. Переходъ *е* въ [ь]*о* и въ *я*.

Дещо про долю звука *е*. Чому він переходить часом в [ь]*о*, а часом—в *я*, або зістается незмінний.

Въ главѣ 4-й, при изложеніи общаго очерка старокіевскаго и всемалорусскаго вокализма XI вѣка, мы ужъ дали главнѣйшія, существенныя указанія и разъясненія насчетъ малорусскаго звука *е*. Мы указали, что нынѣшній малорусскій звукъ *е* (чит. „э“) происходитъ въ однихъ словахъ—изъ стараго глухого гласнаго ь (§ 17, стр. 130—131), причемъ легко бываетъ бѣглымъ, т. е. выпадающимъ (срв. муж. р. „в*е*сь“=вьсь при ж. р. „*вся*“=вьсю), въ другихъ же словахъ—онъ происходитъ изъ основного стараго звука є (§ 19, стр. 192), который способенъ (§ 20, г) подвергаться замѣстительному удлиненію и переходить, черезъ серію дифтонговъ, въ звукъ *і* (срв.=„шєсть“=„ш*іэ*сть“=„ш*і*сть“; „нєсъ“=„н*юо*с“, „н*юэ*с“, „н*юи*с“=„н*ї*с“). При этомъ мы отмѣтили, что въ XI вѣкѣ звукъ є былъ у нашихъ предковъ мягокъ или полумягокъ (стр. 192), т. е. звучалъ вродѣ нынѣшняго полумягкаго-полутвердаго *е* болгарскаго, и лишь въ XIV вѣкѣ вполнѣ отвердѣлъ, да и то не во всѣхъ еще малорусскихъ говорахъ (стр. 194—198).

Въ той же 4-й главѣ, въ § 20, (=стр. 198—200), мы указали на возможность или даже на прямую необходимость—предполагать, что у кіевлянъ и прочихъ малорусскихъ предковъ времени Владиміра Святого различались въ живой рѣчи **два** оттѣнка звука *е* (одинъ—вродѣ полумягкаго *ö*, другой—вродѣ полумягкаго *ä*), которые однако на письмѣ были скрыты подъ одной и той же церковно-славянской буквою **є**.

Необходимость предполагать изстари существованіе не одного, а двухъ оттѣнковъ за прамалорусскимъ звукомъ **є** вытекаетъ, прежде всего, изъ неодинаковаго характера тѣхъ дифтонговъ, въ которые обращался звукъ **є** по закону замѣстительнаго удлиненія (такъ украинское „ш*і*сть“ получилось изъ дифтонгическаго „ш*іэ*сть“, тогда какъ украинское „н*ї*с“—изъ дифтонгическаго „н*юос*“, причемъ въ старину писалась въ обоихъ случаяхъ одна и та же буква **є**: „шєсть“, „нєсъ“; см. объ этомъ § 20, г.).

Эта же необходимость—предполагать **два** разныхъ оттѣнка за старымъ звукомъ **є**—вытекаетъ равнымъ образомъ изъ анализа также тѣхъ случаевъ, когда старинный звукъ **є** не долженъ былъ подвергнуться замѣстительному удлиненію, а оставался неудлиненнымъ. Дѣло въ томъ, что въ одномъ рядѣ такихъ неудлинительныхъ случаевъ звукъ **є** перешелъ въ звукъ *[ь]о*, въ другомъ же рядѣ такихъ случаевъ—онъ перешелъ въ *[ь]а* (пишется *я*), если не остался по прежнему чистымъ *е* (*ä*), только ужъ отвердѣвшимъ (т. е. звучащимъ, какъ *э*).

На стр. 201-й нами были приведены и кое-какіе документально-историческіе образчики переходовъ, въ XI вѣкѣ, звука **є** въ **о** и въ **ꙗ**—по кіевскому Изборнику Святослава 1073 г. и др. Вотъ именно къ этому послѣднему явленію, т. е. къ переходу малорусскаго *е* въ *о* и въ *я* (наряду съ сохраненіемъ въ видѣ *е*), мы и намѣрены вернуться здѣсь еще разъ и освѣтить это явле-

ніе поподробнѣе въ цѣляхъ чисто-практической литературной грамматики. Преслѣдуя здѣсь, прежде всего, цѣль практически-литературную, мы даже систему нашего изложенія примѣнимъ ужъ не ту, которая была нами вкратцѣ примѣнена въ 4-й главѣ, а иную.

Судьба звука *е* послѣ йоты, послѣ шипящихъ и вообще послѣ мягкихъ согласныхъ въ малорусскомъ языкѣ.

§ 51: Въ положеніи передъ согласной твердой.

Гласный звукъ *е* (все равно, происходитъ ли онъ изъ стариннаго є, или изъ стариннаго ѣ) имѣетъ наклонность, передъ слѣдующей далѣе твердой согласной *), подвергаться послѣ йоты и послѣ согласныхъ *ж, ч, ш, щ* переходу въ звукъ *о*.

Примѣры:

1) Послѣ *й*: *йо*гó (=его, т. е. jего), *йо*мý (=ему, т. е. jему), твоúóму (и твоéму; =твоему), бо*йо*вий (=боевой), Макові*йо*ве зїлля (=освященная т. н. Маккавеева зелень), ло*йо*вий (=свѣчно-сальный, „лоевый“), *Йо*хим (а оттуда и *Ю*хим; =Ефимъ, „Іѥхымъ“), множество глаголовъ на—ювáти (типа воювáти[ся] изъ рѣдкаго теперь во*йо*вáти[ся]; =воевать).

2) Послѣ *ж*: *жо*нá (=жена), *жó*втий (=желтый), пиріжóк (пирожекъ), *жо*рстóкий (=жестокій), *жо*рствá (жерства, твердая песчаная глина), бд*жо*лá (=пчела, зап. пч*о*лá)**), но*жо*вий

---

*) Историчнѣе было бы сказать: „передъ слѣдующимъ далѣе твердымъ слогомъ“, а не „передъ твердой согласной“. Но объ этомъ см. ниже, стр. 384, сноска 3-я.

) Вост.-мр. форма *бджолá* (съ б) болѣе архаична, чѣмъ зап. и зап.-мр. форма *пчолá* (съ п): стариннѣйшая форма не только домонгольско-кіевскихъ (напр. Изборн. 1073 г., л. 2. л. 263 об.), но и домонгольско-галицкихъ памятниковъ (напр. Крылосск. Еванг. 1144 г., Луки, гл. 24: 42) есть **БЪЧЕЛА. Даже въ болѣе позднихъ памятникахъ, послѣ потери глухихъ, галичане все еще писали здѣсь букву **Б**; срв., между прочимъ, въ львовскихъ Пандектахъ Антіоха 1307 г. **БЧЕЛЫ** (л. 19-а), **РОИ БЧЕЛНИЪ** (л. 183-б.); въ буковинской грамотѣ 1457 г. „отъ **БЧОЛЪ**“ (=Улян. № 84, стр. 95). Въ обвинительной грамотѣ 1548 года Сигизмунда Августа, писанной по поводу жалобы старосты Ковельскаго, повидимому какимъ-то сѣвернымъ волыняниномъ (=Антон. и Козл. № 36, стр. 72): „и **БЧОЛЫ** деретъ“. Въ Бучацкомъ Ев. XIV и въ Ев. Верковича XIV в.—„бъчолъ“.

(=ножевый).

3) Послѣ *ч*: *чо*ло (=чело, лобъ), *чо*ловік (=человѣкъ), *чо*гó (=чего), *чо*мý (=чему), *чó*рний (=черный), лежа*чо*му (=лежащему), з вé*чо*ра (=съ вечера), гóрщи*чо*к (=горшечекъ), *чо*тúрі (=четыре), *чо*рт (=чертъ), *чò*вен (=лодка, челнокъ), в*чó*ра (=вчера), мá*чу*ха (изъ мá*чо*ха; =мачеха), рядъ глаголовъ на—*чу*вáти (типа но*чу*вáти изъ рѣдкаго теперь но*чо*вáти).

4) послѣ *щ*: *що*ка (=щека), *щó*гла (=мачта, „щегла“), путя́*що*му (=полезному, „путящему“).

5) Послѣ *ш*: п*шо*нó (=пшено), вá*шо*му (=вашему), знай*шó*в (=нашелъ), галу*шó*к (=галушекъ, род. мн.), *шо*потíти (=шептать; наряду съ *ше*потíти), *шó*стий (=шестой, зап.-мр. *шé*стий), *шо*вкóвий (=шелковый), ко*шо*вúй (=кошевой у козаковъ), гро*шо*вúй (=денежный), стор*чо*вúй (=вертикальный, „торчевой“) и т. п., и т. п.

Это звуковое явленіе извѣстно даже въ самыхъ старыхъ памятникахъ какъ вост.-малорусскаго нарѣчія, такъ и западно-малорусскаго.

Приведемъ нѣкоторое количество соотвѣтствующихъ выписокъ изъ малорусскихъ памятниковъ XI—XV вѣковъ. Включимъ сюда случаи появленія ѻ (т. е. ьо, или йо) не только изъ основного є, но и изъ гласнаго глухого звука ь (типа „чѻрный“ изъ „чьрный“), потому что глухой гласный звукъ ь*), смѣшиваясь послѣ XI—XII в. съ чистымъ звукомъ є, тоже (см. стр. 135) подчинился закону о переходѣ въ *о* передъ твердыми слогами послѣ предыдущаго мягкаго согласнаго звука. Въ нашъ реестръ мы включимъ и тѣ случаи перехода є и ь въ *о* (=ьо, йо), когда этотъ переходъ происходилъ передъ твердыми слогами не только послѣ ши-

---

*) О прежней слоговой гласности звука ь см. стр. 130 и слѣд.

пящихъ и йоты, но и вообще послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ,—напр., послѣ *ль*, *дь* и прочихъ. Для удобства, мы попутно будемъ отмѣчать въ памятникахъ и *не*фонетическіе случаи появленія **о** вмѣсто **є** ,— напримѣръ дат.-мѣстн. падежъ „ж**о**нѣ", гдѣ звукъ **о** (несмотря на мягкость слѣдующаго слова „нѣ") нефонетически перенесенъ изъ прочихъ падежей (срав. „ж**о**на", „ж**о**ны", „ж**о**нꙋ", „ж**о**н**о**ю", и все множ. ч.), или будемъ также отмѣчать нефонетически развившуюся форму склоненія ед. ч. прилагательныхъ ж. р. (типа „наш**о**и", „наш**о**ю" и др.), возникшую по аналогіи съ фонетическими формами мужескаго рода („наш**о**г**о**", „наш**о**м**о**ѵ" и др.)

Въ Кіевскомъ великокняжескомъ Изборникѣ Святослава 1073 г.: „Обнавляя бо ч*о*ловѣка, Г[оспо]дь, иже погуби" и т. д. (л. 179 об. β),—„Васили*о*во" (л. 124 об.). „Єѵноми*о*ву" (л. 243 об.) и рядомъ дальнѣйшій фазисъ развитія: „Ари*ю*ву" (л. 243 об.; неударное *йо*, возникшее изъ **ѥ**, обратилось въ *ю*, ассимилируясь со слѣдующимъ *ў*ковымъ слогомъ) **). Тамъ-же: „прѣвед*о*но" (л. 223 об., чит. „прѣведёно" ***). Срв. б. м. „Виөле*о*мъ" (л. 185 об., л. 247 об.).

Въ Кіевскомъ Изборникѣ кн. Святослава 1076 г.: „ж*о*на добра и мудра—чясть блага" (л. 181 б).

Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI вѣка: „мьнить нич*о*со же" (л. 24 d); „Чьто бо єсть тебѣ съ кесарьмь или кесар*о*вомь?" (л. 113 а).

Въ галицкомъ Крылосскомъ Четвероевангеліи—1144 г.: „то ж*о*" (л. 104), равно какъ и въ формѣ дат. падежа причастія прош. времени: „пославш*о*му". Одновременную форму дат. падежа причастія наст. времени см. въ галицкомъ Христинопольскомъ Апостолѣ XII—XIII в.: „имущ*о*му" (л. 85). Такой дат. падежъ причастій свойственъ, кстати сказать, и церк.-слав. языку, который знаетъ причастную дательную форму не только на „**шє**му" и „**щє**му", но и на „**шо**му", „**що**му". То же срв. еще у

**) См. объ этомъ законѣ у насъ далѣе, §§ 55—56.

***) Срв. нынѣшнее повсемѣстное сѣв.-мр. „переведьоно".

Кочубинскаго въ описанiи галицкаго Апостола XII—XIII в. *): „вѣрующ*о*му" (л. 4 б).—Ев. 1144 г.: „обач*ю*" (л. 24 а; ю=ё).

Въ черниговской Р у м я н ц о в с к о й Л ѣ с т в и ц ѣ XII в. № 198: „выше силы не р а с у ж а ю щ *о* м ъ" (л. 6 а;=дат. мн.); „ни единого покоя собѣ дающемъ, нъ самѣмъ себе в ъ с п р ѣ щ а ю щ *о* м ъ" (л. 54 об. α); „ослабѣти б о р ю щ *о* м у с я" (л. 10 об. α); „уподобися н о с я щ *о* м у" (л. 12 об. β); „п*о* р е к ш *о* м у с[вя]туму" (л. 14 об. β;=какъ сказалъ святой); „вѣруяи съномъ подобьнъ есть тѣнь г о н я щ *о* м у" (л. 22 α). Есть нѣкоторое вѣроятiе, что „ѡму" (чит. „йому") въ П о у ч е н i и В л а д и м i р а М о н о м а х а по Лаврентьевскому лѣтописному списку (л. 155) попало въ Лаврентьевскiй списокъ XIV вѣка не откуда, какъ изъ старочерниговской (или, конечно, еще вѣроятнѣе—изъ старокiевской) рѣчи.

Въ У с п е н с к о м ъ С б о р н и к ѣ XII в., т. е. въ майской Четьѣ-Минеѣ (съ сочиненiями Нестора Печерскаго), можно констатировать: „обладающ*о*му" л. 74, „въспѣша Б[ог]у вышьнему, п о ч и в а ю щ *о* м у въ с[вя]тыихъ" (л. 90 β; это—въ „Видѣнiи Исаiи"). Срв. здѣсь же неударное *ю* вмѣсто *йо*: „всячьскыимь б л а г о ч ь с т и *ю* м ь украшена (л. 27 α, строка 27; это—въ Житiи Θеодосiя Печерскаго) **). „Дърьзост*о*" (л. 100 а;=зв. п.?); „чер*о*съ каноны" (л. 106 d).

Въ Р я з а н с к о й К о р м ч е й 1284 г., списанной съ к i е в с к а г о оригинала: „ащ*о*" (л. 37 об.), „симъ же.... сице учивш*о*мъ" (л. 269;=дат. мн.), „триженц*о*мъ" (л. 174, дат. мн.) и много формъ дат. прич. на „шому", „щому": „хотящ*о*му" (л. 63, л. 97), „оскверньш*о*муся", (л. 67), „мнящ*о*му" (л. 76) и др.—По всему вѣроятiю, съ к i е в с к а г о оригинала списывалъ рукопись У ч и т е л ь н а г о Ев—iя К о н с т а н т и н а Б о л г а р с к а г о ***)

*) См. въ его академич. рецензiи на Житецкаго=32-ое присужденiе наградъ гр. Уварова, стр. 235.

) О твердости флексiи **мь см. стр. 107—108.

***) Рукопись эта (XII—XIII в.) хранится въ московской Синодальной Библiотекѣ. По синодальному описанiю Горскаго и Невоструева (=Отд. II, 2, стр. 409—434) она есть № 163.

сѣверный великоруссъ „Михаилъ-поповиць“ XII—XIII в. *), давшій начертанія: „чоловѣкъ“ и „чоловѣчьскыи“ (л. 123, л. 211, л. 217 об., л. 219 об., л. 223—два раза, л. 229 и др.), „вжо“ (л. 107 об.), „кромѣ жонъ и дѣтей“ (л. 81), „аще и не съвьрьшонъ“ (л. 68 об.), „крьщонъ“ (л. 86 об.), „вълѣзъшомъ“ (л. 85), „приключьшомъся“ (л. 79 об.), „вѣрующому“ (л. 88 об.), „большомъ“ (л. 80) и мн. др. Эти начертанія могли быть и въ кіевскомъ подлинникѣ XII вѣка.

Въ болгарско-Софійскомъ Ев—іи XIII в.: „О годинѣ сои“ (л. 116; чит. „сьôй“).

Въ зап.-волынскомъ Холмскомъ Евангеліи XIII в.: „размѣшонъ“ (л. 150), „послѣдующому“ (л. 80) „року“ (л. 162, чит. „рёку“, т. е. говорю), „Ѥдущомъ“ (л. 133 об.), „другъ мытаромъ и грѣшникомъ“ (л. 75) и, съ замѣною неударнаго ё на ю: „подобни суть отрочищюмъ, сѣдящемъ на торжищихъ“ (л. 74 об.) **). Въ болѣе поздней вкладной припискѣ 1376 года, сдѣланной княземъ Юріемъ Холмскимъ внизу 4-го листа, есть: „ц[е]ркви Б[о]жои“ и „[село] Стрижово“ (л. 4). По поводу послѣдняго суффикса (—ьов—) можемъ замѣтить, что быть можетъ одновременное, а быть можетъ болѣе раннее такое же (волынское или кіевское?) произношеніе суффикса ьов (изъ ѥв) посильно передается начертаніемъ Ипатскаго списка Кіевской лѣтописи подъ 6657=1149 годомъ: „посади Глѣба в Кановѣ“ (чит. „Каньовѣ“; =стр. 268), гдѣ произношеніе „—ьов—“ нефонетически перенесено въ форму мѣстнаго падежа изъ формъ прочихъ падежей ***).

Въ волынскомъ Луцкомъ Евангеліи XIV вѣка: „вашеого“ (л. 24), „Ѥому (л. 34, л. 59 об.); читать это надо, разумѣется: „вашього“ и “йому“. Тамъ же—ю въ смыслѣ неударнаго ьо: „Бѣяху во д[ь]ни преже потопа ядущю

*) Могъ онъ быть новгородецъ, или какъ думаетъ г. Соболевскій („Лекціи“ 1903, стр. 60) ростовецъ,—во всякомъ случаѣ сѣверный великоруссъ.

**) Сомнительно, чтобы подъ буквою ю въ „отрочищюмъ“ скрывался дифтонгъ. См. мои „Крітерії“, стр. 15—16.

***) См. у насъ въ „Украин. Грам.“ т. II, стр. 71 и слѣд.

и пьющ*ю*, женящеся и посагающе" (л. 102 об.), „начаша престаяти...., бьлюдуще его и ищющ*ю*" (л. 129) [1]).

Въ волынскомъ Пятикнижіи Моисеевомъ XIV вѣка Синод. Библіотеки [2]): „ж*о*ну" (л. 75), „долж*о*нъ" (л. 145).

Въ сѣверно-кіевскомъ Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20 (житій и словъ) москов. Синод. Библ. [3]): „призвав же м[у]ч[и]тель Нестера рече к нему: Повѣдаи, унош*о*" (л. 87 d), „заушаема, бич*о*мь ударяема" (л. 145 с.) и т. п. Сборникъ—вѣроятно, Кіево-Печерскій.

Въ галицкой купчей 1359 г. изъ Перемышльщины [4]): „продала Петрашкови Радъзѣ*о*вскому„, „попо ПечѢрскии" (т. е. „попъ Печ*о*рскый") [5]). И въ другой перемышльской купчей 1366 г., писанной тѣмъ же писцомъ, опять видимъ: „панъ Радзѣ*о*вский" (=Голов. № 3, стр. 6—7). Въ судной грамотѣ Гнѣвоша 1393 г., старосты почти изъ тѣхъ же мѣстъ: „приш*о*дъши предъ наше обличье" (=Голов № 11, стр. 13).

Въ волошскомъ Евангеліи Верковича XIV в. подобныя начертанія чрезвычайно изобильны, причемъ

---

[1]) Быть можетъ, здѣсь мы видимъ также начавшееся смѣшеніе причастій съ дат. самостоятельнымъ, изъ котораго возникло такъ называемое дѣепричастіе.

[2]) Описано у Срезневскаго въ XXII томѣ „Сборника Академіи Наукъ", 1881. Отрывокъ у архим. Леонида въ московскихъ „Чтеніяхъ" 1890, кн. III.

[3]) Описанъ и отчасти изданъ въ посмертныхъ „Библіогр. Матеріалахъ" А. Попова (=москов. „Чтенія" 1889, кн III).

[4]) Издана у Головацкаго очень неточно (№ 2, стр. 5—6). Срв. мои „Крітерії" стр. 28—29.

[5]) Буквы О и Ѣ въ этой грамотѣ (какъ вообще въ памятникахъ XIII—XV в.) совершенно смѣшиваются.—Замѣтимъ, что въ настоящее время большая часть малоруссовъ произноситъ это слово не съ *чо*, но съ *че* („печéрський"). Объясняется это вліяніемъ мягкости звука *р* въ родственномъ словѣ „печер*я*". Но въ сѣверныхъ и западныхъ говорахъ легко услышать произношеніе: „печ*о*ра", „печ*о*рний"; впрочемъ и въ центральной Приднѣпрянщинѣ имя села (фонетически) произносится „Печ*о*рно", и подъ Уманью поселокъ называется не только „Печ*а*ра", но и „Печ*о*ра". Въ кіево-Михайловскомъ помянникѣ XVI—XVII в. мы подъ 1645 годомъ читаемъ: „Преставися игуменъ (=Филоѳей Кизаревичъ), а похов[анъ] у склепи в монаст[ы]ру Печ*о*рскомъ" (л. 82).

частенько носятъ узко-локальный діалектическій характеръ. Тамъ есть: „по чюжом же“ (л. 18) [1]), „жонъ“ (л. 40), „вечоръ же бывшю“ (л. 94, надо бы дательный: „вечору“), „вечоръ суботъ“ (л. 113), „къ ному“ (л. 114 об., чит. „нёму“), „от[ъ] врачовъ“ (л. 123), „то жо слово“ (л. 96), „бъчолъ“ (л. 150), „скръжотъ“ (л. 36 об.), „въсажонъ“ (л. 5), „отлучонъ“ (л. 20), „прокажонъ“ (л. 34). „должонъ“ (л. 43 об.), „развращонъ“ (л. 58), „осужонъ“ (л. 101 об.), „положонъ“ (л. 112 об.), „исечонъ“ (л. 112 об.), „раздрѣшонъ“ (л. 142 об.), „младенецомъ“ (л. 61, чит. „младеньцёмъ„), „младѣнцомъ“ (л. 126, л. 141 об.), „старцомъ“ (л. 107 об.) и др.,—въ томъ числѣ локально-діалектическое 1-е л. мн. ч: „[мы] можомъ“ (л. 24 об., л. 98), „[мы] речомъ“ (л. 85). „[мы] хощомъ“ (л. 90 об.), „[мы] не мещомъ“ (л. 19), „въмещомъ“ (л. 51).

Въ буковинской ссудной квитанціи 1388 г. воеводы Петра польскому королю (=Улян. № 3, стр. 3): „кроловою печатью“ (чит. „кролёвою“), „листъ очотири тисячи“. Полученную королемъ въ займы сумму принужденъ былъ затѣмъ простить сынъ Петра Ивашко въ письмѣ „под лѣты Розства Х[ри]с[то]ва тисячя лѣтъ и чотириста лѣтъ„ (=1400 г.), въ грамотѣ въ волынскомъ Берестьи (=Улян. № 13, стр. 12).—Въ грамотѣ 1395 г. (=Улян., стр. 8): „во всомъ“ (чит. „всьо̂мъ“).

Въ присягѣ Стародубскаго князя 1400 г. польскому королю Ягайлу (=Голов. № 21, стр. 20): „тисяча лѣтъ и чотыриста“.

Изъ очень многочисленныхъ памятниковъ XV вѣка, въ которыхъ это явленіе, можно сказать, кишитъ, остановимся для примѣра лишь на очень немногихъ.

Такъ, въ волынскомъ (вѣрнѣе—галицкомъ) Каменецъ-Струмиловскомъ Ев-іи 1411 г. видимъ: „чоловѣк“ (л. 138 об.), „чотыродесятницю“ (л. 1 об.), „чотыромь“ (л. 8 об.), „чотыроличный“ (л. 66 об.), „о едином грѣшницѣ кающомся“ (л. 137), „жиждущому“ (л. 116 об.).

Въ зап.-волынскомъ Антоновецкомъ Апостолѣ XV в. (изъ-подъ Кременца): „ничого“ (л. 68), „чому“ (л. 78 об.).

Посмотримъ буковинскія грамоты. Въ Каменецъ-подольской господарской присягѣ 1404 г.

---

1) Конечно, подъ этимъ *о* скрывается дифтонгъ (=„чюжьо̂мъ“), какъ вообще во многихъ начертаніяхъ, которыя дальше перечислены.

молдавскаго воеводы Александра (1401—1433) и его рады на вассальную вѣрность королю Владиславу-Ягайлу (=Улян. № 18, стр. 15): „господарю н а ш *о* м у милому“, „на потверженье сему н а ш *о* м у листу“, „н а ш *о* ю доброю волею“, „панъ С т р а *о* в и ч ь“ (чит. „Страйовичь“), „ч *о* т и р и с т а лѣтъ и четвертов“.—То же въ подтвердительной его л ь в о в с к о й п р и с я г ѣ 1407 г. (=Улян. № 19, стр. 16): „служити и помагати с н а ш *о* ю силою“.—Въ д о г о в о р ѣ того же 1407 г. съ галицкими и подольскими купцами (=Голов. № 28, стр. 28—32): „у н а ш *о* и земли“ (=„въ нашьôй“), „ш*о*лкъ“, „до Браш*о*ва“. „изъ наш*о*и земли“, „при н а ш *о* й вѣрѣ“.—Въ буковинскомъ о б я з а т е л ь с т в ѣ 1421 г. воеводы Александра разведенной своей женѣ, сестрѣ Ягайла (=Улян. № 25, стр. 26—27): „н и ч *о* г о собѣ не вымаючи“. „бывшей ж *о* н ѣ н а ш *о* й“, „ш *о* с т и с о т золотых„ *).—Въ ланчицкой п р о щ е н н о й г р а м о т ѣ 1433 г., которую по смерти Александра далъ его сыну Стефану обиженный Ягайло (=Улян. № 31. стр. 36—37): „приш*о*лъ“, „печать маистату н а ш *о* г о“.—Въ другой ланчицкой г р а м о т ѣ Я г а й л а 1433 г. (=Улян. № 33, стр. 39): „приятелю н а ш *о* м у милому, Стефанови воеводѣ“ (два раза), „Хмел*о*въ“ (чит. „Хмельôвъ“), „чинимъ его правымъ отчичемъ и д ѣ д и ч *о* м ъ“, „печать маистату н а ш *о* г о“.—Въ буковинской п р и с я г ѣ 1434 г. боярской рады королю (=Улян. № 35, стр. 41—42): „намѣсткомъ ихъ и д ѣ д и ч *о* м ъ“ (=дат. мн.), „дѣдич*у*мъ“ (неударное у=о) **).—Въ львовскихъ в а с с а л ь н ы х ъ п р и с я г а х ъ 1436 г. новаго господаря Ильи и его бояръ (=Улян. №№ 45—47, стр. 49—53): „пану Владиславовы, Польскому к р о л *ю* в ы (чит. „крôльовы“; неударное ю=ьо), „панъ Ивашко Р о г а ш *о* в с к ы и“, „Силиш*о*вскыи“, „н и ч *о* г о (род.=им.) не есть пилнишее“, „Хмел*о*вь“, „от к о р о л *о* в ь с т в а Полского“ (два раза). Среди бояръ этого господаря извѣстны: „Дума Ч*о*рный“ и „Къръста Ч*о*рный“ (=Улян., стр. 49, 58, 59, 61, 68), „Немирка Ч*о*рторыйскый“ (55).—Въ буковинской с у д н о й г р а м о т ѣ 1448 г.

*) Слогъ „ти“ въ словѣ „шос*ти*сот“ звучалъ, конечно, совсѣмъ твердо (т. е. какъ „ты“), и потому „ше“ перешло въ „шо“. Впрочемъ, тутъ могла вліять аналогія формы „шôст*ый*“.

**) Какъ выше сказано, я сомнѣваюсь, чтобы подъ буквою *у* здѣсь скрывался дифтонгъ. См. мои „Крітерії“, стр. 15—16. Срв. также дальнѣйшее начертаніе: „крôл*ю*вы“ (=дат. ед.), гдѣ *о* замѣстительной долготѣ не можетъ быть и рѣчи.

(=Улян. № 65, стр. 71): „буд-коли у которыхъ д н *о* х ъ“ (чит. „дньохъ“); то же выраженіе—въ судной грамотѣ 1449 г. (=Улян. № 69, стр. 76).—Всякихъ подобныхъ начертаній имѣется въ буковинскихъ грамотахъ XV в. сколько угодно, причемъ—какъ мы ужъ видали—иногда въ смыслѣ неударнаго ь о и й о пишется *у* и *ю*,—напр. въ дат. падежѣ „кролювы“; иногда—и въ 1-мъ лицѣ множ. числа и др. Таковы начертанія въ п р о щ е н н о й г р а м о т ѣ 1460 г. (=Улян. № 86 и № 90): „не имаємъ усъпомѣнути, але х о ч *у* м ъ єго миловати“ и „тоє усе вишеписанное с л ю б у *ю* м ъ здержати“ (стр. 96—97); „х о ч *у* м ъ миловати и у чты и ласцѣ держати“ (стр. 99); срв. выше, въ волошскомъ Евангеліи Верковича XIV в.: „[мы] можомъ“, „речомъ“. Равнымъ образомъ, чему примѣры мы ужъ и раньше видѣли—въ дат. множ.: „предкув наших обычаемъ и степен*ю*мъ наслидова[т]и“ (1462 г., стр. 100), „к р о л *ю* м ъ полскимъ“ (ibid.) *). И т. п.

Изъ числа г а л и ц к и х ъ г р а м о т ъ XV в. остановимся, напримѣръ, на именахъ судей въ перемышльской п р а в о й г р а м о т ѣ 1404 г. бискупа Мацѣя и епископа Аѳанасія: „Юрьи Мош*о*нчичь“, „Васко Ч*о*ртковичъ“ (=Голов. № 27, стр. 26—27).—Въ л ь в о в с к о м ъ в е к с е л ѣ 1421 г.: „не вынимая н и ч *о* г о“, „панъ Васко Мош*о*нъчьчи“ (=Голов. № 32, стр. 36; чит. „Мошьончичѣ“) **).—Въ четырехъ княжескихъ с у д е б н ы х ъ п р и г о в о р а х ъ 1421—1430 г. кн. Ѳедора Любартовича изъ Зудечева (=Голов. №№ 39—42, стр. 43—48): „лісты гранічныи—ѳ а л ш *о* в а н і и“ (43), „неправыи, ф а л ш *о* в а н ы и листы“ (46 и 47); „выслали пана Ленка, старосту З у д е ч *о* в с к о г о на ту границю, кде дорога отъ З у д е ч *о* в а к Долинѣ“ (43, срв. 47); „[свѣдокъ]—староста З у д е ч *о* в с к и й“ (44); „въ н а ш *о* м ъ дворѣ“ (44), „въ нашемъ дворѣ у З у д е ч *о* в ѣ“ (46,—нефонетич.); „дорога идеть къ Ч *о* р н о м у лѣсу“ (45).—Въ р а з ъ ѣ з ж е й г р а м о т ѣ 1424 г. вышеупомянутаго старосты Ленка (=Голов. № 36, стр. 41): „Я, панъ Ленко, староста З у д е ч *о* в ь с к і й, свѣдчю“, „люді из Острова и съ Ю к ш *о* в е ц ь“, „панъ Григорь Бартошовьскіи“. Въ т. н. гр. кн. Льва 1302 г.: „до *Ю* л ъ т о х о в ы росохы“ (=*Е*втуховой).—Возьмемъ еще галицкую грамоту изъ 2-й половины вѣка—напримѣръ С а м-

*) Болѣе, чѣмъ сомнительно, чтобы подъ этимъ *ю* скрывался дифтонгъ. Срв. мои „Крітерії„, стр. 15—16.

**) См. въ „Украин. Грамм.“, стр. 136, объясненіе такой графики.

борскую мировую ок. 1467 г. (=Улян. № 85, стр. 95—96): „мы есми пришодши и смирилися“, „не имаемь тыхъ мимошодшихъ дѣлъ поминати“. „имаемъ заплатить по Рожствѣ Христовѣ за чотыри недѣли“.

Отдѣльно остановимся на жалованныхъ грамотахъ вел. кн. Швитрикгайла, писарями котораго (судя по обстоятельствамъ его жизни) не могли не бывать малоруссы восточные (черниговцы, кіевляне). Въ его жалованной грамотѣ 1403 г., изданной для церкви св. Ивана въ Городку́ подъ Львовомъ и писанной тамъ же (=Голов. № 26, стр. 25): „потьверьдили брата нашого всмо данье“, „[свѣдокъ]“—князь Иванъ Чоръторыискьи“, „на потьверьженье сему нашому листу“.—Въ другой жалованной Швитрикгайловой грамотѣ 1424 г. писанной, быть можетъ, въ черниговскомъ Острѣ *): „нашого вѣрного слуги Драгосиновича“, „дали есьмо...... съ корчовьемъ, съ лозьемъ“.—Въ Швитрикгайловой жалованной луцкой грамотѣ кухмистру Мышьчичу 1438 г. (Рум. муз.): „у Кременецком повѣте—Боръщовку“, „а лѣсъ Дедьовъ“, „[свѣдокъ]—пан Иван Чорный“ **). Въ его луцкой жалованной грамотѣ Чеботамъ 1445 г. (Рум. Муз.): „шляхетным Чоботом“ (дат. мн.); „[свѣдокъ]—княз[ь] Михаило Чорторииским“.—Въ жалованной Швитрикгайловой кіевской грамотѣ 1442 г. (=Акты Юж. и Зап. Росс., I, стр. 14=Голов. № 49): „ничого на себе не вымѣнивая“, „[свѣдокъ]—панъ Иванъ Чорный“.

Въ кіево-печерской духовной 1446 г. кн. Андрея Владимiровича (=Голов. № 51, стр. 61): „имѣніе пръшов“ ***)—То же и въ свѣтскихъ кіевскихъ документахъ XV в. Напримѣръ, въ вѣновной записи

---

*) Или, б. м., въ галицкомъ Островѣ. См. Голов. № 35, стр. 39=Акты Юж. и Зап. Россіи, т. I, стр. 8—9.

**) Румянц. грамота 1438 г., равно какъ и другая 1445 г., изданы и печатно въ „Унив. Изв.“ 1885, февр. (кіев.).

***) Къ сожалѣнію, не ручаюсь за это чтеніе, потому что, послѣ сличенія изданія Головацкаго съ грамотой подлинной (она хранится въ Рум. музеѣ) я сдѣлалъ на своемъ экземплярѣ чернильную помѣтку при этомъ словѣ, которая затѣмъ расплылась; а въ моментъ печатанія этого листа я нахожусь не въ Москвѣ. Быть можетъ, въ подлинникѣ стоитъ „пръвое“.

ок. 1450 г. одного мѣщанина *): „а коли ж*о*на моя зхочет пойти замуж".—Въ жалованной грамотѣ кіевскаго кн. Семена Олельковича 1459 г., писанной въ Прилукѣ за Днѣпромъ (=Антон. и Козлов. № 9, стр. 20—21): „слугою нашимъ урож*о*нымъ Ереміею Шашкомъ", „єму самому, ж*о*нѣ и потомству єго", „которыхъ пр*о*дкове єго отъ пр*о*дковъ моихъ спокойне держали", „городище Тимоловъ изъ лѣсомъ Гнилецкимъ, Печенѣжц*о*мъ, Ключ*о*вомъ и иншими лесами", „Драгуш*о*вскими", опять „єго прод кове" (еще три раза), „прич*о*мъ єго самого, ж*о*ну, дети и исчадки зоставую".—Въ т. н. Псалтири сѣв.-мр. Өедора Жидсвина XV в., по списку жидовствующихъ кіевлянъ 1471—1490 г. **): „ищущимъ ж*о* Тя" (псал. 4), „Тебѣ м[и]лость и правда, а дѣло наш*о*—страшно" (пс. 35-й), „сытовьство

---

*) Эта вѣновная грамота (по рукописи № 13 кіев. Археогр. коммиссіи) съ фототипическимъ снимкомъ,—въ „Палеографическомъ Изборникѣ" кіевской Археографической коммиссіи, вып. I (Кіевъ 1899), № 9.

**) Критическое изданіе этой „псалтыри" (вѣрнѣе сказать—перевода изъ еврейскаго молитвенника „Махазоръ") по спискамъ, сохранившимся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, предпринято проф. Сперанскимъ и должно вскорѣ появиться въ свѣтъ (въ московскихъ „Чтеніяхъ"). Одинъ изъ списковъ сдѣланъ кѣмъ-то изъ малорусскихъ кіевскихъ спутниковъ кн. Михаила Олельковича, другой—великорусская копія съ какого-то (этого же или другого?) кіевскаго списка. Такъ-какъ первая рукопись болѣе или менѣе досихъ поръ ужъ извѣстна (въ описаніи архим. Варлаама=Уч. Зап. Ак. Н., 1859, т. V, 1—66, и въ прилож. къ „Древне-слав. псалтыри" Амфилохія), то проф. Сперанскій положилъ въ основу изданія малоизвѣстную великорусскую копію; но всѣ разночтенія кіевскаго списка указаны имъ въ сноскахъ.—Благодаря любезности автора, я могъ прочитать корректурные листы его изданія и предисловіе, касающееся личности Өедора Жидовина. Въ противность (правда, очень некатегорическому) мнѣнію проф. Сперанскаго, считаю нужнымъ выразить увѣренность, что самъ Өеодоръ не былъ жидовствующимъ: участіе его въ Геннадіевой Библіи свидѣтельствуетъ, что онъ остался православнымъ. Схарія, основатель ереси, пріѣхалъ изъ Кіева въ 1471 г., но Өедоръ былъ вѣдь крещенъ еще между 1448—1461 г. (при митрополитѣ Іонѣ) и изобличалъ евреевъ усердно. Быть можетъ, и псалтырь-то онъ перевелъ раньше пріѣзда Схаріи: митрополитъ Филиппъ, по благословенію и приказанію котораго Өедоромъ сдѣланъ переводъ, вступилъ на владычній престолъ еще въ 1467 г. (умеръ правда, въ 1473 г. ужъ по пріѣздѣ Схаріи).—Просто, жидовствующіе воспользовались готовымъ Өедоровымъ переводомъ „Махазора" и списали его для своихъ молитвенныхъ цѣлей, причемъ внесли въ списокъ гораздо большее количество мр. чертъ, чѣмъ могло быть у Өедора, который въ своемъ произношеніи значительно ужъ обрусѣлъ.—Срв. еще и слѣдующ. ссылку.

н а ш *о*—о твоеи добродѣтели" (пс. 57) *).

Жидовствующій переводъ конца XV вѣка „К н и г и Д а н і и л а" и нѣкоторыхъ другихъ агіографовъ (Эсѳири и пр.), приспособленный къ синагогальной богослужебной обстановкѣ, могъ быть сдѣланъ вѣроятнѣе всего Схаріей или другимъ изъ тѣхъ евреевъ, которые послѣдовали за кіевскимъ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ въ Новгородъ (1471) и участвовали въ основаніи ереси жидовствующихъ (Іосифъ Шмойло Скарявей, Моисей Ханушъ). Дошелъ переводъ до насъ въ рукописи Виленск. Публичн. Библ. № 262 (10) конца XV вѣка **). Въ Новгородѣ ли былъ сдѣланъ переводъ и переписанъ или еще въ Кіевѣ, рѣшить трудно; великоруссизмовъ не замѣтно и малорусскій языкъ перевода очень недуренъ. Для исторіи кіевской рѣчи XV в., а потому и для вопроса о переходѣ *е* въ *(ь)о*, преимущественный интересъ представляютъ тѣ главы, которыя вновь переведены прямо съ еврейскаго языка, т. е. 1-я, 3-я, 8—12 ***). Въ 1-й главѣ: „п р и ш *о* л ъ Навходоносоръ, царь Бавельскій, на Єрушалаимъ"; „и рекль (ь=ъ)

*) Въ подлинной рукописи перевода самаго Ѳедора, вѣроятно, не было этихъ начертаній съ *о*,—по крайней мѣрѣ, мы ихъ не видимъ въ его „Посланіи къ упорствующимъ евреямъ" (опубликовано М. И. Соколовымъ въ моск. „Чтеніяхъ", 1902 г., кн. III); да и въ великорусской копіи съ „Псалтири" затушевано одно изъ нихъ; значитъ, внесены они жидовствующими кіевлянами.

**) Добрянскій, давшій о ней первыя свѣдѣнія въ своемъ опис. Виленск. рукописей, наудачу отнесъ ее къ XVII в.; но этого не допускаетъ ни почеркъ памятника, ни бумага, которая своей фабрикаціей и водяными знаками не можетъ быть позже 1514 года. И. Евсеевъ, который издалъ изъ этой рукописи „Книгу Даніила" (въ москов. „Чтеніяхъ" 1902, кн. III), отнесъ и переводъ и рукопись къ нач. XVI в.; но В. Перетцъ (кіев. „Унив. Изв." 1904, окт.) основательно признаетъ ее за произведеніе конца XV в.,—тѣмъ болѣе что въ нач. XVI в. мы о жидовствующихъ ужъ неслышимъ.

***) Изъ прочихъ главъ „Даніила" 2-я взята цѣликомъ, а гл. 4—7 обработаны—изъ готоваго бѣлорусскаго перевода XV в. который былъ сдѣланъ съ христіанскаго греч. текста и былъ написанъ съ обычной орѳографіей бѣлор. памятниковъ XV в. въ томъ числѣ—съ изобиліемъ буквы *ѣ* вм. *е* на манеръ бѣлор. рукописей, каковы напр. Четья-Минея 1489 г. и Ефремъ Сиринъ 1492 г. Еврей-кіевлянинъ, пользуясь для упомянутыхъ главъ готовымъ бѣлорусск. переводомъ, невольно долженъ -лбыъ сохра

царь стареишому кажениковъ своихъ"; „положи на сердцо свое" (чит. „сердцьо"); „ѣству вашу и питье вашо"; „чому видятся лица ваши пысны?" (=пôстьны); „ниж'ли иных дѣтеи ровни вашои"; „отроковъ же сихъ—чотыри"; „и нашолъ ихъ".—Въ главѣ III-ей: „суть мужове-жидове". „мужове сіи" (часто) *). „мужом храбрым". „оглядѣли мужов сих"; „отъ мене положон уряд"; „и домъ его порохомъ маетъ быти положон".—Въ гл. IX-ой: „[Дарьявешъ] поставлен царом на царствѣ Халдѣйскомъ"; „к царомъ нашимъ, отцомъ нашимъ" (два раза); „Господа Бога нашо́го" (нѣсколько разъ); „на поношене всеи околици нашои"; „время приношенья вечерного"; „Кгабриелъ... рек: Даниле! вышолъ есми нарозумити тебе розумомъ..... пришол есми повѣдати".—Въ гл. X-ой: „до исполненія трех седмиць дновъ" (чит. „днôьвъ"); „и се муж, облечон волнянов"; „есми пущон к тобѣ"; „пришолъ есми по слову твоему" (часто); „и рекох к стоячому против мене"; „чи вѣдаешь, чом пришол есми к тобѣ?"; „а нѣт ни жадного, крепящогося со мною".—Въ главѣ XI-ой: „Зломиться царство его и раздѣлится на чотыри страны небесныя"; „и дочка оных жонъ. будетъ, дасть ему растлити ю"; „мечом и грабежом"; „и на всякого бога не врозумѣет, на всо бо взвеличится" (чит. „всьо") **); „и каменом

нить часть бѣлоруссизмовъ; это можно обнаружить изъ той куріозной путаницы, которую онъ продѣлалъ съ буквою *ѣ* своего бѣлорусскаго подлинника, написанною бѣлоруссомъ вмѣсто буквы *е*. Кіевскій еврей привыкъ, очевидно, читать букву *ѣ* на малорусскій ладъ, т. е. за *і*, а потому, переписывая бѣлор. текстъ, онъ иногда вмѣсто бѣлорусскаго начертанія *ѣ* механически писалъ букву *и*, хотя бы буква *ѣ* была употреблена бѣлоруссомъ въ такихъ словахъ, которыя въ малор. языкѣ произносятся съ твердымъ *э*. Вотъ почему тѣхъ главъ, которыя списаны или передѣланы съ бѣлорусскаго подлинника, мы лучше не будемъ касаться.

*) Звукъ *е* во флексіи ов*е* слышался вродѣ *ы* (по смѣшенію съ окончаніемъ *ы* основъ на *о*), и иногда вмѣсто флексіи ов*е* славяне писали ов*ы*. Срв. въ полтавскомъ сборникѣ 1679 г. (гдѣ „Книга Эноха". изд. А. Поповымъ въ „Библіограф. Матеріалахъ" № 4): „[за Євами] и Адам*овы* (=Адамы) даются зводыти, за молодими и старіє починаютъ блудити" (87).

**) Въ сѣверныхъ и западныхъ говорахъ „всьо" значитъ „все", а „все" значитъ „всегда".

***) „Болозѣ"=хорошо. Срв. Усп. Сб. XII в., л. 72 d; Григ. Бог. XI в., л. 43 d, л. 121 a.

дорогимъ и коштовностями".—Въ гл. XI: „и рек оному мужу, о б л е ч *о* н о м у в лнянов" (два раза); „поиди, Даниле! з о т о л о ч *о* н ы бо и запечатаны оныи рѣчи до часу конца"; „болозе надѣющомуся! ***) и доидеть д н *о* в ъ (=дньо̂въ) тисячу триста тридцать и пять".

Въ к і е в с к о й к у п ч е й ок. 1500 г. на торговую лавку одного мѣщанина [1]): „изъ ж *о* н о ю своею Оленою", „з м ѣ с т ц *о* м коморным", „продали есмо Ходыце Кобызевичу и ж *о* н ѣ его", „мнѣ вже не.... уступатися у тую свою комору, ани ж *о* н ѣ моей".

в) Йота есть с м я г ч а ю щ і й звукъ, шипящіе согласные *ж*, *ч*, *ш*, *щ*,—это согласные с м я г ч е н н ы е, или „переходно"-смягченные (происходящіе изъ *гь*, *кь*, *хь*, *скь*, *сть*).

А по сейчасъ приведеннымъ примѣрамъ изъ памятниковъ XI—XIV в.в. мы могли видѣть старинное появленіе не только сочетаній **жо, чо, шо, јо** (изъ **жє, чє, шє, ѥ**), но и другихъ сочетаній: **ло** (чит. „лё") изъ **лє**, **но** (чит. „нё") изъ **нє**, **до** (чит. „дё") изъ **дє** и проч. Что жъ? бываетъ ли это послѣднее явленіе и теперь?—Да, и донынѣ, сказать правду, не только йота и согласные шипящіе производятъ въ малорусскомъ языкѣ вышеуказанное вліяніе на судьбу звука *е* (т. е. обращаютъ его въ *о*): такое же вліяніе (передъ послѣдующимъ твердымъ слогомъ) [2]) могутъ оказывать на звукъ *е* и всѣ прочіе малорусскіе согласные, если они почему-либо остались въ

***) См. ссылку на стр. 384.

[1]) Издана, съ фототипич. снимкомъ, въ кіевскомъ археографич. „Палеографическомъ Изборникѣ" 1899, вып. I, № 14 (=Книга кіев. Центр. Архива № 3509, л. 13, актъ 9).

[2]) По поводу нашего частаго выраженія: „передъ твердыми с л о г а м и" (а не просто: „передъ твердыми согласными") мы ради читателей-нефилологовъ должны здѣсь еще разъ напомнить (см. § 17, стр. 131 и слѣд.) и сдѣлать оговорку, что въ старину буквы Ъ и Ь были с л о г о в ы м и гласными. Какое-нибудь, скажемъ,

томъ или другомъ словѣ мягки (что, впрочемъ, бываетъ рѣдко, такъ-какъ согласные у малоруссовъ передъ *е* успѣли въ большей части отвердѣть). Иначе сказать: если, напримѣръ, въ слогахъ ле, не, ре, де, те, а тѣмъ болѣе въ слогахъ со свистящимъ звукомъ (це, зе, се, дзе) начальные согласные звуки сохранились у малоруссовъ въ качествѣ мягкихъ ль, нь, рь, дь, ть, зь, ць, сь, дзь, то гласный звукъ *е* въ этихъ слогахъ въ положеніи передъ слѣдующимъ твердымъ слогомъ склоненъ переходитъ въ звукъ *о*,—все равно, какъ послѣ йоты и шипящихъ.

Вотъ примѣры: ћо*ль*овий (=полевой), ля*ль*óк (=куколъ, род. мн. отъ ля́лька=кукла), *ль*ó*д*у (=льда, род. пад. отъ лїд=ледъ), *сльоз*á (=слеза), к*льо*н*ó*вий (паралельно съ кл*е*нóвий=кленовый), днювáти (изъ болѣе рѣдкаго д*ньо*вáти=дневать), плювáти (изъ болѣе рѣдкаго п*льо*вáти=плевать), си*ньов*і́д (=„синеводъ“,—извѣстный цвѣтокъ, Delphinium Ajacis, живокость-синичка), ца*рю*вáння (изъ „ца*рьо*ваннє“=царствованіе, „цареваніе“), х*рьó*пнути (паралельно съ хр*é*пнути=сильно ударить, грянуть о земь, и т. п.), т*рьо*х (=трехъ, род. мн.), за*стьо*бнýти (при застебнýти=застегнуть, віх*тьо*вий (=мочалочный, „вѣхтевый“), ба*дьó*рий

современное „чор*т*“, звучащее теперь въ одинъ слогъ безъ гласного звука на концѣ, было въ старину двусложнымъ: „чьртъ“, причемъ первый слогъ былъ „чьр“, а второй—„тъ“. И вотъ первый слогъ „чьр“, содержавшій въ себѣ сочетаніе „чь“ (а оно произносилось вродѣ „че“), обратился въ „*чор*“ потому, что слѣдующій за нимъ слогъ „тъ“ былъ твердъ.—Въ настоящія времена, когда мы произносимъ слогъ „тъ“ за одну неслоговую твердую букву *т*, которая имѣетъ передъ собой другую неслоговую же твердую букву *р*,—мы можемъ, разумѣется, формулировать вышеизложенный законъ въ томъ смыслѣ, что, молъ, слогъ че обращается въ чо въ виду твердости слѣдующаго за нимъ согласнаго звука *р*. Но историчнѣе будетъ не такая, а предыдущая формулировка.

(=бодрый), *сьó*мий (=седьмой, зап.-мр. се́мий), *цьо*гó (=этого, сего), ця*цьо*к (=игрушекъ, род. мн. отъ ця́цька=игрушка), стоянцьóвий кóмір (=стоячій воротникъ, „стоянцевый"), пра*цю*ва́ння (изъ пра*цьо*ва́нне= работа, упражненіе, „працеваніе") и т. п.

Но въ общемъ такихъ случаевъ не много; обыкновенно же мы видимъ, что послѣ всѣхъ согласныхъ звуковъ кромѣ вышеотмѣченныхъ йоты и шипящихъ малорусскій гласный звукъ *е* (который первоначально,— напримѣръ въ домонгольско-кіевскомъ языкѣ,—былъ мягокъ и звучалъ почти *є*, а не *э*), просто отвердѣлъ и обратился изъ мягкаго *е* въ твердое, въ *э*; срв., напр., з*еле́*ний (чит. „зэлэный"), клéпка (чит. „клэпка"), *пе*с (чит. „пэс"=песъ), *ре*ву́чий (чит. „рэву́чый" =ревущій), даже кін*це*вúй (чит. „кинцэвый"=конечный), и т. п. Да и тѣ вышеприведенные примѣры (типа „по*льо*вúй", „*льó*ду", „*цьогó*, „т*рьо*х", „д*ньо*ва́ти" или болѣе частое „д*ню*вати" и пр.), въ которыхъ мы видимъ послѣ *л*, *н*, *р*, *ц*, и пр. переходъ *е* въ *о*, обязаны этимъ своимъ переходомъ пожалуй даже не исключительно фонетическимъ причинамъ: вѣроятно, въ извѣстной, небольшой степени содѣйствовало этому переходу и кой-какое вліяніе аналогіи *). Только послѣ йоты

---

*) Ць*огó*, напримѣръ, (вмѣсто ц*егó*, с*егó*), могло развить въ себѣ звукъ *о* (вмѣсто *е*) не безъ нѣкотораго вліянія аналогичной твердой формы: т*огó*. На появленіе звука *о* въ словѣ трь*ох*, п'ять*óх* могла влiять аналогія формъ: дв*ох*, об*óх*. Дн*юва́ти* (болѣе старое днь*ова́ти*, изъ дн*е*ва́ти) или пл*юва́ти* (болѣе старое пль*ова́ти*, изъ пл*е*ва́ти) тоже, пожалуй, возникли не безъ нѣкотораго вліянія аналогичныхъ твердозвучныхъ глаголовъ типа торг*ува́ти* (болѣе старое торг*ова ти*). Однако роль аналогіи здѣсь чисто подсобная, второстепенная, а главную силу имѣетъ фонетическій законъ. Если бы какое-нибудь, положимъ, ць*огó* (=этого) возникало главнымъ образомъ по причинѣ аналогіи съ т*огó* (=того), то мы съ бóльшимъ правомъ могли бы ждать, что тотъ малоруссъ, который произноситъ ць*ого*, обязательно образуетъ по аналогіи одинаковые дат. или

и шипящихъ законъ о переходѣ звука *е* въ *о* (передъ твердыми слогами) соблюдается съ очень и очень порядочной устойчивостью.

§ 52. **Судьба звука є въ исходѣ словъ или въ положеніи передъ согласной мягкой.**

а) Читатели должны помнить ту оговорку, которая нами не разъ дѣлалась выше, а именно: слоги *йо*, *жо*, *чо, шо, що,* (а также *льо, рьо, ньо, тьо, цьо, сьо,* и т. п.) возникаютъ изъ слоговъ *je*, *же*, *че*, *ше*, *ще, (ле, ре, не, де, те, це, се,* и пр.) собственно лишь тогда, *когда слѣдующій* за ними *слогъ твердъ*.

Если за ними нѣтъ никакого слога, т. е. если j*е, же, че,* и пр. являются въ *исходѣ* слова, то звукъ *е* обыкновенно не переходитъ въ *о* (срв. своé=свое, нйжче=ниже, и т. п. *). Лишь въ сѣв. говорахъ конечное *о*-часто.

Не переходитъ звукъ *е* въ *о* и тогда, когда за слогами j*е*, *же*, *че*, и т. д. слѣдуетъ слогъ мягкій, или бывшій прежде мягкимъ. Срв., напр., женйтися, женйх (хотя жонà, жонáтий), чернéць, чернйця (=монахъ, монахиня, хотя чóрний изъ „чьрный"), вечéряти (хотя з вéчора), женцí (=жнецы), жé-

---

орудные падежи отъ квасóк и квасéць (=щавель], т. е. скажетъ: квасцьóві (по аналогіи съ квасков́і), квасцьóм (по аналогіи съ квасков́м). Между тѣмъ, мы знаемъ, что именно тотъ, кто говоритъ цьогó, не говоритъ квасцьóві, квасцьóм, а говоритъ квасцéві, квасцéм (и наоборотъ: квасцьóм обыкновенно слышится какъ разъ тамъ, гдѣ люди говорятъ цегó, а не цьогó). Слѣдовательно аналогія въ исторіи развитія такихъ фонемъ. какъ цьогó (изъ цегó), является вліяніемъ совершенно второстепеннымъ, а главная причина—вышеизложенный фонетическій законъ о переходѣ *е* въ *ьо* послѣ мягкихъ согласныхъ передъ твердыми слогами.

*) Впрочемъ и въ исходѣ попадается звукъ [ь]*о* вм. *е*; срв. охóчо (при болѣе обычномъ охóче), локальное „настоящо" (вм. настоящ*е*,=настоящимъ образомъ) и кое-какія другія слова. Въ сѣверныхъ и западныхъ говорахъ ихъ больше, по старому. Иногда чередованіемъ звуковъ *е* и *о* обусловливается смысловой оттѣнокъ; срв. частое дуж*е* (=очень) и рѣдкое дуж*о* (=крѣпко, мощно).

р т *и* (=жрать), н о ж *é* в і (=ножу, дат. пад.), а по аналогіи и н о ж *é* м, хотя н о ж *о* в и й изъ „н о ж е в *ы* й и т. п. и. т. п.

б) Въ этихъ случаяхъ (т. е. въ исходѣ или передъ мягкими слогами) намъ сплошь да рядомъ приходится, также, наблюдать склонность звука *е* къ другому, совершенно особому звуковому переходу, а именно—склонность къ переходу въ болѣе широкій звукъ *я* (или *ьа*, *а*), причемъ параллельно продолжаютъ обыкновенно существовать и формы съ твердымъ *е*. Срв., напримѣръ, щ *а* п й т и (параллельно со щ *е* п й т и=прививать), п е ч *а* р й ц я (паралл. съ п е ч *е* р й ц я=шампиньонъ), п е ч *é* р а, п е ч *é* р я (паралл. съ печ*á*ря=пещера), ч *а* с н и́ к (=ч*е*снокъ), *я* в р é ї (при болѣе рѣдкомъ *є* в р é ї=евреи) *) *я* х й д н а (и *є* х й д н а) **), *я* л й н а, *я* л й ц я (=ель), л *я* щ (рѣже л *е* щ, стар. „лещь“), з т а к ó ї д á л *я* ч і (или з т а к ó ї д á л *е* ч і=изъ такой дали), с ó н *я* ш н и к (=подсолнечникъ, подсолнухъ), с *я́* ч а—моча) ***), гдѣ ч а изъ ч я, ****); о с *я́* т р [ь] (наряду съ болѣе рѣдкимъ о с *é* т р), з *а* л ї з н и й (изъ „*зя*лїзний“, з а п. ж*е*лїзний,=желѣзный), р *я* м і н ь (и р *е* м і н ь=сапожная кожа, „ремень“), в е с ї л л *я* (рѣже в е с ї л л *є*=свадьба, „веселье“), ж и т т *я́* (зап.-мр. и сѣв. ж и т т *é*=жизнь, „житье“), а д ж *á* (чаще а д ж *é*=вѣдь) *****), тр*а* (рѣже

---

*) Однако въ рѣчи литературной писать надо этимологичное „єврeї“, а не вульгарное „яврéї“.

**) Это иностранное слово echidna было заимствовано малороссами съ мягкимъ произношеніемъ сочетанія *chi*, именно, въ формѣ „єхидьна“. См. кіевскій Изборникъ Святослава 1073 г., л. 154.

***) Корень (вторичный) этого слова—с ь ц, имѣющійся и въ извѣстномъ несалонномъ глаголѣ съ окончаніемъ..... я т и.

****) Въ Галичинѣ слышна и болѣе старая форма этого слова, съ окончаніемъ ч [ь]: „сяч“. Срв. церк.-слав. „сьчь“.

*****) Слово это происходитъ изъ а ч ж е=„смотри что....“ (ж е въ смыслѣ „что“... ὅτι...—происходитъ изъ сокращенія старомалорусскаго домонгольскаго слóва: є ж е, о ж е). Слово „ач!“ =(смотри-ка! вишь!) употребляется и самостоятельно; мн. ч. „ачте!“. Впрочемъ, при установленіи этимологіи этого слова не надо упускать изъ виду галицкое „ади“ (=смотри), возникшее изъ „а диви!“.

тр*е*=нужно; то же, что тр*е*ба) и пр. *).

в) Явленіе это извѣстно еще въ самыхъ старыхъ памятникахъ вост.-малорусскаго (да и западно-малорусскаго) нарѣчія. Срв. въ кіевскомъ домонгольскомъ Изборникѣ Святослава 1073-го года: „каж*а*ника=(л. 262, вм. „кажєника), „по*я*млються“ (л. 212, вм. „поіємлються“), „єя ж*я*“ (л. 219, вм. „єя жє“), „Елисав*я*ть“ (л. 254, об., вм. „Елисавєть“), „о земл*я*мѣрыи“ (л. 203 об.). Въ произведеніяхъ Нестора, по Успен. Сборн. XII в.: „л*я*жашеть“ (л. 38 а); въ томъ же Сборникѣ: „запустѣни*я*“ (л. 1=запустѣніе) и др. Въ старокіев. лѣтописи (по разнымъ спискамъ) мы находимъ въ Лаврент. спискѣ **ЧАЛАДЬ** (л. 28;=мр. „чéлядь, ч*á*лядь“); срв. въ Ипат. спискѣ „ч*а*рнятинци“ (стр. 555;=ч*е*рнятинци“); последній примѣръ—очевидный зап.-малорусскій. Что касается памятниковъ зап.-мр., то въ т. н. Вѣнскомъ (вѣроятно, галицкомъ) Октоихѣ XII—XIII вѣка читаемъ: д[у]ховноє сияни*я* (л. 52 об.); въ Галицкомъ Ев. 1266—1301 г.: „въ куроглашень*я* (л. 154), „єщ*а*“ (л. 55 об.=еще), „изъ д*á*л*я*ча“ (л. 59), и пр., и пр. Рядъ другихъ примѣровъ, извлеченныхъ изъ старомалорусскихъ рукописей (напр., изъ черниговской Лѣствицы XII в., изъ южно-гал. Ев-ія поповича Евсевія 1283 г. и пр.), приведенъ нами ниже (стр. 400 и слѣд.), въ приложеніи къ §§ 52—53.

§ 53. О случаяхъ нефонетичной аналогіи, иногда происходящей при дѣйствіи вышеизложеннаго фонетическаго закона.

а) Не мѣшаетъ замѣтить, что съ теченіемъ времени малорусскій языкъ судьбу звука *е* (послѣ йоты и смягчен-

---

*) Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ неударное *е* смѣшивается съ неударнымъ *и*, можно изрѣдка наблюдать дѣйствіе этого закона и надъ неударнымъ звукомъ *и*. Срв. *тя*чинка (=т*ы*чинка) изъ *те*чинка; óб*ш*а*р (=пространство, „обш*и*рь“) изъ óб*ше*р [ь].

ныхъ согласныхъ) пересталъ ставить въ очень строгую зависимость отъ исконной твердости или исконной мягкости послѣдующаго слога и породилъ цѣлую серію звуковыхъ смѣшеній, причины которыхъ однако всегда очевидны и легко объяснимы. Отчасти въ этомъ виновато могущественное вліяніе аналогіи, (это вліяніе—старинное еще), отчасти—новомалорусское отвердѣніе тѣхъ гласныхъ звуковъ и слоговъ, которые въ домонгольскомъ кіевско-малорусскомъ языкѣ были мягкими, и наоборотъ.

б) Напримѣръ, форму род. и орудн. падежей ед. ч. жен. рода мы произносимъ: „наш*о*ї, синь*о*ї," „наш*о*ю", „синь*о*ю" (а не „нашеї, синеї", „нашею, синею"), хотя слоги ї (изъ стар. ѣ) и *ю*—мягки. Такое произношеніе установилось по меньшей мѣрѣ еще въ XI вѣкѣ подъ вліяніемъ вполнѣ фонетическихъ формъ рода мужескаго („наш*о*го, синь*о*го", „нашому, синь*о*му" и пр.—см. стр. 200 и слѣд.),—вѣроятно, не безъ вліянія также формъ твердаго женскаго же склоненія (такихъ, какъ „добр*о*ї, добр*о*ю" и проч.).

Возьмемъ другой примѣръ нефонетической аналогіи. Кто произноситъ имен. падежъ ж*о*на́, род. ж*о*ны, вин. ж*о*ну́, ор. ж*о*нóю, а во мн. числѣ всѣ падежи со звукомъ *о*, тому по аналогіи невольно хотѣлось и хочется сохранить этотъ же звукъ *о* (послѣ *ж*) и въ остальныхъ двухъ падежахъ, т. е. въ мѣстномъ и въ дательномъ (ж*о*нї), хотя въ виду мягкости дательно-мѣстной флексіи (ї, ѣ) мы могли бы въ дат. и мѣст. падежѣ ждать сохранности звука *е* (т. е. ждали бы ж*е*нї, а не ж*о*нї).

Напротивъ, отъ гна́ти (=гнать) 1-е л. н. вр. и въ старину звучало и теперь звучитъ ж*е*ну́ (=гоню);— почему же не „ж*о*ну́"? вѣдь *ну* твердый слогъ?—да потому, что переходу же въ жо здѣсь помѣшало вліяніе аналогіи 2-го и 3-го лица ед. и мн. ч.: ж*е*нé*ш*[ь], ж*е*нé[ть], ж*е*н*е*тé, въ которыхъ слогъ „не" въ старину былъ всюду мягкимъ и естественно не позволялъ предыдущему слогу

же перейти въ жо*). Подъ тѣмъ же вліяніемъ не могли укрѣпиться формы 1 л. мн. ч.: „хóчомо“, „знáйомо“, а развились вмѣсто нихъ фонемы: хóчемо (=мы хотимъ) знáемо (=мы знаемъ), хотя даже въ XV вѣкѣ еще существовали формы съ *о***).

Почему червóний (=красный), а не „чорвоний“?—потому, что переходу въ *чо* помѣшало вліяніе параллельнаго слова червéний или чер[в]лéний (и до сихъ поръ не всюду исчезнувшаго у малоруссовъ), гдѣ слогъ че (передъ ле) и по фонетическому закону не долженъ былъ обратиться въ чо.

Наоборотъ: почему мы часто слышимъ *я*, а не ожидаемое *ьо* въ словѣ плéтяний (=плетеный)? вѣдь слогъ ний происходитъ изъ твердаго ный? Это—потому, что здѣсь повліяла аналогія съ одной стороны—такихъ причастій, какъ „писаный“, „сказаный“, и неопр. наклоненій съ окончаніемъ ати, яти, а съ другой стороны повліяла аналогія такихъ словъ или формъ, какъ плéтяник (=кренделекъ, булка-плетенка), въ которыхъ нынѣшній твердый слогъ ник (чит. нык) произошелъ изъ мягкаго (**никъ**), а такъ-какъ

---

*) А что наклонность къ образованію формы жону (=гоню) у старыхъ малоруссовъ дѣйствительно существовала, видно изъ начертанія року (вм. реку) въ Холмскомъ Ев. XIII—XIV вѣка (л. 162).

**) По крайней мѣрѣ, въ господарскихъ грамотахъ XIV—XV вѣка, писанныхъ въ Буковинѣ, мы находимъ написанія вродѣ: слюбуюмъ (=нын. „слюбýєм“, т. е. обѣщаемъ), хочумъ (=„хóчем“, т. е. хотимъ), маюмъ (=„мáєм“, т. е. имѣемъ); срв. по изд. Уляницкаго стр. 8 и 9 (=1395 г.), 74, 96—97, 99, 172 (=1499 г.). Надо при этомъ замѣтить, что буковинцы, писавшіе грамоты, передавали буквою *у* и *ю* неударный звукъ *о*, *јо* (они писали, напр., велѣли-сму =велѣли-смо, мы слюбуєму=слюбуємо. и т. п.).—Что касается начертаній съ *о*, а не съ *у*, то срв., напр., въ волошскомъ Евангеліи Верковича XIV в.: [мы] речомъ (л. 85), [мы] хощомъ (л. 90 об.), [мы] можомъ (л. 98, 24 об.) и др. У бѣлоруссовъ можно констатировать „хочомъ“ въ грамотѣ Рижанъ ок. 1300 г. къ Витебскому князю Михаилу Константиновичу о его обидахъ (изд. въ 1-мъ изд. „Древнихъ памятниковъ“ Срезневскаго).

въ настоящее время малоруссъ не чувствуетъ, чтобы слогъ н и й былъ у него тверже слога н и к*), то невольно въ обоихъ словахъ онъ готовъ измѣнить слогъ т *е* въ т *я*; по той же причинѣ, по аналогіи онъ и оплетенную „криницю“ (колодезь) называетъ плéт*я*нка, не смотря на нын. твердость слога к а, слѣдующаго за т е н **).

Точно такъ же аналогія позволяетъ нефонетически сказать: к р й ш *а* н и й (или к р й ш *е* н и й;=крошенн*ый*) въ виду законно-фонетическаго и возникшаго болѣе рано к р й ш *а* н *и* к (=кусокъ крошеного мяса)***); она же позволяетъ сказать п á л *я* н и й (жжен*ый*) въ виду фонетическаго п а л *я* н *й* ц я (=печеная булка); она позволяетъ сказать с у *я́* т (=суетливый) въ виду с у *я* т [ь]- н и й; она позволяетъ сказать ч *ó* р т и к (=черт*и*къ) въ виду ч *о* р т (=черт*ъ*) и ч *ó* р т і в (=черт*о*въ), и пр., и пр., и пр. ****).

---

*) Даже напротивъ: слогъ н и й (старинное... **ный**), имѣя у себя въ концѣ звукъ *й*, звучитъ у малорусса теперь п о м я г ч е слога н и к (старинна́го... **никъ**)!

) А параллельно существуетъ слово п л е т і́ н к а, происходящее изъ закономѣрнаго п л е т ь *ó* н к а (звукъ ь о явился фонетически изъ є—передъ твердымъ слогомъ **нъ).

***) Срв. въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г. род. пад.: **кажаннка**, л. 262.

****) Въ моей „Филологіи и Погодинской гипотезѣ“ интересующійся читатель можетъ въ собранномъ мною матеріалѣ выискать (на стр. 53—57) побольше примѣровъ такого же рода, свидѣтельствующихъ собою о томъ, что старинный строго-послѣдовательный малорусскій законъ о судьбѣ звука *е* послѣ мягкихъ согласныхъ успѣлъ съ XI вѣка къ нашимъ временамъ кое-въ-чемъ потерять свою стройность подъ вліяніемъ встрѣчной аналогіи, ходъ и причины которой, впрочемъ, всегда очень и очень осязаемы и очевидны. Въ названной книгѣ читатель найдетъ также ссылки на тѣ источники (какъ современные, такъ и древніе), изъ которыхъ мною извлечены приведенные тамъ примѣры.—Не мѣшаетъ замѣтить, что я въ тотъ списокъ на стр. 53—57 умышленно не включилъ слова ч а р д á к (=палуба), которому по-русски соотвѣтствуетъ (съ другимъ значеніемъ) слово „ч *е* р д а к ъ“. Дѣло въ томъ, что малорусское ч *а* р д *á* к есть вполнѣ точная передача этого персидско-турецкаго слова, а форма ч *е* р д а к ъ есть измѣненіе. Туда же я не включилъ малорусскаго т *я* т *й* в а (=т*е*тива), потому-что звукъ *я* есть въ немъ рефлексія юса (=церк.-слав. **тѧтива**, польск. cięciwa).

в) Вставочное примѣчаніе о зачинномъ о, соотвѣтствующемъ церков.-славянскому іє.

Не надо объяснять позднимъ вліяніемъ нефонетической аналогіи тѣ случаи, въ которыхъ зачинному (т. е. находящемуся въ началѣ слова) церковно-славянскому, вообще южно-славянскому, равно какъ и западно-славянскому, звуку іє соотвѣтствуетъ у малоруссовъ (да тоже и у русскихъ) звукъ о, несмотря на мягкость слѣдующаго слога, —напр. óлень (=церк.-слав. «іѥлень», польск. jeleń), óсїнь (=церк.-сл. „іѥсень", польск. jesień), одйн (=цер.-сл. «іѥдинъ», польск. jeden), óзеро (=цер.-сл. «іѥзеро», польск. jezioro) и рядъ тому подобныхъ словъ, среди которыхъ замѣтимъ названіе ежевики: ожйна. Присутствіе у малоруссовъ, и вообще у восточныхъ славянъ, въ такихъ случаяхъ, звука о, тогда какъ всѣ славяне кромѣ восточныхъ имѣютъ здѣсь звукъ е, восходитъ къ глубокой древности: это зачинное о должно считаться чертою не только прамалорусской, но и праязычной общевосточнославянской (иначе «общерусской»). По крайней мѣрѣ, во всѣхъ стариннѣйшихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ, особенно же въ лѣтописяхъ и грамотахъ, изъ мр. Кіева ли онѣ или изъ вкр. Новгорода, мы уже встрѣчаемъ начертанія типа «одинъ», «осень», «още» (=церк.-сл. іеще)*), «олень» и т. п. Лишь въ очень небольшомъ количествѣ словъ мр. языкъ имѣлъ и имѣетъ въ зачинѣ не только о, но и іє; срв. въ старо-мр. языкѣ «осетрь» и «іѥсетрь», «ожь» и «іѥжь»**), относительно которыхъ нельзя вѣдь думать, чтобы они, въ формѣ съ

*) Въ словѣ „*още*" начальное *о* рано начало отпадать совсѣмъ, откуда и образовалось общеизвѣстное малорусское „ще". Въ свою очередь это „ще" при помощи новаго, эвфоническаго призвука *и*, легко обращалось и обращается въ „ище", чему старинный примѣръ—въ буковинскомъ Евангеліи Верковича XIV вѣка (л. 97) и въ припискѣ къ Успенск. Сб. XII в., л. 46 d.

**) Теперь „*ожь*" забылось. Но этотъ корень донынѣ сохраняется въ названіи „*ожина*".

зачиннымъ іє, заимствованы были изъ книгъ церковныхъ подобно церк.-слав. слову «ієдиный», успѣвшему почти омалоруситься, несмотря на свое книжно-церковное происхожденіе. (Для словъ же «ієль», «ієлина», «ієлиця» старо-мр. языкъ, надо думать, и не зналъ никогда параллельныхъ формъ съ о: слышалось только іє).

Повидимому, этотъ коренной законъ о соотвѣтствіи церк.-слав. зачиннаго іє малорусскому зачинному о привелъ къ тому, что и заимствованныя греческія крестныя имена и церковные термины, начинавшіеся въ греческомъ языкѣ со звука Е (рѣдко—со звука ЕІ), а въ церковно-славянскомъ—со звука іє или є, переходили на Русь послѣ принятія ею христіанства не только со звукомъ є, но и—на прарусскій ладъ—со звукомъ о; такимъ образомъ въ эпоху Владиміра Святого существовали параллельно имена «Олена»—и «Єлена», «Овьдокия»—и «Євьдокия», «Орина»—и «Єрина»*), «Овсѣй»—и «Євсѣй», «Овстафий» (=Остапъ)—и «Євстафий»**), «Олефѣрь»—и «Єлевѳѣрий», «Охрѣмъ»,—и «Єфремъ» и т. п., или слова: «охидьна»—и «єхидьна», «опитимия»—и «єпитимия» и проч. Возможно, что при этомъ нѣкоторую роль сыграло и новогреческое произношеніе***).

*) Теперь у малоруссовъ мало гдѣ слышится „*Орина*",— но срв. въ мѣсяцесловѣ Вѣнскаго Октоиха XII—XIII в. (изъ Галичины): „*Орины*" (л. 177). Въ немъ вообще имена переданы по народному галицкому выговору: „*Олены*" (л. 177 об.); срв. еще „*Олександра*" (л. 178) и „*Олексы*" (л. 174), гдѣ *О* вм. церк.-сл. *А*, на разговорный ладъ.

**) Между формами „*Овстафий*" (срв. кіев. Чудовской Сб. XIV в. № 20, л. 100а) и „Оста*пъ*"—существовала промежуточная: „Оста*пий*" См. напр. въ польской транскрипціи 1602 г. въ люблинской копіи съ грамоты 1562 г.: «Osta*pi* Wołowicz» (=Антонов. и Козлов. № 41, стр. 91), наряду съ «Osta*fey* Wołowicz» (стр. 92).

***) Въ новогреческомъ языкѣ старинное *е* легко замѣняется посредствомъ *о* въ началѣ нѣкоторыхъ словъ,—напримѣръ, старинное „echthrós" (=врагъ) обратилось въ новогреческое „октрóс", старинное „eléutheros" (=свободный)—въ новогреческое „олé[ф]ѳерос". (Пользуемся латинской и русской транскрипціей, потому-что въ типографіи нѣтъ греческихъ буквъ).

Въ теченіи дальнѣйшей исторической жизни мр. языка, послѣ временъ Ярослава Мудраго, эти параллельные зачинные звуки о и ιє развивались каждый по своимъ собственнымъ фонетическимъ законамъ. Зачинное о могло—или оставаться неизмѣненнымъ (срв. донынѣ «ожи́на», «Оле́на»),—или, въ случаѣ если за нимъ слѣдовалъ выпавшій глухой звукъ, зачинное о могло обращаться въ долготное ô, а оттуда—въ і (срв. соврем. „Ві́вдя“ изъ „Ôвьдя“,—уменьшит. отъ «Овьдокия»; „вільха“ изъ „ôльха“,—церк.-слав. „ιєльха“). Зачинное же ιє подчинялось, какъ и всякое другое старомалорусское *є*, общему фонетическому закону о положеніи мягкаго *є* передъ твердымъ или передъ мягкимъ слогомъ; иначе сказать: передъ твердымъ слогомъ оно легко обращалось въ *йо* (срв. „*Йо*втух“, или „*Йо*лтух“—изъ „Євтух[ий]“), а передъ мягкимъ слогомъ оно или сохранялось въ видѣ *є*, или расширялось въ *я*; срв. „*Я*лена“ (=Ієлена), „*я*лина“ (=іелина)*), „*я*хид[ь]на“ (=ιєхидьна), „*я́*сетр[ь]“ (=Ιєсетрь), „*Я*в[ь]до́тя“, или уменьшит. „*Я*в[ь]доха“ (=ІЄвьдокия), „*Я*ри́на“ (=ІЄрина), „*Я*лехвѣ́рь“ (=ІЄлефѣрь) и т. п. Иногда начальная йота въ этихъ фоне́махъ отпадала,—и тогда получались у малоруссовъ имена: „*А*вдо́тя“, „*А*лехвѣ́рь“, изрѣдка даже „*А*ле́на“ и т. п. особенно въ локальныхъ говорахъ Галичины, Волыни и сѣверной Кіевщины**).

---

*) А оттуда нефонетически звукъ *я* переходилъ и въ слово „*я*лове́ць“ (=можжевельникъ, изъ „ιєловьць“).

**) Форму „*А*лена“ мы можемъ констатировать во вкладной галицкой записи на львовской Кормчей XV в. (=музей Петрушевича № 55): „*А*лленою“ (л. 131 об.; опис. Свѣнцицк. I, 34). Имя „*А*лехвір“ оказывается въ Кіевскомъ монастырскомъ Михайловскомъ помянникѣ XVI вѣка („3 Остря—*А*леферя“, л. 39), въ галицкомъ апокрифѣ XVIII в., изданномъ у Франка (=„Пам'ятки“, т. IV, стр. 84: „Слово с[вя]того *А*лиферія“), и др.—Появленію здѣсь звука *А* содѣйствовали еще и другія причины. См. мой „Древне-кіевскій говоръ“, стр. 39—43.

г) *Ярусалим*, *Ярош* и т. п.

Имя „Єрусалим“ и рядъ другихъ именъ, начинающихся съ *Єр* и имѣющихъ послѣ начальнаго *Є* слогъ твердый (напр. „Єрсфей“, „Єрмолай“ и др.), тамъ и сямъ нефонетически слышится у малоруссовъ какъ „*Я*русали́м“ (чаще однако „Єрусалим“, или, какъ у Руданскаго, „Русали́м“); зап. „*Я*рош“ (съ удареніемъ на *Я́*) и вост. „*Я*рохвій“; зап. „*Я*рони́м“; „*Я*рмо́ла“ (оттуда и село— „*Я*рмоли́нцї“). Также великорусскій герой Еруслань обращается у малоруссовъ въ *Я*руслана*).

Это нефонетическое произношеніе развилось съ одной стороны подъ вліяніемъ вполнѣ фонетически возникшихъ именъ и словъ—такихъ, какъ *Я*ре́ма, *Я*ри́на, яре*ти́*к, а съ другой стороны подъ вліяніемъ очень употребительныхъ въ старину собственныхъ именъ съ корнемъ *яр* (*Я*рославъ, Ярополкъ, Яромиръ).

Начертаніе „Ярусалимъ“ извѣстно и въ кіевской Начальной лѣтописи, и въ южно-галицкомъ Ев-іи 1283 года поповича Евсевія. Такъ, въ лѣтописи, по Лаврентьевскому списку XIV в., подъ 6496 г. въ разсказѣ о противолатинскомъ наставленіи, которое получилъ новокрещенный кн. Владиміръ, упоминается „Курилъ Ярусалимский“ и „престолъ Ярусалимский“ (стр. 112, 113 и пр.), а въ гал. Евангеліи 1283 г.: „взиде І[су]съ въ Яр[уса]л[и]мъ“ (л. 11,а). Имена „Ярмо́ла“, „Я́рош“ (=Ярофей), „Яронимъ“—довольно обычны въ актахъ XVI в.**)

---

*) Гринченко: Этнографическіе матеріалы, т. I, стр. 189.

**) Напр. въ войсковой переписи 1565 г.—волынскіе бояре: „*Ярмолъ* Гуляницкій“, „*Ярофей* Госки[й]“ (=Архивъ Юго-Зап. Росс., ч. VII, т. 1-й, стр. 219, 221). Въ Батуринской купчей 1671 г.: „*Ярмола*“ (Кіев. Старина, 1883, іюль, 509). Въ луцкомъ судебномъ актѣ 1578 г.: „пана *Ярофѣя* Гостского“ (изд. въ Несторовыхъ „Чтеніяхъ“, кн. XIII=1899, стр. 7). Въ Луцкой книгѣ кгродской 1579 г.: «пану *Ярофѣю* Чирскому» (=«Архивъ Юго-Зап. Р.», ч. 1, т. I, стр. 99); тамъ же подъ 1568 г.: „до мене, *Яроша* Палишевскаго“ (=Антон. и Козлов. № 58, стр. 146), „Яну *Яронимовичу* Ходкевичу„ (стр. 110) и т. п. и т. п. См. еще и

и встрѣчаются также въ церковныхъ помянникахъ. Такъ, волынянинъ „Ярмола з Острога“ внесенъ въ Кіево-Михайловскій помянникъ подъ 1620 г. (л. 93). Ихъ правописаніе съ Я принято и въ нынѣшней литературной малорусской рѣчи, тогда какъ орѳографія „Ярусалим“ избѣгается: въ литературѣ пишутъ „Єрусалим“.

Б. м., аналогичное вліяніе оказалъ корень *яв* („явитися“) и фонетически развившіяся имена и слова: „Яв[ь]доха“, локальное „*я*вреї“ и т. п.,—вліяніе на имя „Євту́х“. Фонетически (передъ твердымъ слогомъ *ту*) мы ждали бы только „Й*о*вту́х“ (и эта форма—въ высшей степени обычна въ документахъ XV—XVI вѣка)*), но, б. м., подъ вышеуказанными нефонетическ. вліяніями возникло и произношеніе „Явту́х“, любимое особенно въ Полтавщинѣ**) и узаконенное въ литературной рѣчи,—наряду, конечно, съ параллельнымъ „*Йо*вту́х“ (которое мы находимъ, напримѣръ въ „Полтавѣ“ Гребенки: „Чого він жде, старий *Йо*вту́х“).—Естественнѣе однако—не это, а иное объясненіе. Греч. имя „Евтvхий“ заимствовано было предками малоруссовъ (съ принятіемъ христіанства) въ двухъ формахъ: „Євт*и*х[ий]“—и „Євт*у*х[ий]“. Вполнѣ фонетически, первая форма дала къ себѣ параллель „Явтих[ий]“, вторая же фонетически обратилась въ „Й*о*вту́х[ий]“; потомъ, съ теченіемъ времени, обѣ формы взаимно смѣшались, и оттого говорится не только

польскія люстраціи мр. земель 1565 г., гдѣ имя „Jarmoła“ пестрѣетъ всюду (напр., въ „Арх. Юго-Зап. Р“ ч. 7, т. II, стр. 47, 68, 184, 240, 283 и пр.).

*) Старѣйшій мнѣ извѣстный примѣръ—въ галицкой т. н. грамотѣ кн. Льва 1302 г., поддѣланной не позже 1-й половины XV вѣка: „отъ Бичиша до *Юл*ътоховы Росохы, а отъ *Юл*ътоховы до Высокои горы“ (=Хрест. Головацкаго, стр. 317). Но рельефнѣе—документы, писанные буквами польскими, потому-что въ нихъ звукъ *йо* такъ и пишется іо. См. напр. люстрацію Барскаго староства 1565 г., изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. 2 (стр. 216, 217), или люстрацію Ратненскую того же года (=„Архивъ“, стр. 273 и 283), или одновременную люстрацію староства Хмельницкаго („Архивъ“, стр. 136): вездѣ въ нихъ это мр. имя записано „Jołtuch“.—О зап.-мр. и сѣв.-мр. смѣшеніи *и* съ *в* см. стр. 89 и, отчасти, стр. 96.

**) Кіевщина предпочитаетъ „Євтух“, причемъ неударное *є*

„Йовтух“, но и „Явтух“.— Обѣ одинаково приняты въ литературной рѣчи*).

Приблизительно такова же звуковая судьба, у малоруссовъ, греческаго имени „*Ев*ѳимий“, тоже начинающагося на Єв. Сверхъ священнокалендарной формы „Євѳимий“ (съ первоначально мягкимъ слогомъ „*ѳи*“**), изстари существовала другая, болѣе удобопроизносимая форма: „Єв*хы*мъ“ (съ твердымъ слогомъ *хы*). Изъ нихъ первая форма, какъ и слѣдовало ожидать, дала къ себѣ фонетическую параллель „Я[в]фим[ий]“; а съ обычною замѣною звука *ф* звуками *хв* или звукомъ *х* (см. стр. 114 116) отсюда получилось имя „Яхвимъ“ и „Явхи́мъ“***), которое впрочемъ въ литературной рѣчи не употребительно, потому-что извѣстно лишь въ небольшомъ количествѣ мр. говоровъ. Нефонетическаго вліянія со стороны корня „явитися“ предполагать, значитъ, и здѣсь не къ чему.— Форма же „Єв*хы*мъ“ фонетически обратилась въ донынѣ обычнѣйшую общемр. „Й*о*[в]хымъ“ (діалектич. даже „Йо*л*хымъ“)****), или, какъ чаще всего мы слышимъ— „*Ю*хы́мъ“ (неударное *йо*=*ю*)[5]). Взаи-

---

произносится обыкновенно за *йи*, и мы слышимъ „*І*втух“. Многіе такъ и пишутъ, причемъ надъ *І* ставятся двѣ точки.

*) А кто хочетъ, тотъ пишетъ себя по церковному: „Євтихий“.

**) или—по зап. мр. произношенію—„Є*фти*мий“.

***) См. напр. въ дневникѣ Евлашевскаго подъ 1587 годомъ (=«Кіевск. Старина» 1886, янв. стр. 149).

****) Такъ, въ польской люстраціи Любомльскаго старостава 1564 г. (изд въ «Архивѣ Юго-Зап. Россіи», ч. 7, т. II) имя, воспроизведенное лат. буквами «*Jo*lchim», см. на стр. 326, 336, 337, 339, 344. Тамъ же—«*Jo*chimiecz» (327, чит. «*Йо*хымець»).—Или въ Барской люстраціи 1565 г. (изд. тамъ же): «*Jo*lchim Buben» (233).

[5]) Кстати сказать: хотя произношеніе неударнаго *йо* за *ю* вообще не узаконивается литературной орѳографіей, но для имени «*Ю*хи́м» многіе дѣлаютъ исключеніе, и очень часто пишутъ въ на-

модѣйствіе между двумя фонетическими формами „Яхвимъ“ и „Йохымъ“ привело къ созданію нефонетической посредствующей формы: „Й*о*хв*и*мъ“*); она рѣдка и нелитературна.

При случаѣ замѣтимъ, что съ именемъ „Йохим“ или „Явхим“ (=Евѳимий) не слѣдуетъ путать подобозвучное зап.-мр. имя „Яхим“, которое равносильно общемалорусскому имени „Я*к*им“, но происходитъ не изъ православной формы „Іоакимъ“, а изъ католической „Joachim“**).

д) Можно бы привесть еще кое-какіе другіе нефонетическіе примѣры такого же рода, свидѣтельствующіе о силѣ аналогіи. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни было сильно и старое и новое вліяніе нефонетической аналогіи, оно не успѣло затушевать тотъ ясно-опредѣленный звуковой законъ, который нами разсмотрѣнъ въ этой главѣ, а именно: звукъ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ склоненъ обращаться у малоруссовъ передъ твердыми слогами—въ [ь]*о*; а передъ мягкими слогами и въ изглашеніи онъ—или сохраняется въ видѣ *е*, или расширяется въ *я*.

Приложеніе къ §§ 52—53.

Для лучшей иллюстраціи появленія у малоруссовъ звука *я* изъ *е* (какъ фонетическаго, такъ и по аналогіи) соберемъ здѣсь нѣкоторое количество выписокъ изъ памятниковъ XI—XV вв. Кое-что пожа-

чалѣ *Ю*, а не *Йо*. Впрочемъ, кто считаетъ начертаніе «*Ю*хи'м» за непріятный вульгаризмъ, тотъ пишетъ «*Йо*хи'м» или—ближе къ календарю—«Євхи'м», даже «Ївхи'м» (съ двумя точками надъ начальнымъ ї.)

*) См. напр. въ польской люстраціи Кременца 1563 г.: „Jochwim przychoży“ (=„Архивъ Юго-Зап. Р.“, ч. 7, т. II, стр. 82).

**) Въ волынскомъ луцкомъ завѣщаніи 1576 г. кн. Богуша Корецкаго (изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Р.“, ч. 1, т. I, стр. 95—116) имя княжескаго сына пишется то „*Якимъ*“, то „*Яхимъ*“.

луй, мы ужъ попутно успѣли указать въ §§ 52—53*).

Въ Кіевскомъ Изборникѣ кн. Святослава 1073 г.: „Филипъ, иже кажаника (вм. „каженика") крьсти" (л. 262, b; каженикъ=евнухъ)**); „Правьдьнии поямлються, а неправьдьнии—оставляються. Како же поѥмлються правьдьнии?" (л. 212, b);—„ея жя" (л. 219;=ея же);—„о землямѣрыи" (л. 203 об., а; =землемѣріи);—„Елисавять" (л. 254 об.). Поддавалось бы сопоставленію съ соврем.-малорусскимъ „каляндар" слово „каланьды" (=календы; см. напр., на л. 247), но звукъ *а* въ этомъ „каланьды" есть, очевидно буквальное заимствованіе изъ греческаго слова (hai kalandai)***).—Б. м., „подобоимѣния" (л. 238; ед. ч.)

Въ Кіевской Начальной лѣтописи XI—XII в., вѣроятно, было слово „чалядь" (=соврем.-мр. челядь, ча́лядь); см. подъ 6453=945 годомъ по Лаврентьевскому списку XIV в.: „Игорь, одаривъ [греческихъ пословъ] чалядью и воскомъ, и отпусти я"; (л. 28); такъ же „чалядинъ" (л. 24, и тутъ же „челядинъ", л. 24). По разнымъ спискамъ встрѣчается въ Начальной лѣтописи слово „чяхы", (=чехи), именно въ выраженіи: „межи Чяхы и Ляхы"; но оно, въ положеніи слога „че" передъ твердымъ слогомъ, могло образоваться лишь нефонетически —пу-

---

*) Дальнѣйшее надо было бы напечатать петитомъ, но въ типографіи, гдѣ печатается этотъ листъ, недостаетъ петита.

**) Срв. также: „С[вя]тааго Єпифания о 12 камыку, иже бѣаху на логии святителевѣ насаждані". Мы ждали бы (какъ замѣтилъ еще Буслаевъ въ „Истор. Хрест." 1861, стр. 277), что встрѣтимъ здѣсь „насаждені". Въ совр.-мр. языкѣ, конечно, здѣсь мы не рѣже услышали бы „насажані", чѣмъ „насажені".

***) Греческаго шрифта въ типографіи нѣтъ, и оттого мы замѣняемъ его латинскимъ.—Въ Несторовомъ „Житіи Бориса и Глѣба" по Успенскому списку XII в. тоже есть: „преже каландъ" (л. 12 b).

ѳемъ риѳмы[1]). Нефонетическое *я* мы видимъ и въ имени „*Я*русалимъ“ (срв. по Лаврентьевскому списку стр. 112, 113), которое объяснено нами выше (стр. 396). Вѣроятнѣе всего, что не иначе какъ изъ старокіевскаго оригинала попали въ Лавр. списокъ закономѣрныя фонемы съ *я*, встрѣчающіяся лишь въ его первой (т. е. Начально-Кіевской) части: „знам*я*нья“ (л. 33, л. 35), „плам*я*нь“ (л. 20), „им*я*ни“ (л. 65), „им*я*немъ“ (л. 4, л. 5, л. 34, л. 38, л. 65, л. 74, л. 75), „плем*я*немъ“ (л. 3), „врем*я*ньныхъ“, „по врем*я*нѣхъ“ (л. 4) и—возникшая по аналогіи съ ними (а также по аналогіи съ им. ед. „врем*я*“) форма им. мн.: „врем*я*на“ (л. 8, л. 61), „им*я*на“ (л. 23, л. 26, л. 57, л. 60) и „сѣм*я*на“ (л. 56). По крайней мѣрѣ, мы эти же фонемы будемъ еще встрѣчать въ памятникахъ, писанныхъ въ Кіевѣ, въ Галичинѣ и другихъ старомалорусскихъ мѣстностяхъ[2]).—Въ Словѣ о Полку Игоревѣ (XII в., дошло въ спискѣ ок. XV в.) есть аналогичная форма: „о, руская земле! уже за шелом*я*немъ еси!“ „уже не шелом*я*немъ еси!“ Быть можетъ, это *я* попало изъ черниговскаго (или кіевскаго) подлинника.

Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (т. е. въ майской минеѣ, съ произведеніями Іакова[3]) и Нестора

[1]) По Лаврентьевскому списку это пишется: „*Ча*хи“; по Ипатскому—„Чяхы“ (л. 106=печатн. изд. стр. 102): „И пробѣже [Святополкъ Окаянный] пустыню межи Чяхы и Ляхы, и ту испроверже живогъ свой злѣ“.—Въ Троицкой лѣт. XV в.: «*Ча*хове» (216).

[2]) Въ настоящую пору малоруссы потеряли наращеніе *ен* въ косвенныхъ падежахъ и вмѣсто „времени“, они говорятъ род. пад. „врем'*я*“ т. е сходно съ имен. падежемъ. Но если имъ случается произнести церк.-славянскую или русскую форму „времени“, то они охотно обращаютъ ее въ „врем*я*ни“. См., напр., у Кропивницкаго въ одной его комедіи (напечат. въ „Ріднім Краю“, 1906, № 29, стр. 10): „нема врем'*я*ни“.

[3]) Его Житіе Бориса и Глѣба на пред. страницѣ (ссылка 3-я) по недосмотру названо Несторовымъ.

Кіевопечерскаго): „[Ѳеодосій въ пещерѣ] николи же на ребрѣхъ своихъ л я ж а ш е т ь, нъ, аще коли хотящю ему опочинути, то сѣдъ на столѣ" (л. 38, а). Окончаніе существительныхъ сред. рода *ие* (=ед. ч.) довольно часто обращается въ и*я*,—напр., на первомъ же листѣ, въ апокрифѣ про Іеремію, мы находимъ: „да видить ищезновение града и з а п у с т ѣ н и *я* его" (л. 1 а,—срв. далѣе о томъ же: „видиши запустѣни*е* града сего", л. 2, с). Или въ Мученіи Ирины: „на о т м ь с т и *я* себѣ" (л. 79 с). Въ мученіи Христофора Песиголовца: „Вьседьржителю! П р о ш е н и *я*, его же прошю у тебе, подажь ми! помози крьс[ти]яномъ!" (л. 101, с). Или въ Видѣніи Исаіи, л. 90 b: „Д[у]хъ С[вя]тыи наиде на нь,—и вьси видѣша, слышаху же в ѣ щ а н и *я* Святаго Д[у]ха; и егда услышаша глас[ъ] С[вя]т. Д[у]ха, прѣклониша колѣна"[1]) и пр.[2]) Такъ какъ именит. падежъ такихъ существительныхъ, естественно, совпадалъ въ живой рѣчи писца съ падежемъ родительнымъ (срв. и у современныхъ малоруссовъ: „хрещенн*я*"=имен. и род. пад.), то писецъ, старавшійся быть грамматичнымъ, иногда способенъ бывалъ перемудрить и употреблялъ окончаніе ıє въ падежѣ родительномъ. Напримѣръ, въ Мученіи Ирины: „Авва-о[ть]че! не разори моего о с н о в а н и ı є!" (л. 73 с); „Вѣтвь маслиньна—обновление к р ь щ е н и ı є" (л. 69 а.; въ другихъ спискахъ этого Житія мы здѣсь видимъ, естественно, окончаніе *я*). Или въ Житіи Ѳеодосія: [Князья чтили св. Ѳеодосія] „не имѣния ради мъногаго, нъ чистаго его ради жития и п о у ч е н и ı є" (л. 62а;=поучения); на л. 50 d писавшій написалъ было „от[ъ] и м ѣ н и ı є", но спохватился и исправилъ букву ıє на *я*; въ Житіи Бориса и Глѣба: „Оканьныи С[вя]т[о]пълкъ, желание с[ь]рд[ь]ц*е* сво-

[1]) Въ другомъ извѣстномъ спискѣ „Видѣнія Исаіи" мы видимъ здѣсь *е*. См. „Описаніе рукописей Хлудова", № 195, стр. 414

[2]) Напр., въ странствованіи св. Агапія (л. 287 об. и слѣд.): «Слава же ихъ и п ѣ н и *я* на н[е]б[е]са въсылаться».

его уже улучивъ.......“ (л. 12d;=сърдьця).—Гробы свв. мучениковъ,—говоритъ авторъ,—Владиміръ Мономахъ „тако украси добрѣ, яко не могу съказати оного ухыщрения по достоянию довълнѣ“ (л. 24 с—d; =по достѣению); здѣсь мы, конечно, имѣемъ не слово „достояние“ (которое означаетъ имущество), но слово „достоеніе“, въ смыслѣ: „достоинство, значеніе“ съ первоначальнымъ звукомъ *е*[1]). Въ Мученіи Христофора: „подвиж*а*ниими ихъ [=мистическихъ животныхъ] красуяся“ (л. 96, b). Въ Мученіи Ирины мы наряду съ обычнымъ „крьщениемъ“ находимъ и „крьщ*а*ние“ (л. 69, а);[2]) срв. въ томъ же Мученіи Ирины: „коньч*а*но дѣло“ (л. 75, с), „коньчану“ (л. 68, а), гдѣ звукъ *а*—д. б., по аналогіи. И вообще въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. есть немало начертаній, подобныхъ тому полутора десятку, который мы здѣсь привели.—Однако къ нимъ едва ли можно относить начертаніе буквы *а* въ глаголѣ „ищ*а*зати“ (напр., на л. 38 b: „ищ*а*зааше“), чередующемся съ „ищ*е*зати“, какъ и теперь у малоруссовъ[3]); звукъ *а* въ этомъ глаголѣ повидимому восходитъ къ ѣ, а не къ е, все равно, какъ въ церк.-слав. „мънож*а*йший“ вм. „мъножѣйший“[4]).

Очевидно, тоже къ ѣ, а не къ е, восходитъ а и въ существительномъ „ищ*а*зъ“ (=изчезновеніе, эк-

[1]) Удареніе, вѣроятно, падало и тогда на слогъ „-сто-“.

[2]) Объ этомъ окончаніи «ание» см. замѣтку ниже, на стр. 405 при выпискахъ изъ Румянцовской Лѣствицы.

[3]) „Щ*е*зáти“—это обычная форма всѣхъ мр. говоровъ; „щ*а*зáти“—діалектическая. Изрѣдка слышится *а*, притомъ ударное, и въ однократномъ глагольномъ видѣ: „щ*á*знути“; но обыкновенно лишь „щ*é*знути“.

[4]) Есть еще въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. единичное начертаніе „ж*а*на“: „Лукаво погублениe ц[ь]саремъ—ж*а*на си“ (л. 81 с,— въ „Мученіи св. Ирины“), и есть единичное *ча* вм. *чь* въ словѣ „мьчьтание“: „[Когда Ѳеодосій сидѣлъ въ пещерѣ,] „многу скърбь и

стазъ) въ Синайскомъ Патерикѣ XI в. (Синод. Библ. № 551), гдѣ есть и другая форма этого же существительнаго: „ищезъ“[1]). Яснѣе указывается въ Синайскомъ Патерикѣ XI в. смѣшеніе *е* и *я* передъ мягкими слогами возможностью обращать „страны *А*фрикыйскыя“ въ „*Е*фрикыйскыя“,—при помощи, конечно, начальнаго призвука *й*. Такъ, мы видимъ въ Патерикѣ въ Словѣ 24-омъ: „брань имѣхомъ въ странахъ *Е*фрикинскахъ“ (чит., разумѣется, „jäfrikyiskachъ“). Кстати сказать, въ этомъ-же 24-мъ Словѣ Синайскаго Патерика начертаніе „*иа*рии“ навѣрное означало собою въ пониманіи переписчика ничто иное, какъ „иерѣй“ („Нѣкто-о[ть]ць повѣда намъ, яко и*а*ри и-нѣкто повѣда ми . . “[2]).

Черниговская Румянцовская Лѣствица XII в. № 198 въ высшей степени обильна примѣрами на появленіе окончанія „-*Я*ние“ въ отглагольныхъ существительныхъ средн. рода, параллельнаго (въ тѣхъ же существительныхъ) съ окончаніемъ „-ение“, а также на превращеніе глагольно-причастнаго страдат. суффикса ен въ *я*н (т. е. типа „каж*а*никъ“=„каженикъ“, «насаж[д]*а*ні»=«насаж[д]ені», извѣстнаго намъ уже изъ Изборника Святослава 1073 г.). Напримѣръ,

---

мьч*а*тание зълии дуси творяхуть ему въ пещерѣ тои“ (л. 37 d; срв. нѣсколькими строками далѣе—„мьчьты творящемъ“, л. 38 а). Это—или описки (т. н. „предвосхищеніе“, т. е. написаніе въ предыдущемъ слогѣ той гласной буквы, которая должна быть въ слѣдующемъ слогѣ: жен*а*, мьчьт*а*ние), или это—локальное сѣверно-мр. уподобленіе неударнаго звука *о* сосѣднему ударному звуку *а* („Ж*о*на“ въ сѣверныхъ говорахъ иногда можетъ обращаться въ „*жанá*“). Но вѣрнѣе, что описки. (О чемъ-нибудь вродѣ вліянія бѣлорусскаго àканья—въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. и думать нельзя: áканье возникло только въ XIV вѣкѣ).

1) См. рядомъ: „въ мнозѣ ищ*е*зѣ“ (л. 277;=по греч. „en ekstasei“)—и тутъ же: „чюжахуся винѣ ищ*а*зу ихъ“ (л. 277,=по греч. „tês ekstaseôs aitian“, т. е. причинѣ ихъ экстаза).

2) На самомъ же дѣлѣ, какъ видно изъ греческаго текста, въ

наряду съ „плѣнение“ есть и „плѣняние“ (л. 86 об., л. 183, л. 191); наряду съ „разслабение“ есть и „разслабяние“ (л. 179); есть „съкупление“—и есть „съкупляние“ (л. 105 об., а,=совокупленіе); „помышление“, „умышление“—и „помышляние“, „умышляние“ (л. 64 об., л. 66 об. b, л. 95 об. а, л. 99; см. еще съ другими префиксами: л.л. 88, 106, 132 и др.); „поручение—и „поручание“ (л. 209); „обучение“ и „поучение—и „обучание, „поучание“ (л. 29 об., л. 51; л. 36 об., л. 64, л. 67 об.); „прѣсыщение“—и „прѣсыщание“ (л. 191); „расужение“, „осужение“—и „расужание“, „осужание“ (л. 162 об.; л. 68, л. 85); „съгрѣшение“—и „съгрѣшание“ (л. 24 об., л. 39, л. 52 об., л. 53, л. 124 об., л. 209 об.), и много т. п. Въ области страдательнаго причастія фонетически оказывается *я* вм. *е* въ „*укаляни* бо суще“ (л. 145 об. b,—т. е. испачканы), а по аналогіи—перенесено *я* и въ позицію передъ твердымъ слогомъ: „от[ъ] *протяжаныя* алъчьбы“ (л. 114 об., b.; т. е. отъ протяженнаго голоданія); теперь въ мр. языкѣ окончаніе страд. причастій *яний*, *аний* всюду преобладаетъ надъ параллельнымъ, все еще не исчезнувшимъ окончаніемъ *ений*[1]). Звукъ *а* въ начертаніи Лѣствицы XII в.: „исчазаеть“ (л. 198 об.) происходитъ, какъ мы выше говорили, очевидно изъ ѣ. Замѣчается у писца Лѣствицы столь любимое малоруссами обращеніе окончанія ие въ я у существительныхъ средняго рода; напр. отъ глагола

томъ подлинникѣ, съ котораго списывалъ переписчикъ XI в., стояло „драконарии“.

[1]) Нѣкоторыя изъ такихъ начертаній (т. е. съ окончаніемъ *яние*) извѣстны и чистому церк.-сл. языку. Едва ли надо сомнѣваться, что сверхъ фонетическаго закона о расширеніи *е* въ *я* немалую тутъ роль сыграло взаимодѣйствіе неопред. н-нія съ окончаніемъ *ати*, *ати* (т. е. протягати, съгрѣшати, обучати и т. п.). Это взаимодѣйствіе особенно легко выясняется изъ сопоставленія такихъ одновременныхъ формъ, какъ „поклонение“ (отъ „поклонитися“) и „покланяние“ (отъ многократнаго вида „покланятися“); и

„полѣти“ (=горѣть)[1]) образуется отглагольное сущ-ое „полѣния“ (л. 198 об. а: „Полѣния“ — всѣмъ знамен'но“, т. е. жажда для всѣхъ удобопонятна); есть и другія такія начертанія ср. р. на *я*[2]).

То же окончаніе ср. рода *я* вм. *е* мы видимъ и въ одновременныхъ памятникахъ западно-малорусскихъ. Такъ, въ Вѣнскомъ Октоихѣ XII—XIII в. (иначе—Codex Hankensteinianus изъ Галичины): „д[у]ховное сияния“ (л. 52 об.)

въ Румянцовской Лѣствицѣ XII в. (напр. л. 30 об. а, л. 108), и во всѣхъ прочихъ старѣйшихъ памятникахъ, при употребленіи окончанія *я н и е* этотъ корень имѣетъ видъ „*клан*“, а еще не „*клон*“,— въ противность болѣе позднимъ памятникамъ—напримѣръ буковинской запискѣ 1388 г. отъ воеводы Петра къ королю Ягайлу (=Улян. № 3, стр. 3): „Владиславу кролю усесердечне поклоняние отъ Петра, воеводы Молдавьского“, гдѣ и удареніе, на буковинскій ладъ, оказывалось вѣроятно на слогѣ кло (=поклóнянье). То, что мы видимъ въ буковинской запискѣ, мы видимъ теперь вообще въ малор. языкѣ. Вообще теперь не требуется для появленія окончаній *янне* и *яний*, чтобы имѣлось въ языкѣ какое нибудь подходящее неопр. н-ніе съ окончаніемъ „*яти*“. Напримѣръ, мы теперь говоримъ, не только „зрóбляний“, (къ чему можно подыскать подходящее неопр. н-ніе другого глагола: „заробляти“), но „плéтяний“, „спéчаний“, „зїідяний“ и т. п. (къ чему нельзя подыскать вполнѣ близкихъ неопред. н-ній на «яти» и «чати»). Вѣроятно, сыграла свою роль и аналогія относительныхъ прилагательныхъ на *я н ы й*: „камяный, „мѣдяный“ и т. п., въ которыхъ звукъ *я* соотвѣтствуетъ носовому малому юсу.

[1]) Со звукомъ *о* этотъ глаголъ употреблялся въ старинныхъ памятникахъ обычно,—напр. въ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 г., въ Синайскомъ Патерикѣ XI в., въ Успенскомъ Сборникѣ XII в., и въ болѣе позднихъ—напр. въ Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20: „огнемь горящю и не ополѣвшю“ (л. 45 а).

[2]) Но среди нихъ не надо принимать за имен. ед. букву *я* на л. 163 об. а: „Бечъстия нѣколи нѣкто прия от[ъ] братия, . . . тако жалити о бечъстии нача“, потому-что это родит. раздѣлительный. Также на л. 95 об. а: „юже приемлеть мол[и]тва сквьрньна и парения помысломъ“, гдѣ „парения“ есть имен. множ. (Означаетъ эта фраза: „ . . . за которой слѣдуетъ грязная молитва и,—какъ переводится въ новыхъ русскихъ изданіяхъ Лѣствицы,—возмущенія мыслей“).

Въ болѣе сѣверномъ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г.: „Узърѣвъ же [бѣсноватый Іисуса] изъ даляча тече и поклонися ему“ (л. 59, гдѣ слогъ ча чит. чя, т. е. мягко)[1]); „Гл[агол]а ему уноша: Вся си съхраниxъ от[ъ] уности моея. Чьто есмь и еща не докончалъ?“ (л. 55 об.)[2]). Окончаніе средн. рода въ словѣ „куроглашенье“ замѣняется черезъ *я*: „Не вѣсте, когда Г[оспо]дь дому приидеть: вечеръ ли, или полунощи, или въ куроглашенья, или заутра“ (л. 154).

Въ южно-галицкомъ Ев-іи 1283 г. поповича Евсевія: „и за умножѣнья безаконии исякнеть любы многыхъ“ (л. 71 об. а, за умноженье); и наоборотъ во множ. числѣ, въ силу грамотейской борьбы писца со своимъ роднымъ выговоромъ, оказывается написано: „сердце ваша“ (л. 57 об.=сердця, множ. ч.). Кромѣ того мы видимъ у поповича Евсевія „камянь“ (л. 71) и начертанія „небряжещи“ (л. 42), „на жрябяти“ (л. 69 об.), „брямя“ (л. 119), которыя

1) Удареніе, вѣроятно, на первомъ слогѣ: „изъ дȧляча“. Срв. соврем.: „з такої дȧлячі“=изъ такой дали.

2) Съ этимъ галицкимъ „еща“ можно сопоставить начертаніе „ея жя“ въ кіевскомъ Изборникѣ 1073 г. и нынѣшнее локальное волынское произношеніе „аджа“ вмѣсто „адже“ (=вѣдь). Въ говорахъ Угорской Руси и сосѣдней съ нею горной Галичины, при ихъ чрезвычайной склонности произносить *е* очень широко, несомнѣнно найдется и фонема, близкая къ «еща». Такимъ образомъ малорусскость начертанія „еща“ въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г. сама по себѣ не возбуждаетъ большихъ подозрѣній. Тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ замѣтить, что и въ старыхъ церковно-слав. памятникахъ попадается близкое слово «*неша*». Означаетъ оно обыкновенно: „о, если бы!“, но иногда означаетъ и «еще». По крайней мѣрѣ, въ Супрасльской рукописи во фразѣ: «Ч'то сътворимъ? еша и не събрали събора, еша и сице не бесѣдовали» (286)—слово «еша» должно означать «еще» (хотя въ той же Супрасльской рукописи во фразѣ «еша моглъ быхъ азъ васъ увѣштати!», 99,—слово «еша» имѣетъ смыслъ: «о если бы!»).—Супр. рук. 286=Успен. Сб. XII в., 188; въ обоихъ рукописяхъ это мѣсто (=въ Словѣ Іоанна Златоуста на страстной вторникъ) читается съ «еща».

впрочемъ могли возникнуть и не на малорусской почвѣ[1]). Есть у поповича Евсевія звукъ *Я* и въ имени „*Я*русалимъ“ (напр., л. 11 а), возникшій нефонетически, какъ мы ужъ объясняли выше (стр. 396).

Въ волынской лѣтописи XIII в., дошедшей до насъ въ Ипатскомъ спискѣ начала XV в., мы имѣемъ несомнѣнное западно-малорусское имя „Ч*а*рнятинци“ подъ 1257 г.: „и по немь [т. е. по Шварнѣ] придоша Бѣлобережцѣ и Ч*а*рнятинци и вси Болоховци к Данилу“ (стр. 555). А кромѣ того есть въ Ипатскомъ спискѣ много другихъ начертаній съ *я* вмѣсто *е*, относительно которыхъ нельзя рѣшить, были ли они въ волынскомъ оригиналѣ.

Въ Холмскомъ Евангеліи XIII—XIV в.: „вьрѣм*я*на“ (л. 77 об.);—нефонетично.

Въ Кіево-Печерскомъ Евангеліи 1370 г. есть фонетическое: „знам**я**ние“ съ его косвенными падежами (л. 8, л. 8 об., л. 9, л. 9 об., л. 19 об., л. 38, л. 44 об.), и рядомъ—аналогичныя нефонетическія: „знам*я*на“ (л. 9 об.), „во врем**я**на“ (л. 27 об.) „врем**я**нъ“ (л. 44 об.), „брем**я**на“ (л. 62). Кромѣ того—окончаніе и*я* вм. и*е*,—напр. „посла мя проповѣдати плѣнникомъ отпущени*я* и слѣпымъ прозрѣни*я*, проповѣдати лѣто Г[оспо]дне приятно“ (л. 73).

Въ волынскомъ Пятикнижіи Моисеевомъ XIV в. (хран. въ Троицко-Серг. Лаврѣ, № 1) переходъ *е* въ *я* частъ. Напр., мы видимъ въ одной только I главѣ Бытія[2]): „И р[еч]е Б[ог]ъ: Да прозябнеть

[1]) а на волошско-балканской, въ силу смѣшенія буквъ *ѣ* и *я* въ церк.-слав. ятевыхъ формахъ «небрѣжеши», «на жрѣбяти» «брѣмя» (да, вѣроятно, и въ «камѣнь»).—Однако ниже мы увидимъ «врямя» въ кіевскомъ спискѣ съ т. н. Псалтыри Ѳедора Еврея XV в., гдѣ балканизмовъ подозрѣвать нельзя.

[2]) Глава эта издана Срезневскимъ (въ XXII томѣ Сборн. Акад. Н. 1881) и архим. Леонидомъ (въ московскихъ «Чтеніяхъ» 1890, кн. III).

земля траву сѣмянную» (л. 1, стихъ 11); «Да будуть свѣтила на тверди неб[е]снѣи . . . . въ знамянья и во времяна (л. об., ст. 14); «Се дахъ вамъ всяку траву семяниту, . . . древо, еже имать в себѣ плодъ семене семянита» (л. 2, ст. 29).

Въ сѣверно-кіевскомъ монастырскомъ (должно быть, тоже кіево-Печерскомъ) Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20 [1]): «за дерзновенья» (л. 37 b), «пищу и одѣнья» (л. 288 а) [2]); — «Се — надъменин[а] Адамова высокомыслья» (л. 290 b, = высокомысліе Адамовой надменности); «Сѣдяй на тряпязѣ молися» (л. 352 с); — «Они же — сущаи в Самарии» (л. 203 с; = сущеи); то же — и въ нечленной формѣ причастія мн. ч.: «Блазняться етери, слышаща Моисия» (л. 288 d = слышаще); «На предъреч[е]ная възвратимся, разрѣшающа (=разрѣшающе) притча соузъ» (л. 290 b; = разрѣшая общій смыслъ притчи) [3]). Нефонетически внесено я въ глаголъ «знаменати» («знамянай ми ю», л. 94 d). Упомянемъ еще на л. 287 а: «неизреченьныхъ бл[а]гъ жалание (=желаніе) стяжіте», гдѣ однако звукъ *а*, если происходитъ изъ є, то едва ли путемъ расширенія є въ *я* [4]).

Въ вислицкой присягѣ 1393 г. (см. стр. 506): «ни однымъ веремянемъ».

---

[1]) Онъ описанъ и отчасти изданъ въ посмертныхъ „Библіографическихъ Матеріалахъ" А. Попова=москов. „Чтенія" 1889, кн. III.

[2]) Сомнительно, чтобы это было множ. ч.

[3]) По всему вѣроятію, въ начертаніяхъ „слышаща" и „разрѣшающа" надо видѣть не просто фонетическій переходъ звука *е* въ звукъ *я*, но и явленіе морфологическое: смѣшеніе падежей нечленнаго причастія и превращеніе его понемногу въ форму несклоняемую, или въ т. н. „дѣепричастіе".

[4]) По мнѣнію Миклошича (въ церк.-слав. словарѣ) глаголъ „*жалати*",—извѣстный Миклошичу, кстати сказать, только изъ малорусскаго словаря Памвы Берынды 1627 г., потому что въ церк.-слав. языкѣ этого глагола нѣтъ со звукомъ *а*, — долженъ восходить къ „жѣлати"; иначе сказать — „*жалати*" такъ происходитъ изъ предполагаемаго „жѣлати", какъ „мно*жа*йшии" изъ „мно*жѣ*йшии". Быть можетъ, это и такъ, а быть можетъ „*жала́*ти" возникло изъ „*желáти*" черезъ промежуточную стадію „*жолá*

Въ буковинско-волошскомъ Евангеліи Верковича XIV в., сверхъ отмѣченнаго въ предыдущемъ памятникѣ все того же глагола «*жа*лати» (л. 55), имѣется обычное мр. превращеніе окончанія средняго рода *е* въ *я*: «за умъножѣния» (л. 48; вин. ед.). За то во множ. ч. писецъ псевдограмматически написалъ окончаніе *ие*: «помышлѣни*е*» (л. 23 об.: им. мн.). — Это же явленіе наблюдается и въ буковинскихъ грамотахъ XIV — XV вв., при чемъ иногда вмѣсто буквы *я* пишется буква *ѣ*, читавшаяся въ Буковинѣ за *я*, а иногда пишется и буква *а* (чит. «ьа»). Срв. въ вассальной присягѣ 1462 г. воеводы Стефана королю Казиміру (= Улян. № 91, стр. 99 — 100): «усе доброе панован*я*», «своего передку набыванн*а* наслядовати» (т.-е. подражать добытому опыту своихъ предковъ, подражать ихъ «набыванью»; глаголъ «наслїдувати» требуетъ падежа винит.) [1]; «прязъ обвезанн*ѣ* присягы нашои из дотъкненемъ с[вя]того хрста и прязъ его цѣловане»; «вызнавамы тымъ-то листомъ... а то, подъ обычаемъ, тижъ вымовенн*ѣ*мъ, на долѣ писанымъ» (т.-е. признаемъ этою грамотою, а именно обычнымъ заявленіемъ, наглядно написаннымъ) [2]. И др.

ти" путемъ ассимиляціи неударнаго слога жо ударному слогу ла (см. у насъ выше стр. 241 и слѣд.). Если не ошибаюсь, фонема „жолáти" кое-гдѣ у малоруссовъ и слышится въ Слобожанщинѣ и Черниговщинѣ, хотя обычная тамъ фонема — конечно, „*жа*лáти" (см. напр. „*жа*лати" въ письмѣ изъ Харьковщины — въ журналѣ „Нова Громада" 1906, VII, 58; частъ этотъ глаголъ въ слободскомъ нарѣчіи Квитки-Основьяненка). Въ центрально-украинскихъ говорахъ и въ литературной рѣчи этого глагола вовсе нѣтъ: его забыли, и вм. него употребляется „бажáти". Въ Галичинѣ, повидимому, чаще слышится „*же*лати", чѣмъ „*жа*лати"; отглагольное существительное произносится „*жé*лане", съ ударнымъ же.

[1]) Употребленіе нейотованныхъ буквъ въ смыслѣ йотованныхъ — это въ буковинскихъ грамотахъ обычное дѣло. Въ этой же самой присягѣ 1462 года мы, нѣсколько ниже, находимъ: „без порушен*а* нинѣшного листу" (стр. 101) вм. „без порушен*я*".

[2]) Запятыя я ставлю иначе, чѣмъ разставилъ издатель, который, кстати сказать, вообще не понялъ выспренне-запутаннаго, витіеватаго стиля этой грамоты и потому не только фразы, но и от-

Въ кирилло-бѣлозерскомъ спискѣ съ Псалтыри Өеѳдора Жидовина, сдѣланномъ ок. 1471 — 1490 г. жидовствующими кіевскими спутниками кіевскаго князя Михайла Олельковича: «помышляниемъ» (псал. 30-ый); «нѣсть конца лѣтомь твоим, ни примѣ*нна* ц[а]рству твоему» (псал. 44; нна = нне?); «защитить [во] всяко вр*я*мя тяжко и нужно» (псал. 51). Послѣднее произношеніе донынѣ можно слышать въ тѣхъ изъ сѣверно-кіевскихъ и сосѣднихъ волынскихъ или черниговскихъ говоровъ, гдѣ есть мягкое *р*. — Въ жидовствующемъ (кіевскомъ) переводѣ «Книги Даніила» — конца XV в. [1]): «И подавал им боярин им*я*на» (гл. I, 7); «глаголаше халдѣяне: Царю! ты скажи сонъ, — и сказаніє его (= истолкованіе) повѣмы ти. Данилъ рече: Се есть сон, а сказани*я* его речем» (гл. II, 4, 36).

XVI и XVII вв.

То же повторяется, и притомъ въ большомъ количествѣ, въ многочисленныхъ дошедшихъ до насъ памятникахъ XVI и XVII вв. Но мы отмѣтимъ въ нихъ только два явленія, которыя констатировались нами ужъ и во всѣхъ почти предыдущихъ памятникахъ и знакомство съ которыми практически важно въ области современнаго мр. литературнаго правописанія.

Мы имѣемъ въ виду форму страд. причастія на *я*ный и средн. р. существительныхъ ед. ч. на *я* (изъ ьє).

Сначала о причастіяхъ на *я*ный.

> Въ волынскомъ Пересопницкомъ Евангеліи 1561 г. мы находимъ употребленіе страдательнаго суффикса *я*н (вм. *ен*, или наряду съ *ен*) вполнѣ фонетическое, т.-е. передъ флексіею мягкой или бывшей мягкой. Напримѣръ:

дѣльныя цѣлыя слова раздѣлялъ невѣрно. У него, напримѣръ, изддано: „по стат" (а надо „пóстат[ь]"); „на бываниа" (=„набываниа"); „мы (т.-е. люди) звѣря та розумомъ проходимо" (=„звѣрята"); „наслѣдова и тижъ" (=„наслѣдовати, тижъ"); „се бо" (=„себе"); „чистоа праву" (=„чисто, а праву").

1) По рукописи Виленской Публ. Библ. № 262. См. о ней выше, стр 392.

„Стережѣтеся от учителей, которыи ради — на тръгу *поздоровляни* бывати“ (стр. 17). Напротивъ, передъ флексіями твердыми мы въ Пересопницкомъ Евангеліи видимъ фонетическое *о*: „положоный“, „речоный“ и т. п.— Однако, если всмотрѣться въ общую массу всѣхъ памятниковъ XVI—XVII в., то видно, что фонетическія формы на [ь]*оный* все болѣе и болѣе тогда вытѣснялись нефонетическими (вѣдь слогъ *ны* твердъ) формами на *яный*, [ь]*аный* (или, конечно, также на *еный*), такъ-что напримѣръ въ западно-мр. Луцкой книгѣ кгродской 1596 г. мы наряду съ традиціоннымъ „зложоный“ находимъ: „што было зложане“ [1]), т. е. сложенное [2]); или въ восточно-мр. Черниговщинѣ, напр. въ протоколѣ магистрата Стародубскаго суда 1690 г., мы читаемъ: „обмѣняный“ [3]). А заодно, какъ будто съ тѣмъ же суффиксомъ ен, мы видимъ по Стародубскому протоколу 1690 г. и греч. имя „Пименъ“, превращенное въ „Пимянъ“ [4]).

Къ настоящему времени окончаніе страд. причастія [ь]*оный* (типа „зло́жоный“, „зро́бльоный“, „прине́сьоный“), которое приблизительно до XVI вѣка было повсемѣстнымъ малорусскимъ, сохранилось еще только въ сѣв.-мр. архаичныхъ говорахъ, а у всѣхъ прочихъ малоруссовъ мы слышимъ или *еный* (напр. „зло́женый“, „зро́бленый“ „прине́-

---

[1]) =„Архивъ Юго-Зап. Россіи“, т. I, ч. 3 (Кіевъ 1863), стр. 92.

[2]) Окончаніе *е* (чит. *э*) въ среднемъ родѣ прилагательныхъ ед. ч. возникло изъ болѣе стараго окончаніе *ое*, —вѣроятно, путемъ стяженія.

[3]) „Кіев. Старина“ 1886, ноябрь, 568.

[4]) Кромѣ греч. имени „Пименъ“, очень часто обращаемаго у малоруссовъ въ „Пим'ян“, у малоруссовъ имя „Семе́нъ“ тоже иногда превращается въ „Сем'ян“. Срв. галицкій примѣръ — въ журналѣ „Жите і Слово“, т. III (=1894), стр. 305 и 307. И въ Лѣвобережьи, въ Полтавскомъ уѣздѣ, есть село „Сем'янівка“, упоминаемое напримѣръ въ полтавскомъ „Техническомъ словарѣ“ В. Василенка (стр. 53, =отт. изъ XIII т. харьковскаго ист.-фил. „Сборника“). Въ документахъ XVI в. имя „Семянъ“ очень часто. Срв. напр. въ Описи Винницкаго замка 1552 г. (изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Росс.“, ч. 7, т. I): мѣщанинъ „Ониско Семяновичъ“ (стр. 604). „Панько Семянецъ“ (605). Или въ польской люстраціи Барскаго староства 1565 г. (=Архивъ Юго-Зап. Р., ч. 7, т. II): надбужскій крестьянинъ „Semian“ (240), крестьянинъ села Деражни —„Semyan“ (214), владѣтель пустыря надъ Острицею—„Semian Kunatowski“ (271).

сений"), или гораздо чаще—*я* н и й, *а* н и й (напр. „зробл*я*ний", „злож*а*ний", „принес*я*ний"), или одновременно—чередованіе обоихъ окончаній („зробл*я*ний"—и „зробл*е*ний", „принес*я*ний"—и „принес*е*ний", „злож*а*ний"—и „злож*е*ний" и т. д.). Началось же это, какъ мы видѣли, еще въ XII в.: вспомнимъ „от[ъ] протяж*а*ныя алъчьбы" въ черниговской Лѣствицѣ XII в. (л. 114 об.), если не считать фонетически возникшаго „кaж*а*никъ" и „насаж[д]*а*нї" еще въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г. (л. 262 и 121).—Въ современной мр. литературной рѣчи галицкіе писатели, считаясь съ интересами т. н. рутенства, пытались было укрѣпить исключительно правописаніе съ *е* н и й; но украинскіе малоруссы свободно пользуются какъ окончаніемъ *е* н и й, такъ и окончаніемъ *я* н и й, *а* н и й, легко чередуя ихъ и не дѣлая между ними никакого различія [1]).

Что касается,—въ памятникахъ XVI—XVII в.,—окончаній существительныхъ сред. рода *я* (вм. ѥ), то мы приведемъ выписки только изъ нѣсколькихъ памятниковъ спеціально з а п а д н о-малорусскихъ, для того, чтобы современные львовскіе литераторы, воздвигнувшіе гоненіе на окончаніе *я* и допускающіе только *е*, могли убѣдиться, насколько ихъ гоненіе противорѣчитъ общему ходу ихъ же собственной литературной исторіи.

Если начнемъ съ свѣтскихъ грамотъ и актовъ XVI в., то увидимъ напримѣръ въ л ь в о в с к о м ъ с б о р н и к ѣ г р а м о т ъ ок. XVI в. (=библіот. Оссолинскихъ № 34) въ спискѣ съ Сандомірской Ягайловой грамоты 1408 г.: „тогды имаетъ слуга нашъ Бѣдунъ самъ своимъ животомъ полагати со всѣми своими людми на о б о р о н ѣ н *я* нашей землѣ Перемыской» (=Голов. № 29, стр. 33).

Въ п е т р и к о в с к о м ъ п и с ь м ѣ 1504 г. вел. кн. Александра Свидригайла къ брацлавскому намѣстнику про селище (=имѣніе) Котеневу въ Брацлавщинѣ: «Земянинъ вѣницкій Шулга Долбыничъ оповѣдалъ намъ, што жъ—дейсге селище давно пусте лежитъ, а и ты о томъ к намъ писалъ за нимъ, повѣдуючи, ижъ т о е с е л и щ *а* пусто; ино

[1]) Попытки нѣкоторыхъ украинскихъ пуристовъ узаконить, въ противовѣсъ рутенству, *только* окончаніе *я* н и й, *а* н и й и изгнать *е* н и й—тоже не имѣли успѣха.

если будетъ пусто,—и мы ему т о е с е л и щ *а* дали» [1]).—А про судебные документы, внесенные въ зап.-мр. книги кгродскія XVI в., съ запротоколированными показаніями свидѣтелей, — и говорить нечего: тамъ всегда встрѣтятся фразы вродѣ «ехали до волости Жеславское з б о ж *я* куповати», — примѣръ, который на удачу беремъ изъ книги к г р о д с к о й Луцкой 1567 г. (№ 2042, л. 241) [2]). Срв. еще ниже, на стр. 426 сл., въ отдѣлѣ примѣровъ на н н я (съ удвоеннымъ н).

Да и въ церковныхъ зап.-мр. рукописяхъ XVI - XVII в. и въ печатныхъ книгахъ зап.-мр. схоластиковъ окончаніе средняго рода *я* (вм. *ъе*) тоже пишется сплошь да рядомъ.

Такъ, въ волынскомъ П е р е с о п н и ц к о м ъ Ев-іи 1561 г., которое писалъ галичанинъ Михаилъ Василіевичъ изъ Сáнока, окончаніе ср. рода *я* — на каждомъ шагу: „Рекль имъ [3]): Чие то [=на монетѣ] есть в ы о б р а ж е н *я* и н а п и с а н *я*?“ (стр. 17); „жжирають домы вдовинныи под з а м ы ш л е н *я* м долгое м[о]л[и]твы“ (18); —„Вышло есть в ы р е ч е н *я* от цесаря Августа, абы быль пописань весь свѣть; тото п и с а н *я* найперше сталося от владаря сирьскаго Киринея“ (28);—„И рекль [Симеонъ]: Се лежит сей на па-

---

[1]) =Антоновичъ и Козловскій № 18, стр. 38. Замѣтимъ, что даже въ вост.-мр. говорахъ, при всей ихъ любви къ превращенію конечнаго *е* въ *я*, окончаніе „-ище“ обыкновенно остается неизмѣннымъ, т. е. со звукомъ *е*, а не *а*. (Напр. „дврище“, „сéлище“ и пр.). Конечно, въ старину окончаніе „-ища“ (какъ =вообще *а* и *я* вм. *е*) могло слышаться и у вост. малоруссовъ чаще, чѣмъ теперь. Вѣдь даже въ зват. пад. муж. рода отечественныхъ именъ на и ч [ь] мы не далѣе, какъ въ XVII в., встрѣчаемъ иногда у вост. малоруссовъ окончаніе *а*; срв. въ п и с ь м ѣ 1625 г. православнаго к і е в с к а г о б р а т с т в а въ Москву, къ думному дьяку Ив. Тар. Грамматину: „Благочестивый господине, Иване Т а р а с о в и ч *а*!“ (изд. въ 1-ой части „Архива Юго-Зап. Россіи“, т. VI, стр. 553).—Вѣроятно, съ этимъ надо сопоставлять заключительную фразу въ Словѣ о полку Игоревѣ: „Слава, Игорю С в я т ъ с л а в л и ч *а*, Буй-Туру Всеволодѣ!“ (ѣ=е).

[2]) =Антонов. и Козлов. № 54, стр. 122.

[3]) Въ Пересопн. Ев-іи буква ь, на балканскій ладъ, пишется вмѣсто ъ.

деня и на въстаніе многымь въ Іизр[аи]ли" (29);—„Рекль к Симонови: Поступи на глубину и завръсте мрѣжу вашу на уловленя рыбъ" (34);—„Было пакь в суботу,—ишоль [Іисусъ] черезъ збожя" (36);—„Не от тръпя бо избирают смоквы (фикги), ани с купины збирають гроздіа" (38);—„Приперла рѣка—и учинилося оного-то дому великое паденя" (38);—„быль оболочень в дорогое одѣня" (39);—„Третее пакь [зерно] пало межи терня,—и заглушило е" (41);—„иже есть межи терня впало" (41);—„Вернися до дому твоего и повѣдай рекучи, иже над тобою великое змилованя Б[о]гь учиниль" (42);—„Отпусти народы, абы шодши до околичных мѣсть и сель перемешкали и нашли собѣ покормленя" (44);—„Д[у]ша—большаа есть, нижли покормленя, и тело—нижли одѣаніе" (53);—„И одѣня его [на преображеніи] было блистаючесся" (45);—„абы ему господу наготовали, або подворя" (46);—„[Ближпій—] тот, который же учиниль м[и]л[о]с[е]рдя над нимь" (48);—„злое жидовское поколѣня (49);—„Повѣдаю вамь, иж над всѣмь имѣням своимь старшь поставить его" (54). И пр. и пр.

То же—въ волынскомъ ученомъ сборникѣ „иерея Наливайка" XVI в. (Румянц. музей № 2616). Напр. въ Вопросахъ Аѳанасія Святаго (лл. 15—28): „на з мертвыхъ встаня", „на услугованя", „из насѣнямь", „из зепсованямь". Въ отдѣлѣ избранныхъ философскихъ „стиховъ", съ мр. переводомъ (лл. 29—45): „милосердя", „веселя", „роскошное житя" (NB: удареніе — конечно — на концѣ), „надъ створенямь", „подозренямь" (орудн. ед.,=л. 41 об.). И т. п.

Въ обоихъ печатныхъ зап.-мр. словаряхъ конца XVI—нач. XVII в., филологовъ Лаврентія Зизанія и Памвы Берынды, окончаніе *я* (вмѣсто или наряду съ *є*)—въ полномъ ходу. Такъ, у Лаврентія Зизанія въ его „Лексиконѣ" (Вильно 1596) есть „вырытя́" (съ поставленнымъ удареніемъ на *я*), „пренаслѣдованя" (=подражаніе), „повѣтря" (=воздухъ), орудн. ед. „весѣлямъ". У Памвы Берынды, который въ своемъ „Лексиконѣ" (Кіево-Печ. лавра 1627) даже вмѣсто „ллеться" писалъ „ллят'ся" (=льется; л. 278), средн. род. на *я* является прямо нормою [1]): „дубя" (200), съ несомнѣннымъ живымъ удареніемъ на *я*, какъ—

---

[1]) На это давно обратилъ вниманіе Потебня (въ „Двухъ изслѣдованіяхъ", Ворон. 1866, стр. 131: „Измѣненіе конечнаго *є* въ *я*—у Памвы Берынды почти постоянно").

надо полагать — и въ „смитя“ [1]); „пучя“ (=„вершки древяныи“), „поворозя“, „поколѣня“, „побытя“, „повѣтря“, „пѣря“, „начиня“ (=посуда), „држаня“, „заплутя“ (277 =заплôтье, „заулокъ“; совр. „заплiття“, т. е. нива, обнесенная плотомъ, огорожею), „вырозуменя“, „подозренья“ и др., не исключая уменьшительныхъ формъ (такихъ, какъ „мешканячко“), а тѣмъ болѣе—косвенныхъ надежей: „з листямъ“, „пѣрямъ“ (102; =орудн. ед.).

Въ галицкой (вѣроятно, изъ-подъ Угорщины) „Исторiи, албо новинѣ о Антихристѣ“ ок. 1635 г., изъ львовскаго собранiя А. Петрушевича [2]), оказывается тоже почти исключительно *я*: „Ознаймуемо тымъ писанямъ нашимъ“; „до Вавилону послали на довѣдованя“ [3]); „а тое дитя на повѣтря было зникнуло“; „дорогое каменя так ся знаменуст: великое щастя будетъ“; „нещастя дочасное и вѣчное“; „южъ пришло нарожена того Антихриста!“

У западнаго малорусса, ученаго схоластика Iоанникiя Галятовскаго XVII в., бывшаго ректоромъ кiевскимъ, но вообще писавшаго съ особенностями западномалорусскими, *я* въ окончанiяхъ сред. рода попадается постоянно, равно какъ и у всѣхъ кiевскихъ схоластиковъ XVII в., будетъ ли это черниговецъ Антонiй Радивиловскiй [4]) или игуменъ Генадiй изъ Полтавы [5]), или малоруссы западные.

---

[1]) „Смиття“ (изъ „съмѣтье“) значитъ „соръ“. Слово—извѣстное еще изъ самыхъ старинныхъ памятниковъ. Въ совр. языкѣ ударенiе чаще падаетъ на послѣднiй слогъ, чѣмъ на первый.

[2]) Изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россiи“, ч. 1-ая, т. VI (Кiевъ 1883), стр. 710—712.

[3]) При случаѣ отмѣтимъ, что рѣчь идетъ о Вавилонѣ египетскомъ, а не месопотамскомъ.

[4]) У Радивиловскаго окончанiе ср. р. *я* чаще попадается въ его сочиненiяхъ рукописныхъ. Такъ, въ рукописномъ „Огородкѣ“ 1671 оказывается: „такое начиня“ (II, 1137), „златое начиня“ (II, 1222), „избранное начиня“ (II, 1248), орудн. ед. „начинямъ“ (II, 251), „все створеня“ (I, 39), „лѣпшое щастя“ (II, 1452), „наше щастя“ (II, 1500), „золотое одѣня (II, 1786), „на покрытя“ (II, 1039), „подъ покрытямъ“ (II, 1436), „насѣнямъ“ (II, 1212), „здоров'ямъ (II, 1393). Есть подобное и въ его печатномъ „Огородкѣ“ (Кiевъ, 1676): „здоров'ямъ“ (789, =орудн. ед.), „начинямъ“ (641).

[5]) „За стараннямъ“ полтавскаго игумена Генадiя написанъ въ 1679 г. сборникъ поученiй и апокрифовъ, среди которыхъ—„Кни-

И вообще можно изъ западно-мр. памятниковъ привести и послѣ XVII вѣка безпрерывный рядъ такихъ же начертаній съ *я* вплоть до самыхъ новыхъ временъ. Это и понятно, потому-что во всемъ западно-мр. нарѣчіи произношеніе съ *я* благополучно существуетъ и до настоящей поры. Въ Подоліи оно даже преобладаетъ надъ *е*, на Волыни—тоже; да и насчетъ говоровъ Галичины, Буковины и Угорской Руси трудно сказать, насколько въ нихъ, въ общей ихъ массѣ, произношеніе съ *е* слышится чаще, чѣмъ произношеніе съ *я*. Во всякомъ случаѣ, въ діалектологическихъ «Studien» покойнаго Омеляна Огоновскаго (профессора мр. языка въ Львовскомъ университетѣ) констатировано галицкое произношеніе средн. рода съ *я* даже подъ удареніемъ: напр., «весіл*я́*» (им. ед.; = стр. 84) [1]), а иногда,—это ужъ совсѣмъ, какъ у малоруссовъ восточныхъ,—окончаніе *я* слышится у галичанъ вмѣстѣ съ удвоеніемъ предшествующаго согласнаго звука: «зі*лля*» (Studien, 85, = зѣлье, т. е. зелень, растенія). Поэтому ни съ какой стороны не основательны при-

---

га Эноха"; она издана А. Поповымъ въ „Библіографич. Матеріалахъ" № 4, стр. 66—139, и тамъ же описана остальная часть сборника. Окончаніе *я* вм. *е* здѣсь почти постоянно: „на о м ы т *я́* грѣховъ" (стр. 68, съ удареніемъ на *я*), „з а т м е н *я* с[о]лнца и т р а с е н я землѣ" (68); „первое к а́ з а н *я*—о сутѣ (=суетѣ) мира сего: сута сутствуй, всяческая сута" (69), „к а з а н *я* второе" (70), „к а з а н *я* третее" (71 три раза; 72); „п о к а з а н *я* страшного суду Б[о]жого (70); „о б'я с н е н *я* третіхъ вратъ (геенскихъ", 71; тоже, стр. 72); „п и с а *н н я* пану своему милостивому" (87), „за с т а р а *н н я м* ъ о[т]ца Генадія (89; 67) и мн. др. Тутъ же: „соблюдохъ к л ю ч *а* д е р ж ц а ихъ" (120).

[1]) Нарѣчіе восточно-малорусское и значительная часть говоровъ зап.-мр. произноситъ это слово съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ: „весі́лля", „весі́лле", но въ Галичинѣ ставятъ удареніе на концѣ: „весіле́", „весіля́". Означаетъ это слово „свадьба" и извѣстно въ этомъ значеніи еще изъ кіевской лѣтописи. См. о свадьбѣ Ярополка въ Пинскѣ подъ 6698—1190 годомъ: „тогда бо бяше в е с е л ь е Ярополче"; такъ читается это мѣсто и въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ спискахъ, тогда какъ Ипатскій списокъ (костромского Ипатскаго монастыря) имѣетъ

тязанія львовскихъ нынѣшнихъ писателей, желающихъ, чтобы изъ общеукраинской литературной рѣчи была изгнана форма ср. р. на *я*, типа «довге життя», и чтобы монополія на литературность была сохранена только за формою «довге життє». Нѣтъ! Обѣ формы, а не одна послѣдняя, должны быть въ литературѣ узаконены.

Въ свою очередь глубоко неправы и тѣ малоруссы изъ центральнаго Приднѣпровья, которые (такихъ мало, къ счастію) проповѣдуютъ крестовый походъ противъ якобы узко-локальнаго галицкаго окончанія сред. рода *є*. Не только по всей области нарѣчія западно-малорусскаго слышатся существительныя типа «життє», «зїллє» и т. п. (наряду съ «життя», «зілля»), но слышатся они и въ сѣверныхъ частяхъ территоріи восточно-малорусской: въ Черниговщинѣ, сѣв. Кіевщинѣ, сѣв.-вост. Волыни, и др. — и притомъ въ говорахъ не только дифтонгическихъ, но и въ принадлежащихъ къ обыкновенному мр. монофтонгическому типу. Съ какой же стати сознательно лишать литературную рѣчь, въ особенности научную (гдѣ такъ важна точность) — этого практически-полезнаго окончанія, наглядно позволяющаго отличить ед. число отъ множественнаго на мертвой, нѣмой бумагѣ, которую—въ случаѣ недоразумѣнія—переспросить нельзя? Научное сочиненіе (напр., филологическое, математическое, философски-психологическое и т. п.) само по себѣ бываетъ ужъ труднымъ, — и потому очень полезно, чтобы авторы не увеличивали трудности, употребляя напр. для ед. числа многочисленныхъ отглагольныхъ существительныхъ исключительно окончаніе *ння* и *ття*, при которомъ читатель не сразу можетъ (а иногда и совсѣмъ не можетъ) уразумѣть: что̀ такое, напримѣръ, «питання?» = одинъ вопросъ, или много вопросовъ? Что такое «вияснення»?=одно объясненіе, или много объясненій? «Чуття» и «почуття» въ психологія—будетъ «чувство» и «ощущеніе»? или же «чувства» и «ощущенія»? Въ терминологіи юридической (напр., въ законахъ, въ судебныхъ постановленіяхъ и пр.) гоненіе на окончаніе «-ннє» и «-ттє» и исключительное примѣненіе окончанія «-ння» и «-ття» можетъ привести къ чрезвычайно

непріятнымъ житейскимъ недоразумѣніямъ. Да и въ каждой области письменной рѣчи всегда бываютъ случаи, когда непремѣнно требуется оттѣнить ед. ч. отъ множественнаго. Вотъ почему украинскіе приднѣпровскіе писатели, какъ только выходятъ за предѣлы легкой беллетристики въ область научной рѣчи или публицистики, обязательно пользуются, если это оказывается нужно, неударными окончаніями нне, тте и др.,—напр., «питáнне», «вияснéнне», и даже,— это уже въ случаѣ крайней необходимости, словами съ є ударнымъ: «чуттé», «почуттé».

Комиссія, которая въ началѣ 1907 года собрана была при петербургской Академіи Наукъ по вопросу о мр. правописаніи, высказалась противъ начертаній типа „нитте", „насїнне", „коханне", „зїлле", и т. п. на томъ основаніи, что, будто бы, эти формы (съ удвоенными согласными при окончаніи *е*) фиктивны и искусственно созданы литераторами, и что, будто бы, въ случаѣ удвоенія согласныхъ малорусскій языкъ допускаетъ лишь окончаніе *я* („*життя*", „насї*ння*" и т. д.), тогда какъ при окончаніи *є* мр. языкъ, будто бы, не допускаетъ удвоенія согласныхъ и знаетъ лишь произношеніе типа „*жите*", „насї*не*", и пр.[1]). Можно поизумляться, до какой степени плохо знаютъ русскіе филологи мр. языкъ! Стоило бы навести справку въ общеизвѣстныхъ „Studien" Огоновскаго, въ рубрикѣ: „Verdoppelung von Consonanten" (именно на стр. 85), чтобы найти научно-удостовѣренное живое простонародное галицкое произношеніе: „*життé*", „насї*нне*" (примѣры приведены Огоновскимъ изъ Сокаля, Рыбна, Сенечола). Равнымъ образомъ для говоровъ россійско-украинскихъ надо было заглянуть въ извѣстный очеркъ К. Михальчука: „Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи", стр. 474 и 489 [2]), — и убѣдиться, что произношеніе типа „проха*нне*" есть отличительная черта въ мр. говорахъ обширнѣйшей сѣверной полосы отъ Волыни до сѣверо-восточной Харьковщины (включая лежащую между ними Черниговщину), и притомъ не въ какихъ-

[1]) См. отдѣльно изданный печатный протоколъ засѣданія 6-го января, постановленіе № 5.

[2])=Въ VII томѣ „Трудовъ геогр.-статист. экспедиціи въ Юго-Зап. край", изд. Юго-Зап. Отдѣла Русск. Геогр. Общества (Спб. 1877 г.).

нибудь такихъ архаическихъ говорахъ, которые стоятъ далеко отъ литературной нормы, но напротивъ—въ такихъ, которые рефлексомъ стариннаго *ô* имѣютъ звукъ *і*, слѣдовательно, близки къ центрально-украинскимъ („Труды", стр. 474). А про говоры Полѣсья—и говорить нечего: для нихъ произношеніе „*зїлле*", „*платте*", „*кохання*"—прямо типично. (Примѣры мы взяли тѣ же, какіе приведены К. Михальчукомъ, (стр. 489), который, кстати сказать, при этомъ какъ нарочно подчеркиваетъ, что звукъ *е* въ такомъ окончаніи *нне* и *тте* никогда не переходитъ въ *я*!).—Странно, что членамъ комиссіи не вспомнилась также общеизвѣстная работа Потебни: „Замѣтки о мр. нарѣчіи" (1871), гдѣ по поводу сѣв. говоровъ буквально сказано: „*е* въ окончаніи *ье* послѣ удвоенія не измѣняется въ *я*: кохан*не*, кохан*не*чка, hулян*не*, hол*ле*" (стр. 133) [1]).

(Вставка для заполненія конца листа).

Галицкія грамоты XIV вѣка [2]).

Удостовѣрительный листъ галичскаго старосты Оты 1371 г. о покупкѣ Вятславомъ Дмитровскимъ дворища у Василя Скибича,—изъ львовскаго городскаго архива (Фототип. изд. въ „Палеогр. Снимкахъ", СПБ. 1903, № 23).

Во имя Отт[ь]ця(?) и С[ы]на и С[вя]т[о]го Д[у]ха, Б[о]жимъ истворѣньемъ у вѣки, аминь. Исталося подъ державою великого кроля Краковьского Казимира и господаря Рускоѣ землѣ, исталося при державѣ папа Оты, старосты Рускоѣ з[ем]лѣ, оже купилъ панъ Вятславъ Дмитровьскии дворище исъ землею, яко из вѣка слушало к тому дворищю: вшитци вжиткове, што дн[ьс]ь суть и потомъ могуть быти; а што може причинити болше межи тѣми вжитки, то на свое полѣпшѣнье,—якожь торговля исталася. Купилъ панъ Вятславъ у вѣки у Василя, емужь рѣчють Скибичь, и въ его брата, на имя Оуґѣнка, и въ ехъ с[ы]новця у Оленка; и

---

1) Буквою h Потебня пользовался для того, чтобы не употреблять буквы г, которую русскіе читатели читаютъ за g.

2) Въ квадратныхъ скобкахъ напечатаны буквы, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ.

же купилъ панъ Вятславъ во всѣхъ трии, тожь ту именовани. Далъ имъ панъ Вятслъвъ 6-т[ь] копъ грош[еи] вѣсного [1]) срѣбра, а далъ имъ всѣмъ тремъ то срѣбро посполною рукою. Тогды они, пришедши вшитци и[с] своимъ племенемъ, уздали пану Вятславу со всѣми обьѣзды того дворища по своеи доброи воли и за иныѣ молвили(ы), абы в добромъ покои вжити тѣхъ вж[ит]ковъ пану Вятславу, яко въздали, при пану Блотишевьскомъ, воеводѣ Илвовьскомъ. А то сви[ѣ]дци [2])—мѣстичи: панъ Кнефль, Михно воитъ Ярославьскии. А се бояре: Пѣтръ Мошенка, Ходко Лоевич. А се попове дисии [3]): попъ Юрко Кропышевич, попъ Лои. А се сусѣде околнии: Онисимъ. А се деяци: Степанъ Мелехович, Мелентии Куцевич, Семенъ Понахидич, Иванъ Кузмич. А се бортници: Пашко Бортн[и]къ исъ Ємелина, Юрко Мошничь, Тихно Великопольскии, Голко Залѣскии. А выѣздилъ [4]) ту землю Ходоръ Чеолчич; тотъ обьѣздил от пана Отыстаросты. А пи[са]ни то вшитко свидци. А писана грамота тисяча лѣт по Б[о]жьимъ рожествѣ, 300 лѣт, 70 лѣт и одно лѣт[о]. А писалъ Грюдкович Иван. А писано у Кнефля в дому. У ви[ѣ]ки [5]), аминь.

—

Перемышльская купчая 1378 г., писанная Болестрашицкимъ поповичемъ, на Калениковъ монастырь, проданный паньею Хонькою протодіакону Ивану Губкѣ,—изъ львовскаго Ставропигійскаго музея (Фотот. изд. въ „Палеогр. Сн." № 24, съ приложеніемъ плоховатой транскрипціи г. Соболевскаго).

Во имя О[ть]ца и С[ы]па и С[вя]т[о]го Д[у]ха, аминь. Б[о]жьею м[и]л[ос]тью и добрыхъ людии прьязнью isталася торгувля межи добрыми людми, межи бояры и межи крило-

---

[1]) Буква *ѣ* передѣлана или изъ *я* (малаго юса), или изъ *и*.

[2]) Сперва написано „св*и*дци", потомъ передѣлано въ „св*ѣ*дци".

[3]) Едва ли возможно понимать, подобно Головацкому, что это слово „дисии" (срв. польск. dzisiaj, dzisiejszy) есть имя собственное „Дисий".

[4]) Сперва было написано „выѣ*д*дилъ".

[5]) Буква *ѣ* передѣлана изъ первоначальнаго *и*.

шаны с[вя]т[о]го Ивана, аже пани Хонька, Васковая Дядьковича жена, изъ дѣтьми [1]) своеми — ис пани Просинъею и зятемь своемъ ис паномъ Ивашкомъ Данъславичемь и си внучаты своеми и со всѣмъ племенемь своемъ, доброю волею своею и добрымъ умышлѣнъемь своемъ, а никоторою силою, но сама то вчинила, безо лъсти и безъ хитрости, продала есть тотъ мунастырь за 20 гривенъ серебра вѣсного, именемь Иванови Губцѣ, протодьяконови с[вя]т[о]го Ивана, и его брату Ходорови и дѣтемь ехъ. А Иванъ [Губъка ис своимъ] [2]) братомъ купилъ есть тотъ мунастырь, именемь Калениковъ, ц[е]рк[о]въ с[вя]тоѣ Б[огороди]ци, Успѣнье Пречистоѣ, изъ бл[а]г[о]с[ло]влѣнъемь пискупа Ларивона. А купилъ есть Иванъ Губъка изъ братомъ своемъ на вѣки ико с[вя]т[о]му Іо[а]ну еп[и]с[ко]п[и]и, к селу Гнѣвновчи. Дали 15 гривенъ серебра вѣсного, а Губка далъ шюбу свою куничюю, дорогимъ сукномъ брунатънымъ пошита, за 5 гривенъ пани Хоньци; и еще ва дали [3]) 12 лисици пани Хоньци и еѣ зятеви Ивашкови и дѣтемь еѣ. А про то та пани Хонька и[с] своемъ зятемь и своемъ со всѣмъ племенемь уздала есть тотъ мунастырь Калениковъ Иванови Губцѣ и его брату Ходорови на вѣки и дѣтемь ехъ со всѣмъ обьѣздомъ и со всѣми границями и землею и сѣножатьми и зъ гаими и зъ дубровами и з бортъми и з болоты и сь рѣками и со млиномъ и сычемь и с колодяземь и с ловищи и съ всѣми ужитки, яко из вѣка вѣчного слушало [4]) к тому мунастыреви. А тому мунастыреви не отлучатися от[ъ] с[вя]т[о]го Ивана у вѣки: хто коли его купилъ, тому слушати къ с[вя]т[о]му Ивану. А при томъ уздаванъѣ были бояре земляне:

---

[1]) Не „детьми", какъ издалъ по небрежности г. Соболевскій въ своей транскрипціи, приложенной для этой грамоты къ „Палеогр. Снимкамъ".

[2]) Эти три слова очень затерты и потому, м. б., прочитаны не точно.

[3]) У г. Соболевскаго невѣрное чтеніе: вм. „еще ва дали" оказывается „еще далъ".

[4]) Въ транскрипціи г. Соболевскаго: „из вѣка вѣчно послушало".

панъ Ходько Быбельскии со двѣма с[ы]нма:..... и Васко (?) [1]), панъ Глѣбъ Двуръскович (?) со двѣма с[ы]нма: Ванько а Лехно, панъ Ивашко съ с[ы]в[о]мъ (?), панъ (?) Васко Кузмичь, панъ Михаило (?) Потрутовичь, панъ Гаврилъко Дробышевичь,...... ченьковича два: Мих........ а [2]) Ивашко, Стецко Бдешицкии, Игнатко Черневич, попъ ......ьскии Федуть, а другии попъ—Безмездьницкии (?) Кость, попъ Тепякович Яковъ, Нестюръ Печаревичь (?). А питъ моричь (sic) ...... меда (?) у дому, за полъ гривны грошювъ. А писалъ грамоту Костько, дьякъ Болестрашицкии [3]), по Б[о]жьюмъ нарожѣнъѣ тисячю [4]) лѣт и 300 лѣт и 70 лѣт и осмое лѣто.

Жалованная гр. кн. Володислава Опольскаго 1378 г., писанная Болестрашицкимъ поповичемъ (писцомъ предыдущей грамоты), на имѣнья Ладомиру Волошину въ Бохурѣ,—изъ краков. музея кн. Чарторыйскихъ. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сн.“ № 16).

Во имя О[ть]ца и С[ы]на и с[вя]т[о]го Д[у]ха, аминь. Б[о]жьею м[и]л[ос]тью мы, князь Володиславъ Опольскоѣ земли и Велунъскоѣ земли и Рускоѣ земли, господарь и дѣдичь вѣчныи землямъ тѣмъ, самодержець, князь веле[и], нашею доброю волею и нашимъ добрымъ умышлѣнъемь тô есмы вчинили. Взозрѣвши на нашего вѣрного слугу, именемь рекучи Ладомиръ Волошинъ, што же есть намъ вѣрно послужилъ и еще служити будеть, а про то, про его вѣрную службу, дали есмы ему Годлѣ поле, што же лежитъ от[ъ] Бохуря болше милѣ,—то поле пустыня,—а Тернаву рѣку, имивши с убою сторопою, олиже до верха рѣки тоѣ, и поля вся, што суть по рѣцѣ тои, и все то, што коли княжѣнъя пустынѣ с убою сторону, и от[ъ] Бохуря лѣсы и дубровы, и от[ъ] Ярославльскоѣ волости пустыню, лѣсъ и доброво и поля. Што же коли есть тамъ тоѣ пустынѣ

---

[1]) Слова, снабженныя знакомъ вопроса, очень стерты въ подлинникѣ, и чтеніе ихъ не надежно.

[2]) У г. Соболевскаго невѣрно: вм. „а“ издано „*и*“.

[3]) У г. Соболевскаго издано: „Болестрашицкiй“.

[4]) Не „*тысячю*“, какъ издалъ г. Соболевскій.

княжѣнья, то все далъ есмь Ладомирови: садити село у волоськое [1]) право. А далъ есмь ему на вѣки и дѣтемь его, со всѣмъ обьѣздомъ и со всѣми границями, якъ [2]) из вѣка слуша к тои пустынѣ и от[ъ] Бохуря и от[ъ] Ярославльскоѣ пустынѣ, и[з] землею и с лѣсы и з дубровами и сѣножатьми и сь рѣкамы и з болоты и с ловищи и со всѣми ужитки, што нинѣки могуть быти. Воленъ продати, воленъ замѣнити тако доброму, яко есть самъ, исо княжею волею. А с того имѣеть князю служити трими стрѣлци, а осадивши – ис каждого кметя по два гроша широкая у княжю комору давати на кажды рокъ. А на то дали есмы грамоту нашю и печать привѣсѣли велебного князъства нашего. А при томъ были исвѣдъци: панъ Судивои, староста Кракувъскии, панъ Анъдрѣяшь, староста Руский, панъ маршалко Шофъ, панъ Клявко, панъ Микшикъ. Инъдриховъ с[ы]нъ, панъ Мартинъ Лютковъскии. А дана есть грамота у Бохури, по Б[о]жьюмъ нарожѣнъѣ тисячю лѣт и 300 лѣт и сѣмъдесятъ лѣтъ и осмое лѣт[о]. А писалъ княжии писарь Костько Болестрашицкии. У вѣки, аминь.

Заставный листъ 1386 г. на село Черепинъ Львовскаго округа,— изъ собранія гр. Павликовскаго въ Львовѣ. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сн.“ № 25).

Во имя О[ть]ця и С[ы]на и С[вя]т[о]го Д[у]ха, аминь. А се я, панъ Михаило Ивановичь, заставилъ свое село Черепыне Григореву с[ы]ну Д[а]в[и]д[о]вьского Осташкови, а къ пана Ходковѣ руцѣ Лоевичя, во 20 гривенъ без одноѣ гривны. А рокъ—от[ъ] Сп[а]с[о]ва д[ь]не а до Сп[а]сова д[ь]не. А же не выкупить его на тотъ рокъ, имѣеть держати то село опятъ до другого року. А на то свѣдоци: панъ Мартинъ воевода, панъ Олешко Янчиньскии, панъ Баграмъ, соцкии лвовьскии, панъ Б[ог]ъданъ Ляшковьскии, соцкии теребовельскии Луникъ. А и с тымь полемь, што придалъ

---

[1]) Не „волосьское“, какъ транскрибируетъ г. Соболевскій.

[2]) У г. Соболевскаго издано „яко“.

былъ Григореви,—Шеломыньское поле и сѣножяти. А на то свѣдоцтво завѣсилъ свою печять, а панъ Михаило—свою печять. А то ся дѣяло в лѣт[о] 6894, м[ѣ]с[я]ця іюля въ 27 д[ь]нь, на с[вя]т[о]го м[у]ч[е]н[и]ка Пантелѣимона.

Перемышльская купчая 1391 г., удостовѣренная воеводой Феброномъ, на продажу Бышковской земли перемышльскимъ владыкою пану Испрувскому. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сн.“ № 26).

Во имя О[ть]ца и С[ы]на и С[вя]т[о]го Д[у]ха, аминь. А се знаменито будь и свѣдочно всѣмъ добрымъ людьмъ, што на тотъ листъ узоздрять. А се я, Феврунъ, воевода Перемышльскии, познавамъ то нашимъ лист[ом]ъ. Доброю волею своею и добрымъ умышлѣнъемь своемъ, пришодъши пере[дъ] наше обличье и передъ земляны, Фанасии, вл[а]д[ы]ка Перемышльскии[1]), и[с] своеми крылошаны, продалъ есть у Бышковичихъ два дворища (?)[2]) пану Яшкови Испрувъскому на вѣки, за 10 гривенъ широкихъ грошии. А тако вл[а]д[ы]ка продалъ есть, яко самъ держалъ: и[з] землею и сѣножатьми[3]) и с лугомъ и з болонъемь[4]) и со всѣми ужитки, што му прислуша у Бышкувъскун граници. И уздалъ есть вл[а]д[ы]ка передъ нами пану Яшкови Испрувъскому та дворища на вѣки и дѣтемь его: воленъ продати, воленъ замѣнити, воленъ кому отдати. А при томъ были земляне-исвѣдъци: панъ Ходько Быбельскии, панъ Адамъ Орецкии, панъ Михалъ[5]) Угринъ Ваповецкии, панъ Васко Шепѣчичь, Мичко Боркович, Костько судья Перемышльскии; [и] инѣхъ добрыхъ людии землянъ много было при томъ. А к тому листови печать нашю завѣсили есмы на потвержѣнъе тѣмъ словомъ. А писана грамота по Б[о]жьюмъ нарожѣнъѣ 1000 лѣт и 300 лѣт и 90 лѣт и первое

---

[1]) У г. Соболевскаго, давшаго транскрипцію этой грамоты въ прилож. къ „Палеогр. Сн.“, напечатано невѣрно: „Перемышльскій“.

[2]) Послѣдняя буква не отчетлива: „*а*“ или „*л*“.

[3]) Или, б. м. „сѣножат*о*ми“? Не четко.

[4]) Начертаніе это похоже и на „б*е*лонъемь“.

[5]) Не „Миха*и*лъ“, какъ издано у г. Соболевскаго.

лѣт[о]. А писанъ листъ на с[вя]т[о]го Василья д[ь]нь, у Перемышли, на новое лѣт[о]. У вѣки, [аминь].

Размежевочная грамота галицкаго старосты Гнѣвоша 1393 г., изъ Вышни, объ имѣніи Лоевичей въ Теребовльщинѣ,—изъ львовск. Института Оссолинскихъ. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сн.“ № 27).

А се знаменито будь и свѣдочно всѣмъ добрымъ, што на тотъ листъ узоздрять. А се мы, панъ Гнѣвошь, староста Рускоѣ земли, тб познавами нашимъ листомъ. Пришодъши предъ наше облнчье и передъ земляны, панъ Волъчко, пана Ходьковъ сыновець Лоевича, ис пани Ходьковою женою и сь еѣ дѣтьми и зятемь еѣ Клюсомъ, поедналися о села вышитка, о дѣлницю. Отдѣлили Волъчка от[ъ] себе: дали ему село у Теребовльскии волости Новоселъцѣ, а шисть кобылъ и[с] стада, а жеребець, а два хресты серебная. А поедналися на вѣки, оже Волъчкови не почипати о дѣлъ николи. А при томъ были исвѣдъци[1]): панъ Ходько Быбелъскии, панъ Васко Кузмичь, панъ Пашко Мазувшанинъ, Ивашко Данъславич, Рекънолтъ, Костько судья Перемышльскии; и много было добрыхъ при томъ. А писанъ листъ у Вышни, по Б[о]жьюмъ нарожѣнъѣ 1000 лѣт и 300 лѣт и 90 лѣт и 3 лѣт.

Коломыйскій удостовѣрительный листъ старосты Бенька 1398 г. о вѣнованіи паномъ Гервасомъ ста гривенъ своей женѣ,—изъ библ. гр. Тарновскаго въ гал. Диковѣ (Фотот. изд. въ „Палеогр. Сн.“ № 28).

А се я, панъ Бенко, староста Галицькии и Снятиньскии, свѣдчю то своимъ листомъ каждому доброму, кто на сесь листъ узрить, или перед кымъ будеть чтюнъ, иже пришедъ передъ насъ панъ Гервасъ и вѣновалъ и оправилъ своюи женѣ Варварѣ сто гривенъ на своюмъ селѣ на Толъмачи и Жюрковѣ [2]), на своюи вотнинѣ. А на то дали есмы свои

[1]) Передѣлано изъ „исвидъци“.

[2]) Нын. „Товмачик“ и „Джурків“, села въ коломыйскомъ округѣ.

листъ, и нашю печать привѣсили. А при томъ были свѣдци: панъ Николаи Спичникъ, воевода Снятиньскии, панъ Гѣрко, панъ Андрияшь, панъ Борисъ Хомѣковичь, панъ Хролъ Варвариньскии, Воронко воитъ Коломыискыи рускии. А писанъ листъ у Коломыи, у тыжьд[ь]нь по с[вя]томъ Михаилѣ, коли ся пишеть подь лѣты р[о]ж[ь]ства Х[ри]с[то]ва 1000 лѣт и 300 лѣт и девяносто лѣт и осмое лѣт[о].

Львовскій свѣдочный листъ воеводы Мацины 1400 г. о покупкѣ с. Шидлова (въ Чортковскомъ округѣ) паномъ Клюсомъ, — изъ львовскаго Института Оссолинскихъ. (Фотот. изд. въ „Палеогр. Сн.“ № 29).

Во имя О[ть]ца і [1]) С[ы]на і С[вя]т[о]го Д[у]ха. А се я, панъ Мацина, воевода Ілвовъскыи, освѣдчаю тъ тымъ листомъ каждому доброму, передъ кымъ коли буде тътъ листъ чтюнъ, аже пришедъ предъ наше обличье на имя Ходоро Шидловоскыи своею доброю волью, здоровымъ животомъ, ничимъ не принуженъ, и продалъ пану Клюсови свою дѣднину, на імя Шидловъ, а к тому дворище Жяворонковича. Тъ есть продалъ за 30 копъ рускыхъ безо дву копу [2]) и за кунь пану Клюсови на вѣкы и дѣтьмъ его і его прирожьнымъ наслѣдкомъ. А тако продалъ, яко самъ держялъ: ис нивами и сѣножатми і ставы и со лѣсы і з дубровами і с пасиками, со всѣми границями, и в доложь і у перекъ того існого села і дворища того Жаворонковича. А панъ Клюсъ имаеть того існого села Шидлова уживати і дворища того Жяворонковича на вѣкы и дѣти его. А на тъ свѣдци: пано Яшко Мазовшанинъ, пано Мичко Куликовскыи, Михаль Жильховскыи, воітъ Ілвовскыи Кундратъ, Миколаі, Милаха Лабанеского с[ы]нъ, Баграмъ соцкыи. А на потверженье приложилъ тому листу свою печать пано Мацина. А писанъ листъ во Лвовѣ, по Б[о]жьімъ нар[о]жьнии 1000 лѣт 4 ста лѣтъ.

---

[1]) Это *і* написано безъ точки, а почти всѣ дальнѣйшія *і* — съ двумя точками, т. е. *ї*.

[2]) Именно такъ: „*копу*“, а не „*купу*“,—какъ ошибочно процитировано у насъ на стр. 470-ой на основаніи печатныхъ изданій.

Изъ начала XV столѣтія.

Размежевочная грамота старосты Петраша 1401 г. изъ Галича по спору Кундрата Борсничя съ Васькомъ Мошенчичемъ,—изъ львовской библ. гр. Павликовскаго. (Фотот. изд. въ „Палеогр. Сн." № 30).

Во имя От[ь]ця и С[ы]на и Св[ято]го Д[у]ха, аминь. А се язъ, пан Петрашь, староста Галиц[ь]кыи и Снятинскы, свѣдочю то своимъ листомъ, кто коли на сеи листъ возрь (sic) или услъшить чтучи, иже пришедъ перед мя Васко Мошенчичь и позвалъ Кундрата Борсничя о границю о Вашичиньскую [1]). Тогды ему Кондратъ не хотѣлъ отповѣдити, олижь пришедъ вотчичь далъ свою рѣчь Васковѣ в руцѣ: любо стратить, любо добудеть Васко. Тожь ему ялъ Кондратъ отповѣдати его рѣчь. Тогды я, пан[ъ] староста Петрашь с земляны, учинили есмы межи ими завитыи рокъ [2]) на выведѣнье граници: кто межи ими укажеть твердѣишимъ листомъ и знамены, што суть на листѣ, тотъ зыскалъ; а кто на рокъ не станеть ани вкажеть, тотъ стратилъ. Тогдъ (sic) я, пан староста, на тои рокъ своимъ животомъ выѣхалъ на ту границю. Тогдъ (sic) [3]) Кундратъ указалъ свою границю и листомъ и знамены, што на лѣстѣ стоять. А Васко Мошенчичь на тои рокъ не сталъ на завитыи, ани людии [4]) не выслалъ. Тогды я, пан староста, згадалъ [з] земляны і оправили есмы Кундр[а]та у тои граници: поколя ему князъ Левъ уѣхалъ,—и мы ему толя уѣхали по та знамена. А при первомъ судѣ былъ пан Васко Тяптюковичь, пан Дробышь, пан Михалко Жидъ, Ганусовъ зять, Ив[а]нъ Долгыи, пан Яцко Гарбортовскыи. А ти доконали и осудили: пан Хрсченъ Мартиновскы, пан Олъдрихъ Медускы, Дѣтрихъ Кромировскы, пан Снопко, пан Михалко Грабовецкыи, Костько Головенчичь. А на то язъ, пан Петрашь староста, далъ есмъ Кундратови нашь листъ под нашею печятью на

[1]) Очевидно = „Вашьчиньскую" (изъ „Васьчиньскую", отъ имени „Васько"). Теперь—село Васючинъ въ Бережанскомъ округѣ.

[2]) Рѣшительный судъ въ одинъ пріемъ, безъ проволочекъ.

[3]) Можетъ быть, здѣсь отъ времени стерлась конечная палочка при ы.

[4]) Передѣлано изъ „людыи".

свѣдоцтво и на твердость. А писапа под Бож[ь]имъ нарожиньемъ 1000 лѣт и 4 ста лѣт и 1 лѣт[о]. А д[а]нъ у Галичю у ден[ь] святого Балътромѣя. Аминь.

Медыкская правая грамота перемышльскихъ епископовъ и вельможъ 1404 г. по спору о земельныхъ границахъ между королемъ Ягайломъ и Алжбетой Пилецкой,—изъ краковскаго музея Чарторыйскихъ. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сн." № 31).

Мы-бискупи, Мацѣи Премыски и Офанасѣи, владыка Премыски, пан Янъ дѣдич Тарновски, староста Руски, панъ Кмита воевод[а] Судомирски, пан Петръ воевода Мазовескиі, пан Миколаи Воиницки, пан Творіянъ подчяши, Яшко Решевски, Бѣнко Жябокрицки, Гнѣвош подкомори, Яшекъ Мазовшянин, Мичко Куликовски, Клюсъ Вѣжнянски, Миколаи Прерозки, Янъ Фортуна, Крщенъ Мартиновски, Иванъ Клецки, Францекъ Боршниць (?), Гринко Соколецки, Грицко Кирдѣевич, Волчко Преслюжич, Андрѣико Бубелски, брат его Грицко, Васко Тяптюков[ичь?], Данило Задеревецки, Михаило Процевич, Драгуи Волошин, Костко Солнечкович, Ходко Чемерь, Юрьи Мошончич, брат его Васко, Волчко Кузмич, Иван Данславич, Михаило Сенкович, Костко судья Премыски, Яцко судья Саноцки, Олешько (?) [1]) Грудкович, Васко Чорткович, Глѣбъ Дядкович, чинимы знаемо симъ нашимъ листом, кто на нь возрит или, пак, услышит како кол[и]. Та рѣчь межи нашим г[о]с[у]д[а]р[е]мъ, кролем Влодыславомъ [2]) Полскимъ с однои строны, межи панею ЯдвигоюОтиною Пилецкою и еи дѣвкою Алжбѣтою с другоѣ строны,—о волость о Залѣсие [3]) и о Тычин-мѣсто [4]) и о ты села, што к тому мѣсту прислушяет, в земли Саноцкои,—на многих роцѣхъ пред нам[и] водилас[я]. Тогды, на роцѣ, напред реченымъ стронамы [5]), в Медыцѣ [6]) в

---

[1]) Измазанное начертаніе, и буква ъ послѣ *ш* не ясна.

[2]) Буква *ы* передѣлана самимъ писцомъ на *и*.

[3]) Соврем. „Залїсє",—село въ Решевскомъ округѣ, на границѣ уже съ Галичиной польской.

[4]) Тычинъ—городокъ въ Решевскомъ округѣ, теперь ополяченный.

[5]) Кажется, что конечное *ы* передѣлано изъ *и*. Или, можетъ быть, наоборотъ.

[6]) Медыка—мѣстечко въ Перемышльщинѣ, съ государскими конюшнями.

недѣлю на вутрие с[вя]т[о]го Луки-евангелиста, завите и конечнѣ вложенымъ намѣненѣмъ, з добрымъ розмышлениемъ мног добрых люди[и], ис правом умѣючих, рады уживших и у единствѣ воли нашеи Б[о]га и правду знаюч[их], осудили есмы и осужяемъ, аже г[о]с[у]д[а]рь нашь, кроль Влодиславъ напредреченыи, ближши есть к тому мѣсту к Тычину и к тымъ селомъ и ко вше волости Залѣскои, нижли тыи пани: Ядвига и еи дѣвка Алжбѣта, заплативъ имъ тыи пѣняз[и] пятсотъ гривенъ пол[с]ких. Єго жь мѣста Тычина и тыхъ селъ и всеи волости Залѣскоѣ держяние вѣчное правымъ судомъ напредреченом[у] г[о]с[у]д[а]рю, корол[ю] Влодиславу Полскому, и его послѣдком присудили есмы и присужяемъ тымъ нашим листом. И на болшю крѣпость нашего осужения помочное взяли есмы у кроля подлугъ нашеи земли обычая. А то—тако, аже король, заплативъ пятсотъ гривенъ тымъ паням, има вечисто держят[и]. А мы то ему осужяем. А панямъ Ядвизѣ и Алжбѣте вечное молчяние чинимы. И на крѣпость сему пашем[у] листу наши печяти привѣсили есмы. В Недыцѣ (sic), в недѣлю на завтрѣе с[вя]т[о]го Луки-ев[а]нг[е]л[и]ста, под лѣты розтва Х[ристо]ва тисячя лѣтъ и чотыриста лѣтъ четвертого лѣта.

Мнимая жалованная грам. 1292 г. кн. Льва Даниловича Галицкаго монастырю Спасскому, поддѣланная не позже 1448 г.; хранится въ монастырѣ. Издается здѣсь по списку Румянцовскаго музея, № 69, 2. [1]).

А се я; князь Левь, с[ы]нь короля Данила, сг[а]давшися есмъ с нашими бояры: яко прадѣдъ нашь, ц[а]рь великыи Володимирь, и о[ть]цъ нашьи придаль митрополитомь и еп[и]-

---

[1]) Румянцовскій списокъ несравненно достовѣрнѣе, чѣмъ печатное изданіе этой грамоты, данное Як. Головацкимъ въ его „Хрестоматіи“ (Вѣна 1854), на стр. 315–316, гдѣ правописаніе подновлено на новый обще-русскій ладъ и невѣрно раскрыты титлы, не говоря ужъ о прямо неумѣломъ чтеніи (напр. „стынь“ вм. „с[вя]тыи“). — Въ Румянцовскомъ спискѣ (или вѣрнѣе—спискахъ, потому что ихъ имѣется два, сдѣланные двумя разными лицами) сомнительнымъ представляется только чтеніе конечныхъ буквъ ъ и ь: повидимому, переписчики ошибочно читали высокій ъ за ь. Списки сдѣланы славянскими буквами, съ подражаніемъ почерку грамоты.

с[ко]помь по въсѣмь земълямь рускымь, — также и мы Б[о]гу и пресвѣтлому Преображенїю придаемъ к ц[е]ркви с[вя]т[о]го Сп[а]са манастырю село Страшевичи и Созань манастырь с[вя]т[о]го Михаила. Даемь и придаемь почении от[ъ] Дн[ѣ]стра по прорву, чресь потокь Воладиславь черезь гору, по потокъ, зовемыи С[вя]тыи; а от[ъ] връхъ С[вя]т[о]го—по Коблянку-рѣчку до връха. От[ъ] връхъ Кобляньки кременемъ по връхъ Сушичьки и Подъбужца по връхъ Кольчина. А от[ъ] връхъ Кольчины роздѣляемь на рѣку по Лисѣи бродъ. А на другую сторону,—по потокъ Чирьвоныи до връха Дубна,—даемь и приписуемъ на вѣкы, з даньми и з роботами и съ всѣми ужитки и с приходы и с правы всѣми и ролями, луками, польми и сѣножатьми, з лѣсы и з дубровами и з голыми горами и лѣсными и з рѣками и потокы и съ всѣми пожитки в лѣсѣхь и в рѣкахь и в ловищахь ихь и з млынми,—даемь к ц[е]ркви с[вя]т[о]го Сп[а]са манастыря и вл[а]д[ы]це нашему еп[и]с[ко]пу Єфимїю и по нюмь будучимь еп[и]с[ко]помь, кому Б[ог]ъ изволит[ь] и дасть на вѣкы дръжати и поживати и ц[е]ркви с[вя]тыѣ правити и рядити, а за нашѣ предъкы и за нась Б[ог]а милого просити. А к тому еще придаем[ъ] куны в рокь с поповь давати, и суды д[у]ховныѣ судить ц[е]рк[о]вь столечная. А во то бояре нашѣ и дѣти нашѣ и по нас[ъ] будучиѣ да не уступаются. А дани и десятины медовыѣ и з виноградовь и з мыты на вѣкы вѣчныѣ да не удалено будеть от[ъ] ц[е]ркве вышеписаноѣ. А кто уступить на мое слово, судь с нимь пред[ъ] Б[о]гомь, и да будеть клятва Б[о]жия на немъ в сеи вѣкь и въ будучии, въ д[е]нъ страшнаго суда Б[о]ж[ь]я. На то есмо грамоту нашю дали и печать привѣсили свою. А при томь были митрополить Галицкыи с Крылоса и вл[а]д[ы]ка Перемыскыи Ларионь и князь Андреи Ярославичь и пань Васко; и иныхь бояръ много было при томъ. А писана и дана грамота въ Львовѣ, въ пятокъ, м[ѣ]с[я]ця октовриа въ 8 д[е]нъ, лѣта 6800. А писецъ—Захария Вихотъ.

Другую грамоту, будто бы 1302 г., см. на стр. 454. Продолженіе на стр. 524 и слѣд.

Приложеніе къ главѣ IX-ой.

(Вставочный экскурсъ).

Объ удвоеніи мягкихъ согласныхъ въ окончаніяхъ средняго рода *лля, ння, ття, ддя* и пр., происходящихъ изъ *нье, тье, дье* и пр.

Общему вопросу объ удвоеніи мягкихъ согласныхъ передъ йотою,—иначе сказать, въ положеніи передъ ь со слѣдующей за нимъ йотованной гласной (т. е. напр. въ слогахъ, происходящихъ изъ л ь е, л ь я, л ь ю, л ь ѣ, л ь й о; т ь е, т ь я, т ь ю, т ь ѣ, т ь й о и т. д.)—посвящена будетъ въ нашей грамматикѣ особая глава, въ которой это явленіе будетъ разсмотрѣно всесторонне, не исключительно въ области окончаній существительныхъ средняго рода. Вѣдь у малоруссовъ не только ср. р. «жи*ть*е», обращается въ «жи*тт*я́», — съ удвоенной согласной; но и орудный падежъ жен. рода отъ «пóстать» (=фигура, видъ; положеніе) звучитъ «пóста*тт*ю» (изъ болѣе стараго «пóста*ть*ю»), и старое слово «бра́*ть*я» (ж. р.) обращается въ «бра́*тт*я», и глаголъ «*ль*я́тися» (=литься) превратился въ «*лл*я́тися», а кое-гдѣ слышится и глаголъ

«*зъ*їсти» (=съѣсть) [1]). Но, пока печатаніе I тома дойдетъ до той главы, мы, приноравливаясь къ порядку практическихъ переводовъ II тома нашей «Украинской грамматики», сдѣлаемъ здѣсь же кое-какія замѣчанія насчетъ удвоенія согласныхъ спеціально лишь въ существительныхъ рода средняго, оканчивавшихся прежде на *ье*.

При какихъ условіяхъ центрально-украинскіе говоры имѣютъ въ существительныхъ средняго рода на *я* удвоеніе, и—это знать гораздо важнѣе — при какихъ условіяхъ они удвоенія не имѣютъ?

Отвѣтъ:

а) *Не* подвергаются удвоенію звуки губные (б, п, в, ф, м). Нельзя сказать: «безголоввя» или «чортіввя́», но говорится лишь «безголо́*в*'я» (=безголо*вь*е) и «чортi*в*'я́» (изъ «чортôвье», =чертовщина). Нельзя удвоить звукъ *б* и *м* въ словахъ, означающихъ по-русски собирательныя понятія «ры*б*ьё», «ду*б*ьё», — они звучатъ у малоруссовъ: «риб'я́», «дуб'я́». Старое «безду*м*ье», обратилось въ «безду́*м*'я», а не въ «бездуммя», и т. п.

б) Отсутствуетъ также удвоеніе при стеченіи двухъ или трехъ согласныхъ. Изъ «сча*сть*е», «ли*сть*е» получилось въ центр.-укр. говорахъ «ща*стя*», «ли́*стя*» (а не «щасття», «лисття»); изъ «милосе*рдь*е» вышло «милосе*рдя*» (а не «милосерддя»); изъ «рôзъ*чь*е» — зап. «рі*щя*» (=хворостъ).

в) Звукъ *р* въ центральномъ Приднѣпровьи тоже обыкновенно избѣгаетъ удвоенія; такъ, «подвôрье» превратилось въ «подві*р*'я», «пêрье» — въ «пі́*р*'я». Что касается

[1]) Говоримъ: „кое-гдѣ“, потому что у большинства малоруссовъ звукъ *з* въ глаголѣ „*з*ї́сти“ остался твердъ, а потому не подвергся удвоенію. Произношеніе „*зз*їсти“ извѣстно лишь въ тѣхъ говорахъ, гдѣ прежде, очевидно, выговаривали: „*зь*йісти“, а не „зъйісти“. — Мимоходомъ отмѣтимъ, что вышеупомянутая (стр. 419) Академическая комиссія предлагаетъ вмѣсто „з'їсти“ или вмѣсто „зйісти“ писать „зъїсти“, т.-е. писать *ъ* вопреки живому (твердому!) произношенію! Очень жаль, что эту орѳографическую нелѣпость усвоилъ журналъ „Україна“.

произношенія «подв*ірря*», «пі*рря*», то въ центральной Наддніпрянщині оно рідко, и въ литературную річь переносить его не слідуетъ.

г) А во всіхъ прочихъ случаяхъ мы передъ окончаніемъ ср. рода *я* (или *є*), возникшимъ изъ *ьє*, произносимъ согласные звуки обязательно съ удвоеніемъ. Эти удваивающіеся звуки—плавное *л*, носовое *н*, зубные *д*, *т*, *з*, *с*, *ц*, *дз*, шипящіе *ш*, *ч*, *дж*, (но не *щ*) [1]). Задненебнымъ (г, к, х) удваиваться нітъ случаевъ, потому-что передъ ь они превращаются въ ж, дж, ч, ш; но звукъ й (j), который тоже можно относить къ задненебнымъ, способенъ удваиваться. Такимъ образомъ, мы слышимъ: «зі*лля*» (изъ «зілье»,=зелень, зеленіющія растенія), «весі*лля*» (изъ «весілье»,=свадьба), «питá*ння*» (изъ «пытанье»,=вопросъ), «ході*ння*» (изъ «ходінье,»=хожденіе) [2]), «безлá*ддя*» (изъ «безладье»,=безпорядокъ), «жи*ття*» (изъ житье»=жизнь), «голоморó*ззя*» (изъ «голоморозье»,=гололедица), «збі*жжя*» (изъ «сбôжье,=зерновой хлібъ), «обли́*ччя*» (изъ «обли́чье»,= лицо, физіономія) и т. п., и т. п. Обі удвоенныя согласныя, а не только вторая, выговариваются мягко, такъ-что, положимъ, слово «питá*н*ня» звучитъ какъ «пытá*нь*ня»; но на письмі не принято обозначать между обіими согласными букву ь: она подразуміваетя. Приміры на удвоеніе *й*: «лушпáйя» (=шелуха, корки, «лушпайки»; выгов. «лушпа*йй*а»), «війя́» (=воловье дышло; изъ «*вíйе*»; срв. посербски «оје»=дышло); впрочемъ выговариваютъ и безъ удвоенія: «вія́».

Это удвоеніе согласныхъ соблюдается не только въ имен. ед., но и во всіхъ падежахъ косвенныхъ (питá*нню*, питá*нням*, на питá*нні*), равно какъ и въ числі множественномъ,—до тіхъ поръ пока за удвоенной согласной слідуетъ гласная. Но какъ только гласная исчезаетъ, то — по

---

[1]) Потому что *щ*=*шч*,—слідовательно, въ немъ происходитъ стеченіе двухъ согласныхъ, между тімъ *дж*—одинъ звукъ.

[2]) О происхожденіи і въ „ходінье“ см. мою статью: „О существительныхъ на енне и інне“ (отт. изъ „Юбилейнаго Сборника въ честь Вс. Θ. Миллера“).

фонетическому закону, — исчезаетъ и удвоеніе; а поэтому род. мн, если онъ образуется не со флексіей ів, не имѣетъ удвоенія: говорится «питáнь» (=вопросовъ), а не говорится «питаннь» [1]). Срв. также локальный зап.-кіев. оруд. падежъ: «гильми» (=вѣтвями), не принятый впрочемъ въ литературѣ (которая пользуется лишь общеукраинской формой «гиллями»). Сюда же относится локальное (тоже не желательное въ литературѣ) южно-кіевское выраженіе: «оддати на зїйдень» (сокращено изъ «на зїйдення, т. е. на съѣденіе), которое впрочемъ въ готовой ужъ формѣ съ однимъ *н* могло быть занесено въ ю. Кіевщину изъ сосѣдней Подоліи.

Русскому языку удвоеніе согласныхъ передъ йотовыми гласными—чуждо. Оно, кромѣ малорусскаго, извѣстно еще и бѣлорусскому.

Эпоха возникновенія этого явленія можетъ быть датирована, какъ періодъ ужъ после паденія глухихъ гласныхъ (ь и ъ), а точнѣе — приблизительно XIII — XIV в., — хотя, конечно, спорадически оно могло сказываться еще въ XII-мъ и даже въ концѣ XI-го вѣка, по мѣрѣ того какъ ь переставалъ быть слоговымъ гласнымъ звукомъ. Если въ произношеніи какого-либо малорусса XI вѣка слово «житье» было уже не трехсложнымъ, а двухсложнымъ, т. е. оканчивалось просто на t'jä (иначе сказать — на слогъ, состоящій изъ мягкаго *т* и йотованнаго *ä*), то такой малоруссъ могъ тогда же вмѣсто мягкаго *т* съ йотою произнесть просто два мягкихъ *т* (тьть) и обратить *żit'j*ä въ «*життя*». То же, конечно, происходило и въ словахъ рода не средняго.

Зап.-мр. старѣйшій примѣръ — въ юж.-галицк. Словахъ Григ. Богослова XI в.: „с[вя]щенни" (л. 92,= =χειροτονίαις).

Старѣйшій вост.-мр. примѣръ (не совсѣмъ, однако, первокачественный) заключается въ черниговской Румянцов-

---

[1]) Но, конечно, при употребленіи флексіи ів род. мн. произносится „питáннів", съ двумя н н.

ской Лѣствицѣ XII в. № 198: „и жел'лѵ и зълупомнѣние и ярость отложъшимъ“ (л. 168), что значитъ: „и вожделѣніе, и злопамятство и раздражительность отбросившимъ“. Въ греческомъ текстѣ слову „жел'лѵ“ соотвѣтствуетъ «τὴν λαγνείαν». Глаголъ „желѣти“—это тотъ же, который, съ предлогомъ воз, общеизвѣстенъ въ формѣ „вожделѣти“; въ старинномъ языкѣ онъ („желѣти“)—обыченъ и легко предположить, что въ старину существовало также слово ж. р. „желья“ въ смыслѣ „вожделѣніе“, или „похоть“[1]); при удвоеніи мягкаго согласнаго *ль* вин. падежъ (т.-е. въ формѣ „же́лью“) звучалъ бы „*желлю*“, какъ быть можетъ и воспроизведено въ Лѣствицѣ XII в. Къ сожалѣнію, мы лишены провѣрительныхъ показаній другихъ памятниковъ, подтверждающихъ существованіе слова „желья“ (съ ь). Попадается въ трехъ-четырехъ памятникахъ слово „же*ля*“ (=вожделѣніе)[2]), но оно въ нихъ написано безъ ь, а форма безъ ь не дала бы, у большинства малоруссовъ, поводовъ къ удвоенію *л*[3]). Въ современномъ мр. языкѣ имѣется, пожалуй, подходящее слово „жа*лля*“ (того же корня, лишь съ видоизмѣненнымъ значеніемъ)[4])—слово, въ которомъ констатируется удвоеніе; но слово „жалля“—рода средняго, а не женскаго, и естественно должно быть возводимо къ ср. р. „жалье“, или „желье“, а не къ ж. р. „желья“, существованіе котораго въ XII вѣкѣ въ устахъ писца Лѣствицы приходится, такимъ образомъ лишь гадательно предположить. Къ тому же не исключена возможность, что вышеупомянутое мѣсто Румянц. Лѣствицы № 198 позволительно читать иначе, а именно: „иже лѵи, зълупомнѣние и ярость отложъшимъ“. (Въ греч. текстѣ: «τοῖς τὴν λαγνείαν καὶ μνησικακίαν καὶ θυμὸν ἀποθεμέ-

---

[1]) Въ кіево-печерскомъ русскомъ изданіи Лѣствицы 1877 г. (стр. 158 об.) здѣсь употреблено именно слово „похоть“.

[2]) См. примѣры въ словарѣ Срезневскаго, т. I, стр. 855,—напр., „осквернишася оканными желями“—въ новгородскомъ Паисіевомъ сборникѣ XIV в., л. 36.

[3]) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ черниг. говорахъ аналогичное слово „недѣля“ (тоже безъ ь) слышится съ удвоеніемъ: „неді*лля*“, род. „неді*ллі*“ и т. д. (срв. Чубинскій, т. II, стр. 75, 76). Галицкимъ говорамъ тоже извѣстны такіе случаи (см. Огоновскаго „Studien“, стр. 86).

[4]) Говорятъ, напримѣръ, „жалля міні серце крає“. Срв. также у Чубинскаго, т. V, стр. 653.

νοις» [1]). А если такъ, то въ вопросѣ объ удвоеніи мягкихъ согласныхъ передъ йотою вышеприведенный примѣръ изъ Румянцовской Лѣствицы № 198 придется совершенно устранить.

Однако въ почти одновременномъ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (=майской Четьѣ-Минеѣ) мы видимъ образецъ вполнѣ хорошій,—именно въ „Мученіи св. Ирины“: „и погрязнуша вьси въ безаконьньи“ (л. 78, d). Должно быть, и начертаніе „судидия“ (л. 103, b,—въ Житіи Меѳодія,=судья) возникло оттого, что писавшій произносилъ прежнее слово „судья“ за „судьдя“.

Прекрасенъ примѣръ изъ монастырскаго сѣв.-кіевскаго (вѣроятно, Кіево - Печерскаго) житійнаго Чудовского Сборника XIV в. № 20: „Б[ог]атствия лишенис на толико възвыси тя гордѣньнье“ (л. 37 b) [2]).

Въ одновременномъ буковинско-волошскомъ Евангеліи Верковича XIV в.: „осуженнию“ [3]). — То же — въ буковинскихъ грамотахъ. Такъ, въ вассальной присягѣ 1462 года воеводы Стефана (=Улян. № 91, стр. 99—100) [4]): „прязъ обвезаннѣ присягы нашои“ (буква ѣ=я); „вымовеннѣмъ, на долѣ писаннымъ“; „своего передку пабыванна“ (чит. „набывання“;=своихъ предковъ нажитый опытъ). — Въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV в. удвоеніе отсутствуетъ [5]).

---

1) Въ такомъ случаѣ начертаніе „луй“=„лой“ (см. нашу Грамм., стр. 150), и это слово тоже можетъ служить переводомъ греческаго «τὴν λαγνείαν». Въ другихъ старинныхъ спискахъ Лѣствицы мы въ этомъ мѣстѣ находимъ слово: „нечистоту“, близкое по смыслу къ „лой“.

2) Не мѣшаетъ намъ отмѣтить, что есть въ Чудовскомъ Сборникѣ также начертанія типа „терпѣнѥ“ (л. 10 а), т.-е. безъ ь, но съ однимъ н, за которымъ непосредственно написана йотованная церковно-слав. буква ѥ. Крайне сомнительно, чтобы ихъ можно было читать на галицкій ладъ (т.-е „терпіне“, съ однимъ н, а не съ двумя).

3) „Русск. Филол. Вѣстникъ“ 1894, кн. 4, стр. 284.

4) Объ этой грамотѣ и ея изданіи см. у насъ выше, стр. 410.

5) Процитированное Огоновскимъ въ „Studien“ (стр. 83—84) начертаніе „потверженне“, якобы находящееся въ Зудечовскихъ грамотахъ 1421—1430 г. (=Голов. №№ 39—42), основано—надо думать — на нечеткости того печатнаго экземпляра, которымъ пользовался Огоновскій. На самомъ же дѣлѣ у Головацкаго издано „потверженив“.

Въ Синодальномъ Студійскомъ Уставѣ XV в., происходящемъ откуда-то съ нашего юга,—Іосифова монастыря [1]): „всѣм дверем затвореным, начинают браття изъвну стояще пѣти“ (л. 125).

Про „-ння“ въ Псалтири Θедора Жидовина XV в. см. стр. 411.

Въ кіевской дарственной записи 1510 г. дворянина Остафея Дашкевича кіево-Никольскому монастырю [2]): [свѣдки] „печати свои приложили посполу з моею печаттю“. То же — въ одновременномъ кіевскомъ воеводскомъ приговорѣ 1510 г. по процессу между монастыремъ кіево-Печерскимъ и Николо-Пустынскимъ [3]): „жадного припоминання не имѣлъ“, „ездити имъ по роллѣ озле ровка“.

Въ оффиціальныхъ описяхъ замковъ и староствъ XVI в. удвоеніе *ння*—часто. Напр., въ описи Мозырскаго замка 1552 г. [4]): „За то наймуетъ староста двухъ сторожовъ до паркана для паленния печей в ызбахъ и для рубаня дровъ до кухни“ (617); „Отношення платовъ: на отношенне платовъ до скарбу господарского мещане и волость Мозырская и Бчицкая даютъ дьяку старостиному 8 копъ грошей“ (624); „А то—села, которые помогаютъ в подводахъ и въ стацеяхъ, у горо́довъ и въ паркановъ рубленни и в перекоповъ копанни; а некотории были з нихъ того тягнути и робити перестали, нижли (=да только) з росказання господарскаго опять ку тому есмо ихъ привернули“ (644). Даже если опись составлялась не по-малорусски, а по-польски, то и тогда въ ней легко прослѣдить мр. удвоеніе XVI в. по формѣ именъ собственныхъ, особенно по частому имени „*Illa*“ (=Илья, мр. „Ілля“), которое въ этой формѣ съ удвоеннымъ *л* обычно по грамотамъ еще въ XV вѣкѣ. Напримѣръ, въ польской люстра-

---

[1]) По описанію синод. рукописей Горскаго и Невоструева этотъ Уставъ—№ 382.

[2]) Изд. въ „Архивѣ Юго-Зап. Россіи“, ч. 1, т. VI, стр. 14—15.

[3]) „Арх. Юго-Зап. Р.“, ч. 1, т. VI, стр. 15—16.—Кажется впрочемъ, что этотъ и предыдущій документы—не подлинники 1510 г., но немного болѣе позднія (кіевскія же) копіи. Въ изданіи это однако не оговорено,—и это моя лишь личная догадка.

[4]) Издана Мозырская опись 1552 г. въ 7-й части „Архива Юго-Зап. Россіи“, т. I (Кіевъ 1886), стр. 611—647. Опись эту, вообще очень интересную для исторіи мр. языка XVI в. (въ ней ѣ=і), мы ужъ цитировали на стр. 183.

ціи Кременца 1563 г. [1]) записанъ мѣщанинъ „Illasz Oleynik“ (46;=Ильяшъ, мр. „Іляш“) [2]).

Легко проскальзываетъ удвоеніе и въ книгахъ кгродскихъ XVI в. Напримѣръ, очень употребительное слово „привилей“ (съ удареніемъ, надо полагать, на среднемъ слогѣ) имѣетъ въ параллельныхъ формахъ средняго рода видъ не только „привилья“ и „привиля“, но и „привилля“. Такъ, во Владимірѣ-Волынской книгѣ кгродской подъ 1567 г. (№ 934, л. 27, въ копіи съ королевской грамоты): „отъ предковъ нашихъ привилля наши сутъ имъ выданы“ (рядомъ же съ „привилями нашими“, „ведле привилевъ давныхъ и нашого привиля“) [3]). Или—тамъ же, подъ 1605 г. (№ 970, л. 1, въ копіяхъ со старинныхъ дарственныхъ записей и завѣщаній) [4]) мы, сверхъ именъ собственныхъ вродѣ „кнегини Иллинои“ (19), видимъ отглагольныя существительныя: „Я, вышепомененная Макгдалена Деспотовна, дознавши и маючи завше при собе милость, склонность и угожання сына моего милого, [ему] симъ тестаментомъ записую“ и пр. (29—30); „а наболше [прошу старане мѣти]—о уцтивомъ выхованю и цвиченню дѣтокъ моихъ“ (33). Или напр. въ рѣшеніи копнаго суда 1608 г. о кражѣ меду (той же Владимірѣ-Волынской книги кгродской, л. 286): „за домовеннемъ се (=ся) Абрамовое Пузовское“ (два раза) [5]). То же, конечно,—и въ книгахъ кгродскихъ луц-

---

[1]) Изд. въ 7-й части „Архива Юго Зап. Россіи“, т. II, стр. 42 и слѣд.

[2]) Примѣровъ на начертаніе Illa можно бы и изъ XVI-го в., и изъ слѣдующихъ вѣковъ привести сколько угодно, но мы укажемъ лишь два первые попавшіеся, по одному изъ 17-го и 18-го столѣтія: изъ 17-го вѣка — въ житомірскомъ документѣ 1651 г. (=Арх. Юго-Зап. Р., ч. 7, т. I, стр. 467: Illa Kowżyk), изъ 18-го вѣка—въ житомірскомъ докум. 1733 г. (=Антон. и Козлов. № 35, стр. 69).—Иногда, въ силу привычки, даже имя „Илько“ писалось съ двумя ll, хотя на самомъ дѣлѣ въ немъ едва ли могло слышаться удвоеніе; такъ, въ Кременецкой люстраціи 1563 г.: „Jacko Illkowicz“ (изд. въ Арх. Юго-Зап. Р., ч. 7, т. II, стр. 92).

[3])=Антон. и Козлов. № 44, стр. 101—102.

[4]) Изд. въ 7-й ч. „Архива Юго-Зап. Р.“, т. I, стр. 8—35.

[5]) Изд. Н. Иванишевъ въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857, кн. III, см. стр. 51 и 52.

кихъ, и кіевскихъ и другихъ. Напр., размежевочный актъ 1600 г. подкоморскаго суда кіевскаго воеводства (№ 1, л. 96) озаглавленъ: „Лета Божего нароженн*я* тисеча шессотнаго“ [1]).

У ученыхъ схоластическихъ книжниковъ XVI—XVII в. удвоенныя мягкія согласныя напечатаны не часто, но все же проскальзываютъ.

Такъ, въ обоихъ печатныхъ зап.-мр. словаряхъ,—въ „Лексиконѣ“ Лаврентія Зизанія (Вильно 1596): „спротивле*нн*е“; въ „Лексіконѣ“ Памвы Берынды — „преумноже*нн*е“ (117); у Берынды мы имѣли выше случай отмѣтить „*лля*т'ся“ (278,=льется).

Въ кіево-Михайловскомъ Учительномъ Евангеліи 1604 г.: „сви*нн*е [2]) (рукоп.).

Изъ двухъ жившихъ въ Кіевѣ знаменитыхъ православныхъ проповѣдниковъ XVII в. у Іоанникія Галятовскаго удвоеніе не попадается (вѣроятно, онъ говорилъ такимъ зап.-мр. говоромъ, въ которомъ мягкія согласныя передъ йотой не удваиваются). Но у его ученика черниговца А. Радивиловскаго это не разъ. Въ его рукописномъ „Огородкѣ“ (1671): „весе*лля*“ (I, 12;=род. пад.), „ка́ме*нн*іе (I, 1461; необычное удареніе на ка́), „вчине*нн*ю“ (II, 1183), „позна*нн*іе“ (II, 1400), „очекива*нн*емъ“ (II, 1541); въ печатномъ „Огородкѣ“ 1676 г.: „игра*нн*'емъ“ (108), „вязе*нн*я“ (383; род. ед.), „поздоровле*нн*'емъ“ (931). Въ его печатномъ „Вѣнцѣ“ 1688 г.: „наруше*нн*я“ (6 об.; род. ед.), „утрапе*нн*я“ (295; им. мн.).

На поляхъ книги Иннок. Гизіеля: „Миръ человѣка съ Богомъ“ (Кіевъ 1669) какой-то читатель-священникъ изъ приднѣпровской Полтавщины [3]) сдѣлалъ на стр. 387 къ рубрикѣ о „Несоблюденіи обѣта нищеты“ приписку: „А шкатула где з грошмы подѣнется? А шаты, строе*нн*е?“ (=наряды).

Въ поучительно - апокрифическомъ Полтавскомъ Сборникѣ 1679 года игумена Геннадія [4]) книга Эноха

---

[1]) Изд. въ 7-й ч. „Архива Юго-Зап. Россіи“, т. I, стр. 261.

[2]) Отмѣтилъ П. И. Житецкій въ „Очеркѣ литер. ист. мр. нар.“ стр. 92.

[3]) О немъ см. у насъ выше, стр. 167—168.

[4]) Описанъ и отчасти изданъ („Книга Эноха“) — А. Поповымъ въ его „Библіографич. Матеріалахъ“ № 4, стр. 66—139. Ссылки дѣлаемъ на это изданіе.

озаглавлена такъ: «Книга о тайнах Енохових, списанна въ градѣ Полтавѣ за с т а р а *н'н* я м ъ о[т]ца Генадія» (89). Въ копіи съ Предмовы до (покойнаго) кн. Острожскаго: «троха п и с а *н н* я пану своему милостивому прививовати» (87).

То же явленіе, конечно, не могло не прорваться и у мр. и с т о р и к о в ъ XVII—XVIII в. Такъ, въ Л ѣ т о п и с и С а м о в и д ц а о войнахъ Богдана Хмельницкаго [1]):—им. ед.: «жада*нне*», «позволе*нн*я», «руше*нн*я», «собра*нн*я»; род. ед: «Збара*жж*я», дат. «атама*нн*ю», орудн. «прида*нн*ямъ», мѣстн. «обложе*нн*ю».—Въ гадячской Л ѣ т о п и с и Г р а б я н к и 1710 г. [2]): «сповѣда*нн*е» (им. ед., 169), род. «Запоро*жж*я», дат. «челоби*тт*ю», мѣстн. «на Запоро*жж*у».—Въ Л ѣ т о п и с и С а м о й л а В е л и ч к а 1720 г. [3]): им. ед. «Подо*лл*е», род. «привита*нн*я», «прибы*тт*я», мѣстн. «руше*нн*ю»; у него же дат. ед. ж. р.: «бра*тт*ѣ» (собират.,=братьямъ, «братів»).

Новомалорусская литература сразу же установила, согласно съ живымъ мр. произношеніемъ, правописаніе съ удвоенными мягкими согласными типа „жи*тт*я“, „оповіда́*нн*я“ и т. п., и строго держится этого правописанія до наст. времени. Только въ періодъ 30-лѣтняго „плѣненія галицкаго“ (1876—1906), когда украинская литература, изгнанная россійскимъ правительствомъ съ родины, принуждена бывала подчиняться кастрированію галицкому, въ печати успѣло появиться достаточное количество украинскихъ произведеній, въ которыхъ галичане, противъ желанія авторовъ, деспотически вводили орѳографіи: „жи*т*є“, „оповіда*н*є“,—въ угоду своему локальному произношенію или—это лучше сказать—въ угоду польщизнѣ (życie, opowiadanie) и рутенству, потомучто[4]) вѣдь и Галичинѣ не чуждо произношеніе съ удвоеніемъ: „жи*тт*є“, „оповіда*нн*є“. Но теперь и галичане понемногу возвращаются къ общеукраинскому правописанію.

---

1) Изд. Лѣт. Самовидца въ Москвѣ, 1846

2) Изд. въ Кіевѣ 1854.

3) Кіевск. изд. 1848.

4) См. выше, стр. 417.

Мнимая жалованная грамота князя Льва Даниловича Галицкаго епископіи Перемышльской 1302 г.

(Поддѣлана не позже 2-й четверти XV вѣка).

А се я, князь Лιевь, сынъ кроля Данила, згадшися ѥсмо с' нашими бояры: яко прадѣдъ, ц[а]рь вιеликыи Володимирь, и отець нашьи придалъ митрополитомъ и еп[и]с[ко]пъмъ по всимъ зιемлямъ руськымъ,—такожιе и мы Богу и святому Иоанну еп[и]с[ко]піи Перемыскои придали ѥсмо село Рушевичи, поченши отъ урочищъ чрезъ Клепино граници Рушовскои до млинища на Глажевѣ, отъ Глажева—до виръховины до Бичища, отъ Бичища—до Юлътоховы росохы, отъ Дунковичь, а отъ Юлътоховы—до Высокои горы. А от[ъ] тои горы—до Перунова дуба горѣ Скломь, а отъ Перунова дуба—до Бѣлыхъ береговъ, а отъ Бѣлыхъ береговъ—до Колъменскихъ потоковъ из' обѣма берегы, а отъ Колъменскихъ потоковъ—до Черемошнои и доловъ Черменского до Клепина млинища. Даемъ с' полии и сѣножатми и зъ луками и стави и млынии и з' лѣсы и з' бортъми и медовыми данми и овчими данми и со всѣми пожиткы и ловищи. Дали ѥсмо ку святому Иоанну въ богомолство на вѣкы вѣчне, еп[и]с[ко]помъ вьсѣмъ держати, поживати и на вѣкы вѣчне, а за насъ Бога просити и за нашѣ предкы. А на мое слово кто уступитъ, судъ с' нимъ предъ Богомъ, и да будетъ клятва Божія на немъ в сеи вѣкъ и во будучій, во д[е]нъ страшнаго суда Божія. На тое ѥсмо грамоту нашу дали и печять свою привѣсили. А при томъ были митрополитъ Галицкій, с' Клироса и и вл[а]д[ы]ка Перемыскыи Ларіонъ и князь Андрей Ярославичъ и панъ Васко, и иныхъ бояръ много было при томъ. А писана и дана грамота уво Лвовѣ, пятокъ м[ѣ]с[я]ца октоврія во 8 д[е]нъ лѣта 6800 дιесятого. А писецъ Захарія Вихотъ.

---

*) Я. Головацкій: Хрестоматія, Вѣна 1854, стр. 316—317, изъ Граматики Іос. Левицкаго, Перемышль 1834.

Глава десятая.

О недопустимомъ въ литературѣ смѣшеніи неударнаго *о* съ неударнымъ *у*. Случаи узаконенія такого смѣшенія рѣчью литературною Рѣдкіе случаи смѣшенія *о* и *у* подъ удареніемъ. Судьба стариннаго предлога *въз*.

Як часом плутається ненаголошене *о* з ненаголошеним *у*, і що звійшло з тієї плутанини до мови письменської? Спорадичне поплутанне звуків *о* и *у* під нáголосом. Про долю приіменника *вз*.

§ 54. Замѣчанія о характерѣ мр. звука *о*.

а) Малорусскій звукъ *о*, находится ли онъ въ положеніи ударномъ или въ неударномъ, есть въ своей сути самый чистый звукъ *о*, безъ наклонности къ áканью и безъ наклонности къ съуженію. Таковъ онъ былъ, понятно, изстари (срв. стр. 140), та-

ковъ и донынѣ онъ остался у малоруссовъ въ общемъ.

б) Однако изстари, еще у лѣтописныхъ кіевлянъ, констатируются случаи, когда, подъ вліяніемъ сосѣдняго (обыкновенно ударнаго) звука *а*, неударный звукъ *о* ассимилировался у малоруссовъ съ этимъ *а*, такъ-что, напримѣръ, „б*о*гатый" обращалось въ „б*а*гатый". Объ этомъ явленіи и объ аналогичныхъ фактахъ мы очень подробно говорили выше, въ §§ 33—37[1]), причемъ тогда же указали, что такое *а* (изъ *о*) типа „б*а*гáтий", въ виду своей повсемѣстности, почти всегда бываетъ принято и въ литературномъ малорусскомъ правописаніи. Въ частности, въ § 35 (стр. 254) нами поточнѣе отмѣчено, какія именно изъ такихъ фонемъ (со звукомъ *а* вмѣсто ожидаемаго *о*) сдѣлались литературны, а какія— остались нелитературны въ виду своей узкой локальности и неповсемѣстности.

в) Съ другой стороны, изстари (еще съ XI вѣка) констатируются случаи, когда неударный звукъ *о* могъ ассимилироваться у малоруссовъ съ сосѣднимъ звукомъ *у*, или могъ даже безъ всякаго сосѣдства со звукомъ *у* пріобрѣсти съуженное произношеніе, близкое къ *у*,—особенно подъ вліяніемъ какой нибудь этимологической аналогіи. Со звукомъ ё (иначе йо, ьо) изстари случалось то же, и онъ, при неударности, изстари могъ ассимилироваться съ сосѣднимъ ýковымъ слогомъ и звучать какъ *ю*, а иногда онъ

---

[1]) Въ особомъ приложеніи къ стр. 245—248 приведены дополнительныя выписки изъ старинныхъ памятниковъ, еще лучше освѣщающія это звуковое явленіе и его исторію.

съуживался въ звукъ *ю* и безъ всякаго у̂коваго сосѣдства. Какъ тщательно ни старались наши предки писать этимологически и не допускать на письмѣ проявленіе этой особенности, она иногда вдругъ у нихъ прорывалась противъ ихъ воли, и тогда они вмѣсто о и є (=ё) нечаянно писали оу и ю. И случалось это не только въ области нарѣчія западнаго, которое, какъ видно изъ современныхъ данныхъ, отличалось особенно-сильною склонностью съуживать *о* въ *у*;—случалось это и въ области нарѣчія восточнаго, гдѣ наклонность къ съуженію звука *о* въ *у* развита несравненно меньше. Для исторіи языка поучительно, что даже самый старый изъ дошедшихъ до насъ восточно-малорусскихъ памятниковъ (кіевскій Изборникъ Святослава 1073 г.) уже обнаруживаетъ антилитературное смѣшеніе неударнаго *о* съ *у*.

Нынѣшняя глава посвящена ближайшему разсмотрѣнію этого явленія.

Показанія памятниковъ XI—XV в. относительно смѣшенія неударныхъ *о* и *у*.

Приведемъ изъ старинныхъ малорусскихъ памятниковъ XI—XV в. нѣкоторое количество соотвѣтственныхъ выписокъ, причемъ остановимся лишь на тѣхъ случаяхъ смѣшенія неударныхъ *о* и *у*, которые не вошли въ новомалорусскій литературный обиходъ. Слѣдовательно, мы въ перечень не включимъ, напримѣръ, цитатъ съ у̂ковыми формами неопр. н-нія типа „торг*у*вáти“ (изъ болѣе стараго „торговати“), потому-что окончаніе неопр. н-нія *у*вáти принято мр. литературнымъ правописаніемъ за норму. Для начертаній подобнаго, узаконенно-литературнаго типа мы приведемъ выписки изъ памятниковъ не здѣсь, а въ своемъ мѣстѣ.

Въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава

1073 г. вмѣсто „по Арийову нечьстию“ мы видимъ: „по Арию ву“ (л. 243 об.)[1]). Изъ „Августина“ мы здѣсь, въ XI в., уже находимъ перемѣну, соотвѣтствующую современному вульгарному произношенію: «*У*густина» (л. 127)[2]); но въ названіи „Сил*у*амъ“ вм. „Сил*о*амъ“ (срв. „сил*у*амовъ“, л. 107 а) превращеніе звука *о* въ *у* состоялось, вѣроятно, еще на греческой вульгарной почвѣ, о чемъ еще будетъ рѣчь ниже. На манеръ современнаго сѣв.-кіевскаго произношеніе оруднаго падежа ж. р. (типа: „з дóбрую дївчин*у*ю“) мы находимъ и въ Изборникѣ 1073 г.: „И уне жити въ земли пустѣ, или съ женою язычьн*о*ю и которив*у*ю“ (л. 170;=сварливою)[3]); „умьную мыслью“ (л. 132); «сытостью утробьн*у*ю“ (л. 157 об.); „божьск*у*ю его силою“ (л. 245); „сетьн*у*ю ненавистью ненавидѣхъ ихъ“ (л. 162 об.;=чрезвычайною ненавистью); срв. еще въ причастіи: „прѣдъваривъшую ноштью“ (л. 215 об.)[4])—И наоборотъ, вм. неударнаго у мы встрѣчаемъ въ Изборникѣ 1073 года букву *о* (на манеръ современнаго локальнаго „ход*ó*ба“ и „р*ó*з*о*м“ вмѣсто „худ*ó*ба“ и „р*ó*зум“): „по-

---

1) Звукъ *ю* выраженъ посредствомъ йотованнаго большаго юса, а не посредствомъ буквы *ю* (которая могла бы возникнуть и безъ вѣдома писца, просто въ силу расплыва чернилъ въ буквѣ *іє*).

2) И въ первомъ и во второмъ слогѣ этого имени звукъ *у* выраженъ, по обычаю, одинаково черезъ *оѵ*: „Оѵг*оѵ*стина“. Этимъ совпаденіемъ устраняется возможность прочитать первый слогъ въ начертаніи 1073 г. за „*Ов*“, хотя не можетъ быть сомнѣнія, что между латинско-греческой формой „*А*вгустинъ“ и современной вульгарной „*У*густин“ существовала промежуточная стадія „*О*вгустин“.

3) Звукъ *у* выраженъ въ „которивую“, какъ и во всѣхъ слѣдующихъ аналогичныхъ начертаніяхъ орудн. падежа прилагательныхъ на ую, черезъ буквы *оѵ*, а конечный звукъ *ю*—черезъ йотованный большой юсъ.

4) Положительно нѣтъ никакой необходимости стараться выводить эти начертанія изъ церк.-слав. языка и предполагать, что звукъ *у* (=буквы оѵ) явился въ Изборникѣ 1073 г. вм. церк.-славянскаго юса. Фраза: „женою язычьн*о*ю и котори*воѵ*ю“ ясно показываетъ, что мы имѣемъ дѣло просто со смѣшеніемъ неударныхъ *о* и *у*.

гобй" (л. 53); а также въ формахъ глаголовъ на „-овати", напр.: „прѣмйноеть бо образъ мира сего" (л. 92), „послушьствоеть" (л. 108). Имѣя въ виду нынѣшнее локальное мр. произношеніе „будé[ть]" съ удареніемъ на é вмѣсто средне-украинскаго „бýде[ть]" съ удареніемъ на у, мы можемъ къ категоріи смѣшенія неударныхъ о и у отнести въ Изборникѣ 1073 г. еще: „тако да бодеть" (л. 91, т. е. будетъ)[1].— Особо стоитъ, наряду съ этимологическимъ „епископъ", ýковое „епискупъ" (лл. 35, 123, 262, 262 об.) или, съ отпаденіемъ начальнаго гласнаго — „пискупъ" (лл. 96, 211, 262), гдѣ звукъ у вмѣсто о безъ сомнѣнія занесенъ прямо изъ вульгарнаго новогреческаго произношенія и попадается во всевозможныхъ памятникахъ.—То же надо вообще сказать и о другихъ греческихъ словахъ старокіевскаго періода: „парусъ" (при литературномъ греческомъ pharos)[2], „уксусъ" (литер.-греч. oxos), „артусъ" (=artos) и т. п.

Попадается нехарактерное „епискупьскъ" (л. 55 b) и въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в., гдѣ впрочемъ есть и вполнѣ типичный примѣръ: „уружьникъ" вм. „оружьникъ" во фразѣ: „Ярость—лютъи уружьникъ,—и жены не бѣаху безъ оружия" (л. 71 b).

Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (майской Четьѣ-Минеѣ съ произведеніями Нестора Кіевопечерскаго): „а рука еи (т. е. рабы) бяше суха,— пребываше не мугущі послужити г[оспо]дѣ" (л. 21 d; срв. тремя строками выше: „не могущи ничьсо

---

[1] Трудно впрочемъ высказаться опредѣленно, съ діалектической ли особенностью живой рѣчи писца имѣемъ мы въ этомъ начертаніи дѣло, или—съ чисто-механическимъ пропускомъ второй половины начертанія оу.

[2] О значеніяхъ этого слова см. стр. 113.

же“). Это—въ Житіи Бориса и Глѣба,—и тамъ же листомъ раньше—*о* вм. неударнаго *у*: „ч[е]л[о]в[ѣ]къ хромъ приде пълзая съ многъмь тр*о*дъмь“ (къ мощамъ Бориса и Глѣба; л. 20 а); „х[ристо]в*о* м[у]ч[е]нику“ (л. 22 b),—на манеръ вульгарнаго современнаго „ей Бог*о*!“.—Въ Житіи Өеодосія Печерскаго: „всячьскыимь благочьсти*ю*мь украшена“ (л. 27 а; *ю* вм. *ію*); и обратно: вм. предлога ус (происшедшаго изъ въс) мы видимъ у Нестора *о*с: „се.... о велицѣмь о[ть]ци нашемь Өеодосии *о*спытовая слышахъ от[ъ] дрѣвьниихъ мене о[ть]ць“ (л. 67 b; =„успытовая“, изъ „*въ*спытовая“)[1]). Здѣсь же, на л. 56 с, сперва было написано: „бях*о*ть грядуще“, а потомъ передѣлано на „бяхуть“; такъ же на л. 60 с начертаніе „въ другое мѣсто“ передѣлано изъ первоначальнаго „др*о*гое“[2]).—Въ прочихъ житіяхъ Успенскаго Сборника XII в.: „*о*нки́ю хлѣба и чашю воды“ (л. 75 а; греч. „unki'a“), „да реку съ сто[л]у тр*о*бою“ (л. 89 с;=hina to tû apostólû phthénxômai)[3]); въ нихъ же не разъ можно указать букву у, которая передѣлана изъ первоначально написаннаго *о*, посредствомъ придѣлки полукруглаго хвостика сверху строки.

Въ черниговской Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198: „и паче бѣсящися окаяхъ я, акы чърнилъмь г*у*лубь[4]) без вѣсти сътворьша“ (л. 79

---

[1]) Срв. этотъ же глаголъ въ Изборникѣ Святослава 1073 г.: „въспытаеши, како є родился Б[о]гъ“, а въ причастной формѣ—въ черниговской Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198: „и въспытовающе“ (л. 126 об., а).

[2]) Выговоръ „дрого́му“ извѣстенъ и понынѣ у малоруссовъ. См. Драгомановъ: Преданія, стр 263.

[3]) Повидимому переводчикъ не понялъ, что греческое apostólû есть одно цѣльное слово и разбилъ его на предлогъ *apó* и род. пад. stólû.

[4]) Первое *у* выражено черезъ двѣ буквы *оу*, второе *у*—черезъ одну слитную букву укъ.

а; вм. „голубь“, ж. р.,=голубой цвѣтъ)[1]). Не такъ характерны дательные падежи прилагательныхъ на -уму, -юму,—напр. „добруму“, „доблюму“ (л. 20 об.), „третьюму“ (л. 112, л. 154 об.), „ближнюму“, „чреплющюму“ (л. 173 об.) и т. п., потому что, хотя они и совпадаютъ съ нынѣшнимъ сѣверно-кіевскимъ и черниговскимъ произношеніемъ, но могли попасть въ черниговскій списокъ Лѣствицы XII в. просто изъ церк.-слав. оригинала.—Начертаніе „пристопльше“ (л. 115), если писецъ дѣлалъ удареніе на предлогѣ „при“, тоже можетъ относиться къ свидѣтельствамъ о смѣшеніи неударныхъ *о* и *у*, не безъ участія корневого смѣшенія „ступати“ и „стопа“; срв. соврем. „ступінь“ и „стопінь“ (=шагъ“)[2]).

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ, которое составлено или въ Кіевѣ или въ Черниговѣ въ концѣ XII вѣка, но дошло до насъ въ болѣе позднемъ, сѣверно-великорусскомъ спискѣ ок. XV в., есть во „Снѣ Святослава“ два случая смѣшенія неударнаго *о* съ *у*. Не изъ кіевско-черниговскаго ли оригинала попали они въ дошедшій до насъ сѣв.-вкр. списокъ? Одинъ случай—менѣе характеренъ: „Но рекоста: мужаймѣся сами! Преднюю славу сами похитимъ, а заднюю (=заднѣю, заднёю) ся сами подѣлимъ“[3]). Другой случай—излюбленное малоруссами въ жи-

[1]) Въ русскомъ переводѣ (Кіево-Печ. Лавра 1877, л. 69 об.) это мѣсто переведено такъ: „я счелъ ихъ окаяннѣйшими самыхъ сумашедшихъ людей, потому-что они голубиную своего сердца бѣлизну какъ бы нѣкіимъ черниломъ замарали“.

[2]) Если же писецъ дѣлалъ удареніе не на предлогѣ, то написаніе „пристопльше“ будетъ, скорѣе всего, простая описка.

[3]) Нехарактеренъ этотъ примѣръ потому, что въ чистѣйшихъ великорусскихъ памятникахъ того же XV вѣка, къ которому—вѣроятнѣе всего—относится списокъ Слова о Полку Игоревѣ, мы замѣчаемъ какъ-разъ смѣшеніе неударныхъ окончаній *о*ю и *у*ю: срв. „пречистою его Богоматерь“, „великою княгиню“ въ грам. 2-ой четв. XV вѣка, изд. въ I томѣ „Собранія госуд. грамотъ и до-

вомъ выговорѣ, (хотя далеко не всегда поощряемое литературной орѳографіей) превращеніе неударнаго суффикса *ов* въ *ув*: „Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху“ (вм. „босови“,=чертовы)[1]). Чрезвычайно вѣроятно, что это начертаніе „босуви“ находилось въ первоначальномъ мр. оригиналѣ XII в. и, какъ слово малопонятное для сѣвернаго русскаго, переписано было съ рабской буквальностью.—Подобное не разъ можно подозрѣвать насчетъ многихъ ýковыхъ начертаній въ спискахъ съ кіевской лѣтописи. Таково, по Ипатскому списку, подъ 6454=946 годомъ: „Ольга же повелѣ къемуждо гулýбеви и воробьеви привязати чѣрь . . . и пустити . . . . въ гнѣзда“ (л. 44)[2]),—хотя, конечно, могло это „гулýбеви“ быть внесено не въ Кіевѣ еще, а въ проме-

---

говоровъ“ (М. 1813) № 68. Смѣшивается у сѣв. великоруссовъ флексія вин. пад. ую съ ою и въ настоящее время (см. Колосовъ: „Обзоръ, стр. 101).

[1]) „Босъ“=чертъ. Въ Толковой Псалтири XI в. (изъ Толстовскаго собранія, теперь Импер. Публ. Библ.) въ толкованіи на псаломъ 118-ый сказано: „далече бо быша отъ своея чьсти и Б[ог]а босове“ (л. 237;=дьяволы). Въ Успенскомъ Сборникѣ XII в., въ Мученіи св. Ирины, сперва написано: „Не пожьру босомъ!“ (л. 73 а, строка 10-ая;=не принесу жертвы демонамъ), а ужъ затѣмъ исправлено на „*бѣ*сомъ“. Повидимому этотъ самый корень донынѣ сохранился въ современныхъ малорусскихъ словахъ: зап.-мр. „босóрка (=вѣдьма, колдунья; также—упырица), зап.-мр. „бусовір“ (=идолопоклонникъ, язычникъ), вост.-мр. „бузовір“, „бузувір“.

[2]) Въ печатномъ изданіи (стр. 37) этого нѣтъ: тамъ издано съ поправкою на „*голубеви*“.—Удареніе въ словѣ „голуб“ во многихъ мр. говорахъ (изъ числа западныхъ и сѣверныхъ) приходится на слогѣ му, а не на го, т. е. тамъ выговариваютъ: голу′б, гулу′б, съ такимъ удареніемъ, какое для женскаго рода присуще всѣмъ говорамъ безъ исключенія („голу′бка“). Такъ же прилагательное „голубий“ (= голубой) произносится въ сѣверныхъ и западныхъ говорахъ очень часто съ удареніемъ на лу: „голу′бий“, „гулу′бий“, а словарь галичанина Желеховскаго только такое уда-

жуточной стадіи—въ волынской редакціи XIII вѣка.-- Подъ 6582=1074 г.: „[Федосий] рече—*б у д р у́* быти на пѣние церковьное“ (стр. 129). Обратно мы видимъ подъ 6505=997 г. букву *о* вм. неударнаго *у*: „по горсти овса, или пшеницѣ, или о т р *о* б ъ (стр. 88). Подъ 6658=1150 г.: „Черниии К л о б *о* ц и“ (276). Подъ 6708=1199 г.: „князь Рюрикъ . . . . изоoбрѣте и х *о*- д о ж н и к а, имене[мъ] Милонѣгъ“ (476)[1].—Но, разумѣется, трудно опредѣлить, что́ изъ всѣхъ этихъ начертаній принадлежитъ кіевскому оригиналу, что́ внесено волынской редакціей, и что́ могло попасть изъ-подъ пера сѣв.-великорусскаго переписчика.

Въ южно-галицкомъ Е в-і и п о п о в и ч а Е в с е в і я 1283 г.: „гонимъ бываше бѣсомь с к ѵ з ѣ пустиню“ (л. 51 об., а; и еще на л. 57; вмѣсто „ск*о*зѣ́“)[2]; „и *у* б р ѣ т о ш а сѣдяща ч[е]л[о]в[ѣ]ка“ (л. 51 об., b.) Едва ли однако сюда относится: „иду, да вузбужю и“ (л. 67 b;=церк.-слав. „в*ъ*збужду“)[3]) и „видѣша уно-

реніе и знаетъ (т. I, стр. 150).--Въ центральномъ Приднѣпровьи произносятъ „го́лу́б“, съ удареніемъ на *ю*, и „голуби́й“ съ удареніемъ на концѣ), рѣдко „го́лубий“; а произношеніе „голу́б“ слышится тамъ только въ пѣсняхъ (срв. „Голу́б—сизий, голу́б—сизий, голу́бка—сизі́ща; Ба́тько—милий, ма̀ти—мила, дружина—milі́ща“;-- въ пѣснѣ изъ Звенигородщины).

¹) Но подъ 6636—1128 г. форма съ *о*: «и бывъ посредѣ пути и *о* с т р а ш и в с я» (стр. 210) не относится къ смѣшенію неударныхъ *о* и *у*. Это *о*—особый предлогъ. Срв. малорусское существительное съ удареніемъ на предлогѣ: „*о́*страх“ (=опасеніе).

²) Форму «ск*о*зѣ» мы видимъ, напр., въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в. (л. 197 d). Срезневскій въ своемъ словарѣ (т. III, стр. 377) указываетъ „ск*о*зѣ огнь и воду“ въ одномъ Прологѣ XIII в.

³) Вѣрнѣе всего, что поповичъ Евсевій произносилъ предлогъ *в ъ з* за *у з* и иногда снабжалъ его эвфоническимъ призвукомъ *в*. То же онъ продѣлывалъ и съ предлогомъ *в ъ*: превращалъ его въ *у*, а потомъ снабжалъ призвукомъ *в*; на оборотѣ того же листа, гдѣ на-

шю, *сѣдящю* одесную, одяна въ одежю бѣлу" (л. 8 об., а)[1]).

Въ болѣе сѣверномъ *Галицкомъ Евангелiи* 1266—1301 г. мы видимъ даже дальнѣйшую стадiю смѣшенiя неударныхъ *о* и *у*. А именно: неударный звукъ *о*, замѣстившись посредствомъ *у*, оказался способенъ стянуться въ *в*: „и *въ* одежи чьто ся печете?" (л. 34; вм. „*о* одежи"); срв. современное „на*в*кбло" (при „на-*о*кбло",=вокругъ), „на-*в*пакй" (при „на-*о*пакй",=напротивъ) и т. п. Обратное явленiе—*о* вм. неударнаго *у*: „*п о с т о* мѣсто" (лл. 42, 62;=пусто). Вѣроятно, вмѣсто неударнаго *ё* употреблена буква *ю* въ реченiяхъ: „морю *жю* (=жо) и вѣтру вѣлью дышющю" (л. 8;=морю жо)[2]) и „къ пришедъшимъ *Июдѣюмъ*" (л. 11, л. 51,=Июдѣйомъ), хотя эти начертанiя могутъ быть объяснены и иначе[3]). Насчетъ „*о ш е д ъ* скрыся" (л. 130, т. е. ушедши

писано „вузбужю" имѣется такъ же: „всякъ, вѣруяи *в у* мя, не умрть" (л 67 об. b).

[1]) Можно бы предположить, что „сѣдящю" есть *дѣе*причастiе, могшее уже существовать въ XIII в. и оканчивавшееся въ рукописяхъ обычно на щ*о* (изъ болѣе стараго щ*е*). Но, кажется, вѣрнѣе будетъ—думать, что поповичъ Евсевiй принималъ существительное „юнош*а*" за имя рода не только мужескаго, но и женскаго, въ виду его грамматическаго окончанiя (это и теперь бываетъ у зап. малоруссовъ,—см „Украинск. грамм.", т. II, стр. 16—17) и что, слѣдовательно, его „сѣдящю" есть форма вин. пад. причастiя *женскаго* рода.

[2]) „Жо" появляется вмѣсто болѣе стараго „же". См т. I, стр. 373.

[3]) Читать ли эту букву *ю* дѣйствительно за звукъ *ю*, или же надо видѣть въ ней посильное воспроизведенiе чистаго звука ё, это выяснить затруднительно, потому-что писецъ Галицкаго Ев-iя 1266—1301 г. (какъ и нѣкоторые другiе древнерусскiе писцы) за неимѣнiемъ особой буквы для звука ё пользовался, по догадкѣ Шахматова, буквою *ю* въ смыслѣ совершенно явственнаго звука ё. Кажется, что и для ударнаго звука ё онъ употреблялъ тоже букву *ю* напр. во фразѣ: „*В ъ ш ю д ш ю*" Iс[ус]у въ Капернаумъ, приступи кь нему сотьникъ" (л. 36), гдѣ первое слово (буде оно не описка, съ „предвосхищенiемъ") должно быть прочитано—очевидно—не

скрылся) возможны сомнѣнія, написано ли первое слово вмѣсто „ушедъ“ или же вмѣсто „о[т]шедъ“[1]).

Въ Холмскомъ Евангеліи XIII в.: „воини же убу иствориша“ (л. 148 об.,=убо); „подобни суть отрочищюмъ, сѣдящемъ на торжищихъ“ (л. 74 об.,=вм. „отрочищомъ“ изъ болѣе стараго „отрочищемъ“; срв. сейчасъ же далѣе: „другъ мытаромъ“, л. 75,=мытарёмъ).

Въ Луцкомъ Евангеліи XIV вѣка: „нести съсудъ скузѣ ц[ь]рк[ъ]вь“ (л. 104 об., вм. „скозѣ“; такъ же—на лл. 113 об., 118 об., 119 об., 126, 126 об. и др.); „бѣяху во д[ь]ни преже потопа ядущю и пьющю, женящеся и посагающе“ (л. 102 об., вм. „ядущё“ и „пьющё“); „начаша престаяти ..... блюдуще его и ищющю“ (л. 129,—вм. „ищющё“).—Какъ и въ Галицкомъ Ев-іи 1266—1301 г., такъ и въ Луцкомъ Ев-іи смѣшеніе неударныхъ звуковъ *о* и *у* привело къ полному смѣшенію начальнаго предлога *о* съ предлогомъ *у*, возникшимъ изъ предлога *въ*. Такъ: „Нѣ уведи насъ *о* напасть“ (л. 124 об.,=„у напасть“ изъ церк.-слав. „въ напасть“); „будьте *о* мнѣ, і азъ у васъ“ (л. 207 об.,=„у мнѣ“ изъ церк.-слав. „*въ* мьнѣ“) и тамъ же далѣе: „аще *о* мнѣ не пребудете“, „іже будеть *о* мнѣ, и азъ *в* немь“ (во всѣхъ трехъ случаяхъ „о мнѣ“=„у мнѣ“ изъ „въ мьнѣ“).

Въ сѣверно-кіевскомъ монастырскомъ (вѣроятно, кіево-Печерскомъ) житійномъ Чудовскомъ Сборникѣ XIV вѣка № 20 неударное начальное *о* въ словѣ „орарь“ перешло, съуживаясь, въ звукъ у:

иначе, какъ „вышѓдшю“, „вышьодшю“ (срв. соврем. „увійшовши“ со звукомъ [ɨ]*о*).

[1]) Въ церковнославянскомъ языкѣ замѣна начальнаго предлога от[ъ] посредствомъ *о*—довольно обычное дѣло.

„урарь с[вя]т[о]го“, л. 38 а. А кромѣ того,—это тутъ же, параллельно,—мы видимъ еще одну форму этого слова, въ которой звукъ *о*, по другому звуковому вост.-мр. закону[1]), ассимилировался съ ударнымъ сосѣднимъ *а*: „приимъ хламиду окровавлену и часть от[ъ] *а*рарѣ“ (л. 38 d; чит. „отъ араря“; ѣ=я)[2]).

Въ буковинско-волошскомъ Ев-іи Верковича XIV в. смѣшеніе о и у, можно сказать, пестритъ: „свуему“ (л. 63), „по учищѣнию“ (л. 6), „г[оспо]д[и]на думу́“ (л. 122 об.,=дому́), „помил*о*й“ (л. 38 об., л. 42, л. 44, 55, 64, 66), „рад*о*йся“ (л. 108 об.), „[азъ] вѣр*о*ю“ (л. 21,=я вѣрую), «при п*о*ти» (л. 54,=при пути), «ником*о* же» (л. 145 об.,=нікóму же), „к немо“ (л. 36,=к нéму)[3]) и мн. др. Сродни этому явленію—ассимиляція неударнаго отвердѣвшаго звука *е* ударному звуку у: „ты будуши“ (л. 65, вм. „ты бýд*е*ши)[4])

Буковинскія грамоты XIV—XV в.

Изобильно это явленіе и въ бýковинскихъ господарскихъ грамотахъ XIV—XV в., особенно во флексіяхъ.

а) Такъ, зап.-мр. глагольная флексія -[ь] *о*м,-й*о*м 1-го л. мн. ч. [5]) не разъ превращена у буковинцевъ

---

[1]) См. стр. 241.

[2]) Это—въ Житіи св. Димитрія Солунскаго, которое списано въ Сборникъ съ балканскаго оригинала, смѣшивавшаго *ѣ* и *я*.

[3]) Удареніе въ „нікóму“ и „к нéму“ падаетъ у малоруссовъ, какъ извѣстно, на предпослѣдній слогъ. Произношеніе „к н*é*му“—западно-малорусское (а центральный украинецъ произноситъ „к ньóму“, если вообще пользуется этимъ рѣдкимъ предлогомъ „*к*“, а не обычнымъ своимъ предлогомъ *до*).

[4]) Объ этихъ глагольныхъ флексіяхъ съ у вмѣсто е см. стр. 196.

[5]) О зап.-мал. флексіи [ь] о м, й о м, вм. е м, см. выше, стр. 389. Выписки изъ памятниковъ, относящіяся къ ней, см. стр. 377, 379 и еще стр. 196.

XIV—XV в. въ -*умъ*, -*юмъ*. Наприм., въ договорѣ 1395 г. воеводы Стефана съ Ягайломъ: „[Мы] слюбуюмъ острѣгати ихъ во всомъ“, „[мы,] все посполство землѣ молдавской, слюбуюмъ вернымъ бити и помагати„ (=Улян., стр. 8, 9).—Въ присягѣ 1448 г. воеводы Петра королю Казиміру: „мы вѣдаюмъ, иже земля молдавская сь ея панствы з давныхъ часовъ ку кролевству Полскому прислушають“ (=Улян. 75).—Въ прощенныхъ грамотахъ 1460 и 1462 г. воеводы Стефана Великаго Михаилу-логоѳету: „Тии рѣчи не имаємъ усъпомѣнути, але хочумъ его миловати“, „тое усе вишеписанное слубуюмъ пану Михаилу логоѳету здержати“ (=Улян. 96, 97); „хочумъ тѣ (=тя) миловати и у великой чты и ласцѣ держати“ (=Улян. 99).—Въ договорѣ 1462 г. воеводы Стефана съ королемъ Казиміромъ: „если быхумъ тых-то Сад-Ахматовичювъ не выдали, тогды“ .. и т. д. (=Улян. 102).—Въ примирительномъ договорѣ 1499 г. воеводы Стефана съ королемъ Яномъ-Олбрахтомъ: „ани мѣстца не имаюмъ ему (=королевскому врагу) давати у нашей земли“, „али... имаюмъ его вънгнати и вънпудити (ъ=ы) исъ нашей земли“ (=Улян. 172); срв. тутъ же: „колико будумъ мочи“ (171 и 175), „будумъ єхати“ (174), „како мочимумъ наиборзо“ (175;=вост.-мр. „могтимем“).

б) Если 1-е л. мн. ч. употребляется съ флексіей -*мо* (а не просто *м*), то буковинскія грамоты легко ее обращаютъ въ -*му*. Такъ, въ обязательствѣ передъ королемъ 1435 г. со стороны воеводы Стефана—помириться со своимъ братомъ Ильею: „Про то жь слюбуєму и слюбили-єсмо нашему милому господареви-королеви не помянути тыхъ листовъ“, „учинилиєсмы вѣрною покору и поклонилися-єсму, яко брату старшему“ (=Улян. 43); вспомогательный глаголъ „єсму“ (вм. „єсмо“)—неударная энклитика.—Или въ дарственной грамотѣ 1471 г. воеводы Стефана Ве-

ликаго[2]): „На болшую крѣпост[ь] вѣлели-сму вѣликуму пану логоѳету лист писа[т]и"[3]).

в) Въ этой же грамотѣ 1471 г. есть: „от нашуя милости" (=нашоѣ), „овьчуя" (=овечоѣ), уже цитированное „вѣликуму" и тому подобныя ýковыя начертанія вмѣсто ожидаемыхъ óновыхъ во флексіяхъ склоненія. Едва-ли надо говорить, что въ этомъ отношеніи бýков. грамота 1471 г. не стоитъ особнякомъ; да и въ однихъ тѣхъ выпискахъ, которыя мы выше уже приводили изъ прочихъ буков. грамотъ ради флексій глагольныхъ, мы ужъ имѣли возможность попутно указать ýковыя флексіи склоненій. Въ особенности обычно—смѣшеніе неударнаго окончанія *о*ю и *у*ю, такъ-что, напримѣръ, стереотипная фраза: „его правую и вѣрную службу" почти постоянно пишется въ буковинскихъ грамотахъ съ буквою *о*, а не съ *у*; срв. „мы, видѣвши его прав*о*ю и вѣрн*о*ю службу до насъ, жаловали его" (въ грам. 1436 г.=Улян. 48; въ грам. 1445 г. =Улян. 67); „за его прав*о*ю и вѣрн*у*ю службу" (въ грам. 1445 г.=Улян. 68; въ грам. 1446 г.=Улян. 69); „чист*о*ю вѣру и певную будемъ держати"—въ грам. 1448 г. (=Улян. 73); „мы, видѣвши добр*о*ю ихъ волю и правую заплату"—въ грам. 1452 г. (=Улян. 78); „продали свою прав*о*ю отнину"—въ грам. 1489 г. (=Улян. 118), и т. п. При склоненіи именъ существительныхъ—такое же смѣшеніе звуковъ *о* и *у* въ неударныхъ флексіяхъ. Напримѣръ, въ присягѣ воеводы Ильи королю 1436 г.: „пану Владиславовы, полскому крóлювы" (вм. „крóльови";=Улян. 49),

---

[1]) Ее издалъ А. Кочубинскій въ акад. рецензіи на П. Житецкаго, въ 32-мъ Уваровскомъ присужденіи, стр. 248—250.

[2]) Таково мое чтеніе, основанное на сличеніи съ прочими буковинскими грамотами. Въ изданіи Кочубинскаго послѣднія слова или не разобраны, или невѣрно выведены изъ-подъ титлъ, такъ что напечатана совершенная нелѣпость: „-ло ѳепкул отписат" (съ начальной омегой въ „отписат", прочитанной вм. буквъ *ис*).

„под чьстію и вѣр*у*ю... на кажды и часъ ховати" (50). Очень любимо въ буковинскихъ грамотахъ употребленіе флексіи *у*мъ вм. *о*мъ въ дат. мн. Напр., въ грамотахъ 1433 г.: „намъ и дѣтемъ нашимъ и намѣстк*у*мъ", „приказуемы всѣмъ намѣстк*у*мъ нашимъ", „воеводѣ, его дѣтемъ, намѣстк*у*мъ и подданнымъ" (=Улян. 37; срв. то же „намѣстк*у*мъ" еще два раза на стр. 38, два раза на стр. 39); „чинимы его правымъ дѣдичомъ тымъ городумъ (39); „кролеви полскому и его намѣсткомъ и дѣд[и]ч*у*мъ корони полской" (41) и т. п.[1]).

г) И помимо флексій можно, разумѣется, констатировать въ буковинскихъ грамотахъ смѣшеніе неударнаго *о* съ *у*. Напримѣръ, въ силу этого фонетическаго явленія глаголъ „*у*живати" (=употреблять, пользоваться) иногда получалъ у буковинцевъ XIV—XV вѣка (какъ и теперь) звуковую форму „*о*живати", словно съ инымъ предлогомъ. Такъ—въ дарственной грамотѣ 1431 г. воеводы Александра: „а хотаръ[2]) тои чясти да будет по старому хотару, куда из-вѣка *о*живали" (=Улян. 34); буквально то же выраженіе—въ дарственной грамотѣ 1436 г. (=Улян. 54), хотя встрѣчаются грамоты и съ правильнымъ написаніемъ, какъ 1444 г.: „куда из-вѣка *у*живали и колко узможетъ [Михаилъ-логоѳетъ] *у*живати" (=Улян. 65).—Въ договорѣ 1411 г. воеводы Александра съ Польшею: „А пак-ли бы потягнулъ король Угоръскыи на мене, на Александра воеводу, тогды король Полскый имаетъ насъ боронити и потягнути во Уг*у*ръскую землю" (=Улян. 22; удареніе, очевидно, было „ýгорскыи", а не „угóрскыи").—Въ дарственной записи 1488 г. воеводы Сте-

[1]) Крайне сомнительно, чтобы эта буква *у* означала собою рефлексъ долготнаго *ô*.

[2]) Хотаръ—межа, граница.

фана Путенскому монастырю[1]): „а оттолѣ черес поле.., та на рѣку на Дерлуи, та д у л у́ (=долу́) Дерлуем на став монастирскіи“. И т. п.

Понятно, что и г а л и ц к і я (и иныя зап.-мр.) г р а м о т ы XIV—XV вв. представляютъ намъ образцы этого же явленія: Въ дарственной грамотѣ т. н. 1302 года кн. Льва Галицкаго (поддѣланной не позже 2-й четверти XV в.): „а отъ Бичища—до *Ю*л ъ т *о*-х о в ы рсохы, а отъ *Ю*л ъ т *о* х о в ы—до Высокои горы“ (=Йовт*у*ховоі)[2]).—Въ купчей 1359 г. изъ Перемышльщины[3]): „а въ то не надобѣ уступатися ни у н у к *у* м ъ eѣ, ни племеню еѣ“[4]).—Въ грамотѣ 1378 г. (=Akta, t. VIII, 15—16): „*м у* н а с т ы р ь“, „*м у* н а-с т ы р е в и“, „т о р г *у* в л я́“[5]).—Въ львовской купчей 1400 г., которую удостовѣрилъ воевода панъ Мацина[6]): „свою дѣдину . . . продалъ за 30 копъ рускыхъ бево дву к у п у́“ (=копу́; род. двойств.).—Въ мѣновой грамотѣ 1418 г. изъ Галича (=Голов. № 31, стр. 35): „дала со всѣми ужитъки, што нынѣ суть, што и потомъ м *у* г у́ т ь быти“ (удареніе въ „могу́ть“—на концѣ).

Въ К а м е н е ц ъ-С т р о м и л о в с к о м ъ Е в-і и 1411 г.: „сл*о*зѣ“ (л. 19,=слугѣ), „жену постити“ (л.

---

[1]) Изд. А. Яцимірскій, № 11;=Труды Славянской Коммиссіи Имп. Моск. Археол. Общ., т. IV, вып. 1 (=М. 1907), стр. 298.

[2]) О звукѣ *у* вм. *о* см. стр. 89. Подробнѣе—см. въ моемъ „Древне-кіевскомъ говорѣ“, стр. 36.

[3]) Издана въ Akta grodzkie i ziemskie, т. VIII, стр. 5.

[4]) У Головацкаго № 2, стр. 6, исправлено въ печати на „унукомъ“.

[5]) Удареніе на послѣднемъ слогѣ дѣлается только въ зап.-мр. нарѣчіи, преимущественно въ галицко-подольскихъ говорахъ; мы же, восточные малоруссы, ставимъ удареніе на среднемъ слогѣ: т о р г *о́* в л я. Вм. зап.-мр. „*м у* н а с т и р“ мы произносимъ „*м а*-н а с т и р“.

[6]) Голов. № 20, стр. 19=Акты Юж. и Зап. Росс., т. I, стр. 3.

85,=пустити) „*о*бояша же *ся*“ (л. 124,=*у*бояша же ся).

Въ антиеврейскомъ Посланіи Өедора Жидовина 2-й полов. XV в. (уроженца не то сѣверной Кіевщины, не то Черниговщины[1]) смѣшеніе неударныхъ *о* и *у*, вѣроятно, проявилось въ начертаніи „р*у*ду“ вмѣсто „р*о*ду“ (см. въ началѣ же: „Пишу своему р*у*ду и своимъ приятелем и, Из[раи]лю, твоимъ приятелем и всему р*о*ду юдѣйску“), если только это слово Өедоръ Жидовинъ произносилъ съ удареніемъ на концѣ: „руду́“[2]).

Вышеприведенный рядъ выписокъ изъ памятниковъ XI—XV в. (его можно бы значительно увеличить) обрисовываетъ исторію вульгарнаго смѣшенія неударныхъ *о* и *у* настолько достаточно, что изъ болѣе позднихъ памятниковъ (напримѣръ, изъ многочисленныхъ дошедшихъ до насъ рукописныхъ книгъ и документовъ XVI вѣка) мы выписокъ ужъ приводить не будемъ. Просто скажемъ, что иллюстрирующихъ данныхъ встрѣчается очень много,— все равно, возьмемъ-ли мы какой нибудь актъ судебный съ воспроизведенными простонародными показаніями сви-

[1]) Изд. М. И. Соколовъ въ московскихъ „Чтеніяхъ“ 1902, кн. III, стр. 106-109.

[2]) А то, вѣдь, возможно, что Өедоръ Жидовинъ произносилъ „ру́ду“ съ удареніемъ на первомъ слогѣ. Срв. у другого черниговца—Ант. Радивиловскаго XVII в.: „ру́ку“ (въ Огородкѣ, л. 811; вм. „ро́ку“), „сту́сы“, „сту́сами“ (въ Вѣнцѣ, л. 497 об., л. 460; вм. „сто́сы“, „сто́сами“) съ напечатаннымъ удареніемъ на *у*,—не говоря ужъ о начертаніи „на́руду“ (въ Огородкѣ, л. 427; вм. „народу“), гдѣ удареніе поставлено на первомъ слогѣ. Сѣверно-малорусское произношеніе съ *у* въ открытыхъ слогахъ косвенныхъ падежей иногда развивается подъ вліяніемъ именит. падежа („ро́дъ“, „наро́дъ“, „ро́къ“, „сто́съ“), въ закрытомъ слогѣ котораго слышится дифтонгъ уо, а иногда и прямой монофтонгъ *у* (т. е. „руд“, „рук“ и т. п.,=южно-мр. „рід“, „рік“ и пр.)—Срв. исторію замѣстительнаго удлиненія выше, стр. 150 и слѣд.

дѣтелей[1]), возьмемъ ли мы рукопись религіозную[2]).

Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе замѣчается случаевъ такого смѣшенія буквъ *о* и *у* въ рукописяхъ. Въ наши же времена, когда о мр. произношеніи мы можемъ судить ужъ не по опискамъ писцовъ, а прямо на основаніи непосредственнаго слухового знакомства съ живыми говорами, мы хорошо знаемъ, до какой степени развито теперь и распространено вульгарное смѣшеніе неударныхъ звуковъ *о* и *у*. Разсмотримъ болѣе яркіе случаи такого современнаго живого смѣшенія, чтобы легче научиться избѣгать его въ литературномъ правописаніи.

Современное антилитературное смѣщеніе неударныхъ *о* и *у* (въ частности *ьо*, *йо* и *ю*).

§ 55. Вульгарное смѣшеніе въ силу *ассимиляціи*.

а) Если какое-нибудь малорусское слово содержитъ въ себѣ слогъ со звукомъ *у* (въ особенности ударный), передъ которымъ имѣется слогъ со звукомъ *о* (неударнымъ, конечно), то многіе малоруссы, во всѣхъ почти говорахъ, имѣютъ наклонность уподоблять (ассимилировать) неударный звукъ *о* слѣдующему за нимъ звуку *у*, а въ особенности—ударному *у*.

Такимъ образомъ они вмѣсто г*о*дува́ти (= питать, кормить) склонны произносить гу-

[1]) Беремъ первый попавшійся примѣръ изъ Владиміръ-Волынской книги кгродской 1567 г. (№ 934, л. 27=Антонов. и Козлов. № 44, стр. 100) по поводу обвиненія евреевъ въ ритуальномъ убійствѣ ребенка: „[Привели] матку оного зам*у*рдованого дитяти . . ., и яко есть замордовано и якие раны на немъ—огледено".

[2]) Напр. въ Пересопницкомъ Ев-іи 1561 г.: „тые примут болшее ос*о*жденіе" (стр. 18).

д у в á т и, вмѣсто к *о* ш т у в á т и (=отвѣдывать, пробовать; стоить)—к *у* ш т у в á т и; вмѣсто п *о* л ю ю (=охочусь)—п *у* л ю ю; вмѣсто *о* с т ю к (=ость въ колосѣ)—*у* с т ю к; вмѣсто к *о* ж у́ х (=тулупъ)—к *у* ж у́ х; вм. мордувáти (=мучить, терзать, изъ нѣм. morden)—м *у* дувáти; вмѣсто в *о* р у ш и́ т и с я (=шевелиться)—в *у* р у ш и́ т и с я; вмѣсто *о* т р у і́ т и (=отравить)—*у* труі́ти; вмѣсто з *о* з у́ л я (=кукушка)—з *у* з у́ л я; вмѣсто г *о* л у́ б к а—г *у* л у́ б к а; вмѣсто д ó б р *о* ю д і в ч и н *о* ю (=доброй дѣвушкой)—д ó б р *у* ю д і в ч и н *у* ю и т. п., и т. п.

Хотя наклонность эту мы наблюдаемъ въ малорусскомъ языкѣ отъ самаго стараго періода, однако, не смотря на старинность этого фонетическаго явленія и на слѣды его существованія въ языкѣ нашихъ предковъ-кіевлянъ XI вѣка, литература не переноситъ его на письмо: напротивъ, искони и всегда въ такихъ случаяхъ строго пишутъ букву *о*, при чемъ помощью для ороографіи намъ могутъ служить словá того же корня или аналогичныя грамматическія формы съ у д а р н ы м ъ звукомъ *о*. Поэтому мы этимологически должны всюду писать: г *о* д у в á т и (срв. г о д; г ó д і=довольно, достаточно), к *о* ш т у в á т и (срв. к о ш т=расходъ, стоимость), п *о* л ю в á т и (срв. п ó л е), к *о* ж у́ х (срв. „кóжа“), в*о*руши́ти (срв. „вóрохъ“), *о* с т ю к (срв. „ость“), з о з у́ л я (срв. зап.-мр. з*а*зу́ля) *), м *о* р д у в á т и (срв. зап. м о р д=убійство), *о* т р у і́ т и (срв. отдѣльно предлогъ *о*), г *о* л у́ б к а (срв. г ó л у б), д і в ч и н *о* ю (срв. д о ч к ó ю) и т. п.

*) Правописаніе съ *о* („з*о*зуля“), соотвѣтствующее обычному малорусскому произношенію, является объединительнымъ для локальнаго вост.-мр. „з*у*зуля“ и для зап.-малорусскаго „з*а*зуля“. Исторически же всѣ три фонемы—второстепенныя, а не основныя; а ихъ предокъ—старокіевское „жегзуля“ или „з*е*гзуля“.—(иначе, съ другимъ суффиксомъ „з*е*гзиця“. Напр. въ Словѣ о Полку Игоревѣ Ярославна „з*е*гзицею рано кычеть: полечю—рече—з*е*гзицею по Дунаеви“).—Форма съ *о*, т. е. „з*о*гзуля“, извѣстна изъ старокіевскаго „Мѣрила Праведнаго“. „Мѣрило Праведное“—это кіевскій

β) Ассимиляціонное съуженіе звука *о* въ звукъ *у* распространено почти во всѣхъ говорахъ. не исключая и центральныхъ. Нѣсколько рѣже происходитъ обратное явленіе—превращеніе неударнаго основного *у* въ звукъ *о*, если сосѣдній слогъ содержитъ въ себѣ ударное *о*. Въ Полтавщинѣ, напримѣръ, вмѣсто „ро́з*у*м" можно услышать „ро́з*о*м": срв. полтавскую пословицу: „Учися ро́з*о*му не до ста̀рости, але до сме́рти" [1]); а въ Подоліи вмѣсто „х*у*дȍба" (домашній скотъ) мѣстами слышится и „х*о*до́ба" [2]), и очень часто говорятъ „с *о* п о с т а т" вмѣсто „с *у* п о с т а̀ т" (гдѣ *у* изъ ж.) Въ литературномъ правописаніи эта черта избѣгается еще строже, чѣмъ предыдущая, т. е. чѣмъ ассимиляціонное превращеніе *о* въ *у*.

§ 56. Вульгарное, антилитературное появленіе звуковъ *у* и *ю* вмѣсто неударныхъ *о* и *ё* внѣ ассимиляціоннаго вліянія сосѣднихъ у́ковыхъ слоговъ.

а) Уподобленіе звука *о* сосѣднему звуку *у* явилось, вѣроятно, причиною того, что многіе малоруссы пріобрѣли

юридическій сборникъ XIII в. съ морализаторскимъ „пчельнымъ" введеніемъ (о немъ см. у Сперанскаго: „Переводные сборники". М. 1904, стр. 319), дошедшій до насъ въ рукописи XIV вѣка, ок. 1350 г (Троицко Сергіевской Лавры № 15). Въ ней, въ выборкѣ изъ книги Эноха, мы имѣемъ: „З *о* г з у л я в чюжа гнѣзда яица своя мечеть" (л. 32; печ. изд. у Тихонравова: „Памятн. отреч. литер." I, 20). Звукъ *о* передъ твердымъ слогомъ *зу* развился изъ мягкаго *е* въ слогѣ *зег* (или жег) вполнѣ фонетически (см. выше, стр. 371), тогда какъ звукъ *а* въ зап.-малорусскомъ „з*а*зуля" возникъ, вѣроятно, по пріуроченію начальнаго слога *зо* къ предлогу *за*.—Впрочемъ, на малорусскія формы этого слова могло повліять и однозначащее арабско-персидско-тюркское слово: "зарзур", (происхожденія семитскаго), которое въ различныхъ говорахъ звучитъ разно: „з*ə*зур," „з*ю*рзур" (или почти „з*ю*рзур"), „зерзур", „зурзур".

[1]) В. Василенко: „Метеорологія и земледѣліе по украинскимъ народнымъ воззрѣніямъ" (Полтава 1902, изд. Общ. Сельск. Хозяйства), стр. 2.

[2]) „Сьвітова Зірниця" 1906, № 35, стр. 5 – Вѣроятно, не безъ вліянія также оказалась на возникновеніе этой фонемы аналогія глагола „х*о*дити".

вообще склонность произносить звукъ *о* нѣсколько съуженно; особенно этимъ страдаетъ все западное малорусское нарѣчіе, а изъ восточно-малорусскихъ говоровъ—сѣверные, новороссійскіе и слободскіе [1]). Въ нихъ, да и въ пограничныхъ съ ними центрально-украинскихъ, не рѣдкость — услышать, например, такія фонемы (которыхъ въ нормальную, грамматическую рѣчь не допускаютъ): бо́с*у*ї вм. бо́с*о*ї (род. п. ж. р. отъ бо́сий=босо́й) [2]), п*у*жа́р вм. п*о*жа́р, с-п*у*хо́ва вм. с-п*о*хо́ва (=скатомъ, покато) [3]), п*у*лі́з вм. п*о*лі́з (=полѣзъ), *у*бі́д вм. *о*бі́д (=обѣдъ), б*у*я́рин вм. б*о*я́рин (=шаферъ) [4]), с*у*бі́ вм. с*о*бі́

---

[1]) Въ слободскихъ говорахъ (напр., воронежскихъ) даже уда'рное *о* способно съуживаться въ у. Срв. у Дикарева: „Воронеж. этногр. сборникъ", стр. 47

[2]) Вспомнимъ, такія *у*ковыя флексіи въ буковинскихъ грамотахъ XV в. (см. выше, стр. 468).

[3]) Корень хов (срв. „ховати"=„прятать, скрывать).

[4]) Пожалуй, въ словѣ „бояринъ" (отъ котораго, кстати сказать, происходитъ и русское „баринъ" путемъ стяженія двухъ начальныхъ слоговъ въ одинъ) первоосновный звукъ собственно былъ *а*, такъ-какъ это слово заимствовано изъ тюркскаго языка. „Б*а*йар"=по-тюркски „баринъ", „господинъ"; въ Средней Азіи „байар" значитъ „вельможа", „знатный"; въ Крыму—просто „сударь".—и окликъ. "Эй байарлар!" въ смыслѣ „эй, господа" можно тамъ слышать на каждомъ шагу; сличеніе съ монгольскимъ языкомъ показываетъ. что основное значеніе этого слова есть „богачъ". Въ буковинскихъ грамотахъ XV вѣка мы встрѣчаемъ начертаніе и съ *о*, и съ а,—напр. въ прощенной грамотѣ 1460 г. воеводы Стефана своему логоѳету· „у б*а*іаравехъ или будь-где", наряду съ „б*о*яре наши" (Улян. 96); но сомнительно, чтобы это буковинское *а* XV вѣка было остаткомъ еще стариннаго общеславянскаго произношенія близкаго къ тюркскому первоисточнику: должно быть, буковинское позднее „б*а*ярин" XV в. происходитъ черезъ ассимиляцію изъ „б*о*яринъ". Дѣло въ томъ, что еще очень рано на древне-славянской почвѣ развился въ этомъ заимствованномъ словѣ звукъ *о*, и оно было пріурочено къ слову „болій" (Отсюда возникла даже форма „боляринъ", извѣстная даже въ самыхъ старыхъ славянскихъ рукописяхъ). Что касается мр. произношенія этого слова съ *у*, то мнѣ оно припоминается по памятникамъ лишь въ позднихъ рукописяхъ. Такъ, въ галицкомъ Словѣ Меѳодія объ антихристѣ XVIII в. (музей Петрушевича № 105= Франко: Пам'ятки IV, 285): „будутъ убогіи, яко б*у*яре, а бояре —яко князи". Но, конечно, возникнуть могло *у*ковое произношеніе и раньше XVIII в.

(=себѣ), к*у*р і н н я вм. к*о*р і н н я [=корни]; въ пѣснѣ при ритмическомъ переносѣ ударенія: х*у*р*у*ш ó г о рóду вм. х*о*р*ó*ш о г о р о д у [1]), к*у*н в á л ї я вм. к*о*н в á л ї я =ландышъ), *ю*ж á вм. *йо*ж á (=ежа, трава Dactylis glomerata), з К á н *ю* в а вм. з К á н *ьо* в а (=изъ Канева) [2]), зап. м *у* н а с т и́ р (=монастырь; по вост.-мр.—м*а* н а с т и́ р; стр. 245) и т. п.—

b) Д а л ь н ѣ й ш а я с т а д і я: п р е в р а щ е н і е н е у д а р н а г о *о* въ *в*.

Звукъ *у*, который появляется у малоруссовъ вмѣсто *о*, иногда до такой степени отождествляется съ старымъ основнымъ звукомъ ȣ, что даже бываетъ способенъ послѣ гласныхъ переходить въ *в*. Изъ такихъ случаевъ лишь нѣкоторые общераспространены во всемъ вост.-мр. нарѣчіи: на *в* г о р ó д ї (=на огородѣ, черезъ неупотребительную теперь стадію „на *у*городї"); н а *в* п а к и́ (=напротивъ, черезъ стадію „на*у*паки́") вмѣсто рѣдкаго теперь „н а *о* п а к и"; н а *в* к о л о (=вокругъ; зап.-мр. н а *о* к ó л о); *в* п'я т ь (=опять, черезъ очень обычную донынѣ стадію *у* п' я́ т ь [3]) и т. п.

Обыкновенно же превращеніе неударнаго *о* въ *в* есть явленіе въ высшей степени узко-локальное, и то

---

[1]) Им. падежъ звучитъ, конечно, въ видѣ х*о*рóший (съ удареніемъ на *о*), и род. пад. собственно произносится тоже всегда съ *о*: х*о*рóшого. Но въ пѣсняхъ, ради ритма, удареніе очень часто оказывается неправильнымъ, и такимъ образомъ ради хорейнаго ритма поютъ „хорошóго роду", „хорошàя дївчинóнька (вм. хорóшая дївчи́нонька"), откуда и возникаетъ локальное пѣсенное произношеніе: „х*у*р*у*шóго рóду, х*у*р*у*шàя дївчинонька".

[2]) Всѣ примѣры взяты мною изъ Кіевщины, южнѣе р. Роси, гдѣ говоръ можетъ быть характеризованъ какъ переходный отъ центрально-кіевскаго говора къ слободскому, съ наличностью нѣкотораго вліянія подольскаго.

[3]) Насчетъ такого происхожденія мр. „вп'ять" возможно однако сомнѣніе: быть можетъ, именно „*у*п'ять" происходитъ изъ „*в*п'ять", а не наоборотъ. Иначе сказать: возможно, что нарѣчіе „*о*-п'ять" образовано съ предлогомъ *о*, тогда какъ нарѣчіе „*в*-п'ять" —съ предлогомъ *въ*, (все равно, какъ третье нарѣчіе „*в*спять"— съ предлогомъ *въз*). Въ такомъ случаѣ фонема „*у*п'ять" происходитъ изъ „*вѣ*п'ять" въ силу законовъ благозвучія (§ 48).

преимущественно западно-малорусское. Изъ локализмовъ восточно-малорусскихъ такого рода можно указать, напримѣръ, слободское прилагательное „н е *в* к о в и́ р н и й“ (его иногда пытался литературизовать Б. Гринченко), первоначальная форма котораго видна *изъ* полтавскаго „не*о*ковѐрний“ (=неряшливый) *).—Въ зап.-мр. говорахъ превращеніе неударнаго *о* въ *в* иногда приводитъ къ такимъ формамъ, которыя восточный малоруссъ бываетъ даже не въ силахъ понять сразу. Не трудно ему, конечно, понять локальное зап.-малорусское „на *в*бід“ (=на *о*бѣдъ), но ужъ потруднѣе „на *в* б а боки“ (изъ „на *о*бà боки“), тѣмъ болѣе, что по восточно-малорусски говорится „на оби́два боки“.— О внесеніи подобныхъ фонетическихъ явленій въ литературную рѣчь никто, разумѣется, и не помышляетъ.

c) О б р а т н о е я в л е н і е: в у л ь г а р н о е п р е в р а щ е н і е (внѣ ассимиляціи) н е у д а р н а г о *у* в ъ *о*.

Выше (стр. 474) мы имѣли случай наблюдать діалектическій ассимиляціонный переходъ неударнаго звука *у* въ звукъ *о* (полт. „ро́з*о*м“, подольск, „х*о*до́ба“ и т. п.). Но переходъ *у* въ *о* иногда совершается и помимо ассимиляціи. Порою это дѣлается ради д и с с и м и л я ц і и съ сосѣднимъ уковымъ слогомъ, порою—не безъ вліянія кое-какихъ аналогій. Вспомнимъ, напр., зап. к *о* р у в à т и с я вм. обычнаго к *у* р у в а т и с я (=лѣчиться, sich kurieren), п л ь *о* н д р у в а т и вм. обычнаго п л *ю* н д р у в а т и (=расхищать, plundern), вост. б *о* м а́ г а (откуда, по стр. 241, и б *а* м а г а) вм. б *у* м а́ г а, *о* ю н вм. *у* ю н (=в ' ю н. вьюнъ) **), юж.-кіев. *о* се́ л ь н я вм. обычнаго [г] *у* с е л ь н я (=гусеницы, собир.), и т. п. локализмы, среди которыхъ лишь смѣшеніе начальныхъ предлоговъ *о* и *у* (напр.

*) См. техническій словарь Василенка, стр. 73.

**) Срв. у Номиса: Украïнські приказки, 62.

„*о*труї́ти“ и „*у*труї́ти“=отравить) оказывается явленіемъ болѣе или менѣе повсемѣстнымъ, все же остальное отличается крайне узкимъ діалектическимъ (а потому рѣзко антилитературнымъ) характеромъ.

Интересно, что тотъ звукъ *о*, который діалектически возникаетъ изъ *у*, до такой степени отождествляется съ подлиннымъ, основнымъ *о*, что способенъ дѣлить всѣ судьбы основного *о*. Такъ, по ассимиляціи или по нефонетической аналогіи онъ можетъ превращаться въ звукъ *а*. Только что мы отмѣтили локальное вост.-мр. „б *а* м а́ г а“ вмѣсто „б*о*ма́га“ изъ основного „б *у* м а́ г а“ *); можемъ прибавить зап. „р *а* б а́ н о к“ вмѣсто „р*о*ба́нок“ изъ основного общемалорусскаго „р*у*ба́нок“ (=стругъ); вост. „б*а*ги́ла“ вмѣсто центральнаго (неэтимологическаго) „б*о*гила́“ при этимологическомъ зап.-малорусскомъ: „б*у*гила́“ (иначе „б*у́*гиль“, съ удареніемъ на *у́*,=высокій бурьянъ изъ петрушковыхъ, Antheriscus silvestris); и мн. др. локализмы этого рода.

Отрицательное отношеніе литературной рѣчи къ смѣшенію *о* и *у*.

Въ вышеприведенномъ очеркѣ интересующаго насъ звукового явленія мы не разъ повторяли, что оно—нелитературнаго типа. Дѣйствительно: какъ старая малорусско-славянская литература XI—XVIII вѣка отвергала антиэтимологическое смѣшеніе неударныхъ *о* и *у* (мы его и узнаемъ-то лишь изъ невольныхъ описокъ), такъ и возрожденная малорусско-украинская литература отнеслась къ этому явленію вполнѣ отрицательно, и въ литературной орѳографіи смѣшеніе неударныхъ *о* и *у* она рѣзко отвергла. Критеріемъ для установленія орѳографіи въ значительной степени послужило живое произношеніе центрально-приднѣпровскихъ говоровъ: въ

---

*) Объ этомъ словѣ и его этимологіи см. стр. 256.

нихъ неударные звуки *о* и *у* (если исключить случаи смѣшенія ассимиляціоннаго, т. е. въ двухъ сосѣднихъ слогахъ) различаются другъ отъ друга сравнительно отчетливо; а вѣдь именно центрально-приднѣпровское произношеніе и служитъ обычной нормою для установленія мр. литературнаго правописанія,—прочіе же мр. говоры ужъ просто подлаживаются въ письменной рѣчи къ нему *). Кромѣ того писатели, основавшіе новомр. литературу и продолжающіе ее, руководились и теперь руководятся исторически-традиціонной научной этимологіей, которая въ установленіи мр. литературнаго правописанія вообще всегда играетъ далеко не послѣднюю роль, хотя бы и въ ущербъ живому выговору (срв. то, что сказано на стр. 217).

Тѣмъ не менѣе для нѣкотораго количества у́ковыхъ формъ и отдѣльныхъ словъ (съ неударнымъ *у* вм. *о*) послѣдовало и литературное узаконеніе. Это—тѣ формы и отдѣльныя слова, которыя имѣютъ уковое произношеніе во в с ѣ х ъ или въ безусловно преобладающемъ большинствѣ вост.-мр. говоровъ и которыя возникли не просто въ силу смѣшенія неударныхъ звуковъ *о* и *у*, но и въ силу встрѣчныхъ этимологическихъ причинъ.— Укажемъ, что́ это за формы и слова́.

§ 57. Орѳографически узаконенные случаи появленія неударнаго *у* вмѣсто болѣе стараго *о*.

Общеукраинскими, т. е. преобладающими всюду въ восточно-малорусскомъ (да и въ западно-малорусскомъ) нарѣчіи являются слѣдующіе случаи про-

---

*) Впрочемъ узаконить написаніе тѣхъ или другихъ словъ по уковому произношенію сѣверныхъ или западныхъ малоруссовъ— практически было бы невозможно, потому-что нѣтъ единообразія въ этомъ отношеніи: одни зап.мр. и сѣв. мр. говоры смѣшиваютъ *о* и *у* въ одномъ словѣ, а другіе—совсѣмъ въ другомъ, при чемъ первое слово они выговариваютъ согласно съ приднѣпровцами. Надо имъ поэтому согласоваться съ приднѣпровцами и съ исторической этимологіей.

изношенія звука *у* вмѣсто *о*, которые, какъ общіе, являются нормальными и для грамматики.

а) Глаголы на *у*вáти, *ю*вáти.

На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены ореографически-узаконенныя ўковыя глагольныя окончанія неопр. н—нія: *у*вати и *ю*вати, которымъ по-русски соотвѣтствуютъ окончанія: „овать,... евать", равно какъ „ывать, [j]ивать" *). Всюду (или почти всюду) малоруссы произносятъ, а потому и грамматически пишутъ: торг*у*вáти=(торг*ов*ать), куп*у*вáти (=покупать, срв. церк.-слав. (**коуповати**), дар*у*вáти (=дарить, **даровати**), прац*ю*вáти (=трудиться, pracować), танц*ю*вáти (=танцовать), мал*ю*вáти (=рисовать, срв. „малевать"), во*ю*вáтися (=воевать), випис*у*вати(=выписывать), підмальóв*у*вати (=подрисовывать), підскóк*у*вати (=подска-

*) Русское окончаніе—ивать,—ывать часто бываетъ, кажется, не исконно этимологичнымъ. Таково, напр., русское „распытывать" при старо-русскомъ „роспытовати". Мр. „роспитувати" имѣетъ прямого предка въ старо-кіевскомъ **роспытовати** (Изборн. Святослава 1073 г., л. 10 б), да и по церковно-славянски въ этомъ глаголѣ былъ суффиксъ **ов**. Но все равно, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда русскому окончанію „ывать", „ивать" соотвѣтствуютъ показанія и церковно-славянскаго языка и другихъ славянскихъ, малорусскій языкъ искони зналъ только окончанія „овàти", „*jö*вати", изъ которыхъ возникли нынѣшнія „*у*вати" и „ювати" (не позже XIII вѣка, какъ увидимъ ниже).—Вообще между славянскими языками въ этомъ отношеніи замѣтна двойственность. Основы *ы*ва, *и*ва (производныхъ глаголовъ VI класса) свойственны языку русскому и обыкновенно польскому, рѣже церковно славянскому, отчасти сербскому и словинскому; а соотвѣтственныя основы *о*ва, *йо*ва свойственны языку малорусскому и болгарскому (гдѣ *ов* превращается тоже въ *ув*], почти всегда церковно-славянскому (**ов**), часто сербскому и словинскому, чешскому, словацкому (и тутъ часто съ переходомъ *о* въ *у*), лужицкому. При этомъ встрѣчаются, конечно, въ разныхъ славянскихъ языкахъ колебанія въ разныя стороны; но для насъ практически важно помнить лишь одно,—что тамъ, гдѣ по-русски производныя основы имѣютъ тему *ы*ва, по-малорусски имѣется *у*ва (изъ болѣе стараго *о*ва).

кивать) *), в и с т р ó *ю* в а т и (=выстраивать), в и с т ó *ю* в а т и (=выстаивать), и т. п. Въ этихъ и имъ подобныхъ словахъ никогда не нужно писать букву *о*, а всегда—букву *у*, потому что фонемы „торг*о*вáти“ или „випи́с*о*вати“ не только въ восточно-малорусскомъ нарѣчіи, но и почти нигдѣ у малоруссовъ не слышны.

Очень вѣроятно, что звукъ *у* или *ю* въ окончаніяхъ у в а т и, ю в а т и твердо укрѣпился всюду подъ вліяніемъ ударныхъ формъ наст. времени, типа т о р г *ý* ю, м а л *ю́* ю **). Слѣдовательно, эти формы имѣютъ, по своему происхожденію, очень мало общаго со смѣшеніемъ неударныхъ звуковъ *о* и *у*. Не даромъ же окончаніе *у* в а т и, а не *о* в а т и слышится даже въ тѣхъ украинскихъ говорахъ, которые вовсе свободны отъ смѣшенія неударнаго *о* съ *у*; и напротивъ—какъ-разъ въ сѣверно-мр. говорахъ, чрезвычайно склонныхъ съуживать всякое другое неударное *о* въ *у*, мы порою и не слышимъ окончанія *у* в а т и, а слышимъ явственное *о* в а т и. Типичный сѣв.-мр. примѣръ — Кобринское „м *у* р д *о* в á т и“ (=обще мр. „м*о*рд*у*вáти“, т. е. мучить; изъ нѣм. morden), гдѣ неударное м о р превращено въ м у р, а между тѣмъ окончаніе *о* в á т и не превратилось въ *у* в á т и.

Эпоха возникновенія глаголовъ на *у* в а т и не извѣстна въ точности. Вѣроятно, какъ у болгаръ (тамъ это засвидѣтельствовано документально), такъ и у насъ формы на *у*вати возникли въ XII-омъ вѣкѣ. Но въ широкое употребленіе вошли они у насъ, кажется, лишь въ XV—XVI вѣкѣ.

---

*) По-русски пишется здѣсь окончаніе „кивать“ вм. „кывать“.

**) Таково мнѣніе Ягича (см. Archiv für slav. Philol., T. II, 1877, стр. 358). Потебня (въ „Замѣткахъ о мр. нарѣчіи“, стр. 50) подчеркивалъ ассимилирующее вліяніе звука *в*, имѣющаго сродство со звукомъ *у*. Повидимому, надо принять одновременно оба объясненія: Потебни и Ягича.

Въ буковинскомъ болгарско-Софійскомъ Ев-і и XIII вѣка глаголы на *у*вати очень часты,—напр. „вѣр*у*ваша" (л. 8 об., л. 9), „възрад*у*ватися" (л. 11 об.) и проч.

Въ буковинскомъ таможенномъ договорѣ 1407 года воеводы Александра со львовскими и подольскими купцами (=Голов. № 28, стр. 29): „волно имъ ходити и торг*у*вати соби по усѣхъ торгахъ нашихъ".

Въ галицкомъ Каменецъ-Струмиловскомъ Ев-і и 1411 г: „запл*ю*ваше" (л. 60). Въ этомъ глаголѣ первоначальное произношеніе было съ ѣ, а не съ є (церк.-слав. **плькати**), такъ что онъ нѣсколько отличается отъ примѣровъ предыдущаго типа; замѣтимъ, что звукъ *ю* можетъ сохраняться въ немъ и при ударности (срв. страд. прич. „запл*ю́*ваний"); церк.-слав. памятники (правда, не самые старые) пишутъ **ю** въ этомъ глаголѣ часто.

Въ буковинской присягѣ 1452 г. воеводы Александра королю Казиміру (=Улян. 79): „а панъ нашъ королъ абы насъ миловалъ и опас*у*валъ отъ нашихъ непріятелевъ, яко свои голдовники".—То же въ присягѣ 1462 г. боярской рады воеводы Стефана: „слюбуємъ „и запис*у*ваємся не отхилитися отъ нашего милого господаря, отъ короля єго милости".—Попадаются такіе примѣры и въ другихъ буковинскихъ грамотахъ XV вѣка. Особо стоятъ начертанія типа „доб*у*вати" (напр. въ грам. 1457 г.=Улян. 94) *).

Изъ волынскихъ памятниковъ старѣйшіе, сколько помню, примѣры такого рода даются Пересопницкимъ евангеліемъ 1561 г. (изд. Жит.): „и били по главѣ єго тростію и пл*ю*вали на него" (18); и якь [Петръ] І[су]са опл*ю*ваного, посмѣваного, по лицу битого, три разы ся запрѣль" (71; ь=ъ; удареніе въ „опл*ю́*ваного"—на *ю*).—Въ волынскихъ кгродскихъ книгахъ XVI в. (луцкихъ, владимірскихъ) глаголы на *у*вати обычны.

Несомнѣнно, что обычны были въ XVI в. *у́*ковыя формы глаголовъ 6-го класса и для кіевскихъ земель. Срв. въ

---

*) „Добувати" происходитъ отъ глагола „б*у*ти", возникшаго изъ „быти". Срв. объ этомъ *у* т. II, стр. 22. Ниже мы еще вернемся къ этому глаголу,—см. стр. 484.

описаніи кіевскаго замка 1552 г. *): „буд*у*ване в замъку“ (106).—Въ XVII вѣкѣ онѣ проскальзываютъ даже у схоластическихъ кіевскихъ писателей, хотя вообще тѣ гнушались писать живой рѣчью и старались, на польскій ладъ, употреблять въ письмѣ окончанія *ы* вати, *и* вати. Напр., у черниговца Ант. Радивиловскаго въ его „Огородкѣ“ (К. 1676) наряду съ полонистическимъ образованіемъ „усмотриваютъ“ (467) мы встрѣчаемъ и живое народное „усмотр*у*вала“ (3); срв. тамъ же: „запорош*у*вати“ (621), „поскупов*у*валъ“ (915).

Въ глаголѣ хова́ти (=прятать; корень хов, наст. вр. ховаю) и вповати (=уповать; корень пов, изъ пъв; наст. вр. вcomponents) всегда отчетливо слышится звукъ *о*, а потому нельзя писать „хувати“ и „впувати“. По той же причинѣ лучше писать *о* въ кова́ти (въ смыслѣ ковать); но другой глаголъ: „кува́ти“ (въ смыслѣ „куковать“) **) отчетливо произносится, а потому и пишется съ *у* ***).

При случаѣ добавимъ, что тѣ малорусскіе глаголы, односложный корень которыхъ оканчивается на *и* (ж*и*ти, б*и*ти, л*и*ти, п*и*ти, в*и*ти) и на *ы* (кр*ы*ти, в*ы*ти, м*ы*ти), при образованіи производныхъ формъ несовершеннаго или многократнаго вида съ окончаніемъ -вати сохранили свои коренные звуки *и* и *ы* въ цѣлости и потому образовались съ окончаніями *и*вати и *ы*вати, а не *е*вати и не *о*вати. Поэтому мы и донынѣ слышимъ у малоруссовъ: „прож**и**ва́ти“

*) Изд. въ „Архивѣ Юго Зап. Россіи“, ч. 7-ая, т. I. см. стр. 106.

**) Онъ и происходитъ, черезъ сокращеніе, отъ глагола „кукувати“, теперь мало гдѣ ужъ употребительнаго у малоруссовъ.

***) Замѣтимъ кстати, что теперь глаголъ „кувати“ (=куковать) спрягается совершенно такъ же, какъ „ковати“, т. е. ку*ю́* куєш, кує и т. д. съ удареніемъ на концѣ. Но въ пѣсняхъ можно еще наблюдать остатки прежняго спряженія этого глагола Напр., въ Кіевщинѣ поютъ:

Соловейко щебече,
А зозуленька к*у́*є. (NB. удареніе на *у*!)
Ой, Бог знає, Бог відає,
Де миленький мій ноч*у́*є.

(=русск. „проживать“; мр. „прож*у*ва́ти“=прож*е*вать), „з а б *и* в а́ т и“ (=русс. „заб*и*вать“; а мр. „заб*у*ва́ти“= заб*ы*вать), „п о л *и* в а́ т и“ (=пол*и*вать; а мр. „полю-ва́ти“=охотиться), „в и п *и* в а́ т и“ (=вып*и*вать; напротивъ срв. мр. „нап*у*ва́ти = поить, напаивать), „п о-кр*и*ва́ти“ (=покр*ы*вать), „з а в *и* в а́ т и“ (=зав*ы*вать; зав*и*вать), „в и м *и* в а́ т и“ (=вым*ы*вать). — Такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ русскимъ окончаніямъ *ы* в а т ь и *и* в а т ь соотвѣтствуютъ и по-малорусски такія же окончанія, а не *у* в а т и, *ю* в а т и.

Въ глаголѣ „б*ы*вати“, (=соврем.-мр. б*у* в а т и), хотя его корень *бы* и односложенъ, все же произошла перемѣна окончанія *ы* в а т и на *у* в а т и. Но это—не черезъ стадію *о* в а т и: прямо *ы* замѣнилось на *у*, какъ и въ немногократной формѣ б*у* т и (=быть). Объ исторіи этого у́коваго б*у* т и и б*у* в а т и см. у насъ въ „Украин. Грамм.“ т. II, стр. 22. Добавлю лишь, что указанное мною по Супрасльской рукописи въ русской транскрипціи „б*у* л а“ выражено въ оригиналѣ посредствомъ ѵ (ижицы) т. е. **БѴЛА**, и съ успѣхомъ, пожалуй, можетъ быть прочитано также за „б*и*ла“, а не за „б*у*ла“, такъ-что этотъ примѣръ не слишкомъ надеженъ для исторіи возникновенія фонемы „б*у*ти“ и „б*у*вати“.

б) О т г л а г о л ь н ы я с у щ е с т в и т е л ь н ы я ср. р. на *у*вання, *ю*вання.

Производимыя отъ вышеупомянутыхъ глаголовъ отглагольныя существительныя на н н я, которымъ соотвѣтствуютъ въ русскомъ языкѣ существительныя съ окончаніями „ованье, еванье, ыванье, [J]иванье“, всюду въ восточно-малорусскомъ нарѣчіи звучатъ, а потому и пишутся—съ окончаніемъ *у* в а н н я, ю в а н-ня. Напримѣръ, к у п *у* в а́ н н я (=покупка, **коупованьѥ**), м а л *ю* в а́ н н я (=рисованіе, срв. „малеванье“), а не „куп*о*ва́ння“, „мал*ьо*ва́ння“, и т. д.

Необходимо замѣтить, что многіе изъ зап.-мр. говоровъ (больше всего—галицко-подольскіе) имѣютъ въ

подобныхъ словахъ не то удареніе, какое слышится въ неопр. н—ніи, а имѣютъ то удареніе, какое слышится въ страд. причастіяхъ (купóваний, мальóваний); слѣдовательно они произносятъ: к у п ó в а н [н] є, м а л ь ó в а н [н] є. Галицкіе литераторы (многіе) желали бы поэтому, чтобы восточные украинцы на письмѣ не держались въ этихъ словахъ своего повсемѣстнаго произношенія съ *ува́ння*, *юва́ння*, а чтобы писали въ нихъ буквы *о*, *ьо*, *(йо)*; при такой орѳографіи какое-нибудь к у п *о* в а н н я, п р а ц *ь о* в а н н я могло бы быть удобочитаемо и для западныхъ малоруссовъ, которые его произносили бы съ удареніемъ на *о*, а для восточныхъ малоруссовъ жертва эта была бы не слишкомъ тяжела. Противъ такого желанія можно возразить, что произношеніе съ *у* в á н [н] є, *ю* в а н [н] є далеко не чуждо и западнымъ говорамъ, не исключая тѣхъ же галицко-подольскихъ, и не всѣ галицкіе писатели нуждаются въ такой уступкѣ. Впрочемъ, рѣшеніе этого орѳографическаго вопроса еще принадлежитъ будущему. Во всякомъ случаѣ мы въ своей грамматикѣ, гдѣ за норму берется рѣчь центральной Надднѣпрянщины, будемъ писать исключительно по типу: к у п *у*-вання, п р а ц *ю* в á н н я.

в) Прилагательныя на *у* в а т и й, *ю* в á т и й.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ глаголовъ на *у* в а т и, *ю*вати, а отчасти просто подъ ассимиляціоннымъ вліяніемъ звука *в* (сроднаго съ *у*) установилось во всѣхъ малорусскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ (съ рѣдкими локальными исключеніями, которыя въ разсчетъ и не принимаются) произношеніе неударныхъ суффиксовъ *ув* и *юв* (=русск. *ов* и *ев*) вмѣсто *ов* и *ьов* (йов) въ прилагательныхъ съ окончаніемъ ...у в á т и й, ...ю в á т и й (=русск. ова́тый, еватый) вмѣсто о в á т и й, ь о в á т и й (йоватий).

Напримѣръ, всѣ говорятъ, и такъ принято писать: б і л *у* в а т и й (=бѣловатый, в и н *у* в а т и й (=вино

ватый), свинуватий (=„свиноватый", т. е. хамоватый, грубый), петлюватий (=петлистый), синюва́тий (=синеватый), лоюва́тий (=сальный, пропитанный саломъ) и пр. Въ нихъ всегда пишутся буквы *у* и *ю*, а не *о*.

Но это правило не относится къ очень близкому такому же окончанію: овйтий, ьовйтий *), и вообще не относится оно къ другимъ случаямъ неударности именныхъ суффиксовъ **ов** и **єв**. Нельзя, поэтому, писать „боювйй", но надо исключительно бо*й*о*в*йй (=боевой); нельзя писать: „з Ка́нюва", но надо вмѣсто этого: з Ка́нь*о*ва (=изъ Канева) **). Также нельзя писать „голува́", „голува́тий" вмѣсто голова́ (=голова), голова́тий (=головастый) ***), потому-что здѣсь *ов* есть часть корня, а не суффиксъ.

г) Отдѣльные случаи орѳографически-узаконеннаго появленія *у* вм. ожидаемаго неударнаго *о*.

Сверхъ упомянутыхъ трехъ формъ, (типа „купува́ти", „купування" и „білува́тий") есть еще очень небольшое количество отдѣльныхъ словъ, въ которыхъ литературная орѳографія узаконила неударное *у*, обыкновенно при этомъ неизгоняя правописанія тѣхъ же словъ съ *о*. Такихъ словъ можно насчитать чуть-чуть побольше десятка. А именно: можно писать безразлично букву *у* или букву *о* въ слѣдующихъ словахъ, въ которыхъ звукъ *у* всюду слышится чаще, чѣмъ звукъ *о*:

1) Па́р*у*бок (=молодой неженатый человѣкъ);

---

*) Слѣдовательно, надо строго писать: дух*о*в*й*тий (ароматный), сок*о*в*й*тий (=сочный). працьов*й*тий (=трудолюбивый), грош*о*в*й*тий (=богатый деньгами), гной*о*в*й*тий (=богатый навозомъ,—хотя параллельно „гною*в*а̀тий") и т. п.

**) Можно, конечно, писать и „Канева", съ буквою *е*, согласно тому склоненію, которое указано въ т. II, стр. 80.

***) Слово „гол*у*ватий будетъ означать по-малорусски „довольно голый", а не „головастый".

произношеніе съ у (по пріуроченію къ корню „ржб") всюду въ этомъ словѣ господствуетъ, хотя корень слова есть „роб", и старокіевская лѣтопись знаетъ только „паробъкъ" *).

2) Отруї́ти (= отравить), — срв. ударное отру́я (=ядъ), отру́єний (=отравленный), наряду впрочемъ съ отрóєний. Не значитъ ли троудъ ядъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ" XII в. (—соврем. мр. трута)? „Чрьпахуть ми синее вино, съ трудомь смѣшено" (=сонъ Святослава).

3) Воруши́ти (=шевелить), — срв. ударное зап. ворýшити, не ворýш.

4) Яблуня (=яблоня),—гдѣ блу есть своеобразная звуковая передача глухого сочетанія блъ **).

5) Уп'ять (=опять), — оно въ силу своей обычности и чередованія съ вп'ять завоевало уже себѣ всѣ права гражданства въ литературѣ и употребляется параллельно съ оп'ять. Несомнѣнно, что здѣсь мы гораздо больше имѣемъ дѣло со смысловымъ смѣшеніемъ предлоговъ *о* и *у* (=*въ*), чѣмъ со смѣшеніемъ неударныхъ звуковъ *о* и *у*.—Въ сложныхъ глаголахъ

---

*) Въ сущности звукъ „руб" получился въ основѣ „паробък" около XIII вѣка изъ долгаго рôб, или изъ руоб, которое, подъ вліяніемъ корня „рѫб", не перешло въ ожидаемый звукъ *і*. Мы ждали бы изъ „парôбъка" фонему „парíбка", но она вост.-мр нарѣчію чужда, и оно знаетъ лишь „парýбка".—О законѣ замѣстительной долготы см. стр. 141.

**) Быть можетъ, въ какой-то нефонетической связи съ глухимъ лъ оказывается и звукосочетаніе *лу* въ вост.-мр. словѣ пóлум'я (—пламя), тогда какъ мы ждали бы той же явственной полногласной формы пóлом'я (съ удареніемъ на *ло*), которая извѣстна у малоруссовъ западныхъ. Русское „полымя" ближе стоитъ къ формѣ восточно-малорусской, чѣмъ къ западно-малорусской.

смѣшеніе и чередованіе начальныхъ предлоговъ *о* и *у* происходитъ особенно часто **).

7) Кожум'яка (при галицкомъ кож*е*м'я́ка),—потому что фонема „кож*о*м'я́ка" почти нигдѣ у вост.-малоруссовъ не слышна; очевидно, это слово подверглось аналогіи сло́ва: „кож*у́*х".

8) Ма́рм*ур* (=мраморъ, лат. marmor), зна́х*ур* (=знахорь, знахарь) и ка́ч*ур* (=селезень) несравненно чаще звучатъ съ *у*, чѣмъ съ *о* потому—что всѣ три слова пріурочены къ самостоятельному суффиксу *ур*. ***).

9) Дозволительно писать ма́ч*у*ха (наряду съ болѣе рѣдкимъ ма́ч*о*ха), гдѣ укрѣпленіе звука *у* вызвано аналогіей обычнаго окончанія ж. р. ...у́ха (срв. говору́ха=говоруха, скаку́ха=скакунья, гречу́ха=гречиха, тоже что гре́чка,—и т. п.).

10) Простонародныя слова к*у*ме́д*и*я (=курьезъ, потѣха) и к*у*ме́дний (=курьезный, странный) пишутся съ буквою *у* тогда, когда они употребляются въ томъ вульгарномъ значеніи, какое указано въ скобкахъ. Но терминъ к*о*ме́д*і*я (=κωμῳδία, comoedia, извѣстный родъ драматическаго, творчества), к*о*мі́чний

**) Напр., въ зап. глаголѣ *у*дуріти (сокращ. *в*дуріти), сверхъ котораго имѣется еще глаголъ *о*дуріти, звукъ *у* не есть замѣна звука *о*: это—просто предлогъ *у*, отличный отъ предлога *о* (срв. *у*ча̀дїти = угорѣть). По смыслу оба глагола *о*дуріти и *у*дуріти почти тождественны (=одурѣть, съ ума сойти), но первый глаголъ передаетъ болѣе сильную степень. То же надо сказать о глаголахъ *о*пектися (или *об*пектися = сильно обжечься) и *у*пектися (=ожечься полегче), иначе *в*пектися.

***) Начертаніе „марм*у*ръ" извѣстно въ памятникахъ XV в.,—напр. въ жидовствующемъ кіевскомъ переводѣ „Эсѳири" (въ рукописи Виленск. Публ. Библ. № 262, о которой см. стр. 382): „и столпы имаръм*у*ровы", „на помостѣ багата имаръм*у*ра" (гл. I, 6 и 7).

(=comicus, комическій) и т. п. техническія слова пишутся непремѣнно съ буквою *о* [1]). Да и слово к о м е д і я́ н т (если оно попадется не въ простомъ, жанровомъ, стилѣ) пишутъ съ буквою *о*, а не въ видѣ к *у* м е д *и* я́ н т; но, конечно, вполнѣ вульгарное к у м е д и я́ н щ и к надо писать съ *у*.—То же правило относится къ слову к *у* м п а н ї я. Въ вульгарномъ смыслѣ („веселое сообщество", „пріятельское содружество") оно пишется съ *у* (срв. пословицу: з а к у м п а́ н ї ю й ж и д и́ в і ш а ю т ь с я=за компанію и евреи вѣшаются), но коммерческій терминъ к *о* м п а́ н ї я (=compagnie, company) надо писать съ *о* [2]).

11) Сюда же относится діалект кіевское и черниг. чередованіе с т *о* п и́ ц я и с т *у* п и́ ц я (=спица) [3]).

---

[1]) Обратимъ вниманіе, что вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется и окончаніе. Въ вульгарномъ к у м е д и я мы имѣемъ окончаніе ия (чит. „кумэдыя"), а въ терминѣ к о м е́ д і я мы сохраняемъ греческое и латинское мягкое окончаніе... їя.

[2]) Вмѣсто чужого термина „компанія" малоруссы имѣютъ свой прекрасный терминъ: с п і л к а. Напр т о р г о́ в а с п і л к а=коммерческая компанія.

[3]) Мнѣ не извѣстно, пользуется ли это слово съ *т* распространеніемъ внѣ Кіевщины и Черниговщины, гдѣ оно во всякомъ случаѣ почтенный архаизмъ. Со звукомъ *Т* мы встрѣчаемъ „с*т*ъпиця" въ майской Четьѣ-Минеѣ XII в (Успенскомъ Сборникѣ, съ произведеніями Нестора Печерскаго), именно въ мученіи св. Ирины: „Повели, да привяжють ю близь колесе, яко досязати с *т* ъ п и ц а м ъ колесьныимъ пазуху ея" (л. 77 b).—Послѣ паденія глухихъ большинство мр. говоровъ превратило „с*т*ъпиця" въ „с*т*пиця", а оттуда—просто въ „спиця", безъ *т*. Судя по галицкимъ грамотамъ, это случилось въ началѣ XV в.: тогдашній воевода снятинскій титулуется въ грамотахъ 1398 г., 1409 и 1418 г. то „панъ Миколаи С*т*пичьникъ", то „панъ Миколаи Спичникъ" (см. по изд. Голов. № 13, стр. 15; № 30, стр. 34; № 31, стр. 35).—О древности присутствія звука *т* въ этомъ словѣ свидѣтельствуетъ и чешскій языкъ; срв. старо-чешское s*t*pice, равно какъ и въ верхнелужицкомъ мы донынѣ имѣемъ s*t*pica, s*t*vica..—Часто спица называется у малоруссовъ ш п и ц я; этотъ звукъ *ш* возникъ едва ли безъ вліянія нѣмецкаго, вообще сильно отражающагося на всѣхъ ремесленныхъ терминахъ (Speiche=спица; срв. мр. „шпичка",—въ смыслѣ „заостренная палочка",—и русск. „спичка" =нѣм. Spitze, стар. верхненѣмецкое Spi*zz*i). И по-польски s*z*pica.

12) Имя „*Ю* х и м" (=Евфимъ) такъ часто слышится со звукомъ *ю* въ живой рѣчи, что у многихъ писателей являлась наклонность литературизовать эту форму вмѣсто или съ сохраненіемъ этимологическаго „*И о* в х и м", „*И о* х и м" [1]). Не лишено вѣроятія, что форма „*Ю* х и м" и сдѣлается со временемъ общепризнанной. (Покамѣстъ однако, въ ней чуютъ вульгаризмъ, такъ-что, пожалуй, гораздо больше шансовъ на литературность имѣетъ не она и не „Йохим", а третья форма—„Ї в х и м", наиболѣе близкая по своему выговору къ церковнокалендарному „Евфимій").

д) По поводу предлога *су*.

Даже въ тѣхъ мр. говорахъ, которые не склонны смѣшивать неударныя *о* и *у*, существуетъ рядъ словъ, въ составъ которыхъ входитъ предлогъ, звучащій *су* и иногда имѣющій себѣ соотвѣтствіе въ русскомъ *со*. Его надо писать не иначе, какъ въ видѣ *су*, потому что малорусскій предлогъ *су* происходитъ не изъ *со* [2]), но изъ болѣе архаичной юсовой формы, изъ **сѫ**.

Слѣдовательно, надо по-малорусски всегда писать: с*у*сі́д (=сосѣдъ), с*у*мéжний (=смежный, „сомежный", т. е. пограничный), с*у*пі́рник (=соперникъ), с*у*ту́жний (=трудный, затрудненный),

---

[1]) О происхожденіи начальнаго *Йо* см. стр. 398, гдѣ вообще указана исторія этого имени. Съуженіе формы „*Йо*вхим" въ „*Ю*хим" произошло подъ ассимилирующимъ вліяніемъ звука *в* послѣ *йо*.

[2]) Предлогу со (=**съ**) соотвѣтствуетъ у малоруссовъ предлогъ *з*, *зо*. Лишь въ очень небольшомъ количествѣ словъ, сложныхъ со старымъ предлогомъ **съ**, малоруссы сохранили звукъ *с* и не замѣнили его посредствомъ *з* (срв. „*с*вблок", „*с*óвість"); это—тѣ слова, въ которыхъ предлогъ *съ* не давалъ себя чувствовать, какъ п р е д л о г ъ, а напротивъ—представлялся какъ бы частью корня (срв. „свблок"), или тѣ слова, которыя носили священно-церковный характеръ (какъ „совість").

с*у*тенíти (=темнѣть, смеркаться, с*у*постáт (=злой врагъ, супостатъ)****) и т. п., а не „сосід" и т. п.

Исключеніе дѣлается для церковнославянскихъ словъ, типа соп*ý*тник, гдѣ и произносится и пишется *со* *****).

Съ буквою Ж слово сжсѣдъ и подобныя мы встрѣчаемъ въ самыхъ старинныхъ рукописяхъ,—какъ въ чистыхъ церковно-славянскихъ, такъ и въ стариннѣйшихъ рукописяхъ малорусскихъ.

Не приводя выписокъ изъ памятниковъ церковно-славянскихъ, ограничимся для примѣра нѣсколькими древне-малорусскими.

а) *Сусід[а]*. Въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1076 г.: „(Непостоянство мира сего можно) явѣ видѣти въ дъвоихъ с*у*сѣдѣхъ: у сихъ сватьбу творять а у другыихъ мрьтвьца плачють" (л. 10 а).—Въ разныхъ спискахъ съ противолатинскаго посланія кіевскаго митрополита Никифора (1104—1121) къ волынскому князю Ярославу Святополковичу (уб. 1123 г.): „Понеже земля лядская въ с*у*сѣдѣхъ у тебе есть" [1]).—Въ Галицкомъ Четвероевангеліи 1144 г.: „съзываєть другы и

****) Рѣдкое произношеніе сопостáт (которое мнѣ пришлось услышать отъ нѣкоторыхъ подолянъ) вызвано стремленіемъ уподобить слогъ су слогу по, т. е. тѣмъ же стремленіемъ, которое въ другихъ мѣстахъ вызываетъ фонему: супустáт. Но огромная часть малоруссовъ очень явственно произноситъ супостáт.—Поэтому и глаголъ, соотвѣтствующій русскому сопоставить, надо по-малорусски писать „супостáвити". (Глаголъ этотъ, впрочемъ, рѣдокъ,—вм. него употребляютсй глаголы: „порівняти", порівняти рáзом, постáвити пóруч, т. е. „поставить рядомъ" и т. п.).

*****) Такія слова, какъ „сопутник",—хоть и церковно-славянизмы, можно все же услыхать изъ устъ народа. Но совершенно непонятнымъ для народа церковнымъ архаизмомъ является заглавіе Шевченковскаго стихотворенія: „Моїм соузникам": этого слова или вовсе не понимаютъ, или полагаютъ что оно значитъ „союзникамъ".

1) См. о спискахъ Посланія—у А. Попова: „Обзоръ полемич. сочиненій противъ латинянъ" (М. 1875), стр. 108—118.

сусѣдыня" (Луки 15: 9;=сосѣдокъ).—Понятно, то же—и въ галицкихъ грамотахъ,—напр. въ удостовѣрительномъ листѣ галицкаго старосты Оты 1371 г. (=Гол. № 4, стр. 8) на купленную землю: „А се сусѣде околнии—Онисимъ".

б) *Сумнѣватися, сумнѣтися, сумнѣння.* Въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г.: „Жена бо бестудьна ничьсо же не сум'ниться (=не боится),—ни пр[о]рока стыдиться, ни с[вя]т[и]т[е]ля срамляеться" (л. 172; см. еще л. 31); „иже ветъхыя требы въкушааху, много имяаху сумьнѣние" (л. 52;=благоговѣніе, добросовѣстное отношеніе); „бл[а]гочьстьнууму разуму и.....о божьствьныихъ сумьнѣнию" (л. 47,=благоговѣйному отношенію) [1]).—Въ Изборникѣ 1076 г.: „любити Б[ог]а, боятися, сумьнѣти и служити ему" (л. 106 б). Въ этомъ же смыслѣ (=„благоговѣть") попадается „сумьнѣтися" и во многихъ другихъ старѣйшихъ нашихъ памятникахъ (между прочимъ—въ Несторовомъ Житіи Өеодосія по Успенскому списку XII в.), но одновременно попадается оно и въ смыслѣ „колебаться, сомнѣваться"; срв. червонорусскія Слова Григорія Богослова XI в. (л. 79 b; л. 89 b). Изъ болѣе позднихъ изобильнѣйшихъ примѣровъ упомянемъ лишь въ монастырскомъ сѣв.-кіевскомъ (вѣроятно, Кіево-Печерскомъ) Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20: „Рече [Іисусъ къ Іоанну Предтечѣ]: О, кр[е]с[ти]т[е]лю! дивлю ти ся сумнѣнью!" (л. 142 d).

в) *Супротивний, супротивник, супротивитися.* Въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г.: „Б[о]жьскууму писанию супротивящеся" (л. 4); „супротивиться мудрости лукавьство, правьдѣ же—насилие" (л. 62); „отъвѣтъ супротивьнъ" (л. 233) и мн. др.—Въ Несторовомъ Житіи Өеодосія Печерскаго по Успенск. списку XII вѣка: „моляхуть й не супротивитися ему" и др. Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в.: „акы къ супротивьнику" (л. 61 а).

г) *Сумежний, суміжжя* (=порубежье). Срв. въ Кіевской лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 6694=1186 г.: „поидемъ к нимъ на сумежье".

Вообще примѣровъ этого рода можно подыскать по нашимъ старымъ рукописямъ сколько-угодно.

---

[1]) Въ близкомъ къ этому смыслѣ донынѣ слово „сумлїння" употребляется въ правобережныхъ говорахъ, гдѣ оно означаетъ „добросовѣстность", а то и просто „совѣсть".

е) Опредложномъ сочетаніи *зу*.

Отъ предлога *зо*, который происходитъ изъ стариннаго **съ** или изъ сочетанія **изъо** (это мы видимъ напр. въ глаголѣ зоста́тися, происходящемъ изъ „из'остатися"), надо отличать приставку *зу*, которая возникла изъ *зъу*, т. е. представляетъ собою такое сочетаніе двухъ предлоговъ, гдѣ одинъ предлогъ есть *з*, могущій имѣть у малоруссовъ происхожденіе разное [1]), а другой предлогъ есть *у*.

Поэтому всегда пишутъ не съ *о*, но съ *у* слова́: з*у*пинити (=остановить), з*у*стрі́ти (=встрѣтить), з*у*гарний (=способный); зап.: зухва́лий (=наглый, дерзкій). Звукъ *у*, и безъ того въ нихъ очень явственный, дѣлается вполнѣ рельефенъ подъ удареніемъ въ такихъ словахъ, какъ зу́пинка (=остановка, задержка), зу́стріч (=встрѣча), зап.-мр. зу́хваль (=наглость, дерзость).

Какъ сказано, это *зу* возникло, изъ двухъ предлоговъ: такъ, зупини́ти возникло изъ болѣе стараго „съупинити"; зустріти изъ „съустрѣти", „съвъстрѣти"; зугарний изъ „съугарный", „съвъгарьный" (и теперь еще наряду съ незугарен—„неспособенъ" можно услыхать невгарен; срв. „Основу" 1861, кн. VIII, 20), зухва́лий—изъ „изупъвалый" [2]), и пр., и пр.

ж) Узаконенные орѳографіей случаи появленія *о* вм. неударнаго *у*.

До сихъ поръ мы говорили о тѣхъ случаяхъ, когда въ малор. литературной рѣчи пишется буква *у* вмѣсто

---

[1]) Именно: или изъ стариннаго **съ**, или изъ стариннаго **из**, или изъ стариннаго **къз**.

[2]) См. рецензію Р. Ѳ. Брандта (стр. 27) на Etymologisches Wörterbuch Миклошича—отт. изъ „Русскаго Филолог. Вѣстника" 1887. Это—тотъ же корень, что и въ соврем. глаголѣ „уповати", но пріуроченный къ глаголу „хвалитися".

ожидаемой буквы *о*. Но—см. стр. 474 и 477—случается въ малорусскомъ языкѣ дѣло такъ, что не только неударное *о* съуживается въ *у*, но и наоборотъ: неударное *у* превращается локально въ *о*, и говорятъ „х*о*дóба" вмѣсто „х*у*доба", „рóз*о*м" вм. „рóз*у*м", „*о*сéльня" вмѣсто „г*у*сéльня" (=гусеницы). Въ литературномъ правописанiи это явленiе строго преслѣдуется и затушевывается.

Существуетъ тѣмъ не менѣе нѣсколько словъ съ зачиннымъ *о* вмѣсто первоначальнаго *у*, которыя и литературно узаконены въ этомъ своемъ óновомъ видѣ, потому-что óновое произношенiе ихъ слышится повсемѣстно и иногда даже преобладаетъ въ восточныхъ говорахъ надъ у́ковымъ, равно какъ и потому, что въ нихъ мы имѣемъ дѣло не столько съ вульгарнымъ фонетическимъ смѣшенiемъ неударныхъ звуковъ *о* и *у*, сколько съ этимологическимъ (или—вѣрнѣе—лжеэтимологическимъ) чередованiемъ предлоговъ *о* и *у* (и *в*). Надо однако твердо помнить, что старое у́ковое ихъ правописанiе вовсе не изгоняется допущенiемъ óноваго, но продолжаетъ практиковаться по прежнему, лишь чередуясь съ правописанiемъ óновымъ.

Вотъ эти слова:

о к р í п (=кипятокъ) наряду съ *у* к р í п [1]). Обѣ формы одинаково въ ходу.

---

[1]) Форму съ зачиннымъ *о* наши старые памятники для этого слова совсѣмъ не употребляютъ, тогда какъ „*у*кропъ" въ нихъ попадается постоянно (въ смыслѣ лишь „теплой воды", а не „кипящей воды", какъ теперь). Между прочимъ встрѣчается оно и въ Несторовомъ Житiи Θеодосiя по Успенскому Сборнику XII в.: „[непослушнымъ монахамъ] тѣсто мѣсящемъ и пакы имъ лѣющимъ *у* к р о п ъ въ не, и се обрѣтеся ту жаба" (л. 52 d).— При случаѣ замѣтимъ, что р у с с к о м у слову „укропъ" (означающему извѣстное пряное растенiе feniculum) искони соотвѣтствуетъ по-малорусски слово „к р і п" (род. к р ó п у), соотвѣтствующее церк.-славянскому „копръ", безъ всякаго гласнаго звука въ началѣ. Срв. въ Синодальномъ Студiйскомъ Уставѣ ок. 1193 го-

о н ý к (=внукъ) наряду съ болѣе частымъ *у* н ý к.

о д о в é ц ь и *о* д о в и́ ц я (=вдовецъ, вдова) при *у* д о в é ц ь и *у*довúця (и, конечно при основномъ *в* д о в é ц ь, *в* д о в и́ ц я, *в* д о в á).

О л я́ н а (=Јуліанія)—при болѣе рѣдкомъ *У* л я́-на. Несомнѣнно, что здѣсь примѣшалось вліяніе подобозвучнаго имени „Олена".

о п и́ р (=упырь) наряду съ неокончательно забытымъ, но забываемымъ *у* п и́ р [1]), въ которомъ начальный звукъ *у*—„юсоваго" происхожденія [2]).

Кромѣ того существуетъ нѣкоторое количество глаголовъ и существительныхъ, которые въ другихъ славянскихъ языкахъ (напр. въ русскомъ, польскомъ) имѣютъ въ началѣ предлогъ *у*, тогда какъ въ малорусскомъ языкѣ они чаще начинаются съ *о*, и для нихъ принято правописаніе съ *о*. Въ большинствѣ случаевъ почти нѣтъ возможности рѣшить относительно ихъ, дѣйствительно ли примѣшалась сюда мр. фонетическая

да (=по описанію Горск. и Невостр. № 380), который или писанъ въ Кіевѣ, или списанъ съ кіевскаго оригинала: „ѣсти....съ зелиємь, яко съ к р о п ъ м ь и чябръмь" (л. 205); „а въ сочиво.... да въсыплють к р о п ъ тьренъ" (тоже л. 205); „въ гърньць—масла не въливати, нъ въ то мѣсто орѣхы тълчены, къ симъ и к р о п ъ" (л. 207). Въ этомъ же Студійскомъ Уставѣ ок. 1193 г. слово „*у*кропъ" (съ *у*) относится къ кипяченой водѣ: „въ гъльцѣхъ *у* к р о п ъ" (л. 198 об., =соврем. кіев. „в глéках укріп"). Можно отмѣтить „кропъ" и въ старинныхъ памятникахъ западно-малорусскихъ. Такъ, въ Галицкомъ Евангеліи 1266—1301 г. видимъ: „одесятьствуете мяту, к р о п ъ и куминъ" (=Матѳ. XXIII, 23).

[1]) Въ Галичинѣ у лемковъ это слово пріобрѣтаетъ звуковые виды: „упі*р*", „*в*пір" (выговаривается „*ф*пір"), а оттуда—даже „*х*пір".

[2]) Срв. старо-бактр. „vyámbura-daeva", европейск. „Vampir". Очевидно, старо-славянская форма звучала **ѫпырь**, съ носовымъ звукомъ „большимъ юсомъ" въ первомъ слогѣ. Польское *u*piór, *u*pierzyca (безъ носоваго звука) есть очевидное заимствованіе отъ малоруссовъ.

путаница неударныхъ звуковъ *о* и *у*, или же всѣ или многіе малоруссы сознательно употребляютъ въ такихъ случаяхъ предлогъ *о*, отличая его по оттѣнку отъ предлога *у*. Иногда это можно провѣрить на словахъ заимствованныхъ. Такъ напримѣръ вост.-мр. слово „*о*сàдьба", заимствованное изъ русскаго „*у*садьба", и произносится и пишется съ *о*,—и это такъ и слѣдуетъ, потому что малоруссы, заимствовавши отъ русскихъ этотъ терминъ, пріурочили его къ своимъ исконнымъ малорусскимъ словамъ: „*о*сади́ти" (=колонизировать, населить, основать), „*о*са́да" (=новый поселокъ, колонизованный пунктъ, усадьба), „*о*са́дчий" (=насельникъ, колонизаторъ), а вовсе не спутали неударныхъ звуковъ *о* и *у*. Скорѣе ужъ можемъ мы думать о фонетической путаницѣ тогда, когда вмѣсто ожидаемаго окрика „*у*ступи́ся!" (=отойди въ сторону, подвинься прочь) слышимъ „*о*ступи́ся!" *). Тѣмъ не менѣе глаголъ „*о*ступи́тися" (въ смыслѣ „отойти прочь, устраниться") принятъ и въ литературную рѣчь съ начальной буквой *о* [1]).

з) Примѣчаніе. О чередованіи *ударнаго о* съ *у*.

До сихъ поръ мы дѣло имѣли со смѣшеніемъ или чередованіемъ звуковъ *о* и *у* неударныхъ, =явле-

---

*) Въ отвѣтъ на „*о*ступи́ся!" мы можемъ услышать: „ба не *в*ступлюся", со звукомъ *в*, который естественно указываетъ собою, что зачиннымъ предлогомъ этого глагола сперва было *у*, сократившееся послѣ гласнаго звука *е* въ *в* (иначе сказать: „*не у*ступлюся" сократилось въ „*не в*ступлюся").

[1]) Такимъ образомъ, этотъ глаголъ *о*ступа́тися (изъ *у*ступа́тися, въ смыслѣ „отойти") совпалъ по своей звуковой формѣ съ другимъ малорусскимъ глаголомъ „*о*ступа́тися за ким" (въ смыслѣ „заступаться за кого"), гдѣ начальный звукъ *о* равносиленъ предлогу *об*.

ніемъ, которое въ большей ли, въ меньшей ли степени присуще всѣмъ нарѣчіямъ и говорамъ малорусскаго языка. Однако въ мр. языкѣ, почти исключительно въ говорахъ окраинныхъ, констатируется нѣкоторое количество и такихъ случаевъ, въ которыхъ мы имѣемъ дѣло со смѣшеніемъ *о* и *у* ударныхъ. Не всѣ они одного типа.

а) Въ силу съуженнаго выговора.

Иногда это явленіе обусловливается локальнымъ черезчуръ съуженнымъ произношеніемъ ударнаго *о*. Имѣется небольшое количество отстоящихъ далеко другъ отъ друга окраинныхъ говоровъ, съ одной стороны—въ Карпатскихъ закоулкахъ на западѣ, съ другой стороны—въ слободскихъ степяхъ Воронежчины на востокѣ, *), съ третьей стороны—въ болотахъ Подляшья и Полѣсья на сѣверѣ,—гдѣ ударное *о* оказывается въ выговорѣ очень похожимъ на звукъ *у*. При существованіи, въ говорѣ, дифтонгизма такое съуженное *о* можетъ превратиться въ *уо*; срв. сѣдлецкое мн*уо*го, гдѣ звукъ *уо* ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть объясненъ замѣстительною долготою. Говоровъ, произносящихъ ударное *о* такимъ съуженнымъ образомъ, есть крайне мало, такъ что центральные украинцы даже не подозрѣваютъ о возможности существованія подобнаго произношенія гдѣ бы то ни было,—кромѣ пожалуй, выговора вульгарнаго слова „х*у*ч" (вмѣсто обычнаго х*о*ч, т. е. „хотя"), которое,—чуть ли не подъ вліяніемъ рѣчи захожихъ великоруссовъ-рабочихъ,—изрѣдка вдругъ послышится изъ устъ горожанъ, положимъ, Харьковщины или изъ устъ желѣзнодорожныхъ служащихъ въ разныхъ пунктахъ мр. территоріи. О литературизаціи этого „хуч" никому никогда, конечно, и въ голову мысль не приходила.

Если въ дѣло вмѣшается сосѣдство звука *в*, или иного зубного звука, или какая-нибудь нефонетическая

---

*) Дикаревъ: Воронежскій этнографическій сборникъ, стр. 18 и 47.

аналогія, тогда съуженіе ударнаго *о* въ *у* можетъ повременамъ произойти и не въ окраинныхъ говорахъ; срв. локальное нелитературное среднеукраинское „молу́діж" (=общемалор. „м о л о́ д і ж" т. е. молодежь) ио галицкое „ву́ші" вмѣсто общемр. „в о́ ш і" (=вши). Литературная рѣчь не знаетъ ни одного случая узаконенія такого выговора, хотя бы и среднеукраинскаго.

б) Вліяніе долготности или польщины.

Съ этой категоріей уковыхъ явленій не нужно смѣшивать происхожденіе сѣв.мр. такихъ формъ, какъ „м*у*й (=укр. „м*і*й", т. е. „мôй") „к*у*нь" (=укр. „к*і*нь", т. е. „кôнь") и прочихъ т. п. Здѣсь звукъ *у*—рефлексъ дифтонгическаго *уо*, *уи*, произшедшаго изъ *ô*, которое возникло по закону замѣстительнаго удлиненія (См. т. I, стр. 141). Само собою понятно, что литературная рѣчь подобнаго локальнаго сѣверномалорусскаго *у* не допускаетъ,—она принимаетъ за норму лишь неархаичное *і* („м*і*й", „к*і*нь" и т. п.), слышащееся въ болѣе южныхъ говорахъ. Въ этихъ южныхъ неархаичныхъ говорахъ, вообще имѣющихъ рефлексомъ долготнаго *ô* звукъ *і*, а не *у*, мы лишь въ очень и очень рѣдкихъ случаяхъ можемъ донынѣ услышать вмѣсто ударнаго *о* звукъ *у*, возникшій не безъ вліянія долготности. Таковы галицко-подольскія „т х *у* р" (общеукр. и литерат. „т х *і* р", т. е. хорекъ, изъ стариннаго „дъхôрь") *) и с *у* м (общеукр. и литер. „с*о*м", „с*і*м" изъ болѣе стариннаго „сôмъ); род. пад. „тхура", „су́ма". Эти уковыя антилитературныя формы неархаичныхъ гал.-под. говоровъ („тх*у*р", „с*у*м"), утвердились должно быть, въ тотъ періодъ, когда „дъхôрь" и „сôмъ" звучали еще всюду не „тхір", „сім", но „дхуор", „суом", причемъ у́ковое произношеніе ихъ сохранилось (вмѣсто ожидаемаго перехода въ *і*) едва ли безъ польскаго вліянія (tch*ó*rz, s*u*m).—Вѣроятно, польскимъ вліяніемъ объясняется, и

---

*) Объ этомъ словѣ см. т. II, стр. 144.

зап.-мр. діалектическое „нýти“ (=вост.-мр. „нóти“, т. е ноты).

Старинное „пóлъголовъкъ“ (=головастикъ) лишь въ очень немногихъ говорахъ (именно, изъ числа западно-малорусскихъ) превратилось въ органически-правильное „пíвголовок“. Всюду же на Украинѣ, даже въ самыхъ образцовыхъ по чистотѣ говорахъ, мы слышимъ „пýголовок“, или въ женскомъ родѣ—„пýголовка“. Главнымъ образомъ здѣсь повліяла, должно быть, встрѣчная аналогія слова „пýговка“, подъ вліяніемъ котораго стадія „пуолголовок“ перешла не въ ожидаемое „пíвголовок“, но въ ýковое „пýголовок“,—тоже, быть можетъ, не безъ помощи нѣкотораго вліянія со стороны польскаго „półgłówek“ **).—Обращаемъ вниманіе, что фонема „пýголовок“, не въ примѣръ прочимъ, вполнѣ усвоена литературной рѣчью, а органически-правильной зап.-мр. локальной фонемы „пíвголовок“ украинская литература совершенно не знаетъ.

в) Заимствованія изъ новогреческаго произношенія.

Совершенно особая уковая категорія—присутствіе ударнаго звука *у* вмѣсто ожидаемаго *о* въ тѣхъ словахъ, которыя въ Средніе вѣка заимствованы были изъ Греціи. Таковы, напримѣръ, общемалорусскія словá: „уксус“ (греч. лит. ὄξος; срв. и по-литовски uksosas), общемр. „рýга“ (греч. ρόγα), зап.-мр. локальное антилитературное „корýна“ (ново-греч. „κορώνη“, заимствов. изъ латинскаго corona) и нѣкоторыя другія. Эти и имъ подобныя греческія словá встрѣчаются съ буквою *у* ужъ и въ самыхъ старыхъ дошедшихъ до насъ памятникахъ

**) Противъ возможности польскаго вліянія говоритъ однако то обстоятельство, что именно въ тѣхъ говорахъ, которые польскому вліянію подвержены наиболѣе, мы слышимъ иже вое произношеніе (т. о. „пíвголовок“); а на оборотъ—въ совершенно свободныхъ отъ польскаго вліянія говорахъ мы слышимъ ýковое „пýголовок“.

малоруссовъ, начиная съ кіевскаго Изборника Святослава 1073 года [1]),—и въ памятникахъ прочихъ православныхъ славянъ (болгаръ, сербовъ, русскихъ), имѣвшихъ дѣло съ греками. Несомнѣнно, что эти слова прямо заимствованы были (ок. IX—X в.) изъ вульгарнаго новогреческаго живого произношенія со звукомъ *у* вмѣсто письменнаго греческаго *о* (или ω) [2]). Изъ ихъ числá слóво „ýксус" и „рýга", какъ повсемѣстно произносимыя современными малоруссами со звукомъ *у*, вошли съ буквою *у* и въ общемалорусскій литературный обиходъ [3]). Однако, что касается зап.-мр. слóва „корýна", то оно оказывается нелитературнымъ, потому-что вся россійская Украина и часть Украины Австрійской произносятъ и пишутъ теперь лишь „корóна". на европейско-латинскій ладъ, хотя въ старину форма „корýна" одинаково употреблялась какъ въ Галичинѣ, такъ и въ Кіевѣ [4]).

Для заполненія печатнаго листа приведемъ нѣсколько малорусскихъ грамотъ XIV вѣка; въ скобкахъ - тѣ буквы, которыя не написаны въ подлинникѣ.

---

[1]) Въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г. мы видимъ, между прочимъ, и такія фонемы: „Гдуньскааго" (л. 246 об.= χυδώνιος), „иподрумие" (л. 264 об.,= ἱπποδρόμιον).

[2]) Срв. то, что ужъ говорено было на стр. 459.

[3]) Впрочемъ галичане и буковинцы призабыли слово „уксус" и пользуются другимъ стариннымъ словомъ: „оцет" (=латин. acetum), которое у восточныхъ малоруссовъ вышло изъ употребленія, хотя въ старину употреблялось и у нихъ параллельно съ „уксус."—Срв. въ синодальномъ Студійскомъ Уставѣ XII в. № 380, писанномъ или въ Кіевѣ, или съ кіевскаго оригинала: (въ постъ) —„сочиво съ медъмь, елико его есть приятьно съ уксусомь" (л. 209); „въ Великыи пят[ъ]къ да съварять сочивицю и уксусъ въ ню да вълѣють" (л. 210).

[4]) Напримѣръ, см. въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (майской четьѣ минеѣ съ произведеніями Нестора Кіевскаго), именно въ словѣ св. Григорія Антіохійскаго: „Се ми суть съмьртьныя побѣды круны! си—моего ц[а]р[ь]ства ц[а]рьсции бисьри!" л. 245). —Или въ Ипатской лѣтописи подъ 6763=1255 г.: „Присла сапа..... скыпетрь и коруну, еже нарečеться королевьскыи панъ (стр. 548).

Договоръ волын. кн. Дмитрія-Любарта 1366 г. съ королемъ Казимиромъ (изъ музея Чарторыйскихъ въ Краковѣ; фототип. изд. въ „Палеографическихъ снимкахъ“ СПБ. Археологич. Института, 1903, № 8).

Се язъ, князь великыи Димитрии, докончиваю и повинуюся служьбою таковою. А се—докончанье межи королемь Польскымь и княземь Дмитриемь. Къ Володимирю отступаеться потолѣ: по Уимицю, по Пѣсчаныи бродъ, по Єуфимково село; от Єуфимкова села—до Маркова става; от Маркова става—по Львовъскую дорогу къ Скоморохомъ; а от Пѣсчана броду—по Пиньскыи мостъ; а оттолѣ—по Турью, поколѣ Турья прошла. А мыта не примышляти, но какъ из вѣка пошло. А по старымъ дорогамъ гостемъ поити куда хочеть; а гостя не приневолити, но, куда хочеть, туды поидеть. А князю Дмитрию помагати королеви на всякого неприятеля, опроче своеѣ братьѣ, безо всякоѣ хитрости и льсти, своимь животомь. Се ли будеть не доспѣшенъ,—князю Дмитрию люди своѣ послати. А коли братья княжа поидуть на короля,—князю Дмитрию братьи не помагати. А кто поидеть на мене,—королеви помагати мнѣ на моѣ неприятелѣ, безо всякоѣ хитрости и льсти. А мнѣ королеви помагати, ольна годъ минеть Дмитриевъ д[е]нь. А на то есмь приложилъ свою печать;—и о[те]ць мои, вл[а]д[ы]ка Лучьскыи Арсении;—князь Данилии;—Васко Кирдѣевичь;—Иванъ, воевода Лучьскыи;—Иванъ Мьстишиньскыи.

Присяга ок. 1386 г. Луцкаго намѣстника кн. Өедора Даниьевича королю Ягайлу—изъ музея Чарторыйскихъ въ Краковѣ (фотот. изд. въ „Палеогр. снимкахъ“ СПБ. Арх. Инст., 1903, № 9).

Се язъ, Федоръ Данильевичь исъ братомъ своимъ Михаиломъ, дала есва правду господареви нашему великому, великому королю Польскому, Литовскому дѣдич[у] и Рускому, [й] иных многихъ земль господареви. Осподарь мои, великии король, дал ми намѣстничати у Луцьску, и съ его руки сѣлъ есмь. Чинити ми исправно

земляном, какъ Б[о]гу любо и осподареви моему, великому королю. А слушати ми господаря своего, великого корол[я] во всемъ, как ми повелить. и бояти м[и] ся его, какъ Б[ог]а. А што кол[и] от кого услышю на господаря нашего, лихо или добро, того м[и] не утаити господаря нашего, велик[о]го короля. А што ми ускажет осподарь мои, тое радъ чиню и всею мыслью моею и до живота. А все ми доброе мыслити съ моимъ братом господареви нашему, великому корол[ю]. А города Луцьска блюсти ми, а никому не дати; али жь осподарь мои, великии король, возметь, коли усхочеть. На семъ на всем мы два исъ брато[м] моимъ цѣлуева кр[е]стъ, што жь нама все то исправити к осподареви нашему великом[у] королю. А не исправива,—судить намъ Б[ог]ъ и честныи кр[е]стъ и осподарева казнь и гроза.

Порука 1388 г. Луцкаго кн. Ѳедора Данильевича передъ королемъ Владиславомъ Ягайломъ за Олехна,—изъ краковскаго музея Чарторыйскихъ (фотот. изд. въ „Палеогр. снимкахъ“, № 10).

Владиславу, Божьеи м[и]л[ос]ти корол[ю] Полском[у], Литовскому, Руском[у] и иныхъ многих земль осп[о]д[а]рю. Мы, кн[я]зь Федоръ Данильевич, кн[я]зь Роман Федорович, кн[я]зь Семенъ Иванович, кн[я]зь Александро Четвертенскии, Иванъ Несвизскии, Еско Романкович, Васко Кирдѣевич, Андрѣико Романкович,—поручяемся по Олехна, што ж служ[и]ти ему сп[о]д[а]рю своему корол[ю] верно, безо лсти, без хитрости, а на лихо ему коро..ев[и] не гадати, но служ[и]ти ему королеви верно и до своег[о] живот[а]. А толко изменит Олехно сюю поруку, ино знати корол[ю] нас, поручников. А на то есмо к сеи грамот[ѣ] наши пѣчяти привесили. А п[и]сан[о] у Луцку, у субот[у], октября у десят[ы]и д[е]нь.

Присяга 1388 г. сѣверскаго кн. Димитрія-Корибута королю Ягайлу на вѣрность,—изъ муз. Чарторыйскихъ (фотот. изд. въ „Палеогр. сн.“ № 5).

Мы, Дмитрии, инѣмъ именемъ Корибут, княз[ь]

Литовскии, чиним то знаемо всѣмъ, кто коли на тои листъ узрить али услышит, иже добрая рада наших бояръ и всѣхъ землянъ и нашею доброю волею, не примучени ни приневолени нѣкоторою неволею, велебному г[о]сп[о]д[а]рю Володиславу, королеви Польскому, Литовьскому и Русскому и иных земль г[о]сп[о]д[а]реви, брат[у] нашему милому, и тѣж велебнои г[о]с[по]жи Ядвизѣ, королици Польскои, и ихъ дѣтемъ и корунѣ Польскои голдовали есмо вѣрно и право, неизрушеною вѣрностью, слюбили есмо и слюбуемъ. подъдаваючеся с людми и с землями и с городы и с твержами наш[и]ми на вѣки вѣкомъ тому истому Володиславу, королеви Польскому, и Ядвизѣ и ихъ дѣтемъ и корунѣ Польскои. Слюбуемы и обѣчюемы: наша присяга и наша вѣра и ч[ес]тью (нечетко), иже от тых мѣстъ с нашими дѣтми чистая вѣрность и полна будемъ држат[и] тому истому королеви и его королици и ихъ дѣтемъ и корунѣ Полскои, а николи ни в одно веремя не отставати ани отступитии (sic) на вѣки, и къ ихъ доброму рад[ѣ]ти, а лихого вѣрнѣ остерегати. А на того крѣпость к тому листу наша печать завѣсили есмо. А дана грамот[а] у Краковѣ, у понедѣлник по с[вя]т[о]мъ Д[у]сѣ, под лѣтом Б[о]жьего нарожѣния 1388-го лѣт[а].

Порука 1388 г. бояръ и князей передъ Ягайломъ за вѣрность кн. Корибута,—изъ муз. Чарторыйскихъ (фототип. изд. въ „Палеогр. сн." № 6).

Мы, княз[ь] Д[а[в[и]дъ Дмитриевич, княз[ь] Русанъ Плаксич, Василии Данильевич, Федоръ Євлашкович Хвороща ис братомъ Иваном, Григории да Иван Несвизьскии, Хома Билюрминъ, Васко Дрюкович, Гавсъ Климянтъ Юрьи Звинкеневич, Терпъ Максак Кгирдивид Бѣликъ, с[ы]нъ его Семен, Воилович Грицъ с братом Степаном, Калит[а] Иван Балакѣрович, Сасъ Горбачевич со всею братьею, Семен Ясманович, Трубецьскии воевод[а] Глѣбъ Євдокимович, Иван Жидовчич, Павелъ

Петрович, Озарьичи Д[а]в[и]дъ и Яковъ Моишелга, Сущь воевод[а] новг[о]р[о]дьскии. Тым-то листомъ чинимы знаменит[о] всимъ, которым того трѣба, кто коли тонъ листъ увидит или услы[ши]ть како кеды. В то время, коли княз[ь] велебныи Дмитрии, инѣмъ именем Корибут, княз[ь] Новгородьскии и Сѣверьскии, г[о]сп[о]д[а]рь нашь милыи, голдование и вѣрность и послушьство и такѣж служба и х[ре]ста цѣло[ва]ние наша добра р[а]да и нашим вшего поспольства бояръ прилюблѣнием, не приневолени, ани которая зла воля примучени, велиском[у] и славнему Володиславу, Б[о]жьеи м[и]л[о]сти королеви Польскому и иных земль г[о]сп[о]д[а]р[е]ви, и честнои Ядвизѣ—кор[ол]ици и дѣтемъ его и корунѣ Польскои со всим[и] своими землями и г[о]род[ы] з бояры и с людми вѣрность правая и неизрушистая слюб[и]ли,—а мы именемъ и́ мочавших земянъ его, повелѣниемъ его, ислюбуемы за него и за его дѣти, иже со всею своэю землею и с городы вѣрен будет королеви и королици и ихъ дѣтемъ и корунѣ Польскои, ани ихъ коли отстанет. Пак ли бы, его жь Б[ог]ъ не даи, хот[ѣ]л бы коли отстати тонъ исны[и] княз[ь] Корибут алибо его дѣти, явно алибо таино, тогда мы со всимъ поспольством земли его хочемы его отстати и его дѣтеи, ани в чемъ его не хочемъ послушни быти, але короля Польск[о]го Володислава и его королици и его дѣтии и корунѣ Польскои вѣрни хочемъ быти, а николиж не хочемъ отстават[и], и на вѣки и во вшитки часы николи ихъ не отстати. И на вѣчная крѣпость к сему листу *) печати нашѣ велѣли есмо привѣ[си]ти. А доконалося тое дѣло у го[ро]дѣ Лучици, в н[е]д[ѣ]лю по с[вя]т[о]мъ ап[о]с[то]лѣ Марку Єв[а]нг[е]л[и]стѣ, п[о]д л[ѣ]т[о]мъ нарожѣния Б[о]ж[ия] 1388 е лѣт[о].

---

*) Буква *и* въ „*листу*“ передѣлана, кажется, изъ буквы *ы*.

Краковская жалованная 1394 г. короля Ягайла землянину Данилу Задеревецкому на села въ Галичинѣ,—изъ музея Чарторыйскихъ (фототип. изд. въ „Палеогр. сн." № 15).

Во имя Отця и С[ы]на и с[вя]т[о]го Д[у]ха, аминь. Мы, вѣликии корол[ь] Влодиславъ, Б[ож]ье м[и]л[о]сти Польски, Литовьскии и Руски [и] иныхъ многихъ зѣмль г[о]с[у]д[а]рь, знаемо чинимъ симъ нашимъ листомъ, кто коли на нь возрить, или—пакъ—услышить, аже нашь верныи слуга Данило Дажбогович Задерѣвецкии, зѣмлянинъ нашеи зѣмли Руское, послужилъ намъ и указалъ прѣд нами свою вѣрную службу. Возревше есмо нана (sic) его вѣрную службу и хотяче по немъ, ажбы тымъ лѣпеи и вернѣи намъ и нашимъ дѣтемъ и нашимъ наместъкомъ и нашимъ щатъкомъ послужилъ онъ и его дѣти, его намѣстъки, его щаткы, даемъ ему и дали есмо и оставляемъ и оставили есмо его и дети и его намѣстки и его щаткы при томъ при всѣмъ, што коли купилъ или—пакъ—отмѣну есмо ему дали, на имя: подъ Галичемъ—Чягрово а Гвоздие с манастыремъ, а подъ Зудечовомъ—Джюровъ со трими присѣлки: Колоколинъ, Михалевъ, Черемхово, Пилипова руда, Тулично дворище. А отмѣна—противу Крупска Волков[и]чи, а противу Сяхова—Княж[а] лука. А при томъ при всѣмъ оставляемъ его и его дѣти и его намѣстки и его щатки на вѣки вѣкомъ, непорухомо никимъ ис нашимъ вѣданьемъ. Волѣнъ продати, замѣнити тако доброму, яко коли самъ. И маеть служити ис того всѣго намъ и нашимъ дѣтемъ и нашимъ намѣстъкомъ и нашему щатку, яко кторыи нашь зѣмлянинъ, двема копьи а дѣсятью стрѣлцовъ. А даемъ и дали есмо со всѣми ужитки, с лесомъ, съ дубровами, с водою и съ зѣмлею и ставы, како коли каждыи зѣмлянинъ приимаеть. А при томъ были свѣдци: пакъ Спытокъ, воевода Краковьски, панъ Яшко Тарновьски, панъ Ликоза воевода, панъ гофмистръ Крщ[е]нъ, панъ Кмита, панъ Яшко

Олешиньски. На крѣпость сѣму нашему листу казали ѥсмо нашу печать привѣсити в нашемъ городѣ у Краковѣ. В д[е]нь с[вя]т[ы]хъ Пѣтра и Павла, под лѣты Р[о]жства Х[ри]с[то]ва тыс[я]ча 394 лета.

Присяга 1393 г. сѣверскаго князя Өедора Любортовича королю Ягайлу, пис. въ Вислицѣ (Кѣлецк. губ.). Изъ музея Чарторыйскихъ (фототип. изд. въ „Палеогр. сн." № 11).

Мы, княз[ь] Федоръ Любортович, знаѥмо чинимъ симъ нашимъ листомъ, кто коли на нь возрит или, пакъ, услышит, аже г[о]с[у]д[а]рь нашь, король Полскии, Литовскии и Рускии, иныхъ земль г[о]с[у]д[а]рь, нашь милыи брат и ѥго кролевая Б[ож]ьѥ м[и]л[о]сти Ядвига жяловали мя и дали ми землю до своѥи воли, на имя Сѣверскую, со всѣ городми, со всѣми ужитки. Про то слюбую и слюбили ѥсмо нашему г[о]с[у]д[а]рю, кролю Влодиславу преженаписаному, и ѥго кролевои Ядвизѣ и ѥго дѣтемъ [и] ихъ намѣсткомъ служити, вѣрну быти и послушну с тымъ со всѣмъ, чи[м] мя жяловали, а противу имъ никды не быти ни однымъ веремянемъ, бозо (sic) лсти и без хитрости. И на крѣпость сему нашему листу нашю печять привѣсили ѥсмо. У Вислици, под лѣты Розтва Х[ристо]ва тисяч 393 лѣта.

Переяславская поручная грамота 1393 г. ряз. кн. Олега Ивановича передъ королемъ Ягайломъ за его брата, а своего зятя Корибута Сѣверскаго—изъ музея Чарторыйскихъ (фототип. изд. въ „Палеогр. снимкахъ"; № 7).

Мы, великии княз[ь] Олегъ Ивановичь Рязаньскии, знаѥмо чинимъ сею нашею грамотою, кто коли на ню возрить или, пакъ, услышит, аже слюбуѥмъ и слюбили ѥсмо и ручимы и поручили ѥсмо у великого короля у Володислава, Б[о]жьѥи милости Полского, Литовского и Руского и иныхъ мнигих (sic) земль г[о]сп[о]д[а]ря, за

єго брата за кн[я]зя за Корибута, иже быти єму вѣрну и послушну своєго бр[а]та, великого корол[я] прежена-писаного, а никоторымъ веременемъ єго не отстати, ани противъ єму быт[и], ни дѣломъ, ни словом, ни помысломъ, ани противъ тъхъ, што суть подъ єго рукою. Пак ли бы зят[ь] мои, княз[ь] Корибутъ, што мыслилъ или што бы хотѣлъ учинити или бы учинилъ противъ своєго брата короля и противы (sic?) тыхъ, што жь суть подъ єго рукою послушни, а за моєю порукою, тогды мы, княз[ь] Олегъ, єго тесть и єго поручникъ, имачы у томъ во всемъ остати нашему королю Володиславу пре-женаписаному, а самог[о] княз[я] Корибута имамы поставити передъ королемъ безо лсти, без хитрости. И на крѣпость сеи нашои грамотѣ нашю печать велѣли єсмо привѣсити, у нашомъ городѣ у Переяславли, у д[е]нь с[вя]т[о]го ап[о]с[то]ла Филипа, под л[ѣ]ты Рожства Х[ри]с[то]ва тисяча и 393-єго лѣт[а].

Присяга 1400 г. стародубскаго князя Александра Патрикѣевича на вѣрность Ягайлу,—изъ Имп. Публ. Библ. (фотот. изд. въ „Палеогр. сн.“ № 48).

Се язъ, княз[ь] Александъ (sic) Патрикѣевич Стародубски, знаменыт[о] чинимы симъ нашимъ листомъ, аже слюбую и слюбил єсми и цѣловал єсми крестъ: по смерти наш[е]го г[о]с[у]д[а]ря, великого кн[я]зя Витовта, не искати ми иныхъ господаревъ мимо нашег[о] милого господаря, кроля Влодислава Полского, и коруны Полскоѣ; не отлучити ми ся єѣ никоторымъ веременемъ, безо лсти и без хитрости. На крѣпость сему нашем[у] листу нашю печят[ь] привѣсили єсмо. У возера у Круды, межи Городна и Мереч, по Розтвѣ Х[ри]с[то]вѣ у пятокъ, у канунъ с[вя]т[о]го обрѣзания Х[ри]с[то]ва, по нароженьи с[ы]на Божьего тисячь лѣтъ и чотыриста лѣтъ.

Приложеніе къ главѣ X-ой.

§ 58. Судьба предлога **въз** въ малорусскомъ языкѣ.

(Въ сущности, этотъ экскурсъ долженъ былъ бы входить въ главу 8-ю (=„Пріемы малорусскаго благозвучія"), и именно—въ §§ 47—48, гдѣ говорится о превращеніи *в* въ *у* и объ отпаденіи начальныхъ гласныхъ. Если жъ мы перенесли этотъ экскурсъ сюда, то сдѣлали это потому, что въ судьбѣ предлога *въз* сыграло также роль смѣшеніе неударныхъ звуковъ *у* и *о).*

а) Русскому *воз*, *вз* соотвѣтствуетъ малорусское *з*.

Общее правило для восточно-малорусскаго нарѣчія (да и почти для всего малорусскаго языка)—такое: гдѣ по-русски имѣется предлогъ вз, воз, вс, вос, тамъ по-малорусски оказывается просто *з*, *с*. Напримѣръ, „взойти"=по-малорусски зійти́; „возвесть"=звести; гипотетическое „провостянуть" (т. е. протянуть, напр. руку)=простягти; „вскипѣть"=скипі́ти, „вскипятить„=скип'яти́ти; „взлетѣть"=злеті́ти; „взбивать"=збива́ти; „невзлюбить"=незлюби́ти; „взыскать" (т. е. пріобрѣсть, нажить)=зиска́ти и т. п., и т. п.

Какъ это произошло?—

б) Произошло это путемъ стадій: *въз*, *вз*, *уз* (*оз*), *з*.

Старѣйшей, прамалорусской формой вышеотмѣченнаго предлога была **въз**, **вълс**, съ глухимъ слоговымъ гласнымъ звукомъ **ъ** (см. стр. 130); слѣдовательно у малорусскихъ предковъ (лѣтописныхъ кіевлянъ, червонорусcовъ и др.) существовали, напр., слова́: „*въз*'ити", „*въс*кыпѣти", „*въз*любити", „*въз*лѣсье", „*въз*бочь" и т. п., въ которыхъ начальный слогъ звучалъ глухимъ сред-

нимъ образомъ между vŏz, vŭz, vyz. Около конца XI вѣка и наступленія XII-го в. глухіе гласные звуки ъ и ь кое-гдѣ въ рѣчи, при извѣстныхъ фонетическихъ положеніяхъ, стали въ серединѣ словъ исчезать, выпадать (см. стр. 135), и вотъ предлогъ „в ъ з“ сталъ превращаться просто въ „в з“, а это послѣднее звукосочетаніе „вз“ превращалось, по законамъ мр. благозвучія (§ 48), въ *уз*; при своей неударности такое *уз*, какъ и теперь это случается, могло звучать очень близко къ *оз*.

Остатки этой стадіи мы и до сихъ можемъ видѣть въ рѣдкихъ теперь для восточно-малорусскаго нарѣчія такихъ словахъ, какъ *у* з в á р (то же, что з в а р,= „взваръ“, компотъ), діалект. *о* з ь м и́ и *у* з ь м и́ (=возьми), діал. *о* з н е с é н н е (=Вознесеніе), *у* з л ї с с е (=„возлѣсье“, опушка), *у* з б і́ ч ч я (=„взбочье“, мѣсто въ сторонкѣ), *у́* з б і ч (=сбоку, по склону), п о-у з (съ вин. пад.=возлѣ, мимо, напр. п о-у з х а т у =возлѣ избы, мимо избы), *ó* з д у х (=св. покровъ, воздухъ).

Очень рано этотъ начальный звукъ *у* (или съуженное *о*) сталъ у малоруссовъ отпадать въ быстрой рѣчи, потому что совпалъ съ подходящимъ эвфоническимъ призвукомъ (см. § 45), и вотъ предлогъ ꙋꙁ, оꙁ (изъ въꙁ) обратился просто въ ꙁ *) Такое превращеніе малоруссами XI—XII в. формы *уз* въ *з* облегчалось для нихъ, можетъ быть, однимъ предшествовавшимъ обстоятельствомъ, а именно тѣмъ, что еще задолго до паденія глухихъ предлогъ *въз* могъ ужъ, пожалуй, иногда те-

*) Общимъ процессомъ превращенія предлога *въз* въ *з* захвачены бывали иногда и такія слова, гдѣ былъ въ началѣ предлогъ *въ* (а не *въз*), и гдѣ слѣдующій за нимъ звукъ *з* или *с* принадлежалъ корню. Срв. діалектическое п о с т á т и (=возникнуть, возстать) при общемалорусскомъ п о в с т а̀ т и; корень здѣсь с т а, и звукъ с не есть часть предлога *вс*.

рять свое начальное *въ* *), Письменные памятники, пожалуй, свидѣтельствуютъ намъ и документально о существованіи этого явленія около XI вѣка: ужъ и въ XI вѣкѣ просвѣчиваетъ по памятникамъ замѣна формы предлога *вьз* формою *з*, но только не черезъ промежуточную стадію *уз, оз*. Замѣчается при этомъ въ исторіи языка хронологическое несовпаденіе между рѣчью предковъ малоруссовъ восточныхъ (кіево-переяславо-черниговцевъ) и рѣчью предковъ малоруссовъ западныхъ (червоноруссовъ и волынянъ). Зап.-мр. рѣчь эволюціонировала, въ этомъ пунктѣ, съ опозданіемъ и медленнѣе; едва ли раньше XIV вѣка, т. е. раньше монгольскаго періода, началась въ ней сколько-нибудь рѣшительная замѣна формы *вз* и *уз* усѣченною формою *з* **), да и до

---

*) Таково мнѣніе акад. Ф. Ѳ. Фортунатова. Въ своихъ „Лекціяхъ по фонетикѣ старославянскаго языка" (М. 1888) онъ говоритъ: „Въ эпоху распаденія общеславянскій языкъ имѣлъ въ началѣ нѣкоторыхъ словъ подвижное (по крайней мѣрѣ въ діалектахъ) короткое *i* и подвижное vъ. Къ случаямъ съ подвижнымъ начальнымъ короткимъ *i* принадлежатъ, напр., *zъ* при *izъ* („=изъ"), *grà* при *igrâ* (=„игра") и т. п. Что касается болѣе рѣдкаго подвижнаго *vъ* въ началѣ словъ (рѣдкаго потому, что мало—случаевъ, въ которыхъ общеславянскій языкъ имѣлъ нѣкогда начальное *ъ* безъ ударенія), то я вижу его въ предлогѣ и глагольной приставкѣ *vъzъ, vъz* (старославянск. **ВЪЗЪ, ВЪЗ**); на общеславянское *zъ, z* (=„воз") при *vъzъ, vъz* указываютъ западно-славянскіе языки (напр. чешское *zchoditi* =„всходить" при *vzchod*, польское *śpiewać* =„воспѣвать" напр. при *wzlatać* =„взлетать") и малорусскій языкъ (напр. *зійти* =„взойти" при *взійти*; *сходити* =„всходить"). Также и въ чешскомъ *dud*, польск. *dudek* „удодъ" можно предполагать утрату въ общеславянскомъ языкѣ начальнаго *ъ*; сравните церковнославянскія **ВЪДОДЪ, ВЪДИДЪ**, русск. *удодъ*, малорусское *ódуд* и т. д." (стр. 215).—Изъ приведенныхъ словъ акад. Фортунатова совершенно ясно слѣдуетъ, что фонетическое появленіе малорусскихъ формъ типа „сходити" (=восходить) онъ относитъ не къ XI—XII вѣку, какъ я, а еще къ общеславянскому періоду.

) Примѣры еще изъ XI в. легко объясняются грамматическимъ смѣшеніемъ предлоговъ **ВЪЗ, **С[Ъ]** и **ИЗ**, а не фонетическимъ отпаденіемъ *у* отъ *уз*.

нынѣшнихъ временъ западные малоруссы (какъ сейчасъ увидимъ ниже) далеко еще не призабыли формы *вз* (со звукомъ *в* въ зачинѣ). Между тѣмъ памятники нарѣчія восточнаго (Успенскій Сборникъ, Черниговская Лѣствица, лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ) и др. показываютъ на замѣну *вз* и *уз* черезъ простое *з* еще въ XII в., т. е. въ періодъ еще домонгольскій, хотя впрочемъ свидѣтельствуютъ и о томъ, что формы *вз* и *уз* были вытѣснены на востокѣ формою *з* тоже не сразу, но лишь постепенно, и что даже въ періодъ послѣмонгольскій—напр. въ XIV—XV в. для восточныхъ малоруссовъ далеко еще не успѣло сдѣлаться окончательно чуждымъ произношеніе *вз* и *уз*, въ противность нынѣшнему положенію дѣлъ.—Выписки изъ памятниковъ см. ниже, въ рубрикѣ д, стр. 513—521.

в) Полное смѣшеніе нынѣшняго малорусскаго рефлекса **въз** съ рефлексами **съ** и **изъ**.

Въ настоящее время ни предлога воз, ни его разновидности уз [оз] почти нѣтъ въ восточно-малорусскомъ нарѣчіи, если исключимъ слова церковныя [напр. воскреси́ти и возвели́чити при народномъ звели́чити], и если исключимъ тѣ слова, въ которыхъ *вз* потеряло для говорящихъ свой ощутительный смыслъ предлога, а представляется какъ бы частью корня [таково, напр. взя́ти=взять, относительно котораго говорящему кажется, будто бы корень здѣсь—взя]. Нѣкоторые жалкіе остатки, вродѣ вышеупомянутыхъ узва́р, узлі́сся, не подрываютъ общаго правила, такъ-какъ они единичны.

Восточные малоруссы до такой степени основательно потеряли начальный гласный звукъ *у* въ предлогѣ *з* и слили этотъ предлогъ съ тѣмъ предлогомъ *з*, который происходитъ изъ **съ** и **изъ** [см. § 44], что этотъ звукъ *у* не возстановляется у нихъ даже тогда, когда того требовали бы законы благозвучія при накопленіи согласныхъ; благозвучіе въ такихъ случаяхъ достигается тѣмъ же протетическимъ *і*, которое прибавляется къ

предлогу *з*, происходящему изъ **съ** и **изъ**. Напр. вмѣсто вiн збив пiну (=онъ взбилъ пѣну) говорится для большаго благозвучiя: *і*зби́в пí ну; вмѣсто як зíйде сóнце (=когда взойдетъ сонце) можно сказать: як *і*зíйде сонце, и пр., и пр.

Судя по показанiямъ памятниковъ (см. ниже, рубрику д, стр. 513 сл.), обращенiе рефлекса **въз** въ благозвучную форму **из** стало практиковаться у малоруссовъ съ перваго же момента замѣны формы *вз* и *уз* усѣченною формою *з*, т. е. приблизительно около XI—XII вѣка *).

г) Западнс-малорусскiе остатки формы *вз* (съ начальнымъ *в*).

Въ западно-малорусскомъ нарѣчiи (главнымъ образомъ въ галицко-подольскихъ говорахъ) предлогъ вз, вс кое-гдѣ еще сохранился. Тамъ можно услышать: всхiд (обще.-мр. схiд = востокъ, восходъ), всхiдний (обще-мр. схíднiй=восточный), безвсти́дний (обще.-мр. безсти́дний=безстыдный), встид, встидáтися (обще-мр. стид, стидáтися=стыдъ, стыдиться), вспинáтися (обще.-мр. спинáтися=взлѣзать, вскарабкиваться), вспирáтися (обще-мр. спирáтися=опираться) и др. Очень вѣроятно, что сохраненiю здѣсь предлога вс помогло влiянiе польскаго языка. Въ нашей грамматикѣ, основанной на рѣчи Приднѣпровья, такiя формы, какъ „всхiд", „встид", которыя являются узкими локализмами даже для зап.-мр. нарѣчiя, совершенно не могутъ быть допущены. Да и литературная галицкая рѣчь не даромъ старается ихъ избѣгать.

*) Мнѣнiе акад. Ф. Ѳ. Фортунатова о томъ, что чередованiе **въз** и **з** восходитъ еще къ перiоду общеславянскому, отмѣчено нами выше, въ сноскѣ на стр. 510. Иначе это можно признать смѣшенiемъ предлоговъ **въз**, **с[ъ]** и **из**.

д) Показанія памятниковъ, освѣщающія исторію перехода *въз* въ форму *з* (черезъ стадію *уз*, *оз*).

XI—XIV вв.

Употребленіе, вмѣсто ожидаемаго *въз* и *възъ*, формы *с*[*ъ*] и даже *из*[ъ], *ис*[ъ] (на манеръ соврем.-малорусскаго „скйнутися" и „*іс*кйнутися" вм. „*вс*кйнутися") мы довольно часто встрѣчаемъ въ старѣйшемъ южно-галицкомъ памятникѣ — Словахъ Григорія Богослова XI в.; но только кажется, что всѣ имѣющіеся тамъ факты этого рода съ удовлетворительностью могутъ быть выведены или еще изъ общеславянской эпохи (по фонетическому закону акад. Фортунатова, см. стр. 510), или же изъ смыслового, почти внѣфонетическаго смѣшенія трехъ самостоятельныхъ предлоговъ *въз*[*ъ*], *съ* и *из*[*ъ*], а не изъ того вышеотмѣченнаго тѣсно-малорусскаго звукового процесса, который между формою *въз* (иначе—*вс*) и *з* (иначе—*с*) предполагаетъ промежуточную посредствующую фонему *уз*, и уже изъ формы „*з*", происшедшей путемъ отпаденія начальнаго *у*, предполагаетъ форму *із*, съ новымъ эвфоническимъ протезисомъ *і*.—Какъ бы то ни было, въ Словахъ Григорія Богослова XI в. мы указать можемъ напр. л. 245, гдѣ съ одной стороны попадается начертаніе „*въз*духъ", „*въз*духанне" (л. 245 а), а съ другой стороны тутъ же рядомъ и въ томъ же смыслѣ — „*съ*духанне" (л. 245 d); срв. тутъ же на л. 245 d: „дрьжащая и дьржимая, подъцряженая намъ и *с*ходьная" (вм. „*въс*ходьная", т.-е. освободившіяся, καὶ τὰ ἐλεύθερα). На л. 280с: „въ *с*плесканния мѣсто позорьнааго" (=„вмѣсто *въс*плесканния позорьнааго", ἀντὶ κρότων θεατρικῶν). На л. 274с: „То крьстияномъ... *съ*ручания (=*въз*ручения, т.-е. дары, подарки, ἐπίχειρα). На л. 268 d: „великая малъими *съ*хуляя" (=*въс*хуляя, потому что глаголъ „съхуляти" не извѣстенъ въ церк.-слав. языкѣ). На л. 299 с: „на брашьно же и *съ*слаждение" (=*въз*слаждение, ἐις βρῶσίν τε καὶ ἀπόλαυσιν) [1]). На л. 302 d — дательный самостоятельный: „...Б[ог]у не вься *съ*сущивъшу" (=възсущивъшу; μὴ θεοῦ τὰ πάντα οὐσιώσαντος). Срв. еще: „*съ*веденъ бывъ" (л. 53 d, εἰσάγεται;=возведенъ?); „радуися и *съ*красуися" (л. 251 b; =въскрасуися? понятіе о совмѣстномъ

[1]) „Съслажденне" могло бы означать совмѣстное наслажденіе, сонаслажденіе; но это не то, что ἀπόλαυσις, и къ контексту не подходитъ.

красованіи не подходитъ къ контексту); и мн. др. — Попадается въ Словахъ Григорія Богослова XI в. форма *съ* вм. *възъ*, *въс* даже внѣ сочетанія съ глаголомъ, а въ качествѣ самостоятельнаго предлога, управляющаго винит. падежемъ (какъ соврем.-мр. п о - у з): „съходитъ *съ* послѣдьняя" (л. 23а, очевидно, = въсъ послѣдьняя, εἰς τοὺς ὕστερον);—„убозиниже и *съ* єдїнъ дьнь не имутъ брашьна" (л. 35 с; повидимому,= въсъ єдинъ дьнь, т.-е. въ продолженіи одного дня: по-греч. καὶ μηδ᾽ ἂν εἰς μίαν ἡμέραν).—Благозвучную форму *исъ* (вм. *съ*, возникшаго изъ *въсъ*) мы въ Словахъ Григорія XI в. находимъ напр. въ реченіи: „яко *и* с и л и (=възсѣли) плъть [о] правѣхъ добрѣхъ злоби" (л. 79 b; ὅτι π α ρ α π ε π ή γ α σ ι ταῖς ἀρεταῖς αἱ κακίαι);—„...трыздьнїку зълу, хытрости [1])... *из*водящу" (л. 259 b, = възводящу? ποκτῇ κακῷ τὴν τέχνην π ρ ο βαλλομένῳ); срв. и обратно: „*въс*повѣдати" (л. 166 с, гдѣ мы ждали бы „*съ*повѣдати" или „*ис*повѣдати") [2]).—Формы *уз* мы въ Словахъ Григорія Богослова XI в. не нашли („*у*звѣжденъ" л. 257 d, κατάστερος, повидимому содержитъ въ себѣ основной предлогъ *у*, а не възъ). На превращеніе *възъ* въ *оз* намекаетъ слово „*ос*ъбираемь" (на л. 267 d), которое, если судить по общему смыслу контекста, въ сознаніи малор. переписчика XI в. вѣроятно было то же, что „*възъ*бираемъ" [3]); однако фонетическое значеніе этого начертанія съ *ос* подрывается ненадежностью самого контекста [4]).

Старѣйшій намекъ на произношеніе *уз* вмѣсто *вз* мы находимъ въ одной фразѣ кіевскаго И з б о р н и к а С в я т о с л а в а 1076 г., очень похожей, впрочемъ, на механическую описку: „[Человѣку лѣпо] не отъчаяти себе, нъ пакы въстати и врагу противустати,—в *у* с т а т и(=възстати? узстати?) бл[а]гыими дѣлы и покаяніемь" (л. 216а).

---

[1]) У Будиловича издано, какъ одно слово: „хытростию", тогда какъ здѣсь—два слова; одно: „хытрости" (τὴν τέχνην), другое: „ю" (οὕπω).

[2]) Форму „*въс*повѣдати" мы видимъ еще и въ Богословіи Іоанна Дамаскина XII в,—памятникѣ, связанномъ съ Кіевомъ.

[3]) По крайней мѣрѣ, контекстъ допускаетъ такое пониманіе для сознанія переписчика.

[4]) По-гречески мы здѣсь находимъ καταλούμενος, а это заставляетъ подозрѣвать, что въ томъ церк.-слав. оригиналѣ, съ котораго списывалъ Слова южногалицкій переписчикъ XI в., было написано „*осв*ираемъ" (слово съ корнемъ „свир" и съ предлогомъ „о").

Есть извѣстное вѣроятіе, что не къ суздальскому переписчику, а къ кіевскому великокняжескому оригиналу XII вѣка восходитъ форма „стокъ“ вм. „*у*стокъ“ (= востокъ) въ кіевской части лѣтописнаго Лаврентьевскаго списка (XIV в.) подъ 6406 = 898 г.: „Идоша Угри мимо Киевъ горою... и пришедъ ѿ стока (= съ востока), и устремишася чересъ горы великия“ (л. 16 = печат. стр. 24); по крайней мѣрѣ, въ великорусской части того же Лаврентьевскаго списка нѣтъ такихъ формъ. — Остается, однако, здѣсь неяснымъ, звучало ли написаніе „ѿ стока“ какъ „*ot* stoka“, или надо намъ читать его какъ-нибудь вродѣ „ot*ŭ* stoka“, „*ot us*toka“, „*ot o*stoka“ и т. п. (Въ титловомъ начертаніи „ѿ“ всегда вѣдь можно бываетъ подразумѣвать присутствіе конечнаго ъ).

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ (черниговскомъ или, б. м., кіевскомъ памятникѣ конца XII в., дошедшемъ до насъ въ сѣв.-вкр. спискѣ ок. XIV—XV в.):... „да позримъ синего Дон*у*. *Спала* (= вспала) князю [у] умь похоти[1]), и жалость ему знаменіе заступи“, т. е. „*вс*пало князю на умъ желаніе“. Въ виду присутствія буквы *у* въ концѣ предыдущаго слова („Дон*у*“), нельзя въ точности намъ выяснить, произносилъ ли писецъ еще „*у*спала“ (съ начальнымъ гласнымъ *у*), или онъ произносилъ это слово вполнѣ такъ, какъ оно написано въ рукописи, т. е. просто „*с*пала“ (съ отпаденіемъ *у*). — Еще одинъ примѣръ на рефлексъ предлога *въз* безъ *у* могъ бы быть намъ предложенъ въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ смѣлой конъектурой Максимовича: „Свистъ звѣринъ въста. *Зви* (= взвылъ) Дивъ, кличетъ връху древа“[2]); въ рукописи, по чтенію Мусина-Пушкина, было написано „въстазби“. Это же мѣсто Потебня возстановляетъ иначе: „*Узбися* Дивъ“ (т. е. „взбился“)[3]), — но во всякомъ случаѣ съ рефлексомъ предлога *въз*.

Въ черниговской Румянцовской Лѣствицѣ XII в. № 198 существованіе формы предлога *уз* можетъ подтверждаться начертаніемъ „*ус*кусьнъ“ въ реченіи: „конь

[1]) Окончаніе *и* въ „похот*и*“ (мы ждали бы „похоть“) объясняется присутствіемъ начальнаго звука *и* въ слѣдующемъ словѣ. Превращеніе сочетанія „-ь и“ въ „-и и“, а въ особенности сочетанія „-ть и“ въ „ти и“, есть обычная черта старокіевскихъ и другихъ старомалорусскихъ памятниковъ.

[2]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. III, Кіевъ 1880, стр. 646.

[3]) А. Потебня: Слово о Полку Игоревѣ. Воронежъ 1878, стр. 26 (отт. изъ „Филологич. Записокъ“).

ѫскоѵсьнъ" (л. 192 β)[1]. Кромѣ того: такъ-какъ эта Румянцовская Лѣствица № 198 знаетъ вообще довольно часто эвфоническое отпаденіе начальныхъ гласныхъ [2]), то, пожалуй, можно было бы пояснять усѣченіемъ формы *уз* форму *з* въ начертаніи: „Остроумн... почитании и з н о ш е н и и" (л. 122 β=„и *въ*зношении"?),—если бы, конечно, можно было ручаться, что это „зношении" произошло не изъ „*из*ношении".

Несравненно надежнѣе послѣдняго случая — написанія Успенскаго Сборника XII в. (майской Четьи-Минеи съ произведеніями Нестора Кіевскаго). Таково — въ житіи Ѳеодосія Печерскаго: „Се бо... о блаженѣмь и велицѣмь о[ть]ци нашемь Ѳеодосии *ос*пытов'ая слышахъ от[ъ] дрѣвьнихъ мене о[ть]ць, бывъшихъ въ то врѣмя" (л. 67 b), гдѣ „*ос*пытовая"—изъ болѣе стараго „*въс*пытовая" [3]); интересующій насъ предлогъ имѣетъ здѣсь (какъ и теперь иногда у многихъ малоруссовъ) форму *оз*, а не *уз* [4]).—Вполнѣ возможно, что въ „Видѣніи Исаіи" того же Успенскаго Сборника XII в. фонема „*ис*хвалиша" во фразѣ „анг[е]ли *въс*пѣша и *и с* х в а л и ш а и" (л. 94 а) [5]) есть ничто иное, какъ эвфоническое видоизмѣненіе тогдашней кіевской фонемы „схвалиша" (этимологически восходящей къ „въсхвалиша", „усхвалиша") съ примѣненіемъ благозвучнаго призвука *и*, вообще нормальнаго въ Успенскомъ Сборникѣ.

Въ синод. Б о г о с л о в і и І. Д а м а с к и н а XII в. № 155 (изд. Бодян.): „*у*сиянье" (64, = *въ*сиянье, ἀπαύγασμα), „*з*лазъмь" (? 173,=възлазъмь?)

Въ вост.-мр. У к а з а т е л ѣ Е в а н г е л ь с к и х ъ Ч т е н і й XIII — XIV в., который переплетенъ съ Галицкимъ

---

[1]) О возможности чисто-механическаго писарскаго „предвосхищенія" мы здѣсь не смѣемъ и думать, потому что въ первомъ слогѣ этого начертанія („ус") написана буква юсъ, а въ сосѣднемъ, корневомъ слогѣ („кус") написаны совсѣмъ другія буквы: ОѴ.

[2]) Напримѣръ вмѣсто „из" мы видимъ въ Румянцовской Лѣствицѣ просто „з", вмѣсто „имать" (= имѣетъ) пишется здѣсь просто „мать" (л. 198 об. b), и т. п. Срв. главу 8-ую, въ рубрикѣ выписокъ изъ памятниковъ.

[3]) Срв. въ черниг. Румянцовской Лѣств. № 198 этотъ же глаголъ въ старой этимологической формѣ: „и *въс*пытовающе" (л. 126 об., а).

[4]) Срв. нынѣшнія еще живыя (не литературныя только) формы „*оз*несенне", „*оз*ьму", „*óз*дух", „*оз*вар" (у Нечуя-Левицкаго), галицкое „*óз*мін" (иначе „узмів":=незамерзающая глубь) и др.

[5]) Въ Хлудовскомъ спискѣ (XIV в.) этого же „Видѣнія Исаіи" мы въ данной фразѣ находимъ глаголъ съ другимъ предлогомъ „въспѣше и *п о* х в а л и ш е и". См. Описаніе Хлудовскихъ рукописей—А. Попова, № 195, стр. 418.

Евангеліемъ 1144 г., но писанъ уроженцемъ или Приднѣпровья, или сосѣдней восточной Волыни, мы не встрѣчаемъ (быть можетъ, по чистой случайности) фонемы *з* въ смыслѣ *въз*. Фонема *уз* встрѣчается тамъ одинъ разъ: „*уз*можна" (л. 233).

Галицкое Евангеліе 1144 г., съ которымъ вмѣстѣ переплетенъ этотъ вост.-мр. Указатель XIII—XIV в., вовсе не знаетъ превращенія *въз* въ *уз*. Но тѣ галицкіе да и прочіе зап.-мр. памятники, которые до насъ дошли отъ нѣсколько болѣе поздняго періода чѣмъ Галицкое Евангеліе 1144 года, а именно отъ XIII-го вѣка или, быть можетъ, еще отъ конца XII-го вѣка, уже имѣютъ *уз* вм. *въз* въ большомъ количествѣ. Старѣйшіе примѣры на зап.-мр. *уз*—

въ Codex Hankensteinianus (Вѣнскомъ Октоихѣ) ок. XII — XIII в.: „*уз*драдуемся" (л. 73 об.), „*уз*ялъ" (л. 132 об.), „*уз*драсте" (л. 142 об.), „*ус*хотѣв" (л. 148), „*ус*токъ" (л. 237) и т. п. То же — въ болѣе позднихъ приписках XIV—XV в. на этой рукописи: „*уз*драстіти" (л. 183), „*уз*опьемъ" (л. 219;=возопіемъ).

Въ болѣе сѣверномъ Галицкомъ Евангеліи 1266 — 1301 г.: „*уз*яти" (л. 29, л. 124 и др.), „мнози от[ъ] *ус*токъ и западъ" (л. 36 об.; также см. л. 52, л. 93, л. 94 и др.), „*ус*крича" (л. 48 об.), „*уж*ьчегъ" (л. 80,=възжегъ) и мн. др.

Въ южно-Галицкомъ Евангеліи 1283 г. поповича Евсевія: „иду, да в*уз*бужю и" (л. 67 b.) [1]; — „а створшеи злая — въ *ус*кршѣнье суду" (л. 6 об., а); — „Никто же не *уз*ложи на нь рукы" (л. 13 b).

Въ Ипатской лѣтописи, подъ 1185 г.: „Ратници ваши с *оз*доспѣхомъ ѣздять" (стр. 431). Срв. „*ус*прия благая" (145); „пре*уз*высився" (149); „*ус*лѣдуя стопамъ" (149); „*ус*приемъ *из*мѣздье" (=въсприемъ възмьздье, 149); „молбы Богу *уз*дая" (149); „рать *уз*яти" (152); „вои, *з*лѣзше на изьдбу" (= възлѣзъше, 159), и многіе другіе примѣры чередованія *въз*, *уз* (оз), *з* и *из*. Не изъ волынскаго ли оригинала попали они въ Ипатскій списокъ?

Въ Луцкомъ Евангеліи XIV вѣка: „*ус*ходяща" (л. 4 об.), „азъ *ус*крѣшю и" (л. 15), „придоша рѣкы и *уз*вѣяша вѣтри" (л. 52, два раза), „*уз*ложь руцѣ, ісцели" (л. 96), „шедъшимъ имъ отъ Вифань, *уз*алка" (л. 104

[1]) Начальное *в* въ „*в*узбужю" есть въ этомъ памятникѣ, вѣроятно, не болѣе, какъ вторичный эвфоническій призвукъ,—такой же призвукъ, какимъ надѣленъ у поповича Евсевія и предлогъ *у*. Срв. „И всякъ, вѣруяи *ву* мя, не умрть" (л. 67 об. d), гдѣ „*ву*"=„*у*" (а это послѣднее—изъ *въ*).

об.), „и успомянувъ Петъръ, гл[агол]а ему" (л. 105), „не узноситеся" (л. 131), „се усходимъ во Иер[у]с[а]-з[и]мъ" (181), „ідоша усъпять" (л. 212) „узгласи" (213) и пр. То же—въ приписке на этомъ Луцкомъ евангеліи, начала XV в.: „кр[е]стъ узвизалныи" (л. 42 об. = воздвизальный).

Въ львовскихъ Пандектахъ Антіоха 1307 г., писанныхъ однако не во Львовѣ, а въ какой-то „Лаврѣ св. Богородицы" (вѣроятно, Владиміръ-Волынской), форма предлога *уз* встрѣчается, по подсчету А. Кочубинскаго, 133 раза [1]), напр.: „не уздаяти" (л. 8 б), „усхотѣвати" (л. 9 а), „прибытъкомь узъвращаеть" (л. 20 б), „о уздержаньи" (л. 22 б), „узда устязающи" (л. 23 а), „на узятье" (л. 30 б), „на усточнѣи горѣ" (л. 45 б), „уностьнаго уздраста" (л. 55 б, = възраста) „ускую прискербна еси..... и въскую смущаеши мя" (л. 68 б) „узлюблении успрянѣмъ" (л. 80 а), „языкъ ихъ узнесеся" (л. 90 а), „узбоимося" (л. 90 б), „во узмущѣнье" (л. 129 а) и т. п. — По мнѣнію В. А. Розова (высказанному устно), та упомянутая въ записи лавра, въ которой писаны Пандекты 1307 г., есть кіево-Печерская. Это предположеніе сомнительно вообще по очень многимъ причинамъ, да между прочимъ и по тому, что въ кіево-Печерской Лаврѣ XIV вѣка врядъ ли ужъ очень обильно слышалось *уз* (развѣ изъ устъ бѣлоруссовъ), а вѣроятно предпочиталось тогда въ Лаврѣ нынѣшнее кіевское произношеніе *з* (съ отпавшимъ у), или—съ новымъ эвфоническимъ призвукомъ—слышалось произношеніе із.

Въ житійномъ монастырскомъ Чудовскомъ Сборникѣ XIV в. № 20,—сѣверно-малорусскомъ (а точнѣе—должно быть, кіево-печерскомъ) [2]), — при обычной общеславянской орѳографіи „успнути" „успити" (л. 144 d, = усыпить) съ начальнымъ слогомъ *ус* [3]), мы встрѣчаемъ параллельную форму съ начальнымъ *ис*, гдѣ начальное *и* есть, очевидно, вторичный эвфоническій протезисъ, который возникъ

[1]) См. его отзывъ о книгѣ П. И. Житецкаго, стр. 237 (въ 32-омъ Уваровскомъ присужденіи). Выписки—на стр. 276, 236, 279.

[2]) Описанъ и отчасти изданъ (В. Н. Щепкинымъ) въ посмертныхъ „Библіографическихъ Матеріалахъ" А. Попова (москов. „Чтенія" 1889).

[3]) По своему этимологическому происхожденію это общеславянское *ус* восходитъ, конечно, не къ *въс*: оно есть предлогъ *у* и начальный звукъ корня *съп*. Но, очевидно, для сознанія кіевлянъ XIV в. не было разницы между такимъ начальнымъ слогомъ *ус* и предлогомъ *ус*.

въ силу того, что звукъ *у* въ слогѣ *ус* подвергался отпаденію въ живой рѣчи кіевлянъ XIV вѣка. Сюда относятся начертанія: „Єда *и* спли суть б[о]зи ваші?“ (л. 79 с,=успли, т.-е. усвули), „нощи болѣзьныя *и* съпша“ (л. 231 b=усъпша). Отчасти срв. еще (неубѣдительное): „*и* скѣпѣ вода“ (л. 8 b), гдѣ начальный слогъ можетъ съ одинаковою свободою объясняться какъ изъ малорусской переработки предлога *въс*, такъ и изъ сохраненія церк.-слав. предлога ис [1]).

Наконецъ, изъ числа мр. памятниковъ XIV вѣка надо отмѣтить зап.-мр. грамоты, въ которыхъ форма *уз* довольно обычное явленіе. Таковы:

Въ купчей 1366 г., писанной Болестрашицкимъ поповичемъ изъ Перемышльщины: „продали и *уз* дали ему добровульно“ (=Голов. № 3, стр. 6). — Въ другой, монастырской купчей 1378 г. того же писца: „Пани Хонька ис [с]воемъ зятемь и своемъ со всѣмъ племенемь *уз* дала есть тотъ мунастырь Иванови Губцѣ“, „а при томъ *уз* даванъѣ были бояре“ (=„Украин. Грамм.“ т. I, стр. 420γ).—Въ купчей 1391 г. воеводы Феброна изъ той же Перемышльщины: „всѣмъ добрымъ людьмъ, што на тотъ листъ *уз* оздрять“, „и *уз* далъ есть вл[а]д[ы]ка передъ нами пану Яшкови *Ис* прувъскому [2]) та дворища“ (=„Украин. Грамм.“, т. I, стр. 420ζ).

Во вводной грамотѣ галицкаго старосты Оты 1371 г. „ис [с]воимъ племенемъ *уз* дали пану Вятславу“ (=„Укр. Грамм.“, т. I, стр. 420β).

Въ волынской луцкой присягѣ 1386 г. тамошняго намѣстника королю Ягайлу: „А што ми *у* скажет осподарь мои“, „возметь, коли *ус* хочеть“ (=„Украин. Грамм.“, т. I, стр. 502).—Въ луцкомъ векселѣ 1388 г. короля Владислава-Ягайла молдавскому воеводѣ Петру: „тотъ исный гродъ силою *уз* метъ“ (=Голов. № 8, стр. 11).

Въ судной грамотѣ галицкаго старосты Гнѣвоша 1393 г. изъ Теребовльщины: „на тотъ листъ *уз* оздрять“ (=„Украин. Грамм.“, т. I, стр. 420η).

XV вѣкъ.

Въ памятникахъ XV в. не будемъ останавливаться на случаяхъ употребленія *уз* (они — обильны), но отмѣтимъ

---

[1]) Глаголъ „искыпѣти“ извѣстенъ и въ балканскихъ церковно-славянскихъ памятникахъ.

[2]) Предполагаю, что въ этой фамиліи начальное *Ис* = *Въс* (и что основа этой фамиліи есть въспьр).

лишь, въ качествѣ болѣе интересныхъ, тѣ случаи, гдѣ вмѣсто *уз* проскользаетъ просто *з* на нынѣшній ладъ.

Иногда существованіе выговора *з* (вм. *уз, вз*) легко проскальзываетъ въ XV в. даже изъ-подъ начертанія *уз*, какъ напр. во львовской присягѣ 1407 г. молдавскаго господаря Александра (=Улян. 16): „...коли ся есмы голдували и записали его м[и]л[о]сти, штобыхомъ то вѣчно *уз*держяли, яко ся есмы тогда голдували и записали". Какъ видно изъ контекста, здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ глаголомъ „въздьржати", но съ глаголомъ „*съ*дьржати" (=соблюсти, исполнить, сдержать), и несомнѣнно, что писецъ произносилъ просто „здержяти"; а если онъ написалъ здѣсь въ грамотѣ *уз*, то сдѣлалъ это очевиднѣе всего потому, что во многихъ другихъ своихъ глаголахъ вполнѣ привыкъ чередовать приставки *з* и *уз* (восходящія этимологически къ *въз*).—Такое же «*уз*держяти»—въ буков. таможенномъ договорѣ 1407 г. того же воеводы Александра (=Голов. № 28, стр. 31): «А то мы слюбуемъ вѣчно *уз*держяти».

Обычно мы въ XV вѣкѣ видимъ написаніе буквы *з* (а не *вз*) въ словахъ „*з*ыскъ" (=вз'искъ), „*з*ыскати" (=вз'искати); вульгаризаціи этого написанія содѣйствовала, конечно, и польская орѳографія, въ которой zysk, zyskać сдѣлались общепринятыми[1]). Такъ, въ размежевочной грамотѣ 1401 г. галицкаго старосты Петраша (=Украин. Грамм., I,420): „что укажеть [границѣ] твердѣйшимъ листомъ, тотъ *з*ыскалъ"—Въ размежевочной галицкой Зудечовской грамотѣ ок. 1428 г. (=Голов. № 40, стр. 45), наряду съ „*у*спомнатися" (44) и „подлѣ Узлежи" (45), мы читаемъ: „панъ Балицкии довелъ своихъ границь и *з*ыскалъ" (45).—Въ жалованной господарской буковинской грамотѣ 1449 г. воеводы Александра: „хотилъ себѣ *з*искъ учинити твоими пинѣзми" (=Улян. 75). И др.—Срв. еще въ поученіи Ѳеодосія Печерскаго о терпѣніи по Румянцовскому сборнику XV в. № 406: «Кровь их *изы*щу от руку твоею» (л. 115), тогда какъ въ кіево-печерскомъ спискѣ № 47 (1747 г.) здѣсь оказывается «*вз*ыщу».

Въ буковинскомъ долговомъ обязательствѣ 1421 г. воеводы Александра своей разведенной женѣ (=Улян. 26—27) превращеніе стариннаго *въз* въ простое *з* (а оттуда—въ *із*) проявляется въ томъ обстоятельствѣ, что глаголъ,

---

[1]) Польскому языку тоже не чуждо превращеніе предлога *въз* въ *z*, хотя далеко не въ такой сильной степени, какъ языку малорусскому.

означающій взыскивать (соврем. мр. „стяга́ти“,—напр. „стяга́ти довги“), стремится принять у писаря то форму „[и]стягати“, то форму „*встягати*“. Срв.: „корол[ь] господарь наш имиет *истига́ти* тых двух-на-дцять сотъ золотыхъ“,—и рядомъ же: „[шессот золотых дукатовъ] имиет брати и *встягати*“.

Въ вѣновной (луцкой?) записи ок. 1450 г. пана Дмитра Порыцького (=кіевск. «Палеогр. Изб.» № 9): «А коли жона моя *зхочет*» (изъ «възхочеть»).

Лѣтописный городъ Возвяголь (нын. Звягель Волын. губ.) фигурируетъ въ грамотахъ XV вѣка уже просто какъ *Звяголь*. Срв. въ жалованной грамотѣ 1496 г. вел. кн. Александра, писанной въ Меречи: „Билъ намъ чоломъ намѣстникъ *Звягольскій*, Яцько Мезь“ [1]).

Въ интересныхъ жидовствующихъ памятникахъ кіевскаго нарѣчія конца XV в. (см. о нихъ стр. 381 — 383) форма предлога *уз* рѣдка, хотя все же встрѣчается [2]). Вмѣсто того тамъ пишется или книжное „възъ“ (вар. „воз“, „вос“, „вз“ „вс“), или тогдашнее разговорное *з*.

Такъ, въ жидовствующемъ переводѣ книги Даніила (Виленск. рукоп. № 262): „Тогды жь Нывухаднецар царь *здивился*“ (гл. III, 24 = изд. Евсѣева 142: изъ „въздивилъся“);—„Дотknулся мене, яко виденье человѣчее, *скрепил* (=въскрѣпилъ, wzmocnił) мене“ (гл. X, 18=стр. 154);— „И в говореньи его со мною *скрепихься* и рекох: да говорит господинъ мои, яко *скрепилъ* мя еси“ (гл. X, 19).—„И яко же усплѣет в богатствѣ своем, *збурит* все царство Еллинское“ (гл. XI, 2=155; т.-е. *wz*burzy, взбунтуеть). — „И нечествующих завѣта *спохлѣбит* гладкоязычьемъ“ (гл. XI, 32=стр. 156;=въспохлѣбить, т. е. обольститъ). — „И в годину ону *збудет* (=устоитъ) люд твои (гл. XII, 1=стр. 157); срв. этотъ же глаголъ съ написаніемъ предлога „възъ“ въ жидовствующемъ спискѣ Псалтири Ѳедора Еврея: „а *възбудет* на тои д[е]нь Б[о]гъ единъ“ (псал. 71=Спер. 17).—Въ переводѣ Плачей Іереміиныхъ той же Виленской рукописи № 262: „Око мое зни-

---

[1]) Изд. грам. 1496 г. въ „Грамотахъ вел. князей литов.“ Антоновича и Козловскаго, № 10, стр. 21,=отт. изъ „Унив. Изв.“ 1868.

[2]) Срв. въ Виленской рукописи № 262: „и учинили есмо неучтиво и *успятилися* есмо“ (Даніилъ, IX, 5=изд. Евсѣева 152); „учинит лесть и *узойдеть* и осилеетъ малыми людми“ (Дан. XI, 23=стр. 156): „И вси жонкы *уздадуть* честь мужомъ своимъ“ (Эсѳирь I, 20=стр. 164).

ходить водою“ (гл. I, 16=стр. 160; отъ „възънити“); — „*Въз*дыхаю я,..... многи *з*дыханья мои, а сердце мое болитъ“ (гл. I, 21—22=стр. 161); — Вси гонителї ее *с*постигли (=въспостигли) ее межи границами,... єрѣи ее *из*дыхают (=въздыхаютъ), дѣвки ее смутны, а сама — горко ей“ (гл. I, 3—4=стр. 160). И мн. др.

Въ жидовствующихъ спискахъ т. н. Псалтыри Феодора Жидовина (изд. Сперанскимъ): „м[о]л[и]твѣ нашеи дотягни и *з*люби (=възлюби), како приношеніе р[о]жствѣ“ (псал. 11, стр. 3; срв. еще пс. 27). Мало характерно: „Защити отъ всякои убыточнои *с*трѣчи“ (т.-е. встрѣчи; пс. 41, стр. 10) [1]). Зато, кажется, нельзя видѣть ничего иного, какъ рефлексъ глагола „*възг*нѣтати“, въ псалмѣ 43-мъ: „Исповѣсть Б[о]гу и Г[оспод]у: *с*нети (т.-е. возгнети, воспламени) с[е]рдце свое, опрости языкъ свои, дай похвалу съ страхомь Б[о]жіимъ“ (пс. 43=стр. 10). По всему вѣроятію, скорѣе къ формѣ „въсподо̂льный“ (чѣмъ къ „съподо̂льный“) этимологически должно восходить прилагательное „*с*подилнии“ (=дольній; псал. 48=стр. 12): „Кто, верхьніи и *с*по̊дильнии, можеть обыскати дѣло Твое?“ — Наконецъ и въ заключительномъ (9-мъ прибавочномъ) пѣснопѣніи Феодоровой Псалтири мы имѣемъ: „Придѣте и похвалите Б[о]га къ вратомь єг[о], исповѣдаитеся вь дворѣ єго *из*радоства́ хваленіемь“ (т. е. „*възра*достьства́“, род. ед.; л. 275=стр. 20).—Сюда же надо отнести въ псалмѣ 53 (=Спер. 13): «А мы не *ис*пѣемъ похвалити Тобе» (вм. «*ус*пѣемъ»).

Послѣ XV вѣка.

Послѣ XV вѣка малорусскіе памятники показываютъ намъ совершенно ясное, прогрессивно усиливающееся преобладаніе формы *з* (или *из*) надъ *уз* и *вз*. Пожалуй, послѣдняя изъ орѳографій (т. е. *вз*) примѣняется и послѣ XV вѣка на письмѣ часто, но это дѣлается—очевидно—ужъ не столько потому, что произношеніе *вз* было все еще обычнымъ въ живой рѣчи малоруссовъ, сколько потому, что орѳографія *вз* или *въз* совпадала со священной церковно-славянской и съ польской. Форма же *уз* даже на письмѣ становится все

---

[1]) Не характерно это начертаніе потому, что зачинное *с* въ словѣ „стрѣча“ можетъ восходить не только къ *въс*, но и къ исконному съ (срв. церк.-слав. „сърѣтеніе“). Срв. однако соврем. зап.-мр. „*в*стріча“.

более и более рѣдка, особенно къ вѣку XVII-му, причемъ рѣдка она становится и въ памятникахъ нарѣчія западнаго, а не только восточнаго, гдѣ она вообще не была слишкомъ прочной. Выписокъ изъ памятниковъ XVI—XVII в., въ которыхъ рефлексомъ старииннаго *вз* является *з*, приводить здѣсь не къ чему; примѣровъ нашлось бы большое обиліе.

Въ смыслѣ *з* (изъ *вз*) нерѣдко пишется въ XVI—XVII в. начертаніе *из*. Отчасти призвукъ „и" подсказывался и народнымъ произношеніемъ (законами благозвучія), отчасти же это являлось чисто-книжническимъ пріуроченіемъ къ церк.-слав. предлогу изъ. Такое изъ попадало и въ печатную схоластическую мр. литературу; срв. у Кирилла Транквилліона въ предисловіи къ Евангелію Учительному (Рохмановъ 1619): „.....винница тогда въ запустѣніе будетъ, *из*ыйде трьніе въ ней, яко на цѣлизнѣ (= взойдетъ, какъ на нови), и въ дичину *вз*ыйдутъ лѣторасли ея".

Въ извѣстномъ рядѣ случаевъ, гдѣ *уз* не превратилось въ *з*, мы въ XVI—XVII в. наблюдаемъ склонность писать не *уз*, но *оз*; состоялось это, вѣроятно, не безъ вліянія предлога *о*. Такъ, въ копіи съ Кіевской люстраціи ок. 1471 г.[1]: „Тыс всн подымъщину даютъ, што *оз*ле [Житомира] пашуть" (6). — Въ воеводскомъ кіевскомъ приговорѣ 1510 г. по дѣлу о землѣ[2]: „и тую дорогу имъ очистилъ ездити имъ по роллѣ, *оз*ле ровка" (16).—Въ кіевской вкладной записи 1526 г. на Ев-іи кіево-Михайл. монастыря нач. XVI в.: „*оз*лѣ Борщовки поле Михайловское звѣчное" (л. 249=Крыж. 171).—Въ описи Кіевскаго замка 1552 г.[3] упоминаются „поповскіе домы в месте: Пречистенского домъ, Демидовского, *Ос*кресенского" (117). — Во Владиміръ-Волынской книгѣ кгродской 1568 г. въ постановленіи о штрафѣ: „Нехай князь вашъ (=Курбскій) пришле зъ совитостью[4], тогды-дей я *оз*му"[5]; „тые пенези..... огъ пана твоего, князя Курпского, безъ совитости *оз*мемъ"[6]. Въ той же

---

[1]) Изд. въ 7-й части «Архива Юго-Зап. Р.», т. II (Кіевъ 1890), стр. 1—9.

[2]) Изд. въ 1-й ч. «Арх. Юго-Зап. Р.», т. VI (Кіевъ, 1883), стр. 15—16. Повидимому, это лишь копія съ рѣшенія 1510 г.

[3]) Изд. въ 7-ой части „Архива Юго-Зап. Россіи", т. I (Кіевъ 1886), стр. 106—122.

[4]) Sowitość—штрафная плата вдвое.

[5]) № 935, л. 151=Антон. и Козлов. № 57, стр. 142.

[6]) Тамъ же, стр. 144.

книгѣ подъ тѣмъ же 1568 г. въ таможенной записи: „на *озбиранъе* побору отъ товаровъ“ [1]), и т. п. — Въ виршѣ ок. 1651 г. о пораженіи Б. Хмельницкаго подъ Берестечкомъ: Wsi bo nestatky wsi dostatky—zautra ich *oz*mesz sobi“ (=Украин. Грамм. I, 271.)

См. стр. 420 μ.

Свѣдочный листъ изъ Галича 1409 г. старосты Яна Щькотьскаго о продажѣ остальной части с. Тристянець Филемь Мяковичемъ Колѣ Далюевскому,—изъ библіот. гр. Тарновскаго въ Диковѣ. (Фотот. изд. въ „Палеогр. Сн.“ № 49).

А се я, панъ Янъ Щькотьскии, панъ Вислицкии, староста Галцкии (sic), свѣдчю то и познаваю сим нашим листом каждому добром[у], кому надобѣ, кто на том листъ позрит или услышить его чтучи, коли буд[е]ть т[о]го листу кому потрѣбизна, ижь, прида пьрьдъ нас и пьрьд земляны, Филь Мякович и[с] своею братьею,—и на имя изъ Гриньком Сочивьчичьмъ и с Миньком и зятьм и сестрою,—со всѣх своихъ ближьших приволѣньемъ, своею доброю вольюю, ани примучьни, познали то, ижь суть продал[и] и уздал[и] пьрьдъ нами пан[у] Колѣ Далюевьском[у] остаточную свою половину дѣдьнины Тристяньць за 6 и за 20 копъ. И оправили ему ту половицю Тристяньць у 50 копъ на вѣки вѣком и дѣтьмъ его. Уздали и отступили тоѣ дѣднины пану Колѣ тако, яко сами дьржали: исо всѣмъ правомь, ис всѣм обиѣздом, ничього собѣ нь вынимаючи, ни зоставляючи, и со всѣми границами вѣчистымъ (sic) и с польмъ и землью и с лѣсы и зу дубровами и с озеры и ставы и ставищи и с лулуками (sic) и сѣножатьми и со всѣми ужитъки, што нинѣ суть, што и потом могуть быт[и]. А ту дѣднину панъ Кола вольнъ продати, или замѣнити, или тунь отдати, у своѣ лѣпьшиѣ ужитки обратити. А выволилъ то пан[у] Колѣ Филь Мякович и[с] своею братьею и [с] своими всѣми ближьшими, ижь у тои половици дѣднины и у другои, што пьрвое купилъ панъ Кола, нь мож[е]ть габати Филь, ани его братья, ани его ближьши, у тоя дѣдининѣ Тристяньцьх

---

[1]) № 2042, л. 398 об.=Антонов. и Козл. № 58, стр. 147.

пана Колы и его дѣтии и его ближьших. А тои рѣчи свѣдъци: пан Стрецъ, воевода Галицкии, пан судя Дробышь, пан Васко Тяпьтюкович, пан Хрщн Мартиновьскии, пан Миколаи Стпичьвик, пан Малофѣи, пан Михалко Грабовьцкии, Борис Хомѣкович, Стьцко Далятиньскии; [и] инѣх добрых много было к тому. А я, пан Ян Щькотьскии, пан Вислицкии, староста Галицки, даю сии свои лист пану Колѣ Далкевьскому на свѣдоцьство, под нашью пьчатью. Писан лист у Галичю, у поньдѣлок пьрьд Матки Б[о]жиѣ 1 дьни. Число лѣт Розества Х[ристо]ва 1000 лѣт и 4 ста лѣт 9 лѣт. У вѣки, аминь.

Львовскій судебный приговоръ 1412 г. старосты пана Срѣмскаго по раздѣлу имѣнія Сулимова между Хмѣлемъ-Прибкомъ и Войткомъ Сулимовскимъ,—изъ Несвижскаго архива. (Фототип. изд. въ „Палеогр. сн." № 50) [1]. Буквы ь и ъ трудно здѣсь отличить одну отъ другой съ несомнѣнностью.

Во имя Божье знаменито буд[ь] и свѣдочно каждом[у] довром[у], кто коли на тот лист позрить албо услышит его чтучи, кды его будет потребно. Мы, пан Иван, пан Срѣмскыи, староста Рускыи, свѣдчю то своимь листом, иже пришедь пред нас и пред ты добре, што с нами у тоть час сѣдѣли[2]), Хмѣль, крщене (или «крщен[о]е»?) имя Прибекь, добывал на Воитку Сулимовскемь половины Сулимова. Тогдѣ есмо выслышали (sic) рѣчь обою зо обу сторону: и Прибкову, и Воиткову. Тогде Воитекь положил лист п[а]на Тернавского, штожь пани Ядвига Хмелевая [с] с[ы]ном с Приб-

---

[1]) Наша транскрипція рѣзко отличается отъ приложенной г. Соболевскимъ къ „Палеогр. снимкамъ", и это—не только въ отношеніи буквъ ь и ъ (которыя въ этой грамотѣ 1412 г., дѣйствительно, едва ли вполнѣ отличимы одна отъ другой), но и въ отношеніи цѣлаго ряда словъ. Въ „Пал. снимкахъ" напечатано, напр., въ 14-ой строкѣ: „*Хмель*", а въ снимкѣ сфотографировано „*Химль*"; напечатано: „*на* тоть часъ", а въ снимкѣ—„*у* тоть час"; напечатано: „кды будеть потребно*мъ*. Панъ Иванъ...", а въ снимкѣ: „кды будет потребно. *Мы*, пан Иванъ..." И пр., и пр.

[2]) Передѣлано изъ „сѣд*и*ли".

ком уздала пол села Сулимова Воиткови по своии [1]) д[о]чери, а по Прибкове сестре по Алжбѣтѣ. И мы есмы [2]) есмы выслушали листь п[а]на Воитковь, што ему писан, и оставили есмы Воитка при Сулимовѣ, бо Воитек за другую половину дал 40 коп. И наколи бы [3]),—его Богъ не даи,— Воите с того свѣта сшеддъ (sic?), ано на его дѣти Сулимовъ има сполна спасти, што со Алжкою ѣ имѣеть. А,—его Бог не даи,—ажбы Воитко с дѣтками с того свѣта сшель, што ѣ имѣль с Прибковою сестрою с Алжкою, тогдѣ има Химѣль Прибко писаныи положити Воитковымь ближшим 40 коп, а Сулимовь имѣти. А на потверженье сему листу завѣсили есмы нашю печать. А сведци—цнии панове: пан Глѣбъ Романовскыи [4]), пан Осташко Давыдовскыи, пан Васко Мошенчич, Иван Черноусович, Олександро Ледянскыи, Влодекь, воевода Лвовскыи, [и] иныхъ велѣ при томь добрыхъ было, имже честь и вѣра лежить. Дан у Лвове, у суботу первую по узнесеньи Божии, па памят[ь] под лѣты Ружства Хр[и]стова 1000 лѣтъ 400 лѣтъ 12 лѣтъ. Аминь.

Львовскій судебный приговоръ 1421 г. того же старосты, пана Срѣмскаго, въ тяжбѣ Ивана Лопатича съ Яномъ Бѣлецкимъ насчетъ села Бѣлки, — изъ варшавской библіотеки Красинскихъ (Фототип. изд. въ „Палеограф. сн." № 33).

Мы, Иван, пан Срѣмскии, а староста Рускии, вызнавамы тым-то листом каждому доброму, яко нынѣвшимъ, тако по насъ будущимъ, иже кролевскимъ приказаниемъ сѣдѣли есмы на судѣ с тыми паны, што суть далѣи подписани,—иже Лопатичь Иван Юриевъ сынъ исъ его братиею посполною рукою позвали суть Яна Бѣлецк[о]го о дѣдину: о Бѣлку, лежячию у влости у Лвовскои, и так о то, што межи тыми

---

[1]) Предпослѣдняя буква въ „своин" передѣлана изъ какой-то другой (кажется, изъ *ю*).

[2]) Слово „есмы" написано подъ-рядъ два раза, причемъ первый разъ передѣлано, повидимому, изъ „есмо".

[3]) Не „ино коли бы", какъ въ транскрипціи г. Соболевскаго.

[4]) Не „Романовьскый, какъ издано г. Соболевскимъ.

границями, ктерая прозвизвиска (sic) суть. Тако Янъ Бѣлецкии положилъ листъ кролевскии и такѣ иныѣ листы судовыѣ, што же на Бѣлку твердости имаеть. Тако мы с паны, оглядавши его листовъ, иже суть шляхетнии листове, исмолвившися, видячи едного Бога предо очима, а подлугъ смолвы—оставили есмы Бѣлецк[ог]о при Бѣлцѣ и такѣ, цо же межи тыми границами, ктерая прозвиска суть, со усѣмъ. И присудили есмы нашимъ судомъ Бѣлецкому па вѣки и его потомъ будущимъ исо усѣмъ правомъ ту истную Бѣлку, и узяли есмы на Янѣ Бѣлецкомъ помочное. А Лопатичь Иван, Юриевъ сынъ, [с] своею братиею стратилъ на вѣки и его ближшии, а не имают ся юже о то никды упоминати, нѣжли имають вѣчное молчание на вѣкы. А то ся дѣяло и дано у вовѣ (sic,=у Львовѣ), у пятокъ пятоѣ недѣлѣ у Великомъ постѣ, под лѣты Р[о]жства Х[ристо]ва 1421 лѣта. А при томъ были шляхетнии панове: Олешко, судия Илвскии (sic), панъ Янъ Виницкии, пан Янъ Зубрскии, Иван Черноусъ, Васко Мошенчич, Михал Малеховскии, Янъ Хлопецкии, иныхъ много было добрыхъ, имже чьсть и вѣра лежить.

Свѣдочный листъ 1418 г. галицкаго старосты Михала Бучацкаго о мѣнѣ Маргариты Росовой и Ивана Тучняка селами въ Бережанскомъ округѣ, — изъ библіотеки гр. Тарновскаго въ Диковѣ. (Фототип. изд. въ „Палеогр. сп.“ № 32).

А се я, пан Михал Бучацкии, староста Галицкии, свѣдъчю то и познаваю симъ своимъ листомъ каждому доброму, кому надобѣ, кто на тои листъ возрит [1]) или услышите его чтучи, коли буде того лист ‖ ого листу ком[у] потребизна, иже, пришедъши передъ нас и передъ земеляны Тучняк Иван ис панею Росовою ис Марегорѣтою, своею доброю волею, ничимъ не примучени познали передъ нами и передъ земеляны, иже ся замѣнили селы. Тучнякъ дал пани Марекорѣтѣ Росовои свое село Куропотники [2]) и Неляжича дворище, а так уздал, яко самъ имѣл: ис полемъ и землею

[1]) Чтеніе „позрит“ едва ли позволительно, хотя буквы и нечетки.

[2]) Теперь—Коропатники въ Бережанскомъ округѣ.

и с луками и с водами и с рѣками и с луги и с гаии с лѣсы и с дубровами и со весѣми ужитъки, што нининѣ (sic) сут, што и потом могуть быт[и], и со всѣми границами вѣчистыми, што изе вѣка к тои дѣдининѣ прислушало, со всѣмъ ис тѣмъ уздал Росовои па вѣки вѣченыѣ. Пак ли бы кто пагабал у тои дѣдининѣ панюю Росовую Марекрѣту или того, кому бы она продала, то Иваноко Тучпякъ имае заступити [и] оправ[и]ти. Или бы крол[ь] пагабалъ, то имаеть оправ[и]ти Тучепяк. А тако ж паии Марекорѣта Росовая д[а]ла свое село Сернко [1]) Тучиякови и 40 коп прид[а]ла за Куропотеники, а тако ему уздала, яко сама имѣла: ис полемъ и землею [2]) и сѣножатьми и с рѣками и с болоты и с гаи и со всѣми ужитъки, што нинѣ суть, што и потом мугуть быт[и], исо всѣми границами вѣчистыми; и со всѣмъ ис тѣмъ узд[а]ла Тучиякови, што изе вѣка к тои дѣдининѣ прислушаеть, на вѣки вѣченыѣ. Пак ли бы кто нагабалъ Тученяка у тои дѣдининѣ у Серньку, или крол[ь] г[о]сподарь, то паии Марегорѣта Росовая имаеть заступити [и] оправ[и]ти подлугъ земеск[о]го права. А тому свѣдъци — панъ Миколаи Стпичепикъ, панъ Зубрь Янечии [3]), панъ Фряпецикъ Борешеницъ, Воитоко пана старостинъ брат, Никлесъ воитъ Галицекии, Михал Грабове||цеки, Волочеко Медынескии, [и] иных мн[о]го добрыхъ. А я, пан Михалъ Бучач|екии [4]), староста Галицеки, даю сии свои листъ паии Марекорѣтѣ Росовои, на свѣдоцество, подъ своею печатью. Писано листъ у Галичю, у понедѣлок на перевоѣ Матъки Божиѣ. Число лѣт Розества Х[ристо]ва 1000 лѣт и 4 ста лѣт и в 18 лѣт.

---

[1]) Теперь извѣстны села Сернки Горішнї, Сернки Середнї и Сернки Долїшнї—надъ р. Гнила Липа въ Бережанщинѣ.

[2]) Предпослѣдняя буква *е* слегка походитъ на *ь* (какъ будто написано „землью“), но только слегка; а въ общемъ ясно, что это буква *е*.

[3]) Или б. м., это одно слово „Зубрьянечии“.

[4]) Какъ разъ надъ этимъ окончаніемъ „-екии“, начинающимъ новую строку, приходится въ предыдущей строкѣ окончаніе „-*це*кии“, принадлежащее имени „Грабовецекии“, которое разбито тоже на двѣ строки („Грабове-“+„-цекии“).

Листъ изъ Галича 1424 г. старосты Михаила Бучацкаго о купчей сдѣлкѣ между братьями Ходькомъ и Джурджемъ Головенчичами насчетъ с. Перерости,—изъ Института Оссолинскихъ во Львовѣ. (Фототип. изд. въ „Палеогр. сн.“ № 34).

Во имя От[ь]ця и С[ы]на и С[вя]т[о]го Д[у]ха, ам[и]нь. А се я, панъ Михаило Бучатьскии, староста Галицькии, свѣдчю то и познавамъ симъ своимъ листомъ каждому доброму, кому надобѣ, кто на сии листъ позрить или слышить его чтучи, коли будеть сего листу кому потрибизна, аже пришолъ передь нась и передь земляны панъ Ходько Головеньчичь п[с] своимъ братомъ ис Жчюрьж[е]мъ [1]) Перероскимъ. Созналъ то передь нами панъ Ходько своею доброю волею, никимъ не принуженъ, аже—што имаю посполную дѣдьнину Перерость, аже продалъ свою половоцю Перерости брату своему Жчюржеви за тридьцять гривенъ; а продалъ ему на вѣки вѣчьныѣ и дѣтемъ его и щадькомъ его. А тому свѣдьци: панъ Миколаи Спичникъ, панъ Куньцѣрь, панъ Михаило Грабовецькии, панъ Шанъдро Апришовьскии, панъ Влакои Драгомирецькии, панъ Ивашко Жчюрьж[е]вичь; а подьли тѣхъ—иныхъ досытъ было добрыхъ. А я, панъ Михаило Бучатьцькии, староста Галицькии, даю сии свои листъ Жчюрчеви Перероскому на свѣдочьство, подъ своею печатью. Писанъ листъ у Галичи, у понед[ѣ]локъ, число лѣт Рожества Хр[и]ст[о]ва четвертого ста лѣт 24 лѣт.

Жалованная грамота 1424 г. черниговскаго князя Швитрикгайла своему слугѣ Владу Драгосиновичу на имѣнія въ гуцульской Галичинѣ,—изъ краков. музея Чарторыйскихъ. (Фот. изд. въ „Палеогр. Сн.“ № 20).

Во имя Б[о]жье, аминь. Рѣчи, которыи жь в часу бывають, ажбы не проминулы съ проминучими часы, подобно есть, имѣлы ли бы приити къ будущои знаемости, ажбы вѣчностию листовъ былы потвержены. Про то ж мы, Швитрикгаило, инако Болеславъ, з Божьеи м[и]л[о]сти князь

[1]) Или «Жчюржьмъ»? Буква ч и вторая въ словѣ буква ж надписаны надъ строкою.

Черниговскии и иных, на знамость то чинимы сим нашим листом каждом[у] добром[у], нинѣшним и потом будущим, сего листа чтучим и слухаючим, кому ж будет т[о]го потребизна, аже взозрѣвше есмо на вѣрную службу нашего вѣрн[о]го слуги на имя Максима, инако Влада Драгосиновича. Што ж есть нам вѣрнѣ послужил и служ[и]ти имѣет, даем и дали есмо ему село, на имя Косово с манастыремъ [1]), на рѣцѣ на Рыбници, у волости Снятинскои; а на рѣцѣ на Черемоши—двѣ полянѣ: Березово а Жабье [2]). А тако есмо ему дали....., ему и его дѣтем и его нащадком и его намѣстком, тото первор[е]ченое село с тыми со всѣми пожитки, што ж здавна прислухают тамъ, яко коли есть у своих объѣханых границах долго и широко и округло, яко уѣхана к нему граница: от Рознова [3]) черес поле поперек на устье Волов[о]го; а на устье Ходосова Обчиною [4]) горѣ Волуицѣ, подлѣ дубины, по нижнии конець дубины; на верхъ Волуицѣ Обчиною алиж до пасѣки; а Обчиною поперекъ — на Ст[ож?]ки; Обчиною от[ъ] Пѣстынѣ на верхъ Воловцѣ. А тако ему даем и дали есмо: со млины, с полми, съ рольями, съ сѣножатми, съ луками, съ паствами, съ водами и съ ихъ истоки, съ рѣками, съ потоки, съ крънициями, съ ставы, съ озеры, съ мочилы, съ всяк[и]ми текуч[и]ми и стояч[и]ми водами, съ лѣсы, съ гаи, съ дубровами, съ чащи, съ дубники, съ березники, съ бортми, съ пасѣками, съ корчовьем, съ лозьем, съ горами и съ малыми горками, съ долинами и съ ловы звѣриными и поточьими. И мѣет то держа[ти и у]живати и поживати, волен продати и застав[и]ти, отдати, замѣн[и]ти, на свои лѣпшии

[1]) Теперь—галицкій торговый уѣздн. г. Косів, съ предмѣстьемъ Манастирсько, на р. Рибниця. Славится солеварнями.

[2]) Березово—нынѣ приселокъ къ гуцульскому с. Криворівня. Жабье—большое село. на р. Чорний Черемош.

[3]) Теперь большое село Рознів, въ долинѣ р. Рыбницы, ниже села Старий Косів (подъ г. Косовомъ).

[4]) Обчина, по нын. выговору Опчина, есть, вѣроятно, не имя нарицательное, а имя собственное горы (см. Слов. Желех. I, 574). Изъ „бъчина“ (=бічька).

пожитки обернути, онъ и его дѣ[ти и его] намѣстци, а то е село перворⅇ[е]ченое. И мѣють нам давати подлуг пр[а]ва волоск[о]го ты-то доходы, што ж сполнинъ..... (вырвано мѣсто) .....ю. А с кажд[о]го кметя — по 3 грош[и] польских краковск[о]го разу [1]) у каждыи год. А такѣж перворⅇ[е]ченыи Владь имѣ[е]т [намъ за та? вырвано] села служ[и]ти к нашеи [2]) потребизнѣ копьем а двѣма стрѣлци, и его намѣстькове такѣж уписаную службу им[ѣють служи? вырвано]ти нашим намѣстком. А на потвержѣнье том[у] нашем[у] листу казали есмо привѣс[и]ти нашю печат[ь]. А то ся стало у Сн (? дырка) [3]) ,...у четвергъ августа 31, под лѣты розтва Х[ри]с[то]ва тисяч[а] лѣтъ и 400 лѣт и 20 четверт[о]го лѣта. А тот листъ выш..... з рукъ Ивашка-подскарбего. А п[и]сал Ванко.

Размежевочная 1424 г. старосты Ленька Зудечевскаго о селахъ въ Бережанщинѣ,—изъ архива гр. Борковскихъ въ галиц. Островѣ. (Литогр. сним.—у Головацкаго при № 36, стр. 41).

А се я, панъ Ленко, староста Зудечовьскіи, свѣдчю сімъ своимъ лістомъ каждому доброму, кто коли на нь узрить іли хто колі его услышить чтучи, кому ж то его буде потребно,—аже есмо розъѣхалі граніцю межи паномъ Юрковьскімъ и паномъ Ивашкомъ Борьсніцкимъ, межи Острова и Дроховічь [4]). И закопы есмо закопалі вѣчныи. А имають пана Юрковьского люді—из Острова и съ Юкшовець [5]) имають дрыва рубаті, але не паствіті, ані свінеі упущаті у лѣсъ. А закопы копали: панъ Михалъ Малеховьскіи, панъ Григорь Бартошовьскіи, а слуга мои Илко. А при томъ

---

[1]) Б. м., надо бы было: „разъ“? Или „..рѣзу разъ.....“?

[2]) Буква *е* передѣлана, кажется, изъ недоконченнаго *и* (=на*шии*“?).

[3]) =„у Снятинѣ“? Издатели „Актовъ Юж. и Зап. Россіи“ (т. I, стр. 9) читали: „у Ос.....“, въ силу чего я здѣсь предполагалъ было (на стр. 58) черниговскій г. Остеръ, или галицкій г. Островъ. Но, повидимому, начальныя буквы „Сн“ неоспоримы.

[4]) Острів і Дроговичі—нын. села въ Бережанскомъ повѣтѣ.

[5]) Нын. с. Ю*шк*івці въ Бережанщинѣ.

свѣдці былі: панъ Дмитръ (ь?) Ролчьковічь, а панъ Петръ Цебровьскіи, а панъ Янъ Зубрьскіи, а панъ Куліковьскіи, а панъ Сенько Процевічь, а панъ Татомирь Баліцкіи; а иныхъ прі томъ досыть добрыхъ было. А к сему листу приложіли есмо свою [п]ечать, подъ лѣты р[о]жства Х[ри]с[то]ва 1000 лѣтъ и 400 лѣтъ 24-го лѣта.

Волынскія и подляшскія грамоты XIV—XV вв.

Разрѣшеніе купцамъ-гражданамъ г. Торуни, послѣ 1341 г., отъ вел. кн. Кейстута Гедыминовича и волынскаго кн. Любарта Гедыминовича, торговать въ Луцкѣ,—изъ Кёнигсбергскаго архива. Литограф. снимокъ изданъ у И. Срезневскаго въ приложеніи къ „Древнимъ пам. русск. письма и языка“, № 39.

От[ъ] князя от[ъ] Кестутя и от[ъ] князя от[ъ] Либорта [1]) у Торунь к мѣстычемъ. Што і есте просили насъ, абыхомъ васъ пустили до Лучцька търговатъ черезъ Берестие, абы вамъ не закажали [2]),—мы хочемъ ради то учинити вамъ. Не блюдитеся ничего, поидите. А коли которыи торговець поидеть торговатъ ис Торуня через Берестие до Лучьска, без печали будте. А кто поидеть съ сею грамотою через Дорогычинъ, чесъ (sic) Мелникъ и черес Берестие до Лучьска торговатъ ис Торуня, язъ, князь Кестути [3]), не велю ихъ заимати.

Луцкій договоръ кн. Любарта 1366 г. съ королемъ Казиміромъ—изд. на стр. 501.

Присяга кн. Өедора Луцкаго ок. 1386 г. королю Ягайлу—стр. 501—502.

Его же луцкая порука 1388 г. за Олехна — стр. 502.

---

[1]) Кажется, что такъ, а не „Люборта“, какъ мы ждали бы.

[2]) М. б., „закажа*ти*“. (Буква передъ *и* стерлась).

[3]) Срезневскій читаетъ „Кестут*еі*“, но это чтеніе сомнительно.

Судомирская присяга 1389 г. королю Ягайлу отъ кн. Семена-Лыгвенія, назначеннаго опекальникомъ въ Новгородъ,—изъ петерб. Импер. Публичн. Библіотеки. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сн." № 47).

Мы, княз[ь] Семенъ, инымъ именемъ Лыгвени, чинимъ знаменит[о] симъ листомъ, кто на нь возрить или прочитаеть, иже, коли освящины г[оспо]д[и]нъ Володиславъ, Б[ож]ье м[и]л[о]сти король Полскии, Литовскии и Рускии, иныхъ земль многихъ г[о]с[у]д[а]рь, братъ нашь миленшии, поставилъ нас опекалникомъ мужемъ и людемъ Великого Новагорода,—и мы тому корол[ю] и Ядвизе, королици королевства Полского, ис тыми людми с Великого Нова-года (sic), како же долго держимъ у нашемъ опеканию, слюбили есмы и еще симъ листомъ слюбуемъ, иже хочемъ при нихъ, при Коруне королевства Полского, пристати ис нашею сило[ю] и с нашими помочми и с нашею радою и с нашимъ (sic) остреженіи, безо всякои лсти и хитрости. Не хочемъ также николи отступ[и]ти ихъ Коруне королевства Полско[го]. А сему на сведоцсво наша печят[ь] привешена есть, яже дана есть у Судомири, у н[е]д[ѣ]лю у тыжед[е]нь по Великомъ дни, лѣт[а] Б[ож]ья тис[я]чя 389.

Краковская присяга 1388 г. кн. Дмитрія-Корибута Сѣверскаго Ягайлу—стр. 502—503.

Лучицкая порука 1388 г. бояръ за вѣрносгь кн. Корибута—стр. 503—504.

Вислицкая присяга 1393 г. кн. Өедора Любортовича Сѣверскаго—стр. 506.

Краковская жалованная 1394 г. земянину Дан. Задеревецкому отъ короля Ягайла—стр. 505—506.

Денежная росписка луцкаго епископа 1398 г. королю Ягайлу—стр. 204 γ.

Жалованная волынская грам. (ок. 1392 г. ? или 1429 г. ?) отъ вел. кн. Витовта Бедриху на земли въ Подолiи,—изъ библiот. гр. Тарновскаго въ галиц. Диковѣ. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сн." № 19).

Мы, великии кн[я]зь Витовтъ, дали есмо сюю нашу грамоту Бедриху, што держить от[ъ]насъ двѣ селищи: одно—Сволочигачи, а другое—верхъ Болванця, у Смотрицкои волости [1]). На тыи двѣ селищи записали есмо ему сею нашею грамотою шестьдесять копъ подольскими полугрошники. Коли жь быхомъ хотѣли тыи двѣ селищи любо сами узяти у него, или кому приволили быхомъ выкупити,—и тогды имѣемъ дати ему за тыи двѣ селищи шестьдесять копъ тую подольскими полугрошники по тои личбѣ, какъ у Подольи идеть. А писана у Туреиску в Володимерьскомъ, февраля у 1 д[е]нь, индикта у 7.

Житомiрская жалованная грам. 1433 г. вел кн. Швитрикгайла Леньку Зарубичу на села въ Луцкой и Кременецкой землѣ,—изъ Несвижскаго архива. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сн." № 21).

Во имя Г[оспо]дне, аминь. М[и]л[о]стiю Б[о]жиею мы, великиї кн[я]зь Швїтрикга[и]л[о], свѣдомо чинимъ всякому симъ нашимъ листомъ, кто во нь возрить или услышить чтучи, кому жь будеть того потребно, иж бы добре вразумѣлъ, иже дали есмо и запїсали Ленькови Зарубичю тая села в Луцкої земли: Олыку на рецѣ Олыцѣ, а Мытельно, а Долгие Шии, а Велбичи; а в Кремянецкои волости—Вандруга а Семеновка на рецѣ Семеновце. А имѣеть Ленько Зарубич тые села держати вѣчно, непорушо (sic), со всимъ, што к тым селомъ прислушаеть: с полми, с нївами, съ сеножатми, съ водами, с реками, с крыницями, с потоки, с озеры, с рыбами, со млины, съ ставы, с ловищи и со звѣри и с потками (sic?), съ лѣсы, з дубровами, с поросльми, съ гаи и з бобровыми гоны, з болоты, с травами, з бортным деревьем, съ выгоны и со всими уходы и приходы. А

[1]) Смотричь - въ Подолiи, на рѣкѣ того же имени.

по Ленкове животѣ и дѣтем Леньковым також тая села держати со всим, какъ на семъ листу выписано,—вѣчно, непорушно. А не останут ли ся дѣти по Ленкове животѣ,—ино Ленькову ближему; алюбо кому Ленко прикажеть по своем животѣ, тому также тая села держати, вѣчно, непорушно, со всим, што к тымъ селом слушаеть, как же на сем листу выписано на преде. А псан[о] в граде Житомири, под лѣты Іс[у]с Х[ри]с[то]ва р[о]жства тисяча и чотыриста лѣтъ 33, м[ѣ]с[я]ця декабря 27 д[е]нь, индик[та] 12.

Жалованная луцкая грам. 1438 г. вел. кн. Швитрикгайла кухмистру Петру Мышьчичу на села въ Кременецкомъ повѣтѣ. Хран. въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ, № 68,2.

М[и]л[о]стью Б[о]жиею мы, великыи кн[я]зь Швитрикгаилъ Литовъскыи, Рускии и иных, чиним знаменито и даем вѣдати сим нашим листомъ каждому доброму, нинешним и потом будущимъ, хто на нь возрить, или его чтучи услышить, кому жь коли его будеть потребно, ижь видѣвъ и знаменавъ службу нам вѣрную а нигды не опущенную нашего вѣрного слуги, пана Петра Мышьчича, нашего кухъмистра, и мы, порадивше с нашими кн[я]зи и с паны и с нашею вѣрною радою, дали есмо ему и записали за его вѣрную службу села у Кременецком повѣте: Боръщовку, а Борокъ, а селище Кандитовъ, а лѣсъ Дедьовъ, со всѣм, што к тым селом из вѣка издавна слушало и тягло,—вѣчно и непорушно ему, со всѣми уходы и приходы, съ приселки и съ селищи и с ниваміѣ и с пашнями и с лесы и з дубровами и з борътными землями и с гаи и с пасеками и с ловы и ловищи и з бобровыми гоны и съ веремяны и с реками и с озеры и с криницами и с потоки и ставы и ставищи и со млины и с мыты и з болоты и с рудами, и такѣ, што въ тых именьех собѣ примыслить и на новомъ корени посадить, и со всѣми платы, што к тым именьем слушаеть и слушало, и такѣ с луги и з дубровами и сыножатми и со всѣми пожитки. Можеть собѣ полѣп'шивати и росширивати, осадити и примножити. А даемъ тому пред-

реченому пану Петру, инакъ Мышце-кухъмистру, вѣчно и непорушно ему, а по нем и дѣтем его и внучатом и ближним его и его съчетком. Волни во всѣхъ тых имѣньех кому отдати и продати и променити—пан Петръ и его ближнии, по нем будущии. Пак ли бы хто хотѣлъ тые имѣнья подъ паном Петром взяти, или подъ его детми и под его ближними, тогды первѣе имаеть пану Петру, инак Мышце, дати четыриста коп широкихъ грошеи, алюбо дѣтем его, алюбо ближним его;—тогды и маеть под нями тые имѣнья взяти. А пан Петръ с того имѣнья имает служити нам двема копьи. А при том были сведоки: наша рада, а пан Монивид староста Подольскии и Кременецкии, а пан Юрьша воевода Киевъскии, а пан Ян Воинницкии староста Луцкии и Олескии, а пан Юрьи маршалок нашь, а пан Хохлевьскии, а пан Иван Гулевич, пан Козарин маршалокъ Луцкое земли, а пан Маско Гулевич, а пан Иван Волотович, а пан Иван Чорныи, а пан Иванко Мукосѣевич. А на потверженье того нашего жалованья, про лѣпшюю память и твердость, и печать нашу велѣли есмо привѣсити къ сему нашему листу. А п[и]сан у Луцку, под лѣты Р[о]жства І[су]с Х[ри]с[то]ва 1000 лѣт и 438 лѣто, м[ѣ]с[я]ца ѳевраля 4 д[е]нь, инд[и]кта 1. Приказ кн[я]зя Борисов подканъцлѣрего а пана Самашьковъ. Многогрѣшныи Снакъсарь писал привилье.

Луцкая жалованная 1445 г. вел. кн. Швидригайла шляхетнымъ Чеботамъ. Хран. въ москов. Румянцовскомъ музеѣ, № 68,3.

М[и]л[о]стию Б[о]жиею мы, княз[ь] великии Швидригаило Олкирдович, вызнаваем то тым нашим листом каждому доброму, кому жь буде его потребизна, н[ы]нѣшним и потом будущим, или его услышит кто чтучи. Съ приказанием краля Владслава Польск[о]го и Вгорск[о]го, сыновца нашег[о] м[и]лого, взяли есмо вѣчную очизну въ Огороженои, въ Великои, къ кролевьскому двору, шляхетным Чоботомъ. И такѣ жь ис кролевьскым приказанием дали есмы им Рычеговъ за их вѣчную очизну отмѣну: шляхетному Ѳеод[о]ру Жукови—половину Рычегова, и такѣж шляхетному Ходо-

рови съ братом съ его съ Игнатком—другую половицю Рычегова. И то есмо дали на вѣкы вѣчныи, и дѣтемъ их, их ближшим, по ихъ животѣ,—съ всѣм правом и съ всѣми пожиткы, с поли, и съ рол[ь]ями и с луками и съ лѣсы и съ лозами и съ рѣками и съ потокы и с криницами, съ ставы и сь млины и с тых млиновъ вымолоткы, с ловищи и звѣрячими и съ птачими (sic) и съ вѣчными границами. Што ж изъ вѣка к тому Рычегову прислухаеть, то и н[ы]нѣ имаеть слухати. Вълни продати или за даръ дати, на свое лѣпшее обернути А с того нам имают служити и нашим намѣстком 2-ма стрѣлцема на заволаную воину, яко инии земляне служат. А на илѣпшее свѣдоцъство казали есмо печат[ь] нашю привѣсити къ сему нашему листу на потвръждение. А при том были наша вѣрная р[а]да, пан Немирѣ (sic), старос[та] луцкии, княз[ь] Михаило Чорториискии, маршалко нашъ, пан Семашъко, пан Бернатъ маршалко, а иных мн[о]го добрых при том было. Данъ в Луцку, м[ѣ]с[я]ца марът[а] 3 д[е]нь, под лѣты Х[ри]с[то]ва р[о]жества 1000 лѣтъ 400 ста 45 лѣто. Приказъ п[а]на Ѳедька капьцлѣрего.

Луцкая жалованная 1454 г. вел. кн. Швитрикгайла пану Ходьку на земли въ луцкомъ и турійскомъ повѣтѣ,—изъ варшав. библіот. гр. Красинскихъ. (Фототип. изд. въ „Палеогр. Сп.“ № 22).

Мил[о]стью Б[о]жьею мы [1]), великии кн[я]зь Швитрикгалъ (sic) Олькгирдович, чиним знаменито симъ нашим листом кажному доброму, нинешним и потом будущим, кто на нь возрить или чтучи его услышить, комуждо, коли его будеть потрѣбно,—иже, видѣвъ и знаменавъ службу нам вѣрную, а николи нам неомешькаую наш[е]го вѣрн[о]го слуги, пана Ходька, и мы порадивъся с нашими кн[я]зьми и с паны, с нашою вѣрною радою, дали есмо ему и записали за его вѣрную службу, николи неотпущоную, села: Миловъши у Луцком повѣте на рецѣ на Стыре, а другое село у Ты-

---

[1]) Буква *ы* передѣлана изъ первоначально написаннаго *и*.

рыском (sic) повѣте Задыбы,—со всим с тым, што к тым селом слушаеть изъ вѣка и здавна тягло, со всими входы и приходы и съ селищи и с польми и с нивами и с пашнями и з дубровами и з бортъными земълями и с пасеками и с ловы и с реками и с криницами и с потоки и съ ставы и ставищи и съ млыны и с луги и съ сеножатьми, со всими пожитъки, што в тых собѣ имѣньехъ примыслить и на новом корени посадить. И можеть собѣ полѣпшивати и рошьширивати и осадити и примножити. Дали (ы) [1]) есмо тому предречоному пану Ходьку уся тая села, у веръху именованая мѣста, ему самому вѣчно и непорушно до его живота, а по его животѣ—ино его жонѣ и его дѣтем и его ближьним, кто ж будеть ближьнии его к тому. А при том были сведоки: моръшалко наш кн[я]зь Михаило Васильевич Чорторызькии, а кн[я]зь Михаило Костяньтинович, староста Володимерьскии, а пан Немиря, староста Луцкии, а пан Пашько Дахнович, а пан Ѳедко, кальцнѣрь (sic) нашь. А на потвержѣнье, про лѣпъшую памят[ь] сего наш[е]го листу, печать нашу казали есмо привѣсити к сему нашому листу. А д[а]на у Луцку, мая 15 ....., индикта 9 (?) [2]), под лѣты Хр[и]стова рожества тисяча лѣт и 4 ста лѣт 54. Приказ пана Ѳедков кальцнѣревъ.

Вкладная луцкая запись 1483 г. волынскаго маршалка Олизара Кирдѣевича Красносельскому луцкому монастырю, вписанная на л. 153 об. Луцкаго Ев—ія XIV в. (Румянц. Муз. № 112).

Се азь пан Олизар Кирдѣевич, маршалко Волынском землѣ, староста Луцкии, с женою своею Ѳедосъею, записуваем на увѣки [3]) веком имѣне о[т]чизны н[а]шеи, то есъ село Доросын а Килск (?) [4]) со всѣм на все, як ся в собѣ маетъ: з борт-

---

[1]) Повидимому, сперва было написано „да*лы*“, потомъ исправлено на „да*ли*“.

[2]) Нечетко.

[3]) Кажется, такъ. Буква *у* надписана сверху строки. Она похожа и на *ч*, но едва ли можно читать здѣсь „вѣчки“.

[4]) Кажется, такъ. Востоковъ (Опис., стр. 178) читалъ „*Килж*“.

ною землею, з нивами и сеножатми, с[вя]т[о]му великому Спасу на мастыр (sic) Красноселскии под Луцком. А жаден мои кровныи не маег т[о]го нарушити. А хто б мѣл нарушити, рассудится со мною во д[ь]ни [1]) содныи пред м[и]л[о]стивым Б[о]гом. В лѣт[о] 6[9]91, инд[и]к[т] 1.

Другая вкладная луцкая запись 1487 г. того же пана Олизара Кирдѣевича, помѣщенная на 205 л. Луцкаго Ев-ія XIV в. (Рум. муз. № 112).

Се я, пан Олизарь Мкирдеевичь [2]), моршалко земли Волынское, староста Луцкыи, исъ своею женою Өеодосїею, записуваем ис своее о[т]чины и дед'нины исъ Серникъ исъ своего двора десятину у поли и съ озими и съ ярины: исъ жита, исъ пьшеници, исъ овса, исъ ячменю, исъ ярых пшеницъ, исъ гороховь и съ всее ярины, почень от малых и до великых, икъ с[вя]т[о]му Сп[а]су на Красное. А в тое не надобѣ уступатися никому, ни моим ближним, ани моему роду. А хто бы имѣль уступатися или отнимати тую десятину у с[вя]т[о]го Сп[а]са, рассудится съ мною пред Б[ог]омь. В лѣт[о] 6900-е 94-е, индик[та] въ 3-и.

Переяславскія грамоты XIV в.

Переяславская дарственная грамота послѣ 1356 г. кн. Олега Ивановича Рязанскаго монастырю св. Богородицы на Ольговѣ,—хран. въ москов. Архивѣ Мин. Юстиціи, — № 1/9821.

[Ми]лос[ьр]дьемь Б[ож]ьимь, м[о]л[и]твою с[вя]тое Б[огороди]ци и м[о]л[и]твою о[ть]ця своего князя великого Ивана Олександровича и бл[аго]с[ло]вленьемь епискупа Рязаньского и Муромского Василья, язъ, князь великии Олегъ Ивановичь, сгадавъ есмь съ своимь о[ть]цемь съ вл[а]д[ы]кою съ Васильемь и съ своими бояры. А бояре со мною

---

[1]) М. б., „д[ь]нъ". Но вѣрнѣе, что „д[ь]ни". Не четко.

[2]) Вѣроятно, эта начальная буква М есть предвосхищеніе слѣдующаго слова („моршалко"), а не способъ выразить звукъ g.

были: Софонии Алтыкулачевич, Семенъ Федорович, Микита Аньдрѣевич, Тимошь Олександрович, Манасѣя Дядько, Юрьи околничии, Юрьи чашьникъ, Семенъ Микитьїчь съ братьею, Павелъ Сbooробич. Далъ есмь о[ть]цю своему Арсѣнью манастырь с[вя]тое Б[огороди]ци на Олговѣ, въ свободь до его ж[и]вота. А по своемь животѣ воленъ кого во нь бл[аго]с[ло]вить на игуменьство. А далъ есмь с[вя]тои Б[огороди]ци дому Арестовское [1]) село с в[инами?] и с поличьнымь и с рѣзанъкою и съ шестью десят... и со всѣми пошлинами и с бортники и с борт[ным]и землями и с поземом и съ озеры и с [бобры и с] перевѣсьищи. А возрѣвъ есмь въ дав[ьн]ыи грамоты съ о[ть]цемь своимь съ вл[а]д[ы]кою съ Вас[иль]емь [2]) и съ бояры. Коли ставили по первых с пра[дѣд]и наши [3]) с[вя]тую Б[огороди]цю княз[ь] великии Иньгваръ, княз[ь] Олегъ, кня[зь] Юрьи, а с ними бояръ 300, а мужии 600, тогды дали с[вя]тои Б[огороди]ци дому 9 земль бортных, а 5 погостовъ: Пѣсочна,—а в неи 300 семии; Холохолна [4]),—а в неи полтора[с]та семии; Заячины, — а в неи 200 семии; Веприя — 200 семии; Заячковъ—100 и 60 семия. А си вси погосты—съ землями с бортными и с поземом и съ озеры и с бобры и с перевѣсьищи, с рѣзанками и съ шестью десят.... и с винами и с поличным и со всѣм[и] пошлинами. А хто даных лю[д][и]и прадѣды нашими с[вя]тои Б[огороди]ци дому гдѣ имуть сѣдѣти или бортници или слободичь в моеи о[ть]чинѣ,—ать знають домъ с[вя]тои Б[огороди]ци; а волостели мои ать не вступаются в них ни о которомь же дѣлѣ.

---

[1]) Срв., по поводу начальнаго *А*, святцы въ галицкомъ Codex Hankensteinianus XII—XIII в.: «св. *А*реста» (10 нб.), «св. *А*лмиья» (26 нб.).

[2]) Епископъ Рязанскій и Муромскій съ 1356 г.

[3]) Такъ читалось это мѣсто еще во времена Срезневскаго (См. 1-е изд. его „Древн. пам. русск. яз."). Теперь отъ ветхости, здѣсь вывалился маленькій кусокъ истлѣвшаго пергамента, и образовалась дырка, такъ что остались слова: „по первых........... и наши", а „с прадѣд..."—ужъ нѣтъ.

[4]) Начертаніе здѣсь похоже и на „Хслохолна", и даже на: „А с[е]ло Холна". Едва ли однако „*К*олоколна".

А Головчін далъ Федоръ Борисович; а Мордовское далъ Климентъ по Данилов дворъ; а Єремѣи великии съ Глѣбом села своя подавали г[о]с[по]жи Б[огороди]ци; а мужи Олговскую околицю купивше у Муромьских князии, давше 300 гривен и дали с[вя]тои Б[огороди]ци. А язъ [1], княз[ь] великии Олегъ Иванович, — што есмь далъ Арестовское село с[вя]тои Б[огороди]ци дому и што прадѣци наши подавали которая мѣста и люди и што бояре подавалї дому с[вя]тои Б[огороди]ци, — того хочю боронити, а не обидѣти ничимь дому с[вя]тои Б[огороди]ци. А волостели и даньници и ямьщики ать не заимають богородицьскихъ людиї ни про што же. А кто изобидит домъ с[вя]тои Б[огороди]ци, — или князь, или вл[а]д[ы]ка, или волостел[ь], или кто иныи, — тотъ дасть отвѣтъ передъ Б[ог]омь с[вя]тои г[о]с[по]жи Б[огороди]ци.

А коли есмъ выехалъ [2]) изъ от[ь]чины исъ своее исъ Переяславля, тогдѣ есмъ обѣтъ учинилъ къ с[вя]тѣи г[оспо]жи Б[огороди]ци: придалъ есмъ Рязаньское м[ы]то [3]) и побережьное, аже ми дал[ъ] сть м[и]л[ост]ию г[о]сп[ода]рь [4]) въ от[ь]чинѣ своеи въ Переяславли [5]).

Поруку его же 1393 г. см. стр 506—507.

---

[1]) Начертаніе скорѣе похоже на „язь“.

[2]) Кажется, такъ, а не „выихалъ“. Не четко (Ѥ или И).

[3]) Вторая буква неясна, и слово похоже на „мыто“, „мисто“, даже „мьсто“.

[4]) Слово написано подъ титломъ, и буквы неясны: не то „геспрь“, не то „гсдрь“, не то „гспдь“ (=Господь?).

[5]) Послѣднія строки, отъ словъ „А коли есмъ“, приписаны другимъ чернилом и тоньше. На верху грамоты имѣются изображенія святыхъ (вѣроятно, монастырскихъ иконъ) съ надписями: „Михаилъ“, „М[ар?]ѳа“ (?), „Іс[у]съ Х[ри]с[то]съ“, „Ив[а]нъ“, „Агиосъ Яковъ“. Въ лѣвомъ углѣ группы—колѣнопреклоненный монахъ, съ надписью: „А се грѣшныи чернець Арьсении“,—очевидно, тотъ, который упомянутъ въ грамотѣ.

Изъ кіевскихъ грамотъ XV и нач. XVI в.

Кіевопечерское духовное завѣщаніе 1446 г. кн. Андрея Владиміровича, Ольгердова внука,—изъ Румянцовскаго Музея, № 68, 4.

Во имя О[ть]ца и С[ы]на и С[вя]т[о]го Д[у]ха. Се азъ, рабъ Б[о]жіи, кн[язь] Андреи Владимирович, пріѣздилъ есмь въ Кіевь съ своєю женою и съ своими дѣтками. И были єсмо въ дому Пр[е]ч[и]стыя, и поклонилися есмы пр[е]с[вя]тому образу ея и пр[е]п[о]д[о]бным о[ть]цѣм Антонію и Θеод[о]сію и прочим пр[е]п[о]д[о]бным и б[о]гоносным о[ть]цем Печерьскым. И бл[аго]с[ло]вилися есмы у о[ть]ца нашего архимандрита Николы и у всѣх с[вя]тых старцевъ. И поклонихомся о[ть]ца своег[о] гробу - кн[я]зя Владіміра Олькгердович[а] и дядь своихь гробом, и всѣхь с[вя]тыхъ старцевъ гробом въ печерѣ. И размыслих на своем с[е]рдци: «колико то гробовъ, а вси тыи жили на семь свѣтѣ, а пошли вси къ Б[ог]у». И помыслилъ есмь: «по малѣ и нам тамо поити, где о[ть]ци и братіа наша». И подумалъ єсмь съ своею княгинею и съ о[ть]цемь своим с Николою, архимандритом Печерскым, и съ с[вя]тыми старцы и съ своими бояры, и отписалъ есмь своеи женѣ кн[я]г[ы]ни Маріи и своим дѣтем и ее дѣтем свою о[ть]чину и свою выслугу, иже есмь выслужил на своих г[о]с[у]дарехь своею вѣрною службою, на великом кн[я]зи Витовтѣ и на и па (sic) великом кн[я]зи Жикгимонтѣ и на своемь г[о]с[у]дари великом кн[я]зи Казимирѣ: имѣніє Пръвое, а ину Словенескъ, Могылное, Каменець, Логожескъ, Илемници, Полоное, а также, что есмь подавал имѣніа бояром своим. А кто въсхочеть женѣ моеи и дѣтем моим служ[и]ти, — и они служат съ тых имѣніи женѣ моеи и дѣтем моим. А хто не въсхочеть женѣ моеи и дѣтем моим служ[и]ти,—и азъ тые имѣніа дал женѣ своеи и дѣтем своим. А вся тая имѣніа полякцил и дал есмь женѣ своеи княгини М[а]ріи и с[ы]ну своему князю Глѣбу и дочьцѣ своеи княжнѣ Овдотіи. А при том был о[ть]ць нашь Никола, архимандритъ Печерскыи, уставник Іона-философь, ключникь Д[а]в[и]дъ, келарь Герасим, и иныхь г[о]с[по]ды нашее старцевъ много, и наши бояре, и наши моршалкы, князь

Глѣбъ Дмитрїевич, бояринъ [1]) нашь Александро Самотечич, Иванко Да (sic) Д[а]в[и]дович; и ины бояре наши и слугы при том были. А кто се слово наше порушит, а имѣт въ тые имѣнїа въступатися, разсудится съ мною прѣд Б[о]гомъ. И буди ему клятва от Б[ог]а О[ть]ца и С[ы]на и С[вя]таг[о] Д[у]ха и от пр[е]ч[и]стыя вл[а]д[ы]ч[и]ця нашеа Б[огороди]ца и прис[но]д[ѣ]вы М[а]рїа и от всѣх с[вя]тых ангелъ и от прор[о]кь и ап[о]с[то]лъ и от четырѣх еѵ[ан]г[е]листь и от с[вя]тых о[ть]ць, иже на седми съборѣх бывших, и от всѣх м[у]ч[е]никь и пр[е]п[о]д[о]бных и б[о]гоносных от[ь]ць Антонїа и Ѳеодосїа Печерьскых,—иже есмь то̀ вѣрнѣ выслужил у своих господареи. А пис[а]на въ Кїевѣ, въ обитѣли ц[а]рьстѣи, въ Печерьском монастыри прѣс[вя]тыя Б[огороди]ца и пр[е]п[о]д[о]бных о[ть]ць Антонїа и Ѳеод[о]сїа. Въ лѣт[о] 6954, м[ѣ]с[я]ца їюня въ 16, на памят[ь] с[вя]щенном[у]ч[е]н[и]ка Тихона. А писал старець Пахнотїи, Лихачевъ [2]) братъ.

На печати (едва разборчиво): княз... Андрѣа Владимировича.

Жалованная грам. 1459 г. кіевскаго кн. Семена Олельковича своему слугу Іеремію Шашку на имѣнія въ Черкащинѣ [3]).

Мы, князь Семенъ Александровичъ великого князства своего Киевскаго, ознаймуемо симъ листомъ нашимъ, хто бы

---

[1]) Передѣлано изъ „бояринь".

[2]) Чтеніе сомнительное. Начертаніе это очень похоже на „Лихачевъ".

[3]) Подлинникъ драгоцѣнной грамоты 1459 г. былъ въ рукахъ у Н. Иванишева и, б. м., донынѣ хранится въ бумагахъ покойнаго. Съ подлинника эта грамота издана была В. Б. Антоновичемъ въ „Грамотахъ вел. князей литовскихъ" 1868, стр. 19—20, № 9 (=отт. изъ кіев. „Унив. Извѣстій"), и снятъ былъ факсимильный снимокъ на сквозной бумагѣ для архива Кіевской Археографической Комиссіи. По этому снимку мною были внесены нѣкоторыя существенныя поправки въ мой печатный экземпляръ изданія В. Антоновича, но мелочи (напр. буквы, выведенныя изъ-подъ титлъ, окончаніе „-аго" вм. „-ого" и др.) оставлены были безъ поправокъ. Приступая къ нынѣшнему изданію грамоты 1459 г., я обратился за факсимиле въ Археогр. Комиссію, желая дать вполнѣ провѣренное изданіе;—но оказалось, что снимокъ —къ со-

на него посмотрити, либо чтучи его слухати будетъ хотѣв, кому бы тое вѣдати потреба, ижъ мы дей, змиловавшися надъ слугою нашимъ, урожонымъ Еремиею Шашкомъ, которой намъ великіе услуги свое и коштомъ немалимъ отдаетъ, про то, нагорожаючи ему самому, жонѣ и потомству его, при всюи отчизнѣ и дидизнѣ его земляной и при всѣхъ городищахъ и урочищахъ его зоставую и симъ листомъ моимъ надаю, которыхъ продкове его отъ продковъ моихъ спокойне держали и оныхъ заживали: городища, селища и урочища з рѣками и рѣчками и зъ ихъ прилеглостями, каждое до себе широкость маючие. Городище Тимоловъ изъ лѣсомъ Гнилецкимъ, Томиловомъ, Печенѣжцомъ, Ключовомъ, Бугаевомъ и иншими лесами и лесками и землями [с] своею широкостю, какъ се они маютъ. Городище изъ самъ (sic) Драгушовскими и зо всею землею надъ рекою Русавою; по обохъ сторонахъ тое реки земля лежачая—какъ его продкове въ широкости и долгости, з дубровами, сеножатми и речками малими, в Русаву впадаючими. И какъ тая Русава сама в собе рѣкою идетъ и в Днѣстръ впадаетъ,—съ тоею рѣкою Русавою и широкостю земляною. Такъ же городища надъ рекою Кусницею изъ головою Кусницы и Кусничкою, зо всѣми ихъ полями, сеножатми, дубровами и ихъ приналежностю. До того, инъшіе городища и урочища надъ рѣчкою Каменицею и отъ верховины ее, которая впадаетъ въ Днѣстръ: з обудвухъ сторонъ тое рѣчки Каменицы землю держати маетъ по самую Сухую Каменицю, съ подойминами такъ того мѣсця по рѣчку Рашковку, которая в Днѣстръ впадаетъ и з оними городищами, и ихъ широкостю и долгостю земляною, и изъ стѣнъками и ярами, долинами, по надъ Нестромъ и въ поляхъ будучими,—зо всѣмъ тымъ,

---

жалѣнію—исчезъ изъ архива! М. б., А. И. Соболевскій, одинъ изъ послѣднихъ, кто пользовался этимъ факсимиле, успѣлъ сдѣлать себѣ съ него точную копію и пожелаетъ ее опубликовать; а покамѣстъ приходится довольствоваться перепечаткой изданія В. Антоновича съ тѣми немногочисленными (хотя важными) поправками, какія я успѣлъ сдѣлать заблаговременно, раньше исчезновенія снимка.

А. Крымскій.

УКРАИНСКАЯ ГРАММАТИКА

для

учениковъ высшихъ классовъ гимназій
и семинарій Приднѣпровья.

Научно-практическій курсъ сознательнаго изученія центрально-украинской рѣчи, освѣщенный указаніями на важнѣйшіе моменты изъ исторіи развитія малорусскаго языка начиная съ XI вѣка, особенно изъ исторіи нарѣчія восточно-малорусскаго (лѣтописнаго кіево-чернигово-переяславскаго).

Томъ II, выпускъ 1-й (уроки I—V).

Изданіе составляетъ собственность общества «Просьвіта» въ Кіевѣ.
Складъ — въ книжномъ магазинѣ «Кіевской Старины» (Кіевъ, Безаковская, 14).

МОСКВА.
Типографія Вяч. Ал. Гатцукъ, Долгоруковская ул., д. Бутюгиной.
1907.

Стр. 1—64 печатаны въ типографіи В. А. Гатцукъ въ Москвѣ (Долгоруковская улица, д. Бутюгиной). Стр. 65 и слѣд.—въ типографіи товарищества Н. Я. Гиричъ въ Кіевѣ (Трехсвятительская, 14).

Одновременно съ этимъ выходятъ въ свѣтъ вып. 1-й и вып. 3-й изъ тома I-го; прочіе же выпуски первыхъ двухъ томовъ „Украинской грамматики“ еще не закончены печатаніемъ. Общая обложка ко всѣмъ разрозненнымъ частямъ каждаго тома, обстоятельное введеніе и подробное оглавленіе (равно какъ списокъ замѣченныхъ опечатокъ) приложены будутъ къ заключительнымъ выпускамъ; такимъ образомъ, нынѣшняя обложка является лишь временной.

Урокъ первый.

Родъ именъ существительныхъ.

(Якого роду бувають самостійні йменя?)

§ 1. О малорусской грамматической терминологіи.

Прежде, чѣмъ говорить о родахъ, о склоненіи, о числахъ, о падежахъ и т. п., я обращу вниманіе на существованіе особой малорусской грамматической терминологіи.

Русскіе не имѣютъ собственной русской грамматической терминологіи: они пользуются тѣми церковнославянскими, т.-е. болгарскими терминами, какіе придумалъ тысячу лѣтъ тому назадъ Іоаннъ, экзархъ Болгарскій, ковавшій термины буквально и рабски по образцамъ греческимъ, и притомъ далеко не всегда удачно. Иные его термины, такіе какъ «имя существительное» или «имя прилагательное»,—хоть и понятны, но неуклюжи; иные же—не только неуклюжи, но и непонятны,—таковы, напримѣръ, «падежъ родительный» и «падежъ винительный» (можетъ ли славянинъ, не зная греческаго языка, постигнуть, о какомъ актѣ «паденія» идетъ рѣчь при склоненіи, или на какое «рожденіе» указываетъ форма «стола́», или какая «вина» указывается во фразѣ «я вижу лѣсъ»?!).

Малорусская грамматическая наука, въ виду общаго, принципіальнаго демократическаго стремленія малорусской литературы къ простонародной удобопонятности, много разъ пыталась выработать свою собственную, родную грамматическую терминологію, и такой опытъ оффиціально прове-

денъ теперь въ галицкихъ и буковинскихъ малорусскихъ гимназіяхъ. Но удачна ли оффиціальная австрійско-малорусская терминологія?

Ну вотъ, по ней «имя существительное» называлось прежде «су́щник» (что очень походило на «су́шник», т.-е. узваръ изъ сухихъ плодовъ; или хворостъ, собираемый въ лѣсу; валежникъ), а теперь оно называется болѣе удачно, но все же сбивчиво: «йменник» (какъ будто имя прилагательное и имя числительное ужъ не могли бы быть названы «йменниками»!). По той же оффиціальной галицкой терминологіи именительный падежъ называется «ві́дмінок пе́рший», дательный—«ві́дмінок тре́тїй» и т. д.; для оцѣнки удобства или неудобства этой системы пусть-ка русскій читатель догадается, что «ві́дмінок п'ятий» — это есть «падежъ звательный», «ві́дмінок шостий»—творительный и т. п.!!

Поэтому я рѣшилъ: въ своей грамматикѣ брать изъ закордонной малорусской грамматической терминологіи только кой-какіе отдѣльные термины, которые посноснѣе, а вмѣсто того или держаться русской (т.-е. церковно-славянской или болгарской) терминологіи, или, съ оговоркой, предлагать свои собственные малорусскіе термины, которые не очень отступали бы отъ русской, т.-е. болгарской, терминологіи, и могли бы казаться для украинцевъ удобопонятными. Такъ, «имя существительное» (по-галицки «йменник») мы могли бы называть «ім'я су́ще», или — лучше — «ім'я самості́йне»; имя прилагательное—«ім'я прило́жене» (или, просто, какъ и у галичанъ: «прило́жник» [1]); имя числи-

[1]) Очень удачно, хоть вульгарно, окрещено имя прилагательное у буковинскаго профессора Смаль-Стоцкаго: прикме́тник. Вульгаризмъ заключается въ томъ, что звукъ *к* въ этомъ словѣ есть, повидимому, замѣна звука *д*, возникшая такъ же, какъ возникъ въ нѣкоторыхъ говорахъ звукъ *к* вмѣсто *т* въ словѣ кісто (=тїсто; русск. „тѣсто") или какъ возникъ звукъ *д* вмѣсто *г* въ имени *Дї*ордій (=Георгій); см. т. I, § 14, в. Литературная рѣчь старается такихъ явленій избѣгать. Между тѣмъ слово прикме́та получилось,

тельное—«ім'я числове́» (у галичанъ «числівник», или «чи́сленик»); мѣстоименіе—містоймённик (гал. «заі́менник»); глаголъ, въ силу краткости этого болгарскаго термина, свободно могъ бы остаться «глаголом» (или, какъ по-галицки: «дієслово»); нарѣчіе (которое въ Галичинѣ называется дикимъ терминомъ: «присли́вник»,—какъ будто отъ «присли́в'я») я такъ и буду называть «наріччя»; да и «предлогъ» съ «союзомъ» возможно бы намъ такъ и оставить неперекрещенными «предлогом» и «союзом», хотя, впрочемъ, галицкія «приіменник» и «злучник» довольно сносны; междометіе я буду называть «вйклик» (у галичанъ оно «чувственик»! у буковинцевъ «о́клик»).

Вводя свои собственные термины, я, разумѣется, долженъ буду вездѣ отмѣчать это обстоятельство, потому что преподносить читателю слова́ собственной ковки въ качествѣ народныхъ было бы нарушеніемъ главнаго принципа моей грамматики: быть простонароднымъ.

Итакъ, обратимся къ вопросу о родахъ именъ существительныхъ.

§ 2. О родахъ. Частое несовпаденіе съ языкомъ русскимъ.

а) Въ малорусскомъ языкѣ, какъ и въ прочихъ славянскихъ и въ русскомъ, имѣются три рода (три роди́): мужескій (му́жеський, або чолові́чий), женскій (жіно́чий, или, по западно-малорусски: же́нський) и средній (сере́дній, или, по-галицки, ни́який). Родъ (рід) именъ существительныхъ (самості́йних і́меннїв, або йменникі́в) большей частью ясно опредѣляется ихъ окончаніемъ (закінченням), причемъ можно принять за довольно твердое правило, что соотвѣтственно-сходныя слова имѣютъ

повидимому, изъ выраженія: ма́ти на предме́тї (=mać na przedmiecie), которое вульгарно обратилось въ ма́ти на прекме́тї, послѣ чего, подъ вліяніемъ слова прими́та (=примѣта) образовалось новое слово: прикме́та (иногда такъ же: прикміта).

въ русскомъ и малорусскомъ языкахъ обыкновенно соотвѣтственно-сходное же окончаніе, большей частью одинаковое съ окончаніемъ этихъ словъ и во всѣхъ прочихъ славянскихъ языкахъ. Напримѣръ, русскому «конь», «вода́», «по́ле» соотвѣтствуютъ по-малорусски съ такими же окончаніями: кінь, вода́, по́ле (срв. и по-польски: koń, woda, pole; по-сербски: конь, вода, полье и т. д.).

б) Но мы нарочно подчеркнули выраженіе. «обыкновенно соотвѣтствуютъ», и не сказали: «всегда соотвѣтствуютъ», потому что существуетъ цѣлый рядъ словъ, которыя въ русскомъ языкѣ имѣютъ одно окончаціе и принадлежатъ къ одному роду, а въ малорусскомъ имѣютъ другое окончаніе и принадлежатъ къ другому роду.

в) Такъ, напримѣръ, русскому «цыганскій шатёръ» (м. р.) соотвѣтствуетъ въ малорусскомъ «цига́ньске шатро́» (ср. р.), тогда какъ русскому «длинное дышло» (ср. р.) соотвѣтствуетъ по-малорусски «до́вгий ди́шель» (м. р.). Русскому «копье» (ср. р.) по-малорусски соотвѣтствуетъ слово ж. р.: копі́я; — напр.: взяв велику́ ко́пію (=взялъ большое копье) [1]). Церковныя слова: «евангеліе» и «богословіе» частенько употребляются у малоруссовъ въ родѣ женскомъ: «сьвята́ Єва́нгелия» (=св. Евангеліе), «а з богосло́вії він нічо́го не втне» (=а изъ богословія онъ ничего сказать не въ силахъ) [2]). Благодаря схоластической литературѣ XVII—XVIII в. употребленіе двухъ послѣднихъ словъ въ ж. р. очень привилось.

г) Русскіе говорятъ: «тополь», «картофель», «путь», «харчъ», «паръ», «колодезь», «гусь», «нечетъ», «обрывъ», «помои» (род. «помо*евъ*»), «потопъ» — мужск. рода, а по-малорусски говорится: «висока топо́ля», «дрібна́ кар-

---

[1]) Есть болѣе частое слово для понятія „копье": это спис муж. р.; род. спи́са), заимствованное изъ языка нѣмецкаго.

[2]) Лучше бы перевесть: „*по* богословію", а не „изъ богословія". У малоруссовъ не въ ходу предлогъ по съ дат. пад. въ его отвлеченномъ значеніи, и замѣняется онъ чаще всего предлогомъ „з" (=изъ) съ род. пад.

тóпля»=(мелкій картофель), дóвга путь (=«долгій путь»), «дóбра харч» (=хорошая пища, хорошій харчъ), «силнá пáра» (=сильный паръ), «нáша колóдязь» (=нашъ колодезь), «біла гусь», «нéчеть» [1]), «крутá обри́ва» (=крутой обрывъ), «без поми́й» (=безъ помоевъ), «прийшлá сьвіту потóпа» (=наступилъ всемірный потопъ). Словомъ, все это употребляется по-малорусски въ родѣ женскомъ; и притомъ—изстари.

д) И наоборотъ: многія имена, которыя у русскихъ—женскаго рода, изстари оказываются у малоруссовъ именами рода мужескаго. Такъ, «полынь», «моль», «пыль», «боль», «жаль», «корь», «осокорь», «Сибирь», «посу́да», «степень», «ступень», «глубь», «дробь», «степь», «насыпь», «мечеть», «надпись», «ярмарка»—въ русскомъ языкѣ ж. р., а въ малорусскомъ они мужескаго рода, такъ что говорится гірки́й поли́н (=горькая полынь), він спіймáв мóля (=онъ поймалъ моль), пи́лом припáсти (=покрыться пылью), страшéнний біль (=ужасная боль), пропадати з жалю́ (=пропадать отъ сожалѣнія,—или, по старо-великорусски: «отъ жали)», він осьлі́п з кóру (=онъ ослѣпъ отъ кори), розлóжистий осокір, или я́сокір (=развѣсистая осокорь), поверну́вся з Сі́біру (=вернулся изъ Сибири), прийми́ пóсуд (=убери посуду!), кóжен ступі́нь (=каждый шагъ), силни́й глиб (=значительная глубина), всякий дріб (соб.=всякая дробь; также: домашняя птица; также: крупинки соли), зелений степ (=зеленая степь), татарський мечéт (=татарская мечеть), високий нáсип (=высокая насыпь), вели́кий я́рмарок (=большая ярмарка); говорится: дрібни́й нáпис (=мелкая надпись), стари́й рукóпис (=старая рукопись) на-ряду, впро-

[1]) Чтó называéтся по-малорусски нéчетью (сверхъ обыкновеннаго нечета), см. у. В. И. Василенка: „Опытъ толковаго словаря народной технической терминологіи по Полтавской губерніи“ (Харьк. 1902), стр. 20. Это—оттискъ изъ XIII тома Харьковскаго „Сборника Историко-Филологическаго Общества“.

чемъ, съ параллельными формами: дрібна́ напись и стара́ рукопись. Къ роду мужескому и женскому одновременно—относятся имена Воли́нь (=Волынь) и Ўмань (=г. Умань), которыя по-русски—только рода женскаго. По-малорусски одинаково можно сказать: з Воли́ню (=съ Волыни) и з Воли́ні; чаще говорится: під Ўманем (=подъ г. Уманью), чѣмъ під Ўманню. Имя г. Іерусалима (по-греч. τὰ Ἱεροσόλυμα) иногда слышится у малоруссовъ съ окончаніемъ *а*: Русали́ма (ж. р., ед. ч.); но обыкновенно вездѣ говорятъ: Єрусалим (м. р.).

е) Съ какого времени всѣ эти вышеперечисленныя и имъ подобныя имена имѣютъ у малоруссовъ тотъ грамматическій родъ, въ какомъ они употребляются теперь?—Въ большинствѣ случаевъ—это отъ самаго древняго времени, еще отъ доисторической эпохи. Стóитъ намъ обратиться къ старѣйшимъ дошедшимъ до насъ памятникамъ (XI вѣка), какіе писаны предками малоруссовъ,—и мы тамъ легко найдемъ у вышеперечисленныхъ существительныхъ такой же грамматическій родъ, какой мы констатируемъ у нихъ и теперь. Возьмемъ, напр., современныя малорусскія слова м. р. поли́н и міль. Такъ же и въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года читаемъ: «испити пелынъ» (л. 68), «отъ молѥи изьясться» (л. 77, об.),—съ типичнымъ окончаніемъ ѥи род. мн. муж. р. Равнымъ образомъ и въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1076 г. мы видимъ: «акы чашю пелына» (л. 34). То же въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI вѣка: «меду—пелынъ подасть горесть, а медъ—ни....... пелыну своѥя сласти» (л. 170, d). А рядомъ же, на предыдущемъ листѣ тѣхъ самыхъ Словъ Григорія Богослова XI вѣка можемъ провѣрить стариннѣйшій грамматическій родъ слóва па́ра (=русск. «паръ»): «пара разливаеться по въздуху» (л. 169, d). Въ Златоструѣ XII вѣка Импер. Публичн. Библ., переписанномъ, повидимому, съ оригинала кіевскаго, находимъ: «подъ дубъмь или тополию» (сл. 8); въ нѣсколько болѣе позднихъ рукописяхъ констатируется и имен. падежъ: «тополь» (извѣстный, кстати сказать,

кромѣ языка малорусскаго также языкамъ славянъ южныхъ и западныхъ). Раскроемъ какую-нибудь грамоту,—и тамъ то же. Напримѣръ, въ буковинской господарской присягѣ 1393 года. (=Улян. № 8, стр. 7): «слюбуемъ вѣчныи тонъ (=этотъ) записъ твердо держяти»; срв. въ буковинской боярской присягѣ королю Владиславу 1433 г. (=Улян. № 29, стр. 35): «первыхъ присягъ и записовъ», «свои записы и присяги»; срв. еще въ буковинской грамотѣ короля Владислава 1433 г. (=Улян. № 33, стр. 39): «тыхъ всѣхъ записовъ потвержаемъ симъ нашимъ листом». Если иногда какое-нибудь такое слово, интересующее насъ, принадлежитъ къ тѣмъ, которыя по случайности вовсе не попали въ старомалорусскія (немногочисленныя вѣдь) рукописи, то мы не разъ имѣемъ возможность судить о грамматическомъ родѣ такого слова на основаніи показаній языка церковно-славянскаго. Напримѣръ, нынѣшнее малорусское бíла гусь (ж. р.) вполнѣ совпадаетъ и съ данными церк.-слав. языка (гдѣ гѫсь— ж. р.), и съ данными другихъ славянскихъ языковъ, гдѣ это слово относится къ роду женскому. Иногда и памятники старовеликорусскіе могутъ собою свидѣтельствовать объ исконной архаичности малорусскаго словоупотребленія. Такъ, «степень» оказывается муж. родомъ и въ новгородской Минеѣ 1096 г.: «предъ степеньмь судищьныимь» (л. 159), и неразъ въ новгородскихъ лѣтописяхъ; да и въ церк.-слав. языкѣ слово «степень» могло быть родомъ мужескимъ [1]). Форму «посудъ» въ муж. родѣ можно встрѣтить во 2-й Псковской лѣтописи: «прочіи посуди» (подъ 6915= 1407 г.). Что имя «пылъ» (=русск. «пыль», ж. р.) было нѣкогда мужескимъ родомъ и у великоруссовъ, это видно изъ бѣломорскаго термина XVI в.: «пылоюе» (=вознагражденіе за распылившійся при пересыпкѣ хлѣбъ),—термина, попадающагося напр. въ

1) Встрѣчается оно, въ муж. родѣ, и въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI вѣка, но тамъ контекстъ нѣсколько испорченъ и нуждается въ поправкѣ. Написано: „вь сь степенъ“ (л. 285, г); судя же по греческому оригиналу (εἰς τὸ βῆμα), надо читать: „въ сь степень“.

уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря 1561 г. крестьянамъ села Пузырева Бѣжецкаго Верха [1]). Можно бы привести еще безчисленное количество документальныхъ и сравнительно-языковѣдныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ архаичности малорусскаго употребленія множества именъ въ томъ, а не въ другомъ грамматическомъ родѣ.

Но, конечно, у нѣкоторыхъ малорусскихъ существительныхъ нынѣшній ихъ грамматическій родъ возникъ уже въ эпоху историческую. Такъ, нѣтъ сомнѣнія, что слово путь относилось у старинныхъ малоруссовъ первоначально къ роду мужескому, а въ родъ женскій перешло оно позже, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ своего склоненія, которыя собою напоминали склоненіе именъ женск. рода типа «кôсть», «сôль». Словá ж. р. копíя, Євáнгелия, богослôвія несомнѣнно были прежде словами рода средняго, а въ женскій родъ обратиться могли потому, что старинное ихъ окончаніе им. пад. ніє перешло въ ня (подобно тому, какъ житьє перешло въ «життя́»). Съ какого именно времени употребляются они въ родѣ женскомъ, сказать съ точностью трудно,—но во всякомъ случаѣ это произошло раньше уніи, потому что въ литературѣ временъ борьбы съ уніей мы встрѣчаемъ жен. родъ этихъ словъ даже у схоластическихъ церковныхъ писателей [2]). Въ волынскомъ т. н. Пересопницкомъ Евангеліи 1561 г., представляющемъ собою опытъ перевода на простонародный живой малорусскій языкъ, въ записи переписчика сказано: «Книга Нового Закона, с[вя]т*ои* Єv[ан]г[е]л*ии*, з Д[у]ха С[вя]того выложен*ои* през с[вя]того ап[осто]ла Іоанна» (=изд. Жит. стр. 21). То же—очень часто въ Почаевскомъ Учительномъ Евангеліи XVI в. (=Кіев. Дух. Акад.) [3]).

---

[1]) Издана (въ спискѣ) въ Актахъ, собранныхъ Археографической Экспедиціей Импер. Акад. Наукъ, т. I. № 255 (СПБ. 1836).

[2]) Кириллъ Транквилліонъ озаглавилъ одну свою книгу „Зерцало богослов*іи*“ (Почаевъ, 1618 г.).—Орудн. падежъ „коп*ією*“ (=копьемъ) не разъ встрѣчается въ произведеніяхъ ученаго ректора Іоанн. Галятовскаго (напр. въ „Ключѣ разумѣнія“, Кіевъ, 1659 г., л. 70, л. 121 а); то же у лаврскаго архимандрита Иннок. Гизіеля (срв. „Месіа Правдивый“, Кіевъ, 1669, л. 423 а).

[3]) Опис. Березинъ въ „Опис. рукоп. Почаев. Лавры“ (Кіевъ 1881).

Въ заимствованныхъ иностранныхъ европейскихъ словахъ малорусская интеллигенція сплошь да рядомъ предпочитаетъ сохранять тотъ самый или подходящій родъ, какой имѣло данное слово въ европейскихъ языкахъ, и, слѣдовательно, снабжаетъ его не такимъ окончаніемъ, какъ въ русскомъ языкѣ. Поэтому большáя часть малорусской интеллигенціи говоритъ: «сáля» (la salle), «адрéса» (=une adresse), даже «прóграм» (м. р. вм. ср.: сравни le programme, das Programm, τὸ πρόγραμμα) и т. п., хотя другая часть предпочитаетъ держаться неправильной или заимствованной изъ другого источника — русской формы «зал» (м. р.), «áдрес» (м. р.), «программа» (ж. р.) и т. п., потому что малорусскіе крестьяне успѣли привыкнуть именно къ этой обычно русской формѣ. Впрочемъ, многія иностранныя слова сохраняютъ свой правильный родъ не только въ устахъ малорусскихъ интеллигентовъ, но и въ крестьянской рѣчи, напр., «пéрла» (ж. р.) [1]) въ противность неправильному русскому «перлъ» (м. р.), которое поэтому можетъ считаться совсѣмъ не принадлежащимъ къ малорусской рѣчи и совершенно исключеннымъ изъ нея; да и форма «сáля» (наряду съ зал) существуетъ и въ крестьянской рѣчи.

§ 3. Членъ и его употребленіе.

Членъ, по которому можно было бы узнавать родъ именъ (подобно греческому ὁ, ἡ, τό, французскому le, la, нѣмецкому der, die, das), въ современной малорусской рѣчи почти отсутствуетъ.

Да и въ старомалорусскомъ языкѣ членъ «тъ» былъ въ ходу едва ли гораздо больше, чѣмъ теперь. Извѣстна, напримѣръ, рѣчь Владиміра Мономаха, говорившаго восточно-малорусскимъ нарѣчіемъ, на Долобскомъ съѣздѣ въ 1111-мъ году: «Сего не помышляєте, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою,—и приѣхавъ Половчинъ уда-

[1]) Чаще употребляется форма „перлйна“ (=жемчужина).

рить смерда стрѣлою и пониметь лошадь ту» (см. Ипат. лѣт., 191); но такіе примѣры въ лѣтописи не часты.

И въ современномъ малорусскомъ языкѣ имѣются по употребленію члена только такіе же жалкіе начатки, какіе мы находимъ и въ лѣтописи; напр. «хова́ється, як той злóдїй» (=прячется, какъ воръ); «сновида́є, на́че та мара́» (=блуждаетъ точно призракъ); «уб'ю, мов те цуценя́» (=убью, словно щенка); «щó мінї по тих грóшах!» (=чтó мнѣ въ деньгахъ!); «поприхóдили жидú, бідола́хи тїї» (=пришли евреи-бѣдняги»); «кóнї покуса́в ґедзь, óвад той» (=лошадей искусалъ «гедзь»—оводъ) и т. п.

Той роли, какую играетъ членъ въ нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ или—изъ славянскихъ—въ болгарскомъ, членъ въ современномъ малорусскомъ языкѣ не имѣетъ, и потому родъ малорусскихъ именъ существительныхъ, если это не лица мужескаго и женскаго пола, узнается почти исключительно по ихъ окончаніямъ.

§ 4. Формальныя окончанія грамматическихъ родовъ.

Окончанія всѣхъ трехъ родовъ малорусскихъ существительныхъ, если сказать про нихъ вообще, то оказываются приблизительно тѣ же, что и русскихъ существительныхъ. Но при этомъ буква ъ по-малорусски не пишется, и слова́ оканчиваются прямо на согласную; а кромѣ того не слышится и потому не пишется буква ь (и для муж., и для жен. р.) въ тѣхъ случаяхъ, когда русскія существительныя, оканчиваясь на ь, имѣютъ передъ собою шипящій звукъ (*ж*, *ч*, *ш*, *щ*), или губной (*б*, *п*, *в*), или *р*. Напротивъ, послѣ *ц* у малоруссовъ звучитъ и пишется ь, тогда какъ у русскихъ пишется ъ. Итакъ, какія же окончанія имѣетъ каждый родъ?

§ 5. Окончанія малорусскихъ именъ мужескаго рода слѣдующія:

Во-первыхъ, всякая согласная (спiвзвук),
во-вторыхъ ь, *й*;

кромѣ того, несравненно чаще, чѣмъ въ русскомъ, мужеское окончаніе бываетъ *о* (въ частности ко), но это исключительно для именъ одушевленныхъ лицъ.

Напримѣръ, вотъ слова мужескаго рода:

а) лан—поле
стяг—знамя
брат—братъ
час—время
Бог—Богъ
горі́х, орі́х—орѣхъ
стіл—столъ
го́луб (род. го́луба)—голубь
цар—царь
ска́рбник—казначей
віл—волъ
па́рубок (изъ «паробок») - юноша
ви́па́док—случай

б) суде́ць—судья
сотвори́тель—творецъ, создатель
кінь—лошадь
пі́вень—пѣтухъ
хло́пець—мальчикъ
верхове́ць—всадникъ

в) край—страна, край
о́брій—горизонтъ
ви́рій (и́рай) — сказочная теплая страна [1]),
род. ви́рія

г) Павло́—Павелъ
Петро́—Петръ
Митро́, Дмитро́—Дмитрій
Дніпро́—р. Днѣпръ
міня́йло—мѣняла

(зап.) діду́ньо́—дѣдушка; полт. дідуньо́—чертъ [2])

---

[1]) Еще у Владиміра Мономаха — „ирій“, въ его Поученіи: „И сему ся подивуємы, како птица небесныя изъ ирья идут[ь]“.

[2] См. „Нову Громаду“ 1906, іюль, стр, 3.

(зап.) Грицьо—Гриша
бáтько—отецъ
дїдько—бѣсъ
дядько—дядя
Овéрко—Аверкій

§ 6. Окончанія имэнъ женскаго рода вогъ какія.

во-первыхъ, *а, я,* причемъ вмѣсто русскаго ...ца малоруссъ всегда имѣетъ ...ця;

во-вторыхъ, *ь* (съ род. на *и*).

въ третьихъ, шипящая или губная согласная (съ род на *и*);

Рѣдкое женское окончаніе: *и* и *ї*.

Такъ, женскаго рода:

а) книжка—книга
ковінька, пáлиця—палка
грýша, (зап.) грýшка—груша
повітка—сарай
пригóда—случай
нéнька—матушка, родимая
няӥнька—няня
тїтка—тетка по крови
дядина—тетка по свойству (жена дяди)
корóва—корова
кýрка—курица
дївчина—дѣвица, дѣвушка
головá—голова
кóновка—ведро (преимущественно деревянное)
сокира—топоръ [1])

---

[1]) А „топір" по-малорусски есть имя оружія: бердышъ, сѣкира. Въ этомъ отношеніи малорусское словоупотребленіе (какъ и вообще) совпадаетъ съ лѣтописнымъ кіевскимъ. По поводу звука о въ „сокира" замѣтимъ, что онъ архаичнѣе, чѣмъ ѣ въ „сѣкира" (срв. лат. securis съ короткимъ е, а не съ долгимъ). Въ Начальной лѣтописи начертаніе „сокыра" извѣстно какъ изъ Ипатскаго списка (подъ 6491=983 г.), такъ и изъ Лаврентьевскаго (подъ 6604=1096 г.).

б) ку́ля—пуля; шаръ, шарикъ
вишня—вишня
цари́ця. цари́ха—царица
Росїя—Россія
полїція—полиція
в) сіль—соль
кість (чаще кістка)—кость
г) ніч—ночь
любо́в—любовь
д) ма́ти—мать
па́нї—госпожа, барыня.

§ 7. Средній родъ оканчивается по-малорусски:

Во-первыхъ, какъ и по-русски, на *о* и *е* (что читается твердо за э).

Во-вторыхъ, онъ оканчивается на мягкое *є* (а читается оно йэ или ьэ и лишь послѣ шипящихъ обращается въ твердое э). Или, параллельно съ нимъ, такимъ же окончаніемъ является *я* (звучащее послѣ шипящихъ сплошь да рядомъ какъ *a*). Передъ этимъ окончаніемъ (т.-е. передъ этимъ мягкимъ *є* или *я*) предыдущая согласная обыкновенно слышится съ удвоеніемъ. По-русски этому окончанію соотвѣтствуютъ два окончанія средняго рода: а) іе, или ье, и б) окончаніе наращательныхъ словъ на ...мя (род. ...мени).

Въ-третьихъ, средній родъ оканчивается по-малорусски опять-таки на *я* (при родительномъ на ...яти), чему соотвѣтствуетъ по русски «...ёнокъ».

Такимъ образомъ, вотъ образцы малорусскихъ словъ средняго рода:

а) сло́во—слово
я́блуко—яблоко
відро́—ведро
перло́- бисеръ
по́ле (выгов. «полэ»)—поле
сильце́ } (выгов. сы̑лцэ) } силокъ
силце́

місце—мѣсто [1])

б) питáнне или питання—вопросъ

ходінне или ходіння—хожденіе

насінне или насíння—сѣмя

життя́ (зап. життe)—жизнь

здорóвйе, здорóвле; или здоров'я, здорóвля—здоровье

подвíрйе, подвір'я—дворъ

палíччe или паліччa—палки, дубье (собир.)

збíжжe или збіжжa—а) имущество, вещи; б) зерновой хлѣбъ

лушпáйe или лушпáйя—кожура, шелуха, корки

íм'я, íмня (чаще—имéння)—имя

врéм'я, врéмня—пора

верéм'я (зап.)—вёдро, погода

в) теля́ (род. теля́ти),—теленокъ

лошá—жеребенокъ

пискля́—птенецъ (какъ бы «пискленокъ»)

здихля—заморышъ (какъ бы «издохленокъ»)

жиденя́—жиденокъ, еврейчикъ.

§ 8. О смысловомъ родѣ у именъ существительныхъ.

1) Во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ родъ именъ существительныхъ устанавливается ихъ окончаніемъ и склоненіемъ. Однако (все равно, какъ и по-русски) имена предметовъ одушевленныхъ мужского пола могутъ, имѣя жен-

[1]) Місце происходитъ изъ „мѣстце". Слово „місто" большей частью значитъ „городъ" (срв. и по-русски „мѣщанинъ"-горожанинъ). Слово „мѣстьце" употребительно въ Начальной кіевской лѣтописи (напр., подъ 6559=1051 г.), въ Печерскомъ Патерикѣ (напр., „да будеть на мѣстьцѣ семъ благословеніе Святыя горы и моего игумена"), а особенно изобильно—въ грамотахъ. Слово же „мѣсто" въ смыслѣ „городъ" извѣстно въ памятникахъ XII вѣка,—напр., въ Златоструѣ XII в., списанномъ, повидимому, съ кіевскаго оригинала („мѣста и села").

ское окончаніе и даже женское склоненіе, быть словами рода мужескаго по смыслу. Напримѣръ: ста́роста (сватъ) зап.-мр. старо́ста (въ Австріи: исправникъ), судда́ или судия́ (судья), перебе́ндя (перебира, переборчивый) и пр.; все это имена мужескаго рода, хотя оканчиваются на *а* и *я* и склоняются по женскому склоненію [1]).

2) Иногда перемѣной рода въ какомъ-нибудь такомъ словѣ сопровождается и перемѣна въ его значеніи. Напримѣръ:

а) старшина́ въ муж. родѣ = старшина, начальникъ. Срв. «наш старшина́» (= нашъ старшина), «шкільний старшина́» (= школьный старшина, т.-е. начальникъ синагоги. Срв. Еванг. отъ Луки, VIII, 49; Лаврент. лѣт., стр. 38);

б) старшина́ въ жен. родѣ — старшее начальство (въ собират. смыслѣ). Срв. «коза́цька старшина́» (= козацкія старшія власти). Срв. Лаврент. лѣт., стр. 16).

а) Собака, собачка (муж. р.)—песъ, песикъ. Срв. «рудий соба́ка та чо́рна сучка» (= рыжій песъ и черная сука), «мали́й соба́чка» (= маленькій песикъ);

б) соба́ка, соба́чка (жен. р., или общаго рода)— собака вообще. Срв. «руда́ соба́ка» (= рыжая собака безъ обозначенія пола), «мали́й соба́чка» или «мала́ соба́чка» (маленькій щенокъ).

3) Въ старомъ малорусскомъ языкѣ словъ мужескаго рода на *а* и на *я* было больше, чѣмъ въ русскомъ, потому что сюда входили слова, заимствованныя, во-первыхъ, изъ латинскаго языка, такія какъ: юри́ста (= юристъ, судебный крючокъ), бандури́ста (бандуристъ), пое́та (поэтъ) и пр.; и, во-вторыхъ, входили сюда такія слова, заимствованныя изъ польскаго, какъ спра́вця (завѣдующій; исправитель), приві́дця (= зачинщикъ), вида́вця (= издатель) и мн. др. Но они сохранились преимущественно лишь въ пословицахъ («а його дере юри́ста, а юристу—

---

[1]) Впрочемъ, въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что согласно съ мужескимъ значеніемъ этихъ словъ малоруссы допускаютъ въ ихъ склоненіи кое-какія особенности (напр., род. мн.—старості́в).

чортів триста»=а его лупитъ судейскій крючокъ, а крючка—триста чертей), или въ западно-малорусской рѣчи; въ разговорной же рѣчи Наддпѣпрянщины обыкновенно слышится: поéт, бандурúст, видáвець (или видавéць); даже форма привóдець (=зачинщикъ) употребляется чаще, чѣмъ неумершее еще старинное привíдця.

4) Всѣ имена мужескаго пола съ женскимъ окончаніемъ, такого типа, какъ суддя́, бываютъ, какъ сказано, и грамматически мужескаго рода. Исключеній изъ этого правила немного. Обратимъ только вниманіе на одно очень обычное слово, остающееся грамматически въ женскомъ родѣ въ силу окончанія, несмотря на свой мужескій смыслъ. Это слово—людúна (ж. р.)=человѣкъ. Напр., «з нього гáрна людúна» (=онъ хорошій человѣкъ).

§ 9. Имена рода общаго.

а) Есть, наконецъ, слова общаго рода (спільнóго рóду), такія, какъ сиротá, сиротúна, вбúйця[1]) и т. п., которыя употребляются въ грамматическомъ мужескомъ родѣ тогда, когда относятся къ мужчинѣ (він бíдний сиротá, бíдний сиротúна), и въ женскомъ—тогда, когда относятся къ женщинѣ (вона—бідна сиротá, бíдна сиротúна).

Довольно строго выдерживается это различіе только въ Наддпѣпрянщинѣ. Въ западной же Украинѣ «бідна сиротúна» можетъ обозначать одинаково мужчину, какъ и женщину. Да и вообще въ зап.-мр. рѣчи имена муж. пола на ...úна, относясь даже завѣдомо къ мужчинамъ, охотно считаются грамматически-женскимъ родомъ. Руданскій (подолянинъ), напримѣръ, пишетъ: бíдна хлопчúна (=бѣдный малецъ), нещаслúва писарúна (=несчастный писаришко) и пр., наряду, правда, съ употребленіемъ тѣхъ словъ и въ муж. родѣ. Въ грамматикѣ Наддпѣпрянской

[1]) Параллельно съ „убúйця" есть и другая форма, съ мужескимъ окончаніемъ: „убúвець".

рѣчи, которую мы желаемъ изучать, такое словоупотребленіе должно быть исключено, такъ что, напримѣръ, «бідна писарйна» можно примѣнить только къ писаршѣ-женщинѣ, а «бідна хлопчйна» по-наддѣпрянски совсѣмъ нельзя сказать въ виду того, что «хлопчина» (=малецъ, парнишко) можетъ обозначать собою только лицо мужескаго пола.

б) Выше упомянуто ужъ было слово «собáка»; оно можетъ означать спеціально «пёсъ» (самецъ) и тогда непремѣнно бываетъ мужескаго рода (це зїів наш собака, а не ваша сука=это съѣлъ нашъ песъ, а не ваша сука); но можетъ оно означать и собаку вообще, безъ различія пола (т.-е. какъ и въ русскомъ языкѣ), и тогда малоруссъ употребляетъ это слово безразлично въ мужескомъ или женскомъ родѣ,—просто по своему усмотрѣнію (рудѝй собáка и рудá собáка=рыжая собака, безъ обозначенія пола).

Въ употребленіи имени, означающаго понятіе «кошка», малоруссы сильно расходятся съ русскими. У русскихъ слово «кошка» (ж. р.) можетъ обозначать не только самку, но вообще всякаго представителя кошачьей породы, тогда какъ слово «котъ» означаетъ по-русски спеціально самца, felis mas. У малоруссовъ же имя ж. р. кíтка (иначе—кішка, кйцька) означаетъ почти исключительно самку [1]), а говоря о кошкѣ, какъ о животномъ того и другого пола, малоруссы пользуются существительнымъ муж. рода: кіт,—которое кромѣ того можетъ у малоруссовъ означать и спеціально кота-самца. Вотъ примѣры: котй—лукáві=«кошки

[1]) Лишь въ очень немногихъ случаяхъ (или въ отдѣльныхъ, рѣдкихъ говорахъ) можно услышать терминъ кíтка въ общемъ смыслѣ, — напр., въ такой фразѣ: хто голóдний, той і кíтку ї́стиме=„кто голоденъ, тотъ и кошку (=кошачье мясо вообще) будетъ ѣсть“. Этотъ изчезающій оборотъ (чаще скажутъ въ этой фразѣ: котá) архаиченъ. Въ лѣтописи Начально-Кіевской мы читаемъ: „Ядяху скверну всяку: комары и мухы, коткы, змиѣ“ (подъ 6604=1096 г.). Срв. еще въ Дубенскомъ сборникѣ XVI вѣка: „Ядущи—пса, котку“ (л. 178).

лукавы»; а мінї коти́—кра́щі од соба́к=«а въ моихъ глазахъ кошки—лучше собакъ»; соба́ка прийе добра́ до́му, а кіт не прийе=«собака доброжелательствуетъ дому, а кошка не доброжелательствуетъ» (народн. примѣта [1]); щоб мишéй не було́, трéба кота́ держа́ти, бо ми́ші тілки котíв і боя́ться=«чтобы мышей не было, надо держать кошку, потому что мыши только кошекъ и боятся»; Га́пко! пого́ду́й котíв! (или коти́, § 23)= «Агаѳья! покорми кошекъ!» Если жъ будетъ сказано: погодуй кітки́ (или кицьки́), то это будетъ означать, что покормить надо только самокъ, а котовъ-самцовъ кормить не нужно, или же что говорящій случайно пожелалъ почему-нибудь высказать свое знаніе о женскомъ полѣ данныхъ кошекъ.—Въ связи съ употребленіемъ слова кіт въ смыслѣ общемъ—стоитъ у малоруссовъ и прилагательное относительное: русское «кошачій» передается черезъ котя́чий; срв. котя́ча поро́да,=кошачья порода, котя́ча шку́рка=кошачья шкура, мѣхъ. (Впрочемъ, прилагательное котя́чий можетъ этимологически быть произведено не только отъ кіт, но и отъ формы ж. р.: кітка, котѣка).

в) Употребленіе въ мужескомъ склоненіи и въ общемъ родѣ словъ, означающихъ профессію, каковы по-русски «авторъ», «композиторъ», «писатель», или словъ: «другъ», «товарищъ» и т. п.,—у малоруссовъ вообще не въ ходу. По-малорусски для профессіональныхъ именъ женщинъ образуется въ такихъ случаяхъ соотвѣтственное слово съ формальнымъ окончаніемъ женскаго рода: «а́вторка» (=женщина-авторъ), «компози́торка» (= женщина-композиторъ), «писа́телька» (=женщина-писатель, писательница), «при́ятелька»(=женщина-пріятель, пріятельница),

[1]) Эта шутливая народная примѣта (запис. въ Звенигородщинѣ, Кіев. г.) основана на томъ наблюденіи, что собака тащитъ домой всякую пищу, какую найдетъ (напр., кость), а кошка уноситъ изъ дому и ту пищу, которую здѣсь получитъ.

«т о в а́ р и ш к а» (=женщина-товарищъ, подруга) [1]) и пр. Женщина про женщину не можетъ сказать по-малорусски: «в о н а—м і й п р и́ я т е л ь», но непремѣнно: «в о н а—м о я п р и́ я т е л ь к а» (=она — мой пріятель); «она на все мастеръ»—по-малорусски: «в о н а н а в с е м а й с т р и́ х а». Зато, слово «с и́ н у!» (зват. пад.) можетъ быть примѣняемо въ ласкательномъ значеніи и къ женщинѣ, въ смыслѣ: «милочка! дитя мое!».

Исключеніе допускается для тѣхъ случаевъ, когда форма жен. рода могла бы вести къ сбивчивости въ смыслѣ. Мы скажемъ, напримѣръ: Л е́ с я У к р а ї н к а—о д и́ н з н а й к р а щ и х п о е́ т і в=«Леся Украинка [2])—одинъ изъ наилучшихъ поэтовъ», потому что, если бы мы сказали: «о д н а́ з н а й к р а́ щ и х п о е́ т о к», то этимъ выразили бы ея первенство только среди женщинъ-поэтессъ, но не среди всѣхъ поэтовъ безъ различія пола.

Допускается также форма муж. рода въ примѣненіи къ женщинамъ тогда, когда слово потеряло свой оттѣнокъ, указывающій тѣсно на особу мужескаго пола, и стало употребляться въ смыслѣ орудія, или въ смыслѣ неопредѣленно-отвлеченномъ. И о мужчинѣ, и о женщинѣ одинаково скажуть: в і н—ж и д і́ в с ь к и й п о п и́ х а ч, в о н а́—ж и д і́ в с ь к и й п о п и́ х а ч=«онъ—у евреевъ работникъ-подпомощникъ», «она—у евреевъ работница-подпомощница (на побѣгушкахъ и т. п.)», потому что существительное муж. рода п о п и́ х а ч (букв. «подпихатель») постепенно потеряло у малоруссовъ свой первоначальный оттѣнокъ лица мужескаго

---

[1]) Звукъ *ш* въ малорусскомъ словѣ т о в а́ р и *ш*, т о в а́ р и *ш* к а—этимологичнѣе, чѣмъ звукъ *щ* въ русскомъ „товарищъ", хотя къ русской формѣ имѣется совпаденіе и въ церк.-слав. товарищь. Во всѣхъ славянскихъ языкахъ это слово звучитъ съ *ш*, равно какъ и въ румынскомъ, и въ мадьярскомъ (társ, гдѣ *s* читается за *ш*), и въ чувашскомъ („тавра*ш*"), и въ др. Повидимому, это слово — старотюркское, составленное изъ тюркскаго „товар" (=имущество, товаръ) и тюркскаго же „*эш*" или „*иш*" (=соучастникъ).

[2]) Псевдонимъ Ларисcы Косачъ.

пола, а обратилось, какъ бы, въ полупрезрительное названіе орудія (=«подпихало»). Ожидаемая форма женскаго рода («попихачка») даже не существуетъ въ обиходной рѣчи.

§ 10. Среднимъ родомъ по смыслу могутъ быть, какъ и по-русски, слова и выраженія несклоняемыя: твоє «мáбўть» (=твое «вѣроятно»), отé «ввавтра» (=вонъ то «завтра»), моé «нікóли» (=мое «никогда»), вáше «тепéр (=ваше «теперь»), паньське «зáраз» (=барское «сейчасъ»), селянське «ох» (=крестьянское «охъ»), украïнське «нехáй» (=малорусское «небось»), малé м (=малая или строчная буква м) и пр.

Однако вмѣсто средняго рода свободно можетъ быть употребленъ въ этихъ же случаяхъ, примѣнительно къ окончанію, мужескій родъ: твій «мабуть», пáнський «зараз», селянський «ох», руський «сейчас», украïнський «нехай» и пр. [1]). Интеллигентный малорусскій языкъ обнаруживаетъ большую наклонность употреблять такія слова только въ родѣ среднемъ, т.-е. дѣлать такъ, какъ это принято въ синтаксисѣ европейскихъ языковъ.

§ 11. Слова къ упражненіямъ урока 1-го:

посмотри—подивúся [2])

[1]) Заслуживаетъ вниманія зап. „великий спасибі" (наряду, впрочемъ, съ „велике спасибі"). Мужескій родъ объясняется здѣсь тѣмъ, что не такъ давно еще слышался въ концѣ этого слова звукъ г, и оно звучало „спасибіг", т.-е. съ окончаніемъ муж. рода. Въ зап.-мр. говорахъ это слово продолжаетъ и теперь звучать съ г на концѣ.

[2]) Можно и сократить ся, т.-е. сказать: подивúсь; но такое сокращеніе далеко не обязательно, въ противность требованію языка русскаго, гдѣ ся послѣ гласныхъ непремѣнно сокращается. Не совпадаетъ съ русскимъ языкомъ употребленіе ся также послѣ согласныхъ: по-русски ся не можетъ быть сокращено въ сь послѣ согласныхъ, а по-малорусски — какъ-разъ напротивъ. Напр., по-малорусски очень хорошо—сказать: він подивúвсь (=онъ посмотрѣлъ), и это мы слышимъ даже чаще, чѣмъ він подивився,—тогда-какъ русское „подивился" ни за что не могло бы быть сокращено въ „подивилсь".

гдѣ—де

вотъ—от

вездѣ—скрізь

еще—ще, іще [1])

здѣсь—тут, ту́течки; вотъ здѣсь=ось, о́сьде

бѣ*лый*, **бѣ***лая*, **бѣ***лое*—**бі***лий*, **бі***ла*, **бі***ле*

сегодня—сього́днї [2])

милый—лю́бий, ми́лый

когда?—коли́? [3])

ужъ—уже́; вже (послѣ гласныхъ)

есть—е (чит. **йе**), **есть** (чит. **йесть**) [4])

это—це (рѣдко: **се**)

кто—хто

что—що [5])

дочь—дочка́ (удареніе!)

только—тіл[ь]ки, тіл[ь]ко

говори*лъ*—**каза́***в*; **говорила—каза́ла**

говори*ть*—**каза́***ти*

---

[1]) Читать надо, конечно, „щэ", „іщэ" (а не со звукомъ *о*, какъ по-русски).

[2]) Д н ї — это старая форма родит. падежа отъ д е н ь. Въ зап.-мр. нарѣчіи слышится еще болѣе архаичное произношеніе: с е г о́ д н *е*, с ь о г о́ д н *е* (=сего+дне), по восточнымъ малоруссамъ такое произношеніе чуждо.

[3]) Малорусское к о л и́ соотвѣтствуетъ русскому „когда" только въ предложеніяхъ в о п р о с и т е л ь н ы х ъ. Въ придаточныхъ же предложеніяхъ (относительныхъ) оно обыкновенно означаетъ „если"; а русское „когда" въ относительныхъ предложеніяхъ времени переводится по-малорусски черезъ я к (напр., з р о б и́ в т о д ї́, *як* б у в у д о́ м а=„сдѣлалъ тогда, когда былъ дома").

[4]) Чередованіе между формами *е* и *есть* извѣстно даже въ наиболѣе древнихъ памятникахъ, дошедшихъ къ намъ отъ предковъ малоруссовъ. Оно оказывается въ обоихъ кіевскихъ Изборникахъ Святослава 1073 и 1076 гг., въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в., и въ др.

[5]) Въ огромномъ количествѣ говоровъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ, мы слышимъ вмѣсто *що* болѣе новое произношеніе *шо*. Но такъ писать въ литературной рѣчи не слѣдуетъ. О про-

былъ, была, было—буе, була́, було́ (удареніе!) [1])
быть—бу́ти [2])
корабль—корабль, корабе́ль [3])
много—бага́то, бага́цько
тетрадь—зо́шит (зап.)

исхожденіи фонемы *що* въ концѣ XVI-го вѣка (изъ средневѣковаго малорусскаго *што* XIII—XVII в.) см. особый экскурсъ ниже, § 13. Заодно въ томъ экскурсѣ даны историческія свѣдѣнія и о фонемѣ *х т о*, возникшей у малоруссовъ въ XIII вѣкѣ.

[1]) По западно-малорусскому произношенію, здѣсь удареніе обыкновенно падаетъ на *бу* (бу́ла, бу́ло,—равно какъ и во мн. ч. бу́ли), но у восточныхъ малоруссовъ удареніе здѣсь всегда на послѣднемъ слогѣ (була́, було́, були́).

[2]) Кажется, что звукъ *у* вмѣсто ы въ глаголѣ бути (=быти) можно бы изрѣдка констатировать еще на старославянской почвѣ; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ наиболѣе старыхъ церковно-славянскихъ памятниковъ, Супрасльская рукопись, имѣетъ въ себѣ фразу: „льжа бы *бу*ла мои сынъ" (л. 272; ы=ъ). Но въ памятникахъ старо-малорусскихъ присутствіе звука *у* въ формахъ этого глагола дѣлается наглядно-очевиднымъ только въ XIV вѣкѣ, потому что т. н. грамоты кн. Льва Галицкаго, относящіяся еще якобы къ концу XIII в. и содержащія въ себѣ начертанія вродѣ „*бу*ло" (срв. по изд. Карамзина, въ т. IV, примѣч. 203), поддѣланы не раньше XIV вѣка. Въ XIV в. мы находимъ съ [ударною?] буквою *у* начертаніе въ Луцкомъ Евангеліи: „ни едина нѣ[сть] забувена предъ Б[ого]мь" (л. 129), гдѣ букву є (въ слогѣ ве), быть можетъ, надо не читать (принимая є за ь), и видимъ то же слово въ буковинско-волошскомъ Евангеліи Верковича XIV в.: „заб*у*вна нѣсть" (л. 123 об.); срв. соврем. малорусское прилагательное „незабу́тній" (=незабвенный). Вскорѣ мы найдемъ начертанія съ *у* въ договорѣ 1457 г. буковин. воеводы Петра съ двумя галицкими старостами: „где що мочъмемъ (=могтимем) доб*у*вати отъ ихъ шкоды", „будет правомъ доб*у*вати" (=Улян. № 84, стр. 93, 94). Въ галицкомъ Номоканонѣ XVI в. (изъ львовскаго Музея Петрушевича № 140) есть „*бу*ла" (=была; л. 54). Въ Кіевскомъ Магдебургскомъ уставѣ 1516 года, вписанномъ въ книгу городской думы 1542—1608 г., читаемъ: „сторожу отб*у*вати" (№ 3503, л. 14=Антонов. и Козлов. № 25, стр. 50). И т. д.

[3]) Произношенія „кара́бль", какъ очень локальнаго, надо избѣгать.

жена—жінка
лодка—чо́вен [1])
до́ма—удо́ма, вдо́ма
и—і; й (послѣ гласныхъ); та [2])
а—а; ба (=ну, а); та
ли—чи (ставится впереди слова или фразы)
тамъ—там, та́мечки; вотъ тамъ—ота́м; он та́м; там-о́
какъ—як.

Къ звуковой формѣ и правописанію нѣкоторыхъ изъ вышеперечисленныхъ словъ.

О появленіи неударнаго звука *а* вмѣсто *о* въ такихъ словахъ, какъ б*а*га́тий, въ силу ассимиляціи съ сосѣднимъ ударнымъ *а*—см. въ нашей грамматикѣ ч. I, §§ 33—37. Въ § 34-мъ отмѣчены другіе случаи возникновенія *а* (въ противность языку русскому), напр., пом*а*га́ти, независимые отъ закона ассимиляціи. Въ § 35-мъ сообщено, какія изъ всѣхъ такихъ фонемъ должны считаться общемалорусскими и, потому, литературными (типа «б*а*гатий», «пом*а*гати»), и какія оказываются болѣе или менѣе узкими локализмами, не допустимыми для литературной рѣчи (напр., «к*а*ра́бль»), или слишкомъ грубо-вульгарными (напр. «к*а*ма́нда»).

---

[1]) Но нельзя писать „чо́в*и*н", хотя такъ и произносятъ.

[2]) Этотъ союзъ та не менѣе старъ, чѣмъ подобозвучное общерусское да. Напр., Владимiръ Мономахъ (черниговецъ) говорилъ: „та оттуда [къ] Турову, а на весну—та Переяславлю, а и[зъ] Смолиньска—та къ Новугороду", „та посла́ мя С[вя]тославъ въ Ляхы", „та идохъ Переяславлю", и пр. Въ Ипатской лѣтописи: „Иди же, та отряди и̃, ать поѣдеть прочь, а у мене ему нѣчто дѣяти" (подъ 6795=1287 г.), и пр. Въ буковинской господарской вассальной присягѣ 1468 г. (=Улян. № 95, стр. 105): „и коли дасть Богъ та пріедеть панъ нашъ король на рускіи стороны..." Въ господарскомъ договорѣ 1499 г. (=Улян. № 105, стр. 174): „та не мочимемъ (=могтимем) сами ехати съ ними". И мн. др.

О недопустимости смѣшенія, на письмѣ, неударныхъ *е* и *и* (напр., въ словѣ чóвен, выговариваемомъ почти всюду, какъ чóв*и*н, или въ словѣ т*и*хéнько, выговариваемомъ за т*е*хéнько)—см. ч. I, §§ 30—32. Въ § 32-мъ предложены практическіе способы, помогающіе отличать неударное *е* отъ неударнаго *и*.

По поводу звука *в* въ словѣ «чó*в*ен» (при старомалорусскомъ «чьлнъ», «члънъ» и при русскомъ «че*л*нъ») см. ч. I, § 93. О томъ, что звукъ *в* въ прошедшемъ времени глаголовъ (напр., сказá*в*, бу*в*) не происходитъ фонетически изъ *лъ*, но есть самостоятельное причастное образованіе на *въ*, см. ч. I, § 11, б; также см. ч. I, § 97.

Нельзя приступить ни къ сознательному переводу упражненія 1—2, ни слѣдующихъ упражненій, не проштудировавши предварительно въ высшей степени важную главу въ I-й части нашей грамматики: «Пріемы малорусскаго благозвучія и связанныя съ ними явленія» (=ч. I, §§ 41—50). Въ §§ 42—47 изложены законы развитія малорусскихъ т. н. *протетическихъ гласныхъ* (напр., локальн. *о*ртýть вмѣсто ртуть, *і*щé и *і*сказáти вмѣсто ще и сказáти, *у*вхóдити вмѣсто вхóдити), и законы обратнаго явленія—*отпаденія* начальныхъ коренныхъ гласныхъ (напр., Панáс вмѣсто *О*панáс, гóлка вмѣсто *і*гóлка, схóдити вмѣсто *у*схóдити изъ «*въ*сходити»). Въ ч. I, § 48-мъ характеризована *мѣна у* и *в*, *і* и *й*, т.-е., съ одной стороны, обращеніе неударныхъ начальныхъ гласныхъ звуковъ *у* и *і* въ согласные звуки *в* и *й*, если предыдущее слово оканчивается на гласную (напр., на *Й*вáна вмѣсто: на *І*вáна, вонá *в*пáла вмѣсто: вонá *у*пáла), равно какъ обращеніе начальнаго согласнаго *в* въ гласный звукъ *у* при стеченіи согласныхъ (напр. він *у*зяв вмѣсто: він взяв). Въ §§ 49—50 характеризованы т. н. *придыханія* (напр., *г*оріх вмѣсто оріх, *в*ýхо вмѣсто ýхо, *я́*нгол изъ áнгел).

Что касается нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ области глагола и прилагательныхъ, то см. въ ч. I, § 103-мъ — о нео-

предѣл. п=ніи (типа казати, бути) и въ § 104-мъ— о прошедшемъ времени. Въ §§ 125 — 128 даны свѣдѣнія объ имен. пад. ед. числа прилагательныхъ.

§ 12, а). Упражненіе 1-е. (Робота перша.)

Подивися на зелений степ, на любий Дніпро!—Де кінь?—Там, де біле шатро, там і кінь і верховець.—Казала жінка: «Сьогодні великий ярмарок; там і картопля і дріб є, — дак довга путь, а вже ніч!»—Віл і кінь, теля й лоша, півень і курка та малий собачка—це там, де повітка й подвірйе.—От лан! от збіжжя!.. дороге перло, а не збіжжя!.. — Чи є сіль?—Є багацько! — Де сильний глиб, там є й човен і корабль (или: корабель). — Парубок іще тамечки, а мати вже ось.—Хто єсть удома? — Батько й Оверко вдома; тут і козацька старшина. — Хлопець і дядина там, а дівчина й дядько—тутечки.—Подивися на обрій.—Хіба що?—А дощ!.. Оце пригода!.. — Це вже ніч, а нянька й пані сьогодні не вдома.—Як? уже ніч?!—Картопля—добра харч.—Де грушка та яблуко?—Грушка ось, а яблуко—там-о [1]).

§ 12, б). Упражненіе 2-е (Робота друга.)

Ночь—это время. — Книга—и сестра и родная мать.—Жизнь—вопросъ.—Богъ—и создатель, и отецъ, и судья.—

[1]) Русскій переводъ. Посмотри на зеленую степь, на милый Днѣпръ!—Гдѣ лошадь?—Гдѣ бѣлый шатеръ, тамъ и лошадь и всадникъ.—Говорила жена: „Сегодня большая ярмарка; тамъ и картофель и домашняя птица есть; но длинный путь, а уже ночь!"—Волъ и лошадь, теленокъ и жеребенокъ, пѣтухъ и курица и маленькая собачка—это тамъ, гдѣ сарай и дворъ.—Вотъ нива!.. вотъ хлѣба!.. дорогой жемчугъ, не хлѣба!—Есть ли соль?—Есть много!—Гдѣ значительная глубина, тамъ есть и лодка и корабль.—Молодой человѣкъ еще тамъ, а мать ужъ вотъ.—Кто есть дома?—Отецъ и Аверкій дома; тутъ и козацкія власти.—Мальчикъ и тетка тамъ, а дѣвушка и дядя здѣсь.—Посмотри на горизонтъ.—Развѣ что?—Да дождь!.. вотъ случай!..—Вотъ ужъ ночь, а нянька и барыня сегодня не дома.—Какъ? уже ночь?!—Картофель—хорошая пища.—Гдѣ груша и яблоко?—Груша вотъ, а яблоко—вонъ тамъ.

Кто тамъ?—Тамъ мать, а дочь здѣсь.—Когда отецъ дома?—Отецъ? да сегодня онъ дома. — Посмотри на ведро.—Это—ведро деревянное.—Гдѣ топоръ и палка? — Тамъ, гдѣ куча дубья.—Вотъ голубь, и вотъ силокъ.—Мать и нянька ужъ, вѣроятно, дома; а сестра и Павелъ еще здѣсь.—Что тамъ?—Тамъ мелкій картофель да груша да яблоко, а корки здѣсь.—Кто Димитрій?—Димитрій—сирота.—Всадникъ еще здѣсь, и палка—вотъ, а лошадь ужъ тамъ.—Соль есть вездѣ.—Ну, да и подсолнухи!.. и какъ много!.. — Петръ—это имя, и Павелъ — имя. — Говорила дѣвушка: «И жиденокъ — человѣкъ!» [1]).

§ 12, в). Упражненіе въ разговорѣ. (Привча́ння до розмо́ви).

А де ба́тько й дочка́?	А гдѣ отецъ и дочь?
— Ба́тько й дочка́ вдо́ма.	— Отецъ и дочь—дома.
Хто там?	Кто тамъ?
— Та́мечки дівчина й па́рубок.	— Тамъ дѣвица и молодой человѣкъ.
Колй ба́тько вдо́ма?	Когда отецъ дома?
— Ба́тько й хло́пець удо́ма сього́дні.	— Отецъ и мальчикъ дома сегодня.
Що тут?	Что здѣсь?
— Ту́течки дрібна́ карто́пля.	— Здѣсь мелкій картофель.

[1]) Украї́нськнй перéклад. Ніч—то час.—Книжка—і сестра́ й не́нька. -- Життя́—пита́ння.—Богъ — і сотвори́тель і ба́тько й суде́ць.—Хто тамъ?—Тамъ ма́ти, а дочка́ тут.—Колй ба́тько вдо́ма?—Ба́тько? вони́ (=они; мн. ч. изъ вѣжливости) сього́дні ж удо́ма.—Подивися на відро́.—Це ко́новка.—Де соки́ра й ковінька?—Там, де палі́чча.—От го́луб і от силце́.—Ма́ти й ня́нька вже, мабудь, удо́ма, а сестра́ й Павло́ ще ту́течки.—Що́ там?—Там дрібна́ карто́пля та груша та я́блуко, а лушпайє тут.—Хто Митро́?—Митро́—сироти́на.—Верхове́ць іще́ тут, і па́лиця ось, а кінь уже́ там.—Сіль є скрізь.—Ну, та й насі́ння!.. тай як бага́цько!—Петро́—то іме́ння, і Павло́—йме́ння.—Каза́ла ді́вка: „І жиденя́—люди́на!“.

Що це?	Что это?
— Це книжка, а там-б — зошит [1]).	— Это книга, а вотъ тамъ — тетрадь.

§ 13. Экскурсъ по поводу звукового вида мѣстоименій «*х*то» и «*щ*о».

а) Въ XI—XII вв. оба мѣстоименія произносились нашими предками въ два слога: «къ-то»[2]), «чь-то». Въ XII—XIII в. при начавшемся выпаденіи глухихъ гласныхъ ъ и ь, послышались односложныя слова: «кто» и «чьто» (т.-е. «что», но съ мягкимъ *ч*). Вскорѣ же, къ XIV вѣку, первое слово стало звучать «*х*то», а второе — «*шь*то», или «*ш*то» (съ мягкимъ *ш*).

б) Начертаніе «хто» мы впервые встрѣчаемъ въ рукописи Студійскаго Устава XII—XIII в., происхожденіе которой мы не рѣшаемся установить [3]). Оказывается «хто» и въ Начальной лѣтописи по Лаврент. списку XIV в. (л. 18), но и тамъ мы лишены возможности провѣрить, попало ли «хто» въ Лаврент. списокъ изъ кіевскаго оригинала, писаннаго лѣтописцемъ кіевляниномъ-малоруссомъ, или же внесено переписчикомъ-суздальцемъ. Поэтому цѣннѣе всего для насъ — встрѣтить «хто» въ подлинныхъ малорусскихъ грамотахъ: въ Швитрикгайловомъ листѣ 1403 г. церкви св. Іоанна «у Городвȣ» подъ Львовомъ («хто коли на сесь нашь листъ усмотрить», «хто попомъ у святого Ивана будетъ») [4]); въ Швитрикгайловомъ же листѣ 1438 г., дан-

---

[1]) Греческое слово „тетрадь", заимствованное изъ русской школьвой обстановки, въ полномъ ходу всюду у россійскихъ малоруссовъ, а въ Лѣвобережьи только оно и извѣстно.

[2]) Иногда гласная ъ перваго слога уподоблялась гласной о второго слога, — и тогда говорилось: „кото". Срв. кіевскій Изборникъ Святослава 1073 г., червонорусскія Слова Григорія Богослова XI в. и др.

[3]) См. описаніе рукописей Московской Синодальной Библіотеки — Горскаго и Невоструева, т. III, 1, 24.

[4]) = Голов. № 26, стр. 25.

номъ «у Луцку» кухмистру Петру Мышьчичу «(хто па нь возрить», «пак ли бы хто хотѣлъ взяти») [1]; почти тѣже выраженія съ «хто»—въ одновремепной Швитригайловой грамотѣ 1438 г., писанной въ Острогѣ [2]); и затѣмъ—«хто» попадается частенько.

в) Начертаніе «што» (съ мягкимъ ш, конечно) мы среди мр. памятниковъ впервые находимъ въ юж.гал. Ев. поповича Евсевія 1283 г.: «ни во што облечетеся» (л. 33, об.) [3]) и въ старѣйшей дошедшей до насъ галицкой грамотѣ—именно въ Перемышльской купчей 1359 г. «па дѣдицтво папъны Радивонъковоѣ, што по пюи отець далъ..., со всѣмъ, што коли отца ее прислушало». И затѣмъ начертаніе «што» обильно встрѣчается въ памятникахъ XIV вѣка: въ львовской купчей 1371 г. галицкаго старосты, пана Оты («а што може причинити болше, то...» и др). [4]); въ Луцкомъ Евангеліи XIV в. (л. 98: «и што есть знаменье твоего пришествья?»); въ Смотрицкой доминиканской жалованной грамотѣ 1375 г. («чинимъ свѣдочно, што жь былъ братъ нашь князь Юрій Корьятовичь придалъ млинъ къ церкви»; «але то, што жь коли вси бояре и земляне будуть городъ твердити, ..»; «што дуброва межи Ходорковымъ селомъ—тоѣ дубровы половина ко млину», и др.); въ записи 1376 г. при Холмскомъ Евангеліи («...за што зде даи Г[оспо]ди намъ побытъ и здравие!»); въ заставной галицкой грам. 1386 г. па с. Черепине подъ Львовомъ [5]); въ луцкомъ векселѣ 1388 г. короля Владислава - Ягайла молдавскому воеводѣ Петру

---

1) Изд. въ кіевск. „Универс. Изв." 1885, янв., прибавл. III, стр. 80. Подлинникъ—въ Румянцевскомъ музеѣ.

2) =Голов. № 46, стр. 53—54.

3) Въ памятпикахъ великорусскихъ, подъ вліяніемъ—очевидно—болѣе ранняго, чѣмъ у малоруссовъ, паденія глухого звука ь въ этомъ мѣстоименіи, начертаніе „што" попадается еще въ XII в,—напр., въ новгородскомъ Добриловомъ Евангеліи 1164 г. (л. 126).

4) =Голов. № 4, стр. 7—8.

5) =Гол. № 7, стр. 10.

(=Голов. № VIII), равно какъ въ отвѣтной буковинской росписке Петра (=Улян. № 3, стр. 3: «просимъ, штобы есте учинили иныі листъ, яко и тотъ, што писанъ», «вашь листъ, што писано на 4 тисячѣ», и др.). Да и вообще во всѣхъ послѣдующихъ буковинскихъ грамотахъ XIV—XV вв. изобилуетъ «што», равно какъ въ грамотахъ изъ иныхъ мѣстъ малорусской территоріи,—напр., въ Витовтовой волынской жалованной грам. ок. 1392 г., писанной «у Турейску в Володимерьскомъ» (гдѣ есть: «дали есмо сюю нашу грамоту Бедриху, што держить о[т] насъ двѣ селища»), и въ пр., и въ пр., въ теченіи вѣковъ XV-го и XVI-го.

Даже въ эпоху борьбы съ уніей форма «што» (все еще не нынѣшнее «щчо») попадается у малоруссовъ въ большомъ изобиліи, все равно, будутъ ли писцы малоруссами западными (каковы—знаменитый народный проповѣдникъ XVI—XVII в. Иванъ Вышенскій, лексикологъ Памва Берында 1627, проповѣдникъ-ректоръ I. Галятовскій XVII в.), или будутъ ли они малоруссами восточными (срв., напр., форму «што» въ рукописяхъ проповѣдника-черниговца XVII вѣка А. Радивиловскаго [1]); въ рукописи XVII вѣка Кіево-Софійскаго собора № 130 [2]); въ полтавскомъ сборникѣ 1679 г. игумена Геннадія московской Хлудовской библіотеки [3]), и у друг.).

г) Въ настоящее время фонема «што» исчезла у малоруссовъ почти на всемъ пространствѣ ихъ территоріи и

---

[1]) О преобладаніи „што" надъ „що" въ рукописяхъ Радивиловскаго въ противность печатнымъ кіевскимъ текстамъ (гдѣ издано „що"), см. у Мих. Марковскаго: „Ант. Радивиловскій", стр. 148.

[2]) Изъ нея листы 157—160 изданы въ „Записках Наук. Товариства імени Шевченка", кн. 72, стр. 137—140.

[3]) Полтавскій сборникъ 1679 г. описанъ и отчасти (именно „Книга Эноха") изданъ—А. Поповымъ въ „Библіографическихъ матеріалахъ", подъ № IV (М. 1880, отт. изъ „Чтеній", кн. 3), стр. 66—154. См. особенно „Предмову" игумена Геннадія, =на стр. 83—88 у Попова.

можетъ считаться угасшей, если мы не будемъ во вниманіе принимать совсѣмъ малаго количества архаичныхъ сѣверныхъ говоровъ, между прочимъ—говоровъ русиновъ подляссвихъ (холмскихъ) и угорскихъ, гдѣ еще слышится «што». Вся же прочая масса малоруссовъ знаетъ только «*що*» (чит. «*шчо*»), причемъ въ иныхъ мѣстахъ (напр., у горцевъ-гуцуловъ) это слово звучитъ мягко, т. е. какъ «шчьо» (шчё); а въ очень многихъ говорахъ, не исключая въ томъ числѣ приднѣпровскихъ, уже слышится даже «*шо*» (чего въ литературной рѣчи избѣгаютъ). Процессъ, посредствомъ котораго старинное «што» превратилось въ нынѣшнее общепринятое «*шчо*» (пишется «що»), можетъ быть обрисованъ разно, но намъ лично представляется, что главную роль здѣсь сыграла долго не исчезавшая мягкость звука ш: слово «што» (чит. «шьто») естественно могло обратиться въ «шьтьо» (иначе: «штё»); это послѣднее обратилось въ «шчьо» (иначе написать: «щё»); а мягкая фонема «щё» (шчьо), донынѣ извѣстная въ разныхъ говорахъ, отвердѣвши дала нынѣшнее общераспространенное «шчо» (пиш. «*що*»).— Фонема же «*шо*» возникла изъ «що», вѣроятно, черезъ стадію «шшо».

д) Насколько старо нынѣшнее общемалорусское «*що*»? Иначе сказать: съ какихъ поръ старинное «што» стало вытѣсняться посредствомъ «*шчо*»?—Около конца XVI вѣка. Вопросъ этотъ запутанъ тѣмъ, что въ священной церковнославянской орѳографіи звукъ шт выражался посредствомъ буквы щ и что балканскіе славяне, на языкѣ которыхъ «чьто» также обратилось въ «што», для воспроизведенія этого своего слова «што» писали що. Начертаніе що въ церк.-слав. памятникахъ появилось въ XII—XIII в., но мы очень ошиблись бы, если бы вздумали такое що,—напр. въ Погодинской псалтыри, Григоровичевомъ Паремейникѣ и т. п.,—читать за «шчо»: оно читалось «што». По малорусскимъ памятникамъ — массу начертаній що мы можемъ найти въ буковинскихъ грамотахъ XIV—XV в. (наряду со «што»); но буковинцы читали букву щ за *шт*, на балканскій ладъ,—

и заключать изъ буковинскихъ грамотъ о существованіи малорусскаго шчо въ XIV—XV вѣкахъ было бы болѣе, чѣмъ опасно. Напротивъ, уже съ порядочной увѣренностью мы можемъ о превращеніи старо-малорусскаго «што» въ нынѣшнее «шчо» заключить по тѣмъ начертаніямъ «щѡ», которыя (все еще параллельно съ болѣе старымъ «што») оказываются: въ волынскомъ полемическомъ сборникѣ попа Наливайка второй половины XVI в. (Румянц. муз. № 2616); въ Почаевск. «Учительной Евангеліи» XVI в. (Кіев. Дух. Акад.); въ волынскомъ стихотворномъ Ламентѣ дому княжатъ Острозскихъ надъ кн. Ал. Конст. Острозским[ъ]» (1603) [1]); въ Нижанковичской, изрядно простонародной Толковой Псалтыри 1609 г. (СПБ. Дух. Акад. I—136. К) [2]); въ такомъ же простонародномъ волынскомъ Тригорскомъ Толковомъ Евангеліи начала XVII в. (Волынск. Церк. Древлехранил. въ Житом.) [3]), и въ другихъ памятникахъ конца XVI-го и начала XVII-го столѣтія. На Волыни буква щ читалась какъ *шч*; предположить же, что начертаніе щѡ этихъ памятниковъ конца XVI в. есть ухищренное книжническое подражаніе балканскому правописанію, не позволяетъ черезчуръ некнижническій характеръ этихъ памятниковъ. Къ тому же, о переходѣ малорусскаго «што» въ «шчо» именно въ концѣ XVI в. неоспоримо свидѣтельствуютъ намъ и тѣ два вполнѣ простонародныхъ малорусскихъ памятника XVI в., которые записаны латинскими буквами. Въ первомъ изъ нихъ, 1571-го года, горной гуцульской пѣснѣ, воспроизведенной чешскими буквами, мы еще находимъ *s'to* [4]): «A *s'to*

---

[1]) Переизданъ въ 12-й книгѣ (1897) кіевскихъ Несторовыхъ „Чтеній“, отд. IV, стр. 14—18.

[2]) См. о ней въ приложеніи къ „Христіанскому Чтенію“ 1890, № 5—6, и въ 9-ой кн. кіевскихъ Несторовыхъ „Чтеній“ (1894). „Замѣтки о малоизв. пам.“, стр. 9—11.

[3]) Тригорское Толковое Евангеліе описалъ Г. Крыжановскій въ „Волынскихъ Епарх. Вѣдом.“ 1895, май, № 15, стр. 516—525.

[4]) Въ подлинникѣ написана извѣстная чешская (Гусова) буква, означающая *ш*; но наша типографія не имѣетъ этой литеры и замѣняетъ ее черезъ *s'*.

mi rec'et S'tefan wyjwoda?... *s'to* mi rekła dywonka?»—тогда какъ комическія интерлюдіи галичанина Якуба Гаватта изданныя во Львовѣ польскими буквами въ 1619 году, содержатъ въ себѣ начертанія *sczo* (чит. шчо)—напр.: «Ta *scso* to ist za trawa ia, *sczo* rodyt pyrohy?»... «czołowik, *sczo* mi takoie ryczy, oś, Pane, nabroił», и мн. др. Зап. мр. вирша о пораженіи Хмельницкаго ок. 1651 г. [1]) знаетъ ужъ только «sczo»: «*Sczob* twoia rada nikomu sia ne snyła!» «*scso*, nebożе?», «Aż baczat Lahy, *scso* na nas strahy» и т. п.

е) Но старая форма «*што*» исчезала далеко не сразу. Такъ, въ словарѣ Памвы Берынды 1627, который уже знаетъ «*що*» (напр., л. 180), очень часто пишется и «*што*» (напр., 204); у болѣе позднихъ писателей XVII в., — положимъ, у І. Галятовскаго и его ученика А. Радивиловскаго (ум. 1688),—всюду безусловно преобладаетъ «*що*», однако и форма «*што*» часта, особенно если обратиться не къ печатнымъ изданіямъ, а къ рукописнымъ оригиналамъ Радивиловскаго (черниговца). Повидимому, фонема «*що*», одержала у малоруссовъ болѣе или менѣе повсемѣстную побѣду надъ «*што*» только къ концу XVII вѣка.

Такимъ образомъ, типичное современное общемалорусское *що* принадлежитъ къ разряду тѣхъ крайне малочисленныхъ явленій малорусскаго языка, которыя относятся къ сравнительно позднему времени, т. е. скорѣе къ Новымъ вѣкамъ, чѣмъ къ Средневѣковью, и тѣмъ болѣе—не къ той глубокой древности, которою характеризуются многочисленныя другія особенности малорусскаго языка.

---

1) Изд. въ Archiv für slavische Philologie, t. II (= 1877), стр. 298—301.

Урокъ второй.

Общія замѣчанія о склоненіи. Склоненія именъ существительныхъ рода мужескаго по различію твердому.

Гуртові вва́ги про те, я́к слова́ склоня́ються, або відмінюються. Склоне́нне и́ме́ннїв самостійних ро́ду мужеського відміни твердо́ї.

§ 14. О числахъ; число двойственное.

а) Имена (существительныя, прилагательныя, числительныя) и мѣстоименія способны склоняться (склоня́тися, або відмінюватися). Малорусское склоненіе именъ существительныхъ (по моей терминологіи — и́ме́ннїв самостійних, або су́щих) можетъ имѣть, въ противность русскому языку, не два, а три числа.

Таково, во-первыхъ, число единственное (у галичанъ — число́ еди́не, число едини́чне, или — на сербскій ладъ — просто однина́); напр., віл (=волъ), кни́жка (=книга), відро́ (=ведро).

Во-вторыхъ, имѣется число множественное (будемъ называть его число́ мно́жне; у галичанъ оно — число́ мно́ге, число́ множи́нне, или — на сербскій ладъ — одно слово: множина́); напр., воли́ (=волы), книжки́ (=книги), ві́дра (=ведра).

Въ-третьихъ, у малоруссовъ имѣется отсутствующее въ русскомъ языкѣ число двойственное (число́ подві́йне; у галичанъ — число двійне́, или просто: дві́йнї); на-

примѣръ, дві книжці (= двѣ книжки), три відрі (=три ведра), обидві оці (=оба глаза) [1]).

б) Двойственное число, въ качествѣ сознательнаго словоупотребленія, свойственно только именамъ рода женскаго и средняго, при чемъ его употребленіе не обязательно; такъ, вмѣсто «обидві *оцї*» всегда можно употребить выраженіе: «обидва *ока*», т. е. число единственное въ роли множественнаго; вмѣсто «дві книжці» свободно говорится и «дві книжки», вмѣсто «складім руці» (=сложимте руки) можно употребить и множ. число «складім руки» и т. д.

в) Въ родѣ же мужескомъ возможно въ малорусскомъ языкѣ уловить лишь намеки на прежнее существованіе двойственнаго числа, безсознательно сохранившіеся въ качествѣ старинныхъ окаменѣвшихъ остатковъ. Такъ, остатки имен. дв., съ окончаніемъ *а*, мы видимъ въ формѣ «вýс*а*» (=усы», параллельно съ формой мн. ч. «вýс*и*»), «рукáв*а*» параллельно съ «рукави́», или въ выраженіи «два год*á*» (параллельномъ съ формой мн. числа: «два гóд*и*», т. е. 2 года). Далѣе, отъ слóва грóші (=деньги) можно въ малорусскомъ наддѣпрянскомъ языкѣ очень часто слышать орудный падежъ: грош*и́ма* (= деньгами), наряду со вполнѣ равносильной и равнозначной множественной формой: грішм*и*; отъ мѣстоименія всї (=всѣ) орудный падежъ звучитъ: или по множественной формѣ — всї*ми*, или по двойственной формѣ — всї*ма́* [2]). Однако ни малѣйшаго

---

[1]) Какъ извѣстно, въ русскомъ языкѣ сохранились отъ стариннаго двойственнаго числа лишь ничтожные остатки, и то только въ двухъ-трехъ словахъ, каковы „брылѣ́ (=толстыя губы), или въ неприличномъ словѣ, начинающемся на *м* и означающемъ testiculi.

[2]) Въ отдѣльныхъ малорусскихъ діалектахъ попадаются и другія такія же неожиданныя множественныя формы муж. рода съ „двоиннымъ“ окончаніемъ. Такъ, на Бýковинѣ говорятъ часто „пáльц*има*“ вм. „пáльцями“. Мимоходомъ при случаѣ отмѣчу неожиданное подольское „гус*и́ма*“ вм. „гусями, хотя оно, какъ слово рода женскаго, не совсѣмъ подходитъ къ тому, о чемъ мы сейчасъ говоримъ.

представленія о чемъ-то двойномъ никто не влагаетъ въ эти мужескія «двоинныя» формы: грош*и́ма* и всі*ма́* [1]), тогда какъ при склоненіи именъ женскаго и средняго рода вполнѣ сознательно передается двойственнымъ числомъ понятіе о **парѣ** предметовъ, и лишь по аналогіи допускается употребленіе двойственнаго числа также послѣ числительныхъ «три» (=3) и «чоти́рі» (=4).

§ 15. **Падежи. Звательный съ особой формой. Терминологія.**

а) Склоняются малорусскія имена по **семи** падежамъ, которые, по-архаичному, могутъ называться **се́меро падежі́в**, а по-галицки — **сім** (або **се́меро**) **відмінків**. Падежей есть у малоруссовъ дѣйствительно семь, а **не шесть**, какъ въ русскомъ языкѣ, гдѣ звательный падежъ замѣнился формой именительнаго.

У малоруссовъ **звательный** падежъ ед. ч. сохранилъ свою особую старинную **форму**, и замѣна звательнаго падежа именительнымъ не допускается (если не считать нѣсколькихъ исключеній въ сложныхъ титулахъ и въ желательныхъ или условныхъ предложеніяхъ съ подлежащимъ въ зват. падежѣ [2]), о чемъ мы будемъ обстоятельно говорить въ свое время.

---

[1]) Очень возможно, что формы oруднаго падежа „гроши́ма“ и „всіма́“ надо сопоставлять не только съ органическими падежными формами подлиннаго двойственнаго числа (такими, какъ **очи́ма** = глазами, **уши́ма** = ушами, **обома́** = обоими), но и съ нарѣчіями образа дѣйствія на **ма**, отвѣчающими на вопросъ: „какимъ образомъ?“; срв. **сторчма́** (= торчмя), **крадькома́** (=украдкой), **лє́жма** (=лежьмя, лежа) и т. п.

[2]) Срв. **пан*е*-профе́со*р***! наряду съ обычнымъ **пан*е*-профе́сор*е***!, или: **Бог того́ не дай** наряду съ **Бо́*же* того́ не дай**, и пр. Обращаясь насмѣшливо къ какому-нибудь заносчивому и въ то же время комично-глуповатому или къ неуклюжему человѣку, особенно съ огромной головой, титулуютъ его: „**Глек Макі́трович**!“ (букв. „Кувшинъ Мисковичъ!“;—макітрой называется большая миска съ высокими краями, въ которой трутъ макъ,

б) Вотъ тѣ названія, которыя даны у меня семи падежамъ отчасти на основаніи болѣе точнаго вникновенія въ подлинный смыслъ соотвѣтствующихъ греческихъ терминовъ (послужившихъ первообразомъ для рабски-дубовой славянской терминологіи Іоанна Экзарха), отчасти же на основаніи сравнительно-языковѣднаго разсмотрѣнія сути тѣхъ грамматическихъ отношеній, которыя выражаются каждымъ падежемъ:

1) Именительный падежъ — відмінок називни́й (у галичанъ—відмінок пе́рший). На вопросъ: «хто? що?»

2) Родительный падежъ—відмінок родови́й (лучше бы: вихідни́й, или частко́вий; гал. — відмінок дру́гий). На вопросъ: «од ко́го? з чо́го? звідки?»

3) Дательный падежъ — відмінок дава́л[ь]ний (гал.—відмінок тре́тїй). На вопросъ: «кому? чому?»

4) Винительный — знахідни́й (гал. — відмінок четве́ртий). На вопросъ: «Що я знайшов? кого я знайшов?»

5) Звательный — кли́чний (по-галицьки — відмінок п'я́тий).

6) Творительный, или (какъ начинаютъ говорить по-русски) орудный падежъ — відмінок ору́дний (гал.— шо́стий). На вопросъ: «ким? чим?»

7) Мѣстный (или, по-устарѣлому, предложный) падежъ— відмінок місцеви́й (гал.—сьо́мий) [1]. На вопросъ: «де? на ко́му? на чо́му?»

а) При склоненіи обыкновенно намъ придется отмѣчать въ падежныхъ формахъ одного и того же склоненія два

копать масло и т. п.). Возможность замѣны звательнаго падежа именительнымъ въ сложныхъ обращеніяхъ впервые констатируется въ галицкомъ Крылосскомъ Евангеліи 1144 года: „Авва-отьць: (вмѣсто „отьче“)! вся възможьна тобѣ суть“ (л. 104).

[1]) Галичане выговариваютъ не „шо́стий“ и „сьо́мий“, а „ше́стий“ и „се́мий“, равно какъ выговариваютъ они „тре́тий“, а не „тре́тїй“. Но я всюду, гдѣ придется пользоваться какимъ-нибудь галицкимъ словомъ или терминомъ, буду его предлагать въ органическомъ произношеніи восточно-малорусскомъ.

т. н. «различія» (д в і в і д м і н ї): твердое различіе и мягкое различіе (*твердý* в і д м і н у и *мнякý* в і д м і н у). Иногда оба различія, въ сущности, едва замѣтны; срв. родительные падежи твердаго различія: п о п á (т.-е. поп-а) и мягкаго различія: к о р о л я́ (т.-е. король-а) и п о ж á (т.-е. пож-а). Но, напримѣръ, дательные падежи отъ тѣхъ же словъ представляютъ въ себѣ ужъ крайне ощутительную взаимную разницу; отъ п і п (=попъ) дательный падежъ будетъ попо́ві (твердое различіе), а отъ к о р о л ь (=король) и н і ж (=ножъ) дат. пад. будетъ к о р о л *é* в і, н о ж *é* в і (мягкое различіе): въ первомъ случаѣ мы имѣемъ звукъ *о*, во второмъ—звукъ *е*, хотя и первое слово и два вторыхъ принадлежатъ къ одному и тому же склоненію (къ т. н. «праязычнымъ основамъ на *о*»).

б) Гораздо важнѣе тѣ отличія въ склоненіи, которыя возникаютъ отъ принадлежности двухъ существительныхъ одного и того рода къ двумъ разнымъ о с н о в а м ъ. Напримѣръ, ж и т *т я́* (=жизнь) и д и *т я́* (=дитя)—оба средняго рода и оба имѣютъ одинаковое окончаніе имен. падежа, а между тѣмъ склоняются совсѣмъ неодинаково, потому что ж и т т я́ (родит. тоже ж и т т я́) принадлежитъ къ мягкому различію «основъ на *о*», а д и т я́ (род. д и т я́ т и)—къ «основамъ на согласный звукъ». Меньше всего ощущается разница основъ при склоненіи именъ рода м у ж е с к а г о, потому-что почти всѣ имена м. р. слились у малоруссовъ во-едино, и ихъ склоненіе просто можетъ быть названо «мужескимъ склоненіемъ». Съ «мужескаго склоненія» мы и начнемъ изложеніе морфологіи именъ. Однако многія подробности, многія—какъ говорится по школьному—«трудныя» явленія въ области муж. скл. рискуютъ остаться для читателя дѣйствительно трудными и непонятными и необъяснимыми, если онъ предварительно не узнаетъ хотя бы вкратцѣ, къ скольким неодинаковымъ категоріямъ принадлежали прежде всѣ тѣ малорусскія имена сущ-ныя мужескаго рода, которыя теперь всѣ принадлежатъ къ одному, казалось бы, вполнѣ общему склоненію.

в) Въ прамалорусскомъ языкѣ существовали имена муж. р., во-первыхъ, съ такъ называемыми «основами на *о*» — и какъ разъ сюда-то относилась всецѣло преобладающая масса сущ. именъ муж. рода. Имена м. р. съ «основами на *о*» имѣютъ у филологовъ такое свое названіе потому, что и въ имен. падежѣ ихъ окончаніе (ъ, ь, й) восходитъ къ индоевропейскому праязычному *o*s или i*o*s, j*o*s [1]), и въ косвенныхъ падежахъ индоевропейскій праязыкъ имѣлъ въ этихъ именахъ преимущественно звукъ *о* (въ сочетаніи, конечно, съ согласными или еще другими гласными звуками) [2]). Тѣ имена, въ окончанія которыхъ индоевропейскій праязыкъ имѣлъ просто окончаніе *o*s (не ios, не jos), оказались въ прамалорусскомъ (и вообще въ славянскомъ) языкѣ «основами на *о* различія твердаго», напр. «рабъ», «вълкъ», «духъ», «трудъ» и пр. Въ ед. числѣ ихъ род. пад. оканчивался на *а*: «дух*а*, труд*а*»; въ дат. ед. было окончаніе *у*: «дýх*у*, труд*у*»; зв. ед. — «дýш*е*! трýд*е*»!; мѣстн. ед. — «на дусѣ, на трудѣ». Во множ. числѣ: имен. мн. — «дуси, труди» (при винит. мн. — «духы, труды»); род. мн. былъ сходенъ съ имен. ед., т. е. звучалъ: «отъ духъ, безъ трудъ»; орудн. мн. — «съ духы, съ труды». Мягкое различіе «основъ на *о*» получалось въ прамалорусскомъ языкѣ изъ праиндоевропейскихъ именъ съ окончаніемъ *j*os или ios; срв., напр., «ножь, зълодѣи», гдѣ, вмѣсто jъ, образовался на славянской почвѣ ь или и. Род. ед. звучалъ «нож*я*, зълодѣ*я*» дат. ед. — «нож*ю*, зълодѣ*ю*»; оруд. ед. — «ножьмь, злодѣ*е*мь» (въ параллель къ твердому различію: «духъмь, трудъмь»); зват. ед. — «нóж*ю*! зълóдѣ*ю*!»; мѣстн. ед. — «на ножи, на зълодѣи». Имен. мн. — «ножи,

---

[1]) Напр. „вълкъ",= волкъ, звучало въ индоевропейскомъ праязыкѣ вродѣ „вы́ркос" или „вы́лкос". Срв. индійск. vṛkas (изъ vṛk*o*s), греч. λύκος, лат. lupus (изъ lup*o*s), литовск. vilkas (a=o), и др.

[2]) Это съ наилучшей наглядностью видно изъ склоненія греческаго λύκος.

зълодѣи» (а в и н и т. мн. — «ножѣ, зълодѣ»); р о д. мн.— «безъ ножь, отъ зълодѣи» (сходно съ имен. ед.); о р у д. мн.—«съ ножи, съ зълодѣи.[1]).

г) В о - в т о р ы х ъ, существовало въ прамалорусскомъ языкѣ и другое склоненіе именъ муж. рода—«основъ на *у*»[2]), или т. н. «ýковое склоненіе»[3]). Всѣхъ именъ этого склоненія было десятка два-три: сынъ, медъ, домъ, чинъ и др. Ихъ окончаніе ъ въ формѣ имен. падежа происходитъ изъ праиндоевропейскаго окончанія us или u; срв. «сынъ» — и индійское sûnûs, «медъ»—и индійск. mádhu; въ косвенныхъ падежахъ индоевропейскій праязыкъ имѣлъ въ нихъ тоже звукъ u въ разныхъ сочетаніяхъ, а прамалорусскій языкъ имѣлъ въ ихъ склоненіи преимущественно звукъ ъ (происходящій изъ индоевроп. короткаго u,—срв. ч. I, § 17) или звукъ ȣ (изъ ou, eu). Оттого склоненіе именъ типа «сынъ», «медъ» и называется ýковымъ. Р о д. ед. звучалъ въ прамалорусскомъ: «отъ сын*у*, изъ мед*у*»; д а т. ед.—«сын*ови*, мед*ови*»; з в а т. ед.—«сы́н*у*! мéд*у*!»; мѣстн. ед.—на «сын*у*, на мед*у*». Во м н о ж. числѣ: и м е н. мн. «сын*ове*, мед*ове*», р о д. мн. — «сын*овъ*, мед*овъ*»; о р у д н. мн. — «сынъ*ми*, медъ*ми*».

д) В ъ - т р е т ь и х ъ, прамалорусскій языкъ имѣлъ десятка, должно быть, съ полтора именъ муж. рода «съ основами на *і* (короткое)», иначе — принадлежащихъ къ и́жевому склоненію»[4]), т. е. къ такому же, по какому склоняются имена женск. рода типа «кость». Къ мужескимъ «основамъ на *і*», или къ мужескому «и́жевому склоненію» относились такія существительныя м. р., какъ «путь, гость, гвоздь, чьрвь, ногъть» и другія, окончаніе которыхъ (ь) происходило изъ праиндоевропейскаго is (а не изъ ios, въ против-

---

[1]) Прочихъ падежей, которые для сопоставленія съ падежами другихъ основъ намъ не понадобятся, мы не приводимъ.

[2]) Мы пользуемся малорусской буквой *у*; обыкновенно жъ пишутъ латинскую букву u.

[3]) „Укъ"—названіе кириллицкой буквы, читающейся за *у*.

[4]) „Иже"—названіе кириллицкой буквы и.

ность мягкому различію основъ на *о*), такъ что, напр., прамалорусское «чьрвь» звучало по-индоевропейски «kirmis»[1]). Въ косвенныхъ падежахъ преобладалъ по-старомалорусски звукъ ь, а по-индоевропейски — короткое *і*, изъ котораго вѣдь и происходитъ звукъ ь (срв. ч. I, § 17); или же оказывался звукъ и. Такимъ образомъ род. ед. звучалъ: «отъ пути, отъ гости»; да такъ же звучалъ и дат. ед., (напр., «нашему гости») и мѣстн. ед. Во множ. числѣ: род. мн.—«отъ путьи, отъ гостьи» (что выговаривалось средне между «путе́ї, госте́ї» и «путі́ї, гості́ї»); орудн. мн.—«пу*тьми*, гос*тьми*».

е) Всѣ эти три склоненія мужескаго рода (основъ на *о*, твердаго и мягкаго различія, основъ на *у* и основъ на *і*) начали очень рано смѣшиваться,—еще въ эпоху, предшествовавшую Игорю, Святославу и Владиміру Великому. У́ковое склоненіе стало взаимодѣйствовать и сливаться со склоненіемъ твердаго различія основъ на *о*, і́жевое склоненіе—со склоненіемъ мягкаго различія основъ на *о*, а твердое и мягкое различіе склоненія основъ на *о*—вліять другъ на друга.

ж) Уковое склоненіе имѣло важный практическій перевѣсъ надъ склоненіемъ основъ на *о* своими болѣе рельефными падежными флексіями; напримѣръ, у́ковый род. пад. «сыновъ» (отъ «сынъ») рѣзко отличается своею флексіею отъ всѣхъ прочихъ падежей, тогда какъ форма род. падежа отъ «духъ», т. е. отъ имени съ основою на *о*, звучала такъже: «духъ» (напр., «безъ духъ») и могла во многихъ случаяхъ подавать поводъ къ сбивчивости. Поэтому предки малоруссовъ начали придавать окончаніе овъ и къ именамъ съ основою на *о*,—начали говорить: «безъ духовъ, отъ трудовъ». Равнымъ образомъ начали они образовывать отъ основъ на *о* характерный дат. пад. у́коваго склоненія: по образцу «сынови» говорили ужъ и «духови, трудови» (не забывая однако и прежнюю малохарактерную форму: «дух*у*,

---

[1]) По-литовски оно такъ звучитъ и донынѣ.

труду»). По аналогіи съ различіемъ твердымъ возникли такія ýковыя формы и у именъ различія мягкаго основъ на *о*: стало говориться «зълодѣєвъ, ножєвъ», «зълодѣєви, ножєви» (сперва наряду съ прежними этимологически-правильными: «безъ зълодѣ*и*, отъ ножь», а тѣмъ болѣе рядомъ съ «тому зълодѣ*ю*, сему нож*ю*»). Когда такимъ образомъ рядъ падежей ýковаго склоненія оказался совпадающимъ съ падежами основъ на *о*, тогда основы на *о* за однимъ ходомъ невольно ужъ заимствовали себѣ и кое-какія прочія флексіи ýковаго склоненія, практически почти или вовсе не необходимыя, напр., окончаніе *у* для род., зват. и мѣстн. падежей ед. ч.: по образцу уковыхъ формъ «моего мед*у*», «сын*у*! мед*у*!» и «на мед*у*»—стали образовываться аналогичныя формы у основъ на *о*: «безъ дух*у*, безъ труд*у*» (наряду со старымъ этимологичнымъ: «безъ дух*а*, безъ труда»), «на дух*у*, въ труд*у*» (при сохраненіи формъ: «на дусѣ, въ трудѣ»), «святый дýх*у*! великыи труд*у*!» (при сохраненіи прежней формы: «святыи душ*е*! великыи труд*е*!»). И наоборотъ—всѣ существительныя ýковаго склоненія, напр., «сынъ, медъ», усвоивали отъ основъ на *о* тѣ окончанія, которыхъ сперва сами не имѣли: началъ употребляться и у нихъ род. падежъ на *а* («мед*а*, сын*а*»), зват. падежъ на *е* («мед*е*! сын*е*!»), мѣстный на ѣ («на сынѣ, на медѣ»), и пр. Такъ произошло полнѣйшее сліяніе склоненія твердаго различія мужескихъ основъ на *о* съ основами ýковыми.

з) Одновременно аналогичная исторія происходила между мужескимъ ѝжевымъ склоненіемъ и мягкимъ различіемъ основъ на *о*: имена ижеваго склоненія (типа «гость, путь, ногъть и пр.) или сливались или взаимно обмѣнивались нѣкоторыми своими падежными формами съ именами мягкаго различія основъ на *о* (такими, какъ «ножь, зълодѣи»). Въ единств. числѣ безусловно вліятельными оказались формы мягкоразличныхъ основъ на *о*, а не формы основъ на *і*. Стали исчезать у именъ м. р. ижеваго склоненія прежніе ихъ падежи ед. ч. съ флексіей и: вмѣсто «отъ нашего гости» появилась форма «отъ нашего гост*я*» (по аналогіи

съ «ножя, зълодѣя»; дат. падежъ стали говорить «нашему гостю, гостеви» (по аналогіи съ «ножю, ножеви» и «зълодѣю, зълодѣеви») вмѣсто прежняго «нашему гости». Во множ. числѣ—дѣло совершилось нѣсколько иначе: йжевый род. падежъ на ьи («гостьи», срв. нынѣшн. «гостей») не только самъ довольно цѣпко удерживался у многихъ йжевыхъ основъ муж. рода, но даже иногда моіъ оказывать вліяніе на форму род. падежа нѣкоторыхъ именъ съ мягкой основой на *о*: стали говорить, напр., «без грошьи» (срв. современное «без грошей») вмѣсто ожидаемаго «без грошь». Впрочемъ, род. падежъ на ьи усвоивался прамалоруссами для мягкихъ основъ на *о* безъ особой охоты (вмѣсто того предки малоруссовъ полюбили родит. пад. на евъ, возникшій по ўковому типу); болѣе же сильное вліяніе оказали йжевыя имена муж. рода лишь на форму орудного пад. мн. числа многихъ словъ съ мягкими основами на *о*. Первоначальная форма орудн. мн. отъ мягкихъ основъ на *о* (этимологическая) сбивчиво оканчивалась на и, совпадая съ формою имен. мн.; говорилось, напр., «съ нашими пріятели», «съ немалыми гроши»;—и вотъ подъ вліяніемъ орудн. падежа йжеваго склоненія («гостьми», «путьми»)[1] наши предки начали говорить такъ же: «съ нашими приятельми, съ немалыми грошьми» и т. п. Впрочемъ, въ общемъ надо сказать, что обыкновенно побѣду одерживали мягкія основы на *о*, а не ижевыя, и постепенно почти всѣ имена, принадлежавшія къ йжевымъ основамъ, растеряли у нашихъ предковъ свои старыя этимологическія падежныя формы и усвоили себѣ падежныя флексіи мягкихъ основъ на *о*; по крайней мѣрѣ, это надо сказать безусловно про всѣ падежи числа единственнаго. Во множественномъ же числѣ йжевое мужеское склоненіе донынѣ не исчезло у малоруссовъ: есть пять-шесть словъ мн. числа («гості», «люди», «коні», «гроші» и др., а въ діалектахъ есть такихъ словъ

---

[1]) отчасти же, вѣроятно, и по аналогіи съ уковыми формами: „сынъми, медъми“.

и побольше), которыя и донынѣ склоняются у малоруссовъ иначе, чѣмъ «ножі» и «злодії»; кромѣ того, въ формѣ орудн. падежа мн. ч. остатки ижеваго склоненія даютѣ себя чувствовать при склоненіи многихъ еще другихъ словъ (срв. соврем. «приятельми», не только «приятелями») [1]).

и) «Когда же все это происходило?» спроситъ кто-нибудь.—Стремленіе къ сліянію воедино всѣхъ трехъ мужескихъ склоненій (именъ съ основами на *о*, именъ съ основами на *у*, именъ съ основами на *і*) понемногу начало проявлять себя, какъ мы ужъ и оговорились выше, еще до временъ кіевской державы, да вѣроятно еще на общеславянской почвѣ. Вѣдь это сліяніе или стремленіе къ нему, въ той или другой формѣ, въ большей или меньшей степени, изстари свойственно всѣмъ безъ исключенія славянскимъ языкамъ и извѣстно во всѣхъ старѣйшихъ дошедшихъ до насъ славянскихъ письменныхъ памятникахъ, будутъ ли это писанные латиницей памятники старочешскіе и польскіе, или писанные кирилицей памятники церковно-славянскіе (т. е. староболгарскіе), старовеликорусскіе (напр., новгородское Остромирово Евангеліе 1056—1057 г., новгородскія Минеи 1095—1097 г.), старомалорусскіе (кіевскіе Изборники Святослава 1073 и 1076 г., червонорусскія Слова Григорія Богослова XI в., галицкое Крылосское Четвероевангеліе 1144 г., и пр.). Тѣмъ не менѣе, по наиболѣе старымъ, чисто средневѣковымъ нашимъ памятникамъ (XI—XIV в.), при всемъ ихъ хаотическомъ смѣшеніи всѣхъ трехъ мужескихъ склоненій, все еще видно, что мужескихъ склоненій было три, а не одно. Далѣе, съ XIV—XV в., т. е. со времени наступленія Новыхъ вѣковъ, когда малорусскій языкъ принялъ почти современную свою форму, можно датировать полное сліяніе всѣхъ именъ муж. рода въ одну склоняемую группу, и только ижевое склоненіе множ. числа отчасти убѣжало отъ деклинаціоннаго объединенія съ прочими существительными муж. рода.

---

[1]) Форма же „приятелями“, съ окончаніемъ ями, заимствована изъ женскаго склоненія именъ на *я* (срв. „землями“).

і) Согласно съ этимъ, и мы въ своей украинской грамматикѣ будемъ всѣ имена муж. рода (несмотря на ихъ происхожденіе отъ трехъ основъ) считать принадлежащими къ одному, общему склоненію, которое такъ и будемъ называть «обычнымъ мужескимъ склоненіемъ» или даже просто «мужескимъ склоненіемъ», при чемъ однако выдѣлимъ и особую рубрику: «Остатки йжеваго мужескаго склоненія», куда включимъ склоненіе мн. ч. именъ «гості, люди, коні» и т. н. Въ противность этой, йжевой группѣ мы можемъ условно называть склоненіе всѣхъ прочихъ именъ м. р. склоненіемъ «прежнихъ основъ на *о*», потому что, дѣйствительно, почти всѣ имена сущ-ыя м. р. восходятъ къ индоевропейскимъ именамъ на os; но при этомъ мы твердо должны будемъ помнить, что и всѣ имена прежняго ўковаго склоненія и большая часть именъ, происходящихъ изъ основъ на *і*, примкнули къ этой же группѣ «прежнихъ основъ на *о*», и что извѣстное количество характерныхъ флексій, свойственныхъ теперь всѣмъ «прежнимъ основамъ на *о*», заимствовано какъ разъ отъ прежнихъ основъ ўковыхъ.

§ 17. Обычное склоненіе существительныхъ мужескаго рода.

Вопросъ о чередованіи *о* и *е* съ *і*.

а) Предварительно надо замѣтить, что звуки *о* и *е*, входящіе въ составъ послѣдняго или предпослѣдняго слога какого нибудь существительнаго, при варіаціяхъ склоненія (въ положеніи передъ утеряннымъ древнимъ глухимъ звукомъ) то въ томъ, то въ другомъ падежѣ обращаются въ *і* [1]). Такъ, основа «поп...» имѣетъ въ

[1]) Полезно помнить, что слогъ, въ которомъ находится *і*, возникшее у малоруссовъ изъ *о* и *е*, является теперь почти всегда закрытымъ, т.-е. оканчивается на согласную; срв. піп, вівса, наміт. Въ открытомъ же слогѣ (а открытымъ называется слогъ, оканчивающійся на гласную) мы, напротивъ, почти никогда не наблюдаемъ, чтобы его конечный звукъ *о* и *е* переходилъ въ *і*; срв. формы *о*-вéс, п*о*-пá, під нам*é*-том, гдѣ звуки *о* и *е* сохраняются неизмѣнными.

именительномъ падежѣ форму п*і*п (=попъ), а въ родительномъ — попá. Какъ разъ наоборотъ, старинная основа «овьс...» имѣетъ въ именительномъ падежѣ звукъ *о* въ сохранности: *о*вéс (=овёсъ), тогда какъ во всѣхъ прочихъ падежахъ она имѣетъ звукъ *і*: в*і*всá, в*і*всóві, в*і*всóм и т. д. Срв. также им. падеж. л*ї*д (=ледъ) при родительномъ ль*ó*ду (= льда); частый имен. падежъ нам*і*т (=палатка) при родительномъ нам*é*ту, и пр., и пр. О причипахъ и объ исторіи появленія звука *і* вмѣсто *о* и *е*—см. ч. I, § 17, г, и § 20, г.; тамъ указанъ законъ «возмѣстительнаго удлиненія».

б) Далеко не каждое *о* и *е* способно обращаться въ *і*. Напримѣръ, такія словá, какъ сон (=сонъ), вовк (=волкъ), лев (=левъ) и рядъ другихъ, никогда и ни въ какомъ положеніи не могутъ измѣнять свой звукъ *о* и *е* въ *і*. Причина заключается въ томъ, что звуки *о* и *е* вышеуказанныхъ словъ происходятъ не изъ чистыхъ ѻ и ѥ, но изъ глухихъ гласныхъ ъ и ь (см. ч. I, § 17), которые закону замѣстительнаго удлиненія не подлежатъ; «в*о*вк» происходитъ изъ «вълкъ», «с*о*нъ»—изъ «сънъ», «л*е*в»—изъ «львъ», тогда какъ «п*і*п» произошло изъ «пѻпъ», «л*ї*д»—изъ «лєдъ». Узнать, какое малорусское *о* и *е* происходитъ изъ ѻ и є, а какое — изъ ъ и ь, всякій можетъ, конечно, путемъ справки въ церковно-славянскомъ словарѣ (Миклошича, Востокова), но такой пріемъ не для всякаго читателя доступенъ. Поэтому въ приложеніи къ I-й части «Украинской грамматики» мы дадимъ рядъ практическихъ указаній на способы, посредствомъ которыхъ и всякій нефилологъ сумѣетъ самостоятельно разобраться въ этомъ вопросѣ.—Одна изъ обычнѣйшихъ примѣтъ, по которой распознаются звуки *о* и *е*, происходящіе изъ глухихъ гласныхъ ъ и ь (и, слѣдовательно, неспособные переходить въ *і*), это—«бѣглость» такихъ *о* и *е*, т.-е. ихъ способность выпадать въ производныхъ словахъ или формахъ (срв. с*о*н род. с*н*а, с*н*у, уже безъ *о*). Однако эта примѣта иногда практически непримѣнима (напр., въ корнѣ вовк, гдѣ *о*

изъ ъ, звукъ *о* ни въ какихъ производныхъ словахъ не можетъ выпасть), а иногда она требуетъ оговорки (такъ, очень ошибочно было бы на основаніи русскаго слова «льда» вообразить, будто въ корнѣ этого слова содержался звукъ ь: напротивъ, корень искони былъ лєд, и въ немъ содержался чистый звукъ є, способный перейти въ *ï* и потому давшій малорусскую фонему «лïд»).

в) Послѣ всѣхъ этихъ оговорокъ перейдемъ къ образцамъ обычнаго склоненія существительныхъ мужескаго рода.

I.

Твердое различіе мужескаго склоненія: а) съ окончаніемъ на согласную.

Таковы: козáк (=козакъ; сущ. одушевленное), луг (=луговая рощица; неодушевл.), кожýх (=тулупъ; сущ. неодушевл.), Антíн (=Антонъ), дуб (=дубъ), вéчір (=вечеръ) и т. п.

§ 18. Козáк, кожýх, луг.

а) Мы нарочно выбрали для образца тверд. муж. склоненія прежде всего три такихъ слова, конечная согласная которыхъ есть задненебная [1]), а не какая-нибудь иная, потому что ко всѣмъ прочимъ согласнымъ падежныя окончанія присоединяются непосредственно, механически, тогда какъ задненебныя согласныя подвергаются при этомъ еще и сами важнымъ измѣненіямъ въ двухъ падежахъ единственнаго числа (звательномъ и мѣстномъ).

Единственное число. (Однинá.)

I. Им. козáк (предметъ одушевленный).
луг (предметъ неодушевленный).
кожýх (предметъ неодушевленный).

II. Род. козак-á
лýг-а (или лýг-у)
кожýх-а (или кожýх-у)

[1]) Задненебныя согласныя—г, к, х. Прежде ихъ называли „гортанными“.

III. Дат. козак-óві [1]) (крайне рѣдко козак-ý)
лýг-ові [1]) (крайне рѣдко лýг-у)
кожýх-ові [1]) (крайне рѣдко кожýх-у)

IV. Вин. козак-á
лýг (или лýг-а)
кожýх (или кожýх-а)

V. Зв. козáч-е! (или козак-ý!)
лýж-е! (или лýг-у!)
кожýш-е! (или кожýх-у!)

VI. Ор. козак-óм
лýг-ом
кожýх-ом

VII. Мѣстн. на козац-í, на козак-óві (рѣже на козак-ý) [2])
в лýз-ї, в лýг-ові (рѣже в луг-ý) [2])
у кожýс-ї, в кожýх-ові (рѣже в кожух-ý) [2])

Множественное число. (Множинá.)

I. Им. козак-ѝ [3])
луг-ѝ [3])
кожух-ѝ [3])

---

[1]) Но не твердо (козак-óви, лýг-ови), въ противность западно-малорусскому нарѣчію. Наше восточно-малорусское (оно же отчасти и западно-малорусское) окончаніе ові происходитъ изъ овѣ, извѣстнаго по памятникамъ съ XIV вѣка. См. ч. I, § 65, а.

[2]) Въ русскихъ грамматикахъ мѣстный падежъ (онъ же предложный) обыкновенно иллюстрируется формою съ предлогомъ *о*, *объ* (напр., „о козакѣ"). Въ вост.-мр. нарѣчіи предлогъ *о*, *об* почти неупотребителенъ (вмѣсто него малоруссы пользуются предлогами *про* и *за* съ вин. пад.), а потому мы въ малорусскихъ парадигмахъ склоненія должны въ видѣ примѣра сочетать форму мѣстнаго падежа съ какимъ-нибудь другимъ подходящимъ предлогомъ, лучше всего съ *на* или *в* (на вопросъ: „гдѣ?").

[3]) § 19. Обращаемъ вниманіе, что надо здѣсь писать послѣ *г*, *к* и *х* твердую букву *и*, а не мягкую букву *і*, и надо избѣгать такимъ образомъ той ошибки, въ которую (изъ числа малоруссовъ восточныхъ) чаще всего впадаютъ полтавцы и черниговцы. Проистекаетъ ихъ ошибка съ одной стороны отъ того, что гласный звукъ и звучитъ у нихъ, вообще, сравнительно мягко, а съ дру-

II. Род. **козак-і в**
луг-і в
кожух-і в

III. Дат. **козак-а́м**
луг-а́м
кожух-а́м

VI. Вин. **козак-і в** (рѣдко **козак-и́**)
луг-и́
кожух-и́

V. Зв. **козак-и́!**
луг-и́!
кожух-и́!

гой стороны—оттого, что, пожалуй, въ задненебныхъ звукахъ *г*, *к*, *х* заключается нѣкоторая мягкость, въ силу чего слоги *ги*, *ки*, *хи* звучатъ не совсѣмъ грубо *гы*, *кы*, *хы*, но звучатъ чуть-чуть помягче, и кое-кому кажется, будто эти слоги слышатся какъ чистые *гі*, *кі*, *хі*, т.-е. будто бы человѣкъ произноситъ: *козакі*, *лугі*, Ляхі. На самомъ дѣлѣ это не такъ; сопоставимъ въ вост.-мр. произношеніи имен. падежъ (коза*ки*, лу*ги*, Ля*хи*) съ родит. падежемъ (коза*кі*в, лу*гі*в, Ля*хі*в): внимательно вслушавшись въ свое произношеніе, приднѣпровецъ легко замѣтитъ, что только во второмъ рядѣ случаевъ (т.-е. въ род. пад.) есть дѣйствительно мягкіе слоги *гі*, *кі*, *хі*, а въ первомъ рядѣ случаевъ (т.-е. въ им. падежахъ) слышится болѣе грубый, болѣе твердый гласный звукъ, и воспроизводить его надо черезъ букву *и*, а не черезъ *і*. (Мы ужъ и не говоримъ, что историческая грамматика тоже требуетъ здѣсь твердой буквы *и*, потому что „козаки“, „луги“ и „кожухи“ происходятъ изъ старинныхъ формъ: КОЗАКЪІ, ЛОУГЪІ и КОЖОУХЪІ, оканчивавшихся на твердое ЪІ). Правило это (напомню мимоходомъ) надо строго примѣнять не только при склоненіи, но и вообще въ малорусской орѳографіи, и слѣдуетъ крайне тщательно избѣгать такихъ ошибочныхъ начертаній, каковы, напримѣръ, „*кі*нути, тонк*і*й (им. п.), с к*і*м, зг*і*нув, х*і*татися“ и т. п.; надо писать правильно, согласно съ аккуратнымъ произношеніемъ: „к*и*нути, тонк*и*й, с к*и*м, зг*и*нув, х*и*татися“ и т. п. Только въ нѣсколькихъ очень немногихъ словахъ (напр., хі*ба́* = развѣ), которыя въ восточно-малорусскомъ нарѣчіи имѣютъ въ произношеніи б е з у с л о в н о мягкій звукъ *і*, надо и писать букву *і*, забывши о всякой исторической этимологіи. Срв. то, что сказано въ т. I, стр. 123—127.

VI Ор. козак-áми
луг-áми
кожух-áми.
VII. Мѣстн. на козак-áх
в луг-áх
в кожух-áх.

б) Для упражненія предлагаемъ просклонять по этому образцу: вояк (род. вояка́; = воинъ), ворог (род. во́рога; = врагъ); довг (род. до́вгу; = долгъ); гук (род. гу́ка; = гулъ, шумъ; зват. только гу́*ку*!); неприхи́л[ь]ник (= недоброжелатель, непріятель); цьвя́х или цьвах (род. цьвя́ху; = гвоздь); скарбівни́к или ска́рбник (род. скарбівника́, ска́рбника; = казначей); бік (род. бо́ку; = сторона); ву́лїк (род. ву́лїка; = улей; зват. только ву́лї*ку*!); горіх (= орѣхъ), горо́х (= горохъ); реп'ях (= репейникъ); Лях (ляхъ, полякъ).

в) Можно бы сказать, что по этому образцу склоняются вообще всѣ имена муж. р. съ окончаніемъ *к*, *г*, *х*, если бы дѣло не осложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что къ образованію зват. падежа ед. ч. на *е* и мѣстн. ед. на *ї* способны *не всѣ* имена, оканчивающіяся въ имен. падежѣ на *к*, *г*, *х*. Мы ужъ и указали въ скобкахъ, что, напр., отъ «гук» и «вулїк» нѣтъ зват. падежа «гу́че» и «ву́лїче», а есть только: «гу́*ку*! ву́лї*ку*!»; да и формы «горо́ше! реп'я́ше!» не могутъ считаться вполнѣ обычными,—чаще мы слышимъ: «горо́*ху*! реп'ях*у́*!» Мѣстн. пад. на *ї*, тѣмъ не менѣе, этимъ четыремъ именамъ свойственъ («в горо́сї, в реп'ясї, въ тім гу́цї», изрѣдка и «в тім ву́лїцї» при обычномъ «в ву́лїк*у*»), а то вѣдь есть имена на задненебную, одновременно лишенныя какъ зват. падежа на *е*, такъ и мѣстнаго на *ї*. Напр., отъ мішо́к (род. мішка́), пісо́к (род. піску́) [1]), куто́к (род. кутка; = уголъ), випа́док (род.

[1]) Звукъ *і* въ словѣ пісок происходитъ изъ ѣ; срв. и по-польски *pia*sek, гдѣ ia = ѣ. Начертаніе „пѣсъкъ“ мы находимъ

вѝпа́дку; = случай), гурто́к (=гуртка́; = кружокъ, кучка) и вообще отъ многихъ другихъ уменьшительныхъ именъ на *ок* и *ьок*, теряющихъ звукъ *о* въ косвенныхъ падежахъ, извѣстны формы звательнаго и мѣстнаго падежа ед. ч. исключительно со звукомъ *у* или—для мѣстнаго падежа—также съ окончаніемъ *ові*, но не съ окончаніями *е* и *ї*. Такъ, зв. пад.—только «мішку́!», мѣстн. «в мішку́, в мішко́ві» (но не «в мішці̍»); зв. пад.—только «кутку́!», мѣстный—«в кутку́, в кутко́ві» (но не «в кутці̍»), и пр., и пр. Многія уменьшительныя на *ик* подчиняются тому же явленію; напр., отъ хло́пчик (=мальчикъ») нѣтъ зват. падежа «хло́пчиче» (есть только «хлопчику!») и нѣтъ мѣстнаго «на хло́пчиці» (есть лишь «на хло́пчикові» и «на хло́пчику»); но въ то же время слово цебри́к (=ушатъ, нѣм. Zubrig), являющееся для народнаго сознанія уменьшительной формой отъ цебе́р (=большой ушатъ; нѣм. Zuber), имѣетъ въ мѣстн. падежѣ не только формы: «в цебрику́» и «в цебрико́ві», но и «в цебриці̍». Нѣтъ грамматическихъ способовъ—распознавать имена на задненебную, имѣющія всѣ флексіи, отъ именъ, не имѣющихъ флексій *е* и *ї*. Такое знаніе дается только практикой.

§ 20. О склоненіи именъ мужескаго рода твердаго различія, оканчивающихся не на задненебный звукъ.

а) Гораздо проще склоняются по этому же образцу всѣ имена м. р., конечная согласная которыхъ не есть задненебная (т.-е. не *г*, *к*, *х*). Для ихъ склоненія надо просто присоединять падежныя окончанія къ формѣ именительнаго

и въ старыхъ памятникахъ церковно-славянскихъ, и въ старомалорусскихъ (напр. въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года, л. 59), и въ старо-великорусскихъ (напр., въ новгородскихъ Пандектахъ Антіоха XI в., л. 58; въ новгор. Остромировомъ Евангеліи 1056—1057 г., Мат. VII, 26). Оффиціальная русская ороографія „песокъ“ есть простая ошибка.

падежа. Напр., отъ дуб косвенные падежи будутъ: ду́б-а, ду́б-ові, ду́б-е! ду́б-ом, на ду́б-і и т. д. Точно такъ же, напримѣръ, отъ горо́д (=огородъ, садъ) зват. пад. будетъ горо́де, мѣст. на горо́дї; отъ лев (=левъ) род. пад. ле́ва, дат. ле́вові, зват. ле́ве, мѣстн. в ле́ві, мн. ч. леви́, и т. п.

б) Бо́льшее затрудненіе могутъ представлять въ этомъ своемъ склоненіи тѣ слова, въ которыхъ происходитъ знаменитое малорусское чередованіе звуковъ *о* и *е* со звукомъ *і*. Напр., отъ Антін (=Антонъ) косвенные падежи образуются такъ: Анто́на, Анто́нові, Анто́не! Анто́ном, на Анто́нї (на Анто́нові) и пр., уже безъ *і*. Отъ *о*ве́с (=овесъ) косвенные падежи—в*і*вса́, в*і*всо́ві, (вин.) *о*ве́с, (зват.) в*і*все́! в*і*всо́м, у в*і*всї, и пр. См. § 17, а.

в) Дѣло склоненія этой послѣдней категоріи словъ еще болѣе иногда осложняется, если въ послѣднемъ слогѣ склоняемаго существительнаго имѣется шипящій согласный звукъ, а послѣ него—гласный звукъ *е*. Такъ, отъ ве́ч*і*р (=вечеръ) косвенные падежи будутъ имѣть каждый слѣдующую форму: ве́ч*о*ра, ве́ч*о*рові (рѣже ве́ч*е*рові), (вин.) ве́ч*і*р, ве́ч*о*ре! ве́ч*о*ром, у ве́чорі (или в ве́ч*е*рі).

г) Много общаго съ этимъ случаемъ склоненія имѣетъ склоненіе именъ городовъ, мѣстечекъ и селъ на ів, но оно еще болѣе осложнено перекрестнымъ вліяніемъ формъ прилагательныхъ именъ, такъ что мы склоненіе именъ городовъ на ів выдѣлимъ въ совершенно особую группу, которую помѣстимъ ниже (см. урокъ 3-й).

§ 21. Примѣчаніе I. О переходномъ смягченіи задненебныхъ.

а) Какъ мы могли убѣдиться изъ вышеприведенныхъ примѣровъ склоненія именъ: коза́к, луг и кожу́х, тѣ существительныя, тема которыхъ оканчивается на задненебную (*г*, *к*, *х*), обязательно смягчаютъ эту свою согласную въ *з*, *ц*, *с* передъ звукомъ *ї* въ мѣстномъ падежѣ

единств. числа (в лузї, на козацї, в кожусї) [1]). Въ русскомъ языкѣ такое смягченіе отсутствуетъ (по-русски говорится: о лугѣ, о казакѣ, о кожухѣ); по-малорусски же смягченіе въ данномъ случаѣ—обязательно; сказать «в лугі, на козакі, в кожухі» ни въ какомъ случаѣ нельзя. Въ этомъ отношеніи малорусскій языкъ сохранилъ свою исконную (напр., кіевско-лѣтописную) архаичность; вѣдь и въ лѣтописномъ малорусскомъ (напр., домонгольско-кіевскомъ) языкѣ звуки г, к, х обязательно смягчались въ з, ц, с передъ ѣ.

б) Надо помнить, что такое переходное смягченіе совершается именно только передъ тѣмъ малорусскимъ звукомъ *і*, который происходитъ изъ стариннаго ѣ; а если малорусскій звукъ *і* происходитъ не изъ ѣ, то переходное смягченіе не имѣетъ мѣста (срв. род. мн. кожухів=кожуховъ).

в) Равнымъ образомъ нѣтъ у малоруссовъ переходнаго смягченія въ им. падежѣ множ. числа (срв. современное мр. кожухи при кіевскомъ домонгольскомъ кожоуси); это потому, что современное малорусское кожухи́ (им. и вин. мн.) есть по своему историческому происхожденію (стр. 38) форма вовсе не именительнаго, а винительнаго падежа, съ окончаніемъ ꙑ, замѣнившая собою старинную форму падежа именительнаго (она происходитъ не изъ кожоуси, а есть она кіевское домонгольское кожоухꙑ); ну, а вѣдь передъ твердымъ звукомъ ꙑ задненебныя не могутъ смягчаться [2]).

---

[1]) но, конечно, не передъ флексіями *у* и *ові*, которыя тоже вообще для мѣстнаго падежа употребительны, а въ иныхъ существительныхъ—употребительны даже исключительно. См. § 19, в.

[2]) Лишь въ очень немногихъ словахъ (въ чуть-чуть видоизмѣненномъ видѣ) донынѣ сохранилась въ вост.-мр. нарѣчія прамалорусская кіевско-лѣтописная форма дѣйствительно им. падежа множ. ч. (напр., отъ „друг“ = другъ имѣется форма им. пад. мн. числа: друзї); объ этомъ рѣчь ниже. — Замѣна именит. падежа мн. числа формою винит. падежа медленно началась у восточныхъ малоруссовъ еще въ XI вѣкѣ (срв. въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года: три (вин. пад.) вмѣсто ожидаемаго им. п. триɪє (л. 188); но въ обычай входитъ такая путаница падежей лишь въ послѣмонгольскій періодъ.

г) Мы видѣли также, что тѣ же задненебныя *г*, *к*, *х* передъ окончаніемъ *е* въ зват. падежѣ ед. ч. смягчаются въ *ж*, *ч*, *ш*,— словомъ, такъ же, какъ это водилось и въ домонгольскомъ кіевскомъ языкѣ. Но совершенно понятно, что такое переходное смягченіе случается въ зват. падежѣ только тогда, когда зват. падежъ дѣйствительно оканчивается на *е* (кожу́*ш-е!* коза́-*че!* лу́*ж-е!*). Если же зват. пад. оканчивается на *у*, то звуки *г*, *к*, *х* остаются неизмѣнными (кожу́*х-у!* коза*к-у́!* лу́*г-у!*).

§ 22. Примѣчаніе II. Род. ед. неодушевленныхъ въ роли винительнаго.

а) Винительный падежъ единств. числа существительныхъ неодушевленныхъ, который по-русски непремѣнно сходенъ съ именительнымъ, по-малорусски можетъ быть и не сходенъ. Даже напротивъ: украинскій малоруссъ чаще предпочтетъ сказать, положимъ: «я забрав свогó кожу́ха» (=я взялъ свой тулупъ), чѣмъ сказать: «я забра́в свій кожу́х» (что однако также въ ходу).

б) Явленіе это въ восточно-малорусскомъ нарѣчіи извѣстно и въ домонгольскую эпоху, напримѣръ, въ «Словѣ о Плъку Игоревѣ» [1]; извѣстно оно и въ начальную монгольскую эпоху; напр., въ Рязанской Кормчей 1284 года, переписанной съ кіевскаго оригинала, мы находимъ типичное выраженіе: «повелѣваѥть нос*а* урѣзати» (л. 47); слѣдовательно, въ этомъ видѣть теперь полонизмъ никакъ нельзя. Да и въ зап.-мр. памятникахъ мы эго видимъ изстари, раньше возможности какихъ-либо польскихъ вліяній. Такъ, въ галицкомъ Ев. 1144 г. встрѣчается: «Тако бо възлюбі Б[о]г[ъ] вс*его* мир*а*», вм. каноническаго «вьсь миръ». Въ Ев. 1283 г. «понести сапог*а* его» (л. 124 об.), «имать живот*а* вѣчн*аго*» (л. 6) и пр.

в) По своей внѣшней формѣ этотъ винительный падежъ ед. числа (оканчивающійся на *а*) есть въ сущности не что

[1]) Тамъ даже средній родъ подчиняется этому правилу: „поостри сердц*а* своего“.

иное, какъ родительный. Но извѣстное отличіе отъ синтактически-сознательнаго родительнаго падежа онъ все же имѣетъ. Именно, въ формахъ синтактически-родительнаго падежа допустимо, у многихъ существительныхъ, чередованіе окончаній *а* и *у* (напр., з твóгó лýга и з твóгó лýгу=изъ твоей рощицы) [1]), тогда какъ винит. падежъ, какъ таковой, никогда не можетъ имѣть окончанія *у*, но только окончаніе *а* (побáчив луга = увидѣлъ рощицу). Отъ «той папір» (=та бумага) родительный падежъ безразлично будетъ тогó паперá и тогó паперý; но винительный (если, конечно, мы не употребимъ его въ формѣ падежа именительнаго) будетъ оканчиваться исключительно на *а*: «я взяв того паперá» (=я взялъ ту бумагу; то же, что «я взяв той папір»). Въ случаѣ же если мы скажемъ: «я взяв тогó паперý», то это у насъ будетъ по синтаксису ужъ не винительный падежъ, а сознательный родительный, именно—родительный раздѣлительный (= я взялъ той бумаги, т.-е. взялъ нѣкоторую часть изъ той бумаги).

§ 23. Примѣчаніе III. Вин. мн. одушевленныхъ, сходный съ именительнымъ мн.

а) Винительный падежъ множественнаго числа существительныхъ одушевленныхъ въ русскомъ языкѣ непремѣнно сходенъ по своей формѣ съ род. падежемъ, въ противность старорусскому языку. Въ малорусскомъ же языкѣ мы въ этомъ отношеніи видимъ гораздо больше архаичности.

б) Прежде всего, если существительныя одушевленныя будутъ не люди, а животныя, то обыкновенно въ такихъ случаяхъ малорусскій языкъ всегда сохраняетъ старинную форму винит. падежа на *и* (=ы), сходную съ нынѣшней формой падежа именительнаго; такъ, говорится: я спинив

[1]) Когда въ родительномъ пад. должно быть окончаніе *а*, а когда *у*, объ этомъ рѣчь въ особомъ урокѣ, подъ рубрикой „Родительный падежъ“.

волй (=я остановилъ воловъ), він погнáв бараний (=онъ погналъ барановъ), или, по ижевому склоненію: продáв кóнї (=продалъ лошадей, коней) и т. п., — словомъ, говорится и теперь такъ же, какъ говорилось въ кіевской домонгольской рѣчи. Правда, восточно-малорусское нарѣчіе допускаетъ въ этихъ случаяхъ и форму падежа родительнаго, такъ что не будетъ ошибкою сказать: погнáв баранів, спинйв волів; но этотъ оборотъ употребляется гораздо рѣже [1]).

в) Иное дѣло, если рѣчь идетъ о людяхъ: тогда формой винительнаго падежа мн. ч. бываетъ въ подавляющей массѣ форма пад. родительнаго: бáчу козаків (=вижу казаковъ; а не «бачу козакй»). Однако и въ этихъ случаяхъ малорусскій языкъ проявляетъ все же бóльшую архаичность, чѣмъ русскій. А именно: какъ только множ. число предметовъ одушевленныхъ заключаетъ въ себѣ смыслъ обобщительно собирательный, какъ бы нѣсколько отвлеченный, то винит. падежъ можетъ имѣть форму на *и* (= стар. ы) и не быть сходенъ съ родительнымъ падежемъ. Срв. він держйть наймитй (=онъ держитъ батраковъ), візьмй два звóщики (=возьми двухъ извощиковъ), офіцéр забрáв із собóю три салдáти (офицеръ взялъ съ собою трехъ солдатъ) [2]) и т. п., — параллельно впрочемъ съ «держйть наймитів», «візьми двох звóщиків», «забрав трох салдáтів».

г) Довольно часто вин. мн. одушевленныхъ сходенъ бываетъ съ им. мн. въ томъ случаѣ, когда играетъ смысловую роль подлежащаго въ безлично-страдательныхъ предложеніяхъ. Дѣло въ томъ, что у малоруссовъ (и бѣлоруссовъ) изстари существуетъ особый, очень любимый оборотъ,

---

[1]) А въ западно-малорусскомъ нарѣчіи обыкновенно и не говорятъ: спинйв волів, — говорятъ почти исключительно: спинйв волй.

[2]) Послѣ числительныхъ два, три, чотйрі по-малорусски ставится не род. ед., въ противность тому, что мы видимъ у русскихъ, а ставится мн. ч.

неизвѣстный русскимъ, по которому подлежащее страдательнаго предложенія ставится въ падежѣ **винительномъ**, а сказуемое—въ **среднемъ родѣ**. По документамъ, старѣйшій примѣръ такого синтаксиса — это, сколько мнѣ помнится, фраза въ грамотѣ 1264 года Герденя, кн. Полоцкаго и Витебскаго, о заключеніи мира съ Ригою: «*Сию* грамо[*ту*] тогды нап[и]сан*о*, коли»... [1]), означающая: «эт*а* грамот*а* тогда написан*а*, когда»... Подобнымъ образомъ малоруссъ и донынѣ любитъ говорить: «**Коло хáти нагóрнян***о* (иначе: **нагорнýт***о*) **кýп***у* **сьнíгу**» (= Возлѣ дома навален*а* куч*а* снѣга), «**За моє́ жито—мене́ й побúт***о*» (= за мою рожь *я* же и избитъ; послов.), «**зарíзан***о* **чоловíк***а*» (= зарѣзанъ мужчин*а*), «**Всї грóш***і* **вúтрачен***о*» (= *Всѣ* деньг*и* истрачен*ы*), и т. п.; срв. еще и при возвратномъ залогѣ: «**А корóв***у* **прив'я́зу***є***ться до кíлóчка**» (= А коров*а* привязывается къ колышку). И вотъ при такомъ оборотѣ вин. мн. одушевленныхъ можетъ частенько быть сходенъ съ именительнымъ, а не только съ родительнымъ. Можно, напр., сказать не только: «**Т***их* **чоловíк***ів* **кúнут***о* **в я́му**» (= тѣ мужчины брошены въ яму), но и «**т***і* **чоловíк***и* **кúнут***о* **в я́му**». Или вотъ еще примѣры, прямо взятые нами изъ газеты: «**Вбúт***о* **дв***а* **водолá***зи*, **що працювáли**» [2]), т. е. «убиты два водолаза, которые работали»; «**на вýлицї арештóван***о* **дв***а* **стрíльцї**» [3]), т. е. «на улицѣ арестованы два стрѣлка», вмѣсто чего можно, конечно, сказать также: «**Арештóван***о* **дв***ох* **стрíлцї́***в*», «**вбúт***о* **дв***ох* **водолá***зів*», и т. д.

д) Въ особенности часто такая форма вин. мн. употребляется послѣ предлоговъ, управляющихъ вин. падежемъ

---

[1]) Издана у К. Напьерскаго: „Грамоты, касающіяся до сношеній сѣв.-зап. Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV в. СПБ. 1857 (изд. Археограф. коммиссіи), № II, а. Дошла до насъ грамота Герденя въ спискѣ XIII—XIV в., нѣсколько неудачномъ.

[2]) „Громадська Думка" 1906, № 171, стр. 4.

[3]) „Громадська Думка" 1906, № 189, стр. 2.

(срв. даже по-русски: «взять въ солдаты»); напримѣръ, пішо́в помі́ж козакі́ (=пошелъ въ среду козачества, букв. «между казаковъ»), или срв. по мягкому различію того же муж. склоненія: йогó забирáють у москалí (=его берутъ въ солдаты), оддáв грóші на старцí (=отдалъ деньги на нищихъ).

§ 24. Винит. пад. послѣ глагола съ отрицаніемъ *не*.

Заговоривши о случаяхъ смѣшенія формъ родительнаго и винительнаго падежей и о разницѣ, въ этомъ отношеніи, между языкомъ малорусскимъ и русскимъ, можемъ отмѣтить, что отрицаніе «*не*» при глаголахъ, которое въ русскомъ языкѣ влечетъ за собою постановку дополненія въ падежѣ родительномъ вмѣсто ожидаемаго винительнаго, въ языкѣ малорусскомъ не имѣетъ такой же обязательной силы. По малорусски можно сказать безразлично: «я *не* берý з собóю кожýх», какъ и «я *не* берý з собою кожýха (=я не беру съ собой тулупа), «мої листú він *не* читáє» и «моїх листíв він *не* читáє» (=моихъ писемъ онъ не читаетъ).

Безразличное правило это, скажемъ мимоходомъ, относится не только къ существительнымъ рода мужескаго, но и къ существительнымъ рода женскаго и средняго (склоненіе которыхъ мы изучимъ впослѣдствіи); срв. не перекрýчуй мої словá (=не извращай моихъ словъ), свою жíнку я нікóли й не бáчу (=своей жены я никогда и не вижу).

II.

Бáтько. Днíпро.

§ 25. Склоненіе именъ мужескаго рода съ окончаніемъ *о*.

а) У русскихъ это склоненіе теперь почти отсутствуетъ— даже въ діалектахъ простонародныхъ, не говоря ужъ о литературномъ языкѣ, гдѣ оно и вовсе недопустимо. Вмѣсто стараго окончанія им. пад. *о* мы у русскихъ обыкновенно

слышимъ окончаніе *а* (т. е. такое же, какъ и въ ж. р.), не исключая и нарѣчій окающихъ, и склоняются такія имена въ русскомъ языкѣ по склоненію женскому («у Гаврилы, къ Гаврилѣ, съ Гаврилою» и пр.); началось это у русскихъ понемногу еще съ XIII вѣка [1]). Нѣчто подобное замѣчаемъ мы и у поляковъ, которые, напримѣръ, малорусскую фамилію «Шевченко» (Szewczenko) тоже считаютъ возможнымъ переводить въ разрядъ женскаго склоненія (bez Szewczenki, dać Szewczence). Малорусскій же языкъ строго сохраняетъ за именами на *о* ихъ форму склоненія мужескую, и переходъ ихъ въ склоненіе женское ни въ какомъ случаѣ не допускается.

б) Еще въ самую старую эпоху предки малоруссовъ очень любили мужескія имена на *о*, въ особенности уменьшительную форму съ окончаніемъ *ко*. Спутники варяжскихъ кіевскихъ князей X-го вѣка, княжившихъ надъ предками восточныхъ малоруссовъ, носили уменьшительныя имена на *ко* (напр. «Синько», упоминаемый въ договорѣ Игоря съ греками въ 945 г.; «Варяжко»—у Яроиолка въ 980 г.); въ княжеской семьѣ дома Владиміра Святого имена эти были изъ числа самыхъ обычныхъ («Василько», «Володимерько» и прочія, пестрящія въ лѣтописи). Дядя назывался въ лѣтописный періодъ уменьшительно: «дядько»; — и въ лѣтописи, по разнымъ спискамъ, можно прочитать: «И рече Свинделъ Исмудъ дяд[ь]*ко* ег[о]»; «С[ъ]вѣтъ с[ъ]твори с Мирославомъ и с дядь*комъ*» (это второе—въ Ипат. лѣт., подъ 6710=1202 г.). Любовь нашихъ предковъ къ именамъ на *о* сдѣлала то, что и греческія имена, переходившія въ Кіевъ съ христіанствомъ,

---

[1]) Въ духовной новгородца Климента, написанной раньше 1270-го года, находимъ: „А и(с) свинеи из моихъ Самуилѣ даите боровъ лутьшии", хотя въ этой же грамотѣ село названо „Самуиловьское". Болѣе ранніе новгородскіе примѣры, - напр., въ новгор. Минеѣ 1096 года: „рабу своему Дъмъкѣ", — неубѣдительны и могутъ свидѣтельствовать только о древности формы муж. именъ на ка, но еще не о переходѣ склоненія именъ на *о* въ разрядъ женскаго склоненія.

пріобрѣтали окончаніе им. пад. о: Марко (наряду съ церк.-слав. «Маркъ»), Кирило (наряду съ церк. «Кириллъ»), Михаило (наряду съ церк. «Михаилъ»), Самуило, или Самоило (наряду съ церк. «Самуилъ»), Петро и Павло (рядомъ съ церк. «Петръ и Павлъ») и т. п. Форма эта настолько не считалась вульгарной, что даже книжники-монахи Кіево-Печерскаго монастыря вносили имена своихъ нетлѣнныхъ угодниковъ въ святцы и въ Патерикъ какъ разъ съ окончаніемъ о, а не съ церковно-священнымъ окончаніемъ ъ; такъ, одинъ изъ наиболѣе мощныхъ кіевскихъ угодниковъ, голосу котораго покорно повиновались даже мертвые трупы, титулуется и въ святцахъ и въ Патерикѣ: «Марко печерникъ».

Въ послѣмонгольскій періодъ, въ то время какъ у русскихъ имена на *о* исчезали все сильнѣе и сильнѣе, у малоруссовъ число ихъ разросталось все больше и больше. Это особенно замѣчается по малорусскимъ грамотамъ XIV—XV в. Даже какое-нибудь польское «marszałek» обращалось у малорусскихъ вельможъ въ «маршалко», такъ что, напр., вел. кн. кіевскій Швидригайло, давая въ Луцкѣ въ 1445 г. жалованную грамоту шляхетнымъ Чоботамъ, объявлялъ въ ней, что свидѣтелями были: «княз[ь] Михаило Чорторийский, маршалко нашъ» и «пан[ъ] Бернатъ, маршалко».

в) Въ н. вр. количество малорусскихъ именъ существительныхъ муж. р. съ окончаніемъ *о*—громадно. Склоненіе ихъ очень немногимъ отличается отъ мужескаго склоненія на согласную, типа «коза́к». Для образца мы просклоняемъ три имени предметовъ одушевленныхъ. Одно—на ло: мінйило (=мѣняла), другое—просто на *о*: ба́тько (=отецъ), третье—на е́нко (какъ образецъ частыхъ малорусскихъ фамилій). Кромѣ того просклоняемъ имя предмета неодушевленнаго—Дніпро́ (=рѣка Днѣпръ), наиболѣе богатое падежными флексіями.

Единственное число (Одни́на).

I. Им. мінйило
ба́тьк-о

Шевченк-о
Дніпро́
II. Род. міняйл-а
ба́тьк-а
Шевче́нк-а
Дніпр-а̀
III. Дат. міняйл-ові (крайне рѣдко міняйл-у)
ба́тьк-ові (крайне рѣдко ба́тьк-у)
Шевче́нк-ові (крайне рѣдко Шевче́нк-у) [1]
Дні́пр-о́ві (крайне рѣдко Дні́пр-у́)
IV. Вин. міняйл-а
ба́тьк-а
Шевче́нк-а
Дні́пр-о́ (NB).
V. Зв. міняйл-е!
ба́тьк-у!
Шевче́нк-у!
Дні́пр-е или Дні́пр-у́!
VI. Ор. міняйл-ом
ба́тьк-ом
Шевче́нк-ом
Дні́пр-о́м
VII. Мѣст. на міняйл-і, на міняйл-ові
на ба́тьк-ові (рѣже на ба́тьк-у)
на Шевче́нк-ові (рѣже на Шевче́нц-і,
на Шевче́нк-у)
на Дні́пр-í, на Дні́пр-о́ві, на Дні́пр-у́

Множ. число (**Множина́**).

I. Им. міняйл-а (рѣже міняйл-и́)
батьк-и́ [2])

[1]) Но не Шевче́нцї, какъ слышится иногда въ зап.-мр. нарѣчіи подъ польскимъ вліяніемъ.

[2]) Слово батьки́ значитъ не только „отцы“, но и „родители“, т.-е. отецъ съ матерью, напр., він живе́ в батькі́в (=онъ живетъ у родителей), мої батьки́ вже старі (=мои родители

Шевчéнк-й
Днïпр-й (въ смыслѣ нарицательномъ

II. Род. міняйл-ів
батьк-ів
Шевчéнк-ів
Днïпр-ів

III. Дат. міняйл-ам
батьк-áм
Шевчéнк-áм
Днïпр-áм

IV. Вин. міняйл-ів (рѣдко міняйл-а)
батьк-ів (рѣдко батьк-й)
Шевчéнк-ів (рѣдко Шевчéнк-й)
Днïпр-й

V. Зв. міняйл-а! (рѣдко міняйл-й!)
батьк-й!
Шевчéнк-й!
Днïпр-й!

VI. Ор. міняйл-ами
батьк-áми
Шевчéнк-áми
Днïпр-áми

VII. Мѣст. на міняйл-ах
на батьк-áх
на Шевчéнк-áх
на Днïпр-áх.

§ 26. Замѣчанія.

a) Вин. ед. неодушевленныхъ.

Имя «Днïпр*ó*» относится къ рѣкѣ, т.-е. къ предмету неодушевленному. Такихъ именъ, какъ Днïпрó (т.-е. пред-

---

уже стары). Интересно, что такое же словоупотребленіе свойственно и восточнымъ языкамъ; между прочимъ у арабовъ отецъ съ матерью называются двойств. числомъ: аль-абаwāн الابوان (буквально: „два отца", или „оба отца") = родители. (Ед. ч. أب *аб* = отецъ).

метовъ неодушевленныхъ съ окончаніемъ о)[1]) имѣется очень немного въ муж. родѣ. Относится сюда еще Псло (=р. Псёлъ). Но наряду съ другимъ такимъ же именемъ Днiстрó (=Днѣстръ) существуетъ болѣе частая форма: Днiстéр, а имя рѣки Вóрскло чаще склоняется по женскому склоненію.

Отличительная особенность склоненія Днiпрó — это, какъ мы видѣли, сходство вин. падежа съ именительнымъ (напр.. їду на Днiпрó=ѣду на Днѣпръ). Такимъ же образомъ говорится: на наш Псл*о* (=на нашъ Псёлъ); по-за Вóрскл*о* (=по ту сторону Ворсклы).

β) **Обиліе флексій у именъ «Днiпрó» и «сябрó».**

Изъ склоненія имени «Днiпрó» мы ужъ видѣли, что оно (а съ нимъ, кстати сказать, имена еще двухъ рѣкъ: «Днiстрó» и «Псло») способны къ наибольшему количеству чередующихся падежныхъ флексій зв. ед. и мѣст. ед., тогда какъ другія существительныя м. р. съ окончаніемъ *о* имѣютъ въ зват. падежѣ лишь одну изъ двухъ возможныхъ флексій, а въ мѣстномъ—лишь двѣ изъ трехъ возможныхъ флексій. А именно: у названій рѣкъ мѣстн. падежъ можетъ (и это чаще) оканчиваться на *i* (на Днiпрi), а сверхъ того—имѣть флексіи *овi* и *у* (присущія склоненію вообще всѣхъ прочихъ именъ муж. рода съ окончаніемъ на *о*). Зват. падежъ оканчивается и на *е*, и на *у* (Днíпре! Днiпрý).

Къ типу склоненія неодушевленнаго «Днiп*рó*» подходитъ, по возможному обилію флексій, полтавское имя нарицательное одушевленнаго предмета: сяб*р*ó (=соучастникъ въ предпріятіи,—то же, что общемр. «спiл[ь]няк»), оканчивающееся такъ же на *ро* [2]). Отличается его склоненіе

---

1) Неодушевленныя на *о* обыкновенно относятся къ роду среднему и склоняются по парадигмѣ рода средняго (какъ вiдрó, селó и пр.).

2) Однако имена собственныя на *ро* (напр. Петрó, Митрó) вовсе не относятся къ обильнофлексiйнымъ; см. ниже, рубрику δ.

отъ склоненія «Дніпро́», естественно, формой падежа винительнаго (сходнаго съ родительнымъ: с я б р-а́); но въ зват. падежѣ оно такъ же оканчивается,—по желанію,—или на е, или на у (ся́б р-е! ся́б р-у́), и въ мѣстномъ падежѣ чередуются въ немъ всѣ три флексіи («н а с я б р-і́, н а с я б р-о́ в і, н а с я б р-у́»).

γ) Имена м. р. на *ло*: «міня́й-*ло*» и др.

Этотъ типъ имѣетъ форму звательнаго падежа только съ окончаніемъ *е*, напр., м і н я́ й л *е*! (Я не имѣю свѣдѣній, чтобы гдѣ-нибудь въ вост.-мр. нарѣчія существовалъ зват. пад. «міняй-лу!») [1]). Ихъ мѣстный падежъ тоже можетъ (и это чаще) оканчиваться на *і* (н а м і н я́ й л-і).

Такихъ именъ на *ло*—много, потому что они образуются отъ большинства глагольныхъ корней; срв. к у п а́ й-л о (=Купало, Иванъ Креститель), д у р и́-л о (=обманщикъ), в и к и д а́ й-л о (= вышибала), П о к о т и́-л о (= фамилія) и т. п.

Сюда же относятся некалендарныя и крестныя личныя имена, такія, какъ Ч у р и́ л о, или К и р и́ л о (=Кириллъ) [2]), К о р н и́ л о (=Корнилій, Корнелій), и пр.; но въ этихъ— имен. падежъ мн. числа ужъ не образуется на *а*,— только на *и*. При случаѣ сдѣлаемъ разъ навсегда общее замѣчаніе, что въ этомъ склоненіи множ. число на *а* [3]) свойственно исключительно нарицательнымъ именамъ на л о (напр., в с ї м і н я й *л а* = всѣ мѣнялы); остальныя имена

---

[1]) Онъ рѣдокъ съ окончаніемъ *у* и въ зап.-мр. нарѣчіи, хотя стариненъ. Такъ, въ (Христинопольскомъ?) Апостолѣ XII—XIII в., встрѣчается зват. падежъ: Корнілоу! (Срв. отчетъ о 32-мъ присужд. наградъ гр. Уварова, стр. 235.)

[2]) Фонема „*Ч*урило“ (болѣе старая—„Чюрило“) возникла изъ старинной формы имени „*К*юрило“. Срв. такое же смягченіе звука *к* въ звукъ *ч* въ имени „Ни*ч*ипір“ (изъ „Ни*к*ифоръ“).

[3]) Заимствовано оно изъ склоненія именъ с р е д н я г о рода съ такимъ же окончаніемъ л о. Срв. отъ „се*ло́*“ форму мн. ч.: „се́*ла*“.

муж. рода, разъ оканчиваются на *о*, имѣютъ форму множ. числа лишь на *и* (усї батьк-и́, усї Петр-и́, усї тат-и́—всѣ родители, всѣ Петры, всѣ батюшки). Да и отъ именъ типа міня́йло изрѣдка допускается въ вост.-мр. нарѣчіи мн. число міня́йл-и́ (чаще—съ удареніемъ на концѣ, которое проходитъ затѣмъ и по всѣмъ косвеннымъ падежамъ) [1]. Обыкновенно эта форма (Міняйл-и́) примѣняется тогда, когда имена типа «міня́йло» бываютъ вост.-мр. фамиліями.

д) Имена собственныя съ ударнымъ окончаніемъ *о́* (но не съ окончаніемъ *ко́* или *но́*).

По своему звательному падежу они примыкаютъ къ міня́йло и къ Кири́ло. Такъ, Павло́ (=Павелъ), Петро́ (=Петръ), Митро́ (=Димитрій), Карпо́ (=Карпъ) имѣютъ зв. падежъ: Па́вл*е*! Пе́тр*е*! Ми́тр*е*! Ка́рп*е*! Но мѣстный ужъ не на *і*, а на ові: на Павл*о́ві*, на Петр*о́ві*, на Митр*о́ві*, на Карп*о́ві* [2]).

Заслуживаетъ вниманія, по своему ударенію, ихъ родит. падежъ послѣ предлоговъ съ пропущеннымъ и подразумѣваемымъ словомъ: «пра́зник» или «день сьв.». Такъ, говорится: на Пе́тра й Па́вла (= въ день свв. Петра и Павла); на Ми́тра (=въ день св. Димитрія) [3]); на Ка́рпа (=въ день св. Карпа); під Ми́тра (=наканунѣ св. Димитрія); од Пе́тра (=отъ дня св. Петра); «з Пе́тра

---

[1]) Въ зап.-мр. нарѣчіи форма им. мн. міня́йл-и является даже господствующей.

[2]) Мѣстный же на *у́* (напр., на Митру́) слышится такъ рѣдко, что я его даже вовсе не помѣстилъ въ парадигмѣ.

[3]) Мѣстами говорится, замѣтимъ кстати, еще „на Ѳми́тра“ (напр., въ Кіевщинѣ). Это—вмѣсто „на Дьмитра“. Восточно-малорусское нарѣчіе, да и западно-малорусское, отъ самыхъ старинныхъ временъ смѣшивало мягкіе *дь* и *гь, ть* и *кь*. Срв. лѣтописно-кіевское „Дюрдий“ и „Гюргій“ (=Георгій) и старогалицкое „Дирьдий“ (напр., въ буковинской грамотѣ 1471 г. воеводы Стефана Великаго, изд. въ 32-мъ присужд. наградъ гр. Уварова). См. ч. I, § 14, в.

мóжна полювáти» (=съ Петрова дня можно охотиться). Если же нѣтъ пропущеннаго слова «день», то удареніе не мѣняется; срв. **цьогó кожýха** (=вин. пад.) **шúто** (ср.р.—безлично) **на Петрá** (=этотъ тулупъ шитъ на Петра, т.-е. для Петра, по мѣркѣ Петра) и **цьогó кожýха шито на Пéтра** (=этотъ тулупъ шитъ въ день св. Петра) [1]).

є) **Прочія имена муж. р. на** *о* (на *ко*, *то*, *но* и т. п.).

Всѣ прочія (многочисленныя) имена муж. р. на *о* склоняются, какъ **бáтько**.

Слѣдовательно ихъ зват. падежъ оканчивается лишь на *у*: **Андрійк***у*! (=Андрюша!), **соловéйку**! (= соловей! соловушко!), **тáт***у*! (=папа! батюшка!), **Грицькý**! (=Гриша! Григорій!), **Сахнý**! (=Александръ!) [2]).

Множ. число, какъ выше указано,—только на *и*: **Андрійк-и**, **соловéйк-и**, **тат-ú**, **Грицьк-ú**, **Михн-ú**.

Мѣстн. пад. ед. ч. бываетъ съ окончаніемъ **óві**, или, преимущественно при флексійной ударности,—также съ окончаніемъ *у*: **на Грицькóві**, **на Грицькý**; однако—только **на тáтові** (нѣтъ «на тáту»). Мѣстный пад. на *і* (=ѣ) имѣется, да и то рѣдко, у обильныхъ существительныхъ на **éнко**: **на Шевчéнці** (чаще же **на Шевчéнкові**; изрѣдка еще—**на Шевчéнку**).

Словъ м. р. на **ко** есть множество. Сверхъ уменьшительныхъ сюда относятся отглагольныя, соотвѣтствующія русскимъ существительнымъ на **тель** и на **унъ**. Напр., **хвалькó** (=хвастунъ), **брешкó** (=врунъ), «**будькó**» (спеціально пословичное существительное со смысломъ «реалистъ», «дѣлецъ») и т. п.

---

[1]) О вин. падежѣ подлежащаго при сказуемомъ страдательномъ средняго рода—см. выше § 23, д.

[2]) Собственно говоря, имена м. р. на **но** только въ сѣв.-малорусскихъ говорахъ имѣютъ значеніе ласкательныхъ личныхъ именъ: **Сахнó** (=Александръ), **Михнó** (=Михаилъ), **Пихнó** (=Петръ), **Олехнó** (=Алексѣй или Александръ) и т. п. Въ Наддніпрянщинѣ же центральной эти формы извѣстны лишь какъ фамиліи.

ζ) Имена на ьо.

Нельзя здѣсь не упомянуть и объ именахъ на *ьо*, хотя восточно-малорусскому нарѣчію они, собственно, чужды; таковы, напримѣръ: **Грицьо** (=Гриша; вост.-мр. «Грицъ»), **Волбдьо** (=вост.-мр. и русск. «Володя»), **Павлуньо** (=Павлуша; вост.-мр. «Павлунъ», «Павлуня»), **дїдуньо** (=дѣдушка; вост.-мр. «дїдунь», «дїдуня»), **дїдуньо** (=бѣсъ, иначе—«дїдько») и мн. др. Для зап.-мр. нарѣчія такія имена муж. рода на *ьо* вполнѣ типичны, и они могутъ считаться **спеціально** западно-малорусскими: по крайней мѣрѣ, изъ числа нынѣшнихъ областей нарѣчія восточно-малорусскаго эти имена совсѣмъ отсутствуютъ тамъ, гдѣ населеніе является несомнѣннымъ прямымъ потомкомъ домонгольскаго восточно-малорусскаго населенія (напр., въ Кіевщинѣ, въ Черниговщинѣ). Однако въ Лѣвобережной Украинѣ, которая въ періодъ Вишневеччины и Руины заселялась выходцами не только восточно-малорусскими, но и западно-малорусскими (напримѣръ, подолянами, а, быть можетъ, и галичанами [1]),—вдругъ иногда приходится услышать то тамъ, то сямъ—имена западно-малорусскаго типа на *ьо*,—напр. **дїдуньо** (въ смыслѣ «чертъ») [2].

Склоняются имена на *ьо* приблизительно такъ же, какъ и имена м. р. на *о*, но вмѣсто **ьа** надо писать *я* (**Грйця**, а не «Грицьа»), вмѣсто **ьу**—писать *ю* (**Грицю**! а не «Грицьу»). Форма зват. падежа оканчивается только на *ю* и никогда не на *е*. Дат., мѣстн. и орудн. падежи могутъ оканчиваться вмѣсто **ьові** и **ьом** на *еві* и *ем* (Грйцеві, на Грйцеві, Грйцем); но это, въ сущности, такія формы, которыя происходятъ отъ им. падежа «Грицъ», а не отъ «Грицьо» [3]).

---

[1]) Кто скорѣе всѣхъ, если не галицкіе пришельцы, могъ дать галицкія имена поселеніямъ въ Полтавщинѣ и Слободской Украинѣ: Снѣтинъ, Золочевъ и т. п.?

[2]) См., напр., новый полтавскій очеркъ В. Винниченка: „Хто ворог" (въ „Новій Громадї", 1906, кн. VII, стр. 3): „Як потягну, то аж дїдуньо присниться!".

[3]) Съ такими окончаніями (т. наз. „мягкаго различія") мы ближе ознакомимся въ урокѣ 4-мъ.

§ 27. **Слова къ упражненіямъ 2-го урока (=упр. 3—4).**

годъ—рік (род.—**рóку**)
двугривенный—семигрйвеник [1])
крестъ—хрест [2])
маклеръ—фáктор
пепелъ, зола—пóпіл (*род.* **пóпелу и пóпілу**) [3])
чубукъ—цибýх
живокость-синичка—синьовíд (род. **синьовода**)=**цвѣтокъ** Delphinium Ajacis
чеснокъ—часнйк [4])
огурецъ—гірóк (род. **гіркá**)
цыганъ—цйган (NB. **удареніе!**)
цыганенокъ—циганчýк

---

[1]) Гривня=3 копейки, такъ что семь такихъ гривень составляютъ дѣйствительно почти 20 копеекъ (по-русски „двугривенный"=20 коп.).

[2]) Звукъ *х* въ этомъ словѣ произносится малоруссами съ самыхъ старинныхъ временъ. Въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года написаніе хрьститисѧ вм. крьститисѧ— вполнѣ обычно, равно какъ въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1076 года (срв, напр., л. 45); въ Галицкомъ Евангеліи 1144 года тоже часто пишется буква х: хр҆щахуся (л. 5 об.), хр҆щенье (л. 6), хр҆щю (тамъ же, л. 6) и т. п. Появленіе звука *х* (вм. к) объясняется вліяніемъ слова „Христосъ" (род. „Христа").

[3]) Звукъ о въ словѣ „попіл" (=пепелъ) извѣстенъ въ малорусскомъ языкѣ искони. Въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года: попелъ (л. 57); въ Изборникѣ же 1076 года читаемъ род. падежъ: „попелу" (л. 90, срв. л. 191). Въ червонорусскихъ Словахъ Григорія Богослова XI в.: „попеломь" (л. 2а; см. еще л. 104, d; л. 284, d: л. 312, с), а въ Галицкомъ Четвероевангеліи 1144 года: „въ попели" (=въ пеплѣ, въ золѣ; лл. 33, 27 и др.). По-видимому, звукъ о въ этомъ словѣ долженъ считаться восходящимъ къ періоду не только прарусскому, но и общеславянскому.

[4]) Въ зап.-мр. нарѣчіи можно услышать и „чоснйк" (срв. польское *czosnek*), но въ Приднѣпровьи всегда здѣсь слышится звукъ *а*. О причинѣ развитія *а* изъ є см. ч. I, § 52: сперва слышалось „чяснпк".

котелъ—казáн (род. казанá) [1])
паром—порóн [2]) (род. поронá)
воспоминаніе, память—спóмин
работник — робітник [3]); працівни́к (съ оттѣнкомъ „труженикъ")
цвѣтокъ—квіт (чаще въ женскомъ родѣ: кві́тка); *мн. ч.* квіти=цвѣты [4]).
нельзя—не мóжн*а* [5])

---

[1]) Слово казáн—турецко-татарское قازان

[2]) Русское правописаніе этого слова съ буквою *а* („*па*ромъ") есть результатъ áканья, съ псевдоэтимологическимъ пріурочепіемъ къ слову „пáра" (въ смыслѣ „чета" „соединеніе"); но въ старинныхъ сѣверно-великорусскихъ (т.-е. не знающихъ áканья) документахъ легко встрѣтить начертаніе „поромъ". Сербское прам, чешское pram и польское prom ясно указываютъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ „полногласіемъ" (ра=оро) и что малорусское порóн вполнѣ этимологически содержитъ въ себѣ звукъ оро.

[3]) Русское правописаніе „*ра*ботникъ", „*ра*бота" и т. п. есть церковно-славянизмъ, т.-е. старо-болгаризмъ (да и то Супрасльская рукопись знаетъ форму робъ,—79 и 174,—вмѣсто обычной рабъ); съ точки зрѣнія даже великорусской этимологіи слѣдовало бы и по-русски писать въ вышеприведенныхъ словахъ букву *о*, т.-е. „*ро*ботникъ" и пр.—Малороссы-то во всякомъ случаѣ произносятъ здѣсь чистое *о*, какъ произносили и ихъ лѣтописные предки-кіевляне. Срв. кіевскій Изборникъ Святослава 1073 г. (л. 188, л. 197, л. 212, л. 241, л. 252, л. 258, л. 266 об.), Начальную Лѣтопись, Житіе Θеодосія Печерскаго, Руськую Правду и прочіе списки старокіевскихъ памятниковъ, гдѣ этотъ корень пишется „роб".

[4]) Обращаемъ вниманіе, что въ мр. словѣ квіти (мн. ч.) удареніе падаетъ на кві, тогда какъ русское „цвѣты́" имѣетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Въ зап.-мр. нарѣчіи говорится и „*цъ*ві́ти (съ начальнымъ *ц*), при чемъ удареніе опять-таки падаетъ на корень, а не на флексію.

[5]) Подразумѣвается пропущенное слово ж. рода: річ (=вещь). Прилагательное мóжний (ж. р. отъ него—мóжна) теперь означаетъ „могущественный", но въ старину означало просто „возможный". Пропускаемое теперь существительное „річ" еще не

такой, такая, такое—такий, така́, таке́
такого—такого́
этого—цього́
новый, новая, новое—новий, нова́, нове́ (NB удареніе!)
новаго—нового́
который-ая,-ое,-ые,-ыя—що
яблочный (снятый съ яблони, состоящій изъ яблочныхъ деревьевъ и т. п.)—*я́блу*новий [1])
дешевый—деше́вий
грушевый—груше́вий
вишневый—вишне́вий
полевой—польови́й [2])
идетъ—іде́, йде
взойдетъ—зійде (рѣдко зійде́)
идти—іти́, йти, іти́
ѣдетъ—ї́де
ѣхать—ї́хати
досаждаетъ—дозоля́е (съ дат.)
досаждать—дозоля́ти [3])

далѣе, какъ въ XVI вѣкѣ, почти обязательно входило въ составъ даннаго выраженія. Срв., напр., въ волын. сборн. попа Наливайка XVI в. (Рум. Муз. № 2616): „*Не можная реч*, абы тому отпущон был грѣх" и т. д. (л. 35), „*Можная* ест[ь] *реч*—всѣх речій, которіи сут[ь] на свѣтѣ, достати от людій; а мудрости—*не можная* ест[ь] реч достати" (л. 41) и т. п.

[1]) Звукъ *н* въ этомъ прилагательномъ твердъ.

[2]) § 28. Относительно прилагательныхъ на е в и й (=евый) можно принять за болѣе или менѣе твердое правило для рѣчи центральныхъ украинцевъ (но не для прочихъ говоровъ), что звукъ *е* сохраняется при ударности (срв. в и ш н е́ в и й, г р у ш е́ в и й, д е ш е́ в и й, чит. „вышнэвый", „ґрушэвый", „дэшэвый"), но замѣняется звукомъ *ьо* при неударности (срв. п о л ь о в и́ й = полевой, г р о ш о в и́ й = денежный, с т а́ л ь о в и й = стальной); но чуть мы свернемъ въ сторону отъ Днѣпра, мы легко услышимъ звукъ *о* и подъ удареніемъ (т.-е. услышимъ: в и ш н ь о́ в и й, г р у ш о́ в и й и т. п.) См. ниже, § 42, β.

[3]) § 29. Звукъ *о* въ словахъ этого корня (общеизвѣстнаго и у русскихъ, срв. *з л* о й, *з л* о) развился у малоруссовъ отъ самыхъ

я вижу - я бáчу
ты видишь—ти бáчиш; онъ видитъ—він бачить.
я говорю—я кажý; я говбрю (NB. удареніе!); я балáкаю (въ смыслѣ «разговариваю»)
ты говоришь—ты кáжеш, ты говбриш, ты балáкаеш
говорить—казáти, говорíти, балáкати.
онъ ненавидитъ—він ненáвидить (NB. удареніе!)
нахвастается—нахвáлиться [1])
добьется—добýдеться
дай, дайте—дай, дáйте
покорми, покормите—погодýй, погодýйте
покормить—погодувáти
прячь, прячьте (береги, берегите)—ховáй, ховáйте
прятать, беречь—ховáти
убери, унеси—приймú. Уберите—приймíть!
вытряхни—вúтруси. Вытряхните—вúтрусїть!
пришелъ, пришла, пришло—прийшóв, прийшлá, прийшлó.
посадилъ, посадила, посадило—посадив, посадúла, посадило.
купилъ, купила, купило - покупúв, покупúла, покупúло
далъ, дала, дало—дав, далá, далó
спросилъ, спросила, спросило—спитáв, спитáла, спитáло

старинныхъ временъ. Въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года мы сплошь да рядомъ находимъ: зoлоба (л. 170 об., 174 об.), зoлобы (л. 113, л. 205 об.), зoлобу (л. 105, 170, 183) и т. д.; тамъ же: безoлобия (л. 241). Въ Житіи Θеодосія Печерскаго по списку XII в. (изд. Бодянскаго), сдѣланному съ кіевскаго оригинала: зoлодѣй (4). Подъ церковнымъ вліяніемъ малоруссы стали затѣмъ произносить просто злобá. Все-таки и теперь, кромѣ современнаго приднѣпровскаго дозолити, не мѣшаетъ помнить съ той же огласовкой и другое (болѣе рѣдкое) малорусское слово: золóк (=больной пунктъ раны, „злобный" пунктъ раны), произносимое въ зап.-мр. нарѣчіи зóлок.

[1]) Произносить надо съ удвоеннымъ цьць, т.-е. „нахвáлыцьця", „добýдэцьця". Произношеніе эго (съ удвоеннымъ мягкимъ ц, тогда какъ пишется тьс) утвердилось у малоруссовъ еще въ XIV вѣкѣ. См. ч. I, § 28, б.

засохъ, засохла, засохло—усо́х, усо́хла, усо́хло; усох, усхла́, усхло́.
когда (въ относит. предложеніяхъ)—як
возлѣ—ко́ло (съ род.); побі́ля́, бі́ля́ (съ род.)
откуда?—звідки? звідкиля́? звідкіль?
именно, какъ разъ—са́ме́
постоянно—раз-у-ра́з
туда, сюда—туди́, сюди́ [1])
да!—так! еге́! еге́ ж!
ну, да!—ато́ж! а вже́ ж!
почему?—чому́? чом? [2])

---

[1]) Этотъ нарѣчный суффиксъ -ды вмѣсто -да у малоруссовъ, вѣроятно, исконенъ (какъ впрочемъ и у русскихъ). Срв. въ юж.-галицкомъ Евангеліи поповича Евсевія 1283 г. начертаніе „тогды“ (=церк.-слав. „тъгда“), въ записи переписчика. См. другія документальныя ссылки (на лѣтопись и проч.) въ § 50, стр. 88.— Въ новгородскихъ памятникахъ формы „кудѣ“, „сюдѣ“, „тудѣ“— обычны съ XIII—XIV вв., но существовали, конечно, раньше.

[2]) Звуковое происхожденіе формы „чом?“ не окончательно выяснено. Полагаютъ, что „чом?“ получилось изъ „чому?“ а именно путемъ отпаденія конечнаго гласнаго; если это такъ, то чом не можетъ происходить изъ „чому́?“ (имѣющаго удареніе на *у* и восходящаго къ „чему́?“,—срв. Лавр. лѣтоп. 269), а должно происходить изъ вытѣсненнаго теперь „чо́му?“, которое восходить должно къ „чьсо́му?“. Если-жъ этого объясненія мы не примемъ то остается предположить, что сперва возникло выраженіе „*къ чо́му?*“ (гдѣ перенос ударенія съ послѣдняго слога на предпослѣдній былъ естественъ въ виду присутствія предлога), а затѣмъ это выраженіе стало употребляться съ ударнымъ *чо*, и безъ предлога. По памятникамъ, существованіе слова „чом“ можно съ легкостью констатировать въ XVI вѣкѣ. Срв., напр., въ сборникѣ попа Наливайка второй половины XVI-го вѣка, (Румянц. Муз. № 2616) фразу съ книжническимъ правописаніемъ: „А если [грѣхъ] тому шкодит, хто его чинит, чем' же триваєшь в' зараженю?“ т.-е. „почему же пребываешь“. Это—въ отдѣлѣ „стиховъ, избранныхъ отъ философовъ и богослововъ“ (л. 35), который списанъ съ болѣе ранняго подлинника, гдѣ тоже могло ужъ стоять „чем'“ (=чом). То же въ галицкихъ интерлюдіяхъ Гаваттовича, изд. въ 1619 г.: „Oś kota w michu kupyw-iem! *Czom* ia tak nemudry byu-iem?!“

потому что—бо
пока—дóки
нѣтъ!—нї!
послѣ чего-н.—пісьля́ (съ род. пад.), по (съ м. пад.) [1])
стóитъ (безлично)—ва́рто (=нѣм. ist werth)
стоитъ—стоїть
никто—нїхтó
мнѣ—мінї, рѣже минї (крайне рѣдко менї)
обо мнѣ, про меня—про ме́не (удареніе!)
чтó мнѣ до того!—про ме́не!

§ 31. Къ звуковой формѣ и правописанію нѣкоторыхъ изъ вышеперечисленныхъ словъ.

О локальной склонности малорусскаго неударнаго звука *о* приближаться къ *у* (напр., в*у*рушитися) и о необходимости избѣгать проявленій этой склонности на письмѣ—см. ч. I, §§ 55—56. Въ § 57 тамъ указаны общемалорусскіе случаи наличности звука *у*, а не *о* (такіе, какъ куп*у*ва́ти, па́р*у*бок, я́бл*у*ня, с*у*сі́да и пр.), въ которыхъ надо и въ литературной рѣчи писать букву *у*.

О предлогѣ вꙁ, объ отпаденіи его начальнаго звука въ (или ꙋ) и о переходѣ вꙁ просто въ *з* (напр. *зійти́* изъ «вꙁоити»)—см. ч. I, § 58.

Изъ области глагола надо въ ч. I, §§ 107—109, просмотрѣть свѣдѣнія о формахъ един. ч. наст. времени, какъ

---

[1]) § 30. Замѣтимъ, что предлогъ по (употребляющійся по-малорусски не съ дательнымъ, а съ мѣстнымъ падежемъ), означая „послѣ", „по окончаніи", часто выражаетъ этимъ оттѣнкомъ („по окончаніи") ту мысль, что дѣлу конецъ. Напр., вже по кожусї! (=букв. „ужъ послѣ тулупа!") значитъ: „и конецъ тулупу! и нѣтъ больше тулупа! и не надо тулупа!" Тай по гро́шах! означаетъ: „И конецъ деньгамъ! И нѣтъ больше денегъ!" Конечно, такое значеніе этотъ предлогъ имѣетъ рѣже (именно—въ восклицательныхъ предложеніяхъ). Обыкновенно же онъ значитъ просто „послѣ". Напр., по Ду́сї=„послѣ Духа", т.-е. послѣ Духова дня (но восклицаніе: „Вже по Ду́сї!" значитъ: „прошелъ Духовъ день!").

типа бáч*у*, бáч*иш*, бáч*ить*, такъ и типа бер*у*, бе*рéш*, бер*é*.

§ 32. Упражненіе 3-е (Робóта трéтя).

Дай гіркá робітникові.—Та звідки ця людúна?—Прийшóв він сюдú сáмé на Мúтра.—А ну, сúнку!—Що там, тáту?—Приймú казанá, бо з казанá йде сuлнá пáра.—Не вáрто!—В цибусі багáцько пóпелу: вúтруси! — Не вáрто!—Ет! це такúй син, що непáвидить батьків: раз-у-раз доволяє їм.—Пéтре, погодýй волú.—А звідкілá в Петрá волú?—Бо дядько, як був на Пéтра в гóроді на ярмарку, то покупúв волú у міняйла... ще й семигрúвеника фáкторові дав.—Лій цьогó рóку дешéвий [1]).—«Ти, циганчукý, польовúй дворянúн!» казав жид до цúгана [2]).—«А ти, жúде, хто?» спитав цúган:—ти вже, мáбуть, дворянúн із Ярусалúму!» [3]).—Був у тáта сад і вишнéвий і грушéвий, і тепéр е, а яблуновий усóх.—Ховáй кожýха до Дýха, а по Дýсї — то й по кожýсї! (Прúказка).—«Гей, ти, яблуновий квіте, що в вінкóві!»—казала дївчипа: «ти не мінї, а козакóві!»—На козацї новúй жупáн. — Дóки хвалькó нахвáлиться, будькó добýдеться (Прúказка). [4]).

---

[1]) Прилагательное, будучи сказуемымъ, не теряетъ въ малорусскомъ языкѣ своей т. н. членной формы; разницы между прилагат. опредѣленіемъ и прилагат. сказуемымъ—нѣтъ, и русскому „дешев*ъ*“ соотвѣтствуетъ по-малорусски „деше*вий*“.

[2]) По-малорусски глаголы, означающіе „говорить“, „писать“ и т. п., охотнѣе ставятся съ предлогомъ до (до = къ), чѣмъ просто съ дат. падежемъ, какъ по-русски.

[3]) Литературно надо писать „Єрусалúму“, такъ какъ фонема „Ярусалим“ есть вульгаризмъ.

[4]) Русскій переводъ. Дай огурецъ работнику.—Да откуда этотъ человѣкъ?—Пришелъ онъ сюда какъ разъ въ день св. Дмитрія.—А ну, сынокъ!—Что тамъ, батюшка?—Убери котелъ, потому что изъ котла идетъ сильный паръ —Не стóитъ!—Въ чубукѣ много золы: вытряхни!—Не стóитъ!—Эхъ! это такой сынъ, который ненавидитъ родителей: постоянно досаждаетъ имъ.—Петръ, покорми воловъ.—А откуда у Петра волы?—Да вѣдь (букв.

§ 33. Упражненіе 4-е. (Робóта четвéрта).

Онъ ѣдетъ на Днѣпръ, именно туда, гдѣ въ память Шевченка [1]) стоитъ крестъ надъ Днѣпромъ. — Сегодня вѣтры: не слѣдовало бы [2]) ѣхать на лодкѣ или на паромѣ (*ор. пад.*),—нужно ѣхать пароходомъ.—Иванъ тамъ былъ, да не только онъ, а также его родители и братья.—Вотъ какъ! Почему же ты, Иванъ, молодымъ людямъ объ этомъ никогда не говорилъ? — Да, почему! Потому что никто изъ молодыхъ людей не спрашивалъ объ этомъ! [3]). — Я вижу барановъ на дорогѣ.—А не возлѣ ль дороги, Димитрій?— Олехно! дайте столъ работникамъ, дайте и обѣдъ.—Этого работника не стóитъ и покормить.—Почему? — А гдѣ онъ на огородѣ посадилъ чеснокъ? въ горохѣ!—Въ горохѣ нельзя, потому что не взойдетъ.—Посмотри: вотъ — левъ! — А гдѣ быки?—Эхъ, ты болтаешь о быкахъ, а я говорю о львѣ!—Что мнѣ до того! я опять—о быкахъ! — Въ Иванов день Павелъ нашелъ вѣнокъ [4]); а въ вѣнкѣ — макъ и живокость-синичка. И говоритъ Павелъ: «Макъ, макъ,

---

„ибо") дядя, когда былъ въ Петровъ день въ городѣ на ярмаркѣ, купилъ воловъ у мѣнялы; при этомъ (букв. „еще") далъ маклеру двугривенный.—Топленое сало въ этомъ году (букв. „этого года", genitivus temporis) дешево.—„Ты, цыганишка, полевой дворянинъ!" говорилъ еврей цыгану.—„А ты, еврей, кто?" спросилъ цыганъ: „ты ужъ, вѣроятно, дворянинъ іерусалимскій" (букв. „изъ Іерусалима").—Былъ у батюшки садъ и вишневый и грушевый, и теперь есть, а яблочный засохъ.—Береги тулупъ до Духова дня, а послѣ Духова дня—нѣтъ нужды и въ тулупѣ (Поговорка).—„О ты, яблоневый цвѣтокъ, который—въ вѣнцѣ!" говорила дѣвушка: „ты—не мнѣ, а козаку!"—На козакѣ новый жупанъ (кафтанъ).—Пока хвастунъ нахвастается, дѣлецъ добьется [своего]. (Пословица.)

[1]) Перев.: „на воспоминаніе по Шевченкѣ". Такъ называемый genitivus objectivus по-малорусски очень избѣгается.

[2]) Перев. „стóитъ" (в á р т о).

[3]) Перев. „о томъ".

[4]) Лучше—поставить здѣсь при переводѣ сказуемое прежде подлежащаго.

полевой цвѣтокъ [1])! Мнѣ ли ты былъ подарокъ, или врагу» [2])?

Для заполненія пустого пространства, остающагося на стр. 63—64, приведемъ начало зап.-мр. искусственнаго (и притомъ локально-діалектическаго) стихотворенія, вписаннаго ок. 1651 г. въ латинскую книгу «De militia equestri—a P. Hermanno Hugone» (изд., вѣроятно, въ Брюсселѣ ок. 1627—1630 г.); оно было напечатано въ «Archiv für slav. Phil.», t. II (=1877), p. 298—301. Книга, повидимому, принадлежала библіотекѣ бенедиктинцевъ въ Пултускѣ. Знаковъ препинанія въ подлинникѣ нѣтъ.

Duma Kozackaia o woyni s kozakamy nad rikoiu Styru. Na te nute: «Oy, postył bym ia sim ponediłkow, osmuiu nedilenku». W roku 1651.

Oy, riko Styru! sczo Hmil o wiru?
Jakyia wsemu miru,
Chde w Dnipr wpadaiesz—opowidaiesz
Radost z woyny czy miru?
Chan nastupaiet, sam pomachaiet
Kozakom Lachow byty.

---

1) Изящнѣе будетъ—поставить эпитетъ сзади.

2) Український переклад. Він їде на Двіпро́, а са́ме́—туди́, де па спо́мин по Шевче́нцї (лучше: по Шевче́нкові, или: про Шевче́нка) стоїть хрест над Дні́про́м.—Сього́днї вітри́: не ва́рто ї́хати човно́м або́ пороно́м—тра ї́хати пароплавом.—Іван та́мечки був—тай не тілки він, ба ще й його батьки́ й брати́.—Он як! Чом же ти, Іва́не, парубка́м про це ніко́ли не каза́в?—Еге, чому́! Бо ніхто́ з парубкі́в не пита́в за те́!—Я ба́чу бара́ни на шляху́.—А чи не ко́ло шляху́, Ми́тре?—Олехву́! да́йте стола́ робітника́м, да́йте й обі́д.—Цього́ робі́тника не ва́рто й погодува́ти.—Чому́?—А дѐ він на [в]горо́дї посади́в часника́? в горо́сї!—Въ горо́сї не мо́жна, бо не зі́йде.—Подиви́ся: он—лев.—А де би́ки?—Ет! ти бала́каєш про бики́, а я кажу́ про ле́ва!—Про ме́не! Я—знов про бики́.—На Іва́на Купа́йла знайшо́в Павло́ віпка́; а в вінко́ві—мак і синьові́д. І ка́же Павло́: „Ма́ку, ма́ку, кві́те польови́й! Чи мі́нї ти був дару́нок, чи во́рогові?“

Pod Beresteczkom, małym misteczko[m]
Mił onych krow prolyty.
Na perewozi, czy—pak—w dorozi
Korola pohromyty,
Woyskom-hetmanom, korolom-panom,
Tatarom zapłatyty.
Han zhodu radyt, a ne poradyt:
Kozaky woynu lubiat.
Oy, Kazimiru! iuż tobi miru
S kozakamy ne budet!
Dosal ne znaiesz, hot posyłaiesz,
Odkul Han nastupaiet.
Z nym zhodnusienko Hmil raniusienko
Ik korolu zblyżaiet.
Była pohoda, a woiewoda
Rusky znat woysku daiet,
Tot że o Hanie y o hetmanie
Korolu oznaymlaiet.
Sereda pryszła, wsia orda pryszła,
Han y Hmil s kozakamy
Zrana sturmuiet i nastupaiet
Tyho meze Lachamy.
Aż Konecpolsky, horąży polsky,
Nayperszy wybihaiet.
Z nym Lubomirski, znat muż rycyrsky,
Meze woysko wpadaiet.
Oy, Lubomire! Tobi [b] pry mire
Pered korolom ity,
Ne s kozakamy i Tataramy,
Ne nowyna sie byte.
Skoczyły hutky. A wżeż nas tutky
Kozaky utitaiut.
Za nymy Lahy,—buły ż tam strahy!—
Do taboru wpadaiut.

Урокъ третій.

Склоненіе именъ городовъ, мѣстечекъ и селъ на ІВ (=овъ, евъ).

Як склоняються, або відмінюються ймéння городів, містéчок і сїл на ів (=овъ, евъ).

§ 34. Какъ я отмѣтилъ выше (см. § 20, г), это склоненіе относится, въ сущности, всецѣло къ твердому различію типа *а*, потому-что, напримѣръ, имена: Кра́ків Стеблі́в, Ка́нїв, Да́шів и пр. склоняются въ общемъ по типу словъ: рів (род. рòва), лїд (род. льóду). намі́т (род. намéту;=палатка), вéчір (род. вéчора и вéчера) и т. п., а имя Ки́їв склоняется какъ кóлїр (род. кóлїру). Отличія во флексіяхъ лишь вотъ какія:

1) Дательный и мѣстный падежъ (ед. ч.) именъ такихъ городовъ не можетъ быть образованъ на ові, но исключительно на *у* и на *і*. Говорится: Ки́їв-*у*, в Ки́їв-*і*, а нѣтъ формы „Київові".

2) Род. пад. оканчивается лишь на *а*; извѣстное въ предыдущихъ типахъ склоненія паралельное окончаніе род. падежа *у* здѣсь не принято (говорится: з Ки́їв-*а* и почти нигдѣ не говорится: з Ки́їв-у,—или, по крайней мѣрѣ, флексія *у* не можетъ быть здѣсь принята за сколько-нибудь общую норму). Исключеніе составляютъ только односложныя имена;—напр., отъ Л[ь]вів (=

Львовъ, Lemberg) род. падежъ можетъ быть всюду въ вост.-мр. нарѣчіи не только Л [ь] в ó в а, но и Л [ь] в ó в-у *)

3) Винит. падежъ не бываетъ сходенъ съ родительнымъ, но всегда сходенъ съ именительнымъ. Нельзя сказать: в і н л ю б и т ь К и ї в а, но нужно сказать только: в і н л ю б и т ь К и ї в (=онъ любитъ Кіевъ).

Конечно, всѣ три перечисленныхъ отличія были бы сами по себѣ слишкомъ незначительны, чтобы выдѣлять склоненіе именъ городовъ на і в въ особую группу. Если жъ мы это дѣлаемъ, то имѣемъ на то слѣдующія основанія:

а) Существуетъ еще одно склоненіе именъ на і в,— именно личныхъ ф а м и л і й,—близкое къ склоненію прилагательныхъ **). И вотъ намъ желательно здѣсь подчеркнуть во вниманіи читателя, что городá на і в и фамиліи на і в склоняются, какъ-ни-какъ, не по одинаковымъ склоненіямъ, хотя кое-въ-чемъ и совпадаютъ.

б) Предпослѣдній слогъ косвенныхъ падежей именъ городовъ на і в,—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по-русски пишется только буква *е* (напримѣръ, въ тѣхъ именахъ, которыя по-русски звучатъ „Каневъ“, „Млѣевъ“, „Дашевъ“ и т. п.),—обнаруживаетъ у малоруссовъ большýю неустойчивость и наклонность къ звуковымъ варіаціямъ: этотъ слогъ (за исключеніемъ вполнѣ устойчиваго склоненія имени „Київ“) появляется у такихъ именъ тó въ составѣ очень архаичнаго, еще общеславянскаго суффикса е в, тó въ видѣ нѣсколько болѣе новаго (но тоже ста-

---

*) Все таки форма Л [ь] в ó в-*а* и болѣе обычна и болѣе архаична. Срв. въ свадебной пѣснѣ (Кіевской, Екатеринославской и др. губерній):

Ой, свашка, свашка зо Л[ь]вóв*а*—(или „з Іл[ь]вóв*а*“)—
Та приїхала вчóра,

гдѣ и вторая (т. е. отвѣтная) риѳма „вчóр*а*“ ясно указываетъ собою на исконность окончанія *а* въ риѳмѣ предыдущей строки („Львов*а*“).

**) Мы его коснемся въ самомъ концѣ мужескаго склоненія

риннаго, прамалорусскаго) суффикса ьов, йов (а послѣ шипящихъ—ов), и это чередованіе бываетъ довольно капризнымъ; а въ локальномъ произношеніи отдѣльныхъ мѣстностей возникаютъ здѣсь въ косвенныхъ падежахъ вмѣсто звуковъ *е* и *о* еще иные звуки (юв, яв, ів), недопустимые для внесенія въ литературную рѣчь, но легко склоняющіе пишущаго къ ороографическимъ ошибкамъ, которыя мы и желаемъ предупредить.

По своей сложности и трудности склоненіе именъ городовъ на ів, какъ съ суффиксомъ **ов**, такъ и съ суффиксомъ **ев**, представляетъ рядъ градацій, и мы начнемъ обзоръ отъ наиболѣе простыхъ образцовъ.

К и ї в.

§ 35. Наиболѣе простымъ является склоненіе стоящаго особнякомъ имени К и ї в (=Кіевъ). Звукъ *ї*, развившійся въ этомъ словѣ въ имен. падежѣ, не исчезаетъ и въ падежахъ косвенныхъ—и послѣдовательно проходитъ по всему склоненію: такъ род. К и *ї* в а, дат. К и *ї* в у, вин. К и *ї* в, зват. К и *ї* в е!, орудн. К и *ї* в о м, мѣст. у К и *ї* в і, множ. число (въ смыслѣ, конечно, лишь нарицательномъ): Ки*ї*ви, Ки*ї*вів и т. д.; срв. напр., б у в а в я й п о т и х К и ї в а х! (=бывалъ я и въ Кіевахъ!) *).

Звукъ ї, который является въ косвенныхъ падежахъ этого имени („Ки*їва*" и т. д.), имѣетъ не совсѣмъ одинаковое происхожденіе съ тѣмъ звукомъ *ї*, который является въ им. падежѣ (Ки*їв*). Въ им. падежѣ, въ закрытомъ слогѣ **), звукъ *ї* развился (см. ч. I, § 17, г) черезъ т. н. замѣстительную долготу послѣ потери глухого окончанія (**ъ**). Въ падежахъ же косвенныхъ, въ открытыхъ слогахъ, первоначальное возникновеніе звука ї было вызвано дру-

---

*) Т и х (=т ѣ х ъ)—это здѣсь членъ; см. § 3.

**) Закрытымъ слогомъ называется слогъ, оканчивающій на согласную, а открытымъ—оканчивающійся на гласную.

гими причинами *), и лишь окончательно укрѣпилось оно аналогіей имен. падежа. Такому воздѣйствію аналогіи подверглось не только существительное „Киïв", но и нѣсколько другихъ существительныхъ (кȯлïр=цвѣтъ, кȁмінь=камень, кóрінь=корень и еще кой-какія): звукъ *і*, первоначально появившійся въ ихъ косвенныхъ падежахъ не изъ долготы (кáм*і*ня, кóл*ї*ру, кóр*і*ня), укрѣпился въ нихъ подъ вліяніемъ долготнаго *і*, имѣющагося въ формѣ именительнаго ихъ падежа; а 200-лѣтняя литературная украинская традиція окончательно освятила написаніе буквы *і* въ ихъ косвенныхъ падежахъ **). Поэтому писать: „Києва", „в Києві"—мы и не можемъ и не будемъ, и такъ никогда не писали украинскіе писатели ***).

Однако, среди именъ городовъ на ів, имя „Київ" является по своему склоненію все же единичнымъ исключеніемъ, и мы не должны узаконивать тенденціи очень многихъ наддніпрянскихъ литераторовъ—писать букву *і* (или *ї*) въ косвенныхъ падежахъ также всѣхъ другихъ именъ городовъ съ неударнымъ окончаніемъ ïв. Они любятъ писать, напримѣръ, (согласно, правда, жи-

---

*) Именно—прежде всего смѣшеніемъ неударныхъ *е* (чит. *э*) и *и* (чит. *ы*). Кыјэва=Кыјыва=Киïва. Сюда присоединилось вліяніе аналогіи суффикса **ив**.

**) Обычай выражать на письмѣ звукъ *ї* въ этомъ имени привился около начала XVIII в. или немного раньше. Напр., въ Кіевской книгѣ кгродской 1736 г. (№ 47, л. 305 об.) мы читаемъ: „манастырь Пустынскій въ Кі*и*ви, святого Миколая" (тутъ же: „въ манастыри Кі*и*вскомъ"), „въ Кі*и*ви", и пр. (Антон. и Козловск., № 19, стр. 40—41).

***) Галицкіе грамотѣи пишутъ „Києва" (и даже имен. пад. у нихъ иногда фигурируетъ въ видѣ написанія „Кієв"!), но это совершенно излишняя этимологизація, напоминающая собою намъ-украинцамъ смѣшное обращеніе англійскаго слова „пиджакъ" въ „поджакъ", или стараніе писать „сбірник" вм. „збірник".

вому произношенію своихъ мѣстностей): з Миколáїва, у Кáнїві, а тѣмъ болѣе—в Тетíїві и пр., тогда какъ слѣдуетъ писать здѣсь или *є,* или *ьо,* или *йо,*— о чемъ будетъ у насъ подробная бесѣда ниже (въ § 40 и слѣд., въ особенности § 49).

Хáрків.

§ 36. Довольно простымъ оказывается также склоненіе именъ городовъ типа Львів (=Львовъ, Lemberg), Хáрків (=Харьковъ), Крáків (=Краковъ), Жáшків (=мѣст. Жашковъ Кіевск. г.), Брусúлів (=мѣст. Брусиловъ), Глýхів (=гор. Глуховъ Черн. г.), Нéмирів (г. Немировъ Под. губ.) и т. п., т. е. тѣхъ, въ которыхъ имѣется старинный суффиксъ **ов** и которые по-русски пишутся съ овъ (безъ предыдущей шипящей). Они,—напримѣръ Хáрків,—склоняются почти, какъ рів. Такъ:

им. Хáрк*і*в
род. Хáрк*о*в-а
дат. Хáрк*о*в-у
вин. Хáрк*і*в
зв. Хáрк*о*в-е!
ор. Хáрк*о*в-ом
мѣст. у Хáрк*о*в-і

Мн. число (въ смыслѣ нарицательномъ)—Хáрк*о*ви, Харк*о*вів и т. д., со звукомъ *о* во всѣхъ падежахъ.

Напоминаемъ (см. § 34), что имя Л[ь]вів, или Іл[ь]вів, относящееся къ этому же разряду, можетъ имѣть въ род. падежѣ (какъ имя односложное) не только форму Л[ь]вóв-*а,* но и форму Л[ь]вóв-*у*.

Названія русскихъ (не малорусскихъ) городовъ и селъ съ окончаніемъ овъ могутъ по-малорусски не имѣть въ своемъ имен. падежѣ окончанія ів, но просто оканчиваться на ов. Напр. Коврóв (=Ковровъ), а не Коврíв.

§ 37. Наиболѣе запутаннымъ является склоненіе тѣхъ именъ городовъ и селъ на і в, гдѣ суффиксомъ является не **ов**, но старинное **єв** (въ русскомъ языкѣ они оканчиваются на е въ). Эти имена распадаются на двѣ группы: одна—гдѣ этотъ суффиксъ ударенъ (напр. Стеблі́в=Стеблевъ въ Кіев. губ., Кишині́в=Кишеневъ); она—рѣзко неоднородна; другая—болѣе частая, и болѣе однородная, гдѣ суффиксъ неударенъ (напр. Ка́нїв=Каневъ на Днѣпрѣ, Микола́їв=Николаевъ на Днѣпрѣ, Теті́їв=Тетіевъ въ Кіев. губ., Золо́чів=Золочевъ Полт., Да́шів=Дашевъ, мѣст. въ Кіев. губ., и т. п.). Естественно будетъ, чтобы мы остановились сперва на склоненіи болѣе многочисленной этой второй группы.

§ 38. Но предварительно намъ приходится подробно познакомиться съ однимъ очень важнымъ звуковымъ закономъ, относящимся къ судьбѣ звука *е* послѣ шипящихъ и йоты и вообще послѣ мягкихъ согласныхъ. Этотъ законъ въ общихъ чертахъ изложенъ былъ нами въ I томѣ въ § 20, а обстоятельно очерченъ, со множествомъ иллюстрирующихъ примѣровъ—тамъ же въ I томѣ въ §§ 51—54. Означенные §§-ы читатель долженъ просмотрѣть внимательно, какъ для того, чтобы сознательно относиться къ дальнѣйшему нашему изложенію склоненія, такъ и для того, чтобы имѣть запасъ словъ для переводныхъ упражненій, помѣщенныхъ въ концѣ нынѣшняго урока. А здѣсь мы напомнимъ совсѣмъ вкратцѣ лишь слѣдующее:

Малорусская рѣчь изстари имѣетъ наклонность—съ одной стороны обращать слоги је, же, че, ше и проч. въ *йо*, *жо*, *чо*, *шо* и проч. передъ послѣдующими твердыми слогами, а съ другой стороны—сохранять ихъ въ видѣ *є*, *же*, *че*, *ше* и пр. или расширять въ *я*, *жа* (*жя*), *ча* (*чя*), *ша* (*шя*) и пр.—передъ послѣдующими мягкими (или теперь отвердѣвшими—

прежними мягкими) слогами, равно какъ въ *исходѣ* словъ.

Звукъ **є** суффикса **єв** не изъятъ изъ вліянія этихъ фонетическихъ законовъ.

§ 39. Судьба суффикса **єв** въ именахъ городовъ.

Разъ мы познакомились съ тѣмъ звуковымъ закономъ, который только-что изложенъ, мы ужъ безъ труда съумѣемъ понять, почему склоненіе именъ горо довъ и селъ типа Микола́їв, Тетї́їв, Лети́чів (или, какъ часто выговариваютъ, Л*я*ти́чів), Да́шів, Ка́нїв и прочихъ такихъ же—оказывается въ малорусскомъ языкѣ очень и осложненнымъ, и неустойчивымъ, и неединообразнымъ: суффиксъ **єв** иногда сохраняется, иногда же обращается въ **ов** или въ иную фонему, и такое чередованіе бываетъ капризнымъ. Неединообразіе и неустойчивость доходятъ до того, что констатируются не только въ разныхъ говорахъ, но даже въ произношеніи одного и того же человѣка. Фонетическія и—главнымъ образомъ—нефонетическія вліянія, которыя дѣйствуютъ при склоненіи именъ этого типа, заключаются вотъ въ чемъ.

Разсмотримъ сперва вліянія, влекущія къ переходу звука **є** въ *о* (вѣрнѣе, въ *ьо*).

§ 40. Что влечетъ къ развитію суффикса *ев* въ [ь] *ов*?

а) Во первыхъ на склоненіе именъ городовъ съ суффиксомъ **єв** вліяетъ аналогія склоненія именъ городовъ съ суффиксомъ **ов**; потому-что именительные падежи обѣихъ категорій звучатъ вѣдь съ одинаковымъ окончаніемъ *ів*. Кто отъ „Кра́к*ів*“ образуетъ (правильно) род. падежъ „Кра́к*ова*“, тому и отъ „Да́ш*ів*“ или отъ „Ка́нї*в*“ хочется образовать род. падежи: „Да́ш*ова*“, „Ка́нь*ова*“ вмѣсто стариннѣйшаго „Да́ш*е*ва“ и „Ка́н*е*ва“.

β) Во-вторыхъ, развитію звука [ь] *о* (вмѣсто или наряду съ *е*) въ склоненіи именъ типа Миколáїв, Лятúчів, Дáшів и пр. фонетически содѣйствовало и содѣйствуетъ присутствіе йоты и шипящихъ звуковъ, которые тоже склоняютъ малорусса произнесть род. пад. Миколá*йо*ва, Дá*шо*ва, Лятú*чо*ва и пр. Что касается именъ типа Кá*н*їв, Стеб*л*íв, Киши*н*íв, Ца*р*íв, и др., гдѣ нѣтъ йоты и шипящихъ, то въ нихъ согласные звуки *н, л, р,* и др. не отвердѣли до сихъ поръ вслѣдствіе обязательнаго присутствія мягкаго гласнаго *і* въ формѣ ихъ падежей именительныхъ (оканчивающихся на *ні*в, *лі*в, *рі*в и пр.),—и эта сохранившаяся здѣсь мягкость звуковъ *н*, *л*, *р*, дѣлаетъ то, что въ косвенныхъ падежахъ слоги *не*, *ле*, *ре*, и пр. склонны переходитъ въ *ньо*, *льо*, *рьо*. Вотъ почему получаются нерѣдко формы такія, какъ: з Кá*ньо*ва, із Стеб*льó*ва, кóло Ца*рьó*ва, біля Киши*ньó*ва и т. п.

§ 41. Мы только что сказали: „нерѣдко". Но „нерѣдко" не значитъ „очень часто". Напротивъ, мы должны заранѣе предупредить читателя, что, если не во всемъ малорусскомъ языкѣ, то покрайней мѣрѣ въ приднѣпровскихъ говорахъ, суффаксу **єв** чаще удается сохранить свой звукъ **є** неизмѣннымъ, чѣмъ обращать это **є** въ **о**. У малоруссовъ западныхъ—иное дѣло: у нихъ суффиксъ **єв**, болѣе архаичный, замѣтно вытѣсняется менѣе архаичнымъ суффиксомъ [ь]*ов*.

Документальныя данныя свидѣтельствуютъ, что стремленіе обращать суффиксъ **єв** въ суффиксъ [ь] **ов** (и притомъ не исключительно въ географическихъ названіяхъ) свойственно было малорусскимъ предкамъ отъ первыхъ моментовъ ихъ исторической жизни. По крайней мѣрѣ, ужъ и въ самомъ старомъ вост.-мр. памятникѣ, кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 года, мы видимъ: „ВасилиОво" (л. 124 об.), „ЕѵномиОву" (л·

243 об.); срв. тамъ же два менѣе характерныхъ параллельныхъ начертанія, стоящихъ рядомъ другъ возлѣ друга: „Самоилєвъ“ (л. 119) и „СамоиЛОво“ (л. 120), гдѣ Л могло бы читаться какъ λ или какъ *ль* *); „по Аригову“ (л. 243 об.). Такая же замѣна суффикса єв суффиксомъ ов проявляется и въ старѣйшемъ памятникѣ западно-малорусскомъ, въ Словахъ Григорія Богослова XI вѣка: Чьто бо єсть тебѣ съ кесарьмь или кесарОвомъ?“ (л. 113, а).

Изъ нѣсколько болѣе позднихъ документальныхъ примѣровъ отмѣтимъ, какъ болѣе цѣнныя, начертанія зап.-мр. грамотъ: „але подо кролОвою (чит. „крол*ьо*вою“) печатью“—въ буковинской господарской грамотѣ 1388 г. (=Улян. № 3); „с. СтрижОво“.—въ записи 1376 года при т. н. Холмскомъ Евангеліи; далѣе—„ЗудечОва“ (род. пад.) въ галицкой грамотѣ 1421 года, „у ЗудечОвѣ“—въ гал. грамотѣ 1428 года; это—примѣры, какъ сказано, западно-малорусскіе, а не восточно-малорусскіе. Одновременное же такое малорусское произношеніе кіевское—передано намъ, быть можетъ, Ипатьевскимъ спискомъ лѣтописи въ начертаніи: „въ КанОвѣ“ (л. 268), что надо читать очевидно: „въ Ка́н*ьо*вѣ“.

Не мѣшаетъ замѣтить, что случаи начертанія ов вмѣсто єв не слишкомъ изобильны въ старо-малорусскихъ памятникахъ. Вообще говоря, подобное обстоятельство могло бы объясняться чистой случайностью, силою книжнаго церк.-слав. правописанія, и т. п.; но въ данномъ-то отношеніи, повидимому, указанія памятниковъ не случайны. Задержка въ дѣлѣ ожидаемаго перехода суффикса єв въ ь о в дѣйствительно происходила и происходитъ, а почему? — въ силу противныхъ встрѣчныхъ вліяній, которыя и доны-

*) Хотя, разумѣется, возможно, что первое прилагательное произведено отъ греческой формы имени „Самоиль“, а второе—отъ мѣстной кіевской формы: „Самоил*о*“. См. § 25, б.

нѣ помогаютъ суффиксу **єв** частенько оставаться въ видѣ *е* в (правда, уже твердаго, т. е. э в), или же которыя содѣйствуютъ переходу суффикса **єв** не въ *ьо* в и не въ *е*в, но въ *я*в ([ь]*а*в). Влiянiя эти вызываемы бывали и бываютъ ложной аналогiей, но и ложная аналогiя эта обыкновенно вытекаетъ изъ духа тѣхъ же важныхъ фонетическихъ законовъ, которые нами подчеркнуты выше въ § 38-мъ. Итакъ:

§ 42. Почему въ склоненiи именъ городовъ на *iв* (=евъ) не можетъ получить подавляющаго преобладанiя суффиксъ [ь]*ов* надъ суффиксомъ *ев*?

а) Во-первыхъ здѣсь дѣйствуетъ аналогiя склоненiя тѣхъ существительныхъ, которыя въ имен. падежѣ исходятъ на *й* (напр. край, лiй), на шипящiе (какъ нi*ж*, грi*ш* и пр.) и на мягкiе согласные (стебе́*ль*, кi*нь* и т. п.). Въ ихъ-то склоненiи вост.-мр. нарѣчiе съумѣло очень недурно сохранить (вездѣ, гдѣ онъ былъ) звукъ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ, между прочимъ и въ падежѣ дательно-мѣстномъ, что впрочемъ вполнѣ понятно въ виду мягкости конечнаго слога флексiи *вi* ,—срв. „стебл*е́вi*“, „нож*е́вi* (=дат. и мѣст. пад.,). Но вѣдь если кто привыкъ, при склоненiи слова „нiж“, говорить дат.-мѣстн. пад.: „нож*е́в*i“ „на нож*е́в*i“ (=на ножѣ), тотъ и при склоненiи имени села „Ножiв“ (=Ножевъ) скорѣе готовъ произнести форму мѣстнаго падежа: „в Нож*е́вi*“ (=въ Ножевѣ), чѣмъ „в Нож*ов*i“, или, по крайней мѣрѣ. онъ будетъ держаться безразлично и того и другого произношенiя. Равнымъ образомъ кто отъ словъ „стеб*е́*ль“ и „кiнь“ произноситъ мѣстные падежи: „на стебл*е́в*i“ (=на стеблѣ), „на кон*е́в*i“ (=на конѣ), тотъ и отъ имени своего мѣстечка „Стеблїв“ и городка „Ка́нiв“ охотнѣе сохранитъ старые мѣстные падежи: „у Стебл*е́в*i“ (=въ Стеблевѣ) и „в Ка́н*ев*i“ (=въ Каневѣ), чѣмъ новообразуетъ: „у Стеб*льо́в*i“ и „в Ка́*ньов*i“; или же, въ крайнемъ случаѣ, онъ

будетъ считать вторую фонему не за болѣе предпочтительную, чѣмъ первую фонему. Точно также, если отъ „лій“ (=топленое сало) дат. и мѣстн. падежъ произносится кѣмъ нибудь: „в *лóєві*“, то и отъ имени мѣстечка „Лóів“ (=Лоевъ на Днѣпрѣ) мѣстн. пад. скорѣе будетъ произнесенъ „в Лóєві“, чѣмъ „в Лóйові“. По аналогіи это же произношеніе соблюдается антифонетически и въ род., и въ дат., и въ ор. падежахъ: „з Лóєва, Лóєву, за Лóєвом“—параллельно съ органическими: „з Лóйова, Лóйову, за Лóйовом“; также стало говориться: „із Стеблéва“ при фонетическомъ „із Стебльóва“; „за Золóчевом“ при „за Золóчовом“.

β) Во-вторыхъ, преимущественному возобладанію суффикса ьов надъ ев въ склоненіи именъ городовъ на ів отчасти мѣшаетъ и аналогія относительныхъ членныхъ прилагательныхъ на евий, которыя по своему происхожденію и смыслу близки къ именамъ городовъ на ів. Пожалуй, мы видѣли въ ч. I § 51, что и прилагательныя на евий въ случаѣ мягкости или смягченности согласнаго звука, предшествующаго окончанію евий, обращаются въ прилагательныя на *ьо*вий, *о*вий, т. е. подчиняются общему закону о переходѣ звука *е* въ звукъ *[ь]о* передъ твердыми слогами (срв. лой*ов*ий вм. ло*єв*ий, поль*ов*ий вм. пол*ев*ий, грош*ов*ий и т. п.). Но на звуковой видъ *этихъ* относительныхъ прилагательныхъ и вообще всѣхъ прилагательныхъ съ окончаніемъ евий отчасти вліяетъ то въ одну, то въ другую сторону одно обстоятельство,—обстоятельство, которое въ другихъ словахъ *) не оказываетъ никакого вліянія на судьбу звука *е*, а въ окончаніи евий —отчасти оказываетъ. Мы имѣемъ въ виду ударность или неударность звука *е* въ окончаніи евий (срв. ч. II, § 28). А именно: въ фонему *ь о* вий,

---

*] кромѣ еще флексій.

*о*вий склонно переходитъ окончаніе евий преимущественно *) лишь тогда, когда звукъ *е* въ немъ *не*ударенъ **); при *ударности* же звука *е* окончаніе евий (въ противность закону языка русскаго), большей частью бываетъ склонно у восточныхъ малоруссовъ *не*измѣняться въ ьо́вий, о́вий; срв. гру*ше́*вий (=грушевый), де*ше́*вий (=дешевый), ро*же́*вий (=розовый), кришта*ле́*вий (=хрустальный), ба*е́*вий (=байковый), виш*не́*вий (вишневый) и т. п.; срв. также ко*ро*ле́ва (=королева) ***). Эта особенность очень рельефно выступаетъ въ словахъ съ удареніемъ подвижнымъ; такъ, отъ „гро́ші" (=деньги) относительное прилагательное обыкновенно звучитъ въ Надднѣпрянщинѣ или „грош*о*вий" (если съ удареніемъ на *ий*), или „груш*е́*вий" (если съ удареніемъ на *е*); отъ „життя" (=жизнь) обыкновенно мы скажемъ или „житт*ьо*вий", или „житт*е́*вий"; отъ „місце" (=мѣсто) можно произнесть относительное прилагательное "міс*цьо*вий" лишь при ударені на концѣ, а при ударені на среднемъ слогѣ говорится „місц*е́*вий"; отъ „сталь" (=сталь) говорится или „ста́л*ьо*вий", или „стал*е́*вий". Звуковой видъ прилагательныхъ на евий не остается безъ извѣстнаго вліянія на звуковой видъ косвенныхъ падежей именъ городовъ и селъ на і в.

*) Не всегда, но только преимущественно.

**) хотя, разумѣется, существуютъ и такія фонемы, какъ солов*йо́*вий (=соловьиный), стоянц*ьо́*вий (=стоячій,—о воротничкѣ). Оба слова—часты въ Правобережной Надднѣпрянщинѣ. Въ Полтавщинѣ (см. технич. словарь Василенка) существуютъ термины: кінц*ьо́*вий (стр. 28), швірн*ьо́*ве залїзо (стр. 62).

***) Кстати сказать, русскій языкъ заимствовалъ слово „королева" (какъ и много другихъ) изъ малорусскаго;—не то онъ долженъ былъ бы произносить: „королёва". Изъ польскаго языка это слово не могло быть заимствовано, потому-что по-польски тоже слышится здѣсь звукъ *ьо*, а не *е* (kró*lo*wa).

γ) Въ-третьихъ, сохраненію суффикса ев содѣйствуетъ, въ большей или меньшей степени, то обстоятельство, что среди именъ городовъ и селъ на ів есть довольно многочисленныя имена на íів, типа „Млíів" (=Млѣевъ), „Тетíів" (=Тетіевъ), „Ірклíів" (=Ирклѣевъ) и т. п. Ударный слогъ этихъ именъ, въ которомъ содержится узкій звукъ *і*, дѣйствуетъ, по ассимиляціи, съуживающимъ образомъ на характеръ звука въ послѣдующемъ слогѣ, такъ-что, напримѣръ, въ род. падежѣ фонема „Тетíєва" слышится несравненно чаще, чѣмъ естественно-ожидаемая фонема „Тетíйова" *). Порядочная сохранность суффикса ев въ склоненіи именъ типа „Тетíів" содѣйствуетъ большей или меньшей сохранности суффикса ев при склоненіи также прочихъ именъ на ів, типа „Лóів", „Кáнів" и т. п.

§ 43. Противъ обращенія суффикса ев въ ьов борется въ большей или меньшей степени (хотя и не въ сторону *е*в) еще и тотъ законъ, который также имѣетъ силу для судьбы звука *е* послѣ мягкихъ и смягченныхъ согласныхъ передъ послѣдующимъ мягкимъ слогомъ и который сообщаетъ звуку *е* большую наклонность расширяться въ такихъ случаяхъ въ звукъ *я* (*ьа*, *а*) **. Согласно этому закону существуютъ фонемы вродѣ „в Кáнявi" „в Ýнявi" „в Лятúчявi," по аналогіи съ которыми возникаютъ также нефонетическія: „з Кáнява," „з Ýнява", „під Кáнявом", „під Лятúчавом" и т. п. Фонемы эти, какъ рѣже употребительныя, не должны быть принимаемы за норму и не должны быть допускаемы въ литературную рѣчь, но напомнить о нихъ мы

*) Немного ниже мы увидимъ, что въ говорахъ, смѣшивающихъ неударное *е* и *и*, отсюда возникаютъ и такія фонемы, какъ „з Тетíїва", „в Тетíїві" и т. п., которыхъ во всякомъ случаѣ придется въ литературной рѣчи избѣгать.

**) наряду, конечно, съ возможностью сохраняться въ видѣ *е*.

здѣсь должны, потому-что и онѣ по своему подрываютъ преобладаніе суффикса ьов.

§ 44. По этой же причинѣ мы должны упомянуть еще объ одномъ (и притомъ довольно-таки частомъ!) явленіи въ области склоненія именъ городовъ на ів (=... евъ),—о явленіи, котораго мы не должны допускать въ литературный обиходъ, но которое имѣть въ виду мы непремѣнно должны, такъ-какъ и оно, по своему, разрушаетъ господство суффикса ьов (надъ ев). Это явленіе—тенденція многихъ малоруссовъ произносить въ косвенныхъ падежахъ *не*ударный суффиксъ ев за ів, т. е. произносить его такъ-же, какъ онъ звучитъ въ имен. падежѣ, и, слѣдовательно, говорить такъ: „з Ка́нїва“, „в Микола́їві“, „за Да́ш*і*вом“ и т. п. Чѣмъ объяснить такое произношеніе? Въ разныхъ мѣстахъ—разныя причины для появленія этого *і*. Въ однихъ мѣстностяхъ это *ї* возникаетъ слѣдующими звуковыми стадіями: „з Ка́н*ьо*ва“, „з Ка́н*ю*ва“, „з Ка́н*ї*ва“, т. е. неударное *ьо* звучитъ близко къ *ю*, а *ю* приближается къ *ї*. Въ другихъ мѣстностяхъ (и это чаще всего) виновата наклонность смѣшивать неударное *е* съ *и*;—слѣдовательная звуковая градація происходитъ тамъ такая: „з Микола́їва (=з Микола́ј*е*ва)“, „з Микола́ј*и*ва“, „з Микола́їва“; „з Да́ш*е*ва“, „з Да́ш*и*ва“, „з Да́ш*і*ва“; „з Тетї́јева“, „з Тетї́ј*и*ва“, „з Тет*ї́ї*ва“, и т. п. Въ третьихъ мѣстностяхъ (это впрочемъ рѣже всего) здѣсь виновато съуженіе звука *я*, и звуковыя стадіи здѣсь вотъ какія: „в Ка́н*я*ві“, „в Ка́н*є*ві“, „в Ка́н*ї*ві“.—Присутствіе обязательно звука *і* въ формѣ имен. падежа („Ка́н*ї*в“, „Да́ш*і*в“, „Микола́*ї*в“ и т. д.) съ своей стороны нефонетически помогаетъ водворенію звука *і* въ косвенныхъ падежахъ. Въ литературную рѣчь, повторяемъ, мы не вправѣ вводить такія локальныя формы (или просто противоэтимологическія написанія), но забывать о ихъ существованіи не слѣдуетъ. Онѣ также подрываютъ господство суффикса ьов надъ ев при склоненіи именъ городовъ на ів (изъ.... **євъ**.)

§ 45. Вотъ, значитъ, при какихъ осложненныхъ перекрестныхъ, фонетическихъ и нефонетическихъ вліяніяхъ происходитъ у восточныхъ малоруссовъ образованіе падежныхъ формъ именъ городовъ и селъ на і в (=евъ)! Мы видѣли, что отъ имени, положимъ, Ка́нів существуютъ въ вост.-мр. говорахъ цѣлыхъ пять разновидностей род. падежа: Ка́нева, Ка́ньова, Ка́нюва, Ка́нява, Ка́нiва. Конечно, не всѣ изъ перечисленныхъ фонемъ одинаково распространены среди малоруссовъ: однѣ (первыя двѣ)—употребляются болѣе охотно и распространены на болѣе широкомъ пространствѣ Украины, другія —произносятся менѣе охотно да и распространены бываютъ не въ каждомъ вос.-мр. говорѣ; но тѣмъ не менѣе всѣ онѣ вторгаются изъ одного говора въ другой, смѣшиваются, вліяютъ одна на другую, такъ-что (я это ужъ отмѣтилъ и подчеркнулъ выше) намъ возможно бываетъ наблюдать, ка́къ эти всѣ звуковыя варіаціи и чередованія при склоненіи именъ городовъ на і в (=евъ) имѣютъ мѣсто не только по отдѣльнымъ говорамъ, но даже въ устахъ одного и того же говорящаго лица! Въ нашу грамматику мы не можемъ внести ихъ всѣ: мы дадимъ таблицу только тѣхъ формъ, которыя могутъ считаться наиболѣе общею нормою для всей Наддніпрянщины, т. е. только съ суффиксами е в и ьо в.

§ 46. Образцы склоненія именъ городовъ съ суффиксомъ **єв**.

Микола́їв, Ка́нів.

Въ склоненіи преобладающей массы именъ городовъ на ів (=евъ) чередованіе суффиксовъ ев и ьов (ов, йов) происходитъ почти безразлично. Просклоняемъ для примѣра: Микола́їв (=г. Николаевъ на нижнемъ Днѣпрѣ), Ло́їв (=г. Лоевъ на верхнемъ Днѣпрѣ), Ка́нів (=Каневъ на среднемъ Днѣпрѣ), Золо́чів (=Золочевъ, Полт.) *)

---

*) Есть удареніе и Золочі́в (на і в]. Но въ этомъ параграфѣ я беру произношеніе съ неударностью суффикса.

Суффиксъ съ нихъ неударенъ, и этимъ преимущественно объясняется безразличіе въ чередованіи ев и [ь] ов (срв. § 42, β), Итакъ:

I. им.. Миколá*їв*
Лó*їв*
Кáн*їв*
Золóч*ів*

II. род. Миколá*єва*, Миколá*йова*
Лó*єва*, Лó*йова*
Кáн*ева*, Кáн*ьова*
Золóч*ева*, Золóч*ова*

III. дат. Миколá*єву*, Миколá*йову*
Лó*єву*, Лó*йову*
Кáн*еву*, Кáн*ьову*
Золóч*еву*, Золóч*ову*

IV. вин.—сходенъ съ имен.

V. зв. Миколá*єве*! Миколá*йове!*
Лó*єве!* Лó*йове!*
Кáн*еве!* Кáн*ьове!*
Золó*чеве!* Золóч*ове!*

VI. ор. Миколá*євом*, Миколá*йовом*
Лó*євом*, Лó*йовом*
Кáн*евом*. Кáн*ьовом*
Золóч*евом*, Золóч*овом*

VII. мѣст. у Миколá*єві*, в Миколá*йові*
у Кáн*еві*, в Кáн*ьові*
в Лó*єві*, в Лó*йові*
в Золóч*еві*, в Золóч*ові* *)

Мн. ч. (въ смыслѣ нарицательномъ): Миколá*єви*, или Миколá*йови* и т. д.

---

*] Въ мѣстномъ падежѣ съ неударнымъ суффиксомъ малороссъ особенно склоненъ употреблять окончаніе, устно звучащее какъ *ї*ві. Обращаемъ вновь вниманіе, что писать *ї*ві нельзя, и что вмѣсто „в Миколáїві, в Кáнїві" и т. п. надо писать: „в Миколá*є*ві", „в Кáн*ь*ові" [или „в Миколá*й*ові", „в Кáн*е*ві"]

Кишинів, Steblі́в,

§ 47. Вышеприведенныя имена, какъ мы заранѣе подчеркнули, были неударныя (и такихъ—большинство среди именъ городовъ и селъ на і в). Если же суффиксъ ударенъ, то при склоненіи обнаруживается преобладаніе какой-нибудь одной изъ двухъ варіацій, т. е. или только е в, или только [ь] о в.

а) Вотъ для примѣра склоненіе именъ съ преобладаніемъ ударнаго суффикса [ь] о в: Кишині́в (=Кишиневъ Бесс. губ.) и Грубеші́в (=Грубешевъ въ Холмской Руси). Этотъ типъ (т. е. съ [ь]óв)—болѣе рѣдокъ.

им. Кишин*і́в*
Грубеш*і́в*
род. Кишин*ьо́ва* (рѣдко Кишин*е́ва*)
Грубеш*о́ва* (рѣдко Грубеш*е́ва*)
дат. Кишин*ьо́ву* (рѣдко Кишин*е́ву*)
Грубеш*о́ву* (рѣдко Грубеш*е́ву*).
вин.—сходенъ съ имен.
зв. Кишин*ьо́ве*! (рѣдко Кишин*е́ве*!)
Грубеш*о́ве!* (рѣдко Грубеш*е́ве!*)
ор. Кишин*ьо́вом* (рѣдко Кишин*е́вом*)
Грубеш*о́вом* (рѣдко Грубеш*е́вом*)
мѣст. в Кишин*ьо́ві* (рѣдко в Кишин*е́ві*)
у Грубеш*о́ві* (рѣдко в Грубеш*е́ві*)

Преобладаніе здѣсь суффикса [ь] *о* в надъ *е́* в объясняется тѣмъ, что и Кишиневъ и Грубешевъ—городá, лежащіе въ области нарѣчія не вост.-малорусскаго, но зап.-малорусскаго, всегда предпочитающаго суффиксъ ьов суфиксу е в. Холмскіе и бессарабскіе малоруссы произносятъ обычно: Грубеш*о*ва, Кишинь*о*ва, и такое произношеніе для именъ этихъ городовъ сдѣлалось отъ нихъ преобладающимъ также среди малоруссовъ восточныхъ..., тѣмъ болѣе, что и оффиціальный русскій языкъ своимъ произношеніемъ содѣйствуетъ этому же.

β) Но есть имена городовъ (и такихъ больше), при склоненіи которыхъ центральный малоруссъ отдаетъ очевидное преобладаніе ударному суффиксу *е́*в, а не ударному же [ь]*о́*в. Сюда относятся, напр., Стеблі́в (=мѣст. Стеблéвъ Кіев. губ.) или великорусскій городъ Царі́в (=Царéвъ на Волгѣ). Почему же въ нихъ éв предпочитается? Дѣло въ томъ, что у центральныхъ малоруссовъ суффиксоударное относительное прилагательное *стебле́*вий звучитъ (срв. § 28 и § 42, β) почти исключительно стэбл*э́*вый, крайне рѣдко слышится у нихъ стебль*о́*вий *), а притяжательное прилагательное отъ „царь" (*ца́р*ів=царевъ, царскій) склоняется у центральныхъ малоруссовъ даже исключительно съ суффиксомъ *е*в (род. цар*е́*вого, дат. цар*е́*вому и т. д.). По аналогіи этихъ двухъ прилагательныхъ, центральные малоруссы даютъ преобладаніе суффиксу *е́*в и при склоненіи имѣнъ Стеблі́в и Царі́в, слишкомъ очевидно происходящихъ отъ тѣхъ же существительныхъ стебéль и цар[ь], отъ которыхъ происходятъ прилагательныя стебл*е́*вий и цар*е́*вого. Значитъ. склоняются Стеблі́в и Царі́в вотъ какъ:

им. Стебл*і́в*
Цар*і́в*
род. Стебл*е́ва* (рѣдко Стебль*о́*ва).
Цар*е́ва* (рѣдко Царь*о́*ва)
дат. Стебл*е́ву* (рѣдко Стебль*о́*ву)
Цар*е́ву* (рѣдко Царь*о́*ву)
вин.—сходенъ съ им.
зв. Стебл*е́ве*! (рѣдко Стебль*о́*ве!)
Цар*е́ве*! (рѣдко Царь*о́*ве!)

*) Вотъ если удареніе падаетъ на послѣдній слогъ, тогда преобладающая фонема будетъ стебль*о*ви́й (съ *ьо*в). Она съ такимъ удареніемъ, кстати сказать, и есть наиболѣе обычная форма для относительнаго прилагательнаго отъ стебéль (=стебельный).

ор. Стебл*е́вом* (рѣдко Стебл*ьо́*вом)
Цар*е́вом* (рѣдко Цар*ьо́*вом)
мѣст. у Стебл*е́ві* (рѣдко в Стебл*ьо́*ві)
в Цар*е́ві* (рѣдко въ Цар*ьо́*ві).

Слѣдовательно, при ударности суффикса *е*в можно признать за правило, что онъ, при склоненіи именъ городовъ и селъ на ів (=евъ), обыкновенно *не* очень склоненъ переходить въ [ь]ов. Исключеній (вродѣ *Кишинів* и *Грубешів*—мало.

Млі́їв.

§ 48. Это же (т. е. не слишкомъ большую готовность вырабатывать суффиксъ [ь]ов) надо сказать почти въ такой же степени относительно склоненія тѣхъ именъ городовъ, въ которыхъ суффиксъ, хоть самъ и неударенъ, но имѣетъ передъ собою ударное *і́* (чаще всего изъ *ѣ*), т. е. надо это сказать объ именахъ типа Теті́їв (=Тетіевъ Кіев.), Ірклі́їв (=Ирклѣевъ Полт.), Зьмі́їв (=Змѣевъ Харьк.), Млі́їв (=Млѣевъ Черниг.) и т. п. Какъ мы имѣли случай говорить въ § 42 γ, ударный узкій слогъ *і* корня этихъ именъ дѣйствуетъ ассимиляціоннымъ, съуживающимъ образомъ на неударный сосѣдній съ нимъ слогъ суффикса, который поэтому чаще сохраняется въ видѣ j*ев*, чѣмъ переходитъ въ jов. Склоняются имена на *і́*їв (=ѣевъ) такъ:

им. **Млі́їв**
род. Млі́єва (рѣже Млі́*йо*ва)
дат. Млі́єву (рѣже Млі́*йо*ву)
вин.—сходенъ съ им.
зв. Млі́*єве!* (рѣже Млі́*йо*ве!)
ор. Млі́*євом* (рѣже Млі́*йо*вом)
мѣст. у Млі́*єві* (рѣже в Млі́*йо*ві)

§ 49. Такъ-какъ въ говорахъ, смѣшивающихъ неударное *е* и *и* (а такихъ большинство!), косвенные падежи отъ именъ типа „Млі́їв“ слышатся уху, какъ „Млі́j*и*ва, Млі́j*и*ву“ и т. д., то у многихъ малоруссовъ

есть наклонность узаконить это произношеніе грамматически и писать такъ-же въ литературной рѣчи: „Млі́їва, Млі́їву, в Млі́їві“ и т. д.,—по образцу склоненія обособленного имени „Ки́їв“, которое сохраняетъ свой звукъ *ї* и въ косвенныхъ падежахъ (мы вѣдь пишемъ: Ки*ї*ва, Ки*ї*ву, в Ки*ї*ві и пр., см. § 35). Въ виду того, что аналогія „Млі́їв“ съ „Ки́їв“ должна быть признана грамматически не совсѣмъ удачной *), мы не рѣшаемся ввести начертанія „Млі́*їв*а, Млі́*їв*у“ и т. п. въ свою грамматику надднѣпрянской рѣчи и будемъ писать фонему ів только въ формахъ имен. и вин. падежей (Млі́ї*в*), а въ косвенныхъ будемъ писать строго *єв* (Млі́*єв*а, Млі́*єв*у, Млі́*єв*ом, Млі́*єв*і) или, конечно, также йов. Правда, мы считаемъ за очень естественную вещь, что со временемъ начертаніе не только „Млі́їва“, но и „Мика́ола́їва“, „Поча́їва“ „Ло́їва“ и т. п. завоюютъ себѣ право литературнаго гражданства, какъ болѣе легкія, хоть и неправильныя; но покамѣстъ—этого еще нѣтъ.

Проанализированными во II—III урокахъ тремя группами (т. е. именами на твердую согласную типа к о з а́ к и пр., именами муж. рода на *о* типа б а́ т ь к о и пр., именами городовъ на *ів* типа Х а́ р к і в и пр.) исчерпывается твердое различіе мужескаго склоненія, иначе называемаго „склоненіемъ основъ на *о* **). Мягкое различіе

---

*) „Ки́їва“, а не „Ки́єва“ слышимъ мы и въ тѣхъ немногочисленныхъ говорахъ, гдѣ неударное *е* еще явственно отличается отъ неударнаго *и*, тогда-какъ „Млі́їва“ можно слышать только въ говорахъ, смѣшивающихъ неударные *е* и *и*. Кромѣ того къ „Ки́їва“ нѣтъ параллели „Ки́*йов*а“ въ вост.-мр. нарѣчіи, тогда какъ къ „Млі́*єв*а“ имѣется вост.-мр. параллель „Млі́*йов*а“. (Конечно, въ *зап.*-мр. нарѣчіи, напр. на Волыни, можно,—вѣроятно, не безъ польскаго вліянія,—услышать и „Ки́*йов*а“, но для законовъ нашей *вост.*-мр. грамматики это, безусловно, не указъ).

**) О причинахъ такого названія [сравнительно-филологическаго) см § 16.

склоненія основъ на *о* распадается на большое количество группъ, но ихъ обзоръ мы отлагаемъ до слѣдующаго урока.

---

§ 50. Слова къ упражненіямъ урока 3-го (=упражн. 5—6.) мельница—млин (род. млина́ и млйну) *)
мужчина—чоловік
Кременчугъ—Кременчу́к (род. Кременчу́ка)
Магометъ, Мохаммедъ—Моха́ммед, Мога́ммед
прахъ, пыль—по́рох
оводъ—о́в*ад* (зап. о́вод) [1]).

---

*) Судя по замѣчанію Б. Гринченка (см. „Гром. Думку“ 1906 № 165, ст. 4), есть мѣста на Украинѣ, въ которыхъ слово „млин“ означаетъ только водяную мельницу, а вѣтряная мельница называется тамъ только „вітря́к“. Но сказать это вообще про всѣ малорусскія земли—нельзя. Употребленіе термина „млин“ въ смыслѣ просто всякой мельницы, въ томъ числѣ и вѣтряной, намъ лично приходилось констатировать, напримѣръ на такихъ противоположныхъ другъ отъ друга пунктахъ, какъ Обоянскій уѣздъ Курской губ.—и Звенигородка на югѣ Кіевщины (на границѣ съ Херсонщиною), гдѣ сейчасъ пишутся эти строки. Срв. и въ „Байкахъ“ черниговца Л. Глї́бова: „Млин у міро́шника був водян*и́*й“, откуда ясно видно, что Глї́бов знаетъ млыны и не водяные.—Вотъ терминъ „ме́лниця“—тотъ, дѣйствительно, примѣняется всюду лишь къ мельни́цѣ водяной.—поскольку намъ позволяютъ судить наши наблюденія.

1) Очень часто это слово произносится съ придыханіемъ: го́вад. Кое-гдѣ удареніе падаетъ на конецъ: говáд. Что касается присутствія звука *а* въ этомъ словѣ у восточныхъ малоруссовъ (о́в*а*д), то надо замѣтить, что восточно-малорусскимъ нарѣчіемъ здѣсь донынѣ сохранено старокіевское произношеніе великокняжескихъ временъ. Срв. въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго по списку XII вѣка (изд. Бодянскаго, 11): „отъ ов*а*да и комара, ов*а*ду.... и комаромъ“. Очевидно, восточные малоруссы всегда здѣсь чувствовали корень вад (срв. ва̀дити=вредить), тогда какъ малоруссы западные (подобно сѣвернымъ русскимъ) пріурочили это слово къ корню вод (срв. вод*и́*ти въ смыслѣ тянуть и мучить до усталости,—напр. рыбу на удочкѣ; срв. еще: изводить). Кое-гдѣ и въ области восточно-малорусскаго нарѣчія (напр., въ зап. Кіевщинѣ) подъ вліяніемъ сосѣдей-подолянъ и волынянъ слышится тоже о́в*о*д (срв. фельетонъ въ „Громадській Думцї“ 1906 №№ 153 и 155); въ свою очередь фонема съ *а* (въ видѣ „во́в*а*д“, съ придыхательнымъ *в*) сохраняется еще кое гдѣ и въ области зап.-мр. нарѣчія. Въ пользу архаичности вост.-мр. ов*а*д свидѣтельствовало бъ и польское слово ow*a*d, если бы можно было ручаться, что оно не заимствовано польскимъ языкомъ изъ малорусскаго (обыкновенно по-польски оводъ называется gzik, gies, срв. мр. „кгедзь“). Противъ архаичности зап.-мр. ов*о*д свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что звукъ *о* не перешелъ въ немъ въ ожидаемый звукъ *і* (не говорится: ов*і*д, только ов*о*д).

ходящій на заработки, занимающійся отхожимъ промысломъ—заробітча́нин.

Ѳедоръ, Ѳедя – Хведькó **)

слуга-домочадецъ, работникъ—челя́дник (локально чаля́дник) ***)

къ вечеру, подъ вечеръ—над ве́чір.

глина —гли́на.

всякій, всякая, всякое—вся́кий, вся́ка, вся́ке усякий, уся́ка, уся́ке.

положительно всякій, разнообразный — геть уся́кий [2])

всяк*а*го—вся́к*о*го, уся́к*о*го.

трезвый—твере́зий [3])

**) Обычай передавать на письмѣ чужой звукъ *ф* (которому соотвѣтствовали церк.-слав. буквы ф и ѳ) черезъ *хв*—установился у малоруссовъ между XIII—XIV вв. Въ Бучачскомъ (галицкомъ) евангеліи XIII в. попадается „Вар*хф*оломѣя" (л. 2 об.); въ Каменецъ-Стромиловскомъ евангеліи 1411 г.: Е*хв*рем[ъ], ученіа *хв*арисейска (л. 185, л. 40). Но мы знаемъ что лѣтописные кіевляне съ перваго же момента введенія у нихъ христіанства плохо справлялись съ чужимъ для нихъ звукомъ ф или ѳ. См. ч. I, § 13, е. Очень изобилуютъ начертаніями съ хв сохранившіяся донынѣ церковныя поминальныя книжки XVI вѣка, какъ Кіевскія, такъ и иныя.

***) Очень узкимъ локализмомъ считать здѣсь звукъ *а* нельзя, конечно. Мы слышимъ „*ча́*лядь" и въ Подоліи („Правда" 1890, падолист, стр. 207), мы слышимъ „ч*а́*лядь" иногда и въ Полтавщинѣ, не говоря ужъ о Кіевщинѣ, гдѣ это слово съ нерѣдкимъ звукомъ *а* не умирало съ лѣтописныхъ великокняжескихъ временъ (Срв. въ Лаврентьев. спискѣ начально-кіевской лѣтописи: „отпусти послы, одаривъ... ч*а*лядью и воскомъ", л. 28). Но вездѣ на ряду съ „ч*а́*лядь" мы несравненно чаще слышимъ „ч*е́*лядь", а потому фонему со звукомъ *а* надо считать все же локализмомъ.

[2]) Самостоятельно „геть" значитъ „прочь", но въ словосочетаніяхъ употребляется въ смыслѣ „сплошь" „какъ есть"; лат. „usque".

[3]) Такая перегласовка въ этомъ словѣ извѣстна у малоруссовъ искони. Напр. въ великокняжескомъ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1076 года читаемъ: „по истверезении" (л. 75 = по истрезвеніи).

который? которая? которое?—котрий? котра́? котре́?
большой,-ая,-ое—вели́кий, вели́ка, вели́ке.
того—того́
изъ того—з то́го (NB. удареніе!)
отложной—вико́тистий; з вико́тою
вѣроятно—мабуть
пожалуй, что...—мабуть, чи не...; так що...
теперь—тепе́р, тепе́речки
или—або́.
ты дашь, вы дадите—ти даси́, ви дасте́
ты съѣшь, вы съѣдите—ти зїси́, ви зїсте́.
ѣшь! ѣшьте!—їж! їжте!
бѣги!—бі*жи́*! [4]) Бѣ*гите!*—біжі́*ть!*
онъ живетъ—він живе́; він сиди́ть (въ смыслѣ „квартируетъ").
онъ бываетъ—він бува̀є
были—були́.
онъ произноситъ, выговариваетъ—він вимовля́є.
ау! гой!—аго́в! [5])

---

[4]) Отъ самыхъ старинныхъ временъ съ XI в. мы встрѣчаемъ у малоруссовъ произношеніе: „бі*жи*!" (а ужъ не „бѣ*зи*" и, конечно, не „бѣги"). Такъ, въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1076 г. находимъ: „грѣха бѣ*жи*!" (л. 9 б.). Очень вѣроятно, что для этого глагола форма съ *жи* (параллельно съ фирмою на *зи*) можетъ считаться далеко не спеціально-малорусской, но еще общеславянской,—чего ужъ нельзя сказать про лѣтописныя формы: „стережи!" (Ипат. списокъ, 456), „рьчи!" (чит. „речи́!"—въ Лаврент. спискѣ, 76) и т. п.—По русски, какъ извѣстно, соотвѣтствующія формы звучатъ: бѣги! стереги! ре*ки*!" и т. п., а малоруссамъ формы на *ги*, *ки* никогда не были извѣстны. Срв. ч. I § 8, стр. 77.

[5]) Если малорусское *в* вообще звучитъ въ исходѣ словъ крайне далеко отъ *ф* (въ противность русскому языку) и приближается къ *у*, то въ словѣ аго́в! оно звучитъ почти совсѣмъ, какъ *у*.

поѣха*лъ*, поѣхала, поѣхало—поїха*в*, поїхала, поїхало,

испорти*лъ*, испортила, испортило — збáви*в*, збáвила, збáвило

шьется—шиéться [6])

подъ, по близости—по-пíд (съ орудн.)

между—мiж

иногда—йнодї

тогда—тодí (рѣдко тогдí) [7])

дѣйствительно, въ самомъ дѣлѣ—спрáвдї [8])

---

[6]) Произносить это слово надо съ *цьць*, т. е. „шыѣцьця" Срв. ч. I, § 28, б.

[7]) Въ зап.-мр. нарѣчiи и въ сѣв.-мр. говорахъ существуетъ еще форма тогд*и* (изъ „тогд*ы*"), но въ центральной Надднѣпрянщинѣ она ужъ неизвѣстна. хотя въ старыя времена это какъ-разъ и была форма общемалорусская. По памятникамъ она изстари одинаково извѣстна какъ въ малорусскихъ грамотахъ западныхъ (напр. въ записи при южно-галицкомъ Евангелiи поповича Евсевiя 1283 г.: **тогды**; то же въ подольской Смотрицкой грам. 1375 г.), такъ и въ лѣтописи старокiевской XII вѣка (срв. по Лаврентьев. списку подъ 6660 г.; по Ипат. сп. подъ гг. 6663. 6668); однако теперь Приднѣпровье знаетъ лишь форму тодї (=**тъгдѣ, тъдѣ**). Такъ же зап.-малорусскому óногд*и* (=намедни, на дняхъ) соотвѣтствуетъ локальное правобережное украинское онодї (а въ Лѣвобережьи этого слова вовсе нѣтъ). Зап.-малорусскому и правобережно-украинскому з*à*вжд*и* (=всегда, постоянно) часто соотвѣтствуетъ лѣвобережное зàвждї (которое, слѣдовательно, является локализмомъ). Но зàвсїд*и*, завсїгд*й* есть форма обще-малорусская (съ окончанiемъ ї это слово не употребительно).—Къ категорiи чередованiй аналогичнаго типа надо отнести зап.-мр. фонему дóс*и* (=до сихъ поръ, доселѣ) при вост.-мр. дóсї.

[8]) Нарѣчiе справдї возникло изъ выраженiя „с-прàвд*и*" (=съ правд*ы*), отъ слóва „правда". Въ Слобожанщинѣ до сихъ поръ можно услышать это нарѣчiе, какъ „справди". съ твердымъ *и* на концѣ (и тàкъ писалъ Квитка-Основьяненко). Но почти всѣ прочiе малороссы допустили по отношенiю къ этому нарѣчiю аналогiю нарѣчiй „тогд*и*" и „тодї" и начали наряду со „справд*и*" произносить „справдї", причемъ польское однозначущее „wprawd*zie*" и зап.-мр. „вправдї" [букв. „въ правдѣ"] тоже сыграло здѣсь свою роль. Теперь фонема „справдї" всецѣло господствуетъ всюду надъ „справд*и*", а въ большинствѣ мѣстностей только она одна (съ *i*) и извѣстна.

Къ звуковой формѣ и правописанію нѣкоторыхъ изъ вышепоименованныхъ словъ.

§ 51. О слышимой полумягкости звука *и* послѣ губныхъ (б, п, в, ф, м) см. часть I, § 63. Тамъ даны и наставленія, при соблюденіи которыхъ удастся писать правильно, напр., „п*и*сьмо́“, а не „п*і*сьмо́“. Въ § 64 перечислены нѣкоторыя наиболѣе употребительныя слова этого типа, которыя своимъ сбивчивымъ выговоромъ подаютъ поводъ къ ошибочному правописанію, и въ которыхъ надо однако писать послѣ губныхъ обязательно букву *и*, не *і*. Напротивъ, въ § 65 исчислены слова и формы, въ которыхъ старинные слоги **вн, мн** и т. п. обратились въ несомнѣнные в*і*, м*і* и т. п., такъ что въ нихъ вполнѣ грамматичнымъ будетъ писать букву *і*, не *и* (напр., въ дат. пад. „чоловíков*і*“, въ глаголѣ „прив*і*та́ти“, и пр., и пр.).

§ 52. Въ ч. I, § 66, отмѣчены случаи, когда неударное *е* (смѣшивающееся въ говорахъ съ неударнымъ *и*) тоже звучитъ, послѣ губныхъ согласныхъ вродѣ полумягкаго *і* и когда мы должны, однако, писать букву *и*. Затруднительность иныхъ подобныхъ случаевъ оговорена въ ч. I, § 67. Въ § 68 приведены слова и формы, въ которыхъ и литературно должна быть узаконена буква *і* (вмѣсто неударнаго *е*) въ положеніи послѣ губныхъ,— какъ, напримѣръ, въ „м*і*нí“ (=мнѣ), „на́в*і*ть“ (=даже) и т. п.—Въ § 69—71 см. о происхожденіи и правописаніи предлога „*б*іля“ въ разныхъ его значеніяхъ (=возлѣ, и пр.). Въ § 72 разобрано происхожденіе и орѳографія нарѣчія „ми́ттю“ (=мигомъ, вмигъ).

§ 53. Для сознательнаго перевода дальнѣйшихъ упражненій (5--6) полезно будетъ читателю просмотрѣть въ I части, въ главѣ: „Экскурсы изъ области глагола“, рубрику о формахъ архаическаго спряженія (дам, зйсй, їж и пр.).

§ 54. Для той же цѣли слѣдуетъ вкратцѣ пробѣжать въ I ч., въ главѣ: „Экскурсы изъ области имени прилагательнаго“, рубрику о формахъ склоненія прилагательныхъ мужескаго рода единств. числа (дóбрий, сйнїй и т. п.).

§ 55. Упражненіе 5-ое (Робóта п'ята).

Стоі́ть у лу́зї татáрський мечéт *); і там, сáмé на порóзї—дрібнúй нáпис: „Прорóче Мохáммеде, Бóгові мúлий! Ти пан над панáми, а я—пóрох між порохáми!...“ **).—Пáрубче! біжú миттю до тих чолові́ків, що он коло млинá: дасú їм цьогó квіткá.—Агóв, дядькú! Оце квітóк хазяї́нові.—Хазяї́на немá ту́течки: бу́де вже рік, як поїхав. Був він у Киї́ві, а звідти поїхав до Кáньова ***); тепéречки він—або в Кременчу́ці, або в Петербу́рзї.—Колú ж ****) він

*) О муж. родѣ см. § 2. По арабски это слово (а оно—чисто арабское)—тоже рода мужескаго, а не женскаго.

) По-русски этого слóва совсѣмъ нѣтъ, вмѣсто того употребляется слово „пыль“; а русское „порохъ“ означаетъ лишь ружейный порохъ [и заимствовано въ этомъ смыслѣ, повидимому, изъ Литовской Руси или изъ Польши]. У малоруссовъ же донынѣ сохраняется „порох“ въ томъ же смыслѣ („пыль“), въ какомъ оно употреблялось лѣтописными предками (срв., напримѣръ, въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1076: **пороха л. 41. Сотвѣтственное мн. ч. этого слова, которое въ русскомъ языкѣ было бы необычайно (странно было бы услышать „пылями“), въ ходу у малоруссовъ изстари. Срв. въ Словѣ о Полку Игоревѣ XII вѣка: „Пороси (нын. „порохи“) полѧ прикрываютъ.“

***) § 56. „Ѣхать куда-нибудь“ чаще передается по-малорусски предлогомъ *до* съ род. пад., (хотя *до* собственно означаетъ по-малорусски: „къ“), чѣмъ предлогомъ „въ“, который въ ходу у русскихъ, или чѣмъ другими предлогами. „Ѣхать *на* мельницу“—по-малорусски тоже передается съ предлогомъ *до*, и т. п.

****) § 57. Обратимъ вниманіе, что постпозитивная частица

ту́течки бу́де?—Коли?... Ма́буть чи не „на бе́зрік“!... Бо так він сам каза́в бра́тови.—Як цей чолові́к куме́дно вимовля́є! не „бра́тові“, а „бра́тови“!—Бо він з Грубешо́ва, а його́ батьки́ були́ з Іл[ь]во́ва.—Стояньцовий ко́мір ши́ється ча́сто, та на Грицько́ві—ко́мір з вико́тою, або́ вико́тистий.—Чи є гли́на коло Стебле́ва?—Чому ні? по-під Стебле́вом є гли́на геть уся́кого ко́ліру [1]).

[1]) **Русскій переводъ**. Въ рощѣ стои́тъ татарская мечеть, и тамъ, какъ разъ на порогѣ—мелкая надпись: „Пророкъ Моха́ммедъ Богу милый! Ты - господинъ господъ, а я—прахъ праховъ!“..— Молодой человѣкъ! бѣги мигомъ къ тѣмъ мужчинамъ, которые— вотъ-тамъ возлѣ мельницы: дашь имъ эту записку.—Эй, дяденьки! Вотъ записка хозяину.—Хозяина нѣтъ здѣсь: будетъ ужъ годъ, какъ уѣхалъ. Былъ онъ въ Кіевѣ, оттуда поѣхалъ въ Каневъ, теперь онъ—или въ Кременчугѣ, или Петербургѣ.—Когда же онъ здѣсь будетъ?—Когда?.... пожалуй, что черезъ „вѣки вѣчные“. Вѣдь такъ онъ самъ сказалъ брату.—Какъ этотъ мужчина куріозно выговариваетъ (по-малорусски)! не „бра́тові“! но „бра́товы“.—Потому что онъ изъ Грубешева, а его родители были изъ Львова.—Стоячій воротникъ шьется часто, но на Григоріи—воротникъ съ отворотомъ, или отложной.—Есть ли глина возлѣ Стеблёва?—Почему „нѣтъ“? подъ Стеблёвомъ есть глина разнообразнаго цвѣта.

§ 58. Упражненіе 6-ое (Робо́та шо́ста).

Работавшій на отхожемъ промыслѣ говорилъ *): Харьковъ и Кіевъ! вы—такъ города́!... А ты, Каневъ: развѣ городъ!“—Какой маршрутъ **) у парохода на Днѣпрѣ?—Пароходъ идетъ изъ Рогачева до Лоева, изъ Лоева—до Кіева. Есть ***) пароходъ, идущій ****) оттуда до

же должна непремѣнно послѣ гласныхъ сокращаться въ *ж*. По русски можно сказать: „когда же“, но по-малорусски недопустимо что-нибудь подобное; сказать „коли же“ было бы совсѣмъ нельзя, —обязательно требуется сказать „коли́ ж“. Судьбу *же* послѣ открытыхъ слоговъ раздѣляетъ еще частица *би* (=бы): въ вост.-мр. нарѣчіи не говорится, напр. „що́би“ (=чтобы), а только „щоб“. Въ зап.-мр. нарѣчіи можно сказать и „щоби́“ но тамъ удареніе падаетъ въ такомъ случаѣ на слогъ *би́*.

*) Лучше будетъ поставить при переводѣ сказуемое раньше подлежащаго.

**) Перев. „путь“.

***) Вставить „опять“ (з н о в) для лучшей связи рѣчи. Слово з н о в употребляется въ смыслѣ: *а*, *и*.

****) § 59. Причастія у малоруссовъ почти не употребительны

Канева; въ Каневѣ онъ бываетъ подъ вечеръ,—или, иногда и вечеромъ,—А оттуда, пожалуй, идетъ и въ Николаевъ? —...Ивану вѣдь*****) надо будетъ съѣздить еще и туда.—Да развѣ у Ивана есть кто(-нибудь) въ Николаевѣ? —Ну, да! тамъ его братья-возчики.—Дядюшка!—говоритъ тотъ, кто ѣдетъ на мельницу:—Почему сегодня мельница стойтъ?—Потому-что вихрь, бывшій ****) вчера, мельницу мнѣ испортилъ... Но дашь мнѣ мѣшокъ или мѣшечекъ,—къ вечеру будетъ, что нужно.—Въ самомъ дѣлѣ? Это-жъ который мельникъ говорилъ?—Да живущій ****) какъ-разъ подлѣ Дашева, а говорилъ (одному) молодому человѣку.—Ну, тотъ мельникъ [5])—большой жохъ-прижима!—„Господинъ хозяинъ!"—говорилъ слуга:— „вотъ, ѣшьте голубя".—„Трезвъ ли ты, чело-

---

(за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они носятъ характеръ чистыхъ именъ прилагательныхъ,—напр., „помéрший"=покойный, мертвый, р о д *ю́* ч и й=плодородный и др. Вмѣсто причастій малороссъ пользуется полнымъ предложеніемъ съ мѣстоименіемъ що (=собств. „что"=который, которые и пр.). Такимъ образомъ русское „идущій" надо передѣлывать по-малорусски на „что идетъ" (що й д è); идущіе=„что идуть" (що й д *ý* т ь); бывшій=„что былъ (що б у в), бывшая=„что была" (що б у л á), „живущій = „что живетъ" (що ж и в é, що с и д *й́* т ь) и т. п. Разумѣется однако, что въ смыслѣ „прежній" можно сказать б *ý* в ш и й; въ смыслѣ „пансіонеръ" можно сказать, „живущий" и т. п.; впрочемъ и эти выраженія многими малороссами избѣгаются, а замѣняются какъ-нибудь иначе.

*****) Перев. „потому-что" (б о).

[5]) § 60. Лучше перевести: „изъ того мельника". Такой оборотъ вообще употребителенъ въ тѣхъ предложеніяхъ, сказуемое которыхъ есть имя (не глаголъ) и которыя можно по русски перефразировать въ видѣ: „онъ (или я, ты и пр.) оказывается по качеству вотъ чѣмъ", „онъ является по качеству вотъ такимъ-то". Напримѣръ, „плохой ты работникъ" выражается по-малорусски: п о г á н и й з т é б е р о б í т н и к! „я баринъ"—з м é н е п а н; „твой муж гл*ý*пъ „—д у р е н ь з т в ó г ó ч о л о в í к а; „не жилецъ я на этомъ свѣтѣ!" — не ж и т е ц ь і з м е н е н а ц ь о м у с в і т ї!; „онъ истый малороссъ"—з н ь о г о щ и р и й у к р а ї н е ц ь, „мы будемъ людьми"—з н а с б у д у т ь л *ю́* д и (Шевч.) и пр.

вѣкъ?“ [6])—говоритъ хозяинъ:—„черта съѣшь, а не голубя, когда зубовъ нѣтъ!... Дашь мнѣ, развѣ, хлѣба“..... *)

Примѣчаніе. Въ петитномъ подстрочномъ текстѣ ударныя гласныя буквы сообразно съ средствами типографіи напечатаны курсивомъ: иныхъ петитныхъ буквъ съ удареніями не оказалось въ типографіи. Читатель при переводѣ не долженъ обращать на этотъ подстрочный курсивъ ни малѣйшаго вниманія.

---

[6]) Русское „человѣкъ“ въ смыслѣ „служитель“ передается по-малорусски однимъ изъ словъ, означающихъ „служитель“,— напр., черезъ слово чел*я*дник“, „челяд*и*н“ (если рѣчь о домочадцѣ), присл*у*жник (если дѣло идетъ о трактирѣ, гостинницѣ и т. п.) или же словомъ „хлопець“ (=пáрень), если видно, что служитель еще не солидный мужчина.—Здѣсь, для колорита, удобно будетъ, въ вульгарномъ отвѣтѣ хозяина, употребить нелитературную фонему „*чал*я́дниче!“ Можно бы сказать и „хлóпче!“ но мы еще не разсматривали склоненія словъ на ... ець.

*) Український переклад. Казàв заробітчанин: „Хáркове й К*и́*їве! ви—дакъ город*и́*!... А ти (лучше бы: з тéбе, см. § 60), Кàневе, хіба гóрод?...“—Якà путь у пароплàва на Дніпрі́?—Пароплàв іде́ з Рогачéва до Лóйова, з Лóйова—до К*и́*їва. Є, знов, пароплáв, що зві́дти йде до Кáньова; в Кàневі він бувàє над вéчір,—або, чàсом, і в-вéчері.—А звідтіл*я́* мàбуть чи не йде і до Миколàєва?... бо Йвàнові трéба б*у́*де ще й туд*и́*.—Та хібà в Івàна є хто в Миколàєві?—Атож! тамъ йогó брат*и́*, збіржаник*и́*.—Д*я́*дьку-мірóшниче!—кàже той, хто ї́де до млинà:—чом сьогóднї млин стої́ть?—Бо той ві́хор, що був учóра, млинà мені́ збàвив... Та дас*и́* мені́ мішкà абó мішéчка (или: мішóчка),—над вèчір б*у́*де, що тра.—Спрàвдї? це ж котр*и́*й мірóшник казàв?—Та той, що сид*и́*ть сàме біл*я́* Дàшова, а казàв пàрубкові.—Ну, з тóго мірóшника вел*и́*кий жм*и́*крут.—„Пàне-хаз*я́*їне!“—казàв чел*я́*дник:—„ось, ї́жте гóлуба.“—Чи ти тверéзий, чал*я́*дниче?“ – кàже хаз*я́*їн: „чóрта зїс*и́*, а не гóлуба, як зубі́в немà!... Дас*и́* мені́ хібà хлі́ба“.....

Урокъ четвертый.

Склоненіе существительныхъ мужескаго рода по мягкому различію.

(Про, те як самостíйні йме́ння ро́ду му́жеського склоня́ються, або відмíнюються мнякóю відмíною).

Категоріи мягкаго различія.

§ 61. По мягкому различію склоняются имена существительныя мужескаго рода нѣсколькихъ группъ:

а) Существительныя на *ь* (но не на *е*цъ), типа: кова́ль (=кузнецъ), ухна́ль (=подковный гвоздь, Hufnagel), ду́рень (=дуракъ, глупецъ), вíхоть (=мочалка), Грицъ (=Гриша), князь (=князь) *). Сюда не относятся слова́ типа хлóпець (=мальчикъ), съ такимъ звукомъ е, который выпадаетъ въ косвенныхъ падежахъ (хлóпця и т. д.).

б) У центральныхъ украинцевъ крайне близки къ этой группѣ по своему склоненію, но во всѣхъ прочихъ вост.-мр. говорахъ очень неблизки къ ней—слова́ на р [ь], типа: кобза́р (=козацкій бардъ, кобзарь), буква́р (= букварь), опи́р (= упырь) и т. п. на *ар* и *ир*. Сюда же относится довольно характерная и своеобразная разновидность на *яр*, типа шкляр (=стекольщикъ), и сильно уклонившіяся въ сторону твердаго различія типы на ір, ур; діалектически входятъ сюда и типы на ер, ор, бывшіе первоначально твердосклоняемыми.

---

*) Первоначально „князь" относилось, повидимому, къ другому, „ижевому" склоненію, или къ т. н. „основамъ на ь", слѣдомъ чего остается и донынѣ локальная форма ор. мн. „князьми́". Но эта форма рѣдка,—и „князь" у большинства малоруссовъ склоняются теперь такъ же, какъ „коваль" [ор. мн. „князя́ми").

в) Слова на *ець*, которыя, кстати сказать, въ русскомъ языкѣ склоняются не по мягкому, а по твердому различію,—типа хлóп*ець* (=мальчикъ' какъ бы „хлопецъ"), кінé*ць* (=кон*ецъ*), хлївé*ць* (=хлѣвокъ, какъ бы „хлѣв*ецъ*"), горобé*ць* (=воробей, какъ бы „воробецъ"). Имена съ невыпадающимъ е (напр. мудрéць, род. мудреця́) въ эту категорію, собственно, не входятъ и склоняются по типу *а* (какъ Грицьь), такъ-что сюда относить мы должны бы въ сущности лишь тѣ имена на *ець*, которыя въ косвенникахъ теряютъ звукъ *е* (срв. род. пад. хлó*пця*, кі*нця́* и проч.).

г) Слова на шипящую, типа: товáри*ш* (=товарищъ), ля*щ* (=лещъ), ні*ж* (=ножъ), которыя у русскихъ по установленной (въ XIX вѣкѣ) неправильной орѳографіи пишутся теперь твердо, съ *ъ* (а слѣдовало бы по русски писать мягко: „товарищь", „ножь").

д) Слова на *й*, типа добрóдї*й* (=благодѣтель; господинъ), крутї́*й* (=мошенникъ, обманщикъ), га*й* (=роща, нѣм. Hain, *) звича*й* (=обычай).

Синтактическая общность со склоненіемъ различія твердаго.

§ 62. Всѣ тѣ (скорѣе синтактическія, чѣмъ морфологическія) правила, которыя были изложены въ §§ 22, 23, 24 по поводу склоненія существительныхъ м. р. различія твердаго, всецѣло относятся и къ существительнымъ различія мягкаго. А именно:

а) У именъ предметовъ неодушевленныхъ винит. падежъ единств. ч. можетъ, въ противность русскому языку, быть сходенъ не только съ именительнымъ, но,—все равно,—и съ родительнымъ. Поэ-

*) См. у меня въ „Древне-кіевскомъ говорѣ" гл. VI, стр. 31—32. Кажется, что слово гай—одного корня съ такими словами, какъ гать, и первоначально имѣло въ себѣ смысловой оттѣнокъ: „загорода, огороженное мѣсто"; какъ будто даже въ галицко-волынской лѣтописи еще чувствуется такой оттѣнокъ. Но и старѣйшія малорусскія грамоты, и средневѣковая латынь—знаютъ слово гай только уже въ опредѣленномъ смыслѣ: „роща, лѣсъ".

тому—безразлично, ка́къ ни сказать: „я взяв той ухна́ль (=я взялъ тотъ гвоздь“), или „я взяв того́ ухналя́“. Такъ же между формами род. п. на *я* и *ю* (напр., того́ жо́лудя и того́ жо́лудю — та же разница, какая имѣется въ твердомъ различіи между формами: того́ папе́р*а* и того́ папе́р*у*. Слѣдовательно „я взяв того́ жо́лудя“ значитъ: взялъ тотъ желудь, а „я взяв того́ жо́лудю“ означаетъ: „я взялъ тѣхъ желудей“, или „желудя въ собирательномъ смыслѣ“.

β) Сходство формы вин. падежа множ. ч. именъ предметовъ одушевленныхъ съ формою имен. падежа—обусловливается въ мягкомъ различіи тѣми же требованіями, какія изложены въ § 23. Слѣдовательно, сказать: жене́ ле́беді (=гонитъ лебедей) будетъ гораздо лучше, чѣмъ „жене лебеді́в“. Но отъ москалі́ (=солдаты) обычный винит. падежъ будетъ москалі́в. Срв. ба́чу москалі́в (=вижу солдатъ), хотя очень хорошо--сказать: кинь поміж москалі́ (=брось въ ряды солдатъ), вбйто три москалі́ (=убиты три солдата), пооддава́й гро́ші на старці́ (=отдай всѣ деньги на нищихъ).

γ) Согласно § 24 безразлично—сказать ли: чужі краї́ він *не* лю́бить (=чужихъ странъ онъ не любитъ) или чужи́х краї́в він *не* лю́бить.

а) § 63. *Склоненіе—существительныхъ м. р. съ окончаніемъ* **ь** (типа **коваль**).

Единственн. ч. Однина́.

I. им. кова́ль (одуш.=кузнецъ).
ухна́ль (неодуш. =подковный гвоздь)
ду́рень (одуш. =дуракъ)
ві́хоть (неодуш. =мочалка)
князь (одуш. =князь).
Гриць (одуш., =Гриша)

II. род. коваля́
ухналя́
ду́рня
ві́хтя (и ві́хтю)
кня́зя
Гри́ця

III. дат. { кова*ле́ві* (зап. ковальо́ві)
(рѣже) ковалю́

{ ухна*ле́ві* (зап. ухнальо́ві)
(рѣже) ухналю́

{ ду́рн*еві* (зап. ду́рньові)
(рѣже) ду́рню

{ ві́хт*еві* (зап. ві́хтьові)
(рѣже) ві́хтю

{ кня́з*еві* (зап. кня́зьові)
(рѣже) кня́зю

{ Гри́ц*еві* (зап. Гри́цьові)
(рѣже) Гри́цю

IV. вин. коваля́
{ ухна́ль
ухналя
ду́рня
{ ві́хоть
ві́хтя
кня́зя
Гри́ця

V. зв. кова́лю!
ухна́лю!
ду́рню!
ві́хтю

князю!
Грицю! *)

VI. ор. ковалем (зап. ковальом)
ухналем (зап. ухнальом)
дурнем (зап. дурньом)
віхтем (зап. віхтьом)
князем (зап. князьом)
Грицем (зап. Грицьом)

VII. мѣст. на ковалі
на ковалеві (зап. на ковальові)
на ковалю

на ухналі
на ухналеві (зап. на ухнальові)
на ухналю

на дурні
на дурневі (зап. на дурньові)
на дурню

на віхті
на віхтеві (зап. на віхтьові)
на віхтю

на князі
на князеві (зап. на князьові)
на князю

на Гриці
на Грицеві (зап. на Грицьові)
на Грицю

*) Изрѣдка зват. пад. слышится и съ окончаніемъ *е* (віхте! дурне!), но это такой сравнительно узкій локализмъ, что узаконивать его нельзя. Рѣдкая форма „*княже!*" (при обычной „*князю*") стоитъ особнякомъ: она не исключена изъ литературной рѣчи, не смотря на свою рѣдкость, потому-что она есть очень почтенный архаизмъ, поддерживаемый національно-исторической традиціей.

Множ. число. Множина́.

I. им. ковалі́
ухналі́
ду́рні
ві́хті
князі́ *)
Гри́ці
II. род. ковалі́в
ухналі́в
ду́рнів (по-русски же дурней!)
ві́хтів
князі́в (по-русски же князей!)
Гри́цїв **).
III. дат. ковалям
ухналя́м
ду́рням
ві́хтям
князя́м
Гри́цям

---

*) Обращаемъ вниманіе (въ виду русской формы съ ь „князья"), что по-малорусски въ формахъ этого слова нѣтъ никакого отчлененія звука *з* отъ послѣдующаго гласнаго. Малоруссы произносятъ: „князї" съ такимъ *зї*, какое слышится, напримѣръ, въ русскомъ „*зи*ма". Въ малорусскихъ формахъ „князя́ми", „князя́м", „князя́х" сочетаніе *зя* звучитъ совершенно такъ, какъ въ русскомъ „*зя*ть", а не какъ въ русскомъ „князьями", и пр.

**) Твердо надо помнить, что род. пад. мн. ч. всегда у малоруссовъ оканчивается на *їв*, а не на *ей*, какъ ждалъ бы русскій, основываясь на своемъ языкѣ. Еще старые кіевляне XI вѣка говорили такъ, какъ говорятъ теперь ихъ потомки (т. е. образовывали род. мн. на *евъ*), о чемъ мы подробнѣе скажемъ ниже, въ § 65, т. е., во 2-мъ замѣчаніи по поводу приводимыхъ здѣсь парадигмъ. Мнимое исключеніе составляютъ четыре или пять словъ м. р., имѣющихъ род. мн. на *ей* (людéй, гостéй, кóней, грóшей, рѣдко—гвóздей), но эти слова принадлежатъ къ „ижевому" склоненію, а не къ мягкому различію „основъ на *о*". У нихъ и орудный падежъ своеобразный: „людь-*ми́*", „гость-*ми́*" (и „гостя́ми"), „кінь-*ми*", „гріш-*ми*" (и гроши́ма"), изрѣдка „гвоздь-*ми́*". Даже им. пад. у нѣкоторыхъ изъ нихъ своеобразенъ („лю́д-*и*"—съ твердымъ *и*; изрѣдка и „гóст-*и*" и „гвозд-*и*, параллельно съ болѣе частымъ „гóстї" и „гвóздї").

IV. вин. ковал*ів* (рѣдко ковал*і*)
ухнал*і*
ду́рн*ів* (рѣдко ду́рн*і*)
віхт*і*
княз*ів* (рѣдко княз*і*)
Гри́ц*ів* (рѣдко Гри́ц*і*)
V. зв. сходенъ съ именительнымъ
VI. ор. ковал*ями*
ухнал*ями*
ду́рн*ями*
віхт*ями*
княз*ями*
Гри́ц*ями*
VII. мѣст. на ковал*ях*
на ухнал*ях*
на ду́рн*ях*
на віхт*ях*
на княз*ях*.
на Гри́ц*ях*

Для упражненія полезно просклонять по этому же образцу: москáль (=солдатъ; великоруссъ); біль (род. бóлю;=боль) и жаль (род. жалю́=сожалѣніе) *); корáбль, или корабéль (=корабль): муравéль (род. муравля́;=муравей) **); кáмінь (род. кáміня;=камень); пі́вень (род. пі́вня;=пѣтухъ); вéдмідь, съ колеблющимся удареніемъ (род. ведмé-дя;=медвѣдь); óлень (род. óленя;=олень; NB. удареніе!); курі́нь (род. куреня́ и курі́ня́, зв. курéню! курі́ню!=шалашъ); дьóготь (род. дьóгтю, рѣже дíгтю; = деготь); Петру́сь (=Петя); ґудзь (=большая пуговица); ґедзь (=оводъ; слѣпень).

*) По-малорусски оба слова—рода мужескаго (срв. § 2): великий жаль", „силний біль".

) Чаще муравей называется просто комàха (ж. р.). Звукъ *л* развился первоначально, въ косвенныхъ падежахъ („мурав'*я́*" обратилось въ „мура*вля́*", какъ „здоро*віе*" въ „здоро*вля*"), а затѣмъ по аналогіи звукъ *л* перенесенъ и въ форму имен. падежа.—Совсѣмъ рѣдка форма м*оро*вéль, грамматически однако правильная (срв. **мравии).

Сдѣлаемъ здѣсь два важныхъ замѣчанія по поводу вышеприведеннаго склоненія,—замѣчанія, которыя впрочемъ относятся и ко всѣмъ нижеслѣдующимъ типамъ склоненія по мягкому различію (т. е. и къ р [ь], ець, ш, ж, ч, й).

§ 64. Замѣчаніе о дат. пад. на *ьові* и объ орудн. пад. на *ьом*. Формы дат. падежа на ьові (напр. ковальóві вм. ковалéві) и оруднаго падежа на ьом (ковальóм вм. ковалéм) въ литературной рѣчи избѣгаются, потому-что этихъ формъ обыкновенно нѣтъ въ центральномъ Приднѣпровьи,—по крайней мѣрѣ тамъ почти нѣтъ ихъ при флексіяхъ ударныхъ. Онѣ принадлежатъ, обыкновенно, нарѣчію западно-малорусскому. Тѣмъ не менѣе слышать ихъ случается и въ области нарѣчія вост.-малорусскаго, и едва ли эти формы на *ьові* и *ьом* должны считаться тамъ пришлыми. Правда, что въ Лѣвобережьи онѣ попадаются (спорадически) какъ-разъ среди тѣхъ малоруссовъ, которые туда пришли съ запада во время Руины, а въ Правобережьи, гдѣ онѣ слышатся даже сравнительно частенько, констатируются онѣ преимущественно въ говорахъ, подверженныхъ большему или меньшему вліянію сосѣдняго нарѣчія западно-малорусскаго.

Возникли формы на ьові, ьом подъ вліяніемъ причины какъ фонетической, такъ (въ особенности) нефонетической.

Фонетическою причиной ихъ возникновенія могъ быть законъ (см. ч. I § 51, а) о старинномъ переходѣ звука *е* въ звукъ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ передъ стариннымъ слѣдующимъ твердымъ слогомъ (или, говоря новѣе, —передъ нынѣшнимъ твердымъ согласнымъ звукомъ).

У восточныхъ-то малоруссовъ этому закону трудно было примѣнить себя въ дат. падежѣ, потому-что окончаніе **ви** слишкомъ рано обратилось у нихъ въ **вѣ** (см. ч. I § 65, а) и потому, естественно, избѣжало перехода въ твердое *вы*, въ силу чего звукъ є во флексіи

єви, євѣ фонетически не долженъ былъ перейти въ *ьо*, но долженъ былъ сохраниться въ видѣ *е*. Этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, лучше всего объясняется тотъ фактъ, что всецѣло господствующая вост.-мр. флексія дат. мѣстн. падежа есть *ев*і (напр. к о в а л *é* в і), а не *ьо*ві. По всему вѣроятію, именно эта же фонетическо-правильная сохранность звука *е* во флексіи пад. дательнаго оказала у восточныхъ малоруссовъ свое вліяніе также на форму падежа оруднаго, поддержала въ ней флексію *е*м и задержала развитіе флексіи *ьо*м, не смотря на то, что въ орудномъ падежѣ (напр., въ старинномъ „коваль**мь**") звукъ **м ь** рано сталъ твердъ и въ нарѣчіи восточно-малорусскомъ (старо-кіевскомъ и проч.) Срв. ч. I, § 13, б).

Напротивъ, въ западно-малорусскихъ говорахъ окончаніе дат. падежа **ви** отвердѣло вполнѣ и около XIV вѣка обратилось въ „*вы*" (срв. отъ „піп" дат. падежъ: „попóви", чит. „попо*вы*") *), а въ орудномъ падежѣ окончаніе **мь** обратилось въ **мъ**, конечно, не позже чѣмъ у восточныхъ малоруссовъ. Поэтому въ то время, какъ восточные малоруссы не могли ф о н е т и ч е с к и развить форму дат. падежа „коваль*óв***ѣ**", западные малоруссы могли вполнѣ фонетически переработать фонему „ковальэ*вы*" въ „коваль*óвы*", фонему „ковальэ*м*"—въ коваль*óм*" **).

---

*) Срв. начертанія „Владиславов**ъı**-кролев**ъı** т. е. „Владиславу-королю" въ буков. господарской грамотѣ 1436 года.(=Улян. № 45). Въ той же грамотѣ еще разъ находимъ; „пану Владиславов**ы**, полскому крол**ювы**" (чит. „крольовы").

) Срв. въ буковинской господарской грам. 1433 г. (=Улян. № 33, стр. 39), одновременное употребленіе двухъ флексій: „отчичє**мъ и дѣдич**о**мъ". О буковинскомъ начертаніи „крол**ю**вы" (чит. „кроль*о*вы") въ грам. 1436 г., параллельно съ „крол**є**вы"—см. предыдущую ссылку.

На помощь подоспѣла сюда и причина нефонетическая—аналогія твердаго различія, гдѣ, какъ мы знаемъ, окончанія заключаютъ въ себѣ звукъ *о* (срв. „поп*ó*ві“, „поп*ó*м“);—по образцу „поп*ó*ві“, „поп*ó*м“ можетъ явиться склонность—образовать формы „коваль-*ó*ві“, „коваль-*ó*м“. Повидимому, главную силу въ дѣлѣ возникновенія флексій ьові и ьом (вмѣсто еві и ем) имѣла именно эта вторая, нефонетическая причина.

Слѣдуетъ ли санкціонировать флексіи *ьо*ві и *ьо*м для литературной малорусской рѣчи,—наряду, конечно, съ *е*ві, *е*м? По справедливости, обѣ фонемы имѣютъ равное право на литературное узаконеніе. Не къ чему заставлять западныхъ малоруссовъ придерживаться, на письмѣ, лишь флексій *е*ві и *е*м, когда большая часть западныхъ малоруссовъ почти не знаетъ этихъ флексій и знаетъ лишь ь*о*ві и ь*о*м, и когда, съ другой стороны, флексіи ь*о*ві и ь*о*м не совсѣмъ чужды и для малоруссовъ восточныхъ. Вѣдь, повторяемъ, частенько звукъ *ьо*, а не *е*, слышится въ этихъ флексіяхъ даже въ области нарѣчія восточно-малорусскаго, даже въ центрально-украинскихъ говорахъ,—по крайней мѣрѣ, въ *не*ударныхъ флексіяхъ, гдѣ гласный звукъ, вслѣдствіе своей неударности, легче можетъ подвергнуться постороннимъ нефонетическимъ воздѣйствіямъ и лишиться своего стариннаго характера, чѣмъ звукъ ударный. Услышать, положимъ, ударное „коваль*ó*ві“, „коваль*ó*м“ (равно какъ: „царь*ó*ві“ и „царь*ó*м“, „нож*ó*ві“ и „нож*ó*м“, „палійо*ó*ві“, „палій*ó*м“; палїй=поджигатель) и тому подобныя формы прочихъ разрядовъ мягкаго склоненія—въ центральномъ Приднѣпровьи вообще трудновато; но услышать тамъ же—съ *не*ударными флексіями: „князь*о*ві“ и „князь*о*м“ (равно какъ „бóндар*о*ві“ и бóндар*о*м“, „товáриш*о*ві“ и товáриш*о*м“, „крáй*о*ві“ и „крáй*о*м“, и т. п.) — это сравнительно не рѣдкость и въ центральномъ Приднѣпровьи. Поэтому мы изъ своей грамматики наддніпрянской рѣчи не въ правѣ исключить дат.

мѣст. падежъ на *ьові* и орудный на *ьом* и не должны признавать единственно-законную силу только за окончаніями *еві* и *ем*, хотя они всюду въ Приднѣпровьи преобладаютъ.

§ 65. Замѣчаніе о непремѣнномъ окончаніи *ів* (и никогда не *еŭ!*) для род. мн. въ склоненіи м. р. по мягкому различію. Стариннѣйшая прарусская (общая и для предковъ малоруссовъ и для предковъ великоруссовъ) форма род. мн. мягкаго различія была вполнѣ сходна съ им. ед. Говорилось, напр., въ ед. ч.: „нашь вож [д] ь", „нашь манастырь", и такъ же говорилось во мн. ч.: „изъ нашихъ вож [д]ь" (=изъ нашихъ вождей), „изъ вьсихъ манастырь" (=изъ всѣхъ монастырей). Но еще въ XI вѣкѣ (болѣе раннихъ письменныхъ памятниковъ у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ) мы можемъ наблюдать, ка́къ и великоруссы и малоруссы (въ томъ числѣ восточные малоруссы - домонгольскіе кіевляне) стараются отдѣлаться отъ сбивчивой формы род. мн. на **ь**, а вырабатываютъ себѣ другія формы, болѣе рельефныя. У великоруссовъ, начиная по меньшей мѣрѣ съ XI вѣка, постепенно входитъ въ преобладающій обычай форма род. мн. на *еŭ*, заимствованная изъ т. н. ижеваго склоненія, и говорится: вожд*еŭ*, монастыр*еŭ* и т. п. А у малоруссовъ, тоже не позже XI вѣка (быть можетъ, и раньше,—но вѣдь болѣе-то раннихъ рукописей не дошло до насъ!) входитъ въ обычай окончаніе **въ**, т. е. такое же, какое было принято и въ твердомъ различіи. И вотъ, такимъ образомъ, въ старѣйшемъ восточно-малорусскомъ памятникѣ, кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1073 г., оказываются формы: врач**євъ** (л. 48 об., л. 105, л. 130) и мол**євъ** (л. 77 об.) *), а въ другомъ изъ самыхъ старыхъ восточно-

*) Къ свѣдѣнію русскаго читателя, который привыкъ считать слово „моль" родомъ женскимъ, надо сообщить, что по-малорусски это слово,—рода мужескаго (міль, род. мо́ля).

малорусскихъ памятниковъ, въ кіевскомъ Изборникѣ Святослава 1076 года, мы находимъ формы: вождєвъ (л. 7), ларєвъ (л. 272), въ соотвѣтствіи съ которыми нынѣшній кіевлянинъ скажетъ: врачі́в, мо́лїв, вождї́в, ларі́в (въ противность литературному русскому „врачей“, „молей“, „вождей“ „ларей“). Въ Житіи Θеодосія Печерскаго XII вѣка, списанномъ съ кіевскаго оригинала, находимъ: манастырєвъ (стр. 7 а.;=нынѣшнее вост. мр. „манастирів,“ русск. „монастырей“) *). Не мѣшаетъ, пожалуй, вспомнить и лѣтописныя формы: сторожовъ (л. 231 по Лаврент. сп.;=мр. „сторожів“, литер.-русск. „сторожей“), преятелєвъ (л. 296.=мр. „приятелї́в“, литер.-русск. „пріятелей“). По Ипатск. списку: днєвъ (228=нын. днї́в, русск. „дней“), Ол[ь]говичєвъ (230=мр. „Ол[ь]говичів“, литер.-русс. „Ольговичей“), Береньдичєвъ (216,=мр. „Берендичів“, литер.-русс. „Берендичей“). То же—въ старѣйшемъ червонорусскомъ памятникѣ, Словахъ Григорія Богослова XI вѣка: плачєвъ (л. 248:=мр. „плачі́в“, литер.-русск. „плачей“).

За исключеніемъ пяти словъ (съ формою: „людей“, „гостей“ и еще трехъ указанныхъ выше въ соотвѣтствующемъ примѣчаніи къ парадигмѣ склоненія имени „коваль“, § 63), которыя принадлежатъ къ совершенно особому, „ижевому“ склоненію, малорусскій языкъ вовсе не знаетъ окончанія *ей* для род. мн. муж. род. мягкаго различія. И на это долженъ обратить особое вниманіе тотъ, кто приступаетъ къ изученію малорусскаго языка со знаніемъ русскаго.

---

*) О звукѣ *а* въ „м*а*настир“ срв. ч. I, § 33.

§ 66. Слова къ упражненіямъ 4-го урока (№ 7-8).

забывчивый человѣкъ—забу́дько
большой мѣшокъ—лантух
олухъ—йо́лоп
утро—ра́нок (род. ра́нку)
утромъ—вра́нцї (=в ранцї, букв. „въ утрѣ")
приверженецъ, сторонникъ—прихи́л[ь]ник
грошъ—шаг (род. шага́) [1])
денежка, грошикъ, полкопѣечки—шажо́к (род. шажка́) [1])
Волынь (ж. р.)—Воли́нь (м. р.; род. Воли́ня, Воли́ню) [2])
примѣръ—при́клад, при́мір
напримѣръ—приміром, напри́клад, сказати б, (зап. на при́мір)
мочалка, тряпка изъ клоковъ соломы, и пр.—ві́хоть *)
красный, -ая, -ое—черво́ний, черво́на, черво́не
большой, -ая, -ое—вели́кий, вели́ка, вели́ке

---

[1]) Слово—персидское: „shâhî" (букв. „шахскій", „царскій")—названіе мелкой монетки. Русское же понятіе „шагъ" (passus) передается по-малорусски (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ) черезъ ступінь (род. ступеня́).

[2]) Употребляется и у малоруссовъ имя это въ родѣ женскомъ,—и не рѣже, чѣмъ въ мужескомъ (см. § 2, д.). Но такъ-какъ женскаго склоненія мы еще не касались, то беремъ здѣсь имя „Волйнь" въ склоненіи и родѣ мужескомъ.

*) Мы уже сообщали это слово выше, именно въ парадигмахъ склоненія, § 63. Здѣсь же мы отмѣтимъ глубокую малорусскую исконность этого слова. Такъ, въ Начально-Кіевской лѣтописи мы, напр., подъ 6579—1071 годомъ читаемъ: „отерься вѣхтемь", причемъ въ Ипатскомъ спискѣ это слово переписано вѣрно, а въ Лаврентьевскомъ спискѣ, какъ непонятное великорусскому переписчику-суздальцу, искажено на „ветъхомь". Такъ же въ Волынской лѣтописи (см. по Ипатскому списку, подъ 6796—1288 г.) есть это слово: „И views соломы в руку отъ постеля своєє рече: хотя быхъ ти.... тотъ вѣхєть соломы далъ, того не даваи по моємь животѣ никому же".

польскій, -ая, -ое—польський, пóльська, пóльське
старый, -ая, -ое—старий, старá,
старé (NB. удареніе!)
который-то, какой-то, одинъ—котрийсь,
котрáсь, котрéсь (род. котрóгось)
меня, тебя, себя—менé, тебé
себé, [3]), (удареніе на концѣ).
изъ меня, изъ тебя, изъ себя—з мéне,
з тéбе, з сéбе, (NB. удареніе!)
тебѣ, себѣ—тобí, собí, [4]).
его—йогó (удареніе на концѣ)
изъ него—з йóго, з ньóго, (NB. удареніе!)
ему—йомý
на немъ—на йóму, на ньóму (NB. удареніе!)
всѣ—всї, усї
каждый, -ая, -ое—кóжен (рѣже кóжний), кóжна,
кóжне [5])
слышать—чýти (чýю, чýєш, чýє, чýємо,
чýєте, чують)

---

[3]) Малорусская форма есть не только прарусская, но и праславянская. Русская же форма—новаго происхожденія.

[4]) § 67. Ужъ и въ наиболѣе старинныхъ памятникахъ, писанныхъ малоруссами, мы видимъ формы съ **о**, неизвѣстныя церковно-славянскому языку. Такъ, въ Кіевскомъ Изборникѣ 1073 г. мы находимъ: т**о**бѣ, въ т**о**бѣ (л. 163 об., л. 181 об., л. 182, л. 209), с**о**бѣ, въ с**о**бѣ и т. п. (л. 22, л. 127 об., л. 132 об., п. 162 об., л. 211, л. 223 об., л. 224 об., л. 235 об., л. 236, л. 236 об., л. 240 об., л. 263 об.). Въ Кіевскомъ Изборникѣ 1076 г. формы т**о**бѣ и с**о**бѣ встрѣчаются еще чаще. Лѣтописная рѣчь ими переполнена. Эти жъ формы были и вообще исконными прарусскими.

[5]) § 68. Въ отдѣльныхъ говорахъ произносятъ также: к*á*жен, к*á*жний (гдѣ звукъ **а** перенесенъ изъ старой формы множ. числа средн. рода и ед. числа жен. рода: **каждо**); но эта фонема (съ *а*) встрѣчается у малоруссовъ порѣже, чѣмъ болѣе архаичная фонема со звукомъ *о* (восходящимъ къ старому звуку **ъ** муж. рода ед. ч. и звуку **о** средн. рода ед. ч.). Согласный звукъ *д* въ этомъ

оставить—покинути (покúну, покúнеш, покúне, покúнемо, покúнете, покúнуть)
звать—звáти (зву, звеш, зве, звемó, звeтé, звуть) [6]).
избирать—обирати, обірати, см. ч. I, § 65, б. (обірáю, обірáєш, обірá(є), обірáємо, обірáєте, обірáють)
привезть—привéзтú (привезу, привезéш, привезé, привеземó, привезeтé, привезýть)
прыгать—плигáти (плигáю, плигáєш, плигá(є), плигáємо, плигáєте, плигáють) [7])
прибѣжать—прибíгти (прибіжý, прибіжиш, прибіжúть, прибіжимó, прибіжитé, прибіжáть)

мѣстоименіи отсутствуетъ какъ во всемъ восточно-малорусскомъ нарѣчіи, такъ и въ огромномъ количествѣ говоровъ западно-малорусскихъ, а поэтому нельзя оправдать стремленія галицкихъ литераторовъ—узаконить только свою локальную форму кождий и изгнать изъ литературной рѣчи общемалорусскую форму безъ *д* кóжний. Повидимому, они ее считаютъ за недостойный, противо-этимологическій вульгаризмъ, хотя она по памятникамъ даже *зап.*-мр. нарѣчія имѣетъ за собою почтенную древность. Встрѣчаемъ мы ее еще въ XIV вѣкѣ: со звукомъ **ѧ** — въ постановленіи 1347 года: **кѧжнаıа** (Акты зап. Россіи, т. I, 3, б), а со звукомъ **о** — въ Витовтовой грамотѣ 1383 года подолянину Василю Карачевскому: „и **кожн**ому доброму" (Голов. № 6, стр. 9). Но существовала эта форма съ **жн**, конечно, раньше XIV вѣка. Безъ *д*, просто со звукосочетаніемъ *жн.*, заимствовали отъ малоруссовъ и бѣлоруссовъ эту форму и литовцы, въ видѣ kożnas (эта литовская форма извѣстна мнѣ въ Сувалкской губ.—въ Маріямпольскомъ, Владиславовскомъ и Вылковишскомъ уѣздахъ, а въ Ковенской губ.—по Нѣману).

[6]) Спряженіе съ *о* (*зову*, *зовѐш* и т. д.) почти не употребительно.

[7]) О звукѣ *л* въ этомъ глаголѣ см. ч. I. § 91.

прибѣги! прибѣгите!—прибі*жи́*! прибі*жі*ть! [8])
стере*чь*—стере*гти* (стере*жу́*, стережéш,
стережé, стережемó, стережетé, стере*жу́*ть;
стере*жи́*! (срв. § 50, ссылку 4)
жечь—пе*кти́* (пе*чу́*, печéш, печé, печемó,
печетé, пе*чу́*ть; пе*чи́*!)
искусать—покусати (покусáю, покусáєш,
покусá(є), покусáємо, покусáєте, покусáють)
смазать, помазать—помасти́ти (пома*стю́*,
рѣдко помащу́ [9]), помасти́ш, помасти́ть,
помастимó, помаститé, помастя́ть; помасти́!)
почистить треніемъ, помыть треніемъ—
пошарувáти [10])
кликать, восклицать—гукáти (гукаю, гукаєш,
гукá(є), гукáємо, гукáєте, гукáють)

---

[8]) § 69. Такое спряженіе этого глагола (какъ, впрочемъ, вообще всѣхъ глаголовъ этого типа) извѣстно у восточныхъ малоруссовъ по самымъ раннимъ ихъ памятникамъ (XI в.). Оно, въ общемъ, совпадаетъ и съ церковно-славянскимъ спряженіемъ глагола **БѢЖАТИ**, гдѣ 1-ое лицо ед. ч. тоже звучитъ **БѢЖѪ**, (русск. „бѣгу"), и 3 л. мн. ч. **БѢЖАТЪ** (русск. „бѣгутъ"). Восточно-малорусская форма **БѢЖАТЬ** (не „бѣгутъ") оказывается и въ такомъ живонародномъ старокіевскомъ (или черниговскомъ) памятникѣ, какъ „Слово о Полку Игоревѣ" (конца XII вѣка). Что касается формы повел. н—нія **БѢЖИ**, то, если даже мы откажемся видѣть въ ней форму общую праславянскую, малорусская-то ея древность останется внѣ всякихъ сомнѣній: она, какъ мы уже указывали выше, засвидѣтельствована намъ кіевскимъ Изборникомъ Святослава 1076 года (см. § 50, ссылка 4-ая).

[9]) Существованіе малорусскихъ формъ 1-го л. съ непереходнымъ смягченіемъ, т. е напр. съ окончаніемъ т ю, а не съ ч у, мы можемъ наблюдать по письменнымъ памятникамъ, начиная съ XIII вѣка; а существовали онѣ, значитъ, раньше. Такъ, форма „насы*тю*ся" (1 л. ед. ч. отъ глагола „насытитися") вполнѣ ясно передана начертаніемъ буковинскаго болгарско-Софійскаго Евангелія XIII вѣка (во 2-ой припискѣ писца). Срв. „ѣ*ждю*"—Ипат. лѣт. (320, 347, 420).

[10]) Ш а р значитъ по-малорусски „пластъ", „слой". Отсюда ш а р у в á т и=снимать (грязный) пластъ,—посредствомъ тренія жесткой тряпкой, мочалкой, пескомъ и т. п.

м*ол*чать—м*ов*ча́ти (мовчу́, мовчи́ш, мовчи́ть, мовчимо́, мовчите́, мовча́ть)

дать себя знать—да́тися в знаки́ (букв. „даться въ знаки")

смотрѣть—диви́тися (дивлю́ся, ди́вишся, ди́виться, ди́вимося, ди́витеся, ди́вляться; пов. диви́ся! и диви́!)

родиться—уроди́тися, вроди́тися (вро*дю́*ся, рѣдко вро(д)жу́ся, вродишся, вро̀диться, вро́димося, вро́дитеся, вро́дяться)

забыть—забу́тися, позабутися (забу́дуся, забудешся, забудеться, забудемося, забу́детеся, забу́дуться)

надѣяться—сподїва́тися (сподїва́юся, сподїва́єшся, сподїва́ється, сподїва́ємося, сподїва́єтеся, сподїва́ються)

кружиться—крути́тися (кру*тю́*ся, рѣдко кручу́ся, кру́тишся, кру́титься, кру́тимося, кру́титеся, кру́тяться)

смѣшно (нарѣч.)—сьмі́шно (NB. удареніе!)

рѣдко—рі́дко, зрі́дка

большей частью —с-побі́л(ь)ша, здебі́л(ь)ша

масса, много—си́ла (нарѣч., съ род. пад.) [1])

---

[1]) Въ вост.-мр. говорахъ слово си́ла еще сохраняетъ свой первоначальный характеръ существительнаго и склоняется; такъ, восточные малоруссы говорятъ: він ма́є си́л*у* гро́шей (=онъ имѣетъ много денегъ, массу денегъ). Но у малоруссовъ западныхъ слово си́ла въ такихъ случаяхъ обыкновенно не склоняется и употребляется совсѣмъ какъ нарѣчіе количества, такъ-что они обыкновенно говорятъ: він ма́є си́л*а* гро́шей (или, болѣе архаично, він ма́є гро́шей си́ла). Срв. еще другія зап.-мр. выраженія: я йом*у́* ви́нен си́л*а* (=я ему очень много долженъ); а си́л*а* він хо́че? (=а много ли онъ хочетъ? сколько онъ хочетъ?) и т. п. По памятникамъ, несклоняемость этого слова извѣстна въ простонародныхъ галицкихъ интерлюдіяхъ Гаваттовича, напечатанныхъ латинскими буквами въ 1619 году: wynen sył*a* (=долженъ много). Въ склоняемомъ же видѣ слово **сила** со значеніемъ „множество" есть исконная малорусская особенность. Срв. въ Ипатьев. лѣтописи подъ 6658 (=1150) г.: „видиши ли народа *силу*"? (=множество народа).

вмѣстѣ—ра́зом, уку́пі, вку́пі.
завтра—*в*за́втра, *у*за́втра
до завтр*а*—до взàвтр*ього*
лучше (нарѣч.)—кра́ще, кращ
по-старомалорусски—по-старовкраї́нсь-
кому,-ськи
впрочемъ—а в тім, зре́штою
кое-гдѣ—поде́куди, де-не-де́
быть можетъ—мо́же
до сихъ поръ—до́сї (зап.-мал. до́си). Срв. § 50, ссылка 7.

Къ звуковой формѣ и составу нѣкоторыхъ вышеприведенныхъ словъ и формъ.

§ 70. Объ отвердѣніи малорусскихъ губныхъ (бь, пь, вь, мь,—срв. наси́*п*!=насыпь!) и о вставкѣ паразитной йоты (срв. в'яза́ти=*wj*azaty изъ „вязати" при русскомъ „*вя*зать")—см. кратко, но съ историческими справками, въ ч. I, § 13, а—в, подробно же—въ ч. I, § 75—76; въ § 77 указаны исключенія, типа „сь*вя*тий".—Въ ч. I, § 78—79 отмѣчено, въ положеніи послѣ губныхъ, чередованіе йоты—и мягкихъ *л* и *н*, по типу дере*в'я*ний=дере*вля́*ний, *м'я́*та=*мня́*та, и пр.

Взаимное чередованіе губныхъ отмѣчено, какъ старинное, въ ч. I, § 13, д. Для сознательнаго умѣнья отличать нелитературные локализмы отъ тѣхъ явленій этого рода, которыя приняты и въ литературной рѣчи, см. во-первыхъ ч. I, § 81—82, гдѣ указаны случаи взаимной мѣны губныхъ *в* и *м*, типа ли „ко́*в*нір" и ко́*м*ір" (=воротникъ), или совсѣмъ антилитературнаго типа „рі*м*но" (вм. литературнаго рі́*в*но=ровно); а во вторыхъ см. тамъ же §§ 83-84, гдѣ выяснено че-

редованіе *б* съ *м*, какъ литературнаго типа „*б*линці" и „*м*линці", такъ и недопустимаго въ литературѣ типа „срі*м*ний" (вм. с р і *б* н и й=серебряный).

§ 71. Свѣдѣнія о малорусскомъ спряженіи множ. числа наст. и буд. времени (напр., не*семó,* не*сетé*, не*сýть*, і біж*имó*, біж*итé*, біж*áть*) и объ отличіяхъ отъ русскаго спряженія—см. въ ч. I, §§ 110—112.—Тамъ же въ §§ 113-118 см. о повел. н—ніи (напр., біж*ú*! бі*жíть*!, си*n*! сúп*те*!), причемъ §§ 115—118 спеціально посвящены повел. н—нію *1-го л. мн. ч.* (напр., ходíм! бýд*ьмо*!), отсутствующему въ языкѣ русскомъ.

---

§ 72. Упражненіе 7-ое (Робóта сьóма).

Ковáлю! дасú взáвтра ухналя́ моєму хлóпчикові Грúцеві. А ти, Грúцю, чýєш, що я тобі кажу? чи, мóже забýдешся до взáвтрього? Прибіжиш сюдú? Бо з тéбе велúкий забýдько.—Та чýю ж, тату! Прибіжý взáвтра врáнці із стéпу, рáзом із Петрýсем, тай заберемó ухналя́ і нáшого пантухá з вівсóм, що ось покúнемо тут, а ковалéві дамó за ухналя́—шажкá.—По старовкраїнському март звáвся берéзіль [1]), апріль звавсь квíтнем, май—трáвнем, юнь—чéрвнем, юль—лúпнем, áвгуст—серпнем. Що звáлося по-церкóвному „январь, февраль", те в нас було „сíчень", „лютий". Церкóвний „сентябрь" звався в нас вéреснем, „октябрь"—жóвтнем, „ноябрь"—падолúстом, „декабрь"—грýднем, або стýднем. Подéкуди ще й дóсі в нарóді кáжуть сáме отáк. Та спобíлша ми тогó [2]) вже не чýємо;—скрізь по нарóді звуть оте́ [2]) все на церкóвний лад, тілки що вимовляють *р* твéрдо. Кáжуть, „янвáр, феврáль, (а чáсом—то й „хаврáль"!), март, апріль,

---

[1]) Корень слова, у малоруссовъ б е р é (беретъ) и з ї л л я (=зелень). Но болѣе старый корень—береза (въ мартѣ начало ея почекъ).

[2]) Перевести т о г ó черезъ „этого", а о т é черезъ „это".

май, юнь, юль, áвгуст, сентя́бр, октя́бр, ноя́бр, декáбр". Рíдко вже хто тепéречки скáже, що він, примíром, уроди́вся в чéрвні;—скаже: „в юнї". Хто людина вчéна, той пише чáсом: „февруар", „септéмбер", „октóбер", „новéмбер", „децéмбер";—так писав профéсор Драгомáнов і його прихи́лники.—Кýме Грицькý!—А що там, дрýже мій?—Ой, си́ла ж москалíв сьогóднї йшло! [3])... Але й сьміхý булó!—Чомý?—Бо однóму дýрневі, що стоя́в поміж парубкáми та диви́вся,—Івáсеві томý [4]),—сьмíшно стáло. І отó він гукá до котрóгось москаля́: „Москáлю! агóв, москáлю! Це ж на тобí [5]), мов на пíвневі, червóний грéбінь,...... тіко [6]) що на лóбі на овéчому!"—„Мовчи́! мовчи́, дýрню!" кáжуть йомý парубки́. А він ще крáще гукá [7]): „Мовчíть ви, а не я!.... Абó ходíмо, візьмíм вíхтя та пошарýймо москалéві грéбіня, вíхтем!...... — Почув це

---

[3]) Можно сказать и въ женскомъ родѣ: й ш л а, потому-что с и́ л а есть, собственно, существительное женскаго рода. Но говорится и въ среднемъ родѣ: й ш л о, потому-что (см. § 66, ссылку 11-ую) въ сознанiи говорящаго слово с и́ л а часто является просто нарѣчiемъ, иногда даже несклоняемымъ, въ смыслѣ „сколько"? ,—срв вышеотмѣченное зап.: „А с и́ л а ж г р ó ш е й в а м т р е б а?"="А сколько жъ (букв. „много ли") денегъ вамъ нужно?"

[4]) Т о м ý—это членъ. Оставить безъ перевода. (См. § 3).

[5]) § 73. Формы: м і н і́, т о б і́, с о б і́ не мѣняютъ своего ударенiя послѣ предлоговъ въ восточно-малорусскомъ нарѣчiи. Въ зап.-мр. нарѣчiи есть говоры (галицкiе), въ которыхъ и это случается, такъ-что тамъ говорится, напримѣръ, н а м и́ н ї, н а т ó б і н а с ó б і. Но это очень узкiй локализмъ, которому подражать нельзя, хотя вообще во всѣхъ п р о ч и х ъ мѣстоименныхъ формахъ, предлогъ обязательно влiяетъ на перенесенiе ударенiя (срв. с е б é —и д о с é бе); см. § 66.

[6]) Дiалектическое произношенiе вм. „тiлько".

[7]) Перевести „крáще"—русскимъ словомъ: „сильнѣе". „Щ е к р á щ е" и „щ е л ý ч ч е",—въ смыслѣ русскаго „еще сильнѣе", „еще болѣе",—употребляется очень часто.

москаль тай ка́же: „Диви́, йо́лопе, щоб я тобі́ віхтем ро́та твого́ пога́ного не пошарува́в!“ *).

---

§ 74. Упражненіе 8-е (Робо́та о́сьма).

— Волкъ и медвѣдь!—говоритъ муравей:—прочь съ дороги!—Мы тебя съѣдимъ, муравей!—говоритъ мед-

*) Русскій переводъ. Кузнецъ! дашь завтра подковный гвоздь моему мальчику-Гришѣ. А ты, Гриша, слышишь, что́ я тебѣ говорю? или, можетъ быть, забудешь до завтра? Прибѣжишь сюда? Ты вѣдь очень забывчивый мальчикъ.—Да слышу, папа! Прибѣгу завтра утромъ изъ степи, вмѣстѣ съ Петей, и возьмемъ гвоздь и нашъ большой мѣшокъ съ овсомъ, который, вотъ, оставимъ здѣсь, а кузнецу дадимъ за гвоздь полкопеечки.—По старомалорусски мартъ назывался „березель“, апрѣль назывался „квѣтнемъ“, май —„травнемъ“, іюнь—„червнемъ“, іюль — „липнемъ“, августъ—„серпнемъ“ Церковнымъ названіямъ: „январь“, „февраль“ у насъ соотвѣтствовали „сѣчень“, „лютый“. Церковный „сентябрь“ назывался у насъ „ве́ресень“, „октябрь“—„желтень“, „ноябрь“—„падолистъ“, „декабрь“—„грудень“, или „сту́день“. Кое-гдѣ еще и до сихъ поръ въ народѣ говорятъ именно такъ. Но большей частью мы этого ужъ не слышимъ;—вездѣ среди народа называютъ все это на церковный ладъ, съ тою разницей, что выговариваютъ *р* твердо. Говорятъ: „январъ февраль (а иногда—и „хавра́ль!“), мартъ, априль, май, юнь, юль, августъ, сентябръ, октябръ, ноябръ, декабръ„. Рѣдко ужъ кто-нибудь теперь скажетъ, что онъ, напримѣръ, родился „въ червнѣ“;—скажетъ: „въ *юнѣ*“. Если кто-нибудь—человѣкъ учившійся, тотъ иногда пишетъ: „февруаръ“, „септемберъ“, „октоберъ“, „новемберъ“, „децемберъ“; такъ писалъ профессоръ Драгомановъ и его сторонники.—Кумъ Григорій!—А что тамъ, другъ мой?—Ахъ, (какое) множество солдатъ сегодня шло!... Но (сколько) и смѣха было!—Почему?—Потому-что одному дураку, который стоялъ среди молодыхъ людей и смотрѣлъ,—ну, Ванѣ,—смѣшно стало. И вотъ онъ кричитъ къ одному солдату: „Солдатъ! Да вѣдь на тебѣ, словно на пѣтухѣ, красный гребень, вотъ развѣ что на лбу на овечьемъ!“—„Молчи! молчи, дуракъ!“ говорятъ ему парни. А онъ еще сильнѣй восклицаетъ: „Молчите вы, а не я!... А то пойдемъ, возьмемъ мочалу да и помочалимте солдату гребень мочалкой!“...... Услыхалъ это солдатъ и говоритъ: „смотри, олухъ, чтобы я тебѣ мочалкой рта твоего гадкаго не помочалилъ!“

вѣдь.—Анъ не съѣдите! я таковъ, что и медвѣдю и волку дамъ себя знать!—Есть у князей-Сангушко [1]) большой лѣсъ на Волыни, и привезли туда старому князю оленей. Смотри: вотъ они.—Почему жъ они такъ кружатся и прыгаютъ?—Да [2]) ихъ покусалъ „ґедзь“, оводъ [3]),—потому-то [4]) они отъ боли [5]) такъ и прыгаютъ. Вдобавокъ [6]), Петръ, живущій вонъ-тамъ въ шалашѣ и стерегущій ихъ [7]), взялъ да и безъ жалости смазалъ ихъ дегтемъ: надѣялся, что такъ [8]) будетъ лучше, а это [9]) жжетъ, какъ огнемъ.—Были времена, что поляки, или ихъ паны, избирали себѣ королей; впрочемъ, каждый польскій панъ былъ, себѣ, малымъ королемъ *).

---

[1]) § 75. При переводѣ поставить мн. ч. Малоруссы вообще не любятъ несклоняемыхъ фамилій и именъ, такъ-что даже иностранныя имена обращаются у нихъ, по возможности, въ склоняемыя. Напримѣръ имена кавказскихъ портовъ Туапсé и Сóчи склоняются у окрестныхъ украинцевъ одно какъ ед. ч. ср. рода (з Туапсá, в Туапсї, під Туапсéм), а другое—какъ мн. ч. (Сóчі, Сóчів, під Сóчáми). Славянскія же имена и фамиліи склоняются въ малорусскомъ языкѣ обязательно, и русскія обычныя выраженія вродѣ „господину-Короленко“, „князья-Сангушко“ глубоко противны малорусскому синтаксису.

[2]) Перевести: „потому-что“.

[3]) Поставить при переводѣ членъ, (см. § 3), сзади существительнаго.

[4]) Перевести: „то это“.

[5]) Перевести: „съ боли“.

[6]) Перевести: „А еще же“.

[7]) Объ избѣжаніи причастій см. § 59.

[8]) Добавить: „оно“.

[9])=„оно“.

*) Украї́нський перѐклад. Вóвче й ведмéдю!—кáже муравéль:—геть із шлях*у́*!—Мы тебé зйімó, муравл*ю́*!—кáже вéдмідь.—Ба не зйісте! Я так*и́*й, що й ведмéдеві і вóвкóві дáмсь у знак*и́*!—Єсть у князі́в Санг*у́*шків вел*и́*кий лі́с на Волúню,—і привéзл*и́* туд*и́* старóму кн*я́*зеві оленів. Див*и́*: ось вони—Чогó ж вон*и́* так кр*у́*тяться й плигáють?—Бо ї́х покусáв ґедзь, овад той,—то це вон*и́* з бóлю отáк плигáють. А ще ж і Петро, що сид*и́*ть отáм у курінї та стережé ї́х, уз*я́*в тай без жал*ю́* помаст*и́*в ї́х дьóгтьом: сподївáвся, що так вонó б*у́*де краще, а вонó печé, як огнéм.—Бул*и́* час*и́*, що поляк*и́*, або ї́х пан*и́*, обирали собі королі́в; а в тім, кожен пóльський пан був собі мал*и́*м королéм (или: з кóжного пóльського пáна був собі мал*и́*й корóль).—NB. О курсивѣ см. стр. 93.

Урокъ пятый.

(Продолженіе предыдущаго).

б) Склоненіе существительныхъ м. р. съ окончаніями ..ар (изъ ...арь) или просто ...р (изъ ..рь).

§ 76. Лѣвобережная близость склоненія именъ на *р* [*ь*] со склоненіемъ типа „*ковáль*".

На Лѣвобережьи этотъ типъ склоненія (за исключеніемъ словъ на *я*р) чрезвычайно близокъ къ предыдущему типу (склоненія „коваль"), тѣмъ болѣе, что даже форма именит. падежа звучитъ на Лѣвобережьи частенько съ полной мягкостью звука *р*, т. е. тамъ слышится, напр., произношеніе „кобзá*рь*" (=козацкій бардъ, играющій на кобзѣ), „буква*рь*",—точь-въ-точь съ такимъ же мягкимъ *рь*, какое звучитъ и въ языкѣ русскомъ.

Правда, въ огромномъ большинствѣ малорусскихъ говоровъ Приднѣпровья [1]) имен. падежъ произносится вполнѣ твердо (кобзá*р*, буквá*р*, зьві*р*, опи́*р*= „упырь", манасти́*р* и т. п.). Въ косвенныхъ падежахъ, однако, эти же приднѣпровскіе говоры вообще не теря-

[1]) а кромѣ того—во всемъ нарѣчіи западно-малорусскомъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ немногочисленныхъ горныхъ говоровъ.

ютъ способности произносить мягкіе эровые слоги ря, рю, и вообще могутъ не нарушать особенностей того типа мягкаго склоненія, къ которому принадлежитъ имя „ковáль" и прочія, склонявшіяся выше въ § 63. Слѣдовательно, косвенные падежи будутъ въ Приднѣпровьи звучать: кобзаря́ (какъ „коваля́")[2]), кобзаре́м (какъ „ковале́м"), кобзáрю! (какъ „ковáлю!„)и пр.

Гдѣ у восточныхъ малоруссовъ наряду съ „ковале́ві" и „ковале́м" слышится „коваль́ові" и „коваль́ом" (см. § 64), тамъ естественно, чтобы слышались и фонемы: „кобзарь́ові", „кобзарь́ом". Что касается центральнаго Приднѣпровья, которое избѣгаетъ ударныхъ флексій ьóві и ьóм, но съ сравнительной легкостью допускаетъ *не*ударную флексію ьові и ьом для предыдущаго склоненія (срв. „кня́зьом„ или „ві́хтьом"), то оно (центральное Приднѣпровье) естественно допускаетъ такую же неударную флексію и для соотвѣтствующихъ падежей словъ на *р*: напр. зьві́рьові, зьві́рьом (при зьві́реві, зьві́рем), ли́марьові, ли́марьом (при ли́мареві, ли́марем)[3])

§ 77. Осложненія.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ не къ чему выдѣлять склоненіе словъ м. р. на р[ь] въ особую группу, отличную отъ словъ типа „ковáль", скло-

---

[2]) Обращаемъ вниманіе, что слоги ря, рю, рьо надо читать безъ всякой вставки разчленяющаго йотнаго звука, т. е. нельзя ихъ читать за рйа, рйу, рйо, какъ это дѣлаютъ съ украинскими написаніями, напр., галичане, или поляки, не имѣя въ своей собственной рѣчи мягкаго рь. Украинцы же произносятъ свои слоги ря, рю, рьо или совсѣмъ такъ, какъ русскіе произносятъ свои слоги ря, рю, рё, или даже чуть-чуть потверже. Какое-нибудь украинское, скажемъ, кобзар*я́* звучитъ гораздо ближе къ кобзар*á*, чѣмъ къ кобзарйà.

[3]) Слово л*и́*мар[ь] значитъ „шорникъ", нѣм. Riemer. О появленіи здѣсь звука *л* вм. *р*, ради диссимиляціи со слѣдующимъ эровымъ слогомъ—см. ч. I, § 91—92.

неніе которыхъ нами разсмотрѣно выше, въ § 63. Но дѣло осложнено тѣмъ, что здѣсь замѣшанъ согласный звукъ *р*, а онъ въ сочетаніи съ гласными звуками (преимущественно съ *а*, *у*, *о*)—подверженъ у малоруссовъ, даже независимо отъ случаевъ склоненія, постояннымъ колебаніямъ.

Въ преобладающей части говоровъ восточно-малорусскихъ, отъ Кіевщины до Харьковщины, есть наклонность обращать твердые слоги *ра*, *ру*, *ро* въ мягкіе *ря*, *рю*, *рьо*,—напр., говорится „гр*я*ни́ця“ (=граница) вмѣсто „гр*а*ни́ця“. (См. ч. I, § 88). Въ преобладающей же части говоровъ западно-малорусскихъ и сѣверно-малорусскихъ есть обратная склонность—произносить прежнія мягкія сочетанія *ря*, *рю*, *рьо* твердо, т. е. за *ра*, *ру*, *ро*; напр., тамъ любятъ произносить: „пр*а́*мо“, „я гово́р*у*“ вмѣсто „пр*я́*мо“, „я гово́р*ю*“ (См. ч. I, § 87). Случается также, что въ одномъ и томъ же говорѣ, а вовсе не въ разныхъ говорахъ, замѣчаются одновременно обѣ склонности: въ иныхъ словахъ *ра* обращается въ *ря*, въ другихъ словахъ *ря* отвердѣваетъ въ *ра* и т. п.; и это—особенность малорусская исконная, извѣстная, напримѣръ, старѣйшему кіевскому памятнику, Изборнику Святослава 1073 года, гдѣ одновременно мы видимъ и отвердѣніе мягкихъ эровыхъ сочетаній и умягченіе твердыхъ эровыхъ сочетаній. (См. ч. I, § 11, г).

Что же могло получиться, въ силу этихъ западныхъ и восточныхъ мр. особенностей произношенія звука *р*, при склоненіи словъ м. р. на *р* [*ь*]? Получается крайняя путаница склоненій именъ твердаго и мягкаго различія, оканчивающихся одинаково на *р* (изъ рь и изъ ръ),—и въ результатѣ: имена на *р* мягкаго различія обогащаются формами, заимствованными изъ твердаго различія, а имена на *р* твердаго различія попадаютъ въ склоненіе по типу мягкаго различія. И выходитъ, что склоненіе малорусскихъ именъ на *р* есть самое трудное для

изученія и самое запутанное, изъ всѣхъ малорусскихъ склоненій.—Покажемъ, какъ это случается.

§ 68. Примѣры осложненій.

а) Такъ, если западный малоруссъ или сосѣдній съ нимъ правобережецъ или сѣверный малоруссъ произнесутъ (въ силу своей неспособности къ мягкому *р*) вмѣсто „кобзаря́"—„кобзар*á*", вмѣсто „кобзарю́"—„кобзар*ý*", вмѣсто „кобзарьóві"—„кобзар*ó*ві", вмѣсто „кобзаря́м, кобзаря́ми, на кобзаря́х"—„кобзар*á*м, кобзар*á*ми, на кобзар*á*х", то въ ихъ произношеніи получается рядъ падежныхъ формъ, невольно совпадающихъ по своимъ звукамъ съ формами различія твердаго (срв. „козак*á*, козак*ý*", и т. д., „комар*а*, комар*ý*" и т. д.). А если такъ, то у говорящаго является наклонность образовать и зват. падежъ отъ того же слова „кобзáр" по типу зват. падежа словъ твердаго различія: „козак", „комáр" и т. п., т. е. съ окончаніемъ *е*: кобзáр*е*! (такъ, какъ „комáр*е*!" „козáч*е*!" и пр.) *).

---

*) Не надо упускать изъ виду и того обстоятельства, что слова на **рь** имѣли еще въ старославянскомъ языкѣ большую наклонность смѣшиваться, въ формахъ своего склоненія, съ основами на *у* („*у*ковымъ склоненіемъ"),—слѣдовательно, еще въ старославянскомъ языкѣ имена на **рь** ужъ отступали отъ формъ мягкаго типа основъ на *о*. Вспомнимъ и то, что въ Синайскомъ глаголическомъ молитвословѣ попадается род мн.: **пастыръ** (съ **ъ**, а не съ **ь**), что въ Саввиной кирилицкой книгѣ есть орудн. мн.: **мытары**, а им. мн. во многихъ памятникахъ окончивается на твердое **є**, а не только на **и** (**мытаре** при **мытари**). Ниже мы увидимъ, что въ малорусскомъ языкѣ есть множество эровыхъ именъ, относительно которыхъ приходится сомнѣваться, восходятъ ли они къ общему старорусскому (да и къ праславянскому) **рь** или къ **ръ**, такъ-какъ есть данныя [въ родственныхъ славянскихъ языкахъ], одинаково говорящія и за принадлежность ихъ къ праславянскому или хоть старорусскому **рь**, и за принадлежность ихъ къ **ръ**.

б) Напротивъ, тѣ восточные говоры (преимущественно новороссійскіе и слободскіе), которые вмѣсто „рамка“ произносятъ „р*я́*мка“ и вмѣсто „грани́ця“ произносятъ „гр*я*ни́ця“, склонны бываютъ вмѣсто правильныхъ окончаній р а, р а х, р а м и др. произнести р *я*, р *я* х, р *я* м и пр. Поэтому вмѣсто общемалорусскаго (и этимологическаго притомъ) „кома*ра*“ мы у нихъ часто слышимъ „комар*я́*“, вм. общемалорусскихъ формъ „комар*а́*м, комар*а́*ми, в комар*а́*х“ мы у нихъ слышимъ „комар*я́*м, комар*я́*ми, в комар*я́*х“. Отсюда, по аналогіи, остается одинъ шагъ до того, чтобы этимъ малоруссамъ (особенно же тѣмъ изъ нихъ, которые форму им. пад. „кобза́р“ произносятъ вполнѣ твердо) существительное „комар“ показалось принадлежащимъ вполнѣ къ мягкому различію (т. е. именно къ типу „кобза́р“) и чтобы отъ него были образованы и другія падежныя формы по парадигмѣ мягкаго различія, т. е. „комар*е́*ві, комар*е́*м, кома́р*ю*!“ и мн. ч. „комар*і́*“. А гдѣ им. пад. существительнаго „кобза́р“ произносится за „кобз*арь*“, тамъ и для „кома*ря́*“ возникаетъ новый им. падежъ: „кома́*рь*“.

Такому же переходу въ мягкое различіе изъ первоначальнаго различія твердаго легко подвергаются въ тѣхъ говорахъ еще многія другія слова на твердое *р* (изъ *ръ*). напр., „са́х*ар*“, „база́*р*“. „узва́*р*“ (=компотъ изъ плодовъ), „трахт*ир*“ (по аналогіи съ „манасти́*р*“) и т. п., и возникаютъ новыя формы: „са́ха*рю*“, „база́р*е*ві“, „під самова́р*е*м“ или „під самова́р*ьом*“ и т. д., по парадигмѣ соотвѣтствующихъ формъ отъ „кобза́р“.

Въ свою очередь нѣкоторыя спеціально твердоразличныя падежныя формы склоненія именъ: „кома́р“, „са́хар“ и прочихъ (напр., зв. пад. кома́р*е*! са́хар*е*!) вліяютъ въ тѣхъ говорахъ на соотвѣтствующія падежныя формы смѣшавшагося съ ними склоненія имени: „кобзар“,—и вотъ на ряду съ прежней мягкоразличной формой „кобза́р*ю*!“ возникаетъ въ тѣхъ говорахъ новая: „кобза́р*е*!“,—

слѣдовательно та же, какая самостоятельно новообразовалась и въ зап.-мр. нарѣчіи, хотя, какъ мы выше видѣли, инымъ путемъ: тамъ—черезъ отвердѣніе словъ на **рь**, а здѣсь—черезъ умягченіе словъ на **ръ**.

в) Къ вышеизложеннымъ какъ-ни-какъ фонетическимъ вліяніямъ прибавляется рядъ вліяній совсѣмъ нефонетическихъ, —вліяній чисто по аналогіи,—которыхъ мы здѣсь заранѣе исчислять не будемъ (они многочисленны и случайны), но которыя сильно помогаютъ твердоэровымъ именамъ переходить въ категорію мягкоэровыхъ, а мягкоэровымъ — переходить въ категорію твердоэровыхъ.

г) Итакъ, въ однихъ вост.-мр. говорахъ замѣтно порядочное стремленіе обращать прежнія мягкосклоняемыя имена на *р* въ твердосклоняемыя, а въ другихъ—тоже порядочное обратное стремленіе: включить —напротивъ— въ разрядъ мягкосклоняемыхъ вообще всѣ имена на *р*, хотя бы они происходили и изъ *ръ*. И тѣ и другіе говоры перекрестно и съ успѣхомъ вліяютъ на рѣчь центральнаго Приднѣпровья, принятую нами за грамматическій критерій, а при ея посредствѣ скрещиваются также другъ съ другомъ.

Процессъ смѣшенія далеко не закончился, и трудно предсказать, какія формы со временемъ возобладаютъ среди всѣхъ восточныхъ малоруссовъ.

Покамѣстъ, напримѣръ, можно признать, что, положимъ, т х і р (=тхоръ, хорь, хорекъ) вполнѣ перешло всюду въ твердое различіе (тхор*á*, тхор*ó*ві и пр.) и что зв. пад. „кобзáр*е*!“ (заимствованный изъ твердаго различія, по типу „комáр*е*!“) есть для насъ такая же нормальная общеукраинская форма какъ и „кобзáр*ю*!“— и тѣмъ не менѣе относительно словъ „комáр“, „сáхар“, „самовáр“, „трактúр“, „дóктор“, „губернáтор“ и прочихъ, несомнѣнно вліявшихъ на возникновеніе формы „кобзáр*е*!“, можно покамѣстъ признать, что наи-

болѣе нормальное для нихъ правило—склонять ихъ по исконному **твердому** различію, (комар*á*, комар*ó*ві, комар*ó*м; мн. ч. комар*и́*), а не по мягкому, такъ-какъ склонять ихъ по мягкому различію будетъ все же локализмъ.

Однако, возможно ждать, что современемъ мягкофлексійныя формы „комар*я́*“, „з базáр*ю*“, „за самовáр*е*м“, „сáхар*е*ві“ (едва ли однако „дóхтор*е*ві“ или „губернатор*е*ві!“) сдѣлаются общемалорусскими и перестанутъ быть локальными. Тогда и въ грамматику придется ихъ внести, какъ обычную норму, а „комар*á*“, „з базáр*а*“, „за самовáр*о*м“, „сáхар*о*ві“ и пр. придется признать тогда уже за архаичный локализмъ. Покамѣстъ, этого еще нѣтъ.

Сдѣлавши эти общія **предварительныя** замѣчанія, которыя позволятъ читателю оріентироваться въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи, мы принуждены разсмотрѣть крайне запутанное украинское склоненіе именъ на *р* не иначе, какъ разбивши ихъ всѣ на нѣсколько категорій (**ар** и **ир**, **яр**, **ір**, **ур** и **юр**, **ер**, **ор** **ьор**).

I. Кобз*á*р, манаст*и́*р.

§ 79. **Образецъ нормальнаго склоненія словъ м. р. на** *р* **по мягкому различію** (главнымъ образомъ на *ар*[*ь*] и *ир*[*ь*] безъ *яр* и безъ пр.)

Мы просклоняемъ: кобз*áр* (=кобзарь, пѣвецъ козацкихъ думъ, играющій на кобзѣ), **букв***áр* (=букварь), имѣющее неударную флексію **лі́***кар* (=врачъ), **багат***и́р* (=богачъ), а также стоящее особнякомъ отъ прочихъ именъ на **ір** имя **зьві***р* (=„звѣрь“ въ единичномъ и собирательномъ смыслѣ; вообще „животныя“).

Единств. число. Однина.

I. им. кобза́р (рѣже кобза́рь)
буква́р (рѣже буква́рь)
лі́кар (рѣже лі́карь)
багати́р (рѣже багати́рь)
зьвір (рѣже зьві́рь)*)

II. род. кобзаря́ **)
букваря́ **)
лі́каря **)
багатиря́ **)
зьві́ря **)

*] Слово „зьвір“ есть одно и, быть можетъ, единичное слово на *ір* (изъ ...ѣрь), склоняющееся по мягкому различію. Большая же часть словъ на *ір* перешла теперь всецѣло въ твердое различіе, да и зьвір часто сбивается въ Приднѣпровьи на твердое различіе (зьві́р*а*, зьві́р*ові* и т. д.). Въ зап.-мр. нарѣчіи это слово бываетъ и ж. рода, т. е. говорится „вся́ка зьвір“ (срв., напр., у буковинца Федьковича). Что касается его точнаго смысла въ малорусскомъ языкѣ, то оно не означаетъ обязательно дикихъ животныхъ, какъ въ русскомъ языкѣ, но наоборотъ—можетъ обозначать и просто животныхъ (напр., кошекъ, собакъ, а въ зап.—даже лошадей, коровъ), что соотвѣтствуетъ и первоначальному этимологическому смыслу корня этого слова. Единичный смыслъ придается этому слову рѣже, чѣмъ собирательный (срв. в лі́сї ба*га́*то зьві́р*я*“=въ лѣсу много звѣре*й*). Для обозначенія одного существа обыкновенно употребляется слово ж. р. „зьві*ри́на*“ (=животное), ср. р. „зьвір*я́*“ (род. „зьвір*я́ти*“=животное), ж. р. „зьвір*ю́ка*“ (=звѣрь). Замѣтимъ при случаѣ, что русскому (вѣрнѣе, старо-славянскому) неуклюжему слову „животное“ соотвѣтствуетъ по-малорусски чаще всего слово того же корня ср. р: „жив*е́*“, „все жив*е́*“, которое не напоминаетъ своими звуками о двусмысленномъ „животѣ“. (По старославянски **животъ** значило „жизнь“, но теперь въ русск. и мр. языкахъ оно значитъ нѣчто другое; впрочемъ и по старославянски слово ср. р. „**животьное**“ въ смыслѣ animal едва ли было когда-нибудь простонароднымъ: оно—очевидный книжный переводъ съ греческаго τὸ ζῶον =„живое“).

**) Еще разъ напоминаемъ (см. § 76, вторая сноска), что написанные ря, рю, рьо содержатъ въ себѣ лишь мягкость звука *р*, но не йотацію гласныхъ звуковъ, т. е., что ря=рьа (а не рйа), рю=рьу (а не рйу), рьо=рё (а не рйо).

III. дат. кобзаре́ві (зап. кобзарьо́ві)
ръже кобзарю́

букваре́ві (зап. букварьо́ві)
ръже букварю́

лі́кареві (ръже лі́карьові)
ръже лі́карю

багатире́ві (зап. багатирьо́ві)
ръже багатирю́

зьві́реві (зап. зьві́рьові)
ръже зві́рю

IV. вин. кобзаря́

буква́р
букваря́ (неодушевл.)
лі́каря
багатиря́
зьві́ря

V. зв. кобза́рю! (ръже: кобзарю́!)
кобза́ре!

буква́рю́!
буква́ре!

лі́карю
лі́каре

багати́рю́!
багатире́!

зьві́рю!
зьві́ре!

VI. ор. кобзаре́м (зап кобзарьо́м)
букваре́м (зап. букварьо́м)
лі́карем (ръже лі́карьом)
багатире́м (зап. багатирьо́м)
зьві́рем (ръже зьві́рьом)

VII мѣст. на кобзарі́
на кобзаре́ві (зап. на кобзарьо́ві)
на кобзарю́

в букварі́
в букваре́ві (зап. в букварьо́ві)
в букварю́

на лі́карі
на лі́кареві (рѣже на лі́карьові)
на лі́карю

на багатирі́
на багатире́ві (зап. на багатирьо́ві)
на багатирю́

на зьві́рі
на зьві́реві (рѣже на зьві́рьові)
на зьві́рю

Множ. число. Множина.

I. им. кобзарі́
букварі́
лі́карі́
багатирі́
зьві́рі́

II. род. кобзарі́в
букварі́в
лі́карі́в
багатирі́в
зьві́рі́в

III. дат. кобзаря́м
букваря́м
лі́каря́м
багатиря́м
зьві́ря́м

IV. вин. кобза*рів*
рѣдко кобза*рі*
буква*рі*
лїка*рів*
рѣдко ліка*рі*
багати*рів*
рѣдко багати*рі*
зьві*рів*
зьві*рі*

V. зв. сходенъ съ именительнымъ.

VI ор кобзар*ями*
буквар*ями*
лїкар*ями*
багатир*ями*
зьвір*ями* *)

VII мѣст. на кобзар*ях*
в буквар*ях*
на лїкар*ях*
на багатир*ях*
на зьвір*ях*

---

*) Существуетъ еще рѣдкій вост.-мр. орудный падежъ этого лова: „зьвір-*мй*“. Это—потому, что слово „зьвір“ (**ѕвѣрь**) нѣкогда принадлежало не къ тому склоненію, къ какому слово, напр, „кобзарь“, а къ особому ижевому (типа ж. р. „кость“) и имѣло род. пад. звѣр и, дат.—звѣр-и и т. д., слѣдомъ чего донынѣ остается переходъ (что, б. м., есть и архаичное сохраненіе) этого слова въ зап.-мр. говорахъ (у буковинца Федьковича, напримѣръ) изъ рода мужскаго въ родъ женскій. Мы ужъ указывали, что тамъ говорится „всяка зьвір“, а не только „всякий зьвір“. Оттого и ор. пад. мн. числа имѣлъ форму „**ѕвѣрьми**“ (какъ **ѕатьми, костьми**). Но теперь въ вост.-мр. нарѣчіи слово „зьвір“ всецѣло склоняется какъ „букв*á*р“,—и форма орудн. падежа „зьвір-*мй*“ настолько слышится рѣже, чѣмъ „зьвір*я́*ми“, что я счелъ невозможнымъ помѣстить слово „зьвір“ въ урокъ объ ижевомъ склоненіи, а отнесъ его къ нынѣшнему уроку.

§ 80. Имена́ категоріи *кобза́р*, *лі́кар*.

По образцу кобза́р, буква́р, лі́кар склоняются вообще всѣ тѣ имена, окончаніе которыхъ происходитъ изъ старославянскаго или, по крайней мѣрѣ, изъ прамалорускаго **арь** и которымъ соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ окончаніе арь.

а) По типу лї́кар (съ неударнымъ ар) склоняются, напримѣръ: пе́кар (=пекарь, булочникъ), хлїбопе́кар (=булочникъ), кра́мар (= лавочник), пи́сар (= писарь), ли́цар, (=рыцарь; зап. мр. ри́цар; Ritter), ли́мар (=шорникъ, сыромятникъ; зап. мр. ри́мар, Riemer) [1]), то́кар (= токарь), слю́сар (= слесарь),бля́хар (=жестяникъ; зап.-мр. „бляха́р“), ору́дар (=руководитель, заправила), плуга́тар (=пахарь-плужникъ), повода́тар (= вожатый, проводникъ,—напр. у слѣпцовъ) [2]), бли́ндар (=проводникъ у слѣпыхъ нищихъ, нѣм. Blinder), цви́нтар (=кладбище), ві́втар (=алтарь. олтарь) и др.

б) По образцу словъ кобза́р и буква́р склоняются съ ударнымъ а́р (изъ **арь**): ца́р (=царь), бунта́р (=бунтовщикъ), дзвона́р (=звонарь), палама́р (=пономарь) [3]), чинба́р (=кожев-

---

[1]) По поводу вост.-мр. звука *л*, появляющагося вмѣсто *р* ради цѣлей диссимиляціи съ сосѣднимъ *р*, см. ч. I, §§ 91—92.

[2]) Нѣкоторые интеллигенты (а, быть можетъ, кто-нибудь и изъ крестьянъ) пріурочиваютъ суффиксъ двухъ послѣднихъ словъ къ иностранному суффиксу тор [срв. губернатор, арендатор) и передѣлываютъ ихъ на „плуга̀т*о*р“. и „повода́тор“. Надо этого тщательно избѣгать въ грамматической рѣчи (срв. ниже).

[3]) Па*л*ама̀*р* происходитъ изъ греческаго „па*р*амона̀*р*ь“ παραμονάριος, причемъ первое *р* обратилось въ *л* для расподобленія со слѣдующимъ эровымъ слогомъ (см. ч. I, §§ 91—92). Съ буквою **л** пишется это слово и въ церковныхъ рукописяхъ,— напр., въ Торжественникѣ XVI вѣка Румянц. музея № 434, л. 9 (описан. у Востокова. стр. 664—681): „преподобнаго Архиппа, па*л*омонаря храма архангела Михаила“.

никъ), чоботáр (=сапожникъ-чеботарь), псáр =псарь). народ. жандáр (= жандармъ; гал. шандáр), косáр=(косецъ), книгáр (= книготорговецъ, книгопродавецъ), инт. байкáр (=баснописецъ), зап. онучкáр (=старьевщикъ), шинькáр, (=кабачикъ), календáр или каляндáр (= календарь; зап. „каля́ндар"), сухáр (=большой сухарь) *), тягáр (=грузная тяжесть, бремя), чагáр (=кустарная заросль), хабáр (=взятка), словáр (=словарь) **), лїхтáр (=фонарь; зап. = подсвѣчникъ), каламáр (=чернильница) ***), линтвáр (=овчина съ молодыхъ овецъ), и т. д.

в) Сюда же по своему склоненію относятся и существительныя на чáр (изъ стáриннаго—чарь); которыя въ русскомъ языкѣ вполнѣ отвердѣли и оканчиваются на чаръ; напр. ганчáр (=гончаръ; стар. „гръньчарь"), вівчáр (=овчаръ, овечій пастухъ), діал. вост. бочáр (=бочаръ; = обще-мр. „бóндар") и пр., косвенные падежи которыхъ имѣютъ обязательную форму: ганчаря́, ганчаре́ві, ганчаре́м, бочаря́, бочаре́ві, бочаре́м и т. д (хотя по-русски: гончара́", „бочара́" и т. д.).

г) Сюда же относится слово мн. ч.: парí (=всходы, молодой зеленый взошедшій хлѣбъ), род. паріе, дат. паря́м и т. д., которое формально происходитъ впрочемъ едвали отъ м. р. ед. ч. „пар" (твердосклоняемаго), —скорѣе отъ ж. р. „пар[ь]; срв. и по русски род.

---

*) Небольшой сухарь,—напр. къ чаю,—называется уменьшительно: сухаре́ць.

**) Кстати сказать: чаще употребляется въ этомъ же смыслѣ слово „словни́к". Замѣтимъ, что повидимому выдуманное Пискуновымъ непріятное слово „словни́ця" осталось не извѣстно народному языку, да и въ литературныи обиходъ не вошло.

***] Слово „чорни́лиця" [ж. р.] тоже въ ходу. Что касается слова каламар, то оно происходитъ отъ арабско-персидтурецкаго калàм или каля́м, означающаго очиненное перо. или пишущую тростинку; впрочемъ самое калям могло быть старымъ сиро-арабскимъ заимствованіемъ изъ греческаго [κάλαμος= стебель].

пад. „пáрéй“ (не паровъ) *). Слѣдовательно, п а р *і* склоняются въ сущности не по типу „букварí“, а по типу мн. ч. существительныхъ ж. р. на *ь*, такихъ напримѣръ, какъ ж. р. т в á р (=фізіономія; рѣже=русск. „тварь“, „созданіе“).

§ 81. Б ó н д а р,

Слово бóндар[ь] (изъ **бѫдьнарь**, а, можетъ быть, и изъ **бѫдьнꙗрь**, нѣм. Büttner;=букв. „изготовщикъ бодней“, а оттуда—вообще бочаръ)—почти всюду въ малорусскомъ языкѣ совершенно отвердѣло и склоняется почти всюду, даже въ центральномъ Приднѣпровьи, по твердому различію (бóндар*а*, бóндар*ові*, бóндар*ом* и пр.). Случилось это, вѣроятнѣе всего, потому, что произшедшая здѣсь перестановка звукосочетанія *дн* въ звукосочетаніе *н д* заставила малоруссовъ забыть о связи этого слова съ „бóдня“, а значитъ и съ именами профессій на а р ь **). Какъ грамматическую норму для вост.

*] Срв. также по-малорусски слово ж. р. „óпар[ь]“=паръ, идущій изъ земли [напр., „пісьл*я́* дощ*у́* пішлà силнà óпар“= послѣ дождя стало сильно парить].

**] Если же у этого слова первоначальной формою было „бóдн*ярь*,“ то здѣсь могъ дѣйствовать и тотъ законъ объ отвердѣніи, который имѣетъ силу при склоненіи существительныхъ съ неударнымъ *яр* (см. § 88).—Что касается причинъ перестановки *дн* въ *нд*, то, повидимому, здѣсь не осталось безъ вліянія старинное теперь забытое слово б о н д а (=имущество), которое своимъ значеніемъ воздѣйствовало на слово „бодня“. Б о д н е ю (нѣм. Bütte кадка, при старомъ верхненѣмецкомъ Butinna и среднемъ верхненѣмецкомъ Büte, Büten) называется, какъ извѣстно, такая кадка, къ которой придѣлывается крышка и замокъ и въ которой хранятся, какъ въ сундукѣ, всякіе пожитки—домашнія вещи, болѣе цѣнная провизія (напр., сало) и т. п. Что же называлось б ó н д о ю, на этотъ счетъ изслѣдователи не пришли къ соглашенію; проф. Грушевскій, напр., склоненъ подозрѣвать въ ней имущество недвижимое („Історія України Руси,“ т. V, ст. 111), основываясь на сбивчивомъ контекстѣ одного постановленія 1529 года; но вѣрнѣе, что б ó н д а означала просто „пожитки“, и что именно такъ надо понимать соотвѣтствующее мѣсто въ (болѣе раннемъ) „Судебникѣ Казиміра“, гдѣ положено, чтобы за кражу, совершенную челядникомъ-паробкомъ, „заплатити бондою его“ („а не будеть бонды—инач господарь его за него заплатить“,—см. текстъ въ Христоматіи проф. Владимірскаго-Буданова, II, § 19); такіе изслѣдователи старорусскаго права, какъ проф. Леонтовичъ, проф. Владимірскій-Будановъ и др., понимаютъ „бóнду“ именно въ смыслѣ движимаго имущества. Повидимому, слова б ó д н я и б о н д а находятся въ смысловой связи между собою.

нарѣчія приходится принять твердосклоняемость этого слова. Но жаль было бы совсѣмъ изгнать изъ литературной рѣчи старинныя, не всюду вымершія мягкія формы: „бóнда*ря*“, „бóнда*реві*“, зв. „бóнда*рю*!“ и пр.

§ 82. **Имена на *ар* съ безусловно предпочтительной твердосклоняемостью.**

а). Напротивъ: относительно словъ типа комáр, базáр, сáхар, самовáр, пожáр, узвáр, навáр, шаравáри (=шаровары) *) и тому подобныхъ, происходящихъ изъ старыхъ словъ съ окончаніемъ **аръ** (а не **арь**), мы уже констатировали (см. § 78, г). что склонять ихъ по мягкому склоненію—это будетъ локализмъ. Наиболѣе обычно для нихъ въ живой рѣчи (а потому должно быть признано и за грамматическую норму) склоненіе по различію твердому,—что согласно вдобавокъ и съ ихъ исконной этимологіей, т. е. надо писать: сáхар*а* (сáхар*у*), сáхар*ові*, сáхаром, мн. ч. сáхар*и* и пр. Мягкія формы („сáхар*ю*“, „із сáхар*ем*“ и т. п.) могутъ быть допускаемы въ литературную рѣчь развѣ для стильнаго изложенія съ мѣстной окраской, ради бóльшей простонародной колоритности.

б) Изъ всѣхъ тѣхъ словъ только „комáр“ можетъ съ бóльшимъ или меньшимъ правомъ претендовать, чтобы его сравнительно частыя формы, образованныя по мягкому склоненію (комар*я́*, комар*éві*, з комар*éм*) внесены были въ украинскую грамматику какъ формы, вполнѣ равноправныя съ комар*á*, комар*óві*, з комар*óм* и пр.

*) Звукъ *а* послѣ *р* въ словѣ шар*а*вàри заимствованъ малоруссами прямо изъ стариннаго восточнаго произношенія этого (персидскаго) слова. Срв. древнегреч. передачу этого же слова: σαράβαροι, σαράβαλλα,—даже съ удареніемъ на ρα. Въ н. вр. это слово произносится на востокѣ „шáльвâр“ въ два слога.

в) Не мѣшаетъ замѣтить, что и въ тѣхъ говорахъ, которые любятъ обращать „са́харъ“ и т. п. слова въ въ „сахарь“ и т. п., остается все еще рядъ словъ на **аръ**, донынѣ не переходящихъ въ склоненіе по различію мягкому. Это—слова на **ръ** преимущественно односложныя, односложность которыхъ слишкомъ мѣшаетъ породиться той иллюзіи, будто окончаніе а р есть въ нихъ такой же суффиксъ, означающій профессію, какой имѣется, напримѣръ, въ „кобз-арь“ и какой влечетъ за собою мягкоразличную падежность. Таковы: ж а р (=горячіе уголья), ч а р (=оч*ар*ованіе, волшебство), в д а р (=ударъ), равно какъ я р (=оврагъ) *) и двусложное т о в а́ р (=товаръ, въ частности=скотъ) **). Въ тѣхъ самыхъ говорахъ, гдѣ слышится „з база́р*ю*“, поется пѣсня: „Яр*ом*, яром, долиною-я́р*ом*—перели́то доріженьку ча́р*ом*“ (=Оврагомъ, оврагомъ, долиной-оврагомъ путь-дороженька перерѣзана разлитымъ волшебствомъ“).

§ 83. Имена категоріи *багати́р*. Устойчивость ихъ склоненія.

По образцу б а г а т и́ р склоняются вообще всѣ имена и р, окончаніе которыхъ восходитъ къ мягкому **рь**, какъ напримѣръ: м а н а с т и́ р (=монастырь), о п и́ р (=упырь), к о́ з и р (=козырь), к у ш и́ р (=водяной жабникъ. Potamogeton crispus, также Ceratophyllum demersum),

---

*] Изъ j-а р. Это слово, заимствованное нами отъ тюрковъ, существуетъ въ вост.-мр. нарѣчіи искони. Срв. въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“: „Пути имъ вѣдоми, яругы знаемы“, „вълци по яругамъ“ и пр., причемъ „яруга“ есть передѣлка тюркскаго „ярык“, или „ярук“. Но и болѣе короткое слово я р (того же тюркскаго корня) извѣстно стало нашимъ предкамъ очень давно. Въ Золотой Ордѣ была мѣстность „Червленый яръ“, упоминаемая, напр., въ митрополичьей грамотѣ ок. 1334 г. (изд. въ „Актахъ историч.“. т. I, № 1, по списку XVI в.).

**) Слово—тюркское, заимствованное славянами, быть можетъ, еще въ общеславянскую пору.

проводи́р (=руководитель, вожакъ, „лидеръ“), бобі́р (=рыбка-пискарь), пухи́р (=пузырь), пу́стир (пустырь), пожалуй—и чмир (=хмѣлекъ; діал. гуляка) *) и т. п.

Если же въ словахъ на ир окончаніе не

---

*] § 84. Повидимому слово чмир есть ничто иное, какъ турецкое чамыр [=грязь, осадокъ и т. п.]. Слѣдомъ первоначальнаго турецкаго значенія является употребленіе слова чмир въ обиходѣ украинскихъ шерстобитовъ: они называютъ чмыромъ тѣ коротенькіе клочки шерсти, которые во время сукноваляльнаго толченія прилипаютъ къ пестамъ и къ стѣнамъ ступы. Затѣмъ чмир (=осадокъ) стало означать: „охмѣленіе“, „похмѣлье“ (срв. по фран. grisé=подвыпившій, подъ хмѣлькомъ, отъ gris=сѣрый); и это самое обыкновенное его значеніе. Возможно, что переходъ значенія отъ „грязнаго осадка“ къ „похмѣлью“ у малоруссовъ и не совершался самостоятельно, а есть такъ же прямое заимствованіе изъ турецкаго языка. (Во всѣхъ восточныхъ языкахъ понятія „грязный осадокъ“ и „похмѣлье“ смѣшиваются). Но съ другой стороны—совершенно ясно, что турецкое чамыр совпало у малоруссовъ съ ихъ очень старымъ (общеславянскимъ) словомъ чємєрь, которое въ церковно-славянскомъ языкѣ означало „отрава“ (напр., для стрѣлъ) и сохранило донынѣ этотъ смыслъ во многихъ славянскихъ языкахъ, причемъ часто примѣнялось къ одурманивающему зелью Helleborus (=чемерица). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ извѣстно оно и у малоруссовъ; имѣетъ оно у нихъ (какъ и у хорватовъ) смыслъ „тошнота“; а въ частности—у малоруссовъ употребляется слово „че́мер“ (у галичанъ „че́мір“) со значеніемъ „сосущая боль въ животѣ“ (то, что нѣмцы называютъ Katzenjammer), или, какъ въ зап. Украинѣ, со значеніемъ „гнетущая ломота въ спинѣ“ (срв. у Чубинскаго, I, 1, 57). Очень трудно не признать, что малорусское чмир, одновременно означающее и тошноту отъ похмѣлья и грязный налетъ въ сукноваляльной ступѣ, есть результатъ взаимодѣйствія и сліянія двухъ словъ: турецкаго чами́р и славянскаго (прамалорусскаго) „че́меръ“.

Что касается вопроса о мягкости или твердости конечнаго турецкаго звука р, то надо замѣтить, что онъ діалектически не совсѣмъ твердъ и у тюрковъ вообще, и у турокъ въ частности. Хотя тюркологи обыкновенно и не отмѣчаютъ этого явленія, но я лично наблюдалъ его во многихъ говорахъ Малой Азіи (отъ Смирны до Батума), отчасти и въ Константинополѣ, кромѣ того въ сильной степени въ нѣкоторыхъ говорахъ Бессарабіи и Херсонщины (у армянъ, говорящихъ между собою по-турецки). Срв. впрочемъ и печатныя замѣчанія у моего друга—проф. Март. Гартмана—въ будапештскомъ журналѣ Revue Orientale (иначе Keleti Szemle), т. I, который обращаетъ вниманіе на переходъ тюркскаго р въ йоту (напр., на границѣ Малой Азіи и сѣв. Сиріи, гдѣ онъ отмѣчаетъ бі или бій вм. обычнаго бір=1).

восходитъ къ р ь, то такія слова сплошь склоняются по твердому различію, и перехода въ мягкое различіе вообще не замѣчается; таковы, напримѣръ, с и р (=творогъ, род. с и́ р у, дат. с и́ р о в і и пр.), зап. в и р (=водоворотъ), ж и р (=жиръ; трефовая масть), зап. ч и р (родъ кваши; разболтанная мукою вода, заимств., д. б., съ Балканъ; вар. д ж е р, д з е р); п и р (=пиръ; чаще говорятъ „бе́нькет“), м и р (=миръ), р о́ з м и р (=нарушеніе перемирія), Ж и т о́ м и р (=г. Житомиръ на Волыни) и т. п.,—все по твердому различію.

Въ этомъ отношеніи слова́ на и р (изъ ръ) не представляютъ обыкновенно такого колебанія, какъ слова на а р; правда, что большая часть такихъ словъ—односложна **). Двухсложному нѣмецкому Traktier (=трактиръ) соотвѣтствуетъ или очень вульгарное т р а х т и́ р[ь] (со звукомъ *х!*), склоняющееся по различію мягкому („трахти́ря“ и т. д.), или интеллигентное т р а к т и́ р, т р а к т і́ р (со звукомъ *к*), склоняющееся по различію твердому (трактира, тракти́рові.)

§ 85. Словъ на і р, склоняющихся по типу з ь в і р, т. е. по мягкому различію, кажется, больше нѣтъ. Всѣ прочія слова на і р всецѣло перешли въ твердое различіе; но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, мы должны разсмотрѣть полутвердое склоненіе словъ на я р.

**) Нѣкоторое несоотвѣтствіе съ тѣмъ, что выше сказано. можетъ представлять слово в а н ь к и́ р (=зап.-мр. а л ь к и́ р), т. е, часть „хаты“, отдѣленная „грубою“ (голландскою печью) и служащая спальней; иначе „кімна̀та“. Склоняется это слово по т в е р д о м у различію, тогда какъ польское alkierz свидѣтельствуетъ о первоначальномъ р ь. Быть можетъ, малороссы заимствовали это слово безъ всякаго польскаго посредства, а прямо съ востока. (По-арабски слово, означающее уголъ, приблизительно звучитъ „аль-кырне“ или „аль-кöрне“, но почему-то принято сближать слово „алькир“ съ „альковъ“, по-араб. „аль-кöббе).—Такъ же слово ч м и р, упомянутое выше, иногда склоняется по твердому различію, если имѣетъ техническое значеніе: „налипшая шерсть въ сукноваляльной ступѣ“. Очевидно, въ этомъ послѣднемъ случаѣ слишкомъ хорошо отражается происхожденіе этого слова отъ турецкаго „ч а м ы р“.

II. Муляр.

§ 86. Предварительныя замѣчанія по поводу склоненія словъ м. р. на яр. Законъ диссимиляціоннаго отвердѣнія. Его последствія.

а) Большей части малорусскихъ именъ на -яр (-яр = ярь) или соотвѣтствуютъ или свободно могли бы соотвѣтствовать въ русскомъ языкѣ имена съ окончаніемъ -ярь или-арь. Таковы: шкляр (=стекольщикъ, русск. вульг. „стеклярь") *), зап. сідля́р (=сѣдельникъ, русск. возможное „сѣдлярь"), коминя́р, коміня́р (= трубочистъ, какъ бы „каминарь"), зап. голя́р (=цирюльникъ, „голярь"), муля́р (=каменьщикъ, „мурарь"), зап. каменя́р (=каменотесъ, „каменярь"), зап. кітля́р, вост. котля́р (=мѣдникъ, „котлярь"), зап. різьбля́р (зап.-мр. різьбя́р=рѣзчикъ, ваятель, „рѣзьбярь"), зап.-мр. газетя́р (=газетчикъ), и т. п. имена профессій, особенно изобильныя въ нарѣчіи западно-малорускомъ, и небольшое количество именъ неодушевленныхъ орудій вродѣ зап. вахля́р (=вѣеръ) **). Къ нимъ же, ниже увидимъ—почему, относятся по своему склоненію и всѣ прочія малорусскія имена на -яр, хотя бы въ русскомъ языкѣ имъ соотвѣтствовало твердое окончаніе -яръ,—напримѣръ, школя́р (=ученикъ, школьникъ, срв. русск. „шко-

*) Звукъ ш слышится въ этомъ словѣ чаще, чѣмъ звукъ с. Причина—польское вліяніе (срв. szkło, szklarz). Все таки кое гдѣ еще существуетъ форма скляр,—напр. въ Полтавщинѣ (см. технич. словарь В. Василенка, стр. 13).

**) По-нѣмецки Fächer. Существуетъ болѣе славянское слово для названія того же предмета: віяло (ср. р.).

ляръ"), м а л я́ р (=живописецъ, художникъ,—срв. русск. „маляръ"), с т о́ л я́ р (=столяръ) и т. п. *).

б) Отличительная особенность склоненія именъ на -я р (восходящихъ въ общемъ къ **ѧрь**)—это та, что здѣсь дѣйствуетъ особый восточно-малорусскій фонетическій законъ, который мы назовемъ закономъ д и с с и м и л я ц і о н н а г о (т. е. какъ бы „расподобительнаго") о т в е р д ѣ н і я **). Онъ сводится къ тому, что,—напримѣръ въ падежныхъ формахъ имени „му*ля́р*" (=каменщикъ),——ожидаемыя мягкія окончанія -р*я́*, -р*ю́*, -р*я́*м, -р*я́* м и, -р*я́* х (въ ожидаемыхъ формахъ: „муляр*я́*", „муляр*ю́*" и т. д.), имѣя передъ собою предпослѣдній слогъ л *я*, гдѣ тоже содержится мягкій гласный звукъ *я*, диссимилируются („расподобляются") и отвердѣваютъ, т. е. обращаются въ -р*а*, -р*у*, -р*а*м, -р*а* м и, -р*а* х. Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемой мягкоэровой фонемы м у л я р *я́* ***), всѣ сплошь восточные малоруссы произносятъ безусловно твердоэровую фонему: м у л *я*-р*а́*; вмѣсто „муляр*ю́*"—м у л *я* р*у́*; вмѣсто „муляр*я́*ми"—м у л *я* р*а́* м и; вм. „муляр*я́*м" и „в муляр*я́*х"—м у л *я*-р*а́*м и в м у л *я* р*а́*х. Въ тѣхъ изъ вост.-мр. говоровъ, гдѣ им. пад. способенъ при другихъ условіяхъ оканчиваться на *рь* (срв. степное „кобза́рь", „мана́сти́рь"), законъ диссимиляціоннаго отвердѣнія не позволяетъ формѣ имен. падежа остаться въ видѣ -*я* р*ь*, такъ-что въ тѣхъ говорахъ произносится вполнѣ твердое: м у л *я́р*" „ш к л *я́* р" (*не* „мулярь," „шклярь") при одновре-

---

*) Они одинаково хорошо могутъ восходить и къ старорусскому р ь и къ р ъ.

**] Мнѣ кажется, что онъ не чуждъ и русскому языку. Въ этотъ законѣ легче всего нашли бы свое объясненіе русскія твердо-эровыя имена типа „столяръ" и „бочаръ" (изъ болѣе стараго „бо́ча́рь"), и „кочегаръ" (изъ болѣе стараго "кочерьгарь").

***) Въ нѣкоторыхъ архаическихъ говорахъ она и на самомъ дѣлѣ существуетъ.

менномъ мягкоэровомъ произношенiи: к о б з *á* р ь, м а н а с т *й* р ь.

в) Что же осталось въ такихъ существительныхъ отъ прежней ихъ полной принадлежности къ мягкому различiю? Остались специальныя мягкоразличныя формы только для дат. падежа (ш к л я р *é* в і), оруднаго (ш к л я р *é* м) и им. мн. (ш к л я р *í* =стекольщики). Все прочее въ ихъ склоненiи совпало съ формами, образуемыми въ склоненiи словъ по различiю твердому (типа к о з á к).

Вотъ почему, при такихъ условiяхъ, совершенно легко и всецѣло примкнули къ склоненiю этой же группы и поколебали даже небольшой ея мягкоразличный остатокъ (-р е в і,—р е м,-р і) всѣ прочiя имена на я р, (по происхожденiю чуть ли не всѣ—иностранныя), прежняя флексiя которыхъ, вѣроятно, колебалась между **рь** и **ръ**,—каковы, напримѣръ, вышеприведенныя слова: м а л я́ р (нѣм. Maler, польск. malarz, т. е. „маля**рь**, русск. „малярь"), ш к о л я́ р (нѣм. Schuler, польск. szkolarz= =„школя**рь**, русск. „школярь"), с т ó л я́ р (польск. stolarz =столя**рь**,=русск. „столярь"). Они такъ тѣсно слились съ именами типа ш к л я р (изъ „стькля**рь**), с і д л я́ р (изъ „седьля**рь** или „сѣдьлярь)*) и тому подобными, что

---

*) Собственно говоря, и слово „седьляр" едва ли можетъ считаться славянскимъ. Вѣроятнѣе всего, что **СѢДЬЛО** надо считать заимствованiемъ изъ нѣмецкаго языка (Sattel, стар. Satal, Satul), и „седьлярь"—сопоставлять съ Sattler. Тѣмъ не менѣе слово „седьлярь" принадлежитъ, повидимому, къ категорiи тѣхъ заимствованныхъ эровыхъ именъ, въ которыхъ эровое окончанiе сразу же оказалось у славянъ м я г к и м ъ **рь** и не имѣло колебанiя между **рь** и **ръ**, въ противность судьбѣ именъ типа Maler на славянской почвѣ.

въ настоящее время мы не имѣемъ никакихъ основаній разсматривать ихъ малорусское склоненіе отдѣльно *).

г) Само собою однако понятно, что мы не должны включать въ этотъ деклинаціонный разрядъ рѣзко иностранныя слова или имена собственныя на яр, не успѣвшія натурализоваться у малоруссовъ. Французское имя Абеляр или испанское Кастельяр всегда должны склоняться не иначе, какъ всецѣло по твердому различію. Равнымъ образомъ французское слово foulard (—т. н. фуляровый платокъ), если мы его захотимъ употребить въ малорусской рѣчи въ видѣ фуляр, то мы должны будемъ склонять вполнѣ твердо; сама народная рѣчь учитъ насъ этому, не желая обращать аналогичное слово кав'яр (=икра, Caviar) въ мягкосклоняемое (по малорусски говорится: з кав'яр*о*м, а не з кав'яр*е*м).

§ 87. Образецъ наиболѣе частаго и нормальнаго склоненія именъ на *яр съ ударной флексіей.*

Ед. ч. Однина.

I. им. муля*р* (=каменщикъ)
школя*р* (=ученикъ, школьникъ)
зап. вахля*р* (=вѣеръ)

---

*) Если же вѣрна моя догадка (§ 86, б, сноска), что и въ русскомъ языкѣ имѣлъ силу (по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ) законъ диссимиляціоннаго отвердѣнія и что русское „столяръ“ тоже происходитъ изъ „столярь“, то и для общерусскаго періода не придется предполагать, чтобы склоненіе предка имени „стóляр“ чѣмъ-нибудь отличалось тогда отъ склоненія предка имени „сїдляр“.— Впрочемъ, весь этотъ вопросъ можетъ очень просто быть разрѣшенъ тѣмъ (правдоподобнымъ) предположеніемъ, что русскій языкъ заимствовалъ свои твердоэровыя слова на -яръ (столяръ, школяръ и т. п.) отъ малоруссовъ или отъ бѣлоруссовъ (литовскихъ руссовъ) тогда, когда эти слова уже у нихъ обратились въ твердоэровыя.

II. род. мулярá
школярá
вахлярá,

III. дат. { мулярéві (часто мулярóві)
рѣже мулярý

{ школярéві (часто школярóві)
рѣже школярý

{ вахлярéві (часто вахлярóві)
рѣже вахлярý

IV. вин. мулярá
школярá

{ вахля́р
вахлярá

V. зв. { муля́ре!
муля́ру!

{ школя́ре!
школя́ру!

{ вахля́ре!
вахля́ру!

VI. ор. мулярéм (часто мулярóм)
школярéм (часто школярóм)
вахлярéм (часто вахлярóм)

VII. мѣст. { на мулярí
на мулярéві (часто на мулярóві)
на мулярý

{ на школярí
на школярéві (часто на школярóві)
на школярý

на вахлярí
на вахлярéві (часто на вахлярóві)
на вахлярý

Множ. число. Множина́.

I. им. муляр*і́* (рѣже муляри́)
школяр*і́* (рѣже школяри́)
вахляр*і́* (рѣже вахляри́)

II. род. муляр*і́в*
школяр*і́в*
вахляр*і́в*

III. дат. муляр*а́м*
школяр*а́м*
вахляр*а́м*

IV. вин. { муляр*і́в*
{ рѣдко муляр*і́* (рѣже муляр*и́*)
{ школяр*і́в*
{ рѣдко школяр*і́* (рѣже школяр*и́*)
вахляр*і́* (рѣже вахляр*и́*)

V. зв. сходенъ съ именительнымъ

VI. ор. муляр*а́ми*
школяр*а́ми*
вахляр*а́ми*

VII. мѣст. на муляр*а́х*
на школяр*а́х*
на вахляр*а́х*

Какъ видимъ изъ этихъ образцовъ, даже очень устойчивый и типичный признакъ мягкаго склоненія,—окончаніе множ. ч. на *і́*,—успѣлъ въ склоненіи именъ на яр значительно пошатнуться: наряду съ „муляр*і́*" можно бываетъ услышать и „муляр*и́*"; наряду со „школяр*і́*"—„школяр*и́*". Всетаки чаще мы слышимъ въ этомъ случаѣ мягкій звукъ *і*, а не твердое *и*. Замѣтимъ, что флексія при этомъ даже ударна (а вѣдь ударность ея содѣйствовала бы скорѣе сохраненію мягкости).

§ 74. А ужъ если флексія бываетъ неударна, то имена съ неударнымъ окончаніемъ яр обыкновенно переходятъ въ твердое склоненіе цѣликомъ. Хорошій

примѣръ для провѣрки такого перехода--слово с т о л я р, которое произносится тó съ удареніемъ на ля́р, то съ удареніемъ на с т ó; это колебаніе ударенія случается даже въ одномъ и томъ же говорѣ. Имѣя ударенiе на послѣднемъ слогѣ, слово с т о л я́ р часто образуетъ свои дат. и орудн. падежи на é в і, é м (с т о л я р *é* в і, с т о л я р *é* м (наряду, разумѣется, со с т о л я р *ó* в і, с т о л я р *ó* м), а мн. ч.—с т о л я р *í* (наряду, конечно, со с т о л я р *и́*). Но имѣя удареніе на с т ó, слово с т ó л я р образуетъ въ дат. и ор. падежахъ чуть ли не во всѣхъ говорахъ только одну форму: с т ó л я р *о* в і, с т ó л я р *о* м, а во множ. числѣ с т ó л я р *и*.

Сюда же относится, съ неударной флексіей, слово т á л я р (=талеръ, извѣстная монета), у котораго, кстати сказать, окончаніе я р гораздо болѣе обычно, чѣмъ окончаніе е р (чѣмъ т а л е р): т á л я р можетъ считаться вполнѣ перешедшимъ теперь въ твердое различіе (т á л я р *о* в і, т á л я р *о* м, т á л я р *и*) *), хотя еще въ XVIII вѣкѣ принадлежало къ различію мягкому **).

Подозрѣваю, что къ этой же категоріи именъ съ неударнымъ окончаніемъ я р относилось нѣкогда и то слово, которое теперь звучитъ у восточныхъ малорусовъ б ó н д а р, а у западныхъ—б ó д н а р (см. § 81), и которое, кажется, звучало прежде **бъдьнѧрь**.

---

*) Удареніе во мн. ч. частенько звучитъ на предпослѣднемъ слогѣ: т а л я́ р и. Ср. отъ з л ó д і й (—воръ)—мн. ч. з л о д і́ ї. Вѣроятно, въ этихъ переносахъ удареній дѣло не обошлось безъ вліянія польскаго.

**) Это съ несомнѣнностью видно изъ того, что въ XVIII вѣкѣ считали возможнымъ образовывать для этого слова письменную форму род. мн. на *ей*: „талярей". См., напр., въ записи 1735 года (Ивана Малашкевича)—„Кіев. Старина" 1898, ноябрь, отд. II, стр. 36. По-польски talar—твердосклоняемое, по-русски талеръ—тоже.

III. Комір.

§ 89. Склоненіе словъ на *ір*. Въ самой тѣсной генетической связи со склоненіемъ именъ на яр (такихъ, какъ шкляр, стóляр и т. п.) находится склоненіе имень м. р. на ір. Но въ степени своего отвердѣнія оно пошло болѣе радикальнымъ темпомъ. Всѣ имена на *ір* (кромѣ зьвір) оказываются склоняемыми сплошь по твердому различію, т. е. по типу козáк, хотя бы ихъ *р* восходило съ несомнѣнностью къ рь. Какое-нибудь, положимъ, кóмір (=воротникъ) склоняется въ соотвѣтствующихъ падежахъ такъ: кóмір, кóмір*а*, кóмір*ові*, кóмір*е*!, кóмір*ом*; мн. ч.: кóмір*и*, кóмір*ам*, кóмір*ами*, на кóмір*ах*. Услышать въ этихъ формахъ *р* мягкое почти нигдѣ ужъ теперь нельзя.

Прекращеніе мягкосклоняемости именъ на *ір* состоялось у малоруссовъ около XV вѣка. Грамоты первой половины XV в. свободно еще употребляютъ мягкоразличныя формы вродѣ „жолнирєвъ“ (напр. въ буков. господарской присягѣ королю 1438 г.=Улян. № 51, стр. 57), но памятники XVI вѣка уже показываютъ, что въ живой малорусской рѣчи имена на *ір* отличались въ своемъ склоненіи отъ именъ мягкосклоняемыхъ, напр., на *ар (ь)* [1]).

[1]) Такъ, въ Магдебургскомъ уставѣ 1516 г. вписанномъ въ книгу кіевской городской думы 1542—1608 г. (№. 3503, л. 14= Антонов. и Козловск. № 25, стр. 49), мы сперва читаемъ: „золотар*ей*“—и въ той же строкѣ: „кушнер*овъ*“. Ясно, что въ рѣчи писаря слово „золот*арь*“ было мягкосклоняемымъ, и оттого онъ считалъ возможнымъ и естественнымъ примѣнять для этого слова письменную форму род. мн. на *ей*; если жъ отъ „кушн*ѣр*“ онъ не рѣшился написать род. мн. на *ей*, то это доказываетъ, что въ живой рѣчи писца слово „кушнѣр“ было твердосклоняемымъ.

§ 90. **Составъ именъ на *ір*. Преобладаніе именъ, восходящихъ къ ръ, надъ восходящими къ рь.**

а) Какъ же могло случиться, что всѣ имена на *ір* перешли въ разрядъ твердосклоняемыхъ?

Причинъ—нѣсколько. Для выясненія первой изъ нихъ мы должны проанализировать составъ нынѣшнихъ малорусскихъ именъ на *ір*.

б) Необходимо замѣтить, что среди именъ на ір имѣется два наиболѣе интересныхъ типа.

I. Одинъ типъ—тѣ имена, въ которыхъ звукъ *р* восходитъ къ рь, причемъ и звукъ *і* (въ звукосочетаніи *і*р) строго проходитъ, сверхъ именительнаго, по всѣмъ падежамъ. Таковы кóмір (зап. кóвнїр, діал. кóмнїр,=воротникъ)*), зап. жóвнїр (діал. жóмнїр, жóмір;=солдатъ), кушнíр (=скорнякъ, особенно же скорнякъ-овчинникъ), маштàлíр, (=конюшій; возница съ бичемъ), я́тір, или архаичнѣе в'я́тīр (=родъ верши; литовск. venteris, польск. więcierz), стар. можджíр, или моздíр (діал. мущíр;=мортира; также= ступка), стар. платнíр (=изготовитель панцырей), забываемое вост.-мр. дзиґлíр

*) Болѣе старая (теперь забываемая) форма этого слова есть кó*вн*їр; она обратилась въ кó*мн*їр (тоже теперь форму рѣдкую), а слогъ—мнї—черезъ стадію—мйі—обратился въ мі,—и такъ получилось наиболѣе обычное (можно сказать, общемалорусское) слово кó*м*ір. Напротивъ, зап. слово жó*вн*їр (=солдатъ) наиболѣе обычно съ *вм*; гораздо рѣже оно слышится въ видѣ жó*мн*їр, жó*мйі*р и жó*м*ір. Мѣна между сочетаніями мнь и мй органически любима малорусскимъ языкомъ; срв. ім'я (=і*мй*а) и і*мн*я при русскомъ „имя“ (чит. „і*м*ьа), м'який (чит. *мй*акий) и *мн*який при русскомъ мя́гкій (чит, „*м*ьàхкый“); см. объ этомъ явленіи ч. I, §§ 78—79. Что же касается взаимной мѣны *в* и *м* (кó*в*нір кó*м*ір), то о ней см. ч. I. §§ 81—82.

(= изготовитель деревянныхъ стульевъ — „дзиґлей") **), зап.-мр. католическое шкáплїр (=кусочекъ святой ризы или святого покрова, скапулярій) ***) и т. п.

II. Другой интересный типъ на ір — это тѣ имена, у которыхъ звукъ *р* восходитъ къ твердому **ръ**. У большинства ихъ звукъ *і* слышится только въ именит. падежѣ ед. ч., а въ прочихъ падежахъ имѣется звукъ *о*. Таковы: двір (род. двóру, дворá;=дворъ), вéчір (род. вéчора;=вечеръ), вúбір (род. вúбору; =выборъ), збір (род. збóру;=сборъ), недобір (род. недобóру; = недочетъ, дефицитъ), гóвір (род. гóвора;=говоръ, діалектъ), хýтір (род. хýтора;=хуторъ, дача), я́вір (род. я́вора; = Acer pseudoplatanus, дерево изъ породы кленовыхъ; украинскій чинаръ), тáбір (род. тáбору;=таборъ, лагерь), докíр (род. докóру;=упрекъ) и пр. Такое ихъ окончаніе *ір*, со звукомъ *і* въ им. пад., укрѣпилось на

**) Прежде это слово было на Украинѣ въ бóльшемъ ходу, о чемъ свидѣтельствуетъ и названіе поселенія „Дзикглїрíвка" въ Полтавщинѣ (Константиноградскаго уѣзда, возлѣ Шляховскаго сахарнаго завода). „Дзи́кглемъ", или (—это обыкновенно) „дзи́кгликомъ", т. е. формой уменьшительной, называется въ приднѣпровскихъ частяхъ Кіевщины, Черниговщины и Полтавщины деревянный стулъ; срв. польск. ze*d*el (=скамья), уменьш. ze*d*lik, и нѣмецкое Sie*d*el (=сидѣніе; употребл. теперь преимущественно въ составныхъ именахъ); срв. также вульгарное нижне-нѣм. Se*tt*el (=стулъ, кресло; литерат. Sessel). Мѣна между звуками *г* и *д*— обычное малорусское явленіе, извѣстное еще изъ лѣтописно-кіевской домонгольской рѣчи; см. ч. I, § 14, в; также см. у меня въ „Древнекіевскомъ говорѣ" гл. III, стр. 9—16 (отт. изъ „Извѣстій" Академіи Наукъ, 1906).

***) Слово „шкàплїр" у малоруссовъ-уніатовъ, какъ и szkaplerz у поляковъ, употребляются исключительно въ священномъ смыслѣ. У другихъ славянъ это слово имѣетъ и болѣе широкій смыслъ. Срв. хорватское sklopar (=капюшонъ), которое произошло изъ итальянскаго scapolare, при воздѣйствіи глаголовъ sklópiti (=сложить) и zaklópiti (=закрыть).

рубежѣ XV—XVI вв.; до того же времени такія слова звучали въ имен. падежѣ съ окончаніемъ уир, уор (напр. „двуор“, или „двуир“; „вéчуор“, или „вéчуир“), а въ XI—XII вв. даже съ окончаніями оръ, и еръ.— Другія такія исконно-твердоэровыя имена на *ір* сохраняютъ звукъ *і* и въ косвенныхъ падежахъ, потому-что онъ восходитъ къ ѣ. Такъ, изъ именъ на *ір* съ твердымъ по своему происхожденію окончаніемъ *р* (ръ), но уже съ *не*исчезающимъ въ косвенныхъ падежахъ звукомъ *і* (ѣ), сюда къ этому второму исконно-твердоэровому типу относятся имена вродѣ зáмір (=намѣреніе, замыслъ), нáмір (=намѣреніе), примір (=примѣръ), и т. п., а съ нѣкоторой натяжкой какъ разъ сюда же придется присоединить слово кóлїр (род. колїру;=цвѣтъ), въ которомъ происхожденіе косвеннопадежнаго звука *і* можетъ возбуждать толкованія разныя, но эровое окончаніе котораго во всякомъ случаѣ восходитъ къ ръ твердому.

III. На рубежѣ между именами съ первоначальнымъ эровымъ окончаніемъ мягкимъ (типа кóмір) и именами съ первоначальнымъ эровымъ окончаніемъ твердымъ (типа двір) стоитъ немногочисленная третья группа на *і р*, содержащая въ себѣ тѣ имена, относительно которыхъ возможно нѣкоторое сомнѣніе: не было ли ихъ окончаніе въ стариннѣйшій общерусскій періодъ колеблющимся между рь и ръ? Это такія имена, какъ тхір (род. тхóрá; = хорь, тхоръ) *), м. р. кір

---

*) Хотя русское „тхоръ“ есть вполнѣ твердосклоняемое, но польское tchórz и чешское tchoř содержатъ въ себя *р* смягченное, да и въ старорусскихъ рукописяхъ попадается написаніе вин. мн. дхорѣ (извѣстно въ XIV в.) съ окончаніемъ мягкаго различія. Корень этого слова—дъх (тотъ же, что и въ глаголѣ дúхати), и русское мягкосклоняемое „хорь“ получилось повидимому изъ то-

Filmed by Preservation NEH 1994